

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**Columbia University
in the City of New York**

THE LIBRARIES

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

1862

І Ю Л Ъ

(ГОДЪ ВТОРОЙ)

ВЫШЕЛЪ 2 АВГУСТА

СОДЕРЖАНІЕ

Очерки прошлаго. Моншеры. А. Чужвинскаго.	5
Состояніе исторической науки и новѣйшіе историче- скіе труды во Франціи. Владиміра Фукса.	73
Недоброе мѣсто. Письма доктора М. С... съ южнаго при- брежья Каспія. Статья первая.	121
<i>Идемъ въмѣстѣ у березы...</i> Стих. В. В. Крестовскаго . . .	170
Съ береговъ Рейна. П. Новицкаго	171
Изъ римскихъ элегій Гете. Стих. В. В. Крестовскаго.	182
Странствіе Чайльдъ-Гарольда. Романъ въ стихахъ лорда Байрона. Перев. Аполлона Григорьева.	183
Моя юность. (Изъ однихъ записокъ). М. Воронова.	217
Воспоминанія Бѣглеца. (Очерки американскихъ нравовъ). Соч. Гильдрета. (Въ особомъ приложеніи)	65
Непотребныя буквы. (Изъ записокъ корректора). К. Су—ва.	239

СМ. НА ОБОРОТѢ

ПЕТЕРБУРГЪ

1862

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. НЕКРАСОВА. АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА.	1
ГЕЛЕРТЕРСТВО И ПРАКТИКА: Труды русскаго энтомологическаго общества въ Петербургѣ. Книжка первая. 1861 г. Н. Арнольда	47
О МИРОВЫХЪ СУДЬЯХЪ. (По поводу «Писемъ изъ деревни» Сумарокова, «Отеч. Зап.») П. Ткачева	83

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе	1
Австрийско-турецкія дѣла. — Бомбардированіе Бѣлграда. — Приготовленія славянъ. — Числительная сила сербскаго войска. — Надежды славянъ	3
Итальянскія дѣла. — Палермская рѣчь Гарибальди. — Пренія о ней въ туринскомъ парламентѣ.	19
Французскія дѣла. — Путешествіе императора. — Процессъ Васселя. — Мексиканскій походъ.	22
Последнія извѣстія	33

НАШЕ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Потребность отдыха. — Отличительныя черты нынѣшняго дѣла. — Противопожарная дѣятельность одесскаго городского общества. — Причина холода. — Холодныя вѣсти съ юга: отсутствіе <i>косошцы</i> ; возвращеніе переселенцевъ. — Вѣсти съ востока: холодъ на Уралѣ; «золотая лихорадка». — Будущая желѣзная дорога чрезъ Уральскія горы. — Дѣятельность обществъ саратовской и ярославской желѣзныхъ дорогъ. — Група весеннихъ извѣстій. — Последнія свѣдѣнія о числѣ уставныхъ грамотъ. — Черты, сопровождающія ходъ крестьянскаго дѣла: шампанское и розги; возрожденіе міра, <i>ты и мы</i> ; посредникъ и дяконъ. — Судьбы обличительной литературы. — Расказъ изъ скорбнаго быта.	35
---	----

Объявленіе отъ книжнаго магазина А. Ѳ Базунова.

СОДЕРЖАНІЕ

І Ю Л Ъ . № 3

Очерки прошлаго Моншеры. А. Чужбинскаго.	5
Состояніе исторической науки и новѣйшіе историческіе труды во Франціи. Владиміра Фука.	73
Недоброе мѣсто. Письма доктора М. С... съ южнаго побережья Басніи. Статья первая.	121
<i>Слѣды вѣнствъ у березы</i> ... Стих. В. В. Крестовскаго.	170
Съ береговъ Рейна. П. Новицкаго.	171
Изъ римскихъ элегій Гёте. Стих. В. В. Крестовскаго.	182
Страстїе Чайльдъ-Гарольда. Романъ въ стихахъ лорда Байрона. Перев. Аполлона Григорьева.	183
Моя юность. (Изъ однихъ записокъ.) М. Воронова.	217
Непотребныя буквы. (Изъ дневника корректора.) К. Су—ва	239
Воспоминанія бѣглеца. (Очерки американскихъ нравовъ.) Соч. Гильдрета. (Въ особомъ приложеніи.)	65

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Стихотворенія Н. Некрасова. Аполлона Григорьева.	1
Гезертство и практика. Труды русскаго энтомологическаго общества въ Петербургѣ. Книжка первая. 1861 года. Н. Арнольда.	47
О мировыхъ судьяхъ. (По поводу «Писемъ изъ деревни» Сумарокова, «Отеч. Зап.») П. Ткачева.	83

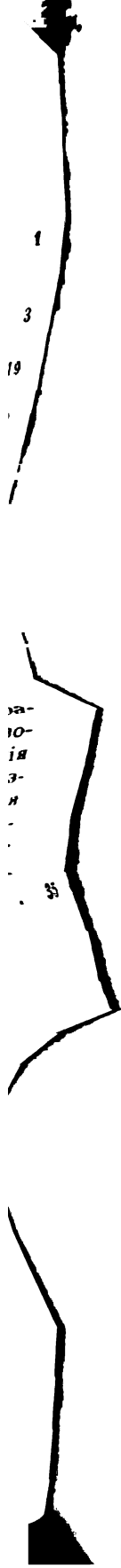
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе.	1
Австрійско-турецкія дѣла. — Бомбардированіе Бѣлграда. — Приготовленія славянъ. — Числительная сила сербскаго войска. — Надежды славянъ.	3
Итальянскія дѣла. — Палермская рѣчь Гарибальди. — Пренія о ней въ туринскомъ парламентѣ.	19
Французскія дѣла. — Путешествіе императора. — Процессъ Васселя. — Мексиканскій походъ.	22
Последнія извѣстія.	33

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Потребность отдыха. — Отличительныя черты нынѣшняго лѣта. — Противопожарная дѣятельность одесскаго городского общества. — Причина холода. — Холодныя вѣсти съ юга: отсутствіе <i>москвичи</i> ; возвращеніе переселенцевъ. — Вѣсти съ востока: холодъ на Уралѣ; «золотая лихорадка». — Будущая желѣзная дорога черезъ Уральскія горы. — Дѣятельность обществъ саратовской и ярославской желѣзныхъ дорогъ. — Группа весеннихъ извѣстій. — Последнія свѣдѣнія о числѣ уставныхъ грамотъ. — Черты, сопровождающія ходъ крестьянскаго дѣла: шампанское и розги; возрожденіе мира <i>ты и мы</i> ; посредникъ и дьяконъ. — Судьбы обличительной литературы. — Расказъ изъ скорбнаго быта.	35
--	----

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

ТОМЪ XII

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1862

057
V957
1862
July - Aug.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 июля 1862 года.

Ценсоръ *О. Веселого*

APR 16 1951

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

МОНШЕРЫ

Сколько могъ, я познакомилъ читателей съ прежней эпохой въ предыдущихъ очеркахъ, а потому, хотя повѣсть моя происходитъ въ тридцатыхъ годахъ, однако я считаю лишнимъ дѣлать общее обозрѣніе тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ. Но я не могу не обратить вниманія на одинъ военный типъ, пропущенный нашими беллетристами, который стусеивался неранѣе крымской кампаніи: это такъ называемые «моншеры», существовавшіе въ нѣкихъ полкахъ по нѣсколькx экземпляровъ. Передъ упомянутой войной мнѣ случалось еще видѣть образчики военного моншера и хоть этотъ типъ почти уже выродился, однако все еще не терялъ присущей ему своеобразности и по захолюстьямъ дѣлалъ свое дѣло. Когда возникли въ арміи моншеры — сказать утвердительно не могу, потомучто, судя по всему, они существовали задолго до моего поступленія на службу, но въ концѣ тридцатыхъ годовъ они достигли полнаго развитія. Моншеръ, если хотите, много походилъ на провинціального льва: приличія и «тонъ» прежде всего; но свое львовство, если можно такъ выразиться, моншеръ проявлялъ совершенно въ другой формѣ. Офицеры этой категоріи отличались въ войскахъ разнаго рода оружія: такъ напримѣръ моншеръ-пѣхотинецъ не походилъ на моншера-кавалериста, и даже моншеръ кирасирскій отличался отъ уланскаго или гусарскаго. Но эти мелочи замѣтны только были глазу опытнаго наблюдателя и потому я не стану о нихъ распространяться. Вообще моншеръ, къ какому бы ни принадлежалъ оружію, задавался мыслью «жить для тону» и сообразно

съ этимъ велъ свои дѣла, не обращая уже вниманія ни на какія распеканціи, даже на аресты, потому что условія тона весьма часто расходились вразрѣзъ съ условіями службы. Первую обязанность моншера составляло щегольство, а какъ военный костюмъ не допускаетъ прихоти, то изобрѣтена была такъ-называемая бальная форма. Если на примѣръ эпoletы носила съ низкой канителью, моншеръ заказывалъ ихъ въ вершокъ, толщиной и съ разными блестками и украшениями; этикетъ или эксельбантъ свивался тоже особеннымъ образомъ; самый покрой платья отходилъ отъ образца; вмѣсто замшевыхъ перчатокъ употреблялись лайковыя: однимъ словомъ моншеръ, какъ говорилось тогда, «отъ помпона до шпоръ» одѣвался по своему усмотрѣнію. Кроме того моншеръ обзаводился лорнетомъ, что было строжайше запрещено, волосы причесывалъ согласно съ господствовавшей модой, что преслѣдовалось еще хуже лорнетомъ, а главное — манкировалъ службой и развѣзжалъ куда бы ни вздумалось. Каждый полкъ непременно имѣлъ своихъ моншеровъ, и въ свое время ходили о нихъ интересные анекдоты, потому что моншеръ не всегда церемонился, особенно если ему нужно было выкинуть какую-нибудь штуку «для тона». Въ категорію эту попадали обыкновенно люди, получившіе какое-нибудь воспитаніе или, прямо выразиться, болтавшіе хоть немного пофранцузски: самое названіе ихъ произошло отъ того, что они постоянно говорили товарищамъ «моншеръ» и даже съ этою фразою обращались къ солдатамъ. Моншеръ, какъ и левъ, не говорившій пофранцузски, былъ немислимъ, и потому онъ непременно воспитывался въ какомъ-нибудь пансіонѣ или дома подъ руководствомъ гувернера, вслѣдствіе чего принадлежалъ все-таки къ числу порядочныхъ офицеровъ и очень рѣдко вмѣшивался въ грубые скандалы, происходившіе отъ картежи, пьянства или другого безобразія. Моншеръ по возможности былъ мягокъ и деликатенъ, гонялся за соблюденіемъ приличій, и если иной разъ былъ собственноручно извозчика, лавочника или другую личность, то потому, что въ описываемую эпоху кулачная расправа считалась принадлежностью каждаго дворянина, тѣмъ болѣе военнаго офицера. Но вообще моншеръ былъ мягче всякаго другого товарища и нерѣдко «для тона» прощалъ деньщика или крѣпостнаго слугу, особенно при свидѣтеляхъ. И говорить нечего, что каждый моншеръ былъ записной волокита,

такъ какъ формировака его начиналась отъ корнетскаго чина и рѣдко переходила до ротмистерской, пока кипѣли молодыя силы и пока честолюбіе и жажда поживы не переработывали эту пустую, но порой добрую патуру. При тогдашней обстановкѣ моншеръ былъ счастливъ хоть тѣмъ, что жилъ единственно «для тону», вмѣлъ какую-нибудь цѣль, положимъ нелѣпую, но безкорыстную и небредившую товарищамъ вообще, а солдату въ особенности. Моншеръ не входилъ ни во что, очень часто отставалъ подчиненныхъ и дарилъ своему взводу по чаркѣ водки, — правда, единственно «для тону», однако ни на комъ не ложился гнетомъ его деспотизмъ, даже, какъ я сказалъ выше, и на собственной прислугѣ.

Въ одномъ полку нашей дивизіи былъ моншеръ, поручикъ Танковъ, котораго всѣ вообще называли monsieur Танковымъ. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ и у солдатъ, и у высшего начальства. Титуль свой прибрѣлъ онъ еще въ званіи юнкера. Всегда щегольски одѣтый молоденькій франтикъ, онъ и въ нижнемъ чинѣ еще обнаруживалъ всѣ признаки моншерства, и потому частенько попадался не въ форменной одеждѣ. По какому-то случаю прибылъ онъ въ корпусную квартиру. Начальникъ штаба былъ строгъ въ высшей степени, и его боялись гораздо больше корпуснаго командира. Проходя по площади, юнкеръ Танковъ встрѣтилъ начальника штаба, котораго впрочемъ зналъ только по имени, и вмѣсто того чтобъ остановиться во фронтъ, снявъ фуражку, за четырнадцать шаговъ, раскланялся съ нимъ какъ съ обыкновеннымъ знакомымъ. Генералъ подо-
звалъ его.

— Какъ ваша фамилія?

— Monsieur Танковъ.

— Очень пріятно познакомиться. Ступайте же прямо на гауптвахту и скажите, что васъ прислалъ monsieur З-ій.

Съ тѣхъ поръ за Танковымъ упрочился титуль monsieur и сопровождалъ его чрезъ всю служебную карьеру.

Моншеры пользовались расположеніемъ товарищей; вопервыхъ потому, что были добрыя малые, вовторыхъ—для иного служили предметомъ подражанія, а втретьихъ самый закоренѣлый служака хоть и считалъ ихъ никуда негодными, однако усердно сѣялся надъ ихъ продѣлками «для тону». Моншеръ былъ непрочъ и подрѣтисъ на душі, но предпочиталъ дипломатическія

соглашенія и развѣ уже рѣшался рубиться «до первой крови», т. е. до первой царапины, а между тѣмъ любилъ на сторонѣ рассказывать о своихъ подвигахъ, рисуясь передъ провинціальными барышнями. Моншеръ всѣми силами добивался одного: чтобы о немъ говорили; заводилъ обширный кругъ знакомства, хорошо танцовалъ, судилъ вкривь и вкось о французской литературѣ: записочки, даже къ казначею о присылкѣ «въ счетъ жалованья», писалъ на раздушенныхъ бумажкахъ, и величайшимъ несчастьемъ въ жизни считалъ надѣть грязныя перчатки. Моншеръ всегда и вездѣ радъ былъ увильнуть отъ службы и опредѣлялся въ полкъ собственно для военнаго мундира, который даетъ извѣстную долю значенія въ обществѣ. Моншеръ въ караулѣ обыкновенно располагался какъ дома и стоялъ не такъ какъ прочіе офицеры, что позволяли себѣ разстегнуть форму или заснуть какъ-нибудь на неуклюжемъ диванѣ, а велѣлъ сглатъ себѣ пуховикъ, раздѣвался какъ слѣдуетъ и ложился на покой безъ церемоніи. И многимъ изъ нихъ это сходило съ рукъ, тогда какъ другой исправный офицеръ за бездѣлицу подвергался лишеніямъ. Истинный моншеръ не зналъ ни аза въ глаза въ службѣ, и если ему доводилось командовать взводомъ, онъ портилъ ученье, ломалъ эскадронъ и потомъ безропотно отправлялся на гаушвахту. Онъ даже тщеславился этимъ и весело рассказывалъ кому-нибудь о своей продѣлкѣ. Однажды въ маѣ во время кампанента я былъ боленъ лихорадкой и лежалъ въ госпиталѣ. Хорошая погода вызвала меня въ садъ, и блуждая по крайней аллеѣ, я прислушивался къ сигналамъ, раздававшимся по плацу, гдѣ начальникъ штаба смотрѣлъ полкъ нашъ. Раздался конскій топотъ. Передо мною остановился корнетъ К...

— Что ты? спросилъ я, поздоровавшись.

— Отправляюсь, моншеръ, на гаушвахту.

— За что?

— Цѣлая исторія! Ха-ха-ха! Представь: скомандовали по моему взводу строить полкъ надѣво.

— То-есть перемѣна фронта?

— Не знаю. Мнѣ вахмистръ подсказалъ что командовать, но я ошибся, и вслѣдствіе этого полкъ построился хвостами къ генералу. Ха-ха-ха!

— И распекали?

— Налетѣли какъ ястребы. На гаушвахту, на надѣво!

— Мнѣ помнится, тебѣ ни одно ученье не проходило даромъ.

— Послѣ кампанента вывросушь въ отпускъ, а тамъ или поѣду за ремонтъ, или пойду въ адъютанты къ генералу Н...

— То-то заживешь!

— Ужь конечно задамъ не такого тону.

Нашъ кавалерійскій моншеръ имѣлъ кое-какія средства, потому что званіе его требовало иногда издержекъ, немислимыхъ при одномъ жалованьи; но пѣхотные моншеры, какъ люди преимущественно недостаточные, ухитрялись моншерствовать и при весьма ограниченномъ содержаніи. Но въ какой бы ни былъ моншеръ формѣ, — въ адъютантской ли, полковой, наконецъ въ гарнизонной, — онъ оставался вѣренъ своему призванію и несмотря ни на какую, даже самую неблагоприятную обстановку, наслаждался жизнью, разумѣется по-своему, настолько, насколько могъ, покушая эти наслажденія кучею распеканцій, долговременнымъ арестомъ, неочереднымъ карауломъ и т. п. Моншеръ не пропускалъ ни одного бала нетолько у сосѣднихъ помѣщиковъ, но и въ другихъ губерніяхъ, за всѣми хорошенькими ухаживалъ сплошь и рядомъ, бывалъ иногда влюбленъ (произнося это слово съ носовымъ *н*) и во имя этой любви готовъ былъ на всякія глупости, особенно если послѣднія, по его мнѣнію, требовались для поддержки тону.

Моншерство, какъ я уже говорилъ, не простиралось далѣе ротмистра, во первыхъ потому, что истинный моншеръ рѣдко дослуживалъ и до этого чина, вовторыхъ — съ лѣтами, соскучась бить баклуши и небудучи уже въ состояніи скакать на балахъ, многіе переставали жить для тону и начинали обдѣлывать дѣлишки. Моншеры впрочемъ не составляли особой касты, но при встрѣчѣ другъ съ другомъ охотно сближались и задавали тону всевозможными способами, нерѣдко переходя безъ церемоніи границу благоразумія.

Кавалерійскій моншеръ вообще любилъ побуянить, особенно тамъ, гдѣ надѣялся на поддержку товарищей, но буйство его не заходило дальше какой-нибудь исторіи со статскимъ или пѣхотинцемъ, которые въ то время, незнаю ужъ почему, пасовали передъ кавалеристами. Мы такъ были увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ пѣхотой, что съ явнымъ высокомеріемъ смотрѣли на этотъ родъ войска и какбы считали обязанностью дѣлать разныя штуки пѣхотинцамъ. Въ это время дразнили ихъ

фразой: «пѣхота, не пыли!» На смотрѣхъ, гдѣ сталкивались войска разнаго рода оружія, послѣ дождя, когда бывало кавалерійская колонна несется на рысяхъ мимо пѣхотнаго строя, брызжетъ грязью на бѣлые панталоны, и какой-нибудь отчаянный всадникъ произнесетъ эту фразу, — пѣхота выходитъ изъ себя и несмотря что во фронтѣ, осыпаетъ кавалеристовъ ругательствами. Кавалерійскій моншеръ важничалъ передъ пѣхотинцемъ, потому что прекрасный полъ того времени бредялъ кавалеристами. Столкновения съ пѣхотой у насъ были иногда чрезвычайно комичны, и я здѣсь кстати не могу не припомнить одного происшествія, которое нѣсколько обрисуетъ нравы и обычаи эпохи и вмѣстѣ покажетъ отношенія войскъ обоихъ родовъ оружія. Полкъ нашъ стоялъ въ поселеніи. На работы къ намъ приходила резервная пѣхотная дивизія. Для пѣхотныхъ батальоновъ устроены были особые бараки, и пѣшіе офицеры не только не смѣшивались съ нами, но рѣдко даже встрѣчались и не были знакомы. Изрѣдка развѣ любопытные смотрѣли ученье — мы у нихъ, они у насъ, причемъ наши обыкновенно надъ ними подсмѣивались. Даже кавалерійскіе солдаты подшучивали надъ пѣхотинцами.

Былъ у насъ изъ вольноопредѣляющихся одинъ юнкеръ М., добрый малый лѣтъ за двадцать-пять, но такой страшный картежникъ, что постоянно день и ночь металъ и понтировалъ. Иногда бывало продуется до нитки и сидитъ дома безъ репутузы, иногда навыйграетъ пропасть денегъ, вещей, экипажей, лошадей, серебра, — и тогда у него разливное море. Вздумавъ какъ-то въ корпусную квартиру и возвратился оттуда въ прекрасной коляскѣ, навезъ вещей, золота и асигнацій. Разумѣется первымъ дѣломъ было созвать товарищей, задать пиръ, а потомъ пустить выигрышъ въ дѣло. Въ штабѣ находились многіе офицеры, всѣ юнкера, такъ что на пирушку собралось человекъ тридцать. Дѣло происходило лѣтомъ. М. въ пышномъ халатѣ и вышитой ермолкѣ, сидя у окна, курилъ изъ дорогого янтара не простой жуковъ, а пятирублевый Р. А., — табакъ, считавшійся верхомъ роскоши. Къ намъ только-что опредѣлился юнкеръ З., молоденькій мальчикъ, едва успѣвшій надѣть форму. Онъ подходилъ уже къ квартирѣ М., и увидя хозяина въ окнѣ, остановился съ нимъ разговаривать. Въ это время по какому-то случаю проѣзжалъ мимо командиръ резервнаго батальона. И те-

перь пѣхотинцы не мастера ѣздить верхомъ, но въ то время невозможно представить себѣ ничего комичнѣе пѣхотнаго ученья, на которомъ разѣзжали штабъ-офицеры и адъютанты, часто на упряжныхъ лошадяхъ, принимая самыя уморительныя позы. Господа эти при встрѣчѣ съ нами обыкновенно ѣхали шагомъ, потомучто на этомъ аллюрѣ могли еще сохранить кавалерійскую посадку. Замѣтивъ кружокъ офицеровъ и юнкеровъ, пѣхотный майоръ подбоченился молодцомъ и даже подобралъ лошадь. Юнкеръ З., засмотрѣвшись ли на ѣздока, или по оплошности, не снявъ фуражку и майоръ, подѣхавши къ нему, началъ распекать молодого человѣка. Тогда М., обратясь къ З., закричалъ ему :

— Г. юнкеръ! извольте отправиться на гаупвахту, вы забываетесь! А васъ, г. майоръ, прошу извинить новичка : онъ плохо еще понимаетъ дисциплину.

Майоръ раскланялся и позабывъ осторожность, пустился рысью, причеъ потерялъ посадку, одно стремя и скрылся за лавки, болтая локтями. Мы едва удерживались отъ смѣха въ продолженіе всей этой сцены. На другой день полковникъ смотрѣлъ юнкерскую ѣзду въ манежѣ. Незнаю уже, зачѣмъ батальонному командиру нужно было видѣть нашего полковника, онъ прѣхалъ прямо въ манежъ и остался смотрѣть юнкеровъ по приглашенію послѣдняго. М. ѣздилъ первымъ номеромъ. Замѣтивъ пристальные взгляды майора, онъ по возможности старался отворачиваться и дѣлалъ страшныя гримасы, чтобъ не быть признаннымъ. Майоръ, обратясь къ одному изъ пѣшихъ юнкеровъ, спросилъ фамилію перваго номера.

— Юнкеръ М., отвѣчалъ спрошенный и догадался прибавить : — у него есть братъ, который командуетъ эскадрономъ.

Майоръ удовольствовался отвѣтомъ.

Изъ моншеровъ бывали и картежники, но это случалось довольно рѣдко, потомучто картежникъ не имѣлъ времени жить «для тону», а моншеръ не могъ существовать иначе. Задавать тонъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, вочто бы то ни стало, даже въ ущербъ своему карману и репутаціи — моншеръ считалъ первой обязанностью, и продѣлывалъ «для тону» такія вещи, какія теперь не могутъ придти въ голову новѣйшимъ самодурамъ.

Въ то время Печоринъ казался недосягаемымъ героемъ, — а

это былъ одинъ изъ лучшихъ людей, человѣкъ съ образованіемъ. Чѣмъ же могло казаться большинство армейскихъ офицеровъ, воспитывавшихся много-много что въ какомъ-нибудь пансіонѣ? Не говорю собственно о служакахъ, фронтовикахъ, которые, сроднившись съ формалистикой, рѣшились всю жизнь оставаться на службѣ — кто изъ желанія чего-нибудь добиться, кто сколотить копѣйку, а кто просто изъ любви къ искусству: эти служили понимая свои обязанности по-своему. Но молодежь, такъ называемые панычи, имѣвшіе состояніе, опредѣлявшіеся въ полкъ для мундира — тѣ рѣшительно въ полномъ смыслѣ слова убивали время. И я право не вижу, отчего моншеръ «для тону» убивалъ его неприличнѣе, нежели другой для кутежа и тому подобныхъ удовольствій, поглощавшихъ не только досуги, но и недосуги субальтернъ-офицеровъ. Съ небольшимъ какихъ-нибудь десятка три лѣтъ, а какъ подумаешь, становится страшно даже при воспоминаніи о той безотрадно-глухой порѣ, въ которую провинціальная жизнь представляла какое-то безвыходное болото, втягивавшее въ себя молодыя силы. Въ то время, когда въ столицѣ люди начинали выработать здоровыя понятія о жизни и пускать ихъ въ оборотъ, насколько было у нихъ возможности, провинція спала непробуднымъ сномъ, и лишь молодежь, разумѣется не вся, и то до окончанія курса, трудилась для науки и выказывала благородныя стремленія. Но съ аттестатомъ въ рукахъ юноша поскорѣе записывался въ полкъ или въ канцелярію, спѣшилъ проникнуться убѣжденіями новой среды, незамѣтно и быстро втягивался въ рутину и послѣ самъ же смѣялся надъ своими прежними вѣрованіями и воззрѣніями.

Молодежь прозябала въ полномъ смыслѣ слова, и поэтому-то моншеры, при строгомъ взглядѣ на предметъ, не должны казаться аномаліей. Теперь молодой человѣкъ, прослуживъ немного въ полку и видя, что военная служба не его призваніе, дѣлается мирнымъ гражданиномъ и занимается сельскимъ хозяйствомъ, или становится торговцемъ, или пріобрѣтаетъ какія-нибудь спеціальныя познанія, и никто не ставитъ ему въ укоръ никакого честнаго занятія, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ мѣдныхъ лбовъ, которые были, есть и будутъ въ каждомъ обществѣ. Но въ то время — другое дѣло. Барышничать напрямѣръ лошадьми и надувать что-называется отпа родного — не считалось предосудительнымъ, но заняться торговлей — фи, какой срамъ!

Впрочемъ на это все дворянство смотрѣло подобными глазами. Помѣщикъ, самъ копавшійся въ навозѣ, пересчитывавшій гальки, собиравшій гнилыя яблоки и торговавшій всякой дрянью въ имѣніи, свысока третировалъ купечество и низачто не очутился бы за официальнымъ прилавкомъ. Предразсудки такъ еще были тверды въ то время, что величайшимъ оскорбленіемъ считался «неровный бракъ», то-есть если супруги происходили не изъ одной и той же среды. Какой-нибудь молодой человѣкъ, увлекшійся страстью, женился напримѣръ на бѣдной гувернанткѣ. Мало того, что родители иногда лишали его за это наслѣдства и предавали проклятію, но и посторонніе кричали, что онъ «опозорилъ сѣдины отца», «бросилъ неизгладимое пятно на древнее имя», «пругался надъ законами приличія». Всѣ эти формы впрочемъ повторяются и до настоящаго времени въ извѣстномъ кругу общества, омертвѣвшемъ въ своемъ печальномъ застоѣ. Слои этотъ оградили себя прочною стѣною отъ всякаго соціального движенія впередъ и упорно продолжаютъ выполнять отжившія преданія, несмотря-что отовсюду жизнь двинулась къ лучшимъ стремленіямъ.

Великосвѣтскіе франты, будь они сорванцы, шелопуты, служили образцомъ «хорошаго тона» даже для людей, стоявшихъ невзмѣримо выше ихъ по развитію и образованію. Этотъ несчастный «хорошій тонъ» погубилъ не одну даровитую натуру, немогшую подняться выше уровня свѣтскости, окончательнаго тогдашняго мѣрила всѣхъ достоинствъ человѣческихъ. У насъ въ арміи, гдѣ все служили провинціалы, невидавшіе столицы, образцами для подражанія были отпускные гвардейцы, которые считали обязанностью задавать тону въ провинціи. Конечно теперь танцы потеряли много, хотя все еще ничуть не выводятся: въ благородномъ собраніи напримѣръ въ Петербургѣ верѣдкость видѣть полькирующими и колѣноподобную лысину и почтенныя сѣдины; во въ эпоху, о которой рѣчь, танцы составляли впервыхъ единственное общественное развлеченіе, вовторыхъ служили средствомъ выказывать свои достоинства. Отличный мазуристъ или вальсеръ верѣдко пользовались снисхожденіемъ начальства, и не одинъ офицеръ попадалъ въ адъютанты только за то, что не имѣлъ соперника въ танцахъ. Теперь, если безъ танцевъ можно слыть порядочнымъ человѣкомъ и побѣждать женскія сердца, то прежде, въ провинціи, да еще офицеру, немыслимо было счи-

таться порядочнымъ, если онъ танцоваль дурно. Не танцовать рѣшительно не допускалось.

Вслѣдствіе этого и моншеры, къ какому бы роду оружія ни принадлежали, непременно были записные танцоры и любили первенствовать на всѣхъ балахъ, тщеславясь своими хореографическими способностями. Нѣкоторые изъ нихъ посвящали цѣлые дни на изобрѣтеніе какой-нибудь замысловатой фигуры въ мазуркѣ, показавъ которую на балѣ, бывали довольны немнѣе авторовъ, присутствующихъ въ театрѣ при первомъ представленіи своей пьесы. Танцоровъ преимущественно обожали барышни, и были примѣры, что хорошенькая и образованная дѣвушка влюблялась въ обыкновеннаго господина только потому, что онъ ловче другихъ танцоваль и умѣль рисоваться по баламъ. Конечно и не изъ моншеровъ встрѣчались хороше танцоры и страстные любители этого искусства въ ту танцовальную эпоху, однако моншеры занимались этимъ исключительно и вездѣ получали пальму первенства. Въ какой бывало домъ ни прѣдешь, гдѣ только есть дѣвицы и какое-нибудь фортепьяно, наконецъ разбитый органъ, тотчасъ затѣвались танцы въ четыре, даже въ двѣ пары и продолжались до разсвѣта, возобновляясь на другой день послѣ завтрака, и могли бы образовать *perpetuum mobile*, еслибы пары могли не разставаться. Для влюбленнаго много прелести въ танцахъ, въ которыхъ дѣйствительно удобно и говорить, и показывать чувства, но истинные полотеры въ наше время не смотрѣли на это, а отхватывали до утра изъ любви къ искусству, собственно занятые процесомъ, и были такіе, извѣстные впрочемъ далеко въ околodкѣ, которыхъ хозяйена наперерывъ приглашала на балы, потомучто эти неутомимые плясуны танцовали сколько и съ кѣмъ угодно, лишь бы совѣсть оставалась чиста, что они не пропустили ни одного танца. Такому аматеру хозяйка могла смѣло предложить, нетолько для легкихъ танцевъ и кадрили, всѣ бальные обноски, всю калечь, ненаходившую добровольныхъ мучениковъ, а лишь та хозяйка казалась вполнѣ гостепримной и популярной, у которой въ домѣ всѣ танцовали. У иныхъ помѣщиковъ обыкновенно посаб ужина вытаскивались изъ-за картъ и толстяки и старцы, и тутъ примѣнялась гоголевская фраза: «пошла писать вся губернія!»

Моншеры знали всѣ балы за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ въ смежныхъ уѣздахъ и губерніяхъ, и будь пора ученій, караульная

отсречь или смотръ. — мюнхеръ дѣлалъ на базѣ поживать давры, а дѣла за это должны были доплатиться долговременнымъ арестомъ или предложеніемъ начальства оставить подкѣ.

Однимъ словомъ мюнхеры всегда и вездѣ были вѣрны себѣ, вѣрны своему принципу, и несоставляя отдѣльной, замкнутой касты, дѣйствовали единодушно для тону, жертвуя иногда и личной свободой, а служебной карьерой.

Штабъ —скаго уланскаго полка походилъ на прочія поселенныя деревни утомительнымъ однообразіемъ построекъ, одинаковостью крышъ, ставенъ, и только кое-гдѣ отличался пышными деревьями, которыхъ не успѣли вырубить заботившіеся объ истребленіи дорогихъ садовъ, воспитанныхъ нѣсколькими поколениями. На половинѣ длинной, тянувшейся въ нѣсколько верстъ улицы разбита была правильная площадь, посреди которой стояла церковь, а вокругъ съ двухъ сторонъ шли офицерскіе дома, совершенно одинаковой архитектуры, обнесенные выбѣленными заборами и обстроеныя необходимыми службами, тоже стоявшими въ ранжирѣ, словно на парадѣ. На третьей во всю длину стоялъ госпиталь съ недурнымъ садомъ, а на четвертой сторонѣ площади вытанудись небольшой гостиный дворъ, трактиръ и въ самомъ углу гаупвахта противъ квартиры полкового командира. У нѣкоторыхъ домиковъ, огороженныхъ палисадниками, росли кустарники и цвѣты, но общій видъ на эту площадь и на все село производилъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Въ извѣстные часы двигались по площади извѣстные люди, проходили смѣны часовыхъ, проводили лошадей на водопой, да подвѣчеръ выходило гудать все чиновное населеніе. Въ довершеніе всего ни одна проѣзжая дорога не пролегла чрезъ поселеніе, и въ немъ ничего не было видно кромѣ военныхъ. Одна только круглая дѣлаца, принадлежавшая откупному повѣренному, нарушала однообразіе форменныхъ фуражекъ, да статское платье носили нѣсколько дажеевъ у записныхъ франтовъ. Нѣкоторые джентльмены дѣлали слугамъ партикулярное платье изъ шикю, а другіе для того, чтобы на балахъ подтрунивать надъ статскими щеголями.

Въ одномъ изъ офицерскихъ домиковъ три окна на улицу были украшены кисейными занавѣсками и на нихъ стояло нѣ-

сколько алебастровыхъ фигуръ, доставляемыхъ намъ итальянцами, которые разносятъ ихъ не только по столицамъ, но и въ провинціи. Это была квартира поручика Балобайкина, перваго франта въ полку и отъявленнаго моншера. Внутренность его помѣщенія такъ рѣзко не походила на помѣщенія прочихъ офицеровъ, что молва объ этомъ далеко разнеслась по окрестнымъ помѣщикамъ, и каждый изъ постороннихъ, кто по какому бы то ни было случаю попадалъ въ штабъ полка, считалъ обязанностью посѣтить Балобайкина и собственными глазами убѣдиться въ роскоши и изысканности мебели и комфорта. Собственно говоря ничего этого не было у франта-поручика, но принявъ во вниманіе, что прочіе офицеры жили далеко не комфортабельно и рѣшительно не заботились объ убранствѣ квартиръ, мебелировка и разныя вещи Балобайкина могли казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ. Въ прихожей комнатѣ у него всегда торчалъ опрятно одѣтый мальчикъ, «грумъ» на языкѣ офицерскомъ и «громъ», какъ называли его солдаты, въ будничные дни сывавшій шинели и вообще ничего недѣлавшій, но который по праздникамъ никого не пускалъ безъ предварительнаго доклада. Послѣднее заведено было Балобайкинымъ «для тону», что сперва оскорбляло товарищей, которые впрочемъ привыкли къ подобному порядку въ послѣдствіи. Изъ передней дверь вела въ гостиную, довольно большую комнату, гдѣ сносная мебель загромождала все пространство, такъ что пройти было некуда. На овальномъ столѣ передъ диваномъ стояла бронзовая лампа, а по угламъ этажерки съ разными незатѣйливыми бездѣлками. Полъ покрытъ былъ полинялымъ ковромъ; на стѣнахъ въ золоченыхъ рамкахъ висѣли плохія гравюры. На спинкахъ креселъ и стульевъ висѣли анти-маконары, а на диванѣ лежали три или четыре вышитыхъ подушки — сувениры знакомыхъ барышень, за которыми ухаживалъ неутомимый Балобайкинъ. Но что больше удивляло посѣтителей — это кабинетъ франта-поручика, то-есть большая длинная комната, которую ситцевая перегородка раздѣляла на двѣ неровныя части. Въ этой комнатѣ въ углу стояло тусклое трюмо, а противъ окна небольшой столъ съ высокимъ зеркаломъ, отъ верху котораго полосы кисеи спускались до самаго пола. Самый столъ покрывался такой же кисеей, и на немъ въ удивительномъ порядкѣ разложены и разставлены были различныя туалетныя принадлежности, даже въ цѣсколькихъ экземпля-

ранъ. Вдоль перегородки стоялъ низенькій диванъ, а передъ нимъ лавицы, служившія Балобайкину пріятнымъ развлеченіемъ въ минуты скуки, потому что поручить буквально ничего не читалъ, кверсыкъ по весьма плохому знанію грамоты, невторыкъ — по отдаленнѣ въ вѣтъ ближайшаго губернскаго города, находившихъ, что чтеніе вообще и въ особенности порусски свойственно людямъ *mainvais genre* и прилично только учителяшкамъ и тому подобнѣмъ ничтожествамъ. Балобайкинъ преимущественно сидѣлъ въ кабинетѣ, а въ гостиную, выходилъ когда собиралось довольно товарищей, которые впрочемъ неслишкомъ любили посылать его по причинѣ этикета, господствовавшаго у него въ квартирѣ. Однажды у Балобайкина подали чай въ чашкадъ, и когда рѣшперы, привыкшіе попивать этотъ напитокъ большими стаканами, начали протестовать, онъ объявилъ, что въ губерскомъ городѣ у аристократовъ нигдѣ не подаютъ иначе, и пить чай изъ стакана — просто *more*, словно въ трактирѣ, а онъ живеть рѣшительно «для тону».

Владиміръ Аркадычъ Балобайкинъ, сынъ достаточнаго помѣщика, до двѣнадцатилѣтняго возраста находился подъ надзоромъ гувернантокъ и гувернеровъ, бѣгло болталъ пофранцузски, понѣмецки, положительно не учился ничему на томъ основаніи, что былъ единственный сынъ и страшный баловникъ матери. Отецъ его проводилъ весь вѣкъ на охотѣ, и всѣ заботы о воспитаніи сына возложилъ на жену, происходившую изъ старосвѣтскаго дома и вслѣдствіе этого питавшую къ наукамъ порядочное отвращеніе. Она разсуждала, что мальчику полезнее еще говорить пофранцузски и понѣмецки, потому что въ свѣтѣ это принято и молодой человекъ безъ этого прослыветъ необразованнымъ; но учить *русскія книжки* или какуюнибудь *лашынъ* подобно семинаристу или гимназисту — по ея мнѣнію неприлично дворянину. Нѣкоторые сосѣди по благодушію убѣждали ее въ противномъ, однако добрая женщина твердо стояла на своемъ и такъ разбаловала Володю, что когда пришло время отдать его хоть года на два въ пансіонъ, для чего мать переѣхала въ губернской городъ, — Володя оказался безграмотнѣ семилѣтняго мальчика. Содержатель пансіона смѣкнулъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, нѣкоторые учителя тоже, поваръ у Балобайкиныхъ былъ хорошъ, деревня близко — и Володя втеченіе двухлѣтняго пребыванія мало подвинулся впередъ на поприщѣ образованія.

Тяжело въ невѣжество доходили до того, что онъ служилъ единственнымъ привѣромъ воспитанника, который въ четырнадцать лѣтъ не умѣлъ стѣнчать имени пражасительнаго отъ существительнаго. Писалъ онъ ужасно, читалъ едва не по окаянству, но аккуратно получалъ похвальные листы за успѣхи и благодаріе. Плотный, рослый мальчуганъ, онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ, и кулакъ его сдѣлался грозною для насмѣшниковъ, выѣвшихъ частые поводы допекать ему по всѣмъ предметамъ, исключая однихъ танцевъ, въ которыхъ Володя былъ неодолимо и считался первымъ танцоромъ въ пансіонѣ. Всѣ трудныя, но употребительныя въ то время на Володю выдѣлывалъ искусно и отчетливо. На публичномъ экзаменѣ сама директорша нашла, что Балобайкинъ «душка», а на вечерахъ, гдѣ по недостатку военныхъ фигурировали гимназисты и пансіонеры, въ Володю серьезно влюбилась одна взрослая дѣвица. На ваканціяхъ Балобайкинъ, объѣвшись фруктовою, заболѣлъ лихорадкою и не могъ пріѣхать въ срокъ для окончанія курса; потомъ осенью отецъ подарилъ ему верховую лошадь и началъ брать съ собою на охоту, потомъ это занятіе очень понравилось мальчику, и онъ остался дома до семнадцатилѣтняго возраста. Пробѣжій ремонтеръ взялся опредѣлять Володю въ полкъ, и дѣло было кончено. Отбывъ кое-какъ юнкерскую службу, изъ которой далась ему одна верховая ѣзда, Балобайкинъ былъ произведенъ въ корнеты, часто ѣздилъ въ губернской городъ, отличался на балахъ, съ дочерью начальника дивизіи танцевалъ мазурки и сдѣлался записнымъ моншеромъ, усвоивъ себѣ кое-что отъ заѣзжихъ гвардейцевъ и отъ мѣстныхъ губернскихъ львовъ, получившихъ названіе «gants jaunes», «genge fracas», «incroyables» и т. п. На большихъ торжественныхъ балахъ губернскаго города эти джентльмены являлись въ чулкахъ и башмакахъ, что дѣлали и пріѣзжіе гвардейцы, а Балобайкинъ съ прискорбіемъ узналъ, что гвардейскіе уланы и при дворѣ появляются не иначе какъ въ сапогахъ, хотя все-таки на всякій случай заказалъ себѣ башмаки съ великолѣпными пряжками.

Балобайкинъ недурно говорилъ по-французски, имѣлъ порядочную коляску, четверню сѣрыхъ, и потому пріятель былъ хорошо не только у помѣщиковъ, но и въ высшемъ свѣтѣ губернскаго города, лежавшаго недалеко отъ полка и примагнивавшего офицеровъ своими посольными развлечениями — плохими теа-

время, ресторанами, балами и проч. Начальство смотрѣло на Балобайкина какъ на безвреднаго офицера, который не дѣлалъ ничего предосудительнаго, и означало симсхожденіе, потому что онъ былъ ѣздохъ и имѣлъ отличную ординарческую лошадь. Если онъ не приносилъ пользы въ караулахъ и на ученьяхъ, то на театрахъ всегда почти являлся на ординарцѣ: и съ прѣзжими генералами разговаривалъ потѣмочки, что очень нравилось послѣднимъ. Моншерство обнаружилось въ немъ еще съ юнкерскаго чина, но какъ надобно было служить и подчиняться дисциплинѣ, то Балобайкинъ ограничивался каини-нибудь несоблюденіемъ формы на балахъ; вполне же въ моншера преобразился по производствѣ въ корнеты, когда онъ съ матерью съѣзжалъ въ Москву и провелъ тамъ кажется три недѣли. Навезъ онъ оттуда разныхъ вещмицъ, понабрался разныхъ шривычекъ, тотчасъ же завелъ груша, о которомъ сказано было выше, и потомъ не измѣнялъ уже своимъ обыкновеніямъ. Постепенно въ полку онъ забиралъ въ свои руки законодательство моды и тона, такъ что самые порядочные офицеры, стоявшіе выше его по образованію, приходили къ нему спрашивать о примѣненіи того или другаго приличія къ данному случаю, и Балобайкинъ съ видомъ авторитета разрѣшалъ спорные вопросы по части причесокъ, французскихъ фразъ, поздравленій и тому подобныхъ мелочей, занимавшихъ и занимающихъ до сихъ поръ извѣстнаго рода человѣчество. Балобайкинъ держалъ себя прилично, въ карты не игралъ, вообще не дѣлалъ значительныхъ долговъ, не куталъ, но постоянно развѣзжалъ на гостимъ и усердно поклонялся прекрасному полу. Съ товарищами онъ не водилъ особенной дружбы, хотя и не имѣлъ недоброжелателей; онъ держался какъ-то въ сторонѣ отъ офицеровъ — во первыхъ по чрезвычайной сухости натуры, а во вторыхъ оттого, что съ каждымъ днемъ приобреталъ понятіе о своей превосходствѣ и считалъ товарищей «мовешками», которые не въ состояніи были поддержать въ обществѣ хорошаго тона. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ стремились подражать ему, и къ этимъ онъ немного благоволилъ, потому что имѣлъ случаи выказывать свои познанія въ дѣлѣ моды, но избраннымъ губернскимъ львамъ невыгодно отзывался о своихъ офицерахъ.

Балобайкинъ былъ большого роста, красивъ собой, одѣвался щегольски, и несмотря на свою неразвитость, тупоуміе, слылъ

у окрестныхъ барышень «интереснымъ кавалеромъ», танцевать мазурку съ которымъ считалось особенной честью, такъ-что дѣвица, удостоиваемая этой честью, смотрѣла уже на прочихъ неудостоенныхъ съ какимъ-то высокомеріемъ. Балобайкинъ влюблялся довольно часто и могъ бы составить партію, какъ говорится въ свѣтѣ, его даже ловили не въ одномъ домѣ; но на женитьбу онъ имѣлъ свои воззрѣнія и мечталъ или о какой-нибудь княжнѣ, или о московской кунчихѣ, за которой дали бы большое приданое. Въ описываемую эпоху аристократы самой чистой крови пошатнулись уже въ своихъ принципахъ и словомъ *beaualliance* обозначали только союзъ съ дѣвушкой, стоявшей ниже по общественному положенію, которая не приносила значительнаго приданого. Балобайкинъ не принадлежалъ къ *смикамъ*, однако считалъ себя аристократомъ, и усвоивъ понятія этого класса, волочился за хорошенькими безъ всякой матримоніальной цѣли, а такъ, для удовлетворенія самолюбія. Раза два серьезно ухаживалъ онъ за богатыми и знатными дѣвицами, но какъ-то не умѣлъ возбудить симпатіи, потому ли, что дѣвицы эти считали его ниже себя, или можетъ-быть онъ встрѣчался съ образованными личностями, которыя, непрельщаясь наружностью, искали въ человѣкѣ чего-нибудь важнѣ красиваго лица и ловкихъ танцевъ. Конечно, подобныя дѣвицы въ то время попадались очень рѣдко, однако нельзя же сказать, чтобы ихъ не было безусловно.

Несмотря на видимое знаніе свѣтскости, на умѣнье рисоваться, манеры Балобайкина были не только не джентльменскія, а напротивъ въ нихъ замѣчалось что-то болѣе ухорское, и какъ онъ ни корчилъ гвардейскаго моншера, ему никогда не удавалось это подражаніе. Положимъ и петербургскій пустозвонъ могъ быть точно такой какъ Балобайкинъ, могъ даже танцевать хуже нашего поручика, но самыя глупости говорилъ какъ-то мягче, не такъ ломался, умѣлъ подлетѣть къ дамѣ и вообще могъ доказать, что ему нипочемъ паркеты, тогда какъ иней армейскій моншеръ серьезно боялся паркета, какъ большой рѣдкости въ провинціи. Паркетъ можно было встрѣтить развѣ у очень богатаго помѣщика, да и то если послѣдній не принадлежалъ къ числу людей, которые придерживались старосвѣтскихъ обычаевъ; а до какой степени паркеты не были знакомы большинству, можно видѣть изъ того, что многіе танцоры и танцорки натирали себѣ подошвы мѣломъ, изъ боязни упасть на балѣ,

и если съ кѣмъ случалась подобная катастрофа, то это нисколько не конфузило, потому что на паркетѣ, между тѣмъ какъ растянувшійся на обыкновенномъ полу подвергался насмѣшкамъ.

Въ полку, въ которой служилъ Балобайкинъ, было довольно женатыхъ офицеровъ, и дамы жаловали красавца-поручика, такъ что если моншеръ не уѣзжалъ никуда въ окрестность, онъ не имѣлъ времени скучать и пріятно проводилъ свои дни и вечера. Большинство офицеровъ, любившее «бабскую компанію», впрочемъ ему не завидовало, и только молоденькіе юнкера да три-четыре корнета посматривали на моншера съ завистью и называли его счастливецемъ. Балобайкинъ дѣйствительно имѣлъ успѣхъ у прекраснаго пола, иной разъ перебивая дорогу людямъ, гораздо его достойнѣйшимъ, но которые не обладали ловкостью красиваго нежды, имѣвшаго «умъ въ негахъ», доставлявшихъ ему всю его громкую извѣстность. Къ нему заходили товарищи, преимущественно приговарывая къ баламъ, иные прямодушно выспрашивали какихъ-нибудь новѣйшихъ обыкновеней, новыхъ фигуръ, а другіе — узнать обо всемъ этомъ сводтишка, не унижаясь до открытаго признанія моншерскаго авторитета. Балобайкинъ не замѣчалъ этого, и всѣмъ одинаково объяснялъ разныя нововведенія въ кодексѣ модъ и приличій, особенно по возвращеніи изъ губернскаго города, гдѣ онъ постоянно востѣцалъ мѣстныхъ аристократовъ, дружилъ со львами и заботливо справлялся у единственнаго парикмахера о современномъ развитіи его искусства. Довольный подобнымъ посѣтителемъ, болтунъ-французъ выдумывалъ порой ужасную ерунду и всегда сбывалъ ему нѣсколько флаконовъ разныхъ разностей для укрѣпленія волосъ, для нѣжности кожи, для блеска усовъ и т. п. Немногіе свободные часы во время пребыванія на стоянкѣ, гдѣ онъ акуратно дѣлалъ визиты, Балобайкинъ посвящалъ уборкѣ волосъ съ помощью небольшихъ щипцовъ и заботливой чисткѣ ногтей, а если оставался по какому-нибудь случаю дома, тогда садился за пяльцы и порядочно вышивалъ по канвѣ гарусами. Последнимъ обстоятельствомъ Балобайкинъ рѣшительно покорялъ сердца чадолубивыхъ маменокъ, которыя ставили его въ примѣръ взрослымъ сыновьямъ и умиаясь представляли имъ воспитательное зрѣлище, какъ храбрый воинъ не предается кутежу, подобно буйнымъ товарищамъ, а отдыхъ отъ трудовъ находитъ въ мирныхъ занятіяхъ. Конечно, мирное это занятіе не

находиве подражателей, и матушкины сынки предпочитали свободное время коротать или въ оргіяхъ, или за карточнымъ столомъ, однако питье по канѣ все-таки оставалось лишнимъ хорошимъ качествомъ для Балобайкина. А ужь его мать какъ радовалась этому направлению и всегда защищала его противъ отца, который, невидя въ немъ страсти къ псовой охотѣ, не показывалъ ему особенной нѣжности и въ шутку называлъ его «бабой», совѣтуя выучиться обращенію съ пралкой.

При всей своей нустотѣ Балобайкинъ очень хорошо успевалъ новѣйшія приличія и владѣя нерядочно разговорнымъ французскимъ языкомъ, довольно ловко подражалъ тогдашней модѣ мѣшать русскія фразы съ французскими, что заслужило ему особенное расположеніе эскадроннаго командира, который, самаго ничего не знавъ, лѣзь приступить въ моншеры, хотя и былъ службистомъ въ глазахъ самаго требовательнаго начальства. Ротмистръ Переѣловъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, приобрѣлъ съ трудомъ познаніе въ російской грамотѣ, былъ зависящій въ полкъ однимъ благодѣтелемъ, и прилежаніемъ и строгимъ исполненіемъ обязанностей скоро достигъ офицерскаго чина. Онъ былъ на умѣ Балобайкина, но не имѣлъ даже фальшиваго лоска, полученнаго послѣднимъ, не могъ играть ни малѣйшей роли въ женскомъ обществѣ, до котораго былъ большой охотникъ, и притомъ танцевалъ чрезвычайно плохо. Безъ всякихъ средствъ, живя однимъ жалованьемъ, Переѣловъ постоянно казился мыслью, что онъ хуже другихъ, но помочь горю не видѣлъ никакой возможности. Судьба толкнула его въ образцовый полкъ, гдѣ получилъ онъ чинъ за отличіе, а по возвращеніи изъ Петербурга ему неожиданно достался эскадронъ, представлявшій въ то время извѣстныя выгоды. Не успѣлъ Переѣловъ скопить сотни двѣ-три рублей, то-есть составить такъ называемую экономію, какъ у него возгорѣлась охота учиться по-французски и на фортепяно. Еслибы онъ учился иностранному языку съ цѣлью расширить кругъ своихъ познаній знакомствомъ съ новой литературой, и еслибы принялся за музыку по призванію, объ этомъ слѣдовало бы отозваться только съ похвалою; но Переѣловъ и то и другое дѣлалъ собственно изъ моншерства, чтобы понравиться барышнямъ и прослыть у нихъ образованнымъ человѣкомъ. Въ штабѣ поселеннаго полка еще можно было найти какія-нибудь средства научиться читать или болтать

по-французски, но музыкальнаго учителя не было положительно, а Перефлову хотѣлось играть хоть какъ-нибудь вѣща бы то ни стало. По совѣту съ однимъ юнкеромъ, взявшимся давать ему уроки во французскомъ языкѣ, молодой ротмистръ рѣшился купить разбитое фортепьяно, объявленное въ продажу лекаремъ, который щедалъ въ отставку; а какъ въ полку ни изъ офицеровъ, ни изъ юнкеровъ никто не зналъ музыки, канцелямейстеръ же былъ одинъ на мѣую дивизию и на зиму всѣ трубачи собирались въ дивизионный штабъ, то, къ прискорбію Перефлова, долго не могло начаться его музыкальное образованіе. Препятствія размигаютъ желаніе, и Перефлову, какъ говорится, пришлось играть на фортепьяно непрерывно по нотамъ, для чего и выписалъ онъ фортепьянную школу, Перенеситавъ безуспѣшно всѣ слободы отыскать какаго-нибудь музыканта, ротмистръ рѣшился на последнее средство. Однажды при утреннемъ рапортѣ онъ приказалъ вахмистру развѣдать подъ рукою, нѣтъ ли въ эскадронѣ такого солдата, который смыслилъ бы что-нибудь въ музыкѣ. Послѣ обѣда вахмистръ пришелъ доложить, что въ третьемъ взводѣ есть карабинеръ Головки, отданный въ солдаты изъ дворянъ, который игралъ у помѣщика на скрипкѣ и можетъ настраивать фортепьяны. Перефловъ едва не подпрыгнулъ отъ радости и велѣлъ позвать драгоцѣннаго карабинера. Объ этомъ впрочемъ надо передать словами самого Перефлова, какъ онъ разсказывалъ пріятелямъ, которые нарочно ведбывали его на расказъ занимательнаго событія.

«Входитъ Головки, дубина вершковъ десятъ. Я его зналъ хорошо. Онъ былъ извѣстный шаяница, но славный вѣдокъ и исправный солдатъ, только любилъ, чтобъ его раза два въ мѣсяцъ выморозили. Недавно еще передъ тѣмъ я ему задалъ жаркую башку,

«— Ты умѣешь играть на фортепьянахъ? спрашиваю его.

«— Умѣю, в. б—іе.

«— И ноты знаешь?

«— И ноты знаю,

«— Отчего же ты не объявилъ? Тебя взяли бы въ трубачи.

«— Виновать, в. б—іе. Во фронтѣ получше, да признаться мнѣ и у барина надоѣло въ музыкантахъ.

«— А можешь ты, примѣромъ, обучать?

«— Смогу, в. б—іе.

«— Еслибы я приказалъ обучать меня, можешь?»

«— Не смѣю, в. б—іе.

«— Какъ не смѣешь!

«— Помилуйте, в. б—іе: науна извѣстно...

«— Да чего же, говорю, ты боишься?

«— Да какже, в. б—іе, учить эскадроннаго командира.

«— Я буду стараться.

«— Вы не выучитесь, в. б—іе. Привѣрно ученикъ долженъ бояться своего учителя.

«— Ну ты мнѣ хорошенько рассказывай.

«— Это не поможетъ, в. б—іе. Меня учили пѣмецъ Карло Карлычъ, и какъ ни рассказывали, бывало ничего изъ толкъ не возьмешь, а если отдубасятъ по пальцамъ линейкой, или валишь за чубъ пригнуть къ клавишамъ, гдѣ и ушнѣе возьмется.

«— Такъ ты, бестія, говорю, хочешь и меня валить по пальцамъ?

«— Сохрани-богъ, в. б—іе.

«— А ты учи меня хорошенько, тебѣ же будетъ лучше.

«— Радъ стараться, в. б—іе.

«— Съ сегодняшняго дня, говорю, я тебѣ положу по рублю въ мѣсяцъ жалованья. Ну, садись—ка за фортепяны и сыграй что-нибудь.

«Головку съѣлъ и какъ началъ бестія перебирать по клавишамъ, просто я удивился. Мы и начали уроки. Признаюсь, трудно мнѣ было понять ноты; я уже думалъ, что у меня нѣтъ никакихъ способностей и разъ даже, скрѣпя сердце, хотѣлъ приказать Головку отвалить меня по рукамъ линейкою, но подумалъ, что могу уронить свое достоинство. Полагалъ я было за каждый неудачный урокъ бранить учителя, но тоже разсудилъ, что это не поведетъ ни къ чему и изобрѣлъ новое средство. Знаете; дѣйствительно учителю трудно втолковать безъ угрозы, вотъ я и говорю Головку:

«— Всякій разъ когда я беру урокъ, мы позовемъ пуделя Вальета — пусть лежитъ возлѣ. Чуть я что не такъ, ты и ругай его какъ самъ знаешь и даже можешь вытянуть хлыстомъ: ты сорвешь сердце, а я буду лучше стараться.

«Такъ мы и сдѣлали. Чтоже вы думаете? Ученье мое пошло гораздо успѣшнѣе. Только и пѣтъхи, если мой учитель запѣетъ, а его послѣ этого выпорютъ хорошенько: дня два притворялся

большимъ. После этого онъ бывалъ очень замъ и дунить бѣд-
наго Валета за малѣйшую мою ошибку. Но послѣднее время Ва-
летъ сталъ пропадать дня по два, такъ что мы съ учителемъ
оставались въ затруднительномъ положеніи.»

Съ помощью нарабинера Переѣловъ въ годъ умѣлъ брэнчать
нѣсколько маршей и вальсовъ, а его знаніе французскаго языка
на простиралось до того, что онъ могъ уже, разумѣется очень
плохо, болтать съ барышнями, и те больше предлагая вопросы,
потому что отвѣчать могъ не всегда, съ трудомъ понимал особен-
но быстрыя фразы. Но во всякомъ случаѣ онъ достигъ цѣли: о
немъ заговорили какъ о человѣкѣ образованномъ, который
игралъ на фортепьяно и говорилъ пофранцузски.

Какъ ни простъ была Балобайкинъ, однако видѣлъ плокіе
успѣхи своего эскадроннаго командира и понималъ, что не слѣ-
довало завидать объ этомъ Переѣлову, а лучше хвалить въ глаза
и такимъ образомъ приобретать расположеніе ближайшаго на-
чальства. При встрѣчѣ гдѣ бы те ни было съ Переѣловымъ, Ба-
лобайкинъ начиналъ разговоръ пофранцузски, что очень льстило
ротмистру, который предложилъ поручику быть на балахъ по-
стояннымъ vis-à-vis, и повременамъ посылалъ ему четверти двѣ
овса для упряжныхъ лошадей, въ знакъ признательности.

Былъ еще въ полку младшій лекарь вродѣ моншера, боль-
шой охотникъ плясать и увиваться за барышнями, но этотъ при
всемъ стремленіи къ джентльменству не могъ отрѣшиться отъ
чарки и льнулъ душою преимущественно къ партіи, гдѣ кезы-
ряли отъ утра до утра, а на балы смотрѣли какъ на службу,
требовавшую извѣстной формы и извѣстныхъ условій. Впрочемъ
но повягилъ Балобайкина, усвоеннымъ впоследствии и его эска-
дроннымъ командиромъ, лекарь не могъ быть членомъ высшаго
общества, на томъ основаніи, что получалъ деньги за трудъ.
Такъ Балобайкину изъяснялъ одинъ губернской левъ, служившій
для всего аристократическаго круга оракуломъ моды и утончен-
ныхъ обычаевъ.

Въ окрестностяхъ полка, о которомъ рѣчь, всѣ помѣщичьи
жили открыто и радушно принимали офицеровъ, какъ гостей,
помогавшихъ убивать время, и какъ жениховъ для многочислен-
ныхъ невѣстъ, избилловавшихъ въ околицѣ. Кавалеристы въ

дѣйствующихъ полкахъ не могли назваться охотниками до женатой жизни, но въ полкахъ поселенныхъ брачныя узмы не казались обременительными, и поэтому обзаводились семьей многіе офицеры даже изъ тѣхъ, которые жили однимъ жалованьемъ. Самый небогатый помѣщикъ, немогшій дать за дочьрю денегъ, всегда имѣлъ возможность сослать ей провизію, снабжалъ при-слугою, и такимъ образомъ женатый офицеръ покрайней-мѣрѣ не терпѣлъ недостатка. У женатыхъ проживали обыкновенно свояченицы, и въ войскѣ полку имѣлось постоянно значительное женское общество, вслѣдствіе чего и завязывались будущія интимныя отношенія. Между офицерами и окрестными помѣщичками существовала тѣсная связь, такъ что окоподоць на извѣстное пространство считалъ полкъ тѣмъ-то роднымъ, тѣмъ болѣе что сесѣдняя молодежь вступала въ него преимущественно. Если наприимѣръ офицеры пикировались съ офицерами другого полка, то и барышни считали обязанностью становиться въ враждебныя отношенія къ сосѣднимъ. Нѣкоторые изъ дѣвицъ отличались такою приверженностью къ своему полку, что ленты и отдѣлку платья носили по цвѣту киверовъ, и напѣицы подобную форму казалось имъ нарушеніемъ долга. Нерѣдко дѣвицы вступали между собою въ серьезный споръ о превосходствѣ того или другого полка не только относительно любезности и образованности офицеровъ, но просто даже о выѣздѣ лошадей, вышравкѣ солдатъ, выказывая даже нѣсколько познанія въ слухобѣ.

При подобныхъ отношеніяхъ трудно представить себѣ, чтобы офицеры не заводили волокитствъ по окрестнымъ помѣщичкамъ, и дѣйствительно половина, т. е. за исключеніемъ женатыхъ и кутиль, увивалась за барышнями, которыя въ свою очередь восхищались — кто красотою, кто ловкими танцами, кто щегольствомъ и тому подобными качествами, отличавшими въ то время молодца-офицера. Часть, разумѣется самая маленькая, волочилась съ материальной цѣлю, другіе для препровожденія времени, третьи отъ нечего дѣлать, а четвертые для тону и эмѣствѣ для удовлетворенія самолюбія. Волочились и эскадронный командиръ, и молоденькій юнкеръ, и даже остзейскій нѣмецъ, который въ прочихъ случаяхъ ничего не дѣлалъ безъ намѣренія, а тутъ измѣнялъ нѣмецкому правилу и усердно вытанцовывалъ на балахъ и вечеринкахъ. Порой и нѣкоторые полковые командиры изъ водостыхъ пускались въ танцы, но тѣ уже съ болѣе опредѣ-

лившей чѣстью, предпочитая барыню, а на дѣвицъ обращали вниманіе только тогда, если послѣднія пользовались соблазнительнымъ титуломъ «богатой невѣсты».

Описываемый полкъ походилъ на прочіе полки своей дивизіи, имѣя только ту разницу, что окружонъ былъ имѣніями достаточныхъ помѣщиковъ. Мы уже видѣли, что первымъ щеголемъ въ немъ считался поручикъ Балобайкинъ, который круглый годъ разѣзжалъ по баламъ, ухаживая за всѣми хорошеюшками, отбывалъ возлюбленныхъ у товарищей, бѣспилъ всѣхъ статскихъ кавалеровъ и уивался своими побѣдами. Покрайней-мѣрѣ по его имѣнію, онъ не имѣлъ соперниковъ, а лишь на балахъ въ губернскомъ городѣ смущали его иногда пріѣзжіе гвардейцы, передъ которыми онъ почти переставалъ рисоваться и думалъ только объ одномъ, — какъ бы не уронить своего достоинства. Переловъ, несмотря на чинъ ротмистра, на умѣвалъ болтнуть кое-что вофранцузски и пробарабавить на фортепьяно небольшую пьесу, отодвигался на второй планъ и втайнѣ завидовалъ поручику, который ухаживалъ за кѣмъ хотѣлъ и слылъ въ обществѣ образцомъ любезности. Былъ еще одинъ офицеръ, штабсъ-ротмистръ Колѣнцовъ, котораго нельзя не причислить къ моншерамъ, во-первыхъ потому, что онъ поминутно употреблялъ это слово, вторыхъ выдѣлывалъ иногда такія вещи, какія не снились самому Балобайкину. Онъ скорѣе принадлежалъ къ категоріи кутлѣ, не проявляя однакожъ ни цинизма, ни наклонностей къ буйству, а напротивъ охорашивался передъ барышнями и если не очень нализывался, пожалуй непрочъ былъ и привлекнуться. Ему чрезвычайно понравилась фраза: «для тону», входившая какъ-то въ моду въ дивизіи между моншерами, и онъ сперва насмѣхался надъ послѣдними, потомъ началъ сблизжаться съ ними и наконецъ взялъ себѣ за правило озадачивать ихъ самыми неожиданными выходками. Всегда прежде исправный офицеръ по службѣ, онъ сталъ удивлять выходками, свойственными развѣ влоденькому мальчику, и разумѣется подвергался высканіямъ. Въ трезвомъ состояніи онъ еще мало обнаруживалъ оппозиціи, но чуть «убилъ муху» или «урѣзалъ», какъ говорилось, тогда ему хоть трава не расти, и Колѣнцовъ непремѣнно считалъ обязанностью надѣлать штукъ, которыя, несмотря на вредныя для самого послѣдствія, разсмѣшили бы товарищей. Такъ его одинъ разъ обошли чинномъ поручика...

Рассказывая собственно о моншерахъ, я не касался всего полка, въ которомъ были порядочные люди, хотя конечно не въ большомъ количествѣ, а обрисовываю только личности, имѣющія отношенія къ настоящей повѣсти. Конечно, офицеровъ, зараженныхъ моншерствомъ, было нѣсколько, но они еще не успѣли достаточно сформироваться, чтобы вполне перейти въ эту категорию, какъ перешолъ сознательно Балобайкинъ и безсознательно ротмистръ Переѣловъ, странно умѣвшій сочетать недвѣтлнмъ служаки съ вертопрашествомъ патентованнаго моншера. По поводу послѣдняго между офицерами завязывались иногда жаркіе споры, куда отнести Переѣлова: къ служакамъ ли, потому что дѣйствительно эскадронъ его былъ изъ порядочныхъ, или къ «верхолизкамъ», какъ назывались огъявленные поклонники прекраснаго пола? Въ томъ же полку служилъ одинъ штабсъ-ротмистръ Вардаковъ, слышій за очень умнаго и дѣльнаго человѣка, — покрайней-мѣрѣ такого мнѣнія о немъ было большинство товарищей и начальство. Офицеръ этотъ, безъ образованія, любилъ кое-что почитать и впрочемъ былъ приводить иногда цитаты для подкрѣпленія своихъ аргументовъ. Но кажется не столько это способствовало его авторитету, сколько громкій и рѣзкій голосъ, которымъ онъ словно трубою заглушалъ возраженія своихъ противниковъ, вслѣдствіе чего постоянно оставался побѣдителемъ. Вардаковъ слѣдующимъ образомъ выражался о Переѣловѣ.

— Чортъ его знаетъ какъ и понимать этого человѣка! На службѣ собаку съѣлъ, ѣздить отлично, уставъ знаетъ, не пропуститъ ни малѣйшей неисправности, — а заиграла музыка, мелькнула юпка — онъ уже растаялъ какъ самый молоденькій верхолизка. Первая попавшаяся дѣвченка будетъ водить его за носъ, и я самъ свидѣтель, какъ онъ ухаживалъ за тринадцатилѣтней дочкой помѣщика Тайтанова. Кто верхолизничаетъ, какъ напримеръ Балобайкинъ, тотъ не смыслитъ ни аза въ глаза въ службѣ, а Переѣловъ и молодцомъ ведетъ эскадронъ, и пускаетъ слюшки передъ каждой юпкой.

Главолизничать, верхолизничать и еще третьимъ глаголомъ обозначалось ухаживанье или волокитство безъ цѣли, а просто изъ любви къ искусству, въ чемъ упражнялись офицеры особенно съ тѣхъ поръ, какъ ухорство пошатнулось въ своемъ основаніи и уже перестало быть главнымъ мѣриломъ достоинства. Верхо-

лики служили разсадникомъ моншерства, которое обрѣдѣвалось и облекалось въ завитыя формы послѣ значительнаго количества кадралей, описанныхъ на всевозможныхъ вечерникахъ, начиная отъ поповской свадьбы до баловъ у такъ-называемыхъ аристократовъ.

Вардаковъ же принадлежалъ ни къ числу верхоизюковъ, ни къ моншерамъ, ни даже къ партіи красносмылыхъ носовъ, а представлялъ типъ тѣхъ самозванныхъ ораторовъ, которые, воображая себя мудрецами, а главное — обладая громкимъ голосомъ, существуютъ только для того, чтобы защищать свое мнѣніе, какъ бы оно нибыло нелѣпно, и поставить на своемъ съ помощью неугомоннаго горла. Люди, подобные Вардакову, во всѣхъ слояхъ общества, кончаютъ тѣмъ, что приобретаютъ себѣ кругъ настоящихъ слушателей и распоряжаются въ немъ деспотически, становясь непогрѣшимымъ авторитетомъ какъ для него, такъ и для новичковъ, издающихъ себѣ труда выслушать въ предметъ спора. Нѣсколько офицеровъ поумнѣе, но миролюбиваго характера, хотя и давали Вардакову настоящую цѣну, однако не имѣли охоты пробовать съ нимъ силу горла и не вступали ни въ какія пренія, а остальные вѣрвали въ него какъ въ оракула. Балобайкинъ и Переѣловъ просто его боялись, потому что Вардакову ничего не значило рассказать въ обществѣ какия-нибудь смѣшныя ихъ продѣлки. Конечно здѣсь не было ничего неприязненнаго и Вардаковъ трубилъ не съ цѣлью обидѣть товарищевъ, но любилъ выводить на чистую воду волокитство моншеровъ, чтобъ посмѣяться, а больше показать свое послѣднее остроуміе. Напримеръ о Балобайкинѣ, въ присутствіи послѣдняго и какой-нибудь изъ его возлюбленныхъ, онъ выражался громко-гласно:

— Нашъ Балобайкинъ хорошій фодокъ и добрый товарищъ, но такой отъявленный волокита, что готовъ ухаживать въ одно и тоже время за барышней и за горничной. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго случая.

И Вардаковъ рассказывалъ одну сцену изъ жизни Балобайкина, гдѣ моншера дѣйствительно барышня, за которой онъ ухаживалъ, застала въ пламенномъ обращеніи съ горничной.

Разумѣется Балобайкинъ не съ удовольствіемъ выслушивалъ подобныя вещи и всѣми возможными способами старался задобрить горластаго штабсъ-ротмистра, который иногда съ собою

наше расстройство дожидала моншерова, особенно, если послѣднее осмѣливали вниманіемъ прекраснаго пола, что зрителю случалось обмолвенно. Переклетъ доказала ему его музыкальными уроками, рассказывая какъ строгій наработчикъ умилъ его нотами и какъ отдувался бѣдный Валетъ за ошибки своего барина. Положимъ, эти рассказы постоянно бывали одни и тѣже, однако тѣмъ менѣе какъ герои не всегда находили умѣстными приключеніемъ изъ своей жизни, передаваемыя во всеуслышаніе.

Фраза: «для тону» повторялась нѣсколькими офицерами и юнкерами, готовыми усвоить моншерскіе принципы, но собственно два человека приравнивали ее къ дѣйствительной жизни: Переклетъ, жертвуя только матеріальными средствами, да Балобайкинъ, который не оставался ни передъ выговорами начальства, ни передъ арестомъ. Оба сдѣлались франтами, съ тою только разницею, что ротмистръ позволялъ себѣ отступленіе отъ формы на балахъ, а поручикъ выѣзжалъ иногда и во фронтъ. О бальномъ его костюмѣ и говорить нечего: у него напудривъ былъ колетъ съ бархатными отворотами, который онъ сдѣлалъ изъ одному большому балу, за что и сдѣлалъ жгучую жалю на гаупвахтѣ.

Въ описываемомъ полку произошло довольно важное событіе. Полковой командиръ, добрый человекъ и большой хлѣбосолъ, вышелъ въ отставку и приготовлялся сдавать полкъ, — обстоятельство, представлявшее въ то время не мало затрудненій. Новый полковникъ, прибывшій изъ другого корпуса, смотрѣлъ какимъ-то нелюдимомъ и весь погружался въ счеты, желая получить больше съ своего предшественника, и потому во всемъ полку закипѣла дѣятельная работа; непрерывно въ штабъ съѣзжались эскадронные командиры на совѣщаніе, а штабные ни минуты не шли отъ него, исполняя приказаніе то стараго, то новаго полкового командира. Когда наконецъ дѣло уладилось съ помощью начальника дивизіи, все общество рѣшилось дать прощальный балъ прежнему командиру, вечеръ былъ для записки единодушной любви къ нему, которыхъ для показанія повому, что подчиненные умѣютъ цѣнить заслуги начальства. Подишная сумма была живо собрана, шенвачемъ разорядителемъ, а Вардаковъ, Переклетъ и Балобайкинъ поехали приглашать поживчиковъ по окрестности. Балъ вышелъ на славу. Веселился до упаду, Балобайкинъ рѣшительно помни-

малъ замира : всѣ хорошецкiя дѣвочки оказывали ему особенное расположенiе , такъ что Вардаковъ разсердился и обѣщали обратитъ моншера при удобномъ случаѣ. На проводѣ полкового командира собрались рѣшительно всѣ офицеры, дамытѣ, къ кому не весьма благоволялъ онъ, и только не доставало одного штабс-ротмистра Колѣнцова. Никто не зналъ причины, потому что Колѣнцовъ подписывалъ больше многихъ, всѣ ждали его передъ вечеромъ здрава и невредима, и хотъ онъ пожалуй могъ закутить, однако трудно было предположить, чтобы ему подобная штука пришла въ голову. Генеральъ послалъ освѣдомиться; Колѣнцовъ передалъ, что не можетъ прѣхать по случаю нездоровья. А дѣло было въ томъ, что послѣ какой-то распекаціи Колѣнцовъ далъ товарищамъ честное слово не говорить съ полковникомъ иначе какъ по службѣ.

Валъ замолчался шумный ужинномъ, послѣ котораго уѣхали дамы, а офицеры остались пировать до разсвѣта. Тамъ же было рѣшено проводить стараго полкового командира верхомъ до горы, лежавшей верстахъ въ трехъ отъ селенiя. Дѣйствительно на другой день вождь экипажа прежняго начальника скакали офицеры, юнкера и подъѣзжали справа и слева разговаривать съ генераломъ и съ генеральшей. Когда въ сопровожденiи шумной свиты карета въѣхала на гору и всѣ остановились, чтобы еще разъ попрощаться, одинъ юнкеръ закричалъ, что кто-то несется во всѣ лопатки изъ штаба. Всѣ оборотились и узнали Колѣнцова, который летѣлъ какъ изъ лука стрѣла на своемъ Коршунѣ. Очевидно онъ спѣшилъ попрощаться съ старикомъ, и послѣдній былъ тронутъ. Колѣнцовъ однакоже разыгралъ нечѣты неожиданную сцену. Прѣжалъ онъ на пошевкѣ съ бутылкой шампанскаго въ рукѣ и поклонился генералу. Не успѣвъ послѣдній окончиться, какъ онъ, выхвативъ саблю, отбилъ гермышко, осушилъ бутылку, поклонился вновь, повернулъ направо-кругомъ и пустелен навздъ въ карьеръ въ одно мгновенiе ока. Когда товарищи догнали его, онъ объяснилъ, что обѣщавъ не говорить съ старикомъ, онъ сдержалъ слово, но попрощаться прѣжалъ изъ желанья показать, что позабылъ его несправедливость.

— Лице, моншеръ, для тону! сказалъ Балобайковъ. — Вотъ это я люблю.

Колѣнцовъ, посмотрѣвъ на него, покачалъ головою.

— Для тону да для тону! А что вы дѣлаете для тону!

Ну видю какого-нибудь штафирку, нам надѣется: лорнетъ на ученье!

— А яতোжъ прикажешь дѣлать, мюнхеръ?

— Пронесемъ маршъ — маршъ мимо квартиры полкового командира! отозвался молоденькій корнетъ.

— И будетъ глупо, замѣтилъ Колѣвцовъ. — Нѣтъ, давай, Балобайкинъ, съ тобой на паря: отмечамъ какую-нибудь штуку для тону.

— Изволь. Я напрыгнусь проѣду съ дамскимъ зонтикомъ по улицѣ.

— Чортъ знаетъ какая дичь! Господа, кто держитъ дюжину шампанскаго: я на своемъ Корнуи проскачу, взалъ и впередъ по госпитальному коридору.

— Ай да молодець! раздались голоса.

Всѣ подѣхали, и Вардаковъ началъ утверждать, что Колѣвцовъ этого не сдѣлаетъ.

— Ну, когда не сдѣлаю, дюжина за мною, а проскачу, — ты угощаешь всѣхъ.

— *Cela bon*, чортъ побери, для тону! сказалъ Переблловъ съ нѣкоторою завистью, что ему не пришла подобная штука въ голову, и съ грустью, что еслибы и пришла, то ему нельзя было бы исполнить ее въ качествѣ эскадроннаго командира.

Колѣвцовъ подбодченнаго и поѣхалъ кружкою рысью къ селенью, послѣдуемый всѣми товарищами, изъ которыхъ старжки разсуждали, что блажить малый и нарочно проигрываетъ шампанское. Всѣ однако спѣшили за удалымъ штабсъ-ротмистромъ, направлявшимся прямо къ госпитальнымъ воротамъ. У входа обыкновенно стоялъ часовой, который, увидя толпу прискакавшихъ офицеровъ, сталъ въ порядокъ, вытянулся и сдѣлалъ «саблю впередъ» для отданія должной почести. Онъ даже не обратилъ вниманія, что взлетѣлъ на лошади на крыльцо, Колѣвцовъ вскочилъ въ коридоръ и къ величайшему изумленію больныхъ и здоровыхъ поскакалъ на другой конецъ по гладко-вымощенному полу. Черезъ минуту онъ возвратился назадъ съ торжествующей улыбкой.

— Молодець! Для тону! Лихо! Bravo! раздались голоса.

Но по госпиталю распространилась тревога. Дежурный офицеръ смѣлся, хватаясь за бока, но лекарь долженъ былъ поспѣвать къ старшему доктору. Смотритель прибѣжалъ въ дежурь,

больные переполошились и произошел необыкновенный скандалъ. Вардаковъ поставилъ дюжину, но Колѣнцову она обошлась очень дорого, потомучто онъ долженъ былъ перемостить полъ, на которомъ оставались глубокіе слѣды отъ подковъ, да келейно обязанъ былъ удовлетворить кого слѣдовало, чтобъ избѣжать формальнаго дѣла. Полковой командиръ по этому случаю ѣздилъ къ начальнику штаба, и Колѣнцовъ просидѣлъ мѣсяцъ на гаупвахтѣ.

Въ губернскомъ городѣ готовился цѣлый рядъ баловъ по какому-то случаю, и какъ въ провинціи балы удаются только тогда, когда много военныхъ кавалеровъ, то въ описываемый полкъ прислали десятка полтора билетовъ и кромѣ того нѣскольکو именныхъ, въ числѣ которыхъ разумѣется и Балобайкину. Полкъ зашевелился, потомучто предстояшіе балы выходили изъ ряда обыкновенныхъ и требовали какъ формы и костюма съ яголочки, такъ и больше времени, потомучто должны были продолжиться почти цѣлую недѣлю. Хотя послѣ кампанента продолжительная отлучка не представляла затрудненій, однакоже надо было кому выпроситься, кому достать денегъ, кому переѣзжиться караульною очередью и т. п. Балобайкинъ, какъ истый моншеръ, о подобныхъ пустякахъ не заботился: дня за три до перваго бала онъ уѣхалъ, взявъ въ долгъ новенькую форму и принялся за обычный образъ жизни, развѣзжая по мѣстнымъ аристократамъ съ визитами въ своей коляскѣ съ грумомъ на запяткахъ.

Остановился онъ въ петербургской гостиницѣ, преимущественно-посѣщаемой военными, гдѣ буфетчики, номерные, дворники не только знали всѣ полковыя различія, но и всѣхъ почти офицеровъ и ихъ біографіи. Ближніе помѣщики, особенно семейные, никогда уже тамъ не останавливались, вопервыхъ во избѣжаніе какого-нибудь происшествія, вовторыхъ — по отсутствію спокойствія, потомучто вокругъ въ номерахъ происходили вещи, пояснять которыя считаю излишнимъ. Балобайкинъ занялъ большой номеръ, съ цѣлю помѣстить въ немъ Переѣлова, и размѣстивъ удобно всѣ свои принадлежности, приготовился провести пріятно цѣлую недѣлю.

Наканунѣ бала, когда уже гостиница биткомъ была набита

пріѣзжими офицерами, передъ вечеромъ какой-то проѣзжій чиновникъ занялъ послѣдній маленькій номеръ по сосѣдству съ Балобайкинымъ. Проѣзжій этотъ, слыша вокругъ пѣсни, шумъ, позвалъ было номерного и просилъ о возстановленіи тишины, но получилъ отвѣтъ, что здѣсь стоятъ «офицера» и что у нихъ такая уже поведенція. Удовольствовался ли проѣзжій отвѣтомъ, разсудилъ ли, что надо подчиниться обстоятельствамъ, и потребовавъ себѣ ужинать, легъ спать, обѣщая выѣхать на разсвѣтѣ.

Часу въ одиннадцатомъ вечера Балобайкинъ возвратился изъ театра и отказавшись отъ картежа, ходилъ по своему номеру, обдумывая новую фигуру для мазурки, которою ему хотѣлось блеснуть на балѣ и пустить пыль въ глаза одному изъ губернскихъ львовъ, славившемуся въ этомъ отношеніи. Притомъ же Балобайкинъ былъ немного встревоженъ: въ театрѣ онъ видѣлъ двухъ или трехъ гвардейцевъ, на которыхъ обращены были всѣ бинокли мѣстныхъ «сливокъ» — обстоятельство, всегда отравлявшее самую лучшія радости нашего моншера.

Вдругъ въ коридорѣ произошелъ шумъ и раздался особенный звукъ.

— Я вамъ докладывалъ, ваше благородіе, что всѣ номера заняты.

— Я знать ничего не хочу, понимаешь ли ты, моншеръ? возразилъ кто-то спокойно. — Я привыкъ здѣсь останавливаться и иначе не могу.

— Я же чѣмъ виноватъ!

— Какъ, моншеръ! Развѣ ты не знаешь, что меня пригласилъ генералъ-губернаторъ? Ну, извини за обиду: полуимперьялъ за мной. Только номеръ мнѣ непремѣнно.

— Боже мой, чтоже мнѣ дѣлать? Послѣдній номеръ занялъ недавно проѣзжій.

— А кто онъ?

— Какой-то штатскій.

— Штатскій! И ты, болванъ-моншеръ, не могъ мнѣ сказать! Въ которомъ онъ номерѣ?

— Въ семнадцатомъ, ваше благородіе.

Балобайкинъ отворилъ дверь и увидѣлъ краснаго гусарскаго офицера, который съ хлыстомъ въ рукѣ подошелъ къ сосѣднему номеру и постучался.

— Кто тамъ? раздался изнутри голосъ проѣзжаго.

— Послунай, моншеръ штатекій: уступи мнѣ свой номеръ.

— Что это такое?

— Я иначе не могу!

Высокій унтеръ-офицеръ появился въ коридорѣ. Но многія двери уже створились, и офицеры высунували головы. Балобайкинъ выскочилъ изъ номера.

— У меня большая квартира, сказала онъ, обращаясь къ гусару: — неудобно ли пока помѣстится со мною? Оставьте проѣзжаго въ повоѣ.

— Благодарю, моншеръ.

— Эй, Цантшюкка! ступай помоги вносить вещи, сказала Балобайкинъ своему жокею.

Жокей бросился исполнять приказаніе, а гусаръ вошелъ въ номеръ къ Балобайкину.

— Имѣю честь рекомендоваться: корнетъ Самограевъ.

— Поручикъ Балобайкинъ.

— Вы на балъ?

— Даже на три.

— Лихо! Я пріѣхалъ верстъ за триста для тону. Хочу ближе познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ. Я только бывалъ здѣсь проѣздомъ и всегда останавливался въ этой гостиницѣ, потому что она военная.

— Пожалуйста, моншеръ, будьте какъ дома. Вы на почтовыхъ?

— На курьерскихъ, моншеръ, я иначе не могу.

— И прекрасно. У меня своя коляска къ вашимъ услугамъ.

— А нельзя ли достать карету для тону?

— Въ самомъ дѣлѣ недурно. Мы завтра разузнаемъ.

— Надо правду сказать, моншеръ, ваши уланы не умѣютъ жить для тону.

Балобайкинъ сперва хотѣлъ было обидѣться, но подумалъ, что дѣйствительно истинный джентльменъ ѣдетъ на балъ въ каретѣ, и отвѣчалъ:

— Да у насъ это не принято.

— То-то не принято! Значитъ мовѣ.

Въ это время нѣсколько офицеровъ вошли къ Балобайкину познакомиться съ пріѣзжимъ гусаромъ, а поручикъ Сазинъ объявилъ, что у нихъ идетъ стосикъ для препровожденія времени.

— Я въ карты не играю, сказалъ Самограевъ и занялся чисткою ногтей небольшимъ опилкомъ.

— Отчего же? спросилъ Сазинъ. — Это такое интересное занятіе. Вѣрно у васъ въ полку играютъ?

— И очень; но у меня есть болѣе серьезныя занятія.

— Нѣтъ, господа, сказалъ Балобайкинъ: — ступайте себѣ играть, а Самограеву нужно отдохнуть съ дороги, приготовиться къ балу.

— А напрасно, замѣтилъ Сазинъ: — мы съ братомъ сегодня мечемъ неудачно: рублей двѣсти уже проиграли.

Самограевъ оказался ремонтеромъ-дилетантомъ, рыскавшимъ безъ всякой цѣли. Ему видимо понравился Балобайкинъ, и оба моншера по уходѣ лишнихъ завели витанный разговоръ, въ которомъ однакоже и тотъ и другой вдавались поминутно въ хлестаковщину. Кликнувъ своего слугу, завитого франта, подъ названіемъ Санкиюота, Самограевъ скинулъ дорожную форму, облекся въ шолковый халатъ съ кистями, надѣлъ ермодку, приказалъ разложить на столѣ туалетныя принадлежности и закурилъ трубку изъ дорогого чубука съ янтаремъ, разлегшись на трактирномъ диванѣ. Нежелая ударить лицомъ въ грязь передъ гусаромъ, Балобайкинъ тоже нарядился въ щегольской халатъ и закурилъ богатую трубку.

— Не поужинать ли намъ, моншеръ? обратился онъ къ своему гостю.

— Пожалуй, только я думаю здѣсь мове.

— А не лучше ли одѣться и съѣздить въ Hôtel du Nord?

— Не хочется выходить изъ халата. Мы потребуемъ сюда карту, и я распоряжусь какъ слѣдуетъ. Моншеръ! обратился онъ къ жокею: — сходи принеси карту и кстати подай сюда буфетчика.

Черезъ нѣсколько минутъ молоденькій помощникъ буфетчика явился съ почтительнымъ поклономъ и подалъ карточку ужина.

— Фи, какая мерзость! отозвался Самограевъ. — Здѣсь ничего ѣсть нельзя порядочному человѣку. Я не понимаю, какъ улавы это терпятъ. Помилуй, моншеръ: котлеты съ горошкомъ, мозги, жаркое гусь! Начто это похоже? Позволь, Балобайкинъ, я распоряжусь ужиномъ.

— Сдѣлай милость, моншеръ, будь какъ дома.

— Буфетчикъ, послушай: подать намъ паштетъ изъ дичи, жаркое куропатки и хорошее мороженое:

— Пашкету вовсе не имѣется, куропатки вышли, а мороженое приготовишь-сь.

— Знать ничего не хочу, потому что я иначе не могу, гу, гу! Понимаешь? Я не привыкъ ужинать посвински. Я плачу вавое, только желаю поужинать хорошенько для тону.

— Какъ же пашкетъ...

— Можешь послать въ Hôtel du Nord.

— Это нельзя, ваше благородіе.

— Не разсуждать! Я заказалъ ужинъ, Маршъ! И помни, что корнетъ Самограевъ иначе не можетъ.

Растерянный буфетчикъ вышелъ. Балобайкинъ безмолвно удивлялся новому пріятелю, и у него уже вертѣлась мысль перейти въ гусары, гдѣ по всему служили люди лучшаго тона. Самограевъ восславъ приказаніе подогрѣть къ ужину бутылку ледяту и заморозить бутылку шампанскаго, и въ ожиданіи наговорилъ Балобайкину съ три короба о своей стоянкѣ и о своихъ офицерахъ. Балобайкинъ съ своей стороны описывалъ быть поселеннаго волка и окрестныхъ помѣщиковъ, но у него не доставало духу прихвастнуть порядкомъ, потому что Самограевъ безъ церемоніи дѣлалъ свои замѣчанія о видѣнныхъ имъ поселенныхъ офицерахъ и рѣшилъ, что между ними трудно встрѣтить истинный томъ, такъ-сказать genre fricas, который изъ всей кавалеріи возможенъ только въ гусарахъ и то въ полкахъ извѣстныхъ.

— Я по всему вижу, что ты, моншеръ, составляешь исключеніе, заключилъ Самограевъ, — и потому мнѣ пріятно сойтись дружески съ тобою.

Балобайкинъ молча протянулъ руку гусару, и на лицѣ его просіяла радость.

— Благодарю тебя, моншеръ; теперь я могу откровенно признаться, что думаю перейти или въ гвардію, или въ гусары.

— Зачѣмъ въ гвардію! Я своего полка не промѣняю ни на какой гвардейскій. Впервыхъ тамъ строгости въ службѣ, вовторыхъ, чтобъ жить весело, надо имѣть огромное состояніе.

— У насъ очень скудно.

— Еще бы, моншеръ, закупориться въ поселеніи! Духъ не

тотъ. Целодняжи и въ вашихъ волкахъ большаа чадъ офицеровъ
мове, — зато отчаянные сорвиголовы.

— Кутить-то мастера и наши.

— Какіе у васъ кутежи! Я видѣлъ, моншеръ, вашихъ ремонт-
теровъ; просто срамъ, дрожать надъ каждой копѣйкой.

— Народъ все небогатый.

— Стало-быть дрянъ, моншеръ! Они положимъ хорошіе лю-
ди, но у нихъ за душой вѣтъ ни гроша.

Въ подобныхъ разговорахъ моншеры дождались наконецъ
ужина, который былъ принесенъ самимъ буфетчикомъ.

— Я тобой очень доволенъ, сказалъ ему Самограевъ. — Пом-
ни, что если что требуетъ гусаръ, слово «нельзя» должно быть
вычеркнуто изъ твоего лексикона. Понимаешь?

— Понимаю; в. б—іе.

— Ступай! Полуимперьяль за мной!

Братья Сазими оба являлись приглашать Самограева на сто-
ликъ и божениекъ, что имъ не везетъ ужасно, однако Самограевъ
отказалъ на-отрѣвъ и прибавилъ, что играетъ въ карты въ одиночку
только случаямъ: если неудастся интересное волонитство.

Послѣ ужина Самограевъ потребовалъ номерного.

— Послушай, моншеръ, сказалъ онъ ему: — когда просвется
штатскій, скажи, чтобъ зашелъ ко мнѣ передъ отъѣздомъ. Ска-
жи мнѣ полковникъ Самограевъ требуетъ.

— Слушаю; в. б—іе.

— Отъ должнень въвинитесь передо мной, потому что я виче
не могу. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, пошелъ. Полуимперьяль за мной.

— Это уже будетъ другой.

— Какъ!..

— Одинъ общали, когда изволили ударить мена по уху.

Самограевъ на ночь намазалъ лицо какой-то помадой и пред-
ложилъ тоже сдѣлать Балобайкину, который непременно воспользоваться дружескимъ савѣтомъ.

Самограевъ, личность исключительная даже между монше-
рами, былъ очень неглупъ въ ворядечно образованъ, но что-на

является напустилъ на себя ультра-моншерство и сперва дурачился въ тѣсномъ кружкѣ, а потомъ это вошло у него въ привычку, и онъ хоть и сознавалъ смѣшное въ иныхъ своихъ выходкахъ, однако зашолъ уже такъ далеко, что не имѣлъ силы отрѣшиться отъ принятой роли. Самограевъ дѣлалъ все «для тону», но главной черты его шалостей невозможно передать перомъ, потому что оно заключалось въ интонаціи и манерахъ, съ которыми произносилъ онъ свои фразы. Такъ иногда приходила ему фантазія повторять по нѣскольку разъ окончаніе каждаго слова. «Я иначе не могу, гу, гу»; «миѣ это нравится, авится»; «я тебѣ говорю, рю, рю» и т. п. Всѣ эти выходки смѣшили товарищей, изъ которыхъ иные пускались тотчасъ же въ подражаніе, но дурачество Самограева выходило у нихъ чрезвычайно нелѣпо. Каждую офицерскую шалость того времени Самограевъ передѣлывалъ на свой ладъ «для тону» и былъ неистощимо разнообразенъ въ своихъ выходкахъ, доставившихъ ему извѣстность даже между начальствомъ. На смотрахъ порой строгій генералъ, невзирая на свою серьезную мину, часто невольный исполненіемъ того или другого маневра, при встрѣчѣ съ Самограевымъ не всегда могъ удержаться отъ смѣха. Въ одномъ уѣздномъ городкѣ западныхъ губерній, гдѣ стоялъ полкъ ихъ, въ ненастное время почва превращалась въ невылазную грязь, такъ что перебраться черезъ улицу невозможно было иначе какъ верхомъ и другого средства не представлялось попасть изъ квартиры въ квартиру. Евреи тотчасъ изобрѣли способъ передвиженія: за ничтожную плату они перевозили желающихъ на спинѣ, и многіе гусары такимъ образомъ совершали даже довольно продолжительныя путешествія. Наконецъ евреи, изъ желанія имѣть большую практику, придѣлывали себѣ на спину нѣчто вродѣ сѣделъ съ веревочными стремянами. Разумѣется молодежь не упускала случая пошалить, хотя это возмутительно теперь, но въ то время нѣкоторые шпорили евреевъ, строили иногда въ шеренгу, заставляли ихъ вѣдти въ галопъ, однимъ словомъ находили въ этомъ шумное развлеченіе. Самограевъ для тону выбралъ себѣ отличнаго еврея; но вскорѣ моншеру это надоѣло, потому что стало дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Во время хорошей погоды онъ втайнѣ отъ товарищей устроилъ себѣ богатый паланкинъ съ занавѣсками, заключилъ контрактъ съ четырьмя дюжими евреями и послѣ перваго дождя, когда молодежь выѣхала

по улицамъ на двуногихъ будефалахъ, Самограевъ показался въ своемъ красивомъ паланкинѣ въ великолѣпномъ халатѣ, въ ерможкѣ и съ завѣтнымъ янтаремъ, пуская клубы дыма. Зрѣлище было такъ ново и интересно, что самъ полковой командиръ долго смотрѣлъ на него изъ оконъ и только замѣтилъ Самограеву, чтобъ онъ ѣздилъ въ сертукѣ, во избѣжаніе скандала. Долго тѣшился моншеръ для тону, пока кто-то другой не сдѣлалъ паланкина, а послѣ этого тотчасъ же торжественно сжогъ свои носилки и ѣздилъ уже просто верхомъ на еврейхъ. Анекдотовъ о Самограевѣ ходило множество, но были между ними и такіе, которые переходили за границу всякаго вѣроятія и дѣлали изъ него сказочнаго героя. Иногда ему самому случалось выслушивать рассказы, переиначенные стоустою молвою, что его чрезвычайно утѣшало, и моншерство наконецъ поглотило всѣ его помышленія. Сознывая иной разъ самъ нелѣпность какого-нибудь своего поступка, Самограевъ немогъ однакожъ удержаться. Сначала при первомъ знакомствѣ онъ велъ себя какъ слѣдуетъ и только спусти нѣкоторое время позволялъ себѣ разныя выходки; но послѣ прямо начиналъ своей ролью и не выходилъ изъ нея, потѣшая почтеннѣйшую публику. Дошло наконецъ до того, что если Самограевъ говорилъ порядочно, не ломался, не употреблялъ своихъ выраженій съ извѣстными приемами, на него смотрѣли какъ на человѣка въ ненормальномъ положеніи и каждое серьезное слово считали шуткой.

Надобно сказать, что тогда въ кругу помѣщиковъ, особенно въ южныхъ губерніяхъ, при многочисленныхъ сѣздахъ, мужчины по утрамъ долго сидѣли по своимъ комнатамъ, собиравсь чаще гдѣ-нибудь въ просторной квартирѣ, и кромѣ записныхъ картежниковъ, по суткамъ продолжавшихъ игру, всѣ занимались болтовней и тѣшились выходками специалистовъ по части штукъ съ какимъ-нибудь бѣднякомъ или идіотомъ, служившимъ обыкновенно игрищемъ сосѣдей. Но гдѣ появлялся Самограевъ, тамъ слушали только его одного, и онъ иногда вралъ такую ахинею, что помѣщики надрывались со смѣху, тѣмъ болѣе, если онъ избиралъ для своихъ нападеній какую-нибудь не безответную личность. Самограевъ такъ уже самъ привыкъ къ своей роли, что нерѣдко дома съ человѣкомъ разговаривалъ извѣстной манерой, описывая большимъ пальцемъ впереди себя кругъ по усвоенному издавна обычаю.

Имѣя хорошее состояніе, Самограевъ никогда не стѣснялся относительно исполненія своихъ притостей, и если даже во фронтѣ выѣзжалъ не всегда въ строгой формѣ, то можно себѣ представить его балльные костюмы, особенно гдѣ-нибудь въ залустьяхъ, куда по его соображенію не могло заглянуть высшее начальство. У него былъ доломанъ съ толстыми снурками, между которыми блестяли крупныя стразовыя пуговицы. Несмотря на уничтоженіе у армейскихъ гусаръ чикчировъ и ботфортъ, Самограевъ носилъ чикчиры буквально всѣ вышитыя золотомъ, ботфорты же заказалъ чисто фантастическіе, какихъ фронтно не создавало ни одно воображеніе: переды изъ лакированной кожи, каблукы окованы серебромъ съ золотыми шпорами, голенища бархатныя съ небольшими шолковыми отворотами, на которыхъ болтались кисточки изъ серебряной канители. Въ то время у армейскихъ гусаръ оставались еще вице-мундиры и Самограевъ являлся на балы не иначе какъ въ вице мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и при шпагѣ, разумѣется гдѣ-нибудь по ярманкамъ. Временныя коменданты уже и не привязывались къ Самограеву, потому что онъ въ сущности былъ добрый малый. При томъ Самограевъ и ему подобные моншеры имѣли привычку ссылаться на новые приказы, въ силу которыхъ они будтобы надѣвали ту или другую форму.

Проснувшись довольно поздно, моншеры усѣлись въ халатахъ за чай и покуривая трубки толковали о предстоящемъ вечерѣ. Балобайкинъ, довольно впрочемъ несмѣло, заявилъ опасеніе относительно нѣсколькихъ гвардейцевъ.

— Кавалеристы или пѣхота? спросилъ Самограевъ.

— Кажется все пижосы.

— Да хоть бы и кавалеристы, моншеръ, — не обращать на нихъ вниманія, и дѣло съ концомъ!

— Положимъ такъ, да наши дамы очень падки на гвардейцевъ.

— Надобно, моншеръ, показать себя и заставить этихъ франтъхъ отдать намъ полную справедливость.

— При томъ же у насъ въ полку мало тонѣровъ, и всего че-

ловѣкъ вѣтъ говорить по-французски, да и то съ грѣхомъ непо-
ламъ.

— Я видѣлъ разъ здѣшнее общество : оно очень бѣдно.

— Какъ ты получилъ приглашеніе къ генералъ-губерна-
тору?

— Я, моншеръ, не получалъ никакого приглашенія, а прѣ-
ѣхалъ просто для тону.

— И къ губернскому предводителю?

— Тоже самое. Помилуй, моншеръ, они должны за честь счи-
тать мое посѣщеніе.

Балобайкинъ оставилъ глаза на собесѣдника : ему казалось,
что гусаръ шолъ прямо вопреки приличій. Самограевъ должнъ-
быть понялъ это и улыбнулся.

— У насъ такъ погусарски, моншеръ, сказалъ онъ : — и
если ты незнакомъ съ дамами, я тебя представляю какъ моего
пріятеля.

— Я знакомъ съ первыми аристократическими семействами.

— Радуюсь твоей радости. Меня только смущаетъ одно...
Сказать откровенно?

— Напримѣръ?

— Я хотѣлъ ѣхать въ чулкахъ и башмакахъ при шпигелѣ..
Но эти гвардейцы!.. Впрочемъ истинный джентльменъ не дол-
женъ робѣть ни въ какомъ случаѣ. Эй, Санкюлотъ!

Явился камердинеръ.

— Подать мнѣ лучшаго портного!

— Здѣсь лучшій военный портной Пырѣвъ гѣроично зава-
лень работой, да онъ и не поѣдетъ, замѣтилъ Балобайкинъ.

— Вотъ вадоръ. Побѣжай, Санкюлотъ, къ этому Пырѣву,
скажи молъ гусарскій корнетъ Самограевъ требуетъ, и при-
бавь для тону, что платить безъ торгу. Маршъ!

Въ это время вошли къ Балобайкину нѣсколько товарищей
и въ томъ числѣ Вардаковъ, который, потребовавъ трубку и
чаю, улегся на широкомъ креслѣ. Самограевъ посмотрѣлъ на
него какъ-то непріязненно, тѣмъ болѣе что Вардаковъ явился
въ засаленомъ халатѣ, невытый и съ необыкновенно нахаль-
ной фізіономіей.

— Ну что, Балобашка, сказалъ горластый штабсъ-рот-
мистръ : — приготовляешься плѣнять, побѣждать? А?

— Имѣю уже на три кадрили и на мазурку.

— А мазурку съ нѣмъ, позвольте спросить?

— Съ Тетеркиной.

— Вишь верхолизка!

— А что, моншеръ, эта Тетеркина порядочная? спросилъ Самограевъ.

— Образованная и милая дѣвица, отвѣчала Балобайкинъ.

— Только очень уже задираетъ носъ, такъ что и прочувствовать вѣжливо бы, замѣтилъ Вардаковъ.

— Можетъ-быть просто дѣвица хорошаго тона? сказалъ Самограевъ.

— Что значить хорошій тонъ! закричалъ Вардаковъ. — На балѣ всѣ кавалеры равны, а она перебираетъ. Я сдѣлаю ей исторію — вотъ и все.

— Только не тогда какъ будетъ танцевать со мною, молвилъ спокойно Балобайкинъ.

— А еслибы и тогда?

— Значить надо имѣть исторію со мною.

— Полноте, господа! вмѣшался толстый поручикъ: — гдѣ еще балъ, какъ еще будетъ вести себя Тетеркина, а вы уже готовы поспориться!

— Да чтожъ это такое въ самомъ дѣлѣ! горчился Вардаковъ. — Она мнѣ никогда не дастъ слова на мазурку. Что я не врань, не болтаю пофранцузски, не умѣю верхолизничать...

Но въ эту минуту вслѣдъ за Санкюлотомъ вошелъ въ номеръ высокій малый.

— Вотъ портной, сказалъ камердинеръ.

— Ты, моншеръ, самъ хозяинъ? спросилъ Самограевъ.

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе, — подмастерье. Нашъ хозяинъ очень занятъ.

— Все равно. Возьми мои новые варшавскіе рейтузы и къ вечеру сдѣлать мнѣ по этой мѣркѣ черные, съ золотыми лампасами, только чтобъ сидѣли какъ вылитые.

— Слушаю. Будутъ готовы. А какого это полка?

— Шампанскаго гусарскаго.

Подмастерье улыбнулся.

— Такого полка не слышали.

— Много будешь знать, моншеръ, скоро состарѣешься. Но не въ томъ дѣло. Хороши выйдутъ рейтузы, и посидѣютъ ве-

время, — получишь полушпёрлягъ на водку; испортишь, — не заплачу денегъ. Маршъ!

Подмастерье улыбнулся.

Балобайкину очень неприятно было присутствие товарищей, которые повидимому стѣсняли Самограева, но выжить ихъ онъ не могъ придумать средства, тѣмъ болѣе что Вардаковъ укоренился въ креслѣ, готовясь произнести какой-нибудь спичъ по поводу Тетеркиной, дѣвы довольно зрѣлой, но за которой, какъ носилась молва, давали сто тысячъ приданого. Вардаковъ давно уже мѣтилъ на нее, но какъ онъ былъ дурень собой и неуклюжь, то Тетеркина тяготилась даже видѣть его въ числѣ своихъ поклонниковъ.

Между тѣмъ подошли еще офицеры и составилось шумное совѣщаніе относительно костюма: иные полагали не отступать ни на волосъ отъ формы, но нѣкоторые рѣшились явиться въ бальныхъ эполетахъ, съ бальными сабельками и волосы завиты по послѣдней модѣ. Кто-то отозвался, что страшный начальникъ штаба заболѣлъ, и вслѣдствіе этого можно было позволить себѣ маленькую вольность въ костюмѣ. Самограевъ молчалъ и только улыбался, потому что онъ еще ниразу въ жизни не одѣвался какъ прочіе, и ему было странно слушать, что этому придавали такую важность кавалерійскіе офицеры. Соскучивъ однакоже въ этомъ обществѣ, онъ предложилъ Балобайкину потолкаться по магазинамъ съ цѣлью встрѣтить гдѣ-нибудь хорошенькихъ.

— Нѣтъ ужъ лучше, моншеръ, сказалъ Балобайкинъ, — ты одѣнешься какъ слѣдуетъ: я лучше познакомя тебя съ однимъ домомъ, а оттуда пройдемъ къ здѣшнимъ львамъ, съ которыми нешѣшаетъ сойтись.

— Штатскіе?

— Да, служить, или лучше-сказать считаются при генералъ-губернаторѣ. Это, моншеръ, не простые штафирки, а *bonne fracas*.

— Ну пожалуй, только прежде къ барышнямъ, потому что я давно не волочился.

— Поѣхалъ бы и я съ вами, отозвался Вардаковъ, — да вы, какъ вижу, оба порядочные бошжуръ. А что, ребятѣжь, обратился онъ къ прочимъ офицерамъ, — не пойдеть ли ужарить на белендрясѣ?

Всѣ изъявили согласіе и ушли въ бильярдную, а моншеры занялись туалетомъ и въ коляскѣ Балобайкина поѣхали съ визитами.

Балобайкинъ представилъ Самограева въ двухъ аристократическихкихъ домахъ какъ своего лучшаго пріятеля, и всѣ дамы нашли гусара очень интереснымъ, который дѣйствительно былъ красивый, неглупый малый и на первое знакомство не чудилъ, не ломался, ведурно говорилъ пофранцузски и велъ себя очень врилично. Мѣстные львы тоже нашли въ Самограевѣ всѣ условія истиннаго джентльмена, и какъ они оба жили вмѣстѣ и были дружны съ Балобайкинымъ, то обѣщали достать гусару приглашеніе на прочіе балы.

Моншеры обѣдали за общимъ столомъ, гдѣ Самогревъ погусарски угостилъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ шампанскимъ, такъ что самъ Вардаковъ нашолъ его добрымъ малымъ. Но цѣль Самограева была не удовлетвореніе самолюбія, не вышивка для тону, а приобретеніе себѣ поддержки на случай исторіи съ гвардейцами, о которыхъ онъ за обѣдомъ и пустилъ въ ходъ мысль, что они-де обыкновенно смѣются надъ армейцами при каждомъ удобномъ случаѣ. Подгулявшая компанія уланъ единодушно объявила, что на балѣ у генералъ-губернатора должны хозяйничать мѣстные кавалеры, а не какіе-нибудь чужіе шаркуны.

Къ концу обѣда пріѣхалъ Переѣловъ и съ первыхъ же минутъ не только полюбилъ Самограева, но предался ему душою и послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго предложилъ гусару быть на ты и танцевать съ нимъ постоянно vis-à-vis. Но въ послѣднемъ предупредилъ его Балобайкинъ, что чуть не привело Переѣлова въ отчаяніе.

Передъ баломъ всѣ легли уснуть для подкрѣпленія силъ, а когда Самограевъ проснулся, портной давно уже ожидалъ его съ новыми рейтузами. Получивъ деньги за работу, подмастерье стелъ ихъ и переминался съ ноги на ногу.

— Я тобой очень доволенъ, сказалъ ему гусаръ.

— В. б—іе изволили обѣщать на водку.

— Ты уже получилъ, моншеръ, полтивникъ.

— Помнится, вы посулили полуимперьялъ...

— Это говорится, моншеръ, для тону.

Къ десяти часамъ всѣ офицеры длинной веревкой потянулись къ дому генералъ-губернатора.

Пышность въ то время начинала уже входить въ провинціи въ обыкновеніе, особенно въ описываемомъ городѣ она сдѣлалась необходимою извѣстнаго круга, и бѣлъ у много мѣстных аристократа нерѣдко поглощать полугодовой доходъ его. Стрѣздомъ генералъ-губернатора, высшего вельможи, извѣжнаго гастронома, роскошь начала доходить до ужасающихъ размѣровъ, такъ что нѣкоторые члены губерцкихъ «сливокъ» многомъ вошли въ неоплатные долги изъ желанія не отстать отъ другихъ, и веселость закинула въ городѣ. Разорительнѣе всего въ этомъ случаѣ были дамскіе туалеты и великолѣпные ужины, такъ что принадлежности для первыхъ выписывались изъ Петербурга и даже изъ Парижа, а для вторыхъ нанимались въ столицѣ повара за баснословную цѣну. Строй тогдашняго провинціального общества сохранился донынѣ, в главной преобладающей чертой его было слѣпое подражаніе обычаямъ каждаго новаго начальника. Казалось бы иному частному и вполне независимому человѣку не предстояло никакой надобности обезьяничать и перемѣнять свои привычки; но такова уже закваска высшаго провинціального общества, что недѣлимая, его составляющая, изъ всѣхъ силъ стремится за временнымъ свѣтиломъ и дѣлаются неотступными его спутниками. Генералъ-губернаторъ любилъ поѣсть — и всѣ мѣстные аристократы спѣшили задавать объѣды, а какъ въ провинціи трудно имѣть подъ рукою необходимые припасы, то нерѣдко живые осетры или какіе-нибудь рѣдкіе плоды привозились за сотни верстъ на курьерскихъ. Генералъ-губернаторъ любилъ хорошихъ лошадей — и мѣстные аристократы заводили орловскихъ рысаковъ, закладывали алмазы, бриллы, что бы только не ударить въ грязь лицомъ и не отставать отъ прочихъ. Однимъ словомъ все высшее общество только и думало, какъ бы угодить вельможѣ и быть въ числѣ избранныхъ, то-есть кого приглашаютъ не только на парадные балы, но и на домашніе вечера, въ близкій кружокъ, куда разумѣется попадали весьма немногіе. Генералъ-губернаторъ былъ человѣкъ умный и образованный, но

самимъ гордый, чтобы допускать облаженіе съ униженными губерскими тузами, разбогатѣвшими — кто посредствомъ взятокъ, кто откупамъ; съ другой стороны, любя общество, онъ не хотѣлъ быть одинъ и потому окружилъ себя весьма небольшою кружкомъ изъ тѣхъ, кого нашолъ порядочнѣе. На маденькихъ вечерахъ онъ и жена его знали всѣхъ гостей, но на большихъ официальныхъ балахъ, на которые приглашалось полгорода, хозяйка считала обязанностью только раскланываться пріѣздиво и рассыпать мимоходомъ самыя любезныя фразы.

Въ девять часовъ подъѣздъ генераль-губернаторскаго дома былъ освѣщенъ великолѣпно, и къ нему безпрерывно подъѣзжали разнообразныя экипажи отъ щегольской вѣнской кареты до дрянныхъ извозничьихъ дрожекъ, привозя гостей, изъ которыхъ нѣкоторые взбѣгали на лѣстницу просто какъ домой, а другіе съ трепетомъ сердца и дрожаніемъ поджилковъ. Дамы, коротко знакомыя съ хозяевами, презрительно оглядывали дамъ, явившихся два раза въ годъ; лбы въ бѣлыхъ галстукахъ съ сожалѣніемъ смотрѣли на джентльменовъ, одѣтыхъ не въ шикарное платье, и даже ливрейное лакейство фамиллярно кивало головою тѣмъ, кто былъ вхожъ къ генераль-губернатору, а незнакомыя гостямъ оказывало свое холопское высокомеріе. Дежурные адъютанты и чиновники встрѣчали дамъ въ передней и проводили въ залу, гдѣ волновалась значительная толпа, а на хорахъ играла музыка.

По провинціальному обычаю дамы стояли и сидѣли особо, а мужчины особо; изрѣдка только адъютантъ или мѣстный левъ рѣшались нарушить это обыкновеніе, да пріѣзжіе гвардейцы, ловко скользя по паркету, ходили съ двумя сестрами, считавшимися самыя гордыя и недоступныя дѣвицами. Монсеры наши, въ томъ числѣ и Переѣловъ, пріѣхали въ то время, когда хозяйка приказала играть вальсъ, которымъ начинали уже открывать балы вмѣсто полонеза.

Балобайкинъ, какъ человекъ, танцовавшій раза два-три съ генераль-губернаторшею, смѣло подошелъ къ ней и раскланывшись представилъ ей своего эскадроннаго командира Переѣлова и скривившаго друга Самограева. Последній, проговоривъ нѣсколько французскихъ фразъ, видимо понравился хозяйкѣ, которая очень любезно приняла важакаго гусара. Тутъ же стояла

ей наперсница, довольно полновялая, но еще интересная барыня, и генераль-губернаторша передала ей Самограева.

— Возьми, ма сёге, сказала она, — прѣвзжаго на свою отвѣтственность. Улань — наши всегдашніе гости, они здѣшніе, а гусарь не имѣеть никого знакомыхъ. Вы конечно танцуете? спросила она Самограева.

— Непремѣнно, какъ-истинный гусарь, замѣтилъ Балобайкинъ, которому было досадно, что его не удостоили самой простой фразы.

Самограевъ самодовольно осмотрѣлся и отставилъ впередъ одну ногу, любуясь новенькимъ блестящимъ лампасомъ. Онъ былъ въ вицмундирѣ, почти неотступавшемъ отъ формы, только вмѣсто суковнаго съ бархатнымъ воротникомъ, на которомъ положена была не простая пыфровка, а фантастическое шитье, разбросанное прихотливыми арабесками. На шею наматалъ онъ длинную золотую цѣпочку отъ лорнета, изъ-подъ вицмундира болталось множество привѣшенныхъ къ часамъ брелоковъ. Но главное украшеніе Самограева составляла шляпа съ султаномъ, которая впрочемъ были уже отмѣнены у фронтовыхъ офицеровъ, а носились еще подъ шумокъ, особенно моншерами. Султанъ у него былъ дѣйствительно необыкновенный: такое изобиліе перьевъ и такихъ длинныхъ трудно себѣ представить, и Самограевъ нарочно держалъ шляпу лѣвою рукою такъ, чтобъ всѣмъ въ глаза бросался великолѣпный султанъ, дѣланный ему на заказъ въ Варшавѣ за какую-то баснословную цѣну.

— Я еще незнакомъ съ его превосходительствомъ, сказалъ Самограевъ, обращаясь къ хозяйкѣ, — и былъ бы счастливъ, еслибъ могъ быть представленъ очаровательнѣйшею изъ дамъ.

Это было проговорено съ такой миной, что будь даже генераль-губернаторша не такъ хороша собою, она не могла бы не принять на свой счетъ. Она немного сконфузилась, но ее выручила наперсница.

— Очаровательная изъ женщинъ видите какъ занята — сказала она — непрерывно прибывающими гостями, а если позволите, васъ представить генералу обыкновенная смертная.

Моншеръ поклонился.

— Я никогда не назвалъ бы васъ простой смертной: вы такъ любезны, у васъ столько изящнаго вкуса, такая жаутальность, просто *première qualité à la Pompadour*.

Хозяйка и ее наперсница разсмѣялись.

— Надо правду сказать, замѣтила послѣдняя, — что эти гусары незамѣнимы. Пойдемте, mon protégé, я представляю васъ генералу. Васъ, monsieur Балобайкинъ, нечего рекомендовать.

Балобайкинъ брызнулъ шпорами.

— Я имѣю счастье быть знакомымъ и только представляю ротмистра Переѣлова.

— Смотрите однакоже, господа, въ кабинетѣ сидитъ гроза всѣхъ военныхъ — начальникъ штаба Зворскій.

При этомъ извѣстїи Балобайкинъ смѣшался немного, потому что хотя онъ и не посмѣлъ надѣть неформеннаго платья, однако особенный заказной этикетъ свой развѣсилъ точь-вточь экседбантъ, полагая навѣрное не встрѣтить начальника штаба. Но раздумывать было некогда, и онъ съ Переѣловымъ отправился вслѣдъ за баронессой, которая вела Самограева.

Въ кабинетѣ сидѣло нѣсколько военныхъ и статскихъ генераловъ, которые переливали изъ пустого въ черовнее. Генералъ-губернаторъ привсталъ при входѣ офицеровъ. Баронесса отъ имени сузруги огрекомендовала ему Самограева, а Балобайкинъ представилъ Переѣлова. Хозяинъ, принявъ ихъ очень любезно и поговоривъ нѣсколько минутъ съ гусаромъ пофранцузски, просилъ молодыхъ людей быть безъ церемонїи и танцовать какъ можно побольше. Зворскій давно уже пристально разсматривалъ всѣ отступленїя отъ формы у офицеровъ и не могъ вытерпѣть.

— Вы какого полка? спросилъ онъ, обращаясь къ Самограеву.

— ... гусарскаго.

— Вѣроятно вышла недавно новая форма?

— Недавно, отвѣчалъ моншеръ.

— Удивляюсь какъ я пропустилъ приказъ. А шляпа съ султаномъ?

— Мы донашиваемъ, ваше пр—во.

— Такъ. А у васъ, поручикъ Балобайкинъ, тоже вышли новые этикететы?

— Знаете что, генералъ, замѣтилъ хозяинъ: — я желалъ бы видѣть всѣхъ своихъ гостей веселыми и довольными. Пойдемте лучше составимъ партїю, а молодежь пусть танцуетъ.

— Я только такъ, в. п—во, сказалъ начальникъ штаба.

Раскланявшись, монтеры успѣли выйти въ залу.

Самограевъ предложилъ руку баронесѣ и несльдующій Балобайкинымъ съ его эскадроннымъ командиромъ, торжественно шолъ во направленію къ хозяйкѣ, возлѣ которой въ граціозней позѣ стояли два пѣхотныхъ гвардейца, завитые и раздушенные. Балобайкинъ и Переѣловъ тотчасъ же присмирѣли при видѣ петербургскихъ героевъ, но Самограевъ почувствовалъ противоположное стремленіе, гордо выпрямился и распустилъ до полу косяцы своего султана. Довко-составленной французской фразой обратился онъ къ хозяйкѣ съ просьбой осчастливить его какой-нибудь кадрилию.

— Очень жалѣю, отвѣчала генералъ-губернаторша, — а должна отказать вамъ, потомучто послѣднія двѣ кадрили отдала гг. гвардейцамъ; но если хотите, могу танцовать съ вами мазурку.

— Почту за счастье, сказалъ Самограевъ и посмотрѣлъ на гвардейцевъ съ видомъ, что-де не одни вы имѣете право на вниманіе.

Балобайкинъ съ Переѣловымъ только переглянулись. Первый однакоже сдѣлалъ шагъ впередъ къ хозяйкѣ дома и сказалъ пофранцузски:

— Покрайней-мѣрѣ на балѣ у губернскаго предводителя позволите надѣяться на кадраль?

— Охотно.

Моншеръ отошелъ охорашиваясь, а Переѣловъ хотѣлъ было и себя пригласить важную даму, но оробѣлъ и не могъ проговорить ни слова. Между тѣмъ много гостей уже вальсировало, вокругъ танцующихъ образовалась густая стѣна зрителей.

Не считаемъ необходимымъ описывать этотъ балъ, вхожіи на всевозможные балы, да это и небыло у насъ въ предположеніи, но представимъ читателю нѣсколько эпизодовъ, попеняющихъ дѣйствующія лица нашего сказа.

Въ одной изъ гостиныхъ комнатъ, убранныхъ съ большимъ вкусомъ и роскошью, на мягкомъ диванѣ, прислонясь уютно въ уголъ, сидѣла баронеса, возлѣ ней дѣвица Тетеркина, а подальше одна молоденькая дама, ушедшая отъ быстрыхъ танцевъ и рѣшившаяся отдохнуть передъ долговременной мазурной. Вокругъ на креслахъ и стульяхъ въ болѣе или менѣ живописныхъ позахъ помѣщались Самограевъ, Переѣловъ, Балобайкинъ, мѣст-

ный левъ князь Калгазовъ и одинъ изъ гвардейцевъ, затяну-
тый въ блестящій мундиръ и обутый въ щегольскіе лакированные
полусапожки. Баронеса, фамилію которой рѣдко кто зналъ, из-
вѣстная всѣмъ подѣ именемъ Генріэты Карловны, была барыня
среднихъ лѣтъ, но впервыхъ она очень хорошо сохранилась,
вопторыхъ тогда Бальзакъ пустилъ въ ходъ поклоненіе немоло-
дымъ женщинамъ, убѣдивъ лавровъ, что сорокъ лѣтъ для женщи-
ны — вѣкъ истинной красоты, и только доживъ до этого почтен-
наго возраста красавица достигаетъ своего апогея. Генріэта Кар-
ловна не достигла еще магической цифры, но обладала тайной
освѣженія прелестей и проживая у генераль-губернаторши въ
качествѣ пріятельницы, служила предметомъ всеобщаго внима-
нія. Полная, бѣлая, съ высоко-развитою грудью, при умѣнномъ
одѣваться къ лицу, Генріэта Карловна была недурна собою, и
обладая способностью переливать изъ пустого въ порожнее, она
пользовалась репутаціею умной и острой собесѣдницы, калам-
буры которой повторялись въ высшемъ обществѣ.

Дѣвица Тетеркина — кумиръ холостяковъ, худоцвала лѣ-
вица далеко за двадцать за пять, съ большими черными глазами,
съ маленькой ножкой — не такъ еще давно заблестала на гори-
зонтѣ губернскаго свѣта. До двадцати двухъ лѣтъ ее никто не
зналъ, потому что она была дочь какого-то неважнаго чиновни-
ка, и появлялась лишь на вечерахъ купеческаго собранія, гдѣ
танцевали съ ней знакомые студенты и канцелярскіе, но не-
только безъ цѣли сдѣлать ей предложеніе, а даже не удостоива-
ли мимолетнымъ волокитствомъ. Вдругъ какъ-то неожиданно
досталось ей большое наслѣдство, и съ тѣхъ поръ Тетеркина,
попавъ въ высшій свѣтъ, сдѣлалась предметомъ постоянного
поклоненія. Воспитанная на сентиментальныхъ романахъ, на
жизнь смотрѣла она съ особенной точки зрѣнія и влюбившись въ
осънадцати лѣтъ въ одного красавца-студента, который по-
стоянно насмѣхался надъ нею, долго не могла позабыть своего
идола. Когда неожиданное богатство, закруживъ ей сперва го-
лову, перестало уже для нея казаться сновидѣніемъ, когда она
узнала настоящую ему цѣну, идолъ ея давно уже былъ женатъ
и мало-помалу началъ изглаживаться изъ ея памяти. Желаніе
выйти замужъ снова овладѣло Тетеркиной, но богатая наслѣдщи-
ца рѣшилась отдать свою руку только по самой страстной любви,
и въ слѣдствіе этого она была разборчива. Здѣсь не шли въ рас-

четь пожилые совѣтники и полковники, но самую молодежь держала она очень строго, и если иной изъ ея поклонниковъ, для краснаго словца, выражался какъ—нибудь легкомысленно о любви, тотчасъ же терялъ въ ея мѣнѣи. Окрестные офицеры ухаживали за нею, но не смѣкали въ чемъ самая суть, а мѣстные львы не могли плѣнить ее, потому что она знала ихъ прежнія шашни, а ей хотѣлось сердца дѣвственнаго, которое только къ ней забилось бы любовью впервые. Вслѣдствіе этой *idée fixe* Тетеркина преимущественно обращала вниманіе на юнкеровъ и студентовъ, но какъ тогдашняя молодежь не умѣла притворяться, а личность Тетеркиной была не изъ тѣхъ, чтобъ могла вдохнуть обожанье, то и поиски ея за страстно-влюбленнымъ мужемъ не подвигались далеко, и она уже начинала сомнѣваться въ существованіи любви, какая описывалась въ романахъ. Ни Провины («Фрегатъ Надежда»), ни Желаледины (повѣсть Зелешды Р.) не попадались ей въ обществѣ, а она была настолько опытна, чтобы прочихъ поклонниковъ не отнести къ искателямъ богатаго приданаго. Ее даже заглазно сваталъ одинъ вице-губернаторъ; но когда она увидѣла длинную высохшую фигуру нѣмца въ рыжемъ парикѣ, который каждыя пять минутъ набивалъ носъ табакомъ, ей даже сдѣлалось дурно, и мысль быть важной дамой, немного ее занимавшая, отлетѣла безвозвратно. Никакія убѣжденія родныхъ и знакомыхъ не могли поколебать ея рѣшимости, и она прямо отказала высохшему нѣмцу. Въ описываемое время ей нравился немного Балобайкинъ, хотя моншеръ вообще не отставалъ отъ своей привычки и любезничалъ со многими. Съ Тетеркиной онъ нѣженъ былъ собственно потому, что она считалась дѣвицей высшаго круга и кромѣ того имѣла за сто тысячъ приданаго. Появленіе Самограева и двухъ гвардейцевъ измѣнило нѣсколько мысли Тетеркиной, и она рѣшилась кокетничать съ пріѣзжими, вслѣдствіе чего рѣшилась разыгрывать роль веселой и беззаботной, хохотала, острила и вертѣлась какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Третья дама была хорошенькая жена одного чиновника особыхъ порученій, которая не любила разговаривать и только хохотала, что бы ни рассказывали.

На этотъ разъ вниманіе всѣхъ мужчинъ, свѣдѣвшихъ въ маленькой гостиной, обращено было на Тетеркину, и даже Самограевъ, дѣйствовавшій всегда по вдохновенію, думалъ избратъ

ее предметомъ своихъ преслѣдованій до мазурки, во время которой рѣшился для тону приударить за генераль-губернаторшей.

Баронеса постоянно покровительствовала Тетеркиной. Трудно судить, было-ль это изъ привязанности или изъ какихъ видовъ, но всегда и вездѣ Генріэта Карловна отзывалась о Тетеркиной самымъ лучшимъ образомъ и всячески старалась устроить судьбу ея, хотя богатая невѣста и противилась этимъ стараніямъ. Предположивъ Самограева богатымъ человѣкомъ, баронеса тотчасъ же вознамѣрилась раскинуть на него сѣти для своей protégée, но затруднялась вопервыхъ присутствіемъ другихъ поклонниковъ, вторыхъ — она не знала понравился ли гусаръ самой невѣстѣ. Нетерпя однакоже изъ виду своего предположенія и несмотря на неблагопріятную обстановку, баронеса рѣшилась дѣйствовать энергически и заведя съ Самограевымъ разговоръ, который по ея мнѣнію могъ все-таки служить ея цѣли.

Только-что Переѣловъ окончилъ какой-то безсвязный рассказъ о приключеніи своемъ во время поѣздки изъ полка, стараясь вводить побольше французскихъ рѣченій, какъ баронеса обратилась къ Самограеву:

— Вотъ вы, гусары, только вѣтреничаете, сказала она: — говорить у васъ въ полкахъ не больше какъ по два, по три женатыхъ офицера. А брали бы примѣръ съ нашихъ уланъ.

— Улавъ гусару не указчикъ, это первое; второе — истинный гусаръ долженъ жить для тону.

— А развѣ жениться — не въ тонѣ?

— Смотря какъ жениться. Вотъ пѣхота женится на каждой девкѣ. Повѣрьте, если встрѣтится приличная партія, порядочный человѣкъ рискнетъ и закается.

Баронеса взглянула на Тетеркину, а послѣдняя опустила глаза и покраснѣла, считая себя приличной партіей.

— Чтоже у васъ называется приличной партіей? спросила баронеса.

Самограевъ протянулъ ноги, приставилъ къ глазамъ лорнетъ и нѣсколько секундъ глядѣлъ на свою собесѣдницу.

— Приличная партія требуетъ, чтобъ невѣста была не mauvais genre, образована, и... roue la bonne bouche, имѣла неменьше тысячи душъ.

— Ого! эдакихъ невѣстъ немного. А любовь не входитъ въ расчетъ?

— Безъ любви се тре малъ, замѣтилъ Переѣловъ.

— Любовь, говорилъ Самограевъ, не обращая вниманія на слова ротмистра, — штука хорошая, но въ супружествѣ не всегда полезная.

— Какъ? невольно спросила Тетеркина, которая начинала было заинтересовываться Самограевымъ.

— Это ужь, извините меня, чисто погусарски, сказалъ гвардеецъ, поглаживая свои полуказенныя, полудипломатическія бакенбарды.

— А позвольте васъ спросить, monsieur, что вы разумѣете подъ словомъ погусарски? отозвался спокойно Самограевъ, обращаясь къ гвардейцу и наводя на него лорнетъ.

— Я разумѣю... то-есть вы сами очень хорошо знаете, что у васъ въ гусарахъ смотреть довольно легко на извѣстныя вещи.

— Можетъ-быть у васъ въ гвардіи.

— Но мы удалились отъ предмета разговора, продолжалъ Самограевъ.

— Да я хотѣла бы знать, сказала Тетеркина, — какъ это любовь мѣшаетъ супружеству?

— Потому что не позволяетъ дѣйствовать разсудку.

— Но какъ же можно жениться или выходить замужъ безъ любви? спрашивала Тетеркина.

— Также точно какъ можно любить, неимѣя намѣренія жениться или выйти замужъ. Очень просто, отвѣчалъ Самограевъ.

— Села малъ, отозвался Переѣловъ.

— Вы проповѣдуете ужасныя вещи, monsieur Самограевъ, вымолвила баронеса, — и вѣроятно не безъ причины.

— Итъ дѣйствія безъ причины, села веритѣ, вмѣшался Переѣловъ: — это сказалъ какой-то философъ.

— А ты вѣришь, моншеръ, философамъ? Они врутъ, замѣтилъ Балобайкинъ, которому давно хотѣлось сказать что-нибудь.

— Есть такіе добрые люди, сказалъ мѣстный левъ, слушавшій до сихъ поръ небрежно бесѣду окружавшихъ. — Хороши всѣ эти древніе философы, ходившіе въ грязныхъ рубищахъ, жившіе въ бочкахъ, являвшіеся босыми...

— Фи, какая гадость! воскликнула наконецъ захохотавъ жена чиновника особыхъ порученій: — вы рассказываете гадости.

— Просто историческіе факты. Я внимательно слушалъ ин-

тересный споръ о современномъ вопросѣ, какъ ротмистру угодно было упомянуть про философа.

— Но вы, князь, какого мнѣнія о любви? спросила Тетеркина, искоса поглядывая на Самограева.

Левъ презрительнымъ взоромъ окинулъ всѣхъ собесѣдниковъ, неисключая и пріятеля своего Балобайкина.

— Я не выслушалъ еще всѣхъ мнѣній, но мнѣ кажется, что повѣіе Самограева не слишкомъ удалится отъ истины. Любовь, какъ обыкновенно ее въ романахъ, невозможна, а та, что встрѣчается въ жизни — неудовлетворительна.

— Позвольте, замѣтилъ гвардеецъ: — можетъ-быть та любовь, что встрѣчается въ жизни, вообще и неудовлетворительна, но которая принята въ порядочномъ кругу, между людьми хорошаго тону...

— Если я говорю о жизни, отвѣчалъ Левъ, сдѣлавъ презрительную мину, — то неужели вы полагаете, могу подразумѣвать какое-нибудь мѣщанство или общество нашихъ уѣздовъ?

— Фи! сказала баронеса.

— Надо брать чисто-большой свѣтъ въ полномъ значеніи этого слова, молвилъ гвардеецъ, лаская бакенбарды: — именно тотъ, гдѣ все безукоризненно, гдѣ блестящіе умы сообразили каждую вещь и назначили ей настоящее мѣсто.

Левъ немного сконфузился. Но Самограевъ замоталъ правою рукою, описывая спиральные круги указательнымъ пальцемъ.

— Вы хотите сказать, обратился онъ къ гвардейцу, — что на жизнь смотреть правильно только въ столичномъ высшемъ кругу общества. Я спорить не буду съ вами даже и для тону. Но позвольте вамъ замѣтить, что аристократъ въ душѣ одинъ и тотъ же въ столицѣ и въ провинціи.

— Я объ этомъ и не говорю, отвѣчалъ гвардеецъ съ двусмысленной улыбкой: — во многихъ губернскихъ городахъ избранный кругъ почти тотъ же, что и въ столицѣ, но тамъ онъ очень великъ.

— Но позвольте, господа, эдакъ я никогда не выскажу моего мнѣнія о любви, началъ Левъ. — Я хотѣлъ только сказать, что пламенная или страстная любовь, о которой мечтаютъ молодыя дѣвицы, не должна входить въ расчетъ при женитьбѣ порядочнаго человѣка.

— Ну это ужъ слишкомъ! воскликнула Тетеркина.

— Мнѣ кажется можно примирить разногласіе, отозвался гвардеецъ: — я признаю любовь необходимой для брака, но любовь, какъ она понимается въ высшемъ кругу общества.

— Развѣ любовь разбираетъ званія? вмѣшался Переѣловъ. — Села этоннѣ. Конечно необходимо образованіе, нужно говорить пофранцузски, танцовать, играть на фортепьянахъ...

— Все это дичь, моншеръ, перебилъ Самограевъ: — можно говорить пофранцузски, играть на фортоплясѣ и быть мовешкой. Одинъ лишь истинный аристократъ въ душѣ можетъ жить для тону.

— Какое же это все имѣетъ отношеніе къ любви? добивалась баронеса, желавшая выяснитъ себѣ образъ мыслей Самограева. — Вы напримѣръ способны влюбиться?

Гусарь замоталъ указательнымъ пальцемъ.

— Всегда способенъ, только боюсь, чтобъ не потерять свободы, которая дороже всего истинному гусару. Ухаживать для тону — готовъ во всякое время.

— Вотъ monsieur Балобайкинъ, я увѣрена, другого мнѣнія.

— Я могъ бы сильно любить только тогда, еслибы я видѣлъ взаимность; иначе я слишкомъ гордъ.

— Такъ неужели же дѣвица сама должна показать свое чувство?

— Села офансѣ! замѣтилъ Переѣловъ.

— Таковую дѣвицу трудно встрѣтить, молвилъ гвардеецъ, — развѣ ужь съ позволенія сказать — отъявленная кокетка.

— Села райконтръ, сказалъ Переѣловъ: — у насъ въ полку одному офицеру дѣвица сама объяснилась, и онъ послѣ того сдѣлалъ ей предложеніе.

— Эта дѣвица мове-тонъ, воскликнулъ Самограевъ. — Женщина можетъ кокетничать сколько ей угодно, можетъ дѣлать авансы, но признаваться къ любви первой — фи!

— Всѣ наши разговоры ни къ чему не ведутъ, замѣтила баронеса: — никто изъ кавалеровъ не высказалъ положительнаго мнѣнія о женитьбѣ, а всѣ отдѣлываются только пустыми словами. Антрактъ кончился, заиграла музыка: пора въ залу.

И вся небольшая компанія встала съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ Самограева, который продолжалъ сидѣть, развѣдывая въ креслѣ и протянувъ ноги.

— Здѣсь такъ хорошо, сказалъ онъ, — что я дорого бы далъ, еслибъ можно было остаться для тону...

— Кто-жъ мѣшаетъ? перебилъ Балобайкинъ.

— Нельзя, моншеръ: хозяйка мнѣ вручила на эту кадрили какую-то упитанную дѣвицу.

— Ахъ какой вы насмѣшникъ! проговорила Тетеркина: — съ вами опасно быть знакомой.

— Я иначе не могу...

Но Самограевъ не продолжалъ, потому что всѣ уже вышли изъ комнаты. Нехотя всталъ онъ кресла и пошелъ въ залу, разсуждая самъ съ собою:

— Если правда, что за этой Тетерей сто тысячъ наличными, — кунъ чортъ побери заманчивый. Не пристроится ли и не наклеить ли носъ всѣмъ этимъ обожателямъ? Уланъ что-то кснетъ передъ нею. Но мнѣ она рѣшительно не нравится.

И вооружась лорнетомъ, Самограевъ отправился отыскивать свою даму.

Мазурка была полемъ торжества для нашихъ моншеровъ; въ особенности выдѣлывали чудеса Балобайкинъ и Самограевъ, такъ что гвардейцы, привлекшіе было вниманіе прекраснаго пола, отодвинулись на второй планъ и съ завистью смотрѣли на армейцевъ, которыхъ постоянно выбирали во всѣ фигуры. Напрасно петербургскіе эlegantы предлагали разныя нововведенія: Самограевъ, танцовавшій въ первой парѣ, отвергалъ всякое вмѣшательство и подстрекаемый успѣхомъ, тутъ же импровизировалъ разнообразныя фигуры.

Окончивъ игру, генералъ Зворскій вышелъ въ залу и съ свойственной ему быстротой замѣтилъ всѣ отступленія отъ формы офицеровъ своего корпуса, за что мысленно рѣшилъ уже наказывать провинившихся сообразно съ проступкомъ....

— Довольны ли вы нашей молодежью, в. п—во? спросилъ Зворскій, вытягиваясь во фронтъ передъ хозяйкой дома и заложивъ пальцы правой руки по квартирамъ.

— Чрезвычайно довольна, генералъ: ваши офицеры такіе любезные, и благодаря только имъ оживляются танцы.

— Весьма радъ, говорилъ Зворскій, искоса посматривая на Самограева.

— Ваши офицеры прекрасные молодые люди.

— А какъ вы изволите полагать, наши уступаютъ въ танцахъ гг. гвардейцамъ?

— У васъ много отличныхъ танцоровъ.

— Это правда, в. п—во, гораздо меньше исправныхъ слугъ.

— Развѣ одно мѣшаетъ другому?

— Этого сказать нельзя, и въ наше время дѣйствительно балы не мѣшали службѣ, а теперь...

Какъ нарочно хозяйку выбралъ гвардеецъ и уволь на средину залы.

И моншеръ съ большимъ еще одушевленіемъ пустился выдѣлывать фигуры мазурки. Подъ конецъ онъ однакожъ усталъ и надо сказать правду, въ буетѣ неуверенно подкрѣпился шампанскимъ, такъ что любезность его истощилась и онъ уже не могъ поддерживать веселой болтовни. Но моншерскіе принцыпы и задѣсь его не оставили. Наклонясь немного къ своей дамѣ, онъ хотя и не говорилъ ни слова, однако шевелилъ губами и улыбался, для показанія постороннимъ, что онъ съ ней въ короткихъ отношеніяхъ.

Переѣловъ даже приходилъ въ отчаяніе: бывъ нѣсколько разъ въ домѣ генераль-губернатора, онъ никогда еще не рѣшался просить на кадрили хозяйку, а гусаръ вопервыхъ танцевалъ съ ней мазурку, а вовторыхъ обходился безцеремонно.

— Посмотри, сказалъ онъ Варлакову, — полюбуйся: вотъ дьяволъ!

— Ужаснѣйшій угаръ и больше ничего! Видишь какъ нащиптываетъ ей разныя финтифлюшки.

— Я думаю, что нашъ Балобайкинъ совѣтъ противъ него пасъ.

— Убирайся ты съ своимъ Балобайкинымъ! Онъ таеъ передъ этой Тетерей, кѣторая водить его за носъ и баста.

— Однако они частенько танцуютъ вмѣстѣ мазурку.

— А пусть сдѣлаеъ предложеніе — и останется съ носомъ. Дѣвка упрямая и надутая. Надобно бы ее проучить. Незнаю отчего нѣтъ Колѣнцова, а онъ могъ бы выкинуть ей штуку.

Въ это время какъ нарочно пронесся мимо ихъ съ своей дамой Балобайкинъ. Задѣтый за живое громаднымъ усѣхонъ Самограева и обезкураженный холодностью Тетеркиной, которая, подтрунивая надъ нимъ, безпрестанно выбирала высокаго твар-

дейца, Балобайкинъ старался превзойти себя и удивительно вытпцовывалъ мазурку. Последнюю фигуру онъ все время употреблялъ вновь изобрѣтенное вмѣсто и такъ—сказать проѣзжалъ на шпорахъ отъ одного конца залы до другого.

За ужиномъ, который приготовленъ былъ на маленькихъ столикахъ, каждый кавалеръ садился возлѣ своей дамы, съ кѣмъ танцевалъ мазурку. Одного Самограева судьба лишила этого удовольствія, потому что его дама въ качествѣ хозяйки должна была обходить всѣхъ гостей и каждому сказать какую—нибудь официальную любезность.

За однимъ столикомъ, гдѣ сидѣли Перельовъ и Балобайкинъ со своими дамами, къ Тетеркиной пристроился гвардеецъ и любезничалъ съ нею напропалую, къ величайшему огорченію ея кавалера, который, истощивъ бесполезно всѣ средства къ заявленію своего неудовольствія, молился и молилъ судьбу, чтобъ только товарищи не замѣтили его неудачи. Видѣлъ ли Самограевъ это обстоятельство или не видѣлъ, но соскучась одиночествомъ, подошелъ къ своему новому пріятелю и ударилъ его по плечу.

— Ты кажется, моншеръ, не въ своей тарелкѣ? сказалъ онъ,

— Усталъ, Самограевъ: поминутно выбирали.

— Чгоже это, моншеръ, ты позволяешь другимъ любезничать съ твоей дамой? шепнулъ гусарь: — у меня этотъ щеголь скоро потерялъ бы охоту пользоваться чужой собственностью.

— Право, моншеръ, не хочется заводить исторію, тѣмъ болѣе что, говоря откровенно, я здѣсь равнодушенъ: мой предметъ далеко отсюда.

— Все равно, если я ухаживаю и для тону, никто не смѣй становиться мнѣ на дорогѣ. Это мовѣ, и еслибъ ты служилъ у насъ въ гусарахъ, тебя осмѣили бы товарищи.

Балобайкинъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Положимъ Перельовъ, занятый составленіемъ французскихъ фразъ, не замѣтилъ положенія моншера; пусть даже Самограевъ, мнѣніе котораго было дорого для Балобайкина, видѣлъ ясно предпочтеніе, оказываемое гвардейцу; но это все еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, еслибы прочіе товарищи замѣтили его отставку, то—есть полученіе носа именно въ то время, когда онъ подготавливалъ торжественную побѣду, которою заблаговременно хвасталъ въ кругу товарищей. Не успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ уже судьба

послала ему самое горькое испытаніе. Вардаковъ, весь вечеръ находившійся въ раздраженномъ состояніи и куликувшій довольно неумѣренно, давно уже искалъ случая придратъся къ Тетеркиной и успѣлся поблаже къ ней, подобравъ себѣ компанію изъ нѣсколькихъ офицеровъ. Наблюдая за Тетеркиной и увидѣвъ, что любезность ея относилась не къ товарищу-сопернику, а къ заѣзжему гвардейцу, Вардаковъ ощутилъ нѣкоторое удовольствіе, и хоть душа его не переставала требовать мести за оскорбленіе самолюбія, однако месть эта сдѣлалась гораздо легче и наконецъ перешла только въ желаніе подсмѣяться надъ Балобайкинымъ. Вслѣдствіе этого горластый штабсъ-ротмистръ всталъ и подошелъ къ нашему моншеру.

— Ну что, Балобашка, сказалъ онъ по обычаю громко: — доволенъ ли своимъ вечеромъ?

— Какъ тебѣ сказать?..

— Да что тутъ говорить! Видно явились почище бонжуры, что спустилъ носъ на квинту — вотъ и все.

Балобайкинъ боялся уже не за то, чтобъ Вардаковъ не замѣтилъ его печальнаго положенія, а страшился скандала со стороны послѣдняго, такъ какъ Вардаковъ не стѣснялся никакими приличіями.

— Балъ былъ такой веселый, началъ онъ.

— Рассказывай! Знаемъ мы твою веселость. Такъ тебѣ и надо: впередъ будешь умиѣе.

Балобайкинъ очень хорошо понималъ къ чему клонилась рѣчь Вардакова, но жертвуя своимъ самолюбіемъ, онъ уже не оспаривалъ, а придумывалъ средство, какъ бы приличнѣе отдѣлаться отъ угрожавшей опасности.

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, продолжалъ Вардаковъ, — не связывайся съ тѣми, кто задираетъ носъ высоко.

Рѣзкій и громкій голосъ Вардакова непріятно подѣйствовалъ на Тетеркину, которая оборотилась и вѣроятно опомнившись, что оставила безъ вниманія присяжнаго кавалера, начала разговаривать съ Балобайкинымъ. Послѣдній повеселѣлъ немного и неволью взглянулъ на Вардакова.

— Послѣ ужина горчица! проговорилъ горластый штабсъ-ротмистръ.

Но тутъ очень кстати явилась баронеса и предупредила исторію, могшую принять непріятное направленіе. Она намекнула

кавалерамъ, что хотя и не предполагалось никакого тоста за ужиномъ, но нешѣшало бы выпить за здоровье хозяйки, которая такъ радушно принимала своихъ посѣтителей. Кавалеры носившались схватить свои бокалы, и скоро генералъ-губернатору окружила толпа съ шумными восклицаніями.

Послѣ ужина, вопреки провинціальному обычаю, танцевъ не было и гости начали разѣзжаться.

Когда моншеры начали спускаться съ лѣстницы, Самограевъ, бреча по ступенькамъ распущеною саблею, — пріемъ, въ то время принадлежавшій моншерамъ, потому что порядочные офицеры пшникомъ носили ее на крючкѣ, — обратился къ Балобайкину.

— Знаешь ли, моншеръ, сказалъ онъ : — я придумалъ великолѣпную штуку.

— Напримѣръ?

— Завтра для развлечения поѣдемъ къ Тетеркиной, я приглашу ее на мазурку и сдѣлаю ей предложеніе.

— Какъ!..

— Просто для тону! Неужели ты думаешь, что Самограевъ рѣшился бы жениться на эдакой картофели?

Балобайкинъ, который не могъ еще простить Тетеркиной предпочтенія, нѣсколько обрадовался.

— Да ты шутишь? проговорилъ онъ, когда гусаръ приказалъ кричать экипажъ Самограева, и два-три голоса повторили это приказаніе.

— Стану я шутить! Притомъ же кажется она пожала мнѣ руку...

— Однако ты позабылъ, что мой кучеръ не знаетъ твоей фамиліи? Пстой—ка я скоманую.

Когда раздался крикъ: «экипажъ поручика Балобайкина!» коляска мигомъ подѣхала, и моншеры поплелись по ужаснѣйшей мостовой къ своей гостиницѣ.

— Такъ ты нешута, Самограевъ, готовъ отколотъ для тону отличную штуку?

— Я иначе не могу, гу, гу!.. Только ты пожалуста никому не рассказывай.

Всѣ вообще офицеры были утомлены порядочно, и потому, добравшись до номеровъ, поспѣшили залечь, и даже самые записные картежники рѣшились отложить до утра свое обычное занятіе.

Моншеры проснулись позже других и какъ только за чаемъ Самограевъ завелъ разговоръ о хорошенеккихъ, которыхъ замѣтилъ на вчерашнемъ балѣ, то Балобайкинъ подумалъ, что вѣроятно гусаръ позабылъ свое предположеніе, высказанное вполпьяна, спускаясь съ лѣстницы.

— А что же, моншеръ, поѣдемъ къ Тетеркиной? спросилъ онъ.

— Непремѣнно, и ты посмотришь какъ я сыграю свою роль.

— Миѣ все не зѣрится, Самограевъ; притомъ же она не такая дѣвица, чтобъ можно было позволить съ ней обидную шутку...

— Какъ я вижу, моншеръ, вы просто прокисли въ своихъ поселеніяхъ... Дай миѣ только завиться и вычистить ногти, — а то они съ трауромъ во королевѣ мадагаскарской, — и ты увидишь какъ обдѣлываютъ дѣла истинные гусары.

Самограевъ кликнулъ Санкиюлота, которому велѣно было приготовить знаменитый доломанъ, фантастическіе чикчары, ботфорты и всѣ принадлежности самаго торжественнаго туалета. Послѣ этого гусаръ, завявшись чисткою ногтей, началъ развѣдывать про обстановку Тетеркиной и къ удовольствію узналъ, что она принимала гостей почти одна, ибо хотя при этомъ и присутствовала старушка-тетка, однако глухота послѣдней гарантировала вообще отъ всѣхъ дальнѣйшихъ пересудовъ и перетолковъ.

— Ну, а если Тетеркина приметъ твоѣ предложеніе? спросилъ серьезно Балобайкинъ.

— А ты, моншеръ, испугался? Ха-ха-ха! Утѣшься, я настаиваю сдѣлать предложеніе такимъ образомъ, чтобы она попросила сроку обдумать.

— Я ничего... миѣ все равно...

Пришло нѣсколько посѣтителей посмѣяться надъ неудачей Балобайкина, возвратился и Переѣловъ, который съ ранняго утра уходилъ куда-то за покупками, но моншеры, не сообщая никому своего плана, начали одѣваться и часу во второмъ выѣхали съ визитами.

Когда пріятели позвонили у Тетеркиной, она была уже одѣта и привлала ихъ чрезвычайно любезно, хотя человѣку болѣе внимательному моншеровъ нетрудно было замѣтить принужденности въ каждомъ ея словѣ. Она какъ-будто прислушивалась къ стуку каждаго пробѣжавшаго экипажа. Начался пустой, ничего незначащій разговоръ, темой котораго служилъ вчерашній балъ. Черезъ нѣсколько минутъ однакоже Тетеркина оживилась, и хотя

косвенно, однако несомнѣнно умѣренно начала хвалить любезность гвардейцевъ.

— Неужели вы не допускаете мѣста и въ арміи? спросилъ Самограевъ.

— Я этого не сказала.

— Но подумали!.. Вѣрите, что и армейскія, особенно кавалерійскія сердца умѣютъ биться при встрѣчѣ съ достойной и прекрасной особой...

Тетеркина взглянула какъ-то особенно на Самограева, который сидѣлъ скрестивъ руки и положила ногу на ногу.

— Чувствую этимъ вообще трудно вѣрить, сказала она.

— А мнѣ кажется имъ можно повѣрить скорѣе, нежели столычнымъ любезностямъ...

— Я не могу васъ понять, monsieur Самограевъ: вчера вы проповѣдовали совѣтъ другое.

— Въ большомъ обществѣ не говоришь всего что на-сердцѣ.

— Вы отвергали даже любовь...

— Отвергалъ для тону. А между тѣмъ видѣлъ тамъ особу, красота, любезность и вкусъ которой...

Онъ какъ-будто замаялся, вынулъ лорнетъ и навелъ его на Тетеркину, покрасившую отъ неожиданнаго оборота разговора.

— Вѣроятно генераль-губернаторша?..

— Къ сожалѣнію дѣвица.

— Отчего же къ сожалѣнію?

— Оттого что она легко можетъ не повѣрить... Да вотъ напримеръ еслибы я вамъ сказалъ, что я васъ люблю больше всего въ мірѣ, что я страдаю...

Тетеркина окончательно смѣшалась, тѣмъ болѣе что тутъ же торчалъ Балобайкинъ, который издали напѣввалъ ей о нѣжности. Не и ее, и Самограева спасъ отъ скандала новый звонокъ, вслѣдъ за которымъ въ гостиной появился вчерашній гвардеецъ. Твердой воступью подошелъ онъ къ хозяйкѣ, освѣдомился о здоровьи и развязно сѣлъ на указанное кресло, слегка поклонившись мопшарамъ. Черезъ минуту робко вошелъ Переѣловъ, и затѣя Самограева не могла уже и исполниться. Гусару даже не удалось воспользоваться и мазуркой, которая вчера еще обѣщана была гвардейцу.

Когда приятели садились въ коляску, Балобайкинъ замѣтилъ, что не помѣшай посѣтители, штука удалась—бы отличше.

— Развѣ, моншеръ, ты не замѣтилъ, что Тетеркина глупа и мове во всѣхъ отношеніяхъ? Притомъ же она должно-быть очень скупа, потомучто отъ нея несло московской помадой... Поѣдемъ лучше, моншеръ, являться къ коменданту: не будетъ ли веселье?..

Балы у губернскаго предводителя и еще у одного аристократа не отличались ничѣмъ отъ генераль-губернаторскаго, но имѣли особую важность только для Балобайкина, потомучто Тетеркина успѣла влюбиться въ одного изъ гвардейцевъ, который предложилъ ей руку, сердце и чинъ штабсъ-капитана. Балобайкинъ, какъ истинный моншеръ, не показавъ даже виду, что это ему неприятно, и тутъ же началъ ухаживать за какой-то молоденькой дѣвушкой и первый распустилъ подъ рукою, что сто тысячъ приданого не болѣе какъ нуль. Вѣсть эта достигла чудовищныхъ размѣровъ по разнымъ гостинимъ. Моншеру хотѣлось только отбить у Тетеркиной жениха, который однакожъ вѣроятно навелъ болѣе положительныя справки и съ удвоенной нѣжностью преслѣдовалъ предметъ своего поклоненія.

Отправивъ всѣ балы, на которые не по формѣ являлся одинъ Самограевъ, моншеры сблизились между собою такъ, что разставаться имъ было довольно грустно, особенно Балобайкину съ гусаромъ. Новые приятели однакожъ рѣшили, что Балобайкинъ подастъ переводъ для совмѣстнаго служенія съ Самограевымъ, который назовется его двоюроднымъ братомъ. При переходѣ изъ одного полка въ другой требовались уважительныя причины, то-есть близкое родство, безъ котораго переводъ могъ состояться только тогда, если этого желало само начальство.

Но возвращенію въ полкъ Балобайкинъ успѣшилъ подать переводъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ въ губернскомъ городѣ пошатнулась его репутация — допущеніемъ отбить у себя невѣсту, во-вторыхъ товарищи безпрестанно допекали ему этими обстоятельствомъ. На время, пока шла переписка, Балобайкинъ выпросился въ отпускъ, вложилъ довольно долго у матери и когда уже вышелъ переводъ, тогда только считъ обязанностью прибыть въ полкъ и угостить на славу прежнихъ товарищей.

Надѣвъ красивую форму —скаго гусарскаго полка, Балобайкинъ еще нѣсколько дней порисовался въ сосѣднемъ губерни-

скомъ горелѣ, въ особенности передъ Тетеркиной, которая притомъ была и въ свадѣбѣ. Обѣ эти личности находили удовольствіе иттироваться и иускались иногда въ такія глупыя разсужденія, что несмотря на обыкновенную лич., преобладавшую въ разговорахъ большого свѣта, ораторство это казалось невысшимъ. Самый избранный губернекій левъ Кошельковъ никогда не несъ такой ахинеи, какую пускалъ Балобайкинъ подъ знаменемъ неудавшагося волокитства. Зато моншеръ въ новомъ парадѣ произвелъ большой эффектъ въ домахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, куда ѣздилъ съ прощальными визитами. По немъ нѣкоторыя дѣвицы просто страдали, и надарили ему множество сувенировъ, что чрезвычайно польстило его самолюбію.

По пріѣздѣ въ новый полкъ Балобайкинъ не засталъ Самограева, который рыскалъ гдѣ-то въ качествѣ ремонтера; но общество офицеровъ припало его привѣтливо, и опъ съ первыхъ же дней началъ моншерствовать, задавая тону. Служба въ полевыхъ волкахъ была гораздо легче нежели въ поселеніи, а потому Балобайкинъ, при отличномъ умѣнии ѣздить и при кое-какихъ познаніяхъ во фронтѣ, прослылъ хорошимъ служивымъ.

Къ осени явился и Самограевъ, который, поиздержавшись значительно и промахнувшись на ремонтъ, рѣшился прожить цѣлый годъ въ полку для поправленія обстоятельствъ. Ему нетрудно было устроить назначеніе въ одинъ эскадронъ съ Балобайкинымъ, и тутъ-то моншеры въ мѣстечкѣ, окруженномъ помѣщиками, собирались исполнѣ развернуть свою дѣятельность.

Недалеко отъ эскадроннаго штаба въ богатомъ имѣніи графа М... жилъ управляющій, скромный дворянинъ, обремененный большимъ семействомъ. У него были двѣ взрослые дочери, изъ которыхъ меньшая слылъ красавицей и сводила съ ума офицеровъ. Молодежь безпрестанно навѣщала управляющаго, всѣ пареры и ухаживали за хорошенькой Машей, однако никто и не думалъ о предложеніи. Самограевъ тоже былъ въ числѣ ея поклонниковъ и даже пользовался расположеніемъ дѣвушки, хотя влючился для тону и только замѣчал, что кто-нибудь начиналъ истребивать ему дорогу, дѣлалъ Машѣ полусерьезныя намеки. Старикъ-управляющій видѣлъ все это, и по свойству ли своего иролюбиваго характера, уиѣренный ли въ красоту дочери — удерживался высказать молодымъ людямъ неуиѣвность. частыхъ визитовъ. Въ околоткѣ трубили о сговорѣ Маши то за

одного, то за другого изъ офицеровъ, даже поздравляя ее, но дѣло не подымалось ни шаголечъ впередъ, и самый пламенный ея обожатель увлекся какой-то княжной и всежиданно уѣхалъ за ремонтъ. Маша плакала, грустила послѣ отъѣзда Самограева и начала вести себя осторожнѣе съ прочими офицерами.

Самограевъ тотчасъ же сообщилъ Балобайкину о своемъ романѣ и выразился, что еслибъ Маша была не такого темнаго происхожденія да имѣла тысячъ пятьдесятъ приданого, онъ не задумался бы жениться. Балобайкинъ зналъ Машу и прѣнимался уже волочить за нею, но дѣвушка держала себя такъ, что въ полку никто не могъ похвалиться ея особеннымъ вниманіемъ. На другой или на третій день своего прѣзда Самограевъ предложилъ другу отправиться къ Машѣ провести вечеръ. Балобайкинъ согласился съ удовольствіемъ.

Лѣтнимъ вечеромъ по берегу извилистой рѣчки ѣхали моншеры въ открытой коляскѣ, и Самограевъ рассказывалъ Балобайкину нѣкоторыя подробности изъ своего волокитства за Машей и признавался, что несмотря на ухаживанье для тону, были моменты, когда онъ серьезно думалъ сдѣлать этой дѣвочкѣ предложеніе.

— Она дѣйствительно очень хороша, замѣтилъ Балобайкинъ.

— Восхитительная, моншеръ, особенно физика, чортъ возьми!

— И я удивляюсь какъ она до сихъ поръ не вышла замужъ.

— Голь, — вотъ вся бѣда.

— Чтожъ, ты опять примешься за старое?

— Врядъ ли, моншеръ. Мы были съ ней въ отличныхъ отношеніяхъ, да я разомъ покончилъ, увлекъ одной княжной для тону и уѣхалъ за ремонтъ. Въ обожателяхъ, я думаю, нѣтъ недостатка: не только офицеры, но и юнкера присутствуютъ даже на безсмысленныхъ ординарахъ. Выходила бы замужъ, лучше было бы.

— Повѣса ты, Самограевъ.

— Я иначе, моншеръ, не могу, гу, гу.

Когда коляска подѣхала къ деревянному дому, валинному управителемъ, вся семья за исключеніемъ Машы выбѣжала навстрѣчу Самограеву, потому что его все любили, въ особенности меньшія дѣти, которымъ онъ возвалъ гостиницы. Медюга эти по-

старая его фразы и видала разными голосами. Самограевъ дружески се всѣмъ поздоровался и представилъ Балобайкина.

— Мы уже имѣли удовольствіе видѣть ихъ у себя, сказала хозяйка и попросила гостей въ залу, чай пить.

— А гдѣ же Марья Константиновна?

— Маса замузъ идетъ! обозвался черноглазый мальчуганъ.

— Какъ?

— Для тону, отвѣчала кудрявая дѣвочка дѣтъ одиннадцати.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ старикъ: — третьяго дня былъ створъ.

— За кого это? спросилъ Самограевъ нѣсколько измѣнившись голосомъ.

— За Готдиба Крестьяныча, нашего почтеннаго аптекаря.

Самограевъ не сказалъ ни слова, и всѣ вошли въ залу,

— Гдѣ же наши женихъ съ невѣстой? хлопотала мать, — Грива! бѣги отыщи ихъ по саду и скажи Машѣ, что пора чай пить и старій молъ знакомый пріѣхалъ.

Мальчуганъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

Усѣвшись поближе къ столу и закуривъ трубку, Самограевъ пустился рассказывать свои ремонтерскія похождения, но какъ ни старался онъ казаться веселымъ, не могъ замаскировать своего волненія и безпрестанно поглядывалъ на дверь балкона. Старшая сестра Маша, недурная собой дѣвушка, очевидно знавшая многое изъ отношеній сестры къ Самограеву, съ какимъ-то сожалѣніемъ смотрѣла на моншера и казалось одна перада была его поощренію. Но вотъ на балконѣ послышалась шага, зашумѣло легкое платье, и въ залу вошла высокаго роста стройная блондинка, съ откинутыми назадъ локонами. Прямо, безъ жеманства подошла она къ Самограеву и дружески поздоровалась.

— Давно ли въ нашихъ мѣстахъ? спросила она.

— Недавно. А васъ можно поздравить? сказалъ нѣсколько иронически Самограевъ.

— Можно.

— Отъ души поздравляю. Гдѣ же вашъ избранный?

— А вотъ кажется откашливается на крыльцѣ,

Черезъ минуту вошелъ небольшого роста господинъ въ парикѣ, отъ котораго несло всевозможными духами, какіе только существуютъ въ уѣздной аптекѣ.

— Рекомендую, господа, это будущій зять нашъ Готлибъ Крестьянычъ, прошу любить и жаловать, сказалъ хозяинъ.

Балобайкинъ поклонился, а Самограевъ подалъ руку, какъ знакомый. Когда его начали поздравлять, добрякъ немногò сконфузился, потому что при его невзрачной фигурѣ, въ пятьдесятъ лѣтъ жениться на молодой красавицѣ, ему самому казалось нѣкотораго рода преступленіемъ. Онъ зналъ очень хорошо, что рѣдкій офицеръ въ полку не ухаживалъ за его невѣстой, а Самограевъ просто считался ея женихомъ.

Готлибъ Крестьянычъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которые, родясь и выросши въ провинціи, теряютъ большую часть жесткихъ нѣмецкихъ качествъ, оставляя только акуратность, любовь къ пиву, сигарѣ и сентиментальность. У столичныхъ нѣмцевъ напризмѣръ, послѣднее проходитъ очень скоро, но у обрусѣлыхъ провинціаловъ держится очень долго. Въ пятьдесятъ лѣтъ Готлибъ Крестьянычъ читалъ Вертера со слезами и могъ влюбиться подобно юношѣ, что онъ и доказалъ на дѣлѣ. Случай вышелъ очень простой. Маша какъ-то гостила у своей двоюродной сестры возлѣ города и простудившись заболѣла. Въ это время случился тамъ Готлибъ Крестьянычъ и предложилъ свои услуги. Дѣвушка хворала съ недѣлю, аптекаръ ежедневно посѣщалъ ее, возилъ лекарства и ухаживалъ какъ за дочерью. Какъ-то вечеромъ больная сидѣла вдвоемъ съ своимъ докторомъ, и они разговорились о людяхъ, о волокитствахъ, о непостоянствѣ молодыхъ людей и такъ далѣе. Маша не питала ни къ кому особенной привязанности, ей нравился когда-то Самограевъ, но онъ показалъ очень ясно, что его ухаживанье было безъ цѣли, а послѣ него хоть и встрѣчались офицеры, увѣрявшіе въ пламенной любви, однако цѣль ихъ Маша уже понимала изъ безперемѣнныхъ намековъ... Кромѣ того въ семьѣ начали раздаваться сперва глухія жалобы, а впоследствии довольно явственныя, что посѣщеніе гостей разорительно — а понятно, гости пріѣзжали собственно для Маши. Несмотря на свою доброту, однажды мать выразилась въ такомъ смыслѣ, что «ты-де приманываешь толпу, кокетничаешь, а не сумѣла выбрать жениха. Меньшія сестры подростаютъ, братьевъ нужно отдавать учиться, а мы'пробдаемъ и проиываемъ доходы.» Вслѣдствіе этого Маша и уѣхала къ двоюродной сестрѣ въ деревню, вблизи уѣзднаго города. Заведя питанннй

разговоръ съ аптекаремъ, и какъ тонкая женщина, понявъ тотчасъ же, что старикашка растаяла, она рѣшилась окончательно покорить стараго холостяка, но считала необходимымъ предварительно узнать, имѣетъ ли онъ порядочное состояніе. Готлибъ Крестьянычъ, влюбленный уже до-недѣля, объявилъ всѣ свои банковые билеты, сумма которыхъ была достаточна, чтобъ при безбѣдной жизни пользоваться кое-какими удовольствіями, и робко сдѣлалъ предложеніе, общая дѣлать Машу и баловать какъ ребенка. Разумѣется дѣвушка сослалась на папеньку и маменьку, но съ своей стороны изъявила согласіе. На другой же день двоюродная сестра поѣхала къ старикамъ объяснить дѣло, и счастливый Готлибъ Крестьянычъ сталъ женихомъ Маши. Все это совершилось довольно скрытно, и въ полку еще ничего не знали.

Смотря на красавицу-невесту, Балобайкинъ рассчитывалъ, что когда она выйдетъ замужъ и поселится въ уѣздномъ городѣ, всѣ офицеры станутъ жить при штабѣ, и тогда-то пойдетъ настоящее волокитство. Но Самограевъ думалъ совершенно иначе. Полгода почти онъ пользовался взаимностью дѣвушки, которая хоть и не признавалась ему открыто въ любви, но позволяла цѣловать ручку, искала съ нимъ уединенной бесѣды, охотно слушала намеки моншера, который въ инныя минуты разсуждалъ, что онъ непрочъ подумать и о семейной жизни. Однимъ словомъ Самограевъ разволновался и позабывъ свое моншерство, невольничко дѣлался человѣкомъ.

Маша однакоже старалась быть веселой, заливалась своимъ звонкимъ смѣхомъ и шутила то съ Балобайкинымъ, то съ Самограевымъ, но такъ, что шутки ея не огорчали жениха, а напротивъ вызывали и у него веселую улыбку.

Послѣ чаю, когда общество удалилось отъ стола, улучшить удобную минуту, Самограевъ шепнулъ Машѣ, что хотѣлъ бы сказать съ ней нѣсколько словъ.

— Для тону? спросила она его улыбаясь.

Самограевъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Ну, пойдете ходить по залѣ, сказала она.

— Что заставляетъ васъ выходить за этого Кардуса-Бенедиктуса?

— Нужда, Я уже въ тягость семейству, а онъ добрый человѣкъ и очень любитъ меня.

— И вамъ не стыдно?

— Я васъ не понимаю.

— Подумали ль вы что дѣлаете?

— Разумѣется подумала.

— За чтоже губить молодость?

— Такъ или сякъ ей надобно погибнуть: лучше же погибая сдѣлать кого-нибудь счастливымъ.

— Не поторопились ли вы?

— Я иначе не могу! проговорила дѣвушка, пародируя моншера, и подошла къ жениху.

Весь вечеръ Самограевъ не имѣлъ уже возможности говорить съ Машей безъ свидѣтелей, и скрѣпя сердце городилъ чепуху, смѣшившую все общество. Послѣ ужина моншеры раскланялся, давъ слово прѣхать на свадьбу, которая была назначена черезъ недѣлю. Всю дорогу Самограевъ молчалъ, притворившись спящимъ, но въ сущности его заботила неотвязная мысль помѣшать какъ-нибудь свадьбѣ Маши съ Кардусомъ-Бенедиктусомъ. Снова начать волокитство было уже невозможно, а допустить молодую красавицу сдѣлаться женой старикашки казалось моншеру безжалостнымъ поступкомъ. Возвратясь въ эскадронъ, Балобайкинъ началъ подтрунивать надъ товарищемъ, а Самограевъ засмѣялся, вынулъ бутылку шампанскаго, легъ спать и сказалъ:

— Утро вечера мудренѣе, моншеръ.

Скоро по окрестности разнеслась вѣсть о замужествѣ Маши, и весь полкъ, званные и незванные, собрался къ ней на свадьбу.

За часъ до вѣчанья домикъ управляющаго дѣтото былъ наполненъ гостями, что старикъ-хозяинъ серьезно началъ бояться за невозможность угостить всѣхъ и просто терялся. Самограевъ поминутно подходилъ ко многимъ офицерамъ и шептался, очевидно приготовляя какую-нибудь штуку. Наконецъ появилась заплаканная, но прелестная невѣста. Послѣдовала сцена благоговѣнія, и молодые отправились пѣшкомъ въ церковь, находившуюся тутъ же за садомъ. Когда уже было все готово, и Готлибъ Крестьянычъ сталъ возлѣ невѣсты, а священникъ приготовился начать обрядъ, сквозь толпу пробрался полковникъ лекаръ, и сказалъ Готлибу Крестьянычу:

— Инспекторъ врачебной управы у крыльца и проситъ васъ по крайне-экстремному дѣлу на два слова.

— Какъ? спросилъ озадаченный женихъ; у котораго забѣгали по тѣлу мурашки по олуцаю одного сѣдства.

— Только на два слова, но просить непремѣнно.

Шевнувъ что-то Машѣ, женихъ юркнулъ въ толпу, но въ ту же минуту на его мѣстѣ очутился Самограевъ въ знаменитомъ доломанѣ.

— Маша! хотите быть моей женой?

Дѣвушка раскрыла глаза.

— Я васъ спрашиваю не для тону: медлить нечего.

Маша вспыхнула. Глаза загорѣлись. Возлѣ нея стоялъ молодой человѣкъ, котораго она любила.

— Чтоже это значить?

— Дорога каждая секунда. Бога-ради! Я васъ такъ люблю, Маша!

— Дѣлайте что хотите.

Толпа начала волноваться. Глухо слышался голосъ аптекаря, котораго не пускали.

— Батюшка! вѣнчайте меня съ Марьей Константиновной, сказалъ Самограевъ.

— Какъ?

— Я согласна, говорила Маша съ сверкающими глазами: — я добровольно иду за Самограева.

Офицеры подвинулись. Послѣдовало нѣсколько словъ между ними и священникомъ. Обрядъ начался, но многіе изъ присутствовавшихъ не знали ничего о совершившемся, такъ что когда молодыхъ повели вокругъ налож, тогда только замѣтили, что Маша вѣнчалась не съ аптекаремъ, а съ Самограевымъ.

Скандалъ произошолъ ужасный. Аптекарь выходилъ изъ себя, грозилъ стрѣляться, жаловаться, потомъ перешолъ къ упрекамъ, что издержался, но Самограевъ, обѣщавъ завтра же вознаградить убытки, просилъ убираться подобру-поздорову. Родители поломались нѣсколько, но сообразили, что новый зять во всѣхъ отношеніяхъ лучше и выгоднѣе прежняго, благословили юную чету, а товарищи распорядились послать въ ближайшее мѣстечко за шампанскимъ, и пиръ продолжался до бѣлаго свѣта.

— Я иначе не могу, говорилъ Самограевъ: — мнѣ жаль было уступить Машу этому Кардусу-Бенедиктусу въ парикъ, и я от-

былъ у него невѣсту не какъ-нибудь, но какъ истинный джентльменъ, для тона, подъ самымъ вѣщомъ.

Впослѣдствіи онъ остепенился и былъ короткимъ мужемъ.

Балобайкинъ попалъ въ бригадные адъютанты, переимолъ потомъ въ штатскую службу и потерялся между моншерами Невского проспекта.

А. ЧУЖВИНСКІЙ

СОСТОЯНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

И НОВѢЙШІЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ВО ФРАНЦІИ

Разработка и раскапываніе въ развалинахъ прошлаго есть характеристическій признакъ поколѣній, которыя разошлись съ своимъ настоящимъ, которыя недовольны ни сами собою, ни окружающимъ ихъ порядкомъ вещей. Стремленіе къ историческимъ изслѣдованіямъ пробуждается обыкновенно въ цивилизаціи глубоко потрясенной и проявляется всего живѣе тамъ, гдѣ эта цивилизація, утоленная чрезвычайными усиліями, сознаетъ сильнѣе свою слабость, и вслѣдствіе изъ всевозможныхъ чашъ, начинаетъ чувствовать на днѣ ихъ одну горечь похмѣлья. Европа переживаетъ теперь именно такое нездоровое время; однимъ изъ доказательствъ и въ тоже время симптомовъ ея болѣзни то, что она бросается изъ одной крайности въ другую, сегодня преисполнена надеждъ, а завтра въ отчаяніи считаетъ все потеряннымъ, ищетъ себѣ врача и бросается на первого ловкаго шарлатана, который залечиваетъ ея раны, черезъ нѣсколько лѣтъ открывающіяся съ новымъ, ужасающимъ безобразіемъ. Во Франціи симптомы эти являются всего рѣзче: лучшіе люди, самые глубокіе умы, самые энергическіе характеры, какбы думая уйти отъ грызущей ихъ тоски, бросились въ царство тѣней прошлаго, ища въ немъ того, чего они не находятъ въ настоящемъ. Они не только забываютъ о томъ, что происходитъ теперь вокругъ нихъ, но даже какъ-будто и не подозреваютъ существованія окружающей ихъ среды; они живутъ только съ своими славными мертвецами; имъ они повѣряютъ свои надежды, имъ они приносятъ жалобы своего разбитаго сердца. Трудно узнать теперь французовъ, обыкновенно съ такимъ наслажденіемъ предававшихся удовольствіямъ минуты: съ такимъ рвеніемъ обратили они дѣятельность свою на сухую разработку своей прошлой жизни. Иногда кажется, что какая-то злая волшебница коснулась ихъ своимъ ма-

гическимъ жезломъ и загнала въ заколдованный лѣсъ спящей царевны: какъ тѣни бродятъ они по этому мертвому царству, часто неотдавая самимъ себѣ отчета — чего они ищутъ. На важнѣйшихъ поприщахъ духовной дѣятельности не чувствуется ни малѣйшаго дуновения, неслышно ни одного живого слова. Безъ сомнѣнія, такъ называемыя насущныя науки идутъ своимъ чередомъ, матеріальныя улучшенія, открытія по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ достигаютъ полнѣйшаго совершенства, но высшія проявленія духа, философія и поэзія находятся въ совершенномъ мрачѣ.

Французская философія, по крайней-мѣрѣ официальная, питается теперь исключительно нравственными сентенціями 15—30 годовъ; всякая попытка расширить границы умственного и нравственного пониманія встрѣчается недовѣрчиво публикой: она привыкла на всякую болѣе глубокую философію смотрѣть либо съ презрѣніемъ, какъ на схоластическія бредни, либо со страхомъ, какъ на нарушителя своего отупѣвающаго покоя. Поэзія во Франціи перестала быть искусствомъ; она потеряла свой идеалъ и обратилась въ настоящую промышленность. Въ одной изъ нашихъ статей мы уже имѣли случай указать на причины такого страшнаго упадка литературы во Франціи. Умы, еще такъ недавно привыкшіе къ свободному движенію мыслей и вдругъ стѣсненные правительственнымъ гнетомъ въ узкую рамку, съ тѣмъ болѣе рвеніемъ бросаются на изученіе прошлаго, что этимъ хотѣли наполнить образовавшуюся внутри ихъ пустоту. Умственное движеніе французской націи, отгнѣненное властью съ политическаго поля, обратилось на исторію, и чѣмъ болѣе ограничивается свобода политическихъ преній, тѣмъ болѣе расширяется кругъ историческихъ изслѣдованій; историческія отношенія и идеи стали теперь краеугольнымъ камнемъ въ наукѣ и только на основаніи ихъ рѣшаются вопросы, относящіеся къ настоящему порядку вещей.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ тѣхъ безконечныхъ критикъ и споровъ объ историческихъ вопросахъ, которыми наполнена вся серьезная литература Франціи. Факты изъ старой жизни выводятся снова наружу, подвергаются тщательной повѣркѣ и обработкѣ. Нельзя заикнуться о реформаціи, о возрожденіи, о великомъ слѣдѣ безъ того, чтобы не возбудить нескончаемыхъ полемикъ. Сегодня одинъ рыный публицистъ, возстающій противъ всего, что мы привыкли считать новѣйшимъ просвѣщеніемъ, проводитъ въ сочиненіи своемъ мысль, что Людовикъ XIV поступилъ отлично, уничтоживъ нантскій эдиктъ — а защитники релігіозной свободы слышатъ возражать ему совершенно серьезно, какъ-будтобы дѣло шло о какомъ-нибудь еще нерѣшеномъ вопросѣ. Въ другой разъ fanaticъ—аб-

бить изливаешь свою доминиканскую жолчь на древнихъ классиковъ, запрещая во имя религіи и католической церкви преподаваніе ихъ во французскихъ школахъ, какъ произведенія язычниковъ и безбожниковъ, — и такое целѣное мнѣніе возбуждаетъ споръ, въ которомъ мало-помалу принимаетъ участіе вся образованная Франція: большая часть епископовъ рѣшаетъ противъ классическаго образованія; свѣтскіе ученые начинаютъ серьезно опасаться новой варфоломеевской ночи для классической древности, и дѣло идетъ нисколько на разрѣшеніе свѣтѣйшаго отца въ Римъ, который благоразумно совѣтуетъ не подымать вопроса, поконившагося мирно уже болѣе трехсотъ лѣтъ. А сколько живыхъ полемикъ возбужденъ въ послѣднее время средняго вѣка! Одни находили въ нихъ идеалъ правильного духовнаго развитія и государственнаго порядка, другіе не болѣе какъ хаосъ и неурядицу теократіи.

Глядя на такое страстное возбужденіе въ исторической литературѣ, можно смѣло сказать, что если прошлое столѣтіе въ силу своего свободнаго и обновляющаго движенія назвало себя «философскимъ вѣкомъ», то наше время по всѣмъ правамъ должно быть названо историческою эпохою.

Историческое искусство и критика суть въ самомъ дѣлѣ въ настоящемъ смыслѣ истинное и оригинальное созданіе нашего времени. Каждое столѣтіе имѣетъ свой особый, преобладающій родъ литературы, который служитъ ему убѣжищемъ для проявленія господствующихъ идей; въ немъ выражаются обыкновенно самыя точныя отбѣнки эпохи.

Нужно сознаться, что наше поколѣніе живетъ въ такое смутное, неопредѣленное время, что въ самой внутренней, духовной жизни его недостаетъ условій, при которыхъ возможно творчество какъ въ поэзіи, такъ и въ образовательныхъ искусствахъ. Эстетики и историки литературъ могутъ сколько угодно писать намъ объ ювенильныхъ временахъ классической древности или средневѣкового романтизма и указывать на нихъ какъ на неиссякаемые источники поэзіи, — мы отъ этого не помолодѣемъ, и для произведенія оригинальныхъ и совершенныхъ твореній у насъ именно недостаетъ той доли дѣтства и беззаботности, — качества, которыхъ нельзя ни приобрѣсти, ни изучить. Еслибы въ наше время явился гениальный челоувѣкъ прежняго закала, то онъ показался бы намъ просто какимъ-то необразованнымъ дикаремъ. Намъ неповатыны бы были непоколебимость его вѣры, живость и упрямство характера, и быть-можетъ мы бы отъ души пожалѣли, что онъ такъ мало понимаетъ свѣтъ и такъ односторонне, ненаучно судитъ о вещахъ. Но причина слабости нашей на всѣхъ тѣхъ поприщахъ, которыя требуютъ большой твер-

лости и замкнутости духа, есть именно причина силы нашей на неприцѣ исторической литературы. Чрезвычайныя волненія и напряженія послѣднихъ семидесяти лѣтъ были превосходною школою для тоннаго и живого пониманія прошлаго. Волненія и напряженія встрѣчались правда и въ другіе вѣка, но тогда они не слѣдовали одни за другими съ такою одуряющею быстротою и не захватывали всѣхъ сторонъ народной жизни. Прежде на всѣ подобныя перемены смотрѣли какъ на опредѣленіе божіе, какъ на временное уклоненіе отъ порядка текущей жизни и не ломали головы надъ тѣмъ, чего нельзя было избѣгнуть и что рано или поздно должно само по себѣ утихнуть. Но безпрестанные удары, слѣдовавшіе въ новѣйшее время съ такою поразительною быстротою, ослабили увѣренность въ непоколебимой твердости стараго порядка, а главное—научили чутко слѣдить за тайнымъ ходомъ революцій и открывать законы даже въ ненормальныхъ возбужденіяхъ общества. Теперь ни малѣйшее движеніе въ народной жизни не можетъ ускользнуть отъ опытнаго взгляда историка и публициста. Обыкновенно, гдѣ останавливается творческій духъ, тамъ начинается критическій, и когда проходитъ время великихъ событій, тогда люди начинаютъ открывать причины и характеръ ихъ, непонятныя для современниковъ.

Въ этомъ—то смыслъ намъ не кажется преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что собственно историческая наука явилась неболѣ пятидесяти лѣтъ тому назадъ и вступила въ рядъ изслѣдованій, еще неоконченныхъ и продолжающихся передъ нашими глазами.

I

Паденіе первой имперіи и возвращеніе Бурбоновъ поставили Францію въ новое историческое положеніе. Установившееся непосредственно послѣ революціи мнѣніе, что съ паденіемъ стараго монархическаго порядка и началомъ новаго политическаго развитія вырыта была непроходимая бездна между настоящимъ и прошлымъ, должно было естественно поколебаться. Время само возстановило ихъ взаимныя отношенія и прошлое уже потому стало живымъ моментомъ для настоящаго, что служило этому послѣднему основаніемъ.

Но новыя понятія, выработанныя революціей, плохо ладили съ старымъ порядкомъ; на этой—то точкѣ и столкнулись двѣ противоположныя историческія партіи: одна совершенно отрицала старое и указывала на необходимость поддержанія недавнопробрѣтенныхъ началъ; другая простерла свою любовь къ старинѣ до того,

что отвергая рѣшительно все что сдѣлала для міра революція, желала возвратиться къ прежнему до-революціонному порядку вещей. Обѣ партіи старались подкрѣпить свои взгляды и мнѣнія историческими данными и это было первымъ поводомъ къ тому огромному историческому движенію, которое мы замѣчаемъ до сихъ поръ. Прежде всего явилась потребность изслѣдовать самые источники и подвергнуть ихъ тщательной критической обработкѣ. Но многими причинами изученіе источниковъ было въ совершенномъ пренебреженіи во Франціи. Такъ какъ достоинство историческихъ сочиненій до революціи опредѣлялось болѣе по чистотѣ слога, по прекрасному и остроумному изложенію, чѣмъ по глубинѣ взглядовъ и достовѣрности фактовъ, то понятно отвращеніе тогдашнихъ историковъ отъ тяжелой, кропотливой работы надъ рукописями и фолиантами, работы, стоящей много труда и приносящей мало славы. Кромѣ того строгость тогдашней литературной цензуры отбивала всякую охоту распространять историческія истины. Въ концѣ XVIII вѣка патеръ Даниэль обвиненъ былъ въ государственномъ преступленіи за то, что осмѣлился выпустить съ своей исторіи четырехъ королей изъ роду Меровинговъ, и Фрере былъ посаженъ въ Бастилю за то, что называлъ франковъ не самостоятельнымъ народомъ, а союзомъ племенъ. Революція, занятая исключительно разрушеніемъ стараго, естественно не устранила этихъ препятствій къ историческимъ изслѣдованіямъ. Еще меньше сдѣлала по этому дѣлу первая имперія, которая, по вѣрному замѣчанію Тьерри, сдѣлала изъ исторіи, равно какъ изъ всѣхъ вообще соціальныхъ силъ, исключительную монополію государства. Самая ложная, исковерканная, липовая всякой критики исторія была возведена на степень національной теоріи и дѣйствовала съ нетерпимостью твердо-установившагося догмата. Между тѣмъ историческій духъ пробуждался все сильнѣе и сильнѣе въ обществѣ и съ каждымъ днемъ разрушались препятствовавшія его свободному движенію. Памятники письменные и неписьменные, хроники, стихотворенія, манускрипты, государственные акты, надписи, старыя медали и монеты, картины — все было тщательно розыскано и подверглось прилежному изученію. Это была какая-то всеобщая реакція, родъ возрожденія въ самомъ видѣ, хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ въ XVI вѣкѣ. Незнакомые, варварскіе средніе вѣка снова попали въ честь, и ученые заѣхавъ съ художниками начали бредить готическимъ. Повсюду образовались многочисленныя археологическія общества съ цѣлью спасти все что только принадлежало драгоценнымъ предметамъ. Древнія произведенія искусства стали святынею, а древнія развалины объявлены неприкосновенною собственностью націи. Молотъ и лопата вы-

рваны изъ рукъ разрушителей, и тѣже самыя работники, которые до-
плати были на расчистку развалинъ, употреблены были на возстано-
вленіе ихъ. Благоговѣйное почтеніе къ старинѣ перешло даже въ до-
вседневную жизнь, въ архитектуру, въ моду, въ мебель. Никогда еще
Франція не оказала столько почтенія къ своей исторіи, столько
терпѣнія, учености и искусства на объясненіе древнихъ учреждений
и возобновленіе древнихъ памятниковъ, какъ въ три десятилітія
между 1818 и 1848 годами.

Эта почтительная, платоническая любовь къ старинѣ значи-
тельно охладила у французовъ послѣ послѣдней революціи. Со-
бытія отъ 1848 до 1852 годовъ, отклонившія исторію отъ прямой
линіи и нарушившія ея кажущійся логическій ходъ, поразили исто-
риковъ и заставили усомниться въ добытыхъ ими результатахъ.
Хотя вмѣстѣ съ прекращеніемъ акцентрическаго движенія и на-
ступленіемъ реакціоннаго покоя политическая борьба затихла, но
историческія партіи тѣмъ съ новою силою вступили въ ожесто-
ченную полемику. Въ господствующемъ стремленіи реакціи не-
двигать всякое революціонное движеніе, католическая партія ви-
дѣла благопріятный знакъ для торжества католической религіи и
римской іерархіи. Видя, что вліяніе церкви, поддерживаемое прав-
дательствомъ, возрастаетъ, что любимцы ея, нищенствующіе монахи,
утверждаются въ самомъ Парижѣ, партія эта возымѣла надежды,
что настало наконецъ время возвратиться къ средневѣковой тео-
кратіи. Но чѣмъ шумнѣе выражались взгляды и надежды, тѣмъ
силнѣе чувствовала обиду своимъ убѣжденіямъ демократическая
партія. Такъ какъ ей запрещено было прямо разсуждать о настоя-
щемъ порядкѣ въ обществѣ, то она перенесла споры въ прошлыя
времена, гдѣ, какъ извѣстно, нетрудно отыскать всѣ дѣвія, всѣ
сдѣланы настоящаго. На этой исторической почвѣ представляется
была полная свобода критиковать прежнія учрежденія, осуждать
за политическіе и общественные грѣхи прежнія власти. Про-
шлыя столѣтія должны были снова подвергнуться испытанію и
такъ какъ на нихъ перестали смотрѣть съ прежнею благосклон-
ностью, то и они представились не въ такомъ прекрасномъ видѣ.
Дѣйствія государей, министровъ, предводителей партій были ра-
зобраемы со строгостью, подчасъ даже несправедливою, и на нихъ
завалили вину за всѣ обиды и неудачи настоящаго. Если прежде
всѣ искали наибольшей солидарности съ своимъ прошлымъ, то те-
перь на него стали смотрѣть какъ на корень всего зла. Но мнѣнію
прежнихъ оптимистовъ назначеніе исторіи состояло въ томъ, что-
бы разъяснить путь, по которому прогрессъ свободы и совершен-
ствованія дошелъ до настоящихъ результатовъ; теперь же въ исто-

рихъ имѣть какъ-будто развитіе наказанія за прародительскій грѣхъ, казнь образомъ это наказаніе, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, привело къ тому политическому ничтожеству, въ которомъ живетъ теперь Франція. Однимъ словомъ: съ исторіей въ атомъ случаѣ поступили какъ въсегда съ тѣломъ Марабо: прежде поставили его въ Шатлонъ, а потомъ, вѣдая недостойнымъ такой чести, выбросили вонъ.

Эти два противоположныя стремленія въ исторіи, какъ и всякая реакція, привели конечно къ крайностямъ, которыя отъ времени начинаютъ мало-помалу сглаживаться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мелочныя стремленія и интересы партій вредятъ историческому знанію, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы совершенное равнодушіе и безстрастность были необходимыми условіями для историка. Исторія не принадлежитъ къ числу наукъ, называемыхъ древними *mathématiques*, которыми съ успѣхомъ могутъ заниматься только своеобразныя и прилежныя ученые. Историкъ не философъ, спокойно рѣшающій міровыя истины и съ полнымъ равнодушіемъ и безучастіемъ смотрящій на волнующійся у ногъ его микрокосмъ; онъ (историкъ) касается самыхъ глубокихъ задачъ человѣческой жизни и потому отъ него требуется не простой учености и прилежанія но и сердца, и главное—познанія челоѣка. Эффектъ такъ же необходимъ въ исторіи, какъ въ поэзіи, и въ немъ всегда должна отразиться личность историка; въ атомъ главнымъ образомъ заключается заслуга и преимущество новѣйшей французской исторической школы. Такая политическая страстность не вредитъ нисколько исторической достоярности; часто чуть новѣйшаго историка по отрывкамъ и разбросаннымъ остаткамъ открываетъ въ жизни прошлаго правду болѣе, чѣмъ самые усердные библіофилы и археологи въ бесконечныхъ фоліантахъ. Французская исторія имѣла издавна богатую литературу, но эта литература была главнымъ образомъ поборъ какъ ученый аппаратъ. Только въ новѣйшее время понятие было истинное назначеніе исторіи и отчасти приведено въ исполненіе.

II

Еще *Огюстенъ Тьерри* сказалъ, что во Франціи нѣтъ національной исторіи, но находя, что подобный трудъ былъ бы не по силѣ одному челоѣку, онъ съ своимъ братомъ *Амедеемъ Тьерри* рѣшились заняться обработкой отдѣльныхъ вопросовъ, — именно древнѣйшей исторіей Франціи — и сдѣлали на атомъ поприщѣ много

дѣйствительно важныхъ открытій. Такого же взгляда держались *Амлеръ*, *Гизо*, *Вильмаксъ*, хотя они уже болѣе расширили кругъ своихъ историческихъ изслѣдованій. Гораздо смѣлѣе поступили въ этомъ случаѣ *Мишле* и *Гакри Мартенъ*, предпринявшіе разработку всей французской исторіи. Мишле приходитъ теперь почти къ концу своей многотомной «*Histoire de France*». Первые шесть томовъ, написанные между 1833 и 1845 годами, содержатъ исторію древнѣйшихъ временъ и среднихъ вѣковъ; они были написаны въ духъ господствующаго тогда романтизма, и ни одинъ историкъ не понималъ и не изобразилъ такъ живо и увлекательно это странное и интересное время, какъ Мишле. Седьмой томъ — «*Renaissance*» — внезапно переходитъ въ совершенно другой тонъ: въ немъ отвергается все что сказано было коронаго въ предыдущихъ томахъ о среднихъ вѣкахъ и говорится о нихъ съ необыкновенною жолчью и злобою. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что такое свободное и откровенное признаніе своихъ прежнихъ заблужденій есть едвали не единственный примѣръ въ ученomъ мѣрѣ. Начиная свое историческое површе, Мишле держалъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ споровъ партій и журналовъ, которые въ свою очередь довольно равнодушно отзывались о его первыхъ историческихъ трудахъ; его считали за фантазера и въ шутку называли «*пиробфтомою исторію*».

Споръ съ католическою партіею вывелъ его изъ покойнаго созерцанія, и онъ со всѣмъ пыломъ своей раздражительной природы бросился въ самую горячую полемику. Этотъ внезапный и крутой переворотъ повлекъ за собой слѣдствія, которыхъ легко можно было ожидать: умѣренные и моктринеры отреклись отъ него, а министръ народнаго просвѣщенія грозилъ запретить ему чтеніе лекцій въ *Collège de France*, если онъ не оставитъ своихъ нападокъ на духовенство. Для Мишле это было масло, поллитое въ огонь; отъ споровъ о духовенствѣ онъ прямо уже перешелъ къ политическимъ и социальнымъ вопросамъ. Угроза министра была приведена въ исполненіе и Мишле открыто вступилъ въ ряды крайней демократической партіи.

Всѣ эти отношенія сообщили его слогу нѣчто неестественно-раздражительное, въ особенности же тотъ горькій, полемическій тонъ, который изъ его памфлетовъ и «*Исторія французской революціи*» (написанной между 1847—1853 гг.) перешелъ въ позднѣйшіе шесть томовъ его историческаго труда. Эти шесть томовъ вышли между 1854—59 годами, подъ различными названіями: «*Renaissance*», «*Réforme*», «*Guerre de religion*», «*Ligue et Henri IV.*», «*Henri IV et Richelieu*», «*Richelieu et la Fronde*». Изображеніе и здѣсь въ высшей степени своеобразное и живое, но подъ исключит-

тедѣвымъ вліяніемъ фантазіи и страсти оно часто переходитъ въ ненужные эффекты и представляетъ какую-то странную смѣсь самаго высокаго лиризма съ низкимъ и подчасъ тривіальнымъ языкомъ. Особенность его слога состоитъ въ необыкновенной образности, которая не только не затемняетъ его мысли, а напротивъ она рѣзко просвѣчиваетъ изъ него, подобно тому какъ слѣпокъ изъ мокрой глины рѣзко очерчиваетъ формы прекраснаго лица. Преимущество это часто ослабляется у Мишле тѣмъ, что онъ нерѣдко вѣтъ всякой мѣры увлекается имъ и доводитъ до крайности. Иногда даже кажется, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ изыскиваетъ самыя неотесанныя и цивическія выраженія. Такъ онъ называетъ Марію Стюартъ просто «публичной женщиной» и говоритъ о «сладострастныхъ глазахъ» (*yeux provoquants du satin*) Маргариты Валуа. Въ одномъ изъ портретовъ Екатерины Медичи онъ говоритъ объ ея «наслѣдственной мордѣ» (*mulle héréditaire*), объ ея «умномъ, но скотскомъ и мужественномъ лицѣ», а въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отвращеніи Генриха II отъ своей супруги, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «онъ чувствовалъ къ ней омерзѣніе какъ къ гробовому червяку, точащему гніющей трупъ».

Послѣдніе шесть томовъ наполнены такими ужасными выраженіями, скачками и эксцентричностями; въ нихъ безъ всякаго видимаго порядка набросано низкое съ высокимъ, смѣшное съ серьезнымъ; остроумныя насмѣшки, шутовскія сравненія сыплются на всѣ партіи: Гизовъ и Валуа, католиковъ и гугенотовъ, лигистовъ и фронтисровъ, короче сказать, вся Франція XVI и XVII столѣтія уничтожена нравственно и критически; это какое-то поголовное кровопролитіе въ царствѣ мертвыхъ. Правда и то, что Мишле много пришлось терпѣть отъ несправедливыхъ нападковъ доктринеровъ, но зато и онъ самъ переходитъ часто мѣру историческаго безпристрастія. Въ описаніяхъ его встрѣчаются часто противорѣчія даже тому, что онъ самъ пишетъ въ болѣе хладнокровномъ видѣ или объ одномъ и томъ же лицѣ, или объ лицахъ его окружающихъ. Къ счастью, научное развитіе его беретъ верхъ надъ страстною натурою и онъ почти всегда невольно самъ поправляетъ промахи, слѣдующіе имъ въ мрачномъ настроеніи или въ пылу увлеченія.

Мишле въ сущности человекъ глубокой учености и солиднаго развитія, но въ тоже время слишкомъ большой дилетантъ. Онъ смотритъ на развитіе какого-нибудь историческаго происшествія какъ на сценическое представленіе, а потому у него нѣтъ того усидчиваго вниманія къ идеямъ и фактамъ, которое необходимо для мыслителя и изслѣдователя. Хотя по природѣ своей онъ склоненъ къ созерцанію, но живость характера мѣшаетъ ему спокойно

созерцать людей и происшествія. Онъ самъ участвуетъ въ сценѣхъ, описываемыхъ имъ, онъ весь въ нихъ погружается и глубоко поражается; онъ пьѣетъ отъ тѣхъ представленій и впечатлѣній, которыя производятъ на него драматическіе эпизоды исторіи. Можно подумать, что въ исторіи онъ ищетъ какого-то опьяняющаго напитка, способнаго возбудить въ немъ множество видѣній. Его впечатлительная натура дрожитъ какъ струна, колеблемая невидимою рукою. Читая нѣкоторыя прекрасныя, полныя огня страницы его исторіи, кажется, что слышишь очаровательную музыку, которая дѣйствуетъ тѣмъ поразительнѣе, что звуки исходятъ не изъ стила, не изъ хода мыслей, а прямо изъ душевнаго строя писателя.

Странное смѣшеніе достоинствъ, легко перерождающихся въ недостатки, и недостатковъ, имѣющихъ часто прелесть настоящихъ достоинствъ, оправдываетъ противорѣчащія сужденія о Мишле какъ объ историкѣ. Но какъ бы строгъ ни былъ такой судъ, недѣля никакъ отривать тѣхъ свѣжихъ мыслей, мѣткихъ замѣчаній, глубокихъ воззрѣній и оригинальной своеобразности, которыми наполнены его сочиненія. Природныя наклонности его принадлежатъ къ числу самыхъ счастливыхъ; въ самомъ неблагоприятномъ трудѣ онъ даетъ ему возможность находить наслажденіе, и въ самыхъ сухихъ вещахъ поэзію. Любопытность, воображеніе, и въ высшей степени могущественное чувство — вотъ его три рычага, три волшебныхъ ключа, которыми онъ открываетъ мрачныя бездны исторіи и выводитъ на свѣтъ ихъ сокрытыя сокровища. Другіе историки употребляютъ болѣе точные инструменты, Мишле же довольствуется внутреннимъ воззрѣніемъ, и оно помогаетъ ему въ изслѣдованіяхъ больше, чѣмъ самое глубокое умствованіе. Для него исторія не есть какое-нибудь зрѣлище, predetermined и въ которомъ роли актеровъ розданы à priori, но турниръ свободныхъ духовъ, на которомъ всякій пробивается своими собственными силами и самъ создаетъ себѣ судьбу. Человѣческая природа есть его міровой законъ и, если можно такъ выразиться, его predetermined; сужденія объ историческихъ происшествіяхъ, выводимыхъ другими изъ какой-нибудь посторонней причины, у него выводятся просто изъ врожденнаго въ человѣкѣ стремленія къ добру или злу. Поэтому вниманіе его главнымъ образомъ обращено на тайную игру страстей, на дѣйствіе силъ, скрытыхъ въ душѣ до тѣхъ поръ, пока оно не проявляется въ словѣ и дѣлѣ, и въ это невидимое царство онъ входитъ путемъ, протоптаннымъ столькими поэтами, т. е. путемъ крылатой фантазіи. Безъ сомнѣнія онъ иногда сбивается съ истинной дороги, но зато проникаетъ въ такую высоту и глубину, которыхъ не открыло бы ему никакое умствен-

Все увеличительное стекло, и хотя онъ рѣдко употребляетъ анализъ, но описанія его человѣческихъ характеровъ и душевныхъ стремленій представляютъ поразительную тонкость и вѣрность.

Мишле, если можно такъ выразиться, — дико-выросшая натура, первобытный духъ, обремененный богатствомъ своего развитія не въ высшихъ обстоятельствахъ, но своему собственному, внутреннему существу. Въ немъ нѣтъ ничего изученнаго, искусственнаго; все напротивъ первобытно, все вытекло изъ его природы. Хотя онъ принадлежитъ къ числу людей, которые многому учились и много пережили, но наука, охлаждающая и сдерживающая у другихъ порывы сердца, у него еще болѣе возбуждаетъ и безъ того огненную фантазію, а опытъ жизни, обыкновенно притупляющій чувства, только изнурилъ его чувствительность и ловель до высшей степени раздражительности. Размышленіе, доказательства, умствованіе и другіе серьезные методы разума рѣдко встрѣчаются у Мишле. Онъ пишетъ только тогда, когда внутренне возбужденъ, и пишетъ то что чувствуетъ. Онъ думаетъ всѣмъ своимъ организмомъ, своею душою, своею фантазіей, своими нервами; его слогъ то сжатъ, то расставутъ, то силенъ, то вялъ, смотря потому, сильно ли или слабо бьется его сердце. Короче, Мишле всюду вноситъ свою индивидуальную природу, и въ этомъ—то и заключается вся сила его историческихъ описаній, вся прелесть ихъ и въ тоже время важный недостатокъ. Читая его характеристики историческихъ лицъ, мы не можемъ отдѣлать отъ нихъ личности самого писателя; лица эти то отталкиваютъ, то привлекаютъ насъ, но такъ, что мы не можемъ дать себѣ отчета въ этой симпатіи или антипатіи. Такъ рано выдающаяся личность историка значительно облегчаетъ, но въ тоже время есть и существенная помѣха при выполненіи его задачи. Она облегчаетъ для него трудъ рассказчика и простого историческаго изображателя, но дѣло судьи и посредника для него было и почти невозможно выполнить. Мишле не въ состояніи удержать своихъ впечатлѣній и въ тоже время онъ слишкомъ челоукъ чувствами и фантазіей, чтобы долго выдержать логическую последовательность какой-нибудь идеи. Покуда идея представляется въ живомъ образѣ, до тѣхъ поръ она выражается имъ свободно; но едва только онъ вступаетъ на путь чистаго логическаго умствованія, онъ отрывается отъ нея насильно. Послѣ прочтенія первыхъ шести томовъ его исторіи остаешься полонъ впечатлѣній, произведенныхъ зрѣлищемъ происшествій; мы совершено забываемся съ представленіемъ XVI и XVII вѣковъ и какъ-то возвращаемся домой послѣ долгаго путешествія, съ огромнымъ запасомъ воспоминаній и анекдотовъ. Органъ Борджіа, муче-

вическая смерть Савонаролы, веселая придворная жизнь въ Фонтенебло, мрачныя своды Эскуріала, рабочая Лютера, мастерская Альбрехта Дюрера, парижская кровавая свадьба, убійство Генриха IV, кабинетъ Ришелье, трагедіи Корнеля, спальня Анны австрійской, придворная и закулисная жизнь дамъ и монахинь при Людовикѣ XIII — все это рисуется передъ нами въ самыхъ живыхъ краскахъ, съ поразительною вѣрностью и отчетливыми подробностями, а между тѣмъ мы все-таки не имѣемъ совершенно точнаго и яснаго понятія объ этихъ двухъ столѣтіяхъ. Возрожденіе, реформація, лига и фронта показали намъ зрѣлище своихъ бурныхъ сценъ, но не открыли своей тайны. Эти четыре великія событія французской исторіи ниразу не являются сами по себѣ, въ ихъ безличномъ, общечеловѣческомъ значеніи, но только въ силу знаменитыхъ личностей, дѣйствовавшихъ на подмосткахъ того времени. У насъ только отрывки, но недостаетъ именно той связи, той средней перспективной точки, изъ которой всѣ эти отрывки могли бы составить нѣчто цѣлое.

Но если Мишле плохо даются общія, отвлеченныя понятія въ исторіи, зато онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ описываетъ отдѣльныя, конкретныя вещи и живость факта помогаетъ ему въ высокой степени, когда онъ характеризуетъ какую-нибудь личность, опредѣляетъ какую-нибудь страсть или объясняетъ великое художественное произведеніе. Тогда-то развиваетъ онъ удивительное богатство изобразительныхъ средствъ, въ особенности же неистощимый запасъ образовъ и сравненій, рассыпаемыхъ имъ съ щедростью, но въ тоже время съ истиняктивнымъ тактомъ настоящаго художника. Такихъ образовъ и сравненій бываетъ иногда слишкомъ даже много, но они всегда соотвѣтствуютъ производимому впечатлѣнію, всегда оригинальны, иногда величественны и никогда не бываютъ предосудительны или пошлы. У Мишле часто замѣтно отсутствіе дара наблюдательности, но его могучее воображеніе замѣняетъ всевозможные дары. Своимъ тонкимъ и глубоко проникающимъ чувствомъ онъ открываетъ такія черты, которыя ускользаютъ отъ самыхъ лучшихъ правописателей и біографовъ. Что касается до его историческихъ портретовъ, то можно смѣло утверждать, что со времени Сень-Симона во Франціи не было другого писателя, который бы рисовалъ ихъ съ болѣе сильнымъ, теплымъ, полнымъ жизни колоритомъ и излагалъ такъ поразительно вѣрно. Въ послѣднихъ шести томахъ его исторіи можно найти множество такихъ портретовъ всевозможныхъ родовъ: большія фигуры во весь ростъ, въ парадныхъ костюмахъ, грудные портреты тѣхъ же лицъ въ различныхъ возрастахъ и положеніяхъ жизни, миниатюръ,

накопецъ простые профильные рисунки, выраженные двумя-тремя небрежно-набросанными черточками, — все это поразительной вѣрности, потому что авторъ съ жадностью ловить всегда характеристически-выдающіяся черты физиономій и счастливо воспроизводитъ ихъ. Ктому же онъ мастерски умѣетъ поставить свои оригиналы именно въ данное время, окружить необходимыми аксессуарами, такъ что все это вмѣстѣ необыкновенно рельефно выражаетъ описываемую имъ эпоху. Онъ часто мѣняетъ манеру и стиль; отъ точной, но сухой манеры Гольбейна онъ переходитъ къ размашистой кисти Тинторетто, отъ полныхъ, законченныхъ фигуръ Виль-Дика къ рѣзкимъ очеркамъ въ рембрантовскомъ родѣ.

Какъ самъ художникъ, Мишле обладаетъ очень тонкимъ чутьемъ къ художественнымъ произведеніямъ и замѣчательно-острымъ взглядомъ при оцѣнкѣ ихъ внутренняго бытія. Техническая и эстетическая стороны ихъ часто невѣрно понимаются имъ; даже въ ихъ внутреннемъ, культурно-историческомъ значеніи онъ иногда видитъ больше, чѣмъ самые художники хотѣли вложить въ свои произведенія, но зато невольно поражаетесь способностью его схватывать тотъ духъ, ту жизнь, которые скрываются и должны скрываться за мезани этихъ мертвыхъ красокъ, формъ и буквъ.

Такой художественный талантъ въ изображеніи и исключительное предпочтеніе къ внутренней, психологической исторіи, составляютъ главнымъ образомъ оригинальность Мишле и даютъ ему мѣсто между самыми тонкими, законченными и сильными личностями нашего времени. Virtuозность этого остроумнаго писателя признается даже противниками его; только они не хотятъ признать за нимъ никакой заслуги какъ за историкомъ. Его книги, говорятъ они, заключаютъ въ себѣ безконечный рядъ быстро вырѣзанныхъ куколъ и живо нарисованныхъ фигурокъ, и вмѣсто того чтобы отыскивать въ исторіи причины всесторонней связи, онъ довольствуется простыми подробностями при изложеніи идей и фактовъ. Конечно, Мишле въ исторіи слѣдуетъ описательному методу, но въ это описаніе онъ вводитъ такіе элементы, которые составляютъ его собственный, психологическій методъ. Если онъ не всегда въ состояніи разложить на составныя части известное политическое учрежденіе или разобрать по частямъ сложную машину социального организма, если онъ не обладаетъ даромъ отыскивать ея законы, управляющіе эпохою, то зато у него есть безпримѣрная способность схватывать особенности, внутреннія черты той эпохи, не теоретическую, а практическую сторону даннаго времени. Колеблющіяся чувства, неопредѣленные желанія, стремленія къ далекому идеалу, всѣ тѣ призрачныя и обманчивыя мечтанія,

которые люди преслѣдуютъ и въ шумѣ кровавыхъ битвъ, и въ праздничныхъ кликахъ, — все это Мишле умѣетъ уловить со всѣхъ возможными оттѣнками и изобразить на своемъ историческомъ полотнѣ именно такъ, какъ они являются въ данную эпоху. И это есть не простая заслуга художника: это также великая заслуга мыслителя, открывающаго намъ такъ-сказать духовную и нравственную повседневность прошлыхъ вѣкомъ.

Высокія идеи религіи, философіи, нравственности обыкновенно мало вліяютъ на большинство и не обуславливаютъ его дѣйствій, и если мы незнаемъ мечтаний, сердечныхъ желаній, которыми быды проникнуты умы въ извѣстную эпоху, то мы не можемъ составить себѣ истиннаго, *практическаго* взгляда на культуру этого времени, именно тѣ мѣняющіеся съ каждою эпохою силы и стремленія, которыя непосредственно опредѣляютъ дѣйствія людей и отъ которыхъ зависятъ не только большая часть историческихъ фактовъ, но и фазіономія и особыя оттѣнки ихъ. Въ этомъ въ самомъ дѣлѣ заключается оригинальное нововведеніе Мишле, которое, какъ мы увидимъ дальше, быстро распространилось во Франціи и породило цѣлый кругъ историческихъ трудовъ такого рода. Усвѣхъ Мишле въ этой новой формѣ историческаго описанія лежалъ не столько въ его наклонности къ психологическимъ изслѣдованіямъ, сколько въ его природѣ, чувствительной и полной фантазіи, позволившей ему съ какимъ-то женскимъ тактомъ выводить тысячи такихъ вѣжныхъ вещей, которыхъ разумъ мужчины не въ состояніи ни найти, ни уловить. Въ такихъ повидному мелочахъ, въ такихъ тонкихъ замѣткахъ лежатъ часто гораздо больше содержанія и объясненія, чѣмъ въ многихъ многотомныхъ твореніяхъ.

Въ подтвержденіе высказанной нами характеристика Мишле мы позволимъ себѣ привести краткій разборъ одного критика (имени его мы не упоминаемъ), помѣщенный въ одномъ изъ заграничныхъ изданій по поводу выхода первой книги Мишле «Renaissance»:

«Наше время чрезвычайно бѣдно хороми книгами; даже Германія, которой единственная дѣятельность состояла въ высказываніи теоретическаго сознанія людей, умолкла. «Имперія — сказала однажды Томасъ Карлейль — пришла ко времени; она только остановила болтовню; Франціи нечего было больше сказать; еслибы у ней дѣйствительно лежало что-нибудь на душѣ, то она высказалась бы послѣ февральской революціи.» Но переть вамъ лежатъ новое доказательство, какъ мало издала французская мысль и какъ, напротивъ она работаетъ совершенно въ новомъ смыслѣ. Знаменитый историкъ Мишле, изгнанный при Людовикѣ-Филиппѣ изъ авторіи, потомъ при Наполеонѣ изъ Collège de France, лишенный

и бѣта и оклада, удалился года на два въ Нантъ. Возвратившись въ Парижъ, онъ издалъ подъ заглавіемъ «Возрожденіе» очеркъ исторіи XVIII столѣтія, одно изъ самыхъ поэтическихъ и глубоко-мысленныхъ историческихъ сочиненій, когда-либо явившихся во Франціи. Это поэма, картина, философія эпохи, простой расказъ и въсѣтъ огненная полемика и страшный ударъ католицизму.

«Говимый, въ борьбѣ съ нуждой, безъ кафедры, съ которой онъ привыкъ потрасать сердца юношей, облегчая свое собственное — старикъ не сломился, а поюмѣлъ, сосредоточился, обновился; его мысль глубже проникла въ былое нежели прежде, онъ отбросилъ свою національную точку зрѣнія, что для француза очень важно. Огравя настоящаго насторожила его и озлобила: оттого-то строки его такъ страстно горячи, за ними видѣются молніи гнѣва, — гнѣвъ львиного, лютеровскаго. Гнѣвъ сильнаго только и бываетъ великъ и изыщень.

«Но омысль книги Мишле не только страстный и полемическій; былое для него не одинъ предлогъ, чтобы говорить о настоящемъ; тогда бы его расказъ не былъ ни такъ пластически вѣренъ, ни такъ богатъ живыми подробностями и отбѣсками, которыя не ускользають отъ глубокаго изученія, отъ изученія полнаго любви къ предмету.

«Послѣ удивительныхъ страницъ Ог. Тьерри въ его «Меровингскихъ расказахъ», послѣ вѣсколькихъ картинъ поразительной художественности въ «Исторіи французской революціи» Карлейла, нѣтъ же случилось читать ничего подобнаго «Возрожденію» Мишле. Эта книга далеко оставляетъ за собой все писанное имъ прежде, и это оттого, что онъ самъ сдѣлалъ необычайный шагъ впередъ. Онъ и Мише давно поссорились съ католицизмомъ, но борьба противъ нихъ и езуитовъ всегда будетъ недалеко протестантизма. А съ протестантской точки зрѣнія католицизмъ побѣдить нельзя; езуитская логика съ его стороны.»

«Налобно знать доброту французовъ за извѣстными предѣлами евангелизма и отрицанія, чтобы оцѣнить нравственную сторону романа Мишле. Съ какимъ воплемъ негодованія принимались во Франціи статьи Ирудона и какую громадную энергію нужно было имѣть, чтобы выдержать напоръ со всѣхъ сторонъ. Въ романахъ и сѣветахъ, точно въ уголовной палатѣ, виновнаго наказываютъ, а доброй торжествуетъ: иначе романъ оскорбляетъ моральное чувство. Посудите же какое негодованіе должна была вызвать книга знаменитаго профессора, одного изъ знаменитѣйшихъ историковъ и литераторовъ Франціи, въ которой онъ бросаетъ весь старый камень за бортъ, чтобы свободнѣе плыть по океану жизни и вѣдѣ-

ніа! Второй подвигъ Мишле почти еще труднѣе для Француза: онъ въ исторіи XVII столѣтія отрѣшается отъ французски-національной точки зрѣнія, отъ этой добродушной увѣренности въ превосходствѣ Французовъ надъ другими народами. Онъ представлялъ встрѣчу Италіи съ Франціей какъ поэтическій зритель, принимавшій живое участіе въ обонхъ, какъ зритель *французскій* по гению, по самому свойству своего таланта, но безъ патріотической задней мысли. Французы и этимъ будутъ недовольны. Она много говоритъ о круговой поруцѣ народовъ, о ихъ братствѣ, но это дѣлается на основаніи снисхожденія. Они готовы считать другихъ равными, если только другіе ихъ будутъ считать первыми, — въ томъ родѣ какъ англичане готовы допустить, чтобы вы были атеисты, но желаютъ въ такомъ случаѣ, чтобы вы принадлежали къ атеистической церкви.

Чтобы хоть нѣсколько познакомить читателя съ манеромъ Мишле, мы постараемся какъ можно ближе къ слогу писателя переложить нѣсколько отрывковъ изъ первой книги его «Возрожденія».

«Схоластическая наука, искажая мышленіе и приучая его къ законамъ чисто-формальнымъ, произвела, по мнѣнію Мишле, цѣлый народъ *дураковъ*, людей, которые были глубокомысленно глухы, которые ученьемъ, невѣвшимъ въ себѣ ничего реальнаго, притупили свои способности, забили ихъ. Приготовивши такъ людской мозгъ съ одной стороны, и съ другой — трудную и сложную науку безъ поддержанія, почтенные схоластики дали волю людямъ заниматься...

«Запретить философію, разсужденіе, значило бы ихъ воочувствъ; гораздо лучше было втѣснить философію въ небольшой законный кругъ, гдѣ бы она могла, недвигаясь впередъ, вертѣться поспешно въ вѣчномъ круговоротѣ. Позволить до известной степени разсуждать, разрѣшить отвлеченному разуму бороться только съ отвлеченнымъ разумомъ — это была превосходная прививная оспа, предохраняющая людей отъ опасной болѣзни здраваго смысла.

«За утратой дѣйствительнаго мышленія, которое было гонимо, оставалось еще созерцаніе, и умъ, лишенный права ходить, привыкъ летать. Но мистики, которыми папа подавлялъ Абеляра, въ душевной простотѣ своей пророчили ему приближеніе царства духа, новую церковь безъ папы, церковь любви, свободы, свѣта. Такое направленіе было неменьше опасно всякихъ разсужденій; остановить его было труднѣе. Если церковь не будетъ поддерживать мистицизма, она подойдетъ подъ юридическіе законы, сдѣлается судомъ; церковь юридическая и разсуждающая — не церковь, дѣйствіе безъ церкони — ничто.

«Какъ послѣ Абеляра терпѣли людей полуразсуждающихъ, по-

терымъ позволяли немножко думать, такъ теперь допустили полумистицизмъ, которымъ дозволили немножко бредить, восторгаться до известной степени, быть безумными, но съ руководствомъ. Это второе сословіе дураковъ.

«Они были удивительны. Первые шли неловко, съ путями на ногахъ; печальные четвероногіе, они все-таки могли кой-какъ двигаться. Благоразумные мистики имѣли напротивъ небольшія, подвизанныя крылья, хлопали ими, усиливались летать, поднимались на аршинъ отъ земли и падали зря съ завязанными глазами, сползая впрочемъ высисживать своихъ дѣтенышей на заднемъ дворѣ католичества и на родныхъ навозныхъ кучахъ...

«Кажется довольно ловко законопачены и засмолены были всѣ отверстія, черезъ которыя могъ бы пройти свѣтъ. Въмѣсто слѣпыхъ, которые страстно желали бы видѣть, людей слѣпала близорукими, вочными птицами, которыя вовсе не любятъ смотрѣть, и сильнѣе говорили имъ: «Глядите! вѣдь у васъ есть глаза.»

«Объ мощи были равно подавлены — умъ и безуміе, логика и пророчество, такъ что мысль человѣческая, которой былъ запрещенъ ея естественный путь, не имѣла даже возможности тѣхъ гениальныхъ безумій, которыми она иногда однимъ скачкомъ достигала запрещеннаго. Между уничтоженнымъ хожденіемъ и летиномъ осталось ползанье: его-то и поощрили, предлагая награды улиткамъ и куколкамъ, кто кого обгонитъ.

«Но умъ человѣскій имѣетъ такую искаженную натуру и такое непокоримое начало непокорности, что самъ проклинаетъ себя путь; не имѣла возможности знать міръ духовный, углубляться въ себя, она начала исподтишка поглядывать на природу. Нѣтъ больше независимой мысли — положимъ; нѣтъ больше поэзии — хорошо; можно же по крайней-мѣрѣ посмотрѣть что дѣлается вокругъ! Будто такая большая ересь — собирать травы въ поляхъ, готовить для людей врачеванія, извлекать на пользу человѣку жизнь Божья данную этихъ простыхъ былинкамъ?

«Остерегайся, сынъ мой, остерегайся. Дѣйствительно нѣтъ среди насъ въ этой. За нес-то Богъ и проклялъ евреевъ и арабовъ. Они же постигли, что болѣзнь есть даръ неба, предостереженіе, земное чистилище, уменьшающее казни будущаго. Въ наказаніе имъ Богъ ихъ окружилъ всѣми соблазнами земными; huerta Валенціи и сада Френанды, настоящій рай злого духа, сосредоточили всѣ болѣзнь трехъ частей свѣта, Европы, Азіи, Африки. Шолкъ, рисъ, сахарный тростникъ, бананы, фиги, мирра, имбирь, абрикосы и бумага... Ихъ тиранническая торговля насилуетъ климатъ и губитъ дары божіи: Эти варвары, открывшіе компасъ, бумагу,

порохъ, дерзновенно осмѣлились поставить бащины, чтобы наблюдать ближе за звѣздами; лазутчики неба, они дерзновенно оускаютъ ихъ посредствомъ выгнутыхъ стеколъ, вудать ихъ отразить свой образъ, признаться во всѣхъ своихъ движеніяхъ; они дѣтять узвизить передъ человѣкомъ эти великолѣпныя сѣтила, прибитыя къ неподвижному кристалу небснаго свода. Они снова впадаютъ въ грѣхъ Адама и снова рвутъ запрещенные плоды отъ древа знавія. Они ищутъ спасенія не въ чудѣ, а въ природѣ, не въ легендѣ, а въ твореніи Отца...»

Приводимъ еще небольшой отрывокъ — поразительную картину встрѣчи Франціи съ Италіей.

«Открытие Италіи свело нашихъ съ ума; они не могли противостоять ея увлекательнымъ прелестямъ. Товарищи Карла VIII были немеше удивлены, чѣмъ спутники Христофора Колумба.

«Исключая провансальцевъ, которыхъ война и торговля неоднократно вводили въ эти страны, французы не предполагали найти ни этого народа, ни этой красоты, ни этого искусства.

«Противоположность Италіи съ сѣвернымъ варварствомъ была такъ велика, что побѣдители были ослѣплены, почти искушены, смущены новостью предметовъ. Они нѣмѣли отъ удивленія передъ этими дивными картинами, мраморными церквами, пышными иконостасами, населенными статуями, передъ этими живыми изваяніями — прелестными дѣвами юга, увѣччанными цвѣтами, которыми шли съ пальмами въ рукахъ на стрѣтеніе воиновъ и весла плочы города. Они были сначала поражены; потомъ ими овладѣла бурная радость.

«Провансальцы, бывшіе въ неаполитанскихъ походахъ, арпльвали на корабляхъ или шли обходомъ черезъ Ренанью и Абруццо. Прежде Карла VIII ни одно войско не совершило этого священнаго пути, который, начинаясь отъ Генуи или Милана, Мучкою, Флоренціей и Сіенной ведетъ путника въ Римъ. Удивительная красота Италіи состоитъ въ ея общей формѣ и въ этомъ странномъ чудесѣ отъ Альпъ до Этны. Входя, но безъ потрясеній, вратами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, вы находите деревнй отдыхъ, прекрасный, въ изящномъ величіи ломбардской долины, въ роскошной корзинѣ житва, плодовъ и цвѣтовъ. Потомъ Тоскана, прелестно очерченные холмы Флоренціи обворожаютъ глаза окованной красотой; она смѣняется священнымъ ужасомъ, священнымъ печальною торжественностью Рима... И вы думаете вѣрнѣе Нѣтъ. Болѣе кроткій рай ожидаетъ васъ въ Неаполѣ. Ночныя сновиденія наполняютъ грудь и душа подымается въ уровень Алабастра передъ дымящимся исполномъ Сициліи.

«Природа сосредоточивается, выражается всего лучше въ женщинѣ. Черные итальянскіе глаза, больше сильныя, нежели привѣтливыя, печальныя и безъ дѣтства, даже въ самомъ раннемъ возрастѣ, производили непреодолимыя чары на сѣверныхъ людей. Это была встрѣча двухъ породъ, бросившихся другъ на друга слѣпо и жарко, принимая другъ друга въ себя, какъ два химическія вещества, имѣющихъ сродство, соединяются при первомъ прикосновеніи. Когда печальное опьяненіе прошло, превосходство юга обнаружилось; вездѣ, гдѣ французы остались нѣсколько дольше, оцдъ неминуемо попадали подѣ нго итальянокъ, которыя потомъ дѣлали съ ними что хотѣли...»

III

Гаври Мартенъ довелъ свою «Histoire de France» до предположнаго тома (пятнадцатаго). Трудъ этотъ замѣчательнѣе тѣмъ, что онъ отъ начала до конца обработанъ по одному плану, и за исключеніемъ нѣсколькихъ собственныхъ изслѣдованій, содержитъ важную обработку результатовъ, добытыхъ другими. Трудъ этотъ есть собственно говоря только новое изданіе сочиненія, пять разъ увеличеннаго французскою академіею и уже совсѣмъ оконченнаго; но во выходѣ послѣдняго тома авторъ предпринялъ не легкую работу пересмотрѣть и повѣрить все и довести до высочайшей степени совершенства, по заранѣе задуманному идеалу. Это новое изданіе (вышедшее между 1854—1859 год.) важно не только по матеріальнымъ измѣненіямъ и улучшеніямъ, но въ нѣкоторыхъ частяхъ оно является совершенно новымъ произведеніемъ. Три главныя періода французской исторіи — древнѣйшій, средніе и новыя вѣка — были предметомъ самаго внимательнаго пересмотра и въ иныхъ мѣстахъ переработаны совершенно.

Гаври Мартенъ очевидно продолжатель Огюстена Тьерри и областью если не всѣми, то по крайней мѣрѣ очень многими качествами превосходнаго историка; что касается до его нравственныхъ качествъ, то любовь къ истинѣ у него доходитъ до страсти. Неумолимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ никогда не можетъ вниоли въ удобствѣ своей авторской добросовѣстности и постоянно изыскиваетъ новыя несомнѣнныя доказательства для подтвержденія своего мнѣнія. Постоянно встрѣчаются у него въ текстѣ цитаты; всякое юта нѣсколько сомнительное или смѣлое положеніе подтверждается у него множествомъ выписокъ изъ источниковъ и если подумать о безконечныхъ изслѣдованіяхъ, представленныхъ авторомъ, то не-

знаешь чему удивляться: силѣ ли прилежанія, необходимаго для подобной работы, или заботливости, съ которою изъ накопившихся вѣками кучъ актовъ и источниковъ выведены были силою критическаго разума элементы истины и лжи.

Умственные качества Гагри Мартена стоятъ на одной высотѣ съ нравственными. Ему не чуждо ни одно поприще человѣческой науки и его всесторонній духъ охватываетъ и понимаетъ самыя противорѣчащія явленія, самыя разнообразныя знанія. Въ одной, полной жизни картинѣ, вмѣстѣ съ рассказомъ историческихъ фактовъ представляетъ движеніе религиозныхъ идей, литературы, наукъ и искусствъ. Картина нападенія римлянъ на Галлію, перваго завоеванія, противодѣйствія подчиненныхъ народовъ, наконецъ окончательнаго покоренія Галліи римскому владычеству, есть одна изъ лучшихъ главъ въ его исторіи. Здѣсь изображеніе сжато, богато содержаніемъ, и своею ясностью и наглядностью замѣчательно отличается отъ слѣдующихъ главъ. При переходѣ къ среднимъ вѣкамъ, темнота и сбивчивость этой эпохи исторической культуры кажется дѣйствуетъ на самый его слогъ. Его основательная любовь къ истинѣ высказывается здѣсь быть-можетъ больше чѣмъ гдѣ-либо: чрезвычайная забота о буквальной вѣрности вредитъ часто широтѣ и живости рассказа. Полный мысли воспроизвести всѣ факты и даже со всѣми оттѣнками времени и мѣста, онъ слишкомъ много предпочитаетъ цитаты и часто примѣшиваетъ къ тексту цѣлыя страницы изъ современныхъ хроникъ и актовъ. Этотъ методъ, употребляемый съ умѣренностью, совершенно сообразенъ съ цѣлью, но въ тоже время ведетъ часто къ ненужнымъ подробностямъ и утомляетъ наконецъ читателя.

По выходѣ изъ среднихъ вѣковъ изложеніе опять становится живѣе и яснѣе. Въ особенности хороши картины ланги и фрондоизма; ихъ можно считать образцами историческаго рассказа, полнаго жизни, движенія и истины.

Переходя къ внутреннему содержанію сочиненія, можно указать слѣдующую характеристическую черту. У автора явная склонность къ фантастическому спиритуализму, часто переходящему въ мистицизмъ; этикъ онъ примыкаетъ къ школѣ мистиковъ «Новой энциклопедіи» Пьеру-Леру и Жану Рейно. Напримѣръ, это высказывается очень явственно при описаніи характера галльскихъ нравовъ и религиозныхъ вѣрованій. Все что относится къ законамъ, обычаямъ, семейству, собственности, родословію — все это изложено съ замѣчательнымъ искусствомъ; авторъ касается религиозныхъ преданій, вѣрованій и обрядовъ древней Галліи, тамъ кажется онъ главнымъ образомъ уясняетъ

своимъ воображеніемъ и придаетъ слишкомъ много значенія обрядамъ и символистикѣ первобытныхъ народовъ.

Такая склонность автора къ мистицизму не только противорѣчитъ его научной и серьезной системѣ, но часто ведетъ къ неясности, съ которою онъ объясняетъ извѣстные нравственные факты, имѣвшіе значительное вліяніе на ходъ послѣдующаго развитія. Неясности эти вмѣстѣ съ проявляющимися изрѣдка излишнимъ патріотизмомъ, исключительнымъ національнымъ чувствомъ, набрасываютъ въкоторыя тѣни на его историческія картины; но эти тѣни исчезаютъ при тѣхъ огромныхъ преимуществахъ учености, проникаемости и истиннаго историческаго духа, которыми отличаются творенія Ганри Мартена. Творенія эти вполне соотвѣтствуютъ новейшимъ требованіямъ науки и заслужили огромную извѣстность во Франціи не только между специалистами, но и вообще между образованнымъ читателями.

Г. Мартенъ примыкаетъ непосредственно къ тому умственному движенію, которое охватило Францію въ двадцатыхъ годахъ и до сихъ поръ опредѣляетъ направленіе литературнаго развитія. Это была въ самомъ дѣлѣ прекрасная эпоха во Франціи, эпоха такъ-называемаго парламентаризма, особенно въ первой ея половинѣ. Обновленный революціей французскій духъ проявился въ огромномъ, плодотворномъ творествѣ по всѣмъ родамъ литературы. Ламартинъ, Викторъ Гюго, Огюстенъ Тьерри, Кузенъ, Ройе-Колларъ, Вильменъ, Тьеръ, Гизо — все это имена, которыми до сихъ поръ Франція занимаетъ почетное мѣсто въ кругу европейскихъ литературъ. Замѣчательная вещь, что тѣже самые люди, которыхъ июльская революція оторвала отъ литературныхъ занятій и поставила у кормила правленія, послѣ февральской революціи отъ политики снова обратились къ литературѣ. Лишившись всякаго участія въ правленіи, люди эти живутъ въ тѣсныхъ кружкахъ, спокойными наблюдателями настоящаго порядка, но не праздыми зрителями. Они дѣятельно продолжаютъ писать, и все что еще представляетъ Франція серьезнаго въ умственномъ отношеніи, исходитъ отъ нихъ. Череворотъ, отнявшій у нихъ власть, не отнял у нихъ ни таланта, ни охоты писать. Ихъ государственныя теоріи оказались несостоятельными передъ новейшими требованіями времени: потому-то они бросились въ исторію, въ надеждѣ отыскать въ ней подтвержденіе своимъ заветнымъ мыслямъ. Исторія стала утѣшеніемъ для этихъ новыхъ Іоанновъ Безземельныхъ.

Подобно другимъ экс-министрамъ июльской монархіи, Гизо спасается теперь отъ горечи послѣ неудачъ на политическомъ поприщѣ въ строгихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Съ того времени

онъ издалъ четыре тома (1854—58 г.) продолженія своей «Исторіи англійской революціи», заключающихъ въ себѣ событія отъ смерти Карла I до восшествія на престолъ Карла II. Гизо былъ всегда сильнымъ приверженцемъ англійской исторіи и черпалъ изъ ней свое не французское, почти суевѣрное уваженіе къ конституціоннымъ формамъ, которыя стали для него государственною религіею, равно какъ и патриотизмомъ ученаго. Слишкомъ занятый этой исторіей и понимая въ ней гораздо больше, чѣмъ въ настоящихъ потребностяхъ своего времени и своего народа, онъ часто видѣлъ аналогію положеній между Англіей и Франціей тамъ, гдѣ были только поверхностныя и кажущіеся признаки этого сходства, и такой взглядъ естественно долженъ былъ перейти и въ послѣдніе четыре тома его исторіи. Онъ смотритъ на англійскую и французскую революціи какъ на «два сраженія въ одной и той же войнѣ» и видитъ въ нихъ обѣихъ одинъ неизбѣжный и логическій исходъ, т. е. восстановление монархизма; несмотря однакоже на эту заднюю мысль, онъ при изложеніи англійской республики и диктатуры Кромвеля старается видимо ограничить себя ролью безпристрастнаго историка. Въ третьемъ томѣ («La république») онъ очень рѣзко указываетъ на всѣ затрудненія, которыя должна была преодолѣть республиканская партія, борясь съ одной стороны съ приверженцами парламентаризма, съ другой — съ происками роялистовъ; съ неменѣе вѣрною рукою подымаетъ онъ завѣсу, скрывающую переговоры и интриги Испаніи, Франціи и Голандіи, которыя хотя и видѣли себѣ явную пользу, во все еще совѣстились вступить открыто въ союзъ съ убійцами Карла I. Въ четвертомъ томѣ раскрывается внутренняя и вѣшняя политика Кромвеля, его хитрости, его необыкновенное искусство въ управленіи запутанными дѣлами государства, его твердое и мужественное и только по необходимости деспотическое правленіе. Характеръ этого необыкновеннаго человѣка, великій и сильный въ великихъ намѣреніяхъ, но мелочной и низкій до преступленія въ преслѣдованіи своихъ собственныхъ цѣлей, раскрывается передъ нашими глазами въ книгѣ Гизо съ поразительною ясностью. Послѣдніе два тома («Le protectorat de Richard Cromwell et le rétablissement des Stuart») по нашему мнѣнію гораздо слабѣе предыдущихъ (1). Ослабленный конституціонными формами, которыя онъ считаетъ за главное содержаніе народной жизни, онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе борьбѣ между парламентомъ и военною си-

(1) Гизо останавливается здѣсь слишкомъ много на болѣе или менѣе незначительныхъ фактахъ, какъ напримѣръ на официальной исторіи, на рѣчахъ ораторовъ партій, на корреспонденціяхъ и парламентскихъ засѣданіяхъ.

люю и во всей печальной исторіи этого періода (отъ 1658 до 1680) видѣть только это бесполезное кривлянье и фокусничество.

Потращенная и сорванная революціонною бурей со всѣхъ своихъ якорей страна искала успокоенія подъ твердою рукою правительства. Но стараго «дьявола» уже небыло; парламентскіе крикуны съ одной стороны, Флитвудъ, Ламбертъ, Монкъ и прочіе офицеры съ другой, въ миньютюрѣ и самымъ жалкимъ образомъ разыгрывали трагедію наслѣдниковъ Александра — македонскаго. Вотъ это-то колеблющееся, безхарактерное время выражено у Гизо довольно слабо, хотя стиль его попрежнему серьезенъ и взгляды, если не всегда состоятельны, то всегда глубокомысленны и оригинальны. Гизо еще не окончилъ своего труда: онъ думаетъ заключить его сверженіемъ Іакова II и революціей 1688 года. Тогда мы будемъ имѣть полную исторію англійской революціи: эта исторія и теперь уже есть лучшій трудъ Гизо какъ писателя и прекрасный памятникъ новѣйшей французской литературы.

Извѣстно, что Гизо издаетъ теперь историческія записки о своемъ времени (ихъ вышло два тома); записки эти очень интересны какъ документы или факты для сравненія при изученіи событій этого времени, но придавать имъ важность историческаго труда, какъ это думаютъ многіе, намъ кажется несовсѣмъ справедливо. Нельзя не признать за Гизо большой безпристрастности и искренности; но именно эта искренность и заставляетъ автора смотрѣть односторонне на происшествія, въ которыхъ онъ самъ былъ чуть ли не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Убѣжденія Гизо всѣмъ извѣстны: онъ неисправимый доктринеръ, одинъ изъ тѣхъ доктринеровъ, которые закрываютъ глаза на всякую дѣйствительность и судятъ о людяхъ и происшествіяхъ сквозь призму твердо засѣвшихъ и большею частью ложныхъ идей. Неудивительно, если такимъ же узкимъ взглядомъ проникнуты всѣ его записки; нисколько неискажая фактовъ, онъ быть-можетъ ненамѣренно придаетъ имъ именно тотъ оттѣнокъ, который согласенъ съ его политической религіей и убѣжденіями.

Къ числу историковъ, оставшихся отъ реставраціи и сохранившихъ на себѣ вліяніе того времени, принадлежитъ *Мише*. Мы хотимъ говорить здѣсь только о его послѣднемъ трудѣ, написанномъ совершенно въ новомъ родѣ. «Карлъ-пятый, его отреченіе, его пребываніе и смерть въ монастырѣ Юста» (1) есть одно изъ самыхъ интересныхъ его сочиненій. Особый способъ изложенія автора за-

(1) Charles Quint, son abdication, son séjour et sa mort au monastère de St. Juste, par Mignet. Paris, 1856.

ключается въ очень тонкой и удачной смѣси биографіи съ собственной исторіей, политики съ анекдотомъ, преданія съ подливыми документами, такъ что изъ всего этого выходитъ очень интересная книга вродѣ современныхъ мемуаровъ, но въ тоже время съ отбѣнками серьезности, необходимой при всякомъ историческомъ трудѣ. Такой методъ историческаго писанія существовалъ конечно во Франціи гораздо раньше Минье, но то что прежде было небольшою какъ искуснымъ приѣмомъ въ исторіи, было возведено у него въ особый литературный родъ. Въ рассказѣ о послѣднихъ годахъ жизни Карла V хроника замѣняетъ исторію, государственная жизнь постоянно примѣшивается къ частной, и нужно сознаться — очень часто какъ непрошенный и навязчивый нарушитель покоя. Конечно, авторъ не замѣчаетъ этого недостатка; онъ употребляетъ безконечныя усмія, чтобы сохранить у больного императора его осанку, со всею историческою вѣрностью и величіемъ; оттого-то у него очень часто мелочнымъ, незамѣтнымъ вещамъ придается слишкомъ большое значеніе. Съ необыкновеннымъ стараніемъ и искусствомъ было разыскано все что соединяло уединеніе этого скорѣе утомленнаго, чѣмъ пресыщеннаго жизнью монарха, съ бурными политическими волненіями его времени, та внутренняя связь, которая существовала между сильнымъ владыкою и малодушнымъ монахомъ, между неукротимую жаждою дѣятельности и постепеннымъ умираніемъ, однимъ словомъ связь между императоромъ Карломъ и братомъ Карлосомъ. Безъ всякаго сомнѣнія изъ этого некролога Карла V можно многое узнать о его характерѣ, о тайнахъ его намѣреній, о возбужденіяхъ его политики; но какъ ни поучительно Минье излагаетъ приключенія испанской исторіи отъ 1555 года до 1558, все-таки главный интересъ читателя обращенъ не на волненія политическаго міра, не на Брюссель, Вальядолидъ или Квириваль, но исключительно на монастырскую спальню и на больного императора. Кто знаетъ о характерѣ Карла V по общимъ чертамъ исторіи, тотъ уже легко можетъ представить себѣ что онъ пишетъ о своихъ друзьяхъ и недругахъ, какіе совѣты даетъ наследному принцу и правительницѣ, какъ принимаетъ извѣстія о пораженіи испанскаго войска и заключеніи невыгоднаго мира; но не многіе знаютъ и не многимъ понятно то что обыкновенно выпускается изъ исторіи, именно его частная жизнь; его слабости, его противорѣчія, его смѣшныя страсти и благородныя наклонности, его неизлечимая невоздержность и замѣчательная упорность и непреклонность духа. Вотъ потому-то книга Минье и возбуждаетъ особое любопытство и вниманіе, что изображаетъ намъ больного императора въ его закулисной жизни и въ халатѣ — этого доброжелателя езуита Франче-

ско и капризнаго господина го-фмаршала Квишады; такъ жѣвно заботящагося отца Донъ-Жуана д'Австрія и влюбленнаго брата Элеоноры Французской, неутѣшнаго грѣшника, который твердитъ своему исповѣднику: «братъ! не отходи отъ меня ни на минуту, чтобы я не умеръ безъ покаянія»; и причудливаго обжорливаго подагрика, который отъ скуки играетъ часами, вѣрять суевѣрно въ астрологию, выпиваетъ въ день по ведру холоднаго пива, объѣдается острою, получаетъ отъ Катерины португальской въ подарокъ котикъ и доукается. Все это, великое и смѣшное вмѣстѣ, составляетъ, какъ мы сказали, главный интересъ въ описаніи послѣднихъ дней жизни императора, и если читателю часто приходится мѣнять исторію на хронику, мировую сцену на сцальню, императора на чудака, то въ этомъ вина самого автора.

Минье рисуетъ человека отъ природы, и удалившійся въ монастырь, больной и раздражительный Карлъ V стоитъ передъ нами во весь ростъ, полный жизни, съ полною определенностью, т. е. совершенно не тотъ, какими его обыкновенно представляютъ. Карлъ до конца своей жизни остается человекомъ, который хорошо вѣсть и знаетъ, ревностно заботится о своемъ царствѣ и семействѣ, фанатически преданъ своей религіи и до мелочи ревнуетъ о славѣ своей въ потомствѣ. При этомъ послѣднемъ испытаніи своей жизни онъ остается ифренъ себя, естественно даже въ своихъ странностяхъ и въ постоянномъ замѣтномъ колебаніи между свѣтскою жизнью и монастырскимъ затворничествомъ. Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, какъ это Карлъ, отказавшійся добровольно отъ престола такой могущественной монархіи, могъ внести даже въ свое уединеніе горечь о неудавшемся примиреніи двухъ религіозныхъ партій, горечь, которая безпрестанно, болѣзненно волновала и безъ того ослабѣвшія душевныя силы. Но изъ дѣлныхъ, представляемыхъ въ книгѣ Минье, выходитъ, что Карлъ во время своей монастырской жизни какъ-будто хотѣлъ вознаградить себя за принужденія и притворства, къ которымъ онъ обязанъ былъ прибѣгать на тронѣ. Вмѣстѣ съ императорскою мантией онъ скинулъ свою маску; въ присутствіи своихъ довѣренныхъ лицъ онъ говорилъ все, и каждому легко было прочесть на его лицѣ или узнавать изъ словъ его сокровеннѣйшія мысли и чувства. «Монахъ — говорить очень вѣрно Минье — не поглотилъ въ себя человека», и вотъ именно эту исторію Карла V въ тотъ моментъ жизни, когда его обыкновенно считали небожью, слабоумнымъ монахомъ, передаетъ Минье съ замѣчательнымъ талантомъ, съ полною прелестью и естественностью.

IV

Разсмотрѣнными нами до сихъ поръ историческія сочиненія убѣдительно доказываютъ, что образованіе, начатое во время реставраціи и процѣлѣвшее преимущественно при июльской диктатурѣ, тщательно сохранилось во Франціи до послѣднихъ временъ. Съ того времени историческая наука, вмѣсто того чтобы принять въ себя новый элементъ, сдѣлать прогрессъ, стала шататься на одной точкѣ, но даже въ некоторомъ отношеніи отступила назадъ. При всеобщей разнообразности интересовъ она потеряла свой центръ и какъ и во Франціи раздѣлилась на многія политическія партіи и заключалась въ отдѣльныхъ кружкахъ, темъ точнѣе возмѣщая много историческихъ книгъ для отдѣльныхъ, назидательныхъ цѣлей, но рѣдко съ какими-нибудь общими историческими требованіями. Проекція силъ обобщенія, вмѣстѣ съ широкимъ и часто поверхностнымъ взглядомъ на историческіе факты, повывалась многими положительными учеными несостоятельными и потому они обратились къ полной научной обработкѣ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ и эпохъ. Такая страсть къ подробностямъ привела къ тому, что читающей публикѣ одинаково надоели и историческія сочиненія, и романы, — первая избыткомъ ученыхъ открытій, вторая избыткомъ рефлексій и анализа ощущеній. Съ одной стороны казалось, что нечему больше учиться: первобытные времена, преданія и мѣта были выведены изъ мрака, приведены во взаимную связь, объяснены; позднѣйшія времена съ ихъ противорѣчіями и колебаніями были относительно обозначены и тоже объяснены; внуки стали знать омыслихъ и намѣреніяхъ своихъ предковъ гораздо лучше чѣмъ они сами. Но именно это-то и было опасно. «Мы вывели сложныя заглаванія исторію, — говоритъ Мишле: — теперь она давитъ насъ.» Съ другой стороны романъ, дошедшій до крайней степени вымысла и тонкости психологическаго анализа, не находилъ себѣ больше выхода.

Чтоже оставалось дѣлать? Отказаться въ одно время и отъ исторіи, и отъ романа? Но исторію устранить невозможно. Она для насъ и слуга, и господинъ; она безстыдно навязывается намъ на шею, и когда мы хотимъ протинуться ей, давитъ насъ всюю своею тяжестью. Во Франціи переполненіе историческихъ изслѣдованій начало уже порядочно тяготѣть надъ обществомъ. Къ счастью многими трудолюбивыми и остроумными писателями пришло на умъ привады исторіи такой интересъ, какой до сихъ поръ былъ единствен-

ныи достоинствъ романа. Они полагали, что при обыкновенномъ научномъ изученіи исторіи прошлое понятно только вполнину, что для того чтобы совершенно и интимно познакомиться съ описываемымъ предметомъ, нужно не только читать его умомъ, но и почувствовать. Нужно точно такъ же изображать сердце и частную жизнь предковъ, какъ изображали ихъ голову и общественныя проваженія, нужно войти въ ихъ чувствованія, нравы, привычки, любовныя дѣла. — словомъ во все, что составляетъ вѣчное содержаніе и круго-вращеніе человеческой жизни. Такимъ-то образомъ вошли въ исторію женщины, которымъ до сихъ поръ входъ туда былъ воспрещенъ или о которыхъ проходили молчаніемъ. Онѣ внесли свою обаятельную красоту, свои любовныя мечтанія и интриги, свои сидеть — въ тотъ міръ, гдѣ встрѣчались по большой части одни мужественныя, суровыя лица мужчинъ, съ ихъ прозаическою дѣйствительностью. Коноводомъ въ такого рода исторіографіи явился — философъ Кузенъ.

Остатки или несчастныя любовники обыкновенно призываютъ на помощь философію и идутъ въ ней забвенія и утѣшенія отъ сердечной боли. Кузенъ поступалъ какъ-разъ напротивъ: онъ утѣшился съ хорошевыми женщинами въ невѣрности философіи и политики, и чтобы не потерпѣть на этотъ разъ измѣны или неудачи, отыскалъ ихъ за дѣвсти лѣтъ, въ XVII вѣкѣ.

Никто больше Кузена не изучалъ XVII вѣкѣ; онъ до такой степени склонялся къ нему и проицкъся его духомъ, что его совершенно справедливо называли человекомъ и писателемъ XVII вѣка. Но пошла ли онъ этотъ вѣкъ въ его многостороннемъ историческомъ значеніи и объяснилъ ли онъ его удовлетворительно публикѣ — это другое дѣло. Намъ часто приходилось читать, что если Кузенъ не всегда былъ удовлетворительнымъ философомъ, то всегда былъ отличнымъ историкомъ, и что талантъ его исключительно историческій. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ трудно согласиться. Талантъ Кузена не философскій, не историческій, а ораторскій. Онъ много говорилъ и писалъ о прекрасномъ, возвышенномъ, высокомъ — и никогда не опредѣлил и не объяснилъ того, о чемъ онъ говоритъ и пишетъ. Точно также, описывая XVII вѣкъ, онъ видитъ въ немъ одно волеющее совершенство и красоту; онъ не сравниваетъ его ни съ предшествующими, ни съ послѣдующими вѣками, а просто связываетъ его на тронъ, преклоняетъ предъ нимъ XVIII вѣкъ и говоритъ: «Обожайте!»

А между тѣмъ не все въ этомъ вѣкѣ было достойно обожанія. Общество, описываемое Кузеномъ, есть аристократія; съ высокою происхожденіемъ соединяется правда гордость, иногда даже ве-

лечіе души, всегда элегантность и изящество манеръ; въѣсть съ богатствомъ оно даетъ безопасность, много свободного времени и возможность образоваться; оно дѣлаетъ свѣтскихъ, военныхъ, придворныхъ, иногда даже людей мужественныхъ и съ сердцемъ. Но въ то же время оно порождаетъ тщеславіе, лесть и искательство, а эти стороны медали стоили того, чтобы на нихъ указать. Непрочитавши записокъ того времени, трудно представить себѣ, въ какую беззону желочей и пошлости упало тогдашнее дворянство. Сенъ-Симонъ говоритъ о двухъ герцогиняхъ, которыя, поссорившись изъ-за мѣста въ церемоніи, начали браниться, толкать другъ друга, наконецъ дошли до погтей. Известно, какіе безконечные споры и переговоры возбуждалъ вопросъ о королевскомъ табуретѣ. Подать рубашку королю или принцу, несть передъ намъ свѣчу, дѣлать визиты въ мантильѣ или безъ мантильи, имѣть право простудиться въ королевской каретѣ или задохнуться въ тѣснѣ переднихъ Марли, — вотъ тѣ важные интересы, которые поглощали мысля и силы самыхъ способныхъ людей. «Увы! говорилъ одинъ китайскій мандаринъ: — на моей одеждѣ всего двѣнадцать пуговицекъ, а у моего товарища тринадцать. Мои пуговицы синяго цвѣта, у него желтаго. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ можетъ пережить этотъ избытокъ небеснаго блаженства?»

Наконецъ еще одно слѣдствіе неравенства есть ненависть къ закону. Законъ основываетъ равенство, подвергая всѣхъ одинаковому наказанію за одинаковые проступки. Тѣ, которые пользуются неравенствомъ, суть въ то же время смертельные враги закона, и чтобы защитить правосудіе и равенство отъ его нападковъ, ведутъ войну съ правомъ и справедливостью. Эта аристократія, столь прославленная Кузеномъ, четыре раза возставала противъ Маріи Медичи, чтобы приобрести себѣ титулы, пенсіоны, мѣста. Правительница была слаба, нужно было воспользоваться этимъ, «хорошенько показать себя» и занустить поглубже руку въ общественную казну. Это было нищенство вооруженною рукою, война противъ общественнаго интереса во имя общественнаго интереса, обираживаніе государства естественными защитниками его. Ршелле съ большими трудомъ смирилъ ихъ и нужно было прибѣгнуть къ палачу, чтобы заставить ихъ уважать законъ и отечество. Замѣчательно всего то, что даже передъ судомъ они удивляются и негодуютъ на дерзость закона. Маршалъ Мариньянъ, отданный подъ судъ за то, что обокралъ свою армію, не можетъ придти въ себя отъ изумленія: «Въ моемъ процессѣ — говоритъ онъ — дѣло идетъ о солонѣ, о свѣѣ, о кирпичѣ. Нечего сказать, отличное дѣло для человѣка моего званія! За это не стоило бы отодрать даже лакея.» — «Государь»

ство, это и! » сказалъ въ послѣдствіи Людовикъ XIV. «Государство — это мы!» думало дворянство. Оно переходитъ къ испанцамъ, потому что имъ не по вкусу Мазаринъ; Конде думалъ, что онъ уноситъ всю Францію въ складкѣ своего плаща.

Нашъ вѣкъ быть-можетъ безнравственъ: такъ покрайней-мѣрѣ увѣряетъ г. Кузенъ; очень можетъ быть, что въ насъ нѣтъ величія и геройства прежняго дворянства. Но зато у насъ есть одна идея, которой не было у него. Ни одинъ порядочный человекъ въ настоящее общество не считаетъ государства своимъ нѣмцемъ.

Мы видимъ, что не все прекрасно въ XVII вѣкѣ. Его литература не есть идеалъ: это только родъ литературы, совершенный съ одной стороны и съ огромными недостатками съ другой; это развитіе одного только таланта — ораторскаго, въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Его общество не есть также верхъ совершенства въ исторіи: это аристократія, которая, потерявъ свою независимость и покинувъ бреттерскую жизнь, обратилась въ рабскій и тщеславный дворъ и предалась всею душою пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ. Вотъ эту-то важную сторону исторіи XVII вѣка упустилъ изъ виду Кузенъ; у него вездѣ прелестные разговоры, великолѣпныя зданія, очаровательные праздники, благородная любовь, величіе характера, безукоризненное благочестіе, и надъ этимъ совершеннымъ миромъ паритъ очаровательная мадамъ де-Лонгвиль.

Какъ несостоятеленъ Кузенъ въ исторіи, такъ же несостоятеленъ онъ и въ обрисовкѣ историческихъ портретовъ.

Дѣло въ томъ, что воображеніе живописца нисколько не похоже на воображеніе оратора. Можно говорить съ отміннымъ краснорѣчіемъ и не воспроизвести ни одного живого существа. Корнель и Расинъ писали удивительно хорошо и не создали ни одного живого характера. У Шекспира напротивъ нѣтъ ни одного отдѣланнаго и законченнаго монолога, а между тѣмъ всѣ личности его полны рельефа, истины, одушевленія, оригинальности. Сравнимъ напримѣръ очерки исторіи XVII вѣка Мишле съ твореніями Кузена. Первый воскрешаетъ мертвыхъ; угаснувшія чувства снова появляются въ его думѣ; онъ не выводитъ логически одной идеи изъ другой, онъ не строитъ благородныхъ періодовъ, онъ даже не владеетъ самимъ собой; въ его вдохновеніи есть что-то лихорадочное. Идеи являются къ нему безъ его выбора, и онъ представляетъ ихъ не въ либрѣ общихъ мѣстъ: онъ прилетаетъ въ метафорахъ, простыхъ выраженіяхъ, въ одеждѣ сумасшедшихъ и крестьянокъ; но зато съ перваго же разу поражаютъ. Въ одну минуту вы переноситесь за тысячу верстъ отъ общихъ мѣстъ. Разсужденіе исчезаетъ; краски, формы начертываются на безцвѣтномъ

ноги, на которомъ отвлеченная мысль холодно разсталаде свои слагизмы; вы видите жесты, перемены физиономій. Мало-помалу личность воскресаетъ; вамъ кажется, что вы съ нею знакомы; вы предвидите что она будетъ дѣлать, вы слышите заранѣе крики оскорбленной страсти; вы не судите ее, вы любите или презираете ее, или лучше-сказать вы чувствуете то же что она. И для этого совсѣмъ не нужно длинныхъ объясненій: часто довольо одной фразы; одно слово подобно молніи разрываетъ темную завѣсу времени, выводитъ на свѣтъ сиротаньяя фигура и зажигаетъ въ тусклыхъ очахъ ихъ божественную искру жизни. Такія магическія слова нельзя пріобрѣсть никакимъ рассужденіемъ, никакой наукою: они принадлежатъ языку воображенія, говорящаго воображенію; они — слова гевія-артиста, приближающаго свою науку къ поэзіи, музыкѣ, живописи.

Прочтите же теперь портреты Кузена: онъ необыкновенно краснорѣчивъ, пишетъ панегирики и надгробныя рѣчи, собираетъ неизданные документы, однимъ словомъ онъ ораторъ, профессоръ, проповѣдникъ, — а отъ книгъ его вѣетъ холодомъ и скукой длинной диссертациі.

Всякому извѣстно наиримѣрь, что Кузенъ сдѣлался страстнымъ обожателемъ г-жи де-Лонгвиль. Благородная дама заслужила рѣдкую честь одерживать загробныя побѣды, и холодныя стѣны Сорбонны не защитили Кузена отъ обаянія ея прелестныхъ глазъ. Онъ такъ сильно влюбился въ нее, что говорить о братѣ ея Конде какъ о своемъ зятѣ, а о любовникѣ ея Ларошфуко какъ о личномъ соперникѣ. Но и тутъ онъ не измѣнилъ своихъ привычекъ: онъ хвалитъ свою возлюбленную какъ похвалилъ бы Декарта; въ любви, какъ на кафедрѣ, онъ остается профессоромъ.

«Сдѣлаемъ положеніе, — говоритъ онъ самому себѣ, — основанное на неопровержимомъ аргументѣ, что г-жа де-Лонгвиль прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ. Въ сужденіи о каждомъ предметѣ могутъ быть два рода доказательствъ: одинъ а priori, теоретическія, другія а posteriori, фактическія.» Слѣдуетъ рассужденіе о томъ, что такое истинная красота, и заключеніе, что г-жа де-Лонгвиль вышла въ себѣ всѣ условія истинной красавицы. Далѣе идутъ доказательства а posteriori, т. е. безчисленныя выписки и ссылки на современные мемуары съ нескончаемыми повѣрками. Изъ всего этого мы очень основательно убѣждаемся во первыхъ, что г. Кузенъ очень ученый человекъ, а во вторыхъ что г-жа де-Лонгвиль была въ самомъ дѣлѣ красавица; но полюбить ее вы никакъ не можете, потому что и самъ Кузенъ влюбленъ въ нее не сердцемъ, а головою. Та-

кавъ же уцѣлѣвъ хололомъ вѣтъ и отъ другихъ историческихъ очерковъ Куацца: г-жи Шевръзъ, г-жи де-Готфоръ и др.

Какъ бы то ни было, но изображать историческіе характеры сълагать теперь у французскихъ писателей господствующею страстью, которая побуждаетъ ихъ рвѣносно рыться въ письменныхъ остаткахъ прошлыхъ столѣтій. При такихъ изображеніяхъ старается сократить самый вѣрный колоритъ времени, мѣста и костюма, что по необходимости ведетъ къ довольно утомительнымъ подробностямъ. Этотъ новый родъ исторіографіи, при многихъ невыгодахъ, имѣетъ и несомнѣнные достоинства. Историкъ выбираетъ себѣ обыкновенно одного героя и сѣдланъ за нимъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣхъ стремленіяхъ; но этотъ герой есть не единственное, а только любимое его дѣйствіе; всякая другая личность вокругъ него должна быть тоже представлена въ полной своей дѣятельности, и всё въобщѣ, соединенныя въ одно цѣлое, должны своею внутреннею жизнью, подобно музѣ, выражать внутреннюю жизнь своего народа и своего времени. Подобно тому какъ прежніе прагматики, теологи и философы видѣли въ историческомъ ходѣ только проявленіе божества, а въ дѣйствіи отдѣльных личностей только выполненіе его воли, такъ теперь всё напротивъ стараются отыскать причины явленій въ народной жизни, въ сердцѣ человѣка, въ его чувствованіяхъ, потребностяхъ, въ его добродѣтеляхъ и порокахъ. Съ тѣхъ поръ какъ трудами добросовѣстныхъ исследователей были изданы въ свѣтъ все такъ называемые случайные источники — корреспонденціи, мемуары, письма, — стало уже возможнымъ понять, какимъ образомъ дѣйствовала мысль и какъ билось сердце у прошлыхъ поколѣній. Эти мимолетныя, случайно написанныя бумажки можно съ полнымъ правомъ считать за живыя буквы въ исторіи прошлаго; всё хорошія и смѣшныя стороны времени выдѣляются въ нихъ съ многообразными оттенками, и живая фантазія писателя всегда отыщетъ въ нихъ глубокій смыслъ и чарующую прелесть. Жизнь, заключающаяся въ этихъ бумагахъ, не можетъ укрыться отъ пронизательнаго взгляда историка, потому что трудно предположить, чтобы люди вѣчно притворялись, даже въ своемъ кабинетѣ и въ интимной перепискѣ; это всегдѣ меньше можно ожидать отъ людей прошлыхъ столѣтій, когда вообще голова человѣка была свободнѣе отъ частныхъ интересовъ партій и онъ какъ-то тверже стоялъ въ своихъ понятіяхъ о правѣ, о долгѣ и о чести. Такою безомалвною жизнью прошлаго писатель часто лучше понимаетъ, чѣмъ шумную жизнь окружающаго его міра. Почему такъ трудно бываетъ судить о своемъ собственномъ лицѣ? Вѣроятно потому, что мы видимъ его каждый день.

Историкъ гораздо легче схватываетъ такіе факты, которые рѣдко отличаются отъ его времени, и именно то, что поражаетъ его съ перваго взгляда, что сразу опредѣляетъ его сужденіи; — именно то онъ долженъ писать, не вдаваясь въ излишнія уместованія. Что можно сказать о живыхъ физиономіяхъ, у которыхъ первое впечатлѣніе чаще всего самое вѣрное, то-же можно сказать и объ отжившихъ поколѣніяхъ. Подобно тому какъ отдельный человѣкъ въ сужденіи о встрѣчающихся ему людяхъ и явленіяхъ имѣетъ мѣркою своею чувство, такъ и при сужденіи о правахъ прошлаго у него одна только мѣрка — современность.

Прагматики и философы могутъ многое возражать противъ такого взгляда на исторію, но истина отъ этихъ возраженій мало выиграетъ. Намъ кажется, что для вѣрнаго представленія историческаго факта необходимо сохранить ему духъ и характеръ его времени. Тогда, будетъ ли онъ хорошъ или дуренъ, разуменъ или неразуменъ, отраденъ или отвратителенъ, историкъ сдѣлаетъ свое дѣло, потому что онъ будетъ писать не по заранѣе утвержденному въ его головѣ мѣрному, а по тому, какое впечатлѣніе произвело происшедшее на его духъ и какъ отразилось въ зеркалѣ его фантазіи.

При такихъ условіяхъ всякій писатель, описывающій простыя физическіе и политическіе факты изъ жизни прошлаго, если только у него здоровое воображеніе и немного психологической опытности, сдѣлаетъ свое дѣло гораздо лучше чѣмъ тотъ, кто надѣваетъ философскіе очки и будетъ натягивать исторію по мѣрѣ своей философской идеи. Конечно, у кого совсѣмъ нѣтъ мѣрки, тотъ не можетъ ничего мѣрить; но нужно также крѣпко остерегаться, чтобы не принять свою мѣрку за единственно-истинную и справедливую. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности писать исторію какъ-говорится «*sine die et consule*». Что-бы мы ни дѣлали, но мы всегда, сознательно или нѣтъ, люди своего времени; мы вносимъ свои стремленія и потребности; короче — самихъ себя, не только въ окружающую насъ среду, но и въ отдаленнѣйшія времена, и прошлое всегда освѣщается настоящимъ. Французскіе писатели употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы избавиться отъ этого чувства современности, и для этого съ необыкновенною любовью и постоянствомъ роются въ архивахъ, въ монастыряхъ, въ дипломатическихъ корреспонденціяхъ и проч. Но тутъ они впадаютъ въ другую, гораздо болѣе важную ошибку: они придаютъ безусловную достовѣрность всѣмъ этимъ документамъ, которые по ихъ мнѣнію чѣмъ достовѣрнѣе, чѣмъ больше написаны полъ вліаніемъ минутной горячности и слѣдовательно чѣмъ меньше готовились для потомства. Они забываютъ, что всѣ современные извѣстія, мемуары,

случайныя записки объ историческихъ явленіяхъ носятъ на себѣ отбѣны вѣры, интереса и мнѣній индивидуальныхъ, а потому принадлежатъ къ числу источниковъ сомнительнаго свойства. Какъ органы извѣстнаго опредѣленнаго взгляда въ политическомъ направленіи, они представляютъ для изслѣдователя лучшую картину прошлаго и облегчаютъ ему познаніе его; но они не могутъ быть принимаемы какъ доказательства для историческаго факта, а скорѣе какъ выраженіе извѣстнаго мнѣнія объ этомъ фактѣ. Если поэтому употреблять ихъ какъ положительныя числа и доказательства, то естественно, что историческое изображеніе приметъ краски отдѣльной партіи, а иногда будетъ просто основываться на сплетнѣ. Стоитъ только припомнить, сколько въ сужденіяхъ о происшествіяхъ своего времени современники полагаются на то, что рассказываютъ имъ друзья и посторонніе, какъ принимаютъ все это на вѣру и съ такою же вѣрою передаютъ другимъ; при этомъ они легко возбуждаютъ къ себѣ довѣріе читателей и вводятъ ихъ въ заблужденіе тѣмъ, что обыкновенно рассказываютъ о случившемся какъ-будто они сами все это видѣли, слышали, пережили. Но кто знаетъ немного свѣтъ, тотъ знаетъ сколько случайностей заключается въ подобнаго рода источникахъ, какъ иногда случайно оброненное слово, переходя изъ устъ въ уста, можетъ возрасти до жѣллага происшествія. Попробуйте на примѣръ по современнымъ рассказамъ и запискамъ составить себѣ вѣрную картину и правильное понятіе о происшествіяхъ, случившихся даже на нашихъ глазахъ: о революціи 48 года, объ итальянскомъ вопросѣ, — вы убѣдитесь, что при всемъ желаніи, при всей безпристрастности, это дѣло для насъ рѣшительно невозможное. Мы хотимъ этимъ сказать, что съ современными записками, мемуарами, корреспонденціями нужно обращаться съ крайнею осторожностью и не придавать имъ, какъ это дѣлаютъ теперь французы, безусловной вѣры.

Кромѣ того, это отвращеніе отъ всякаго обобщенія и страсть къ подробностямъ, минютирамъ и фотографическимъ изображеніямъ дѣлаетъ позволѣнъ то, что исторія переходитъ въ хроніку и что біографія, характеры, очерки и т. п. стали теперь любимѣйшимъ родомъ въ исторической литературѣ. Отъ этого также во Франціи развелось въ настоящее время такое множество историческихъ писателей, преимущественно біографовъ. Мы только и встрѣчаемъ что «Боссюэ и его время», «Кольберъ и его время», «Дидро и его время» и т. д. Это обожаніе личности въ исторіи есть истинный признакъ нашего времени, настоящій историческій антропоморфизмъ, близко подходящій подъ настоящій духъ времени. Біографія легче, удобопонятнѣе, веселѣе исторіи, — говорятъ эти господа, ко-

таре во всемъ хотять найти пріятное превращеніе времени, и самыя серьезныя умы, повинувась общему потоку, часто жертвуютъ требованіями науки и искусства, Уже у Мишле замѣтна большая склонность къ индивидуализированію и къ историческому жанру, у Габри Мартена замѣтно это еще сильнѣе, а Кузенъ является уже крайнимъ представителемъ этого направленія.

Еще Амедей Тьорри представлялъ біографическія очерки, взятые имъ изъ древнѣйшихъ временъ французской исторіи, обработанныя имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и изданныя подъ заглавіемъ: «Аттила и его наследники». Но это былое источниками время послѣдникомъ обращало на себя вниманіе писателей; точно также установлены были въ эпоху и средніе вѣка; но зато исторія реформація и преимущественно исторія лиги была разработана съ такимъ прилежаніемъ, что на этомъ поприщѣ не осталось ничего и желать. Значеніе этой бурной религіозной борьбы, начатой при послѣднихъ Валуа и оконченной при Бурбонахъ, выводится довольно ясно изъ спорныхъ историковъ двухъ противоположныхъ партій. Если оставить въ сторонѣ удмеченія и крайности, то вопросъ представлялся для нихъ въ двухъ ясныхъ, опредѣленныхъ формахъ; 1) имѣла ли лига цѣлью зацѣпить монархическія, католическія и національныя интересы Франціи, или 2) она возникла изъ среды народа, какъ противодѣйствіе монархизму, слѣдовательно съ демократическими тенденціями? *Де-Шаламберъ* въ своей «Исторіи лиги въ царствованія Генриха III и Генриха IV» явился защитникомъ перваго мнѣнія, но съ такими слабыми доводами, что противникамъ его нетрудно было разбить его, Гораздо труднѣе было опровергнуть второе мнѣніе, имѣвшее, несмотря на свою несобразность, много партизановъ во Франціи. Мишле первый нападалъ на него всею силою своей могучей полемики и Габри Мартенъ впоследствии припадъ также его сторону. Оба они характеризуютъ лигу «системою ужаса въ иснаеско-католическомъ духѣ». Во всей исторіи нельзя найти ничего отравительнѣе этого безумнаго самоуправства монаховъ, бреттеровъ и пацовъ на жадованьи у Филипа IV: убійство, кровопролитіе проповѣдывалось на площадяхъ, въ церквахъ; поджоги, грабительства, разбой дѣлались открыто, при дневномъ свѣтѣ, Многіе хотѣли отыскать въ этомъ ужасающемъ хаосѣ какую-то политическую идею. Но, какъ справедливо замѣчаютъ Мишле и Габри Мартенъ, если на всемъ этомъ есть какая-нибудь идея, то ее нужно искать въ Мадридѣ; въ Парижѣ же были одни только наемники,

которые за цѣлодобно, комубѣкъ вознагражденія готовы были убить великаго человѣка какъ собаку. Этотъ мрачный, поварный духъ католической идеаліи всякому нововведенію былъ побужденъ, но не уничтоженъ Генрихомъ IV. Послѣ смерти его онъ, какъ старая закваска, бродилъ въ обществѣ до самаго конца старой французской монархіи и даже до сихъ поръ неосвѣтъ еще изсакнулъ. Во Франціи до сихъ поръ есть лигиеты; конечно время измѣнило ихъ, но не такъ сильно, какъ можно было бы подумать; они убѣдились правда, что Францію трудно подчинить иностранному вліянію, и обращаютъ свои уповательные взоры не на Испанію, а на Австрію; но во всемъ остальномъ они похожи на своихъ предковъ XVI столѣтія и имѣютъ такіа же цѣли; введеніе импичментовъ и уничтоженіе свободы совѣсти. Они не всегда открыто выражаютъ свои намѣренія, но объ нихъ очень нетрудно догадаться по тону многочисленныхъ сочиненій. Впрочемъ ихъ легко узнать по грубому, суровому языку и по неистовымъ проявленіямъ бѣшенства, наследованнаго имъ отъ своихъ предшествователей, кровожадныхъ монаховъ.

Къ числу замѣчательныхъ явленій новѣйшей французской литературы относится то замѣтное предпочтеніе, съ которымъ всѣ писатели обратились къ изученію такъ называемаго великаго вѣка. Еще не такъ давно то время, когда французы познакомились съ иностранными литературами и увлеклись новымъ направленіемъ, шедшимъ извѣтъ, старали Шекспира, Данте и Гёте чуть ли не выше своихъ любимцевъ Корнея и Расина. Девятнадцатый вѣкъ, по ихъ тогдашнему убѣжденію, долженъ былъ быть всемірнымъ пантеономъ всего человѣчества, въ которомъ вацли бы мѣсто всѣ тѣ великіе дѣятели, которые словомъ или дѣломъ въисобствовали развитію могущества человеческого духа. Но такое увлеченіе было кратковременно; это была мода, родъ особой тевтоманіи, нисколько несогласовавшійся съ природною національною исключительностью французомъ. Поэтому они скоро возвратились къ своему прежнему убѣжденію, что всѣ иностранные дѣятели передъ ихъ собственными являютъ какъ пигмеи передъ великанами, и на XVII вѣкъ своей исторіи стали смотрѣть какъ на верхъ человеческого совершенства въ литературѣ, въ искусствѣ, въ характерахъ и умахъ, какъ на настоящій *saeculum sumptum*. У многихъ это конечно не болѣе какъ историческое убѣжденіе; но другіе силатся доказать это убѣжденіе критически и основать его на незыблемыхъ фактахъ. На каждой страницѣ ихъ сочиненій замѣтно яствверно это иредпочтеніе къ дѣйствительно замѣчательной эпохѣ. Заключенная въ короткій промежутокъ времени, ограниченная придворнымъ кружкомъ, эпоха эта представляется съ извѣстной точки зрѣнія зрѣлище до-

истиннѣ достойное удивленія: характеры, умы, страсти, таланты, — все носитъ на себѣ извѣстную печать величія и многосторонности.

Но кто захотѣлъ бы выдти изъ этого блестящаго придворнаго кружка и посмотреть на оборотъ медали, тому представилась бы картина далеко не такъ утѣшительная: крайнее невѣжество массы, ея матеріальныя и нравственныя страданія представляютъ контрастъ слишкомъ разительный съ блестящею роскошью и утонченнѣйшимъ образованіемъ высшихъ сферъ. Поэтому понятно почтеніе въ XVII столѣтію тѣхъ, которые убѣждены, что истинно великое и гениальное на свѣтѣ достается немногимъ избраннымъ, и напротивъ того недоувѣрчивость и даже отвращеніе тѣхъ, которые смотрятъ на исторію не какъ на поприще для привилегированныхъ личностей, но какъ на совокупное дѣйствіе всѣхъ живыхъ элементовъ націи. Существуютъ поэтому два взгляда на исторію XVII столѣтія и все зависитъ отъ того, какимъ изъ этихъ двухъ взглядовъ писатель руководствуется. Большая часть французскихъ писателей склоняется теперь на сторону перваго взгляда, и глядя на теперешнее безотрадное состояніе Франціи, нельзя быть слишкомъ строгимъ къ людямъ, которые съ упованіемъ обращаются къ своему прошлому вѣку, въ которомъ они видятъ многое выходящее изъ ряда современной плоскости.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудахъ о XVII столѣтіи. Всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, по сущности и формѣ очень близко походятъ на трудъ своего образца — Виктора Кузена и сохраняютъ общее направленіе, указанное нами выше. Мы укажемъ здѣсь только на *Амедѣя Рене*, автора многихъ біографическихъ очерковъ изъ жизни XVII вѣка и главнаго продолжителя извѣстнаго сочиненія Сисмонди «Исторія Французовъ». Рене написалъ къ этой исторіи послѣдній (тридцатый) томъ, котораго вторая часть съ большими дополненіями вышла подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: «Людовикъ XIV и его дворъ». Этотъ заключительный томъ рѣзко противорѣчитъ всему творенію какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Сисмонди — женевецъ, т. е. человекъ глубокой учености, но далеко не литераторъ: поэтому и въ сочиненіи его видно большое знаніе дѣла, но нѣтъ ни красокъ, ни жизни, ни теплоты; Рене же напротивъ парижанинъ и больше литераторъ чѣмъ историкъ, поэтому послѣдній томъ иногда остроуменъ и блестящъ и всегда прекрасно написанъ. Кромѣ того Сисмонди смотрѣлъ на исторію Франціи съ протестантской и притомъ кальвинистской точки зрѣнія, у Рене же направленіе чисто практическое. Для него исторія прежде всего есть личная и она полагаетъ, что исторія сказала все и сдѣлала свое дѣло, когда люди, въ ней дѣйствуя

щіе, хорошо изображены. Вѣкъ Людовика XIV онъ объясняетъ самою личностью Людовика и его окружавшихъ, и вообще рѣдко и неохотно выступаетъ изъ круга придворной жизни.

Замѣтимъ, по какому направленію слѣдовала новѣйшая историческая литература во Франціи: отъ временъ первобытныхъ она перешла къ среднимъ вѣкамъ, потомъ ко временамъ религіозныхъ войнъ, даже къ «великому вѣку», и наконецъ съ какимъ-то сладострастнымъ удовольствіемъ остановилась на временахъ царствованія Людовика XV и Людовика XVI. У французовъ это просто какой-то капризъ, доходящій до сурора; ни одинъ періодъ французской исторіи не былъ такъ прилежно и съ такою любовью обработанъ, какъ этотъ промежутокъ времени между Людовикомъ XIII и Людовикомъ XVI. Самый смѣлый почитатель XVIII вѣка есть нѣ настоящее время *Капфигъ*, авторъ большого числа историческихъ сочиненій, принадлежащихъ къ холячей монетѣ въ парижской книжной торговлѣ и по этой самой причинѣ увеличивающихся съ каждымъ годомъ. Такая неумѣренная плодовитость большею частью переходитъ въ плоскость; тѣмъ неменѣе однакоже творенія Капфига выдерживаютъ иногда два изданія и приобрѣли автору ихъ большой кредитъ у парижскихъ издателей, очень часто въ ущербъ хорошаго вкуса и здраваго смысла. Капфигъ смотритъ на французскую исторію, если позволено будетъ такъ неблагозвучно выразиться, какъ на безконечную копченую колбасу, которую онъ рѣжетъ по кускамъ и продаетъ на рынкѣ литературныхъ товаровъ. Взглядъ его на исторію очень пикантенъ и оригиналенъ; оригиналенъ до такой степени, что врядъ ли найдется еще одинъ историкъ, который раздѣлялъ бы его мнѣніе. Оригинальность эта особенно рѣзко проявилась въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ, которыхъ одна вѣщность заставляетъ предполагать вѣчто чрезвычайно вѣжное и пріятное. Это два необыкновенно изящныхъ томика, одинъ въ небесно-голубой оберткѣ, съ оглавленіемъ: «*Madame la marquise de Pompadour*», другой въ бѣлой глянцевой оберткѣ съ розовыми ободочками, подъ заглавіемъ: «*Madame la comtesse Dubarry*». Какова вѣщность, таково и внутреннее содержаніе. Автору сквозь густую тучу пудры все является въ розовомъ дѣтѣ, и тамъ, гдѣ другіе видѣли румяны, натянутость и положительное безсиліе, онъ видитъ чистую натуру, истину и энергію. Онъ горько отзывался о безправственности всѣхъ историковъ, писавшихъ до него о царствованіи Людовика XV и въ особенности сильно ратуетъ противъ философовъ, Монтескье, Д'Аламберта, Дидро и вообще всѣхъ энциклопедистовъ, неизменно очеркивающихъ очаровательныхъ маркизу и комтессу. Никто такъ искренно не жалѣетъ объ этихъ временахъ самоуправства,

королевскихъ любовницъ и въ особенности о «рыцарскомъ, благородномъ духѣ», котораго царствование Людовика XV было послѣднимъ, лучезарнымъ отблескомъ. Подобно мѣщанину въ дворянствѣ въ известной комедіи Мольера, Капфигъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы какъ можно ближе подойти къ этому «благородному духу», и для этого въ своихъ сочиненіяхъ является всегда въ манжетахъ и для изображеній употребляетъ только такіа краски, которыми Вато, Буше и Ванлоо рисовали своихъ идиллическихъ маркизовъ и маркизъ. Восемнадцатый вѣкъ есть кажется главный предметъ почитанія этого любезнаго историка; въ его волшебномъ аеркалѣ г-жа Помпадуръ является чуть-чуть не мадонной, а предести и добродѣтели г-жи Дюбарри находятъ въ немъ самаго ревностнаго поклонника. Если Дюбарри, уроженка Бокулёра, ролины Жанны Даркъ, не играла въ исторіи такой же роли какъ эта послѣдняя, то для этого недоставало очень немногаго. Если вѣрить Капфигу, то г-жа Дюбарри вмѣстѣ съ канцлеромъ Мопу были самыми сильными главами Франціи: они угладили революцію въ оппозиціи парламентовъ и царство террора въ писаніяхъ философовъ; къ несчастію Людовика XV, не довольно долго жилъ: проживи онъ еще годика два — и графиня Дюбарри спасла бы Францію отъ тираніи національнаго кокаента, какъ некогда Жанна Даркъ спасла ее отъ ига англичанъ. Такова идея софія автора. Успѣхъ такого рода историческихъ сочиненій, лекціонныхъ всякаго такта и истины, можетъ показаться съ перваго взгляда необъяснимымъ. Но не забудемъ, что въ настоящемъ парижскомъ обществѣ существуетъ особый классъ, имѣющій свою собственную фізіономію, свои понятія, свою литературу: это — полусвѣтъ, о которомъ мы неразъ говорили въ одной изъ вѣдѣдуемыхъ статей; для этого-то полусвѣта Александръ Дюма-сынъ и Октавъ Фёлье пишутъ свои романы и драмы, а Капфигъ свои историческіе очерки. Эти три корифея литературы полусвѣта пользуются теперь огромнымъ успѣхомъ и быстрыми шагами идутъ по пути къ безсмертію.

IV

Стремленіе къ наученію французской революціи продолжаетъ неуклонно занимать умы французовъ и число сочиненій объ этомъ предметѣ увеличивается съ каждымъ годомъ. Этотъ величайшій переворотъ нашего времени есть постоянно поддерживаемый, вылающій очагъ, на которомъ сталкиваются идеи, страсти и волненія вѣдѣдимаго общества; однихъ онъ устрашаетъ, другихъ утѣшаетъ,

но занижаетъ рѣшительно всѣхъ. Кромѣ обработки всей исторіи революціи, въ послѣднее время явилось множество исследованийъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ революціоннаго періода, о дѣятеляхъ, объ общественной жизни, о прессѣ, о литературѣ — и рвеніе писателей не ослабѣваетъ ни на минуту. Огромный потокъ всевозможнаго рода сочиненій не отсталъ у революціи ни занимательности, ни нравственной силы, которая напротивъ все болѣе и болѣе увеличивается по мѣрѣ того какъ мы удаляемся отъ этого времени. Это очарованіе революціи, которому подчиняются рѣшительно всѣ писатели, къ какой бы партіи они ни принадлежали, зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ. Первая причина та, что несмотря на много прекрасныхъ трудовъ, исторія революціи остается все-таки неразрѣшенной загадкой. Какъ ни ярко блеститъ въ исторіи человечества 1789 годъ, но значеніе его, причины и слѣдствія до сихъ поръ покрыты мракомъ, и эта нецѣлѣстность естественно побуждаетъ всѣхъ обратить все свое вниманіе на объясненіе этого замѣчательнѣйшаго событія. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе накопается историческихъ актовъ, чѣмъ болѣе историки силятся составить въ истинномъ свѣтѣ рельефныя сцены, характеры и роли дѣйствующихъ лицъ въ этомъ великомъ зрѣлищѣ, тѣмъ болѣе противорѣчій встрѣчается въ выводахъ, предлагаемыхъ ими, и вопросъ, вмѣсто того чтобы разъясниться, усложняется. Вторая причина заключается въ томъ, что исторія революціи есть въ полномъ смыслѣ исторія настоящаго времени. Нѣтъ никакой возможности сомнѣваться, что то обновляющее движеніе, которое проходить теперь по всей европейской народной жизни, есть непосредственное продолженіе толчка, называемаго обыкновенно французскою революціей. Въ особенности же французская исторія послѣднихъ сорока годовъ, разсматриваемая въ своемъ ходѣ и связи, есть вѣрный, хотя и блѣдный отпечатокъ происшествій между 1789 годомъ и водвореніемъ первой имперіи. Сходство это, несмотря на нѣкоторыя необходимыя уклоненія, до того дѣйствительно, что оно встрѣчается въ послѣдовательномъ ходѣ не только событій, но и самыхъ идей. Такъ при началѣ революціоннаго движенія въ 1789 году господствовали конституціонныя теоріи Неккера, Мулье, Мануэ, Лалла и проч.; тѣже самыя теоріи были подвиги и приложены въ 1815 до 30 года. Послѣ июльской революціи демократическія идеи 1789 года получили перевѣсъ если не въ правительственной партіи, то крайней мѣрѣ въ общественномъ мнѣніи, и къ концу «ищущей монархіи» образовалась настоящая «живида», которая подобно своимъ предшественникамъ и при помощи тѣхъ же самыхъ доктринъ, почти венавѣриво низвергла тронъ Луи-Филиппа. Во время

бурныхъ волненій 1848 года поднялась новая «гора», очень похожая на «гору» 1793 г., и даже оригинальное произведеніе февральской революціи — социализмъ, выступившій въ первый разъ какъ сильная политическая партія, имѣетъ своего предвозвѣстника въ первой революціи, именно въ заговорѣ Бабёфа. Съ такимъ же жаромъ и силой боролись партіи въ послѣднюю революцію, пока, обезсиливъ другъ друга, не отдали власть въ руки новаго 18-го брюмера, знаменитаго подъ названіемъ «переворота 2 декабря».

Совершенное сходство этихъ двухъ историческихъ эпохъ бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ наблюденіи. Французскіе два раза обошли отъ точки до точки одинъ и тотъ же кругъ; и тотъ въ послѣдній разъ они шли медленнѣе и осматривательнѣе; но опытъ имъ ни къ чему не послужилъ и они паткнулись на тѣже самыя подводные камни, на которыхъ уже разъ потерпѣли кораблекрушеніе. Поэтому настоящее является все въ юномъ, обновленномъ видѣ; и то, что еще недавно колебало Европу между надеждою и страхомъ, стало теперь положительною и удобоисполнимою истинною. Страсти потеряли свой насильственный характеръ, но не пылкость; мѣсто и способы борьбы стали не тѣже, но споръ далеко еще не рѣшенъ!

Политическій расколъ, образовавшійся во время революцій и продолжающійся съ удвоенною силою въ наше время, есть одна изъ причинъ, почему нельзя составить себѣ правильнаго историческаго возрѣнія на эту замѣчательнѣйшую эпоху.

Каждая партія сдѣтства приучаетъ себя оцѣнивать происшествія по своимъ убѣжденіямъ, возвеличивать своихъ героев до небесъ и смѣшивать съ грязью своихъ противниковъ. Нигдѣ исключительные интересы партій не принесли столько вреда для исторіи, какъ при этихъ взглядахъ на революцію; у людей, неимѣющихъ ни времени, ни возможности изучить эту эпоху по источникамъ, отътого этимъ всякое средство составить себѣ правильное и свободное понятіе о происшествіяхъ и идеяхъ, имѣющихъ огромнѣйшее значеніе для настоящаго общества.

Мы разсмотримъ здѣсь только тѣ изъ новѣйшихъ трудовъ о революціи, которые для проливаютъ свѣтъ на это историческое событіе, или отличаются своеобразностью взглядовъ. Между такими трудами первое мѣсто занимаетъ безъ всякаго сомнѣнія сочиненіе *Алексиа де-Токвиля*: «Старый порядокъ и революція». Изъ предисловія, которое есть въ нѣкоторомъ смыслѣ profession de foi автора и на которое по причинѣ его преждевременной смерти можно смотрѣть какъ на политическое завѣщаніе, мы узнаемъ, что эта книга есть только начало большого труда о различныхъ измѣненіяхъ

нѣхъ въ общественныхъ отношеніяхъ Франціи, окончанія котораго къ сожалѣнію не суждено дождаться.

Но даже и въ этомъ отрывкѣ сочиненіе Токивиля очень интересно и нѣтъ во Франціи такой же блистательный успѣхъ, какъ и его другое сочиненіе: «*La démocratie en Amérique*». Въ два года оно выдержало явныя изданія. Этотъ исключительный успѣхъ простого опыта есть ясное доказательство того, какъ живо чувствуется во Франціи потребность уяснить себѣ предметъ, который, несмотря на многочисленныя объ немъ изслѣдованія, до сихъ поръ ускользалъ отъ общаго пониманія. Интересъ сочиненія увеличивается значительно отъ того, что авторъ соединилъ съ своимъ изслѣдованіемъ то что обыкновенно упускали изъ виду при взглядѣ на эту великую драму, именно прологъ драмы, — состояніе общества до революціи. Сравненіе, противопоставленіе и связь между двумя столь различными эпохами составляетъ главное достоинство и оригинальность труда Токивиля. Не забудемъ, что настоящее есть всегда логическое слѣдствіе прошлаго. Человѣкъ не творитъ чудесъ, т. е. онъ не можетъ единственно силою своей воли и произвола произвести что-нибудь внѣ пространства и времени, и поэтому онъ разрушаетъ только виоловину и сохраняетъ многое изъ того, что онъ именно силится уничтожить. Такъ случилось при всѣхъ великихъ переворотахъ въ Европѣ, и революціи, столь рѣшительная по идеѣ, столь разрушительная во вранциану и теоріямъ, въ тоже время многое приняла отъ прошлаго, продолжала отчасти его дѣло и часто невольно вступала въ его колею. Воспроизведеніе этого историческаго результата въ полнотѣ его значенія и во всѣхъ особенностяхъ, безъ всякихъ увлеченій и парадоксовъ, составляетъ самую замѣчательную сторону труда Токивиля, написаннаго со вниманіемъ ученаго и съ истиннымъ талантомъ публициста. Но обративъ исключительное вниманіе на это сходство прежняго общественнаго строя съ фактическими результатами, къ которымъ привела революція, авторъ упускаетъ изъ виду то внутреннее, такъ-сказать всечеловѣческое значеніе, какое нѣтъ революція на новое общество. Онъ вообще смотритъ неблагоприятно на революціонное движеніе въ концѣ прошлаго столѣтія, заходя въ немъ болѣе продуктъ личнаго произвола, чѣмъ принцыпы настоящаго либерализма.

Ктому же авторъ въ своемъ сочиненіи какъ-будто съ намѣреніемъ избѣгаетъ высказывать свое мнѣніе объ этомъ переворотѣ. Известно, что въ политической жизни онъ всегда сохранялъ честный и послѣдовательный характеръ, но въ сочиненіяхъ своихъ онъ напротивъ является постоянно какимъ-то нерѣшительнымъ и неяс-

нынѣ. Онъ представляетъ какую-нибудь идею съ двухъ сторонъ, но самъ не склоняется ни на одну изъ нихъ и не обнимаетъ ихъ обоимъ съ какой-нибудь высшей точки зрѣнія. Поэтому сочиненія его не производятъ никогда рѣшительнаго впечатлѣнія и читатель постоянно колеблется между двумя антитезами. Эта особенность выступаетъ особенно рѣзко въ его послѣднемъ сочиненіи.

Какъ историкъ, Токиядъ обладаетъ двумя драгоцѣнными качествами: безпристрастіемъ и научною провидительностью. У него нѣтъ заранее составленныхъ убѣжденій о какомъ-нибудь времени, нѣтъ систематическихъ предпочтеній; потому-то онъ нелегко поддаивается существующимъ мнѣніямъ, какою бы популярностью они ни пользовались. Такъ въ первой главѣ онъ совершенно основательно оспариваетъ такъ часто высказываемое мнѣніе, что настоящий порядокъ дѣлъ во Франціи есть произведение революціи, и приводитъ новыя, несомнѣныя доказательства того, что все что французы называютъ теперь «централизацией» и восхваляютъ какъ «идеалъ національнаго могущества и славы», существовало какъ твердая государственная основа еще въ старой монархіи. Если бы было именн «централизациа», то сущность все-таки была, и притомъ она такъ глубоко была распространена, что еще тогда возбуждала жалобы всѣхъ самостоятельно мыслящихъ людей. Такъ другъ Волтера маркизь д'Аржансонъ еще въ 1735 году въ своемъ сочиненіи: «*Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France*» сильно нападаетъ на эту правительственную систему и говоритъ, что для того, чтобы «починить испортившуюся дорогу и зашпатель дыру, неужно никакого разрѣшенія изъ Парижя. Разрушеніе этого чрезмѣрнаго единства и однородности въ правительственной администраціи зависитъ безспорно отъ многихъ причинъ, главнымъ же образомъ отъ давнишняго стѣсненія вслѣдъ политической свободы во Франціи и постепеннаго унынженія сословныхъ и корпоративныхъ нравъ; но къ числу обстоятельствъ, способствующихъ развитію централизации, относятся еще такія, которыя доселѣ частью упускались доселѣ изъ виду. Къ этому числу относится чрезмѣрное раздробленіе поземельной собственности. Совершенно несправедливо, какъ это доказываетъ Токиядъ, полагать, что раздробленіе началось со времени революціи: оно существовало гораздо раньше, такъ что еще задолго до 1790 года число поземельныхъ владѣтелей въ деревняхъ равнялось двумъ третямъ всего населенія, какъ это значитъ изъ тогдашнихъ списковъ о поземельной подати. Конечно, большое вліяніе на это раздробленіе должна имѣть продажа церковной собственности и владѣній эмигрантовъ, но и при этомъ главною заботою революціи было не столько

дать собственность во многія руки, сколько избавить почву отъ всякихъ привилегій.

Необыкновенно вѣрно и интересно изложено у автора, какимъ образомъ еще задолго до 1789 года феодализмъ терпѣлъ постепенно свои действительныя права, и тѣмъ не менѣе однакоже народъ и мелкіе поземельные собственники все болѣе отягощались всевозможными налогами и поборами. Потерю владѣтельныхъ правъ дворянство хотѣло вознаградить роскошью и огромнымъ придворнымъ штатомъ, но для этого нужны были деньги; поэтому личныя отношенія между владѣтелями прекратились, и ихъ замѣнили денежныя; солдаты и министры финансовъ стали теперь важнѣйшими особами въ государствѣ: первый давалъ королю возможность стать независимо отъ генеральныхъ штатовъ, второй былъ нестоимымъ въ средствѣхъ добывать изъ кошельковъ подданныхъ въ королевскую казну денегъ, потребность на которыя увеличивалась съ каждымъ годомъ. Тѣмъ болѣе такимъ образомъ правительственная централизція проникала въ государственную жизнь, тѣмъ болѣе и государственныя отношенія принимали характеръ, сообразный съ новымъ порядкомъ. Дворянство и духовенство были очень довольны тѣмъ, что при помощи доходныхъ приходовъ военныхъ и придворныхъ чиновъ сохранили часть своего прежняго вліянія и что у нихъ осталась привилегія налагать всевозможныя пошлины на своихъ прихожанъ и вассаловъ. Среднее сословіе (*tiers-état*), хотя и потеряло вслѣдствіе этого вѣншательства правительственной власти въ общинную и ремесленную жизнь часть своихъ корпоративныхъ правъ, но нашло возмездіе въ численномъ перевѣсѣ, который оно стало имѣть въ администратіи. Простой же народъ при развитіи новой системы ничего не выигралъ, но даже потерялъ, потому что былъ отягощенъ новыми поборами. Тридцать губернаторовъ, безчисленное множество второстепенныхъ чиновниковъ и королевскихъ судей управляли, подъ руководствомъ королевскаго совѣта, разоренною Франціей. Феодальные владѣтели потеряли, какъ мы сказали, часть своихъ действительныхъ правъ, но сохранили множество изъ старыхъ привилегій и правъ, которыя, потерявъ свое прежнее феодальное значеніе, всѣ замѣнены были денежными поборами и по-прежнему оставались единственно какъ средство для угнетенія простого народа.

Казалось бы, что всѣ эти злоупотребленія, накопившіяся еще до революціи, должны были быть устранены при такомъ коренномъ преобразованіи всѣхъ общественныхъ условій, которое поставила себѣ задачей революція. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противоположное. Когда революціонное движеніе улеглось, то оказалось, что центра-

лизация стала еще сильнѣе и что исчезла въ ней послѣдняя, слабѣйшая общинная свобода; Наполеонъ приказалъ даже пролать общинныя и госпитальныя земли. Фактъ этотъ нетрудно объяснить. Дѣло въ томъ, что централизація есть необходимое условіе и самый вѣрный спутникъ абсолютизма, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, — въ республиканской или монархической; а революція, послѣ казни жирондистовъ, единственныхъ людей, понимавшихъ въ то время значеніе федеративнаго устройства, на всѣхъ парахъ бросилась по пути къ абсолютизму. Если Людовикъ XIV, король французской монархіи, говорилъ: «L'État, c'est moi», то Бонапартъ, консулъ французской республики, сказалъ: «Je suis le pouvoir constitutif».

Два важныхъ слѣдствій, къ которымъ повело въ настоящее время это сосредоточиваніе правительственной власти, именно смѣшеніе судебной власти съ административною и чрезмѣрное развитіе бюрократіи, имѣли также, по увѣренію Токвиля, свое начало въ старомъ порядкѣ. Короче сказать, большая часть учреждений, существующихъ теперь во Франціи, равно какъ и самыя понятія о государственной жизни, суть, по совершенно справедливому мнѣнію автора, нисколько не плоды 1789 года, а гораздо болѣе раннихъ временъ. Этотъ взглядъ, основа всего сочиненія, повторяется снова вкратцѣ въ предисловіи главѣ, и въ этомъ — говоритъ авторъ — лежитъ корень революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и корень всѣхъ отношеній и судебъ настоящаго. Правда, къ числу причинъ, породившихъ революцію, онъ относитъ раздѣленіе сословій, этой «болѣзни, умертвившей старый порядокъ», далѣе невѣріе, «господствующую страсть XVIII вѣка», наконецъ вліяніе писателей и ихъ апіорныхъ теорій о правѣ и государствѣ, но все-таки основная идея автора есть централизація, которая по неожиданному толчку обратилась сама противъ себя и породила революцію. Токвиль объясняетъ это послѣднее явленіе столкновеніемъ различныхъ обстоятельствъ, когда въ 1787 году управленіе провинціями перешло изъ рукъ королевскихъ наместниковъ въ руки избирательныхъ собраній. «Такъ какъ нація — говоритъ онъ — не имѣла нигдѣ твердой основы, то послѣдній толчокъ привелъ ее въ замѣшательство и породилъ ужаснѣйшія заблужденія. Но какъ велико ни было пагубное вліяніе централизаціи во Франціи, все-таки довольно неестественно приписать этому злоупотребленію правительственной власти тѣ страшныя потрясенія, которыя охватили не только Францію, но и цѣлую Европу.»

Утверждать это, значитъ смѣшивать слѣдствіе съ причиною, симптомъ съ болѣзью. Французская революція зависитъ отъ

предшествовавшихъ ей послѣднихъ обстоятельствъ настолько, насколько стаканъ, наполненный водою, зависитъ отъ брошенной въ него капли, послѣ которой вода проливается. Если Токвиль объясняетъ существенную причину и характеръ революціи перемѣною правительственной системы, то онъ отвѣчаетъ на вопросъ вопросомъ. Такія объясненія ничего не объясняютъ, потому что сами нуждаются въ объясненіи. Злоупотребленія правительственной власти могли возбудить кризисъ, но не революцію, т. е. совершенное измѣненіе всѣхъ общественныхъ отношеній, что всегда и необходимо требуетъ измѣненія въ самыхъ идеяхъ и представленіяхъ народа о сущности и правахъ верховной власти.

Стремленіе узнать значеніе революціи ни у кого не проявилось съ такою рѣзкостью и односторонностью, какъ у *Гранье де-Кассаньяка* въ его сочиненіи «*Histoire des causes de la révolution française*». Авторъ, посвятившій этотъ трудъ «*святому отцу въ Римѣ*», принадлежитъ къ числу писателей, заслужившихъ довольно печальную извѣстность въ новѣйшей французской литературѣ. Обладая безспорно замѣчательнымъ талантомъ и бойкостью слога, онъ до такой степени злоупотребилъ тѣмъ и другимъ, что его паралоxy и эксцентричности надоѣли рѣшительно всѣмъ и не возбуждаютъ даже негодованія его противниковъ. Въ названномъ выше сочиненіи онъ употребляетъ все свое искусство, чтобы доказать ничтожество революціи, и при этомъ у него столько ѣзости, столько остроумія и жолчи, что сколько пожалѣешь о талантѣ, потраченномъ на такое дѣло. Съ того самого времени, какъ Неккеръ въ 1796 году издалъ свою исторію — всѣ тѣ, которые, какъ историки или критики, писали о французской революціи, старались въ тоже время изыскать и причины ея, и какъ при этомъ каждый руководствовался своими страстями и предубѣжденіями, то такихъ причинъ нашлось очень и очень много. Большая часть писателей связываютъ революціонное движеніе съ тѣмъ, которое прошло въ XVI вѣкѣ по европейской народной мѣрѣ и извѣстно подъ именемъ реформаціи; другіе, какъ напри- мѣръ де-Матрѣ, производили его отъ самаго адамова грѣха; наконецъ некоторые находили эти причины просто въ XVIII вѣкѣ, во всеобщей порчѣ нравовъ и вольнодумствѣ. Но ни одинъ изъ этихъ писателей, даже тѣ, которые не находили никакого историческаго оправданія для революціи, не отказывали ей въ характерѣ ужасности и извѣстнаго величія. Гранье де-Кассаньякъ первый и единственный, который видитъ въ революціи одно ничтожество при отсутствіи средствъ, страшную посредственность героевъ и общее смѣшное надувательство людей, произведшихъ ее. По его мнѣнію революція не есть продуктъ духа времени, медленно разви-

вавшаяся въ продолженіи многихъ поколѣній, и не естественный результатъ свободныхъ доктринъ, распространенныхъ писателями XVIII вѣка, а просто законная дочь Людовика XVI, у котораго она украдена была первымъ законодательнымъ собраніемъ и замѣнена подкидышемъ. Подлогъ этотъ произошлъ отъ плутней мятежнаго меньшинства, которое довело до утопій реформы, предпринятой монархіей и заставило заплатить четыре мильярда и пятьдесятъ тысячъ головъ за тѣ учрежденія и свободу, которыя Людовикъ XVI предлагалъ даромъ; слѣдствіемъ всего этого было то, что Франція въ продолженіи десяти лѣтъ была насильственно остановлена въ своемъ пути къ прогрессу, и поэтому революція въ сущности не заслуживаетъ другого имени, какъ «безсмысленной и кровавой безплодности». Таковъ въ главныхъ чертахъ взглядъ автора на французскую революцію. Мы считаемъ себя вправѣ не утомлять читателя подробнымъ разборомъ всего сочиненія.

Другимъ характеромъ и другими свойствами отличается сочиненіе Баранта: «Исторія директоріи и французской республики». Исторія эта замѣчательна чрезвычайными подробностями; авторъ судитъ о всѣхъ съ холодною точностью описателя, и еслибы рассказъ объ историческихъ происшествіяхъ можно было сравнить съ описаніемъ какой-нибудь страны, то мы сказали бы, что исторія Баранта такъ же вѣрна, какъ географическая карта. Но авторъ сѣтливаетъ постоянно фактическую послѣдовательность происшествій съ ихъ логическимъ развитіемъ; у него рассказъ о незначительныхъ возбужденіяхъ изложенъ съ такими же подробностями, какъ и рассказъ о переворотахъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на государственную жизнь. Вѣрность сочиненія относительно исторіи не можетъ быть подвержена никакому сомнѣнію, но ограничивается такъ-сказать топографическимъ изложеніемъ происшествій. Эта излишняя точность дѣлаетъ то, что въ цѣломъ у него мало истины. Съ перваго взгляда это покажется парадоксомъ: конечно, и незначительный фактъ можетъ часто точно также происходить отъ многоразличныхъ причинъ, какъ и рѣшительный государственный переворотъ; но если мы будемъ оба разсматривать съ одинаковымъ вниманіемъ и подробностями, то такая математическая точность будетъ огромною погрѣшностью противъ перспективы; мы по необходимости тогда изобразимъ въ одинаковой величинѣ лица и происшествія, стоящія на заднемъ планѣ, какъ и тѣ, которыя стоятъ на переднемъ. Барантъ превосходно изображаетъ отдѣльные исторические моменты, но въ цѣломъ не умѣетъ придать имъ характера дѣйствительно художественной картины. Этотъ недостатокъ перспективы вмѣстѣ съ спокойнымъ изложе-

вѣсь заслужили автору большую извѣстность безпристрастнаго историка.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ почти всегда удерживается высказывать свое собственное сужденіе о лицахъ и происшествіяхъ и оставляетъ это на волю читателя; онъ вводитъ его въ лабиринтъ исторіи, но не даетъ ему путеводной нити по нему. Слогъ Баранта очень походитъ на его способъ пониманія исторіи; онъ удерживается отъ всякой рѣзкости и угловатости; духъ читателя очень легко и удобно скользитъ по этому гладкому полю, но зато и вниманіе его скоро притупляется, такъ какъ рѣшительно нѣтъ крючка, за который оно могло бы зацѣпиться.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ «Исторіи Французской революціи» Луи-Блана. Исторію революціи понимали различно и излагали съ различныхъ точекъ зрѣнія, но никому до сихъ поръ не приходило въ голову сдѣлать изъ нея тему для апологін своей собственной личности. Такой взглядъ, имѣющій покрайней-мѣрѣ достоинство новизны, въ первый разъ явился въ вышеназванномъ сочиненіи Луи-Блана. Господствующею и основною идеею автора есть систематическое оправданіе своихъ собственныхъ идей и того участія, которое онъ принималъ въ событіяхъ 1848 года. Доктрины этого маленькаго реформатора очень близко подходятъ подъ доктрины Робеспьера и суть въ нѣкоторомъ смыслѣ только особое приложеніе ихъ. Поэтому во всей книгѣ мы встрѣчаемъ одну безконечную похвальную рѣчь Робеспьеру, его дѣйствіямъ и мнѣніямъ. Впрочемъ Луи-Бланъ придаетъ своей исторіи особый философскій отбѣнокъ, который принадлежитъ къ числу самыхъ дикихъ и просто дѣтскихъ вещей. Онъ раздѣляетъ всю исторію на три періода: первый — это владычество авторитетовъ, второй — развитіе индивидуальности, наконецъ третій — это явленіе братства, организація труда и равенство задѣльной платы. Вслѣдствіе такого дѣленія, приложимаго въ особенности къ XVIII вѣку и революціи, Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Тюрго, а за ними Мирабо, конституціонисты, жирондисты, дантоновцы, геберисты, всѣ безъ исключенія причисляются къ «школѣ ощущенія» (*école de sensation*), а Руссо, Маблю, Морелли, Робеспьеръ, Сентъ-Жюсть, Кутонъ — къ школѣ духовнаго чувства» (*école du sentiment*). Съ одной стороны сенсуалисты — люди прошлаго, съ другой сентименталисты — люди будущаго. Первымъ выпала на долю роль отрицанія и разрушенія, вторымъ — дѣло возобновленія, любви, жертвы за челоуѣчество и постоянного совершенствованія. Такая противоположность условливаетъ борьбу на жизнь и смерть между двумя школами, и оттого-то страницы французской исторіи между 1792 и 93 годами

пропитаны насквозь кровью. Авторъ во многихъ мѣстахъ горько оплакиваетъ эту борьбу и спрашиваетъ съ отчаяніемъ: неужели она будетъ продолжаться вѣчно? «Неужели чувственное ощущение — говорить онъ — есть естественный и необходимый врагъ духовнаго чувства? Неужели борьба между ними будетъ вѣчна? — Нѣтъ, слава-богу!» прибавляетъ авторъ и примиряетъ враждующихъ сестеръ... во имя *синтеза*! Порадуемся же мы вмѣстѣ съ авторомъ такому великолѣпному исходу, а теперь прибавимъ, что книгу Дум-Блана можно прочесть для курьоза, но что въ ней нѣтъ даже тѣхъ внѣшнихъ достоинствъ таланта и слога, которыя мы встрѣчаемъ въ странно-парадоксальномъ и жолчномъ сочиненіи Гранье де-Кас-сеньяка.

ВЛАДИМИРЪ ФУКСЪ

НЕДОБРОЕ МѢСТО

ПИСЬМА ДОКТОРА Ж. С . . . СЪ ЮЖНАГО ПРИБРЕЖЬЯ КАСПІЯ

ПИСЬМО I

Рештъ , 1 ноября 18..

Любезный другъ.

Вотъ куда завесла меня кочевая звѣзда моя! Но знаешь ли ты, что такое Рештъ и какой пунктъ занимаетъ онъ на земномъ шарѣ? Разверни карту Азіи , поставь палецъ на юго-западное побережье Каспійскаго моря и въ гиланской провинціи ты прочтешь названіе города, который въ эту минуту служитъ резиденціею твоему странствующему другу.

Путешествіе это даетъ мнѣ между прочимъ возможность во второй разъ побесѣдовать съ тобою попространнѣе о завѣтномъ мірѣ Персіи.

Да , я опять сдружился съ дорожною жизнью , съ ея пылью , вѣтромъ , нечистотою , съ холодною и черствою пищею , съ урывочнымъ и лихорадочнымъ сномъ на жесткой настилкѣ , съ постоянною усталостію въ членахъ! Но не лучше ли все это наконецъ сдѣлать жизнью въ Богомъ хранимомъ Тегеранѣ , гдѣ было я засидѣлся не-нашутку?

И какъ могъ я въ самомъ дѣлѣ оставаться цѣлыхъ три мѣсяца на одномъ мѣстѣ , особенно въ такомъ дрянномъ городишкѣ! Ты знаешь меня : я могу сказать , вмѣстѣ съ знаменитымъ Семилассо : «жизнь въ городахъ и покой негодятся для моего тѣлосложенія».

На востокъ въ особенности нигдѣ не слѣдуетъ европейцу долго заскиживаться , если онъ не хочетъ отупѣть , одичать , заплесневѣть. Ему надо безпрестанно бѣгать тамъ за новыми впечатлѣніями , которые бы держали мысли его въ постоянномъ напряженіи и не да-

вали имъ задремать надъ массою неподвижныхъ и приглядѣвшихъ предметовъ, а нето онъ какъ-разъ или сбѣлается нитохондрикомъ, или обратится въ турка, персіянина или другого дикаго звѣря, смотря потому, у какого берега онъ бросить свой якорь.

И потому я съ жадностью ухватился за случай, вызывавшій меня изъ моего полуусыпленія къ той подвижной жизни, которую я давно считаю моею стихіею.

Вотъ какъ это случилось.

Я сошелся здѣсь съ однимъ французомъ, живущимъ уже нѣсколько лѣтъ въ Персіи, и даже поселился было у него въ домѣ. Я вѣдь писалъ тебѣ, что прежняя моя квартира скорѣе походила на конюшню, чѣмъ на жилище христіанина, и что вслѣдствіе этого я собирался свить себѣ гнѣздышко подъ другою крышею. Случай къ этому скоро представился. Жобарь (такъ зовутъ моего новаго друга) искалъ у меня медицинской помощи, а потомъ, сблизившись со мною, предложилъ мнѣ переселиться въ его домъ. Помѣщеніе я нашолъ очень удобнымъ, цѣну умѣренною и неслучая долго, принялъ его предложеніе. Двѣ небольшія меблированныя комнаты, чистенькій дворъ устланный камнемъ, садикъ разведенный самимъ хозяиномъ съ довольно порядочною тѣнью и множествомъ цвѣтущихъ колодець съ хорошею водою, отличная тераса на крышѣ, — и все это за восемь талеровъ въ мѣсяць!

Но прежде всего надо тебя познакомить съ личностью Жобаря.

Это человѣкъ лѣтъ сорока-пяти съ крашеною бородою и буйными, если я такъ могу выразиться, чертами и цвѣтомъ лица. Одежда его состоитъ изъ смѣшенія европейской одежды съ азиатскою. Онъ носитъ черныя сюртуки и бѣлыя панталоны; но на головѣ его остроконечная баранья шапка высшаго персидскаго толка, т. е. изъ самой мелкой и почти микроскопической шерлуки и въ аршинъ вышины; на ногахъ дорогіе тульбеки, персидскіе узорчатые носки изъ кашмирской шерсти, а сверху тяжелыя козловыя башмаки работы русскаго бѣлаго солдата. Если лицо и часть одежды моего чудака обличаютъ еще въ немъ европейское происхожденіе, то въ пріемахъ его и привычкахъ не осталось почти ничего родного; онъ совершенно обиртисился и обаранился, т. е. отличалъ отъ долгаго пребыванія въ этомъ лѣсу черныхъ лоснящихся бородъ. Между прочимъ особенно забавны его поклоны: онъ отъвѣшиваетъ ихъ какъ самый коренной персіянецъ, въ правую сторону, опершись правою рукою о правое колено. Въ настоящее время онъ принялся разводять въ саду своемъ лекарственныя травы и собираетъ экземпляры здѣшней флоры и фауны для продажи европейцамъ. Въ прошломъ году онъ занимался литьемъ спермацетовыхъ свѣчей; а

до того училъ въ шахскомъ арсеналѣ лить пушки. Но если вѣрить слухамъ, онъ перепробовалъ еще много другихъ профессій. Однимъ словомъ это одинъ изъ тѣхъ горемычныхъ ловцовъ промысла, у которыхъ все срывается съ крючка... которые хотя и держатся на водѣ, благодаря несокрушимой силѣ воли и неунывающему духу, но никакъ не могутъ попасть на струю, которая бы донесла ихъ до берега. Изъ-подъ толстаго слоя чудовищныхъ замашекъ и приемовъ востока, у Жобара впрочемъ выглядываютъ, когда поближе присмотришься, очертанія просвѣщенного человѣка, проблески энциклопедическаго, хотя поверхностнаго образованія, французской веселости, общительности и добродушія. А потому обществу его я обрадовался какъ находкѣ.

Въ ежедневной бесѣдѣ съ нимъ я сталъ находить большую отраду и почерпалъ драгоценныя свѣдѣнія о Персіи вообще и о тегеранскомъ обществѣ въ особенности. Онъ знаетъ наизусть и со всѣми подробностями исторію Персіи за послѣднія столѣтія, всю подноготную шахскаго двора, жизнь каждаго изъ савонниковъ, лѣтопись ихъ *андеруна* или харема, ихъ связи, отношенія родственныя и общественныя, житейскія тайны европейскихъ посольствъ и консульствъ; онъ знакомъ въ Тегеранѣ со всѣмъ и со всѣми. Въ *бирунгахъ* и *андерунахъ* или мужской и женской половинѣ домовъ, въ базарахъ и во дворцѣ, вездѣ знаютъ Джаберъ-Сахиба — господина Жобара, вездѣ любятъ Жобара, а Жобаръ все остается покуда Жобаромъ.

— Il est de fait que cela ne me fait pas la jambe plus fine, — повторять онъ со вздохомъ: — mais que voulez-vous! Il y a fatalité.»

На дняхъ какъ-то мы сидѣли съ нимъ на терасѣ съ благовоной *шерута* во рту, болтая о всякой всячинѣ.

— Ah ça, docteur! — воскликнулъ вдругъ мой хозяинъ: — мнѣ приходится въ голову слѣзать вамъ одно предложеніе: не хотите ли совершить небольшое путешествіе пріятное, полезное и несовсѣмъ невыгодное въ матеріальномъ отношеніи?

Я попросилъ его объяснить въ чемъ дѣло.

— Но во первыхъ — началъ онъ — вы должны мнѣ сказать, осталось ли у васъ, послѣ приобретенной вами опытности насчетъ характера персіанъ, сколько-нибудь еще охоты довѣряться ихъ слову?

— Мы съ вами, любезный Жобаръ, отвѣчалъ я, — до нитокъ извѣдали предметъ этотъ, служившій обыденною темою нашихъ разговоровъ, и потому мнѣнія мои на этотъ счетъ должны быть вамъ хорошо извѣстны.

— И я ихъ совершенно раздѣляю, какъ вы знаете, перебилъ ме-

ня Жобарь: — но быть-можетъ вы рѣшитесь еще разъ попытать счастья. Въ семьѣ не безъ уroda.

— Да. Правдивый человекъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то вродѣ урода въ этой семьѣ лгуновъ, безстыдныхъ до цинизма. Недаромъ же они сами про себя говорятъ, что персіане не лгутъ только тогда, когда называютъ себя лгунами.

— И на этотъ разъ опять-таки незамѣтно для себя говорятъ правду. Вѣрите ли до чего у нихъ это доходитъ: если грудной ребенокъ напримѣръ заплачетъ въ колыбели, — мать увѣрена, что онъ сътъ и здоровъ и не подойдетъ къ нему. Даже покойникамъ здѣсь недовѣряютъ, особенно тѣмъ, которые оставили богатое наследство, и торопятся ихъ хоронить изъ боязни, чтобъ они вдругъ не открыли глазъ и не подали всѣхъ признаковъ жизни (!).

— Si non è vero, è ben trovato, вернулъ я тутъ мимоходомъ по словицу.

— Спросите у перваго попавшагося персіанина и онъ вамъ подтвердитъ слова мои...

— И солжотъ, неправда ли? замѣтилъ я съ улыбкой. — Но, милый мой хозяинъ, я все-таки не узналъ къ чему ведетъ это предсказаніе. Положимъ, что я скрѣпя сердце довѣрюсь на этотъ разъ мусульманской совѣсти или тому, что у персіанъ замѣняетъ ее... Что такое вы собираетесь предложить мнѣ?

— Вотъ видите, докторъ: сегодня утромъ я получилъ отъ одного моего пріятеля, кестенерудскаго хана, письмо, въ которомъ онъ проситъ меня уговорить одного изъ здѣшнихъ европейскихъ врачей взять на себя излеченіе его недуга и для того пріѣхать къ нему въ Рештъ, гдѣ онъ теперь находится. Какъ вы думаете объ этомъ? Разумѣется онъ обѣщаетъ хорошее вознагражденіе... Въ чемъ почему я и обратился къ вамъ съ предварительнымъ вопросомъ? Довѣряете ли вы персидскому слову? Тутъ предстоятъ издержки поѣздки, на запасъ медикаментовъ, трата времени, труда и т. д. и т. д. торья лишенія. Рѣшитесь ли вы сдѣлать такой значительный подарокъ моему пріятелю? Я знаю правда хана давно я выдаю его за одного изъ лучшихъ персіанъ, хотя талышійцы и притязаютъ себя по прямой линіи отъ монголовъ, но все онъ не такъ какъ персіанинъ, а самый лучший изъ нихъ хорошъ только въ этомъ случаѣ.

— Гилянъ край любопытный, сказалъ я, — и я испрочь бы хотѣлъ посѣтить его. Провѣтриться мнѣ надо; надо отдохнуть отъ...

(!) У мусульманъ вообще болѣе сутокъ не оставляютъ покойниковъ на гребенными. *Прим. издателя*

милой тегеранской жизни. Здѣсь же меня ничто не задерживаетъ. И только водятъ за носъ съ своими обѣщаніями принять въ службу. А если ханъ вашъ и нечестно со мною рассчитается, то я все-таки останусь въ выигрышѣ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ...

Жобаръ поспѣшилъ перебить меня.

— Долгомъ однакоже считаю, для успокоенія своей совѣсти, — сказалъ онъ, — предупредить васъ, докторъ, что если съ одной стороны путешествіе это можетъ конечно доставить обильную пищу вашей любознательности, то съ другой вы не должны рассчитывать извлечь изъ него непремѣнную пользу для вашего организма. Вы конечно знаете, что персидскія прибрежья Каспійскаго моря пользуются незавидною репутаціею въ климатическомъ отношеніи.

— Знаю, знаю; но...

— Но знаете ли вы, перебилъ меня опять мой собесѣдникъ, — знаете ли до какой это степени! «Гилянъ» въ переводѣ значитъ *грязь*, и есть ничто иное какъ понтійскія болота съ ихъ негостепримными мѣзмами, болота, покрытыя едва проходимыми лѣсами, въ которыхъ гнѣздится испитое населеніе, поражаемое и выѣдаемое различными недугами. Это глисты, это цынга, это чесотка и всякаго рода накожные болѣзни, оспа, палучая, страданія печени, селезенки, сердца, гастралгія, ревматизмы, даже элифантіазисъ, — неговоря уже о сифилисѣ, порождающемъ въ Гилянѣ множество хроническихъ недуговъ и недостатковъ мужскихъ и женскихъ, и наконецъ такъ-называемая болотная лихорадка (*fièvre paludéenne*). Эта послѣдняя конечно играетъ тутъ первую роль и не щадитъ никого: ни туземца, ни гостя. Гилянъ служилъ бывало ссылочнымъ мѣстомъ даже для высшихъ сановниковъ государства. Дворъ напримѣръ, желая отъ котораго-нибудь изъ нихъ отдѣлаться почетнымъ и незамѣтнымъ образомъ, назначалъ его правителемъ въ Гилянъ. Въ настоящее время, съ уменьшеніемъ рисовыхъ полей, на мѣстѣ которыхъ все болѣе и болѣе разводятся шелковичныя плантаціи, климатъ правда нѣсколько улучшился, но и теперь еще съ отъѣзжающими въ Гилянъ родственники и друзья прощаются какъ съ обреченными на вѣрную смерть. Вотъ какого рода анекдотъ придумали персіане для опредѣленія гилянскаго климата.

«Три путешественника — рассказываютъ они — сошлись однажды на дорогѣ. Одинъ изъ нихъ былъ уроженецъ Исфахана, другой былъ ширазецъ, третій гилекъ. Каждый изъ нихъ превозносилъ свою родину и отстаивалъ ея превосходство надъ другими провинціями Персіи.

«— Да вотъ напримѣръ, воскликнулъ сынъ Исфахана, — у насъ

такъ искусно сохраняють зимуо дыни, что если положить прошлогоднюю рядомъ съ только-что снятою съ гряды, никто не различитъ которая изъ нихъ принадлежитъ прошлому и которая вышедшему году. — Да что это за чудо! перебилъ съ жаромъ ширази: — у насъ виноградъ сохраняють съ такимъ же совершенствомъ, и стараго винограда нельзя ни подлѣ какимъ видомъ отличить отъ новаго. — А вашъ Гилянъ! вскрикнулъ третій товарищъ: — Гилянъ въ этомъ отношеніи никакъ не уступитъ ни Ширазу, ни Исфахану. У насъ напримѣръ хотя и не изобрѣли еще средства сохранять покойниковъ, но мертваго гилека никто не отличить отъ живого.

— И увѣряю васъ, докторъ, что какъ гилекъ этотъ ни старался перешеголять ложью своихъ спутниковъ, но сказалъ чуть ли не истинную правду. Въ этомъ отношеніи развѣ одна Басра можетъ поспорить съ Гиляномъ. Итакъ вамъ остается хорошенько размыслить, а же исполнилъ долгъ свой, предупредивъ васъ объ опасности подобнаго путешествія и совѣсть моя чиста.

— Любезный Жобаръ, благодарю васъ — сказалъ я — за вашу осторожность и доброе намѣреніе, но медику столько же пристало бояться подобныхъ ужасовъ, сколько охотнику звѣрей; а чѣмъ ширѣе поле наблюденій, тѣмъ специалисту должно быть привлекательнѣе и отраднѣе. Вы желали подробностями своими охладить во мнѣ порывъ, вами же возбужденный, но вы придали ему еще большую силу и я рѣшительно принимаю предложеніе ваше, тѣмъ болѣе, что самый страшный изъ названныхъ вами чудовищъ — болотная лихорадка рѣдко бросается на человѣка зимою.

— Да, да! И я, признаюсь, объ этомъ не подумалъ. Вы правы. Итакъ въ походъ!

— Я готовъ. Но скажите мнѣ пожалуста, что ханъ вамъ скажетъ о своей болѣзни? Вѣдь мнѣ надо приготовить.

— О! на этотъ счетъ будьте покойны. Ханъ сообщилъ мнѣ дослальный бюлетень своей болѣзни съ ежедневными, почти часными подробностями за цѣлые три мѣсяца.

При этихъ словахъ Жобаръ вынулъ изъ кармана свертокъ маги и поднялъ его на высоту своего плеча; свертокъ опустился полу широкою лентою, испещренною персидскими каракулями; тебѣ сказать, что персіяне вообще не любятъ перевертывать листъ, покрайней-мѣрѣ избѣгаютъ этого въ своей корреспонденціи и въ случаѣ надобности подклеиваютъ одинъ лощеный листъ другому, тщательно обрѣзывая ихъ края ножницами, такъ получается подобная полоса исписаной бумаги тянется у нихъ сколько аршинъ. Этотъ обычай перешолъ къ нимъ изъ гонимой древности.

— Я незнаю, сказалъ французъ, — содержанія этой кестене-рудской тереміады, но мы пошлемъ за достославнымъ мирзою Мехди, и онъ разомъ посвятитъ васъ во всѣ эти гвоздеобразныя таинства.

Не успѣвъ Жобарь проговорить эти слова, какъ изъ-за ковра, служившаго по здѣшнему обычаю драпировкою двери, явилась какъ *lipus in fabula* маленькая, сухенькая какъ бисквита, фигурка мирзы Мехди. Я тебѣ еще не представлялъ этой замѣчательной личности, а она стоитъ особаго описанія. Впрочемъ съ мирзой Мехди я познакомился самъ только со времени моего знакомства съ Жобаромъ, которому онъ служитъ инструментомъ персидской письменности.

Черты лица мирзы общія персидскія: длинный, сухой, горбатый носъ съ вздернутыми ноздрями, выпуклые глаза, пунцовая крашеная борода, лежащая клиномъ на впавшей груди, за ушами по пунцовой пуклѣ. Но одежда его носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ индѣйскаго характера: это особенно замѣтно въ маленькой чалмѣ изъ бѣлой шали, приподнятой къ темени и открывающей гладко-выбритый затылокъ. За шалевымъ кушакомъ заткнута кивкаль съ агатовою рукоятію. Свертокъ чистой бумаги и пеналь изъ *paris-et-mâché*, покрытый арабесками, узорами, женскими головками или полунагими фигурами, изображеніемъ Ферхадовъ и Рустемовъ на розовыхъ или голубыхъ лошадахъ, сценами изъ Мелжнуна и Лейлы. На мизинцѣ, какъ водится, хорошая бирюза въ серебряной оправѣ; въ рукахъ четки изъ священной глины Неджефа. Беззубый ротъ маленькаго мирзы постоянно набитъ сладкими комплиментами, освѣдомленіями о здоровьѣ, анекдотами объ Индіи, глѣ онъ прожилъ лѣтъ двадцать, стихами Саади, Хафиза и собственнаго издѣлія. Все это безъ разбора и различія, безъ остановки и милосердія, сыплется по его подвижной бородѣ съ необыкновенною быстротою. При этомъ всѣ члены его холятъ, глаза суживаются, на губы и на вискахъ рождаются одна за другою все новыя, неожиданныя, невозможныя морщины; руки его не успокоиваются ни на минуту: то онъ смачиваютъ и выжимаютъ въ тряпочкѣ ширазскій *нилоки* и набиваютъ казыанъ, перемѣняютъ въ немъ воду, накладываютъ на табакъ уголья, то лѣзутъ въ карманъ — и на кольчякъ. *Виды* появляются какіе-нибудь камни для продажи, алмазь, бирюза, дорогія четки, топазовые черенки, агатовыя рукоятки, а между пальцами и табатерка, изъ которой костлявые пальцы его, выкрашенные хной въ розовую краску, вынимаютъ пиллюлю опиума и всовываютъ въ ротъ навстрѣчу новымъ комплиментамъ, стихамъ и проч. То онъ схватятся за свертокъ бумаги и за пеналь;

откроютъ его, возьмутъ калемъ (очиненный камышъ) и острѣнъ его отбросятъ движущуюся на шарнирѣ крышечку мѣдной чернильницы, тутъ же уложенной у одного конца пенала, ткнуть ею въ шолкъ, напѣтанный рыбьими чернилами и пойдутъ строчить по лоскутку лощеной бумаги діагональю, отъ правой окраины листа къ верхней. Это или какой-нибудь экспромтъ, или проектъ письма, прошенія и др. Въ бытность свою въ Индіи мирза Мехди занимался торгашествомъ, но въ тоже время служилъ писцомъ въ канцеляріи разныхъ правительственныхъ лицъ и чиновниковъ и потому нахватался какихъ-то смутныхъ понатій объ англійской жизни, о Европѣ, и съ полдюжины англійскихъ словъ, которыя онъ коверкаетъ безъ зазрѣнія совѣсти. Между прочимъ онъ любитъ рассказывать о *геврнеллахъ*, *джернеллахъ*, *кернеллахъ* (governor, general, colonel) и др. и всѣ эти рассказы пересыпаетъ разумѣется преувеличеніемъ, искаженіями, выдумками, въ числѣ которыхъ занимаетъ непременно самое видное мѣсто роль, которую онъ игралъ въ *кемпени-бахадуръ* (могущественной компаніи) и въ англо-индійскомъ аристокрическомъ обществѣ.

Не успѣлъ еще мирза высунуть всего носа своего изъ-за ковра двери моей и произнести обычнаго *селлмунъ алейкюмъ*, какъ уже Жобаръ закричалъ ему отвѣтную фразу:

— *Ве алейкюмю-сселлмъ*, мирза, *милости просимъ*. Очень, очень кстати пожаловали.

— *Готовъ служить. Приказывайте, Джаберъ-Сахибъ. Я рабъ вашъ и почитатель. Селлмунъ алейкюмъ, Хекимъ-Сахибъ! Все ли въ васъ добромъ расположеніи духа?*

— *Слава-богу, мирза; а ваше почтенное состояніе здоровья? спросилъ я.*

— *Грѣнь ваша да не уменьшится, Хекимъ-Сахибъ, живемъ. Было нездоровилось, но увидя васъ, все прошло слава-богу. А вы какъ, Джаберъ-Сахибъ?*

— *Да процвѣтаетъ домъ вашъ, душа моя мирза.*

Весь этотъ обмѣнъ привѣтствій перевелъ я тебѣ для образца, почти слово въ слово. Съ нѣкоторыми оригинальными выраженіями я поступаю такъ же и впредь, когда буду выписывать подобныя разговоры съ персіянами; эти мѣста я буду подчеркивать.

— *Если не будетъ въ трудъ вамъ, мирза, прочтите намъ это высокое произведеніе кестенерудскаго калема.* — И Жобаръ протянулъ къ нему свертокъ.

— *Что за трудъ! помилуйте, Сахибъ, это истинное удовольствіе!*

При этомъ онъ прочелъ какіе-то стихи изъ Джоми, одного изъ

любимыхъ поетовъ Персіи; но я, признаюсь, не понялъ ихъ смысла.

Декламируя, марза утѣлся себѣ на пятки, славилъ носъ огромными очками безъ вѣтвей, глотнулъ пилюлю опиума, приказалъ слугителю Жобара кальянъ, и опершись локтями о колѣни своихъ полонутыхъ ногъ, склонился надъ сверткомъ и сталъ читать.

«О болѣзни высокостепеннаго, высокоименитаго владѣтеля кестверудскаго Абдулла-хана...

— А! воскликнулъ марза: — бѣдняжка Абдулла-ханъ! хорошій отъ человекъ! умный, чрезвычайно умный и съ большими познаниями! Но я слышалъ, что его вызываютъ ко двору и онъ вѣрно заболѣлъ отъ страха.

— А чего онъ боится? спросилъ я.

— Какъ чего! воскликнули оба мои собесѣдники почти въ одинъ голосъ, и перебивая другъ друга, старались мнѣ объяснить общій смыслъ вызова ко двору провинціальныхъ начальниковъ.

— Видно, что вы новичекъ въ Персіи, говорили они. — Хорошо, если эти господа отдѣляются чрезвычайными расходами; а нерѣдко навѣты тайнаго или явнаго врага, интриги, зависть или наконецъ собственный проступокъ угрожаютъ имъ утратою власти, заточеніемъ, палочными ударами по подошвамъ, даже пыткой. Здѣсь не такъ какъ въ Европѣ. Когда дворъ вызываетъ изъ провинціи губернатора, онъ отпускаетъ ему тамъ суммы на дорожныя издержки и въ случаѣ обвиненія подвергаетъ дѣйствія его правильному разбору и наконецъ судить его согласно извѣстнымъ постановленіямъ. Здѣсь же всѣ издержки на дорогу и на пребываніе свое въ столицѣ вызываемый дѣлаетъ изъ своего кармана, а сверхъ того ему прелстоитъ, правъ ли онъ или виноватъ, подаривать министровъ, визирей, придворныхъ, а иногда, или скорѣе почти всегда, водносить какую-нибудь вещь или сумму самому шаху, не пренебрегать почти ни однимъ изъ прислужниковъ вліятельныхъ лицъ, отыскивать себѣ за деньги вліятельныхъ покровителей посредничество, такъ-называемыхъ *восите*; а безъ *шефозта* или заступничества не обходится почти ни одно дѣло въ Персіи, какихъ бы оно размѣровъ ни было; однимъ словомъ ему приходится дѣлать иногда для этого долги, разоряться. А если противникъ, предавшій его двору, сильнѣе или богаче его, то будь онъ невиненъ какъ младенецъ, его ожидаютъ истязанія, и въ такомъ случаѣ счастливъ еще онъ, если ему удастся убѣжать въ *бестъ*.

— *E che bestia è questo?* спросилъ я Жобара, играя словами.

— Неужели вы еще не знаете, что въ Персіи есть средство отъ этого избѣгнуть всякихъ преслѣдованій — даже уголовному претъ.

ступнику! Ему стоитъ только забвнать за ограду неизвестныхъ и въ каждомъ городѣ, почти въ каждомъ большомъ селеніи существующихъ святыхъ, каковы наиримѣръ нѣкоторыя мечети, гробницы шиитскихъ угольниковъ, конюшня шаха или лица, славящагося своею святостью, или носольства и консульства, стать наконецъ подѣ олагъ иностранной державы: это-то и называется *бестъ* или священный затворъ, убѣжище, изъ котораго никакая власть не въ силахъ вырвать преступника. Одной хитрости случайно удается вызвать его оттуда, и тогда расчетъ съ нимъ коротокъ. Но и самый свасительный *бестъ*, какихъ жертвъ стоитъ онъ тогда несчастледцу! Трата денегъ и драгоценнаго времени, разстройство въ дѣлахъ, разлука съ семействомъ — обыкновенные спутники *беста*.

— Такъ вы говорите, мирза, — сказала Жобаръ, обращаясь къ персiанцу, — что прiятеля моего вызываютъ въ Тегеранъ?

— Бели (да), Джаберъ-Сахибъ. За нимъ, какъ слышно, много недоимокъ въ податяхъ... и вали Гирана, небывъ въ состояніи справиться съ этимъ левомъ, пожаловался двору — несмотря на полученные имъ отъ Абдуллы подарки. Говорятъ Гасибъ-ханъ содралъ съ него двѣ арабскія лошади съ золоченою сбруею и всѣмъ приборомъ, и пятьсотъ полуимперіаловъ!

— О! Гасибъ-ханъ свое возьметъ! Онъ на руку окулки не положить! замѣтилъ Жобаръ. — Вотъ, докторъ, увидите вы молодца! Во всей Персiи нѣтъ подобнаго, *et c'est tout dire*.

— А что?

— Это одинъ изъ сильнѣйшихъ людей во владѣніяхъ шаха, но зато и самый завзятый, самый безстыдный и безчеловѣчный грабитель. Если вамъ порасказать нѣкоторыя черты изъ жизни этого господина, вы ахнете.

— Пожалуста, господа, познакомьте меня поближе съ характеромъ этой личности: вѣдь очень немудрено, что мнѣ придется имѣть съ нею дѣло.

Тутъ начался снова дуэтъ Жобара и мирзы Мехли, продолжавшійся около двухъ часовъ. Извлекаю изъ него слѣдующія подробности для твоего назиданія.

Гасибъ-ханъ — человекъ уже далеко не первой молодости и въ большомъ ходу при дворѣ. Сила его состоитъ совершенно въ искусствѣ собирать недоимки и въ исправномъ вносить въ казну податей провинція, ввѣренной его управленію, а восторыхъ — въ покровительство и поддержкѣ могущественныхъ родственниковъ при дворѣ. Нравомъ онъ тихъ, ирость въ обращеніи, даже ласковъ и не всегда охотно прибѣгаетъ къ пыткамъ и казнямъ, лежащимъ въ основаніи пер-

судской администраціи. Но зато бархатная лапка его выжимаетъ всѣ соки изъ страны ему подвѣдомственной.

Одаренный необыкновеннымъ чутьемъ, онъ можно-сказать продолжаетъ жизнь свою въ обихиваніи кармановъ своего народа и въ выискиваніи средствъ къ незамѣтному ихъ очищенію въ свою пользу, такъ что на каждый *туманъ*, взимаемый имъ для казны, два или три другихъ перепадаютъ въ его собственный сундукъ.

Каждая тяжба, малѣйшая ссора между его подчиненными, неповиновеніе или другой поступокъ служатъ предлогомъ побора и источникомъ его обогащенія. И если онъ гнетъ съ виновнаго, то съ другой стороны не даетъ потачки и правому. Кто приходитъ къ нему съ прошеніемъ и жалобою, долженъ поклониться хану нѣсколькими туманами. Въ такомъ только случаѣ ханъ посылаетъ за отвѣтчикомъ, который тоже даетъ ему взятку, чтобы получить отсрочку, и получаетъ ее. Затѣмъ ханъ въ концѣ выговореннаго срока призываетъ къ себѣ обѣ стороны и старается склонить просителя къ новой отсрочкѣ, и при этомъ получаетъ съ тяжущихся новую подачку за свои старанія... и такъ до безконечности. Онъ находитъ возможность брать взятки съ собственныхъ своихъ служителей, вмѣсто того чтобы платить имъ жалованье. И вотъ напримѣръ одна изъ уловокъ, къ которой онъ прибѣгаетъ въ подобномъ случаѣ. Съ утра онъ усаживается въ своемъ *бируль*, разложивъ передъ собою заранее заготовленные приказы о взысканіи долга или чрезвычайнаго налога съ такого-то участка или селенія, или съ одного какого-нибудь лица. У дверей является или *феррашъ* (слуга) или *пишидметъ* (слуга высшаго ранга), или *гулямъ* (разсыльный жандармъ), или *шофенкчи* (мушкетеръ), или другой прислужникъ, и отвѣсивъ господину своему персидскій поклонъ, который я описалъ выше, говоря о Жобарѣ, проситъ назначить его *мухассиломъ* — правительственнымъ агентомъ по такому-то изъ текущихъ дѣлъ.

Положимъ напримѣръ, что дѣло идетъ о полученіи какой-нибудь суммы въ *Фуменскомъ* участкѣ.

— *Курбацетъ-шевемъ*, говоритъ феррашъ: — *да буду я твоего жертвою, пошлите меня въ Фумень.*

— А сколько ты мнѣ заплатишь за *таалку* (предписаніе)?

— Да взысканіе-то небольшое, ханъ: всего четыреста пятьдесятъ тумановъ!

— Ну сколько же ты дашь?

— Пять тумановъ дамъ.

— Эй, *хане-херабъ!* да разрушится домъ твой! восклицаетъ ханъ-Вали — ханъ правитель. — Ты это кому говоришь? Не знаю я что-

ли, что ты съ Мехмедъ-Али-хана сдерешь покрайней-мѣрѣ пятьдесятъ?

— Какъ можно, кыбле!

Кыбле — мѣсто, къ которому обращаются постоянно всѣ взоры или мысли, а слѣдовательно означаетъ и западъ, потому что персіяне молятся обращаясь въ ту сторону, гдѣ находится гробъ ихъ пророка. *Кыблемъ алемъ* (мѣсто, къ которому обращаетъ весь мѣръ свои мысли и надежды) есть выраженіе, употребляемое персіянами въ разговорѣ съ шахомъ. Просто *кыбле* говорятъ они тѣмъ высшимъ лицамъ, отъ которыхъ они ожидаютъ какой-нибудь милости и благодѣтельности.

— Какъ можно, *кыбле*! Дастъ ли онъ мнѣ столько! Дай-богъ чтобъ удалось взыскать казенный долгъ, а нето-что...

— Ты лжешь, *недеръ-сухте, жжсоный отецъ*! произносятъ ханъ любимое ругательство персіянь, оставшееся у нихъ отъ презрѣнія и ненависти къ огнепоклонникамъ.

— Ты лжешь, говорю я: у Мехмедъ-Али хана денегъ много, и это самое прибыльное взысканіе.

— Сколько же, *курбанъ*, вы требуете?

— Если ты согласенъ внести тридцать тумановъ, то вотъ тебѣ, таалика готова.

Феррашъ торгуется; ханъ уступаетъ тумановъ пять и выдаетъ ему бумагу. Феррашъ, уступая мѣсто свое товарищу, явившемуся тоже къ хану на подобныя торги, летитъ на вѣрную жатву, но несомнѣнъ увѣренный, что ханъ по возвращеніи его удовольствуется выговоренною суммою.

А ханъ вѣдь хитеръ на выдумки! Такъ между прочимъ провѣдалъ онъ однажды, что у одного изъ *гуламъ-бече* его *андеруна*, то есть малолѣтняго служителя при женской половинѣ, завелось шесть тумановъ. Какъ упустить подобную добычу! Долго недумая онъ позвалъ къ себѣ одну невольницу и приказалъ спрятать подалеже хрустальный бокалъ, изъ котораго онъ имѣлъ обыкновеніе пить воду. Когда приказаніе его было исполнено и прошло послѣ того вѣскольکو времени, онъ позвалъ Кельбали (такъ звали несчастнаго мальчика) и велѣлъ ему подать напитокъ.

Гуламъ-бече побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно стоялъ господскій бокалъ, хватъ — нѣтъ его! Туада-сюда — нѣтъ нигдѣ! Но ханъ дожидается... и потому онъ взялъ первый попавшійся стаканъ и наполнивъ его водою, отправился къ хану.

— А гдѣ же бокалъ мой? спросилъ вельможа спокойнымъ и самымъ простодушнымъ голосомъ.

— Незнаю, *курбанъ*. Я не вашолъ его на мѣстѣ.

— Ты разбилъ его, *педеръ-сухте!*

— *Не дай-богъ, курбанъ!*

— Ты лжешь. Ты разбилъ бокаль! Ты знаешь что за него заплачено? Пошолъ! и сейчасъ принесъ мнѣ или бокаль, или шесть тумановъ. А нето — *фелеке!*

Фелеке, надо тебѣ знать, есть палка, къ которой прикручиваютъ ноги преступника, положеннаго на землю, лицомъ къ небу; два ферраша поднимаютъ палку за концы ея, а два другіе хлещутъ лозами по издернутымъ подошвамъ; кровь льется всегда, но часто отлетаютъ всѣ десять ногтей несчастнаго, котораго послѣ экзекуціи одинъ изъ палачей взваливаетъ себѣ на спину и приволочивъ до дому, бросаетъ на тюфякъ, на которомъ онъ остается до выздоровленія.

— *Клянусь твоею бородою, ханъ, твоею головою... Клянусь головою Муртеза-Али!*

— Пошолъ, *не-де-ръ су-хте!* горячо закричалъ ханъ.

Мальчикъ полѣзъ въ карманъ свой, вынулъ изъ него пестрый платокъ, развязалъ узелъ и сердечные шесть золотыхъ положены были на протянутую жирную лапу правителя и скрылись за широкими полами его балахона.

А вотъ другая исторія.

Одинъ изъ феррашей, накопивъ взятками огромную сумму въ тридцать пять тумановъ, задумалъ предпринять богоугодный походъ въ Кербелу, на поклоненіе священнымъ гробамъ имамовъ Хасана и Хюсейна.

— Ханы-вали! сказалъ онъ однажды повелителю, отвѣсивъ разумѣется предварительный поклонъ. — Позвольте мнѣ сходить въ Кербелу.

— Ты съума сошолъ, *мердеке (человѣчкика)?*

— Отчего же? *да содѣлаюсь я твоею жертвою!*

— Или быть-можетъ ты идешь за другою, на чужія деньги?

Это требуетъ объясненія. Если кто изъ мусульманъ, по какой-нибудь законной причинѣ, не можетъ совершить лично благочестиваго путешествія въ Мекку, Кербелу или Мешхель, то ему дозволено кураномъ посылать за себя другою, разумѣется выдавъ своему *веклю* или довѣренному лицу потребную для этого сумму. По возвращеніи векля поручитель принимаетъ названіе *хаджи*, кербелан, мешхелан, какъ-будтобы самъ ходилъ поклониться гробамъ пророка и имамовъ *Хасанъ, Хюсейна и Ризы*.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ феррашъ: — твоими милостями я скопилъ себѣ нужныя для этого деньги и...

— Ты лжешь! *педеръ-сухта!* произнесъ ханъ ласковымъ голосомъ свою любимую фразу.

— *Безерти ту!* клянусь твоею смертию.

— Покуда не увижу, не пошрю.

Феррашъ тоже какъ и гуламъ-бече полагъ въ карманъ и вынулъ деньги изъ кошелька, сосчиталъ ихъ на своей ладони передъ глазами подавшагося впередъ правителя.

— Подай, подай сюда! посмотримъ, не поддѣльные ли!

Феррашъ протянулъ руку съ своимъ сокровищемъ къ хану, который забравъ ихъ всѣ до одного, прехладнокровно подождилъ въ широкий карманъ свой. Феррашъ, разинувъ ротъ, въ остолбенѣніи смотрѣлъ на правителя.

— Ну ты теперь кербелан, сказалъ этотъ послѣдній съ веселомъ и добродушною улыбкою, — Представь себѣ, что ты сходилъ къ *Атаботи-Олійотъ.*

Шинты называютъ Кербелу и Неджефъ *высочайшими порогами.*

— И еще ты же въ выигрышѣ, продолжалъ шутливо добрый правитель: — безъ всякихъ трудовъ и хлопотъ сбѣлался кербелан! Это развѣ бездѣланца? Ты бы еще долженъ благодарить меня за это. Ну что смотришь? *Чтобъ ты ослѣпъ!*

Но вотъ еще лучше.

Какой-то бѣднякъ изъ *Лахиджана*, одного изъ гиланскихъ участковъ, притащился въ Рештъ съ намѣреніемъ принести правителю жалобу на притѣсненія *кетхуды* или старосты своей деревни; лахиджавскій правитель отказывалъ ему въ правосудіи. Денегъ у него всего было два *сахибъ-крана*, немногимъ больше двухъ франковъ. Въ Рештъ публичный писецъ написалъ ему прошеніе и взялъ съ него за это половину его капитала. Бѣдняжка отправился во дворецъ, держа въ рукахъ бумагу. Перейдя площадь, посреди которой возвышались хоромы правителя, онъ робко подошелъ къ завѣтной двери, высматривая привратника или часового, — но у дверей никого; подождавъ немного, онъ рѣшился войти въ первый дворъ, надѣясь хоть тамъ съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Смотреть — и тамъ никого. «Ужъ не обманули ли меня? подумалъ онъ: — похоже ли это на жилище грознаго правителя! Заніе это покинуто людьми; ово необитаемо, грязно.» Онъ уже хотѣлъ воротиться, но въ дверяхъ второго двора показался мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

То былъ одинъ изъ гуламъ-бече Гасибъ-хана.

— Братъ! сказалъ Лахиджа, обращаясь къ нему: — это дворецъ вали?

— Да. А что тебѣ?

— У меня есть до него дѣло

— Просьба чтоли? сказалъ мальчикъ глядя на бумагу, бывшую въ рукахъ бѣдняка.

— Да; вотъ прошеніе. Не будешь ли, сынокъ, милостивъ, не возьмешься ли вручить ее ханы-вали?

— А что ты мнѣ дашь за это?

— Что дамъ? Одинъ *хезаръ* (сахлябъ-кранъ) у меня есть. Я готовъ тебѣ отдать его.

— Мало. Дай два крана.

— *Клянусь моею соловою*, итъ у меня больше. Не пожалѣлъ бы, да итъ!

— Ну, а за одинъ *хезаръ* я несогласевъ. Проси того хочешь другого.

И съ этими словами мальчикъ скрылся.

Долгими *жадъ-жадъ*, никто не приходилъ; потерявъ терпѣніе, онъ вздумалъ попытать счастья и пошелъ далѣе. Второй дворъ, тоже окруженный высокими стѣнами, былъ такъ же пустъ и безмолвенъ, какъ и первый. Осмотрѣвшись на всѣ стороны, онъ увидѣлъ въ одномъ углу калитку. Подойдя къ ней, онъ тихо отворилъ ее и остановился на порогѣ. Глазамъ его представилась довольно обширный садъ *андрука*, гдѣ между грядъ стояло, наклонившись къ растеніямъ, какое-то жирное существо безъ верхнихъ олеждъ, въ чепчикѣ колчанѣ. При появленіи крестьянина существо это, которое онъ принялъ за садовника, выпрямилось.

— Ты зачѣмъ сюда, *человѣчкика*?

— У меня есть *арз* — прошеніе къ ханы-вали, *курбанетъ шесекъ*.

— Такъ чтожъ ты сюда лѣзешь, *эсоконный отецъ*? Развѣ у двора нѣкого итъ?

— Та-то что нѣкого. Пришелъ было какой-то мадьчуганъ, — а къ вѣну: доставь-молъ просьбу господину! Но мальчикъ сталъ просить у меня денегъ два *хезара*.

— Ну чтожъ? ты бы далъ ихъ ему.

— Да у меня всего одинъ *хезаръ*.

— Такъ чтожъ, онъ не согласился чтоли?

— Не согласился, *курбанетъ шесекъ*, и проналъ.

— Ну дай мнѣ кранъ, я доставлю твоё прошеніе. Приходи въ отсутствіе къ *асру*.

Арзъ есть время третьей молитвы, около трехъ съ половиною часомъ послудни.

Долгими отдалъ ему свой кранъ и бумагу и пришелъ къ назначенному времени. Дѣло его было слѣвано; но въ садовникѣ своемъ онъ узналъ самого правителя.

Но есть у хана и другого рода источники доходовъ. Одинъ изъ нихъ между прочимъ состоитъ въ слѣдующемъ :

Къ *моурзу* или весеннему равноденствію онъ выпускаетъ мѣдную монету цѣнностью въ одинъ шахи (восемь турецкихъ копеекъ). Спустя два-три мѣсяца откупщикъ этой монеты являеся къ вали, даритъ ему 50 или 100 тумановъ съ просьбою приказать обнародовать на базарѣ, что наприимѣръ три мѣдныхъ монеты съ этого дня будутъ имѣть цѣнность двухъ шахи. Спустя нѣсколько недѣль тотъ же откупщикъ приноситъ опять подарокъ вали, и вали опять приказываетъ по просьбѣ его обнародовать, что двѣ мѣдныхъ монеты будутъ отнынѣ приниматься за одинъ шахи. Вали никогда не отказываетъ откупщику, когда тотъ приноситъ ему въ даръ нѣкоторую сумму. Вслѣдъ затѣмъ откупщикъ закушаетъ, или вѣрнѣе — отбрасываетъ силою на базарѣ всю мѣдную монету и приноситъ вали новый *пиклеми*, съ просьбою объявить о новомъ назначеніи таковы на одному шахи за каждую монету. Такъ какъ это повторяется по четыре и по пяти разъ въ годъ, то въ ущербъ рынку и жителямъ; вали навиваетъ отъ этой операціи отъ четырехъ до пяти-сотъ, а откупщикъ отъ восьми до десяти тысячъ тумановъ въ годъ.

— Вотъ каковъ этотъ господинъ! Но всего не перечтешь. Кажется довольно и этого, чтобы составить себѣ ясное понятіе о челявкѣ. Впрочемъ вы на мѣстѣ непременно услышите или сами увидите много новинокъ въ этомъ родѣ.

Такимъ образомъ свѣдѣнія о краѣ и о его правителѣ были мною собраны и уже *Гшлягъ* пересталъ быть для меня terra incognita. Я поблагодарилъ за нихъ своихъ собесѣдниковъ и просилъ въ заключеніе передать мнѣ содержаніе бюлетеня Абдулла-хана.

Вотъ онъ съ необходимыми выпусками и сокращеніями. Сполнѣнъ сообщать тебѣ его было бы бесполезно, да и перо мое вѣроятно бы попоробилось отъ многихъ отвратительныхъ подробностей, заключавшихся въ талышанской бумагѣ.

Абдулла-ханъ, какъ видно изъ этого описанія, страдаетъ гостралгіей въ сильной степени, чесоткою и вообще худосочиемъ. Въ бюлетенѣ своемъ онъ слѣдуетъ, шагъ за шагомъ, за разными припадками и всѣми фазисами своихъ страданій, указывая на средства, которыми пользовали его домашніе лекаря и на діету, которой онъ слѣдовалъ какъ въ болѣзненномъ состояніи, такъ и въ промежутокъ облегченія. Тутъ много забавнаго и поучительнаго.

Онъ начинаетъ съ того, что приписываетъ расстройство своего желудка послѣобѣденнымъ посѣщеніямъ *андерума*. Затѣмъ рассказываетъ какъ для успокоенія чесоточнаго зуда онъ заставлялъ мальчика мять себѣ члены (*masser*) и какъ въ это время случалось съ

нимъ потеря былъ ; какъ онъ лечилъ себя отъ несваренія пищи домашними средствами и прибѣгалъ къ настою изъ воловьего языка (*buglose*), сдѣланнаго съ розовою водою и леденцомъ ; какъ въ другой разъ, чувствуя легкіе припадки холеры, онъ пилъ сыворотку тоже съ леденцомъ ; какъ душили его вѣтры, захватывая горло до свазновъ , и какъ въ этомъ случаѣ онъ думалъ облегчить себя употребленіемъ воды со льдомъ , бюглозой , розовою водою съ леденцомъ ; и наконецъ какъ натиралъ онъ себѣ горло апельсиною коркою и прибѣгалъ къ полосканью изъ чистой воды. Последствіемъ этого леченія было у него, говоритъ онъ, охлажденіе ногъ отъ колѣнъ до конца пальцевъ. Желудочные припадки возвращались къ нему безпрестанно и онъ подбавилъ къ своей бюглозѣ съ розовою водою мускусу и сѣмянъ базилика и сверхъ того глоталъ каждое утро отъ трехъ до четырехъ и даже до пяти жемчужныхъ шилюль. Шилюли эти быть-можетъ и въ самомъ дѣлѣ помогали ему въ нѣкоторой степени отъ присутствія въ нихъ углекислой извести. Это нѣсколько понятно.

Отъ чесотки онъ бралъ ванны въ соленомъ минеральномъ источникѣ, находящемся въ его горахъ. Вода источника, говоритъ онъ, холодная , но ее согревають раскаленными кирпичами. Зудъ менѣе безвреденъ его , но самая болѣзнь не уменьшалась. Отъ ванны была однакожъ гастралгія его усилалась и онъ продолжалъ пользоваться прежними средствами.

Во время ольшихъ давали ему ѣсть нечто-то гороховаго шоре съ масломъ и запивать это кушанье сахарной водою. Въ другой разъ приказывали натирать руки и ноги какимъ-то ~~лушминомъ~~ съ огурцами и краснымъ сандаломъ ; въ другой разъ натирали розовымъ масломъ и наконецъ ставили пивни къ иврамъ.

Діета его вообще состояла изъ такъ-называемаго *тер-таама* : это есть нечто шродъ итальяскаго *gizotto*, только безъ масла, и потому изъ *миллова* и *чиллова*, этой ежедневной пищи воѣкъ персіанъ; первое, какъ ты знаешь, есть рисъ, особливо разваренный на маслѣ; другое— разваренное пшено на водѣ , съ отдѣльными приправами изъ мяса, яичи, рыбы и пр. на маслѣ ; кромѣ того ему давали ѣсть яичанцу на маслѣ ; соусы изъ свекольника или изъ алибухары (бухарская слива), бульоны изъ алибухары же съ цыпленкомъ и лимоннымъ сокомъ, варенья изъ сладкихъ лимоновъ ; позволяли пить чай, шербеты съ леденцомъ, холодный виноградный сокъ, шалфей съ леденцомъ, сокъ бадьяшка (цвѣтъ благовоновой травы), свекольные выжимки, сокъ *шахтере*, сыворотку со льдомъ, вино и пр.

Какъ ты видишь , больной нашъ не могъ неирайшей-шѣрѣ умереть такимъ образомъ голодною смертію !

Описывая разныя гастрическія припадки свои, Бѣлый хотѣ вдругъ восклицаетъ въ какомъ-то отчаянномъ недоумѣніи :

«Право не понимаю отчего все это со мною случается. *Почую* холоднаго — *заевогаю*; *покушаю* горячаго — также *заевогаю*; *воздержусь* ли отъ пищи — *заевогаю*; *сдѣлаю* ли *честъ андурну* — *заевогаю*; *вѣтеръ* ли на меня пахнетъ — *заевогаю*; *услышу* ли какую неприятность — *заевогаю*; *заевогаю*, когда чувствую слабость въ желудкѣ; *заевогаю*, когда *опишуло* *кислаго*. Съѣмъ на примѣръ *десять* унцій пищи и *затѣмъ* *черезъ* *часъ* *еще* *десять* — опять бѣда! Когда *кушаю* *умѣренно* — ничего; и *чѣмъ* *жарче* *погода*, *тѣмъ* *я* *чувствую* *себя* *лучше*. Рѣшительно не знаю отчего это такъ!

Отъ этого режима пошевелъ заболѣешь!

Далѣе вотъ какъ онъ описываетъ мнѣнія своихъ медиковъ о его болѣзни :

«Одни говорятъ : это у тебя отъ накопленія слизи; другіе утверждаютъ, что у меня расслабленіе желудка; у тебя, говорятъ они, *разливается* избытокъ жолчи, и оттого все твои припадки. Нѣкоторые приписываютъ болѣзнь мою расслабленію нервовъ, другіе непорченой крови; а есть и такіе, которые сваливаютъ все это на сырость моей комплекціи.

«Состояніе моего здоровья — говоритъ Абдулла-ханъ въ заключеніе — лучше теперь, *мишалла*, чѣмъ въ прежніе дни...»

— Какъ кстати тутъ *мишалла* (если Богу угодно)! зашѣталъ я съ усмѣшкою, когда мирза Меда прочелъ эту фразу.

— Хенкиъ-Сахибъ, не смѣйтесь! воскликнулъ мирза, свисая очи и глядя на меня съ выраженіемъ комической торжественности: — человекъ никогда и ничего не долженъ говорить утвердительно. Еслибъ на примѣръ Абдулла-ханъ не назвалъ здѣсь этого *мишалла*, всевышній могъ бы указать его новыми сильнѣйшими припадками въ ту минуту, когда я читалъ вамъ объ улучшеніи его болѣзненного состоянія. Знаете ли вы чтѣ однажды случилось съ знаменитымъ муллою Ходжа Насреддиномъ?

— Нѣтъ, не знаю; расскажите пожалуйста.

— Однажды Ходжа собирался утромъ выйти въ поле на работу. Жена его и спрашиваетъ, когда онъ вернется домой?

— Къ заутю солища вернусь, отаѣвалъ онъ.

— Скажи хоть : вернусь *мишалла*! зашѣтила жена.

— Нѣтъ, не скажу, потому что вернусь непременно.

— Эй мулла, скажи *мишалла*.

— А вотъ не скажу те!

— Право лучше будетъ, коли скажешь.

— А не скажу, не скажу, не скажу.

И съ этими словами Ходжа вышелъ изъ дому. Не успѣвъ онъ дойти до своего пола, какъ подвѣхали къ нему нѣсколько всадниковъ.

— Скажи пожалуйста, Хаджи-Баба, какъ проѣхать намъ до деревни *Ахмедъ-абада*? спросилъ одинъ изъ нихъ муллу.

— Поѣзжайте, отвѣчалъ Ходжа, — въ этому конь лѣсу, поверните отъ него направо къ той горкѣ...

— Да возьмете его *беледликъ* (проводникомъ)! крикнулъ другой всадникъ: — онъ хорошо видно знаетъ дорогу.

— Я не могу идти, у меня въ полѣ работа.

— Ступай, ступай! а нето погоניים силой.

— Да говорю же я вамъ, что у меня есть дѣло.

— Что съ вами толковать долго! вожите ему руки.

Руки муллы были связаны и всадники пегнали его перемъ собою. А до *Ахмедъ-абада* было далеко: и бѣдный Ходжа, ничего не успѣвъ сдѣлать въ полѣ, только поздно ночью могъ вернуться домой. Почувывая отъ стыда затылокъ, онъ сталъ стучаться въ дверь.

— Кто тамъ? закричала хозяйка изъ-подъ своего одѣала.

— Отвори, жена! *Если угодно Богу*, это я! отвѣчалъ мулла робкимъ голосомъ.

— Вотъ видите, замѣтилъ мирза Мехди, — что значитъ самоуверенность и какой высокій смыслъ заключаетъ въ себѣ выраженіе *иншалла*!

— И у насъ, мирза, есть пословица въ этомъ смыслѣ: человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Но оборотъ-то рѣчи по нашему выходитъ странный. Въ сущности же я съ вами согласенъ. Не продолжайте! — И довольный мирза, проговоривъ что-то себѣ подъ носъ, снова надѣлъ очки и прочелъ неостанавливаясь заключеніе бюлетеня.

«Состояніе моего здоровья лучше теперь *иншалла*, чѣмъ въ преніе дни. Затѣмъ возлагаю упованіе на всевышняго, что съ каждымъ днемъ оно будетъ все лучше и лучше. *Сегодня* въ понедѣльникъ, 15 сего мѣсяца, вотъ уже *другой день* ѣзжу верхомъ. А съ того времени какъ сядилъ въ теплую воду, заболѣлъ снова. Никогда бывало я не чихалъ. Вчера, въ воскресенье, чихнулъ одинъ разъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, чихнулъ два раза. Послѣ чиханья головѣ моей легче и я чувствую себя хорошо. Да будетъ воля господня!»

Какое! Но ты поймешь меня, если я скажу, что эта галиматья, которой я могъ передать тебѣ только одинъ сколокъ, расшевелила

мое любопытство и породила во мнѣ желаніе изучить такой любопытный субъектъ.

— Два черезъ два я буду готовъ, любезный Жобаръ, сказалъ я моему хозяину: — вы конечно пособите мнѣ записаться открытымъ лстомъ для дороги, быть-можетъ рекомендательнымъ письмомъ отъ vizира иностранныхъ дѣлъ къ правителю Гилана и сами напишете нѣсколько строкъ къ вашему большому другу.

— Все это будетъ слышно. И между прочимъ мирза Мехди сейчасъ потрудится написать отъ меня письмо къ Абулла-хану. — Эту послѣднюю фразу Жобаръ сказалъ повернувшись, обращаясь къ мирзѣ.

— *Чешмъ!* отвѣчалъ переиначивъ съ любезностью въ голосѣ и бросился вытаскивать свои письменные досѣдки.

Чешмъ значитъ глазъ. Слово это употребляется какъ сокращеніе фразы *бесеръ у чешмъ*, т. е. *на голову и на глаза*, фразы, выражающей готовность исполнить приказаніе или просьбу. Получая фирманъ или таалику, т. е. указъ или предписаніе, хотя бы въ нихъ шла рѣчь о преданіи казни того лица, которое имъ участвуетъ, онъ, чтобы показать покорность свою высшей власти, сперва поцѣлуетъ бумагу, потомъ поднесетъ ее къ *глазкамъ* своимъ и наконецъ приложитъ къ *темени*. Онъ клянется такимъ образомъ *глазками* своими и *головомъ* буквально исполнить волю своего повелителя.

— *Чешмъ*, Джаберъ-Сахибъ. А когда Хекимъ-Сахибъ думаетъ пуститься въ дорогу?

— Онъ сказалъ черезъ два дня, отвѣчалъ мой хозяинъ. — Сегодня у насъ среда, значитъ въ пятницу. А что?

— Въ пятницу ѣхать нельзя.

— Отчего это? спросилъ я.

— Нельзя: пятница несчастный день для выступленія въ дорогу.

— Итальянцы, отвѣчалъ я, — также не любятъ ничего предпринимать въ пятницу. У нѣкоторыхъ народовъ несчастный день поведѣльничъ. Но этимъ примѣтамъ вѣрять у насъ очень, очень немного. Особенно въ дальнихъ путешествіяхъ нерасчетливо было останавливаться передъ такими пустяками.

— Нѣтъ, воскликнулъ мирза, — пренебрегать этимъ ненадо. И я бы не совѣтовалъ вамъ пускаться въ путь нерасчитавъ по *звѣздамъ счастливаго часа*.

— Я незнакомъ съ астрологіею, мирза.

— Если вы позволите, я обращусь къ одному *мунеджсиму* (астрологу), моему пріятелю. Я знаю годъ, мѣсяцъ, часъ нашего рожден-

нѣ, нѣмъ ваше и отнесу къ нему; онъ къ завтрашнему же дню приготовить вамъ ороскопъ вашъ.

— Почему же шѣтъ! отвѣчалъ я, желая приобрести новый и интересный матерьялъ для моей коллекціи здѣшнихъ аноквиновъ. — Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

— Вы не смѣйтесь, господа, сказалъ ирза Мехди, замѣтивъ вѣроятно у насъ на лицѣ отраженіе мыслей нашихъ. — Осторожность ничему не мѣшаетъ. Въ законахъ природы есть много неразгаданнаго и отвергать вліянія звѣздъ на судьбу человѣческую такъ же нельзя, какъ и отрицать вліяніе солнца на растительность. Разница между ними состоитъ только въ томъ, что послѣднее мы видимъ простыми глазами, тогда какъ первое покрыто потемками таинственности. Одно день, другое ночь. Вотъ напряміръ я уафредъ, что вы не сдѣлали даже *истисаре*, чтобы узнать должны ли вы предпринять это путешествіе.

— А что это *истисаре*?

— *Истисаре*, вышалаелъ Жобаръ, — есть гаданье по четкамъ, гаданье, безъ котораго ничто не предпринимается въ Персіи. Одно зернышко у нихъ *хайръ*, добро, другое *шерръ*, зло. Если послѣднее зерно будетъ *хайръ*, они спокойно начинаютъ дѣло; если *шерръ*, они его откладываютъ.

— Самое простое благоразуміе требовало бы, добавилъ съ упрекомъ ирза, — чтобы вы покрайней мѣрѣ посоветовались съ Хафизомъ.

— Какъ съ Хафизомъ?

— Это опять таки гаданье, сказалъ Жобаръ, — тоже что знаменитые *sortes Virgilianae*. Персіане обращаются къ одамъ Хафиза какъ мы вѣкогда обращались къ одамъ Вергилія, чтобы въ открытомъ изудачу стихѣ отыскивать указанія какъ намъ дѣйствовать или каковъ будетъ исходъ нашего предпріятія. Гадаютъ также по курану, и знатоки, т. е. присяжные общественные толкователи, объясняютъ каждый стихъ книги этой, какъ бы смыслъ его ни казался теменъ, и очень ловко извлекаютъ изъ него прямое примѣненіе къ данному обстоятельству. Всѣ эти гаданья называютъ *тефа'уль*.

— Скажите, ирза, замѣтилъ я персидскому оратору, — какъ же согласить законъ предопредѣленія, служащій основаніемъ вашихъ ирваній, съ тѣми ирвами, къ которымъ вы прибѣгаете для избѣжанія опасности или неудачи?

— Мы исповѣдуемъ неотразимость божескихъ предопредѣленій и безъ ропота нѣмъ покоряемся, отвѣчалъ ирза, чрезвычайно довольный тѣмъ, что попалъ на любимую персіанами колею метафизическихъ преній: — но покорность эта не возбраняетъ намъ оста-

наваливаться передъ бездною, отыскивать околицы, чтобъ обойти ее; она наконецъ не мѣшаетъ намъ допрашивать судьбу о томъ, доведеть ли насъ такая-то дорога до предполагаемой цѣли.

— Все это такъ, мирза, но зная всякое пророчество можно объяснить, по желанію, отрицательно и утвердительно. И у насъ были прорицатели и прорицательницы, авгуры, замѣчанія, примѣты, предзнаменованія, но все это давно уже брошено въ бездну забвенія и только въ безграмотномъ классѣ нашего общества находятъ еще иногда себѣ поклонниковъ. Въмѣсто того чтобы прислушиваться къ какимъ-то таинственнымъ голосамъ, мы обращаемся за указаніями прямо къ наукѣ и къ человѣческой опытности.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь. Вы любуетесь въ зеркалѣ собственнымъ своимъ отраженіемъ; потому что наука и опытность исходятъ отъ человѣка и следовательно доступны и понятны намъ чѣмъ голосъ судьбы; но человекъ есть существо несовершенное, поэтому и дѣла его исполнены ошибокъ и заблужденій, и вѣрныхъ, непогрѣшительныхъ указаній почерпнуть въ нихъ невозможно. Мы же здемъ идти прямымъ путемъ къ истинѣ. Голосъ судьбы есть голосъ самого Бога; пророки (да будетъ на нихъ благословеніе!), бесѣдуя съ всевышнимъ, слышали голосъ этого вѣстивенно. Простые же смертные должны дѣлать необыкновенное усиліе, чтобы къ нему прислушиваться; но и въ самомъ едва слышномъ шепотѣ судьбы болѣе истины, чѣмъ въ трубныхъ звукахъ самохвальной науки человѣческой.

— А развѣ, остановилъ я мирзу, — считанье зеренъ, четокъ, сочиненіе и чтеніе стиховъ, астрологическія наблюденія и вычисленія, путемъ которыхъ вы думаете добираться до прямого сообщенія съ таинствами судьбы, — не первые шаги науки, такъ унижаемой вами? А развѣ — продолжала я — не случилось вамъ видѣть событія, неоправдывавшія результатовъ гаданій?

— Никогда! и я вамъ докажу это примѣрами, съ пылкостью возразилъ мирза.

— Вы знаете между прочимъ, что у насъ есть игра въ *финджаны*, кофейныя чашечки. Ихъ опрокидываютъ на полнось; подъ огонь изъ *финджановъ* кладутъ только кольцо и присутствующіе по очереди стараются угадать, подъ которымъ оно спрятано. Мушкетеры и вообще степенные люди не любятъ ни карточныхъ, ни другихъ игръ и позволяютъ себѣ только описанную мною. Въ одномъ обществѣ подавъ былъ такой полнось. Одинъ изъ собесѣдниковъ сидѣлъ въ сторонкѣ и предавался любимому своему занятію — черченію буквъ на бумагѣ. Когда полнось обошла весь кругъ и никто не отгадалъ *финджана* съ кольцомъ, очередь дошла до него. Онъ позво-

жилъ съеъ камышевое перо и подумавши нечего, объявилъ, что не берется отгадывать и предоставляеть эту честь Хафизу. «Пусть онъ за меня скажетъ», прошепсень онъ и отирьмъ шуточку диванъ Ходжи — *сборникъ стиховъ (Хасидима)* (Хафиза). Надо вамъ сказать, что *фидасима* были разноцвѣтныя: были бѣлыя, розовыя, красныя, зеленыя, голубыя, черныя. И вотъ стихъ, на которомъ открылась страница:

• Тотъ чернолицый, — да, я въ этомъ убѣжденъ! —
 Который сладость всей вселенной заключаетъ,
 Есть вѣка нашего премудрый Соломонъ:
 Магическимъ онъ версткамъ обладаетъ! »

Волшебное кольцо, какъ вы знаете, давало власть Соломону надъ духами. И что же? Пользають черный *фидасима*. — кольцо въ самомъ дѣлѣ было подлѣ нимъ!

А тотъ человекъ, который гадалъ на сборникѣ стихотвореній Хафиза, хранищемся на гробницѣ поэта въ Шарезѣ, объ успѣхѣ своего предирітія? Ему вышло, что планы его увѣчатся блестящѣйшимъ успѣхомъ. На радости онъ общалъ, по возвращеніи своемъ въ Шарезъ, поцѣловать два раза гробницу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, окончивъ благополучно дѣла свои, онъ воротился въ родной городъ и забылъ совершенно о своемъ обѣщаніи. Какъ-то зайдя въ Хафизіе (гробница поэта), сталъ онъ опять гадать на диванѣ Ходжи, и вообразите: ему вывелъ слѣдующій стихъ:

• Ты пьянымъ обѣщалъ напиться
 И два мнѣ поцѣлуя дать;
 Но срокъ прошолъ, и гдѣ мнѣ два ихъ взять,
 Когда и одного не удалось добыть! »

А *керналь Памиз*, съ которымъ я былъ знакомъ въ Кембовтѣ! Онъ былъ влюбленъ въ одну очень хорошенькую миссъ... Я еще ей написалъ стихи...

И мирза, поднявъ носъ къ потолку, началъ рыться въ своей памяти и съ усиленіемъ вытаскивалъ изъ нея одинъ стихъ за другимъ, обрывая ихъ и повторяя слова по нѣскольку разъ.

Жобаръ воспользовался этимъ поэтическимъ принадемомъ, чтобы виѣшаться.

— Вы, сказалъ онъ мнѣ на непонятномъ для мусульмана языкѣ, — вы терзаете съ нами латынь свою, любезный докторъ. Вы дѣлаете глазную операцію слѣвому.

— Послушайте, Хекимъ-Сахибъ, воскликнулъ опять мирза, забывая соей амеждотъ посреди тщетныхъ усилій вспомнить свою оду

и выхватывалъ изъ-за воздуха какую-то книжку: — пошейте, прошу васъ, пальцы между страницъ этой книги. — И мирза Мехди, держа книгу за корешокъ, проткнулъ ее ко мнѣ короткою стороною.

Я исполнилъ его желаніе. Онъ саживалъ мои пальцы своими, оцупывая на колѣяхъ книгу, и закрывъ глаза проговорилъ благоговѣйнымъ голосомъ и со вздохомъ слѣдующій стихъ:

• О нашъ Ходжа-Хафиз-Ширази!
Ты людямъ нѣкъ судьбу вѣщаешь,
Ты всѣ намъ тайны наши открываешь!
Ты на мои дѣла взгляни, — ообрази,
И жребій мой провозгласи! Все ты знаешь. •

— Я это произнесъ за васъ, добавилъ мирза, обращаясь ко мнѣ и стремительно открывъ книгу. Прочитавъ только первое слово газели или оды, онъ продолжалъ наизусть, восторженно скандуя стихи.

Онъ знаетъ разумеется своего Хафиза отъ доски до доски.

— Видите, видите, сахибъ! Послушайте и судите. — И онъ мнѣ объяснилъ нѣсколько строкъ, которыхъ бы иначе не повялъ я, потому что кромѣ мистическаго смысла, придаваемого персинами одамъ Хафиза, стихи его, какъ и всѣ вообще восточныя стихотворенія, состоятъ изъ мастерскаго сочетанія игры словъ, звукоподражаній, невозможныхъ метафоръ и прочей путаницы.

• Какъ только тѣнь твоя упала на меня,
Всѣ радости ко мнѣ пришли на поклоненье.
И счастье само явилось въ услуженье.
Ужъ много, много лѣтъ его не видѣлъ я;
Но только лишь, мой другъ, сошолся я съ тобою,
Какъ и оно въ мой домъ влетѣло вдругъ стрѣлою. •

— Но не довольно ли этого? вскричалъ мирза, подымая руку свою выше головы съ такимъ порывомъ, что очки слетѣли съ носа. — Не ясно ли, что вы нашли прямой и опредѣлительный отвѣтъ на вопросъ нашъ и что отвѣтъ этотъ вполне благопріятенъ? Не пріятнѣе ли вамъ теперь пуститься въ путь подъ вліяніемъ есака совершенной увѣренности въ удачу предпріятія вашего, то некрайней мѣрѣ съ надеждою на успѣхъ?

Мнѣ очень хотѣлось продолжить бесѣду мою съ мирзою, чтобы подразнить его и заслушаться новыхъ дикихъ вымысловъ о частности этой своеобразной жизни востока; но становилось поздно, и мы разошлись.

Въ пятницу я былъ готовъ, но изъ угожденія мирзѣ Мехди, въ

сущности же оттого, что мнѣ еще надо было, по совѣту Жобара, познакомиться съ однимъ богатымъ гиланскимъ купцомъ, бывшимъ въ то время въ Тегеранѣ, я остался до субботы. Хорошо еще, что не подвернулся въ мои провозатые какой-нибудь сынъ Израиля, а то бы и тутъ ни съ мѣста.

Наканунѣ отъѣзда мирза принесъ мнѣ ороскопъ мой, предрекавшій мнѣ всѣ удачи, всѣ блага міра сего, а Жобаръ вручилъ мнѣ двѣ обѣщанныя бумаги.

ПИСЬМО II

Решть, 15 ноября 18..

Наконецъ столица Персіи выпустила меня изъ своихъ грязныхъ объятій. Не обошлось между прочимъ и безъ обычныхъ проводовъ. О эти *благословенные* провода!.. Въ Персіи не дадутъ порядочному человѣку спокойно выѣхать въ дорогу. Какъ только почувютъ ваши сборы, все что знало васъ въ мѣстѣ вашего жительства, хотя бы вы не провели тутъ болѣе двадцати-четыре часовъ, все, за включеніемъ разумѣется лицъ высшаго васъ званія, посылающихъ для этого вмѣсто себя своихъ представителей изъ мелкой монеты, — все, говорю я, подымается, коношится, суетится, страшась погрѣшить противъ грозныхъ правилъ общежитія. Добровольные мученики этикета слетаются со всѣхъ концовъ подбавить своимъ обязательнымъ присутствіемъ какъ можно болѣе головокруженія къ вашимъ сборамъ, какъ можно болѣе пыли, суматохи, толкотни лошадиной во время вашего шествія по узкимъ улицамъ города и потомъ далѣе въ открытомъ полѣ. Они тѣснятъ около васъ, горяча аргамаковъ своихъ, возбуждая ихъ къ ляганью и визгамъ и даже ступая подъ ноги вашего коня, и тѣмъ усерднѣе и чаще, чѣмъ болѣе хотятъ выразить уваженія и любви къ особѣ вашей. Намъ, европейцамъ, особенно если мы не представляемъ собою официальной личности, удается часто уходить отъ *стикбаловъ*, этихъ несносныхъ *острльчъ*, этого другого бича, подымаемаго на васъ утонченною вѣжливостію персіянъ. Для этого намъ стоитъ только не возмущать заранѣе о своемъ пріѣздѣ и не назначать часа нашего явленія. Конечно тутъ безъ выговоровъ не обходится... Какъ-моль не извѣститъ насъ! Какъ-таки такъ-вотъ пріѣхать и лишитъ васъ возможности сдѣлать вамъ почетную встрѣчу! Вѣдь этимъ вы насъ обидѣли! — говорятъ намъ по пріѣздѣ нашему или знакомые, или лица, къ которымъ мы были рекомендованы. Но что сдѣлано, то

сдѣлано, и бѣшеное усердіе этихъ страстныхъ встрѣчальщиковъ осталось на этотъ разъ безъ обычной подачи.

Я незнаю зачѣмъ, когда говорятъ о десяти тысячахъ церемоній, протягиваютъ обыкновенно палецъ такъ далеко — до отброшенной на край свѣта серединной имперіи, когда у насъ подъ носомъ Персія, — Персія, вся утыканная шпильками церемоній, размѣряющая каждый шагъ свой, каждое слово по затверженному сдѣтства масштабу приличій, условныхъ приемовъ самаго усыпительнаго и производящаго тошноту свойства для чужестранца!

Но если, какъ я сказалъ, есть нашему брату возможность избѣжать триумфа при приѣздахъ, то съ другой стороны ничѣмъ не откупишься отъ торжества проводовъ. Безъ нихъ такъ же невозможно выбраться въ Персію въ дорогу, какъ и безъ лошади и безъ шанки.

На мою долю, къ счастью, выпало небольшое число ревнительныхъ блюстителей этого отвратительнаго обычая. Кромѣ Жобара, котораго обществомъ конечно я не тяготился и въ этомъ случаѣ, на хвостѣ моей лошади такъ-сказать повисли — прежде всего конечно блистательный мирза Мехди; рядомъ съ нимъ два армянина, тегеранскіе купцы, которые клянутся, чудачки, что искусство мое спасло ихъ отъ вѣрной смерти; и наконецъ еще одинъ мирза, мирза Ибрахимъ. Этотъ наввный сынъ Ирана принадлежитъ къ числу новобранныхъ моихъ поклонниковъ. Онъ ставитъ меня выше *Галимуса* и *Абукрата*, то-есть Галіена и Инократа, за нѣкоторыя мои предписанія, давшія ему будтобы возможность завестись четвертою женою!

Любезность этихъ господъ должна была остановить порывъ мой или за двѣ отъ городскихъ стѣнъ. Осыпавъ меня, особенно мои пациенты, разными пожеланіями, нѣжностями, увѣреніями въ вѣчной и неизмѣнной благодарности и преданности, они повернувшись ко мне и поскакали къ своему грязному муравейнику какъ отъ злого мненнаго.

Пыль, поднятая этою радушною ватагою разноплеменныхъ друзей моихъ, ударила мнѣ въ носъ густымъ облакомъ. Я чихнулъ и не успѣлъ затѣмъ занести ногу въ стремя, какъ возлѣ меня опять очутилась высокая шапка и лоснящаяся борода беззубаго мирзы Мехди. Заслышавъ мое чиханье, онъ бросился назадъ, чтобъ ухватить меня.

— *Сабръ!* Терпѣніе! воскликнулъ онъ испуганнымъ голосомъ и схватилъ меня за полу моего пальто. — Я не пущу васъ, Хемъ-Сахидъ. *Сабръ!* Бѣхать вамъ нельзя, или бѣды не миновать.

— Что съ вами, мирза? сказалъ я ему. — Миѣ пора, и зачѣмъ мнѣ ждать?

— Выждите, *Курбанъ*, не торопитесь! говорилъ мирза торпливо: — развѣ вы не знаете? Вы чихнули: дурной знакъ на дорогу! Следовательно *сабръ*! Ни съ мѣста, Хекимъ-Салибъ! Не шевелитесь! Хоть до завтра.

— Мирза, повторю вамъ, мы не вѣримъ въ Европѣ подобнымъ пустякамъ. И вѣдь-то, челоуѣку, проведшему двадцать лѣтъ въ обществѣ *кеверлекей*, *джерлекей* и *керлекей*, какъ не стыдно!

— Мы не въ Европѣ теперь, *джани менъ* (душа моя): мы въ Персiи. Вѣрьте мнѣ! Послушайтесь. Я знаю изъ опыта... Однажды въ Бомбей...

Я испугался угрожавшаго мнѣ анекдота и прервалъ мирзу съ вѣкоторымъ нетерпѣніемъ:

— Да какое имѣеть отно...

Но не успѣвъ я окончить моего *отпошенiя*, какъ чихнулъ вторично.

— Ну, слава-богу, воскликнулъ мирза, свинная съ меня цѣпкая свои руки: — слава-богу! Бѣда отступила; вы чихнули во второй разъ. Поѣжайте.

Но безъ стиховъ не обошлось.

• О ты, собравшійся въ дорогу!

Будь счастливъ! За тебя душой молюсь я Богу,

Сопутницей всегдашней твоей

Пусть милость неба пребываетъ,

Пусть покровительство прозорливыхъ людей

Твой караванъ ведетъ и направляетъ.

— Аминь! завопилъ другой голосъ возлѣ меня. Я оборотился: это былъ мирза Ибрахимъ, также какъ и Мехди неустоявшій отъ искушенiя удержать меня при первомъ моемъ чиханьи.

— *Поручаю васъ Богу, мой благодѣтель!* продолжалъ мой пациентъ. — Еще разъ благодарю за *маджунъ* (микстуру)! *Я рабъ вашъ преданный. Да не уменьшится тѣнь ваша надъ мною, и да съдѣлаюсь я вашею жертвою!*

Послѣ этихъ словъ, мирзы исчезли за новымъ облакомъ пыли, незамѣтивъ даже выраженiя моего лица, обращеннаго къ нимъ съ неуважительною улыбкою.

Затѣмъ я остался посреди стени, въ обществѣ трехъ четвероногихъ и двухъ двуногихъ. Впереди меня выступалъ *чапаръ-шадирдъ* — почтовый ученикъ, по-нашему проводникъ, на безхвостой поджарой кобылѣ, обвѣшанной у сѣдла мовми сумками; тогда какъ

усатый Юсуфъ на *мафрашъ* — суконномъ чемоданѣ, весь утыканный оружіемъ, своимъ и господскимъ, высоко возсѣдая на третьемъ животномъ, составлялъ довольно грозный арьергардъ.

Слѣва — голая, унылая, необъятная степь, бѣдно пересыпанная растительностью и приземистыми деревушками, робко выглядывавшими изъ-за горизонта, точно будто стыдились онѣ своихъ лохмотьевъ передъ проѣзжимъ чужестранцемъ. Направо — мняхъ въ четырехъ, въ пяти отъ дороги, красивые *Шимранскіе* края, съ своими лѣтними убѣжищами тегеранцевъ, теперь полузавесенными снѣгомъ.

Степь передо мною усыяна гольшами всѣхъ размѣровъ, принесенными сюда изъ шимранскихъ ущелій и складокъ, будто на выставку, весенними потоками, которыхъ русла въ эту пору, по большей части сухія, весьма невѣжливо разлеглись поперегъ дороги.

Вѣтеръ несомнѣнно сѣвернаго происхожденія дуетъ мнѣ прямо въ лицо. Небеса подернуты растрепаными бѣлыми полосами бурныхъ облаковъ, снующими съ какою-то отчаянною быстротою.

Чапаръ-шапирдъ обратился ко мнѣ съ вопросительнымъ выраженіемъ на обвѣтренномъ лицѣ своемъ; я кивнулъ ему головою, приподнялъ поводья и мы поскакали... и въ ту же минуту въ грудь мою вцѣпились спазмы. Лошаденка мнѣ попалась тряская; но мѣняться съ прислугою и останавливаться для этого на первыхъ порахъ казалось мнѣ унижительнымъ. Авось обойдется, думалъ я. Нѣсколько мѣсяцевъ я сидѣлъ на мѣстѣ: отвычка конечно! Впередъ!

Въ ребрахъ однако становилось тѣснѣе и тѣснѣе. Вѣтеръ рѣзалъ мнѣ лицо и костенилъ пальцы. Пыль, взбиваемая копытами передового коня, одолевала меня. Гадко! Не вернуться ли?.. Но за мною гнались воспоминанія о только-что покинутой мною вонючей преемницѣ древняго Рея, о ея пыльныхъ улицахъ, униженныхъ страшными ямами, провалинами, объ этихъ улицахъ, засыпанныхъ мусоромъ, горами поломаннаго кирпича, о ея темныхъ и тѣсныхъ базарахъ, загроможденныхъ народомъ и въючными животными, о ея обществѣ...

— *Ялла! чапаръ-шапирдъ!* Въ замокъ! крикнулъ я. Еще ударъ бича — и мы понеслись какъ уносимые вѣтромъ.

Откуда, думалъ я, столько силъ и прыти у этихъ четверопогныхъ сизифовъ, нѣсколько разъ въ сутки начинающихъ одни и тѣже концы безъ всякой надежды на продолжительную остановку или на какое-нибудь вознагражденіе въ далекомъ будущемъ? И какое преступленіе съ ихъ стороны вызвало подобную казнь? Мнѣ кажется еслибъ любой изъ нихъ удалось улучшить время и лечь, она бы протянула ноги и не встала болѣе. Непремѣнно бы духъ вонъ!

Онѣ живутъ и еще носятя вихремъ, потомучто на ногахъ. Все привычка! Вѣдь и съ людьми тоже: бредутъ пока бродятъ, пока не слѣзутъ съ конька своего. Оторвите человѣка отъ клубка занятій, который онъ наматывалъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ — и онъ въ минуту осунется, обрюзгнетъ, захирѣетъ. Вы отняли этимъ podporку отъ покосившейся стѣны. Есть люди, сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ сряду преподающіе дѣтямъ азбуку, четыре правила арифметики... Попробуйте-ка вырвать у нихъ указку — и жизнь ихъ свернется какъ молоко отъ грозы и обратится въ глубокое сиротство, въ невыносимую пытку.

Это не мѣшало однакожъ моему буцсфалу спотыкаться на каждаыхъ пяти или десяти шагахъ, такъ что несмотря на сырое и очень холодное время, меня то и дѣло бросало въ потъ.

Вукамъ нашимъ, если не дѣтямъ, веселѣе будетъ кататься въ Персію. Для нихъ конечно распустятся на этой дѣвственной почвѣ желѣзные рельсы и всѣ удобства паровыхъ сообщеній; а мы еще пока осуждены здѣсь на допотопный способъ передвиженій, костоломный, одуряющій. Какъ подумашь, какой переворотъ ожидаетъ Персію съ водвореніемъ желѣзныхъ дорогъ, которыя уже пробиваютъ ея двери концами своихъ рельсовъ! Это будетъ эпоха совершеннаго перерожденія, окончательнаго измѣненія обычаевъ, привычки новыхъ привычекъ, нежданныхъ-негаданвыхъ. Въ паровикахъ могутъ сгорѣть до тла дорогія преданія Ирана. Начнется конечно съ одежды, которая именно скроена для верховой ѣзды и приспособлена къ ней во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ быстрота передвиженій, свѣжая и горячая пища по станціямъ, общительность и всевозможныя удобства и выгоды, сопряженныя съ этимъ чудомъ нашего вѣка, — все вещи въ настоящее время недоступныя, даже непонятныя персіянамъ, — должны непремѣнно выковать изъ нихъ новую націю, обѣщающую съ этимъ переворотомъ стать, по своимъ способностямъ, на одну изъ самыхъ видныхъ ступеней челоуѣчества. Новыя цѣли, новыя потребности, новые побѣги привычекъ, стремленій, мыслей, быстро разовьются въ этихъ пламенныхъ людяхъ и откроютъ имъ новый міръ. Они отдалятъ персіянъ отъ природы, съ которою они живутъ теперь обнявшись уже чезрезчуръ дружески; они отучатъ ихъ отъ любви къ нѣгѣ, отъ ихъ вялой бесѣды, состоящей изъ однихъ заученыхъ фразъ, и отъ тысячи тысячъ церемоній и втолкнутъ въ кругъ живой, дѣятельной, разумной жизни. Переходъ будетъ поразительный, громадный и встраивенно замѣчательнѣе переворота, совершающагося на нашихъ глазахъ въ Турціи. Эта послѣдняя — младенецъ въ сравненіи съ Персіей; это конгломератъ, составленный сверхъ того изъ разно-

родныхъ слоевъ, вовсе не сплоченныхъ между собою и видимо распадающійся, тогда какъ та — монолитъ, сложившійся въ первые дни библейской эпохи и сохранившій въ цѣлости всѣ черты, всѣ признаки своего первоначальнаго образованія.

И въ воображеніи моемъ, галопировавшемъ, какъ видишь, гораздо быстрѣ моего почтового скакуна, уже развивалась картина этого нравственнаго катаклизма. Цѣлыя горы предразсудковъ, суевѣрія, чудовищныхъ обычаевъ, наклонившія сотнями вѣковъ до громадныхъ размѣровъ, съ трескомъ низвергались въ преисподнюю, вмѣстѣ съ горами бараньихъ шапокъ, крашенныхъ бородъ, воющихъ бамъ, воющихъ кадьяновъ, этихъ уродливыхъ проводниковъ восточнаго кейфа, затворовъ, покрывалъ, разноцвѣтныхъ стражей харемныхъ; а намѣсто ихъ съ искрометною пѣною выбивались изъ-подъ этого кодоцорота ключи свѣжей жизни и распускалась повсюду вода, плодотворная растительность разумной и просвѣщенной дѣятельности... Локомотивы, протянувъ по воздуху длинную, волнистую граву дыма и пронзительно высвистывая свою побѣдную пѣсню, сновали по всѣмъ направленіямъ посреди густо-поднявшихся городовъ и богатыхъ селеній, вилая безконечными хвостами вагоновъ, оглашавшихъ окрестность мѣрнымъ грохотомъ колесъ...

Картина эта недолго однакожъ рисовалась на радужномъ полотнѣ моего воображенія, — всего одинъ мигъ. Конь мой, совершенно равнодушный къ занимавшему меня величественнымъ мыслямъ, непреминулъ споткнуться въ свое время и убилъ дая при самомъ его рожденіи, новымъ толчкомъ и такимъ сильнымъ, что я едва удержался на сѣдлѣ.

Очнувшись, я увидѣлъ ту-же унылую степь и глушь, окружавшія мою пыльную допотопную дорогу. Но странно: шопотъ вагонныхъ колесъ не умолкалъ; я его слышалъ, слышалъ явственно, и все ближе и явственнѣе и громче. Неужели-таки совершилось чудо и мимолетный сонъ мой облекался въ дѣйствительность? Но мѣрвый стукъ этотъ сопровождался какъ-будто пѣніемъ; наконецъ я расслушиваю и слова татарской пѣсни. Это былъ *тумбелекъ* (ручной барабанчикъ) и пѣсни кочующихъ *луты* — шутовъ, которые стояли на самой дорогѣ и встрѣчали особу мою изступленною музыкою. Удивительное звукоподражаніе! Ритмъ *тумбелека*, этого персидскаго тамтама, до смѣшнаго напоминаетъ ритмъ колесъ поѣзда, несущагося по желѣзной дорогѣ!

Персія вправдѣ гордится своимъ происхожденіемъ и ролью, которую она играла на востокѣ. На самыхъ первыхъ страницахъ всемірной исторіи вылетаетъ уже она съ царственнымъ вѣнкомъ на головѣ и съ побѣдоноснымъ мечемъ въ рукѣ. Кыры,

Артасерисы, Даріи, Ксерксы, Шапуры, Хосрои наполнили именами своимъ древній міръ и послали ихъ къ позднѣйшему потомству наравнѣ съ блистательнѣйшими именами Греціи и Рима. И въ недавнія еще времена она имѣла своихъ Людовиковъ XIV и Наполеоновъ въ лицѣ Аббаса-великаго и Надиръ-Шаха. Несмотря на относительную уродливость состава своего, своихъ уложеній и общественныхъ обычаевъ, надъ которыми мы, варвары, полшучиваемъ такъ безцеремонно, Персія стоитъ себѣ твердою ногою на мѣстѣ своего рожденія вотъ уже двадцать пять вѣковъ! Неудрено послѣ этого, если персіянинъ схватитъ себя за бороду отъ предсказанія, что паръ можетъ потрясти и разрушить самостоятельность его знаменитой колыбели, — и проклянетъ онъ паръ и мысленно сожжеть гробъ его отца. Въ сущности передвиженіе по дорогамъ Персіи и безъ того почти никогда не обходится безъ пара: посмотрѣлъ бы ты какъ онъ валилъ съ трехъ аргамаковъ, составлявшихъ поѣздъ мой! Но шутки въ сторону, — быстрота почтовыхъ сообщеній Персіи способна бы была изумить самихъ Стивенсоновъ. Представь себѣ: передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тегерана, прискакалъ туда изъ Решта шахскій гулямъ меѣ чѣмъ въ сутки; а разстояніе между этими двумя городами болѣе 250 миль, значительная часть которыхъ идетъ по головоломнымъ дорогамъ! Да одинъ самъ (пѣшеходъ) и шатыры (скороходы) чего стоятъ! Я зналъ одного изъ скороходовъ, по имени Алихана, слѣвавшего для меня въ двое сутокъ болѣе двухсотъ миль. Я тебѣ не сказки рассказываю.

А одежда? начто бы ее мѣнять персіянамъ? Смѣшнѣ ли она европейской? Скорѣе наоборотъ. Что смѣшнѣ напимѣръ: бараньи шапки и широкополые балахоны, или наши котлообразныя шляпы и нескромные фраки? Роскошныя, мужественныя бороды, или наши бритые подбородки, иногда еще вооруженныя французскимъ пучкомъ волосъ подъ губами? Вѣчныя, удалыя упражненія на ковѣ, или наша лимфатическая неподвижность въ кабинетахъ, вагонахъ, за карточными столами? Степенныя, хотя и вялыя, какъ я сказалъ, бесѣды персіяцъ, или наша страсть къ шумливой болтовнѣ, къ разглагольствованію, часто о предметахъ намъ вовсе незнакомыхъ? Откровенная пляска наемныхъ танцовщицъ, или наши танцевальныя ночи в пошлое на нихъ любезничанье и бесѣда съ общими мѣстами о музыкѣ, театрѣ, нарядахъ? Печать приличія, покровъ стыдливости, лежащія на харемахъ, или развязность и размашистая жизнь нашихъ удалыхъ барынь?.. Право, какъ приглядишься поближе, становишься втупикъ. Чтѣ предпочеть? Надъ чѣмъ смѣяться? Что лучше, или скорѣе — что хуже? Пойдемъ далѣе, благо я вывелъ тебя на эту дорогу; углубимся вѣсколько въ

этотъ лабиринтъ сравненій восточнаго общества съ западнымъ. Скажи сдѣлай милость, почему мы присвоили себѣ право издѣваться надъ этимъ старцемъ, впавшимъ въ младенчество? Не потому ли, что вооруженные гутенберговымъ лукомъ, мы всѣ считаемъ себя ловкими и опытными стрѣлками, и находя въ упражненіи этомъ легкое и пріятное для самолюбія нашего препровожденіе времени, пускаемъ стрѣлы безъ разбора на всѣ четыре вѣтра и зажмуривъ глаза воображаемъ, что всѣ онѣ попадаютъ въ цѣль? Мы забываемъ, что старецъ этотъ былъ тоже когда-то молодъ, крѣпокъ, предприимчивъ и сверхъ того обладалъ несмѣтными богатствами, и пылко билось сердце въ груди его, и сны его кружились около солнца побѣдъ и славы, и міръ преклонялся передъ нимъ и трепеталъ его, и греческіе и римскіе легіоны, неговоря уже про войско Арменій и Индустана, разступались въ свою очередь подъ мужественными ударами его меча, какъ волны океана подъ кормою отважнаго судна; и царственные триумфаторы слагали у ногъ его прежніе свои трофеи и стопы въ его оковахъ! И вотъ, оттого что время не пощадило и его, — и онъ теперь одряхлѣлъ, обрюзгъ, сгорбился, утратилъ упругость мышцъ, обаяніе красоты, способность къ юношескимъ порывамъ, къ смѣлымъ и побѣднымъ замысламъ; что онъ по естественнымъ, непреложнымъ законамъ уступилъ мѣсто свое младшимъ народамъ, и наконецъ потому, что проживъ широко и роскошно столько столѣтій, разорился и чуть не просить милостыни, — мы думаемъ, что намъ прыткой молодежи, пристало цыганить его и порочить! Что-что мы сравнительно съ нимъ и молоды, и свѣжи, и щегольски причесаны? Развѣ, если безпристрастно посмотримъ на себя въ зеркало, не найдемъ, посреди своихъ прелестей, такихъ же недостатковъ, какіе выглядываютъ изъ морщинъ и лохмотьевъ этого старика? Развѣ развитость бодрыхъ силъ и просвѣщенія избавили насъ отъ самоуправства, чванства, пристрастія, продажности, алчности, лукавства, разврата душевнаго и тѣлеснаго, страсти къ интригамъ, раздорамъ, хищничеству, насилію, прожорству, однимъ словомъ отъ всей этой ватаги пороковъ, которыхъ грубыя проявленія рѣжутъ намъ глаза при взглядѣ на восточныя общества?

Развѣ не ждетъ и насъ таже участь? Развѣ мы застраховали себя отъ упадка силъ, отъ разоренія! Развѣ просвѣщеніе можетъ служить патентомъ на вѣчную молодость? Куда дѣвались на примѣръ ликеи, форумы, пниксы, пантеоны древней Греціи? Похожи ли новѣйшіе греки на древнихъ эллиновъ? Развѣ градуція цоколѣнія не столько же права будутъ имѣть, въ свое время, на насъ глядѣть черезъ плечо и указывать пальцами съ насмѣшливою улыб-

кою! Всякому свое время; у всякаго времени своя точка зрѣнія. «Помилуй! говорили Меджуну: — ну что хорошаго ты видишь въ своей Лейлѣ, въ этой старой, сухой какъ щепкѣ, желтой и беззубой муми? Можно ли мучиться любовью къ такому уроду!» — «На это я скажу тебѣ только одно, отвѣчалъ пламенный любовникъ, съевшійся самъ отъ долготѣней страсти своей до размѣровъ сѣрной спички: — войди въ зрачки Меджуна и оттуда взгляни на Лейлу; заешь другое. Она тебѣ представится прелестнѣйшею изъ хурій рая.» Какъ мы чванимся передъ восточнымъ обществомъ преимуществами нашими, такъ оно въ свою очередь, нимало незадумываясь, присвоиваетъ пальму превосходства своей организаціи.

Но пора остановиться; а нето ты подумаешь пожалуй, что другъ твой положилъ на одни вѣсы западъ и востокъ, цивилизацію и варварство, разумную дѣятельность и тупую неподвижность, христіанство и исламъ; что онъ дотога увлекся осужденіемъ просвѣщеннаго общества, что незамѣтно перешолъ во враждебный лагерь, сталъ перебѣжникомъ. Нѣтъ, предательство мое только кажущееся.

Разница между обществами запада и востока именно въ томъ и состоитъ, что первое называетъ собственными именами эти пятна, эти тѣни, что оно признаетъ ихъ и понимаетъ, гнушается ими и желало бы ихъ искоренить; что пятна эти служатъ какбы отбоемъ свѣтлыхъ сторонъ общества, постоянно движущагося впередъ подъ знаменемъ христіанства, подарившаго ему свободу мыслей и дѣйствій, братскую любовь, живую науку, искусство и потребность совершенствованія; тогда какъ пороки и недостатки мусульмановъ загля въ основаніе того религіознаго ученія, которое служить колексомъ ихъ общественной жизни. Они не видятъ пятенъ и тѣней своего общества, потому что, какъ и въ живописи, они такъ-сказать не понимаютъ перспективы, пороки свои они не признаютъ за пороки...

Мусульмане знать не хотятъ, что власть существуетъ исключительно для пользы и преуспѣянія народа. Несмотря на свои нескончаемыя разглагольствованія по этому предмету, каждый мусульманинъ, какъ управляющій, такъ и управляемый, проникнуть убѣжденіемъ, что власть сама по себѣ не средство, а цѣль; отсюда чванство и пренебреженіе своими обязанностями съ одной стороны, съ другой — раболѣнство, а при случаѣ и надувательство. И какая путаница въ ихъ нравственныхъ, юридическихъ и экономическихъ понятіяхъ! Правители, облагая народъ чрезвычайными и утѣснительными поборами, конечно далеки отъ сознанія, что это зло вопиющее, къ которому побуждаютъ ихъ только личные, коры-

столюбивые виды. Тузъ-персіянинъ никогда не согласится, что безбородый его фаворитъ, вчерашній лавочникъ, кальонджи или ко-вюхъ, возвышаясь сегодня на степень визиря и правителя страны, быть-можетъ и очень способный и нахватавшійся вершковъ правительственной науки, но испорченный жизнью, отнюдь не принесетъ капитальной пользы государству и народу, — не подвинетъ ихъ впередъ. Съ другой стороны, простой персіянинъ не только не удивляется, видя, что человекъ, который еще вчера гулялъ передъ всѣми спиной, стоялъ у порога начальника со сложенными на груди руками, съ подобострастіемъ лакея выносилъ отъ него терпѣливо палочные удары по подошвамъ, сегодня самъ сидитъ на первомъ мѣстѣ и все передъ нимъ преклоняется, все кланется его бородою, его жизнью и смертью, заваливаетъ его приношеніями, выносить съ смиреніемъ его гнѣвныя рѣчи, злобныя ругательства, палочные истязанія; онъ не только, говорю я, не удивляется этому, но находить дѣло совершенно естественнымъ. Соображаясь съ буквою Магометовой книги, онъ привыкъ смотрѣть на всякое свѣтское лицо, откуда бы оно ни поднялось до верховной власти, какъ на «залима», тирана, ниспосланнаго самимъ провидѣніемъ для его угнетенія, — въ противоположность духовной власти.

Поймутъ ли мусульмане, что дозволяя имъ лить кровь за кровь, истреблять до послѣдняго члена невинное семейство оскорбителя, преступника, писанный законъ учить его безчеловѣчію, варварству? Пойметъ ли общество это, что осуждал искусство и разумное приложеніе науки, а потому и успѣхи ея, тотъ же законъ осуждаетъ его на вѣчный мракъ невѣжества, и что предписывая ему затворничество женщинъ, онъ поражаетъ его безплодіемъ, бездѣвностью, отсутствіемъ всякаго оживленія, аромата, нравственныхъ доблестей и счастья семейной жизни?

Магометово ученіе связало востокъ по рукамъ и по ногамъ. А дать бы ему стяхнуть съ себя вериги его вѣрованій, — и при его несомнѣнныхъ способностяхъ, при его воспріимчивости, живости характера, чувствъ изящнаго, онъ бы разомъ помолодѣлъ, переродился, выпрямилъ свой согбенный станъ и удивилъ бы свѣтъ своими успѣхами.

Нѣсколько минутъ тому назадъ ты могъ подумать, что я, чего добраго, готовъ предпочесть условія жизни и обычай персіяня нашимъ. Но я только смѣялся надъ покроемъ нашихъ вынѣшнихъ одеждъ, надъ бесѣдой и препровожденіями времени на общественныхъ сходкахъ образованнаго міра; да и врядъ ли кто отдѣльно взятый изъ среды нашей не осмѣетъ ихъ! Это далеко не значитъ, чтобы я восхищался персидскимъ обществомъ... И ихъ долгожданный

дые халаты, и крашенныя бороды, и бритыя головы, и бесѣды ихъ, вертящіяся постоянно около силетень, клеветы, интригъ и денежныхъ интересовъ, подернутыя безстыдною ложью, наглою лестью, важничаньемъ или визкооклонствомъ, дѣтскими и уродливыми попитіями о наукѣ, и пляски ихъ плясунувъ, танцовщицъ, и коверканы ихъ шутовъ, грязныя, возмутительныя, и дикіе ихъ концерты, которые они принимаютъ за уопительную музыку, наконецъ этотъ комическій церемоньялъ ихъ обыденной жизни, — все это не представляетъ ли обширнѣйшаго поля для сарказма? Я съ наслажденіемъ перечитываю здѣсь Хаджу-Бабу и убѣждаюсь ежеминутно, что Морье сицъсываль съ натуры.

Но если персидское общество требовало бы коренного преобразованія, то и нашему немѣшало бы серьезно позаботиться о своемъ исправленіи. Вотъ что я хотѣлъ сказать.

Но возвратимся къ степному концерту встрѣтившихся мнѣ луги.

Пламенная любовь *Ферхада* и *Ширинъ* такъ назойливо взывала къ кошелку моему, что обойти ее безъ вниманія не было никакой возможности, тѣмъ болѣе что она сопровождалась еще кувырканьемъ мальчика у самыхъ переднихъ ногъ моей лошади, въ честь сѣдока ея. Нѣсколько мѣдныхъ *шахи* положены были мною на жертвенникъ этой живучей страсти конечно никогда не жившихъ любовниковъ, выраженной гортанными воплями, босмъ тумбелека и кувырканьями въ дорожной пыли персидскаго клоуна. Затѣмъ я поскалалъ далѣе, провожаемый въ этотъ разъ экспромтомъ, прославлявшимъ мое великодушіе, вѣроятно съ примѣсью легкой насмѣшки надъ френгомъ. И для того чтобы какъ-нибудь обмануть тоску, все болѣе и болѣе овладѣвавшую мои ребрами и всею душою, я силлся вновь расшевелить мое только-что озадаченное воображеніе, перебирая образы и событія, напечатленные на страницахъ моей памяти. Но всѣ эти клочки сбивались въ какой-то винегретъ.

Въ лазурныхъ водахъ Комо отражались минареты; на берегахъ Тибра заострялись пирамиды Джизы, а посреди Каира рисовался коллизей; тутъ черныя евнухи въ голубыхъ япанчахъ, оскаливъ бѣлыя зубы и сверкая жолтыми глазами, сторожили мою рѣзвую фульию. Боже мой! что-то она теперь?.. Тамъ папа въ чалмѣ выѣзжалъ въ священный походъ противъ поклонниковъ Христа, послѣдуемый блестящею свитою, при звукахъ военной турецкой музыки; въ рукахъ его былъ мечъ Омара... Тѣфу! какая чушь!

Вѣтеръ между тѣмъ усиливался. Цѣлый ураганъ неся на меня съ дождемъ тонкаго песку, скрывавшимъ отъ меня окрестность... Не было ли ужъ это съ его стороны дружескимъ предостереженіемъ? Не старался ли онъ удержать ходъ мой, трубя мнѣ въ уши

объ ужасахъ, ожидавшихъ меня впереди! Я не внималъ его громовому голосу, я не понималъ языка его—и несся наперекоръ ему, на всѣхъ парусахъ лошадиныхъ ногъ, упрямо прокладывая себѣ путь въ грозномъ хаосѣ, меня окружавшемъ. Если тебѣ не нравятся *паруса лошадиныхъ ногъ*, скомандуй, чтобы ихъ убрали. Напередъ прошу извиненія за неудержимыя шалости пера моего. Я пишу не для печати. Болтаю съ тобою, amico mio.

Но вотъ гольши становятся крупнѣе; я у рѣки. Судя по ложу, разметававшемуся по степи на пространствѣ цѣлой четверти миль, искривленными вѣтвями, тамъ и здѣсь сильно вдавленными въ землю, я могъ составить себѣ понятіе какимъ блаженнымъ потокомъ долженъ по веснѣ и осенью представляться Кереджъ, но теперь онъ съежился, смотритъ изъ высокихъ береговъ будто исподлобья, какъ мальчикъ, поставленный въ уголъ за шалости, и покорно пропустилъ меня въ бродъ, терпѣливо давъ вапиться отъ водъ своихъ нашимъ конямъ, тогда какъ въ половодье надо идти на мостъ у самаго входа въ ущелье и дѣлать такимъ образомъ около мили крюку.

Я на той сторонѣ, у воротъ пустыннаго шахскаго дворца сулейманіе. Шесть фарсанговъ (около 30 миль) пройдено. Не отдохнуть ли? Но уже проводникъ мой у воротъ зданія, и пользуясь затишьемъ, дымитъ тыквенный кальянъ, подхваченный имъ на-лету у какого-то проѣзжаго. Юсуфъ запропастился на рѣкѣ. Кажется все устало. Я сползъ съ коня. Вздохнемъ!

Господи! Вчера еще въ Тегеранѣ былъ чуть ли не май. Май совершенный, съ бирюзовымъ небомъ, съ теплымъ, благоуханнымъ воздухомъ, съ привѣтною улыбкою, располагавшими къ вѣгѣ, къ поэтическимъ мыслямъ, къ спокойствію душевному. Я былъ одинокъ, это правда, и чувствовалъ себя на чужой, далекой, непривѣтной сторонѣ; но сидя на терасѣ жобарова дома и покуривая черуту, я пріятельски бесѣдовалъ съ тегеранскою окрестностью, смотрѣвшую на меня со всѣхъ сторонъ, и мысли мои, перебрались черезъ далекія сизыя возвышенности, украдкою скользили далѣе и далѣе, и все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ стремглавъ летѣли черезъ Черное море, мимо Константинополя и неостанавливаясь ни на мгновеніе на красотахъ босфорскихъ береговъ, ни далѣе, на просторахъ роскошнаго Средиземнаго архипелага, опускались къ нашимъ озерамъ...

А сегодня — думалъ я — какая разница! Куда дѣвался май, и съ нимъ эти мечты, и эти слезы! Онѣ правда и теперь текли по щекамъ моимъ, но это были не тѣ слезы: ихъ въ этотъ разъ не было. Они были жосткіе поцѣлуи сѣвернаго вѣтра, отъ котораго и носъ...

уже начиналъ чесаться испашутку: такъ усердно онъ облизалъ его!

Я заглянулъ было въ Имареть. Все тоже что и въ другихъ ему подобныхъ. Стрѣльчатые ворота и окна и ниши въ стѣнахъ, утыканныхъ узорчатыми изразцами и испачканныхъ кистью туземныхъ живописцевъ; а на этихъ изображеніяхъ, какъ и вездѣ, всѣ лица героевъ, принцевъ и красавицъ съ глазами, выковыренными гвоздемъ (за это нужно поблагодарить прохожихъ фанатиковъ), и кромѣ того чернилами въ разныхъ направленіяхъ написанныя двухъ или четырехстишія любовнаго содержанія.

Дворъ довольно чисто содержанный съ безмолвнымъ водоемомъ и сухимъ бассейномъ, далѣе садъ съ чинарами... Но въ это время года и въ такую погоду—до садовъ ли! И все это прилично подержанное зданіе, отъ безлюдья и мертвой тишины, въ немъ царствовавшей, носило на себѣ отгѣнокъ покинутой развалины.

Впередъ! Впередъ!.. Мы поскакали снова.

Я тебя избавлю отъ дальнѣйшаго описанія дорожныхъ моихъ ощущеній и самой дороги; это было бы повтореніе только-что рассказаннаго... Степь, степь и степь, и все таже глушь и то же отсутствіе растительности и наконецъ вѣтеръ, утихшій было за Имаретомъ, задулъ еще съ большею противъ прежняго силою... и дождь мочилъ меня, но дождю я бывалъ даже радъ, потому что съ его появленіемъ вѣтеръ умѣрялъ свои восторги, и пыль какбы нехотя подымалась и наконецъ совсѣмъ уgomонилась. Станціи Міанджу, Сеферъ-Коджа, Сюнгюрабадъ похожи одна на другую и на всѣ тѣ, которыя я тебѣ прежде описывалъ: четыре стѣны, изъ которыхъ одна прислонилась къ грязному селенію, тѣже клячи, отъ томы едва пережовывающія свою порцію ячменя, ни фыркпя, ни взвизгиванья; тѣже блудливыя кошки на терасахъ и голодныя собаки за стѣнами, каменныя лѣстницы съ обломанными и потертыми ступенями, навозъ снаружи, копотъ, паутина внутри. Тѣже вышки на подобіе фонаря съ выбитыми стеклами и удобныя только для провѣтриванія лѣтомъ запыхавшагося и умирающаго отъ жара путешественника. Но въ этотъ разъ я проводилъ ночи мои въ темныхъ конуркахъ, въ затхлыя тайны которыхъ я былъ посвященъ уже на турецкихъ почтовыхъ дворахъ, гдѣ дымъ изъ камня стелется облаками по потолку, спускается на голову усталому путнику, заглядываетъ ему въ глаза, жготъ ихъ и окончательно отравляетъ минуты его отдыха.

Охотники полечиться пробовали было осадить *хекима-франки*, т. е. европейскаго мелика: я уже говорилъ тебѣ о томъ, какъ скоро распространяется слухъ о появленіи нашего брата въ странахъ

этихъ и съ какою жадностью лнуть къ намъ чахлые и здоровыя азiятцы, протягивая руки за лекарствами. Въ Персiи эта эпидемiя еще сильнѣе чѣмъ въ Турцiи; она можетъ вывести изъ всякаго терпѣнiя европейскаго путешественника, въ самомъ ли дѣлѣ онъ докторъ, дипломатъ ли, простой ли смертный. У персiанъ коли кто европеецъ, тотъ и *хекимъ*, и разувѣрять напрасно. Въ дорогѣ одна многочисленная свита отличаетъ въ ихъ глазахъ дипломата и отгоняетъ этихъ мухъ. Но я притворился глухимъ и даже ифымъ, отправляя неотвязчивыхъ мусульманъ и мусульманокъ ко всѣмъ ихъ имамамъ. Только одному нахалу, настойчиво требовавшему у меня вина для большой жены (это вѣчная уловка мусульманскихъ пьяницъ) я далъ тумакъ вмѣсто лекарства и чуть было не накликалъ на себя цѣлой бури. Уже онъ успѣлъ оторвать у себя клочъ бороды и держа его высоко надъ головою, какъ образчикъ моего звѣрства, призывалъ язступленно сыновъ ислама на защиту религiи, поруганной въ лицѣ его профѣжимъ *кафиромъ* (невѣрнымъ). Но Юсуфъ къ счастью успѣлъ умаслить этого яростнаго охотника до свроейскаго шербета. А то не миновать бы тревоги. Юсуфъ мой не въ первый уже разъ выручалъ меня изъ подобной бѣды. Всегда молчаливый, даже пасмурный, онъ въ критическiя минуты будто выпалзываетъ изъ какой-то скорлупы и является новымъ человѣкомъ. Откуда берутся слова! онъ льется цѣлымъ потокомъ краснорѣчiя и заливаютъ пожаръ при первой вспышкѣ... И что за выразительность въ лицѣ и въ движенiяхъ! Концы усовъ поднимаются до глазъ и какбы выворачиваютъ ихъ изъ лбу, пасть разступается до ушей, бѣлые зубы прыгаютъ, огромныя руки вертятся около его головы какъ крылья вѣтряной мельницы. Цѣлая картина! Конечно убѣжденiя и краснорѣчiе его быть-можетъ никогда бы не достигали цѣли своей безъ вещественной помощи какой-нибудь податки... ну да вѣдь это такъ и не въ одной Персiи, и не съ одними мусульманскими фанатиками! На этотъ разъ вспомогательнымъ оружиемъ Юсуфа явился осиротѣвшiй отъ лекарства пузырекъ, наполненный коньякомъ, и ловко и вовремя скользнувшiй въ пороженную руку расхолодившейся жертвы моего нетерпѣнiя. Всѣ двѣнадцать имамовъ, потревоженные было въ ихъ райскомъ убѣжищѣ жадомъ моего правовѣрнаго къ водкѣ, всѣ двѣнадцать имамовъ изъ расклеванныхъ глазъ его и съ разболтавшагося языка отправились назадъ, въ объятiя своихъ хурiй... и я былъ оставленъ въ покоѣ.

Я въ Казвинѣ. Это одинъ изъ большихъ городовъ Персiи. Отъ него отходятъ двѣ дороги, ведущiя въ Европу, одна на Тавризъ, другая на Рештъ. Торговые караваны безостановочно скрещиваются въ этомъ городѣ. Путешественники, ѣдущiе изъ Европы въ Те-

теранъ и обратво, не могутъ его виновать. Казвинъ пользуется здоровымъ климатомъ, сравнительно съ сосѣдними мѣстностями и пьетъ превосходную воду; онъ производитъ отличный виноградъ и другіе фрукты; онъ богатъ хлѣбородными участками. Кто бы не подумалъ послѣ этого, что Казвинъ конечно стоитъ на высшей точкѣ процвѣтанія, кипитъ дѣятельностью, щеголяетъ базарами, складочными магазинами, обширными жилищами и постоянно разрастающимся населеніемъ! Но въ дѣйствительности Казвинъ испытываетъ участь всѣхъ городовъ востока и такъ-сказать свертывается все болѣе и болѣе.

Основанъ онъ былъ еще въ третьемъ столѣтіи Шахпуромъ II сассанскимъ и именовался *Джемаль-абадъ* — городомъ красоты. Впродолженіе долгаго времени онъ служилъ *подножіемъ трона (хайтахъ)* — мѣстопробываніемъ персидскихъ государей. *Даръ-усельтене* или *столицею царства* его зовутъ и теперь.

Онъ славился нѣкогда выдѣлкою сабельныхъ клинковъ, лучшею во всемъ Иранѣ. Но Исфаганъ и Ширазъ перещеголяли Казвинъ въ этомъ искусствѣ и сами уже успѣли утратить его.

Казвинъ имѣлъ во время достославнаго путешественника Шарлева, то-есть два вѣка тому назадъ, неменѣе двѣнадцати тысячъ домовъ и около ста тысячъ жителей. Въ настоящее время онъ содержитъ много разваливъ, а цѣльныхъ домовъ неболѣе пяти тысячъ. Онъ не производитъ ничего замѣчательнаго. Впрочемъ базары Казвина и теперь хороши и богато снабжены товарами всякаго рода.

Главное украшеніе города — это мечети, изъ которыхъ одна, вся обшита голубыми изразцами съ бѣлыми, оранжевыми, черными арабесками и разводами — чудо изящества. Послѣ нихъ достойны замѣчанія колоссальные и величественные ворота древняго царскаго дворца, отъ которыхъ до базара, сажень на полтора въ длину, открывается широкая улица, нѣчто вродѣ бульвара, уставленная съ обѣихъ сторонъ рядомъ великолѣпнѣйшихъ платановъ.

Подъѣзжая къ городу, я около часа слѣдовалъ вдоль виноградныхъ плантацій; онѣ имѣютъ видъ огородовъ, потому что состоятъ изъ грядъ; на этихъ грядкахъ лозы расползаются по всѣмъ направленіямъ; около нихъ ни дерева, ни тычинки, по которымъ бы имъ можно было карабкаться по своему обыкновенію; всѣ онѣ, также какъ и нѣсколько группъ миндаляныхъ и фисташковыхъ деревьевъ, обнесены высокими каменными оградами.

— Юсуфъ! обратился я къ моему оруженосцу, когда мы были въ виду городскихъ воротъ: — я бы хотѣлъ отдохнуть здѣсь сутки; я усталъ!

— *Бели-сахибъ!* промывчалъ усачъ отрывисто. Фраза эта здѣсь означала *слушаю-съ*.

— Ты найдешь мнѣ гдѣ пріютиться?

— *Бели!* — Тутъ «бели» означало «да».

— Ты имѣешь здѣсь знакомыхъ?

— *Бели.*

— Это христіане чтоли?

— *Бели.*

— И можно будетъ у нихъ провести ночь?

— *Бели.*

— Такъ прямо къ нимъ!

— *Бели, бели!*

Ты уже знаешь, что Юсуфъ мой неразговорчивъ по обыкновенію.

Мы проѣхали черезъ весь городъ по узкимъ и пыльнымъ, какъ водится, улицамъ, и остановились у одной калитки на томъ прелестномъ бульварѣ, о которомъ я тебѣ говорилъ выше. Тутъ жило одно почетное въ краѣ, в какъ я впоследствии убѣдился, очень почетное армянское семейство; другихъ христіанскихъ семействъ въ городѣ ни одного. Хозяинъ дома былъ въ родствѣ съ умершимъ уже, знаменитымъ въ Персіи вельможею, Манучеръ-ханомъ Моутемидъ-эдаоуле. Исторія этого послѣдняго любопытна. Глава нынѣшней династіи Ага-Мухамедъ ханъ Каджаръ вывелъ его, въ числѣ другихъ малолѣтнихъ плѣнниковъ, изъ разгромленнаго имъ и разграбленнаго Тифлиса въ 1795 году, и сдѣлалъ его свнучомъ, и кимъ же какъ былъ и самъ. Разумѣется съ этимъ виѣсть мальчикъ былъ обращенъ въ магометанство, причемъ былъ названъ Манучеромъ. Молодой сорпаго сталъ любимцемъ государя и въ короткое время умомъ и способностями своими умѣлъ стать на высшій ступень почестей и силы: правилъ областями, начальствовалъ войсками и тремъ шахамъ служилъ вѣрой и правдой. Государи эти ставляли ему въ награду всѣ возможные средства къ обогащенію. И въ этомъ отношеніи онъ далеко перегналъ всѣхъ царскихъ фаворитовъ своего времени. Драгоценнымъ вещамъ своимъ и земельнымъ владѣніямъ онъ самъ не зналъ счета. Онъ былъ женихъ дворянъ, неуступавшимъ царскому въ великолѣпіи и была своя гвардія, состоявшая большею частью изъ армянскихъ сидскіе государи, въ ознаменованіе особенныхъ заслугъ высшимъ сановникамъ разныя личныя почетныя титулы и ордены, а также и дворянскихъ: отличающимся на гражданскомъ поприщѣ — *смелости, дарства, опора власти, совѣтникъ правленія* и др.; лицамъ

незавишмъ себя воинскими доблестями — *копье государства, меч правительства* и пр.

Манучеръ-ханъ получилъ отъ Фетхали-шаха титулъ *Моутемидъ-эддоуле*, что значить *пользующійся полнымъ управленіемъ государства*.

Моутемидъ вызвалъ изъ Грузіи своего племянника, которому поручилъ управленіе всѣми своими владѣніями и домомъ и окружилъ его роскошью, а наконецъ и объявилъ своимъ наследникомъ. Но когда Моутемидъ умеръ, всѣ его недвижимыя имущества были забраны въ казну, и племянникъ его обрушился съ высоты своего величія и надеждъ въ стѣсненное и фальшивое положеніе. Уже многіе годы живетъ онъ остатками своей прежней роскоши, ходатайствуя у двора, разумѣется безуспѣшно, о возвращеніи ему хоть части его наследія. Въ настоящее время онъ быстрыми шагами близится къ крайности.

Надо было видѣть, говорятъ, блескъ, которымъ окружалъ себя ирреа Давудъ-ханъ при жизни своего дяди. Разодѣтый въ шали и соболы, въ шолкъ и дорогія украшенія, выѣзжалъ онъ на лучшихъ во всей Персіи тюркменскихъ лошадяхъ, окруженный толпою пѣвчихъ ирреъ и феррашей. Ну да и молодость освѣщала великолѣпную обстановку эту своими розовыми волшебными огнями. Теперь онъ старъ, обремененъ многочисленнымъ семействомъ, долгами, безнадежнымъ процессомъ и привычками барской изнѣженной жизни, отъ которыхъ тугія обстоятельства принуждаютъ его мало-помалу отказываться. Давно ли все льстило ему и кланялось! Теперь онъ самъ долженъ всѣмъ льстить и кланяться; и нѣкоторые изъ персіанъ, бывало съ робостью и подобострастіемъ садившіеся у самаго входа его пріемной, теперь важничаютъ передъ нимъ и ведутъ его за востъ.

Такъ все перемѣнчиво и непрочо въ этомъ мірѣ, особенно въ мірѣ восточномъ!

Я слышалъ эту исторію въ Тегеранѣ, куда поочередно пріѣзжаютъ члены семейства для хожденія по своему дѣлу, и признаюсь, безъ боли въ сердцѣ не могъ смотрѣть на степенную, благородную фигуру хозяина дома, сохранившаго всѣ пріемы вельможи и съ покорностью несущаго на себѣ тяжелое бремя уюдака.

Гостепрѣимство, которое нашолъ я въ его домѣ, навсегда останется въ душѣ моей. Какъ самъ онъ, такъ и сыновья его осыпали меня всякаго рода предупредительностью и ласками. Вкусный столъ, теплая, даже роскошная постель, пріятная, оживленная бесѣда этихъ добрыхъ людей возвратили мнѣ всѣ потраченныя въ дорогѣ силы. Они могли передать мнѣ много любопытнаго о жизни и дѣяніяхъ

ихъ знаменитаго въ Персіи родственника и о дворѣ, при которомъ онъ игралъ такую важную роль; но я совѣстился затрогивать въ разговорѣ съ ханомъ эту чувствительную струну; я не хотѣлъ пробуждать въ немъ воспоминаній о его счастливомъ времени.

Молодые князья водили меня по городу; они показали мнѣ чудесную развалину древней мечети: это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ, какіе когда-либо я видалъ. Онъ весь выложенъ желтоватымъ мраморомъ, добываемымъ въ окрестностяхъ, и обшивка эта вся покрыта тончайшею рѣзбою, состоящею изъ сиденія куфическихкихъ надписей и арабесковъ. Сісегопі мѣн, указывая на засыпавшя мусоромъ углубленія въ развороченномъ фундаментѣ, утверждали, что то были входы въ лабиринтъ подземелій и что нѣкоторые изъ жителей пытались проникнуть туда, руководимые надеждою наткнуться на клады, но не возвращались болѣе — какъ говорятъ, поглощаемые *джиннами*, духами, — и что поэтому одинъ изъ правителей города приказалъ засыпать входы. Зашли мы также во вновь отстроенный домъ одного богатаго казвинскаго negociанта. Эта обширная, чудесная постройка во многихъ частяхъ выложена внутри тѣмъ же мѣстнымъ мраморомъ.

На третье утро, понабравшись въ домѣ Даудъ-хана словъкъ силъ, я пустился далѣе, и сѣлавъ огромныхъ двѣ станции, прибылъ поздно вечеромъ въ Харзанъ. Описывать впечатлѣній этого дня не стоитъ. Мѣстность сначала совершенно ровная, съ половинами для начала волноваться все болѣе и болѣе. Вѣтеръ былъ еще сильнѣе, еще холоднѣе прежнихъ дней путешествія; а около Харзана я встрѣтился и со снѣгомъ и густыми туманами, совершенно скрывавшими отъ меня окрестность. Я какъ орелъ парилъ въ облакахъ. На другой день, по крутому каменному спуску, окруженному суровыми пропастями, съ вершины котораго открылась мнѣ далеко внизу необозримая панорама высокихъ уступовъ каспійскихъ грядъ, я спустился къ Менджилю. Это пунктъ чрезвычайно замѣательный и потому мы на немъ нѣсколько минутъ остановились.

У Менджиля сходятся два глубочайшія ущелья, по которымъ съ ревомъ стремятся навстрѣчу другъ къ другу Шахъ-руль и Кызылъ-узенъ, и соединившись составляютъ значительную рѣку Сеенъ-руль или Бѣлую рѣку. Окрестныя высоты каменныя, но болѣею частью покрыты пажитями, пашнями, лѣсомъ и фруктовыми деревьями, между которыми масляничное дерево занимаетъ очень почетное мѣсто.

Мыли за двѣ до Менджиля отъ дороги отдѣляется горная дорога, ведущая въ участокъ Харзевиль, гдѣ устроены однимъ армянскимъ откупщикомъ заводъ для выдѣлки оливковаго масла. Я не ваѣзавш

туда, потому что по описанію онъ основанъ по самой примитивной системѣ, въ крошечныхъ размѣрахъ, и не заслуживаетъ никакого вниманія; да и не хотѣлось мнѣ безъ особеннаго повода усложнять моей усталости лишними карабканьями по горамъ.

Итакъ я у знаменитаго Менджильскаго моста, котораго со станціи впрочемъ невидно. Я хотѣлъ было спуститься къ нему, чтобы дѣлать до слѣдующей станціи, но меня остановили. Кроме того, что было уже поздно, а переходъ до Рахметабада великъ, мнѣ представляли еще положительную невозможность перебраться черезъ мостъ въ эту пору дня. Тутъ я узналъ странную фантасическую особенность этой мѣстности. Впродолженіе всего года неизмѣнно съ полуночи подымается изъ ущелій вѣтеръ и дуетъ съ силою урагана по теченію Сефид-руда, и это въ такой степени, что сбиваетъ въ рѣку тѣхъ, которые бы въ это время покусались перебраться черезъ мостъ. По закатѣ солнца вѣтеръ начинаетъ терять свою силу, хотя и не совершенно унимается, и караваны и путешественники колачуются утреннимъ затишьемъ, чтобы совершить переправу. Я рѣшился переночевать въ Менджиль, но изъ любопытства спустился къ рѣкѣ, чтобы посмотреть на мостъ. Это каменная громадная постройка на девяти величественныхъ аркахъ, въ полуразрушенномъ состояніи. Обвалившаяся часть моста посрединѣ, была залѣчена временною заплаткою, къ которой спускаются по откосамъ. Перила на мосту, тоже временныя, состоятъ изъ тонкихъ хворостъ; въ вѣкоторыхъ частяхъ только уцѣлѣли толстыя стѣны. Я было сунулся на мостъ, но едва могъ удержаться на ногахъ отъ неодолимаго вѣтра урагана... Перила дрожали какъ въ лихорадкѣ; сама каменная глыба, подымаемая крутящимся теченіемъ быстрой рѣки, какъ-будто жмурилась и ежилась подъ страшною массою стремительнаго воздуха, котораго свистъ оглушала меня. Ужь не свистѣла ли я во второй отдѣлъ давтова ада? думалъ я...

Io venni in luogo d'ogni luce muto,
 Che mugghia, come fa mar, per tempesta,
 Se da contrari venti e combattuto.
 La buffera infernal, che mai non resta,
 M'eva gli spiriti con la sua rapina. (*)

(*) Я очутился въ мѣстѣ, гдѣ не было ни искорки свѣта,
 Гдѣ раздавался ревъ, какъ ревъ моря во время бури,
 Когда оно борется съ противными вѣтрами.
 Адскій ураганъ, который никогда не унимается,
 Несетъ духовъ въ своемъ громадномъ коловоротѣ.

ДАНТЕ (Адъ. Пѣснь V.)

Раза два еще я шорывался пробиться хоть на нѣсколько шаговъ, но съ такимъ же успѣхомъ, какъ еслибы я хотѣлъ пройти сквозь желѣзные затворы.

Весь вечеръ и всю ночь ревъ вѣтра, качавшаго постояльнй домъ, впрочемъ довольно уютный и укромный, не унимался, и отгнѣя мой сонъ, навѣзвалъ мнѣ на душу безотчетное томленіе.

Еслибы можно было въ подобныя-то безсонные промежутки удерживать послѣдовательность мыслей, вызывать молнія, отчетливыя картины пріятнаго прошедшаго, прослѣдить отъ начала до конца какое-нибудь курьозное обстоятельство нашей жизни, задуматься на свободѣ объ интересахъ, съ которыми связано сердце наше, обдумать планъ какой-нибудь, распутать какое-нибудь недоразумѣнье, — еще можно бы было помириться съ досаднымъ будильникомъ, какого бы онъ ни былъ свойства; но нѣтъ! Натянувшись усталости на жесткомъ сѣдлѣ до совершеннаго изнуренія силъ, вы добираетесь наконецъ до мѣста отдыха, съ жадностью помышляя о сладкихъ минутахъ, васъ ожидающихъ на дорожной постелѣ; входи въ домъ, вы высматриваете лучшій и удобнѣйшій уголокъ для своего помѣщенія. Камелекъ засверкалъ, ставни заперты, стаканъ чаю, сигарка располагаютъ васъ къ нѣгѣ; наконецъ огонь гаснетъ, вы опускаетесь на коверъ, туго завертываетесь и съ головою въ ваши покровы, глаза закрыты, члены ваши, какъ-будто слегка развѣтвишіеся отъ продолжительной скачки, тоскуютъ, во всемъ тѣлѣ какая-то пульсація, вы сжимаете вѣки... и въ глазахъ вашихъ врагаютъ то круги, то блѣвныя искорки и змѣйки, сонъ спускается... Но вотъ злодѣйская блоха, одна, другая, третья... или надъ самозвѣ ухомъ запѣлъ комаръ... или за стѣной завывла собака... или наконецъ менажильская буря стучится въ ставни ваши и шаркаетъ около шуржнихъ угловъ станціи, или тяжело вздыхаетъ какъ какой-нибудь проказонный духъ... — вы еще сильнѣе жмете вѣки ваши, перебрываетесь на другую сторону въ надеждѣ, что тутъ вотъ именно и ждетъ васъ Морфей... Но и тамъ пусто! Вы съ горя принимаетесь гоняться за мыслями, за образами... но все это играетъ въ прѣтн съ душою вашею; то напираетъ на васъ пестрою, безворадочною толпою, то лопается, или кривляется, дробится на неувольнимые фантастическіе клочья, все кружится передъ вами въ какомъ-то разропанномъ шабашѣ... и вдругъ готово уже разсѣяться передъ торжественно наступающимъ сномъ, но новый порывъ бури за стѣнами — и сонъ снова исчезаетъ... Нѣтъ! эти минуты невыносимы.

Около полуночи сонъ-таки незаметно подкрался къ моему изголовью и обнялъ меня своими пушистыми крыльями.

Вообрази: мнѣ утромъ пришлось ползкомъ перебраться на ту

сторону рѣки! Лошадей чапаръ-шагирдъ велъ въ поводѣ; меня все время Юсуфъ поддерживалъ подъ мышки, идя съ навѣтренной стороны. Это они называютъ затишьемъ! Правда, вѣтеръ дулъ не такъ сильно какъ вчера вечеромъ, но все-таки дулъ еще такъ хорошо, что я не могъ держаться на ногахъ. Зимой какъ-видно ему и по утрамъ не терпится! Смотрѣть съ мосту на рѣку, несущуюся въ глубицѣ саженей восемнадцати съ головокружительною быстрою, я былъ ве въ силахъ, духъ захватывало.

Съ моста прямо мы должны были карабкаться по крутымъ каменнымъ уступамъ между скалъ. Вѣтеръ съ бѣшенствомъ преслѣдовалъ насъ въ этомъ тѣсномъ коридорѣ, и когда я добрался до вершины его, онъ унесъ мою шапку и чуть меня самого не швырнулъ въ рѣку. Но по мѣрѣ того какъ я удалялся отъ Менаджила, онъ отставалъ отъ меня все болѣе и болѣе... А между тѣмъ картины лѣсистыхъ горъ, крутыми обрывами или уступами спускавшихся къ рѣкѣ, приковали бы къ себѣ вниманіе Калама, и несмотря на то, что лѣсъ сильно пострадалъ отъ разбоевъ суроваго времени года, много еще зелени мелькало по горамъ между красными и желтыми блестящими погорѣвшихъ листьевъ; между бѣлыми полосами мѣловыхъ породъ и чернѣющими пятнами густой зелени оливы и кипариса. Вообще переходъ отъ гладкой и обнаженной степи Ирака къ лѣистой живописной мѣстности гирканскихъ высотъ, несмотря на трудность и даже на опасность дороги, повисшей надъ ревущимъ Сефидъ-рудомъ, отраденъ для глазъ какъ нельзя болѣе. Кому же и воздухъ становился все магче, все влажнѣе и потому пріятнѣе для дыханія.

Впродолженіе двухъ сутокъ я постоянно видалъ надъ рѣкою, пробираясь по обрывистымъ и узкимъ дорожкамъ, бѣжавшимъ посреди густого и красиваго лѣса. Миновалъ довольно большую деревню Рахметабадъ. Но тутъ влажность воздуха, о которой я говорилъ только-что съ такимъ умиленіемъ, перешла черезъ край... Облака сгустились все болѣе и болѣе между развалами горъ; сѣверная сторона горизонта, раздвигавшаяся перело мною отъ времени до времени между горными откосами, застлана была сплошною пеленою тучъ свинцоваго цвѣта; сталъ покрываться дождь и наконецъ пошелъ... Гляньтъ сказывался!

Io son al terzo cerechio della piova —
Eterna, maladetta, fredda e greve. (*)

(*) Я въ третьемъ кругѣ, въ кругѣ дождя,
Вѣчнаго, окалинаго, холоднаго, тяжелаго...

ДАНТЕ (Адъ. Пѣснь VI.)

И уже мнѣ какъ-будто слышался вдали лай Цербера...

Рудбаръ — живописнѣйшее селеніе, расположенное надъ рѣкою и орошаемое обильными водами прекраснаго источника. Это длинныя два ряда домовъ, состоящихъ большою частью изъ лавокъ, между которыми надо пробираться сгибаясь иногда подъ навѣсами, ихъ соединяющими; это разбросанныя домики по уступамъ покатостей и мельница у рѣзваго потока, съ шумомъ бѣгущаго въ рѣку и купы оливковыхъ деревьевъ, и вся мѣстность покрыта валунами и сѣтью выбивающихся изъ земли толстыхъ корней столѣтнихъ деревьевъ, которыя тамъ и здѣсь покачнулись отъ весенняго напора горныхъ потоковъ. Сушья игрушка! Кто видѣлъ Рудбаръ, не забудетъ прелесть его мѣстоположенія.

Вскорѣ затѣмъ горная стезя стала расширяться; каменникъ пропалъ; нѣсколько времени я скакалъ по какому-то подобію шоссе: это была часть дороги, построенной Моутемидъ-Эдоуле.

Наконецъ на третью сутки отъ Менджилъ, по крутому и безконечному спуску я такъ-сказать сброшенъ былъ въ настоящій Гиланъ, этотъ каспійскій Пьемонтъ. Названіе это можетъ быть отнесено къ нему прямо, потому что отъ подошвы послѣдняго спуска разстилается до самаго Каспія сплошная равнина, та самая, которую Жобаръ мнѣ описывалъ. Эта болотная низменность составляетъ собою среднюю полосу провинціи; южная состоитъ изъ послѣднихъ отроговъ горъ, по которымъ я только-что пробирался. Она начинается отъ одной высоты, гдѣ посреди самой дороги устроена таможенная застава Рахдар-ханѣ, называемая Шиве-Хошъ или «караулка сухихъ фруктовъ». Здѣсь караваны и путешественники неизбѣжно должны пройти по узкому пространству, образуемому уступомъ между двумя каменными плитами, на которыхъ и устроены двѣ половины открытой караулки, соединенныя павильономъ.

Сѣверная полоса состоитъ изъ узкаго песчанаго прибрежья, бывшаго подъ водами Каспія столѣтія два быть-можетъ тому назалъ. Горизонтъ воды Каспійскаго моря, какъ замѣчено, все болѣе и болѣе понижается. Центры населенія этихъ трехъ полосъ составляютъ: въ южной — Рудбаръ, въ средней — Рештъ, главный городъ провинціи, и въ сѣверной — портовой городокъ Энзели.

У самой подошвы горныхъ подъемовъ, къ которой подступалъ одинъ рукавъ Сефидъ-руда, стоитъ каменный каравансарай, свиду красивый, но грязный и дряхлый внутри. Эта станція называется Имамзаде-Хашимъ, по гробницѣ святаго потомка имамовъ, выста-

виной изъ-за ближайшей чащи лѣса вершину своего бѣлаго купола.

Худо ли, хорошо ли, я проспалъ эту ночь въ каравансараѣ и рано утромъ пустился далѣе, конволируемый неотвязчивымъ дождемъ, расходившимся уже ненашутку. Окрестность скрывалась отъ меня за лѣсомъ и за туманомъ, сквозь который слѣва сначала рисовался было высокій Дульбекъ, но и тотъ скоро сталъ отставать и наконецъ остался зади; Сефидъ-рудъ тоже повернулъ отъ дороги вправо. Долго я ѣхалъ такимъ образомъ по скользкой и грязной дорогѣ, невидя ничего передъ собой, кромѣ чащи обнаженныхъ деревьевъ, изъ которыхъ почти каждое до самаго верху обвито было живописно толстыми лозами дикаго винограда. Но вотъ стали показываться домики гилековъ съ островерхими соломенными крышами, которыхъ я еще не встрѣчалъ нигдѣ въ Персiи. Домики были разбросаны въ лѣсу и по одиночкѣ выглядывали изъ-за деревьевъ. Стали попадаться гилеки съ высоко обнаженными ногами, покрытыми липкою грязью. Почва становилась все вязче, все топче, и огромныя лужи во многихъ мѣстахъ уже занимали собою всю дорогу и терлись въ лѣсу или наполняли рисовыя поля, выступавшія около дороги все чаще и чаще.

Вотъ наконецъ послѣдняя станція, если только ее можно назвать этимъ именемъ, — Гоудимъ. Это какая-то небольшая груда полуразвалившихся, забитыхъ грязью сараевъ, безъ жителей. Кто и откуда привелъ намъ перемѣнныхъ лошадей, я хорошенько не зналъ. Знаю только, что мы сѣли на нихъ и поскакали. Но ненадолго... всего на нѣсколько шаговъ, потомучто мы вступили въ такъ-называемую Джекешемъ-дере, то есть «адскую лошину», вполне заслуживающую такое названіе. Это есть ничто иное какъ прогалина, разбѣгающаяся въ дремучемъ лѣсу на безчисленное множество вѣтвей, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ вязкой хляби, полной торчащихъ пней, набросанныхъ сучьевъ и валежника. Лошади наши глубоко улопали въ топь; скользя около пней и съ трудомъ вытаскивая ноги, онѣ заносили ихъ въ новую яму, проваливались посреди широко разлившихся дождевыхъ водъ, барахтались, качались со стороны на сторону, съ усилиемъ пробирались между деревьевъ, которыхъ сучья то и дѣло наровили въ глаза, такъ что надо было припасть къ луцѣ и въ этомъ положенiи стараться удерживаться на сѣдлѣ и по возможности натягивать поводъ, чтобъ удержать лошадь. Ночь между тѣмъ наступала быстро. Миѣ надо было не упускать изъ виду чапаръ-шагирда, вливавшаго впереди съ своимъ тяжелымъ вьюкомъ; и сердце у меня замирало всякій разъ, когда хвостъ его лошади иногда совершенно скрывался въ водѣ и вещи мои тожесл. А миѣ

надо было слѣдовать по тому же направленію, иначе я рисковалъ совсѣмъ захлебнуться съ лошадыю или увязнуть въ топи окончательно.

Но это слѣдованіе за проводникомъ не спасло меня отъ катастрофы, и въ одномъ дурацкомъ мѣстѣ лошадь моя сѣла въ хлябь, рванулась, фыркнула въ воду, и оборвалась совершенно; мы шагнули каждый въ свою сторону. Юсуфу пришлось слѣзть и подать мнѣ руку помощи. Но что рисовать далѣе?.. Воображеніе твое уже изобразило тебѣ твоего друга, обляпленного съ ногъ до головы грязью, непопадавшему и самого его лица!

Но вотъ я опять на лошади. Чтоже? не назадъ же ѣхать! И я поплелся снова. Сучья рвали мнѣ платье, сдирали шапку, щелкали по лбу. Нѣтъ, этого перехода забыть нельзя; нельзя вспомнить о немъ безъ особеннаго ужаса.. И эти почтовые люди и лошади почти ежедневно, по два раза, шлепаются по адской лошаднѣ. Что за жизнь, боже-мой!..

Отъ Гюдима до Решта всего одна часть пути, но этотъ одна часть перехитрилъ остальные сорокъ девять, слѣданные мною отъ Тегерана. Не забудь, это большая, караванная дорога; это одна изъ главныхъ коммерческихъ сухопутныхъ артерій, связывающихъ Среднюю Азію, даже Индію съ Европою. Вѣроятно ли?.. Но говорятъ, и по ту сторону Решта, по пути къ анзелійскому порту, караванамъ приходится плестись другую милю по дорогѣ, неуступающей Джехеннемъ-дере своими ужасами! Ту дорогу мнѣ назвали Пире-базарскою.

Если будемъ живы, познакомимся и съ той (1).

Наконецъ я ступилъ на твердую землю. Дорога обозначалась яснѣе, — дорога грязная правда и залитая во многихъ мѣстахъ дождевой водою, но все это не была топь! Деревья, большею частью маститые и величественные каркасы и такъ-называемыя шелковые деревья, *дирахти ибришимъ*, которыя называютъ также *Друсим-Гиланъ*, гиланской невѣстой, по ея прелестному цвѣтку, разрастающемуся большимъ розовымъ шелковистымъ опахаломъ, — вели себя хорошо, сравнительно съ растительностью Адской-лошадны, и чиненько стояли по сторонамъ, ровнясь какъ солдаты во фронтѣ... А вотъ и городскія строенія, сначала въ самой опушкѣ лѣса, потомъ потянулись непрерывнымъ строемъ... Я въ Рештѣ. Но все уже скрывалось въ потемкахъ, и я добрался по лабиринту улицъ до ар-

(1) Газеты тегеранскія говорятъ, что по приказанію правительства глава духовенства хаджи-мулла Рефи (1) взялъ на себя постройку гиланскихъ дорогъ и что работы уже производятся (1).

ивскаго каравансараѣ, неоставивъ себѣ никакого помятія о городѣ. Что впрочемъ могъ я увидѣть новаго въ наружности Решта, кромѣ его остроконечныхъ крышъ? Азіятскіе города такъ похожи другъ на друга!

Въ каравансараѣ, очень хорошо содержанномъ и состоящемъ изъ обширнаго строенія въ одинъ этажъ съ чистымъ дворомъ посрединѣ, я нашолъ себѣ очень хорошее помѣщеніе. Обыватели не пускаютъ въ дома своихъ гостей изъ христіанъ. Духовенство здѣшнее, отличающееся фанатизмомъ, строго слѣдитъ за этимъ. Но сокрушаться было мнѣ нечего. Комнатка моя очень удобна. Въ каравансараѣ постояльцевъ мало и потому тихо, содержится онъ довольно опрятно, на дворѣ нѣсколько деревьевъ, еще несовсѣмъ утратившихъ свою лству. Это правда, что вотъ уже третій день какъ я пріѣхалъ въ Рештъ, дождь не перестаетъ ни на минуту. Я не выходилъ изъ каравансараѣ и только посылалъ Юсуфа за справками объ Абдулла-ханѣ, но говорятъ его здѣсь нѣтъ... Чтоже это такое? Смыѣтся онъ надо мною? Неужели мнѣ въ такую погоду тащиться къ нему въ горы! Но сейчасть мой оруженосецъ отправился опять въ городъ собирать подробнѣйшія свѣдѣнія и я узнаю наконецъ что мнѣ дѣлать съ моею особою.

Это время отдыха я покрайней-мѣрѣ употребилъ не безъ пользы, посвятивъ его на бесѣду съ тобою. Не пеняй на меня, если я тебя замучилъ моею болтовнею.

А между тѣмъ я, какъ водится, не остался безъ пациентовъ. Всѣ аривы, гостящіе въ каравансараѣ, всѣ безъ исключенія, какъ только я утромъ проснулся, пришли просить у меня медицинскій помощи. Ихъ было семеро. Шестъ человекъ возились съ рецидивами лихорадки, и въ тоже время почти всѣ они были болѣе или менѣе поражены чесоткою; седьмой страдаетъ пульмоніей. Послѣ полудня стали появляться и горожане, но большею частью изъ нисшаго класса. Кто изъ нихъ не боленъ, тотъ проситъ подалнія, а нерѣдко случается, просятъ и лекарства, и денегъ въ одно и тоже время. Посмотримъ что изъ этого выйдетъ.

Итакъ до слѣдующаго раза.

ПРОДОЛЖЕНІЕ БУДЕТЬ)

* * *

Сядемъ вмѣстѣ у березы —
Что ты скученъ такъ ?
Вотъ опять ужь чуть не слезы !
Право ты чудакъ !..

Все куда-то такъ далеко
Смотришь самъ не свой,
Или бродишь одиноко
Поздвечю порой.

Все тебѣ кажись немилъ ;
Съ вѣчною тоской
Старикомъ глядишь уныло —
Словно ты больной...

Все-то льнешь ты только къ книгамъ,
Нѣтъ покою дня ;
Хочешь, вылечишься мигомъ :
Полюби меня !

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

СЪ БЕРЕГОВЪ РЕЙНА

I

Г. Тургеневъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи «Отцы и Дети» говоритъ, что русскіе, занимающіеся въ Гейдельбергѣ естественными науками, «удивляли на первыхъ порахъ навивныхъ вѣдическихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, впоследствии удивляютъ тѣхъ же самихъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью», что молодые химики не въ состояніи отличить кислорода отъ азота, но исполнены отрицанія и самоуваженія.

Этотъ упрекъ въ абсолютной лѣни русскихъ учащихся въ Гейдельбергѣ показался намъ до крайности оригинальнымъ и доказываетъ, что знаменитый писатель или вовсе не знаетъ русскихъ учащихся въ Гейдельбергѣ и вообще въ Германіи, или если ему и повздалось господа, называющіе себя химиками и неумѣющіе отличить кислорода отъ азота, то по нимъ онъ очень неудачно вывелъ заключеніе о всѣхъ вообще учащихся русскихъ въ Гейдельбергѣ. Въ опроверженіе же этого упрека мы можемъ поименно назвать тѣхъ русскихъ изъ бывшихъ въ Гейдельбергѣ, которые уже выдержали экзаменъ на ученія степени и указать на характеръ занятій и степень успѣховъ каждаго изъ тѣхъ, которые теперь еще занимаются въ Гейдельбергѣ.

Понятная вещь, что въ массѣ русскихъ, пріѣзжающихъ учиться въ Германію, есть господа ровно ничего недѣлающіе или занимающіеся *политическими науками вообще* и *спеціальнымъ изученіемъ быта сельскаго сословія на экспрессахъ между Франціей и Италіей*; есть господа, которые говорятъ, что они *напримѣръ естествоиспытатели* — на томъ только основаніи, что ихъ кто-нибудь случайно заставилъ на лекцію какаго-нибудь профессора естественныхъ наукъ. Но этихъ господъ вы найдете вездѣ довольно; она вамъ проуж-

жать уши своимъ благоговѣніемъ къ наукѣ; эти господа считаютъ своею обязанностью говорить обо всемъ, о крестьянскомъ вопросѣ въ особенности, который пока еще служитъ неизмѣннымъ для нихъ конькомъ, и заботиться о которомъ они чувствуютъ за собою законное право, добытое чтеніемъ Бонмера и тѣмъ, что собираются изучать Положеніе 19 февраля.

Всѣмъ русскимъ вообще, живущимъ въ Германіи (я исключаю отсюда неуловимыхъ, или улавливаемыхъ иногда полиціей за долги, посѣтителей разныхъ Баденовъ и Баховъ), свойственна одна черта, въ которой многіе впадаютъ, особенно издалека, т. е. изъ Россіи, несомнѣнный признакъ патріотизма и національной дѣятельности. Эта черта — ненависть ко всему нѣмецкому, ненависть, которая переносится даже на самыя естественныя привычки, перенимаемыя русскими отъ нѣмцевъ. Попробуйте надѣть длинныя сапоги, называемыя въ Дерптѣ пушками, которые необходимы въ дождливое время, продолжающееся большую часть лѣта и зимы, попробуйте завести себѣ собаку, носить хлыстъ или налочку и вертѣть ею въ воздухѣ на подобіе эспадона — и вамъ дадутъ на вѣчную поску прозвище *собачника*. Бѣзвать верхомъ можете сколько угодно, дѣлать прогулку для того чтобы поѣсть форелей — тоже, гоняться другъ за другомъ по улицѣ и производить шумство, приводящее въ ужасъ почтенныхъ бюргеровъ, ограничиваться смистаньемъ по праздникамъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, — все это позволено. Но сапоги-пушки, собаки, особенно изъ крупныхъ породъ, и вертѣнье въ воздухѣ хлыстомъ на подобіе эспадона дѣлаютъ изъ васъ собачника. Собачникъ становится отверженцемъ, ему готовы приписать все дурное, отнять отъ него все хорошее, его называютъ отъявленнымъ лѣнтяемъ и русскимъ нѣмцемъ. И на этотъ разъ самыми яркими порицателями являются господа, собирающіеся изучать Положеніе 19 февраля и занимающіеся естественными и политическими науками вообще.

Положимъ, что невозможно увлечься нѣмцемъ, непонимающимъ жизни безъ пивной вѣчеру и удивляющимся какъ могутъ русскіе убивать свое время за книгой, но и такіе русскіе, зашедшіе такъ далеко въ своей антипатіи къ нѣмцамъ, не увлекательнѣе какого-нибудь опившагося нѣмца.

Обвиненіе же русскихъ въ безусловной лѣни кажется намъ совершенно голословнымъ и попало въ повѣсть Тургенева такъ, случайно, можетъ-быть для краснаго слова, которое не всегда бываетъ у мѣста.

Въ этомъ году русскіе стали посѣщать боннскій университетъ и дѣлшую земледѣльческую академію. Боннскій университетъ прина-

бръль въ Германіи извѣстность отчасти черезъ разныхъ германскихъ принцевъ, получившихъ здѣсь образованіе. Берлинскій нѣмецъ горлящійся тѣмъ, что прусская принцеса—дочь британской королевы, непременно скажетъ, говоря о Боннѣ, что тамъ воспитывался покойный принцъ Альбертъ. Этого слишкомъ достаточно для нѣмца, чтобы считать Боннѣ чѣмъ-то необыкновенно высокимъ.

Боннѣ лежитъ на Рейнѣ; Боннѣ окружовъ живописными окрестностями, въ чемъ безусловно сознается всякой кѣльнскій житель, мечтающій имѣть дачу подлѣ Бонна.

Есть вещи, получившія такую громадную популяриность, что говорить о нихъ безъ похвалы покажется дико. Ктѣо напримѣръ не составилъ себѣ самага поэтического представленія о Рейнѣ, на берега котораго забросила насъ судьба? А между тѣмъ что можетъ быть прозаичнѣе этой рѣки, если вы видите ее въ первый разъ, положимъ въ Кельнѣ! Мутная желтая вода, плоскій берегъ, усаженный мѣстами тополю, и совершенное отсутствіе движенія на рѣкѣ—вотъ какимъ представляется знаменитый «Vater Rhein». Но живописный Рейнѣ, тотъ Рейнѣ, по которому теперь возятъ англичанъ и нѣмцевъ, давшихъ обѣтъ насладиться его замками, Лурлеями, Эренбрейтштейнами,—этотъ Рейнѣ начинается только отъ Майнца и кончается у Бонна. На этомъ протяженіи Рейнѣ течетъ между высокими кварцевыми и базальтовыми скалами. Желѣзная дорога, идущая отъ Кобленца до Бингена по обоимъ берегамъ Рейна, прорѣзываетъ скалы множествомъ тунелей, украшенныхъ готическими башнями. Устройство дороги достойно полного удивленія. Вблизи Бонна, у Роландсэка, находятя послѣдніе холмы, увѣнчанные средневѣковыми развалинами и усаженные виноградниками,—это живописный Зибенгебирге съ Драхенфельсомъ, производящимъ очень порядочное вино. Зибенгебирге составляетъ очень хорошенькую панораму пирамидальныхъ холмовъ, синѣющихъ въ ясные дни, которыхъ такъ мало въ Боннѣ.

Чтобы избавиться отъ лежащей на совѣсти обязанности видѣть живописный Рейнѣ, я совѣтую всякому путешественнику ограничаться однимъ какимъ-нибудь мѣстомъ, положимъ хоть Драхенфельсомъ, потомучто нѣтъ ничего утомительнѣе плыть по Рейну и видѣть все одни и тѣже зеленые холмы и черныя скалы, сѣрыя развалины и прирейнскіе городки съ набережными, заставленными во всю длину трактирами и кофейнями. По палубѣ зеленого парохода, носящаго обыкновенно поэтическое названіе Шиллера, Рубенса, прусской принцессы или просто Королевы, сбѣгаютъ, какъ угорѣлые, нѣмцы и англичане съ красными гидами и панорамами Рей-

на и не знаютъ куда дѣться отъ восторга или отъ досады, что не могутъ отыскать на берегу того замка, который торчатъ на скалѣ.

Не самъ Рейнъ хорошъ, не его старые замки и пирамидальныя башни церковей рейнскаго стиля, но хороша долина Рейна. Взойдите на Драхенфельсъ, и минуя долговязыхъ инглишей, бѣдующихъ на ослахъ, и вѣмцевъ, идущихъ съ вѣнками на шляпѣ, минуя разные камни, покрытые надписями, между которыми красуется: «Русские. 1862 г.», — остановитесь на площадкѣ, украшенной памятникомъ въ честь зибенгебиргенскихъ ополченцевъ, храбро дравшихся съ французами въ 14, 15 и 16 годахъ, и не обращая вниманія на господина, соблазняющаго васъ своимъ телескопомъ, и на мальчишекъ, ругающихъ васъ на Plattdeutsch'ѣ зато, что вы не покупаете у нихъ дубовыхъ вѣнковъ, — посмотрите на рейнскую долину: съѣзъ Рейнъ уходитъ за горы, покрытыя лѣсомъ и виноградниками, справа вѣтся онъ узкой лентой по долинѣ и теряется въ туманной дали, изъ которой вырисовывается туманная масса кѣльнскаго собора. Долина усѣяна красивыми крышами деревень и отдѣльныхъ фермъ, среди садовъ и разноцвѣтныхъ полосъ поспѣвающей ржи, темной зелени яровыхъ хлѣбовъ и огородовъ и яркой зелени виноградниковъ. Впереди, среди долины, на вершинѣ пирамидальнаго холма стоитъ круглая башня Годесбергскаго замка, у подножія котораго пріютились красивыя дачи разбогатѣвшихъ кѣльнскихъ и эльберфельскихъ купцовъ. Внизу холма мчится поѣздъ желѣзной дороги. Лѣвый берегъ Рейна весь усѣянъ виноградниками, высоко взбирающимися на самыя крутыя покатости холмовъ. Иная полоска виноградника упирается однимъ бокомъ въ скалу, а другимъ виситъ надъ слѣдующимъ виноградникомъ, припертая камнями. Вправо, за поворотомъ Рейна, спрятался Боннъ съ пирамидальною башнею Münsterkirche, неимѣющей претензій на изящество.

Боннъ имѣетъ весьма скромный, даже убогій видъ; онъ не бросается въ глаза ни готическими стрѣлками, ни пернестепенными отелями; своими трактирами ему нечемъ даже удержать носъ какою-нибудь Бибрахъ; онъ не заманиваетъ собою туриста, но зато онъ счастливѣе всякихъ Майнцовъ и Кобленцовъ, пріютивъ у себя цѣлую колонію англичанъ и добрый десятокъ нѣмецкихъ принцевъ. Набережная, засаженная молодыми деревьями, маскируетъ старыя ободраныя лѣнники, стоящія на огромныхъ фундаментахъ, служившихъ когда-то крѣпостными стѣнами. Три или четыре десятка лакея встрѣчаютъ васъ своими предложеніями выбрать ихъ гостиницу, которая обыкновенно называется «отель-ройяль», «отель-фюрсторія», и разные Рейнъ-госы и Рейнъ-вкн. Если вы молоды и

вать можно принять за иностраннаго студента, то къ вамъ подходить господи́нь и объясняетъ, что его фами́лiя така-то.

— Чтоже вамъ угодно?

— А вы вѣроятно приѣхали штудировать?

— Да.

— Такъ ужь пожалуста не откажите мнѣ въ своемъ знакомствѣ.

— Чтоже именно вамъ нужно?

— Я, видите, знакомъ со вѣсми студентами, и если нужно будетъ бандажировать, то я къ вашимъ услугамъ.

— Очень радъ буду воспользоваться вашими услугами, говорите вы, узнавъ въ этомъ услужливомъ господи́нѣ такъ-называемаго Репк-Аffe. Эти дуэльныя обезьяны служатъ сигнальщиками во время дуэли; здѣсь ихъ разставляютъ на разныхъ пунктахъ Venusberg'a, на которомъ нѣмцы выкраиваютъ себѣ носы и щеки. Дуэльныя обезьяны обязываютъ готовящихся къ мейзурѣ дуэлистовъ съ ногъ до головы замшевыми подушками, подбитыми ватой.

Собственно городъ Боннъ, окруженный, какъ всѣ европейскіе города, акцизной стѣной, которая, какъ вамъ извѣстно, украшается въ большихъ, а также и старинныхъ городахъ триумфальными арками, очень некрасивъ и весь сросся въ сплошную массу на небольшой покатости идущей къ Рейну. Улицы Бонна узки; большая часть ихъ доступна только для пѣшеходовъ. На углахъ большей части улицъ и на многихъ домахъ стоитъ въ нишѣ статуя божіей матери съ младенцемъ, иногда же безъ младенца. Воздухъ въ городѣ очень нездоровъ отъ этой тѣсноты и отъ нечистотъ, постоянно льющихся по сточнымъ канавкамъ. По субботамъ Боннъ особенно веселенъ. Въ этотъ день нѣмки производятъ повсемѣстную чистоту и на этомъ основаніи заливаютъ улицу всякою грязью. Благо воды на улицахъ и во дворахъ довольно, потомучто каждый почти домохозяинъ имѣетъ свою помпу.

Самое шикарное мѣсто въ Боннѣ — Markt съ фонтаномъ посрединѣ, служащимъ въ тоже время памятникомъ отцу отечества Максимилиану-Фридриху, послѣднему кѣльнскому курфирсту, основателю боннской академіи. На широкомъ концѣ площади стоитъ ратуша, подлѣ которой ходитъ гусарь съ поднятымъ палашиомъ — вѣрно дожидается французовъ. Есть еще и другая площадь — подлѣ почты, у которой вѣчно торчитъ безобразнѣйшая прусская желтая почтовая карета. Тутъ же стоитъ статуя Бетховена въ сертукѣ и тогѣ, съ потами въ правой рукѣ. Великій композиторъ смотритъ гнѣвнымъ начальникомъ, собирающимся распушить своихъ подчиненныхъ, хотя несомнѣнно, что художникъ хотѣлъ изобразить моментъ высокаго творческаго вдохновенія.

Кругомъ памятника раскидываются армяночные балаганы съ приниками, мыломъ и башмаками, разными мѣшочками и зонтиками, безъ которыхъ въ Боннѣ нельзя выходить на улицу, потому что дождь льетъ по цѣлымъ недѣлямъ.

На кладбищѣ похоронены: Нибуръ съ супругою; оба они изобразены на мраморныхъ барельефахъ въ римскихъ одеждахъ, въ пукляхъ и бакенбардахъ, и держатъ другъ друга за руку; вдова Шиллера, погребенная въ одной могилѣ съ сыномъ поэта Эристомъ; поэтъ и ориенталистъ Августъ Шлегель, національный поэтъ Тирингъ, поэтъ Эрнстъ Арватъ и Бунаевъ.

Есть еще старинный католическій соборъ *Münsterkirche*, построенный въ 1270 году, хотя преданіе относитъ постройку церкви ко временамъ Константина-великаго. Соборъ построена въ переходномъ стилѣ съ множествомъ маленькихъ колоннокъ, соединенныхъ по двѣ полукруглыми арками и съ безобразно-большой пирамидальной башней. Онъ обновленъ въ 1847 году.

Вообще о городскихъ достопримѣчательностяхъ можно сказать немного болѣе того, что есть

три будки,

При нихъ два будочника есть;

что есть каменный театръ для зимы и балаганный театръ для лѣта, что есть довольно плохія кондитерскія, куда приходятъ нѣмки пить кофеи со своимъ хлѣбомъ. Вообще за всѣми удовольствіями ѣздить въ Кельнъ, о которомъ рѣчь будетъ впереди. За Бонномъ, у кобленскихъ воротъ, направо — часть университета съ библіотекой и музеемъ рейнскихъ древностей; прямо — *Coblenzstrasse* съ подразделениями; это аристократическая часть новаго города, заселенная по преимуществу англичанами, у которыхъ здѣсь двѣ церкви, гусарами и нѣмецкими принцами. У подножія Крейцберга, на которомъ стоитъ древній монастырь, незнаю съ сколькими-то живыми монахами и съ 25 муміями монаховъ⁽¹⁾, находится пригородъ *Doppeldorf* съ частью университета, обсерваторіей и земледѣльческой академіей. Здѣсь же находится больница.

Наплывъ иностранцевъ и разныхъ почтенныхъ отставныхъ деловыхъ людей значительно дѣйствуетъ на увеличеніе города; въ этомъ году строится и предполагается строить до ста домовъ.

(1) Одной изъ этихъ мумій четыреста лѣтъ. Ихъ болѣе не показываютъ. Въ этомъ монастырѣ есть двадцативосьми-ступенная лѣстница на подобіе латеранской *Scala santa*, по которой можно всходить только на козляхъ. Здѣшніе иезуиты одни изъ самыхъ усердныхъ; папа на нихъ можетъ положиться, и Наполеонъ тоже.

Жизнь въ Боннѣ довольнона дорога, хотя дешевле чѣмъ въ Гейдельбергѣ.

Боннскій университетъ (Fridericea Guilelmia Rhena) получилъ свое основаніе еще въ 1777 году, учрежденіемъ академіи, которая три года спустя была преобразована въ университетъ. По занятіи французами рейнской провинціи университетъ былъ закрытъ въ 1794 году. Въ 1819 году онъ былъ снова открытъ и *озарилъ Боннъ новымъ блескомъ*. Если французы снова займутъ рейнскую провинцію, подобно опасаться, чтобы этотъ блескъ не погасъ. Университетъ имѣетъ сто профессоровъ и доцентовъ, и восемьсотъ студентовъ. Библиотека состоитъ изъ двухсотъ-тысячъ томовъ. Кромѣ того есть кабинетъ для чтенія съ двумя-стами учеными журналами (мѣсячная плата — одинъ талеръ), собраніе слѣпковъ со всѣхъ замѣчательныхъ мраморовъ, музей рейнскихъ древностей и великолѣпная зала Aula, украшенная фресками Корнелиуса и его учениковъ. За осмотръ всего этого нѣмцы взыскиваютъ полталера. Часть медицинскаго факультета и естественный, вмѣстѣ съ музеями естественныхъ наукъ, помѣщаются въ такъ называемомъ Schloss'ѣ, дворцѣ бывшихъ кѣльскихъ курфирстовъ, который находится въ пригородѣ Poppelsdorf.

Замѣчательно, что всѣ германскіе университеты имѣютъ большія библиотеки, но пользованье книгами обставлено такими условіями, которыя равносильны запрещенію. Такъ напримѣръ въ гейдельбергской библиотекѣ позволяютъ читать въ общихъ залахъ только отъ 10-ти до 12-ти часовъ, то-есть какъ-разъ во время лекцій. Сверхъ того книги съ рисунками не выдаются на домъ, такъ что библиотека недоступна для естественниковъ. Новыхъ книгъ библиотеки почти не выписываютъ; такимъ образомъ въ гейдельбергской библиотекѣ самыя новыя книги чуть не XVII столѣтія. Встарину гейдельбергская библиотека пользовалась огромною славою, но разъ какъ-то студенты взбунтовались, — за это святѣйшій папа въ наказаніе велѣлъ библиотеку перевести въ Римъ, гдѣ она прогостила чуть ли не триста лѣтъ. Съ тѣхъ поръ кажется новыхъ книгъ почти не покупали. При іенскомъ университетѣ находится самая лучшая библиотека, но зато тамъ книгъ вовсе не выдаютъ. Здѣшнее университетское начальство отпускаетъ книги на домъ, и то только безъ рисунковъ, за поручительствомъ какого-нибудь профессора или hochgeschellte Beamter'a. Про здѣшнюю библиотеку мы можемъ сказать только то, что въ ней читатель относительно удобствъ поставленъ ниже чиновниковъ, занимающихъ великолѣпныя залы, въ чемъ мы увидѣли очень пріятное различіе съ петербургскою публичною библиотекою, въ которой вовсе нѣтъ

помѣщенія для чиновниковъ, но зато отличный залъ для читательской.

Въ попельсдорфскомъ замкѣ, бывшемъ дворцѣ кѣльскихъ курфирстовъ, помѣщаются аудиторіи естественнаго факультета, лабораторіи и музей естественно-историческій и геологическій. Одна изъ залъ музея служила прежде капеллой и на потолкѣ еще сохранились довольно порядочныя фрески. Бывшая столовая кѣльскихъ курфирстовъ, такъ называемая зала гротовъ, представляетъ образчикъ оригинальнаго каприза. Стѣны, потолокъ, оконныя откосы и двери этой залы выложены кристаллами и раковинами. Карнизы на дверяхъ и полу-колоннахъ усажены очень красивыми раковинами (*scolagia*, лѣсенка, и *halcotis*, ушко). Потолокъ выложенъ голубымъ камнемъ и арабесками изъ раковинъ. Изъ раковинъ же сдѣланы птицы, перья, коралловые стебли и разныя другія украшенія. Въ одной изъ стѣнъ устроенъ гротъ. Все это видѣть производитъ очень оригинальное впечатлѣніе. Въ этой залѣ, напоминающей прежніе веселые дни кѣльскихъ курфирстовъ, помѣщается замѣчательное собраніе выпуклостей луны и рельефныя панорамы Везувія, острововъ Пальмы и Тенерифа, Богемскихъ горъ, Оберланда, Гарца и Забенгебирге. Модель Монблана замѣчательна тѣмъ, что горы сдѣланы также по масштабу въ высоту, что весьма рѣдко встрѣчается въ подобныхъ моделяхъ. Середина залы занята громадною моделью рейнской долины отъ Майнца до Бонна и частью Нассау. Модель имѣетъ 12 футовъ длины и 10 ширины; на ней изображены всѣ большія зданія, развалины и даже нѣкоторыя фермы. (Всѣ эти модели можно купить.) Лучшимъ украшеніемъ этой залы служить разрѣзная модель геологическихъ формаций и таже модель въ профили, на которой стеклянныя стѣнки разной величины изображаютъ направленіе покатости и расположеніе земныхъ пластовъ. Подобная модель чрезвычайно рѣдка и нельзя ея не рекомендовать Горному корпусу, въ которомъ есть очень курьозная туннель для нагляднаго изученія формаций, раскрашенныхъ цвѣтными полосами, и даже есть искусственная сталактитовая пещера, но нѣтъ ни одной модели ни Кавказскихъ, ни Алтайскихъ горъ. Въ этой же залѣ размѣщены большіе экземпляры окаменѣлыхъ деревьевъ. Рядомъ слѣдуетъ сравнительно-анатомическій музей, въ которомъ нѣтъ рѣшительно ни одной порядочной коллекціи. Одна обезьянья мумія, нѣсколько уродцевъ, неполная коллекція человѣческихъ зародышей, ничега нестоящіе скелеты рыбъ, вынутый изъ орбиты глазъ быка съ лаконическою надписью: «oculus» — вотъ все богатство этого музея. Но главный недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ малъ и что все въ немъ распределено такъ не-

брежно и въ такомъ безпорядкѣ, что напримѣръ очень порядочныя модели мозга переижданы вмѣстѣ съ чьими-то зубами, бронями яриадилловъ, рогами и разными засушными препаратами. Зоологическій музей довольно обширенъ и имѣетъ большую коллекцію птицъ, но вообще всѣ животныя вѣсколько попорчены молю. Отдѣленіе высшихъ животныхъ заключаетъ въ себѣ вѣсколько весьма замѣчательныхъ коллекцій, особенно богатыхъ тропическими видами. Собраніе коралловъ хотя и составлено довольно небрежно, но замѣчательно значительно большаго разнообразіемъ видовъ, представляющихъ возможность хорошо познакомиться съ главными типами этого отдѣла животныхъ. Коллекція морскихъ звѣздъ замѣчательно велика, но разбросана въ безпорядкѣ по недостатку мѣста. Здѣшній профессоръ зоологіи Трошель, о которомъ мы поговоримъ впоследствии, спеціально занимался морскими звѣздами вмѣстѣ съ знаменитымъ Іоганномъ Мюллеромъ. Между высшими животными есть коллекція, поставленная здѣсь какъ-будто для вида, что можно напримѣръ сказать относительно сифонофоровъ. Собраніе змѣй спиртованныхъ и сухихъ очень велико и разнообразно, зато насѣкомыхъ мало и они очень плохи.

То, чѣмъ можетъ особенно похвастаться здѣшній музей и что дѣлаетъ его особенно замѣчательнымъ, — это палеонтологическое отдѣленіе. Основателемъ палеонтологическаго музея былъ знаменитый профессоръ Гольдфусъ, которому парижская академія подарила желвакопную модель почти полнаго черепа какой-то гигантской ящерицы. Здѣшній музей имѣетъ одну изъ замѣчательныхъ палеонтологическихъ рѣакостей — *водяную млию* (*pentacrinites subangularis*), найденную въ Виртембергѣ, столь богатомъ остатками ископаемыхъ животныхъ. Это допотопное животное, принадлежащее къ отдѣлу лучистыхъ, отлично сохранилось и представляетъ совершенно цѣлый экземпляръ. Изъ большихъ отпечатковъ есть два экземпляра *mystrisaurus bollensis* (ящерица) и одинъ плезиозавра. Сверхъ того четыре превосходныхъ отпечатка птеродактилей (летающихъ ящерицъ) и замѣчательно большая коллекція аммонитовъ и белемитовъ (чортовъ палець). Въ большомъ собраніи отпечатковъ — на асфидныхъ доскахъ — лягушекъ, рыбъ и ящерицъ очень хорошъ экземпляръ лягушки великана (*rana gigantea*). Нельзя также не обратить вниманія на янтари съ насѣкомыми и на собраніе превосходныхъ отпечатковъ трилобатовъ. Наконецъ въ коллекціи разныхъ частей скелетовъ большихъ допотопныхъ млекопитающихъ нельзя не обратить вниманія на большое собраніе зубовъ.

Рядомъ съ самыми серьезными вещами удивительно странно встрѣчать такія, которыя вызываютъ въ одно и тоже время смѣхъ

и сожалѣніе. Въ вюрцбургскомъ университетѣ около 1740 года былъ профессоръ Берингеръ. Студенты въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ забавлялись надъ этимъ несчастнымъ человѣкомъ, принося ему отпечатки разныхъ живыхъ животныхъ и выдавая эти отпечатки за настоящіе. Профессоръ съ жадностью спеціалиста подбиралъ эти кусочки глины, усердно работалъ надъ ними, открывалъ новую породу отжившихъ животныхъ, заносилъ ихъ въ свои мемуары и велъ ожесточенный споръ съ своими собратами по наукѣ. Наконецъ книга⁽¹⁾ была издана и мистификація разоблачилась. Можете себѣ вообразить ужасъ профессора. Онъ бросился отбирать экземпляры своей книги, истратилъ на это все свое состояніе и кончилъ тѣмъ, что сошелъ съ ума. Нѣсколько экземпляровъ этихъ убійственныхъ отпечатковъ находятся въ здѣшнемъ музеѣ.

Относительно здѣшнихъ профессоровъ мы можемъ указать на слѣдующія имена, извѣстныя всѣмъ спеціалистамъ: Фердинандъ Вальтеръ (германское право), Эдуардъ Бѣкингъ (гражданское право), Максъ Шульцъ (анатомія), Флегеръ (физиологія), Отто Веберъ (патологическая анатомія), Отто Дейтерсъ (микроскопическая анатомія), Людвигъ Тревпронусъ (ботаникъ), Якобъ Ноггератъ (минералогія), Христіанъ Лассенъ (санскритскій языкъ), Отто Янъ (филологія), Геврихъ де-Зибель (новая и германская исторія), Трошель (зоологія), Германъ Шахтъ (ботаника) и Андре (палеонтологія).

Профессоръ зоологіи Трошель приобрѣлъ въ Германіи и даже въ Россіи заслуженную извѣстность за свое руководство къ зоологіи. Онъ былъ пятнадцать лѣтъ учителемъ въ реальной школѣ и получилъ профессорскую кафедру черезъ знаменитаго Іоганна Мюллера, съ которымъ онъ долго работалъ. Трошель принадлежитъ къ типу уже исчезающихъ профессоровъ-спеціалистовъ, которые ничего не хотятъ знать дальше своего предмета, и на томъ основаніи, что онъ зоологъ, ему рѣшительно нѣтъ дѣла до сравнительной анатоміи; оттого, несмотря на все его искреннее желаніе быть полезнымъ своимъ слушателямъ, онъ не можетъ имъ вполнѣ удовлетворить своимъ знаніемъ.

Профессоръ палеонтологіи Андре, еще молодой человѣкъ, но уже извѣстный своими трудами, находится совершенно въ другой крайности: при всемъ его желаніи подѣлиться богатымъ запасомъ своихъ свѣдѣній онъ не находитъ себѣ достаточно слушателей. А между тѣмъ, кромѣ отличнаго музея, о которомъ мы уже говорили, подлѣ Бонна находится Зибенгебирге, который служитъ богатымъ мѣстомъ для палеонтологическихъ экскурсій.

(1) «Lithographia virceburgensis specimen primum».

Професоръ анатоміи Максъ Шульцъ и професоръ ботаники Германъ Шахтъ могутъ служить самымъ полнымъ выраженіемъ всего, что европейская цивилизація произвела высокаго и благороднаго. Шахтъ раньше чѣмъ сдѣлался професоромъ испыталъ всю тяжесть бѣдности и лишеній. Онъ уже былъ близокъ къ могилѣ, когда прусское министерство народнаго просвѣщенія послало его на Teneriffъ. Онъ могъ тамъ вылечиться и въ тоже время обогатить какой-нибудь музей своими коллекціями. Александръ Гумбольдтъ очень любилъ и уважалъ Шахта. Русская ученая литература приобрѣла драгоценную книгу въ переводѣ «Дерева» этого професора. Максъ Шульцъ и Германъ Шахтъ соединяютъ съ глубокимъ и всестороннимъ знаніемъ жажду быть полезнымъ своимъ слушателямъ и подѣлиться съ ними не только своими свѣдѣніями, но и всѣми своими богатыми коллекціями, книгами, инструментами.

Оба професора чрезвычайно стѣснены недостаточными средствами, которыми располагаетъ университетъ, которыя стоятъ на второмъ планѣ въ провинціальной Пруссіи. Музей Anatomicum до крайности жалокъ,—такъ жалокъ, что самымъ лучшимъ препаратомъ въ немъ считаются лимфатическіе сосуды, налитые какою-то желтою краскою. Что же касается до ботаническаго сада, то на его содержаніе отпускается такая ничтожная сумма, что нѣтъ возможности приобрѣсти ни одного сколько-нибудь цѣннаго растенія. Но все что въ немъ есть, отлично содержано, и здѣшній ботаническій садъ замѣчательнъ разнообразіемъ акклиматизованныхъ деревьевъ и въ томъ числѣ болѣе чѣмъ полустолѣтнимъ ливанскимъ кедромъ. Изъ сада открывается очень красивый видъ на поля, Рейнъ и Зибенгебирге, къ которому мы возвратимся въ слѣдующемъ письмѣ, главное содержаніе котораго будетъ посвящено здѣшней земледѣльческой академіи.

II. НОВИЦКІЙ

Боннъ $\frac{9 \text{ ЮЛЯ}}{27 \text{ ЮНЯ}}$ 1862.

ИЗЪ РИМСКИХЪ ЭЛЕГІИ ГЕТЕ

(ЭЛЕГІЯ XVI)

«Милый, зачѣмъ не пришолъ ты сегодня ко мнѣ въ виноградникъ ?
Я свое слово сдержала, прождавши тебя одиноко.»

— Душенька, я уже было пришолъ, да къ несчастью твой дядя
Мнѣ тамъ попался : онъ около длинныхъ тычинъ съ виноградомъ
Такъ хлопоталъ, суетился, что вошь поскорѣе оттуда
Крадучись я убѣжалъ... —

«О милый ! ты страшно ошибся :

Пугало принялъ за дядю, которое птицамъ для страху
Вмѣстѣ со мной смастерилъ онъ изъ стараго платья и тряпокъ ;
Я же какъ-будто на зло сама ему такъ помогала!..»

— Ну, такъ ужь значить вполне старику удалася продѣлка :
Самую хищную птицу спугнулъ онъ ! А то бы сегодня
Разомъ украла она и племянницу съ садикомъ вмѣстѣ ! —

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

СТРАНСТВІЕ ЧАЙЛДЪ - ГАРОЛДА

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ ЛОРДА БАЙРОНА

(посвящается П. А. Плетневу)

Вселенная — нѣчто вродѣ книги, которой вы прочли одну первую страницу, если видѣли только свою страну. Я перелистывалъ довольно много страницъ и всё нашолъ довольно плохими. Этотъ пересмотръ былъ для меня не безплоденъ. Я ненавиждѣлъ свою родину. Мерзости разныхъ народовъ, посреди которыхъ я жилъ, меня съ ней помирили. Еслибы я не извлекъ никакой другой пользы изъ моихъ путешествій кромѣ этой, я все-таки не пожалѣлъ бы ни объ издержкахъ, ни объ усталости. *Le cosmopolite.*

КЪ ЯНТЪ (1)

Ни въ тѣхъ странахъ, гдѣ я блуждалъ мечтая,
Хоть тамъ краса давно слыветъ чудесной ;
Ни въ грезахъ сна, хоть образъ безтѣлесной
Порою въ мѣрѣ видимомъ, вздыхая,
Повсюду ищетъ сердце, — никогда я
Не зрѣлъ тебѣ подобной ! Тщетно я бы
Подвижность чертъ передавать словами
Хотѣлъ. Слова для видѣвшаго слабы
И звукъ пустой для тѣхъ, кто не видали сами.

(1) Леди Чарлоттъ Гэрлей, дочери графа Оксфорда, которой въ эту эпоху (въ 1812 году) былъ еще только одиннадцатый годъ.

О еслибъ таже цѣлый вѣкъ была ты,
 Необманувъ надеждъ весны прекрасной:
 Краса съ душою чистою, хотъ страстной,
 Любви кумиръ земной, но не крылатый,
 Сіяющій невинностію ясною...

О! вѣрно та, кто съ вѣжностью лелѣветъ
 Расцвѣтъ красоты твоей, его мерцаньемъ
 Любуется какъ радуги сіяньемъ,
 Которое весь мракъ земныхъ скорбей разсѣветъ.

О першъ заида младая! Счастье,
 Что вдвое старше я тебя лѣтами:
 Я созерцаю тихими очами
 Расцвѣтъ красоты — и не сгораю страстью.
 Блаженъ, что не узрю я увяданья;
 Еще блаженнѣй, что когда младыя
 Сердца испепелятся отъ сіянья
 Твоихъ очей, — избѣгну злой судьбы я
 Нераздѣлимаго съ любовію страданья!

О пусть они, твои газельи глазки,
 Которые то кротко покоряють
 Блуждающимъ привѣтомъ тихой ласки,
 То гордо прямо свѣтомъ ослѣпляютъ, —
 Пусть пробѣгутъ страницы этой сказки
 Съ улыбкой — не любви, но дружбы нѣжной!
 Не спрашивай зачѣмъ я посвящаю
 Тебѣ, столь юной, пѣснь мою: вилетаю
 Въ вѣнецъ мой я цвѣтокъ лилеи бѣлоснѣжной.

И съ пѣснью о Гарольдѣ можетъ-статься
 Навѣкъ отнынѣ имя Янты слито;
 То первое, что будетъ въ ней читаться,
 Последнее, что будетъ позабыто.
 Когда же дни мои сочтутся въ мірѣ,
 Перстами феи прикоснись порою
 Къ замолкшей, твой расцвѣтъ воспѣвшей лирѣ!
 Я не хочу забытымъ быть тобою:
 У дружбы есть права надъ памятью людскою.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ**I**

О ты, чей родъ съ небесъ вела Эллада, —
 О муза, бредъ шль вымыселъ пѣвцовъ,
 Всѣхъ жалкихъ лиръ истертая отрада !
 Я не зову тебя съ твоихъ верховъ...
 И я скитался вдоль рѣки хваленной,
 Вдыхалъ у запусѣвшихъ алтарей,
 Гдѣ кромѣ водъ все полно жизнью сонной
 И ни одной изъ девяти, ей-ей !
 Для сказки я пустой не разбужу моей.

II

Жилъ въ Альбiонѣ юноша когда-то,
 Который въ добродѣтели стезяхъ
 Не обрѣталъ отрады ! Дѣламъ разврата
 День посвящалъ, пугливой ночи страхъ
 Внушалъ онъ буйствомъ. Долженъ откровенно
 Увы ! сказать я : по уши въ грѣхахъ
 Погрязъ онъ, негодяй былъ совершенно ;
 И въ сей юдоли лишь одно любилъ :
 Наложницъ, оргiй шумъ — да всѣхъ сортовъ кутиль.

III

Звался онъ Чайльдъ-Гарольдомъ. Но отколѣ
 То имя, и отколѣ велъ онъ родъ —
 Я не скажу вамъ. Имя то народъ
 Въ вѣка былые чтилъ : чего-жъ вамъ болѣ ?
 Но имя сколь ни славно булъ, порой
 Однимъ пятномъ сквернится. Никакой
 Старинный гербъ, ни лживыя хваленя
 Въ стихахъ продажныхъ, въ прозѣ заказной
 Не могутъ срама скрыть, очистить преступленья.

IV

Гарольдъ, на вешнемъ солнышкѣ кружась,
 Какъ всякій мотылекъ порхалъ, неся,
 Что краткій день его въ единый часъ
 Способна отравить судьбина злая.
 Но Чайльдъ и трети дня не пережилъ,
 Какъ вѣдать сталъ горчайшее мученье
 Изъ всѣхъ земныхъ мученій : пресыщенье !
 И сталъ ему родимый край постыль,
 Пустыниѣй и мрачнѣй, чѣмъ келья заточенья.

V

Весь лабиринтъ грѣха онъ изслѣдилъ,
 Охоты къ исправленью не имѣя ;
 Вздыхалъ предъ всѣми, хотъ одну любилъ,
 И ту — увы ! — не могъ назвать своею...
 И счастье, что судьба не отдала
 Ее тому, чья ласки — оскверненье,
 Кѣмъ для блудницъ бы кнута была,
 Кто буйно-бъ расточилъ ея имѣнья,
 Чуждъ мирныхъ радостей домашняго угла !

VI

И сердце Чайльда страшно утомилось :
 Ему бѣжать хотѣлось отъ нировъ ;
 Слеза бы, говорятъ, шорой скатилась
 Изъ глазъ его, когда бы ихъ зрачковъ
 Не леденила гордость. Мрачнымъ горемъ
 Объятый, одинокій онъ бродилъ —
 И край родной покинуть вѣдругъ рѣшилъ
 Для жаркихъ странъ за дальнимъ синимъ моремъ.
 Отъ скуки звать бѣду, плыть въ адъ готовъ онъ былъ.

VII

Домъ предковъ Чайльдъ, насадъ небросивъ взора,
 Покинулъ. Замокъ мрачный былъ тотъ домъ,
 Столь ветхій, что казалось рухнетъ скоро,

Но массы сводовъ крѣпки были въ немъ.
 Почтенный монастырь! Ему, въ которомъ
 Гнѣздилося суевѣріе, — внимать
 Пафосскихъ дѣвъ нескромнымъ разговорамъ
 Пришлось и, если сказкамъ довѣрять,
 Былую жизнь своихъ монаховъ повторять.

VIII

Но часто средь разгула, буйства, шума
 Чело Гарольда странною тоской
 Мрачилось. Была ли это дума
 Вражды смертельной, страсти роковой —
 Никто не зналъ и не мечталъ дознаться :
 Душа Гарольда не была одной
 Изъ мягкихъ душъ, привыкшихъ изливаться;
 Совѣтовъ не искалъ онъ въ мундъ злой
 И дружбы не хотѣлъ участіемъ утѣшаться.

IX

И не любилъ никто его, хотя
 И ближніе и дальніе бывало
 На пиршествахъ его, постыдно лстя,
 Бездушные толпились объѣдали.
 Никто!.. И ни одна изъ всѣхъ красотъ
 Продажныхъ! Роскошь — ихъ одна забота.
 Блескъ пышности влечетъ всегда Эрота,
 И жевщина какъ муха къ свѣту льнетъ :
 Что ангелу не взять, Маммонъ всегда возьметъ.

X

У Чайльдъ-Гарольда мать была. Ее
 Онъ не забылъ, но съ нею не простился ;
 Была сестра, но въ странствіе свое
 Неповидавшись съ нею онъ пустился ;
 Друзей, коль были, безъ прощанья онъ
 Покинулъ тоже ; но не заключайте,
 Что съ грудью онъ стальною былъ рожденъ.
 О! если вамъ что мило въ свѣтѣ, знайте
 Прощанье для души нелучше похоронъ.

XI

Свой домъ, и теплый уголь, и владѣнье,
 И дѣвъ, способныхъ прелестью своей,
 Очей лазурью, роскошью кудрей,
 Плечъ бѣлизною снѣжной въ искушенье
 Вести, пылъ юной крови въ немъ
 Дразнившихъ долго; кубки драгоценнымъ
 Наполненные дѣдовскимъ виномъ:
 Безъ вздоха все оставилъ онъ, влекомъ
 Желаньемъ плыть къ странамъ востока отдаленнымъ.

XII

Вѣтръ паруса наполнилъ, словно радъ
 Нести его отъ родины. Теряясь
 Вдали, утесовъ бѣлыхъ меркнетъ рядъ,
 Для взора съ пѣною валовъ сливаясь.
 И Чайльдъ быть-можетъ ощутилъ тогда
 Раскаянье, но въ сердцѣ запертая
 Затихла дума, и его уста
 Для жалобъ нѣмы пребыли, когда
 Кругомъ всё въ ужасѣ метался стеною.

XIII

Но лишь спустилось въ море солнце, вдругъ
 Онъ лютю взялъ, изъ коей временаи
 Онъ, неучась, умѣлъ глубокий звукъ
 Извлечь своими гибкими перстами.
 И пробѣжали пальцы по струнамъ,
 Средь сумерекъ, прелюдией прощанья.
 Корабль стрѣлою неся по волнамъ
 И берегъ все тусклѣй мелькалъ очамъ,
 А онъ морскимъ валамъ пѣлъ пѣсню разставанья.

I

Прости, прощай, мой край родной!
 Въ волнахъ ужъ берегъ тонетъ;
 Свиститъ и воетъ вѣтръ ночной
 И чайка дико стонетъ.

Уходить солнце въ дальній край,
 Стремимъ свой бѣгъ за нимъ мы.
 Прощай же солнце и прощай,
 Прости мой край родимый !

II

Заутра вновь оно взойдетъ,
 Разсѣявъ тьму ночную ;
 Увижу море, неба сводъ,
 Но не страну родную.
 Покинуть мной домъ старый мой,
 Въ немъ плѣсень все покроетъ ;
 Дворъ поростетъ густой травой,
 Песь у воротъ завоюетъ.

III

Поли ко мнѣ ты, пажикъ мой !
 О чемъ твое рыданье ?
 Иль страшень вѣтра дикій вой
 Да бездны колыханье ?
 Отри ты слезы : крѣпокъ нашъ
 Корабль ; овъ не потонетъ
 И мчится быстро ; насъ, мой пажъ,
 И соколъ не догонитъ.

IV

« Пусть воесть вѣтръ и волны пусть
 « Бушуютъ — нѣтъ мнѣ дѣла !
 « Но не дивись, сэръ Чайльдъ, что грусть
 « Мнѣ душу одолѣла.
 « Съ роднымъ отцомъ разстался я
 « Да съ матерью любимой :
 « Они одни мои друзья,
 « Да ты... да Богъ незримой.

V

« Безъ жалобъ смогъ отецъ мнѣ дать
 « На путь благословенье,

«Но матери не осушать
 «Очей до возвращенья!»
 Ну будетъ, будетъ, пажикъ мой!
 Понятны слезы... Воже!
 Съ такой невинною душой
 И я бы плакалъ тоже.

VI

Приблизься, вѣрный мой слуга!
 Ты блѣдень : что съ тобою?
 Боишься ль Франка ты врага,
 Или валовъ прибою?
 «Не думай ты, сэръ Чайльдъ, что я
 «За жизнь свою робью...
 «Но лишь придетъ на умъ семья,
 «Невольню я блѣднѣю.

VII

«Жену съ дѣтми въ ролной странѣ
 «Я бросаю уѣзжая...
 «Коль дѣти спросятъ обо мнѣ,
 «Что скажетъ имъ родная?»
 Слуга мой вѣрный, правъ ты, правъ!
 И чту твою печаль я;
 Но у меня знать легче правъ :
 Смѣясь пускаюсь въ даль я.

VIII

Жены ль, любовницы ли чьей
 Не много стоитъ горе,
 И слезы голубыхъ очей
 Другой осушить вскорѣ.
 Не жаль мнѣ ровно никого
 И въ томъ мое проклятье,
 Что вѣтъ на свѣтѣ ничего,
 О чемъ бы сталъ вздыхать я.

IX

И вотъ одинъ на свѣтѣ я
 Въ широкомъ, вольномъ морѣ...
 Кому печаль судьба моя?
 Что мнѣ чужое горе?
 Пусть вѣсть несъ! Его чужой
 Накормитъ, приласкаетъ...
 Когда вернуся я домой,
 Онъ на меня заглядеть.

X

Лети, корабль, и глубину
 Ты разсѣikai морскую:
 Неси въ любую сторону,
 Лишь не въ мою родную!
 Привѣтъ, привѣтъ, о волны, вамъ!
 Когда же голубая
 Наскучитъ вамъ, — привѣтъ степамъ!
 Прощай, страна родная!

XIV

Корабль же все летитъ. Земля давно
 Ушла изъ глазъ, а глубина бурлива
 Безсоннаго Бискайскаго залива.
 Четыре дня прошло тяжолыхъ, но
 На пятый взорамъ новый брегъ мелькаетъ,
 Вотъ горы Синтры, вотъ и Тагъ въ заливъ
 Струй золотыхъ обычку дакъ ввергаетъ,
 И лузитанскій кормчій ужъ встрѣчаетъ
 Корабль, несущійся средь пажитей и нивъ.

XV

Владыка-боже! посмотрѣть отрадно,
 Какъ щедро небомъ край благословленъ!
 Что за плоды въ тѣни деревь прохладной,
 Что на холмахъ за видъ со всѣхъ сторонъ!
 Но всѣ дары осквернены людскою

Рукою нечестивой, и когда
 Всевышній громомъ грянетъ въ день суда. —
 Громъ разразится местію тройною
 Надъ гальской, племенамъ враждебною ордою (').

XVI

Въ какой красѣ предъ взоромъ Лиссабонъ
 Раскинуть! Какъ онъ весело глядится
 Въ потокъ, который золотомъ струится
 Въ мечтахъ пѣвцовъ! Державный Альбионъ
 Судами Тагъ своими наполняетъ
 И лузитанскій берегъ охраняетъ
 Могучею рукою; а народъ
 Ту руку и лобзаетъ и кланетъ,
 Которая его отъ хищника спасаетъ.

XVII

Но только путникъ на берегъ сойдетъ,
 Онъ городъ, раемъ издали небеснымъ
 Казавшійся, озлобленно кланетъ,
 Испуганъ безобразьемъ повсемѣстнымъ.
 Дворцы-ль, дома-ль, — заражены одной
 Зловонной неопрятности заразой;
 И нисшій классъ, и даже свѣтъ большой,
 Въ грязи весь вѣкъ, сжились съ нечистотой,
 Какъ пораженные египетской проказой.

XVIII

О жалкіе рабы, которыхъ край
 Природа надѣлила чудесами!
 Вотъ передъ взоромъ Синтра: дивный рай
 Долинъ, пересѣкаемыхъ горами...
 О! чье перо, чья кисть изобразятъ
 Хоть въ половину то, что смертный взгляды

(') - Чайльд-Гарольдъ - (кроме послѣдней пѣсни) писанъ во время владычества Наполеона, борьбы съ нимъ Англіи и героической національной войны Испаніи. Мотивы всѣхъ послѣдующихъ строфъ содержатъ въ себѣ намеки на событія того времени.

Безсмертными чаруетъ красотами
 Въ краю волшебномъ, гдѣ осуществленъ
 Элизіумъ, пѣвцовъ великолѣпный сонъ.

XIX

Утесы мрачные, съ монастырями,
 Повисшими на скатахъ ихъ вершинъ;
 Мохъ, потемневшій жгучими лучами,
 Кусты безъ свѣта въ глубинѣ долинъ;
 Лазурь равнины моря, тихо слыщей,
 Потоконъ горныхъ брызги; апельсинъ,
 Средь зелени какъ золото горящій;
 Тамъ вѣтви нивъ, тутъ виноградъ виситъ: —
 Разнообразіемъ великолѣпный видъ!

XX

Кривой тропинкой поднимаюсь въ гору,
 Оглядывайтесь чаще ны назадъ...
 Что вверхъ ни шагъ — являться будетъ взору
 Все новый рядъ картинъ. Достигнувъ вратъ
 Монастыря «Малонны всѣхъ скорбящихъ»,
 Войдите. О мощахъ вамъ черный братъ
 Повѣдаетъ, о мертвецахъ бродящихъ,
 О томъ, какъ тутъ въ вѣщерахъ близлежащихъ
 Оворій обращалъ для райа землю въ адъ.

XXI

А тамъ и сямъ, скользя надъ страшной бездной,
 Вы по тропинкѣ встрѣтите кресты
 Изъ дерева: — не набожности мѣстной,
 Кровавыхъ дѣлъ непрочные слѣды:
 Гдѣ подъ ножомъ убійцы, съ смертнымъ стономъ
 Погибла жертва, вѣрно водруженъ
 Подобный крестъ; въ горахъ, въ долинахъ онъ
 Не рѣдкость. Жизнь въ краѣ блаженномъ ономъ
 Не обезпечена заботливымъ закономъ.

XXII

Въ долинахъ ли, на скатахъ ли холмовъ,
 Повсюду видны замки величавы:
 Жилище королей — приютъ цвѣтовъ
 Пустынный нынѣ; но бывалой славы
 Еще досель хранятъ они слѣды.
 Тамъ свой дворецъ построилъ Ватекъ, ты (1),
 Богатый сынъ Британіи, на диво
 Въ камъ, — забывъ, что миръ души пугливо
 Бѣжитъ отъ прихотей роскошной суеты.

XXIII

Здѣсь жилъ ты, здѣсь подъ сѣнью горъ ты планы
 Роскошныхъ наслажденій создавалъ!
 Но цынѣ, какъ проклятію преданный,
 Добычей запустѣнья домъ твой сталъ;
 И путаясь въ растительности дикой
 Бесплодныхъ травъ, до портиковъ и залъ
 Съ трудомъ доходишь: новый и великій
 Урокъ тщеты всѣхъ нашихъ благъ земныхъ!
 Оди развалины останутся отъ нихъ.

XXIV

Вотъ замокъ, гдѣ сходился окаянный
 Совѣтъ вельможъ — британцу гнусный видъ (1)!
 Безумства діадимомъ вѣнчанный,
 Насмѣшливый бѣсенокъ тутъ сидѣть
 Въ порфирѣ изъ пергамента, съ печатью
 И чернымъ свѣткомъ. Демонъ имъ клеймать
 Родовъ великихъ много; и проклятью
 Ихъ обрекая, доблестныхъ именъ
 Вамъ кажетъ подписанъ съ злораднымъ смѣхомъ онъ.

(1) - Vathek — говоритъ Байронъ — одна изъ книгъ, которая наиболѣе нравилась мнѣ въ моеи молодости.

(2) Замокъ маркиза Марьяльвы, гдѣ была подписана сентрская конвенція.

XXV

«Конвенція» зоветъ гаситъ сѣй гнушай.
 Въ Марьяльвенюхъ занкъ моста онъ лишилъ
 Сановникова (когда мостъ у нихъ лишь былъ)
 И обратилъ веселье въ ропотъ грустный.
 Трофеи войнъ поправа Гаупость тутъ,
 Надъ силой насмѣялся Ковъ искусный:
 Напрасно лавры для вожака цѣбууть,
 Вотще триумфъ на Лузитанскомъ морѣ!
 Злѣсь побѣдителямъ, не побѣжденнымъ геръ.

XXVI

О Синтра! Британъ при шлово твоемъ
 Со дня того воинскаго сивалита
 Блѣднѣетъ; лишь румянецъ непокрыто
 Лицо министровъ нашихъ съ мѣдвнымъ лбомъ.
 Какъ дѣло это назоветъ потомство?
 Перелъ судомъ племенъ не стыдъ ли намъ,
 Что побѣжденнымъ отдало врагамъ
 Трофеи побѣдившихъ въ ролюметво?
 И насъ за то въ вѣкахъ не ждетъ ли вѣчный срамъ?

XXVII

Такъ думалъ Чайльдъ, бродя въ уединенъ
 По высамъ. Миръ сѣлъ какъ рай земной
 Кругомъ, а онъ все въ даль рвался душой
 Непостояннѣй ласточки въ стремленьи,
 И налъ собой тогда ему не разъ
 Случалось быть въ моральномъ размышленьи;
 Презрѣнне разсудка строгій гласъ
 Внущалъ къ безумствамъ юности постыдной,
 Но отираался взоръ отъ истины обидной.

XXVIII

Въ путь, въ путь! Бѣжать рѣшился онъ, бѣжать
 Отъ мирныхъ мѣсть, гдѣ снова ощущала
 Душа покой; но онъ уже искать

Въ пролажныхъ ласкахъ и на днѣ бокала
Отрадь не станеть. Въ даль онъ путь стремитъ,
Скитальчеству конца неполагая,
И не одна предъ нимъ страна чужая
Мелькнетъ, пока онъ жажду утолитъ,
Пока въ немъ омытъ пыль сердечный охладитъ.

XXIX

Его задержать Маора на мгновенье:
Помѣшанной властительницы домъ⁽¹⁾,
Гдѣ церковь сочеталась съ дворомъ
И бальный шумъ смѣшалъ клира пѣнье —
Монастыря и суеты сиренъ!..
И съ роскошью такою тутъ чертогъ
Воздвигнуть везилловскою блудницей,
Что, кровь забывъ, варадъ лемигъ у ногъ
Грѣха, прикрытаго блестящей багрянцей.

XXX

По злчнымъ доламъ, по крутымъ холмамъ,
(Зачѣмъ раба съ сей дальной край достался?)
По радужнымъ веры сторонамъ
Гарольда путь широкій разстился.
О, пусть лѣнницамъ жажда страстей — вздоръ:
Имъ, непривыкшимъ съ кресломъ разставаться, —
Не знать блаженства по сѣту скитаться,
И не вдыхать свободный воздухъ горъ,
И жизни новою струей не упиваться!

XXXI

Холмы блѣднѣя спрямлены вдали —
И ядомъ скромной болѣе картины
Смѣнились безграничныя равнины,
И безъ конца предъ взорами легли
Испани поля и луговины:

(1) «Ея величество — пишетъ Байронъ въ замѣткахъ — сошла съ ума, и докторъ Уиллисъ, столь искусный въ леченіи королевскихъ череповъ, не сладилъ съ ея черепомъ.» Королева скончалась въ 1816 г. въ Бразиліи.

Стадъ мягкорунныхъ пажити, купцамъ
 Знакомыхъ чужеземнымъ. Но и самъ
 Пастухъ вооружился здѣсь за стадо:
 Враги въ краю; изгнать или покориться надо.

XXXII

Гдѣ Лузитанія сошлась съ сестрой, —
 Вы знаете-ль что служить имъ границей?
 Царицу раздѣляютъ тутъ съ царицей
 Не Тагъ своей могучею волной,
 Не сумрачной Стэрра въсь крутая,
 И не стѣна громадная Китая
 Поставлена соперницамъ межой;
 Ни скалъ, ни горъ, на тѣ похожихъ горы,
 Которымъ страшнѣе на грани галльской взоры.

XXXIII

Между двухъ царствъ чуть видной полосой
 Лишь ручеекъ серебристый тихо льется..
 Едва онъ и по имени зовется!
 А тамъ за нимъ, склонясь на носохъ свой,
 Пастухъ съ лѣнливой гордостью взираетъ
 На мирный токъ, который раздѣляетъ
 Враговъ заклятыхъ. Гордъ поселенинъ
 Въ Испаніи какъ знатный дворянинъ,
 И лузитанскаго раба онъ презираетъ.

XXXIV

Но лишь рубежъ ничтожный перейденъ,
 Волнъ Гвадіаны мрачной и сердитой
 Вамъ слышится немолчно бурный стонъ, —
 Рѣки въ романсахъ древнихъ знаменитой.
 Вступали рыцари и магры въ бой,
 Доспѣхами сія, тутъ бывало;
 Тутъ кровь лилась, тутъ много сильныхъ пало
 И были поглощаемы порой
 Чалма и шлемъ одной кровавою волной.

XXXV

Испанія, страна чудесъ и славы!
 Гдѣ стая въ горахъ Пелагомъ поднятой,
 Когда толпы чужія въ природной
 Предательски призвалъ родитель Кавы (1)
 И готской кривою креслись ружья?
 Въ тотъ вѣкъ борьбы, побѣды и кровавы
 Вылись по вѣтру знамена твои,
 'Гоня враговъ до крайняго предѣла —
 И предъ сіяніемъ креста луна бландила.

XXXVI

И прошлой славы вѣкамъ не поминалъ?
 Единый вѣчный памятникъ герою!..
 Вѣка граниты обращаютъ въ пыль:
 Хранится подвигъ пѣснью простою.
 О, Гордость! съ себя взоры да сойдутъ
 Твоя на землю: доблесть въ пѣснѣ скрыта.
 Распались камни, харити гинуть,
 Замолкла лесть, клеветаетъ поздній судъ
 Исторія — тебѣ преданіе защита!

XXXVII

Проснись, вставай, Испанія! скорѣй!
 Зоветь богиня рыцарства и брани.
 Но не копье, какъ въстарь, у ней во длани,
 Не съ гривой шлемъ колышется на пей:
 Сквозь огни и дымъ орумій разсвѣтанный
 Она летитъ и тысячею громовъ
 Гудитъ: «скорѣй! рази немощенныи!»
 И чтожь? умель теперь на бранный зовъ
 Возстанеть менѣе, чѣмъ въстарь, твоимъ сыновъ?

XXXVIII

Чу! не копыть ли топотъ въ слухъ несется?

(1) Имя дочери графа Хуліана, призвавшаго въ Испанію мавровъ.

Не шумъ ли битвы близко раздается ?
 Не жертвы-ль погибаютъ подъ мечемъ ?
 Скорѣе! Братья падаютъ рядами
 Передъ тираномъ и его рабомъ !
 Сверкаетъ смерть по воздуху огнями,
 Отъ скалъ до скалъ разноситъ вѣсти громъ,
 Что тысячи людей не дышатъ болѣ,
 И битвы дрыи духъ даритъ на смертномъ полѣ.

XXXIX

Вотъ онъ, Гигантъ, стоитъ на выси горы :
 Кровавые власы на солнцѣ блещутъ...
 Меруна смерти длани быстро мещутъ : ..
 Жгутъ очи все, на что ни кинуть взоръ,
 То медленно вращаясь, то сверкая
 Недвижно. Истребленіе лежитъ
 У ногъ его, злорадно жертвъ считая,
 Гіены лютесть нынѣ утолятъ
 Убийственной рѣкою трехъ націй страшный амлъ.

XL

И подлинно, картина — загляденье !
 (Коль нѣтъ друзей и братьевъ средъ рядовъ)
 Сверканье, сабель, ружей и штыковъ
 И шарфовъ разноцвѣтное смѣшенье !
 Войны борзые ринулись впередъ
 И на добычу когти выпускаютъ...
 Всѣ гонятся... во всѣ ли настѣгаютъ ?
 Часть лучшую улова Гробъ беретъ,
 Убийство съ радостью верлетъ трунамъ съестъ.

XLI

Три разныхъ войска жертвы тутъ приносятъ,
 Три языка подъ сѣнью трехъ знаменъ
 Молитвы къ небу странныя возносятъ.
 Побѣда — кликъ ихъ ; лозунгъ — Альбионъ,
 Испанія и Франція. Сражаться
 Сошлись тутъ врагъ и жертва, и вступаться
 Обыкшій тщетно за другихъ патронъ,

Какъ—будто дома смерти нѣтъ ихъ болѣ
И любо утучнять ихъ Талаверы поле.

XLI

Тамъ гнѣтъ имъ — честолюбіе шутамъ!
Но слава дернъ могильный ихъ вѣщаетъ...
Сознаемъ! Что вѣсь давать пустымъ словамъ?
Орудія они, и разбиваетъ
Ихъ мириадами тиранъ, когда
Онъ смѣло по людскимъ сердцамъ шагаетъ,
Прокладывая путь себѣ... куда?
Цѣль — только призракъ. Собственностью можетъ
Назвать тиранъ лишь гробъ, гдѣ червь его изложетъ.

XLII

О, Альбуэры долъ! Когда тобой,
Коня пришпоривъ, мчался странникъ мой,
Кто вѣдетъ могъ, о поле грозной славы,
Что на тебѣ свершится споръ кровавый?
Миръ падшимъ! Да вѣщаютъ лавры ихъ,
Да ороситъ слеза ихъ прахъ! Доколѣ
Свидѣтелемъ столь доблестныхъ вѣныхъ
Не будетъ похорошъ иное поле, —
Ихъ слава не умретъ въ преданьяхъ вѣковыхъ!

XLIV

Но будетъ о любимцахъ битва и славы!
Пусть жизнь они бросаютъ для забавы
Иль ради чести, прахъ ихъ оживитъ
Безсиленной... Тысячи для возвышенья
Тирановъ гибли, съ мыслию служенья
Отчизнѣ. Жалко было бы лишать
Наемниковъ наивныхъ смерти честной:
Ждала ихъ гибель въ бунтахъ можетъ—быть,
Иль даже на стезѣ грабительства безвѣстной.

XLV

Гарольдъ промчался быстро одинокъ,

До стѣнъ Севильи, вольностью надменной...
 Увы! вотще! Для ней, для вожделѣнной,
 Добычи хищника ужь близокъ сродъ...
 Красу ея безжалостной стопою
 Придетъ. Завоеваніе пятнать.
 Ему вездѣ дано торжествовать
 Съ голодною и буйною ордою:
 Иначе-бъ Тиръ не палъ, могъ Иліонъ стоять.

XLVI

Но о грядущемъ днѣ непомышляя,
 Всѣ въ пѣсни тамъ, въ пиры погружены,
 И дни въ забавахъ странныхъ расточая,
 Не страдаютъ раны родной страны...
 Не трубы тамъ звучать, — любви пѣвицы;
 Развратъ, со взоромъ вѣчно юнымъ, тамъ
 Полуночныя водить вереницы,
 И посреди вѣмыхъ злодѣйствъ столицы
 Все такъ же лгнеть грѣхъ къ готовымъ частъ стѣнамъ.

XLVII

Не такъ поселашь... Онь, страхомъ мучивъ,
 Съ подругой прячется и обратитъ
 Не смѣетъ изеръ на виноградъ свой, жгучимъ
 Дыханьемъ войнъ спаленный можетъ-быть.
 Не слышны при вечернемъ звѣздѣ мерцаньѣ
 Фанданго звуки, кастаньетъ бряцанье.
 Цари! Когда бы радостей вкусить
 Вы вашею могли смущенныхъ властью, —
 Замолкъ бы барабанъ, и миръ усналъ бы счастье.

XLVIII

О чемъ поють погонщики муловъ?
 Любви-ль романсъ ихъ пѣсня, гимнъ ли Богу,
 Которые съ бряцаньемъ позвонковъ
 Имъ сокращали нѣкогда дорогу?
 О нѣтъ: поють они «Viva el rey!» (1)

(1) - Viva el rey Fernando! — припѣвъ всѣхъ испанскихъ патриотическихъ пѣ-

Съ проклятiями те Карлу, те Годюю,
 То дню, въ который черныи блескъ очей
 Опуталъ королю властью злою...
 Измѣна рождена Блудомъ въ тотъ день скорбай.

XLIX

Вонъ на широкомъ, ровномъ полѣ пашли,
 Гдѣ по мѣстамъ лишь видится вдали
 Скала съ остаткомъ старой маврской башни, —
 Копытами израненъ грунтъ земли;
 Чернѣеть деря, огнемъ костровъ сомнѣнный...
 Здѣсь врагъ стоялъ, былъ стѣнъ множенный!
 И вамъ о томъ, какъ смѣло развесели
 Гнѣздо дракона, селяншии распахнетъ
 И гордо на утесъ отбитый имъ умахетъ.

L

И часто будутъ вамъ на вѣсѣхъ путяхъ
 Съ пунцовымъ бантомъ шляпы поналаться (1).
 То вѣрный признакъ: другъ идетъ или врагъ!
 Бѣда тому, кто смѣетъ показаться
 Безъ вѣвѣски законности въ народѣ!
 Кинжалъ остеръ и мѣтло въ сердце бьетъ...
 Пришлось бы галламъ плоду расчитаться,
 Когда бы пушекъ дымъ разсѣять могъ
 И сабли притупить гаащійся клинокъ.

LI

Стенаютъ выси мрачныя Мероны
 Подъ тяжестью воинскихъ батарей.
 Вездѣ, куда лишь смертныхъ взоръ очей
 Достигнуть можетъ, — земляныя стѣны,
 Окопы, рвы налитые водой,
 Сторожевыя вахты, валсады,
 Складъ пороху подъ каждою скалой,

сень той эпохи, направленныхъ противъ прежняго короля Карла, королевы и князя мира (Годоя).

(1) Шляпы съ пунцовой кокардой и съ именемъ Фернанда VII.

Подъ кровлей хижинъ конь готовый въ бой
И ядръ пушечныхъ трехгранныя громады (¹).

LII

Все боя ждеть... Но тотъ, кто низвергалъ
Всѣхъ деспотовъ слабѣйшихъ мановельемъ,
Еще десница таякой не подвизалъ,
Даетъ какъ-будто отдыхъ предъ сраженьемъ...
Но скоро легіоны двинетъ онъ,
Въ немъ божій Бичъ: признаетъ мѣръ въ безсилъ
И лишь расправитъ голый маршутъ кривой,
Раздастся, о Испанія! твой стонъ...
Оплачешь дорогахъ ты много похоронъ.

LIII

О неужель и молодость и силы
И мужество предъ Хищнымъ пасть должны,
Средны нѣтъ межъ рабства и могилы,
Межъ торжествомъ разбоя и страны
Погибелью? И Власть, что Превидѣномъ
Зовемъ мы, жертвъ не тронетъ мольбомъ?
И тщетны пылъ отчаянной войны,
Совѣтовъ мудрость, къ родинѣ святая
Любовь, жаръ юности и грудь мужей стальная?

LIV

Свою гитару къ нѣвѣ привязавъ,
Испанія вооружилась дѣва,
И полъ забывъ и тяжкій мечъ поднимавъ,
Запѣла пѣсню мщенія и гнѣва.
Влѣднѣвшая при видѣ ранъ однимъ,
Пугавшая совъ ночного крика,
Она теперь не дрогнетъ предъ штыкомъ...
По теплымъ трупамъ, сквозь огонь и громъ,
Минерва юная какъ Марсъ, несется дико.

¹) Ядра кладутся, какъ известно, пирамидальными кучами.

LV

Вы, кто дивясь теперь о ней рассказъ
 Внимаете, — когда бъ ее видали
 Вы въ пору мира, еслибъ черныхъ глазъ,
 Мрачнѣвшихъ черноту ея вуали,
 Вы знали блескъ, рѣчь мягкую слышали
 И зрѣли кудри длинныя, и весь
 Ея воздушно-женскій образъ, — адѣвъ,
 На стѣнахъ Сарагоссы, въ-бъ едвали
 Ее безстрашную и грозную узнали.

LVI

Любовникъ палъ — не время слезы лить!
 Сражонъ ли вождь — онъ ею замѣтится!
 Бѣгутъ свои — ихъ ей остановить!
 Врагъ отступалъ — за нимъ она стремится!
 Кто друга тѣнь помянетъ какъ она?
 Кѣмъ смерть вождя достойнѣй отмщена?
 Кѣмъ мужество усталыхъ подкрѣвится?
 И галлъ отъ осаждаемой стѣны
 Бѣжитъ въ смятеніи, сражонъ рукой жоны.

LVII

Но ты не амазонкою родилась,
 О дочь Испаніи! Ты создана
 Для чаръ любви, и ежели равна
 Мужамъ отвагой, въ бой ты устремилась —
 Голубки то врага влекущей гнѣвъъ
 За раны голуба. Но чистотою
 Сердечной, не отвагой — щипки дѣвъъ
 Затмишь ты съ ихъ докучной болтовнею:
 Душой ты выше ихъ, не ниже красотою.

LVIII

Печать перстовъ Любви на ямкахъ щекъ
 И въ нихъ сокрытый рой очарованій...
 Гнѣздо готовыхъ выпорхнуть лобзаній —

Уста; но храбрый лишь доселѣ могъ
 Коснуться слухъ! Взору дикомъ блистаетъ
 Красой, и пусть ей Фебъ лавиты жжотъ:
 Отъ жгучихъ ласкъ ярчѣй она сіяетъ...
 Кто дѣвъ юга сѣверныхъ красотъ
 Увыло-блѣдный видъ и вѣлость предпочтетъ?

LIX

О вы, край воспѣтаго востока,
 Гаремы страсть, гдѣ нынѣ въ честь красотъ
 И для циническаго чистыхъ ока,
 Я гимнъ пою: — кто гурию дерзнетъ,
 Которую за запертою дверью
 Отъ самыхъ вѣтровъ ревность стережотъ,
 Сравнить съ блестяще-смуглой, вольной дочерью
 Испаніи? Здѣсь, о востокъ! узнай,
 Пророка твоего дѣвъ черноокихъ рай.

LX

Парнасъ! не въ грезѣ мною нымѣ зримый (!),
 Не сквозь покровъ узорчатый стихомъ,
 Но въ одѣяніи сумрачномъ свѣговъ,
 Подъ высью неба твоего родимой,
 Въ величьи дикомъ горной красоты!..
 Что я пою, ужель удивишься ты?
 Мнѣ, страннику смиренному утѣха,
 Какъ всѣмъ нымѣ — будить былое эхо,
 Но музы не летать ужъ больше съ высоты.

LXI

Я о тебѣ, — чье имя только тотъ
 Незнаетъ, кто мучилъ всему, чѣмъ жизнь земная
 Возвышена, — мечталъ перазъ, и вотъ
 Нѣмѣю же въ виду твоихъ высотъ,
 Стыжуся звуковъ слабыхъ, и когда я
 Былыхъ пѣвцовъ твоихъ припоминаю,
 Невольный страхъ мой колѣна гнетъ...

(!) Эти строфы писаны Байрономъ въ Греціи.

Я только взоры къ облачной вершинѣ
Стремлю, восторженный, что зрѣшь ты вносу вѣнѣ.

LXII

Счастливей многихъ славныхъ бардовъ смѣя,
Прикованныхъ судьбой къ родной ихъ дали,
Узрѣть я могъ ли, хладно-недвижимъ,
Тебя, по комъ незрѣвшіе пылали?..
Пусть Фебъ теперь пещеръ не посѣтитъ,
Пусть ты, жилище музъ — ихъ гробъ... Парить
Какой-то духъ здѣсь... онъ доселъ витаетъ
Въ пещерахъ, въ вѣтра шелестѣ вздыхаетъ
И легкою ногой по зыби волнъ скользитъ.

LXIII

Но о тебѣ впоследствии. Неврально
Ходъ пѣсни для тебя прервавъ своей,
Испаніи сыновъ и дочерей
Судьбу, родную каждой груди вольной,
Забывъ, — привѣтъ я приношу твоей
Вершинѣ — не безъ слезъ быть-можетъ. Слова
За прежнее теперь! Но мнѣ сервать
Дозволь ты съ древа Дафны листъ лавровый
Въ залогъ, что вновь тебя мнѣ дастся восхвалить.

LXIV

Но никогда въ дни Греціи младые,
О Пиндъ! у исполинскихъ стопъ твоихъ
Не собирались хоры дѣвъ такіе;
Ни Дельфы въ дни, какъ пѣла жрица ихъ
Пифійскій гимнъ въ восторгахъ небесныхъ,
Красотъ не знали, — вдохновенныхъ дамой
Достойнѣй андалузянокъ младыхъ,
Возвращенныхъ жаркимъ воздухомъ желаній..
О Греція! зачѣмъ тамъ ибѣтъ имъ рождѣ твоихъ?

LXV

Прекрасна гордая Севилья... Только,

Гордись она и пышностью своей
 И арваностью, — Кадикъ къ себѣ сильнѣй
 Применкой милой таятъ, хоть нестолько
 Высокой... Полнь соблазновъ, о порокъ!
 Твой путь. Кого, въ комъ кровь кипитъ младая,
 Твой взоръ, о гира съ ликомъ духа рая,
 Чарующею силою не влекъ?

Ты ловишь въ сѣтѣ насъ, по вкусамъ видъ мѣняя.

LXVI

Когда Пифосъ былъ Временемъ свесенъ,
 (Сама царица всѣхъ покорна власти
 Проклятого) — ушли забавы страсти
 Подъ новый, столь же теплый небосклонъ.
 Измѣнчива во всемъ, но изначала
 Вѣрна родному морю, здѣсь своей
 Державы центръ Киврида основала —
 И тысячи блестящихъ алтарей
 Возносить къ небу здѣсь дымъ жертвенныхъ огней.

LXVII

Съ утра до ночи, съ ночи до поры
 Какъ утро, изумляясь и краснѣя
 Освѣтитъ тѣжъ разгульные шеры,
 Несутся пѣсни; новая затѣя
 Безумства старую смѣняетъ... Тотъ
 Съ разсудкомъ распростишь, кто здѣсь живетъ.
 Веселыхъ пиршествъ здѣсь не прерываетъ
 Ничто... Обрядъ лишь вѣру замѣняетъ
 И съ ханжествомъ любовь здѣсь объ руку идетъ.

LXVIII

Приходитъ день молитвы, воскресенье.
 Чтожъ? въ христіаннѣйшемъ краю каковъ
 Сей день? О! торжество на удивленіе!
 Чу! слышите-ль вы ревъ царя дѣсовъ?
 Ломая конья, воздри раздувая,
 Онъ свѣжую вдыхаетъ кровь, борцовъ
 И коней ихъ рогами низвергая.

Зовутъ другихъ. И видъ кровавыхъ грудъ
Глазъ женскихъ не страшитъ притворно даже тутъ.

LXIX

То день седьмой, то праздникъ челоуѣда...
О Лондонъ ! Не таковъ онъ въ вѣкъ изъ вѣка
Въ тебѣ ведется... Приодѣлся твой
Почтенный гражданинъ ; мастеровой
Умылся ; подмастерье причесался...
На вольный воздухъ всякъ изъ нихъ помчался...
Фиакровъ, виски, одноколокъ рой
Въ Гемпстидъ, Brentfordъ, Гарро летитъ стрѣлою,
Обруганъ злобно вслѣдъ всей пѣшею толпою.

LXX

На Темзѣ дамы въ лентахъ и цѣвѣтахъ
Катаются, нль такъ же разодѣты
Гуляютъ на ричмондскихъ высотахъ,
А кто стремится даже до Гайгета...
Зачѣмъ ? Увы ! отвѣтъ я дамъ ли вамъ,
О рощи віотійскія ?.. Чтobъ тамъ
Тайнственному рогу поклонаться,
Торжественно предъ этимъ рогомъ клясться,
Предъ нимъ плясать и пить по цѣлымъ по ночамъ ⁽¹⁾.

LXXI

Есть глупости вездѣ, но не такія,
Какія градъ Кадиксъ въ себѣ хранитъ...
Едва лишь девять утра прозвонитъ —
Сейчасъ за четки жители святые,
Пречистой дѣвѣ каась (въ сей странѣ
Единственной) въ немалыхъ преступленьяхъ,
Которыхъ ровно столько же числомъ
Какъ богомольцевъ. Въ циркъ бѣгутъ потомъ
И старъ и младъ, равно безумны въ наслажденьяхъ.

(1) Насмѣшка надъ обычаемъ давать клятвы передъ какимъ-то священнымъ рогомъ въ Гайгетѣ.

LXXII

Ужь циркъ открытъ, арена отперта :
 Кругомъ разсѣлись тысячи тѣсняся...
 Гораздо ранѣе, чѣмъ раздалася
 Труба впервые, заняты мѣста...
 Здѣсь донны, гранды, дамы особливо
 Въ наукѣ сердце взорами разить
 Искусныя, но сами боль лечить
 Спѣшашія всегда нетерпѣливо...
 Самимъ пѣвцамъ луны ихъ незачто винить.

LXXIII

Звонъ языковъ затихъ. Въѣзжаютъ смѣло
 Въ опасный кругъ на статныхъ бѣгунахъ
 Четыре всадника. Блестяще-бѣлой
 Плюмажъ на токахъ, шпоры на ногахъ
 Изъ золота, и конья въ ихъ рукахъ.
 Они, кругомъ раскланиваясь, къ бою
 Готовятся. Побѣду награждать
 Восторга вликъ и дамъ привѣтный взглядъ,
 Все что толпа даетъ царю или герою.

LXXIV

Весь въ золотѣ, завернутый плащомъ,
 Но нѣшій, матадоръ въ срединѣ стоя,
 Горитъ желаньемъ мѣряться съ царемъ
 Мычащихъ стадъ, но поле боевое
 Обозрѣваетъ прежде онъ кругомъ.
 Лишь дротикъ у него. Ему сражаться
 Издалека : на большее дерзнетъ
 Едвали смертный безъ коня рѣшаться !
 И часто вѣрный другъ за всадника падеть.

LXXV

Чу! данъ сигналъ : три-раза прозвучала
 Труба... Открыто логовище ; ждетъ
 Толпа нѣмая, страшно замычало
 Т. XII. — Отд. I.

Могучее животное — и вотъ
 Однимъ скачкомъ средѣ арены стало,
 Вращаетъ очи; звонкимъ землю бьетъ
 Копытомъ, но не съ самаго начала,
 Не слышно въ бой выдается съ врагомъ:
 Крутитъ рога оно и гнѣвнымъ бьетъ хвостомъ.

LXXVI

Вдругъ стало, взглядъ недвиженъ... Прочь скорѣй,
 Безумецъ юный, и готовъ копье ты!
 Теперь минута — съ жизнью кончить счеты,
 Иль ярость звѣря обмануть своей
 Отвагой ловкой. Впору выручаютъ
 Лихіе кони!.. Съ пѣной у ноздрей
 Стремится онъ, но ранъ не избѣгаетъ;
 По бедрамъ льется кровь. Копье летитъ,
 Вслѣдъ за копьемъ, ярься отъ боли, онъ мычитъ...

LXXVII

Вновь онъ идетъ... Ни копья и ни стрѣлы,
 Ни дикій скокъ матущихся коней.
 Не остановить пылъ разсвирѣпѣлый.
 Ничтожно и оружіе людей,
 Ничтожны передъ нимъ и люди сами.
 Ужъ конь одинъ простертый мертвъ лежитъ;
 Другой — съ утробой прорванной, съ кишками
 Наружи (страшный видъ!) — еще бѣжитъ
 Шатаясь, и борца отъ гибели онъ мчитъ.

LXXVIII

Отъ ярости и боли изступленный,
 Изъязвленный, весь копытами пронзенный,
 Въ срединѣ цирка и враговъ кругомъ
 Невидя, сталъ онъ въ бѣшенствѣ нѣмомъ:
 Вотъ тутъ-то матадоры съ нимъ играютъ,
 И краснымъ перель нимъ вертятъ плащомъ,
 И копытами сверкаютъ. Напрягаетъ
 Послѣднія онъ силы — тщетный пылъ!
 Свирѣпыя глаза ужъ красный плащъ покрылъ.

LXXXIX

Туда, гдѣ шея толстая съ снѣгомъ
 Сочленена, мечь смертный входить весь.
 Стоитъ, вздрогнувъ оны только, но и заѣсъ.
 Не отступаетъ передъ смертию злою:
 Онъ тихо наконецъ валится тутъ
 Среди побѣдныхъ кликовъ, безъ стѣнаний.
 Въѣзжаетъ колесница, трупъ кладутъ
 Торжественно помятъ громъ рукоплесканий
 И кони молнией грузъ тяжкій видлы несутъ.

LXXX

Свирѣпныхъ игръ забава манитъ дѣву
 Испанія, и юношѣ меча:
 Воспитанъ ими, къ мести оны и гнѣву
 Привыкъ и знаетъ наслажденья зла.
 О, сколько селъ возмущено враждами!
 И хоть теперь фалангою одной
 Возстали все предъ общими врагами,
 Но кто остались дома, — часто злой.
 Готовятъ ближнимъ новъ изъ за: вражды душой.

LXXXI

Зато бѣжала Ревность. Нѣтъ заповоги,
 Замковъ, дуэньи тощей и сухой,
 Всѣхъ возмущавшихъ душу прежде вздоривъ,
 Затѣй нелѣпныхъ ревности смышлой, —
 Все отошло съ минувшимъ поколѣньемъ...
 Кто былъ вольнѣй испанки молодой
 (Пока война не вторглась съ разрушеньемъ),
 Когда по вѣтру пышный локонъ свой
 Развѣивъ, на лугу она плясала
 Въ тотъ часъ какъ въ небесахъ звѣзда любви мерцала?

LXXXII

Неразъ и часто мой Гарольдъ любилъ
 Или мечталъ любить, — коль сновидѣнье

Восторгъ. Но здѣсь онъ сердцемъ хладенъ былъ
 Печальнымъ. Онъ, еще воды забвенья
 Непившій, зналъ во глубинѣ души,
 Что у любви лишь крылья хороши,
 Что какъ бы ни ласкали наслажденья,
 Но горечь всѣ на днѣ они хранятъ —
 И лучшіе цвѣты отравитъ этотъ ядъ.

LXXXIII

На красоту онъ не былъ слѣпъ, но было
 То наслажденье мудрости одной...
 Нето-чтобъ философія склонила
 Взоръ цѣломудренно-суровый свой
 На эту душу, — нѣтъ! но пожираетъ
 Въ насъ страсть сама себя и убѣгаетъ.
 Могила роетъ собственной рукой
 Себѣ порокъ. Отринувъ обольщенья,
 Гарольдъ какъ Каинъ жилъ съ печатью отверженья.

LXXXIV

Все созерцалъ онъ недѣлясь съ толпой,
 Но не съ враждой смотрѣлъ на мѣръ: участие
 И онъ бы принялъ въ радостяхъ порой.
 Но потерялъ давно улыбку счастья,
 Ничто тоски не заглушало злой.
 Онъ разъ лишь съ демономъ своимъ пытался
 Бороться — и въ уборной молодой
 Красавицы въ немъ жаръ поры былой
 Внезапно пѣснію невольною сказался.

КЪ ВНЕСЪ

1

Не улыбайся мнѣ: бѣжить
 Отъ сумрачной души моей
 Давно улыбка. Да хранить
 Тебя судьба отъ черныхъ дней!

2

Иль знать ты хочешь что тоской
Мнѣ точить сердце день и ночь?
Зачѣмъ?.. Лишь миръ смутится твой,
А мнѣ не въ силахъ ты помочь.

3

Знай: не любовь и не вражда,
Не честолюбья глупый сонъ
Во мнѣ проклятій будить стонъ,
Влекутъ невѣдомо куда, —

4

Но скука, окука мнѣ сквозитъ
Во всемъ что вижу, слышу я.
Мнѣ даже красота твоя
Едва лишь сердце шевелитъ.

5

То скука вѣчнаго жила...
За гробомъ ничего не ждетъ
Душа, но лишь во мракъ сойдя,
Миръ вожелѣнный обрѣтетъ.

6

Кто можетъ отъ себя уйти?
Изъ края въ край, все дальше въ даль
Я мчусь, — повсюду впереди
Меня мой демонъ злой — печаль.

7

Всѣ жадно гонятся кругомъ
За тѣмъ, что бросила моя
Душа: дай-богъ имъ жить ихъ сномъ!
Да не пробудятся какъ я.

8

А мнѣ... мнѣ по свѣту блуждать,
Да мучиться прошедшимъ, другъ,
Да тѣмъ себя лишь утѣшать,
Что вызналъ зло лютейшихъ мукъ.

9

Какихъ? О! знать ихъ не ждаѣ
 И въ бездну мрачную свой взглядъ,
 Свой свѣтлый взглядъ не устремляѣ:
 Въ душѣ людской таится адъ!

LXXXV

Прощай, Кадиксъ! быть-можетъ навсегда!
 Кто стѣнъ твоихъ забудетъ защищенѣ?...
 Одинъ остался вѣреть ты, когда
 Подъ иго все склонялося въ смущеньѣ.
 И ежели среди борьбы святой
 Ролною кровью стогны обнялись, —
 Убийства жертвой палъ предатель злой...
 Всѣ стали честно здѣсь за край родной,
 Покорностью одни вельможи лишь срамялись.

LXXXVI

Да, таковы сыны твои, земля
 Съ судьбой странной: вольности незная,
 Они за вольность бьются, умирая
 За честь безсильной власти короля.
 Бѣжить дворянство, но толпа возстала,
 Рабамъ Измѣны вѣрная, — своей
 Родной землѣ она оплотомъ стала...
 Ей гордость путь свободы указала
 И кликъ ея: война, война хоть до ножей!

LXXXVII

Вы, кто испанцевъ знать вполнѣ хотите,
 Кровавой брани лѣтопись прочтите!
 Все, что вражда лютейшая къ врагамъ
 Внушить лишь можетъ, въ ходъ она пускала:
 Отъ топора до тайнаго книжала —
 Все годилось народа мести злой,
 Лишь-бы сестеръ и жонъ спасти любимыхъ,
 Лишь-бы враговъ изгнать изъ странъ родимыхъ...
 О еслибъ хищныхъ ждалъ вездѣ расчетъ такой!

LXXXVIII

Хотите-ль падшихъ вы почтить слезою?
 Взглянуть на долъ кровавый стоитъ вамъ,
 На руки, обогранныя рѣзною,
 Убійствомъ женщинъ — и зѣтымъ вы псамъ
 Оставьте мѣртвецовъ безъ погребеня,
 Предайте труны вранамъ на съѣденье...
 Пусть груды побѣлѣвшія костей
 И токи крови служатъ для дѣтей
 Свидѣтельствомъ отцовъ великаго сраженя.

LXXXIX

Но дѣло страшное не рѣшено.
 Стремятся съ Пиринеевъ легіоны —
 И въ темныхъ тучахъ выси небосклона,
 Исходъ предвидѣть смертнымъ не дано
 Очамъ. Народовъ падшихъ упованье
 Къ Испаніи приковано съ тоской.
 Испаніи свобода — ихъ возстанье, —
 И больше странъ, чѣмъ тяжкою рукой
 Поработилъ Пизарръ, воспрянетъ съ сей страной.

XC

Ни крови токъ на Талаверскомъ полѣ,
 Ни чудеса Бароссы, ни костей
 Людскихъ громады въ Альбуары долѣ,
 Доселѣ, о Испанія, твоей
 Увы! еще не искупили воли...
 Когда же вновь олива зацвѣтетъ
 И все въ краю свободой озарится?
 О много, много дней еще промчится,
 Пока свобода здѣсь какъ древо возрастетъ!

XCI

И ты, мой другъ (!) (сердечной скорби сила

(!) Джонъ Уингфилдъ, одинъ изъ англійскихъ офицеровъ, другъ Байрона, умершій отъ лихорадки.

Невольнымъ стономъ рвется изъ груди)
 Когда бы подъ мечемъ ты шалъ, среди
 Товарищей, — слезу-бъ остановила
 У дружбы гордость; но во гробъ сойти
 Безъ пользы и безъ славы, быть забвеннымъ
 Всѣмъ міромъ, и однимъ уединеннымъ
 Лишь сердцемъ быть помануту моимъ —
 Зачто наказанъ былъ ты жребіемъ таимъ?

XСII

О старшій изъ друзей, всѣхъ больше мною
 Любимый, сердцу милый — въ немъ же ты
 Единный лишь всѣ пережилъ мечты!
 Дай хоть во свѣ увидѣться съ тобою!
 Пусть токи слезъ миѣ Утро обновить,
 Меня къ сознанью горя пробуждая...
 И пусть воображеніе парить
 Надъ мирною могилою, пока я
 Не стану прахомъ самъ: насъ смерть соединить.

XСIII

Гарольда страивній первая глава
 Окончена. Кто знаетъ о немъ желаетъ,
 Тотъ скоро — если рифмовать слова
 Охота не пройдетъ во миѣ — узнаеть.
 «И такъ не много-ль?» можетъ-быть кричать
 Жестокій критикъ... Но прошу терпѣнья.
 Гарольдъ страны инья посѣтитъ:
 Онъ Греціи развалины узритъ —
 Остатки лучшихъ дней сятаго вдохновенья.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Оренбургъ.
 1862 года марта 12.

МОЯ ЮНОСТЬ

(изъ однихъ записокъ)

Юность, юность!.. чудное, магическое слово! Кто безъ вадоха и боли въ сердцѣ вспоминаетъ тебя, лучшее время нашей жизни? Кто рѣшится предпочесть тебѣ другой возрастъ и кто уврекаетъ тебя за тѣ великія невзгоды и за тѣ испытанія, которыми ты такъ щедро награждаешь насъ, глупыхъ, забытыхъ и запуганныхъ дѣтей, только благодаря тебѣ одной едва не пропадающихъ въ этомъ жизненномъ омутѣ? Вижу, ясно вижу тебя, суровое и неумолимое время моей жизни! Вотъ они, эти годовые дни, эти долгія, безсонныя, томительныя ночи, эти болѣзненные, страшныя грезы и тревожныя, мучительныя думы! Но и за это даже я благословляю тебя, моя тяжолая, бурная юность, — потому что твои испытанія дали мнѣ силу, твои уроки вразумили меня, твои удары и теперь еще болью отдаютъ въ моему сердцѣ и невольно заставляютъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, за которыя когда-то ты такъ безощадно казнила меня. Простодушнымъ, довѣрчивымъ, слабымъ я пришолъ къ тебѣ, моя юность, и ты, какъ добрая мать, дала мнѣ все что сдѣлало бы изъ ребенка мужа, что пробудило бы во мнѣ заснувшія было челоуѣческія силы. Ты первая научила меня уважать челоуѣка и въ себѣ самомъ и въ другихъ; ты первая наградила меня и сладкими восторгамъ любви, и горестью разлуки: ты первая ввела меня въ жизнь и познакомила со всѣми ея бурями и тревоженіями. Все изъ тебя, въ тебѣ и съ тобою! Вотъ за что я безконечно люблю мою безвозвратно-улетѣвшую юность! Вотъ за что безъ упрека вспоминаю даже тѣ тяжолые удары, которые когда-то пришлось перенести мнѣ!

Да, золотое, золотое было то время!

Посмотрите: вотъ они проходятъ передо мною одинъ за другимъ, мои друзья, мои товарищи! Вотъ они, веселые, добрые собесѣдники!

Но все обычной чередою
Здѣсь подь луной у насъ идетъ,
И время какъ потокъ съ собою
Печаль и радости несетъ —

дружно заплѣли они. И долго, долго стоять въ воздухѣ звуки старой студенческой пѣсни...

Гдѣ вы теперь, мои друзья? Или и васъ, также какъ меня, перевернула жизнь, и заматанные ею вы рано, но прочно очерствѣли и потеряли и прежнія мечты и надежды, и прежнюю веселость, и прежнюю удачу? Вспоминаете ли вы тѣ свѣтлые, юношескіе дни, когда были такъ мимолетны всѣ печали и горести, окружавшія насъ, когда долгая задушевная бесѣда въ добромъ кружкѣ товарищей, а нерѣдко бутылка «влаги пѣиной» да веселая пѣсня разомъ отгоняли прочь всѣ черныя мысли о нуждѣ, оскорбленіяхъ, карцерѣ и другихъ бѣдахъ и невзгодахъ?.. Милые, дорогіе друзья! Гдѣ же тѣ ожесточенные споры, чуть не до слезъ, которые мы вели когда-то? Гдѣ тѣ надежды, которыми мы когда-то жили изо дня въ день, изъ минуты въ минуту? Гдѣ они, гдѣ тѣ идеалы, которые мы воздвигали, которымъ мы чуть не молились когда-то? Гдѣ же, гдѣ все это?!..

Что можетъ быть горше слезъ воспоминанія и потери? Какъ болѣзненно хватаютъ они за сердце и какъ тревожатъ и мучатъ душу!

Но вотъ, вижу — проходитъ другая фаланга: наши бывшіе наставники и руководители. Теперь они уже сошли въ могилы и не раздастся больше ихъ голосъ въ аудиторіи. Не ораторствуешь уже ты, добрый старикъ, что такой-то минералъ «на поверхности своей якобы жиромъ повлечешь», а такой-то «имѣетъ цвѣтъ пера утки-селезень»; нѣтъ и тебя, европейскій ученый, вмѣсто лекцій излагавшій на ломаномъ русскомъ языкѣ переводъ какой-то старой латинской зоологіи; умеръ и ты, веселый, сѣрый старичекъ, объяснявшій все «жизненною силою» и нависно лепетавшій о себѣ: «ми, германскій профезоръ, ми все знаемъ»; даже и ты, какъ кажется, облачился въ гробовой саванъ, криши нашихъ двѣй, ораторъ и мудрецъ, вводившій насъ, по соф-

ственному твоему выраженію, «въ храмъ науки» и совѣтовавшій неуклонно слѣдовать за тобой, какъ за «опытнымъ зашва-лой»... Всѣ сдѣлались теперь наследіемъ могильнаго червя, правда еще и при жизни уже достаточно подточившаго и васъ самихъ, и вашу науку... Но какъ хотѣлось вѣрить и какъ вѣрилось когда-то вашимъ словамъ! Съ какимъ жаромъ выслушивались ваши смѣшныя и досадныя лекціи и съ какою наивностью заучивались иногда ваши мудрыя изреченія, ваши полуистлѣвшіе и рутинные доводы и мысли!..

I

Изъ родного города я выѣхалъ 8 августа, вечеромъ. Я ѣхалъ на перекладныхъ, въ сопровожденіи двухъ товарищей, изъ которыхъ одинъ былъ уже студентъ, а другой только-что окончилъ, также какъ и я, гимназическій курсъ. Едва только матушка, братья и сестры, провожавшіе меня, скрылись изъ моихъ глазъ и осталось назади кладбище, стоявшее на самомъ концѣ города — сердце мое невольно сжалось отъ какой-то тоски и грусти: такъ и хотѣлось спрыгнуть съ телеги и побѣжать обратно домой. Мысль, что настала разлука съ людьми, съ которыми прожилъ подъ одной кровлей цѣлыя восемнадцать лѣтъ, совершенно подавила враждебное чувство, вызванное было прошлой тяжелой жизнью, и горькія слезы такъ и просились на глаза.

Всѣ мы сидѣли какъ-то насупившись, упорно поглядывая по сторонамъ.

Такъ проѣхали мы въ молчаніи верстъ десять. Городъ уже остался далеко за нами и совершенно потерялся изъ виду, исчезли даже и одинокія избышки, разбросаныя вдоль дороги, и побѣжали мимо выжженные солнцемъ степи и поля, покрытыя только-что сжатымъ хлѣбомъ, — а мы все молчали.

— А не обривизовать ли намъ свою провизію? спросилъ наконецъ студентъ, вытаскивая свой мѣшокъ.

Предложеніе было одобрено и каждый принялся за свой мѣшокъ, вытаскивая оттуда различныя булки и булочки, кокурки и лепешки, яйца, яблоки, жареныхъ цыплятъ, ветчину и проч. и проч. Ревизія нѣсколько развеселила насъ, и когда мѣшки достаточно опустѣли, мы разговорились.

— Что, жалко родину-то? спросилъ насъ студентъ.

— Да чего тамъ жалѣть? спросилъ его я въ свою очередь, стараясь придать своему голосу какъ можно больше холодно-сти.

— Отчего же ты плакалъ?

— Врешь, я не плакалъ!

— Врешь, плакалъ!

— Да ты самъ плакалъ, сказалъ я ему.

— Ну, это ужъ извини!.. съ ироніей отозвался студентъ: — вотъ спреси-ка ямщика: онъ видѣлъ.

— Зато ты въ прошломъ году плакалъ, настаивалъ я.

— А ты теперь плакалъ.

— Врешь! врешь! врешь! съ досадою почти закричалъ я.

— Хорошимъ хвалитесь! повернувшись къ намъ лицомъ, замѣтилъ ямщикъ: — отца съ матерью покинули, да еще хвалитесь, что не плакали! Я вотъ мужикъ, а этимъ не сталъ бы хвалиться. — Нехорошо, нехорошо! наставительно прибавилъ онъ.

Тутъ и мы поняли, что нехорошимъ хвалились, почему тотчасъ же и прекратили неловкій споръ.

На первую станцію мы пріѣхали уже послѣ сумерекъ. Тотчасъ заложили новыхъ лошадей и отправились далѣе.

Наступила ночь. Выплылъ яркій полумѣсяцъ и заблестѣли звѣзды; въ воздухѣ сдѣлалось какъ-то свѣжѣе и тише; изрѣдка лишь слышалось гдѣ-нибудь вдаль тихое стрекотаніе кузне-чика или крикъ какой-нибудь птицы, неотыскавшей еще ноч-лега. Тройка медленно тащилась по неровной и пыльной доро-гѣ, нагоняя тоску и скуку. Полулежа и какъ-то невесело посма-тривая по сторонамъ, я предался грустнымъ размышленіямъ о только-что покинутомъ мною отческомъ домѣ.

Вижу я, сидятъ всѣ за ужиномъ, молча: отецъ на одномъ концѣ стола, матушка на другомъ, а по бокамъ ихъ братья и сестры. Вижу даже толстое, какое-то мургое лицо нашей ку-харки, совѣтующей дѣтямъ скорѣе дохлебывать щи, потомучто «тятенька съ мамынькой уже отхлебали» — и дѣти спѣшать и жгутся, посылая въ себя ложку за ложкой. Подали второе блю-до. Опять кухарка торопитъ дѣтей. Наконецъ всѣ встали изъ-за стола, выстроились въ шеренгу и хоромъ прочли благодар-

ственную молитву; потомъ дѣти поцѣловали руку у отца и матушки и остановились, какбы въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. «Пойдемте на ночь Богу молиться», зоветъ отецъ. Всѣ переходятъ въ другую комнату, опять выстроиваются въ шеренгу передъ кіотомъ съ образами и хоромъ начинаютъ читать молитвы, заканчивая все это слѣдующимъ возгласомъ, заученнымъ каждымъ со словъ отца: «добра ночь Богу, папѣ, мамѣ, братцамъ, сестрицамъ и всѣмъ». Дѣти опять цѣлуютъ руку у отца и расходятся, причемъ братья, живущіе отдѣльно, идутъ въ свое обиталище. Раздѣвшись, они уже готовятся потушить свѣчу, какъ вдругъ слышится стукъ въ окно и за нимъ рѣзкій голосъ отца: «Семя, каналья! отчего ты не перекрестилъ подушку?» Семя приподнимается и трижды креститъ подушку. «Да читали ли вы «да воскреснетъ Богъ»? спрашиваетъ отецъ. — Читали, читали, папенька! отвѣчаютъ братья. — «Ну, прочтите-ка еще, а я послушаю.» Братья начинаютъ читать молитву, а отецъ, приложивъ ухо къ стеклу, слушаетъ, изрѣдка громко поправляя ихъ. Наконецъ братья тушатъ свѣчу и укладываются спать. Отецъ, вижу я, все бродитъ по двору. Вотъ онъ набралъ охапку щепокъ, поносилъ—поносилъ ихъ съ собою, вѣроятно отыскивая удобное мѣсто, и наконецъ бросилъ среди двора, проговоривъ про-себя: «кучеръ завтра подберетъ». Вотъ, вижу, гонитъ онъ корову въ сарай; подошолъ и къ собакѣ, одиноко сидящей у каретника на докучной цѣпи. «Чго, скучно тебѣ, Волчокъ?» спрашиваетъ отецъ. «Скучно, скучно глупому! какбы за Волчка отвѣчаетъ онъ: — но чтоже дѣлать?» со вздохомъ прибавляетъ отецъ и направляется къ погребамъ, попробуетъ хорошо ли заперты замки, и тогда уже идетъ спать. Дошедши до двери, онъ останавливается, думаетъ и потомъ опять повертывается назадъ и идетъ къ сараю, въ который только-что загналъ корову. «Нѣтъ, ты, бурѣнка, ступай—ка сюда во дворъ, тутъ тебѣ лучше!» разсуждаетъ отецъ, и опять выгоняетъ корову изъ сарая. Чувствуя, что всѣ хозяйственныя распоряженія и хлопоты оконченны, отецъ, вижу я, трижды перекрестился на сіяющую вдали золоченую главу церкви, и тогда уже спокойно пошолъ спать. Выспѣвъ съ нимъ, вижу я, засыпаетъ весь домъ; даже и корова перестаетъ шевелить челюстями, переваливая жвачку изъ одной стороны въ другую; даже самъ Волчокъ, вижу, залѣзъ въ конуру и успокоился.

— Отчего же это мнѣ не спится? думаю я, поглядывая то на спящихъ товарищей, то на бѣдыя окрестности.

Скучна и бѣдна вообще русская природа, но особенно убога она въ нашемъ юговосточномъ краѣ. Однообразныя поствы, безлюдныя и мертвыя степи и солончаки, жалкія деревенскія избушки изъ хвороста, покрытыя соломой, и полуразвалившіеся станціонныя дома, — вотъ что приходится на долю проѣзжаго въ тѣхъ мѣстахъ. Рѣдко—рѣдко порадуешь насъ какой-нибудь веселый видъ или чистенькій домикъ, еще рѣже помѣстится на вашемъ облучиѣ танъ-называемый лихачъ-ямщикъ, вѣвецъ и балагуръ, въ рваномъ сѣромъ армячишкѣ и съ шляпой на бокренъ — да и тотъ поетъ дотога однообразно и грустно, что просто всю душу вымотаетъ своими пѣснями, а балагурить и того хуже; но главное, все это дѣлаетъ не по внутреннему влеченію, а ради гривенника, который надѣется взять съ васъ за эти увеселенія.

Грустное явленіе представляетъ русскій придорожный мужикъ! Плохо вознаграждаемый за свою тяжелую службу отъ содержателей станцій, онъ всѣми правдами и неправдами старается пополнить этотъ недостатокъ въ обеспеченіи на проѣзжающихъ; потому онъ первый попрошайка, первый вымогатель и лихоимецъ. Онъ проситъ съ васъ за пѣсню, за сказку, за прибаутку, за отвѣтъ, который онъ далъ на вашъ вопросъ, за пребываніе съ вами въ одной комнатѣ, — однимъ словомъ за все, въ чемъ онъ принимаетъ или не принимаетъ никакого участія, но что по его логикѣ подлежитъ денежному вознагражденію съ вашей стороны. До какихъ курьезовъ могутъ иногда доходить эти просьбы «на водку», свидѣтельствуешь слѣдующій случай.

Зашолъ я какъ-то въ станціонную комнату и въ ожидавѣи лошадей усѣлся на диванъ, тупо поглядывая своими полусонными глазами на противоположную стѣну. Сальная свѣча плохо освѣщала окружавшіе меня предметы. Отворилась дверь и въ комнату вошелъ только-что привезшій насъ ямщикъ; остановившись у порога, онъ пристально смогрѣлъ на меня. Я молчалъ.

— А лошадей-то закладываютъ, замѣтилъ ямщикъ.

— Это хорошо, отвѣчалъ я.

Наступило молчаніе.

— Вошь нынѣ насъ ѣсть, заговорилъ ямщикъ, почесывая

головею.

— Это плохо, замѣтилъ я.

— И бѣда въ большой силѣ: ровно горохъ крупная, продолжалъ разсуждать ямщикъ.

— И это нехорошо, вымолвилъ я и замолчалъ.

— Старый ямщикъ, ваше благородіе...

— Чтоже тебѣ нужно?

— На водочку бы съ вашей милости...

— Да вѣдь я тебѣ уже далъ.

— То за извозъ пожаловали...

— Ну а теперь—то за что? спросилъ я.

— Какже, тоже поговорилъ съ вашей милостью! отозвался ямщикъ переминаясь.

Я расхохотался.

— Помилуй! рассказалъ ты мнѣ чортъ—знаетъ объ какой драцѣ, да еще на волку просишь!

— Многие даютъ, замѣтилъ ямщикъ.

Я опять засмѣлся. Ямщикъ между тѣмъ принялся рыться въ карманахъ своихъ щтановъ.

— Эхъ, да табаку—то ёкъ! вдругъ воскликнулъ онъ, вытаскивая кисеть.

Я молчалъ, ожидая что дальше будетъ.

— Ну вотъ на табакъ ужъ съ вашей милости слѣдуетъ получать, потомучто безъ табаку не проживешь: безъ табаку мужикъ пропасть долженъ, это вѣрно, — рѣшительно заключилъ ямщикъ.

Противъ такой находчивости разумѣется устоять было уже невозможно и я далъ ему нѣсколько мѣдныхъ монетъ на табакъ.

Во всю первую ночь я не могъ заснуть, потомучто ѣхалъ на перекладныхъ въ первый разъ. Только уже поутру, обезсиленный и истомленный бессонницей, я наконецъ задремалъ, но ненадолго. Проснувшись отъ сильного толчка, отъ котораго даже сълетѣла фуражка съ моей головы, я принялся проклинать все: дорожку, и товарищей, и даже собственную свою жизнь.

— Ты вотъ лучше послушай что ямщикъ рассказываетъ о своемъ отцѣ, уговаривали меня студентъ и другой спутникъ.

— А что?

— Вот послушай...

— А я рассказываю имъ, какъ онъ у киргизовъ лошадей кралъ, объяснилъ мнѣ ямщикъ.

— ...Такъ вотъ, — продолжалъ ямщикъ свой рассказъ — взялъ онъ эту свою бурую кобылу, осѣлалъ да и поѣхалъ въ путь-дорогу. Ёхать ему нужно было, примѣрно, вотъ хоть бы теперь какъ до В. — верстъ двѣсти, поболѣ. «Взялъ я, говорить, съ собой провизию и все какъ слѣдуетъ. Ёду. День ѣхалъ, другой ѣхалъ, наконецъ къ вечеру прибылъ. Степь, говорить, одна кругомъ, такъ гдѣ-гдѣ, говорить, травка колышется — да и та засохла; а гдѣ, говорить, эти солончаки, такъ соль-атъ лежитъ такая бѣлая-пребѣлая, точно снѣгъ, и земля, говорить, въ тѣхъ мѣстахъ нида полопалась отъ жару. Слѣзъ я, говорить, съ кобылы-то, навѣсилъ ей торбу съ овсомъ — петрожь-моль, поѣсть — а самъ и пошолъ по степи. Ходилъ-ходилъ, говорить, все слѣда отыскивалъ, наконецъ нашолъ. Ну, думаю, въ этомъ мѣстѣ, мотри, недавно были, потомучто слѣды-то свѣжіе на землѣ. Вотъ я и пошолъ дальше. Иду, а самъ все на землю поглядываю — не видно ли чего? Только и запримѣтилъ я вдали что-то ровно чериѣтся, — а ужъ темно стало: ну, думаю, табуны. Смотрѣлъ-смотрѣлъ это я, говорить, да какъ шархнулся восторону, да бѣжать, да бѣжать...

— Чего же онъ испугался? спросилъ студентъ.

— А вотъ слушайте что дальше будетъ...

— «Отбѣжалъ я, говорить, эдакъ съ версту, полегче стало. А я, говорить, чего напужался? — Я вмѣсто табуна-то да на ихъ кибитки наскочилъ; и еслибы, говорить, они меня узрѣли — тутъ бы и конецъ: такъ и убили бы какъ собаку, потомучто знаютъ, что не за добромъ пришолъ. Тутъ ужъ я и смекнулъ, что табуны значить близко. Отыскалъ его. Табунице важный, лошадей въ полтораста. Нечего, думаю, дѣлать; нужно утра дожидаться. Поутру значить они осмотрятъ табуны, пересчитаютъ да отгонятъ на другое мѣсто: вотъ тогда, говорить, и буду дѣлать свое дѣло. Запримѣтилъ я мѣсто-то, да и пошолъ къ своей лошади. Отѣхалъ на ней эдакъ версты четыре-пять восторону, нашолъ какой-то ручеекъ, попоилъ, потомъ, говорить, спугалъ ее да и легъ тутъ же спать на потникъ. Поутру всталъ еще гдѣ до солнца, покормилъ да поповалъ лошадь, умылся, говорить, самъ да помолился на звѣзды небесныя и сталъ ожд-

дашь восхода солнышка. Какъ молъ взойдетъ, такъ я съ божьей помощью и отправлюсь; потомучто, говорить, зналъ, что они де зари еще его осматрять, — призошаль значитъ всѣ ихъ перядки. Взшло солнышко. Дашъ я ему маленько пообогрѣть — и поѣхалъ. Эхъ, говорить, такъ меня лихоманка и затрясла, какъ усадилъ я табунъ! Недолго думая, отшибъ, говорить, отъ него лошадей двадцать, повертѣлся-повертѣлся вокругъ вихъ, да канъ вѣкву на свое бурую — и вошолъ, и пошолъ, только держись шанка! Земля-то, говорить, ровно зазвенѣла подъ копытами — такъ задулъ! Отѣхалъ, говорить, я версть десять и дашь мнѣ духъ перевести да траву пощипать маленько. Ну, думую, теперь лови меня: вѣдь завтра еще только узнаете... И пошолъ, говорить, спервоначалу все рысью да рысью, а потомъ и шагкомъ, — боюсь, лошадей-то захоюю.

— Чтоже, дегнали его? спросилъ кто-то изъ насъ.

— Вы слушайте, до чего дѣло дойдетъ.

— «Проѣхалъ, говорить, день, проѣхалъ ночь, проѣхалъ и другой день — все благополучно; и опять ночь, говорить, благополучно проѣхалъ; только ужъ на третій день, эдакъ къ вечерини, — мнѣ всего-то, говорить, версть семьдесятъ оставалось до дому, — вижу, говорить, назади ровно что-то чернѣется. Погоня, думую, а самъ настегиваю кобылу хворостивой. Оглянусь—оглянусь, говорить, а онъ все ближе да ближе: вижу одинъ скачетъ, ровно копыта какая на лошади-то сидитъ. Понадвинулъ я, говорить, шляпенку на глаза — будь молъ что Богу угодно! потомучто вижу осадить-то мнѣ его нечѣмъ: окромя хворостинки, которой бабы коревъ въ табунъ отгоняють, ничего нѣтъ въ рукахъ. Какъ, говорить, онъ ко мнѣ подѣхалъ — ничего не видѣлъ. Свиснулъ онъ меня сверху, по шляпенкѣ, этой своей нагайкой, — такъ я, говорить, и свалился съ лошади, ровно малый ребенокъ. Что дальше было, тоже, говорить, не помню. И открылъ я, говорить, глаза только тогда, когда мнѣ на грудь рико гору какую навалили. Вижу, онъ уперъ мнѣ въ грудь-то копытомъ, а самъ изъ эдакого чахла ножикъ волокетъ. И прикрикъ, говорить, я всѣхъ святыхъ на помощь, собрался со всѣми силами, да какъ трахну его копытомъ промежду ногъ-то — онъ какъ куренокъ, и перевернулся черезъ меня! Тутъ я вскокорехонько на ноги да и началъ, говорить, сапогами его покурну-то бить; а сапоги у меня, говорить, на тотъ случай

были съ подковами. Малы-шалъ я ему морду-то, наконецъ бросилъ, говорить: него-чтобы, говорить, жалко стало, а такъ очень ужь противно. Такъ, говорить, онъ тутъ и подохъ!»

— А чтоже отецъ-то твой не каился потомъ, что человекъ убилъ? спросилъ студентъ ямщика.

— Какое не каился: говѣлъ въ тотъ годъ два раза и сшутнюю долго держалъ.

— Ну, а лошадей-то пригналъ домой? спросилъ другой мой спутникъ — гимназистъ.

— Пригналъ; а то развѣ бросить чтоли?.. Оту, ва которой киргизъ-то его догналъ, за вѣтьсотъ рублей, потомъ продалъ, потомучто она просто неутонная была, — мотри двужильная, али съ продухами.

— Какъ это — двужильная али съ продухами?

— Ну, да это долго объяснять... Которая значить бываетъ двужильная, а которая съ продухами, — дыры то-есть подъ лопатками и въ поздняхъ имѣеть, оттого и легче скачетъ. Ну, вы, двужильныя! вдругъ крикнулъ онъ, обращаясь къ лошадямъ, и замахалъ надъ ихъ спинами.

— А вотъ неправое-то богатство не пошло въ ярѣкъ, зашѣтилъ студентъ ямщику.

— Какъ такъ? спросилъ онъ.

— Да какже: отецъ твой поскольку воровалъ, а ты все-таки вотъ теперь въ ямщики пошолъ.

— Да тогда время такое было, что нельзя не воровать. Они крали у нашихъ мужиковъ, наши мужики у нихъ — безъ этого нельзя было обойтись, потомучто гдѣ ты ва него управу найдешь: поди ящи его въ степи-то!

Слѣдующіе два дня нашего путешествія прошли довольно скучно. Я между прочимъ сталъ нѣсколько приызкать къ до рогѣ и могъ хотя немного подкрѣплять себя сномъ.

Наконецъ поутру на четвертый день мы переправились черезъ рѣку и въѣхали на высокую земляную насыпь (дамбу), за которой находился уже самый давно-железный нами городъ. Радость, наполнившая въ это время мое сердце, едвали можетъ повториться когда-нибудь. Я чуть не плакалъ. Я, какъ новосѣльникъ южныхъ штатовъ, счастливо достигшій свободныхъ сѣверныхъ, готовъ былъ даже цѣловать эту землю, на которой впервые суждено будетъ почувствовать себя лицомъ свободнымъ.

и независимымъ больше отъ убивавшаго до сихъ поръ меня гимназическаго и домашняго деспотизма. И я и мой товарищъ по гимназiи, оба мы совершенно засыпали вопросами сопровождавшаго насъ студента. Новая жизнь! новая жизнь! шептала я про себя, чуть не задычаешь отъ какого-то сладостнаго, невыразимо-приятнаго чувства.

II

Мы остановились въ гостинницѣ.

— Ну, теперь нужно нѣсколько привести себя въ порядокъ, скажамъ намъ студентъ, развязывая чемоданъ: — а потомъ мы отправимся отыскивать своихъ прiятелей.

— А въ университетъ пойдемъ? спросили мы его въ одинъ голосъ.

— Да что тамъ дѣлать?

— Хоть посмотрѣть бы...

— Еще увидите! отвѣчалъ студентъ.

Умывшись и переодевшись, мы почти выбѣжали изъ гостинницы и отправились къ землянкамъ.

— Далеко ли еще идти? нетерпѣливо допрашивали мы студента.

Онъ отвѣчалъ намъ жестомъ и продолжалъ шагать.

— Гдѣ они живутъ? У кого они живутъ? Съ кѣмъ они живутъ?... то и дѣло докучали мы.

— Вотъ увидите, таинственно пробормоталъ студентъ.

— Покрайней-мѣрѣ на какой улицѣ?

— Сейчасъ, сейчасъ... Вотъ здѣсь! торжественно возгласилъ онъ, входя на крыльцо небольшого деревяннаго домика. Отворивъ обитую изорваной цыновкой дверь, студентъ съ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши вбѣжалъ въ большую, но чрезвычайно грязную и плохо меблированную комнату. Мы слѣдовали за нимъ.

— Вотъ они! вотъ они! раздалось нѣсколько голосовъ нашихъ товарищей и земляковъ; двое изъ нихъ были одѣты въ студенческую форму — эти годомъ ранѣе насъ окончившіе гимназическій курсъ, другіе еще двое носили гимназическій вицмундиръ — это были наши товарищи по гимназiи, прiѣхавшіе

держатъ экзаменъ для поступленія въ студенты. Я и ѣхавшій со мной гимназическій товарищъ, нужно замѣтить, окончили курсъ съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена, почему и не торопились раннимъ приѣздомъ.

— Ну, какъ вы доѣхали? что у насъ на роднѣ новенькаго? когда подадите прошенія? допрашивали насъ.

Удовлетворивши любопытство нашихъ друзей, мы въ свою очередь принялись спрашивать ихъ.

— Ну какъ экзамены?

— Плохо... нарѣзываютъ...

— Кого же нарѣзали?

— Да вотъ его нарѣзали изъ словесности, рассказывалъ одинъ гимназистъ, указывая на другого: — спросилъ его профессоръ, кто былъ первый сатирикъ въ русской литературѣ? Онъ отвѣчалъ: Кавтемаръ, — а профессоръ и завалилъ дубину.

— Это плохо.

— А меня иѣмецъ нарѣзалъ, продолжалъ рассказчикъ. — Я зналъ, что одну единицу можно получить на экзаменѣ, если баллы изъ остальныхъ предметовъ хороши — вотъ я сдуру и не сталъ отвѣчать ему, говорю: «поставьте единицу, она мнѣ не помѣшаетъ»; а онъ взялъ да и вѣшнулъ нуль; теперь пожалуй и не поступишь.

— Нѣтъ, тутъ какъ одинъ изъ исторіи экзаменовался... вступился другой гимназистъ.

— А что?

— Просто умора! Онъ, видишь ты, такъ-то хорошій человѣкъ, этотъ экзаменовавшійся-то, чуть ли не пѣшкомъ, говорить, въ университетъ пришолъ и всѣ предметы отлично сдалъ, только исторію совершенно не пригготовилъ. Досталось ему отвѣчать объ Александрѣ-македонскомъ. Вотъ онъ и говоритъ: «Александръ македонскій былъ герой»... а потомъ и замолчалъ. Профессоръ началъ кричать на него, ну онъ совершенно растерялся и, знаешь ли, до того дошолъ, что что бы ему ни подсказали, онъ то и отвѣчаетъ. — Ну чтоже дѣлалъ Александръ-македонскій? закричалъ профессоръ. — «Онъ воевалъ», отвѣчалъ экзаменовавшійся. — Съ кѣмъ же онъ воевалъ? опять закричалъ профессоръ: — да чтоже мнѣ вытягивать чтоли изъ васъ каждое слово прикажете? — Съ кѣмъ же онъ воевалъ? злобно спросилъ профессоръ. А тутъ кто-то на смѣхъ и подсказалъ: «съ Мамасомъ». —

«Съ Манасиъ», отвѣчалъ экзаменующійся. Экзаменаторъ расхохотался. — Ктоже былъ Мамай? хохоча во все горло крикнулъ профессоръ. Экзаменующійся уже окончательно сконфузился и сквозь слезы пробормоталъ: «Мамай былъ протестантъ». Тотъ ему сейчасъ закатилъ нуль и выгналъ вонъ изъ зала. — Ахъ, какъ онъ бѣдный плакалъ потомъ! съ участіемъ прибавилъ рассказчикъ: — «Миѣ, говорить, теперь придется куда-нибудь въ дѣлчи идти, потомучто я не окончилъ курса въ семинаріи.»

— Какъ же вы тутъ живете, въ этой комнатѣ? спросилъ я товарищей.

— Да вотъ четверомъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. — Платимъ за квартиру пять рублей въ мѣсяцъ, да за обѣдъ по рублю семидесяти пяти, потомучто здѣсь на обѣдъ даютъ довольно много и нѣмь обѣдъ стоить три съ половиной, такъ мы беремъ вдвоемъ одинъ обѣдъ — вотъ на каждаго и приходится по рублю семидесяти пяти. Ну табакъ, свѣчи, чай, сахаръ, булки, — какъ ни считай, а на десять рублей едва-едва мѣсяцъ-то промаячишь, особенно если еще и платье считать. — Нѣтъ, дорого вообще жить здѣсь, разсуждалъ онъ.

— А мы, братъ, ужъ тутъ какъ-то кутнули, перебилъ другой: одного хересу бутылки три выпили.

— Да вотъ, если экзамены хорошо окончимъ, заговорилъ третій, — такъ пирушку зададимъ: найдемъ лодку, испечемъ пироги...

— Позвольте мнѣ, господа, заказать пироги! крикнулъ вдругъ нашъ попутчикъ студентъ, выбѣгая изъ другой комнаты, въ сопровожденіи двухъ другихъ незнакомыхъ студентовъ.

— Си! Карявичъ! Вотъ рекомендую вамъ такого-то, отрекомендовалъ меня студентъ незнакомцамъ.

Мы покажи другъ другу руки.

— Не пейте вы господа этого хересу, увѣщевалъ Карявичъ, высокій, плотный мужчина: — пейте бальзамъ лучше: и дешево, и сердито. А то, слышу, толкуютъ — хересъ... чортъ знаетъ что такое!

— Вотъ что, господа, курочку чтоли или гуся нужно бы тогда зажарить? разсуждалъ одинъ изъ гимназистовъ.

— Да это еще когда будетъ; а теперь вотъ съ вновь пріѣхавшихъ нужно выпивку содрать! заговорилъ Си, густо откашляваясь въ широкую свою ладонь.

— Сдѣремъ, сдѣремъ! Намъ что же потерять! заправили всё хоромъ.

Мы согласившись. Но прежде всего просили нашихъ товарищей показать намъ городъ и главное — университетъ. Тѣ начали одѣваться, а мы принялись разсматривать комнату и содержимое въ ней.

Комната была довольно велика, въ три окна на улицу и въ два во дворъ. У одной стѣны стояли двѣ липовыя кровати грубой работы, а по другимъ стѣнамъ стулья изъ дуба, съ плетеными сѣтками вмѣсто подушекъ; вольтеровское кресло безъ четырехъ ногъ валахлось въ переднемъ углу, и остатки ваты, которую когда-то были намнены его сидѣнья, бока и спинка, служили теперь для затыканія пазирость. На кровати въ концѣ топчана и подушекъ лежали различныя принадлежности туалета, наваленныя въ сломанную кучу. Грязное бѣлье, старыя сапожки, чемоданы, книги и ушлы, человѣчскія кости, химическія реторты, склянки и банни, — все это перемѣшанное между собою и покрытое толстымъ слоемъ пыли, валахлось подъ кроватями. Два стола, сколоченные изъ некрашенныхъ липовыхъ досокъ, зеркало, разбитое лущеобразно въ мальчайшицъ дребезгъ, портретъ любимаго профессора на стѣнѣ — вотъ и все что находилось въ этой комнатѣ.

— Кто же это у васъ такъ зеркало разбилъ? спросилъ я.

— Ахъ, знаешь ли, братъ, какая штука! съ восторгомъ раскандуль одинъ изъ моихъ гимначескихъ товарищей. — Тутъ есть одинъ башкиръ, сыгачъ, въ университетѣ постукаетъ, такъ это онъ... Вообрази, онъ одной рукой подпиралъ за нонку три петь этихъ стула, — ну тогда и разбилъ зеркало. Вотъ слыща-то, скажу тебѣ — просто ужасъ!

— Нѣтъ ли у кого двухъ листовъ бумаги? спрашивалъ одинъ изъ студентовъ, жившихъ тоже въ этой комнатѣ.

— Зачѣмъ тебѣ? спросилъ гимназистъ.

— Да развѣ не знаешь... Давай!

Тотъ далъ ему два листа. Я ожидалъ чего-нибудь необыкновеннаго, слушая этотъ таинственный разговоръ, между тѣмъ дѣло было очень простое: студентъ въ каждый листъ бумаги завернулъ по ногѣ, а потомъ препроводилъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ въ сапоги.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? спросилъ я его.

— Одежда прелега: потому что носюшь шубъ, ставилъ студентъ: — и такъ какъ таковыя прелега у меня не существуетъ уже больше полугода, но пришивъ недостаточности моихъ средствъ и такъ какъ съ другой стороны занимать таковыя у товарищей ватурую или дыганя я не считаю удобнымъ для себя, то носе-му и маюку отнюдь не предсудительнымъ и даже очень полез-нымъ облачать свои ноги такимъ образомъ. — И преговоря я ту тиреду студентъ всталъ со стула и принялся прохаживаться по комнатѣ, отчего бумага издавала какой-то скрипъ.

— Ну, а если у васъ не будетъ вишнуадира, тогда вы и вишнуадиръ изъ бумаги сошьете? спросилъ его кто-то.

— Отчего же? Мешно.

— А вишой-то какъ же?

— Да вѣдь, батюшка, это все басни — теплее платье, носки и проч., съ заискиваемостью обратился студентъ къ вопрошавше-му: — нужда все сдѣлаетъ: обусть, одѣнуть, согрѣть, нак... Тутъ-жъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь. Блѣдное лицо его искази-лось и глаза беспредметно запыркали по комнатѣ.

— Что хотѣлъ сказать — накормить, да оборвался? Нѣтъ, дружище, за нуждой-то вѣдь голодная смерть, а не кормежки! замѣтилъ ему другой его сожитель-студентъ.

— Ну, тогда пулю въ лобъ! съ азартомъ крикнулъ онъ.

— Да гдѣ-же ты пистолетъ возьмешь? Или я его опять также нужда принесетъ?

— Хорошо, хорошо... пойдемте, сказалъ студентъ въ бу-мажныхъ носкахъ и запѣлъ:

Эхъ, студенческая доля!

Эхъ, студенческая доля!

Въ головахъ вопросы,

Въ зубахъ папиросы, —

То-то воля!..

Мы вышли изъ воротъ и повернули направо.

Къ университету! къ университету! упрашивалъ я, пере-бѣгая отъ одного товарища къ другому.

Вотъ мы прошли нѣсколько шаговъ, повернули надѣво и гла-замъ нашимъ предсталъ наконецъ университетъ. Онъ былъ вы-строенъ довольно красиво, въ три этажа и съ тремя колопада-ми; на фронтонѣ вывѣска «такой-то университетъ»; большія

огня и красивыя входныя двери дѣлали его вънѣшній видъ еще привлекательнѣе, такъ что на первый разъ нѣтъ, невидѣвшему никогда до тѣхъ поръ порядочныхъ аданій въ родномъ захолустьѣ, университетъ показался чѣмъ-то грандіознымъ. Я долге не могъ оторвать отъ него своихъ глазъ, рассматривая его во весь, во не частями. Какіе же люди должны жить въ такомъ домѣ? что они должны думать? какія дѣла должны дѣлать? размышляя я, попутно останавливался и глядя на величественное зданіе.

— Пойдемъ, пойдемъ, тащали меня товарищи.

— Еще усѣнешь насмотрѣться.

— Будешь еще бѣгать отъ него! толковали они.

— Вонъ инспекторъ идетъ, вдругъ пропалось что-то.

— Гдѣ? гдѣ? спрашивала мы.

— А ты нечего спрашивать, ты шапку снимаешь, когда переплелся, а то онъ въ университетъ не придетъ.

Мы перовыялись наконецъ съ камины-то господинами съ выпятившейся физиономіей и отвѣтили по порядку.

— Позвольте, господа! остановилъ насъ инспекторъ.

Всѣ стояли безъ шапокъ. Инспекторъ сначала осматривалъ въ головы до ногъ студентовъ, потомъ обратился къ намъ.

— Изъ какой гимназіи? спросилъ онъ.

— Изъ такой-то, отвѣчали мы.

— Въ университетъ поступаете?

— Въ университетъ.

— Подали прошенія?

— Мы подали, отвѣчали двое, — а вотъ они еще не подали: они только нынче пріѣхали.

— Изъ хорошей гимназіи, сейчасъ вижу, замѣтилъ инспекторъ: — начальство уважаете... безъ шапокъ стоите, это хорошо! Когда будете студентами, тоже снимайте фуражки передъ начальствомъ, когда вступаете съ нимъ въ разговоръ; если же въ шляпѣ идете, то нужно приложить правую руку къ кокардѣ, — вотъ такъ! — и инспекторъ показалъ намъ какъ прикладывать руку къ кокардѣ. — Правиль еще не получали? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, былъ отвѣтъ.

— Вотъ въ правилахъ все это изъяснено. Прощайте!

Инспекторъ удалился. Позади его шогъ понура голову какой-то студентъ.

— Вонъ ужъ поймалъ кого-то!

— Какъ поймалъ? спросили мы.

— Да такъ... дѣлать-то ему нечего, вотъ онъ и ходитъ по городу да удить: у кого пуговица отервана, у кого крючекъ не застегнуть, сейчасъ и танцать въ карцеръ.

— Да какъ же такъ? спрашивали мы: — этого даже у насъ въ гимназiи не было.

— А здѣсь бываетъ. Погодите, еще не разъ попадетесь къ нему на куканъ, сволокеть онъ васъ въ карцеръ! подсмѣивались надъ нами студенты.

До обѣда мы исколесили почти весь городъ. Обязательные товарищи съ радостью показали намъ всѣ его достопримѣчательности, начиная отъ возючяго озера, около котораго живутъ обыкновеніе прогуливаться горожане, до знаменитой башни, съ которой будтобы когда-то бросилась на землю какая-то татарская царица.

Обѣдать мы двое отправились въ гостиницу, въ которой останавливались, а остальные всѣ пошли домой. Студентъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нами, тоже ушелъ куда-то, обѣщавъ вернуться къ вечеру и привести съ собою всѣхъ земляковъ, сколько ихъ есть въ университетѣ.

— Какъ же это такъ?.. инспекторъ-то... разсуждалъ я, лежа на диванѣ послѣ обѣда. Я думалъ, что съ гимназiей я совсѣмъ уже покончилъ, а между тѣмъ...

Бѣдная, несчастная юность! Какъ горька и грустна твоя до-вѣрчивость! Какимъ шиповникомъ угощаютъ тебя зачастую тамъ, гдѣ ты видишь однихъ только розъ! Какъ часто тебя, убаюкавную сладкими мечтами и грезами, неожиданно поражаетъ тяжелый обухъ дѣйствительности! Уроки, тяжелые уроки! грустно лепечешь ты, прощая все и предавая забвенію.

Наконецъ я заснулъ. Я проспалъ до самаго вечера. Шумъ и говоръ пришедшихъ земляковъ разбудили меня. Начались объѣты, распросы, возгласы и проч. Компанія собралась довольно большая, человекъ въ двѣнадцать. Тутъ были и окончившіе уже курсъ, и студенты двухъ и трехъ-годовалье, но большинство все-таки было на сторонѣ такъ называемыхъ футурусовъ, т. е. вновь поступающихъ.

Тотчасъ принялись за чай. Поилась оживленная бесѣда. Поступающіе рассказывали о своихъ экзаменахъ, студенты о

лекціяхъ, разбирали достоинства и недостатки профессоровъ, и поголовно всё бранили инспектора: тряпкой нос-носо вольше.

— Ты что «замолить и сидишь одинокое?» спросилъ студентъ филологическаго факультета другого студента, медика.

— Грустно что-то, отъѣзжалъ тетя.

— Да объ чемъ грустить-то? спросилъ филологъ.

— Такъ...

— Вотъ, господа, обратилъ филологъ къ всей компаніи: — рекомендую вамъ рѣдкое явленіе — субъектъ заблудный средою. Я васъ встрѣю, а едва не умру, когда онъ объявитъ мнѣ, что онъ заблудъ средою.

— Да пошла бы ты при мнѣ обстоятельство!..

— Какія же чанія твои обстоятельства?

— Есть нечего, или нечего, ходитъ по лѣ чанъ!.. рѣше аа крикнулъ студентъ и всталъ съ мѣста. Голосъ его дрожалъ, а слезы текли и блестяли на влазахъ.

— Водя ты мой! Господи! «Твои обстоятельства».. Да што, его обстоятельства лучше чаня твоихъ? онъ указалъ на студента въ бумажныхъ пасмахъ: — что, обстоятельства невѣстнаго намъ Петра Федорыча лучше твоихъ?.. Если бы я могла, я бы насчитала тебѣ штыли десятки бѣднжакъ, которые борются съ обстоятельствами далеко худшими чѣмъ твои.

— Тебѣ хорошо говорить: ты обезпеченъ.

— Пропрасно. Я обезпеченъ, я нахожусь въ исключительномъ положеніи; но зачѣмъ же ты-то все хочешь меня въ при-дѣръ брать? зачѣмъ ты не подражаешь тѣмъ бѣднжакъ, которые подобно тебѣ стѣснены обстоятельствами? Посмотри: вотъ одинъ изъ нихъ согнулся, зачалъ полъ этимъ гнетомъ, но все идуть впередъ и впередъ, все выбиваются и выбиваются изъ этого бнута, и выбьются, непременно выбьются! Вотъ другіе, такіе же чаные и нехудальные, если даже еще не больше, — эти стоять неподвижно, обстоятельства давить и душать ихъ въ каждомъ днѣ все больше и больше; но они ни крикомъ, ни словомъ, ни движомъ не указали никому на свое тяжелое положеніе; они погибнуть, умрутъ, если случайность не выхватитъ ихъ изъ этого ада, но никогда не заводють и не покалуются! Вотъ это люди! вотъ это характеры! вотъ это энергія! Въ ту или другую сторону, такъ или иначе, жизнь или смерть.. но когда

видѣть человѣкъ — куда ему! а трипшиа... чертъ съ ней! пусть пропадаетъ! заключилъ филологъ и махнулъ рукою.

— Было бы чѣмъ взяться и я бы сумѣлъ выбѣться, пробормоталъ его противникъ.

— Не выбѣшься, не выбѣшься! рѣшительно возразилъ ему филологъ. — Ты вѣдь въ своемъ полбженіи похожъ на корову, утѣвшую въ яму: если другіе не помогутъ, она сама не выльзеть. Ну, корову-то разумеется выгнать: ее доить можно, она и на мясо годится; а изъ тебя самого черта выгонишь?

— Среда зашла, среда зашла!.. немолчать охотѣ заговорилъ ошъ: — обстоительства задашли... Нѣтъ, вѣтъ Петръ Федеричъ пѣшкомъ, съ однимъ рублемъ вышелъ изъ родного города въ университетъ, — шѣлый годъ прожилъ въ какомъ-то клѣтѣ у благогодѣтеля, — чертъ бы его взял и съ благодѣляиши! Голодный, больной, замерзшій бродилъ на лекціи, успѣлъ выучить латыни, досталъ себѣ работу, сколотилъ даже дѣтешонки, которыя такъ же дадутъ займы, помогаютъ роднымъ... Вотъ это натура! Этоти не вобанто-среды! Ошъ нескетъ даже похвалиться, что спалъ ее; да еще и не одну свою: ошъ и до вашей доберетса... Увидишь, какъ годъ черезъ два ошъ будетъ держать на своихъ плечахъ челоѣка два-три такикъ какъ ты, — увидишь!

— Увижу, увижу, съ досадою отвѣчалъ противникъ.

— Да что съ тобой говорить! Вся ты, заѣденное средою, не стоите право даже одного изъ тѣхъ лантей, въ которыхъ несчастный Петръ Федеричъ пришолъ изъ дому въ университетъ в мадъ кигерыши по глупости ты когда-то смѣлясь. Дайте-ка, хозяева, чего-нибудь выпить, дѣло-то лучше будетъ! обратился къ лантѣ филологъ.

Явилась водка и закуска.

— Господа! прежде всего: *libertas est!* заговорилъ вдругъ, всрѣзавшисъ въ толпу, одинъ изъ гимназическихъ монкъ товарищей. — Каждый можетъ проявлять свои наклонности какъ ему угодно.

— Разумѣется, разумѣется! раздался голоса.

— Но по моему мнѣнію сначала необходимъ нѣкоторый деспотизмъ: всѣ должны выйти по одной, предложилъ филологъ.

— Отлично сказано!

— Деспотизмъ, деспотизмъ!

— Всѣмъ, всѣмъ пить! закричала корова.

Компанія развеселилась. Нѣкоторые даже начали уже пѣвать.

— А не грянуть ли хоромъ ?

— Можно, можно.

— Только тихоенько.

— Чтоже вѣтъ будетъ ?

— «Гандсакиш...» «Своею однимъ я предъ забушкой». . «Въ тѣни сикоморы»... кричали съ разныхъ сторонъ.

Составился хоръ и рѣшили спѣть «Въ тѣни сикоморы».

— Ты смотри вотъ съ этой ноты начинай : о-о-о ! (регентъ загудѣлъ басомъ) А вы двое вотъ съ этой : н-н-н ! (регентъ загудѣлъ теноромъ) А вы остальные всё за ними. Ну, начинайте!

Раздалась вѣня. Воодушевленное комитало намъ замѣтить даже нестройность нашего хора. Всѣ долго увлеклись, что незамѣтно перепѣли весь студенческій репертуаръ : старые студенты учили насъ полодыхъ, мы слушали ихъ замѣчанія и собиты и драли горло съ тайныхъ усердіемъ, что даже посамали нѣкоторое уваженіе къ себѣ въ прислугѣ, увѣрявшей, что «молодые-то господа ловчѣ старыхъ чкалать».

Наконецъ все было спѣто, вышито и съѣдено. Нѣкоторые изъ гостей, повалившись кто гдѣ могъ, уже изменились мирнымъ сномъ, а другіе горячо спорили между собою, кто объ томъ, на кого больше похожъ инспекторъ : на свинью или борова? кто объ томъ, гдѣ лучше жизнь : на Маркисскихъ островахъ или на Мадагаскарѣ ? Одинъ увѣрялъ, что такой-то помещицикъ называлъ кислородъ металломъ, другой оспаривалъ его, крича во все горло: врешь ! не кислородъ, а азотъ !

— Ну пойдемъ, пойдемъ, господа, домой ! наконецъ вышодилъ кто-то.

— Пойдемъ, крикнули нѣсколько человекъ.

Забрали уснувшихъ, совратившихся съ пути истиннаго повели подъ руки, и комната наконецъ опустѣла.

Чувствуя нѣкоторое опьяненіе, я тотчасъ же бросился въ шпатель и заснулъ. Тревожные сны пробѣгали одинъ за другимъ ; и вотъ что я увидѣлъ между прочимъ :

Вечерѣтъ. Вижу я внутренность нашего двора. Отецъ на лавочкѣ сидитъ у порога флигеля. Постолецъ смотритъ въ окно. Одинъ изъ братьевъ стоитъ на колѣняхъ около скамейки, на которой сидитъ отецъ. Вдалекѣ гдѣ-то слышатся звуки шарманки.

Мимо воротъ проходить нищій, чуть ли не послѣдній изъ проходящихъ мимо въ вечернее время. — Старикъ, пойдн сюда! кричать отецъ. Приходить нищій. — Купи у меня сына, говорить ему отецъ. — А дорого ли просите? — Три копѣйки, говорить отецъ. Братъ начинаетъ плакать. Нищій вынимаетъ три копѣйки и отдаетъ отцу. — Возьми его! говорить отецъ, указывая на брата. Старикъ приближается къ нему. Вдругъ братъ вскакиваетъ съ колыбѣ. Вотъ онъ растетъ, растетъ и наконецъ становится выше нашего дома. Однако нищій все-таки какъ-то захватываетъ его поперегъ; братъ, слышу я, плачетъ, воетъ и лаетъ пособачьи, а нищій, ломая его на куски, складываетъ все это въ свой мѣшокъ. Я вижу кровь, слышу хрустѣніе костей; и вотъ наконецъ нищій положилъ туда же въ мѣшокъ и голову, съ лицомъ блѣднымъ и страдальческимъ, съ закрытыми глазами и запекшеюся кровью на губахъ. Нищій ушелъ. — А не выпить ли вамъ? кричитъ отецъ постояльцу. — Выпьемъ, отвѣчаетъ тотъ и спускается во дворъ. — Что, продали сына? спрашиваетъ постоялецъ. — Продалъ, отвѣчаетъ отецъ. — И выгодно? — Да, три копѣйки взялъ — Это хорошо, говорить постоялецъ. — Дайте-ка водки, говорить отецъ. Вотъ, вижу я, выпили они водки, посидѣли, помолчали и расходятся. Отецъ входитъ въ свой кабинетъ и садится у стола; матушка съ маленькой сестрой поѣстилась на диванѣ; около нея стоимъ мы всѣ. — Давайте Четью-Минею читать, говорить отецъ. Выходитъ проданный братъ, съ книгою въ рукахъ, и садится около стола. — Откуда же, папенька, начинать? — Вотъ начинай отсюда: «Вѣдомо же буди, яко инъ бѣ»... — Да это вчера читали, перерываетъ его кто-то. — Ну такъ читай отсюда: «въ той же день»... — Братъ начинаетъ читать. Звонко отдается въ ухахъ его молодой, нѣсколько рѣзкій голосъ. «Въ той же день — читаетъ братъ — страданіе святыхъ мученикъ: Вита, Модеста и Крискентіи. Въ царство Діоклитіаново, продолжаетъ чтець, — внигда Валеріанъ ижемоу въ Сициліи христіаны гоняше, бѣ тамо нѣкій отрокъ дванадцятилѣтень, именовъ Вить» и т. д. Въ комнатѣ тишина водворяется. Такъ проходитъ довольно долгое время. Братъ и сестры начинаютъ разговаривать между собою потихоньку, нерѣдко даже слышны взрывы долго сдержаннаго смѣха. — Ой высѣку! ой высѣку! если не будете слушать! угрожаетъ отецъ. — Двонхъ-тронхъ высѣку! всѣхъ высѣку! наконецъ обобщаетъ

онъ. А голосъ чтеца все такъ же звонко отдается. Какъ колокольчикъ звенитъ голосъ. Вдругъ выбгаетъ въ комнату кухарка и рвено вскрикиваетъ: «отелилась, баринъ!» Отецъ встаетъ съ мѣста и уходитъ. Мы начинаемъ прыгать и кричать, несмотря на утащанія матушки. Заснувшая было на рукахъ матушки маленькая сестра просыпается и плачетъ. Очертанія предметовъ и лицъ, вижу я, сначала какъ-будто грубѣютъ, потомъ дѣлаются блѣднѣе и блѣднѣе, какъ-то сливаются между собою и наконецъ туманъ наполняетъ комнату. Опять слышу я плачь и лай продаваемого брата, ревъ коровы, мычаніе теленка и наконецъ сильный, густой голосъ отца покрываетъ все. Я проснулся.

Сквозь открытое окно свободно врывается въ комнату колокольный звонъ. Было девять часовъ утра.

И. ВОРОНОВЪ .

ИСПОТРЕБНЫЯ БУКВЫ

(ИЗЪ ДНЕВНИКА КОРРЕКТОРА)

29 мая, подь вечерь.

Сегодня дочка моего хозяина сдала экзамень изъ французской литературы и прыгаетъ съ радости, что пять получила. Какъ она шла однакожь. И какъ правильно пишетъ порусски: *я*тъ знаетъ гдѣ поставить, *любишь* не напишетъ съ еромъ на концѣ, и при всей добротѣ души терпѣть не можетъ *фиту* — должно-быть по истинкту. Прехорошенькая дѣвушка. Вотъ только съ запятыми не можетъ справиться. Но разужьется съ дѣтами и эта маленькая слабость пройдетъ. Людмилочкѣ въ сентябрѣ семнадцатый годокъ пойдетъ; Людмилочка съ сентября превратится въ Людмилу Сергѣвну. Куколка превратится въ бабочку... Кто-то ее поймаетъ?

Вчера она чуть не до свѣту читала свои записки изъ французской литературы, да вслухъ — надоѣла ужасно. И какія злодѣйскія записки. Онѣ составлены исключительно для дѣвиць. «Чтеніе для дѣвиць» — это я еще кой-какъ понимаю; хоть и несовсѣмъ; но исторія литературы для дѣвиць... Очень, очень странно. «*Racine excella à peindre les femmes et se complût à retrouver les caprices, les variabilités et les infinies délicatesses du cœur féminin...*» Эдакое безобразіе. И какъ это у людей духу хватаетъ уродовать такія хорошенькія головки! Предложить бы составителю этихъ записокъ ужь лучше написать «курсъ исторіи дамской французской литературы» и назначить его исключительно для дѣвиць и дѣвственницъ (*à l'usage des pucelles*). Право.

Въ первый же день по переѣздѣ сюда на квартиру я счелъ долгомъ познакомить Людмилочку съ корректурой. Объяснялъ ей корректурные знаки, просилъ ее вестѣвляясь обращаться ко мнѣ, въ слу-

чаѣ если дѣло коснется двоеточія и точки съ запятой — наирѣдѣ разставить знаки въ ея запискахъ по русской словесности и т. под. Цѣлый вечеръ мы съ ней протолковали, и все-то о корректурѣ, все о корректурѣ... Я говорилъ ей, что въ орфографическомъ мѣрѣ, въ этомъ странномъ и на первый взглядъ мертвомъ мѣрѣ буквъ, запятыхъ, «удивительныхъ» знаковъ, предлоговъ и союзовъ, вводныхъ фразъ и проч. — жизнь тоже идетъ своимъ порядкомъ. Говорилъ, что жизнь спозналась и съ нимъ, что и въ немъ, какъ въ мѣрѣ политическомъ, какъ во всемъ въ природѣ, есть движеніе, есть прогрессъ; и у него есть своя исторія, и онъ пережилъ не одну революцію, да не одну еще ждетъ впереди... Много и хорошо говорилъ я тогда. Боже-мой, какъ мы сладко провели этотъ вечеръ!.. Воспоминаніе о немъ я утащу съ собой въ могилу... несмотря на то, что вмѣсто двѣнадцати часовъ Людмилочка легла спать тогда въ девять съ половиной.

Но на другой же день я съ прискорбіемъ замѣтилъ, что какъ только заведу рѣчь о корректурѣ, Людмилочка уже не со вчерашнимъ вниманіемъ меня слушаетъ и очень неловко сворачиваетъ разговоръ на дурную погоду. Я помялъ, что Людмилочка слишкомъ еще мало развита для того, чтобы говорить съ ней о серьезныхъ предметахъ. Теперь я съ ней почти и не разговариваю никогда. И о чемъ разговаривать съ неразвитой дѣвушкой, сами посудите!

Давеча я чуть было формально съ ней не поссорился. Прочитать ей прочесть что-нибудь. Я и даю «Греческую мифологию или сказаніе о верѣ и богахъ древнихъ народовъ, именуемыхъ греками и римлянами». Въ 1860 году издана, въ Петербургѣ. Книжечка сама по себѣ плохонькая, и всѣ четырнадцать рисунковъ, которые къ нее вклеены, тоже никуда негодятся, но думаю себѣ — авось Людмилочка хоть на «безъяцкое»-то правописаніе обратитъ вниманіе. Ну и дѣйствительно она сейчасъ же обратила на него вниманіе, какъ только взяла книжечку въ ручки. «Какая безграмотность! что это такое!» вскричала она, прочитавъ заглавіе. И книжку назадъ отдаетъ. Меня точно кипяткомъ обварило. Какъ безграмотность! Да возможна ли у насъ грамотность? Да вы-то на какомъ основаніи считаете себя грамотной? Знайте же, что и вы безграмотны, и дѣла вашъ безграмотенъ, и дѣлушка вашъ (царство ему небесное!), и дѣла безграмотенъ, и бабушка... Все это я хотѣлъ ей высказать, но въ рѣчь на сердцѣ и со слезами на глазахъ, и даже ужъ ротъ открылъ, но не зналъ съ чего начать: начать ли доказывать условныя понятія грамотности, или ужъ хватить по-царедорожному, ахъ, да что, что дескать сами вы ровно ничего не смыслите въ правописаніи.

Такъ я и остался съ разинутымъ ртомъ. Это должно-быть очень было прасно.

Не прошло пяти минутъ, какъ я забылъ про свое огорченіе: Людмилочка подарила мнѣ рисунокъ своей работы — простымъ карандашомъ. Вотъ онъ и теперь у меня на столѣ лежитъ. Премиленькій рисунокъ: двое мальчишекъ дерутся, третій подзадориваетъ. Я чувствительно поблагодарилъ Людмилочку за ея презентъ и обѣщался собственноручно набрать въ типографіи пригласительный билетъ на ея бракосочетаніе, когда она будетъ выходить замужъ. Набрать разумѣется по новому правописанію — съ исключеніемъ пяти непотребныхъ буквъ и, з, ѣ, ѳ и ѵ. Чувствую, что любезнѣе того я ничего не могъ сказать. Да и не могу. Да и нельзя кажется. Впрочемъ я ей не сказалъ, что по новому правописанію: готовлю ей пріятный сюрпризъ.

О нашихъ совѣщаніяхъ... Ну, кто-то пришло. Только не изъ типографіи: сердце чувствуетъ, да я по звонку слышно.

Людмилочка знаетъ и о нашихъ совѣщаніяхъ. Я какъ-то говорю ей о шикъ, да чуть ли не въ тотъ благодатный вечеръ, когда толковалъ о корректурѣ.

— Скажите пожалуйста, спрашиваетъ она меня, — вотъ вы теперь совѣщаетесь, совѣщаетесь, и даже очень добросовѣстно, но есть ли хоть какая-нибудь польза отъ вашихъ совѣщаній?

Меня слегка покоробило. Даже неловко стало, какъ-будто сочувствіе несовсѣмъ чиста.

— То-есть собственно говоря, пока еще никакой пользы невидать, но... вѣдь это пока, замѣйте. Будетъ время... наши нововведенія примутся...

Какъ умная и догадливая дѣвушка, Людмилочка поспѣшила вывести меня изъ неловкаго положенія.

— Кто у васъ на совѣщаніяхъ бываетъ? спросила она.

— Учителя гимназій и мы, корректоры.

— Ктоже изъ васъ больше хлопочетъ о передѣлкѣ правилъ правописанія?

— Всѣ мы одинаково хлопочемъ — и мы, и учителя. Намъ трудно корректировать статьи, а учителямъ — учить дѣтей правописанію. («Господи! да она меня совсѣмъ уничтожитъ сегодня!» думаю про-себя.)

— Вы говорите, что начали съ разсмотрѣнія алфавита. Такъ?

— Да-съ, съ алфавита-съ. (Я ужъ началъ съ прибавлять, готовясь сдать на капитуляцію.)

— Хорошо. На совѣщаніи положимъ ны всѣ единогласно согласилась, что такія-то и такія буквы лишнія, и потому ихъ слѣдуетъ выкинуть. Ну и вы тоже говорите: «выкинуть, выкинуть!» Приходите домой, садитесь за корректуру — и выкидываете? А учителя приходятъ въ классъ, учатъ дѣтей азбукѣ, и о выкинутыхъ буквахъ ни-гугу, какъ-будто ихъ и не было никогда?

— Нѣтъ-съ... Позвольте: у насъ объ этомъ вопросѣ долго разсуждали. Сейчасъ я вамъ прочитаю рѣшеніе.

Бѣгу въ свою комнату, схватываю отчетъ нашего собранія о третьемъ и четвертомъ совѣщаніяхъ. Тамъ написано:

«На третьемъ совѣщаніи между прочимъ была подтверждена мысль, высказанная г. Стоюнинымъ на предѣдущемъ совѣщаніи: *не сводить эти новизны в педагогическую практику до тех пор, пока окажется, что оне могут утвердиться в печати.*»

Я прочиталъ Людмилочкѣ эти строки. Она расхохоталась. Я одурѣлъ окончательно.

— Вотъ это мило! Учителя будутъ ждать когда ваши нововведенія примутся въ печати, а вы, корректоры — когда эти нововведенія будутъ введены учителями въ педагогическую практику? Это преинтересно. Знаете на кого вы похожи въ этомъ отношеніи? Сказать вамъ? Только вы не обидитесь сравненіемъ?

Я дотого осовѣлъ, что рѣшительно потерялъ всякую способность обижаться сравненіями. Ну, думаю себѣ — видно приходится мнѣ два испивать чашу. Оно такъ и вышло. «Нѣтъ, говорю, не обижусь.»

— Вы же мнѣ какъ-то давали «Иллюстрированный альманахъ», который былъ изданъ когда-то при «Современникѣ». Тамъ помѣщена народная египетская сказка «Три хашаша». Помните какъ одинъ хашашъ про себя рассказываетъ: проводилъ я, говорить, годъ (на день свадьбы), остаюсь одинъ съ женой; двери-то и забылъ запретить. Мнѣ запираеть ихъ не хочется, и ей тоже не хочется. Мы и уговорились: пускай тотъ изъ насъ запретитъ дверь, кто первый заговоритъ. Вотъ мы и сѣли другъ противъ друга, ждемъ, кто первый скажетъ хоть слово. Сидимъ часъ, другой; молчимъ. Проворы, обобрали насъ кругомъ; молчимъ. Платятъ съ насъ сади, и тутъ все молчимъ. Утромъ является полиція, спрашиваетъ насъ что это значить, что и двери у насъ незаперты, и изъ комнаты повытаскано? Молчимъ. Полицмейстеръ разсердился и велѣлъ лаху отрубить мнѣ голову. Палачъ подошелъ и только что хотѣлъ рубить, жена и закричала: «пощадите!» Я и говорю: «каждый изъ насъ»

дась! изволь-ка теперь запереть двери.» — Вы тоже должно быть ждете палача?..

.....

8 июня, полдень.

Недавно всталъ. Пришлось лечь часа въ четыре утра. Вчера мои знакомые корректоры будто сговорились: пришолъ одинъ, за нимъ другой, за другимъ третій. Человѣкъ шесть посѣтителей и набралось (двое не-корректоры). Разумѣется только в разговоръ было, что о типографіи, да о корректурѣ, да о правописаніи. Составилось такъ-сказать домашнее орфографическое совѣщаніе, корректорское, безъ президента съ колокольчикомъ; совѣщаніе происходило у насъ «тихо, шепотомъ, негласно». Было уже далеко за полночь, какъ одинъ изъ корректоровъ Сѣрковъ, срядная личность, уже посѣдѣлая въ боляхъ съ типографскими ошибками — потребовалъ слова. Разговоры смолкли. Сѣрковъ принялъ картинную позу, и изъ небритыхъ устъ его полмилль сълѣдующаго содержанія рѣчи:

«Милорды,

«Мы съ вами переживаемъ тяжелую эпоху. Орфографическая революція совершается предъ нами во-очію. Выборные грамотные люди отъ всего петербургскаго міра составили изъ себя думу. Совѣщанія думы происходятъ два раза въ мѣсяцъ, по субботамъ, вечерней порой. Платы за входъ не полагаются.

«И думаетъ дума думу... Впрочемъ не безъ шуму.

(Пауза. Ораторъ сбирается съ духомъ.)

«Говорятъ, мы съ вами, милорды, тысячу лѣтъ прожили. Допустимъ. Скоро признательные россияне воздвигнутъ въ Новгородѣ памятникъ тысячелѣтію Россіи. Но, милорды, отвѣчайте мнѣ положи руку на сердце: что повергнемъ мы къ подножію оваго памятника? Что принесемъ мы нашей родимой Руси отъ лица всѣхъ грамотныхъ, то-есть безграмотныхъ и полуграмотныхъ людей земли русскія? Другими словами — что мы съ вами сдѣлали въ эту тысячу лѣтъ въ области письма? Ну-съ, что вы на это скажете, а? А? Вы говорите — полтораста лѣтъ тому назадъ гражданскій шрифтъ придумали для печати (1)? юсы и зѣло повыкинули?

(1) Первая напечатанная гражданскимъ шрифтомъ книга вышла у насъ въ 1708 году.

(Слушатели молчат. Вопросъ послѣдлаго корректора дидакти ихъ озадачилъ. Они безсмысленно поглядываютъ другъ на друга. Иные дѣлаютъ видъ, будто припоминаютъ что-то. Длинная пауза. Лица слушателей вытягиваются и принимаютъ нехорошее выраженіе.)

«Не унывайте, милорды. Мы знаемъ чѣмъ съ нашей стороны ознаменовать тысячелѣтній юбилей нашей родной Россіи.

«Мы соберемъ всѣ рукописныя и печатныя славянскія, славенскія, словянскія, словенскія, славяно-славено-славяно-словено-россійскія, просто російскія и наконецъ русскія грамматики, соберемъ ихъ изъ всѣхъ мѣстъ земли нашей великой и обильной — отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды; найдемъ лосовыхъ... за весьма сходную цѣну — и свалимъ всю эту премудрость у полногя памятника. Мы ли дескать не трудимся!

«Потомъ въ видѣ сюрприза мы поднесемъ нашимъ въ день ихъ рожденія отдѣльные оттиски изъ «Учителя» объ орфографическихъ совѣщаніяхъ, — въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ восьмого нумера вынѣшняго года.

«Наконецъ при оглушительномъ барабанномъ боѣ, трубныхъ звукахъ и трезвонѣ во всѣ негородскіе колокола въ исключеніемъ вѣчебго, и при неистовыхъ крикахъ массы народной, которой грамота не далась — будутъ приведены подъ козломъ двадцати-двѣти вооруженныхъ русскихъ буквъ ошельмованныя буквы *мше, лть, ерь, фита* и *мжца*. Р. Стоянины прочтуть имъ правоученіе приличное торжеству, и затѣмъ всѣ онѣ поочередно одна за другой, въ алфавитномъ порядкѣ, будутъ изведены на эшафотъ и примуть достойную смерть отъ руки палача. Эшафотъ будетъ устроенъ изъ древнѣйшихъ словенскихъ грамматикъ, обязанность палача будетъ исполнять г. Киневачъ.

«Послѣ этого...

(Ораторъ задумчиво почесываетъ лысый затылокъ и потомъ говоритъ скороговоркой!)

«Послѣ этого, милорды, мы съ вами опять засадемъ за коренуру.

(Четвертая и послѣдняя пауза. Цицеронъ отпиваетъ нѣсколько глотковъ холоднаго чаю.)

«Тысячелѣтній юбилей, милорды, празднуется въ тысячу лѣтъ всего одинъ разъ. По всей вѣроятности въ другой разъ праздновать его намъ съ вами не придется. (Да, да! не придется! Нѣтъ, нѣтъ! не придется!) Завѣщаемъ же нашимъ потомкамъ, чтобъ я они, на насъ глядя, имѣя въ насъ высокій образецъ, тоже пожертвовали

какими-нибудь пятью-шестью буквами, а съ ними стало-быть пятью-шестью звуками. Для нихъ, какъ теперь для насъ, это будетъ первое дѣло.

«А результатъ получится великій. Изученіе нашего алфавита еще болѣе тѣперешняго упростится, грамотность еще сильнѣе усилится. Еще ярче засвѣтитъ свѣтъ просвѣщенія.

«Нѣшя потомки въ свою очередь уговорятъ своихъ потомковъ выкинуть еще нѣсколько буквъ.

«Въ русскомъ алфавитѣ не останется наконецъ ни одной буквы. Русская рѣчь будетъ беззвучна, ибо въ ней не останется ниоднаго звука.

«Для русскаго народа наступитъ тогда царство благодати и славы. Для распространенія грамотности не будетъ болѣе никакихъ препятствій. Обиѣны мыслей будутъ происходить у русскаго люда посредствомъ хотя гласныхъ, но тѣмъ менѣе ликихъ звуковъ. О членораздѣльности человѣческаго слова будутъ время отъ времени напоминать волуги криками «шюма» и «дуракъ». Не в эти крики умрутъ вѣстѣ съ говорящими попугаями.

«Мысль человѣческая достигнетъ тогда полнѣйшаго своего апогея: человекъ будетъ мыслить одинаково съ слономъ и лягушкой.

«Эманципация приметъ колоссальные размѣры. Даже устрицы будутъ эманципированы.

«Имѣй уши слышати да слышать, уста ясти — да кушаетъ на доброе здоровье. Имѣй что прибавити, да прибавитъ.»

Сѣрковъ замолчалъ; молчали и мы. Намъ поразила крайность его выводковъ. Мы не сразу поняли, что диалектика посѣдѣлаго корректора отзывалась дичью. Но все же поняли. Ораторъ построилъ свое красно-хитро-оплетенно слово на ложномъ началѣ: по его словамъ весь прогрессъ нашей орфографической дѣятельности заключается въ выбрасываніи буквъ изъ алфавита. Но Сѣрковъ и не подумалъ о томъ, что изъ алфавита выброшены *лишнія, ненужныя* буквы. Мы замѣтили ему это, сказали, что необходимыхъ буквъ мы никогда изъ алфавита не выкидывали, да конечно и не будемъ никогда выкидывать. Старичекъ растерялся, хотѣлъ сказать что-то, но не нашолъ словъ, плюнулъ и покраснѣлъ. Тутъ же онъ покаялся и говоритъ впередъ никакихъ спичей. Разстались мы съ нимъ однакожъ пріятельски...

13 іюня, ночь.

Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю за собой, что въ головѣ у меня несовѣсть что-то ладно. Точно я помѣшался. Можетъ и въ самомъ

дѣль и повѣшался? И на чемъ же? Сильно сказать: на бувахъ, на бувахъ!

Нешутя. Напримѣръ на дняхъ встрѣчаюсь я съ Коклюшквинимъ. Дѣльный господиный, только усы у него самого неприличнаго цвѣта и вида. Не помню про что онъ мнѣ рассказывалъ, про какую новость, которую онъ вычиталъ чуть ли не въ петербургскихъ вѣдомостяхъ; кончилъ рассказывать и говоритъ: «надо принять это къ свѣдѣнію». — «Да, говорю, немѣшаетъ. Кстати: скажите, какъ вы пишете «свѣдѣніе» — черезъ два ятя, или чрезъ одинъ?» Удивительно кстати.

А то вотъ вчера еще лучше. Былъ я у N., зашла рѣчь какъ-то о бувахъ. Я пустился расхваливать булочную Тима, что на Невскомъ. «Да гдѣ это, гдѣ?» спрашиваютъ меня. — «Да вотъ, говорю, какъ-разъ противъ Надеждинской улицы: какъ выйдете изъ нея, сейчасъ тутъ золотой пердезь увидите и вывѣску шведскую: *Тимъ*. То-та пенѣвница пишется.» Это «та-га» проклятое... Ну нельзя развѣ было ограничиться просто золотымъ кривдеземъ?

Даже когда кто заговариваетъ со мной, такъ и въ его разговорѣ я стараюсь поймать орфографическую ошибку. Точно это возможно сдѣлать! И разговаривать со мной — это должно-быть сущее наказаніе для всякаго. Мнѣ кажется, со мной скоро и говорить никто не будетъ. Если что я и читаю подчасъ, такъ читаю для того больше, чтобы поймать грамматическую ошибку. Найдешь ошибку, — ну и доволенъ, и дальше ужъ не читаешь.

Давеча послѣ обѣда я захолился въ томъ блаженномъ состояніи, которое известно подъ именемъ *force fat-piante*. Дѣль обула меня. Дѣлать ничего не хотѣлось, и я «погрузился» въ раздумье.

Я думалъ — о пяти ненужныхъ буквахъ... Больше вѣдь ни о чемъ я думать неспособенъ. Я засыпалъ. Непотребныя буквы рисовались перело мной въ какихъ-то странныхъ образахъ...

Еръ принялъ на себя вѣль стараго служака, съ безпородной прищипой за восемьсотъ лѣтъ и съ косичкой на ватылѣ. Онъ говорилъ сильнымъ басомъ, и когда приходилъ въ азартъ, сильно заикался.

Фита — униженная и оскорбленная личность. Ханжа перваго разряда. Говоритъ медленно. Весьма приклонныхъ лѣтъ женщина.

Иже — какая-то темная личность общаго рода, т. е. и мужскаго, и женскаго; гермафродитъ.

Ижца — перезрѣлая дѣва. Лицо все въ пятнахъ. Чахоточнаго сложенія. Наклонность къ аскетизму.

Ать — уродливое существо ростомъ съ Голиафа. Сравнительно

съ прочими четырьмя персонажами «стоять вѣхъ выше головы». Личность буйнаго нрава и неуничтожимаго характера. Подъ обоими глазами фонари. Говорить съ жаромъ и плетется безпрестанно.

На пять разныхъ манеровъ эти пять образовъ упрекали вышѣшнихъ грамотеевъ въ черной неблагодарности. Каждый изъ этихъ персонажей высчитывалъ передо мной свои заслуги. Я не стану приводить здѣсь того, что всѣ они мнѣ говорили: онѣ говорили то, что мнѣ давно уже было извѣстно изъ разныхъ филологическихъ наблюдений и изслѣдованій. Я даже всесѣ зѣвалъ, ихъ слушая. Но онѣ говорили съ такимъ жаромъ, съ такимъ остервенѣніемъ, что мнѣ сдѣлалось наконецъ страшно. Я проснулся и повернулся на правый бокъ.

Вижу — какой-то подвалъ. Въ одномъ углу навалена куча бумажнаго сору. Я сталъ перебирать бумажный хламъ. Все знакомое: акты XVII и XVIII вѣковъ, на которыхъ я вдоволь взомотрѣлся здѣсь въ археографической комиссіи; рукописныя сборники, изъ которыхъ я списывалъ когда-то въ румянцовскомъ музеумѣ и въ публичной библіотекѣ; пергаментныя листы съ уставнымъ и полууставнымъ славянскимъ шрифтомъ...

Мнѣ пришла въ голову мысль: какъ бы хорошо было заняться подробной разборкой этихъ рукописей и составить имъ описаніе вродѣ восточковскаго описанія румянцовскаго музеума. Но какимъ-то непонятнымъ образомъ въ этой грудѣ старья мнѣ попались подъ руку два лоскутка бумаги — новенькіе, второй половины XIX столѣтія. Съ виду точно письма.

Я сталъ читать ихъ и убѣдился, что это дѣйствительно письма. Одно было отъ *Фиты* къ *Еру*, въ другомъ заключался отвѣтъ *Ера*. Письма меня заинтересовали. Я перечелъ ихъ въ другой разъ. Содержаніе ихъ вѣзало мнѣ въ память. Я запомнилъ оба письма отъ слова до слова.

Письма отличаются той идиллической вѣжностью, какою проникнуты напримѣръ стихотворенія Платона Кускова. Правда, въ этихъ письмахъ не говорится ни о шаловливыхъ змѣйкахъ, ни о ручейкахъ и т. под. милыхъ сердцу предметахъ, но зато сколько въ нихъ проглядываетъ задушевной привязанности, какъ трогательны рассказы пишущихъ особъ про свое горе-злосчастіе. Сердце надрывается, читая письмо

ОТЪ ФИТЫ КЪ ЕРУ

Охъ ты мой красавчикъ! Ужь какъ же я обрадовалась, когда получила отъ тебя цыдулочку — просто и рассказать не умѣю. Ты жа-

дуешься, что времена пришли тяжкія? Да для кого теперь они не тяжкія! Ну да хоть и то хорошо, что здоровьендемъ-то тебя господь не изобидѣлъ. А мнѣ такъ нездоровится, что незнаю долго ли проживу... Умирать собираюсь. Спасибо хоть ты-то старуху не забылаешь... Вотъ ужъ два мѣсяца какъ съ постели не встаю; больно плохо стаа. Все это новые порядки проклятые. Какъ не вспомнишь прежняго-то житья, особливо когда печати-то незнали. А нынче этихъ оканчивающихъ грамотѣвъ столько расплодилось — какъ себѣкъ невѣщаныхъ. Ужъ сведуть они меня въ могилу. Чувствую я это... охъ, чувствую!

И умереть-то спокойно не дадутъ, озорники эдакіе. Ты чай слышала, десятаго-то марта какъ грамотѣи наши въ первый разъ собирались и что они тамъ понадѣлали? Просто я тебѣ скажу, такую соломъ-гомору сочинили, какой я въ жизнь свою не слышала. «Вань! вонь!» закричали (это меня-то вонь), и ногами затопали, и въ колокольчикъ зазвонили. Я со страху-то съ эдакого скорѣе оттуда давай-богъ ноги, да къ Виктору Ипатьичу — слышала чай? — къ Асоченскому. Прибѣжала, и что со мной въ тотъ вечеръ было, ничего не помню, то-есть вотъ ровнехонько ничего. На-утрѣ только и очнулась. Викторъ-то Ипатьичъ — дай ты ему господи добраго здоровья! — ужъ чего-чего только онъ голубчикъ надо мной не дѣлалъ: и елейцу-то давалъ помянуть, и водицей-то крошилъ... ну, къ утру мнѣ будто и полегче стало. Отъ сердца отлегло знаешь. Очнулась. Открываю глаза, вижу — Викторъ-то Ипатьичъ голубчикъ сидитъ почтительнымъ манеромъ на кровати у меня и «Домашнюю Бесѣду» въ ручкахъ держитъ. Какъ увидалъ, что я въ чувствіе пришла, и начинаетъ меня успокаивать: «Плюви, говорить, на все... Все это, говорить, невогласи дерзновенные. Да успокоится, жена, сердце твое... Отрини, говорить, всякую печаль... возведи оча свой горѣ, и гряди ко мнѣ на квартиру.» Много, много онъ мнѣ тутъ наговорилъ, и все хорошо таково. Вотъ я къ нему и перебралась.

Да, такъ вотъ какъ, Еръ Сидорычъ. Вотъ какія дѣла-то у насъ дѣлаются. Про теперешія мои обстоятельства я тебѣ одно только скажу, что не житье мнѣ здѣсь, а просто наслаивка. Такъ всѣ меня любятъ, точно я въ родныхъ пошла. Слава-богу, теперь какъ-будто поправляюсь помаленьку. Можетъ и совсѣмъ поправлюсь, незнаю. Умирать-то больно неохота, вотъ что я тебѣ скажу, золотой ты мой.

Ну прощай же, Еръ Сидорычъ. Заходи когда: всегда дома застанешь, теперь я нобу нкуда не показываю.

Извѣстная тебѣ Онта.

Р. S: Не забыла советить. Вообрази какая встрѣча: съ Ижицей словеситриглась. Вотъ ужь чего не ожидали, такъ ужь не ожидали! А душка, что до р въ живыхъ давно нѣту. Обѣ мы такъ и аклули, какъ увидались. Минуть пять слова не могли выговорить: все-то любовались другъ на дружку. Мы вѣдь, знаешь, съ ней старинные друзья—пріятели: вмѣстѣ и на Русь пріѣхали, и рдлышкомъ съ нею ~~дѣла~~ ~~спдѣли~~ — въ самомъ концѣ азбуки. Вотъ и она тоже на мирянь жалуется. «Просто, говорить, житья отъ нихъ нѣтъ: ~~бѣдомъ~~ ~~ѣдуть~~ ~~окаивные!~~ Знала бы, говорить, не ѣздила бы сюда. ~~то~~ я, говорить, здѣсь нашла? Горе одно только!» Поклонъ тебѣ ~~осылаеть.~~

ОТВѢТЪ

Письмо ваше отъ 10 мая, дражайшая моя Онта Карповна, вмѣлъ счастье получить. Читая оное, я проливалъ непритворныя слезы горести. Долгомъ для себя поставлю отвѣтствовать вамъ въ наибольшей возможности.

Вы изволите между прочимъ жаловаться на оскорбленіе, нанесенное вамъ десятого марта со стороны петербургскихъ грамотеевъ. Признаться сказать, вѣдь и я тоже былъ на этомъ совѣщаніи. И меня, разбойники, въ покоѣ не оставили. Съ горя и я было прихворнулъ сначала, но потомъ кой-какъ домашними средствами отвертѣлся. Авось еще поживемъ на свѣтѣ. А насчетъ оскорбленія, вамъ учиненнаго, мой совѣтъ — не давать этимъ разбойникамъ погачки. Знаете что: какъ неможко-то соберетесь съ силами, поправитесь, такъ сходили бы въ редакцію «Петербургскаго Вѣстника» — знаете на Средней Мѣщанской... Да ужь тамъ найдете: первая встрѣчная баба вамъ укажетъ. Придете, и спросите Льва Камбека. Не забудьте только: Льва Камбека. То-есть, я вамъ доложу, распредобрѣющей души человекъ, что вашъ Викторъ Ипатьичъ. Вѣдь, этотъ Левъ Камбекъ-то, еще въ прошломъ 1861 году, въ самомъ началѣ, публиковалъ въ газетахъ, что дескать «изъявляю готовность вчинять на свой коштъ искн за всѣхъ обиженныхъ женщинъ». Оно бы какъ-разъ было кстати. Дѣло-то подходящее. (И какъ это — удивительное дѣло! — Левъ Камбекъ-то сплеховалъ?) Хотѣли бы за безчестье-то вамъ заплатили.

Заснмъ, пожелавъ вамъ добраго здоровья и по всѣхъ дѣлахъ вашихъ счастливыхъ успѣховъ, остаюся

душевно-преданный вамъ Еръ.

11 мая.

Т. III. — Стл. II

1/19

Р. С. На-дняхъ закодвалъ по мнѣ Ять. Плачотъ бѣднѣй : в него тоже увольняютъ въ чистую. И онъ же еще меня утѣшать вздумалъ. «Я васъ, дяденька, говорить, не оставлю; но гробъ съ вами буду...» Эдакой чудакъ!

И. СУ—ВЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. НЕКРАСОВА

I

Отчего это такъ у насъ теперь устроилось, что ни объ одномъ важномъ и знаменательномъ литературномъ явленіи нельзя въ настоящую минуту начать говорить, неопутавшись напередъ въ ташихъ печальныхъ литературныхъ дризгахъ? Вотъ первый вопросъ, которымъ задается непремѣнно всякій искренній критикъ, если онъ дѣйствительно искрененъ. И вѣдь право, чѣмъ явленіе важнѣе и знаменательнѣе, тѣмъ неизбежнѣе является эта горькая необходимость. Хотѣлось бы прямо о дѣлѣ говорить, опредѣлить по крайней честиому разумѣнію мѣсто и значеніе извѣстнаго литературнаго факта въ ряду другихъ фактовъ, оцѣнить его безотносительное достоинство, — такъ нѣтъ: прежде распутай паутину, которая соткалась вокругъ факта, и для того чтобы распутать эту паутину, веревыхъ прежде всего подыми литературную исторію факта, т. е. расскажи какъ фактъ принимался нашею такъ называемою критикою, — которая право послѣ Бѣлинскаго утратила уже свой первый шагъ передъ литературою; — разсмотри, почему онъ такъ или иначе принимался, и въ вторыхъ подяини непремѣнно общіе вопросы, какъ-будто все что толковано о нихъ великими критикомъ, погябло совершенно безслѣдно. Въ примѣръ того и другого неудобства позволюте привести вамъ нѣсколько доказательствъ.

Возьмете ли вы явленія крупныя: ну хоть на примѣръ «Минина» Островскаго (хорошъ онъ или нѣтъ — не объ этомъ покажѣсть рѣчь), «Мертвый домъ» Ф. Достоевскаго (надѣюсь, что редакція журнала позволитъ мнѣ причислить это явленіе къ числу крупныхъ), «Стихотворенія Н. Некрасова»; возьмете ли вы явленія тоже значительныя, хотя менѣе яркія, какъ произведенія графа Л. Толстого, начавши говорить о которыхъ я такъ запутался сразу въ литера-

турные дразги, что до сихъ поръ еще высказалъ о самомъ предметѣ разсужденія, т. е. о дѣятельности Л. Толстого, только сжатые общія положенія; возьмете ли вы наконецъ явленія чисто-художественныя, исключительныя, каковы стихотворенія любого изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, — вездѣ одна и таже печальная исторія.

Ну какъ напримѣръ начать рѣчь хоть о «Мининѣ» неподнявши съ одной стороны вопроса о томъ, почему такое глухое молчаніе господствуетъ въ нашей критикѣ объ этой драмѣ? Недовольна критика — прекрасно; чтожъ изъ этого? Бѣлинскій не молчалъ бы, еслибъ онъ былъ недоволенъ, какъ не молчалъ тогда, когда былъ недоволенъ поэмой Пушкина «Анжело». Почему специалисты дѣла, т. е. глубокіе знатоки исторіи эпохи междуцарствія, не сказали до сихъ поръ своего слова, и почему неспециалисты могли развиться только весьма краткою, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательною срундою? Съ другой стороны, какъ вы начнете говорить о «Мининѣ», непредпославши статей нѣскольکو третьихъ и четвертыхъ, вамъ самимъ давно надобившихъ теоретическихъ разсужденій — не говорю ужъ о сущности исторической драмы, — нѣтъ, о сущности драмы вообще? Мы вѣдь все, рѣшительно все перезабыли, что по части искусства вообще ни говорили намъ Бѣлинскій и немногіе вѣрные его ученики. Наше развитіе — дѣйствительно Сатурнъ, пожирающій чады своихъ, какъ выразился разъ въ своей неблагопристойной статьѣ пріятель мой «внушній человекъ». Вѣдь воиъ же неспециалисты дѣла историческаго, переронившись съ своей срундою, поставили въ упрекъ драмѣ то, что она кончается въ Нижнемѣ, гдѣ драма дѣйствительно и кончается, и не переходитъ въ Москву, гдѣ начинается уже эпохея, гдѣ великая личность сливается, несмотря на все свое величіе, съ побѣднымъ торжествомъ громаднаго земскаго дѣла...

Вотъ вамъ одинъ фактъ изъ крупныхъ; а насчетъ «мелкихъ» — печальной необходимости «попутаться» въ дразгахъ и перетрасти старые вопросы кажется и разъяснить нечего. Начните напримѣръ говорить о стихотвореніяхъ Фета — а беру это вамъ какъ наиболѣе оскорбленное и оскорбляемое нашей критикой...): тутъ во первыхъ надобно кучу сору разворачивать, а вторыхъ о невзѣи вообще говорить, о ея правахъ на всесторонность, о широтѣ ея захвата и т. п., — говорить однимъ словомъ о вещахъ, которыя критику надобно до смерти, да которыя и всѣмъ надобно, хотя въ то же самое время всѣмъ положительно позабыты.

Довольно съ васъ этихъ двухъ примѣровъ. Я не упоминаю даже о послѣднемъ романѣ Тургенева, по поводу толковъ о которомъ,

пришлось порядочнымъ людямъ защищать великое и любимое имя отъ обличенія съ именемъ г. Кочуби-Сокрана и по поводу котораго чуть ли не придется ратовать *даже* (credite, posteri!!!) съ статьею г. Н. Кускова, потому что и эта статья тоже пожалуй находить извѣстный кругъ читателей.

Какъ же не путаница озадачиваетъ бѣднаго критика, лишь только полойдетъ онъ къ знаменательному явленію? Да что я говорю! Ему самую знаменательность-то нашихъ литературныхъ явленій приходится безпрестанно отстаивать. Потому что—странное вѣдь это правдѣло!—иностранны, которые серьезно знакомятся съ русскою литературою, какъ напримѣръ гг. Боленштедтъ и Вольфсонъ, Мериме и переводчикъ Делава, исполняются глубокаго къ ней уваженія, а мы или *игнорируемъ* ее зато что она не англійская, какъ игнорируетъ ее «Русскій Вѣстникъ», для котораго ея явленія—величины безконечно малыя, или ничего не видимъ въ ней кромѣ лжи, какъ не видитъ славнофильство, или просто наконецъ какъ теоретики похериваемъ ея значеніе вараивѣ съ значеніемъ литературы вообще, вещи совершенно ненужной въ томъ усовершенствованномъ мірѣ гдѣ дува соединится съ землею и гдѣ Базаровъ будетъ совершенно правъ, восторгался «свѣжатинкой».

Жалобы, вѣчныя жалобы!.. скажутъ мнѣ навѣрное немногіе мои читатели: — да говорите дескать дѣло, критикъ.» Я ничего бы лучшаго не желалъ какъ говорить одно дѣло, говорить по возможности скато, хотя невпадая въ «соблазнительную» ясность (весьма удачный по моему мнѣнію терминъ другаго моего литературнаго пріятеля, г. Н. Косицы), т. е. немысли за васъ до тла и неотучая васъ отъ этого не всегда пріятнаго, но до сихъ поръ считавшагося довольно полезнымъ упражненія. Да нельзя, рѣшительно нельзя, сами видите. Путаница — повсюду путаница.

Путаница эта, изволите видѣть, собственно двухъ родовъ: или это путаница въ литературныхъ дразгахъ, или это путаница въ рутинности мыслей и фразъ.

Два рода этой путаницы необыкновенно ярко кидаются въ глаза во отношенію къ этому большой гласности литературному фанту, который называется «Стихотворенія» Н. Некрасова.

Редакторъ «Времени», съ которымъ я говорилъ объ этой назрѣвавшей у меня въ душѣ статьѣ, совѣтовалъ мнѣ поговорить сначала о критическихъ толкахъ по поводу стихотвореній любимаго современнаго поэта. Я читалъ эти толки, потому что до сихъ поръ сохранялъ наивнѣйшее уваженіе къ россійской словесности и интересуюсь, не только ей самой, но даже и толками о ней: вотъ это-то послѣднее собственно и составляетъ -- впрочемъ невозво-

лительнѣйшую въ лѣта мои — наивность. Въ толкахъ этихъ сразу почувались мнѣ два указанные мною рода путаницы, — но только еще почувались, пока я читалъ ихъ какъ билетантъ. Когда же я принялся за нихъ съ тѣмъ, чтобы изучить ихъ основательно какъ матерьялъ, два рода путаницы для меня въ нихъ окончательно, наисвѣтлѣйшимъ образомъ обозначились. Отъ одного рода мнѣ стало довольно тяжело, зато отъ другого весело.

Начну съ послѣдняго. Онъ удивительно рельефно явился въ «Русскомъ Словѣ», въ статьѣ г. В. К.—го. Уморительная вѣдь право статья! тѣмъ въ особеннѣости уморительная, что она повидимому и прекрасно, и тепло, и съ «заскокомъ» написана, а между тѣмъ въ ней ничего... ровно ничего нѣтъ кромѣ *казенщины* да *просаковъ*. Право такъ; я говорю безъ малѣйшаго преувеличенія. Ея молодой (по всей видимости) авторъ только и дѣлаетъ, что излагаетъ собственное сочувствіе къ народу да рутиннымъ образомъ восторгается сочувствіемъ къ народу нашего поэта, и съ другой стороны — безпрестанно попадаетъ въ просаки, указывая на такія мѣста въ его стихотвореніяхъ, которыя въ глазахъ всякаго серьезно сочувствующаго и народу и Некрасову человѣка составляютъ просто пятна-жолчной горячки въ поэтическихъ отзѣвахъ этой высокой, но часто неумѣренно-раздражительной «музы мести и печали»... Ну скажите напримѣръ, какому человѣку съ здравымъ... не говорю смысломъ, это будетъ обидно — но съ здравымъ чувствомъ придетъ въ голову написать хоть вотъ эти строки съ слѣдующей за ними выпиской:

«Некрасовъ — говоритъ юный критикъ — страдаетъ вмѣстѣ съ русскимъ человѣкомъ, но *нисколько не идеализируетъ его*. Онъ умѣетъ заставить насъ сочувствовать его горю, совершенно нерасцѣпивая его. Онъ *глубоко* понимаетъ народъ и внѣ всякой идеализаціи становится даже *безпощаднымъ* въ отношеніи его и *проявленій его жизни и духа*. *За примѣромъ ходитъ недалеко*. (NB. Какъ кому! позволю себѣ замѣтить.) Мы припомнимъ вамъ одно его стихотвореніе. *Вслушайтесь, всмотритесь въ него.*»

И засимъ юный критикъ, въ доказательство вѣроятнаго того, какъ недалеко ему ходить за примѣрами, выписываетъ несчастное жолчное пятно, подъ вліяніемъ котораго больной, раздраженный поэтъ взглянулъ на великую эпоху 1812 года, отмѣтивши въ ней по болѣзненному напризу только исключительный фактъ. Выписавши цѣлкомъ этотъ поэтический промахъ («Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ» и проч. Я не буду, кромѣ крайнихъ случаевъ, прибѣгать къ выпискамъ изъ стихотвореній поэта, почти заученаго чи-

тающимъ людямъ), юный критикъ «въ забвеніи чувствъ» восклицаетъ :

«Вѣдь нешута морозъ подираетъ по кожѣ, становится страшно отъ этой голы, ужасающей правды. Вѣдь нельзя отказаться : это наше (NB : слова эти — курсивомъ въ полленикѣ), это наша жизнь, или покрайней-мѣрѣ одинъ изъ ея заурядно-характерныхъ эпизодовъ. Въ основѣ этой вещи лежитъ *страшное пониманіе русской жизни*, пониманіе ея до цинизма, до безпощадности, — и вотъ этимъ-то в дорогъ намъ Некрасовъ. Эта странная, но жизненная смѣсь звѣрства, удалой похвальбы этимъ звѣрствомъ и совершенно человѣчнаго чувства жалости, состраданія, сожалѣнія — вполне свойственны нашему сѣрому человѣку. На это стихотвореніе, сколько помнится, совершенно не было обращено вниманіе нашей критики, а жаль! оно одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній Некрасова...»

Что вы, что вы, любезный мой господинъ юный критикъ! Да вѣдь вы вовсе не туда забрели, куда хотѣли. Вѣдь знаете что? Вы совсѣмъ забыли, увлекшись, о чемъ это стихотвореніе. Вѣдь оно о «вѣчной памяти двѣнадцатомъ годѣ», котораго голая правда, та голая правда, къ которой вы проникнуты такою страстію, — не въ этомъ исключительномъ фактѣ, а въ возстаніи великаго народнаго духа, возстаніи, которое своею поэзіею и мощью сглаживаетъ несчастные и отвратительные эпизоды, неизбежные къ сожалѣнію во всякой народной войнѣ. Припомните-ка гверильясовъ Испаніи, и припомните-ка тоже кстатѣ, что величайшій поэтъ скорби, Байронъ, не на эти факты указываетъ, рисуя широкими чертами картину возвышенной народной борьбы въ первой пѣсни своего «Гарольда», — онъ, безпощаднѣйшій конечно поболѣе Некрасова ко всему, даже къ своей Англіи, онъ, ненавистникъ всякаго насилія. Да припомните-ка еще когда самъ поэтъ иногда въ своемъ превосходномъ стихотвореніи, здоровомъ и могучемъ стихотвореніи «На Волгѣ», рисуетъ съ любовью и широкими чертами картину другого, хотя по смыслу менѣе великаго возстанія народнаго духа, — севастопольскаго возстанія. Вѣдь вы явно увлеклись до «забвенія чувствъ» Устиньки (!). Вѣдь вы просто вообразили, что стихотвореніе взято изъ эпохи Стеньки Разина. Тамъ точно были бы умѣстны (употребляю ваши, безъ отношенія къ этому стихотворенію прекрасныя выраженія) «эта странная, но жизненная смѣсь звѣрства, удалой похвальбы этимъ звѣрствомъ» и проч. А тутъ в удалой похвальбы-то нѣтъ, а есть одна безпощадная похвальба. Вѣдь одностороннее представленіе событія, представленіе, лишающее событіе его настоящей, то-есть общей

(!) - Праздничный сонъ до обѣда - сцены А. Н. Островскаго.

правды, то-есть поэтической и исторической правды, можетъ быть прощено больному и раздраженному человѣку, а не поэту. Вы Байрона-то, Байрона-то скорбнаго и раздраженнаго припомните, припомните эту дивную смѣсь негодованія на насиліе и любви къ великому, жолчи на Англію и возиратовъ любви къ ней, къ ея величію, — которая властительно царствуетъ надъ вашей душою, когда читаете «Гарольда». И не жалѣйте вы пожалуйста, что не оцѣнила критика этого стихотворенія Некрасова, а пожалѣйте лучше, что больной поэтъ не исключилъ нѣсколько жолчныхъ пятенъ изъ ряда оныхъ высокыхъ созданій. И не этики дорогъ вамъ Некрасовъ, т. е. не таковыя безпощадныя отношенія къ дѣйствительности.

По одному этому эпизоду могутъ уже читатели судить о духѣ статьи. Къ ней, по одному этому эпизоду, можно обратиться съ словами: «*Loquela tua manifestam te facit*». Просака вродѣ указаннаго, да казенщина — вотъ ея содержаніе, и говорить о ней серьезно, какъ о толкѣ по поводу стихотвореній Некрасова — рѣшительно нечего. Это только съ вѣтру.

Обращаюсь теперь къ другой статьѣ, представляющей собою другой родъ критико-литературной путаницы, — путаницу домашнихъ дразговъ.

Эта другая статья напечатана въ старѣйшемъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ — въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ противоположность вышеупомянутой она явнымъ образомъ писана критикомъ опытнымъ, критикомъ старымъ, исполнена застарѣлыми, такъ-сказать заскорузлыми домашними дразгами. Она не бросается въ выпискахъ безразлично на хорошее и дурное: нѣтъ, какъ воронъ падали, ищетъ она жолчныхъ пятенъ и тыкаетъ въ нихъ пальцемъ, по большей части справедливо. Иной вопросъ — справедливъ ли весь духъ ея. Для назиданія современниковъ и памяти потомства я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе изложить ея содержаніе.

Начинаетъ статья прямо съ упрековъ поэту за то, что онъ въ одномъ стихотвореніи изображаетъ горькими чертами участь поэта, который

Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій,

и доказывается весьма основательно по отношенію къ нашему времени, что быть поэтомъ обличительнымъ гораздо *выгоднѣе*, чѣмъ быть поэтомъ незлобивымъ. Слово: *выгоднѣе*... Въ статьѣ впрочемъ не употреблено слово: *выгоднѣе*, но для тѣхъ, которые привыкли читать между строками, оно въ ней слышно.

Чтоже такое, спрашиваю я васъ, какъ не домашніе дразги подобный пріемъ?.. Отчего въ ту эпоху, когда Гоголь начиналъ одну изъ главъ своихъ «Мертвыхъ душъ» элегією различной участи двухъ писателей: одного, на долю котораго выпало изображеніе «прекраснаго» человѣка, и другого, на долю котораго досталось изображеніе пошлости пошлаго человѣка, никто не покушался писать статью о его поэмѣ доказательствами, что гораздо *выгоднѣе* въ наше время изображать пошлость пошлаго человѣка?.. А вѣдь и тогда уже это очень хорошо зналось и чувствовалось!.. и тогда какъ разобщая поэзія видимо брала перевѣсъ надъ споконной поэзіей... Статья все это очень хорошо сама знаетъ, но ей *выгодно* упрекнуть г. Некрасова за это ложное мнѣніе объ участи поэта-обличителя...

Почему выгодно? спросить можетъ-быть немногіе читатели, несовѣстно ли, несмотря на всѣ наши совокупныя усилія російскими критиками и редакторами, въ нашихъ органахъ *fidei*, въ нашихъ милые домашніе дразги? А вотъ почему. Сразу надобно тонъ задать. Сразу нужно сказать, что жолчное вдохновеніе музы Некрасова, если не всецѣло, то по крайней мѣрѣ наполовину — вдохновеніе предвѣренное, вдохновеніе такъ-сказать рассчитавшее свои шаги.

Жалкій, больше позволяю себѣ сказать — постыдный пріемъ!.. А впрочемъ, коли хотите, неновый. Находились же люди, которые наприимѣръ приписывали Шатобриану предвѣренность и расчетливость въ его католическо-романтическихъ стремленіяхъ. Отчего же не заподозреть въ предвѣренности и повторъ стремленій противоположныхъ? Нѣтъ нужды до того, что стихотворенія Некрасова вообще и стихотвореніе, указываемое критикомъ, въ особенности — исторически вышли изъ той эпохи, когда обличеніе и кара сами еще не вѣрили въ свою силу, когда сами поэты обличенія и кары, какъ Гоголь, Лермонтовъ и Некрасовъ, смотрѣли искренне, какъ на тяжкій крестъ, на свое мрачное призваніе. Нѣтъ нужды до міра души поэта, возмущеннаго преслѣдующими душу тягостными впечатлѣніями, міра, самому поэту подчасъ непереноснаго и который онъ считаетъ искренне столь же непереноснымъ подчасъ для его читателей. Нѣтъ нужды наконецъ и до того, что Лермонтовъ, столь же мало какъ и Некрасовъ имѣвшій право жаловаться на безучастіе людей къ его поэзіи, но преслѣдуемый давящимъ его кошмаромъ, суровыми и горькими чертами изображаетъ участь скорбнаго пророка, въ котораго всѣ ближніе его

Кидали бѣшено каменья..

Нѣтъ нужды ни до чего тамого. Нужно только одно: внушить

ловко и тонко подозрѣніе къ искренности смущенности и печалью любимого читателями поэта...

«Пушкинъ — говорить затѣмъ, повидящему весьма разонно, статья — жаловался на толпу, и г. Некрасовъ жалуется на толпу; Пушкинъ жаловался, что толпа не понимаетъ искусства, г. Некрасовъ жалуется, что толпа понимаетъ только искусство; Пушкинъ требовалъ чувства, г. Некрасовъ требуетъ желчи... Какое странное потемнѣніе и въ такой короткій періодъ времени. Завѣсь что-нибудь да не такъ.»

Это точно что не такъ. Но особенныхъ заводовъ кажется нечего.

Знаете ли что? Ежели мы сколько-нибудь поглубже посмотримъ въ поэтическія избранныя натуры, мы едва ли не дойдемъ до примиренія требованій Пушкина съ требованіями... ну хоть Гоголя; ибо мнѣ, старовѣру, при всей любви моей къ поэзіи Некрасова, все какъ-то неловко, нелегко видѣть, постарить его имя наравнѣ съ именемъ одного изъ величайшихъ поэтовъ міра. Упрекая ли толпу за непониманіе искусства, какъ Пушкинъ въ то время, когда одно только искусство поднимало душу человѣческую выше общаго фамусовскаго и молчалинскаго строя и устанавливало въ душѣ новыя требованія, готовило новую эпоху; упрекая ли толпу за то, что она понимаетъ только искусство, — подразумѣвается какое искусство: искусство безъ содержанія, искусство ставшее баловствомъ, празднымъ дилетантствомъ, — поэты всегда хотятъ отъ толпы одного: возвышенія ея душевнаго строя. Въдъ не за то, положимъ хоть Некрасовъ, упрекаетъ толпу, что она понимаетъ искусство въ пушкинскомъ смыслѣ: до пониманія этого искусства она во большой части не доросла, ибо дорости она — такъ были бы поэмы...

Бича, темница, театаръ;

а за то, что она способна праздно баловаться разными наслажденіями, принимаемыми ею за искусство, и затѣмъ остается такъ же груба и безчувственна... Понятіе объ искусствѣ поклонники такъ-называемаго чистаго искусства, искусства для искусства, довели до грубѣйшей гастрономіи эстетической. Это понятіе, какъ кажется поэту, привилось и къ толпѣ. Вотъ съ этимъ-то онъ и ругаетъ, т. е. съ пошлымъ и низкимъ душевнымъ строемъ толпы, какъ ратовалъ съ нимъ и Пушкинъ, знавшій тоже очень хорошо, какъ

Выстрадавший стихъ

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой,

и хвалившійся не тѣмъ, что онъ «чистый художникъ», а тѣмъ,

Что чувства добрыя я лирой возбуждаю...

Но пойдете даѣе за искусной и ловкой статьёй опытнаго критика.

«Однакожъ нѣтъ загадки — говорить онъ — будутъ продолжаться на тему только-что выписаннаго нами стихотворенія. Въ немъ цѣлый трактатъ о поэзіи, трактатъ новый, непробѣренный критикой и основанный на новыхъ началахъ — жолчи...»

Вѣдь вотъ охота же, подумаешь, вадѣть всюду и вездѣ что-то новое! — несколько прерываю я выписку. Странное это право дѣло, что «Отечественныя Записки», несмотря на свои почтенныя лѣта, не могутъ затвердить для себя мудрый совѣтъ Горациа: *nil admirari!*. То имъ покажется чѣмъ-то новымъ и особеннымъ наше народное пресоверпаніе, и они разжалуютъ какъ-разъ Пушкина изъ народныхъ поэтовъ, то имъ вдругъ ново то, что поэзія, какъ только она вышла изъ растительнаго момента, изъ непосредственнаго слиянія съ народною жизнью, какъ только она стала художественною — несетъ въ себѣ непрелѣнно начала протеста, живетъ анализомъ и этикъ поднимаетъ душевный строй массы. Дѣйствительно, какъ говоритъ критикъ, «понятія наши спутались»; но выраженіе это относится собственно къ нему и къ его журналу. А все новоты сказки, собранныя г. Афонасьевицъ, и псевдо-пушкинскій сборникъ пѣсень. Не будь ихъ, этихъ явленій, перевернувшихъ вверхъ дномъ всю критику журнала, — понятія его критиковъ не спутались бы дотога, чтобы народность, т. е. національность, грубо сѣнать съ простонародностью и лишить Пушкина его національнаго значенія, вслѣдъ зачѣмъ слѣдовало бы логически лишить національнаго значенія и Гёте, и Шиллера, и даже самого Шекспира, оставшись, да и то съ грѣхомъ пополамъ, при Гебелъ, Борнсъ и Кольцовъ. Съ другой стороны, еслибъ вчитались хорошенько критики журнала въ напечатанныя у нихъ памятники растительной поэзіи, они бы убѣдились, хоть на раскольническихъ стихахъ наприѣръ, что какъ только народная жизнь раздвоится, поэзія начинается жить протестомъ; — протестомъ в слезъ, в горя, в жолчи. «Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія», говорилъ Надеждинъ. Можно добавить: гдѣ поэзія, тамъ и протестъ. Поэзія есть высшее, лучшее и наиболѣе дѣйствительное узаконеніе этого смятѣншаго изъ правъ человеческой души. Оттого-то безъ ея побракушекъ, по слову Гоголя, заглохла бы жизнь и проч.

Кажется бы дѣло очень ясное, и что тутъ попустому путаются? Никакихъ новыхъ началъ, кромѣ изстаринныхъ и вѣчныхъ, въ современной поэзіи нѣтъ, да и быть не можетъ. Новыя формы, а начала все тѣже какъ таже душа человеческая, рѣшительно неподлежащая развитію. Что было для насъ поэзіей, то поэзіей и оста-

лось: одно — какъ прошедшее, потерявшее концы свою толбающую впередъ силу относительно къ обществу, но сохранившее свою власть надъ индивидуальнымъ усовершенствованіемъ, другое — какъ настоящее, полное протеста и движенія. Такъ нѣтъ, критику наметя, что новыя «начала эти, какъ и стихотворенія г. Некрасова, успѣли утвердиться въ нашей литературѣ помимо критики, именуя ея привязчивыя требованія и однимъ силою обстоятельствъ, силою напора ихъ...» Да вѣдь дѣло-то въ томъ, что если дѣйствительно стихотворенія Некрасова успѣли утвердиться въ нашей литературѣ, то утвердились не во имя новыхъ началъ, а просто потому, что они — поэзія, что въ нихъ душа наша вышла отъ насъ на свою жизнь; а если они утвердились помимо критики, такъ виновата къ этомъ близорукость нашей критики. Дѣло опять очень простое и мутаться въ немъ нечего.

Критика наша точно молчала о стихотвореніяхъ Некрасова, а на то были двѣ причины. Одна заключалась въ независимости отъ критики обстоятельствъ, и ее разъяснять неуживо. Другая... другая рѣшительно заключалась въ печальныхъ домашнихъ дрязгахъ, которыми она предалась съ какимъ-то упоеніемъ во смерти своего великаго руководителя Бѣлинскаго, домашнихъ дрязгахъ, вслѣдствіе которыхъ она долго не признавала Островскаго, туго молчитъ о Ф. Достоевскомъ, восторгалась Обломовымъ и проч. и проч.

По отношенію къ Некрасову являются два сорта домашнихъ дрязговъ. Вопервыхъ тѣ, вслѣдствіе которыхъ люди, внутренне глубоко сочувствовавшіе его поэзіи, иногда какъ-будто враждебно къ ней отнеслись, приводимые въ справедливое негодованіе прувеличенными возгласами его исключительныхъ поклонниковъ; во вторыхъ... а восторжъ тѣ, вслѣдствіе которыхъ явилась назрѣвшая статья «Отечественныхъ Записокъ». Первые, хоть и дрязги же, имѣютъ все-таки какой-либо литературный характеръ; другіе уже чисто основываются на личныхъ отношеніяхъ къ поэту. Не говоря конечно ни слова о снѣж послѣднихъ, критику «Отечественныхъ Записокъ» нѣтъко указываетъ на первые.

«Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ — гдѣ до настоящаго времени оцѣнка таланта г. Некрасова? Ея нѣтъ. Раздавались иврѣвны въ литературѣ похвальныя отзывы о немъ, на него возлагались надежды; «современники», нисколько несконфуженные стихомъ г. Некрасова, что «важнво готовятся памятники только неалобитымъ поэтамъ», говорили: «еслибы да не обстоятельства, ны имѣли бы случай видѣть нашего истиннаго поэта» — и эти скромные отзывы «современниковъ» о своемъ поэтѣ замѣняли все: критику, похвалу,

скромность и намекъ. Другіе, приведенные въ негодованіе намеками, старались отнять всякія достоинства у г. Некрасова...»

Это очень вѣрно, хотя далеко не полно. Я впрочемъ оставляю пока въ сторонѣ толкъ о домашнихъ дрязгахъ, на которые указала критикъ «Отечественныхъ Записокъ», и займусь тѣми, на которые онъ по естественному чувству самосохраненія не указываетъ, т. е. буду продолжать анализъ его собственной статьи.

«Мы — говоритъ критикъ вслѣдъ за вышеприведеннымъ мѣстомъ — не будемъ дѣлать ни того ни другого, а съ благодарностью возьмемъ то, что онъ предлагаетъ намъ прекраснаго, и укажемъ на то, что по нашему мнѣнію есть произведеніе одной жолчи, новаго принципа въ поэзіи, котораго мы не признаемъ (мы старовѣры и признаемъ чувство), или что составляетъ сухой перечень «хорошихъ мыслей» по мнѣнію «современниковъ», но по нашему мнѣнію не одно и то же что поэзія...»

Все это прекрасно, кромѣ безусловнаго отрицанія законности жолчи въ поэзіи, которую не должно смѣшивать съ болѣзненными жолчными пятнами, и отрицая которую мы должны будемъ развѣнчать Байрона; все это прекрасно, повторяю я, но насколько это искренно — мудрено сказать.

«Благодарное принатіе» прекраснаго, находящагося въ стихотвореніяхъ Некрасова, заключается :

1) Въ совершенно дикой и неумѣстной выходкѣ на поэта за стихотвореніе :

«Наивная и страстная душа»,

которое критикъ подозреваетъ посвященнымъ памяти Бѣлинскаго. Дикость выходки заключается въ томъ, что критику показалось почему-то стихотвореніе поэта обиднымъ.

2) Въ скромной похвалѣ стихотвореній: «Въ Деревнѣ», «Несжатая полоса» и «Забытая деревня», — похвалѣ, въ которой такъ слышно, что эти стихотворенія хороши не столько сама по себѣ, сколько по выгодному выбору предмета, потому что ловко приварились къ потребностямъ времени, причемъ между прочимъ высказывается новое эстетическое положеніе, что «г. Некрасовъ рѣшительно не художникъ, а только лирикъ тамъ, гдѣ онъ можетъ сомадать со стихомъ», какъ-будто лирикъ — не художникъ.

3) Въ странномъ сопоставленіи поэмы «Саша» съ тургеневскимъ «Рудинымъ» и обвиненіи поэта въ явномъ подражаніи.

4) Наконекъ въ нѣсколькихъ справедливыхъ замѣткахъ насчетъ жолчныхъ пятенъ поэзіи Некрасова.

Какой же заключительный вывод статьи? А вотъ онъ вамъ цѣликомъ:

«Есть поэты съ міросозерцаніемъ широкимъ и узкимъ: это не подлежитъ сомнѣнію. Многіе вѣроятно думаютъ, что г. Некрасовъ принадлежитъ къ первымъ...»

Но я не продолжаю выписки. Вы уже поняли, что Некрасовъ принадлежитъ къ поэтамъ съ міросозерцаніемъ узкимъ. И прекрасно. Вся цѣль статьи заключалась въ этомъ выводѣ.

До опредѣленія существенныхъ свойствъ поэзіи Некрасова, разъясненія историческихъ причинъ ея появленія и громаднаго успѣха — критику вѣтъ дѣла. Онъ пишетъ явно подъ вліяніемъ одного только негодованія на исключительныхъ поклонниковъ Некрасова, и повременамъ подъ вліяніемъ другого сорта домашнихъ дразговъ. Съ перваго пріема чувствуется уже въ статьѣ какое-то затаенное враждебное настроеніе и не измѣняетъ ей во все ея теченіе.

По отношенію къ вопросу о значеніи поэзіи Некрасова она рѣшила дѣло столь же мало, какъ рутинно-хвалебная статья г. В. К—го.

II

А вѣдь стоялъ и стоитъ серьезнаго обвѣзданія вопросъ о значеніи поэзіи Некрасова, ибо значеніе это несомнѣнно. О немъ свидѣтельствуетъ та необыкновенная популярность, — я не скажу еще народность, — которой достигли эти вдохновенія «музы мести и печали». Вѣдь популярность эта куплена не однимъ тѣмъ только, что поэтъ затронулъ живую струну современности, указалъ на ея больныя мѣста. Вѣстѣ съ этими лирическими, стало-быть, по мнѣнію критика «Отечественныхъ Записокъ», *нехудожественными* произведеніями являлось множество другихъ, съ большими претензіями на художественность. Они ватрогивали тѣже струны, тревожили тѣже больныя мѣста русской жизни. И они между тѣмъ почти-что забыты, даже очень талантливыя изъ нихъ, какъ напримѣръ «Антонъ-горемыка». Отчего же живутъ, да еще какъ живутъ до сихъ поръ самыя первыя пѣсни Некрасова? Какъ «ударили» онѣ разъ «по сердцамъ съ невѣдомою силой», такъ и до сихъ поръ ударяютъ. Можно сказать даже, что сила ихъ на молодое поколѣніе все росла и росла втеченіи пятнадцати лѣтъ. Стало-быть есть же въ нихъ что-то такое свое, особенное, «некрасовское», и стало-быть это свое, особенное, некрасовское коренится органически въ самомъ существѣ русской національности (я уже боюсь употребить

слово «народность», ибо это понятіе слишкомъ объузили въ послѣднее время). И вѣдь умъ что хотите, ничего не подѣлаете: имя поэта не ставится въ рядъ съ именами даже даровитѣйшихъ изъ восторженныхъ дѣятелей литературы, каковы положимъ въ разныхъ родахъ Фетъ, Писемскій, Гончаровъ: вѣтъ, оно наряду съ именами Кольцова, Островскаго, Тургенева, Шутка! Въ чемъ же эта особенность поэзіи Некрасова, и вмѣстѣ въ чемъ ея національность, въ чемъ ея органическая сущность? Вотъ главный вопросъ, который должна предложить себѣ критика.

А между тѣмъ все-таки прежде чѣмъ приступить къ этому прямому дѣлу, надобно очистить еще послѣдній домашній дрязгъ. Онъ и поведетъ впрочемъ къ прямому дѣлу.

Критикъ «Отеч. Зап.» указалъ на тотъ фактъ, что «современники» слишкомъ нецеремонно выражали свое крайнее сочувствіе къ поэзіи Некрасова, но указаніе его неполно, неточно и главное, — узко. Что намъ за дѣло, что «современники» въ томъ узкомъ смыслѣ, какой явно желаетъ придать этому слову критикъ, говорили о Некрасовѣ пожалуй и больше того, что привелъ онъ, говорили прямо, что еслибы не обстоятельства, то значеніе поэта въ нашей литературѣ было бы выше значенія Пушкина и Лермонтова?.. Мало ли что говорить у насъ можно. Да сила не въ томъ: они говорили и ихъ слушали съ сочувствіемъ, слушали настоящіе современники; слушало молодѣе поколѣніе, я слушало ихъ только и питалось нравственно почти исключительно некрасовскою поэзіею.

Перенесемтесь за пятнадцать лѣтъ назадъ. Еще имя Некрасова вовсе неизвѣстно или извѣстно съ вовсе незавидной стороны. Некрасовъ еще водевиллистъ и писатель повѣстей, непривлекательнаго особеннаго впечатлѣнія, но въ которыхъ порывшись найдешь уже заложеніе «мести и печали». Еще всю силою своей давить насъ мрачное обаяніе поэзіи Лермонтова, еще за абсолютнымъ отрицаніемъ Гоголя невидать вдали ни болѣзненно-симпатичныхъ отношеній къ нашей жизни Достоевскаго, ни любви съ грустью полагать къ родной почвѣ Тургенева, ни всего менѣе — здоровыхъ, простыхъ пріемовъ Островскаго. Это еще время повѣстей сороковыхъ годовъ съ ихъ вѣчною темою о трагической гибели избранныхъ женскихъ и мужскихъ натуръ, задыхающихся въ грязной и душной «дѣйствительности». Дѣйствительность наша намъ, совершенно одурманеннымъ привитыми извнѣ идеями, кажется звѣремъ. Мы боремся съ нимъ, мы клеветаемъ даже на этого звѣря, клеветаемъ до цинизма, ругаемся надъ воспоминаніями дней,

извѣстныхъ

Подъ звонкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,

разоблачаемъ безжалостно и даже иногда легкомысленно-безжалостно заветнѣйшія чувства наши, посмѣваась надъ ними и надъ многими дорогими образами. Еще разъ повторяю: мы клеветемъ и на себя и на дѣйствительность, т. е. на начала нашего быта и собственной нашей души... Великій вождь нашъ самъ увлекся въ этотъ «необузданный потокъ» и влечетъ насъ все далѣе и далѣе всей силою своей сердечной діалектики, всѣмъ пламеннемъ своего краснорѣчія. Бѣлинскій сороковыхъ годовъ уже не тотъ Бѣлинскій тридцатыхъ, который жарко вѣрилъ въ искусство какъ въ высшее изъ откровеннѣйшей жизни. Бѣлинскій уже весь — протестъ, и все вмѣстѣ съ нимъ и вслѣдъ за нимъ протестуетъ, протестуетъ жарко, энергически, до крайнихъ граней, до клеветы.

Но не попрекайте, господа, насъ, людей той эпохи, эту клевету. Законна была эта клевета. Она происходила отъ глубокаго, вполне русскаго, т. е. дѣльнаго увлеченія великими идеалами, и мы, полные этими идеалами, сами, какъ различныя «Наташи», «Романы Петровичи» и проч., задыхались въ тѣхъ поверхностныхъ словахъ дѣйствительности, которые мы съ наивностью принимали за словъ бытовые. Въ односторонности нашего взгляда была вѣдь и своя доля правды, лежали залогомъ безошаднаго и вмѣстѣ прямого анализа. Мы были виноваты въ томъ только, что эти залогомъ сразу принимали за конечные результаты; что недостаточно всмотрѣлись въ самихъ себя и снимая наносные словъ, думали, что дорылись до почвы и разрывались съ этою почвою. Разрывъ этотъ былъ постоянно прииѣтствуемъ и напутствіемъ великаго вождя, и сочувствіемъ читающей массы. Мы мчались впередъ закусивши удила, пока не ударились въ какую-то стѣну. Натуры высшія, какъ Гоголь и Бѣлинскій, даже не выдержали этого удара и погибли одновременно, мученически. Ни тотъ ни другой не имѣли даже отрады умирающаго Моисея, — отрады видѣть обѣтованную землю хоть издали. Одинъ изъ нихъ, Гоголь, погибъ вслѣдствіе трагической необходимости: ему не было выхода изъ его дороги: великій отрицатель могъ только сочинять, выдумывать положительнымъ стороны быта и жизни. Другой погибъ вслѣдствіе чистой случайности, уже можетъ-быть видя смутно грань поворота дороги. Какъ жизнь сама, пламенный и воспріимчивый, онъ — нѣтъ сомнѣнія — остался бы вѣчно вождемъ жизни, еслибы организмъ его выдержалъ.

Но въ тотъ моментъ, въ который просилъ я перенестись мысленно читателя, мы еще лбомъ въ стѣну не ударились. Мы еще фанатически вѣрили и «въ гордое страданье», и въ «проклетіа право святое» — позволяю себѣ для большаго *couleur locale* брать самыя крайнія выраженія, заимствуя ихъ какъ у другихъ, такъ и у себя, у бы-

ваго себя той старой эпохи... Еще не сказано было или лучше не сочинено еще было дешовою практическою мудростью охлаждающее слово «Обыкновенной исторіи», еще Романъ Петровичъ «Послѣднiго визита» не былъ для насъ «педантъ, вареный на меду», а казался чуть что не идеаломъ человѣка, еще Тургеневъ не принялся за грустный и симпатичный, но тѣмъ не менѣе правдивый анализъ натуры спонсуженныхъ жизнью личностей, вынужденныхъ, по выраженію могологовъ одного поэта

.... горько надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
И видѣть вокругъ себя безсиліе людей;

еще вдали не видѣлись намъ ни его «Лишній человѣкъ», ни пустой, хоть и богато одаренный Веретевъ, ни безсильный дѣломъ, хотя могучій словомъ Рудинъ, ни честный, но вконецъ загубленный предшествовавшимъ своимъ развитіемъ Лаурецкій...

Прошли годы — и

чтожъ осталось,
Отъ сильныхъ, гордыхъ силъ мужей?

Что осталось отъ всей этой пламенно протестовавшей литературы сороковыхъ годовъ?.. Кто помнитъ «Послѣдній визитъ», кто помнитъ повѣсти Сто-одного — эти крайнія, голыя, сухія выраженія протеста, сходившія однако не только съ рукъ, но возбуждавшія даже интересъ своимъ голымъ протестомъ? Кто перечтетъ даже рассказы и повѣсти даровитаго Панаева?.. Знаете ли что для насъ уцѣлѣло изъ всей этой эпохи? Стены сердца одного поэта — да одно некрасовское стихотвореніе, въ которомъ сжались, совмѣстились всѣ новости сороковыхъ годовъ, — первое стихотвореніе, выдвинувшее впередъ личность поэта. Вы конечно поняли, что я говорю о стихотвореніи «Въ дорогѣ», объ этой горькой, односторонней, но правдивой въ своей односторонности пѣсни объ избранной и нѣжной натурѣ, загубленной дѣйствительностью, съ которой она разошлась и которая ее не понимаетъ, не можетъ даже понять, что это она

На какой-то патреть все глядитъ
Да читаетъ какую-то книжку...

Ну зачѣмъ намъ перечитывать длинныя повѣсти о разныхъ Наташахъ, которымъ вмѣнялась авторами въ добродѣтель такая простая и обязательная вещь, какъ чистоплотность, все въ видѣ протеста противъ грубой и грязной дѣйствительности? Вся эпоха этихъ повѣстей тутъ, въ некрасовской пѣснѣ, отлилась въ сжатую поэтическую форму, точно также какъ всѣ варенья на меду скорби Ре-

мановъ Петровичей не стоятъ одного изъ гдѣхъ стѣдовъ Огарава.

Эта первая изъ некрасовскихъ пѣсенъ совпала съ рядомъ новыхъ, неожиданныхъ явленій въ литературѣ. Она появилась въ «Петербургскомъ Сборникѣ», а въ этомъ «Петербургскомъ Сборникѣ» появились «Бѣдные люди» Достоевскаго, появилась первая вполнѣ блестящая вещь Тургенева: «Три портрета» и его же поэма «Помѣщикъ», которая была бы великолѣпною вещью, еслибы поэтъ написалъ ее какъ пародію на повѣсти сороковыхъ годовъ, поэма, въ которой къ сожалѣнію серьезно негодуетъ поэтъ на «козлиные» (вмѣсто: «козловые») башмаки провинціальныхъ дѣвицъ, на то, что дѣйствительность есть, цветъ и смитъ...

Двѣ вещи «Сборника» произвели общее сильное впечатлѣніе. «Бѣдные люди» и некрасовское стихотвореніе «Въ дорогѣ». Распадъ Тургенева «Три портрета» не былъ оцѣненъ, и былъ только обруганъ К. Аксаковымъ за блестящее изображеніе гнилого паразита какъ-будто Тургеневъ выставлялъ за идеалъ своего Василья Лучинова и какъ-будто онъ, художникъ, виноватъ въ зловѣщемъ обаяніи представленнаго имъ образа!

Не потому только произвело сильное впечатлѣніе стихотвореніе Некрасова, что оно совмѣстило, сжало въ одну поэтическую форму цѣлую эпоху прошедшаго. И это конечно достоинство немалое. Но оно, это небольшое стихотвореніе, какъ всякое могучее произведеніе, забрасывало сѣти и въ будущее. Вглядитесь-ка въ него даже теперь, когда уже пятнадцать лѣтъ прошло съ его появленія. Не говорю о его формѣ, о томъ, что не поддѣлка подъ народную рѣчь, а рѣчь человѣка изъ народа въ немъ послышалась, — нѣтъ, всмотритесь въ его содержаніе, въ новость постановки стараго вопроса. Когда вы читывали бывало «Послѣдній визитъ», «Безъ разсвѣта» и повѣсти Панаева, вы, читатель, а наче всего вы, читательница, «ничтоже сумняся», съ азартомъ винили грубую дѣйствительность: злая она, собака, избранныя личности Еленъ, Наташъ, Романовъ Петровичей! Ну, а вѣдь читая даже тогда стихотвореніе Некрасова, вы едвали съ озлобленіемъ отнеслись къ ямщику, тотъ онъ и говорить:

А чтобъ бить — видитъ Богъ не бивалъ,
Развѣ только подъ нилую руку...

а можетъ-быть именно потому, что онъ такъ говорить.

Изъ стихотворенія явно было, что его писалъ человѣкъ съ народнымъ сердцемъ, человѣкъ закала Кольцова, что онъ не сочиняетъ ни рѣчи, ни сочувствій. И тѣмъ поразительнѣе была новость

этой пѣсни, что подлѣ нея же другія стихотворенія Некрасова, не смотря на силу протеста, непріятно дѣйствовали то рутинностью, то водевилностью своего тона, и потому непріятною для эстетическаго чувства даже и въ такихъ сильныхъ по содержанію вещахъ, какъ:

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда нехороша!

Въ явленіяхъ, или лучше—сказать въ откровеніяхъ жизни есть часто безспорный паралелизмъ. Новое отношеніе къ дѣйствительности, къ быту, къ народу, смутно почувствовавшееся въ стихотвореніи Некрасова, почувствовалось тоже и въ протестъ «Бѣдныхъ людей», протестъ противъ отрицательной гоголевской манеры, въ первомъ еще молодомъ голосѣ за «униженныхъ и оскорбленныхъ», въ сочувствіи, которому волею судебъ дано было выстрадаться до сочувствія къ обитателямъ «Мертваго дома». Затѣмъ дѣло пошло разъяряться. «Петербургскій Сборникъ» былъ только предвѣстникомъ «Современника», но еще прежде появленія «Современника», если память меня не обманываетъ, раздалась другая удивительная пѣсня Некрасова — объ «огородникѣ», и тоже «ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой». Съ тѣхъ поръ пѣсни Некрасова сдѣлались, безъ преувеличенія говоря — событіями.

Но... и вотъ тутъ—то я въ послѣдній разъ поднимаю послѣдній домашній дразгъ: всѣ ли эти пѣсни, дѣйствовавшія какъ событія на молодое читающее поколѣніе, и какъ событія же дразнившія до пѣны у рта поколѣніе устарѣлое, — всѣ ли онѣ были такъ правильно-жизненны, какъ эти двѣ первыя? Человѣкъ съ народнымъ сердцемъ, съ такимъ же народнымъ сердцемъ какъ Кольцовъ и Островскій, поэтъ (да простить онъ укору мнѣ, одному изъ жаркихъ его поклонниковъ), всегда ли какъ Кольцовъ и Островскій бережно хранилъ чистоту своего народнаго сердца?.. Не кадилъ ли онъ часто личнымъ раздражительнымъ внушеніямъ и даже интересамъ минуты? Всегда ли онъ исполнѣ сознательно и объективно ставилъ себѣ свои мучительные вопросы? Если нѣтъ, то зналъ ли онъ какой отвѣтственности подвергается онъ передъ судомъ потомства, онъ, неотразимо увлекавшій своимъ пѣснями все молодое поколѣніе?

Вѣдь ужъ надобно все сказать. Я не виню Некрасова въ томъ, что молодое поколѣніе въ настоящее время никого кромѣ его не читало. Оно вообще ничего не читаетъ, и другъ мой «ненужный человѣкъ» едвали не былъ правъ, назвавши свою диническую статью статью о распространеніи безграмотности и невѣжества въ Россійской словесности, — но въ этомъ невиновать поэтъ, а виноваты его неумѣренные и исключительные поклонники, вродѣ покойнаго

Добролюбова и др. Я виню Некрасова въ томъ, что онъ иногда слишкомъ отдавался своей «музѣ мести и печали», руководился подчасъ слѣпо, безсознательно, стало-быть недостойно истиннаго художника, ея болѣзненными внушеніями. Неужели ему самому любо, что наравнѣ съ высокими его пѣснями, поколѣніе, на пѣсняхъ его воспитавшееся, восторгается безсмысленно и жолчными пятнами вродѣ стихотворенія о двѣнадцатомъ году, «Свадьбы», сказанія о Ванькѣ ражемъ и проч. и проч.? Неужели ему любовь такой безразличной и безсмысленной восторгъ? Вѣдь онъ поэтъ, и большой поэтъ! Вѣдь его впечатлительной натурѣ доступнѣе чѣмъ многимъ другимъ должна быть простая, но мученически пострадавшая Гоголемъ истина, что «съ словомъ надобно обращаться честно».

Было время, и не такъ еще давно было, когда я, сочувствуя всѣмъ сердцемъ поэзіи Некрасова, положительно ненавидѣлъ влияние этой поэзіи на эстетическое, умственное и нравственное развитіе молодого поколѣнія, хотя очень хорошо сознавалъ, что не сама она, не поэзія виновата, а поэтъ, слѣпо къ ней относящійся и преимущественно его яростные поклонники. Вѣдь одной поэзіей жолчи, негодованія и скорби слишкомъ мало для души человѣческой. Но теоретики рѣшительно сумѣли увѣрить своихъ послѣдователей, что это одно только и нужно. Своей «соблазнительной ясностью» они отучали ихъ мыслить; своимъ послѣдовательнымъ азартомъ они отучали ихъ чувствовать широко и многосторонне. На нашихъ глазахъ совершались и доселѣ еще совершаются идольскія требы теорій. Говорить ли о нихъ? Факты всѣмъ извѣстны. Поэзія Пушкина — не говорю ужъ другихъ, *меньшихъ* — побрякушки, и въ концѣ концовъ, поэзія вообще побрякушки. Некрасовъ для теоретиковъ — кумиръ, не потому что онъ поэтъ, а потому что онъ шевелитъ и раздражаетъ. Не могу опять не спросить: любо ли поэту такого рода поклоненіе теоретиковъ, отрицающихъ поэзію вообще? Любо ли ему, поэту съ народнымъ сердцемъ, поклоненіе теоретиковъ, отрицающихъ народность? Наконецъ любо ли ему безсознательное поклоненіе молодой толпы, эстетически развращенной до безнадёжности, — поклоненіе разныхъ фальшиво-эмансипированныхъ барынь, которыя, закатывая глаза подъ лобъ, читаютъ съ наеосомъ:

«Буду ли ночью по улицѣ темной.

и извлекаютъ изъ этого больного, хотя могущественнаго вояки души — безнадёжнѣйшую философію распутства?.. Вѣдь ужъ сколько порядочнымъ людямъ оскомину онѣ набили этимъ стихотвореніемъ!

Да не оскорбится поэтъ этими укорами. Онъ знаетъ очень хорошо, что они дѣлаются критикомъ не во имя рутинной нравственности и съ другой стороны не во имя «искуства для искусства». Нравственна въ поэзіи — правда, и только правда; но зато уже требованіе трезвой, никому и ничему нельстящей и некадающей правды отъ поэзіи не должно знать тоже никакихъ казенной и никакихъ приличій. Правда поэзіи никогда не должна быть личная или минутная правда. Поэзія — не простое отраженіе жизни, безразличное и безвыборное въ отношеніи къ ея безконечно разнообразнымъ случайностямъ а осмысленіе, оразумленіе, обобщеніе явленій. Въ томъ ея смыслъ, значеніе, законность, вѣчность — вопреки ученію теоретиковъ, осудившихъ ее пока на рабское служеніе теоріи, а въ будущемъ на конезное уничтоженіе, какъ вещи ненужной и бесполезной, да вопреки же и ученію эстетическихъ гастрономовъ, обратившихъ ее въ какой-то sauce piquante жизни. Поэты истинные, все равно, говорили ли они:

Я не поэтъ — я гражданинъ,

или :

Мы рождены для вдохновеній,

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ, —

служили и служатъ одному: идеалу, разнясь только въ формахъ выраженія своего служенія. Не надобно забывать, что руководящій идеалъ, какъ Егова израильтянамъ, является двумъ въ столпѣ облачномъ, а почью въ столпѣ огненномъ. Но каково бы ни было отношеніе къ идеалу, оно требуетъ отъ жреца одного: неуклонной, неумытной правды.

Вотъ почему вездѣ, гдѣ поэтъ, и такой большой по натурѣ поэтъ какъ Некрасовъ, увлекаясь минутнымъ раздраженіемъ, не договариваетъ полной правды или далеко переступаетъ предѣлы общей правды, критика должна быть въ отношеніи къ нему безпощадна.

А она до сихъ поръ или безусловно и безразлично восторгалась его поэзіею, или молчала.

Безусловно и безразлично восторгалась та критика, для которой поэзія вообще — побрякушка, терпимая только до поры до времени. Молчала критика, которую (хоть это и очень «жалости подобно», хоть это и бросить пожалуй на нее тѣнь смѣшного) необинуясь назову я однако *обиженной*.

Да, она дѣйствительно обижалась, эта критика, упорно вѣрующая въ вѣчность законовъ души человѣческой и въ вѣчное значеніе вѣчнаго искусства, — но не обижалась самой поэзіей Некрасова, а исключительнымъ деспотизмомъ этой поэзіи; обижалась за человѣческую

душу которой многообразныя и широкія требованія такъ безжалостно обрѣзывались и суживались теоретиками, и потому собственно обижалась, что побѣда факта была на сторонѣ теоретиковъ. Одиля изъ глубокихъ и самостоятельнѣйшихъ мыслителей въ нашу эпоху знаменъ, доктринъ и теорій, нестоящій ни подъ какимъ знаменемъ, Эрнестъ Ренанъ сказалъ гдѣ-то : «il n'y a que de pensées étroites qui régissent le monde». И онъ совершенно правъ. Узкая, т. е. теоретическая мысль можетъ быть всегда изложена, при извѣстной степени таланта въ излагателѣ, до «соблазнительной ясности». Развитие ея весьма несложно. Полнѣйшее отрицаніе съ одной стороны (а читатель знаетъ, что нѣтъ ничего сильнѣе отрицанія) и вдали идеальчикъ, хотя на время и окруженный таинственнымъ нымбомъ, но тѣмъ неменѣе очень доступный. Вотъ и все. Другой вопросъ — почему, по какимъ побужденіямъ душа человѣческая легко ловится на удочку отрицанія. Если читатели только справятся съ собственной совѣстью, то увидятъ, что часто покрайней-мѣрѣ исключительное сочувствіе къ отрицанію основывается у нихъ на рабской боязни показаться менѣе умными и передовыми людьми, чѣмъ другіе умные и передовые люди. Другой тоже вопросъ — успокоится ли душа человѣческая на доступномъ идеальчикѣ.

Вотъ почему постоянно молчала обиженная критика о поэзіи Некрасова. Глубоко сочувствуя ей самой, она верѣдко обращалась къ ней внутренно съ словами:

Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ —

тѣмъ болѣе, что между кометою и ея хвостомъ видѣли связь не органическую, а механическую, чисто случайную, и злась на это и обижаясь странными, уродливыми послѣдствіями факта, о самомъ фактѣ, т. е. о поэзіи Некрасова, прорывалась только «скрежетомъ зубовымъ» — указаніями на Ваньку ражаго, на «торгаша, у коего украденъ былъ калачъ» и прочія весьма мало изящныя пятна могутъ, но довольно неряшливой «музы мести и печали».

Но чтобы не оставить ничего недоговореннымъ въ настоящей статьѣ, чтобы до послѣднихъ, крайнихъ предѣловъ послѣдовательности довести искренность, я долженъ сказать, что обиженная критика сама была не во всемъ права и чиста. Она долго и упорно сидѣла сяднемъ на одномъ мѣстѣ : вѣрующая въ откровенія жизни и потому самому жарко привязанная къ откровеніямъ, ея уже воспринятымъ, она была нѣсколько непослѣдовательна въ своей вѣрѣ. Она какъ-будто недоверчиво чуждалась новыхъ жизненныхъ откровеній и бессознательно впала на время въ односторонность.

Чтобы читатели совершенно ясно поняли въ чемъ вся «суть» дѣла, la pointe de la chose, я опять попрошу ихъ перенестись мысленно въ эпоху нашихъ эстетическихъ понятій уже не за пятнадцать лѣтъ назадъ, а нѣсколько ранѣе, — лѣтъ за двадцать.

Вѣдь это была хорошая тоже эпоха нашего духовнаго развитія, плодотворная и обильная результатами эпоха, когда Рудины «безобразничали» до самой страшной діалектической смѣлости, — до смѣлости крайняго *положенія*, смѣлости несравненно болѣе страшной, чѣмъ смѣлость крайняго *отрицанія*, — до статей Бѣлинскаго о «Бородинской годовщинѣ». Нѣсколько разъ уже случалось мнѣ говорить объ общихъ чертахъ этой эпохи *отрочества* нашего сознанія, эпохи, когда Рудины на вѣру и съ пламенной вѣрою приняли змѣнное положеніе учителя: «was ist, ist vernünftig» и принялись съ азартомъ за послѣдовательнѣйшее оправданіе всяческой дѣйствительности. Съ высоты величія смотрѣли они тогда на гораздо болѣе практическихъ и возмужалыхъ чѣмъ они Бельтовыхъ, казавшихся имъ калкими фронтдерами, — а Бельтовы «giaient dans leur barbe», зная инстинктивно и практически, что змѣя кусаетъ свой хвостъ... Бельтовы оказались конечно правы во внѣшнихъ результатахъ, но едва ли бы одни они, безъ Рудинныхъ, могли привести наше сознаніе къ тѣмъ многозначительнымъ результатамъ, которые являются въ настоящую эпоху. Вѣдь Рудины были съ одной стороны Бѣлинскій, съ другой — лучшія силы славянофильства...

Но дѣло не въ общемъ характерѣ той эпохи отрочества нашего сознанія, а въ тогдашнихъ нашихъ эстетическихъ понятіяхъ.

Жаркіе неопыты новой вѣры, послѣдовательные до безпощадности, какъ всѣ русскіе люди, — ибо намъ жалѣть-то казалось было нечего, — мы отреклись разомъ отъ всѣхъ литературныхъ кумировъ, которымъ еще за годъ какой-нибудь совершали вакханалыя требы... Мы отреклись отъ всякой «тревожной» поэзии, заклеивши ее именемъ «субъективной»: хуже и обиднѣе прозвища въ то время не было какъ «субъективность»... «Субъективность» въ поэтѣ была чуть-чуть что не уголовщиной въ глазахъ тогдашнихъ Рудинныхъ. Съ вожемъ сознанія, Бѣлинскимъ, молодое поколѣніе эпохи отреклось во имя искусства и объективности отъ Гюго и Бальзака, за годъ назадъ имъ боготворимыхъ, молчало въ какомъ-то недоумѣніи о Байронѣ и съ высоты отроческаго величія начало посматривать на великаго Шиллера, которому неизвѣстно вѣрны оставались *практическіе* Бельтовы. Результатомъ было одностороннее, но глубокое пониманіе искусства, дотога глубокое, что слѣдъ его не исчезъ даже тогда, когда съ коня художественности и объективности великій критическій вожатый пересѣлъ на

воля пафоса и выставлялъ намъ на поклоненію Саада, посвятить исчезъ даже и тогда, когда онъ осѣдлалъ враго быгуна протеста и понесся на немъ, увлекая насъ за собою...

Въ односторонности пониманія поэзіи была глубина дѣйствительная. Односторонность встрѣчала себѣ оправданіе техническое во всѣхъ великихъ мастерахъ искусства — въ старомъ Гемерѣ и въ старомъ Шекспирѣ, въ Гёте и въ Пушкинѣ, даже въ Байронѣ и въ Шиллерѣ, когда ближе присмотрѣлись къ основамъ творчества и къ фактурѣ этихъ великихъ художниковъ, даже въ самой Саадѣ, гдѣ она не увлекается теоріями своихъ «amis invisibles»... Идеалъ поэта поистинѣ представлялся великимъ: сила, какая бы она ни была, огненная и стремительная, или полная любви и онокостія, но всегда самообладающая, всегда объективная, даже въ субъективнѣйшихъ изліяніяхъ, все возводящая въ «передъ созданія». Согласитесь, что вѣдь много и правды въ этомъ идеалѣ, по крайней мѣрѣ на двѣ трети, если даже не на три четверти. Разстаться съ этимъ идеаломъ и съ его мѣркою нелегко критикѣ, которая себѣ его усвоила. Въ особенности относительно лирической поэзіи сформировался у критики опредѣленнѣйшій, строжайшій и тончайшій вкусъ. Оно и понятно. Кто воспитался на самомъ ясномъ и яркомъ изъ поэтовъ, на Пушкинѣ, да на стальномъ стихѣ Лермонтова, тому трудно помириться и съ многоглаголаніемъ, «въ немже вѣсть спасенія», этимъ общимъ французскимъ недостаткомъ лирическихъ произведеній величайшаго поэта Франціи Гюго, и еще болѣе того — съ неразличностью современныхъ нашихъ музъ. Ядрѣ, аерѣ, Кери прежде всего требовала критика отъ лирическаго стихотворенія и скорлупы вокругъ него ровно настолько, насколько это нужно — ни больше, ни меньше. «One shade the less, one ray the more» в проч.; больше — такъ будетъ пухло и водянисто, меньше — голо и сухо. Требованіе строгое, суровое, но вѣдь какъ хотите справедливое технически, по крайней мѣрѣ оправдывающееся на созданіяхъ всѣхъ великихъ артистовъ — отъ «моремъ шумящихъ» гексаметровъ Одиссея до мѣнолитныхъ терцинъ «Inferno», отъ прозрачной ясности пушкинской «Полтавы» до мрачной сжатости байронова «Глура».

Съ другой стороны критика требовала отъ лирическаго стихотворенія, чтобы въ немъ самое личное, потеряя своего личного характера, пожалуй самаго капризнаго, пожалуй самаго угловатаго, — обобщалось, по любимому тогдашнему выраженію, вышѣ страшно опошлившемуся — «возводилось въ чертъ созданія», т. е. проще говоря, выяснялось такъ, чтобы его особенность, его самость становилась ярка и наглядна, понятна для всѣхъ, являлась бы съ правами

закононаго гражданства. Понятно, что величїе этого начала глубочайшія ли тайны внутренняго міра, высказываемыя Тютчевымъ, канваившія ли и тончайшія изъ ощущеній Фета — равно были законны для этой критики. Между тѣмъ критика не была только критикою формъ: она узаконивала всѣ движенія, ощущенія, инстинкты, даже приражен ощущеній души человѣческой, лишь бы все это облекалось въ объективную форму, нестѣсная впрочемъ поэтовъ ни пушкинской асиетью, ни байроновскою сжатостью, предоставляя имъ волю колоритъ формъ. Требованіе опять таки справедливое технически, но оно-то, послѣдовательно проведенное, и вело насъ къ односторонности.

Несомнѣнная уже вопроса о томъ, что это воззрѣніе лишало законнаго существованія цѣлыя полосы европейской поэзіи вообще, что передъ нимъ исчезали почти всѣ французы новые и старые, исчезали Мильтовы и Тассы, и только обращусь къ современнымъ намъ и притомъ чисто лирическимъ явленіямъ. Вспомните, что не только о Некрасовѣ упорно молчала обиженная критика: она стала совершенно равнодушна къ Майкову и вовсе не признавала Мея. Явленія кажутся совершенно несходныя, даже во многихъ случаяхъ противоположныя, но между тѣмъ они равно исчезали передъ критическими принципами, проведенными до крайней послѣдовательности. Недовольная преизбыткомъ чисто-субъективныхъ впечатлѣній, примѣсью водевильной грязи и вообще неряшливостью формъ музыки Некрасова, хотя часто невольно, нехотя сочувствовавшая ея несомнѣнной силѣ, обиженная критика видѣла въ Майковѣ и Меѣ только богатство формъ, техническое мастерство безъ внутренняго содержанія, безъ той личной особенности воззрѣній и чувствованій, которая давала въ ея глазахъ право на мѣсто въ жизни лирической поэзіи. Она видѣла — чтобы яснѣе и удобопонятнѣе выразиться — въ Некрасовѣ вѣзда съ огромными средствами голоса, но съ совершенно поворченою манерой пѣнія; въ Майковѣ и Меѣ — при огромныхъ натуральныхъ средствахъ, совершенное отсутствіе какой-либо манеры...

Всякій принципъ, какъ бы глубокъ онъ ни былъ, если онъ не захватываетъ и не узакониваетъ всѣхъ яркихъ, могущественно дѣйствующихъ силою своею или красотой явленій жизни, одностороннею, слѣдовательно ложнею. И ложь его скоро обначается, когда развивавшаяся изъ него доктрина молчаніемъ встрѣчаетъ явленія, силъ которыхъ сама она противостоять не можетъ, но которыя ей не по шорсткѣ; когда не сочувствуетъ она ряду другихъ явленій, которыхъ красота не подходитъ подъ ее глубокой, но все-таки односторонней правды.

Найдется ли когда-либо всесторонний принцип — я не знаю, и уны конечно не мечтаю самъ его найти. Принципъ, который выдвинула доктрина исключительныхъ поклонниковъ Некрасовской поэзии, еще уже, еще одностороннѣе. Критикъ остается вѣрить въ одно: въ откровеніе жизни; вѣрить разубѣется не слѣпо, ибо съ слѣпою вѣрою узаконить пожалуй подъ влияніемъ минуты и напряженный *zaturiasis* г. Щербины, и *salto mortale* юной музы г. В. Крестовскаго, и «мишуру» г. Минаева, а отыскивая органическую связь между явлениями жизни и явлениями поэзии, узаконивая только то, что развилось органически, а не просто діалектически. Такъ напримеръ «мишура» г. Минаева — вѣдь это діалектическое послѣдствіе поэзии Некрасова; но органическое ли оно? Такъ въ сферѣ болѣе широкой разныя топорныя издѣлія александринскихъ драматурговъ настоящаго времени и множество печатаемыхъ въ нашихъ журналахъ сценъ и этюдовъ изъ купеческаго быта — діалектическія послѣдствія Островскаго, но органическое начало остается только за драмами Островскаго. Подобно различать ядро отъ шелухи.

Очистивъ съ возможной искренностью дѣло о Некрасовѣ отъ всего посторонняго, отъ всего что собственно до его поэзии не относится, я могу теперь приступить къ анализу поэтической дѣятельности нашего поэта.

III

Истинная существенная сила явленій искусства вообще и поэзии въ особенности заключается въ органической связи ихъ съ жизнью, съ дѣйствительностью, которымъ они служатъ болѣе или менѣе осмысленнымъ и отлитымъ въ художественныя формы выраженіемъ. А такъ какъ никакая жизнь, никакая дѣйствительность немислимы безъ своей народной, т. е. національной оболочки, то проще будетъ сказать, что сила эта заключается въ органической связи съ народностью.

Идея націонализма въ искусствѣ вовсе не такъ узка, какъ это покажется можетъ-быть яримъ поборникамъ прогресса. Она вовсе не исключаетъ конечно «общечеловѣчности», да и не можетъ ея исключать. Основы общечеловѣчности лежатъ даже въ растительныхъ, повидимому исключительныхъ явленіяхъ искусства, т. е. напримеръ въ поэтическомъ мірѣ народныхъ сказаній и мифическихъ предельей, связанныхъ у всей индо-кавказской расы довольно очевидною, а у расъ вообще хотя и скрытою, но все-таки необходимо существующею нитью. Чѣмъ шире развивается національность, тѣмъ

болѣе амальгамируется она съ другими національностями, хотя выстѣ съ тѣмъ не теряетъ своей особости въ жизни и искусствѣ на самыхъ верхахъ своего развитія. Шекспиръ, Байронъ, Дикенсъ и Теккерей, Гёте, Шиллеръ, Гофманъ и Гейне, Дантъ и Мицкевичъ, Гюго и Сандъ — достояніе общечеловѣческаго интереса, но выстѣ съ тѣмъ они въ высшей степени англичане, нѣмцы, итальянцы, поляки и французы. Если нельзя равномѣрнаго общечеловѣческаго значенія приписать нашимъ большимъ поэтамъ: Пушкину, Грибоедову, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу, Островскому, — живому этому не недостатокъ въ нихъ силы, а національная замкнутость содержанія. Къ пониманію этого замкнутого міра европейскіе наши братья должны *подходить*, и тѣ изъ нихъ, которые брали на себя трудъ этотъ, т. е. *подходили*, исполнялись глубокаго уваженія къ работающимъ и работающимъ въ немъ силамъ.

Развиваю эти общія положенія потому, что они къ величайшему сожалѣнію совершенно позабыты. Съ одной стороны въ лицѣ западничества мы отреклись, да и доселѣ еще безмолвно отрекаемся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», отъ всякаго значенія работы нашихъ силъ, еще поддаваемые сравненіемъ ея съ широкою работою силъ романо-германскаго міра. Съ другой стороны мы въ лицѣ славянофильства отрицаемъ, какъ ложь, все значеніе этой работы съ тѣхъ поръ какъ она перестала совершаться въ узкой раковинѣ, — раковинѣ собственно не національной, чего не хочетъ видѣть славянофильство, а византійско-татарской. Съ третьей стороны наконецъ, въ лицѣ теоретиковъ мы вообще отрицаемся отъ идеи національности въ пользу общей идеи, которая на языкѣ благопристойномъ зовется *человѣчествомъ*, а на циническомъ, хотя въ этомъ случаѣ очень иѣткомъ языкѣ *rége-Dichesne*'я новѣйшихъ временъ — «человѣчной».

Неразъ уже было отвѣчаемо людьми вѣрующими въ жизнь, философію, искусство и національность, на эти различнаго рода отрицанія. Возраженія эти могутъ быть удобно и легко сжаты, такъ сказать приведены къ знаменателямъ.

Перваго рода отрицателямъ отвѣчать можно, что какъ ни широко развилась романо-германская жизнь, но вѣдь намъ не повторять же ее стать: она для насъ прошедшее, — какъ для нея самой была прошедшимъ жизнь эллино-латинская. «Ужъ какъ не какъ, а сдѣлалось», что мы должны жить собственно жизнью. Совершенно глѣба съ г. Буславскимъ въ органическую связь нашихъ растительныхъ, мифическихъ и поэтическихъ основъ съ основами обще-европейскими, мы не можемъ однако утаить отъ себя того, что «волею судьбы» на нихъ лежатъ такіе византійскіе и татарскіе слои, кото-

рые по формѣ образовали изъ нихъ нѣчто совершенно новое. Новость и особенность эта приводила нѣкогда въ соблазнъ самыя сильныя умы, каковы были Чаадаевъ и Бѣлинскій, а пожалуй и десель способна приводить въ соблазнъ умы ограниченные и отстаивающіе; не очень давно еще повторилъ г. Гымалѣ старую пѣсню о безсмыслии нашего сказочнаго міра, его мифическихъ и поэтическихъ представленій.

Второго рода отрицателямъ отвѣтить можно и должно, что сколь ни похвально въ нихъ смиреніе перелѣ старымъ фактомъ, т. е. перелѣ московскою Русью, но исторія наша до сихъ поръ представляетъ на всякомъ шагѣ печальныя доказательства того, что на этомъ смиреніи далеко не увидѣшь. Притомъ же глубокомысленнѣйшій изъ мыслителей этого направленія всегда различалъ божье поущеніе отъ божьяго соизволенія. Но какъ бы то ни было, и къ допетровской Руси воротиться Русь едва ли захотѣла, къ Руси же XII столѣтія, хотя бы и хотѣла, да не можетъ, по крайней мѣрѣ относительно формъ. Прожитой нами послѣ реформы жизни не уничтожишь: она была, и отрицать, какъ ложь, силы въ ней работавшія, донъ-кихотская потѣха, конечно невинная, но немало не забывная.

Третьяго рода отрицателямъ отвѣчать нечего до тѣхъ поръ, пока окончательно не усовершенствуется «человѣчина». Это же будетъ, когда чортъ умретъ: а у него, по сказаніямъ, еще и голова не болѣла.

Идея націонализма остается стало-быть единственною, въ которую можно безопасно вѣрять въ настоящую минуту.

Меня спросятъ можетъ-быть: почему я иностранныя термины «націонализмъ», «національность» употребляю вмѣсто русскаго термина «народность»? А очень просто — поневолѣ, потому что въ послѣднее время запуталось множество вопросовъ, а въ томъ числѣ запутался и вопросъ о народности.

Народность явно и исключительно принимается славянофильствомъ то за растительную, то за допетровскую; «Отечественныя Записки», съ тѣхъ поръ какъ онѣ познакомили себя и свою публику съ псевдо-якушкинскимъ сборникомъ пѣсенъ, — то за растительную народность, то исключительно за простонародность. Да это бы еще ничего, что теоретики того или другого сорта считали сами для себя и для многихъ весьма простую вещь. Недавно человекъ дѣла, художникъ, да еще не мальчикъ, не скудно одаренный силами, графъ Л. Толстой отозвался — и отозвался какъ-будто отрицательно на кабинетный вопросъ г. Дулышкина — о томъ: народный ли поэтъ Пушкинъ? Онъ объявилъ въ своей «Ясной Полянкѣ», что оныя

приблизить первого нашего великаго поэта къ народному пониманію не удалось и не удастся. Нужды нѣтъ, что этотъ фактъ можетъ приводить въ соблазнъ только тѣхъ, кто на время или навсегда провинулся вѣрою въ безусловную правомѣрность растительной народности, — фактъ все-таки приводитъ въ соблазнъ: фактъ подтверждаетъ невидимому одно изъ основныхъ положеній г. Дудышкина, что Пушкина народъ не читаетъ.

И не будетъ читать, добавляють съ равною, хотя на разныхъ началахъ основанною радостью, теоретики двухъ лагерей.

А Пушкина — пока еще наше все, все что поэзаго, цѣльнаго, великаго и прекраснаго, дало намъ наше духовное развитіе. До того онъ наше все, что критика журнала, допринимавшаго наше сознаніе о томъ, передній ли онъ нашъ поэтъ, — для того чтобы кольнуть «Минина» Островскаго (кольнуть-то было надо, по старымъ домашнимъ дразгамъ), а за нею и какой-то г. Омега, должны были прибѣгнуть къ сравненію «Минина» съ «Борисомъ Годуновымъ»...

Милостивые государи! вы уничтожаете народное (національное или народное? объяснитесь наконецъ) значеніе Пушкина, т. е. другими словами говоря, отрицая значеніе великаго поэта въ развитіи и для развитія народа, вы воцѣрвыхъ уничтожаете значеніе всякой художественной поэзіи, а во вторыхъ уничтожаете почти всю нашу литературу.

Позвольте разъяснить дѣло.

Изъ того, что народъ доселѣ еще можетъ понимать чувствомъ только ширь своихъ поэтическихъ сказаній, любоваться только суздальскими литографіями и пѣть только свои растительныя пѣсни, слѣдуетъ ли похереніе въ его развитіи и для его послѣдующаго развитія, Пушкина, Брюлова, Глинки?.. Вѣдь до пониманія искусства человѣкъ при всей даровитости, — дорастаетъ, иногда долго, иногда, скоро, но дорастаетъ. Отчего-жъ это даровитѣйшіе изъ представителей русской природы — беру нарочно такихъ, которые не разъединились съ непосредственною народностью, связаны съ ней кровными связями, положимъ хоть Кольцовъ чтоли, или Некрасовъ, — такъ глубоко понимали Пушкина? Вонъ одинъ цѣлую великолѣпную думу написалъ по поводу его смерти, а вонъ другой по поводу стиховъ его восклицаетъ:

Да, звуки чудные! . Ура!
 Такъ поразительна ихъ сила,
 Что даже сонная хандра
 Съ души поэта соскочила.

Вы скажете, что я выбралъ неудачный примѣръ, что это исклю-

чительныя поэтическія натуры? Хорошъ-съ. Ну, а почему Кулигинъ въ «Грозѣ» Островскаго, этотъ умный и даровитый же, но вовсе не поэтическій человѣкъ, для выраженія своихъ чувствованій прибѣгаетъ не къ растительной почвѣ, а къ художественной поэзіи, по своему разумѣнію, къ стихамъ Ломоносова? И вѣдь вы конечно не скажете, чтобъ это было невѣрно? Нѣтъ, это глубоко вѣрно. Человѣкъ вышелъ изъ растительной сферы, доросъ до другой. Отзывы первой — нужды нѣтъ, что они несравненно выше начальнаго лепета нашей художественности, — его не удовлетворяютъ.

Что вы толкуете, господа! Вѣдь поэта *народнаго* въ вашемъ узкомъ смыслѣ вы не найдете ни въ одной литературѣ. Вы скажете наприимѣръ, что поэтъ тамъ, на зыбкахъ голубой Адриатики, гондолеры поютъ октавы Тасса? Да вѣдь это вздоръ! они не октавы Тасса поютъ, а собственныя искаженія октавъ Тасса; вѣдь ихъ октавы своего рода

Возьми въ руки пистолетикъ,
Прострѣли ты грудь мою...

или:

Графъ Пашкевичъ Ариванской
Подъ Аршавою стоялъ...

Въ Англіи чтоли народъ читаетъ своего Шекспира, т. е. народъ въ вашемъ смыслѣ?.. Да какъ вы думаете: Кольцовъ-то наприимѣръ, — вѣдь ужъ это авось-либо народный поэтъ? — привьется, или покрайней-мѣрѣ совсѣмъ какъ есть привьется къ народному сознанию и чувству? Да, привьется къ даровитой и страстной натурѣ «Мити» Островскаго, и сказавши въ патетическую минуту о томъ, какъ «онъ эти чувства изображаетъ», на что Гуслинъ скажетъ ему: «въ точности изображаетъ», — онъ черезъ нѣсколько минутъ оборвется конфетнымъ билетцемъ:

Что на свѣтѣ прежестоба,
Прежестоба есть любовь! —

онъ даже — даровитый, умный, страстный, самъ сочиняющій стихи Митя... И это опять такая глубоко-вѣрная черта!

Да и самъ Островскій-то, наиболѣе подходящій, хоть вамъ и хотѣлось бы въ этомъ сознаться, къ вашему идеалу народнаго поэта, Островскій, затронувшій столько струнъ народной души, — вѣдь тоже народной, нѣсколько уже развившейся душѣ понятенъ и доступенъ, а не тому народу, который вы себя создали.

Въ своемъ добровольномъ духовномъ рабствѣ передъ ~~народомъ~~ ~~идоломъ~~ — народомъ, вы однако думали вѣрнѣе о томъ, что вы

вѣдѣ за Пушкинымъ похериваете въ нашей литературѣ и Лермонтова, и Гоголя, и Тургенева. Остаются имѣющими какое-либо условное значеніе (да и то условное) въ развитіи и для развитія народа — кто же?.. только Островскій, Кольцовъ и Некрасовъ, натуры вышедшія прямо и непосредственно изъ народа, сохранившія очевидныя примѣты кровной связи съ народомъ въ языкѣ и въ чувствахъ. Я конечно беру только первостепенныхъ дѣятелей, только планеты, оставляя въ сторонѣ спутниковъ.

Одинъ великій мыслитель кончаетъ свои неумолимыя разсужденія о государствѣ и конечномъ исчерпаніи этой идеи въ исторіи человечества словами: «Да мнѣ-то какое же дѣло?» служащими отвѣтомъ на вопросъ: «чтоже будетъ?»

Вы можете мнѣ такъ же отвѣтить. Но вѣдь дѣло все-таки, по крайней-мѣрѣ практически, не порѣшится. Вѣдь жизнь западная, гдѣ изжилося государство, и жизнь наша — двѣ вещи разныя. Разно и духовное развитіе.

Вѣдь по-вашему (я обращаюсь только къ теоретикамъ «народнаго» лагеря) въ нашемъ духовномъ развитіи надобно похерить все, и «свалить сънова» — во однимъ съ XVII, по другимъ, гораздо болѣе послѣдовательнымъ господамъ, съ XII столѣтія. Оно пожалуй бы и хорошо, да нельзя. Вѣдь жизнь, даже съ ея наростами и болячками, — живая жизнь, живой организмъ.

А оно, коли хотите, пожалуй бы и хорошо. Во всякой односторонности, между прочимъ и въ вашей, есть своя доля глубины и правды.

Далѣе, во имя этой односторонности еще одно отступленіе. Оно послѣднее и поведетъ прямо къ дѣлу.

Прошлавшись довольно долгое время по различнымъ картиннымъ галереямъ Европы, я очутился, какъ и слѣдуетъ, подъ конецъ моихъ странствій въ градѣ Берлинѣ. Въ берлинской галереѣ сравнительно мало превосходныхъ вещей, но тамъ добросовѣстно, съ нѣмецкой акуратностью, собраны довольно хорошия экземпляры всѣхъ школъ и направленій живописи, такъ что она можетъ быть весьма полезною повѣркою впечатлѣній для того, кто «aveva gli occhi», «имѣлъ глаза» — по итальянскому даровитому понятію единственное условіе для пониманія красоты въ пластическомъ ея проявленіи. Изъ Рима, Неаполя, Болоньи, Сіены, Флоренціи, Милана и Венеціи, изъ Лувра, Мюнхена, Вѣны и Дрездена я привезъ съ собою живую, глубокую вѣру въ націонализмъ живописи и пластики, или лучше сказать вѣру въ то, что искусство — архитектурное ли, живописное или ваятельское — живетъ только вѣрою, а вѣра въ свою очередь живетъ національностью типовъ. Результатъ конечно не новый, но

онъ дорогъ былъ мнѣ какъ подтвержденная и купленная опытами вѣра. Безконечно разнообразныхъ, но всегда національныхъ и даже мѣстныхъ типовъ свѣтлаго лица мадонны, неговоря уже обо всемъ другомъ, достаточно было для укрѣпленія во мнѣ этой вѣры и для внушенія положительнаго отвращенія къ издѣлявшимъ нашихъ натуралистовъ, которые посылаютъ перелъ собою жиловку изъ Ghetto, срисуютъ ее до противной лагерности, накрасатъ въ картинѣ бархатомъ, золотомъ, яркими красками и эффектнымъ освѣщеніемъ, да и думаютъ, что потрудились во славу русскаго искусства. Сѣлся надъ фигурами-сеledками фра Беато и грубо-искренне или искренне-грубо заподозривая насъ дилетантовъ въ искренности нашего умиленія перелъ этими вдохновенными фигурами-сеledками, они и не подозреваютъ бѣдныя, что типы того великаго, вѣровавшаго искусства — всѣ національные и мѣстные, отъ перваго шага въ человѣчность святаго фра Беато до послѣдняго преобладанія идеальной, но земной женственности въ Мурильо, создавались глубокою вѣрою въ нихъ, въ эти типы, какъ въ идеалы, вѣрою болѣе или менѣе раздѣляемой сочувствующей толпою, — а они и сами не вѣрятъ въ свои типы, да и русскій народъ не захочетъ знать этихъ типовъ. Да и правъ онъ будетъ. Какое мнѣ даже наприхѣръ удовольствіе, бросивши взглядъ на какой-нибудь куполъ, встрѣтиться съ повтореніями типовъ то Гверчино, то Доменикино, то Дольчи? Зачѣмъ они туда зашли?.. «по какому виду? взять ихъ подъ сумѣнне!» Въ такихъ и подобныхъ размышленіяхъ бродилъ я по берлинской галереѣ, повѣряя прожитую мною эстетически-правдивую жизнь, съ однимъ замѣчательнымъ въ дѣлѣ художественнаго пониманія пріятелемъ. Это былъ не только страстный, но даже сладострастный знатокъ и цѣнитель изящнаго, развившій до крайней чуткости своей отъ природы тонкій вкусъ, тавшій буквально передъ Корреджіо; чистѣйшій пантеистъ, умилевшійся однакоже экстаза передъ сеledками фра Беато стараго и передъ произведеніями искреннаго, хотя и страннаго фра Беато новаго, т. е. Эшербека; сохранившій, несмотря на то что развился въ ярошъ западнѣчества и въ таковыя остался, всесторонность русскаго ума, т. е. равно отзывчивый на все прекрасное и великое во всякъ школахъ и все равно тонко оцѣнившій, да вдобавокъ еще сохранившій здравый практическій толкъ и остроуміе, нѣсколько ѣрническое, велико-русскаго купечества, къ которому онъ принадлежалъ и который онъ когда не чуждался, несмотря на свою громадную начатковитость и глубокое философское развитіе. Вотъ бродя съ этихъ-то вѣрами поучительнымъ бариномъ и мѣняясь съ нимъ впечатлѣніями и мыслями, мы дотолковались какъ-то до судьбы русскаго искусства.

Надобно сказать, что онъ принадлежалъ не своему развитію къ эпохѣ глубокой, хотя все-таки односторонней критики, названной мною обиженной критикою, — да я и самъ тогда вполне принадлежалъ къ ней. У него была своя односторонность: онъ былъ довольно равнодушенъ къ великой художественной силѣ, проявившейся въ Брюловѣ, и какъ-то пренебрего жалѣлъ объ Ивановѣ... Но дѣло не въ томъ. Мы договаривались съ нимъ до судебъ російскаго искусства, и онъ, ярый завядникъ, сладострастный поклонникъ всѣхъ чудесъ германско-романскаго міра, высказалъ мысль, которая давно уже шевелалась у меня въ мозгу и въ душѣ, но которую мнѣ, умѣренному славянофилу, нажимъ еще тогда считалъ себя, думая что между славянофильствомъ и народностью есть много общаго, — было бы какъ-то боазно высказать.

— Знаете ли? сказалъ онъ вдругъ, отрываясь нѣсколько насильственно отъ созерцанія удивительнаго св. Франциска Мурильо: — намъ по-настоящему надобно все похерить и начать...

— Съ суздальской живописи? невольно перебилъ я рѣчь его вопросомъ.

— Да, съ суздальской живописи, — отвѣчалъ онъ, нисколько не останавливаясь.

— И строгоновскую школу даже похерить? спросилъ я опять.

— И строгоновскую школу похерить, безъ зананки же сказалъ онъ, думая конечно не о строгоновскихъ воскресныхъ классахъ рисованья въ Москвѣ, а о томъ, что технически называется строгоновскою школою въ исторіи нашей живописи, — если только у ней есть какая-либо исторія.

Вы понимаете конечно, чего ради рассказалъ я этотъ эпизодъ изъ исторіи своихъ личныхъ впечатлѣній?

Помучилось, дѣйствительно помучилось что-то въ нашемъ сознаніи, и помучилось такъ, что трудно и добраться до настоящихъ, чистыхъ источниковъ. Что не одна реформа Петра тутъ виновата, это замечетъ теперь дѣло почти рѣшное или по крайней-мѣрѣ рѣшаемое весьма успѣшно гг. Павловымъ, Щановымъ и Кестомаровымъ. Во всякомъ случаѣ фактъ очевидный тотъ, что мы въ этомъ случаѣ находимся въ совершенно исключительномъ положеніи сравнительно съ другими европейскими народами. Шла въ мѣшкѣ не утайшь.

Всѣ вопросы, которые мы себѣ задаемъ, какъ бы странны они ни казались съ перваго раза, хоть бы знаменитый вопросъ о народности Пушкина; всѣ парадоксы, до которыхъ мы подчасъ доходимъ, хоть бы парадоксъ славянофильства насчетъ жи всей послѣпетровской нашей жизни и литературы — имѣютъ свое не только

логическое, но и органическое выражѣніе въ общемъ уклоненіи нашего развитія отъ законовъ развитія обще-европейскаго и отъ отъ законовъ застою обще-азіатскаго. Съ одной стороны Пушкинъ въ поэзіи, Бѣлинскій въ дѣлѣ сознанія, Брюловъ и Глинка въ живописи и музыкѣ, а съ другой стороны — мѣръ странныхъ сказавій и пѣсней, раскольническое мышленіе, кождению странника Пароснія, суздальская живопись и народная, еще неудовимая въ своихъ музыкальныхъ законахъ пѣсня... И вѣдь что лучше, что могуще-ственнѣе: блестящія ли явленія цивилизаціи, или явленія растительной жизни — рѣшить трудно... Увлечшись одной стороною, неминуемо приходишь до парадокса чаадаевскаго; увлекшись другою, столь же неминуемо до парадокса славянофильскаго. Я умъ не готово о явленіяхъ государственнаго и общественнаго строя, задѣвающихъ еще болѣе за живое: я ограничиваю себя тѣсными кругомъ выраженной духовнаго сознанія.

А все-таки вопросъ разрѣшившій и безъ парадоксовъ. Стоитъ только спросить себя: откуда же взялись нѣсколько указанныхъ мною явленія, но даже самъ Петръ и реформа, московскіе Иванны и Васильи съ ихъ суздальскими родоначальниками, и московскій государственный строй, византийская религіозная норма и проч. и проч.? Да все оттуда же, откуда и явленія растительной жизни, откуда вѣчевой строй, земство и расколы; только вслѣдствіе обстоятельствъ одни развились насчетъ другихъ, подавивши ихъ жизни, но основа ихъ развитіе.

Таже исторія и съ литературой.

Дѣйствительно, долгое, очень долгое время «*en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de la littérature*», хотя началъ эту литературу холмогорскій мужикъ-раскольникъ, а завершаютъ этотъ періодъ такіе жантильомы какъ Пушкинъ, отождествляющійся на какомъ-то удивительному наптію съ народною рѣчью и даже вѣдлымъ созерцаніемъ, да Тургеневъ, весь насквозь проникнутый любовью къ родной почвѣ. Чтоже эти жантильомы, изъ самыхъ европейскихъ — не органическія послѣдствія народнаго духа, не его хотя и не, но кровные продукты?.. А жантильомы тоже — Гробоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ? Вѣдь всѣ эти жантильомы, неравныхъ силъ и неодинаковаго содержанія, рѣшительно непохожи ни на какихъ писателей другихъ націй: вѣдь въ ихъ физиономію нечего долго и вглядываться, чтобы признать ихъ особенною, русскою физиономіею.

Но началась уже другая эпоха въ литературѣ. Ея провозвѣстникомъ былъ можетъ-быть курскій купецъ Подевой, это великое дарованіе съ слабымъ характеромъ. Ея первымъ самороднымъ перломъ былъ великій воронежскій прасолъ съ своимъ дивнымъ иѣ-

скими, съ своею глубокою душою, отозвавшеюся на самые глубокомысленные запросы цивилизаціи. Давно ли началась эта эпоха, — и между тѣмъ она уже породила великаго лирическаго поэта, дала народнаго драматурга, дала рядъ второстепенныхъ, но въ высокой степени замѣчательныхъ литературныхъ явленій, постепенно и безпрестанно прибывающихъ.

Къ этой же эпохѣ принадлежитъ и Некрасовъ. Мѣсто его — между Кольцовымъ и Островскимъ по общественному значенію его поэтической дѣятельности, но... никакъ не по внутреннему ея достоинству. Кольцова цивилизація коснулась своими высшими вопросами и вопросы разбила можетъ-быть его могучую, но мало-приготовленную натуру. Островскій, человѣкъ народа и вмѣстѣ человѣкъ цивилизаціи спокойно бралъ отъ нея всѣ орудія, спокойно же порѣшалъ для себя ея вопросы. На страстную натуру поэта «мести и печали» цивилизація подѣйствовала въ особенности своими раздражающими сторонами и имѣла даже вліаніе своими фальшивыми сторонами. Съ одной стороны жолчныя пятна, а съ другой водевишно-александринскія пошлости оскверняютъ его возвышенную поэзію. Но тамъ, гдѣ она дѣйствительно возвышенна, — она вполне народна, и причина ея неоспоримой силы, ея популярности (кромѣ разумѣется большого таланта, *conditio sine qua non*) — въ органической связи съ жизнью, дѣйствительностью, народностью.

IV

Читатели знаютъ конечно, а многіе помнятъ вѣроятно даже наизусть мрачныя стихотворенія, озаглавленныя поэтомъ переводами изъ Ларры. Переводы ль они, нѣтъ ли — сила не въ томъ. Поэтъ въ нихъ ядовитыми чертами изображаетъ первоначальные задатки своего развитія...

Позволю себѣ привести въ особенности часть одного изъ этихъ стихотвореній:

Въ невѣдомой глуши, въ деревьяхъ полудикой
 Я росъ средь буйныхъ дикарей,
 И мнѣ дала судьба по милости великой
 Въ руководителя псарей.
 Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
 Боролись страсти нищеты
 И на душу мою той жизни безобразной
 Дожились грубыя черты.
 И вреде чѣмъ понять рассудкомъ неразвитымъ.

Т. XII. — Стл. II.

3

Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь;
Застигнутый врасплохъ, стремительно и шумно
Я въ мутный ринулся потокъ...

Не поражало ли васъ, когда вы читали это мрачное и ядовитое стихотвореніе, нѣкоторое сходство этихъ высказываемыхъ поэтомъ впечатлѣній съ тѣми впечатлѣніями, которыя высказываетъ Лермонтовъ въ извѣстномъ отрывкѣ: «Дѣтство Арбеньева», дающемъ ключъ къ уразумѣнію его идеаловъ, его Арбенина, Мцыри, самого Печорина?.. Припоминаю тоже другое, болѣе скорбное, чѣмъ ядовитое стихотвореніе Некрасова изъ Ларры:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, бесплодна и пуста,
Текла среди пировъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ людей
Завидовалъ житію собакъ и лошадей;
Гдѣ было суждено мнѣ божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть, и т. д.

Перечтите эту скорбную повѣсть о грубѣйшемъ бывшемъ рабствѣ и его жертвахъ, — и опять таки сравните ее съ юношескими попытками Лермонтова, весьма дорогими въ психологическомъ отношеніи, дорогими тѣмъ, что поэтъ еще въ нихъ весь наружу, еще не закутался въ ледяныя формы Печорина... Точка отправленія впечатлѣній почти одна и таже у Лермонтова и у Некрасова; но какъ различно дальнѣйшее развитіе у того и другого! Нужды нѣтъ, что для того и другого поэта первоначальныя впечатлѣнія набрасываютъ мрачный колоритъ на послѣдующія изображенія родного быта... Лермонтовъ доходитъ до идеализаціи вѣчно-тревожной и мрачной силы: демонъ, который сіялъ предъ нимъ, «какъ царь вѣшой и гордый»,

... такой волшебной, чудною красотою,
Что было страшно, в душа тоскою
Сжималася...

овладѣваетъ имъ совершенно; на столь же страстную, но болѣе любящую, простую, народную природу Некрасова «демонъ» ~~идеализировалъ~~ идеализировалъ совершенно иначе. Точка исхода одна, но толчекъ совершенно иной. Вотъ онъ, этотъ толчекъ, ключъ къ общему направленію поэтической дѣятельности: мѣсто изъ превосходнаго стихотворенія «На Волгѣ». Мѣсто это такъ знаменательно, что вопреки во-

ему нежеланію выписывать что-либо изъ весьма популярной книги, должно **БЫТЬ** выписано :

О Волга!.. жолыбель моя!
 Любилъ ли кто тебя какъ я?
 Одишь, по утреннимъ вѣрямъ,
 Когда еще все въ мірѣ спитъ
 И алый блескъ едва скользнуть
 По темноглубымъ волнамъ.
 Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
 Иду на помощь къ рыбакамъ,
 Китаюсь съ ними въ челнокѣ,
 Брожу съ ружьемъ по островамъ.
 То, какъ играющій звѣрокъ,
 Съ высокой кручи на песокъ
 Скачусь, то берегомъ рѣки
 Бѣгу, бросая камешки.
 И пѣсню громкую пою
 Про удадь раннюю мою...

О, какъ далеки эти простыя, любовныя впечатлѣнія отъ тѣхъ титанически-гордыхъ и мрачныхъ отзвонъ грозной силы, которые слышатся въ «Мицъри», какую свѣжестью дышать они въ этой удивительной поэмѣ о Волгѣ, читая которую задаешься даже вопросомъ : не жолчныя ли патна лхорадки — переводы изъ Ларри?.. Но нѣтъ... Хорошо, то-то хорошо, привольно и любо ребенку на Волгѣ: любо ему и подслушивать чертей на пруду, и слѣдить за медленнымъ движеніемъ расшивы, на палубѣ которой «за спутницей своей» бѣжить молодой приказчикъ, а она —

Мила, дородна и красна...

любо ему, что

... кричить онъ ей:

«Постой, проказница! ужю
 Вотъ догоню!..» Догналъ, поймалъ —
 И поцѣлуй ихъ прозвучалъ
 Надъ Волгой вкусно и свѣжо...

Вы понимаете вполнѣ, что искренно говорить поэтъ:

Тогда я думать былъ готовъ,
 Что не уйду я никогда
 Съ песчаныхъ этихъ береговъ...
 И не ушолъ бы никуда!

Но вы помните что заставляло бѣжать ребенка :

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
 Я позабылся. Сонъ и зной
 Уже царилъ надо мной,
 Но вдругъ я стоны услышалъ
 И взоръ мой на берегъ упалъ.
 Почти пригнувшись головой
 Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
 Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
 Пошли гурьбою бурлаки,
 И былъ невыносимо дикъ
 И страшно асенъ въ тишинѣ
 Ихъ мѣрный похоронный крикъ —
 И сердце дрогнуло во мнѣ...

И такъ дрогнуло впечатлительное, любящее сердце, что

Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
 Лишь поздно вечеромъ домой
 Я воротился. Кто тутъ былъ —
 У всѣхъ отвѣта я просилъ
 На то, что видѣлъ и во снѣ
 О томъ, что рассказали мнѣ,
 Я бредилъ...

А рассказали ему, или лучше подслушалъ онъ весьма кажется простую вещь — «неторопливый» разговоръ двухъ бурлаковъ:

— Когда-то въ Нижній попадемъ?
 Одинъ сказалъ: — Когда бь попасть
 Хоть на Илью... — «Авось придемъ»,
 Другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
 Ему отвѣтилъ: — «Эхъ напасть!
 Когда бы зажило плечо,
 Тянуть бы ляжку какъ медвѣдь,
 А кабы къ утру умереть —
 Такъ лучше было бы еще!...»

Да и безъ этого поразилъ его этотъ вой, раздающійся надъ Волгою, эта иѣсна, которая тяжело заставляетъ задуматься Минина Островскаго, которую сложили

Неволя тяжкая да трудъ безмѣрный,

въ которой совмѣстились

Всѣ слезы съ матушки святой Руси —
 Новгородскія, псковскія слезы...

Вы знаете, что Кузьму Захарыча не къ однимъ только стонамъ и печали привела эта пѣсня, съ которою сливалась его великая душа въ минуту скорбнаго раздумья...

Но на поэта нашего только ядовито-горько подѣйствовало жизненное впечатлѣніе:

О горько, горько я рыдалъ,
 Когда въ то утро я стоялъ
 На берегу родной рѣки —
 И въ первый разъ ее назвалъ
 Рѣкою рабства и тоски!..

Впечатлѣніе было глубоко, но односторонне. Одностороння, коли вы хотите, и поэтическая дѣятельность, развившаяся изъ этого горькаго впечатлѣнія; но односторонность эта законна: односторонность эта — великая сила. Въ ней нѣтъ ничего сдѣланнаго: она родилась... Поэтъ полагаясь ей, тяжело она ему достается: его любящее сердце, по его признанію, «устало ненавидѣть», но любить не научится. Изъ этой разъ воспринятой односторонности нѣтъ выхода.

Надъ всѣми почти великими дѣятелями нашими той эпохи, когда *quelques gentilshommes se sont occupés de la littérature*, начиная отъ Пушкина, продолжая Тургеневымъ и кончая Ф. Достоевскимъ, хотя этотъ послѣдній достигъ страдательнымъ психологическимъ процессомъ до того, что въ «Мертвомъ домѣ» слился совсѣмъ съ народомъ, — повторялся одинъ и тотъ же казусъ, поэтически выраженный величайшимъ изъ нашихъ великихъ въ стихотвореніи «Возрожденіе»:

Но краски чуждыя съ лѣтами
 Спадаютъ ветхой чешуей...

Самъ онъ, непереставая быть и Алеко, и Онѣгинымъ, и Донъ Хуаномъ, въ тоже время доходитъ до отождествленія своего возрѣнія съ народнымъ, пускаетъ все больше и больше корни въ почву, и богъ-знаетъ еще какъ бы онъ укоренился, кабы не смерть скосила эту силу. Въ Лермонтовѣ, какъ Гоголь справедливо замѣтилъ, готовился великій живописецъ русскаго быта. Тургеневъ, начавши идеализаціей блестящихъ типовъ вроде Василья Лучина, самъ разбилъ ихъ смѣхомъ Гамлета Щигровскаго уѣзда; отъ грустнаго и сѣренькаго колорита «Записокъ охотника» перешолъ къ простымъ и яркимъ краскамъ «Дворянскаго гнѣзда» — возвратомъ на почву, любовью къ почвѣ, разумнымъ смиреніемъ передъ почвою, вѣрою въ ея силы, хотя бы силы эти были и неподвижны, сидѣли сиднемъ какъ Уваръ Ивановичъ въ «Наканунѣ».

Ничего недоброго этому процессу нравственному пѣть и быть не можетъ въ людяхъ другой эпохи нашей литературы. Они всё связаны кровно съ почвою, никогда съ ней не разъединялись, — даже и тогда, когда задавали себѣ какъ Кольцовъ глубокомысленнѣйшія задачи, даже и тогда, когда противопоставляли какъ Островскій требованія избранной, идеальной природы своей «Бѣдной невѣсты» требованіямъ среды ее окружающей, даже и тогда, когда кипятъ горемъ и негодованіемъ какъ Некрасовъ... Люди почвы, они даже тщетно захотѣли бы отъ нея оторваться.

Некрасову, подѣ влияніемъ его «музы мести и печали», часто хотѣлось бы увѣрить и насъ всѣхъ, да можетъ-быть и себя, что онъ не поэтъ. Помните что говоритъ онъ :

Нѣтъ въ тебѣ позвн свободной,
 Мой еуровый, неуклюжій стихъ...
 Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
 Но капить въ тебѣ живая кровь,
 Торжествуетъ мстительное чувство,
 Догарая теплится любовь.

Но вѣдь это очевидная неправда. Вопервыхъ онъ поэтъ — и большой поэтъ — тамъ, гдѣ *праведно* торжествуетъ мстительное чувство, и догораніе его любви стоитъ иногда несравненно болѣе сатириазиса любви вѣноторыхъ музъ, а вовторыхъ онъ большой поэтъ своей родной почвы...

Вѣдь онъ любитъ ее, эту родную почву, какъ весьма немногіе. Вѣдь ему даже она *одна* только, въ противоположность намъ, людямъ *той* эпохи, людямъ западныхъ идеаловъ, и мила. Онъ искренно признается въ этомъ, такъ же искренно, какъ фанатически поклонявшійся родной почвѣ Хомяковъ сознавался въ благоговѣніи передъ свѣтилами, которыхъ

.... мерцають догорая,
 На дальнемъ западѣ, странѣ святыхъ чудесъ.

Вѣдь вотъ онъ что говоритъ на примѣръ :

Все рожа кругомъ, какъ степь живая,
 Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
 Спасибо, сторона родная,
 За твой врачующій просторъ!
 За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
 Подъ небомъ ярче твоего,
 Имямъ и примиренья съ горемъ —
 И не нашолъ я ничего!

Я тамъ не свой : хандрю, нѣмью,
 Неодолювъ свою судьбу,
 Я тамъ погнулся передъ вею...
 Но ты дохнула — и сумью
 Быть-можетъ выдержать борьбу !

Поставьте въ параллель съ этою искренностью любви къ почвѣ первыя, робкія, хотя затаенно страстныя признанія великаго Пушкина въ любви къ почвѣ въ Онѣгинѣ—и вы поймете... конечно не то, что «еслибъ не обстоятельства, то Некрасовъ былъ бы выше Пушкина и Лермонтова», а разницу двухъ эпохъ литературы. Припомните тоже полусардоническое, язвительное, но тоже страстное признаніе почвѣ въ любви къ ней Лермонтова («Люблю я родину» и проч.), и потомъ посмотрите до какого высокаго лиризма идетъ Некрасовъ, нимало несмущаясь :

...Я узнаю
 Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
 Съ грозою выдержать войну,
 И ровный шумъ дѣсовъ сосновыхъ,
 И деревенекъ тишину,
 И нивъ широкіе размѣры...
 Храмъ божій на горѣ мелькнулъ
 И дѣтски-чистымъ духомъ вѣры
 Внезапно на душу пахнулъ.
 Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья —
 И шепчетъ голосъ неземной :
 Дови минуту умиленья,
 Войди съ открытой головой !
 Какъ ни тепло чужое море,
 Какъ ни красна чужая даль,
 Не ей поправитъ наше горе,
 Размыкать русскую печаль !
 Храмъ воздыханья, храмъ печали —
 Убогій храмъ земли твоей :
 Тяжеле стоновъ не слышали
 Ни римскій Петръ, ни Коллизей !
 Сюда народъ, тобой любимой,
 Своей тоски неодолимой
 Святое бремя приносилъ —
 И облегченный уходилъ !
 Войди! Христось наложить руки
 И снятьъ волею святой
 Съ души оковы, съ сердца муки
 И язва съ совѣсти больной...

Я внялъ... я дѣтски умилился...
 И долго я рыдалъ и бился
 О плиты старья челомя,
 Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
 Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
 Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
 Богъ поколѣній, предстоящихъ
 Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Поэтъ! поэтъ! Что же вы морочите—то насъ и «неуклюжамъ стихомъ», и «догораніемъ любви»?

Глубокая любовь къ почвѣ звучитъ въ произведеніяхъ Некрасова, и поэтъ самъ искренно сознаетъ эту любовь. Онъ повидно-му не жалѣетъ какъ Лермонтовъ, что этой любви «не побѣдитъ разсудокъ», не зоветъ этой любви «странною». Однако же любить онъ эту почву и тогда, когда говоритъ о ней съ искреннимъ лиризмомъ, и тогда, когда рисуетъ мрачныя или грустныя картины; и мало того, что онъ любитъ: его поэзія всегда въ уровень съ почвою — тогда ли, когда въ мрачный, сырой осенній вечеръ, съ поэтически-ядовитымъ озлобленіемъ передаетъ засѣданіе «клуба вороньяго рода» и съ наружнымъ равнодушіемъ и внутреннею глубокою симпатіею разговоръ двухъ старушенокъ сошедшихся у колодца; тогда ли, когда въ душевной больницѣ подсматриваетъ онъ высокую сцену поднятія любовью падшаго человѣка и слышитъ

всепрощающій голосъ любви,
 Полный мольбы безконечной;

тогда ли, когда изображаетъ видѣніе, обратившее кашея Вдаса въ божьяго странника, хоть это видѣніе и не имѣетъ счастья нравиться критику «Отеч. Записокъ», который искалъ-искалъ въ варенцовскомъ, безсоновскомъ и псевдо-якушинскомъ сборникѣ разныхъ ужасовъ, между прочимъ шестикрылатаго чернаго тигра; тогда ли, когда простодушно передаетъ онъ «деревенскія новости», забываясь — что впрочемъ непохвально — о формѣ передачи; тогда ли, когда такъ же безыскусственно и до наивности искренно любитъ крестьянскими дѣтьми-шалунами. Не все это, на что я указываю, художественно: напротивъ, на многомъ къ сожалѣнію есть и пятна, многое страдаетъ неизвинительною небрежностью отдѣлки, но во всемъ этомъ почвою пахнетъ. Тамъ же, гдѣ поэтъ видимо заботился и о художественности, — рисуетъ ли онъ съ мрачною злобою «Псовую охоту», кончая свою поэму ядовитымъ двустипіемъ:

Кто же охоты собачьей не любитъ,
 Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубить...

обращается ли онъ къ родинѣ съ нѣжной и покорной любовью сына — отождествленіе съ почвою выступаетъ разумѣется еще ярче. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательно начало «Саши», полное высокой поэзійи и своимъ сдержаннымъ лиризмомъ служащее какбы приготовленіемъ къ вышеприведенному мною порыву лиризма беззаветно-искренняго.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стоветъ куликъ надъ равниной увьшой,

Пахарь ли пѣсню вдали запоеть —
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Да, не весела!.. Но пусть не весела: молчить «озлобленный умъ» поэта, — а молчить онъ потому, что

Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,

Любо мнѣ видѣть знакомую ниву —
Дамъ же я волю благому порыву...

Сердце поэта устало питаться злобою: любящимъ сыномъ воротился онъ къ родинѣ, и сколь бы ни нагнали тоски ея вѣчныя бури, онъ стоитъ передъ нею побѣжденный...

Силу сломали могучія страсти,
Гордую волю погнули напасты,

И про погибшую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.

Передъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно.

Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!

Хмѣлью взятьъ я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:

Только что ей я объятія раскрылъ —
Хлынули слезы, прибавилось силъ,

Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,

Ласковѣй машеть вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Но чуда собственно нѣтъ тутъ никакого. Это не покаяніе, не возвратъ, не пушкинское «Возрожденіе». Поэтъ никогда не разрывался съ почвою, всегда любилъ ее: я указывалъ примѣръ, гдѣ и раздраженный болѣзненно, какъ въ «Псовой охотѣ», и негодующій и тоскующій или правильно или неправильно, — онъ все-таки не сходитъ съ почвы, а постоянно стоитъ на ней.

Удивительная между прочимъ вещь, эта небольшая поэма «Саша». У меня къ ней глубокая симпатія и вмѣстѣ антипатія: симпатія къ ея краскамъ и подробностямъ, антипатія за то, что она весьма удобно поддается аллегорическому толкованію... Она вѣдь могла право быть озаглавлена такъ: «Саша, или сѣятель и почва». Но поразительно прекрасны ея краски и подробности воспитанія героини. Тутъ все пахнетъ и черноземомъ, и скошенымъ сѣномъ; тутъ рожь слышно шумитъ, стонетъ и звенитъ лѣсъ; тутъ все живетъ, отъ березы до муравья или зайца, и самый складъ рѣчи вѣдетъ народнымъ духомъ.

Но особенно удивительна по формѣ своей поэма «Коробейники». Тутъ является у поэта такая сила народнаго созерцанія и народнаго склада, что дивишься поистинѣ скудости содержанія при такомъ богатствѣ оболочки. Явно, что содержаніе нужно было поэту только какъ канва для тканья. Доказывать моей мысли насчетъ этой поэмы я не стану, т. е. не стану ни приводить ея безпрестанно смѣняющихся картинъ, въ рамы которыхъ вошло множество доселѣ нетронутыхъ сторонъ народной жизни, картинъ писанныхъ широкою кистью, съ разнообразнымъ колоритомъ, ни обличать, что содержаніе только канва. Одной этой поэмы было бы достаточно для того, чтобы убѣдить каждаго, насколько Некрасовъ поэтъ почвы, поэтъ народный, т. е. насколько поэзія его органически связана съ жизнью.

Но народная натура поэта *тронута* цивилизаціею. Какъ именно подобная впечатлительная и страстная натура выдерживаетъ натискъ цивилизации—могло бы составить предметъ огромной статьи, вродѣ статьи о «Темномъ царствѣ» покойнаго Добролюбова; но имѣя въ виду статью литературно-критическую, а не общественно-критическую, я по возможности сжато постараюсь представить въ слѣдующемъ, послѣднемъ отдѣлѣ черты этого замѣчательнаго психологическаго процесса, прослѣдивши ихъ исключительно въ произведеніяхъ нашего поэта.

V

Лѣтъ двадцать, а можетъ-быть даже и пятнадцать тому назадъ еще существовалъ тотъ Петербургъ, который внушилъ Гоголю множество пламенно-ядовитыхъ страницъ, Некрасову множество горькихъ стихотвореній, Панаеву нѣсколько блестящихъ очерковъ и водевилямъ множество куплетовъ, считавшихся въ александринскомъ мѣрѣ остроумными. То былъ дѣйствительно какой-то особенный городъ, городъ чиновничества съ одной стороны, городъ умственного и нравственного мѣщанства, городъ карьеръ и успѣховъ по службѣ, гдѣ всякое искусство замѣняли водевили александринской сцены, отдохновеніе — преферансъ. Зато съ другой стороны это былъ городъ исключительно головного развитія русской природы. Русскія даровитыя головы работали въ немъ напряженно, вся кровь прилиwała у нихъ къ головамъ и только жолчь оставалась въ сердцахъ. Они ненавидѣли городъ, въ которомъ судьба обрекла ихъ работать, и вмѣстѣ любили его, или лучше-сказать испытывали въ отношеніи къ нему какое-то лихорадочное, болѣзненное чувство, преувеличивая можетъ-быть его язвы, возводя иногда въ значеніе жизненныхъ явленій то, что было въ сущности миражемъ. Припомните хоть «Невскій проспектъ» Гоголя, и вы поймете что я хочу сказать. Великій изобразитель «пошлости пошлаго человѣка», самъ того не зная, довелъ изображеніе пошлости до чего-то грандіознаго, почти-что дошелъ до отношенія великаго автора «Comédie humaine» къ его Парижу. Вспомните также первыя произведенія поэта «сунитенныхъ и оскорбленныхъ», въ особенности «Двойника», эту тяжелую, мрачную и страшно утомляющую этюду явленій не жизненныхъ, а чисто миражныхъ, и произведенія писателей его школы, въ особенности Буткова — болѣзненныя, горькія, ядовитыя отраженія странной, не органической, а механической жизни. Въ этой тиши все, малѣйшія даже явленія дѣйствовали на чуткія природы болѣзненно-раздражительно, отчасти даже фантастически. Это особое, дѣйствительно фантастическое настроеніе впечатлѣній, стоящее подробнаго, историческаго изученія. Въ такъ-называемой школѣ сентиментальнаго натурализма сказалась вся глубокая симпатичность русской души и вся способность ея къ болѣзненной раздражительности.

Предоставляя себѣ впоследствии побесѣдовать съ читателями и объ этой полосѣ нашего нравственнаго развитія и о бываломъ Пе-

тербургъ, тѣмъ съ большимъ правомъ, что нѣкогда самъ я воспѣвалъ его, любя въ немъ

подъ ледяной корою
Его страданіе больное,

страдаая болѣзненными бессонницами въ его

ночи финскія съ ихъ гнойной бѣлизной, —

я здѣсь ограничиваюсь только намекомъ, достаточнымъ впрочемъ относительно настоящаго предмета моихъ разсужденій.

Много воды утекло въ пятнадцать или двадцать лѣтъ. Петербурга-формалиста, Петербурга-чиновника, даже Петербурга-воина, опозтизированнаго Пушкинымъ въ «Мѣдномъ всадникѣ», нѣтъ болѣе, или по крайней мѣрѣ онъ уже не тревожитъ, не раздражаетъ болѣзненно чуткія природы: онъ доживаетъ гдѣ-то въ отдаленныхъ закоулкахъ, не мечется больше въ глаза даже на Невскомъ проспектѣ, ибо «полусвѣтъ», который съ такимъ упорствомъ и съ дѣйствительнымъ талантомъ, потраченнымъ на малое дѣло, изображалъ покойный Панаевъ — уже не исключительно петербургское, а общее европейское явленіе, — если можно назвать его явленіемъ. Въ настоящемъ Петербургѣ есть только двѣ оригинальности: въ трактирахъ его подають московскую селянку, которую въ Москвѣ дѣлать не умѣютъ, и за Невой есть у него Петербургская-сторона, которая гораздо больше похожа на Москву, чѣмъ на Петербургъ. Даже остроумныя размышленія о немъ автора «Станціи Едрово» потеряли свою соль съ тѣхъ поръ какъ серединной станціей стало не Едрово, а Балагово. Желѣзная жила оттянула кровь отъ головы — и правдѣ славянофильская вражда къ Петербургу въ настоящую минуту лишена даже смысла. Петербургъ теперь городъ какъ всякій другой. Москвичи по этому поводу говорятъ съ обычной имъ московской гордостью, что это съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ расти къ сторонѣ желѣзной дороги, т. е. къ Москвѣ. Такъ какъ я самъ москвичъ, то вы конечно и не потребуете отъ меня ренегатства отъ мнѣнній соотчичей.

Какъ бы то нибыло, но прежняго, болѣзненно-раздражавшаго и вмѣстѣ по-своему типическаго Петербурга нѣтъ болѣе. Жалеть ли объ этомъ? Не думаю, чтобы стоило. Это было не жизненное, а миражное типическое — тусклыя картины съ сѣренькими колоритомъ, неболѣе. Лучшее дѣйствіе ихъ, этихъ тусклыхъ картинъ, было отрицательное. Положительное же дѣйствіе находило себѣ литературное выраженіе въ фельетонахъ Булгарина, въ драматургіи Александринскаго театра; оно вызвало горькую и ядовитую

тую, несмотря на веселый тонъ сатиру Панаева «Гля», которую (столько въ ней возвышенности и негодованія!) какъ-будтобы про-диктовалъ самъ Бѣлинскій.

Рѣчь моя о Петербургѣ бывалыхъ временъ вела къ опредѣленію импульсовъ поэзіи Некрасова. Съ этой болѣзненно-раздражающей миражной жизнью «муза мести и печали» стояла всегда лицомъ къ лицу, но къ сожалѣнію не всегда выстаивала съ достоинствомъ, не всегда стояла надъ нею, а иногда становилась въ уровень съ нею. Почти-что такъ же зловредно (позволю себѣ это неучтливое сравненіе), какъ фабричная цивилизація дѣйствуетъ на впечатлительно-страстныхъ натуры изъ русскихъ натуръ, подѣйствовала миражная цивилизація на эту музу. Глубокая натура Кольцова, столкнувшись съ цивилизаціей, преклонилась передъ ея высшими вопросами и можетъ-быть была разбита слишкомъ сильнымъ приѣмомъ ихъ сразу. Художественно-спокойная и самообладающая натура другого человѣка народа, Островскаго, не знала даже и столкновенія, прямо и ясно смотря впередъ. Страстная натура Некрасова вполне вдалась въ миражную жизнь, и нечего грѣха таить, часто поддавалась ей, испытала какъ ея отрицательныя вліянія, т. е. ужасъ отъ пошлости, такъ къ несчастію и положительныя. Неизгладимая печать увлеченій миражной жизнью легла на его произведенія то жолчными пятнами, то увы! отзывами пошлыхъ водевильныхъ куплетовъ.

Едва ли нужно доказывать это. Поэтъ самъ — а его-то преимущественно имѣлъ я въ виду — знаетъ грѣхи своей музыки, а слѣпые поклонники его все равно же будутъ безразлично восторгаться и правымъ и неправымъ его негодованіемъ, будутъ наравнѣ съ чистыми и возвышенными его вдохновеніями, каковы «Въ дорогѣ», «Огородникъ», «Когда изъ мрака заблужденья», «Тройка», «Изъ Ларры», «Вино» (хотя «Отеч. Запискамъ» и не нравится это стихотвореніе), «Маша», «Памяти — ой» (грустной элегіей, испорченной къ сожалѣнію чѣмъ-то водевильнымъ въ тонѣ), «Буря», «Въ деревнѣ», «За городомъ», «Тяжелый крестъ достался ей на долю», «На ролнѣ», «Въ больницѣ», «Послѣднія элегіи», «Застѣнчивость», «Несжатая полоса», «Забытая деревня», «Школьникъ», «Тишина», «Убогая и нарядная», «Пѣсня Еремушки», «Знахарка», «Деревенскія новости» (пусть онѣ, эти новости, и лишены всякой художественной формы, но свѣжо и чисто ихъ содержаніе), «Плачь дѣтей», «На Волгѣ», «Похороны», «Княгиня», «Начало поэмы», «Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи», «Охота», «Са-ша», «Поэтъ и гражданинъ», «О погодѣ», «Крестьянскія дѣти», «Коробейники» — наравнѣ, говорю я, съ этими почти-что безупре-

чными по вдохновенію произведеніями восторгаться Ванькой ражымъ, и «Свадьбою», и «Нравственнымъ человѣкомъ», и «Прекрасной партіей», которую какъ-будто писалъ знаменитый авторъ «Булочной» и «Отелло на пескахъ», и «Филантропомъ», достойнымъ пера обличительныхъ поэтовъ «Искры». Ихъ не увѣришь на примѣръ, что только ненормально-настроенному чувству прядеть въ голову при видѣ свадьбы простого человѣка съ простой женщиной рядъ предположеній, болѣе относящихся къ среднимъ сферамъ; не увѣришь также и въ томъ, что неестественна водевилна форма стихотворенія «Нравственный человѣкъ», что въ немъ страшно мѣшаетъ впечатлѣнію эстетическому мѣстоименіе я; ихъ даже и въ томъ не убѣдишь, что стихотвореніе о двѣнадцатомъ годѣ просто дурно, какъ чисто-личное капризное впечатлѣніе.

Исчисляя лучшія по вдохновенію стихотворенія поэта, я не безъ намѣренія пропустилъ три изъ нихъ, наиболѣе дѣйствующихъ на публику и даже на меня лично весьма сильно дѣйствующихъ: «Вдули ночью по улицѣ темной», «Власть» и поэму «Несчастные». Конечно поэтъ не виноватъ, что изъ перваго стихотворенія эмансипированныя барыни извлекаютъ замѣчательно-распутную теорію, но онъ виноватъ въ томъ, что не совладалъ самъ съ горькимъ словомъ сердца, не всталъ выше его, чѣмъ-нибудь во имя жизненной и поэтической правды не напомнилъ о возможности иного психологическаго выхода, нежели тотъ исключительный, который онъ оговаривалъ. Ему даже и на улицахъ Петербурга попадались въроатно женщины съ маленькими гробиками, нерѣдко довольно набоженными мѣдными деньгами благочестиваго и добраго русскаго люда. Въ величавомъ образѣ «Власа» тоже есть капризная и неестественность взятаго поэтомъ психологическаго процесса. Поэма «Несчастные» портитъ апологія Петра, совершенно неудачно выбравъ сея тону, ни къ лицу въ ней изображаемому.

Даже и въ лучшихъ по вдохновенію, исчисленныхъ мною стихотвореніяхъ нѣтъ во многихъ строгой выдержанности художественной формы. Великая, но попорченная народная сила — «вѣсть мести и печали»!..

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

ГЕЛЕРТЕРСТВО И ПРАКТИКА

Труды русскаго энтомологическаго общества въ Петербургѣ. Книжка первая, 1861 г.

Въ началѣ 1860 года въ С. Петербургѣ открылось русское энтомологическое общество, которое поставило для себя главною задачею распространеніе энтомологическихъ свѣдѣній и изслѣдованіе суставчатыхъ животныхъ, въ особенности водящихся въ Россіи, — и вотъ передъ нами плоды занятій новаго общества: первая книжка его «Трудовъ».

Въ настоящее время, когда изслѣдованіе природы приобретаетъ все большее и большее значеніе, нельзя не радоваться появленію у насъ спеціального учрежденія, которое займется изученіемъ такого важнаго и обширнаго класса животныхъ. Хотя въ Россіи и существовали ученые общества, въ кругъ дѣйствій которыхъ входили зоологическія изслѣдованія, во вѣрза не сознаться, что дѣло шло какъ-то ~~плохо~~, а русскія насѣкомыя даже до сихъ поръ остаются неописанными. Мы еще не имѣемъ фауны русскихъ насѣкомыхъ, между тѣмъ какъ за границею, у нашихъ сосѣдей, дѣло идетъ совершенно иначе. Бездѣ существуютъ энтомологическія общества, для каждой страны есть по нѣскольку фаунъ насѣкомыхъ. Значитъ въ этомъ отношеніи мы отстали слишкомъ далеко, и виною всего главнымъ образомъ есть малое распространеніе энтомологическихъ свѣдѣній въ нашей публикѣ; у насъ рѣдко можно встрѣтить дилетанта энтомологій. Я знавалъ, что на энтомологическомъ поприщѣ мы *отстали*; скажу больше: мы еще и *не начинали*.

Занятія энтомологіею для насъ дѣло совершенно новое и большинство публики смотритъ на нихъ съ полнымъ равнодушіемъ, если не съ презрѣніемъ; собираніе жучковъ, букашекъ считается совершенно пустыннымъ занятіемъ, отнимающимъ только драгоценное время. И если угодно, общество наше несовсѣмъ виновато въ этомъ равнодушіи, потому что оно видитъ одну только внѣшнюю

сторону энтомологических занятий: коробки, колпаки, сѣтки, наколотыхъ жуковъ, расправленныхъ бабочекъ... Тутъ дѣйствительно не много интереснаго. А господа русскіе энтомологи, вмѣсто того чтобы привлечь общество на свою сторону популярными трудами по части энтомологіи, искать въ немъ послѣдователей своего ученія, лишь только приобрѣтали болѣе фундаментальныя познанія въ энтомологіи, — начинали смотрѣть на общество свысока и посылали свои статьи для печатанія въ журналахъ иностранныхъ энтомологическихъ обществъ.

Многіе изъ нихъ занимались собираніемъ рѣдкихъ русскихъ насѣкомыхъ для иностранныхъ коллекцій и такъ какъ европейская Россія представляла въ этомъ отношеніи мало случаевъ отличатся, то все вниманіе обращено было на Кавказъ, Сибирь, и всѣ болѣе замѣчательныя европейскія коллекціи переполнены теперь сибирскими и кавказскими насѣкомыми.

Между русскими и иностранными энтомологами установилась правильная мѣна: за зауральскія и закавказскія рѣдкости получаемы были рѣдкіе виды западно-европейскихъ насѣкомыхъ, преимущественно южно-европейской фауны, которые оставались и остаются у насъ почти безъ всякой пользы.

Такой оборотъ энтомологическихъ занятий произвелъ самыя гибельныя послѣдствія для науки. Европейская Россія осталась почти неизвѣстною въ энтомологическомъ отношеніи, и по недостатку сочиненій объ русскихъ насѣкомыхъ, теперь, кромѣ Петербурга и университетскихъ городовъ, рѣшительно и невозможно заниматься настоящимъ образомъ энтомологіею въ Россіи; а если кто имѣетъ охоту, можетъ сдѣлаться энтомологомъ-коллекторомъ и ограничиться собираніемъ и накалываніемъ красивыхъ жучковъ и бабочекъ! Выписать иностранныя сочиненія не всякій въ состояніи, да и если кто и могъ, то неизвѣстно какія? Европейская энтомологическая литература такъ богата, что и специалисту немалыхъ трудовъ стоятъ сдѣлать хорошей выборъ недорогихъ сочиненій. Любители энтомологіи сдѣлались до того недоступными и несообщительными, что не только не имѣли никакого вліянія на массу, но часто не знали другъ друга, живя въ одномъ городѣ. Любопытный примѣръ подобнаго рода мы читаемъ въ «Трудахъ»: двое изъ учредителей русскаго энтомологическаго общества гг. А. К. Мандерштернъ и Ю. И. Симашко познакомились и сблизились между собою за границею, на минеральныхъ водахъ, и познакомились на энтомологической экскурсіи, между тѣмъ какъ оба они жили въ Петербургѣ и оба и прежде занимались энтомологіею.

Учрежденіе всякаго спеціальнаго ученаго общества необходимо

заставляетъ предполагать избытокъ специалистовъ, желающихъ мѣяться своими наблюденіями и опытами, избытокъ дилетантовъ науки, только мечтающихъ заниматься какою-нибудь спеціальностью и желающихъ въ трудахъ своихъ старшихъ братьевъ по наукѣ найти помощь и добрый совѣтъ.

Русское энтомологическое общество представляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе: оно появляется прежде развитія энтомологической литературы, появляется въ обществѣ совершенно неприспособленномъ къ энтомологическимъ наблюденіямъ, питающемъ къ нимъ скорѣе пренебреженіе, чѣмъ любовь!

Трудная задача предстоитъ юному обществу: оно въ одно и то же время должно разработывать научные вопросы и заниматься пропагандою. Хотя энтомологическое общество и насчитываетъ уже 122 члена, но неужно забывать, что въ это число входитъ двадцать иностранныхъ членовъ; изъ числа ста русскихъ энтомологовъ около пятидесяти живутъ въ Петербургѣ. Что въ особенности бросается въ глаза при разсматриваніи списка членовъ энтомологическаго общества, — это отсутствіе энтомологовъ по призванію: изъ членовъ, проживающихъ въ Россіи, болѣе десяти объявили себя прямо энтомологами, остальные выставили свои чины и должности. Энтомологическое общество есть учрежденіе спеціальное и въ немъ каждый долженъ заявить свою спеціальность, а вовсе не чинъ и должность!

По подобному списку нельзя судить сколько у насъ колеоптерологовъ, лепидоптерологовъ, дитерологовъ, а это рѣшительно необходимо для большаго сближенія членовъ между собою; намъ не нужно напримѣръ вовсе знать, что членъ Р. — корнетъ такого-то полка, или членъ П. — аптекарь такой-то больницы, а важнѣе знать какую отрасль энтомологіи они преимущественно занимаютъ? нужно ли намъ именно съ ними войти въ ближайшія сношенія, или выбрать для этого другихъ членовъ, занятія которыхъ схолибѣ съ нашими?

При такихъ условіяхъ возникшему обществу предстоятъ два пути: превратиться въ замкнутый кружокъ и ограничившись настоящимъ числомъ членовъ, заняться изслѣдованіемъ пожалуй хоть и отечественныхъ насѣкомыхъ, преимущественно разумѣется неизвѣстныхъ, напримѣръ алтайскихъ, лаурскихъ, амурскихъ; печатать въ своихъ «Трудахъ» описаніе такихъ насѣкомыхъ на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ (описанія на одномъ русскомъ языкѣ не допускаются), и значить, остаться совершенно чуждымъ Россіи: тогда обществу нечего и называться русскимъ. Но зато оно пойдетъ въ параллель съ иностранными энтомологическими обществами, будетъ считаться безусловно ученымъ и специ-

альными: «Труды» его для большинства даже дилетантов энтомологов останутся бесполезными, потому что въ нихъ ничего не будетъ кромѣ отрывочныхъ описаній кое-какихъ новыхъ видовъ или сухихъ изъясненій по части энтомологической синонимики!

Но первый параграфъ устава общества заставляетъ насъ однакожь предполагать, что общество не пойдетъ по этому сухому и педантическому пути. Напротивъ, оно избрало себѣ другой путь, другое, болѣе широкое поле дѣятельности и задало себѣ обширную программу.

Общество имѣетъ цѣлю распространеніе свѣдѣній энтомологів въ Россіи, научное наследованіе всѣхъ суставчатыхъ животныхъ и специальное изученіе особенно полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ; общество имѣрено заняться акклиматизаціею полезныхъ насѣкомыхъ; наконецъ оно будетъ стараться сближать русскихъ энтомологовъ между собою и способствовать сношеніямъ ихъ съ иностранными учеными. Это перечисленіе трудовъ и занятій общества не даетъ еще полного понятія обо всей многосложной и плодотворной будущей дѣятельности. Возьмемъ для примѣра хоть специальное изученіе полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ и послушаемъ чтѣ объ этомъ говоритъ президентъ энтомологическаго общества, академикъ Баръ: «Итакъ общество хочетъ не только способствовать естественно-историческому познанію міра насѣкомыхъ, но въ тоже время быть полезнымъ и различнымъ отечественнымъ промысламъ: земледѣльцу и владѣльцу лѣсовъ, садоводу и пчеловоду, виноградарю и шелководу, хлѣбному и мелочному торговцамъ — потому что всѣ они страдаютъ иногда отъ излишняго размноженія насѣкомыхъ. Даже стѣны корабля выше поверхности воды протачиваются иногда личинками жуковъ, такъ какъ подъ водою процвѣтаются онѣ корабельнымъ шашнемъ.» Вотъ какъ велика и обширна задача!

Дѣйствительно такая задача и велика и обширна.

Какое сравненіе съ иностранными энтомологическими обществами: тѣ вертятся въ своемъ тѣсномъ, замкнутомъ кружкѣ, печатаютъ монографіи какихъ-нибудь новгородскихъ и хмельскихъ мушкетеровъ, перебираютъ и критикуютъ описаніе извѣстныхъ уже съ давняго времени европейскихъ насѣкомыхъ; ищутъ и исправляютъ неточности и ошибки въ описаніяхъ старыхъ и новыхъ авторовъ; приходятъ въ неописанный восторгъ, перечисляя рѣдкихъ насѣкомыхъ какой-нибудь особенно-улучшой ловитвы; представляютъ ещѣ одну, всѣхъ вновь появляющихся энтомологическихъ сочиненій; въ нихъ вы всегда найдете множество прибавленій, что вотъ такой-то господинъ покорнѣйше проситъ прислать ему различныхъ ось съ гнѣ-

здами, другой желаетъ иѣняться стрекозами и т. п.: занятія, какъ видите, чересчуръ уже спеціальны! Зато такая же имъ и слава: никто и не знаетъ объ ихъ существованіи, кромѣ ограниченаго числа страстныхъ энтомологовъ!

Наше энтомологическое общество ожидаетъ блестящая будущность; всѣ пойдутъ къ нему въ совѣтахъ и помощи: земледѣльцы, владѣтели лѣсовъ, садоводы, пчеловоды, виноградари, шелководы, хлѣбные и мелочные торговцы, кораблестроители и кораблеводители; — всѣ понесутъ ему дань признательности!

Въ концѣ другой своей рѣчи — о вредныхъ насѣкомыхъ и средствахъ къ ихъ истребленію президентъ энтомологическаго общества проводитъ еще новую мысль: онъ говоритъ, что если энтомологическому обществу удастся предупредить какія-нибудь значительныя поврежденія лѣсовъ (разумѣется выѣющія произойти отъ насѣкомыхъ) или распространить между лѣсничими естественно-историческія свѣдѣнія, тогда оно будетъ имѣть полное право надѣяться на вспомошествованіе отъ правительства. Я не сомнѣваюсь, — продолжаетъ почтенный и многоуважаемый президентъ, — что общество будетъ къ этому стремиться (то-есть къ чему же? къ распространенію свѣдѣній между лѣсничими, или къ всемошествованію отъ правительства?).

Гг. лѣсничіе и не ожидаютъ какая благодать посыплется на нихъ отъ щедротъ энтомологическаго общества!

Новое общество при открытіи своимъ встрѣтилъ со многихъ сторонъ сильное сочувствіе. Ея императорское высочество великая княгиня Елена Павловна, съ высочайшаго соизволенія, удостоила принять общество подъ свое высокое покровительство и отъ имени ея императорскаго высочества доставлено было въ общество 300 рублей серебромъ. Академія наукъ предложила обществу для его ученыхъ засѣданій свою малую конференцъ-залу, а для храненія коллекціи общества свой энтомологическій кабинетъ.

Плодъ годовой дѣятельности энтомологическаго общества — первая книжка его «Трудовъ» — покажетъ намъ впрочемъ лучше всего; какъ оно исполнило на дѣлѣ свою програму и чего можно ожидать отъ него въ будущемъ.

Книжка «Трудовъ» состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщается уставъ общества, во второмъ протоколъ десяти засѣданій общества, а въ третьемъ ученія работы членовъ общества.

Параграфы устава не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, потому что онъ уже вошелъ въ дѣйствіе; взмѣнять его нельзя; впрочемъ,

судя по § 28, уставъ этотъ нельзя еще считать окончательно сформированнымъ и потому мы позволимъ себѣ сдѣлать въ некоторыхъ замѣчанія.

При чтеніи устава особенно поражаетъ уточненная іерархія, введенная уже при самомъ основаніи общества.

Члены его раздѣляются на почетныхъ и дѣйствительныхъ, членовъ—учредителей и просто членовъ.

Къ чему подобное дѣленіе? Общество только начало свои дѣйствія, дѣятельность членовъ его не выразилась еще вполнѣ, и трудно судить въ какой мѣрѣ тотъ или другой членъ заслуживаетъ быть избраннымъ въ почетные члены; и притомъ энтомологическое общество представляетъ такую тѣсную специальность, что для самого общества всякій дѣйствительный членъ есть вѣсть и почетный; для лицъ же постороннихъ званіе почетнаго члена энтомологическаго общества не составитъ особенной приманки или особенно почетнаго титула. По шестому параграфу въ почетные члены избираются знаменитые энтомологи или особы содѣйствовавшія къ процвѣтанію общества.

Мы не понимаемъ званія члена—учредителя энтомологическаго общества, а тѣмъ болѣе странной привилегіи, соединенной съ этимъ титуломъ — пользоваться *двумя* шарами при баллотировкахъ, тогда какъ другіе члены будутъ имѣть только одинъ голосъ; это даже негуманно въ отношеніи къ послѣдующимъ членамъ и заставляетъ насъ думать, что члены—учредители хотятъ составить въ обществѣ маленькую гегемонію.

Еще непонятнѣй для насъ привилегія въ пользу *иностранныхъ* членовъ, которые *никакой платы* не производятъ. Почему же только одни русскіе энтомологи обязаны ежегоднымъ взносомъ? Мы не смѣемъ думать, что энтомологическое общество потому не обязало иностранныхъ членовъ своихъ ежегоднымъ взносомъ, что при этомъ условіи они бы не согласились принять званія членовъ общества; вѣроятно тутъ имѣлись какія-нибудь другія важныя причины. Интересно было бы знать, существуетъ ли подобная привилегія въ пользу русскихъ энтомологовъ въ бельгійскомъ, французскомъ, штеттинскомъ, берлинскомъ и другихъ энтомологическихъ обществахъ, и если существуетъ, то въ какой мѣрѣ? Boisduval, Burmeister, Westwood, Heyden, Heinrich-Schaeffer, Ratzebourg, Redtenbacher... какія громкія имена, какіе великіе авторитеты энтомологія, — и всѣ они члены русскаго энтомологическаго общества! Но вотъ вопросъ: сами ли они предложили свои услуги обществу, или были избраны заочно? Въ первомъ случаѣ нельзя не поздравить русское энтомологическое общество, потому что своимъ содѣйствіемъ и трудами они

вѣрнѣе не замедлять поставить его, въ смыслъ непродолжитель-
номъ времени, наряду со всеми знаменитыми энтомологическими
обществами Европы; во второмъ случаѣ общество ничего не вы-
играетъ, будутъ ли они его членами или нѣтъ, потому что они и дома
завалены работою, и вѣрнѣе ограничатся только тѣмъ, что при-
шлютъ благодарственные адреса за поднесеніе имъ новаго почет-
наго титула.

Въ отдѣлѣ устава о собраніяхъ и экскурсіяхъ есть между про-
чимъ параграфъ, по которому члены энтомологическаго общества,
съ мая до августа включительно, по распоряженію правленія, про-
изводятъ общія практическія энтомологическія экскурсіи въ окрест-
ностяхъ стоящія для собранія и изученія на мѣстѣ встрѣчающихся
тамъ насекомыхъ.

Что это за обязательный трудъ, производимый по распоряже-
нію правленія? И притомъ что за странное названіе: «практическія
энтомологическія экскурсіи»: значить бывають и теоретическія
экскурсіи? Что-то темново.

Изученіе насекомыхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они найдены, есть
только пустая формальность, и всякому опытному энтомологу очень
хорошо извѣстно, что въ наше короткое лѣто не до изученія насе-
комыхъ: привелось бы только побольше собрать ихъ, да постарать-
ся рассмотреть получше ихъ нравы и образъ жизни, а для изуче-
нія, пересмотра и сравненія остается длинная сѣверная зима!

При изученіи и рассмотрѣніи насекомыхъ необходимы и библио-
тека, и оптическіе приборы: не тащить же всего этого на экскурсію!
Кто страстно любитъ энтомологическія занятія, тому неужно ука-
зывать для нихъ ни мѣста, ни времени. Другое дѣло, еслибы экскур-
сіи назначались для образованія неопытныхъ и несвѣдущихъ энто-
мологовъ подъ руководствомъ экспертовъ; но и здѣсь неужно
распоряженія правленія: кто захочетъ, тотъ легко найдетъ себѣ
руководителя.

Второй отдѣлъ «Трудовъ» составляютъ протоколы десяти засѣ-
даній энтомологическаго общества. По нашему мнѣнію ихъ вовсе
неужно было печатать, потому что раскрывая только внутренній
порядокъ, такъ-сказать семейную жизнь общества, они не предста-
вляютъ большого интереса и только понапрасну увеличивають
объемъ книги. Приличнѣе всего было бы хранить ихъ гдѣ-нибудь
при дѣлахъ общества, для могущихъ встрѣтиться справокъ. Что
напримѣръ интереснаго въ томъ, что первое собраніе гг. учреди-
телей общества происходило въ квартирѣ г. коменданта Петропа-
вловской крѣпости? Энтомологія отъ этого ничего не выиграла и
не проиграла. Или для чего нужно знать, что 7 ноября 1860 г. за-

сѣданіе открыто президентомъ въ семь часовъ, а открыто выдвѣсти часова и что въ немъ присутствовало двадцать-четыре члена; а вотъ наиримѣръ засѣданіе 9 января 1861 г. было открыто въ семь часовъ, а кончилось въ восемь съ половиной часовъ; и въ семъ присутствовало только двадцать-три члена. Для него въ казенномъ протоколѣ домищается предложеніе кандидатуръ въ члены общества для балотировки ихъ въ слѣдующемъ засѣданіи? Все это рѣшительно ненужныя, пустыя формальности. Въ запискахъ иностранныхъ ученыхъ обществъ списки вновь избранныхъ членствъ и отчеты о денежныхъ дѣлахъ печатаются обыкновенно на оберточныхъ листкахъ книжки, да лучшаго мѣста они и не отыщутъ. А результатъ переписки правленія съ почтовымъ департаментомъ о бесплатной пересылкѣ корреспонденціи общества? въ чему она запечатана? Радъ ли для того, чтобы тутъ же выкапать энергическую мѣру правленія, одобренную большинствомъ голосовъ присоединеніемъ *своихъ сношеній* какъ съ русскими, такъ и съ иностранными учеными лицами и обществами. И такое постановленіе было сдѣлано въ первое ученое засѣданіе общества!... Изъ дальнейшихъ протоколовъ видно однакожъ, что въ обществѣ была открыта особая подмазка на покрытіе издержекъ корреспонденціи и чрезъ восемь мѣсяцевъ сумма возрасла до 65 рублей. Но все это дѣло лопачное, объ немъ должно было знать одно только правленіе, которое напередъ должно было предвидѣть, что никакое ученое общество не можетъ по вести корреспонденціи, иначе оно останется вѣчно-погребеннымъ.

Различныя мѣры, предложенныя въ засѣданіяхъ общества для распространенія энтомологическихъ сабѣній, вообще и для ближайшаго изслѣдованія вредныхъ насѣкомыхъ въ особенности, остаются большею частью еще мѣрами неосуществленными и потому тоже не имѣютъ интереса. Изъ протоколовъ наиримѣръ мы увидимъ, что правленіе полагаетъ издать на счетъ общества «Наставленіе къ собиранію и храненію насѣкомыхъ и другихъ составчатыхъ животныхъ», и что изданіе подобнаго наставленія, по мнѣнію правленія, увеличитъ число собирателей и коллекцій; прибавлено, что наставленіе будетъ напечатано на русскомъ языкѣ. Какое страшное понятіе объ энтомологіи! Неужели правленіе желаетъ образовывать только энтомологовъ-коллекторовъ? Вѣдь это выводитъ, что всѣ энтомологическія занятія только и состоятъ въ собираніи, наизъяваніи, храненіи и пересылкѣ насѣкомыхъ. Правленіе должно было позаботиться объ укорененіи у насъ правильнаго взгляда на энтомологію; оно должно было позаботиться, чтобы на энтомологію смотрѣли какъ на науку, а не какъ на игрушку, на пустое занятіе. Да и какимъ образомъ кто-нибудь вовсе незнакомыйся автамоло-

ней получить къ ней охоту, прочитавъ «Наставленіе къ собранію и храненію насекомыхъ»?

Чтобы собирать и хранить насекомыхъ, нужно сначала заинтересоваться ими, а для этого самое лучшее средство — популярныя сочиненія по энтомологіи и мы находимъ, что частныя лица, даже у насъ въ Россіи, выжили за это дѣло гораздо лучше. Мы читали въ газетѣ, что въ Петербургѣ готовится какое-то «Руководство къ энтомологіи», написалъ и. Ушаковъ; въ Москвѣ книгопродавецъ Шоккинъ готовится изданіе «Введенія въ энтомологію Кирби и Спенсера»; въ недавнее время вышло хорошее и интересное Ташенберга «Was da kriecht und fliegt».

Долго можно и даже должно случиться, что прочитавъ которую-нибудь изъ этихъ книгъ, кто-нибудь и получитъ охоту заняться энтомологіей... Въ добрый часъ! Тогда неужно будетъ и наставленія къ собранію и храненію насекомыхъ; любитель немедленно превратится въ страстнаго энтомолога; у него явится и коллекція. Правленіе общества впрочемъ и само сознаетъ, что у насъ въ Россіи, при совершенномъ отсутствіи энтомологической литературы, изданіе легкаго и популярнаго сочиненія по энтомологіи необходимо и въ протоколѣ шестого засѣданія общества мы видимъ, что оно и само намерено издавать, кромѣ «Трудовъ», еще «Записки», вмѣстѣ съ дѣланіемъ распространенія въ публикѣ полезныхъ свѣдѣній по энтомологіи. Мы полагаемъ, что изданіе «Записокъ» будетъ шибко болѣе «Трудовъ» способствовать распространенію любви къ энтомологіи въ нашемъ отечествѣ; нужно только обратить вниманіе на выборъ статей или дѣланіе сочиненія для «Записокъ» и избирать на первое время тонкостей энтомологической терминологіи, которая, благодаря нѣмецкимъ ученымъ, сдѣлалась аугаломъ для всякаго неопытнаго любителя энтомологіи. Въ этомъ же протоколѣ высказывается сожалѣніе о невозможности періодическаго изданія «Трудовъ» и «Записокъ» при настоящемъ положеніи насъ общества. Но при всякомъ срочномъ изданіи не всегда можно дѣлать строгій выборъ статей, и для пополненія журнала приходится иногда помѣщать статьи весьма посредственнаго содержанія, что не можетъ остаться безъ вліянія на достоинство и распространеніе періодическаго изданія; поэтому пусть лучше общество издастъ свои «Труды» и «Записки» въ неопредѣленные сроки, но пусть оно обратитъ особенное вниманіе на достоинство статей и ихъ занимательность. Иностранная энтомологическая литература такъ богата, что затрудненія при выборѣ статей не встрѣтятся. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что правленіе постановило для авторовъ, желающихъ помѣщать свои статьи въ «Трудахъ» и

«Видныхъ», «черезурь» събсидиальныя условія. Ташить образъ зомъ каждый авторъ, помѣщающій статьи въ «Труды» или «Вѣсти съезду общества», получаетъ въ возмездіе публичное опубликованіе своей статьи отдѣльными оттисками и въ томъ же номерѣ, изъ коего прекращаются и перадаются обществу; второсъ же, по числу страницъ большаго числа отдѣльныхъ оттисковъ для авторъ даже и въ томъ случаѣ, хотя бы всѣ послѣдній, и доставить для него бумагу и преемать греброфскіе расходы на свой счетъ. Но что, ни что общество при всеобщихъ обстоятельствахъ не можетъ платитъ авторамъ, соговорія, на чѣмъ же такъ ограничиваемъ какъ право на труды и безъ того безмездно уступаемые обществу? Понимаемъ, что кто-нибудь, хотѣлъ бы завязать переделомъ или переделомъ на какого-нибудь иностраннаго антагонистическаго сочинителя для «Земледельца»; такой трудъ, особенно если исполнить его отославъ, требуетъ полъ, два усмачивой работы — и какава же награда ожидаетъ автора? Пятьдесятъ экземпляровъ «Записокъ» и забота автора авторскаго права! Такая перспектива обещать, хоть у авторъ какую задѣться серьезнымъ трудомъ. А летунія старійш, для дѣлать въ обществѣмъ направленьемъ, чеемъ, уронить авторитетъ «Трудовъ» въ самомъ началѣ. Изъ мѣрь, предпринимать въ заботахъ, общества одна заслуживаетъ особаго вниманія: учрежденіе 3 октября 1860 г., по предложенью г. иреведника, особаго комитета изъ пяти членовъ для ближайшаго изслѣдованія вредныхъ насѣкомыхъ Россіи. Изъ дальнейшихъ протоколовъ видно, что комитетъ приступилъ къ приготовительнымъ работамъ, основаніемъ которыхъ служатъ: 1) познаніе самыхъ насѣкомыхъ, принадлежатъ вредъ; и 2) изученіе мѣрь, обмысловенно, предлагаемыхъ вредныхъ этихъ животныхъ, — и следовательно въ блжнѣ, оставая германію ждать, пока члены комитетъ будутъ изучать вредныхъ насѣкомыхъ и мѣрь, противъ нихъ предпринимаемая; дальнейшее покровство впрочемъ бездѣтельности и на виду остался одинъ только грустный фактъ, что изученіе вредныхъ насѣкомыхъ начато составленіемъ г. Кеппеномъ систематическаго ихъ каталога, по сочиненьямъ Рацебургга, Лейнуса и другихъ.

Смѣшно было бы отягчать авторитеты Рацебургга и Лейнуса, но здѣсь дѣло не въ авторитетахъ: знаменитое сочиненіе Рацебургга: «Die Forst-Insecten, oder Abbildung und Beschreibung der in dem Waldern Preussens und der Nachbar-Staaten als schädlich oder mitleich bekannt gewordenen Insecten. Berlin, 1837 — 1844» у иностранныхъ писателей цитируется болышею частью какъ строго ученое сочиненіе или приводится ссылка на образцовыя его рисунки; даже самъ авторъ убѣдился, что это сочиненіе по изометію несовершеннѣ

составительнице цѣны; для которой было написано, и издано изъ него издѣніе: въ болѣе упрощенной формѣ, подъ именемъ «Die Waldverderber und ihre Feinde. Berlin, 1841». Кроме того вопросъ, вредны-ли вѣрѣ вредны въ Россіи насекомыя описанныя въ сочиненіи Радебурга; въ какой они вредны въ Германіи, — вопросъ далеко не рѣшенный и даже самъ г. президентъ энтомологическаго общества склоняется болѣе на сторону отрицанія. Въ рѣчи своей о вредныя насекомыя онъ говоритъ между прочимъ, что майскій хрущъ, обитающійся въ южной Германіи и Швейцаріи за одно изъ самыхъ вредныхъ насекомыхъ, у насъ почти безвреденъ, а все производятъ отъ того, что въ Германіи и Швейцаріи онъ питается исключительно падучихъ деревьяхъ и живородка, а у насъ довольствуется березовыми и тольями. А *melolontha fulva*, *setonia agrata*, *с. аenea*, *с. fastosa* и множество другихъ описанныхъ у Радебурга вредныхъ, у насъ рѣшительно только безвредны, да еще нѣкоторые изъ нихъ въ большей части европейской Россіи считаются за рѣдкости; а напримѣръ все виды *agribus*, описанныя у Радебурга, каково для насъ значеніе въ европейской Россіи? Все они болѣею частью водятся не-бывъ, который растетъ только въ южной Россіи и то на самомъ ограниченномъ пространствѣ. Да даже и проселочныя семейства: *setambucoides*, *cutculionides* и *bastrichides* у насъ въ Россіи вовсе не такъ вредны, какъ въ Германіи. Стоитъ только побывать въ нашихъ сосновыхъ лѣсахъ, да прилежнѣе свалькаться въ нихъ остроугольней, сучковъ, часто и болышихъ, случайше шельмоземныхъ бревенъ, да сколько лежатъ въ нихъ сложенныхъ въ сѣмени дровъ, такъ невозможно перестанешь слишкомъ много божьихъ вредныхъ лѣсныхъ насекомыхъ: вѣдь это тѣже нѣмецкія лѣсныя деревья, только въ гигантскихъ размѣрахъ! При моихъ энтомологическихъ поискахъ я убѣдился, что наблюденіямъ иностранныхъ энтомологовъ у насъ нельзя давать большой цѣны, потому что вследствие измѣненія климатическихъ условій различныя проявленія жизненной дѣятельности насекомыхъ, какъ-то: выборъ пищи, продолжительность превращеній и т. п., иногда совершенно измѣняются; точно также многія хищныя насекомыя, полезныя истребленіемъ другихъ вредныхъ насекомыхъ, у насъ или не водятся вовсе, или встрѣчаются очень рѣдко; часто они замѣняются другими. Гдѣ напримѣръ въ европейской Россіи встрѣчаются въ значительномъ количествѣ *osurus olens*, *calosoma sycophanta*, *carabus hortensis*? Между тѣмъ въ Германіи они очень обыкновенны, и Радебургъ имѣлъ основаніе помѣстить ихъ описанія и изображенія въ своемъ знаменитомъ сочиненіи. Впрочемъ коммиссія напрасно и трудилась надъ составленіемъ каталога вред-

ныхъ русскихъ насекомыхъ по иностраннымъ обозначеніямъ: такой каталогъ уже существуетъ, и именно въ соединеніи, вышедшемъ за двадцать почти лѣтъ другой комиссіей — ученыхъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ. Надо только отдать справедливость ученому комитету: онъ пошелъ дальше, и только же перевелъ весь рацебургскій каталогъ, но даже и энтомологическія и бѣснословы, показывающіе время появленія, превращеній и окончательнаго развитія различныхъ вредныхъ жуковъ и бабочекъ въ Германіи! Своими путями нашъ вѣрно и несудимо идетъ. Намъ у насъ самостоятельной разработки. А между тѣмъ рассмотримъ на примѣръ на энтомологическую литературу. Швеція, Дания, да даже и Финляндія представляетъ прекрасный образецъ самостоятельнаго изслѣдованія (тогда энтомологическія богатства, а кажется они еще меньше насъ могутъ похвалиться разнообразностью климата и любиміемъ животнымъ и растеній).

Прекрасныя труды Зальборга (1), Главицера (2), Маннергейма, Меллина (3) составляютъ уже богатое пособіе при изученіи финляндскихъ насекомыхъ. И только Финляндія, — Дания, да Швеція имѣютъ превосходную энтомологическую фауну Петербурга (4). Раздѣленіе насекомыхъ на вредныхъ и полезныхъ телеологическое только: множествомъ наблюденій можно доказать, что одно и то же насекомое при однихъ обстоятельствахъ и въ одной мѣстности можетъ быть полезнымъ, а при другихъ условіяхъ и въ другой мѣстности оно дѣлается вреднымъ. Но если уже придаютъ цѣну этому дѣленію, то самое лучшее средство для употребленія такихъ названныхъ вредныхъ насекомыхъ есть распространеніе энтомологическихъ свѣдѣній въ публикѣ, въ массѣ: пусть она познаетъ ихъ во въ общихъ чертахъ съ ихъ устройствомъ, съ ихъ нравомъ, съ образомъ жизни, превращеніями и тогда нетрудно будетъ предотвратить вредъ. Для достиженія такой цѣли нужно дѣлать цѣпную издательскую работу, изъ Радобурга, Лейпсига, Берлина, а необходимо имѣть популярныя сочиненія по энтомологіи.

Самое же слабое средство противъ вредныхъ насекомыхъ — устро-

(1) *Insecta fennica, dissertationibus academicis a. 1817—1834 editis, enumerata a Carolo Sahlberg. Pars I.*

(2) *Wiesinger, E.: Ofoersigt af Finlands hittills kända Orthopterer jemte korta beskrifn. Helsingfors, 1861. — Wiesinger, E.: Bidr. till kännedon om Finlands Libellulider Helsingfors, 1861.*

(3) Матеріалы для изслѣдованія географическаго распространенія насекомыхъ на сѣверѣ. Гельсингфорскъ, 1854. (на шведскомъ языкѣ; но кажется есть и нѣмецкій переводъ).

(4) *Zetterstedt: Insecta Lapponica. Lipsia, 1840.*

дѣніе специальныхъ комиссій: пока онѣ приступятъ къ приготовительнымъ работамъ, да пока будутъ изучать вредныхъ насекомыхъ по книжкамъ, а потомъ въ природѣ — пройдетъ немало времени и вредныя насекомыя употребятъ уменьшиться до того, что сдѣлаются едва замѣтными. (Извѣстно, что опустошенія производимыя насекомыми рѣдко бывають постоянныя, а болѣею частью періодическія.) Къ несчастію подобный случай приключился въ 1861 году и съ русскимъ энтомологическимъ обществомъ. Г. новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Стротомовъ, желая принять самыя дѣйствительныя мѣры къ истребленію саранчи, развѣдываяшейся въ весьма большомъ количествѣ на югѣ Россіи, обратился съ вопросомъ объ этихъ мѣрахъ къ энтомологическому обществу. Намъ виднѣтъ, на первыхъ еще порахъ на долю энтомологическаго общества выпала счастливая случай: было едѣ отличиться, было едѣ показать преимущества специальныхъ познаній въ дѣлу! И въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ, что общество подало бы такіе практическіе и благоразумные совѣты, что въ одну-двѣ недѣли, ну максимумъ помѣнимъ и въ одну мѣсяцъ, саранча была бы вся истреблена... Трудно и перечесть сколько бы благословеній посыпалось со всѣхъ сторонъ на энтомологическое общество; а каковъ уваженіе приобрѣла бы себѣ энтомологія въ Россіи! О членахъ-учредителяхъ энтомологическаго общества вѣчего и говорить: они бы задышались подъ тяжестью лавровыхъ вѣнковъ! Но увы! дѣло приняло самый неожиданный оборотъ, и энтомологическое общество очень и очень не отличилось. Журналъ седьмого засѣданія повѣствуетъ довольно подробно объ этомъ научномъ происшествіи. Дѣло было вотъ какъ:

По полученіи предложенія г. новороссійскаго генералъ-губернатора, правленіе отвѣчало ему, что изслѣдованіе вредныхъ насекомыхъ, между которыми саранча занимаетъ важное мѣсто, и изысканіе мѣръ къ ихъ уничтоженію есть одна изъ главныхъ цѣлей общества и что на этотъ предметъ съ самаго начала существованія общество обратило особое вниманіе и даже составило изъ своихъ членовъ особую комиссію, которой и поручило заняться подробнымъ изслѣдованіемъ этого важнаго предмета. Комиссія, — продолжая правленіе — собирала значительныя свѣдѣнія объ образѣ жизни многихъ вредныхъ насекомыхъ, въ томъ числѣ и саранчи, и о различныхъ приемахъ и средствахъ употребляемыхъ обыкновенно противъ вредныхъ насекомыхъ; но она нашла въ различныхъ сочиненіяхъ столь неопредѣлительныя и часто совсѣмъ невѣрныя показанія относительно образа жизни и существованія саранчи, что на основаніи знаній лишь литературы, хотя и весьма

богатой, она не может остановиться исключительно ни на одномъ изъ предлагаемыхъ средствъ къ уничтоженію саранчи, потому что они большею частью суть средства воздѣія, а для принятія радикальныхъ средствъ, по мнѣнію комиссіи, необходимо изслѣдованіе саранчи въ самомъ раннемъ періодѣ ея развитія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составляютъ настоящее ея отечество.

Комиссія, изложивъ свои соображенія, передала ихъ энтомологическому обществу; общество изъявило полное сочувствіе къ соображеніямъ комиссіи и рѣшило, что дѣйствительно необходимо изслѣдовать неменѣе извѣдываніе образа жизни саранчи, но не смотря на всю готовность быть полезнымъ въ настоящемъ вопросѣ, оно не имѣетъ никакихъ матеріальныхъ средствъ для снаряженія на свой счетъ ученой экспедиціи, а всему покорнѣйши проситъ г. новороссійскаго генералъ-губернатора почтить свое уваженіемъ, не можетъ ли бытъ на этомъ предметѣ ассигнована или сумма и въ какомъ размѣрѣ она будетъ ассигнована. Вся эта процедура несколько напоминаетъ игру въ мячикъ: у общества просителя совѣтовъ, руководительства, помощи, — общество отсылаетъ просителя въ комиссію, комиссія спрашивается у Рацбургъ-вицъ, Дейншомъ, Фишеромъ (1) и видитъ, что дѣло выходитъ пресверное: ни у одного изъ этихъ авторовъ радикальнаго средства для истребленія саранчи нѣтъ; ноavelock же такъ-таки прямо и сказать: нѣтъ десятка никакихъ средствъ противъ саранчи; вотъ комиссія и бросаетъ отъ себя мячикъ назадъ: она говоритъ, что старыя средства влохи, несоветымъ достигаютъ цѣль, и что нужно придумать новыя, а для этого нужно проавести и новыя изслѣдованія саранчи. Общество, получивши мячикъ, повертѣло-повертѣло его въ рукахъ и согласилось, что дѣйствительно нужно непремѣнно произвести новыя изслѣдованія, — а затѣмъ опять отбросило мячикъ назадъ и объявило, что у него нѣтъ денегъ на новыя изслѣдованія, но что если деньги пришлютъ, такъ оно готово командировать одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ въ новороссійскій край для наблюденій на мѣстѣ. Жаль, что изъ дальнѣйшихъ протоколовъ невидно, прислалъ ли г. новороссійскій генералъ-губернаторъ какую-нибудь сумму на снаряженіе экспедиціи, или нѣтъ? И только въ протоколѣ девятаго засѣданія стоитъ краснорѣчивая строка, что такого-то числа г. новороссійскій генералъ-губернаторъ избранъ почетнымъ членомъ общества. Немного же выигралъ г. новороссійскій генералъ-губернаторъ, сирясивши у энтомологическаго общества о радикальныхъ мѣрахъ для истребленія саранчи: съ него

(1) Orthoptera europaea, auctore L. H. Fischer. Lipsiae; 1854

же денегъ на экспедицію попросили! Впрочемъ не со всѣми такъ бываетъ: вотъ наприѣръ послѣ этого случая одинъ помѣщикъ изъ царства Польскаго г. Гасфортъ жаловался обществу, что бабочка *I. монаша* и жучокъ *bostrichus tyrographus* производятъ у него опустошенія, и просилъ общество помочь его горю и дать какой-нибудь совѣтъ, — такъ общество, суда по протоколамъ, ничего и не отвѣтило г. Гасфарту, а ужъ объ *I. монаша* и *bostrichus tyrographus* у Рацебурга видимо-невидимо сколько написано.

Кромѣ мѣръ, касающихся администраціи самого общества и различныхъ предположеній, протоколы рисуютъ намъ болѣе или менѣе вѣрную картину порядка, соблюдавшагося въ ученыхъ засѣданіяхъ, и сообщаютъ перечень всѣхъ ученыхъ вопросовъ, занимавшихъ общество. При переластываніи протоколовъ большее вниманіе обращаютъ на себя статьи ученаго содержанія, бышія предметомъ разсужденій гг. русскихъ энтомологовъ, но нельзя безъ улыбки читать тѣ мѣста, въ которыхъ съ особенной наивною выступаютъ старинные обычаи ученыхъ обществъ.

Къ чему наприѣръ въ протоколахъ помѣщены реестры всѣхъ книгъ принесенныхъ въ даръ обществу, и непременно съ именами жертвователей? Пусть себѣ любители жертвуютъ книги, секретарь или консерваторъ помѣстятъ ихъ въ бібліотеку, внесутъ въ систематическій каталогъ — больше ничего и не нужно. Имя подобная процедура: кто-нибудь изъ гг. членовъ представляетъ образцы какихъ-нибудь жуковъ съ критическимъ разборомъ самостоятельности ихъ видовъ; члены посмотрѣли-посмотрѣли жуковъ, а въ протоколъ уже и является: *опредѣлено* просить написать монографію этихъ жуковъ. Жаль, что протоколъ въ этомъ мѣстѣ не довольно подробенъ; мы хотѣли бы знать какъ именно она просили? Обстановка должна быть великолѣпна. Члены встаютъ, подходятъ къ этому господину и просятъ: «пожалуста напишите монографію этихъ жуковъ, напишите! вы знаете сколько выиграетъ наука!.. Ваше перо...» Тотъ вѣроятно отвѣчаетъ: «Господа! я право... мнѣ совѣстно, я не чувствую...» — «Что вы это говорите! Нѣтъ, мы увѣрены, вы намъ не откажете...» Затѣмъ изъясняется общаніе — и монографія современемъ можетъ-быть и напишется.

Всѣ эти «опредѣлено просить», «опредѣлено благодарить» долго уже устарѣли; что пера бы ихъ вывести изъ употребленія.

Недурно также заключеніе ленидоптерологическаго отчета г. Сиверса: «Г. Сиверсъ заключилъ свое сообщеніе желаніемъ, чтобы занимающіеся здѣсь чешуекрылыми и особенно микроленидоптерологи, были счастливы уловомъ втеченіи наступающаго лѣта.» Мало знакомый съ энтомологіей приметъ это за шутку — и напра-

сно: заключеніе было сказано отъ чистаго сердца. Теперешніе энтомологи при наступленіи лѣта отправляются на долю настоящихъ мухъ на багренныя островы, и патриархальное желаніе счастливаго улова здѣсь больше чѣмъ умѣстно. Если кому-нибудь угодно зайти до какихъ размѣровъ доходить энтомологическая алчность вѣ что приблизительно значить счастливый уловъ, вотъ мѣсто изъ «Очерка современнаго состоянія познанія энтомологической науки окрестностей С. Петербурга», сообщающее нѣкоторыя данныя объ этомъ предметѣ: «Чтобы дать понятіе объ изобиліи этого насѣкомаго (*ditylus laevis*), замѣчу, что въ 1842 году г. Обертомъ добыты шестьдесятъ экземпляровъ, въ 1844 году, нѣтъ же, пятьдесятъ (оба раза въ одну экскурсію), а въ 1846 году цѣлое общество энтомологовъ, и въ томъ числѣ г. Коленати, отправились на вышеописанное мѣсто, возвратились съ огромной добычей (число пачьсотъ-шестьдесятъ экземпляровъ, которое приводитъ г. Коленати, по свидѣтельству одного изъ участниковъ экскурсіи преувеличено и можетъ относиться развѣ къ добычѣ цѣлаго года). Съ тѣхъ поръ *ditylus* попадался только поодиночкѣ, и за особенное счастье я почитаю то, что 12 іюня 1849 года удалось добыть двадцать-пять экземпляровъ.»

А какихъ размѣровъ достигнуть уловы, когда все энтомологическое общество будетъ отправляться на экскурсіи, по распоряженію правленія (§ 18 устава), въ лѣтніе мѣсяцы! Нешутя можно надѣяться, что выраженіе: «отправиться на экскурсію» сдѣлается равносильнымъ «отправиться на истребленіе насѣкомыхъ».

Обычай чтенія ученыхъ статей въ энтомологическомъ обществѣ сохранился во всей чистотѣ и неизмѣяемости. Изъ протоколовъ видно, что въ засѣданіяхъ читалось все: и труды гг. членовъ, приготовленные къ печатанію въ «Трудахъ», и статьи только ещеготавливаемые ими къ печати, и наконецъ—чего нельзя уже было прочесть, изъ того сообщалось извлеченіе. Что касается до статей приготовленныхъ къ напечатанію, то чтеніе ихъ въ засѣданіяхъ необходимо только въ томъ случаѣ, когда тутъ же произойдется ихъ офѣнка, въ противномъ случаѣ гораздо удобнѣе прочесть ихъ уже напечатанными въ «Трудахъ»; да притомъ статьи спеціальнаго содержанія иногда бывають дотогу сухи, что въ состояніи усвоить и специалистамъ; отдавая должную справедливость всемъ достоинствамъ статьи г. Блессига: «*Beitrag zur Kenntniss der Heteromeren von Australia-Felix*», мы рѣшительно не можемъ себѣ представить съ какою цѣлью она была прочитана на засѣданіи шестого марта 1861 года. Статья эта содержитъ въ себѣ описаніе и указаніе мѣстопахожденія двадцати-пяти видовъ разносуставчатыхъ жуковъ изъ Новой-Голландіи, въ томъ числѣ восемь видовъ описываются въ пер-

ый разъ; въ ней нѣтъ ничего кромѣ перечисленія наружныхъ признаковъ описываемыхъ насѣкомыхъ. Другое дѣло, еслибы г. Блесигъ прочиталъ очеркъ всей новоглянской энтомологической фауны, представлялъ бы всѣ ея особенности, уловилъ отношенія къ климату и растительности страны: такая записка была бы очень интересна; но чтеніе отрывочнаго описанія какихъ-нибудь двадцати-пяти жучковъ изъ самой отдаленной и неизвѣстной мѣстности — какъ вамъ угодно, настолько неинтересно, но совершенно безполезно.

Статья г. вице-президента общества А. К. Мандерштерна о насѣкомыхъ, встрѣчающихся въ глубокихъ пещерахъ и гротахъ, прочитанная въ засѣданіи 5 декабря 1860 г., какъ говоритъ протоколъ была интересна, но къ сожалѣнію мы не нашли ее напечатанною въ «Трудахъ», а въ протоколѣ слышано изъ нея только коротенькое извлеченіе. По извлеченію трудно судить о достоинствѣ статьи. Въ ней описывается съ большими подробностями путешествіе автора по Адельбергской пещерѣ въ Карніоліи; радость его, когда онъ нашелъ важно шагающаго по сталактитамъ жучка, *Leptodirus howardii*, и количество улова во время шестичасовой экскурсіи (всего сорокъ-шесть суставчатыхъ животныхъ и одна летучая мышь, пострадавшая вѣроятно за прошлые грѣхи свои по истребленію всякихъ насѣкомыхъ).

На засѣданіи 6 февраля 1861 года членъ общества г. Герветъ читалъ, на нѣмецкомъ языкѣ, замѣчанія на сочиненіе Аса Фиша, объ одной мухѣ *Cuterebra emasculator*. Г. Аса Фишъ, носящій странный титулъ государственнаго энтомолога Соединенныхъ-Штатовъ (какая блаженная страна для энтомологіи, какъ подумаешь, Соединенные-то Штаты: занятіе ею считается тамъ дѣломъ государственнымъ, и потрудившись, можно сдѣлаться и государственнымъ энтомологомъ!), описываетъ одинъ плачевный случай, какъ нѣсколько гудсонскихъ бѣлокъ вапали на одну каролинскую бѣлку и кастрировали ее; г. Аса Фишъ объясняетъ это нападеніе истиннымъ ожесточеніемъ бѣлокъ къ смертельному врагу ихъ *Cuterebra emasculator* и полагаетъ, что причиною нападенія было желаніе бѣлокъ уничтожить это вредное для нихъ насѣкомое, которое въ видѣ личинокъ живетъ въ *scrotum* бѣлокъ. Г. Герветъ въ замѣчаніяхъ своихъ предложилъ нѣсколько вопросовъ, неразрѣшаемыхъ сочиненіемъ Аса Фиша, и предполагаетъ, что кастрированіе бѣлокъ происходитъ, въ брачное время, отъ дракъ самцовъ за самокъ, и въ примѣръ возможности такого факта привелъ свидѣтельство одной почтенной и извѣстной личности о борьбѣ двухъ котовъ, нѣвшей подобный же исходъ.

Статья г. Гервета по своему ученому направленію и заниматель-

ному содержанию совершенно противоположна. Вспомогъ г. Блестина о Heteromet'ахъ Австраліи и вѣроятно произвела сильное впечатлѣніе на гг. членовъ общества.

Кромѣ чтенія ученыхъ статей, на засѣданіяхъ общества допускались и изустные рассказы изъ области энтомологіи; такіе рассказы вызывались случайно, но по нашему мнѣнію они только и должны составлять сущность ученыхъ засѣданій — и потому, что они: живѣе ученыхъ статей по изложенію, да и интересъ ихъ гораздо свѣтлѣе; они допускаютъ наконецъ возраженія, дополненія; при нихъ возможно обить мыслей, всестороннее разсмотрѣніе предмета. Чтеніе же напечатанной или написанной ученой статьи, кромѣ неизбежной монотонности, отнимаетъ много времени, особенно если статья значительнаго объема и предоставляетъ остальной массѣ пассивную роль слушателей.

Изъ изустныхъ рассказовъ особаго вниманія заслуживаютъ сообщеніе наблюденій о саранчѣ — члена Радамковскаго и мнѣніе члена Бремера о географическомъ распространѣніи нѣкоторыхъ русскихъ наѣдомыхъ, высказанное имъ по поводу принесеннаго въ даръ обществу собранія пещуекривыхъ изъ Иркутска. Мнѣніе г. Бремера заслуживаетъ большаго вниманія и потому, что оно высказывается не имъ однимъ, а какъ кажется поддерживается болѣею частью петербургскихъ энтомологовъ.

Зоологическая географія въ послѣднее время правда сдѣлала значительные успѣхи, но все-таки надобно сознаться, что выводы и законы ея далеко не окончательные: что ни ученый, то особый вагаль, и каждый изъ нихъ, не стѣсняясь данными, между собою земной шаръ на зоологическіе поясы, области, а потомъ уже и приговяетъ къ нимъ извѣстные факты. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, стоитъ только припомнить фабриціусовское дѣленіе земного шара на зоологическія области по двоякой средней температурѣ, или Латрейлевское дѣленіе квадратами по меридіанамъ и паралелямъ. Главный недостатокъ зоологической географіи, какъ науки, именно и состоитъ въ томъ, что для вывода основныхъ законовъ собрано въ ней еще слишкомъ мало фактовъ; а всякій легко пойметъ какъ прочны законы, опирающіеся на малое число фактовъ, особенно если случится еще, что нѣкоторые изъ этихъ фактовъ или невѣрны, или составляютъ исключеніе. Вопросъ о распространѣніи животныхъ по земному шару изъ одного или нѣсколькихъ центровъ — вопросъ чрезвычайно запутанный и сложный; рѣшеніе его еще въ далекомъ будущемъ, потому что прежде нужно собрать громадное количество данныхъ, а безъ этого постоянно будешь впадать въ противорѣчія.

Г. Бремеръ напримѣръ отвергаетъ оба способа распространенія животныхъ — изъ одного и изъ нѣсколькихъ центровъ; поэтому можно подумать, что отвергая оба способа, онъ предложилъ какой-нибудь третій; ничуть не бывало: факты, приводимые Г. Бремеромъ, какъ нельзя лучше служатъ въ подтвержденіе второго способа, именно распространенія животныхъ изъ отдѣльныхъ центровъ. Г. Бремеръ приводитъ противъ этого способа только одно доказательство: онъ говоритъ, что принимая его, придется допустить и чрезвычайное разнообразіе въ произведеніяхъ, котораго мы однакоже нигдѣ не встрѣчаемъ.

Принимая этотъ способъ распространенія животныхъ по земному шару, мы однако нисколько не обязаны вдаваться въ крайности: зачѣмъ намъ ограничивать мѣстообитаніе животнаго именно тѣмъ пунктомъ, въ которомъ оно первоначально явилось? Животное могло удалиться и дѣйствительно удалялось отъ этого пункта лучеобразно во всѣ стороны; но точно также вовсе неуживо предполагать и черезчуръ большого удаленія отъ первоначальнаго центра, которое могло бы окончательно перемѣшать всѣ отдѣльныя фауны. Животное удалялось отъ первоначальнаго пункта настолько, насколько позволяла его организація и согласіе ея съ климатическими условіями; если животное переходило за предѣлы своей области, оно не находило нужныхъ условій для своего существованія и умирало.

Одни животныя имѣютъ слишкомъ сложныя условія для своего существованія, или органы движенія ихъ развиты слабо: зоологическая область такихъ животныхъ будетъ тѣсная, съ рѣзкими границами; другія не такъ прихотливы къ условіямъ климата, къ нищѣ, или одарены прекрасно развитыми органами движенія: они расселяются и по сосѣднимъ зоологическимъ областямъ, часто и по всему земному шару; для нихъ трудно найти рѣзкую границу географическаго распространенія.

Если избѣгнуть этихъ крайностей, то всѣ главныя положенія Г. Бремера не будутъ противорѣчить распространенію животныхъ изъ отдѣльныхъ центровъ. Авторъ говоритъ: «Природа при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ произвела, хотя и на огромныхъ разстояніяхъ, если и не одни и тѣ же виды, то виды весьма близко стоящіе одинъ къ другому по сходству.» Но трудно предположить, чтобы на земномъ шарѣ было много мѣстъ съ одинаковыми климатическими условіями, если эти мѣста далеко отстоятъ одно отъ другого; скорѣе можно сдѣлать то заключеніе, что такъ какъ различныя мѣстности земнаго шара имѣютъ различныя климатическія условія, то въ каждой изъ нихъ явились и различныя животныя, каждое около своего центра. Какъ примѣръ авторъ приводитъ, что

большая часть чешуекрылыхъ европейско-полярной фауны встрѣчается на всемъ сѣверѣ Сибири и дажѣ до Лабрадора. Но этотъ примѣръ ничего не доказываетъ; изъ него видно только, что полярная фауна занимаетъ огромное пространство и распространяется на сѣверной оконечности трехъ материковъ: Европы, Азіи и Америки. На всемъ этомъ протяженіи существуютъ почти одинакія климатическія условія, одинакая, съ весьма небольшими измѣненіями, флора: немудрено, что и фауны этихъ странъ почти тождественны. Замѣчаніе это относится не только къ чешуекрылымъ насѣкомымъ европейско-полярной фауны, но и ко всѣмъ остальнымъ; Меклинъ, въ своемъ сочиненіи «*Beitrag zur Kenntniss der geogr. Verbreit. der Insecten im Norden*», приводитъ напримѣръ цѣлыя сотни жесткокрылыхъ насѣкомыхъ европейско-полярной фауны, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи Сибири и въ сѣверной Америкѣ. Насѣкомыя полярной фауны, разсеаясь по сѣвернымъ оконечностямъ материковъ, съ одной стороны достигли береговъ сѣвернаго Ледовитаго океана, съ другой мало-помалу подвигались и подвигаются на югъ, въ европейскую Россію, въ южную Сибирь и сѣверную Америку, и всѣ мѣстности, лежація на южной границѣ полярной фауны, отличаются богатствомъ и разнообразіемъ насѣкомыхъ, потому что здѣсь встрѣчаются перемѣшанными насѣкомыя разныхъ фаунъ; при этомъ до сихъ поръ еще неопредѣлено и неприведено въ извѣстность, какъ далеко насѣкомыя умеренной Европы могутъ переходить эту границу къ сѣверу и какъ далеко полярныя насѣкомыя могутъ удалаться отъ этой границы къ югу. Кромѣ того, если ограничиться двумя-тремя примѣрами, то можно доказать, что природа и при совершенно различныхъ обстоятельствахъ производила одинакіе виды. Плавунецъ окаймленный (*dytiscus marginalis*) живетъ въ водахъ Гренландіи и въ Алжирѣ; *dytiscus griseus* встрѣчается въ Лапландіи и Бенгаліи. Южно-европейскій жукъ *pristanuchus complanatus* попадаетъ и въ горахъ окружающихъ Вальпарайзо, въ Чили. Трудно кого-нибудь увѣрить, что мѣстности эти, сравниваемые между собою попарно, имѣютъ одинакія климатическія условія.

Различныя примѣры географическаго распространенія чешуекрылыхъ насѣкомыхъ, приводимые г. Бремеромъ, противорѣчатъ его первому положенію, что природа при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ произвела, хотя и на огромныхъ разстояніяхъ, или одни и тѣже, или очень близкіе между собою виды. Авторъ говоритъ напримѣръ, что многія средне-европейскія бабочки встрѣчаются на сѣверѣ Африки и въ Сибири; отчего же это произошло? По теоріи г. Бремера выходитъ, что всѣ эти страны имѣютъ оди-

какія климатическія условія ; оттого, хотя онѣ и отдѣлены огромнымъ разстояніемъ, но имѣютъ много общихъ видовъ насѣкомыхъ. Можно подобать и еще болѣе разительные примѣры : *limenitis ascegis* попадается въ Венгріи и на островѣ Явъ; *sphinx celerio* и *sph. negii* — на всемъ пространствѣ отъ южной Франціи до острова Мавриція; въ 1861 году мною найдены были три экземпляра личинокъ *sph. negii* на олеандрахъ, выставленныхъ на воздухъ, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ; изъ нихъ одна и окуклилась. *Sphinx convolvuli* находили, по показанію г. Бремера, въ Петербургѣ; онъ водится не только во всей Европѣ, но попадается и на островахъ Тихаго океана, гдѣ на Таити онъ не очень рѣдокъ. Чѣмъ объяснить подобные факты? Неужели той же теоріей, что природа при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ производитъ одинакіе виды? Нельзя же допустить, что Петербургъ, южная Франція и полинезійскіе острова поставлены въ одинакія обстоятельства. Положить законы для энтомологической географіи — не легкое дѣло, и даже знаменитѣйшіе энтомологи настоящаго времени обходили этотъ трудный вопросъ.

Бурмейстеръ обѣщалъ въ своемъ «*Handbuch der Entomologie*» трактатъ объ энтомологической географіи, да такъ обѣщаніемъ и кончилъ.

Въ этомъ же разсказѣ авторъ излагаетъ мнѣніе, что Петербургъ есть одно изъ мѣстъ, гдѣ животныя полярной фауны перемѣшиваются съ животными умереннаго пояса, почему окрестности его очень богаты и интересны; въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ тотъ фактъ, что *colias pelidne*, *argynnis Frigga* и *Ossianus*, *chionobas Jutta*, которыя почитаются обитателями сѣвера, встрѣчаются около Петербурга съ южно-европейскими бабочками: *sphinx ligustri*, *sph. convolvuli* и *acherontia antropos*. Авторъ прибавляетъ еще, что поименованныя насѣкомыя появились въ петербургскихъ окрестностяхъ очень недавно, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Если авторъ основываетъ свое мнѣніе только на семи насѣкомыхъ, которыхъ онъ перечислилъ, то насъ удивляетъ та увѣренность въ непогрѣшимости, съ которою оно высказывается. Вѣроятно ему извѣстно гораздо большее число насѣкомыхъ полярно и южно-европейской фауны, которыя встрѣчаются въ петербургскихъ окрестностяхъ; тогда нельзя не пожалѣть, что онъ поспешилъ на факты: они придали бы большій вѣсъ его мнѣнію.

При рѣшеніи вопроса о смѣшеніи полярной и средне-европейской фауны на поляхъ петербургскихъ необходимо обратить вниманіе и на множество другихъ вопросовъ.

Такъ Петербургъ составляетъ одинъ изъ хорошо-ислѣдован-

ныхъ пунктовъ въ энтомологическомъ отношеніи, а затѣмъ о всѣхъ окружающихъ губерніяхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Можетъ легко случиться, что *colias pelidne*, *argynnis Frigga*, *arg.* *Ossianus*, *chinobas Jutta* и другія полярныя насѣкомыя будутъ найдены не только въ псковской, но и въ витебской губерніи: въ такомъ случаѣ граница смѣшенія фаунъ подвинется значительно къ югу. И наоборотъ: сѣверная граница многихъ средне-европейскихъ насѣкомыхъ, проходящая теперь чрезъ Петербургъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ можетъ-быть подвинется еще дальше къ сѣверу. Да наконецъ, при настоящемъ состояніи энтомологической географіи трудно опредѣлительно сказать какія именно насѣкомыя должны считаться безусловно принадлежащими къ полярной фаунѣ.

Въ «Очеркѣ современнаго состоянія познанія энтомологической фауны окрестностей С. Петербурга» (1) барона Остенъ-Сакена, изъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ несомнѣнно относящимися къ полярной фаунѣ считаются только восемнадцать видовъ. Уже это малое число ясно указываетъ на недостаточность нашихъ познаній и изслѣдованій по энтомологической географіи: нельзя же ограничить полярную фауну какими-нибудь двадцатью характеристическими видами жесткокрылыхъ насѣкомыхъ; въ «*Fauna insectorum lapponica*» Цеттерштедта описывается болѣе восьмисотъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, обитающихъ въ Лапландіи. Отчего не считать большей части лапландскихъ насѣкомыхъ принадлежащими къ полярной фаунѣ? Въ противномъ случаѣ пространство ея ограничится только Шпицбергеномъ, Новой-Землей, странами прилежащими къ сѣверовосточному мысу и сѣверными землями Сѣверной Америки. Насѣкомыя полярной фауны распространялись и будутъ распространяться далеко къ югу и могутъ поселиться на всей территоріи средне-европейской Россіи; обстановка и климатическія условія этой послѣдней не представляютъ для нихъ значительныхъ уклоненій, при которыхъ существованіе ихъ дѣлалось бы невозможнымъ. Флора средне-европейской Россіи ковечно богаче, но на всемъ ея пространствѣ все-таки нельзя найти мѣста, гдѣ бы не произрастали сосна, ель, береза, осина, ольха и ивы: а при существованіи этихъ растеній уже вполне обезпечены жизненныя условія многихъ полярныхъ насѣкомыхъ. Совершенно иное явленіе представляютъ характеристическія насѣкомыя средне-европейской фауны: они рѣдко переходятъ за сѣверную границу своей области, потому что имъ пришлось бы

(1) «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» за іюнь, іюль, августъ и декабрь 1857 года.

переносить не только болѣе суровыя зимы, но и очень короткое лѣто; потому въ полярной области они могли бы не найти необходимыхъ для нихъ растеній травянистыхъ и деревянистыхъ; тамъ нѣтъ ни дуба, ни бука, ни ясени (здѣсь разумѣются сплошныя и большія насажденія, потому что по стоящимъ кое-гдѣ и обыкновенно уродливымъ единичнымъ деревьямъ нельзя дѣлать положительнаго заключенія), а эти деревья питаютъ цѣлую фалангу насѣкомыхъ и многія изъ нихъ чрезвычайно характеристичны для средне-европейской фауны. Оттого и выходитъ, что не только въ полярной фаунѣ, но и на широтѣ Петербурга типическія средне-европейскія насѣкомыя встрѣчаются сравнительно довольно рѣдко, а полярныя переходятъ широту Петербурга и встрѣчаются въ средне-европейской Россіи и даже въ остальной Европѣ. Дѣйствительность этого предположенія подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что не только большая часть жесткокрылыхъ Лапландіи встрѣчается во всей средней Европѣ, но и изъ восемнадцати типическихъ полярныхъ формъ (по перечню барона Остенъ-Сакена) слѣдующія десять попадаются довольно часто въ средне-европейской фаунѣ: *liochiton arcticum*, *amara erratica*, *dytiscus lapponicus*, *dicanthus melancholicus*, *lina lapponica*, *callidium coriaceum*, *pachyta interrogationis*, *dermestes vulpinus*, *ditylus laevis* и *onthophagus austriacus*. Два вида: *upis ceramboides* и *pytho depressus* найдены были мною, въ разное время, въ окрестностяхъ Могилева на Днѣпрѣ, даже въ значительномъ количествѣ. Объ остальныхъ шести видахъ нельзя сказать что-нибудь опредѣлительное; потому что на примѣръ *blethsia Zetterstedtii*, *boreaphilus henningianus*, *lymexylon flabelliforme* до сихъ поръ найдены только въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ и составляютъ величайшую энтомологическую рѣдкость; можетъ-быть при дальнѣйшихъ изысканіяхъ они будутъ найдены въ болѣешемъ числѣ не въ Лапландіи и Финляндіи, а въ средне-европейской Россіи, и тогда придется сдѣлать совершенно противоположное заключеніе. *Pelecotoma fennica* (Паук.) найдена же была въ Финляндіи въ одномъ экземплярѣ, другой попался тамъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ; а теперь этотъ жукъ найденъ и въ Пруссіи, и въ Австріи, и около Москвы; въ 1861 году мнѣ удалось видѣть его въ значительномъ количествѣ въ могилевской губерніи; я какъ странно теперь его видовое названіе — *fennica*. Точно также почему не причислеть къ полярнымъ насѣкомымъ охурусъ *Mannerheimii* (Gyll.)? вѣдь онъ кромѣ Финляндіи нигдѣ не былъ найденъ. Редтенбахеръ, Бахъ, Краадъ вовсе не упоминаютъ объ этомъ видѣ въ своихъ фаунахъ; и между тѣмъ на энтомологической экскурсіи въ 1861 году опъ попался мнѣ въ окрестностяхъ Могилева на Днѣпрѣ; ни-

чего нѣтъ мудренаго, если его найдутъ современежъ въ черниговской и кievской губерніяхъ (1).

Вообще слишкомъ еще рано дѣлать какіе-нибудь положительные выводы о географическомъ распространеніи насѣкомыхъ европейской Россіи; это можно будетъ сдѣлать только тогда, когда все огромное пространство ея будетъ хотя сколько-нибудь изслѣдовано въ энтомологическомъ отношеніи.

Кончая разборъ протоколовъ, мы позволяемъ себѣ еще разъ повторить уже высказанную нами мысль, что дѣятельность всякаго ученаго общества всего лучше выражается въ ученыхъ трудахъ его членовъ и въ томъ направленіи, которое сообщать они наукѣ.

Публикѣ вовсе ненужно и неинтересно знать сколько разъ собираются для засѣданій гг. члены общества, сколько часовъ продолжаются ихъ засѣданія, какіе на этихъ засѣданіяхъ возбуждаются вопросы: она смотритъ только на окончательный результатъ дѣятельности общества — на ученые статьи въ «Трудахъ», которыя и будутъ служить всегда самымъ вѣрнымъ шриломъ разработки энтомологической науки.

Въ изданной теперь первой книжкѣ помѣщено двѣнадцать статей ученаго содержанія, которыя и составляютъ капитальную часть «Трудовъ». Назначеніе «Трудовъ» чисто специальное: въ нихъ помѣщаются только тѣ статьи, которыя разбираютъ научные энтомологическіе вопросы или приложеніе энтомологіи къ потребностямъ общества; на специальность ихъ указываетъ отчасти и ихъ латинская тога: они называются «*Horae societatis entomologicae Rossicae, varii sermonibus in Russia usitatis editae*». Но пусть читатель не боится этого латинскаго названія: въ «Трудахъ» нѣтъ статей написанныхъ полатыни.

Для облегченія оцѣнки «Трудовъ» мы позволимъ себѣ раздѣлить статьи въ нихъ напечатанныя на двѣ категоріи: къ первой

(1) Ограниченіе типическихъ полярныхъ формъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ только восемнадцатью видами тѣмъ болѣе странно, что уже по фаунѣ Цеттерштедта ихъ можно насчитать цѣлыя десятки. Если подобныя насѣкомыя, какъ *dytiscus lapponicus*, *amara erratica*, *pachyta interrogationis*, *pytho depressus*, *lina lapponica*, считаются видами несомнѣнно принадлежащими къ полярной фаунѣ, то странно, какимъ образомъ не попали въ число полярныхъ формъ слѣдующіе напримѣръ виды: *claphrus elapponicus*, *laphrus arcticus*, *blethsia arctica*, *harpalus borealis*, Zett. *bembidium Fellmanni*, *bembidium Pfeiffii*, *lomechusa infusa*, *oxytelus lapponicus*, *omalium boreale*, *silpha lapponica*, *hyphydrus alpinus*, *aphodius lapponum*, *aphodius borealis*, *aphodius rhenonum*, *calopus æneus*, *cantharis lapponica*, *anthophagus alpinus*, *rhyrachænus arcticus*? А они можетъ-быть и вовсе больше права считаются полярными формами, потомучто врядъ ли которое-нибудь изъ нихъ хоть изрѣдка попадаетъ въ средне-европейскихъ фаунахъ.

принадлежать статьи хотя и спеціальныя, но по способу изложенія болѣе или менѣе общедоступныя, ко второй же — статьи чисто спеціальныя, могушія интересовать только истыхъ энтомофиловъ.

Принявъ такое дѣленіе, къ первой категоріи мы относимъ слѣдующія пять статей: 1) Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige? und wie ist diese Auffassung auf die Entomologie anzuwenden? 2) Ueber Beobachtungen der schädlichen Insecten und über die Mittel gegen dieselben — г. президента русскаго экономическаго общества, академика 'Бара; 3) объ открытіи и учрежденіи русскаго энтомологическаго общества, 4) «Живыя насѣкомыя на снѣгу» — секретаря общества; г. Симашко и 5) «Энтомологическія замѣтки о послѣдней выставкѣ императорскаго вольнаго экономическаго общества» г. Гернета.

Первое мѣсто въ ряду этихъ статей принадлежитъ вступительной рѣчи г. президента энтомологическаго общества, заманчивое заглавіе которой такъ много обѣщаетъ. Чтò можетъ быть интереснѣе для естествоиспытателя, какъ не рѣшеніе вопроса о томъ, какой взглядъ на живую природу правильный? Но еще интереснѣе примѣненіе этого вопроса къ энтомологіи для изслѣдователя насѣкомыхъ.

Настоящее состояніе энтомологіи есть состояніе переходное; оно долго продолжаться не можетъ. Чтò мы находимъ въ современныхъ энтомологическихъ сочиненіяхъ? Самое однообразное и утомительное перечисленіе наружныхъ видовыхъ признаковъ, ненужныя подробности энтомологической синонимики, терминологіи — и ни одного живого слова объ отношеніяхъ насѣкомыхъ къ другимъ животнымъ, къ растеніямъ, къ почвѣ, къ климату! Для изученія нравовъ и образа жизни насѣкомыхъ намъ и теперь указываютъ на сочиненія Реомюра, Дегесера. Гдѣ же ихъ преемники? Неужели на этомъ поприщѣ наука почти ничего еще не сдѣлала втеченіи послѣднихъ ста лѣтъ? Зато сколько въ это время явилось систематическихъ сочиненій, энтомологическихъ фаунъ (большею частью неоконченныхъ), монографій, и до какихъ тонкостей доведено различеніе отдѣльныхъ видовъ! Точечки, полоски, пятнышки, зубчики — все пущено въ ходъ, все выдвинуто на первый планъ!

Въ послѣднее время многіе изъ нѣмецкихъ энтомологовъ бросили уже это направленіе и пошли по обратному пути, вслѣдствіе чего самостоятельность многихъ видовъ уничтожилась и количество видовъ вообще уменьшилось; но подобный возвратъ не есть еще возвратъ къ лучшему.

Нѣкоторыя попытки современныхъ естествоиспытателей дають намъ приблизительное понятіе о томъ направленіи, которое прини-

маеть энтомологія въ новѣйшее время: такъ Суфрiанъ разъяснялъ отношеніе многихъ chrysomelides къ растеніямъ, Perris (въ «Annales de la Soc. Ent. de France» 1858 я слѣдующихъ годовъ) — нравы и превращенія насѣкомыхъ, живущихъ на приморской соснѣ (pinus maritima); Шаумъ, объясняя отличія (varietates) климатическими условіями, уничтожилъ самостоятельность многихъ шаткихъ видовъ. Но все это только попытки.

Установленіе правильнаго взгляда на энтомологію важно въ особенности въ Россіи, гдѣ эта наука только-что прививается, и конечно не желательно бы было, чтобы она пошла по ложному пути. Мы видимъ уже на опытѣ, какъ мало способствовали у насъ распространенію любви къ энтомологіи и какъ мало подвинули впередъ энтомологическія знанія наши спеціальныя естественно-историческія изданія: бюлетени и записки академіи наукъ и бюлетени московскаго общества испытателей природы.

Но къ удивленію нашему, въ своей вступительной рѣчи г. президентъ энтомологическаго общества какъ-будто обходитъ всѣ энтомологическіе вопросы и трактуетъ о предметахъ совершенно чуждыхъ энтомологіи. Впрочемъ г. президентъ въ началѣ рѣчи высказываетъ, что онъ не принадлежитъ къ числу спеціалистовъ-энтомологовъ.

Говоря о направленіи энтомологическихъ изслѣдованій, авторъ сначала становится на сторону систематики и развиваетъ ту мысль, что при занятіяхъ насѣкомыми прежде всего нужно обращать вниманіе на точное познаніе и отличеніе видовъ. На чемъ же основана самостоятельность видовъ насѣкомыхъ? На признакахъ, заимствуемыхъ отъ наружной формы, — и слѣдовательно вслѣдствіе этого воззрѣнія опять точки, волоски, полѣски, зубчики будутъ стоять на первомъ планѣ.

Въ концѣ же своей рѣчи г. президентъ въ особенности рекомендуетъ членамъ русскаго энтомологическаго общества заняться изученіемъ инстинкта насѣкомыхъ, потому что такое изученіе должно способствовать ясному познанію духовной стороны природы.

Извѣстно, что до сихъ поръ эти два направленія не сходились въ энтомологіи и были одно другому враждебны. Реомюръ, наблюдая и изучая инстинктъ насѣкомыхъ, дотога пренебрегалъ систематикой, что въ настоящее время трудно рѣшить къ какому именно виду относятся нѣкоторыя изъ его наблюденій: онъ не обращалъ никакого вниманія на наружную форму; Фабриціусъ и всѣ его преемники довольствовались описаніемъ одной наружной формы и оставляли всторонѣ нравы и образъ жизни насѣкомыхъ.

Жаль, что г. президентъ слегка только коснулся этого важнаго

вопроса и не развилъ возможности комбинированія этихъ двухъ взглядовъ на энтомологію. Затѣмъ вся почти рѣчь посвящена болѣе или менѣе интереснымъ предположеніямъ; о чемъ въ ней не говорится! И объ экономіи природы, и о рыбоводствѣ, о сохраненіи манускриптовъ, о нотахъ quasi-потерянныхъ Ливингстономъ во внутренности Африки; есть даже нѣсколько словъ и объ египетскихъ пирамидахъ! Въ особенности интересенъ трактатъ о томъ, какимъ образомъ можно дойти до настоящаго, правльнаго пониманія природы.

По мнѣнію автора взглядъ на природу какъ на что-то неизмѣняемое, на что-то остановившееся въ своемъ развитіи происходить отъ того малаго масштаба, въ которомъ мы привыкли ее разсматривать; масштабъ этотъ въ свою очередь зависитъ отъ продолжительности нашей жизни и способности воспринимать только опредѣленное количество ощущеній въ извѣстную единицу времени. Развивая свои идеи, авторъ рисуетъ намъ цѣлыя картины, полные образы, въ какихъ представлялась бы намъ природа смотря потому, укорачивалась или удлинялась бы наша собственная жизнь. Прежде всего онъ рассказываетъ намъ, въ какомъ бы видѣ представилась человѣку природа, еслибы жизнь его, сохранивъ всю внутреннюю полноту, вмѣсто восьмидесяти лѣтъ сократилась бы на двадцать девять дней, причемъ пульсъ ~~сдѣлался~~ сдѣлался бы въ тысячу разъ скорѣе, т. е. въ одну секунду онъ совершалъ бы не одинъ, а тысячу ударовъ, и сохранилась бы способность впродолженіи каждаго сокращеннаго удара пульса воспринимать отъ шести до десяти внѣшнихъ впечатлѣній.

Такой человѣкъ могъ бы непосредственно слѣдить глазами за движеніемъ ружейной пули, видѣлъ бы на своемъ вѣку двадцать девять восхожденій и захоженій солнца, всѣ фазы луны, но не имѣлъ бы понятія о перемѣнѣ временъ года, постиженіе которой было бы для него возможно только тогда, когда бы онъ воспользовался описаніями и указаніями своихъ предшественниковъ. Находя двадцатидневное существованіе слишкомъ продолжительнымъ, авторъ укорачиваетъ его въ тысячу разъ и ограничиваетъ сорока минутами и съ особенною любовью описываетъ взглядъ такого сорокаминутнаго человѣчка на природу. Человѣкъ при такомъ кратковременномъ существованіи не могъ бы замѣтить роста травы, распусканія цвѣтовъ: они казались бы ему неизмѣняемыми; о перемѣнѣ дня и ночи онъ не могъ бы составить ни малѣйшаго понятія. Г. президентъ энтомологическаго общества проектировалъ даже предсмертное завѣщаніе, которое этотъ минутный человѣкъ, родившись на примѣръ въ юнѣ мѣсяцѣ въ шесть часовъ пополудни, сказалъ бы при кон-

цѣ жизни своимъ внукамъ. Представляемъ переводъ этого курьознаго фрагмента :

«Когда я родился, блестящее свѣтило, отъ котораго повидимому происходитъ теплота, стояло на небѣ выше нежели теперь. Съ того времени оно все болѣе и болѣе подвигалась къ западу и вмѣстѣ съ тѣмъ опускалось все ниже и ниже. Въ тоже время воздухъ дѣлался холоднѣе. Можно предвидѣть, что въ непродолжительномъ времени, спустя одну или двѣ генерации, оно совершенно исчезнетъ, и тогда распространится оцѣпеняющій холодъ. Это будетъ вѣроятно конецъ свѣта или крайней мѣрѣ Человѣческаго рода.»

Понятно, что при такомъ короткомъ существованіи человѣкъ не могъ бы замѣтить никакихъ перемѣнъ въ органической природѣ. Онъ не только не могъ бы замѣтить перемѣны времени года, но даже большая часть органическихъ существъ казались бы ему неизмѣняемыми; чтобы примѣтить напримѣръ распусканіе цвѣтка изъ цвѣтовой почки, ему пришлось бы просидѣть надъ нимъ около двадцати минутъ, т. е. ровно половину его жизни; двадцать минутъ значили бы для него тоже что для насъ сорокъ лѣтъ. Онъ не могъ бы непосредственно наблюдать движенія различныхъ животныхъ, потому что для его быстро-воспринимающаго глаза они были бы слишкомъ медленны и онъ бы познавалъ движенія животныхъ такъ же, какъ мы теперь познаемъ движенія небесныхъ тѣлъ.

Вся органическая природа казалась бы такому человѣку безжизненною и неизмѣняемою. Всѣ музыкальные тоны, которые мы слышимъ, для такого человѣка остались бы совершенно неслышными; и только самый высокій тонъ, въ 48,000 колебаній въ секунду, былъ бы воспринятъ его ухомъ, какъ самый низкій. Всѣ впечатлѣнія *солта* и цвѣтовъ онъ бы не видѣлъ, а *слышалъ*, потому что колебанія эфира доходили бы до уха его въ видѣ звучныхъ волнъ.

Набросавъ картину, въ какой представилась бы природа человѣку съ весьма кратковременнымъ существованіемъ, авторъ дѣлаетъ противоположное предположеніе: онъ удлинняетъ человѣческую жизнь, сначала въ тысячу, а наконецъ въ миллионъ разъ, и такъ какъ онъ принимаетъ за норму человѣческой жизни восемьдесятъ лѣтъ, то въ послѣднемъ случаѣ человѣку пришлось бы, по желанію автора, прожить ни болѣе, ни менѣе какъ восемьдесятъ миллионъ лѣтъ... Почтенное существованіе, есть чему позавидовать! Послѣдуемъ за авторомъ и посмотримъ, чѣмъ особеннымъ будетъ отличаться взглядъ на природу такого долговѣчнаго существа. Понятно, что пульсъ будетъ тоже въ миллионъ разъ медленнѣе и для воспринятія каждаго впечатлѣнія потребуется въ миллионъ разъ болѣе времени.

Такой человекъ втеченіи теперешняго года могъ бы воспринять только сто восемьдесятъ девять впечатлѣвій; онъ не могъ бы постигнуть переменъ дня и ночи, или она представилась бы ему только въ видѣ минутнаго ослабленія свѣта, и то зимою; онъ видѣлъ бы постоянную зарю съ сверкающимъ свѣтомъ, и значить понятія «темный», «мрачный» — были бы ему чужды. Солнце не-казалось бы ему движущимся шаромъ, а свѣтлой полосой на небѣ, на подобіе того, какъ раскаленный уголь, приведенный въ быстрое движеніе, кажется намъ въ видѣ огненной дуги. Перемену времени года такой человекъ могъ бы замѣтить, но она проходила бы для него необыкновенно быстро, потому что на всѣ четыре времени года пришлось бы только тридцать-одинъ съ половиною ударъ пульса; впродолженіи десяти ударовъ пульса земля казалась бы покрытою снѣгомъ и льдомъ (въ нашихъ широтахъ); полтора удара пульса — и снѣгу и льду какъ не бывало: все растаяло; десять ударовъ пульса еще — и земля покрылась роскошными цвѣтами, деревьями, прекрасными плодами; въ послѣдніе десять ударовъ пульса цвѣты уже завяли, плоды осыпались, листья опали и снова наступаетъ зима... Удивительно, какъ весело!

Нарисовавъ всѣ эти картины, авторъ спрашиваетъ себя: который взглядъ на природу правильнѣе и ближе подходитъ къ истинѣ? и отдастъ преимущество тому, который проистекаетъ отъ приложенія къ природѣ большаго масштаба. А отчего не предположить, что взгляды на природу всѣхъ выведенныхъ авторомъ на сцену существъ одинаково пестры и далеко не подходятъ къ истинѣ?

Сорокаминутный человекъ не можетъ постигнуть переменъ дня и ночи, потому что онъ слишкомъ мало живетъ; человекъ, живущій миллионы годовъ, тоже не можетъ замѣтить этой перемены, потому что слишкомъ долго живетъ и вмѣсто дня и ночи видитъ только постоянный свѣтъ съ легкимъ сверканіемъ.

Первый не можетъ замѣтить даже распусканія цвѣтка, потому что ему пришлось бы для этого пожертвовать половиною жизни; послѣдній не можетъ его замѣтить потому, что оно происходитъ въ слишкомъ короткій промежутокъ времени и не успѣваетъ сдѣлать достаточнаго раздраженія на его зрѣніе.

Трудно положить предѣлы предположеніямъ, и мало ли что можно вообразить? Можно вообразить, что люди будутъ жить только по сорока минутъ, но можно пойти и еще дальше: отчего не представить себѣ, что они будутъ жить по десяти минутъ, по одной минутѣ, наконецъ по одной секундѣ? Точно также восемьдесятъ миллионъ лѣтъ — это еще не богъ-знаетъ какая долгая жизнь; пусть себѣ

люди живутъ бильоны и трильоны лѣтъ: вѣдь это намъ ничего не стоитъ!

Въ этой же рѣчи авторъ предположилъ, что еслибы человекъ былъ величиною только съ инфузорию, то прудъ показался бы ему океаномъ. Жаль, что авторъ не сдѣлалъ обратнаго предположенія и не вычислилъ, какую величину долженъ бы былъ имѣть человекъ, чтобы океанъ показался ему прудомъ.

Подробное развитіе такихъ фантазій врядъ ли можетъ сколько-нибудь способствовать уясненію нашего взгляда на природу, и столько же относится къ энтомологіи, сколько и къ астрономіи!

Что касается до статьи г. президента: «Ueber Beobachtungen der schädlichen Insecten und über die Mittel gegen dieselben», то мы думаемъ, что какъ мысли объ этомъ предметѣ были высказаны г. президентомъ случайно при чтеніи частнаго письма д-ра Уке изъ Самары, такъ и статья случайно попала въ «Труды». По общественному содержанію своему она не имѣетъ интереса для специалистовъ, и ее полезнѣе бы было помѣстить въ «Запискахъ» общества, конечно въ переводѣ на русскій языкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что она сообщаетъ новаго? Что при истребленіи вредныхъ насѣкомыхъ только отъ такихъ мѣръ можно ожидать существенной пользы, которыя будутъ основаны на изученіи образа жизни насѣкомыхъ и на знаніи законовъ науки; что мѣры для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ въ небольшихъ лѣсонасажденіяхъ непримѣнны къ большимъ лѣснымъ пространствамъ, еслибы въ нихъ показались вредныя насѣкомыя; непрестанныя повторенія аксіомы, что на опустошенія, произведенныя вредными насѣкомыми, нужно смотрѣть какъ на дѣло прошлое, исправить ихъ уже нельзя, а нужно стараться предупредить эти опустошенія въ будущемъ; что насѣкомыя очень вредныя въ одной мѣстности, въ другой могутъ быть совершенно безвредны.

Спрашивается, кому изъ специалистовъ всѣ эти истины не извѣстны? Ученая статья, набитая общими мѣстами, производитъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе. А сколько въ ней противорѣчій! Въ одномъ мѣстѣ говорится, что въ Россіи лѣсъ нипочемъ, что между Каргополемъ и Холмогорами тысячи строевыхъ деревьевъ, срубленныхъ для расширенія дороги, гнили нетронутыя втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и что если покажутся въ такихъ лѣсахъ вредныя насѣкомыя, то лучше всего предоставить истребленіе ихъ самой природѣ; а въ другомъ изъясняется соболѣзнованіе, что наши лѣсные чиновники слишкомъ завалены письмоводствомъ и мало имѣютъ времени для осмотра лѣсовъ и наблюденія вредныхъ насѣкомыхъ... Авторъ находитъ, что было бы гораздо

полезнѣе сократить переписку: тогда выходило бы меньше бумаги, явилось бы сбереженіе, а на сбереженныя деньги можно бы было выписать для лѣсничихъ небольшія собранія важнѣйшихъ вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, во всѣхъ ихъ метаморфозахъ и даже «cum excrementis». Неужели авторъ предполагаетъ, что одного приобрѣтенія лѣсничими энтомологическихъ коллекцій довольно для того, чтобы сдѣлать ихъ энтомологами? Нисколько! Если лѣсничій, занимавшійся никогда энтомологіей, получитъ коллекцію насѣкомыхъ, то онъ не сумѣетъ и сохранить ее... *Psocus'ы*, *ptinus'ы*, *dermestes'ы* и моли порѣшатъ ее въ полгода!

Потомъ авторъ высказываетъ очень дѣльную мысль, что наблюденія надъ вредными насѣкомыми, произведенныя въ Германіи, Франціи и Швейцаріи, у насъ врядъ ли принесутъ много пользы, потому что они не могутъ быть непосредственно примѣнимы къ нашему климату. Въ слѣдующемъ періодѣ мысль уже значительно смягчается: авторъ совѣтуетъ старательно изучать иностранныхъ наблюдателей, описывавшихъ нравы и образъ жизни насѣкомыхъ, и увѣряетъ, что намъ нужно только подмѣтить *сремя* развитія и метаморфозъ насѣкомыхъ въ нашихъ широтахъ и совпаденіе главныхъ метаморфическихъ моментовъ съ различными хозяйственными условіями. Дальше авторъ становится уже совершенно подъ другое знамя и говоритъ, что мы сдѣлаемъ большую глупость, если начнемъ снова наблюденія надъ вредными насѣкомыми и не воспользуемся тѣмъ, что давно уже сдѣлано въ другихъ земляхъ.

Какія же это рациональныя средства придуманы иностранными учеными для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ, которыя мы могли бы съ пользою примѣнить въ нашемъ климатѣ и при нашихъ хозяйственныхъ условіяхъ? Закапываніе мертвыхъ раковъ на поляхъ, собираніе личекъ насѣкомыхъ, ихъ гусеницъ и куколокъ, разбрасыванье по лѣсамъ ловчихъ деревьевъ, окапываніе глубокими рвами нашихъ обширныхъ полей, стрясываніе вредныхъ насѣкомыхъ съ деревьевъ. Но всѣ эти мѣры удобны только на небольшихъ пространствахъ и при обиліи рабочихъ рукъ; попробуйте примѣнить ихъ на дѣлѣ въ нашихъ огромныхъ поляхъ и лѣсахъ — и онѣ окажутся только смѣшными и ничтожными усиліями.

Общая энтомологія конечно для всѣхъ странъ одинакова и изученіе ея по иностраннымъ источникамъ, если нѣтъ своихъ, не принесетъ никакого вреда; но изученіе вредныхъ насѣкомыхъ и придумываніе средствъ ихъ истребленія для каждой мѣстности должны быть произведены особо, самымъ тщательнымъ образомъ и съ приращеніемъ ко всѣмъ мѣстнымъ условіямъ; здѣсь необходимо обратить вниманіе и на самыя породы вредныхъ насѣкомыхъ, на время

ихъ развитія, на отношенія ихъ къ мѣстной флорѣ. Здѣсь трудно пользоваться иностранными источниками, особенно если принять во вниманіе, что и въ сочиненіяхъ специалистовъ-энтомологовъ часто встрѣчаются примѣры самыхъ странныхъ понятій о жизни насѣкомыхъ.

Чтеніе сочиненій о вредныхъ насѣкомыхъ можетъ привести къ тому убѣжденію, что при настоящемъ состояніи нашихъ энтомологическихъ свѣдѣній почти невозможно бороться съ міриадами этихъ маленькихъ опустошителей нашихъ полей и лѣсовъ.

Коротенькія статьи г. Симашко о живыхъ насѣкомыхъ на сѣвѣ и г. Гернета «Энтомологическія замѣтки о послѣдней выставкѣ императорскаго вольнаго экономическаго общества» были бы очень интересны, еслибы не носили на себѣ характера неоконченности и не прерывались на самыхъ интересныхъ мѣстахъ.

Такъ г. Симашко, говоря о *desoria glacialis*, найденной г. Блицкимъ въ окрестностяхъ Могилева-подольскаго, прибавляетъ, что онъ самъ имѣлъ нѣсколько разъ случай наблюдать живыхъ насѣкомыхъ на сѣвѣ около Петербурга; насѣкомыя принадлежали къ отряду щетинохвостыхъ (*thysanura*) и весьма близко подходили къ виду *roduga arborea*, Deg. Но къ сожалѣнію авторъ не сообщалъ своихъ наблюденій, потому что онъ предполагаетъ современемъ составить изъ нихъ особый трудъ. Хорошо если планъ автора осуществится и наблюденія его не затеряются, а будутъ напечатаны; въ противномъ случаѣ энтомологія много потеряетъ, потому что отрядъ *thysanura* принадлежитъ къ наименѣе изслѣдованнымъ отрядамъ, и потому мы должны дорожить каждымъ подмѣченнымъ фактомъ.

Въ статьѣ о выставкѣ вольнаго экономическаго общества г. К. Гернетъ рассказываетъ, что на эту выставку между прочимъ присланы были г. Стосомъ изъ кievской губерніи двѣ коллекціи вредныхъ насѣкомыхъ съ весьма замѣчательными препаратами яичекъ и личинокъ различныхъ видовъ жуковъ-долгоносиковъ изъ рода *cleonus*. По словамъ автора, изъ четырнадцати европейскихъ родовъ, принадлежащихъ съ родомъ *cleonus* къ группѣ *brachyderides*, до сихъ поръ извѣстны только личинки двухъ видовъ изъ рода *polydrosus*, да и то недостаточно. Препараты же г. Стоса знакомятъ насъ съ личинками трехъ различныхъ видовъ *cleonus*, вмѣстѣ съ ихъ обиталищами, именно: *cleonus punctiventris*, *cl. sulcicostis* и *cl. marmoratus*. Открытіе чрезвычайно важное, потому что свѣдѣнія наши о личинкахъ жуковъ не слишкомъ обширны. Такъ и ждешь, что послѣ этого предисловія въ статьѣ послѣдуетъ подробное описаніе яичекъ и личинокъ этихъ жуковъ съ нужными по-

браженіями... Не тутъ-то было: дальше слѣдуетъ расказъ о жучкахъ-гороховикахъ (*bruchus granarius*), вылупившихся изъ присланныхъ на выставку сѣмянъ бобовыхъ растений. Чтоже сдѣлалось съ препаратами г. Стоса? Неужели они отосланы ему обратно и открытіе его пропало для энтомологіи? Очень жаль; а между тѣмъ въ этой же книжкѣ «Трудовъ» приложены двѣ таблицы съ изображеніями новоголандскихъ насѣкомыхъ: это уже совсѣмъ непрактично. Общество не должно пропускать такихъ удобныхъ случаевъ и дорожить работами мѣстныхъ наблюдателей. Наши насѣкомыя ближе къ намъ и познаніе ихъ для насъ нужнѣе; придетъ время, доберемся до Австраліи и до Африки.

Семь статей чисто-спеціального содержанія, составляющія вторую категорію «Трудовъ», не подлежатъ собственно никакой оцѣнкѣ, потомучто для всѣхъ спеціальныхъ энтомологическихъ описаній съ давнихъ временъ установлена уже извѣстная форма, отъ которой никто не отступаетъ. Начинается описаніе съ головы насѣкомаго, а кончается пятками, и на сколько бы страницъ оно растянуто ни было, ничего въ немъ нѣтъ, кромѣ перечисленія точечекъ, углубленій, бороздокъ, возвышеній, полосокъ и т. п.; въ самомъ концѣ описанія прибавляется, чуть не изъ милости, что насѣкомое это водится тамъ-то.

Трудно рѣшить въ какой мѣрѣ будутъ полезны для энтомологовъ спеціальныя статьи, помѣщенныя въ первой книжкѣ «Трудовъ», потомучто всѣ онѣ большею частью состоятъ изъ самыхъ коротенькихъ описаній вновь открытыхъ насѣкомыхъ. Въ статьѣ г. I. Кушакевича описывается новый видъ сибирскаго жука — *coxymbites Baerii*; въ статьѣ г. А. Кушакевича — новый видъ кавказскаго клопа, *micropus Signoreti*; г. Радашковскій-Бурмейстеръ представляетъ описанія четырехъ новыхъ жильпокрылыхъ насѣкомыхъ: *pseudomeria swanetiae* съ Кавказа, *vespa Schranckii* — съ Амура, *mutilla mongolica* — изъ монгольскихъ степей и *mutilla californica* — изъ Калифорніи. Выборъ чрезвычайно разнообразный, да и протяженіе немалое: отъ Кавказа до Калифорніи! Сколько тутъ отдѣльных, самостоятельныхъ фауизъ и какой хаотической безпорядокъ будутъ представлять «Труды», если они будутъ наполняться отрывочными описаніями насѣкомыхъ различныхъ отрядовъ и такихъ разнородныхъ мѣстностей! По нашему мнѣнію въ «Трудахъ», кромѣ описанія вновь открытыхъ видовъ, должно быть предоставлено значительное мѣсто для монографій; тогда только они и могутъ доставить какую-нибудь пользу энтомологамъ, проживающимъ въ русскихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, потомучто хотя большая часть первой книжки «Трудовъ» и написана

на нѣмецкомъ языкѣ, но мы все-таки питаемъ надежду, что русское энтомологическое общество предназначаетъ свои «Труды» прежде всего для пользы русскихъ энтомологовъ.

Двѣ статьи г. Моравица составляютъ правда монографическія работы, но рамки этихъ монографій черезчуръ тѣсны. Какъ бы всѣ русскіе энтомологи были благодарны г. Моравицу, еслибы онъ вмѣсто монографій русскихъ sphenoptera написалъ монографію русскихъ huprestides. Подобный трудъ возможенъ только въ Петербургѣ, гдѣ легко можно пользоваться всѣми дорогами и недоступными для частнаго человѣка періодическими изданіями по части естествовѣдѣнія. А между тѣмъ, еслибы гг. члены русскаго энтомологическаго общества занялись монографическими трудами, то мало-помалу приготавлился бы матерьялъ для полной энтомологической фауны Россіи, покрайней-мѣрѣ европейской, и провинціальныя энтомологи были бы избавлены отъ тяжелаго труда изученія русскихъ насѣкомыхъ по иностраннымъ источникамъ; такія монографіи замѣнили бы имъ в записки петербургской академіи наукъ, и бюлетени московскаго общества испытателей природы, приобретене которыхъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ рѣшительно невозможно для частнаго человѣка.

Положимъ, что составленіе монографій есть трудъ, и насильно его навязывать нельзя; но какимъ же образомъ могло случиться, что русское энтомологическое общество, напечатавъ въ своихъ «Трудахъ» монографію разносуставчатыхъ жуковъ Австраліи, не позаботилось приобрести у г. Коленати права перепечатать на страницахъ «Трудовъ» его уже напечатанную монографію русскихъ oedemerides («Ueber einige russische Oedemeriden»)? Это уже непростительная ошибка со стороны общества.

Изъ монографическихъ работъ замѣчательнъ также перечень петербургскихъ наукообразныхъ — г. Симашки, особенно въ томъ отношеніи, что наукообразныя Россіи до сихъ поръ не были еще никѣмъ изслѣдованы и г. Симашко является первымъ дѣятелемъ на этомъ новомъ полѣ; жаль только, что въ перечнѣ обращено вниманіе только на мѣстоахожденіе наукообразныхъ и не приложено даже и самыхъ короткихъ діагнозовъ родовъ и видовъ.

Остается пожелать, чтобы дѣло не остановилось на этомъ первомъ каталогѣ; мы будемъ надѣяться, что гг. ученые энтомологи подарятъ намъ полными перечнями всѣхъ другихъ классовъ и отрядовъ суставчатыхъ Россіи.

Начало этому труду уже положено: мы имѣемъ перечень жесткокрылыхъ и двукрылыхъ насѣкомыхъ петербургской фауны барона Остенъ-Сакена, перечень чешуекрылыхъ той же фауны — г. Си-

верса. Стоитъ только продолжать эту работу — и недолго придется ожидать появленія поднаго каталога насѣкомыхъ петербургской губерніи, какъ мѣстности наиболѣе изслѣдованной въ энтомологическомъ отношеніи. Составленіемъ такого каталога, русское энтомологическое общество значительно облегчитъ зацѣля энтомологію и заслужитъ полную признательность всѣхъ занимающихся изслѣдованіемъ русскихъ насѣкомыхъ. Только желательно бы было, чтобы при составленіи такого каталога въ него вносились насѣкомыя не по авторитетамъ, а только такія, которыя были дѣйствительно находимы въ извѣстной мѣстности нѣсколькими наблюдателями, хотя и въ разное время. Если же въ каталогъ будутъ вносимы насѣкомыя не только по печатнымъ, но и по рукописнымъ авторитетамъ, ненаходящимся на-лицо, тогда каталогъ будетъ конечно полнѣе, но не всегда возможно ручаться за его достовѣрность. Такимъ образомъ въ каталогъ жесткокрылыхъ петербургской фауны барона Остенъ-Сакена числятся многія насѣкомыя, объ которыхъ трудно сказать, принадлежатъ ли они къ петербургской фаунѣ. Напримѣръ, хотя *chlaenius quadrisulcatus*, Ill.: объ немъ сказано слѣдующее: «Нѣсколько экземпляровъ этого рѣдкаго насѣкомаго находятся въ академической коллекціи съ надписью Petropolis»; далѣе, по каталогу не звантъся, что этотъ видъ — *chlaenius*, а найденъ около Петербурга позднѣйшими наблюдателями: что же, считать его принадлежащимъ къ петербургской фаунѣ, или нѣтъ? Точно также въ «Essais» Гуммеля упоминается о многихъ насѣкомыхъ, которыхъ новѣйшіе наблюдатели не находятъ въ окрестностяхъ Петербурга, напримѣръ *oratum sabulosum*, F., *donacia tomentosa*, Ahr., *donacia hydrocharidis*, F., *donacia discolor*, Gyll. и множество другихъ. По каталогу барона Остенъ-Сакена въ петербургской фаунѣ числятся 1700 видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, но изъ нихъ 411 видовъ внесены по печатнымъ или письменнымъ авторитетамъ; а если прибавить къ нимъ 281 видъ *staphylinides*, которые всѣ почти внесены только по Гуммелю и Мочульскому, то изъ двухъ почти тысячь видовъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ петербургской фаунѣ, останется неболѣе 1200 видовъ.

Кончая нашу рецензію, считаемъ целиннымъ предъявить еще одно желаніе. Русскіе энтомофилы, болшею частью только дилетанты энтомологіи, и гг. члены русскаго энтомологическаго общества не должны забывать своихъ меньшихъ собратій по наукѣ, дѣлаться съ ними опытною и оказывать имъ всякое пособіе и помощь по занятіямъ энтомологію.

Поэтому полезно было бы помѣщать въ «Трудахъ» и руководящія статьи, объясняющія всѣ техничскіе приемы, необходимыя

Т. XII. — Стл. II. 1/6

при изученіи насѣкомыхъ , особенно мелкихъ . Представимъ себѣ , что любитель найдетъ какое-нибудь очень мелкое (например въ одну линію) насѣкомое изъ семейства staphylinides; онъ рѣшительно станетъ втупикъ и не будетъ знать что съ нимъ дѣлать : посадить его на булавку — нельзя ; приклеить развѣ ? Да это легко сказать — приклеить; неопытный энтомологъ замажетъ его съ ногъ до головы gummi arabicum и испортитъ окончательно : потомъ онъ съ нимъ уже ничего не сдѣлаетъ . А теперь другой вопросъ , какъ его разсмотреть : въ увеличительное ли стекло , или въ микроскопъ ? Если въ микроскопъ , то при какомъ увеличеніи , и нужно показать всѣ приемы , какъ его посадить на стеклышко и на что нужно обратить особое вниманіе ; неѣшало бы даже и указать , гдѣ можно купить такой микроскопъ . Мы взяли въ примѣръ мелкіе виды staphylinides ; но столько же затрудненій предстоитъ неопытному наблюдателю при опредѣленіи и изученіи и другихъ малой величины насѣкомыхъ , а ихъ немало : гораздо больше чѣмъ крупныхъ . Что напримеръ можетъ сдѣлать любитель , безъ руководства , съ tichopteguh'ами , scydmaenus'ами и т. п. ? Трудность наблюденія и изученія мелкихъ жесткокрылыхъ произвела то , что они остались и до настоящаго времени менѣе изслѣдованными и хуже описанными , чѣмъ другія coleoptera . Изъ русскихъ энтомологовъ staphylinid'ами занимались только Гуммель , Маннергеймъ и Мочульскій , а microscoleoptera остались почти нетронутыми .

Если иностранныя энтомологическія общества не стыдятся помѣщать въ своихъ запискахъ и сборникахъ описанія приборовъ для ловли насѣкомыхъ , то тѣмъ менѣе русское энтомологическое общество можетъ опасаться униженія своего ученаго достоинства , если оно помѣститъ въ своихъ «Трудахъ» статьи , облегчающія наблюденіе и изученіе насѣкомыхъ .

Впрочемъ , еслибы въ запискахъ иностранныхъ энтомологическихъ обществъ и не были помѣщаемы статьи болѣе легкаго содержанія , то русское энтомологическое общество ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть подражать : тамъ появленію энтомологическихъ обществъ предшествовала богатая специальная литература , а нашему обществу придется въ одно и тоже время и сѣять и жать . Поэтому мы отъ всей души желаемъ , чтобы на выборъ статей для второй книжки «Трудовъ» было обращено особое вниманіе : отрывочными и неполными , или сухими и педантическими статьями можно только запугать и отбить охоту къ энтомологіи , а не расширить энтомологическія званія .

Н. АРНОЛЬДЪ

О МИРОВЫХ СУДЬЯХЪ

(по поводу «Писемъ изъ деревни» Сумарокова, «Отеч. Зап.»)

Распространяться о томъ, какъ современенъ въ настоящее время вопросъ о мировыхъ судьяхъ, какъ настоятельно требуетъ жизнь скорѣйшаго и удовлетворительнѣйшаго рѣшенія этого вопроса, я считаю лишнимъ: всякій хотя сколько-нибудь мыслящій человѣкъ понимаетъ и безъ того всю его важность, общество само знаетъ жизненность въ его настоящій моментъ, и оно уже давно поставило его на очередь, давно подняло уже его, недожидаясь помощи науки, которая и на этотъ разъ, какъ почти и всегда, опоздала, осталась позади. Правда впрочемъ, и въ нашей *учено-юридической литературѣ* появлялись трактаты и разсужденія объ этомъ предметѣ (хотя конечно ихъ было меньше чѣмъ разнообразныхъ трактаций о другихъ и не такъ жизненныхъ, и не такъ важныхъ, но зато болѣе ученыхъ матеріяхъ); но всѣ онѣ по большей части вертѣлись около иностранныхъ, — англійскихъ мировыхъ учреждений, ограничиваясь только намеками, что нехудо бы-де было и намъ усвоить у себя что-нибудь подобное. Но при этомъ почти всегда забывалась та великая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень старая истина, которую и повторять-то теперь даже совѣстно, а именно: то что хорошо приналось въ Англии, у насъ можетъ совѣмъ не приняться; то что тамъ приноситъ слазкіе плоды, у насъ можетъ принести однѣ гнилушки. Конечно нелишнее было намъ познакомиться съ иностранными мировыми учреждениями, съ практическимъ примѣненіемъ мировыхъ судовъ за границею. Это все такъ. Но только все-таки это не слишкомъ-то подвинуло вопросъ о томъ, какъ у насъ устроить эти суды, какъ отвѣтить намъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей *собственной* современной жизни?

Да и можно ли было этого ждать отъ нашей науки права при ея теперешнемъ состояніи? Сильная быть-можетъ (я даже и этому

впрочемъ мало вѣрю) въ сферѣ отвлеченности, она рѣшительно пасуетъ, какъ только встрѣчается лицомъ къ лицу съ жизнью. Глаза на ея практическія, законныя требованія сквозь призму мертвыхъ теорій, почерпнутыхъ изъ различныхъ нѣмецкихъ *Rechtswissenschaft*овъ, она не въ состояніи не только удовлетворить ихъ, но даже и понять. Эти требованія жизни она хочетъ уложить въ рамки своихъ узкихъ теорій, подтянуть жизнь къ себѣ, а не самой спуститься до жизни. «Плоды науки — говорятъ *ученые мужи* — зрѣютъ для будущаго, а не для настоящаго поколѣнія; наука строитъ только идеалы, достигнуть которые должна стремиться практическая жизнь. И современемъ она достигнетъ ихъ!» — утѣшаютъ *ученые мужи*. Да, современемъ! А жизнь между тѣмъ вѣль не дожидается, она все идетъ и идетъ себѣ своей дорогой, и практика все больше и больше расходится съ теоріей. Не пора ли уже оставить эту завлекательную игру въ идеалы, въ теоріи? Не довольно ли уже у насъ ихъ настроено? Когда же начнется приложеніе идеаловъ къ дѣйствительности, сближеніе практики съ теоріей, примиреніе науки съ жизнью?

Или это уже невозможно?

Ну да Богъ съ нею, съ этою отживающею наукой, съ этими законтѣлыми учеными! Намъ важно уже то, что вопросъ, интересующій насъ, поднять обществомъ, сдѣлался предметомъ живыхъ обсужденій многихъ развитыхъ нашихъ кружковъ, заинтересовалъ собою помѣщиковъ. Въ доказательство я ссылаюсь на «Письма изъ деревни» Сумарокова («От. Зап.» № 6), которыя и послужили главнымъ поводомъ къ этой статьѣ. Г. Сумароковъ, какъ видно изъ его писемъ, самъ помѣщикъ, находится въ очень близкихъ сношеніяхъ съ своими братьями-помѣщиками. Ему ли же не знать какъ относятся помѣщики къ *questions du jour*, какъ говорится, той жизни, которая такъ близко касается ихъ? И онъ-то, г. Сумароковъ, свидѣтельствуешь въ послѣднемъ письмѣ своемъ, что въ настоящее время вопросъ о мировыхъ судьяхъ болѣе всего волнуетъ и занимаетъ помѣщичьи умы. Кого и какъ будутъ выбирать въ мировые судьи? Будетъ ли ихъ обязанность возложена на нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ? Все ли *земство*, или только одно дворянство будутъ призваны къ выборамъ? и т. д.

Самъ г. Сумароковъ въ своихъ письмахъ предлагаетъ и разбираетъ цѣлые три проекта по поводу выбора и назначенія мировыхъ судей. Но прежде чѣмъ мы остановимся на этихъ проектахъ, намъ хотѣлось бы сдѣлать съ своей стороны нѣсколько замѣчаній вообще о мировыхъ судахъ.

На чемъ основывается раздѣленіе судопроизводства на *обычно-*

енное, несокращенное (съ присяжными, адвокатами, апелляціей), и на *сокращенное*, простое, лишонное всѣхъ атрибутовъ обыкновеннаго? Происходить ли это *только* вслѣдствіе историческаго вліянія, какъ полагаетъ Бентамъ, или въ основаніи этого различія лежитъ какое-нибудь разумное начало, удовлетворяющее той или другой жизненной потребности? Последнее намъ кажется справедливымъ.

Дѣйствительно, всѣ вообще спорныя, тяжбыя дѣла различаются между собою по своей большей или меньшей важности для тяжущихся, по большей или меньшей запутанности. Первые очевидно требуютъ болѣе тонкаго, внимательнаго, всесторонняго, глубокаго разсмотрѣнія судей-спеціалистовъ, болѣшихъ гарантій въ отношеніи правильности рѣшенія, чѣмъ послѣднія; здѣсь судьи не требуются непременно спеціалисты; единственною гарантіею для этихъ судовъ служитъ *довѣріе* тяжущихся къ судьямъ. Вотъ изъ этого-то положенія дѣла и вытекаетъ раздѣленіе суда на судъ первой, высшей инстанціи, и на судъ второй, низшей. Бѣда въ томъ только, что *важность* дѣла опредѣляется обыкновенно его цѣнностью. Имѣетъ дѣло извѣстную цѣнность (или что все равно: влечетъ оно за собой наказаніе извѣстной цѣнности, такъ какъ цѣна, мѣра наказанія, прямо пропорціональна важности, цѣнности дѣла) — оно по закону подлежитъ суду высшей инстанціи, не имѣетъ — судится мировымъ судомъ. Имѣетъ ли это какой-нибудь смыслъ, справедливо ли это? Ответимъ словами Бентама. Вотъ что онъ говоритъ:

«Опредѣлять важность дѣла по номинальной цѣнѣ его значить впадать въ большую опібку. Важность какой-нибудь суммы денегъ въ отношеніи извѣстнаго лица пропорціональна суммѣ его доходовъ. Если я имѣю двѣсти рублей годового дохода, а кто-нибудь другой 200,000 руб., то очевидно, что рубль для меня имѣетъ такую же цѣнность, какъ тысяча для него. Чтó я говорю! онъ можетъ-быть и не почувствуетъ уменьшенія своего дохода, тогда какъ для меня это можетъ быть гибельно. Отымите отъ меня половину дохода, — я буду ввергнуть въ крайнюю нищету. Говоря вообще, важность дѣла скорѣе *обратно*, чѣмъ *прямо пропорціональна цѣнѣ* его. Бѣднѣйшій классъ — самый многочисленный, и потому гораздо вѣроятнѣе, что процессы незначительныя по своей цѣнѣ скорѣе касаются бѣдныхъ, чѣмъ процессы о большихъ суммахъ, и т. д.»

Не высшая ли несправедливость лишать человѣка суда съ присяжными, адвокатами, апелляціей, однимъ словомъ со всѣми атрибутами, гарантирующими его правильность, потому только, что искъ его кажется судьямъ не слишкомъ важнымъ, такъ какъ онъ не

имѣть опредѣленной цѣнности? А между тѣмъ искъ этотъ составляетъ быть-можетъ для бѣднака одинъ изъ важнѣйшихъ, существеннѣйшихъ вопросовъ жизни, отъ удовлетворительнѣйшаго рѣшенія котораго зависитъ часто вся его судьба. Законъ же не позволяетъ ему однако обратиться въ судъ, въ которомъ ему кажется правильность рѣшенія все-таки болѣе гарантирована, чѣмъ въ судѣ мировомъ, какое бы довѣріе онъ ни чувствовалъ къ мировому судѣ.

Тяжущійся готовъ сдѣлать всѣ возможныя усилія, подвергнуться даже большимъ издержкамъ, только бы выиграть процессъ. Но законъ неумолимъ!

Сообразивъ все это, намъ кажется, что опредѣлять заранѣе какія дѣла должны подлежать мировому суду и какія не должны — въ высшей степени несправедливо.

Рациональнѣе бы было дозволить тяжущимся переносить свой искъ въ высшую инстанцію суда, если только дѣло кажется имъ того стоющимъ, — но *кажется имъ*, а не судьямъ, хотя бы въ глазахъ законодателя оно не имѣло бы ни малѣйшей цѣнности; и наоборотъ: если дѣло въ его глазахъ имѣетъ большую цѣнность, но тяжущимся оно кажется неважнымъ, не слишкомъ ихъ интересуетъ, — дозволить обращаться съ искомъ въ мировой судъ, вмѣсто суда первой инстанціи. Однако при этомъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку: если судья найдетъ такое дѣло запутаннымъ, себѣ не подъ силу, то онъ можетъ отказать тяжущимся въ мировомъ судѣ и отослать ихъ въ судъ высшей инстанціи. Еще оговорка: можетъ случиться такъ: одинъ тяжущійся богатый, другой бѣдный. Искъ не великъ. Бѣдный, боясь расходовъ, не хочетъ переносить дѣло въ высшую инстанцію, богатый напротивъ хочетъ, — хочетъ нарочно для того, чтобы замучить бѣднаго, застрашать его и заставить добровольно отказаться отъ иска. Какъ тутъ быть? Мыѣ кажется, что желанія богача можетъ быть исполнено, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ взялъ на себя всѣ издержки при процессѣ въ судѣ высшей инстанціи. Тогда бѣдный ничего не потеряетъ, напротивъ выиграетъ, потому что все-таки судъ высшей инстанціи, какъ я уже сказалъ, представляетъ болѣе гарантій чѣмъ мировой, и эти гарантіи ничего не будутъ ему стоить.

Впрочемъ право, позволяющее бѣднымъ переносить свой искъ въ высшую инстанцію, если онъ покажется имъ стоющимъ этого и если у нихъ будутъ средства, останется пустымъ правомъ, непримѣнимымъ къ дѣйствительности, до тѣхъ поръ, пока расходы, сопряженные съ веденіемъ иска въ судахъ высшей инстанціи, будутъ возможно больше сокращены, доведены до возможнаго minimum'a.

Только тогда *право суда, суда свободнаго*, зависящаго отъ выбора тѣхъ, перестанетъ быть *мишмыш* правомъ, покрайней-мѣрѣ для большинства, и тогда только *судъ* и *правосудіе* будутъ одинаково доступны какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ!

Высказавъ эти общія замѣчанія, я обращаюсь къ проектамъ г. Сумарокова.

Прежде всего г. Сумароковъ разбираетъ проектъ о назначеніи мировыхъ судей нѣкоего г. Юматова (въ «Современной Лѣтописи»), который предлагаетъ, чтобы судьи назначались правительственною, административною властью, а именно губернаторомъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ проектѣ. Г. Сумароковъ подробно разбираетъ и опровергаетъ его въ своихъ письмахъ, и потому, чтобы не повторяться и не утомлять читателя длинными выписками, мы отсылаемъ его, если только это ему угодно, — къ 6 № «Отеч. Зап.», къ статьѣ г. Сумарокова «Письма изъ деревни», стр. 30 и 31.

Перейдемъ къ слѣдующимъ двумъ проектамъ. Первый состоитъ въ томъ, что списокъ кандидатовъ въ мировые судьи составляется дворянами; земство же окончательно выбираетъ въ эти должности, тѣхъ, кто *любъ* ему. Второй наоборотъ: земство составляетъ первоначальный списокъ кандидатовъ, а дворянство уже окончательно выбираетъ изъ него судей, тѣхъ кто *любъ* уже ему, дворянству.

Г. Сумароковъ рѣшительно становится на сторону перваго предложенія. Посмотримъ что въ немъ такого, особенно привлекательнаго. Прежде всего спрашиваемъ: что значитъ — *дворянство составляетъ списокъ кандидатовъ въ мировые судьи*? Значитъ ли, что дворянство представляетъ крестьянамъ списокъ вообще всѣхъ лицъ известнаго округа, имѣющихъ законное право быть мировыми судьями? Но это значитъ, что дворянство не играетъ никакой роли на выборахъ, участіе его на нихъ совершенно пассивно, оно служитъ здѣсь только какбы посредствующимъ лицомъ между закономъ и земствомъ. Законъ — говоритъ онъ, обращаясь къ земству — допускаетъ всѣхъ лицъ, удовлетворяющихъ такимъ-то, и такимъ-то условіямъ, къ выбору въ мировые судьи: вотъ вамъ списокъ этихъ лицъ, выберите изъ нихъ любое.

Нѣтъ, не этого хочетъ г. Сумароковъ: вѣдь онъ самъ дворянинъ, помѣщикъ. Онъ просто хочетъ сказать вотъ что: дворяне выбираютъ изъ лицъ, имѣющихъ право быть мировыми судьями, тѣхъ кто *любъ* имъ, составляютъ изъ этихъ выбранныхъ лицъ списокъ кандидатовъ, представляютъ его земству и говорятъ, обращаясь къ крестьянамъ: вотъ вамъ, добрые люди, списокъ лицъ, ко-

торыхъ мы желаемъ имѣть мировыми судьями, они любы намъ, мы доверѣемъ имъ. Выбирайте изъ нихъ любого!

Хорошъ выборъ! Ну, а если ни одинъ изъ выбранныхъ кандидатовъ не любъ крестьянамъ (что при настоящемъ положеніи дѣлъ очень возможно)? Какъ быть тогда? Вотъ тутъ и выбирай любого — есть изъ чего! Дворяне становятся такимъ образомъ какими-то наставниками, указчиками. Тогда какъ именно въ этомъ-то дѣлѣ меньше всего нужны... что я говорю! они здѣсь положительно вредны, — указчики. Тутъ все основывается на довѣрїи выбирающихъ къ выбираемымъ. Безъ этого довѣрїя мировой судъ немыслимъ, и потому чѣмъ меньше наставниковъ, тѣмъ лучше!

Такъ что же хорошаго-то въ этомъ проектѣ? Конечно съ *известной* точки зрѣнія проектъ безукоризненъ. И очень неумудрено, что г. Сумароковъ смотритъ на него именно съ *этой* точки зрѣнія. Мы его и не винимъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что смотрѣть иначе онъ врядъ ли и можетъ!

Перейдемъ къ другому проекту. Все дѣло здѣсь происходитъ наоборотъ. Кандидатовъ выбираетъ земство, окончательныхъ судей — дворяне. Земство положимъ выбрало въ известномъ округѣ округѣ тридцать кандидатовъ. Конечно не ко всѣмъ тридцати чувствуетъ оно одинаковое довѣрїе: къ однимъ больше, къ другимъ разумѣется меньше. Дворяне выбираютъ изъ этого списка судей... ну и что мудренаго, если въ мировые судьи попадутъ лица пользующіяся наименьшимъ довѣрїемъ крестьянъ? Что тутъ дѣлать земству? Что? конечно покориться! А не замѣчаетъ ли г. Сумароковъ сходства этого проекта съ проектомъ г. Юматова, который онъ самъ такъ отдѣлалъ. Только тамъ роль дворянства играетъ правительственное лицо — губернаторъ.

Вотъ вамъ эти *псевдо-либеральные* проекты.

Я сказалъ «псевдо-либеральные». Да, дѣйствительно, съ перваго взгляда проекты кажутся такими либеральными, гуманными. И земство и дворянство участвуютъ въ выборахъ, каждому дано свое мѣсто, свое назначеніе. Чего желать лучше! А пораскусите-ка этотъ либерализмъ, поразберите-ка хорошенько дѣло, доберитесь-ка до *суть* — и ваше очарованіе пропадетъ мгновенно. Вы увидите, что это не болѣе какъ эгоистическое, одностороннее предложеніе, прикрытое мнимымъ сочувствіемъ къ интересу земства, о которомъ на самомъ-то дѣлѣ говорится почти только такъ, для очистки совѣсти, да для вящаго лицемѣрїя! Развѣ это не псевдо-либерализмъ? За чѣмъ выборы производятся не сообща? За чѣмъ они распадаются на дворянскіе и земскіе? К чему это раздѣленіе? На какомъ основаніи одни выбираютъ только кандидатовъ, а другіе окончательныхъ

судей? Чѣмъ все это объяснить? Да разумѣется все это прямо вытекаетъ изъ стремленія проектовъ обезпечить роль помѣщикавъ выборахъ. И больше ничего!

Впрочемъ неполнота, поверхностность всѣхъ этихъ проектовъ не дозволяютъ мнѣ долѣе на нихъ останавливаться. Они даже не говорятъ опредѣлительно объ условіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять мировой судья. А вѣдь это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ! Забывать его никакимъ образомъ нельзя. И вотъ на немъ-то мы и остановимся теперь.

Разумѣется необходимѣйшимъ, первѣйшимъ условіемъ должно быть для мирового судьи *доверіе* къ нему общества. Безъ этого доверія я не могу вообразить себѣ мирового судьи. Но одного доверія конечно мало; какъ ни просты и ни незапутаны дѣла, вносимыя въ мировой судъ, они все-таки не могутъ быть рѣшены безъ помощи закона. А какъ его прилагать, когда его не знаешь? А какъ его знать, когда не умѣешь читать? Слѣдовательно второе необходимое условіе для мирового судьи — умѣнье читать, писать.

Конечно, кромѣ этого еще требуется извѣстная доля здраваго смысла, честь, совѣсть, извѣстный возрастъ, болѣе или менѣе обезпеченное состояніе, небытіе подъ судомъ и т. д. Но всего этого не слѣдуетъ помѣщать въ законѣ въ числѣ *ограничительныхъ* условій. Земство знаетъ это само. Оно не выберетъ, оно не будетъ имѣть доверія къ человѣку безъ здраваго смысла, чести и совѣсти, онъ не выберетъ также человека безъ всякаго состоянія, голяка: оно знаетъ, что отъ этого и выбранній, и выбранный будутъ взаимно страдать. Для доказательства я ссылаюсь на выборы вышнѣшнихъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ: все больше люди съ достаткомъ, не слишкомъ занятые своей собственной работой и потому имѣющіе время заняться общественнымъ дѣломъ.

Итакъ два условія, и только два, необходимы для мирового судьи: *умѣнье грамоты и доверіе общества*. Но, скажутъ намъ, такимъ образомъ можетъ быть избранъ въ судьи иногда и простой мужикъ, а въ такомъ случаѣ какъ вы хотѣте, чтобъ *простой мужикъ* понималъ законы, вѣрно ихъ примѣнял? Вѣдь для этого надобно имѣть нѣкоторое образованіе, развитіе?

На это мы отвѣтимъ, что еслибъ какая-нибудь волость и выбрала крестьянина, то чтоже такое? Зачѣмъ тутъ особенное образованіе? Развѣ отъ мирового судьи требуютъ спеціальнаго изученія закона? Дѣла, съ которыми онъ встрѣтится втеченіи своей практики, такъ просты, нехитры, такъ немногосложны, что и примѣненіе къ нимъ закона будетъ очень легко и удобно; глубокое, основательное изученіе его хотя конечно и не лишнее, но однако совершенно не необхо-

димю. Здравый смысл и смѣтка русскаго человѣка — вотъ все что тутъ надо. И опять таки для подкрѣпленія своихъ словъ я сошлюсь на нашихъ волостныхъ старшинъ. Большая часть изъ нихъ люди малограмотные, а посмотрите—ка какъ они хорошо понимаютъ и объясняютъ Положеніе 19 февраля, — Положеніе, которое съ трудомъ усваиваютъ себѣ даже люди считающіе себя образованными, получившіе аттестаты и патенты изъ различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Конечно, при такихъ только ограниченіяхъ учрежденіе мировыхъ судовъ потеряетъ тотъ кастовой, аристократическій характеръ, которымъ такъ восхищаются многіе изъ нашихъ ученыхъ *псевдо-юристовъ* московскихъ и петербургскихъ въ Англіи. Однако потеря будетъ небольшая, да мы-то даже съ своей стороны и никакой не видимъ, а выигрышъ видимъ... Но пойдемъ впрочемъ дальше.

Опредѣливъ условія, при которыхъ возможенъ выборъ въ должность мирового судьи, перейдемъ къ самымъ выборамъ.

Лучше и удобнѣе, мнѣ кажется, слѣдуетъ ихъ устроить слѣдующимъ образомъ: въ опредѣленный срокъ каждая волость (включая туда разумѣется и помѣщиковъ) выбираетъ кандидатовъ въ мировые судьи изъ лицъ, удовлетворяющихъ вышеуказаннымъ условіямъ. Изъ этихъ лицъ составляются предварительные списки кандидатовъ. По истеченіи извѣстнаго времени, когда такіе списки составлены уже во всѣхъ волостяхъ уѣзда, каждая волость выбираетъ депутатовъ (число депутатовъ должно быть пропорціонально числу жителей волости); всѣ депутаты съѣзжаются въ уѣздный городъ, выбираютъ тамъ уже *окончательно* судей для всего уѣзда и распределяютъ ихъ по волостямъ (1).

Вотъ въ краткихъ словахъ процедура выборовъ. Она мнѣ кажется разумнѣйшею впервыхъ потому уже, что не раздѣляетъ по крайней-мѣрѣ выборы на земскіе и дворянскіе, способствуетъ такимъ образомъ *дѣйствительному* сближенію дворянства и крестьянства, а ввторыхъ позволяетъ народу принять *дѣйствительное*, а не мнимое участіе на выборахъ.

Теперь остается рѣшить вопросъ такого рода:

Какое и отъ кого будутъ получать мировые судьи вознагражденіе?

Мнѣнія объ этомъ предметѣ различны въ различныхъ проектахъ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ.

Одни хотятъ, чтобы вознагражденіе мировымъ судьямъ произво-

(1) Впрочемъ такихъ обще-волостныхъ, уѣздныхъ съѣздовъ можетъ и не быть. Каждая волость можетъ выбрать себѣ сама, отдѣльно, окончательныхъ судей, неприбѣгая даже и къ предварительнымъ спискамъ кандидатовъ.

дѣлось въ видѣ жалованья отъ правительства, на томъ основаніи, что такой способъ вознагражденія, по ихъ мнѣнію, поставитъ судей въ независимое положеніе отъ *partij*, т. е. иными словами отъ земства; они перестанутъ дорожить его довѣріемъ, перестанутъ быть осторожными въ своихъ приговорахъ, станутъ внѣ общественнаго контроля. Хорошо-съ. Но гдѣ же тутъ независимость? Впрочемъ мы не станемъ болѣе останавливаться на этой попыткѣ слѣлать *мировыхъ* судей независимыми отъ *міра*. Посмотримъ что другіе предлагаютъ.

Другіе хотятъ, чтобы судьи вознаграждались одинаковымъ, ежегодно-опредѣленнымъ жалованьемъ отъ всего *міра*. Это мнѣ кажется въ высшей степени неудобнымъ по двумъ причинамъ: *вопервыхъ* это будетъ слишкомъ обременительно для *міра* при большомъ числѣ *мировыхъ* судей, и потому естественно онъ будетъ стараться сократить ихъ число, — а такое сокращеніе должно быть менѣе всего желательно. *Вотвторыхъ* это несправедливо: за что всѣ судьи будутъ получать одинаковое, заранѣе опредѣленное жалованье? У одного напримѣръ въ годъ перебыло пятьдесятъ-шестьдесятъ дѣлъ, а у другого пяти-шести-то не было; а между тѣмъ въ концѣ года они вознаграждаются одинаково.

Наконецъ третьи думаютъ, что мировымъ судьямъ совсѣмъ не слѣдуетъ производить жалованье ни отъ *міра*, ни отъ правительства; что для вознагражденія ихъ должно взимать только извѣстный процентъ въ пользу судей съ каждаго рѣшоваго ими дѣла. Съ одной стороны это дѣйствительно разумно: при такомъ порядкѣ дѣлъ судьи всѣми силами будутъ стараться оправдать и поддержать довѣріе къ нимъ общества, станутъ подл контроль *міра*. Но зато съ другой стороны эта мѣра кажется мнѣ въ высшей степени обременительною для тяжущихся, а вѣдь тяжущіеся въ этихъ судахъ все люди бѣдные, ищутъ здѣсь правосудія потому только, что оно ничего не стоитъ; если же вы ее обложите такимъ налогомъ, то ужъ куда какъ жутко придется бѣднякамъ!

Когда налогъ на содержаніе судьи лежитъ на *всемъ мірѣ*, то тогда каждому отдѣльному члену *міра* онъ почти нечувствителенъ; но когда онъ падаетъ всюю своею тяжестью на одну только, сравнительно меньшую часть *міра*, а именно на тяжущихся, то этимъ послѣднимъ приходится уже черезчуръ трудно. Положимъ напримѣръ, что *міръ* состоитъ изъ трехсотъ человекъ, имѣетъ онъ одного судью, которому платитъ 300 р. ежегодно. По рублю значить приходится на брата. Это еще ничего. Но вдругъ *міръ* отказывается платить судью ежегодно такую сумму, предоставляя ему за это право брать извѣстный процентъ съ каждаго суднаго дѣла. Тяжущихся на триста человекъ будетъ въ годъ не больше тридцати человекъ. Судья

разумѣется потерять своихъ 300 руб. не захочеть, и вотъ слѣдательно каждому тяжущемуся, для того чтобы получить правосудіе, придется заплатить по десяти рублей съ брата. А у многихъ между тѣмъ эта сумма составляетъ мѣсячную, а часто и двухмѣсячную заработную плату. Дорого же будетъ цѣниться правосудіе!

Вотъ главныя мнѣнія по вопросу о вознагражденіи судей.

Всѣ они, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе неудовлетворительны. Какъ же быть? Какъ рѣшить этотъ вопросъ? Мнѣ кажется всего удобнѣе рѣшить его слѣдующимъ образомъ: мировой судья можетъ получать вознагражденіе отъ самого міра, но это вознагражденіе не должно быть заранѣе опредѣлено и одинаково для всѣхъ судей: нѣтъ, оно должно быть прямо пропорціонально числу вершковыхъ дѣлъ. Тотъ судья, который въ опредѣленный срокъ, хоть въ годъ напримѣръ, совершилъ больше дѣлъ, — и вознагражденіе получить больше; тотъ кто меньше, — и вознагражденіе получить меньше (максимумъ и минимумъ вознагражденія разумѣется можетъ быть заранѣе опредѣлено).

Міра эта должна принести самые утѣшительные результаты: *вопервыхъ* чувство справедливости будетъ удовлетворено, каждый получитъ что заслужить; *вовторыхъ* тяжущіеся не будутъ обременены тяжелыми налогами, и *втретьихъ* — главное — судья станетъ дорожить общественнымъ мнѣніемъ, станетъ осмотрительнымъ, осторожнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, дѣла вообще станутъ промываться съ возможно-большою скоростью и т. п.

Теперь кажется все сказано о мировыхъ судьяхъ. А такъ того, что я сказалъ, можно слѣдующіе выводы:

- 1) только два условія необходимы для мирового суда: гражданность и довѣріе общества;
- 2) выборъ общій, безъ раздѣленія на сословія (на дворянскіе и земскіе выборы);
- 3) каждая волость выбираетъ себѣ мировыхъ судей; отдѣльно или черезъ депутатовъ всѣхъ волостей выбираются судьи для уѣзда;
- 4) вознагражденіе судья получаетъ отъ выбравшаго его пропорціонально числу вершковыхъ дѣлъ, втеченіе извѣстнаго срока.

П. ТКАЧЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе.

Австрійско-турецкія дѣла. — Бомбардированіе Бѣлграда. — Приготовленія славянъ. — Числительная сила сербскаго войска. — Надежды славянъ.

Итальянскія дѣла. — Палермская рѣчь Гарибальди. — Пренія о ней въ туринскомъ парламентѣ.

Французскія дѣла. — Путешествіе императора. — Процессъ Васселя. — Мексиканскій походъ.

Последнія извѣстія.

Общее положеніе

Нынѣшнимъ лѣтомъ въ мѣрѣ политическомъ происходитъ тоже самое что въ атмосферѣ. Такого лѣта въ метеорологическомъ и въ политическомъ отношеніи никто не запомнитъ: холода, дожди, неожиданныя перемѣны погоды, вообще невиданная до сихъ поръ путаница, такъ что въ метеорологіи должны произойти нѣкоторыя измѣненія. Въ дѣлахъ политическихъ, торговыхъ и промышленныхъ тоже происходитъ путаница немалая. Вслѣдствіе американской войны скоро хлопчатобумажныя ткани слѣдуютъ большою рѣдкостью, такъ что человѣчеству не во что будетъ одѣваться и бумага будетъ въ одной цѣнѣ съ шолкомъ. Другое неожиданное обстоятельство состоитъ въ томъ, что рабовладѣльцы нанесли жестокое пораженіе свободнымъ. Далѣе: турецкій паша, усложившись съ консуломъ христіанской державы, въ одно прекрасное утро четыре часа сряду бомбардируетъ спокойный, мирный, безоружный христіанскій городъ, въ которомъ существуетъ свое правильное и сильное правительство. Далѣе: противъ этой австрійско-турецкой безплодной жестокости протестовалъ консулъ державы, которая стоитъ за Турцію вочто бы то вистало. Далѣе: въ столицѣ Франціи, которая обыкновенно пополняла свои запасы ишеницы изъ Россіи, теперь пудъ хорошей пшеничной муки стоитъ 1 руб. 25 коп., а въ Петербургѣ, въ столицѣ европей-

ской житницы, за эти деньги нельзя купить и самой плохой муки. Слѣпорожденные политико-экономисты никакъ не хотятъ сообразить этого и толкуютъ все свое, несмотря на то, что по ихъ системѣ, странѣ исключительно земледѣльской придется и хлѣбъ выписывать изъ-заграницы. — Люди приходятъ въ чужую землю, въ Кохинчину, стрѣляютъ въ жителей и въ войско изъ нарѣзныхъ ружей и пушекъ, одолеваятъ тѣхъ, у кого нѣтъ нарѣзного оружія, отнимаютъ три богатыя провинціи и вдобавокъ отнимаютъ двадцать пять миліоновъ франковъ въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, то-есть въ видѣ штрафа съ побѣжденныхъ за то, что они побѣждены. — Въ странѣ, которая прославилась крайнею бѣдностью своихъ католическихъ жителей, питающихся однимъ картофелемъ, умеръ одинъ изъ многихъ епископовъ, пользовавшійся ежегоднымъ доходомъ въ девяносто восемь тысячъ рублей серебромъ. — Народный герой излагаетъ то, что въ данномъ случаѣ думаетъ народъ, а въ отвѣтъ на это чиновникъ передъ цѣлою странкою бранить его и хитро приискиваетъ выраженія, чтобы осыпать героя самыми презрительными фразами. — Христіанскія державы соглашаются, чтобы слѣдствіе надъ проявленіемъ мусульманскаго фанатизма производилъ мусульманинъ фанатикъ и ждуть отъ этого толку. — Лучшее изъ европейскихъ войскъ терпитъ постыднѣйшее пораженіе отъ полуобразованныхъ мексиканцевъ, и люди мрутъ тамъ тысячами, не только не за дѣло, но и не за идею, а за фантазію, если только не ради торжества политико-экономической системы Мальтуса.

Еслибы теперъ еще былъ живъ почтеннѣйшій Фома Робертъ Мальтусъ, знаменитый авторъ «законовъ народонаселенія», то онъ былъ бы совершенно доволенъ и счастливъ огромнымъ числомъ своихъ послѣдователей, не только теоретическихъ, но и такихъ, которые проводятъ его ученіе въ жизнь, въ практику, въ дѣло. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что Мальтусъ проповѣдовалъ, будто народу на свѣтѣ слишкомъ много, будто народонаселеніе увеличивается непропорціонально съ увеличеніемъ продовольствія, и что стало-быть надо желать всѣхъ мѣръ и случаевъ, которые уменьшаютъ народонаселеніе или по крайней-мѣрѣ не даютъ ему увеличиваться, слѣдовательно надо радоваться чумѣ, войнѣ, холерѣ, тифу и всѣмъ бѣдствіямъ человѣческимъ. Самый дѣятельный изъ союзниковъ Мальтуса, этого друга и поклонника чумы и войны, теперъ — воинственное направленіе французовъ, которыхъ оружіе гремитъ въ Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ: Ведется война въ Китаѣ, противъ инсургентовъ, въ окрестностяхъ Шанхая. Ведется война на пограничныхъ пунктахъ алжирской колоніи. Ве-

дется война въ Кохинхинѣ. Ведется война въ Мексикѣ. Ведется война противъ Италіи и мирныхъ жителей Рима въ самомъ Римѣ. Все это только французскіе подвиги. Но еще и Сербія въ военномъ положеніи. Еще въ Черногорѣ кровопролитія ежедневны, и выдаются счастливые дни, когда убивается по тысячѣ человѣкъ турокъ. Венеція на военномъ положеніи. Соединенные-Штаты обливаются кровью. Англія вооружаетъ берега. Италія набираетъ войско, и всадъ во всѣхъ странахъ движутся войска, строятся укрѣпленія, дѣлаются нарѣзныя пушки, устроиваются походные и постоянные лазареты, чтобы лечить изувѣченныхъ на войнѣ. Какъ не пожалѣть, что Мальтусъ давно умеръ: какое наслажденіе все это доставило бы старику, другу чумы и войны! Какъ порадовалось бы его холеролюбивое сердце!

АВСТРІЙСКО-ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА

По отношенію къ славянамъ, у Австріи и у Турціи интересы тождественны: и тому и другому правительству нужно, чтобы славяне не шевелились, забыли о своемъ собственномъ существованіи и только исправно бы платили то, что съ нихъ полагается. Но на бѣду австрійско-турецкихъ властей челоуѣчество, даже славянское, одарено способностью развиваться, имѣть нѣкоторыя желанія и затѣмъ ихъ выражать, что уже неудобно для преобладающаго племени, особенно если количество на сторонѣ племени обладаемаго. Такъ въ Австріи нѣмцевъ около восьми мильоновъ, а славянъ болѣе пятнадцати мильоновъ; въ Турціи османовъ одинъ мильонъ, а славянъ восемь мильоновъ. Австрійско-турецкіе интересы требовали напомнить всѣмъ двадцати-тремъ мильонамъ подвластныхъ славянъ, что они подвластны, чтобы вѣдали это языцы. Это было тѣмъ нужнѣе, что въ послѣднее время славяне начали забываться и слишкомъ много о себѣ думать. Нужно было дать хорошій урокъ, и даи. Но не разочли они самой простой вещи, упустили изъ виду, что на все есть мѣра, и что ежели можно было безнаказанно бомбардировать Бѣлградъ въ прошломъ столѣтіи, то теперь это уже анахронизмъ, грубая ошибка. Они забыли, что османы остановились въ своемъ развитіи, все равно, почему бы то нибыло, вслѣдствіе ли своихъ религіозныхъ убѣжденій, которыя сами составляютъ теперь анахронизмъ, вслѣдствіе ли невѣстныхъ намъ физиологическихъ законовъ меньшей способности къ совершенствованію османскаго племени, а что славяне развиваются, идутъ впередъ. Они забыли, что турецкій трупъ только гальванизируется живущими въ Стамбулѣ посланниками великихъ державъ и что

гальваническія содроганія — далеко еще не жизнь. Имъ показалось, что истребленіе янычаръ, введеніе въ войскъ полуевропейскаго костюма и разные гати-гумаюны и гати-шерифы составляютъ жизненные преобразованія, тогда какъ это были только гальваническія подергиванія. Имъ вообразилось, будто навсегда можетъ быть удержано случайное преобладаніе тюркскаго племени надъ славянскимъ, исламизма надъ христіанствомъ, корана надъ библіей. Они думали наконецъ, что вся сила заключается въ силѣ, въ ружьѣ, въ пушкѣ, въ полицейскомъ служителѣ, въ тюрьмѣ.

Все это ошибка, самообольщеніе физической силы, слѣдствіе презрѣнія къ народу, страхъ преобразованій, охраненіе болячки, консерватизмъ гангрены. Эта ошибка впрочемъ раздѣляется однимъ, какъ говорятъ, либеральнѣйшимъ правительствомъ, которое въ началѣ войны грековъ за свою независимость сильно помогало туркамъ и всячески старалось вредить грекамъ, своимъ огромнымъ флотомъ мѣшая подвозу стѣстныхъ припасовъ и оружія отрядамъ возставшаго народа въ осажденныхъ съ сухого пути укрѣпленіяхъ и береговыхъ ущельяхъ. Это правительство всегда держалось того правила, что приличнѣе всего держать сторону сильнѣйшаго, тѣмъ болѣе что оно и выгодно. До сихъ поръ султанъ сильнѣе сербскаго князя, и потому виконтъ Пальмерстонъ даже порицаетъ протестъ англійскаго консула противъ варварской бомбардировки Бѣлграда австрійско-турецкимъ пашой. Но ставемъ излагать событія въ порядкѣ.

Бѣлградъ — красивый городокъ на правомъ берегу Дуная, у самаго устья большой рѣки Савы. Жителей въ немъ до 17 тысячъ, по большей части сербы. Есть между ними и турки, но ихъ весьма немного: главное мѣстопробываніе ихъ — крѣпость, которая возвышается надъ городомъ на 700 футовъ. Вершина крѣпостной горы обнесена еще высокою и толстою стѣною. Тамъ живетъ паша-комендантъ, тамъ турецкій гарнизонъ съ надлежащимъ количествомъ пушекъ. Внутри крѣпости паша — полновластный повелитель; внѣ крѣпости онъ ровно ничего не значить, такъ какъ Сербія въ силу послѣднихъ трактатовъ пользуется довольно значительною долею самостоятельности. Тамъ свой князь, свое войско, свои законы, представительное правленіе, и вся зависимость отъ Турціи заключается въ ежегодной уплатѣ ста пятнадцати тысячъ рублей серебромъ. Сліяніе рѣки Савы съ Дунаемъ очень оживленно въ торговомъ отношеніи. Множество парусныхъ судовъ и пароходовъ грузятся и выгружаются на пристави, берутъ пассажировъ и сплываютъ вверхъ и внизъ по теченію. На другой сторонѣ Савы, тоже на берегу Дуная, славянскій городокъ Землинъ, подъ австрійскимъ вла-

дычествомъ. Въ немъ до 10 тысячъ жителей, карантинъ, довольно значительная торговля, стало-быть нѣмецкая таможня и, главное, штабъ округа военныхъ поселеній. Австрійскія военныя поселенія или военная граница населены славянами, которые несутъ вѣчную барщину военной службой. Тамъ всякій взрослый здоровый чело-вѣкъ — солдатъ, котораго посылаютъ на службу въ Венгрію, въ Италію, въ Богемію, куда угодно, а въ вознагражденіе за это его старикъ-отецъ, старуха-мать, жена и малолѣтки-дѣти получаютъ отъ 2 до 4 десятинъ земля съ правомъ обрабатывать ее, если могутъ, и съ правомъ перевозить своихъ командировъ на обывательскихъ подводахъ по дѣламъ службы и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ. Но устье Савы широко, изъ Бѣлграда ничего этого не видно, и Землинъ кажется оттуда очень красивымъ городкомъ. Въ самомъ Бѣлградѣ путешественнику, ѣдущему туда изъ Европы, въ первый разъ встрѣчаются и турки въ халатахъ, и ремесленники, работающіе прямо на улицахъ, и вычные ослы, и вся обстановка городской жизни съ чисто-восточнымъ характеромъ. На высокой горѣ крѣпости за высокими стѣнами, стрѣлой взвился на воздухъ высокій бѣлый минаретъ, и муэдзинъ, своимъ гнусливымъ голосомъ тянетъ на немъ свою положонную пѣсню, приглашая право-вѣрныхъ вспоминать о томъ, что вѣрнѣйшее средство попасть въ рай заключается въ томъ, чтобы истребить какъ можно больше собакъ-христіанъ. Но этого вблизи не видно. Жители Бѣлграда привыкли къ туркамъ, смотрятъ на нихъ совершенно равнодушно, потому что послѣдніе конгрессы обезпечили Сербію вполне. Еще по адрианопольскому миру Россія вытребовала для Сербіи многія права. Тогда постановлено было, что во всей Сербіи турки могутъ жить въ одномъ только Бѣлградѣ, а гарнизоны содержать въ семи только опредѣленныхъ крѣпостяхъ. Позже это подтверждалось нѣсколько разъ, и наконецъ на послѣднемъ парижскомъ конгресѣ постановлено было, что Турція не имѣетъ права предпринимать никакихъ военныхъ дѣлъ въ Сербіи, въ Моллавіи и въ Валахіи безъ согласія великихъ державъ. Чего-же послѣ этого могутъ опасаться сербы? Они даже совершенно справедливо не чувствуютъ ничего унижительнаго въ томъ, что Сербія будтобы находится подъ верховнымъ владычествомъ блистательной Порты. Они знаютъ очень хорошо, что Турція не существуетъ, что ея вовсе нѣтъ на свѣтѣ, что это только призракъ, условная формула, неимѣющая жизни, но служащая для великихъ державъ символомъ, во имя котораго останавливается развитіе народностей, когда-то завоеванныхъ османами. Существованіе Сербіи обезпечено трактатами, находится подъ покровительствомъ великихъ державъ, и хотя Сербія не довольно сильна,

чтобы составить совершенно самостоятельное государство, однако въ дѣйствительности она ровно настолько же самостоятельна, какъ, напримѣръ Бельгія, Данія и другія второстепенныя и третьестепенныя государства. Въ такомъ спокойно-обезпеченномъ положеніи жили сербы. Время было тихое въ политическомъ отношеніи; не предвидѣлось никакого переворота, и только слегка бродили слухи о разныхъ улачахъ или неудачахъ возставшихъ герцеговинскихъ братьевъ-славянъ, да о подвигахъ безстрашныхъ черногорцевъ, на которыхъ со всѣхъ сторонъ сдвигаются многочисленныя турецкія арміи, подъ начальствомъ отступника, славянина родомъ, ренегата Омера-паши. Бродили эти слухи, кое въ комъ мелькало желаніе помочь угнетеннымъ братьямъ, но недостатокъ силъ, невѣрніе центра скоро обращали мысли на болѣе близкія, житейскія дѣла, на дѣла торговля, промышленія, домашнія. Тѣмъ не менѣе однакоже слово Омеръ сдѣлалось у турецкихъ славянъ ругательнымъ словомъ, какъ встарину у насъ было слово Мазепа, и матери рассказываютъ дѣтямъ о славянинѣ, который навѣки себя опозорилъ отступничествомъ.

— Не бранись, дитятко, собакой, — говоритъ пная мать, — не бранись осломъ, это нехорошо; собака звѣрь хорошій, добрый, не продастъ въ бѣдѣ, издохнетъ, а не дастъ своего въ обиду; оселъ тоже звѣрь хорошій: онъ тебя и покатаетъ, онъ и муки привезетъ; а если что нехорошо, если кто дурной человекъ, то скажи турка, или того хуже — омеръ.

— А что это такое омеръ? спрашиваетъ дитя. — Звѣрь такой злой?

— Да, самый злой звѣрь; вотъ слушай откуда онъ взялся на свѣтѣ. Былъ одинъ отецъ и одна мать, гравичары, тоже на нашей Савѣ жили, только не на этой сторонѣ, а на той, въ округѣ Огулина. И было имъ прозвище Латовы. Былъ у нихъ сыночекъ, острый мальчикъ. Ходилъ онъ въ школу, только тамъ не такія школы, какъ у насъ, а по приходамъ школы все военныя. Вотъ хорошо, учится мальчикъ; выучился, перешолъ въ другую школу, въ Туринъ, учиться разнымъ наукамъ, и научился всему, все прошолъ. И поступилъ онъ на службу въ огулинскій полкъ, а послѣ пошелъ въ адъютанты къ майору Князичку, который тамъ завѣдывалъ работами по дорожной части. Служить Латовъ полгода, служить годъ, ничего. Только прослышали, что ѣдетъ генералъ, считать и усчитывать всякіе тамъ расходы. Онъ черезъ Саву и переправился къ нашимъ же, къ боснякамъ. Говоритъ такъ и такъ, гонятъ, терплю напраслину, хотить разстрѣлать нѣмцы. Ну какъ же своего человека не прикрыть отъ нѣмцевъ?

Прикрыли на время, хотѣ турецкія начальства и грозились боснякамъ, что у кого Латова найдутъ, того со всѣмъ семействомъ и со всѣми сродниками до пятого колѣна посадятъ на колъ. Однако ничего, отсидѣлся. А когда бы знали наши-то кого берегутъ, лучше бы пришибить его цѣпомъ или обухомъ, чѣмъ ни пошло. А генералъ-то вѣнецкій и не наполю ни казенныхъ денегъ, ни счетовъ, ни росписокъ, ничего. Поступилъ нашъ Латовъ приказчикомъ къ турецкому купцу, богатому, съ самимъ Царьградомъ торговалъ; и полюбилъ онъ деньги пуще всего на свѣтѣ, и деньги-то его и погубили. Изъ-за денегъ то, чтобы хозяинъ довѣрялъ ему побольше, какъ довѣрялъ майоръ Князчикъ, онъ и перешолъ въ турецкую вѣру; на смѣлся надъ крестомъ и евангеліемъ, забылъ Спасителя Христа. Однако турка не дался въ обманъ, деньги припряталъ, а велѣлъ ему учить дѣтей, да съ нимъ и отправилъ ихъ въ Царьградъ. Сталъ уже нашъ молодецъ не Латовъ, а Омеръ-эфенди, значить ученый, а христіанское имя потерялъ, и ангель-хранитель одного съ нимъ имени съ тѣхъ поръ все плачетъ, слезъ неосушая. Умѣлъ этотъ Омеръ-эфенди хорошо, чисто писать: въ военныхъ-то школахъ, у граничаръ, это первымъ дѣломъ считается. За это самое онъ и опредѣлился учителемъ въ царьградскую военную школу, учить чисто писать. Точно также попалъ онъ въ учителя къ султанскому сыну Абдулу-Меджилу, и тотчасъ былъ произведенъ въ юзъ-баши, по-нашему въ капитаны, а когда Абдулъ-Меджидъ самъ сдѣлался султаномъ, то учитель получилъ полковничій чинъ и кучу денегъ. Съ тѣхъ поръ и пошло ему дѣло за дѣломъ: гдѣ ни понадобится покарать христіанъ, да такъ покарать, чтобы у всякаго турка волосъ на головѣ сталъ дыбомъ, языкъ присохъ къ небу, — тамъ султанъ и шлетъ отступника. Въ Ливанѣ, лѣтъ двадцать назадъ, такъ онъ окровавился, что не только христіане, сами турки просили султана прислать намѣсто отступника настоящаго турку. Лѣтъ двадцать назадъ громилъ онъ нашихъ братьевъ босняковъ, черезъ годъ воевалъ Герцеговину, а тамъ опять истреблялъ босняковъ, и теперь все травятъ имъ нашихъ братьевъ. Во всякомъ честномъ христіанинѣ видитъ онъ себѣ живой упрекъ и бѣсится отъ одного христова имени, точно кликуша. Такое начальство туркамъ и съ руки, а нашимъ братьямъ, сербамъ черногорскимъ и герцеговинскимъ — бѣда. Какъ же можно, всякій турка во сто разъ лучше отступника! Это уже и есть самый что-называется антихристъ.»

Такъ мирно проводили свое время жители Бѣлграда. Неразъ случались и ссоры между мусульманами и христіанами, изрѣдка и подерутся. Но никто не придавалъ этому большой важности. Какъ-то недавно подрались такъ, что убили человѣка. Тутъ уже совер-

менно все равно, кто затѣялъ драку: дѣло суда состояло въ томъ, чтобы разсмотрѣть всѣ обстоятельства, распорядиться на законномъ основаніи и о послѣдующемъ донести куда слѣдуетъ. Большая часть мирныхъ жителей и незнала конечно, что была такая драка, и всѣ спали слѣдующую ночь спокойно, рассчитывая на утро опять заняться своими обычными дѣлами. Но вышло не такъ. 17 июня, только-что городъ проснулся и народъ засуетился по рынкамъ, вдругъ — выстрѣлъ изъ крѣпости. Что такое? Не праздникъ ли какой мусульманскій? Еще выстрѣлъ! Еще и еще! Нѣтъ, это чтонибудь недаромъ. А тамъ дальше, на площади, народъ шумить, кричать, о чемъ-то хлопочетъ. Да за всякимъ выстрѣломъ что-то реветъ и воетъ въ воздухъ, похоже нето на медвѣжій, нето на волчій вой. Боже мой! да это бомбы, ядра! Вонъ хряснуло дерево въ саду... Вонъ кучка народу несетъ убитую бабу, а въ мертвое тѣло попадаетъ новая шальная бомба, и носильщики разбѣгаются, а вслѣдъ имъ летятъ осколки лопнувшей бомбы, и народъ валится... Вотъ на Ягодной улицѣ загорѣлось: бомба прошибла крышу и лопнула на чердакѣ... Да чтоже это сдѣлалось съ турками? Съума они сошли что-ли? А вотъ ребеночекъ лежитъ съ оторванной головкой. О, да какая тутъ лужа крови! Вѣрно ужъ убрали покойника. Вотъ и еще загорѣлось!..

Чтоже это наконецъ такое? Къ оружію! Долой турокъ! Прочь разбойниковъ!.. И гремитъ канонада, и падаютъ люди, падаютъ женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ, падаютъ въ домахъ толпки. Ударили въ набатъ, показываются на улицахъ толпы людей съ ружьями и съ патронами; гдѣ-то гремитъ барабанъ; ташутъ убитыхъ, несутъ въ лазаретъ раненыхъ. А консульскіе флаги благополучно развѣваются: флагъ англійскаго консула Лонгворта, французскаго консула Гастю, русскаго консула Влангали, прусскаго консула Мерони; итальянскій флагъ спущенъ: консулъ выѣхалъ куда-то. Австрійскій консулъ въ городъ, но его нѣтъ въ своей квартирѣ. Да на-бѣду еще и князя нѣтъ: онъ уѣхалъ въ Крагуевацъ, свою обыкновенную лѣтнюю резиденцію.

Консулы собрались, посовѣтовались какъ быть, и немедленно составили протестъ:

«Въ то время когда жители Бѣлграда были спокойны и обезпечены договоромъ паши съ сербскимъ правительствомъ, договоромъ, заключеннымъ въ присутствіи всѣхъ консуловъ, бѣлградскій комендантъ паши приказалъ бомбардировать городъ, безо всякаго предупрежденія, и хотя созывалъ консуловъ, но не выслушалъ ихъ; поэтому нижеподписавшіеся возлагаютъ на него всю отвѣтственность за поступокъ, столь противный человѣческимъ правамъ, про-

тестуютъ формальнѣйшимъ образомъ и будутъ ожидать въ разстрѣливаемомъ городѣ участи, какая постигнетъ ихъ соотечественниковъ, до полученія отъ своихъ правительствъ дальнѣйшихъ инструкцій.»

Подписали 17 іюня 1862 года консулы англійскій, французскій, русскій и прусскій; итальянскаго консула не было, а консулъ австрійскій уклонился отъ подписанія протеста, на томъ основаніи, что будтобы Порта имѣетъ право распоряжаться своими подданными такъ, какъ ей заблагоразсудится, тѣмъ болѣе что городъ заслужилъ гнѣвъ его султанскаго величества и теперь надлежашею карою искупаетъ свои преступленія. Иначе и быть не могло, потому что впоследствии все вышло наружу: впоследствии, по официальному дознанію, засвидѣтельствованному консулами, оказалось, что австрійскій консулъ получилъ извѣстіе о бомбардированіи за двадцать четыре часа до того, какъ оно началось, что онъ удалил австрійскихъ подданныхъ изъ города, но не сказалъ ничего своимъ товарищамъ, консуламъ другихъ державъ, и во время бомбардированія, продолжавшагося четыре часа, цѣлые два часа пробывъ въ крѣпости. Чтó онъ тамъ дѣлалъ, изъ дознанія невидно, но злые языки говорятъ, будто онъ считалъ удары, наносимые славянамъ, и въ подозрную трубку смотрѣлъ на результаты стрѣльбы бомбами въ безотвѣтный и мирный городъ. Дѣйствительно, зрѣлище должно быть великолѣпное и почтенный консулъ могъ любоваться такъ же точно безопасно, какъ на картинѣ, тѣмъ болѣе что изъ крѣпости ему неслышно было стоновъ, воплей и плача, и можетъ-быть изрѣдка только долетали до него звуки разрывающихся бомбъ, и для полноты картины надъ городомъ стоялъ глухой гулъ, въ которомъ скорѣе можно было повяты ропотъ жертвы, чѣмъ страданія мученика. Надо замѣтить, что впоследствии австрійское правительство изъявило своему консулу во всѣхъ газетахъ благодарность за «его дѣятельность въ пользу человечества и особенно австрійскихъ подданныхъ, дѣятельность, благодаря которой бомбардированіе прекратилось и городъ и жители избавлены были отъ дальнѣйшихъ потерь и несчастій». Но графу Рехбергу скоро вѣроятно поневолѣ придется повяты, что теперь ужъ не тѣ обстоятельства, которыя давали политикѣ князя Шварценберга въкоторый видъ успѣха и что для Австріи несовсѣмъ безопасно возвращаться къ той политикѣ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что нелѣпное бомбардированіе Бѣлграда отдалось болѣзненно въ сердцахъ всѣхъ славянъ, населяющихъ Турцію. Нѣтъ, конечно! полно! Долой турокъ, которые держатся и притѣсняють христіанъ только благодаря покрови-

тельству христіанскихъ державъ. Жители Бѣлграда вооружились; немеленно сдѣланы были распоряженія о вывозѣ изъ города всего, что подороже и получше; начали вывозить присутственныя мѣста, архивы, семейства, домашній скарбъ, и въ тоже время строить въ городѣ барикады, а противъ крѣпости валъ и траншеи. Миліція вооружилась по всей Сербіи... Но гдѣ же границы Сербіи въ такъ-называемыхъ турецкихъ владѣніяхъ? Чтобы отвѣтить на это, надо на минуту оглянуться назадъ.

Славяне въ VII вѣкѣ пришли съ востока въ византійскую имперію по приглашенію императора Гераклія, прогнали аваровъ и поселились въ тѣхъ мѣстахъ бывшей византійской имперіи, гдѣ и до сихъ поръ живутъ. Ловкіе греки мало-помалу прибрали ихъ къ рукамъ и сдѣлали ихъ земли своею провинціей. Но византійская имперія мало-помалу разрушалась, дряхла, а славянскія земли, исполненыя жизненныхъ силъ, крѣпли, собирались, и еслибы не несчастная удѣльная система, по которой всякій умиротворяющій князь дѣлилъ свои владѣнія дѣтямъ, то Сербія теперь была бы могучимъ государствомъ, одною изъ великихъ державъ. Дѣло шло къ тому съ начала XI вѣка, когда сербскіе цари свосились съ византійскими императорами на правахъ совершеннаго равенства. Далѣе, въ XII и XIII вѣкахъ Сербія все усиливалась, укрѣплялась, заводила школы, устраивала у себя духовенство независимое отъ византійскихъ патріарховъ и интригъ, и наконецъ въ половинѣ XIV вѣка достигла высшей степеніи могущества. Это была держава, подъ властью которой соединились всѣ славянскія земли нынѣшней Турціи, почти до самыхъ воротъ Царьграда. Втеченіи этихъ трехъ вѣковъ встрѣчалось безчисленное множество препятствій къ устройству Сербіи. Всякій разъ, какъ только славяне начнутъ усиливаться, мадьяры накинутся на которыхъ-нибудь изъ ихъ земель и воюють страну, то-есть сообразно съ тогдашними понятіями и правами, разоряютъ и грабятъ мирныхъ жителей, такъ что сербскимъ царямъ приходилось чаще всего вести двѣ войны: на югѣ съ Византіей, на сѣверѣ съ мадьярами. Во второй половинѣ XIV вѣка (1389) произошла та знаменитая битва на Коссовомъ полѣ, которая перевернула участь Сербіи, на многія столѣтія уничтожила ея самостоятельность и осталась почти единственною темой тоскливыхъ народныхъ пѣсенъ Сербіи. Но замѣчательно, что пѣсни о Коссовомъ полѣ поются не въ одномъ только нынѣшнемъ сербскомъ княжествѣ, а на всемъ томъ пространствѣ земли, которое прежде было Сербіей, то-есть почти у всѣхъ славянъ, живущихъ въ Турціи. Одно это обстоятельство показываетъ уже, что Коссово поле было страшнымъ ударомъ для всѣхъ турецкихъ славянъ вмѣстѣ и что всѣ та-

мошніе славяне очень близкая родня между собою. На это возражаютъ обыкновенно туркофилы, что въ Турціи славянскій народъ говоритъ не на одномъ какомъ-нибудь нарѣчій, а на разныхъ, что болгаръ едва понимаетъ серба, что во всѣ времена болгары воевали съ сербами. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ древнихъ странахъ имѣется множество различныхъ нарѣчій; во Франціи бретанецъ труднѣе пойметъ лангедокца, чѣмъ сербъ понимаетъ болгара. Что же касается до междоусобій, то вѣдь въ темныя времена отъ IX до XVI вѣка гдѣ же не было междоусобій? И возможно-ли было имъ не быть при несчастномъ панславянскомъ обыкновеніи дѣлить между дѣтьми области, подвластныя отцу, при тогдашнихъ понятіяхъ о власти?

Нынѣшнія границы Сербіи совершенно случайны и не имѣютъ ни малѣйшаго этнографическаго смысла. За рѣкою Савой — австрійскія владѣнія, военная граница. Но граничары и сербы одинаково не признаютъ рѣки политическою границей, ѣздятъ съ одного берега на другой въ гости, крестятъ дѣтей другъ у друга и плачутъ о тягостяхъ австрійско-турецкаго ига. Далѣе, съ запада сербскую границу составляетъ рѣка Дрина, впадающая въ Саву. Теперь уже всякому безъ исключенія ученику географіи извѣстно, что теченіе рѣки не отдѣляетъ народы, а скорѣе соединяетъ. На лѣвомъ берегу Дрины босняки, на правомъ сербы. Но точно также на лѣвомъ берегу Волги живутъ самарцы, а на правомъ симбирцы, что нисколько не мѣшаетъ имъ быть одинаково русскими по языку, по вѣрѣ, по душѣ. Южная и восточная границы проведены даже и не по рѣкамъ, а по случайнымъ административнымъ дѣленіямъ округовъ или уѣздовъ. Какъ по требованію Россіи, при заключеніи адрианопольскаго мира; къ Сербіи присоединены были округи Дрина, Старовласика, Крушевацъ, Парашкинъ и Тимокъ, точно также, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, при большей только требовательности со стороны Россіи, можно бы присоединить Островъ, Мелковецъ, Бразникъ, Григорово, Новецъ и множество другихъ. И это случилось бы непременно, еслибы при заключеніи адрианопольскаго мира (1829) не существовало враждебныхъ для славянъ вліяній, которыя съ тѣхъ поръ и не прекращались.

Отъ югозападной границы сербскаго княжества недалѣе какъ на разстояніи тридцати-пяти верстъ начинается страна черногорцевъ, тѣхъ же славянъ-сербовъ, никогда не признававшихъ турецкаго владычества. Тридцать-пять верстъ есть не болѣе какъ одинъ переходъ. Омеръ-паша, главнокомандующій войскъ, посланныхъ для приведенія славянъ въ порядокъ, знаетъ это очень хорошо, и теперь всѣми силами торопится задушить Черногорье, чтобы наки-

нутъся на Сербію, неложидаясь, чтобы раздражонные и вооружонные сербы, ища исхода своему войнаственному жару, сдѣлали этотъ тридцатипяти-верстный переходъ. Для Турціи было бы весьма непріятно, точно также какъ и для Австріи, еслибы славяне вспомнили, что Адриатическое море получило свое имя отъ древняго города, который давно уже не существуетъ, а что его настоящее имя есть Сине-море, что оно и есть то самое Сине-море, о которомъ поется въ пѣсняхъ всѣхъ славянскихъ племенъ безъ исключенія, то Сине-море, до котораго славяне дошли и остановились. Они такъ его назвали и такъ зовутъ до сихъ поръ, точно также какъ Черное зовутъ Чернымъ, а Мраморное Бѣлымъ. Можетъ-быть имѣя это въ виду, безъ расчета, но инстинктивно стремясь къ южнымъ своимъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ братьямъ, австрійскіе славяне, живущіе вдоль Сина-моря, неохотно вступаютъ въ обязательства относительно Венгрии и лучше хотятъ оставаться пока мѣсть одинокими и безъ поддержки, безъ помощи вытерпливать австрійское самовластье, чѣмъ новыми обязательствами связать себя съ мадыарами, съ народомъ, который во всѣ времена былъ заклятымъ врагомъ славянъ, который враждовалъ противъ славянъ и когда можно угнеталъ ихъ съ истинно-австрійскимъ терпѣніемъ и съ финскою настойчивостью. Далматы, кроаты или хорваты, славонцы и сербы, — все это такая же близкая родня, какъ ярославцы и костромичи; поэтому понятно, что австрійскій консулъ въ Бѣлградѣ находяся въ такомъ сердечномъ согласіи съ бѣлградскимъ пашою.

Въ силу такого близкаго родства съ австрійскими славянами, Сербія и находится подъ постоянною опекой Австріи, находясь въ зависимости отъ Турціи, и находится такимъ образомъ между двухъ огней, несчитая третьяго, который бьетъ очень далеко, — Англіи. Съ одной стороны Турція угнетаетъ, а съ другой Австрія посягаетъ угнетать, такъ что націентка, Сербія, вынуждена непрерывно бороться, чтобы возратить свои права или поддержать какія есть. Тамъ, гдѣ по чловѣчеству она могла бы ждать поддержки и защиты, по австрійской политикѣ встрѣчаетъ она ожесточенныхъ, озлобленныхъ, злѣйшихъ враговъ. Въ такомъ положеніи на что же ей та внутренняя независимость, которая обезпечена ей трактатами? Эта независимость — пустое слово, чистое подражанье народа, давно тяготящагося и раздражоннаго своимъ неавспствнымъ игомъ. Бѣлградскія событія показали сербамъ, что покровительство великихъ державъ, съ турецкими гарнизонами въ крѣпостяхъ, не ведетъ ни къ чему, не обезпечиваетъ ихъ мирнаго пользованія правами. Правительство сербское желаетъ, чтобы Ев-

ропа вошла въ его положеніе, чтобы она законными и мирными средствами разрѣшила его затрудненія или лучше-сказать невозможность его нынѣшняго положенія. Сербскій народъ можетъ сказать европейскимъ державамъ: «Вы меня признали и обезпечили мнѣ политическое существованіе, такъ дайте же мнѣ возможность существовать или не мѣшайте мнѣ самому приобрести эту возможность». Что можетъ быть естественнѣе и справедливѣе этого требованія? Какъ не согласиться на такую просьбу? Но есть на свѣтѣ два христіанскіе кабинета, которые отвѣтятъ сербскому народу: «Правда, что кровь твоихъ сыновъ текла несправедливо; что твою столицу разстрѣливали; что твои главные города могутъ полвергнуться тому же; твоей торговлѣ нанесенъ жестокой ударъ; вѣроятно даже, что подобныя бѣды будутъ и впредь обрушаться на тебя отъ времени до времени; но твои старинныя крѣпости, вновь завоеванныя тобою во время войны за независимость, должны быть заняты, въ силу трактатовъ, турецкими гарнизонами и ты долженъ ихъ терпѣть, еслибы даже я сто разъ они разрушили твои города.»

Несмотря на то, что по силѣ обстоятельствъ и должно ждать такого отвѣта, однакоже сербы все требуютъ очищенія крѣпостей, вывода турецкихъ гарнизоновъ, которыхъ присутствіе собственно говоря не имѣетъ никакого смысла при существующихъ трактатахъ. По этимъ трактатамъ за Турціей обезпеченъ доходъ, получаемый съ Сербіи. Безъ разрѣшенія великихъ державъ Турція не можетъ стѣснить существующихъ правъ Сербіи, а увеличить ихъ конечно не захочетъ. Сама Сербія, безъ разрѣшенія великихъ державъ, тоже не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться. Какой же смыслъ имѣютъ турецкіе гарнизоны? Ровно никакого. Изъ занятія двухъ сербскихъ крѣпостей и пяти укрѣпленныхъ средневѣковыхъ разваливающихся башенъ турецкими гарнизонами выходитъ только пагубная для хода дѣлъ двойственность, потому что турки, живущіе въ Сербіи, въ дѣлахъ судебныхъ обращаются къ своимъ, турецкимъ начальствамъ. Такая двойственность составляетъ чувствительный подрывъ внутренней безопасности Сербіи, дѣлаетъ то, что обезпеченіе сербской независимости великими державами остается мертвою буквой и постоянно угрожаетъ миру Балканскаго полуострова: такимъ образомъ она ведетъ къ цѣли, противоположной той, въ виду которой предпринята была крымская война и заключенъ парижскій трактатъ 1856 года.

Великія державы очень ясно поняли неудобство существующаго положенія вещей и немедленно послѣ бѣградскихъ событій отправили изъ Константинополя комисара, важнаго пашу, для производства подлежащаго слѣдствія и дознанія, кто правъ, кто виноватъ.

Тотъ какъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ, немедленно потребовалъ къ себѣ въ крѣпость различныхъ сербовъ. Когда волкъ производилъ слѣдствіе надъ ягненкомъ, имѣя въ виду его съѣсть, то ему было очень легко обдѣлать это дѣло. Но тутъ оказалось, что у ягненка отросли зубы и рога, что Сербія организовалась настолько, что у нея есть уже совершенно правильное правительство и князь, совершенно отчетливо понимающій нужды и стремленія сербскаго народа. Къ важному нашѣ требуемые сербы не явились, а вмѣсто ихъ пришло отвѣтъ сербскаго министерства. Въ этомъ отвѣтѣ сказано было, что для сербовъ имѣются въ ихъ отечествѣ правильно организованные суды, которые вовсе не нуждаются въ комисарѣ. На дѣлѣ оказалось, что въ самомъ дѣлѣ можно было произвести слѣдствіе на законномъ основаніи, неприбѣгая ни къ какимъ экстреннымъ мѣрамъ. Комисаръ къ удивленію Европы и къ великой досадѣ викаронта Пальмерстона и г. фонъ-Шмерлинга нашолъ, что бомбардировать ни въ чемъ невиноватый городъ не слѣдовало, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что блистательная Порта, въ силу договоровъ, не имѣла права стрѣлять въ городъ, еслибы даже онъ и былъ виноватъ.

По полученіи такого неполитичнаго донесенія, великія державы рѣшили открыть въ Константинополѣ конференціи для устройства сербскихъ дѣлъ. Подробности первой конференціи не обнародованы и потому неизвѣстны. Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что сторону Сербіи держатъ Россія, Франція, Пруссія и Италія, а сторону Турціи Австрія и Англія. Воззрѣнія членовъ конференціи такъ различны, что никакой нѣтъ надежды на соглашеніе. Приказано было только, послѣ перваго собранія дипломатовъ, не предпринимать ни со стороны Сербіи, ни со стороны Турціи никакихъ непріязненныхъ мѣръ, остановиться въ томъ положеніи, въ какомъ приказаніе застанетъ обѣ стороны, и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Само-собою разумѣется, что турки не исполнили этого приказанія, зная очень хорошо, какая сильная за нихъ стоитъ рука. Войско, заготовленное для вторженія въ Сербію, получило приказаніе находясь за двадцать верстъ отъ сербской границы, послѣ приказанія оно пододвинулось гораздо ближе, и стоитъ теперь на границѣ. Въ бѣлградской крѣпости турки приготовили, при помощи австрійцевъ, большой запасъ ракетъ, которыми будутъ жечь городъ. Съ своей стороны сербы вывезли изъ города все драгоценное, готовятся къ защитѣ, а между тѣмъ поговариваютъ, что если ли по какому-нибудь странному стеченію обстоятельствъ война не будетъ, а конференціи рѣшатъ, что турецкій гарнизонъ останется въ Бѣлградѣ, то бросить городъ и строиться въ другомъ мѣстѣ,

болѣе безопасномъ. Говорятъ, что и мѣсто даже выбрано. Теперь всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ извѣстій изъ Константинополя; но кровавая борьба можетъ выпыхнуть помимо всѣхъ дипломатическихъ соображеній, по поводу какого-нибудь ничтожнаго случая, особенно потому, что умы и страсти напряжены въ высочайшей степени. Сербы слѣдятъ за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ турокъ, и только-что въ крѣпости переставляются пушки на другое мѣсто, тотчасъ въ городѣ принимаются соотвѣтственныя мѣры. Въ Бѣлградѣ пріѣзжалъ уже одинъ изъ чиновниковъ, состоящихъ при англійскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ; онъ привозилъ англійскому консулу подробную и отчетливую инструкцію.

Въ Бѣлградѣ пріѣхалъ г. Больверъ, англійскій дипломатъ. Его пріѣздъ надѣлалъ тамъ много шума и составилъ чрезвычайно важное событіе. У него собирався всѣ консулы, комисаръ Порты и сербскій министръ Гарашанинъ. Дипломатъ конечно сообщилъ всѣмъ этимъ господамъ намѣренія своего правительства, далеко не благопріятныя для Сербіи. Англійскій кабинетъ упорно желаетъ сохраненія того положенія и тѣхъ отношеній, какія были до бѣлградской бомбардировки, безъ малѣйшей льготы въ пользу Сербіи. Комисаръ Порты съ своей стороны увѣрялъ консуловъ, что Порта не приметъ никакой рѣшительной мѣры во все время конференцій и требовалъ отъ сербскаго правительства разрушенія баррикадъ и открытія улицъ. Но сербское правительство недовѣряетъ такимъ обѣщаніямъ. Напротивъ оно объявило жителямъ, чтобъ они постоянно были вооружены и не держали бы въ домахъ много сѣна и дровъ, вообще горючихъ матерьяловъ. Такое объявленіе сильно пахнетъ порохомъ и власти готовятся ко всевозможнымъ случайностямъ. Публику не пускаютъ на батареи, построенныя позади архіерейскаго дома, откуда видны турецкія батареи на берегу Савы. А турки съ своей стороны возвышаютъ стѣны и палисады, и всѣхъ своихъ женщинъ удалили изъ крѣпости на австрійскую сторону Савы, въ австрійскій городъ Землинъ, откуда онѣ уйдутъ на австрійскихъ пароходахъ въ Виддинъ.

Ясно, что борьба предстоитъ, и борьба рѣшительная. Въ ней сербы надѣются какъ на свои регулярныя войска, такъ и на милицію, на сочувствіе всѣхъ турецкихъ славянъ и всѣхъ христіанъ. Въ Сербіи немного регулярнаго войска: всего четыре батальона пѣхоты по тысячѣ человѣкъ, и того 4,000, два эскадрона кавалеріи — 1,200, двѣ артилерійскія батареи — 400, саперовъ и инженеровъ 400 — всего только 6,000 человѣкъ. Сверхъ того есть народная милиція, образованная по закону скупчины, постановленному въ прошломъ сентябрѣ. Всякій сербъ отъ 20 до 60 лѣтъ обязанъ служить въ во-

енной службѣ. Онъ обязанъ имѣть свою одежду, амуницію и оружіе; правительство даетъ ему только боевые патроны. Такимъ образомъ милиція довольно многочисленна; изъ нея младшіе по возрасту составляютъ подвижную народную стражу, числомъ 50,500 человекъ. Они составляютъ 62 батальона пѣхоты по 730 человекъ, 26 эскадроновъ кавалеріи по 95 человекъ, 6 артилерійскихъ батарей по 200 человекъ и одинъ саперный батальонъ въ 985 человекъ. Всякая община составляетъ роту; общины одного округа составляютъ одну или нѣсколько батальоновъ, а батальоны уѣздовъ составляютъ полки. Это войско обучается старыми солдатами одинъ или два раза въ недѣлю; кромѣ того бываютъ общіе маневры, которые продолжаются недѣли двѣ. Эти маневры недавно были во всей Сербіи, передъ самымъ сѣнокосомъ. Сверхъ этихъ 50,500 человекъ, остальные, старшіе члены милиціи, составляютъ резервъ въ 140,000 человекъ. Въ обыкновенной войнѣ это силы не очень значительныя, тѣмъ болѣе что все это войско не обучено надлежащимъ образомъ, или обучено мало. Но въ той войнѣ, которая предстоитъ, въ войнѣ оборонительной, въ войнѣ народа, который ожесточенъ до крайности, и теперь, по случаю продолжительныхъ конференцій, теряетъ терпѣніе и раздражается все болѣе и болѣе — такое войско совершенно удовлетворяетъ своему назначенію. Весьма важно уже то, что весь народъ вооруженъ, и можно жалѣть только объ одномъ, что у нихъ не довольно много наръзныхъ ружей или винтовокъ.

Любопытно будетъ посмотрѣть что станутъ дѣлать Австрія и Англія, когда встанетъ все славянское населеніе Турціи, вмѣстѣ съ побережьемъ Сина моря? Пошлютъ войска усмирять людей, возставшихъ противъ призрака, противъ лавящаго кошмара? Это было бы весьма любопытное явленіе, достойное среднихъ вѣковъ.

А дѣло возможное, потому въ особенности, что Гарибальди имѣетъ теперь крайнюю нужду въ дѣятельности, что ему необходимо надобно устремить кула-нибудь накопившіяся вокругъ него кипучія, жаждущія полезной дѣятельности силы. Гарибальди, говорятъ, собираетъ волонтеровъ; Гарибальди говоритъ въ Палермо и въ Марсалѣ зажигательныя рѣчи противъ Людовика-Наполеона; Гарибальди хочетъ идти въ Римъ; Гарибальди хочетъ съ двумя тысячами волонтеровъ вести войну противъ цѣлой Франціи; Гарибальди осмѣливается говорить пехоршее о покровителѣ Італіи, который занимаетъ своими войсками ея столицу и мѣшаетъ ей придти въ мирчій порядокъ и успокоиться. Газеты подняли неслыханный шумъ, туринская палата изрекла порицаніе великому сыну Італіи; туринскіе министры затруднялись пріискать слова какъ можно бо-

лѣ ловитья, однакоже до нѣкоторой степени приличныя, по крайней-мѣрѣ удобопроизносимыя въ присутствіи 25 миліоновъ итальянцевъ, чтобы очернить народнаго героя. Пароходы, фрегаты, шкуны, клипера, авизо, корветы отправлены были въ римскія воды, чтобы сторожить высадку, не дать волонтерамъ высадиться на римскомъ берегу. Телеграфъ работаетъ день и ночь, извѣщая что сказалъ Гарибальди и на которомъ боку онъ спитъ. Вдругъ — о ужасъ! — Гарибальди пропалъ, неизвестно куда дѣвался. Надзоръ за римскими водами утроенъ, изъ Тулона и изъ Генуи слѣшать корабли, итальянское небо потемнѣло отъ дыма пароходовъ, надзирающихъ римское море и оберегающихъ свѣтскую власть отъ нечестиваго посягательства волонтеровъ. Вдругъ — о радость! — Гарибальди и не выѣзжалъ изъ Палермо, стало-быть панская власть въ безопасности, вселенная можетъ вздохнуть спокойно. Вдругъ — о ужасъ! — Гарибальди опять въ Марсалѣ говорилъ громовую рѣчь противъ Людовика-Наполеона. И опять новые пароходы идутъ выжидать волонтеровъ у панскихъ береговъ. Дошло наконецъ до того, что 3 августа вышла королевская прокламація, въ которой его величество между прочимъ говорить: «Въ то время какъ Европа почла мудрость нашей націи, горько видѣть, что молодые люди поддаются самообольщенію, забываютъ какую благодарностью мы обязаны нашимъ лучшимъ и стариннымъ союзникамъ и дѣлаютъ изъ Рима, составляющаго предметъ общихъ желаній, военный сигналъ. Когда пробьетъ часъ исполненія предирітія, мой голосъ послышится. Всякое другое воззваніе, кромѣ вашего короля, есть кличъ къ бунту и къ междоусобной войнѣ. Кто не послушаетъ моихъ словъ, тотъ отвѣтитъ за строгое приложеніе законовъ. Я сумѣю поддержать достоинство моей короны и достоинство парламента, чтобы имѣть право требовать у Европы полной справедливости для Италіи.» Потомъ Ратаці въ палатѣ депутатовъ сказалъ, что слухи, будто правительство явно порицаетъ Гарибальди и въ тоже время тайно ему помогаетъ, совершенно несправедливы. «Пора — прибавилъ онъ — исчезнуть всякому недоразумѣнію; я надѣюсь, что Гарибальди, зная твердую рѣшимость короля, подчинится его голосу и мы избавимся отъ междоусобной войны». На другой день военный министръ издалъ приказъ по арміи, въ которомъ говорится: «Своею твердостью вы избавите отечество отъ величайшаго несчастія, отъ междоусобной войны. Ежели послѣ словъ госуларя нетерпѣливые люди не угомонятся, то какъ ни тяжела будетъ ваша обязанность, вы исполните свою обязанность». Ко всему этому, еще англійская эскадра получила приказаніе дѣйствовать заодно съ французскою и итальянскою эскадрами, такъ что теперь волю римскихъ береговъ

на морѣ происходитъ великая давка в толкотня: огнь тѣноты парохоловъ и кораблей всѣхъ именований.

Но слѣдуетъ взглянуть на дѣло нѣсколько кладнокровивѣе. Понятно само собою, что изъ этого ничего не выйдетъ, или лучше сказать выйдетъ что-нибудь выгодное для рѣшенія римскаго вопроса. Покрайней-мѣрѣ надо надѣяться, что итальянскіе государственные люди сумѣютъ извлечь выгоду изъ вѣдѣнаго волненія, котораго причиною были десять словъ, сказанныхъ Гарибальди, и въ такомъ случаѣ Италия опять будетъ ему обязана. Не съ другой стороны надо считать Гарибальди совершенно пустымъ ребенкомъ, ежели полагать, что онъ въ самомъ дѣлѣ такъ прямо, вслухъ, передъ цѣлою Европой и станетъ рассказывать свои намѣренія. Марсальская экспедиція удалась именно потому, что никто не зналъ ея назначенія, никто кромѣ самого начальника не зналъ куда она высадится и что будетъ дѣлать. Неужели можно предпологать, что Гарибальди предварительно прокричитъ на цѣлую Европу о своихъ намѣреніяхъ и потомъ будетъ такъ просто, что попытается выполнить ихъ? Не гораздо ли справедливѣе и проще предположить, что онъ маскируетъ свои намѣренія? Не справедливы ли ожиданія австрійско-турецкихъ славянъ, которые ждуть его изъ-за Сина-моря? Въдѣ Сине-море не широко; оно пополамъ славянско-итальянское, а близкіе сосѣди обыкновенно оказываютъ другъ другу нѣкоторыя услуги. Партія дѣйствія въ Италиі заключаетъ въ себѣ довольно много умныхъ людей, которые видятъ теперь очень хорошо, что противъ рожна ничего невозможно сдѣлать, и что надо дѣйствовать обходомъ, захватить рожонъ сзади. Они знаютъ очень хорошо, что главнѣйшая сила Австріи заключается въ славянахъ, что мадьяры теперь составляютъ не силу, а слабость имперіи, что войска занимающія венеціанскую область по большей части состоятъ изъ славянъ, что всѣхъ славянъ подвластныхъ Австріи до пятнадцати миліоновъ, и между ними четыре миліона южныхъ славянъ, то-есть сербовъ, родныхъ братьевъ тѣмъ сербамъ, которые тоже составляютъ подчиненное племя въ Турціи, и что всѣ они ближайшіе сосѣди Сина-моря. Волонтеры итальянскіе теперь ровно ничего не успѣютъ сдѣлать ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, потому что здѣсь и тамъ приготовлены слишкомъ сильныя оборонительныя средства, и что высадившись близъ Черногорья, Гарибальди можетъ сдѣлать гибельную для Австріи диверсію, причѣмъ Турція исчезнетъ сама собою, какъ обыкновенно исчезаютъ призраки передъ взглядомъ пробужденнаго человѣка. Въ итальянской партіи дѣйствія есть люди, которые считаютъ, что ближайшая дорога въ Римъ лежитъ теперь для Италиі черезъ турецко и австрійско-славянскія земли,

черезъ Царьградъ и Венецію. Есть множество данныхъ, по которымъ можно догадываться, что Гарибальди выберетъ именно этотъ путь, не на томъ только основаніи, что эти дороги ведутъ въ Римъ, а также и на томъ, что это дорога ближайшая. Теперь же это будетъ особенно удобно, когда надзоръ за высадкою весь сосредоточенъ на римскихъ берегахъ.

Можетъ-быть конференціи не успѣютъ ни до чего еще договориться, какъ неожиданный выстрѣлъ какого-нибудь часового исполнитъ сигналомъ общей схватки, высадки и великолѣпнѣйшаго представленія, съ разрушеніемъ Турціи вместо финала.

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Совершенно неожиданно явился Гарибальди въ Палермо. Газетчики думали, что онъ возвратился на свою каменистую Капреру и будетъ тамъ спокойно сидѣть у моря и ждать погоды. Но онъ явился въ Сицилію, и жестокое негодованіе, возбужденное въ населеніи введеннымъ тогда закономъ о возвышеніи цѣнъ гербовой бумаги и пошлякъ съ купчихъ крѣпостей — утихло и прекратилось совершенно. По этому случаю его пріѣздъ въ Палермо могутъ находить достойнымъ порицанія только тѣ газетчики, которые не имѣютъ никакого понятія о дѣлахъ южной Италіи! Но Гарибальди не удовольствовался этимъ. Національная гвардія, или лучше сказать гражданская стража въ Палермо пожелало представиться своему бывшему диктатору въ полномъ составѣ своемъ; пришлось такъ, что Гарибальди какъ-будто дѣлалъ ей смотръ. Тутъ-то онъ и оказалъ ту знаменитую рѣчь, которая привела въ смятеніе газетчиковъ цѣлой Европѣ.

Въ самой дѣлѣ рѣчь была сильная, и Гарибальди еще разъ доказалъ, что не всякая истина годится на то, чтобы быть высказанной. Въ палатѣ г. Боджіо спрашивалъ президента совѣта министровъ объ этой рѣчи и весьма краснорѣчиво упомянулъ, что худшая изъ всѣхъ политикъ — это та, которая основана на неблагодарности, и что тотъ, кто на поляхъ Мадженты Сольферино рисковалъ своею жизнью и короной, заслуживаетъ со стороны итальянцевъ глубочайшей благодарности. Эта рѣчь была нѣсколько разъ прерываема рукоплесканіями палаты.

Г. Галленга возразилъ, что онъ страстный поклонникъ Гарибальди, и потому не намѣренъ употребить противъ великаго патріота горькихъ выраженій, высказанныхъ г. Боджіо. Но онъ желаетъ знать, соответствуютъ ли полученныя правительствомъ свѣдѣнія тому, что рассказывается въ газетахъ, извѣстія которыхъ

должны быть принимаемы съ большою остробожностью. Поэтому онъ желаетъ знать, зачѣмъ именно Гарибальди поѣхалъ въ Сицилію. Чтоже касается до чувствъ, питаемыхъ генераломъ къ императору, то онъ раздѣляетъ ихъ, отчасти. (Смѣхъ.)

Президентъ совѣта министровъ сказалъ, что люди, бравшіе императора Наполеона и Францію, оскорбляютъ Италію. Гарибальди зашелъ слишкомъ далеко, и «я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы протестовать противъ его словъ. Италія не можетъ позволить знаменитѣйшему изъ своихъ сыновъ такихъ оскорбительныхъ рѣчей противъ Франціи. Да, Маджента и Сольферино говорятъ слишкомъ громко, чтобы Италія могла ихъ когда-нибудь забыть. Дипломатическимъ путемъ императоръ подарилъ насъ признаніемъ Россіи: Италія не можетъ остаться неблагодарною. Я глубоко сожалею, что генераль Гарибальди заблуждается до такой степени, что забываетъ признательность Италіи къ Франціи.»

Г. Криспи замѣтилъ на это, что пренія напрасно приняли такіе крупныя размѣры: Гарибальди не дипломатъ; онъ солдатъ. Еслибы министру пришлось сказать то что говорилъ Гарибальди, то онъ выразилъ бы это словами, которыя выскажутъ можетъ-быть и больше, но въ дипломатической и приличной формѣ. Гарибальди по-настоящему высказалъ только мѣткіе, выраженное лордомъ Росселемъ въ англійскомъ парламентѣ, въ другихъ выраженіяхъ. (Тутъ г. Криспи приводитъ то мѣсто, гдѣ лордъ Россель говоритъ, что Италія не будетъ спокойна до тѣхъ поръ, пока французское знамя будетъ покровительствовать въ Римѣ гнѣздо воровъ и разбойниковъ.) Но Гарибальди прибавилъ: «мы пойдемъ въ Римъ съ програмою: Италія и Викторъ Эммануилъ.» А министерство говоритъ: «мы пойдемъ въ Римъ средствами нравственными и дипломатическими, и вмѣстѣ съ Франціей.» Извольте, я ничего лучшаго я не желаю. Но если эти дипломатическія средства не приведутъ ни къ какому результату, если Франція объявитъ, что она не можетъ уйти и не хочетъ: развѣ тогда Италія должна будетъ нарушить клятву свою — принять къ единству? И если когда-нибудь, чтобы устроиться наконецъ, Италія должна будетъ идти противъ тѣхъ, кто помогалъ ей бить австрійцевъ, если должна будетъ, — ну и пойдетъ. Гарибальди не такое дитя, какъ обыкновенно себѣ воображаютъ; у него есть воля; онъ не подверженъ вліянію ничьему, и между его друзьями нѣтъ ни одного, кто посовѣтовалъ бы ему поступокъ противный закону. Многія лица думаютъ, будто оставаться здѣсь ничего негѣлая — нестыдно; другія лица думаютъ противное. Нынѣшняя обстановка (этого вѣдь только понять не хотятъ) ужасно тяготитъ умы. Но кто спокойно сидитъ на видномъ мѣстѣ, не можетъ ни понять, ни судить.

А не думаютъ и не понимаютъ тѣ, кто не хочетъ думать объ искупленіи отечества. Путешествіе Гарибальди было во благо. Всякій скажетъ въ какомъ положеніи была Сицилія до пріѣзда генерала. Городъ Палермо въ плачевномъ состояніи: улицы еще наполнены развалинами отъ бурбонскаго бомбардированія. Народъ ничего не получилъ. Многіе патріоты дошли даже до того, что желаютъ отдѣленія острова отъ великаго итальянскаго отечества. Конечно всѣ жители твердо убѣждены, что всѣ несчастія прекратятся въ тотъ день какъ мы будемъ въ Римѣ, а восторгъ, выраженный народомъ по случаю пріѣзда освободителя, есть лучшая намъ охрана противъ партій, враждебныхъ Италіи. Кто осмѣлится сказать что-нибудь дурное объ этомъ народѣ, когда подумаетъ, что несмотря на присутствіе Гарибальди, принцы, сыновья короля, называющаго Гарибальди своимъ лучшимъ другомъ, вездѣ были встрѣчаемы съ восторгомъ? — Далѣе г. Криспи доказывалъ, что правительство ничего не сдѣлало для Сициліи, что тамъ никакое правительство невозможно безъ поддержки Гарибальди.

Президентъ совѣта отвергалъ то что говорилъ Криспи, утверждалъ, что для спокойствія Сициліи правительство вовсе не нуждается въ Гарибальди. Онъ говорилъ еще, что Гарибальди завоевалъ Сицилію вовсе не одною храбростію, но благодаря тому, что онъ дѣйствовалъ во имя *Италіи и Виктора-Эммануила*. Безъ этой программы онъ ничего не успѣлъ бы сдѣлать.

Съ этими словами президента можно было не согласиться. Во-первыхъ Гарибальди не завоевалъ Сицилію, которая сама отдалась подъ его диктаторство; онъ только помогъ сицилійцамъ прогнать бурбонскія войска. Вовторыхъ сицилійскій походъ Гарибальди былъ такъ еще недавно, что всякій помнитъ и восторженныя встрѣчи освободителя, и стремленія сицилійцевъ, которые хотѣли только освободиться, безо всякой программы вперед. Для нихъ все дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы избавиться отъ бурбонскихъ правителей; въ этомъ и заключается вся тайна успѣха Гарибальди, который потомъ и отдалъ Сицилію Виктору-Эммануилу. Жители Сициліи, какъ всякій помнитъ, возстали гораздо раньше высадки Гарибальди въ Марсалѣ, и возстали они вовсе не ради единства Италіи, а прямо за себя и для себя, и только уже воля диктатора впоследствии направила ихъ къ единству. Но замѣчательно, что въ палатѣ никто даже изъ оппозиціи не отвѣчалъ президенту совѣта въ этомъ смыслѣ; такъ палата проникнута теперь убѣжденіемъ въ необходимости не заводить никакихъ ссоръ, никакихъ преній, которыя могли бы поселить неудовольствіе между различными итальянскими провинціями.

Какбы въ отвѣтъ на рѣчь Гарибальди въ Палермо, бывший герцогъ моденскій издалъ въ Вѣнѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Моденскія войска въ Австріи». Онъ напечаталъ ее собственно для фанансового комитета, который разсматривалъ приходорасходную смѣту; но вышло неловко. Въ брошюрѣ высказано, что герцогъ секретнымъ трактатомъ обазался вознаградить Австрію за всѣ расходы по содержанію моденскаго войска, когда онъ обратно вступитъ на престолъ своихъ отцовъ. Онъ могъ бы найти другое средство, поискуснѣе, если хотѣлъ возбудить сочувствіе къ своимъ надеждамъ между платящими подати въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ. А этотъ способъ неловкій, потому что жители бывшей Модены теперь шутятъ въ виду, что въ случаѣ возвращенія герцога придется заплатить огромную сумму денегъ за дѣло вовсе не производительное для страны.

Послѣднюю свою громовую рѣчь Гарибальди произнесъ въ Марсалѣ. «Римъ или смерть!» говорилъ онъ — и толпа съ увлеченіемъ повторяла: «Римъ или смерть!» Надо замѣтить, что Карола приметъ наконецъ во вниманіе пламенные стремленія итальянцевъ, и что Гарибальди, собравъ достаточное число волонтеровъ, оружія и денегъ, утилизируетъ и то, и другое, и третье не въ Римѣ, а переправится за Сине-море.

Французскія дѣла

Во Франціи все идетъ на основаніи существующихъ законоположеній, правилъ и обычаевъ, и строго заведенный порядокъ не нарушается ни на шагъ.

Въ первой половинѣ іюля императоръ и императрица изволили посѣтить Неверъ, Ріомъ и Клермонъ. Ихъ путешествіе еще разъ показало глубочайшую преданность и пламенную симпатію Франціи къ избранной ею династіи. Департаментъ Ююа-де-Домъ соотвѣтствуетъ почти древней Оверни, которая всегда славилась своею вѣрностью и преданностью престолу. Предсѣдателемъ тамошняго генеральнаго совѣта былъ и вѣроятно долгое время еще останется графъ Морни. Онъ встрѣтилъ въ Клермонѣ августѣйшихъ путешественниковъ рѣчью, въ которой весьма счастливо выразилъ чувства населенія, такъ хорошо ему извѣстнаго. Онъ сказалъ: «Государь! Прибытіе вашего величества въ ююа-де-домскій департаментъ не составляетъ только посѣщенія государя любимаго и уважаемаго: нѣтъ! восторгъ, васъ встрѣчающій, беретъ свое начало еще и въ другихъ причинахъ или такъ-сказать источникахъ. Между этими трудолюбивымъ населеніемъ, мирно живущимъ въ самомъ сердцѣ

Франціи, чувство наполеонизма совѣтъ не составляетъ мнѣнія или убѣжденія: это религія, вѣра; здѣсь политическая религія доходитъ почти до степени предрасудка, вотъ какъ. Выродожденіи двадцати-пяти лѣтъ я часто былъ свидѣтелемъ этого обоженія, доходящаго до силы преданій легенды. Подъ многочисленными здѣшними холмами, покрытыми виноградками, почва перерѣзана подземельями, вырытыми большею частью во времена галловъ. Эти темныя своды, полъ которыми быть-можетъ облумывалось сопротивленіе римскому Кесарю, служили въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ пристанищемъ фанатическаго поклоненія Кесарю новѣйшему. При всѣхъ нравительствахъ суровые сыны Оверни собирались въ этихъ катакомбахъ, и какъ-будто совершая служеніе запрещенное, таинственно праздновали тамъ годовщину святого Наполеона, недопуская однакоже, чтобы этотъ герой былъ смертенъ. Зато съ какимъ жаромъ, съ какимъ трогательнымъ единодушіемъ пюж-ле-домскій департаментъ положилъ въ избирательную урну имя Наполеона! По этому вы можете судить, государь, какой ослѣпляющій восторгъ испытываетъ теперь этотъ народъ, видя васъ посреди себя, тѣмъ болѣе, что въ сердцѣ его перемѣнилась политическая религія съ благодарностью за оказанныя вамъ благодѣянія. Здѣшній народъ обязанъ вамъ славой, возвышающею душу, и безопасностью, которая обезпечиваетъ трудъ, и наконецъ, чтобы не пропустить уже ни одного изъ народныхъ чувствъ, онъ, глубоко тронутый, привѣтствуетъ императрицу, которая собрала съ собою на престолѣ всѣ граціи и разсыпаетъ съ него ежедневно благодѣянія. Въ присутствіи этой плотной, трепещущей отъ восторга и волнующейся отъ умиленія толпы, какіе мелкіе размѣры принимаютъ демонстраціи противныхъ партій! Вѣрите, государь, что эта основная, въ преданіяхъ существующая вѣрность вашей династіи сохранится навсегда.»

Въ Парижѣ комическо-политическій процессъ Васселя и съ нимъ пятьдесятъ трехъ обвиняемыхъ прошолъ почти незамѣтно. Большая часть обвиняемыхъ мастеровые. Изъ числа пятидесяти-четырехъ человекъ однихъ сапожниковъ двѣнадцать. Но есть также три лица нѣсколько болѣе замѣтныя. Это г. Міо, бывшій монтаньяръ, сосланный въ Алжирію и потомъ помилованный; у него въ Парижѣ была аптека. Другой г. Гренно, до нѣкоторой степени извѣстный защитникъ Прудона, точно также сосланный и помилованный; онъ въ Парижѣ торговалъ виномъ. Третій — г. Сисъ (Six), бывшій редакторъ журнала «Школа Народа».

Эти пятьдесятъ-четыре человека будтобы составляли тайное общество, которое сдѣлалось изъ двухъ особыхъ обществъ. Первое

изъ ихъ было основано въ 1860 году швейцарскимъ Васселемъ, бывшимъ гусарскимъ подпоручикомъ. Во главѣ другого стоялъ г. Мю, который послѣ обвиненія Бланки завѣдывалъ его обществомъ. Слѣдствіе произошло въ сентябрѣ прошлаго года. Въ мартѣ 1860 года Вассель входилъ въ частыя сношенія съ разными лицами, возвращенными изъ Алжирѣ. Собирались они въ двухъ кондитерскихъ, числомъ человекъ до двадцати. Чтобы завасивронить свои цѣли, Вассель дѣлаетъ видъ, будто набираетъ волонтеровъ для Гарибальди. Онъ пишетъ напримѣръ одному изъ своихъ : «Соберите всѣ свои силы и назначьте на будущей недѣлѣ день, когда мы имѣемъ ихъ отдать. Имъ нужно видѣться съ вами, чтобы сообщить что происходитъ въ политическомъ мѣрѣ, но на этотъ разъ съ командою Гарибальди.» Въ другомъ письмѣ, къ другому товарищу, онъ пишетъ : «Благоразуміе требуетъ, чтобы я нѣсколько времени у васъ не бывалъ. Полмція не покидаетъ меня... я думаю вы хорошо дѣлаете, если уберете у себя все что можетъ компрометировать. Надо условиться касательно предмета нашихъ сношеній. Въ случаѣ нужды вы скажете, что я предлагалъ вамъ подписаться въ пользу Гарибальди...» Въ половинѣ прошлаго года Вассель уѣхалъ въ Италію искать сообщниковъ, и вотъ что писалъ одному изъ своихъ изъ Генуи : «Я предпринялъ путешествіе въ Италію, чтобы войти въ сношенія съ итальянскимъ революціоннымъ элементомъ, надѣясь имъ помочь и получить ихъ помощь. Могу вамъ сказать, что я успѣлъ сдѣлать гораздо больше чѣмъ надѣялся, что сношенія наши установились на прочныхъ основаніяхъ и простираются до Гарибальди, Малзани и ихъ друзей. Мы обязаны материально и нравственно помогать итальянскимъ друзьямъ. Мы скоро пошлемъ во Францію оружія и пороха. Я почти уже заключилъ покунку 100,000 рублинъ. Ну еще всего будьте осторожны, сноситесь между собою осмотрительно... Между тѣмъ станемъ дѣйствовать, все приготовимъ : волонтеровъ, плашъ, пропаганду... Надѣюсь на васъ, какъ и на всѣхъ.» Другому товарищу онъ пишетъ : «Замѣните меня въ Парижѣ. Войдите въ сношенія съ возможно-большимъ количествомъ лицъ ; пусть организуются. Италія надѣется на насъ и мы можемъ потомъ на нее надѣяться. Повидайтесь съ друзьями, которыхъ списокъ вамъ посылаю ; дайте имъ понять, что пришла часъ, что пушки скоро загремятъ, что люди съ доброй волей не лишніе ; пусть каждая группа организуетъ подшеки, чтобы можно было послать всѣмъ волонтерамъ сколько будетъ возможно... Подумайте, что если Франція не заплатитъ своей данн итальянской революціи, то мы не будемъ имѣть ни надежды, ни права требовать помощи итальянцевъ, когда они вездѣ будутъ побѣдителями... Въ тотъ

день, когда Италия будетъ единая, Маллани взглянетъ на Парижъ, чтобы помочь французамъ... Надѣйтесь на него. Я скоро вамъ пришаю-отъ него висьмо...»

Въ Парижѣ эти господа составляли сходки и тамъ произносились любопытнѣйшія рѣчи, которыя показываютъ презабавный взглядъ на политическія дѣла. «Въ Европѣ — говоритъ одинъ изъ ораторовъ — существуетъ коалиція противъ Франціи; равнѣ нежелая черезъ мѣсяць произойдетъ общее сотрасеніе. Все идетъ прекрасно, потому что державы противъ насъ въ заговорѣ. Хотятъ посадить Генриха V; стало-быть все идетъ къ лучшему, потому что или императоръ ставетъ во главѣ движенія, и тогда мы увлечемъ его дальше нежели онъ хочетъ, и онъ пропалъ, или онъ будетъ дѣйствовать противъ революціи, и опять-таки пропалъ.» Другой ораторъ точно такъ же хорошо понимаетъ политическія отношенія Европы, и прямо говоритъ какъ что будетъ: «На Гарибальди въ Неаполѣ нападутъ Австрія и папа. Цесюмонъ будетъ вынужденъ стать на сторону движенія итальянскаго народа. Выѣшдется Германія, и свѣзка будетъ всеобщая. Итакъ минута приближается, будьте готовы, сомкните свои ряды...»

Въ сентябрѣ Вассель вернулся, и произошло слитіе обществъ Васселя и Міо. Совѣщаніе объ этомъ происходило въ задней половинѣ лавочки сапожника Милле. Главою общества выбранъ Міо; при немъ совѣтъ директоровъ; Парижъ раздѣленъ на шесть округовъ, которые поручены шестерымъ начальникамъ, все изъ тѣхъ же пятидесяти-четырехъ человекъ обвиненныхъ. Если же исключить изъ этого числа четырехъ директоровъ и шестерыхъ окружныхъ, то окажется, что каждый окружной завѣдывалъ семью членами. Въ январѣ Міо утвердилъ представленное ему раздѣленіе Парижа на округа и назначеніе окружныхъ начальниковъ. Такъ какъ по мнѣнію совѣта директоровъ пришла пора дѣйствовать, то требовалось сначала рѣшить, какъ же дѣйствовать? Одни предлагали общую стачку всѣхъ рабочихъ, для приостановки работъ. Другіе совѣтовали войти въ близкія сношенія съ буржуазіей, подтолкнуть впередъ легитимистовъ и клерикаловъ, которые бултобы уже находятся въ заговорѣ. Наконецъ предлагалъ кто-то, опрокинуть существующій порадокъ, выбрать диктатора; но кого же выбрать? Поднялся споръ, однако постановили наконецъ три имени; Барбеса, Бланки и Шарраса, изъ которыхъ комитетъ выберетъ одного окончательно.

Всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ обвинительнаго акта, въ которомъ проглядываетъ столько забавнаго, что нѣтъ возможности читать его безъ смѣху и безъ горя въ одно время. Въ числѣ способовъ дѣйствія были — не сдѣланы, а предположены только какія-то

трубки, которыя должны были произвести взрывъ, какъ только на нихъ наѣдутъ колеса экипажа. Изобрѣтатель этихъ трубокъ, обнимаемый Креанси сказалъ даже, что онъ ихъ пробовалъ и взорвалъ такимъ образомъ часть стѣны. На замѣчаніе Васселя, что трудно подложить эти трубки подъ колеса, и что гораздо выгоднѣе было бы имѣть бомбы, Креанси отозвался, что и бомбы онъ умѣетъ дѣлать, что это ничего не значитъ, и обѣщавъ привести образецъ. Башеле сказалъ, что очень трудно ихъ начинать, а Креанси прибавилъ, что это самое пустое дѣло, потому что онъ умѣетъ приготовить составъ, который въ пятнадцать разъ сильнѣе пороху. Вассель замѣтилъ, что надо бы устроить бомбы, которыя разрывались бы даже отъ паденія на мягкій предметъ, напримѣръ на подушку кареты; Креанси отвѣтилъ, что и это онъ умѣетъ, и что каждая бомба обойдется по десяти франковъ. Дошло дѣло даже до того, что Креанси приносилъ въ качествѣ модели какой-то деревянный сунаучекъ; но далѣе этого не простирались его паротехническіе опыты.

Предполагалось начать дѣйствія въ первое представленіе готовившейся тогда драмы: «Волонтеры 1814 года». Но потомъ рѣшено было, что пятидесяти-четырехъ человекъ для успѣшнаго дѣйствія въ Парижѣ слишкомъ мало; и президентъ Міо, человекъ по-своему осторожный, говорилъ: «Если мы назначимъ день, а ничего не будетъ, то насъ вазовутъ болтунами и мы потеряемъ всякое значеніе. Лучше полождемъ; есть множество недовольныхъ; могутъ произойти стычки между ними и полиціей. Воспользуемся ими; надо только поддерживать волненіе и всически его увеличивать. Хорошій случай можетъ явиться очень скоро, и тогда мы воспользуемся; но главное дѣло — не ставемъ назначать никакого дня.» Чего же ожидали эти господа, чего они надѣялись въ день представленія «Волонтеровъ 1814 года»? Они думали, что произойдетъ легитимистская и клерикальная манифестація. Имъ вообразилось, что душою движенія будетъ монсиньоръ де-Муленъ, а исполнителемъ маршалъ Макъ-Магонъ, который и долженъ былъ сдѣлаться наместникомъ королевства отъ имени Генриха V. Имъ представлялось, что когда дѣла такимъ образомъ устроятся, Генриха V они истребятъ и провозгласятъ демократическую и социальную республику.

Такъ и кажется, какъ будто все это происходить восьмь: такъ мало все это похоже на дѣйствительность. Эти господа вообразили себѣ, совершенно ни на чемъ неосновываясь, будто вся Европа въ заговорѣ, будто монсиньоръ какой-то душа возстанія, будто одицъ маршалъ затѣветъ междоусобную войну. Все это имъ мерещилось, надо признаться, невидѣннѣйшимъ образомъ. Они всѣ играли въ за-

говору. Вассель съ нѣсколькими десятками франковъ уѣхалъ въ Геную, переговорилъ шопотомъ съ двумя-тремя мечтателями, голова настроилась на ладъ еще болѣе красный, — и вотъ уже мерещится ему исполненіе того, о чемъ только онъ мечталъ, что и пороку добудеть, и ружья покупаются, в такъ какъ подобные господа мало не крошатъ, то вотъ онъ уже и заключилъ почти покупку ста тысячъ ружей, что довольно трудно сдѣлать, имѣя въ карманѣ едва столько, сколько нужно на одно ружье. Его разстроенное воображеніе пошвало ему видѣть, что нельзя сказать: «пусть организуются», что это происходитъ иначе, что организованіе происходитъ само собою, безъ приказа, или происходитъ вслѣдствіе сильной воли и прямого указанія челоуѣка, имѣющаго готовый планъ и ясное сознаніе того, къ чему онъ идетъ и ведетъ другихъ. «Пусть организуются» — сказать легко и ничего не стоить. Но дѣло въ томъ, будетъ ли какой прокъ, если только сказать эти слова.

Чего же хотѣли эти господа, къ чему они шли, куда хотѣли вести Францію? Это такъ любопытно, что нельзя не выписать манифеста, сочиненнаго Васселемъ. Здѣсь изложены основныя начала устройства будущей соціальной и демократической республики.

Главнѣйшія основанія обвиненія заключаются въ показаніяхъ самого Васселя и въ рапортѣ полицейскаго офицера Лагранжа, который получалъ множество донесеній отъ агентовъ своихъ, которые долгое время слѣдили за каждымъ изъ обвиняемыхъ, замѣчали кто куда ходилъ, когда и гдѣ они собирались и т. д. Почти всѣ обвиняемые увѣрены, что Вассель нарочно придумалъ тайное общество, чтобы выдать его полиціи; поэтому очень трудно было ему найти адвоката, который взялся бы его защищать. Между адвокатами было нѣсколько замѣчательныхъ личностей; изъ нихъ нельзя не упомянуть г. Кремье, который въ 1848 году былъ членомъ временнаго правительства во Франціи. Выслушавъ показаніе полицейскаго офицера, многіе изъ адвокатовъ предложили вопросъ: на чемъ основывается онъ свои показанія, откуда онъ добылъ свои свѣдѣнія? И когда онъ отвѣчалъ, что основывается на полученныхъ имъ рапортахъ, предложили постановить слѣдующее:

«Такъ какъ показанія дѣлаются исключительно Лагранжемъ и другими полицейскими агентами, которые не присутствовали на собраніяхъ обвиняемыхъ, однако сообщаютъ все, что будтобы было говорено на этихъ собраніяхъ; такъ какъ эти агенты сообщаютъ только доносы, которыхъ происхожденіе, по смыслу ст. 322, необходимо разъяснить; такъ какъ болѣе нежели вѣроятно, что показанія полицейскихъ агентовъ основываются на оплаченныхъ доносахъ, которые судомъ не принимаются въ соображеніе; такъ какъ

суду нельзя навязать показаній косвенныхъ , когда онъ не можетъ получить показаній прямыхъ , — то обязать г. Лагранжа и другихъ полицейскихъ агентовъ , назвать имена доносителей , а если они этого не сдѣлаютъ , то объявить , что показанія Лагранжа и другихъ не принимаются въ соображеніе судомъ , на основаніи 322 статьи.»

Императорскій адвокатъ сказалъ на это , что нѣтъ закона , который заставляетъ бы свидѣтелей указывать на лица , отъ которыхъ они получаютъ свѣдѣнія , доставляемыя суду.

«Прошу извиненія суда , — возразилъ на это г. Кремь : — передъ нами не свидѣтель , а какая-то тѣнь , неуловимый иррерактъ. Г. Лагранжъ не былъ на собраніяхъ , а говоритъ намъ что на нихъ происходило ; времена чудесь прошли ; нынче требуются доказательства. Я сейчасъ прочелъ маленькую 319 статью , которая разрѣшаетъ защитнику говорить противъ свидѣтеля все что онъ считаетъ полезнымъ для защиты. Но что же я могу сказать противъ г. Лагранжа , который не есть свидѣтель ? Онъ можетъ-быть прекрасный человекъ , я этого доискиваться не буду ; но онъ говоритъ со словъ неизвѣстныхъ людей. Я родомъ , господа , изъ парламентскаго города , гдѣ судъ всегда отвергалъ вмѣшательство полиціи въ дѣла юстиціи ; и въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ довѣрять полиціи во всемъ , что касается политики. Я знаю какъ она дѣйствуетъ ; она не измѣнилась съ 1818 года , когда я началъ свое парламентское поприще. Тогда я защищалъ бонапартистовъ , потому что либерализмомъ тогда былъ бонапартизмъ , и встрѣчалъ тогда передъ собою этихъ же самыхъ людей. Теперь они опять перело мной , хотя Наполеонъ теперь наверху , а въ 1818 году онъ былъ внизу. Ясно , что лица собранныя здѣсь — не друзья императора , и это очень понятно : они были всѣ или почти всѣ сосланы ; поэтому-то полиція и увидалась за ними и нашла какого-нибудь негодяя , который за денежное вознагражденіе донесъ на тѣхъ , кто считалъ его своимъ другомъ и братомъ. Кто же этотъ предатель ? Міо ? Это не похоже на правду и никто этому не повѣритъ. Вассель ? Это правоодобіе , потому что онъ такъ долго не могъ найти защитника. (Вассель блѣднѣетъ и смотритъ на г. Кремь озадаченный.) Полиція , изводите ли видѣть , не юстиція , еще меньше она нравственность ; она принуждена погружаться въ самые грязные вертепы ; поэтому я не хочу думать , что вы признаете полицейскаго агента Лагранжа , сообщающаго разговоры , которыхъ онъ не слышалъ , законнымъ свидѣтелемъ : иначе вы не исполните требованія статей 319 , 322 и 328. Во всякомъ случаѣ вы будете одного мнѣнія съ древними , которые не постановили закона противъ отцеубійства , не считая его возможнымъ. Вамъ вѣнужно текста закона , предписывающаго нравственность ; она дол-

жа быть въ законѣ, и законъ долженъ бы быть самою нравственностью.»

Само собою разумѣется, что судъ отклонилъ требованія адвокатовъ и призналъ Лагранжа удовлетворительнымъ свидѣтелемъ...

Адвокаты, говорившіе въ пользу обвиняемыхъ, сказали нѣсколько прекрасныхъ рѣчей. Особенно отличились между ними Араго и Кремьё. Послѣдній говорилъ четыре часа сряду, и никто не замѣтилъ какъ пролетѣло время. Онъ говоритъ удивительно просто, остроумно, увлекательно, пересыпая свою рѣчь анекдотами. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Упомянувъ о манифестѣ Васселя, который между прочимъ дѣти отнимаются у матерей, онъ сказалъ :

«Увѣряють, будто эти люди хотятъ разрушить семью. Совершенно напротивъ: они самые нѣжные, самые любящіе отцы и мужья. Сошлюсь на то, какъ они обрадовались, когда президентъ позволилъ ихъ семействамъ подойти къ скамьямъ, гдѣ они сидятъ. Если для насъ семейство составляетъ радость, то эта радость точно такъ же драгоценна и сладка сердцу мастерового. Идетъ онъ на работу съ утра, когда дѣти еще спятъ, и возвращается поздно. Тогда у него нѣтъ другого счастья, какъ обнимать и цѣловать эти крошечныя головки, чувствовать какъ эти крошечныя ручки его обнимають... Да, господа, женщина — нашъ первый ангелъ, дитя — наша первая радость, и если мы любимъ этихъ ангеловъ и эти радости, то какъ же ихъ не любить рабочему человѣку, когда у него нѣтъ другого счастья?.. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ говорили: всего надо бояться отъ клубовъ; тамъ все толкуютъ противъ семейства. Я былъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, и — попадалъ ли я въ счастливые дни, или почему другому, только я не замѣчалъ ничего такого страшнаго. Однажды я предложилъ нѣсколькимъ друзьямъ пойти въ клубъ Монтескьё. Меня узнали и потребовали, чтобы я говорилъ. И знаете о чемъ я говорилъ? Я держалъ похвальное слово семейству, и рѣчь моя имѣла нѣкоторый успѣхъ. Но потомъ мнѣ сказали, что я выбралъ клубъ, приближающійся къ буржуазіи. Пошли мы въ другой клубъ, Голорукихъ. Это было ужасно. Сначала надо было пройти черезъ запертую рѣшотку, и знаете чѣмъ была заперта эта страшная заставка? Простымъ трехцвѣтнымъ шуркомъ, какъ во времена первой, великой революціи. Кто-то кричалъ: «Это гражданинъ Кремьё!» Я повторяю какъ тогда говорилось. Барьеръ опустился. Признаюсь, что во время нашего прихода говорились вещи весьма живыя, и мой пріятель порою толкалъ меня локтемъ, давая этимъ знать, что было чего бояться. Я возшелъ на трибуну, и опять восхвалялъ семейство, взявши типомъ коро-

леву Амазію и ея прекрасныя качества. Голорукіе аплодировали мнѣ изъ всѣхъ силъ своихъ рукъ.»

Далѣ Кремьё съ большою ловкостью сумѣлъ расказать что происходило 2 декабря, когда лучшіе люди въ Парижѣ были арестованы, и кстатѣ намекнулъ, что онъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ съ принцемъ-Наполеономъ: «2 декабря, поутру, я работалъ надъ однимъ процесомъ, какъ вдругъ жена г. Міо вбѣжала ко мнѣ въ кабинетъ, говоря, что мужа ея арестовали. Я не зналъ ничего, что дѣлается въ городѣ, и въ простотѣ душевной спросилъ ее, не сдѣлалъ ли онъ чего нехорошаго? Она отвѣчала, что мужъ вернулся вчера въ семь часовъ и съ тѣхъ поръ не выходилъ изъ дому. Я зналъ, что Міо долженъ былъ вернуться рано; мы вмѣстѣ вышли изъ законодательнаго собранія, и были тогда въ прекрасномъ обществѣ. Съ нами былъ Пралье, былъ принцъ-Наполеонъ, котораго я зналъ съ 1842 года и который несмотря на свое высокое положеніе остался въ числѣ моихъ друзей; былъ великій писатель, который новымъ сочиненіемъ волнуеть всѣхъ своихъ читателей — Викторъ Гюго. Мы разстались съ словами: «Вотъ начинается декабрь, великій мѣсяць. Ждать намъ еще пять мѣсяцевъ; но будемъ терпѣливы, дождемся.» А наавтра насъ всѣхъ арестовали.»

Онъ кончилъ словами: «Я всегда говорилъ, что тайныя общества — или прѣстанища полиціи, яля ловушка, разставленная легковѣрнымъ людямъ. Времена тайныхъ обществъ прошли. У меня однакоже есть весьма высоко стоящіе друзья, которыхъ и вы уважаете (Движеніе; улыбки) и которые участвовали въ тайныхъ обществахъ во время реставраціи; другіе составляли общества при Луи-Филиппѣ и потомъ въ 1848 году. Но время тайныхъ обществъ прошло.»

Другой адвокатъ, Эмануилъ Араго, защищавшій нѣкоего Перинэ, произвелъ огромное впечатлѣніе. Всѣ обвиняемые плакали, кромѣ Васселя, которому сильно досталось. — Обвинительный актъ ставилъ въ вину его кліенту, что онъ былъ сосланъ. «Да, это правда, сказалъ онъ:—Перинэ былъ сосланъ; но судъ и адвокаты не упрекнутъ его за то, что онъ изъ уваженія къ закону защищалъ его и за это пострадалъ. Возвратясь изъ Африки, Перинэ сталъ торговать виномъ. Правда, что онъ прѣпрималъ въ своей лавочкѣ нѣсколькихъ бывшихъ ссыльныхъ. Но развѣ это не самая простая вещь? Это были товарищи его несчастія; они охотно видѣлись съ человѣкомъ, который страдалъ вмѣстѣ съ ними. Но говорятъ, что Перинэ писалъ одному изъ товарищей письмо, называя его «гражданиномъ». Неужели и это преступленіе? Развѣ это не анахронизмъ только? Какъ много людей, смѣющихся теперь этому слову, писали намъ

десять лѣтъ тому назадъ: «любезный гражданинъ!» А теперь они стоятъ высоко. Они роскошничали *гражданно* и готовы были ставить это слово на каждой стронкѣ. (Улыбки.) Перинэ стало-быть виноватъ въ томъ, что сохранилъ слишкомъ долго теперь устарѣлый стиль. Но это ребячество. Наконецъ, господа, мы, адвокаты, тайныхъ обществъ не составляемъ, однакоже я объявляю, что не могу воздержаться отъ сочувствія ко всѣмъ этимъ людямъ. Когда человѣкъ знаетъ, такъ какъ я знаю, какъ легко за бездѣлицу попасть въ ужасныя кельи тюрьмы, я беру протянутую мнѣ руку и жму ее съ уваженіемъ. Еще будтобы Перинэ виноватъ въ томъ, что онъ писалъ: «Всѣ сыщики за мной рыщутъ.» Стало-быть онъ ботся сыщиковъ? Они ему ужасны, и совершенно справедливо. Развѣ вы не знаете, господа, какая отвратительная мука — чувствовать, что за вами день и ночь слѣдятъ негодяи, живущіе одними доносами? Я испыталъ это и понимаю слова Перинэ: «Еслибы я зналъ, возвращаясь во Францію, что за мною непрерывно будутъ слѣдить, наблюдать, подсматривать, что я не посмѣю даже пожать пріятелю руку, боясь его погубить, — о, это такая мука, что лучше бы остаться въ Ламбессѣ!»

Несмотря на талантливую защиту, судъ приговорилъ Васселя, Міо и еще троихъ — къ трехлѣтнему тюремному заключенію, пятерыхъ на два года въ тюрьму, шестерыхъ на годъ, десятерыхъ на полгода, десятерыхъ на три мѣсяца, а остальныхъ призналъ невиновными.

Два французскія въ Мексикѣ идутъ гораздо хуже, чѣмъ они ожидали. Извѣстія о ихъ пораженіи, полученныя непрямымъ путемъ, достигли Франціи гораздо раньше, нежели пришло подлинный рапортъ генерала Лорансе. По полученіи рапорта снаряжена помощь въ 26,000 человекъ и уже отправляется изъ различныхъ портовъ; назначена новыи главнокомандующій, при немъ большой штабъ, такъ что экспедиція принимаетъ завоевательные размѣры, которые уже не впадаютъ англійскому правительству. По крайней мѣрѣ въ последнее время были переговоры между англійскимъ и сѣверо-американскимъ правительствами касательно того, что Мексика вѣстѣ съ отдѣляющимися невольничьими штатами можетъ составить въ среднѣй Америкѣ могущественную имперію подъ французскимъ покровительствомъ, если не подъ прямою властью, что будетъ противно англійскимъ интересамъ.

Французы сильно надѣялись на своего союзника Альмонте, изъ-за котораго правительство Хуареца не хотѣло входить съ ними ни въ какіе переговоры. Этотъ Альмонте, искатель приключеній, добившійся, при прежнихъ президентахъ, мѣста мексиканскаго по-

славника въ Парижѣ, оказывается человѣкомъ далеко ненадежнымъ, пустымъ хвастуномъ, неболѣе. Онъ увѣрилъ французскаго главнокомандующаго, будто у него вездѣ по цѣлой Мексикѣ есть друзья и приверженцы, будто въ городѣ Пуэбла, черезъ который приходилось проходить французскому войску, направлявшемуся въ Мехико, въ столицу, все такъ хорошо подготовлено, что французовъ встрѣтятъ съ открытыми объятіями и воротами. 5 мая генераль Лорансе подошелъ къ Пуэбла и нашолъ, что неподалеку еще до города есть маленькая крѣпостца Гвадалупа, которую необходимо нужно взять, чтобы можно было потомъ заняться взятіемъ города. Начался приступъ. Французское войско, которое дерется удивительно, и здѣсь показало себя съ хорошей стороны. Но тутъ одною храбростію ничего нельзя было слѣлать, потому что Гвадалупа укрѣплена была хорошо и снабжена хорошимъ гарнизономъ. Французы влѣзли на крутую гору и потомъ на крѣпостную стѣну, убивая все попадавшееся на пути съ истинно звѣрскимъ остервенѣніемъ. Но мексиканское войско поступило нѣсколько иначе, нежели китайское. Оно дралось тоже недурно и убивало французовъ въ надлежащемъ количествѣ.

. Храбрецамъ пришлось отступить, да не только отойти изъ-подъ выстрѣловъ, но отступить на нѣсколько десятковъ верстъ назадъ, въ Оризабу. А генераль Альмонте, самъ выбравшій себя во временные президенты мексиканской республики, увѣрялъ французовъ, что Пуэбла — городъ самый враждебный президенту Хуарезу изъ всѣхъ мексиканскихъ городовъ. Встрѣтивши въ немъ такой жаркій пріемъ, французы могутъ догадываться, что же ихъ ждетъ въ другихъ мѣстахъ, хорошо расположенныхъ къ своему законному президенту.

Но теперь уже несомнѣнно, что Мексика должна быть завоевана французами. Это рѣшено въ умѣ императора, и быть иначе не можетъ. Французское правительство отказалось отъ Альмонте, который обманулъ экспедиціонный корпусъ и ввелъ его въ огромныя потери. Съ законнымъ президентомъ Хуарезомъ оно не хочетъ входить ни въ какія сношенія. Что же можетъ еще оставаться кромѣ завоеванія?

28 іюля новый главнокомандующій, генераль Форей, отправился въ Мехику; передъ нимъ ушли туда же значительныя силы; остальные отправляются на днѣхъ.

А между тѣмъ злонамѣренные люди, которые находятъ, что французамъ вовсе бы не слѣдовало предпринимать этой экспедиціи, высчитываютъ расходы. Они насчитали, что кромѣ того, что стоило вооруженіе и снаряженіе войскъ и кораблей, кромѣ отпра-

вѣннаго за море провіанту и всякихъ вспомогательныхъ сварядовъ, въ Мексику отправлено наличныхъ денегъ звонкою монетою девяносто—пять миліоновъ, а сколько будетъ еще отправлено—богъ-вѣсть. Но французы забываютъ въ числѣ расходовъ считать людей, которыхъ Франція лишилась и еще впредь лишится. Для благосостоянія государственнаго этотъ расходъ еще чувствительнѣе денежнаго.

Послѣднія извѣстія

Въ Соединенныхъ—Штатахъ подѣ Ричмондомъ было огромное сраженіе, продолжавшееся дней семь сряду. Свободныя войска отступили, а рабовладѣльческія одержали верхъ. Говорятъ, что съ обѣихъ сторонъ погибло до шестидесяти тысячъ человекъ. Эта ужасная бойня не охладивла воинственнаго жара обѣихъ сторонъ. Президентъ Линкольнъ назначилъ новый наборъ въ триста тысячъ человекъ. Сверхъ того свободное правительство рѣшается наконецъ поступать логически: именно постановило конфисковать имущество, а стало-быть и невольниковъ возмущившихся противъ Союза лицъ, и сверхъ того допускать на службу въ свободныхъ войскахъ невольниковъ. Надо надѣяться, что эти цвѣтные отряды будутъ хорошо сражаться противъ рабовладѣльцевъ.

На дняхъ одинъ изъ французскихъ судовъ сдѣлалъ весьма важное постановленіе. Одинъ католическій священникъ г. Бру-Лорьеръ здумалъ жениться на нѣкоторой дѣвицѣ Елисаветѣ Фрессанжъ. Меры городовъ Перигѣ и Сандрѣ не хотѣли заключить этого брака. Сузь, разсмотрѣвъ дѣло, нашолъ, что въ законѣ нигдѣ не встрѣчается запрещенія такого рода и предписалъ мерамъ сначала публиковать о предстоящемъ бракѣ, а потомъ и совершить его какъ обыкновенно.

О Гарибальди получено по телеграфу странное, непостижимое извѣстіе. «Генераль Куджіа, новый палермскій префектъ, послалъ къ Гарибальди королевскую прокламацію съ особенными депутатами. Гарибальди отказался исполнить просьбы этой депутации и не принималъ письма отъ своего друга генерала Медичи. Увѣряютъ, что онъ направляется внутрь острова; войска его преслѣдуютъ.» Какимъ это образомъ войска преслѣдуютъ бывшего диктатора южной половины Италіи? Въ качествѣ почетной стражи, или такъ, какъ преслѣдуютъ иногда бандитовъ?

По поводу признанія итальянскаго королевства Россіей и Пруссіей были толки о томъ, не признавать ли его и Австрія? Но г. фонъ-Шмерлингъ сказалъ, что онъ выйдетъ въ отставку и пойдетъ служить въ венеціанскую армию фонъ-Бенедека, если Италия будетъ признана. Весьма достойна уваженія такая твердость принциповъ, напоминающая того почтеннаго господина, который обѣщалъ повѣситься, если ему докажутъ, что земля вертится вокругъ своей оси.

Въ Шанхаѣ французско-англійскія войска вздумали отгѣснить инсургентовъ изъ окрестностей города. Сначала все шло хорошо, потому что европейцамъ довольно легко бить китайцевъ. Но потомъ командующій французскимъ отрядомъ адмиралъ Протэ былъ убитъ, а черезъ нѣсколько времени послѣ того союзники должны были очистить всѣ занятыя до того позиціи и отступить обратно въ городъ. Понятно, что этотъ успѣхъ придастъ бодрости инсургентамъ, и европейцамъ придется усилить тамъ свои войска, чтобы банкиръ такой-то и торговый домъ такой-то могли тамъ спокойно преувеличивать свои колоссальные капиталы.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Потребность отдыха. — Отличительныя черты нынѣшняго лѣта. — Противопожарная дѣятельность одесскаго городского общества. — Причина холода. — Холодные вѣсты съ юга: отсутствіе *косовицы*; возвращеніе переселенцевъ. — Вѣсты съ востока: холодъ на Уралѣ; «золотая лихорадка». — Будущая желѣзная дорога чрезъ Уральскія горы. — Дѣятельность обществъ саратовской и ярославской желѣзныхъ дорогъ. — Группа весеннихъ извѣстій. — Послѣднія свѣдѣнія о числѣ уставныхъ грамотъ. — Черты, сопровождающія ходъ крестьянскаго дѣла: шампанское и розги; возрожденіе міра; *ты и вы*; посредникъ и дяконъ. — Судьбы обличительной литературы. — Расказъ изъ скорбнаго быта.

Что бываетъ съ вами, когда вы очень долго несводя глазъ смотрите на одинъ и тотъ же предметъ? — Глаза остолбенѣютъ, безъ сомнѣнія отвѣтите вы. Дѣйствительно такъ. Тоже самое бываетъ и съ умственнымъ окомъ, неуставно долгое время слѣдящимъ за какою-либо мнимо-неподвижнымъ или незамѣтно движущимся предметомъ... «Наши домашнія дѣла» не представляютъ въ настоящую минуту ничего такого, съ чѣмъ мы могли бы поздравить васъ какъ съ замѣчательной новостью, принявъ приличный случаю торжествующій видъ. Они конечно идутъ своимъ непремѣннымъ порядкомъ, движимыя силою собственнаго тяготѣнія, но мы не можемъ опредѣлить степень быстроты ихъ поступательнаго движенія. Иной разъ усталому глазу можетъ показаться, что все закольхалось и стало отъ набѣжавшей встрѣчной волны; но это можетъ-быть оптический обманъ, слѣдствіе утомленія глазного нерва. Въ такомъ случаѣ нужно закрыть на минуту глаза, дать имъ отдохнуть и потомъ наблюдать снова.

Мы переживаемъ лѣтніе мѣсяцы, а лѣтомъ и разговоръ приличней лѣтній. Какую же пищу для разговора можетъ дать нынѣшнее лѣто? Будущій историкъ, основавъ на лѣтѣ 1862 года, долженъ

будетъ называть его — вопервыхъ *пожарнымъ*, а вовторыхъ *холоднымъ*. Это двѣ до сихъ поръ обнаружившіяся рѣзкія черты, характеризующія нынѣшнее лѣто. Ограничится ли оно ими, или еще чѣмъ-нибудь отличится на прощаньи — ужь право не вѣдаемъ, но пожары и холодъ останутся за нимъ неотъемлемо. Пожары, начавшіеся съ Петербурга, перекинулись потомъ и въ разные углы Россіи; сколько ихъ было всего — мы, извините, не сосчитали; можетъ-быть и небольшіе или немногимъ больше предыдущихъ годовъ, но — у страха глаза велики: теперь каждое пожарное извѣстіе напечатлѣвается сильнѣе и потому число пожаровъ кажется очень большимъ. Вездѣ ли и гдѣ какія именно принимаются предупредительныя или карательныя мѣры противъ пожаровъ, мы сказать не можемъ, но можемъ въ назиданіе всему страдающему отъ этой бѣды или только страшщемуся ея человѣчеству указать на противопожарную дѣятельность одесскаго городского общества.

Оно, это общество, еще въ прошломъ году поручило особой комиссіи составить уставъ общественной пожарной команды. Комиссія сдѣлала вотъ что: взявъ восьмилѣтнюю сложность содержанія существующей пожарной команды, она сосчитала, что содержаніе это стоитъ 16.328 руб. въ годъ. Но въ настоящее время предстоитъ заготовка новыхъ пожарныхъ инструментовъ, потомучто старые выслужили срокъ. Заготовка будетъ стоить 13.144 руб. Разлагая эту сумму на восемь лѣтъ, придется на годъ по 1.643 руб., а съ вычитанной суммой на содержаніе команды, ежегодный расходъ на существующія пожарныя средства выходитъ 17.971 руб. Эта сумма отпускается думой. Осмотрѣвшись такимъ образомъ, комиссія взялась за свою прямую задачу: преобразование пожарной команды, состоящей изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, въ пожарную артель изъ вольнонаемныхъ людей, и сочла, что такая артель, вполне удовлетворяющая своему назначенію и потребностямъ города, со всѣми расходами на заготовку и ремонтъ снарядовъ, будетъ стоить въ годъ 50.051 руб. Если въ эту смѣтную сумму зачесть отпускаемые Думою 17.971 руб., то будетъ недоставать, для выполненія проекта преобразования, съ небольшимъ 32.000 руб. Комиссія задумалась, какъ бы достать 32.000 руб. съ тѣмъ: 1) чтобы источникъ на покрытіе расходовъ для содержанія пожарной артели былъ постоянный и вѣрный, и 2) чтобы источникъ этотъ, по мѣрѣ возможности, не падалъ отяготительнымъ налогомъ на домовладѣльцевъ?

Вотъ тутъ-то собственно и начинается настоящая дѣятельность комиссіи, могущая служить достойнымъ назиданіемъ. Комиссія (какъ рассказываетъ «Одесскій Вѣстникъ», а съ его словъ

Вѣд.) прежде всего обратилась къ находящимся въ Одессѣ страховымъ отъ огня обществамъ съ предложеніемъ — удѣлять ежегодно на содержаніе пожарной артели десять процентовъ съ получаемыхъ ими страховых премій на томъ основаніи, что отъ лучшаго устройства въ городѣ пожарной части имъ придется меньше платить пожарныхъ убытковъ. Страховыя общества въ этомъ комиссіи отказали... Тогда она, непадая духомъ, остановилась на мысли учредить въ Одессѣ *общественную контору взаимнаго страхованія*. Дума обязалась выдать въ основной фондъ этого учрежденія займообразно 400.000 руб., и комиссія составила проектъ устава взаимнаго страхованія отъ пожарныхъ убытковъ.

По проекту назначена страховая премія умѣреннѣе премій, взимаемыхъ всѣми страховыми обществами. Домовладѣльцы, нежелающіе страховать свои дома и строенія въ конторѣ взаимнаго страхованія, должны вносить въ думу, на содержаніе пожарной артели, въ годъ по четверти процента со стоимости ихъ домовъ по общей городской оцѣнкѣ. За эту пожарную повинность они, наравнѣ съ владѣльцами домовъ, застрахованныхъ въ конторѣ, будутъ пользоваться въ случаѣ пожара тѣми же людьми и инструментами, но не получаютъ конечно никакого вознагражденія за пожарные убытки. Каждому домовладѣльцу предоставляется право страховать или не страховать свое недвижимое имущество въ конторѣ, но застрахованіе этихъ имуществъ гдѣ-бы то нибыло внѣ конторы не избавляетъ домовладѣльца отъ платежа въ думу $\frac{1}{4}$ процентной пожарной повинности. Равнымъ образомъ и пожарная артель не освобождается отъ обязанности тушить пожары въ домахъ, владѣльцы которыхъ, взаимнѣ застрахованія въ общественной конторѣ, будутъ вносить въ думу пожарную повинность.

«Одесскій Вѣстникъ» выражаетъ желаніе, чтобы всѣ безъ исключенія одесскіе домовладѣльцы застраховывали свои имущества въ общественной конторѣ, потому что назначаемая ею страховая премія такъ мало разнится отъ $\frac{1}{4}$ процента, что гораздо выгоднѣе застраховать домъ въ конторѣ и въ случаѣ пожара получить вознагражденіе за убытки, всжели нести прямой налогъ на содержаніе артели и все-таки рисковать остаться ни съ чѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ странно было бы, еслибъ не исполнилось желаніе «Одесскаго Вѣстника». Мы сами желаемъ, чтобъ оно исполнилось, несмотря на то что оно безъ сомнѣнія прямо противоположно желаніямъ существующихъ въ Одессѣ страховыхъ отъ огня обществъ. Тутъ выходитъ даже двойное назиданіе: страховымъ обществамъ — не уклоняйся впредь отъ добраго предложенія, рассчитывая на человѣческую апатію; го-

родскимъ обществамъ — не предавайся унынію и апатіи и учишь общественной энергіи у жителей города Одессы.

Что касается до другой отличительной черты нынѣшняго лѣта — холода, то мы могли бы даже кое-что сказать объ этомъ словѣ въ его переносномъ смыслѣ; но такая рѣчь была бы уже не по сезону. Въ буквальномъ же смыслѣ холодъ существуетъ несомнѣнно. Кто не вѣритъ своимъ чувствамъ и подиравью по собственной кожѣ, тотъ пусть хоть повѣритъ тому ученому, который нашолъ в истинную причину этого холода въ бывшей гдѣ-то за морями необыкновенно теплой веснѣ, вслѣдствіе чего оторвались тамъ неизмѣримо громадныя горы льда и приплыли въ атлантическій океанъ собственно затѣмъ, чтобъ поглотить весь отпущенный для Европы на нынѣшнее лѣто теплородъ. Прочитавъ это объясненіе, мы почувствовали какъ-то легко на душѣ: знаешь покрайней-мѣрѣ, что это дѣло случайное, а не преднамѣренное распоряженіе природы, рѣшившейся мало-помалу заморозить насъ.

Облегчило ли такое извѣстіе души нашихъ земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ — это уже другой вопросъ. Для сельскихъ хозяевъ въ нынѣшнемъ году состоялся законъ (высочайше утвержденное 28 февраля положеніе комитета министровъ), по которому нынѣ стоитъ только испросить разрѣшенія мѣстнаго губернатора, и получивъ таковое, съѣзжаться, мѣняться добытыми опытами и мыслями о наивѣрнѣйшихъ путяхъ къ дальнѣйшему преуспѣянію ихъ хозяйствъ. Безъ сомнѣнія въ нынѣшнемъ же году сельскіе хозяева воспользуются лавно желаннымъ закономъ, испросятъ разрѣшеніе, соберутся на съѣзды... Какія-то чувства принесутъ они туда съ своихъ нивъ и пастбищъ? Чувства южныхъ хозяевъ уже можно предвидѣть по вѣстямъ, которыя шлютъ оттуда разные корреспонденты о веснѣ и началѣ лѣта. Одинъ изъ нихъ говоритъ напрямѣрь:

«Зима наша была неимоვნно жестока. Холодная, незапамятно-безжизненная весна убила всѣ надежды земледѣлія. Едва листъ выкинулся на деревьяхъ, мы увидѣли окончательную гибель нашихъ садовъ.

«Всѣ шелковичныя деревья, всѣ тутовыя плантаціи (особенно плантаціи бывшихъ военныхъ поселеній въ восточной Украинѣ) вымерли до корня. Въ окрестностяхъ Новоборисоглѣбска, Новосерпухова и Осиповки громадныя парки шелковичныхъ садовъ представляютъ теперь сплошную массу безлиснаго, изсохшаго заороста. Труды десятковъ лѣтъ погибли. Всѣ персиковыя, абрикосовыя и другія вѣжныя плодовые деревья въ украинскихъ садахъ также окончательно погибли: молодыя черешни, яблони, груши,

сливы, вишни бжгаро, множество родовъ винограда, даже простыя деревья — бѣлыя акаціи, маслины, даже ясени и клены...

«Украинскій народъ говоритъ: «Плохо хлѣбамъ, если снѣгъ ляжетъ на сухую, безъ дождей замерзшую землю», и еще — «если лѣтній зной придетъ на сухую, безъ дождей вазеленѣвшую весну.» Съ нами случилось и то и другое разомъ. Глубокіе снѣга въ степяхъ легли на истрескавшіяся отъ сухихъ морозовъ поля; эти снѣга сошли незамѣтно. Они таяли быстро, почти не давая воды. Народъ въ мартѣ и апрѣлѣ говорилъ: снѣгъ уходитъ въ осеннія трещины земли. Днемъ жарило, съ вечера до утра морозило: вотъ какая была у насъ весна! Точно воздухомъ уносило и унесло наши неизмѣримые снѣга, отъ которыхъ всѣ ожидали небываемаго половодья.

«И съ той поры какъ снѣгъ сошолъ, мы дождей вновь не видѣли. Мы были въ мартѣ на сельской ярманкѣ въ Новосерпуховѣ. Скотъ продавался за безцѣнокъ. Восьмидесятилѣтній вольный поселеникъ, какой-то Архипъ Чмиль, говорилъ народу: «Не сѣйте много хлѣба, продавайте скотъ и берегите прошлогодніе корма: въ этомъ году будетъ неурожай и падежъ.» — Отчего? — «Въ мартѣ не было ни одного дождя; не будетъ ихъ ни въ апрѣлѣ, ни въ маѣ.» Эти предсказанія сбылись...

«И вотъ 6-ое іюня, а надежды наши окончательно погибли. На Донѣ, въ Крымѣ и въ Новороссійскія степи, весь апрѣль и первую половину мая, сильно шолъ народъ изъ сѣверныхъ губерній.

«— Куда идете?

«— Въ степи.

«— Зачѣмъ?

«— Косить траву и хлѣбъ.

«— Оставайтесь, наймитесь у насъ.

«— Э! тамъ всегда дороже!

«— Помогай же вамъ Богъ!

«— Спасибо!

«Въ концѣ мая черезъ Полтаву, Бахмутъ и Екатеринославъ стали идти обратно огромныя артели устремившихся было на югъ козарей и гребцовъ. Они шли печально. У шипковъ ихъ окликали:

«— А что, братцы?

«— Да что! Идемъ назадъ...

«— Плохо?

«— Плохо такъ, что и званія косовицы тамъ не будетъ.

«— И травы и хлѣба не будетъ?

«— Не будетъ ничего.

«Въ концѣ мая прошли слухи, что огромныя стада саранчи показались въ полтавской губерніи.

«Въ харьковской губерніи, отъ засухи, суслики или овражки, бывшіе смиренными въ послѣдніе три дождливые года, теперь съ немонѣрной злобой и алчностью стали поѣдать молодые всходы пшеницы, овса и ячменя, неважко достаточной питательности въ усохшихъ и пожелтѣвшихъ травахъ. Этотъ бичъ не побѣжденъ донынѣ никакими преміями министерства государственныхъ имуществъ» и пр. (Сѣв. Пч. № 167.)

Таковы дары нынѣшняго южнаго лѣта! Для вѣщаго раздраженія нашихъ нервовъ мы приглашаемъ васъ заглянуть еще южнѣе, въ Крымъ, гдѣ эта лѣтняя картина оживляется проходящими по ней интересными фигурами. «Вотъ уже другой годъ — пишетъ кто-то изъ Евпаторіи «Одесскому Вѣстнику» — какъ мы, жители Евпаторіи, видимъ передъ собою печальную картину переселенія отъ насъ татаръ въ Турцію и обратно оттуда къ намъ болгаръ. Первые, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, успѣли уже водвориться на отведенныхъ имъ мѣстахъ, а послѣдніе прибыли сюда изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи въ числѣ болѣе 12,000 душъ и *отправились обратно на родину чрезъ нашъ портъ, на счетъ турецкаго правительства.* Для насъ, землевладѣльцевъ, эти переселенія не обѣщаютъ ничего хорошаго въ будущемъ...»

Что тутъ хорошаго, если такіа двѣнадцатитысячныя полчища придутъ, понюхаютъ и уйдутъ прочь!.. Но чтоже это за странное явленіе? Толпа, сдвинувшаяся разъ съ мѣста вѣкового жительства, вытѣсненная изъ него вѣковыми страданіями, бѣгущая и спасающаяся отъ нихъ, вступаетъ въ единовѣрную, радужно зовущую ее страну — и вдругъ чѣмъ-то оттолкнутая или испуганная, стремится назадъ въ мѣсто своихъ страданій! Конечно есть какая-нибудь причина этого явленія; но неужели она была неотклонима? Или намъ не нужны эти переселенцы? Или намъ самимъ уже тѣсно въ Крымъ и въ Новороссію? А сколько было у насъ умныхъ рѣчей о колонизаціи!

Возвращаемся собственно къ лѣтнимъ или точнѣе, весеннимъ извѣстіямъ, но такимъ, которымъ лѣто должно служить продолженіемъ. Вотъ извѣстіе, немного заноздавшее (отъ 5 мая) съ востока. На Уралѣ — пишетъ нѣкто г. Пакулевъ — большое несчастье: весна едва показалась на нѣсколько дней, и вновь наступила самая мрачная, самая суровая зима... Холодъ и голодъ для бѣднаго скота, (который былъ уже отпущенъ въ табуны)... Сѣна невозможно купить ни почему: сѣна нѣтъ, его недостаточно было запасено и въ минувшее лѣто, потому что въ прошлую весну была больша́я засуха, а потомъ во время сѣнокоса полились дожди — и подкошенная, и безъ того плохая трава сгнила... Въ настоящее время бѣдный народъ...

преимущественно женщины, вырываютъ изъ-подъ снѣга болотныя кочки, которыя потомъ обливаютъ разсоломъ и даютъ ѣсть скоту...

«На Уралѣ вообще бѣдные люди говорятъ о хлѣбѣ, о снѣгѣ, о холодѣ. Богатые люди... золотая лихорадка очень беспокоитъ ихъ...»

Это уже пошла рѣчь о другомъ, не исключительно-лѣтнемъ предметѣ; но послушаемъ про «золотую лихорадку».

«Пароксизмы золотой лихорадки увеличиваются отъ различныхъ извѣстій, и бѣдныхъ золотопромышленниковъ бросаетъ то въ ознобъ, то въ жаръ».

«Въ ознобъ бросаютъ золотопромышленниковъ газетныя извѣстія о томъ, что золотой промыселъ будетъ доступенъ въ скоромъ времени *всѣмъ сословіямъ*».

«Настоящимъ монополистамъ-золотопромышленникамъ эти извѣстія очень не по нраву... Какъ! они, которые до сихъ поръ наживали миліоны посредствомъ тяжелаго труда рабочихъ, убивая въ послѣднихъ физическія и моральныя силы въ короткое время, они лишаются теперь этой возможности легко наживать миліоны!.. Это ужасно! Они, до сихъ поръ бывшіе больше чѣмъ плантаторы южныхъ Соединенныхъ-Штатовъ, они, которые кормили рабочихъ только въ то время, когда рабочій нуженъ для работъ, когда рабочій приноситъ имъ баснословныя или жидовскіе дивиденды рубль на рубль — да и какъ кормятъ! какъ собакъ, съ позволенія сказать. Но объ этомъ послѣ... (Отчего же послѣ? нельзя ли поскорѣе?) Въ другое же время, когда рабочій не работаетъ, а стало-быть и не приноситъ пользы, они прогоняли рабочихъ отъ себя... Да! наши золотопромышленники до настоящаго времени находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ плантаторы: тѣ обязаны работъ своихъ, черныхъ негровъ, поить и кормить, работаютъ они или нѣтъ; а наши золотопромышленники отстранили отъ себя эту обязанность въ отношеніи своихъ работниковъ, бѣлыхъ негровъ...

«Дай-богъ, чтобы извѣстія о свободной золотопромышленности для всѣхъ сословій осуществились! Тогда не одно уральское бѣдное народонаселеніе, а весь нашъ пролетаріатъ нашли бы на золотыхъ приискахъ вѣрный кусокъ хлѣба и пріютъ. Калифорнія и Австрія позавидовали бы намъ...

«Въ жаръ бросаетъ золотопромышленниковъ частное приглашеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ С. Петербургъ для обсужденія составляющагося положенія о золотопромышленности».

«Чѣмъ эти золотопромышленныя лица, или лучше-сказать плантаторы, могутъ быть полезны при обсужденіи вопроса объ упадкѣ золотопромышленности? Ничѣмъ совершенно. Отвѣтъ золо-

топромышленниковъ можно заранѣе съ точностью опредѣлить. Они скажутъ: уменьшите подати, не обязывайте разработывать каждый приискъ ежегодно, прикрѣпите рабочихъ, чтобы они не бѣгали съ приисковъ...

«Правительство наше нѣсколько лѣтъ сряду дѣлало всё снисхожденія для золотопромышленниковъ согласно ихъ представленію: и уменьшало подати, и дозволяло вмѣсто разработки прииска вносить деньги, и разрѣшено было наказывать рабочихъ, но несмотря на всё эти послабленія и снисхожденія, золотопромышленность наша не развивалась, а падала.

«Настоящее приглашеніе золотопромышленниковъ, для обсужденія составляющагося о нихъ положенія, будетъ имѣть тѣже послѣдствія. Золотопромышленники только затормозятъ ходъ составляющагося горнаго положенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ задержатъ и развитіе золотопромышленности нашей...»

Какой у г. Пакулева мрачный взглядъ на вещи! Его расказъ про золотую лихорадку и про одержимыхъ ею горно-уральскихъ «плантаторовъ» производитъ тяжелое впечатлѣніе, такъ что читая этотъ расказъ подъ вліяніемъ лѣтняго холода, можно даже самому подвергнуться лихорадочному ознобу. Не разгонитъ ли декація на челѣ г. Пакулева морщины и не послужитъ ли утѣшеніемъ бѣдному уральскому народонаселенію начинающееся предпріятіе сооруженія желѣзной дороги чрезъ Уральскія горы? Послѣдовало разрѣшеніе господамъ Рашету, Воронину, Власову, Бенардаки, Каннину и Кокореву — произвести на собственный ихъ счетъ изысканія для устройства желѣзной дороги между Пермью и Тюменью по направленію чрезъ сѣверные горнозаводскіе округи и Ирбитъ, а также осмотрѣть, съ этою же цѣлью, мѣстность и по другимъ направленіямъ, между прочимъ чрезъ Екатеринбургъ.

Въ числѣ лицъ, получившихъ это разрѣшеніе, мы съ удивленіемъ видимъ нѣкоторыя имена, подписанныя подъ славнымъ проектомъ «агентства питейныхъ сборовъ и товарищества желѣзныхъ дорогъ». Значитъ составители этого проекта успѣли помянуть съ судьбою, недопустившею ихъ спасать Россію возвышеніемъ питейнаго налога; значитъ они нашли возможность содѣйствовать спасенію нашего отечества посредствомъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, безъ прямого содѣйствія увеличенію потребленія вина. Воистину отрадная вѣсть! На крыльяхъ радости летимъ мы въ будущность и видимъ въ Россіи ровно на шестьдесятъ миліоновъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, несчитая уже существующихъ и нынѣ въ производствѣ находящихся, каковы: николаевская, варшавская, рижско-ли-

набургская, московско-нижегородская, московско-ярославская, московско-саратовская...

Да! и сіи двѣ послѣднія нынѣшнимъ лѣтомъ пробудились съ свѣжими силами, какъ-будто для того, чтобы сколько-нибудь согрѣть прозябшія сердца. Саратовская окончила участокъ до Коломни и тѣмъ доставила Москвѣ великое удовольствіе. Ярославская объявила въ «Акціонерѣ» о томъ, что сдѣлано на ней съ половины апрѣля по іюня, и оказывается: что «земляныя работы *оканчивались* на всемъ протяженіи»; разсыпался нижній баластный слой, укладывались рельсы, выводились устои мостовъ и собирались ихъ желѣзныя части; поперечины выставлены въ полномъ количествѣ; рельсы также въ полномъ количествѣ доставлены и развезены по линіи; производились частію возведеніе чернѣ, а частію отдѣлка станціонныхъ зданій; устанавливались телеграфныя столбы вдоль всей линіи, и — «вообще работы подвинуты до такой степени, что не предвидится задержки къ открытію движенія въ августѣ мѣсяцѣ»... Легко сказать! Августъ не за горами, а въ немъ обѣщается цѣлая новая линія. Мы не забываемъ, что нижегородская дорога также должна вся открыться нынѣшнимъ лѣтомъ⁽¹⁾. Вѣдь это будутъ два широкіе шага ко спасенію. А еслибы и саратовская недолго оставалась въ Коломнѣ, а пошла бы дальше и поскорѣй добралась хоть до тамбовскаго чернозема!..

Черноземъ напомнилъ намъ, что картина нашего лѣтняго положенія у насъ еще очень неполна. Восполнимъ же ее краткими выдержками изъ майскихъ и іюньскихъ извѣстій по разнымъ губерніямъ.

Виленская губ. «Озимые хлѣба съ начала весны по нѣкоторымъ уѣздамъ имѣли видъ довольно благонадежный, въ другихъ же отъ холодовъ и засухи были посредственны. Затѣмъ съ 9 мая проходили дожди, имѣвшіе довольно благопріятное вліяніе на произрастаніе» и проч.

Вятская губ. «Всходы озимаго хлѣба мѣстами довольно порядочны; большею же частію отъ холодовъ и ненастья только посредственны.»

Екатеринославская губ. «По случаю засухи и мѣстами холодовъ, озими большею частію росли медленно. Всходы ярового хлѣба по той же причинѣ были неудовлетворительны. Травы частію были порядочны, а частію также плохи.»

Костромская губ. «По вскрытіи полей отъ снѣга, всходы озимаго хлѣба въ большей части губерніи оказались неповрежденными. Но стоявшая втеченіе мая почти повсемѣстно сухая и холодная

(1) Она уже и открылась.

погода, съ сѣверными вѣтрами, приостановила растительность...» и проч.

Нижегородская губ. «Погода была большею частію холодная, пасмурная, съ сильными вѣтрами, снѣгомъ и дождемъ. По этой причинѣ озимые всходы во многихъ мѣстахъ произрастали неуспѣшно...» и пр.

Псковская губ. «Погода стояла холодная и по ночамъ случались небольшіе морозы; отъ этого всходы озимаго хлѣба большею частію были неудовлетворительны; въ нѣкоторыхъ же низменныхъ мѣстностяхъ озими съ открытіемъ весны оказались вымерзшими отъ бывшихъ во время зимы сильныхъ морозовъ...»

Саратовская губ. «Входы озимаго хлѣба, отъ перепадавшихъ съ открытія весны дождей были въ хорошемъ положеніи; послѣ наступленіемъ холодовъ не имѣли надлежащаго успѣха въ ростѣ» и проч.

Смоленская губ. «Холодная погода съ сѣверными вѣтрами несовсѣмъ благоприятствовала произрастеніемъ, почему озими въ нѣкоторыхъ уѣздахъ имѣли несовсѣмъ удовлетворительный видъ...»

Таврическая губ. «Сильные вѣтры и засуха значительно вредили успѣху произрастеній, отчего озимые и яровые хлѣба приостановились въ ростѣ, а травы мѣстами начали засыхать...»

Тверская губ. «Холодная и дождливая, съ вѣтрами, погода много препятствовала успѣшному росту всходовъ озимаго хлѣба, который по этой причинѣ мѣстами былъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Непастная погода препятствовала и обработкѣ полей для посѣвовъ яроваго хлѣба...»

Харьковская губ. «Произрастаніе озимаго хлѣба мѣстами было довольно порядочное, мѣстами же отъ холодовъ, вѣтровъ и бездождя было неудовлетворительно. Всходы яроваго также большею частью были посредственны...»

Ярославская губ. «По случаю холодовъ и засухи, озимые хлѣба и травы въ нѣкоторыхъ уѣздахъ произрастали неудовлетворительно...» и пр.

Ну, довольно. Постараемся теперь уже не произносить больше этого слова *холодъ*, которое пришлось намъ повторить такое множество разъ. Чтобы вѣрнѣе избѣгнуть этого повторенія, обращаемся къ самому жаркому дѣлу, — дѣлу, которое непременно должно быть жаркимъ по его внутреннему свойству, какова бы ни была его температура въ настоящую минуту.

Объявлено въ газетахъ, что по 1 іюня вышедшаго года во всей російской имперіи введено въ дѣйствіе 15,187 уставныхъ грамотъ,

представлено на утверждение 23,849: стало-быть всего составлено 39,039 грамотъ.

Въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ введены въ дѣйствіе грамоты, заключается 1,583,458 душъ, что составляетъ около $15\frac{1}{2}$ процентовъ, т. е. почти $\frac{1}{6}$ всей массы временно-обязанныхъ крестьянъ и крестьянъ-собственниковъ.

Конечно, въ іюнь, іюль и августъ къ этому числу грамотъ не можетъ много прибавиться, потому что некогда; затѣмъ останется ровно полгода до марта 1863 года, когда окончится двухлѣтній срокъ, назначенный для составленія и введенія уставныхъ грамотъ, — окончится первый фазъ приведенія въ дѣйствіе Положеній 19 февраля 1861 года. Введутся ли въ эти полгода уставныя грамоты у остальныхъ $\frac{5}{6}$ народонаселенія? Только время можетъ рѣшить это, а ждать остается недолго.

Независимо отъ уставныхъ грамотъ, крестьянское дѣло продолжаетъ свой ходъ, выражаясь самыми разнохарактерными чертами. На дняхъ случилось намъ прочесть въ одномъ частномъ письмѣ изъ юговосточнаго угла Россіи: «Мировые посредники здѣшняго уѣзда ведутъ дѣло съ замѣчательной дѣятельностью и добросовѣстностью. Крестьяне тупо чего-то ожидаютъ; но въ этомъ ожиданіи нельзя не признать своей доли логики: обѣщавъ конецъ ихъ прежнему экономическому положенію, а они этого конца еще не видятъ. Надо однако сказать, что положеніе ихъ улучшилось очень замѣтно даже для невооруженнаго глаза. Теперь я почти не встрѣчаю здѣсь прежнихъ крестьянскихъ клячъ, которыя въ прежнее время развозили чиновниковъ по уѣзду. Прежней безграничной барщины, парализовавшей въ крестьянинѣ всякую охоту къ труду, не существуетъ. Крестьянинъ уже не молчитъ, когда его пощипываютъ, а возражаетъ, хотя возражаетъ часто съ свойственнымъ ему самодурствомъ. Помѣщики... Что сказать? Нѣкоторые изъ старыхъ помѣщиковъ не хотятъ заглянуть въ свои помѣстья, желая, какъ они говорятъ, «не видѣть тѣхъ *гадостей*, которыя пришли съ эманципаціей». Одинъ почтенный старикъ, разсердившись на кого-нибудь изъ своей прислуги, всегда восклицаетъ: «Охъ, эта эманципація и эманципаторы! видѣть вѣдь гадко, какъ эти филантропы избаловали народъ!»

Дѣйствительно избаловали! Вы можетъ-быть помните, какъ властной писарь Иванъ Петровъ рассказывалъ въ «Могилевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» про жалобу одного быховскаго помѣщика на мирового посредника: просилъ онъ, видите ли, этого посредника арестовать на семь дней сельскаго старосту и оштрафовать его пятью рублями за то, что онъ, доставляя рабочихъ на пригонъ,

не являлся самъ ежедневно для полученія приказаній и присмотра за работниками; а мировой посредникъ арестовалъ старосту только на трое сутокъ и штрафа не назначилъ, «черезъ что повинновение крестьянъ и дворовыхъ ослабѣло до того, что у него (помѣщика) въ кладовой полопались бутылки съ шампанскимъ и банки съ вареньемъ. Мировой посредникъ и въ этомъ случаѣ не высѣкъ розгами дворовыхъ людей за недосмотръ, а крестьянъ за то, что доставляютъ дрова не довольно сухія.» Да! дѣйствительно «видѣть гадко, какъ эти филантропы избаловали народъ!»

Конечно, ходъ всякаго новаго учрежденія, пока духъ его не вошелъ въ плоть и кровь цѣлаго общества, не можетъ не сопровождаться самыми развохарактерными чертами, зависящими отъ личныя свойствъ дѣятелей, образовавшихся подъ вліяніемъ иныхъ, прежнихъ учрежденій. Мы прочитали на примѣръ два частныя случая о мировыхъ посредникахъ, и — посмотрите, какъ не подходятъ они подъ то понятіе, которое мы уже успѣли составить вообще о мировыхъ посредникахъ.

Мировой посредникъ одоевскаго уѣзда (тульской губ.) Мочалкинъ послалъ повѣстку управляющему имѣніемъ г-жи Воейковой, московскому мѣщанину Гейтману; а Гейтманъ, вмѣсто исполненія по повѣсткѣ, позволялъ себѣ сдѣлать на ней собственноручную надпись: «Я никому не позволю обращаться со мною на ты, а потому прошу впредь быть повѣжливей.» Объ этомъ поступкѣ посредникъ выразился, что «такого рода дерзость лица податного состоянія, неслышатаго отъ тѣлеснаго наказанія, поставила его, посредника, въ необходимость обратить серьезное вниманіе начальника губерніи на этого человѣка и просить, чтобы положить рѣшительный предѣлъ беззаконному произволу Гейтмана, въ убѣжденіи собственно того, дабы не ослабить власть, предоставленную мировымъ учреждениямъ и тѣмъ исполнить высочайшую волю...» И это дѣло дошло до губернскаго присутствія, которое разоудило такъ: «Настоящее представленіе возбуждаетъ вопросъ: точно ли составляетъ дерзость, какъ заключаетъ Мочалкинъ, отвѣтъ на его повѣсткѣ управляющаго Гейтмана слѣдующаго содержанія: «я никому не позволю обращаться со мною на ты, а потому прошу впредь быть повѣжливей.» Усматривая изъ упомянутой повѣстки, что посредникъ, относясь къ Гейтману, употребляетъ слова: «тобою, тебѣ», губернское присутствіе находить, что Гейтманъ совершенно вправѣ былъ протестовать противъ такого способа выраженій и что самый протестъ его, будучи написанъ въ приличной формѣ, не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей дерзости. О чемъ увѣдомить мирового посредника и указать на образецъ повѣстки, приложенный къ

32 ст. «Наказа судебнымъ слѣдователямъ», гдѣ безъ различія званій введено употреблять слово «вы».

Здѣсь чрезвычайно замѣтно, что духъ новаго учрежденія не проникъ въ сознаніе мирового посредника, не усвоенъ и даже не понятъ имъ... Мы боимся впрочемъ, не слишкомъ ли прямо выражаемъ такую смѣлую мысль; да чтоже дѣлать, если это такъ бросается въ глаза! Замѣтно оно изъ того, что посредникъ такъ боится за власть, дарованную мировымъ учрежденіямъ, считая необходимымъ поддерживать эту власть еще другою властью. Какъ-то невольно думается, что г. Мочалкинъ виразу не далъ себѣ отчета, ни даже вопроса: почему его должности дано названіе «мировой посредникъ» и почему учрежденія, къ составу которыхъ онъ принадлежитъ, названы «мировыми»...

А вотъ другой однородный случай. Въ калужской губерніи мировой посредникъ Арсеньевъ, проѣзжая изъ Боровска въ с. Уваровское, «былъ въ некоторое время задержанъ въ дорогѣ ѣхавшимъ впереди его человѣкомъ», — какъ отырылось впоследствии, дьякономъ села адуевского, медынского уѣзда, Никитою Васильевымъ, «который сталъ посреди дороги, сдержавъ лошадь, и на вопросъ посредника не отвѣтилъ ему, кто онъ». Послѣ такого «неприличія и неизъявленія должнаго уваженія къ лицу мирового посредника», г. Арсеньевъ приказалъ волостному старшинѣ и сельскому старостѣ *представить къ себѣ* Васильева для разбора. По представленіи къ посреднику дьякона, онъ (дьяконъ) былъ пьянъ, такъ что «съ дерзостью отвѣчалъ на вопросы посредника и лѣзъ близко къ столу». Посредникъ *присудилъ* дьякона оштрафовать тремя рублями въ пользу собранныхъ для повѣрки грамотъ крестьянъ, которые, за происшедшимъ разбирательствомъ поступка дьякона, оставались въ ожиданіи около пяти часовъ времени, а «за оскорбленіе лица мирового посредника и волостного старшины — предать суду»... Губернское присутствіе, до котораго къ счастью дошло и это дѣло, постановило: «прекратить возникшее по сему дѣлу, какъ неправильно начатое, и уведомить объ этомъ г. Арсеньева».

Редакція газеты «Мировой Посредникъ», рассказавъ этотъ случай, прибавляетъ: «Съ грустнымъ изумленіемъ останавливаемся мы на этомъ фактѣ мирового самоуправства, — фактѣ, въ которомъ не видимъ злоупотребленія власти, потому что въ настоящемъ случаѣ мировой посредникъ вовсе не имѣлъ ея, — но видимъ только тупое непониманье той благотворной идеи, которой пожелалъ служить г. Арсеньевъ... Грустно думать, что въ мировой средѣ встрѣчаются такіе люди, которые какъ-видно добиваются того, чтобы при звонѣ ихъ колокольчика и бубенчиковъ проѣзжіе съ

боязливою торопливостью сворачивали съ дороги и чтобъ они, смотря вслѣдъ на промелькнувшаго мимо ихъ господина, не безъ должнаго къ нему уваженія говорили: «вишь, *мировой* проѣхалъ!»

Но — позвольте! Пересказывая эти случаи, мы въ некоторомъ образѣ вѣдемся въ область обличительную... Кстати ли это и въ время ли? Г. Булкинъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 133 и 136) и сама редакція «Вѣдомостей», рассматривая послѣднія произведенія г. Щедрина, утверждаютъ, что тотъ родъ литературы, которому онъ продолжаетъ служить, нынѣ утрачиваетъ свою прежнюю привлекательность — «и слава-богу!» прибавляетъ редакція. Г. Булкинъ вспоминаетъ, что въ 1859 году «въ самый развалъ обличительной литературы», покойный Хомаковъ, привѣтствуя ея появленіе, «указывалъ на ту границу ея правъ, переходъ за которую называлъ отвратительною клеветою и гнусною сплетнею». Но г. Булкину кажется еще, что кромѣ границы, указанной Хомаковымъ, для обличительной литературы «должна существовать другая граница — *во времени*, граница, переходъ за которую не только обезсиливаетъ ее, не только препятствуетъ ей къ достиженію настоящихъ цѣлей, но дѣлаетъ даже ее вредною». Редакція «Вѣдомостей» дѣлаетъ правда оговорку, что она собственно вступаетъ за искусство, которое страдаетъ отъ исключительно-обличительнаго направленія, и не распространяетъ мысли о несвоевременности обличительнаго рода на журнальныхъ корреспондентовъ, которые «дѣлаютъ свое доброе и полезное дѣло».

Намъ съ своей стороны кажется, что искусство, *подъ рукою истиннаго художника*, не пострадаетъ ни отъ обличительнаго, ни отъ какого другого направленія; оно страдетъ только тогда, когда бездарность, набравши на примѣръ изъ неумытой дѣйствительности матерьяловъ для обличенія, возьмется лѣпать изъ нихъ художественное произведеніе. Примѣровъ такого незаконнаго посягательства на искусство много, и много о нихъ было говорено. Но говорить то же по поводу послѣднихъ произведеній г. Щедрина — значитъ не признавать его художникомъ. Этому пункта касаться здѣсь не мѣсто, да едва ли и имѣли его въ виду г. Булкинъ и редакція «Московскихъ Вѣдомостей». Оно такъ только вышло у нихъ...

Но можно немного иначе смотрѣть на предполагаемую несвоевременность обличеній. Когда-то, «въ самый развалъ обличительной литературы», мы думали, что этотъ родъ, вырабатываясь постепенно, получитъ современемъ болѣе строгія, даже болѣе грозныя свойства, получитъ силу удара, отъ котораго будетъ распдаться и исчезать зло... Теперь выходитъ какъ-будто наоборотъ: удары, наносимые обличеніями, начинаютъ терять свою силу; къ

нимъ какъ-будто притерѣлись; пѣсня эта прислушалась, напѣвъ ея пошлаѣтъ. Произвела ли она хотя въ свое время надлежащее дѣйствіе? сослужила ли она истинную, существенную службу? принесла ли прочный, долговѣчный плодъ? Ужасно трудно рѣшить этотъ вопросъ. Но еслибы пришлось отвѣтить на него отрицательно, то мы стали бы объяснять такое печальное явленіе съ двухъ сторонъ. Съ одной тѣмъ, что общественное зло всегда бываетъ такъ устойчиво, что въ три-четыре года можно произвести въ немъ только малую, едва примѣтную для глаза разшатку, а ужъ никакъ не свалить его окончательно. Съ другой стороны — въ голосъ нашихъ обличителей, за немногими можетъ-быть исключеніями, едвали звучала сердечная струна. Невыхоля изъ глубины души, эти звуки и не западали глубоко въ душу; они только раздражали любопытство, только забавляли насъ своею рѣзкостью. Рѣзкія слова прибились и потеряли свою силу. Наконецъ наши журнальные корреспонденты... что сказать о нихъ? Если одни дѣлали и «дѣлаютъ свое доброе и полезное дѣло», то другіе, сказать по правдѣ, нерѣдко переходятъ за границу, указанную покойнымъ Хомяковымъ, впадая въ «гнусную сплетню». Это выраженіе Хомякова; мы пожалуй сплетню и не назвали бы «гнусною», но пошлою и недостойною общественнаго вниманія — назовемъ. Кромѣ того она вредна: она подрываетъ кредитъ обличителей, ослабляетъ вѣру въ нихъ, лишаетъ ихъ общаго уваженія. Не потрудитесь ли наиримѣръ заглянуть въ 24 № «Искры» и пробѣжать тамъ статейку, подъ заглавіемъ: «Новое открытіе изъ міра естественныхъ наукъ». Что вы узнаете изъ этой статейки? Узнаете, что въ Россіи есть кто-то — человѣкъ вертлявый, чрезвычайно подвижный, разсѣянный, неуѣмлющій останавливаться долго ни на какомъ предметѣ, — человѣкъ, въ которомъ эти свойства доходятъ до странности, до чудачества. И только? Нѣтъ, позвольте: еще узнаете вы, что есть другой человѣкъ, которому вертлявый господинъ чѣмъ-то досадилъ, и рѣшился этотъ другой человѣкъ въ досужій часъ написать про вертляваго статейку, въ которой назвалъ его за означенныя свойства не человѣкомъ, а «новооткрытымъ животнымъ»... Больше этого изъ статьи уже рѣшительно ничего не узнаете. И эту статейку, которую пожалуй можно было бы въ рукописи прочитать въ пріятельскомъ кружкѣ, знающемъ вертляваго господина, и потомъ бросить въ печку, какъ ни на что больше негодную, — эту статейку досужій авторъ послалъ въ «Искру», въ качествѣ статьи обличительной, и «Искра» обнародовала интересную новость о существованіи вертляваго господина, занявши ею почти три столбца! Такъ какъ побужденіе, съ которымъ написана статейка, проглядываетъ въ ней

очень явно, то она, признаемся, возбуждаетъ въ насъ... одно негодованіе...

И вотъ холодѣемъ мы къ голосу обличителей, и говоримъ: пора намъ перестать глумиться!.. Ну, пора такъ пора; не будемъ глумиться. Нельзя же однако забыть, что за рѣзкими рѣчами обличителей стоятъ иногда факты, заключающіе въ себѣ человѣческія страданія; что «сквозь видный міру смѣхъ» чуются иногда «незримыя, невѣдомыя ему слезы»... Что вы будете дѣлать съ этими фактами, когда они поднимаются и поражаютъ васъ? Конечно не глумиться, — она и не вызываютъ глумленія; а все же пройти мимо ихъ равнодушно невозможно... Чтобы помирить васъ сколько-нибудь съ дальнѣйшимъ существованіемъ обличеній, мы намѣрены рассказать небольшое приключеніе, рассказанное намъ на дняхъ довольно драматично однимъ юнымъ господиномъ изъ породы петербургскихъ нахлѣбниковъ, т. е. нанимающихъ у хозяйки-вдовы квартиру со столомъ и прислугою. Это краткая, но выразительная исторія, случившаяся съ живущею у хозяйки кухаркою. Былъ у этой кухарки мужъ, вѣжно ею любимый... Мы общались не глумиться, и потому вы не улыбнитесь при этихъ послѣднихъ словахъ: они сказаны серьезно. Да и почему-жъ рабочему человѣку не быть вѣжно-любимымъ женою-кухаркой?..

«Захворалъ мужъ (говорилъ нашъ рассказчикъ—нахлѣбникъ), в очень захворалъ. Онъ видите ли съ весны все караулилъ какую-то хозяйскую лодку на Невѣ у Тучкова моста; недѣля двѣ поги у него не просыхали...

«— Чай ноги-то у тебя зябнуть, Иванушка? спрашивала его жена.

«— Зябнуть, Агафьюшка, да что за бѣда? Поноютъ, поуютъ, — да и перестанутъ.

«Ныли, ныли его ноги, да и стали пухнуть, стали сильно болѣть; а онъ все караулитъ лодку, — и тогда только, когда уже моченьки его не стало, пошелъ скрѣпя сердце въ больницу. Болѣзнь приключилась ему не легкая: ноги вздулись и стали какъ стеклянныя; показались на нихъ подозрительныя пятна... Положили его въ скорбютную палату: болѣзнь, говорятъ, цынготнаго свойства. Жена ходила навѣщать его. Все примачиваютъ, говорятъ, ноги уксусомъ, да что-то вѣтъ легче; звать ужъ онъ больно застудилъ ихъ. Потомъ говорила она, что и самъ больной какъ-будто сталъ пухнуть... Разъ какъ-то послѣ обѣда сижу я у себя въ углу; вдругъ слышу за перегородкой разговоръ, начавшійся крикомъ:

«— Охъ, батюшки! Охъ, родные мои!

«— Что такое? Что такое?

«— Умеръ, батюшки! мужъ-то мой умеръ!.. Охъ!

«— Иди же, Агафьюшка, иди къ нему скорѣе.

«— Иду, голубушка моя, иду... Охъ! послышалось уже за дверью, и все замокло.

«Часа черезъ два воротилась расплаканная Агафья.

«— Ну что?

«— Что? лежитъ какъ живой. Плакала-сь я... Тамъ, говоритъ, всѣхъ рѣжутъ, анатомируютъ то-есть. Просила фельшера... Можно, говоритъ, попросить главнаго доктора... Дала ему полтора цѣлковыхъ; обѣщался попросить, чтобъ позволили не рѣзать... Завтра велѣли приходить; не знаю что будетъ.

«На другой день съ ранняго утра исчезла Агафья и часамъ къ одиннадцати воротилась встревоженная.

«— Что, Агафья?

«— Ну, батюшка! Настродалась я эти часы. Душу мою всю выломляю! Пришла, а ужъ его нѣтъ въ покойницкой-то: унесли туда, паверхъ, гдѣ рѣжутъ. А фельшеръ тутъ такъ и колитъ около меня, и глаза у него бѣгають. Дай, говоритъ, еще, такъ упрошу, а то вотъ... Повелъ онъ меня наверхъ. — Твой, говоритъ, покойникъ? — Мой, говорю. — Узнала? — Еще бы не узнать! — Ну вотъ, говоритъ... А покойникъ лежитъ на столѣ такомъ особенномъ, — на чемъ рѣжутъ-то... Взялъ онъ, этотъ фельшеръ, ножи, и такъ-то вертять ими предо мной, — чтобы утратить-то меня. Вижу я, что онъ меня обманываетъ, и говорю: Нѣтъ ужъ, батюшка, чѣмъ могла, я благодарила васъ, а больше не могу. Если, говорю, у васъ точно такое положеніе, чтобы всякаго рѣзать, то мои деньги, я знаю, не помогутъ; а деньги наши трудовыя: бросать ихъ задаромъ не слѣдуетъ, да и брать ихъ задаромъ всякому человѣку грѣшно... А я вамъ вотъ что скажу: если вы, говорю, точно можете это дѣло мнѣ сдѣлать, то... какъ богъ-святъ! какъ только вывезутъ покойника изъ больницы, дамъ вамъ еще полтора целковыхъ. А прежде того ничего не дамъ. — Ну, какъ хочешь, говоритъ. Тутъ его позвали куда-то; онъ убѣжалъ. Я ждала-ждала, — неидетъ. Положила тамъ халатъ, рубашку и все, чтобы одѣть покойника; сказала солдатику, что вотъ тутъ все, гробъ у меня готовъ, и дроги... Пусть дѣлаютъ какъ хотятъ.

«— Какъ же ты такъ оставила?

«— Да вотъ поуберусь тутъ, — опять побѣгу.

«Поубралась Агафья и побѣжала. Скоро воротилась она, блѣдная, но съ сухими глазами; лицо у ней чуть-чуть подергивало.

«— Что, Агафьюшка?

«— Что, батюшка!.. Рѣзали!.. прогѣворила она каинимъ-то упавшимъ голосомъ, и лицо ея задергало сильнѣе.

«Я невольно привскочилъ на мѣстѣ.

«— Какъ же это? да почему ты знаешь?

«Она только развела руками.

«— Кровь... и голова сшита... Солдатикъ говорить, что и внутренности вынимали...

«— А чтоже фельдшеръ?

«— Его ужь я не видала; онъ ужь мнѣ не показывается... Охъ!..

«И пошла Агафья хоронить мужа, и послѣ рассказывала, что похоронила она его хорошо: и гробъ на ножкахъ, и дроги, и лошади въ траурѣ, и мѣсто она ему выбрала хорошее, сухое, на горѣшкѣ... Видно, что всѣмъ этимъ ей хотѣлось кое-какъ замазать рану, нанесенную фельдшеромъ ея любящему сердцу.»

Рассказъ конченъ. Больше мы ничего не имѣемъ сказать.

кровителя, можете предъявить искъ объ удовлетвореніи за нанесенное оскорбленіе. Въ этомъ случаѣ, мистеръ Торнтонъ, вы имѣете положительное основаніе въ иску на капитана Робинзона, и смѣю сказать, судъ дастъ вамъ полное удовлетвореніе. Я полагаю, что вы можете доказать всѣ эти факты.»

— Доказать ихъ! еще бы! отвѣчалъ мой господинъ: — Арчи самъ же рассказывалъ вамъ всю эту исторію.

— Да-съ, любезнѣйшій сэръ; но вы кажется забыли, что невольникъ не можетъ свидѣтельствовать противъ бѣлаго?

— Скажите же пожалуста, сказалъ мистеръ Торнтонъ: — какая мнѣ польза отъ вашего закона? Вамъ же говорилъ Арчи, что на него напалъ Робинзонъ и избилъ его. Вы же не предполагаете, что Робинзонъ до такой степени глупъ, чтобы позвалъ туда бѣлаго съ единственною цѣлью имѣть противъ себя свидѣтеля. Итакъ, сэръ, несмотря на хваленое вами покровительство закона, каждого изъ моихъ слугъ можетъ избить какъ угодно какой-нибудь Робинзонъ, и я не могу получить никакого удовлетворенія за это. Чтобъ чортъ же побралъ такіе законы! Вотъ что я вамъ скажу.

— Но, мой милый сэръ, отвѣчалъ юристъ, — подумайте, какъ опасно допустить невольниковъ быть свидѣтелями.

— О, да! сказалъ мой господинъ съ насмѣшливой улыбкой: — я воображаю, какъ бы это было опасно для нѣкоторыхъ изъ моихъ знакомыхъ, совершенно неудобно безъ сомнѣнія. Хорошо же, сэръ: такъ какъ вы говорите, что законъ не можетъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, то я самъ долженъ позаботиться о себѣ. Я не могу позволить, чтобы такъ обижали моихъ слугъ. Я исколочу хлыстомъ этого негодяя Робинзона, какъ только увижу его.

Съ этими словами мой господинъ оставилъ кабинетъ; я вышелъ за нимъ. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по улицѣ, какъ неожиданно представился мистеру Торнтону случай привести свою угрозу въ исполненіе, потому что мы встрѣтились съ капитаномъ Робинзономъ, который вѣроятно тоже имѣлъ дѣло въ судѣ. Мой господинъ, не потерявъ лишнихъ словъ, началъ угощать его кнутомъ по шее. Капитанъ Робинзонъ схватилъ пистолеть; мой господинъ бросилъ кнутъ и тоже взялся за пистолеть: капитанъ выстрѣлилъ, но не попалъ; тогда мистеръ Торнтонъ прицѣлился въ него, но Робинзонъ закричалъ, что онъ безоруженъ и просилъ не стрѣлять. Майоръ Торнтонъ, подумавши, опустилъ руку. Между тѣмъ толпа собралась вокругъ насъ и кто-то изъ друзей капитана Робинзона

передать ему заряженный пистолетъ. Противники снова швырялись и выстрѣлили вмѣстѣ : капитанъ Робинзонъ упалъ тяжело раненный ; его же пуля не попала въ моего господина, а прострѣлила насквозь одного человѣка, свободнаго, судя по цвѣту лица, который одинъ изъ всего общества попытался разнять противниковъ. Бѣдняга упалъ мертвый, а окружающіе замѣтили, что такъ ему и надо: какое право имѣлъ этотъ дуракъ мѣшать двумъ джентльменамъ ? Друзья капитана Робинзона подняли и отнесли его домой, а майоръ Торнтонъ и я съ торжествомъ оставили поле битвы ; тѣмъ это дѣло и окончилось. О такихъ стычкахъ поговорять въ обществѣ, но рѣдко что-нибудь дойдетъ объ нихъ до суда присяжныхъ, и побѣдитель можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что онъ возвысится въ общественномъ мнѣніи.

XIV

Нѣкоторые люди можетъ-быть подумаютъ, что попавши въ руки такого человѣка, каковъ былъ мистеръ Торнтонъ, мнѣ оставалось только ѣсть, работать и быть счастливымъ ?

Будь я лошадь или быкъ, подобное мнѣніе было бы совершенно основательно; но къ несчастію я человѣкъ, а животныя потребности никакимъ образомъ не могутъ быть ни единственнымъ двигателемъ человѣческихъ поступковъ, ни единственнымъ источникомъ его радостей и страданій.

Конечно, многіе изъ слугъ мистера Торнтона, вѣроятно отъ рождения неодаренные большою чувствительностью, повидимому были очень довольны своимъ удѣломъ. Такихъ слугъ особенно любилъ мистеръ Торнтонъ ; въ этомъ случаѣ онъ не многимъ отличался отъ своихъ сосѣдей : чѣмъ тупоумнѣе работникъ, тѣмъ болѣе онъ цѣнится, и негръ, показывающій какіе-нибудь признаки смысла, считается негодяемъ и плутомъ.

Я скоро замѣтилъ у своего господина это пристрастіе къ тупоумнымъ и старался прикидываться такимъ дуракомъ, что онъ оставался вполнѣ доволенъ мною : въ короткое время я сдѣлался любимцемъ майора Торнтона, и заслуживши привязанность его, пользовался снисхожденіемъ гораздо большимъ, чѣмъ можетъ-быть всѣ невольники. Но это не могло сдѣлать меня счастливымъ. Человѣческое счастье, за весьма немногими исключеніями, состоитъ не въ наслажденіи настоящимъ, но въ ожиданіи счастья и въ стремленіи къ

нему. Не то или другое положеніе можетъ доставить счастье: богатство, власть, слава — ничто, когда мы ими владѣемъ; но удовольствіе стремиться къ нимъ, бороться для достиженія ихъ, самая трудность достиженія, — вотъ въ чемъ состоитъ счастье, которое они доставляютъ. Моралисты, иролизывавшіе доволство самимъ собою, показали величайшее незнаніе человѣческой природы. Самое блестящее положеніе не можетъ долго доставлять удовольствія тому, кто принужденъ оставаться въ немъ постоянно неподвижнымъ; съ другой стороны никакъ не поможетъ, какъ бы бѣдственно и упизвительно оно ни было, не можетъ назваться совершенно несчастнымъ, если впереди его представляется отрадная будущность или хотя надежда стать выше его. Такъ создано человѣческое сердце! Вотъ ключъ къ разгадкѣ многого, что безъ этого кажется непонятнымъ и исполненнымъ противорѣчій.

Не у всякъ людей одна цѣль стремленій, но въсѣхъ побуждаетъ и поддерживаетъ одна и таже надежда на успѣхъ. Гордые желанія одного можетъ удовлетворить только величіе, слава, власть, миртъ или лавръ; другой же стремится только промѣнять ужасную бѣдность на небольшое доволство, или же, если у него иное честолюбіе, быть первымъ лицомъ въ своей родной деревушкѣ или оракуломъ въ соседствѣ. Какъ ни различны эти цѣли, но побужденіе, внушающее ихъ, одно и то-же: желаніе стать выше другихъ. Кому обстоятельства позволяютъ давать волю этому естественному чувству и преслѣдовать успѣшно или безуспѣшно, все равно, только бы преслѣдовать цѣль, оладившую его воображеніемъ, съ какою-нибудь вѣроятностью на успѣхъ, — тотъ можетъ сказать пользуется самымъ большимъ счастьемъ, какое дается въ удѣлъ человѣку. Кого же судьба, счастье или какія-нибудь враждебныя обстоятельства принуждаютъ заглушить и уничтожить инстинктивныя движенія и желанія своего сердца; тотъ, каково бы ни было положеніе его въ другихъ отношеніяхъ, будетъ жалкой тварью, осужденной на вѣчныя страданія. Для первого самый трудъ есть наслажденіе; это охотникъ, котораго видъ личи приводитъ въ восхищеніе и не даетъ чувствовать усталости: желаніе даетъ ему силы, надежда веселитъ его; другой никогда не увидитъ этихъ наслажденій: для него жизнь потеряла свою прелесть, полой утомителенъ, а трудъ невыносимъ. Я не уклоняюсь отъ своего предмета: кто потрудился прочесть предыдущій параграфъ, тотъ пойметъ, почему съ такимъ господиномъ, какъ мистеръ Торнтонъ, я не былъ ни счастливъ, ни доволенъ.

Правда, меня хорошо кормили, хорошо одѣвали и не принуждали много работать ; въ этомъ отношеніи, какъ любилъ хвалиться мой господинъ и въ чемъ впоследствии я самъ убѣдился, мое положеніе было далеко лучше многихъ свободныхъ людей.

Но мнѣ недоставало того, что имѣеть каждый свободный человѣкъ, — а довольно было одного этого лишенія, чтобы сдѣлать меня несчастнымъ: мнѣ недоставало свободы, свободы работать на самого себя, а не на господина; заботиться о собственномъ счастьи, ни-сто того чтобы трудиться для удовольствія и выгодъ другого. Свобода можетъ облегчить самую тяжкую долю. Тотъ мало знаетъ человеческое сердце, кто не убѣдился, что для всякаго, кто сколько-нибудь выше скота, гораздо пріятнѣе голодать и мерзнуть по своей волѣ, чѣмъ быть накормлену, одѣту и работать поневолѣ.

Я былъ несчастенъ, потому что у меня не было предмета для надежды; для разумнаго желанія: я былъ невольникъ и законы не представляли мнѣ возможности освободиться; никакія усилія не могли улучшить моего положенія; никакія усилія въ мірѣ не могли воспрепятствовать, чтобы я быть-можетъ завтра же не попался въ руки такого бессмысленнаго изверга, какииъ могутъ сдѣлать человѣка дурныя страсти и холодное сердце. Будущее представляло для меня возможность однихъ несчастій: я могъ околотъ съ голода и холода, какъ и всякій другой; меня могутъ застрѣлить, заживъ или повѣсить можетъ-быть безъ судьи и суда: улучшить же свое положеніе я не имѣлъ ни возможности, ни надежды. Я былъ колодежникъ на цѣлую жизнь, пока меня кормили и одѣвали, но освободиться изъ тюрьмы мнѣ не представлялось ни малѣйшей возможности, — а очень вѣроятно, что черезъ минуту переменится сторожъ тюрьмы, и подѣ дисциплиной новаго тюремщика я буду терпѣть и холодъ и голодъ и ежедневно дрожать подѣ кнутомъ... Я былъ отрѣзанъ отъ всего, лишонъ всѣхъ тѣхъ надеждъ и желаній, какиа главнымъ образомъ заставляютъ человѣка дѣйствовать. Я не имѣлъ права приобрести самой жалкой лачуги, которую могъ бы назвать своей; я не могъ владѣть ни однимъ акромъ земли, пусть онъ былъ бы самый бесплодный, но былъ бы мой; я не могъ жениться... Бѣдная Кася! Я не могъ быть отцомъ, утѣшать себя сладкой надеждой, что въ старости я могу найти удовольствіе и поддержку въ любви дѣтей и въ чувствіи жены. Моихъ дѣтей могутъ вырвать изъ объятій матери и продать негроторговцу, могутъ и жену продать вмѣстѣ съ ними, и останусь я — старый, одинокій, безутѣшный. Все что даетъ новую

силу рукамъ свободнаго человѣка, все что радуетъ его сердце, не существовало для меня. Я работалъ только потому, что боялся кнута. Недостатокъ доброй воли лишалъ меня силъ, такъ что мнѣ тяжело было поднимать руку. Правда и то, что человѣколюбіе мистера Торнтона или, говоря правильнѣе, его пониманіе собственныхъ выгодъ, предохраняло невольниковъ отъ голода и холода, но въ тоже время подвергало гораздо болѣшимъ страданіямъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ рабство и невѣжество несовсѣмъ еще обратили въ скотовъ.

Еслибы мы были полуголодны и полуодѣты, какъ невольники многихъ сосѣднихъ плантацій, насъ бы возбуждало къ дѣятельности удовольствіе грабежа; мы бы находили какое-нибудь приложение для нашей милоющей способности и какой-нибудь интересъ придумать планы и хитрости съ цѣлью увеличить наше недостаточное удовольствіе помощью воровства.

Но такъ какъ у насъ недостатка не было, то воровство очень рѣдко случалось въ Окландѣ. Побудительныя причины къ нему были слишкомъ незначительны, а рискъ очень великъ, потому что быть открытымъ значило быть проданнымъ. Деньги насъ не привлекали: мы могли бы ихъ тратить на пищу и платье, а этого у насъ было довольно. Виски была единственная роскошь, въ которой мы нуждались, но для этого не было необходимости воровать, потому что мы могли заработать, чтобы купить ее. Мистеръ Торнтонъ давалъ каждому изъ насъ небольшой клочокъ земли, что дѣлалось и у другихъ; но онъ давалъ намъ и время обработать его, чего не дѣлали другіе. Чтобы возбудить наши трудолюбіе, онъ покупалъ все что мы разводили, и платилъ за все по настоящей цѣнѣ, а не по номинальной, какъ дѣлали на другихъ плантаціяхъ. Грустно сказать, но тѣмъ не менше справедливо, что люди мистера Торнтона, какъ и всѣ невольники, имѣющіе возможность и средства къ этому, были вообще пьяницы. Нашъ господинъ очень заботился, чтобы виски не мѣшала намъ работать, и напиться прежде окончанія заданнаго урока считалось очень важнымъ преступленіемъ; но по окончаніи дневной работы невольники могли пить сколько угодно, предполагая все-таки, что это не помѣшаетъ имъ встать завтра съ разсвѣтомъ, а воскресенье было уже настоящей сатурналей.

До сихъ поръ я не имѣлъ привычки пить, теперь же я жадно искалъ всего что могло поддержать мой слабѣющій умъ и дремлющую душу, и скоро нашолъ, что виски удовлетворяетъ сколько-нибудь этой цѣли. Въ восторженномъ состояніи духа, которое возбу-

ждаеть пьянство, въ полномъ забвеніи прошедшаго и настоящаго, въ этомъ минутномъ снвни, которымъ оно вѣнчаетъ будущее, я находилъ наслажденіе, отъ котораго не могъ оторваться, и — встарался возобновлять его. Дѣйствительность была для меня бездѣтна, грустна, ужасна: дѣйствовать мнѣ заирещалось, желаніе было сововано, надежда отиата, я принужденъ былъ искать облегченія въ грезахъ и самозабвеніи. Пьянство, унижающее челоуѣка до свота, возвышаетъ, или кажется что возвышаетъ раба до челоуѣка. Своро оно одвладлоь моимъ единственнымъ удовольствіемъ и я предавался ему до самозабвенія. Каждый день, по только по окончаніи своей работы, я ещѣшилъ запереться съ моей бутылкой. Я напивался въ уединеніи, потомучто, какъ ни любилъ возбужденіе пьянства, не могъ забыть сопровождающее его свотское состояніе и все не хотѣлъ выставлять свое безуміе на показъ товарищамъ. Но навсегда удавалась мнѣ моя предосторожность: напившись до безсмысленства, я забывалъ намѣреніе, принятое въ травомъ видѣ, оводвигагь задвигну и искалъ общества, отъ котораго болве всего желалъ укрыться.

Въ одно воскресенье я детого напился, что окончателно не владѣлъ собою. Вышедши изъ дому, я отправился искать добрыхъ товарищей, чтобы усилить свое восторженное состояніе и продолжить ликованье. Но я ужь не могъ различать предметовъ, и съ трудомъ прошедши нѣсколько шаговъ, упалъ почти безъ чувствъ на пробѣжкѣ дорогѣ, ведущей къ дому м. Торнтонъ. Немного отрезавшись, я собрался съ мыслями и вспомнилъ гдѣ я и нтѣ впродолженіи ерда; тогда я увидѣлъ, что по дорогѣ ѣдутъ мой господинъ съ двумя джентльменами; всѣ они ѣхали верхомъ. Какъ я ни былъ пьянъ, но сейчасъ же увидалъ, что двое друзей м. Торнтонъ находятсѣ въ такомъ же положеніи, какъ и я. Смѣшно было смотрѣть, какъ они покачивались во всѣ стороны на сѣдлахъ; я ожидалъ каждую минуту, что они упадутъ. Всѣ эти наблюденія я дѣлалъ лежа на дорогѣ, и ниразу не подумалъ гдѣ я, и что я подвергаюсь опасности быть переѣханнымъ. Они уже были близко, впримѣ чѣмъ замѣтили меня. Въ это время я уже слыалъ, и имъ пришло въ голову перескочить черезъ меня. Торнтонъ старался всеми мѣрами воспрепятствовать этому, и одного успѣлъ остановить, но другой не далъ ему схватить поводья, и появившись не упустилъ этой забавной режки, пришворилъ лошади и наредпрыгнулъ.

Но лошади не понравилась подобнаго рода скачка: увидѣвши

меня, она бросилась навздъ и пьяный возмникъ покотился на землю. Остальные сѣвшились и бросились къ нему на помощь. Еще не успѣвши подняться, онъ попросилъ Торнтонъ выслушать его и началъ серьезно проповѣдовать о томъ, какъ неприлично позволять невольникамъ паломствовать и валяться по плантаціи, тѣмъ болѣе по дорогамъ, чтобы пугать лошадей и подвергать джентльменовъ опасности свернуть себѣ шею, особенно вамъ, мистеръ Торнтонъ, живущему претеплою быть образцомъ для насъ. Да, сэръ, да! вамъ бы слѣдовало, каждаго изъ этихъ негодяевъ, если онъ осмѣлится навиться, связать его и вѣшеть ему десятка четыре. Такъ я всегда поступаю на своей плантаціи». Мой господинъ такъ любилъ прославлять свой методъ хозяйства и способъ управленія плантаціей, что не всегда разбиралъ, пьяны или трезвы его слушатели. Случай же былъ слишкомъ хорошъ, чтобы его пропустить, — и потирая руки, онъ отвѣчалъ съ улыбкой и особенно выразительнымъ взглядомъ: «Мой любезный сэръ! вы должны знать, что въ мой планъ входитъ также позволить невольникамъ пить сколько они хотятъ, лишь бы это не мѣшало ихъ работѣ. Это предохраняетъ этихъ бѣднягъ отъ дурныхъ дѣлъ.» Онъ остановился на минуту, и въ заключеніе, будто приводя непреложный аргументъ, прибавилъ: «Кромѣ того, если одинъ изъ этихъ пьяницъ взбѣситя и задумаетъ убѣжать, — онъ впервыхъ, нальется пьянъ и слѣдовательно вамъ очень легко поймать его.»

Хотя я находился подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ виски, чтобы могъ сдѣлать какое-нибудь движеніе членами, но ко мнѣ уже настолько возвратилось сознаніе, что я совершенно понималъ все сказанное моимъ господиномъ. Какъ только онъ кончилъ, я, хотя былъ пьянъ, рѣшился не пить болѣе. Я еще не погибъ окончательно, чтобы допустить въ себѣ мысль сдѣлаться орудіемъ собственнаго униженія. Я сдержалъ свое обѣщаніе и съ тѣхъ поръ очень рѣдко дотрогивался до спиртныхъ напитковъ.

XV

Раба, какъ и всякій человекъ, подверженъ всѣмъ случайнымъ несчастіямъ и прихотямъ судьбы, но съ тѣмъ разницей, что первый лющонъ даже утѣшенія бороться противъ нихъ: онъ связанъ по рукамъ и ногамъ, и его страданія увеличиваются плесатеро отъ страш-

мой мысли, что онъ не имѣетъ права помочь себѣ и даже отклониться отъ удара, который занесенъ надъ нимъ. Сознаніе совершеннаго бессилія помочь себѣ есть самое ужасное въ мірѣ; отъ него въ отчаянію одинъ шагъ.

М. Торнтонъ, вслѣдствіе неосторожности и усиленныхъ трудовъ, получилъ лихорадку, которая въ короткое время приняла очень неблагоприятный видъ. За нѣсколько лѣтъ онъ въ первый разъ былъ боленъ. Идѣтіе объ его опасномъ положеніи перепугало и привело въ ужасъ весь Окландъ. Каждое утро и вечеръ мы собирались вкругъ дома, чтобы узнать о здоровьи нашего господина, и съ грустью на лицахъ и отчаяніемъ въ сердцѣ слышали грустные слова: «нѣтъ, не лучше.» Съ женщинами въ Окландѣ обращались съ тѣмъ снисхожденіемъ, котораго требуетъ, хотя часто напрасно, ихъ слабый полъ. Болѣзнь м. Торнтона доказала, сколько признательности таится въ женскомъ сердцѣ и какъ мало нужно, чтобы заслужить самую горячую привязанность: всѣ женщины наперерывъ старались чѣмъ-нибудь облегчить страданія больного; самыя непріятныя обязанности исполнялись съ величайшею готовностью; усердіе и нѣжнѣе ухаживать, какъ ухаживали за м. Торнтономъ, нельзя было. Но бессильны были всѣ эти заботы, вся наша привязанность, наша печаль и опасенія: болѣзнь развивалась все болѣе и болѣе, и казалось черпала новыя силы въ здоровомъ сложеніи больного. Не скоро эти силы истощились и въ десять дней нашего господина не стало...

Когда вѣсть о его смерти дошла до насъ, мы взглянули другъ на друга въ безмолвномъ отчаяніи. Семья безпомощныхъ сиротъ, у которыхъ смерть отняла мать и отнимаетъ отца, не можетъ чувствовать большаго горя! Слезы катились по щекамъ мужчинъ, а женщины испускали дикіе и отчаянныя вопли. Особенно горько рыдала старая корявица м. Торнтонъ и не хотѣла слушать никакихъ утѣшеній. Да и было отчего: по смерти отца Торнтонъ она была продана вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ для удовлетворенія кредиторовъ, но м. Торнтонъ свой первый заработокъ употребилъ на то, чтобы выкупить ее, вручилъ ей все домашнее хозяйство и всегда оказывалъ къ ней особенную привязанность. Старушка любила его какъ родное дитя и оплакивала своего «милаго сына Чарли» (такъ она называла его) какъ только можетъ оплакивать мать единственнаго и послѣдняго ребенка.

Мы всѣ собрались на похороны и проводили до самой могилы нашего господина. Глухой звукъ земли, упавшей на гробъ, отозвалъ

ся въ груди каждаго изъ насъ , и когда этотъ послѣдній грустный обрядъ былъ оконченъ , мы все стояли на томъ же мѣстѣ и плакали. Не сомнѣвайтесь въ искренности нашего горя : мы оплакивали сами себя... М. Торнтонъ никогда не былъ женатъ и не оставилъ дѣтей , которыхъ права признавали бы законы. Если онъ и имѣлъ намѣреніе сдѣлать завѣщаніе , то внезапная смерть помѣшала ему. Все его состояніе перешло къ стаѣ родственниковъ , къ которымъ , какъ мнѣ кажется , онъ не чувствовалъ особеннаго расположенія , по крайней мѣрѣ я никогда не видѣлъ ни одного изъ нихъ въ Окландѣ и не слышалъ отъ другихъ слугъ , чтобы кто-нибудь изъ нихъ когда-нибудь бывалъ здѣсь. Такимъ образомъ мы становились собственною господъ , никогда невидѣвшихъ насъ и которыхъ мы никогда не видѣли. Эти законные наследники были такъ же бѣдны , какъ и многочисленны , и какъ-видно очень желали обратить имѣніе въ деньги , чтобы поскорѣе получить каждому свою часть. Приказъ изъ суда , или какое тамъ слѣдовало законное разрѣшеніе было скоро получено , и продажа невольниковъ назначена въ домѣ судовъ графства. Агентъ , которому было поручено управленіе имѣніемъ , сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Насъ безъ сомнѣнія не сочли нужнымъ уведомить ни о томъ , что будетъ съ плантаціей , ни о томъ , что новые владельцы думаютъ дѣлать съ нами. Все это хранили въ строгой тайнѣ изъ опасенія , чтобы кто-нибудь изъ насъ не убіжалъ.

Наканунѣ дня , назначеннаго для продажи , насъ всѣхъ собрали. На здоровыхъ мужчинъ и женщинъ надѣли кандалы и сковали одного съ другимъ ; немощныхъ сѣдыхъ стариковъ и маленькихъ дѣтей везли въ тележкѣ ; остальныхъ же всѣхъ вмѣстѣ мужчинъ , женщинъ и дѣтей погнали какъ стадо скота. Три человека верхошь , снабженные по обыкновенію длинными кнутами , служили въ тоже время стражами и погонщиками. Я не стану описывать нашихъ страданій : это было только повтореніемъ всѣмъ известной исторіи. Кто не читалъ о торговлѣ неграми на берегу Африки ? Чье сердце не болѣло при описаніи ужаса и отчаянія несчастныхъ жертвъ , отрываемыхъ отъ родины ? Наше положеніе было совершенно то-же. Многие изъ насъ родились и выросли въ Окландѣ , все смотрѣли на него какъ на свой домъ и еще болѣе — какъ на убіжище , гдѣ мы всегда были въ безопасности отъ несправедливыхъ оскорбленій и притѣсненій. Изъ этого дома насъ теперь выгнали , предупредивши и за минуту , и закованныхъ погнали на рынокъ , чтобы продать первому , кто больше дастъ.

Удивительно ли, что намъ не хотѣлось идти? Всюду мы и по доброй волѣ, отправляясь искать счастья, оставляли Окландъ, и тогда мы бы не могли безъ боли въ сердцѣ разорвать всѣ связи, привязывавшія насъ къ Окланду. Какъ же должны были мы страдать, оставляя его такимъ образомъ!.. Но напрасны были слезы мужчинъ, рыданія женщинъ и испуганные крики бѣдныхъ дѣтей. Наши погонщики похлыстывали своими кнутьями, смѣясь надъ нашими рыданиями. Медленно подвигалась печальная процесія, и не одинъ дождь взглядъ брошенъ былъ назадъ. Мы ничего не говорили, и наши грустные размышленія прерывались только проклятіями, криками и громкимъ смѣхомъ нашихъ проводниковъ.

Мы ночевали возлѣ дороги и наши погонщики поочередно караулили насъ. На слѣдующій день мы пришли въ домъ засѣданія суда, и въ назначенный часъ началась продажа. Публики было немного и покупатели повидимому были очень расчетливы.

Здѣсь же находились многіе изъ сосѣдей нашего послѣдняго господина. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что между нами есть много стройныхъ, красивыхъ малыхъ, но онъ самъ побоялся бы купить кого-нибудь изъ работниковъ м. Торнтона, потому что прежній владѣлецъ такъ избаловалъ насъ своей безумной снисходительностью, что довольно одного изъ насъ, чтобы взбунтовать всѣхъ повольниковъ въ околосѣ. Эта рѣчь была принята съ явнымъ одобреніемъ и произвела желаемое дѣйствіе; аукціонеръ выбивался изъ силъ, краснорѣчиво распространяясь о нашемъ цвѣтущемъ здоровьи и сильномъ сложеніи. «А что они избалованы, какъ увѣраетъ этотъ джентльменъ, то добрый кнутъ — прибавилъ онъ — и строгая дисциплина скоро приведутъ ихъ въ должное повиновеніе, а насколько я слышалъ объ управленіи этого джентльмена, то ему ивѣстно и знаетъ купить ихъ.»

Сдержанный смѣхъ пробѣжалъ по собранію при этой выходкѣ аукціонера, но это не оживило торга. Мы пошли за самую умбринную пѣну. Большая часть молодыхъ мужчинъ и женщинъ и значительное количество дѣтей купилъ неготорговецъ, нарочно для этой продажи прѣбывавшій въ городѣ, но за стариковъ трудно было получить какую-нибудь наставку. Кормилица м. Торнтона, бывшая, какъ я сказалъ, домоправительницей и непоследнимъ лицомъ въ Окландѣ, была продана за двадцать долларовъ: ее купилъ одинъ старикъ, извѣстный въ окружности по жестокому обращенію съ своими повольниками. Какъ только пробилъ молотокъ аукціонера, онъ кинулъ

головой, скорчилъ очень выразительную гримасу вродѣ улыбки и сказалъ, что баба кажется уже не въ силахъ владѣть заступомъ, но какъ бы то нибыло, а ужъ одно лѣто она ему проработаетъ. Старуха почти не подымала головы со смерти своего господина, но отъ досады, что ее продали за такую низкую цѣну, она на минуту забыла свою печаль, забыла грустную долю, которая повидимому ее ожидала: обернувшись къ своему покупателю, она сказала съ видомъ оскорбленнаго достоинства, что она моложе и сильнѣе, чѣмъ думаютъ, и начала увѣрять его, что онъ сдѣлалъ самую выгодную покупку, чѣмъ всѣ другіе.

Старикъ засмѣялся и ничего не сказалъ. Легко было угадать его мысль: онъ рѣшился заставить несчастную сдержать свое слово.

Нѣсколько старыхъ, архаичныхъ невольниковъ вовсе не могли быть проданы: они не стоили назначенной цѣны, и никто не хотѣлъ покупать ихъ. Незнаю что сдѣлалось съ ними. Негроторговецъ, купивши большую часть дѣтей, отказался покупать матерей, которыя уже не могли болѣе родить. Разставанье этихъ несчастныхъ матерей съ своими дѣтьми представило еще одну тяжелую, печальную сцену: недавно бѣдныхъ малютокъ лишили родного дома, гдѣ они родились и росли, а теперь отнимали ихъ отъ матерей, которыя ихъ носили и кормили... Крошки протягивали свои ручонки и кричали съ неудержимой силой дѣтскаго отчаянія; матери также рыдали, но онѣ болѣе сдерживали свою печаль. Между этими несчастными была одна старуха — мать, по ея словамъ, пятнадцати дѣтей, изъ которыхъ у нея оставалась одна только дѣвочка лѣтъ десяти или двѣнадцати, всѣ же прочія были проданы и завезены богъ-знаетъ куда. Теперь ей приходилось расстаться съ самымъ младшимъ и послѣднимъ своимъ ребенкомъ. Дѣвочка съ ужасомъ ухватилась за платье матери. Крикъ ребенка, его слезы могли бы тронуть каменное сердце: — новый господинъ оторвалъ его отъ матери и ударилъ кнутомъ, приказывая унять свой «проклятый визгъ». Негроторговецъ, самъ бы съ виду ни походилъ на джентльмена, — въ сущности тотъ же безчеловѣчный извергъ, какимъ былъ на берегахъ Гвинеи.

Окончивши свои покупки, нашъ новый владѣлецъ началъ собираться въ дорогу съ своимъ стадомъ. Онъ былъ однимъ изъ агентовъ торговой фирмы невольниками, главнымъ складочнымъ мѣстомъ которой былъ Вашингтонъ, столица Соединенныхъ Штатовъ и мѣсто обранія федеральнаго правительства. Тула-то онъ намѣренъ былъ доставить и насъ. Всего товара было около сорока головъ, со-

стоялъ онъ почти изъ равнаго количества мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Мы были попарно скованы цѣпью, соединявшею желѣзные кольца на нашихъ шеяхъ, а къ этимъ цѣпямъ была прирѣплена тяжелая цѣпь, которая простиралась отъ одного конца стада до другого. Кромѣ этого правая и лѣвая рука каждой пары тоже были склепаны вмѣстѣ и сквозь эти цѣпи проходила другая длинная цѣвь. Быть-можетъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и наши ошейники съ длинной цѣпью сочлись бы достаточно безопасными; но нашъ новый господинъ слышалъ отъ сосѣдей м. Торнтонъ, бывшихъ на торгу, что мы были шайка преопасныхъ негодяевъ и потому, — сказалъ онъ — счелъ за лучшее не упустить никакой благоразумной предосторожности.

Скоро погнали наше стадо. Нашъ покупщикъ и съ нимъ два или три помощника ѣхали верхомъ по сторонамъ и, какъ обыкновенно, съ кнутами въ рукахъ. Путешествіе было медленно, печально, утомительно. Мы едва двигались; бѣдныхъ дѣтей измучила тяжелая цѣвь и непривычка къ усталости, а всѣ мы ослабли отъ недостатка пищи: нашъ господинъ былъ расчетливъ и издерживалъ на дорогу какъ можно менѣе.

Не стану описывать длиннаго, однообразнаго пути и нашихъ страданій. Довольно сказать, что послѣ нѣсколькихъ дней путешествія мы переправились чрезъ величественную, широкую рѣку. Потомъ и поздно ночью вошли въ столицу Союза. Я бы долженъ сказать — въ будущую столицу, потому что въ то время Вашингтонъ казался только селеніемъ, разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ, перерѣзанномъ пустырями, заросшими кустарникомъ. Но уже тогда была замѣтна будущая метрополія. Громадныя стѣны оконченнаго капитоля, освѣщенныя луннымъ свѣтомъ, обещали быть великолѣпнымъ зданіемъ, свѣтъ сіялъ въ его окнахъ... Быть-можетъ тамъ засѣдалъ тогда конгрессъ? Я съ большимъ волненіемъ смотрѣлъ на это зданіе: «здесь—говорилъ я себѣ—глава великой націи, мѣсто, гдѣ собираются мудрейшіе изъ нея составлять законы для блага цѣлаго общества, справедливые и безпристрастные, законы свободнаго народа и великой демократіи...» На этомъ мѣстѣ моего умственнаго монолога желѣзный ошейникъ коснулся мѣста, гдѣ была собрана имъ кожа; я подпрыгнулъ отъ боли и звукъ цѣпей напомнилъ мнѣ, что эти «справедливые и безпристрастные законы свободнаго народа и великой демократіи не могли спасти миллионы рабовъ отъ безнадежнаго рабства, а хлопанье бичей нашихъ негод-

щиковъ слипкомъ краснорѣчиво говорило, что въ оградѣ этого храма свободы, даже въ самомъ его преддверіи, могло совершаться самое грубое, отвратительное, ненавистное насиліе, боясь ни порицанія, ни наказанія... Какова свобода, избранной столицей которой невольничій рынокъ, — свобода, позволяющая наглой аристократіи неготорговцевъ господствовать въ самомъ дворцѣ ея законодательства!..

Мы прошли улицу, ведущую въ канитолій, и скоро достигли заведенія гг. Севежъ, Бротерсъ и К^о, нашихъ новыхъ владѣльцевъ. Половина акра земля, или около этого, была окружена стѣною футовъ двѣнадцати въ вышину, сверхъ которой было приличное количество остраго желѣза и кусковъ битыхъ бутылокъ. Въ срединѣ ограды стояло низенькое небольшое кирпичное строеніе съ небольшимъ количествомъ узкихъ оконъ съ рѣшотками и толстой дверью, защищенной засовами и замками. Это зданіе служило господамъ Севежъ, Бротерсъ и К^о магазиномъ, куда они складывали невольниковъ, покупаемыхъ въ окрестности; здѣсь сберегался товаръ, пока представлялась возможность перегнать его сухимъ путемъ или переправить на корабль на югъ. Гг. Севежъ, Бротерсъ и К^о имѣли полное право, какъ и всѣ негровладѣльцы, употреблять для этого городскую тюрьму; но она была недовольно велика для тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ они производили свои операціи, а потому они выстроили свою собственную. При ней находился и настоящій тюремщикъ, и вообще тюрьма была какъ тюрьма. Днемъ невольникамъ позволялось быть на дворѣ, но при заходженіи солнца снова заирали всѣхъ вмѣстѣ. Помѣщеніе было очень недостаточно, а число заключенныхъ невольниковъ было очень велико: отъ этого свѣжаго воздуха почти небыло. Въ то время, когда я тамъ сидѣлъ, жаръ и зловоніе часто становились невыносимы и перазъ, выходя утромъ изъ тюрьмы, я чувствовалъ сильную жажду и со мной дѣлалась сильная лихорадка.

Мериландъ и Виргинія приписываютъ себѣ часть труда въ пользу уничтоженія неготорговли въ Аѳрикѣ. Правда, они были очень расположены къ этой мѣрѣ и имѣли свои причины поступать такимъ образомъ: они приобрѣтали славу челоуѣколюбія тѣмъ самымъ, что упорчивало за ними монополию на внутреннюю неготорговлю, которая съ успѣхомъ можетъ выдержать соперничество со всякою неготорговлею, какая когда-нибудь производилась на берегахъ Аѳрики. Они провозгласили торгъ въ Аѳрикѣ разбойничествомъ, а

своей, домашней, процветаетъ внутри ихъ собственной территоріи, какъ законная, справедливая, честная торговля.

Между этими двумя штатами лежитъ Колумбія, въ которой находится городъ Вашингтонъ. По своему положенію и по другимъ обстоятельствамъ онъ сдѣлался центромъ неготорговльскихъ операций; впрочемъ эту честь онъ раздѣляетъ съ Ричмондомъ и Балтиморомъ, главными городами Виргиніи и Мериленда. Въ обоихъ этихъ штатахъ почва истощена отъ той жалкой и непроизводительной обработки, какою обыкновенно господствуетъ тамъ, гдѣ фермы обширны, а работники — невольники. Произведенія здѣсь такія же какъ и въ многихъ другихъ свободныхъ штатахъ къ северу и западу отсюда: Подвергаясь соперничеству свободнаго труда, они съ каждымъ днемъ падаютъ ниже и ниже.

Многіе виргинскіе плантаторы могутъ только вести концы съ концами, продавая ежегодно одного или двухъ невольниковъ. Эта промышленность, известная подъ шуточнымъ но вмѣстѣ съ тѣмъ очень выразительнымъ названіемъ «съѣсть негра», — фраза, достойная гуманности негровладельцевъ, дѣлается съ каждымъ днемъ общепотребительнѣе. Многіе плантаторы отказались уже получать доходы съ разведенія хлѣба и только стараются, чтобы ихъ поля доставляли имъ необходимое содержаніе; всѣ же свои надежды на барышъ заключаютъ въ *воспитаніи* невольниковъ для южныхъ рынковъ: этотъ рынокъ такъ же регулярно снабжается невольниками изъ Виргиніи, какъ мулами и лошадьми изъ Кентуки.

Но неготорговля въ Америкѣ, какъ и въ Африкѣ, приноситъ съ собою кару: населеніе уменьшается само собою и такъ быстро, что при пособіи постоянной эмиграціи огромныя пространства въ южной части Виргиніи совершенно обезлюдѣли и скоро первыя поселенія англо-американцевъ обратятся въ первобытную дикую пустыню. Цѣлыя графства почти совсѣмъ заросли бесполезнымъ, непроходимымъ кустарникомъ и уже заселились снова своими первыми обитателями — сернами и другою дичью.

XVI

Насъ ввели во дворъ чрезъ крѣпкіе ворота съ набитыми железными гвоздями, отперли тяжелый замокъ на дверяхъ тюрьмы и вталкили насъ туда безъ дальнѣйшихъ церемоній. Сквозь узкія рѣшоты

тѣмъ она проглядывалась лучъ луны, но нѣсколько времени я не могъ различать предметовъ, пока наконецъ глаза мои привыкли къ этому слабому освѣщенію, и я увидѣлъ себя среди можетъ-быть сотни мужчинъ и женщинъ; большая часть ихъ были молодые люди отъ восемнадцати до двадцати-пятилѣтняго возраста, тѣснившіеся кучами на голомъ полу.

Многіе изъ нихъ при нашемъ входѣ встали, окружили насъ и стали спрашивать, кто мы и откуда? Они казались радовались всему, что нарушало однообразіе ихъ тюремной жизни. Но, измученные и усталые, мы не были расположены рассказывать и — бросились на полъ. Несмотря на заразительное зловоііе и спертую, удручающую атмосферу, мы скоро заснули глубокимъ сномъ. Сонъ — самое дорогое утѣшеніе несчастныхъ, и въ его милосердіи есть особенный таинство: онъ скорѣе смыкаетъ глаза притѣсненнаго, чѣмъ притѣснителю. Я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь изъ членовъ фирмы Сазежа, Бротерсъ и К^о спалъ такъ крѣпко въ эту ночь, какъ самый несчастный изъ вновь купленныхъ имъ рабовъ.

Насталъ день. Двери тюрьмы отперли и выпустили насъ на дворъ; каждому изъ насъ выдали по скудной порціи хлѣба. Окончивши свой завтракъ, я съѣлъ на землю и началъ наблюдать за тѣмъ, что происходило вокругъ меня. Почти всѣ невольники, кромѣ нѣсколькихъ, собрались группами человѣка по два по три и болѣе; мужчинъ было болѣе, чѣмъ женщинъ, несмотря на то, что послѣднія прибавилось съ нашей партіей. Мужчины очень усердно добивались знакомства съ вновь прибывшими женщинами и постоянно предлагали имъ вступить во временную связь, которая должна была продолжаться, пока обѣ стороны будутъ вмѣстѣ. Многія изъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ уже заключили подобные союзы.

Это удивительно, если такъ можно его назвать, все еще продолжалось, когда высокій молодой человѣкъ съ очень выразительнымъ лицомъ, вытаскивалъ трехструнную скрипку и послѣ нѣсколькихъ прелюдій заигралъ очень веселый мотивъ. Звуки музыки привлекли къ нему многочисленную группу; составились пары и начались танцы. Увлекаемый своей игрой, скрипачъ игралъ все скорѣе и скорѣе, а танцоры среди хохота и восклицаній шумнаго ликованія силились не сбиться съ такта. Такъ люди, лишонные естественныхъ источниковъ радости, стараются замѣнить ихъ искусственнымъ побужденіемъ: очень часто мы поемъ и пляшемъ не потому, что намъ весело, но потому что надѣемся сдѣлаться веселыми, и самая веселость

очень рѣдко бываетъ выраженіемъ и доказательствомъ удовольствія, а гораздо чаще она есть только маска, скрывающая истину и страданіе, глухой отголосокъ наболѣвшаго сердца!..

Но не все общество принимало участіе въ танцахъ: такъ какъ это было въ воскресенье, то нѣкоторые повидимому совѣстились изъ религіозной щекотливости танцовать въ этотъ день, а можетъ-быть и во всякій другой? Болѣе степенная часть общества мало-помалу столпилась въ противоположномъ углу двора; серьезный молодой человекъ, съ красивымъ, умнымъ лицомъ, сталъ на случайно попавшій туда пустой боченокъ, вынулъ изъ кармана книгу священныя гимновъ и началъ одинъ изъ методистскихъ псалмовъ. У него былъ чистый, пріятный голосъ, и пѣлъ онъ очень недурно; скоро присоединились къ нему и другіе, и когда составилъ хоръ, то звуки псалма почти заглушили скрипѣніе скрипки и смѣхъ танцоровъ. Я замѣтилъ также, что многіе изъ танцовавшихъ пристально подглядывали на пѣвцовъ и къ половинѣ псалма многія изъ женщинъ тихонько отошли и присоединились къ той группѣ, которая собралась вокругъ проповѣдника. По окончаніи пѣнія онъ началъ молиться: руки его были сложены и подняты кверху, онъ говорилъ серьезно и съ такимъ природнымъ краснорѣчіемъ и достоинствомъ, какое рѣдко увидишь у настоящаго священника на великолѣпной кафедрѣ. У многихъ слушателей слезы катились по щекамъ, а вздохи и стоны почти покрывали голосъ говорившаго. Очень можетъ-быть, что все это было искусственно, заученно, что въ этомъ было мало искренности; но кажется у многихъ это были невольные, непритворные порывы естественнаго чувства, невольная дань краснорѣчію и усердію говорившаго.

Потомъ слѣдовала проповѣдь. Текстъ былъ выбранъ изъ Іова; проповѣдникъ началъ избитую тему о терпѣніи. Но какъ и всѣ неученые и неначитанные ораторы, онъ скоро удалился отъ своей первоначальной темы и началъ переходить отъ одного предмета къ другому безъ всякой методы и связи; тамъ и сямъ вырывались искры здраваго смысла, но скоро гасли въ потокѣ негѣпостей. Эта была странная смѣсь; но она была произнесена скоро, серьезно и съ такимъ одушевленіемъ, что произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Скоро они пришли въ еще болѣе восторженное состояніе, нежели танцующіе въ противоположномъ углу; кругъ послѣднихъ рѣдѣлъ и рѣдѣлъ; звуки скрипки становились все тише и наконецъ самъ скрипачъ бросилъ свой инструментъ и съ остальными танцо-

рами поспѣшилъ увеличить число слушателей артиста, могущество котораго такъ далеко превосходило его собственное.

Пока шла проповѣдь, стенанія и восклицанія «Господи помилуй!» и «аминь!» раздавались все сильнѣе и чаще, и многіе, побужденные своими чувствами или притворяясь растроганными, попадали въ слезы и кричали, и ревѣли, будто одержимые злымъ духомъ: такъ заразительно дѣйствовало симпатическое могущество этого умственного возбужденія, что я, простой зритель, почувствовалъ сильное желаніе броситься туда же и кричать, и плакать съ другими. Пароксизмъ дошелъ до высшей степени, и проповѣдникъ почти выбылъ изъ силъ отъ неистовой жестикуляціи, когда, топнувши сильнѣе обыкновеннаго ногою, онъ просадилъ дно боченка, и завязнувъ въ немъ ногами, растянулся среди своихъ слушателей. Этотъ несчастный случай обратилъ слезы и вздохи слушателей въ неудержимый смѣхъ, такъ что они вдругъ перешли отъ состоянія торжественнаго религіознаго страха къ оскорбительной и неудержимой веселости; скрипачъ улизнулъ изъ толпы, схватилъ скрипку и затянулъ веселый мотивъ — не помню какой-то пѣсни, въ словахъ которой былъ какой-то намекъ на несчастіе его соперника; танцы возобновились, а проповѣдникъ съ немногими оставшимися вѣрными ему слушателями удалился оскорбленный и обезкураженный; танцоры сдѣлались шутовѣ, а скрипачъ выбивался изъ силъ, пока наконецъ совершенно утомленные танцоры не могли болѣе продолжать.

Я скоро познакомился со многими изъ моихъ тюремныхъ товарищей и вступилъ въ разговоръ. Нѣкоторые изъ нихъ были здѣсь недѣли двѣ, другіе болѣе. Я тотчасъ открылъ, что время своего заключенія они считаютъ праздникомъ въ нѣкоторомъ родѣ: имъ нечего было дѣлать, а для нихъ не работать поневолѣ казалось высочайшимъ счастьемъ; а что до заключенія въ стѣнахъ тюрьмы, то имъ позволялось гулять по двору; — а сидѣть въ четырехъ каменныхъ стѣнахъ такъ же весело, какъ и жить колодникомъ на плантаціи, пенія права переступить извилистыя ея изгороди. Притомъ здѣсь не было управляющаго, который бы мучилъ ихъ. Единственнымъ занятіемъ ихъ было танцовать и спать; немножко недоставало только виски, но подчасъ была и та. Казалось они хотѣли уничтожить всякое воспоминаніе о прошломъ и всякое опасеніе будущаго, и беснечно погрѣться на солнышкѣ настоящаго счастья!..

XVII

Десять или пятнадцать дней прошло съ тѣхъ поръ какъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ, когда господа Севежъ, Бротерсъ и К^о выбрали изъ своего товара грузъ невольниковъ для чарльстонскаго рынка. Я былъ изъ этого числа и меня съ пятнадцатю другими невольниками посадили на бортъ небольшого судна, которое отправлялось въ этотъ портъ. Имя капитана судна было Юнатанъ Осборнъ; онъ былъ житель Бостона, а корабль назывался бригъ «Ту-Селлисъ» и принадлежалъ одному богатому и очень уважаемому купцу.

Жители Сѣверо-Американскихъ Штатовъ великодушно говорятъ противъ рабства и высказываютъ весьма приличное негодованіе къ его ужасамъ; однакожъ, когда африканская негроторговля была позволена, купцы этой страны производили ее; и эти же самые купцы не всегда отказываются употребить свои корабли для внутренней негроторговли, которая неменѣе гнусна и отвратительна.

Государственные люди сѣвера позволили рабство вездѣ, гдѣ конституція нисколько не препятствовала уничтожить его; суды и судьи сѣвера исполняютъ съ буквальною точностью конституціонное обязательство—выдавать южнымъ владѣльцамъ каждую жертву, которая вырвется изъ когтей господина и убѣжить въ «свободные штаты», напрасно надѣясь на покровительство, между тѣмъ какъ весь сѣверъ спокойно смотритъ и безирекословно допускаетъ южныхъ владѣльцевъ нарушать всѣ постановленія той же конституціи — запираетъ въ тюрьму гражданъ сѣвера и предавать ихъ мученіямъ и даже смерти безъ суда и судьи, если только они находятъ, что такая строгость можетъ сколько-нибудь содѣйствовать утверженію негровладѣльческой ихъ тираніи.

Мало этого, многіе изъ сѣверо-американскихъ аристократовъ въ своей ненависти къ демократическому равенству готовы кажется завидовать своимъ южнымъ братьямъ, хотя и прикидываются, что жалѣютъ о ихъ положеніи. И еще сѣверные штаты смѣютъ утверждать, что они не запятнаны рабствомъ! Это ложь и напрасное хвастовство.

Еще до выхода изъ тюрьмы на насъ надѣли кандалы, обыкновенный символъ и эмблема рабства. Дойдя до пристани, насъ втолкнули въ трюмъ корабля, гдѣ было такъ тѣсно, что мы едва могли дви-

гаться; нельзя было ни лечь, ни съесть сколько-нибудь удобно. Скоро послѣ того какъ мы вошли, корабль снялся съ якоря и поплылъ вдоль по рѣкѣ. Разъ или два въ день намъ позволяли выходить на нѣсколько минутъ на палубу, подышать чистымъ воздухомъ, и тотчасъ же отправляли обратно въ трюмъ — нашу тюрьму.

Лейтенантъ казался добрымъ молодымъ человѣкомъ и готовъ былъ по возможности облегчить наше положеніе, но самъ капитанъ былъ настоящій извергъ, достойный ремесла, за которое взялся.

На другой или на третій день нашего путешествія, когда мы, переѣхавши рѣку, стояли въ заливѣ, я очень заболѣлъ: у меня началась горячка; кровь кипѣла въ жилахъ. Солнце уже зашло, люки были закрыты и въ нашей тѣсной тюрьмѣ, въ половину заваленной ящиками и боченками, сдѣлалось невыносимо жарко. Я постучалъ въ палубу и началъ просить воздуха и воды. На караулѣ былъ тогда лейтенантъ. Онъ подошелъ узнать въ чемъ дѣло, тотчасъ приказалъ открыть люки и поднять меня на палубу. Я схватилъ поданную мнѣ чашку съ водой, и теплая, солоноватая вода показала моему лихорадочному вкусу самымъ лучшимъ напиткомъ: я выпилъ ее до дна и попросилъ еще. Но лейтенантъ, вѣроятно опасаясь, чтобы излишнее питье не повредило мнѣ, отказалъ въ этой просьбѣ!.. Мнѣ такъ же необходимъ былъ воздухъ какъ и вода: въ этомъ онъ не отказалъ мнѣ. Лежа на палубѣ, я всѣми порами впитывалъ вечернюю прохладу, когда явился на очередь капитанъ. Какъ только онъ увидѣлъ, что люки открыты и я лежу на палубѣ, онъ бросился къ лейтенанту съ сжатыми кулаками, лицо его исказилось отъ злобы, и онъ сказалъ ему: «какъ вы смѣете, сэръ, открывать люки послѣ захода солнца безъ моего позволенія?»

Лейтенантъ, стараясь оправдаться, началъ говорить, что мнѣ вдругъ сдѣлалось очень дурно и я звалъ къ себѣ на помощь; но не обращая вниманія на его слова, капитанъ бросился ко мнѣ, ударилъ меня ногой и швырнулъ въ трюмъ головою внизъ, прямо на головы моихъ товарищей. Даже невзглянувши, осталась ли цѣла моя шея, онъ приказалъ закрыть и завязать люки. По счастью, я не очень ушибся, но однимъ дюймою выше — и голова бы моя раздробилась о балку...

Выпитая вода и свѣжій воздухъ уменьшили мой жаръ и мнѣ стало лучше.

На слѣдующій день проѣхали Чизапикскій мысъ и вошли въ Атлантическій океанъ; мы быстро подвигались впередъ на юго-за-

падъ , когда началъ дуть сильный вѣтеръ. Качка и прыжки корабля были особенно ужасны для насъ , бѣдныхъ плѣнниковъ , запертыхъ въ темномъ трюмѣ ; при каждомъ ударѣ грома мы ожидали , что корабль разлетится въ дребезги. Буря все усиливалась ; шумъ и толкотня на палубѣ , трескъ снастей , крики матросовъ , звукъ трещащихъ балокъ и разрывавшихся парусовъ еще больше увеличивали нашу ужасъ. Скоро мы почувствовали , что трюмъ наполняется водой и дали знать , что въ корабль течь. Открыли люки , послали насъ на палубу , и снявши оковы , заставили качать помпы. Я не могу сказать , былъ ли вечеръ или утро , потому что вѣтеръ дулъ уже давно , а съ тѣхъ поръ какъ онъ начался , насъ не выпускали на палубу. Впрочемъ еще несовсѣмъ стемнѣло , но кажется лучше былъ бы совершенный мракъ , чѣмъ этотъ неясный страшный полусвѣтъ , который покрывалъ океанъ и только позволялъ намъ видѣть наше положеніе. Громадныя черныя волны съ блѣдно-голубымъ хребтомъ издали казались двигались какъ морскія чудовища , но подходя ближе , они наводили не меньшій ужасъ. Мы то погружались въ страшную бездну между двухъ водныхъ скалъ , которыя съ обѣихъ сторонъ возвышались , черныя и грозныя , готовыя поглотить насъ ; то подымались на самый верхъ высокой волны , откуда кругомъ была видна вся дикая , страшная пустыня мрачнаго и бурнаго океана... Это была ужасная картина для того , кто никогда прежде не видѣлъ моря : почти обезумѣвъ отъ страха , смотрѣлъ я тогда на него и вовсе не думалъ , что свирѣпое , бѣшеное море сдѣлается моимъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ!..

Корабль совершенно погибалъ : фокъ-мачта упала черезъ бортъ и повисла на веревкахъ съ правой стороны , а бригъ шолъ подъ парусомъ средней мачты. Эгихъ терминовъ я никогда до того времени не слышалъ и не скоро послѣ того узналъ ихъ значеніе , но вся эта сцена такъ отчетливо , какъ нарисованная , врѣзалась въ моей памяти.

Несмотря на всѣ наши усилія , течь увеличивалась , и скоро капитанъ увидѣлъ , что корабль не можетъ долѣе держаться на волнахъ , а потому и сдѣлалъ нужныя приготовленія , чтобы его оставить : онъ и его шкиперы вооружились саблями и пистолетами , а двумъ или тремъ матросамъ даны были большіе ножи ; шляпку унесло въ море , но успѣли спасти маленькую лодку , которую и спустили на воду со стороны противоположной вѣтру. Весь экипажъ уже садился въ лодку , прежде чѣмъ мы поняли въ чемъ дѣло , во

увидѣвши, что они оставляютъ корабль, мы какъ бышеные бросились впередъ и потребовали, чтобы и насъ взяли на бортъ. Этого они ожидали и взяли свои мѣры: трое или четверо выстрѣлили въ насъ изъ пистолетовъ, а матросы ранили нѣсколькихъ ножами; между тѣмъ намъ закричали, чтобы мы отошли и что они возьмутъ насъ, какъ только все будетъ готово. Пораженные и испуганные, мы остановились на минуту, не зная что дѣлать. Моряки воспользовались этимъ промежуткомъ, чтобы вскочить въ лодку. «Отчаливай!» закричалъ капитанъ. Матросы ударили веслами и лодка отделилась отъ корабля, прежде чѣмъ мы успѣли опомниться. Увидя, что насъ такъ оставили, мы закричали отчаяннымъ голосомъ, а три или четыре несчастныхъ, повинувшись минутному увлеченію, бросились въ воду, надѣясь достигъ лодки; въ ту же минуту всѣ они исчезли въ бурныхъ волнахъ. Только одинъ изъ нихъ, человекъ геркулесовскаго сложенія, съ послѣднимъ усиліемъ борьбы на-смерть вынырнулъ, былъ отнесенъ волнами далѣе и наконецъ очутился позади лодки. Онъ протянулъ руки и схватился за руль, которымъ правилъ капитанъ; тотъ схватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ голову пловца. Раздался крикъ, покрывшій на минуту шумъ бури, потомъ пловецъ исчезъ и уже больше мы его не видѣли...

Невозможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія объ ужасѣ и суматохѣ, царствовавшихъ на кораблѣ: женщины обезумѣли отъ страха и то плакали, то молились; пять или шесть несчастныхъ были тяжело ранены и лежали на палубѣ, истекая кровью: смерть казалось неслась вмѣстѣ съ бурей и призывала свои жертвы!..

Корабль все еще держался противъ вѣтра, но постоянно заливался волной и повременамъ черпалъ воду, которая покрывала палубу и обливала насъ солеными брызгами. Мнѣ пришло на мысль, что если мы не будемъ качать насосы, то корабль скоро наполнится водой и пойдетъ ко дну. Я позвалъ тѣхъ, которые казалось болѣе сохранили присутствія духа, и старался объяснить имъ наше положеніе; но страхъ дотого ошеломилъ ихъ, что они не хотѣли или не могли понять меня. Я употребилъ послѣднее средство — бросился впередъ и закричалъ: «братцы! качайте насосы, если дорога вамъ жизнь!» Эту фразу повторяли постоянно капитанъ и его помощники, когда они стояли надъ нами и заставляли насъ работать. Бѣдныя созданія инстинктивно повиновались моему повелительному тону; они собрались вокругъ меня и начали работать насосами. Если

это и не принесло особенной пользы, то покрайней-мѣрѣ отвлекло наше вниманіе отъ окружающихъ ужасовъ. Мы работали до тѣхъ поръ, пока одинъ насосъ сломился, а другой засерился и сдѣлался совершенно бесполезнымъ. Между тѣмъ буря унялась и корабль, противъ всѣхъ нашихъ ожиданій, еще держался на волнахъ.

Мало-помалу становилось свѣтлѣе; скоро тучи разошлись и потянулись по небу огромными массами тумана; наконецъ проглянуло солнце, и послѣ долгихъ споровъ о томъ, восходить ли оно, или заходить, мы рѣшили, что теперь должно быть четыре или пять часовъ пополудни.

Женщины, какъ только пришли въ себя послѣ испуга, начали заботиться, какъ могли, о бѣдныхъ раненыхъ страдальцахъ, перевязали имъ раны и перенесли ихъ на заднюю часть палубы. Опаснѣе всѣхъ раненъ былъ одинъ, прострѣленный пулею на-вылетъ. Жена поддерживала его голову на своихъ колѣняхъ и старалась, чтобы качка не увеличивала его страданій. Когда его ранили, она стояла возлѣ, или правильнѣе — бросилась къ нему, и когда онъ упалъ, схватила его въ свои объятія и вынесла изъ свалки. Съ той минуты она какъ-будто забыла весь ужасъ нашего положенія и только заботилась о томъ, чтобы облегчить его страданія. Нѣжная заботливость ея была бесполезна: борьба почти оканчивалась и скоро онъ умеръ у нея на рукахъ... Когда она увидѣла, что онъ уже мертвъ, тогда долго сдерживаемое и подавляемое горе со всей силой вырвалось наружу. Ея подруги собрались вокругъ нея, но бѣдная женщина была далека отъ всякихъ утѣшеній.

Нѣкоторые изъ насъ отважились на поиски и спустились въ бродъ-камеру. Все было болѣе или менѣе повреждено соленой водой, но мы нашли одинъ или два боченка сухарей еще довольно сухихъ, которые доставили намъ великолѣпный обѣдъ.

Мы еще не окончили его, какъ увидѣли, что навстрѣчу намъ идетъ корабль. При его приближеніи мы подняли клочки парусовъ и закричали, прося о помощи; подойдя къ намъ, онъ легъ на дрейфъ и послалъ лодку.

Когда экипажъ взошелъ на нашъ бригъ, всѣ были поражены сценой, которую представляла палуба. Я вышелъ впередъ и объяснилъ офицеру наше положеніе, — что мы составляли грузъ невольниковъ, отправленный изъ Вашингтона въ Чарльстоунъ, что корабль съ грузомъ былъ оставленъ своимъ экипажемъ, но противъ всякаго

ожиданія мы успѣли удержаться на волнахъ , а теперь все насосы изморчены и бригъ опять наполняется водой.

Мичманъ поспѣшилъ на свой корабль и возвратился оттуда съ капитаномъ и плотникомъ. Разсмотрѣвъ все и посоветовавшись между собой, они рѣшили перевести часть своего экипажа на нашъ корабль и ѣхать въ Норфолькъ, куда онъ и отправлялся, такъ какъ это была ближайшая пристань. Плотникъ началъ забивать щели и исправлять насосы. Новый нашъ экипажъ устроилъ фокъ-мачту изъ тѣхъ матерьяловъ, какіе нашлись на нашемъ кораблѣ; скоро привели его въ порядокъ, отдали рифы марсъ-стенги и пустили по вѣтру.

Спасшій насъ корабль назывался «Аретуза», изъ НьюЙорка; капитанъ его былъ Чарльсъ Паркеръ. Опасаясь, что намъ потребуется помощь, они замедлили ходъ своего корабля. Къ ночи мы достигли берега и кормчій вззошелъ на бортъ. На слѣдующее утро мы вступили въ норфолькскую гавань, и едва корабль очутился въ пристани, какъ насъ потащили въ городскую тюрьму и заперли въ ней для безопасности.

XVIII

Мы уже недѣли три пробыли въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ кто-нибудь позаботился сказать намъ, зачѣмъ мы тутъ сидимъ и что будетъ съ нами? Наконецъ мы узнали, что капитанъ Паркеръ и его экипажъ предъявили въ судъ спасенный ими корабль «Ту-Селлисъ» съ грузомъ, и судъ опредѣлилъ предъявленное имущество продать съ публичнаго торга въ пользу собственниковъ и спасителей. Для насъ это была китайская грамота. Я не имѣлъ отвлеченнаго понятія, что значить «предъявлять спасенную собственность», да и другіе, я думаю, понимали не больше моего¹; объяснить же намъ никто не побеспокоился: довольно съ насъ было знать, что мы будемъ проданы.

Такъ какъ меня уже два раза продавали съ публичнаго торга, то эта вещь потеряла для меня прелесть новизны; но мнѣ уже наскучило сидѣть въ тюрьмѣ и какъ я зналъ, что кончится тѣмъ, что меня продадутъ, то я такъ же готовъ былъ теперь покориться своей участи, какъ и во всякое другое время.

Торгъ былъ очень похожъ на все невольничьи торги; одно только обстоятельство было достойно замѣчанія: вмѣстѣ съ другими невольниками продавались и раненые, съ еще незажившими ранами; изъ

четырехъ изъ двое были опасно больны. «Поврежденный товаръ! замѣтилъ аукціонеръ:—я готовъ уступить его даже въ убытокъ себѣ.» Четверо шли за одну штуку, «какъ поломаныя жаровни, сказалъ одинъ изъ зрителей:—но что касается до меня, я не люблю промышлять побитыми жаровнями, ранеными неграми и больными лошадьми.» Одному изъ присутствовавшихъ здѣсь медику совѣтовали купить ихъ: «если они умрутъ, то для другого пропадутъ безъ пользы, а для васъ и трупы могутъ пригодиться!» И много такихъ же блестящихъ и остроумныхъ шутокъ сказано было посетителями, и всѣ принимали эти шутки съ веселымъ смѣхомъ; только немного неладилъ этотъ смѣхъ съ грустными, изнуренными лицами и тяжелыми стонами раненыхъ, перенесенныхъ сюда на небольшихъ носилкахъ и теперь лежавшихъ на землѣ, какъ живыя изображенія скорби и болѣзни!..

Общее шутовское расположеніе достигло высшей степени, когда его неожиданно нарушилъ высокій, красивый господинъ, по лицу и манерамъ гораздо болѣе походившій на джентльмена, чѣмъ большая часть присутствовавшихъ. Онъ серьезно и даже строго замѣтилъ, что по его мнѣнію человекъ, котораго продаютъ на смертной постелѣ, не можетъ возбуждать смѣха; сейчасъ же набавилъ цѣну, гораздо выше той, которую давали другіе, и аукціонеръ пробилъ ихъ за нимъ. Я надѣялся, что этотъ джентльменъ купитъ и меня, но сдѣлавши нѣкоторыя распоряженія насчетъ переноски раненыхъ, онъ оставилъ мѣсто продажи. Можетъ-быть мнѣ нечего жалѣть: этотъ джентльменъ, несмотря на то, что я сказалъ, могъ поступить такимъ образомъ, какъ сдѣлала бы и сотня негровладѣльцевъ подъ впечатлѣніемъ минутнаго человѣколюбія! Правда, оно возбудило въ немъ отвращеніе къ звѣрству остального общества; но по всей вѣроятности это человѣколюбіе дѣйствовало не такъ сильно и продолжительно, чтобы заставить его обращаться съ своими невольниками лучше своихъ сосѣдей. У каждаго случаются такіе временныя припадки доброты и человѣколюбія, но они не могутъ служить никакой гарантіей противъ привычки нарушать всѣ права и пренебрегать всѣми чувствами тѣхъ, которые не могутъ ни сами защищать себя, ни искать защиты у законовъ или общественнаго мнѣнія!..

Я былъ купленъ агентомъ мистера Джемса Карльтона изъ Карльтонъ-Галла, въ одномъ изъ графствъ сѣверной Каролины, и тотчасъ же отправленъ съ двумя или тремя товарищами на плантацію нашего новаго господина.

Послѣ четырехъ или пятидневнаго пути мы достигли Карльтонъ-Галла. Это былъ обыкновенный домъ, похожій на всѣ дома американскихъ плантаторовъ, не представлявшій ни врасоты, ни удобства. Надомомъ отъ него находились помѣщенія для невольниковъ, — нѣсколько разрушенныхъ избъ, расположенныхъ безпорядочно кучей и почти совсѣмъ закрытыхъ растущимъ вокругъ бурьяномъ.

Скоро послѣ пріѣзда насъ позвали къ новому гоеподину. Разсмотрѣвши каждаго поочередно, онъ спросилъ о нашихъ способностяхъ, и узнавши, что меня воспитывали для лакейской должности, сказалъ, что ему нравятся мои манеры и наружность, а потому онъ оставляетъ меня при домѣ на мѣсто своего камердинера Джона, который такъ распился, что нужно было отправить его въ поле.

Мнѣ очень понравилось это распоряженіе, потому что вообще домашнимъ слугамъ гораздо лучше, чѣмъ полевымъ работникамъ. Первыхъ лучше кормятъ, лучше одѣваютъ, а работа ихъ несравненно легче. Имъ ужъ навѣрно попадутъ крохи съ господскаго стола, и какъ лохмотья и грязь оскорбляли бы взоры гостей и хозяевъ, то слуги въ домѣ и одѣты прилично, хотя правда не для нихъ, а для удовлетворенія тщеславію своихъ владѣтелей. Такъ какъ въ хвастовства домъ полонъ прислуги, то работа, раздѣленная на столько рукъ, очень легка. Достаточная пища и приличное платье заслуживаютъ конечно вниманія; но есть обстоятельство другого рода, которое преимущественно дѣлаетъ положеніе домашней прислуги гораздо сноснѣе положенія невольника въ полѣ: люди, особенно женщины и дѣти, не могутъ долго имѣть кого-нибудь возлѣ себя — собаку, кошку и даже невольника, и не привязаться къ нему, и не заботиться о немъ; такимъ образомъ случается, что невольникъ въ семействѣ дѣлается любимымъ слугою и наконецъ къ нему чувствуютъ что-то похожее на семейную привязанность.

Съ этой точки зрѣнія, и единственно съ этой, рабство можно представить сноснымъ; и только упорно останавливая свой взглядъ на такихъ рѣдкихъ случаяхъ и закрывая глаза для всѣхъ ужасовъ и несообразностей рабства, нѣкоторые смѣлые софисты имѣли дерзость пѣть ему панегирикъ. Но и это лучшее положеніе невольника, то-есть положеніе домашняго слуги, часто становится невыносимымъ для всякаго терпѣнія: если есть ласковые господа и добрыя барыни, то еще чаще случается, что господинъ — прихотливый деспотъ, а жена — вѣчно недовольна и ворчлива. Бѣдный неволь-

никъ внезапно подвергается грубымъ упрекамъ, брани, придираньямъ, грозящимъ кончиться пыткой кнута; да они и сами по себѣ для человека съ умомъ и чувствомъ становятся мучительнѣе самаго кнута, — и все это безъ всякой надежды на возможность забавовин! И господинъ и госпожа поддаются, нисколько нестысясь, своему дурному расположенію. Имъ нечего бояться «предостереженій»: невольникъ — ихъ, и они могутъ обращаться съ нимъ какъ угодно; самъ себѣ помочь онъ не можетъ, и нѣтъ никого другого, кто бы помогъ ему...

Мистеръ Карльтонъ, хотя у него большею частью были одни и тѣже понятія, какъ и у его братьевъ-плантаторовъ, рѣзко отличался отъ нихъ въ одномъ отношеніи: онъ былъ ревностный пресвитеріанецъ и горячо стоялъ за религію. Но еслибы кто-нибудь сказалъ ему, что держать людей въ работѣ есть самое большое преступленіе противъ религіи и нравственности, что бы онъ отвѣчалъ? Признало ли бы его сердце ту истину, которая такъ близка ко всѣмъ лучшимъ чувствамъ и великодушнымъ движеніямъ человеческой души? Я боюсь, что нѣтъ; боюсь, что онъ отвѣчалъ бы, какъ и тѣ изъ его братьевъ-негровладельцевъ, которые не имѣютъ особенныхъ претензій на благочестіе. Съ тайнымъ сознаніемъ своей виновности, но съ твердой рѣшимостью никогда не признаваться въ ней, онъ вышелъ бы изъ себя и заговорилъ о «священныхъ правахъ собственности» (по мнѣнію негровладельца они священнѣе правъ свободы и правосудія) и началъ бы ораторствовать о томъ, какая наглость вышниваться въ чужія дѣла!

Я уже сказалъ, что мистеръ Карльтонъ, хотя былъ ревностный пресвитеріанецъ, раздѣлялъ многія чувства и понятія своихъ братьевъ-плантаторовъ. Отъ этого происходило то, что его характеръ, разговоръ и поступки были наполнены страшными противорѣчійми и постоянно представляли страшное, несообразное соединеніе «бретѣра» и пуританина. Я употребляю слово «бретеръ» за неимѣніемъ лучшаго, непринимая его въ самомъ грязномъ смыслѣ, но желая выразить тотъ духъ хвастовства, ту любовь къ насилию и расположеніе оканчивать всякій споръ пистолетнымъ выстрѣломъ, которое такъ часто, и можно-сказать вообще встрѣчается въ южно-американскихъ штатахъ: мистеръ Карльтонъ, несмотря на свою набожность, такъ хладнокровно говорилъ объ убійствѣ, какъ-будто убивать людей было его профессіей!

Имѣя честь служить за столомъ мистера Карльтона и слушать

съ удовольствіемъ и пользою для себя его ежедневный разговоръ, я скоро понялъ его характеръ, по крайней-мѣрѣ настолько, насколько было возможно человѣку понять такой непостоянный характеръ. Въ домѣ у него всѣ вмѣстѣ молились ажуратно утромъ и вечеромъ; онъ, стоя на колѣняхъ, молился долго и усердно въ особенноти о всеобщемъ распространеніи евангелія и еще съ большимъ жаромъ о томъ, чтобы всѣ люди, какъ дѣти одного Бога, стали скорѣе дѣтьми одной вѣры. А между тѣмъ не только его невольники никогда не приглашались участвовать въ этой семейной молитвѣ, но къ ней не допускались даже домашніе слуги; дверь была заперта, и въ ту самую минуту, когда благочестивый мистеръ Карльтонъ клялся, что склоняется во прахъ передъ творцомъ, онъ такъ живо чувствовалъ свое превосходство, что даже своимъ домашнимъ слугамъ не позволялъ молиться вмѣстѣ съ нимъ!

Но несмотря на все это, мистеръ Карльтонъ очевидно принималъ очень близко къ сердцу дѣло религіи и готовъ былъ жертвовать для нея всѣмъ, даже и собой. Въ этой сторонѣ было очень мало духовныхъ, и религиозное рвеніе часто побуждало мистера Карльтона пополнять этотъ недостатокъ собственными проповѣдями. Въ самомъ дѣлѣ не проходило ни одного воскресенья, въ которое не отправлялся бы онъ куда-нибудь по сосѣдству. На пространствѣ десяти миль отъ Карльтонъ-Галля въ разныхъ направленіяхъ было три церкви, жалкія, разрушенныя небольшія зданія, болѣе похожія на пустыя амбары, чѣмъ на храмы: всѣ ихъ мистеръ Карльтонъ постарался поправить большею частью на свой счетъ, и въ каждой поврежденнѣ говорилъ проповѣди. Но впрочемъ онъ вовсе не считалъ, что для проповѣди непременно необходима церковь: очень часто онъ собиралъ митингъ — лѣтомъ въ какомъ-нибудь тѣнистомъ лѣсу или возлѣ прохладнаго источника, а зимою въ собственномъ домѣ или у своихъ сосѣдей. Онъ всегда былъ увѣренъ, что слушателей найдется довольно: эта страна была мало населена, удовольствій представлялось очень немного, и потому всѣ рады были какому-нибудь случаю собраться вмѣстѣ, мало заботясь о томъ, будетъ ли причиной собранія оргія или проповѣдь. Кромѣ этого мистеръ Карльтонъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ очень пріятно, и его торжественныя манеры были хорошо рассчитаны, чтобы привлечь слушателей.

Значительную часть его слушателей составляли негры: онъ не считалъ нужнымъ позволять имъ участвовать въ своей семейной

молитвъ, но вовсе не противился тому, чтобы они увеличивали его аудиторию и придавали бы блескъ его публичнымъ проповѣдямъ, и даже въ концѣ своей рѣчи удостоивалъ сказать нѣсколько словъ собственно на ихъ счетъ. Въ этомъ мѣстѣ замѣчательно измѣнилась его проповѣдь: названіе «дорогіе братья», безпрестанно повторяемое въ первой части, вдругъ прекращалось: проповѣдникъ принималъ снисходительно-покровительственный тонъ, и коротко и сухо извѣщалъ тѣхъ изъ своихъ слушателей, «которыхъ Богъ назначилъ быть рабами», что ихъ единственная надежда на спасеніе заключается въ терпѣніи, послушаніи, омирѣніи, прилежаніи и покорности; потомъ строго предостерегалъ ихъ отъ воровства и лжи, «грѣховъ, которыми они легко поддаются»; довольно долго останавливался на великомъ преступленіи и безуміи — быть недовольнымъ своимъ положеніемъ... Всѣ негровладѣльцы громко выражали свое сочувствіе этому ученію, вполне приспособленному къ проповѣдямъ для невольниковъ; тѣ же принимали его съ наружной покорностью, хотя и отвергали въ сердцѣ.

Неудивительно послѣ этого, что большая часть обращенныхъ мистеромъ Карльтономъ невольниковъ были лицемѣры, для которыхъ религія служила только прикрытіемъ ихъ плутовства. Дѣйствительно очень справедливо было замѣчаніе одного изъ сосѣдей мистера Карльтона, что большая часть невольниковъ въ этой сторонѣ не имѣла никакой религіи, а кто имѣлъ претензію на религіозность, былъ еще хуже другихъ. Могло ли быть иначе, когда подъ именемъ религіи имъ проповѣдовали ученіе утонченнаго насиія, — ученіе, которое не довольствуется человѣческими жертвами только временамъ, но требуетъ постояннаго принесенія въ жертву цѣлой половины общества?..

Какъ ни мало невольники сочувствовали ученію мистера Карльтона, которое инстинктивно отвергало ихъ сердце, но они очень любили слушать его проповѣди: онѣ сколько-нибудь нарушали вѣчное однообразіе ихъ жизни и доставляли случай собраться вмѣстѣ и повеселиться послѣ митинга. По моему мнѣнію эти-то удовольствія, которыя онѣ доставляли слугамъ, были самымъ лучшимъ результатомъ трудовъ мистера Карльтона, но многіе джентльмены, опасавшіеся каждаго собранія невольниковъ, какъ источника неудовольствій и заговоровъ, очень серьезно осуждали эти митинги подъ лицемѣрнымъ предлогомъ, что они даютъ поводъ нарушать святость воскресенья.

XIX

Я скоро узналъ, что вѣрнѣйшее средство заслужить милость мистера Карльтона — восхищаться его проповѣдями и набожно слушать тѣ изъ нихъ, къ которымъ допускались невольники. Не было человека менѣе меня расположеннаго лицемѣрить, но хитрость и обманъ — единственныя орудія раба; а я давно уже научился всѣмъ возможнымъ уловкамъ, которыя хотя презиралъ, но часто находилъ очень полезными.

Теперь же выпалъ случай приложить мое искусство, и я сумѣлъ такъ подольститься къ моему господину, что скоро заслужилъ его благоволеніе, а въ непродолжительномъ времени занялъ по формѣ обязанность довѣреннаго слуги. Это званіе пользовалось большимъ почетомъ, такъ что послѣ управляющаго я былъ главнымъ лицомъ въ домѣ. Моя обязанность была спеціально служить моему господину, сопровождать его на митинги, нести за нимъ библію и плащъ и заботиться о его лошади. Между прочими достоинствами, мистеръ Карльтонъ былъ знатокъ въ лошадяхъ и не любилъ довѣрять ихъ небрежнымъ и неискуснымъ гroomsъ своихъ сосѣдей.

Скоро мистеръ Карльтонъ узналъ, что я хорошо читаю и пишу: я самъ выдалъ тайну, которую рѣшился было сохранить. Сначала это ему кажется не понравилось, но какъ онъ не могъ же разучить меня, то рѣшился употребить на что-нибудь мои познанія. Ему нужно было много писать, и онъ засадилъ меня переписывать. Въ качествѣ секретаря меня часто призывали написать билеты невольникамъ, когда господинъ былъ занятъ. Это еще болѣе возвысило мое значеніе, и товарищи начали смотрѣть на меня какъ на второе лицо послѣ барина (master).

Мистеръ Карльтонъ отъ природы былъ добръ и человеколюбивъ, хотя и у него случались внезапныя припадки нетерпѣнія и придирчивости довольно непріятныя, но если къ нему умѣли подладиться, то они скоро проходили, и онъ, какъ бы упрекая себя за эти вспышки, становился послѣ нихъ ласковѣе и снисходительнѣе, чѣмъ обыкновенно. Я скоро научился ладить съ нимъ, и съ каждымъ днемъ болѣе заслуживалъ его расположеніе.

У меня было много свободнаго времени и я нашолъ средство употреблять его съ пользою и удовольствіемъ. У мистера Карльтона

было такое собраніе книгъ , какія очень рѣдко бываютъ у плантаторовъ сѣверной Каролины: библіотека его заключала двѣсти или триста томовъ. Она служила предметомъ удивленія для всей окрестности и немало способствовала къ прославленію ея владѣльца ученымъ и образованнымъ человѣкомъ. По званію довѣреннаго слуги я имѣлъ къ ней свободный доступъ. Большая часть книгъ была богословскаго содержанія, но нѣкоторыя были и другія, и я имѣлъ случай, и то украдкой (я старался, чтобы у меня не увидѣли другой книги кромѣ библіи), удовлетворить ту жажду познаній, которую чувствовалъ съ дѣтства и которую еще не совершенно заглушили всѣ униженія рабства. Взявши все во вниманіе, я находилъ, что со времени смерти моего перваго господина я еще никогда не былъ въ болѣе пріятномъ положеніи, чѣмъ теперь. Я желалъ бы, столько же для него какъ и для нихъ, чтобы и со всѣми невольниками мистера Карльтона обращались такъ же хорошо какъ и со мной. Домашней прислугѣ въ самомъ дѣлѣ неначно было пожаловаться, кромѣ правда неизбѣжныхъ золъ рабскаго состоянія, которыхъ не можетъ уничтожить никакая кротость и снисходительность господина. Но работники на плантаціи — ихъ было человѣкъ пятьдесятъ — находились совершенно въ другомъ положеніи. Мистеръ Карльтонъ, какъ и большая часть американскихъ плантаторовъ, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній въ земледѣліи и никакой къ нему охоты; онъ никогда не обращалъ вниманія на дѣла своей плантаціи. Молодость его прошла въ шумныхъ удовольствіяхъ, а обратившись на истинный путь, онъ сталъ заниматься одной религіей.

Слѣдовательно всѣ дѣла плантаціи и все, что относилось до нея, находилось въ рукахъ управителя; а это былъ человѣкъ умный, хитрый, ловкій, хорошо знакомый съ дѣлами, но строгій, взыскательный и если правда, что говорили о немъ — не очень честный. Мистеръ Варнеръ (такъ назывался управляющій) договорился на условіяхъ, которыя очень часто встрѣчаются въ Виргиніи и Каролинѣ, какъ ни разорительны они для плантатора и плантаціи: вмѣсто жалованья деньгами управляющій беретъ извѣстную часть продуктовъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ обильнѣе жатва, тѣмъ для него будетъ выгодиѣе, и чтобы достигъ этого, онъ неразбирая употребляетъ всевозможныя средства. Какая ему нужда, что земля будетъ истощена, а невольники изнурены тяжелой, безумной работой? Ни земля, ни работники — не его; если въ десять или двѣнадцать лѣтъ, которыя онъ пробудетъ въ Карльтонъ-Галлѣ, онъ выжметъ

изъ нихъ всю стоимость, барышъ будетъ его, а убытокъ владѣльца. Эта-то желанная цѣль была повидимому близка: земля въ Карльтонъ-Галлѣ никогда, по всей вѣроятности, не обрабатывалась съ толкомъ; но мистеръ Варнеръ довелъ процессъ истощенія до послѣдней крайности. Поле за полемъ «отбрасывалось», какъ это обыкновенно называется, т. е. не огораживалось, оставлялось безъ обработки и заростало дрикомъ и кустарниками; весь сосѣдній скотъ рылся въ немъ. Каждый годъ разрабатывалось новое поле, подвергалось тому же процессу истощенія, который уничтожилъ первыя, такъ что наконецъ на всей плантаціи не осталось вовсе плодородной земли.

Тогда мистеръ Варнеръ сталъ поговаривать о прекращеніи своихъ условій, и только по усиленной просьбѣ мистера Карльтона и послѣ значительнаго увеличенія пропорціи уменьшившихся продуктовъ, согласился остаться еще на годъ.

Но не одна земля пострадала. Невольники подвергались той же изнурительной системѣ, и благодаря ужасной работѣ, недостаточной пищѣ и беспорядочной, прихотливой строгости, сдѣлались больны, безсильны, недовольны; всегда было человекъ два-три, а иногда и гораздо болѣе, въ бѣгахъ; они скитались по лѣсамъ, а отъ этого происходили новые беспорядки и усиленная строгость.

Мистеръ Карльтонъ приказалъ, чтобы его невольникамъ непременно выдавалась извѣстная порція маиса и особенно говядины, что считается особенной щедростью въ этой части свѣта. Я думаю, что еслибы и справедливо раздавалась эта провизія, то самый здоровый человекъ получилъ бы половину того количества мяса, которое съѣдала младшая дочь мистера Карльтона, дѣвочка лѣтъ десяти или двѣнадцати; но, если можно вѣрить невольникамъ, ни вѣсы, ни мѣра мистера Варнера не отличались точностью, и все что онъ успѣвалъ украсть изъ ихъ недѣльной порціи, шло на увеличеніе его части съ доходовъ имѣнія.

Разъ или два доходили жалобы на это къ мистеру Карльтону; но онъ, неудостоивши разобрать ихъ, рѣшилъ, что не стоитъ обращать на нихъ вниманія: «Мистеръ Варнеръ честный человекъ и христіанинъ, — говорилъ онъ всегда — а эти скандальныя исторіи выдумываютъ по злобѣ; обыкновенно же невольники недовольны тѣмъ, кто заставляетъ ихъ исполнять свою обязанность.» Можетъ-быть и такъ! Положительно отвергать этого я не могу. Но знаю, что его обвиняли въ недобросовѣстности не одни невольники нашей

плантаціи, но слухи объ этомъ ходили и у сосѣдей; и если мистеръ Варнеръ не былъ мошенникомъ, то мистеръ Карльтонъ своимъ безграничнымъ и безразсуднымъ довѣріемъ сдѣлалъ все, чтобы онъ сталъ мошенникомъ.

Обманывали невольниковъ или нѣтъ насчетъ провизіи, но неоспоримо то, что ихъ изнуряли работой и жестоко обращались съ ними. Мистеръ Карльтонъ всегда привималъ сторону своего управителя и обыкновенно говорилъ, что на плантаціи часто нельзя обойтись безъ кнута и что строгость необходима; но какъ сердце у него было доброе, то видѣть примѣры подобной строгости ему было очень непріятно. Впрочемъ онъ часто не бывалъ дома, и потому большею частью не зналъ что тамъ происходило, а когда бывалъ, то заботливый управитель щадилъ его чувствительность, отдавалъ очень строгія приказанія, подтверждая ихъ безпощадной жестокостью, чтобы никто не смѣлъ бѣгать въ господскій домъ съ рассказами о томъ, что дѣлается на плантаціи. Благодаря такому остроумному, впрочемъ очень обыкновенному средству, мистеръ Варнеръ могъ распоряжаться какъ ему угодно. И дѣйствительно мистеръ Карльтонъ имѣлъ на своей плантаціи такъ же мало власти, какъ и на всякой чужой, и такъ же мало зналъ ее.

Въ молодости мой господинъ любилъ держать пари на скачкахъ, проигрывалъ въ карты и вообще сорилъ деньгами самымъ безумнымъ образомъ; вдавшись въ религіозность, онъ прекратилъ это, но началъ дѣлать другіе расходы: онъ употреблялъ ежегодно значительную сумму на покупку библій, поправку церквей и другіе благочестивые предметы. Доходы его нѣсколько лѣтъ уже все уменьшались, а расходы шли одни и тѣже; естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что онъ значительно задолжалъ. Между тѣмъ какъ управляющій становился богаче, господинъ все бѣднѣлъ, — и люди и земля были заложены, и полиція уже начала безпокоить мистера Карльтона. Но эти непріятности не заставили его прекратить своимъ умственнымъ занятіямъ, а напротивъ, онъ сталъ заниматься еще прилежнѣе.

Прошло шесть или семь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ я жилъ у мистера Карльтона и пользовался его совершеннымъ расположеніемъ. Въ одно воскресенье, утромъ мы повѣхали миль за десять въ одно мѣсто, гдѣ еще мистеръ Карльтонъ ниразу не щегольничалъ съ тѣхъ поръ какъ я жилъ у него. Митингъ былъ назначенъ на открытомъ воздухѣ; мѣсто для этого было выбрано очень удобное и

красивое : хорошенькій холмъ , покрытый кое-гдѣ разбросанными старыми вѣтвистыми дубами, длинныя вѣтки которыхъ давали тѣнь, а внизу не было ни кустарниковъ , ни какой другой растительности, кромя очень густого дерна, какой часто встрѣчается въ этой сторонѣ. На самой вершинѣ этого холма было поставлено нѣсколько грубыхъ скамеекъ , а возлѣ одного изъ самыхъ большихъ деревьевъ укрѣплена грубая маленькая площадка, на которой стояли одинъ или два стула; площадка представляла кажется кафедру.

У подножія холма стоялъ цѣлый эскадронъ лошадей и десять или двѣнадцать экипажей; скамьи были уже заняты многочисленной публикой ; негровъ было еще болѣе чѣмъ бѣлыхъ слушателей ; они стояли группами и многіе были хорошо одѣты и имѣли очень приличную наружность , но много было и грязныхъ , оборванныхъ , а на толпѣ полувзрослыхъ дѣтей , пришедшихъ изъ сосѣднихъ плантацій , не было ни одного лоскутка для прикрытія своей наготы.

Моему господину кажется очень польстило такое количество слушателей. Онъ спѣшилъ у подножія горы, если можно такъ назвать это возвышеніе, и отдалъ мнѣ свою лошадь. Отыскавъ удобное мѣсто, гдѣ можно было привязать лошадей, я, зная, что служба еще не сейчасъ начнется, бродилъ между народомъ , разсматривая экипажи и публику. Въ это время подѣхалъ блестящій экипажъ. Онъ остановился ; слуга соскочилъ съ занятокъ , открылъ дверцы и опустилъ подножку. На задней скамьѣ сидѣли двѣ дамы , одна пожилая и другая лѣтъ восемнадцати или двадцати ; на передней тоже сидѣла женщина , но я не могъ разсмотрѣть ее и принялъ за горничную. Тутъ что-то отвлекло мое вниманіе отъ нихъ. Но когда я снова взглянулъ въ эту сторону, двѣ дамы выходили на холмъ , а горничная была внизу и вынимала что-то изъ экипажа, стоя спиной ко мнѣ. Черезъ минуту она обернулась , и я узналъ ее : это была Касси... это была моя жена ! Я бросился къ ней и схватилъ ее въ свои объятія. Она въ ту же минуту узнала меня. Раздался крикъ радостнаго удивленія и она упала бы, еслибы я не поддержалъ ее.

Придя въ себя , Касси вспомнила , что ей нужно отнести своей госпожѣ вѣрѣ , за которымъ ее посылали, и просила пустить ее и обождать ее, потому что она тотчасъ же возвратится; если только ей позволятъ. Она взвѣжала на холмъ и подошла къ своей госпожѣ. Я могъ видѣть по ея жестамъ , съ какимъ жаромъ она просила. Ей позволили, и черезъ минуту она была возлѣ меня. Снова прижималъ я Касси къ своему сердцу, снова отвѣчала она на мои поцѣлуи .. Еще

разъ узналъ я что такое быть счастливымъ!.. Я взялъ ее за руку и повелъ въ небольшой лѣсокъ по другую сторону дороги. Это была густая роща изъ молодыхъ деревьевъ, гдѣ насъ никто не могъ видѣть. Мы сѣли на упавшее дерево; я сжималъ въ своихъ рукахъ ручки Касси и мы засыпали другъ друга вопросами...

Какъ только прошло первое волненіе неожиданной встрѣчи, Касси потребовала у меня подробнаго разсказа о всемъ, что было со мною со времени нашей разлуки. Какъ горѣли ея глаза, какъ тяжело подымалась грудь, когда она меня слушала! Каждое грустное событіе моей жизни вызывало у нея слезы, которыя катились одна за другой по ея щекамъ, то блѣднѣвшимъ, то покрывавшимся яркой краской. Но если только я вспоминалъ что-нибудь болѣе утѣшительное, какая нѣжная, симпатичная улыбка показывалась на ея губахъ и вливала новую жизнь въ мою душу! Если вы любили, какъ я любилъ, если вы расставались, какъ мы было расстались безъ всякой надежды когда-нибудь встрѣтиться, если вы встрѣтились по волѣ случая или провидѣнія, — вы поймете тогда, и только тогда, какія чувства волновали мое сердце въ то время, когда я сжималъ руку Касси и чувствовалъ ея присутствіе; какъ согрѣвало мое сердце сочувствіемъ любимой женщины, — жены моей! Она была такъ же дорога для меня, невольника, жена-невольница, какъ можетъ быть дорога жена для самаго гордаго изъ васъ, свободные люди!..

Когда я окончилъ свой разсказъ, Касси снова прижалась къ груди моей, называя меня своимъ мужемъ; слезы, но слезы радости, покрывали ея щеки... Вдругъ она замолчала и задумалась, какъ будто сомнѣваясь въ томъ, не обманчивый ли сонъ все что она слышала, и то что мужъ возлѣ нея, и наша неожиданная встрѣча?.. Но одинъ или два поцѣлуя заставили ее очнуться и понять, что я такъ же нетерпѣливо хочу слышать ея разсказъ, какъ и она мой.

XX

Бѣдное дитя казалось съ величайшимъ отвращеніемъ, вспомнила ужасный день, разлучившій насъ, какъ мы думали тогда, на встрѣчи: она колебалась, краснѣла, и какъ-будто нехотѣла начинать говорить о томъ, что послѣдовало за нашей разлукой. Мнѣ стало жаль ее, и какъ ни велико было мое любопытство, — если только можно такъ назвать это чувство, — я почти желалъ, чтобы она прошла молча.

нѣмъ этотъ промежутокъ: меня давило мучительное сомнѣнiе и ожиданiе чего-то ужаснаго, я почти боялся ея словъ. Но Касси скрыла лицо свое у меня на груди, прошептала задыхаясь отъ слезъ: « мужъ мой долженъ знать это ! » и начала свой расказъ.

Омертвѣвшая отъ страха и ужаса, Касси при первомъ ударѣ полковника Мура упала безъ чувствъ на землю. Очнулась она уже въ постелѣ въ какой-то комнатѣ, которой прѣжде никогда не видѣла; она встала съ постели съ величайшимъ усиленiемъ, потому что раны едва позволяли ей двигаться. Комната была очень мило убрана; возлѣ постели висѣли чистыя, изящныя занавѣски, въ углу стоялъ туалетъ и комната вообще имѣла все принадлежности дамской спальни, но въ Спрингъ-Мидоу не было ни одной комнаты похожей на эту.

Касси пробовала открыть дверь: ихъ было двѣ, но обѣ были заперты; она подошла къ окну, надѣясь увидѣть сколько-нибудь знакомую мѣстность, но она могла только раземотрѣть, что домъ окружонъ деревьями, потому что окна запирались снаружи ставнями и открыть ихъ она не могла, не зная какъ они прикрѣплялись. Запертыя двери и окна объяснили ей, что она въ пѣчу, и подтвердили все, чего она опасалась.

Проходя мимо туалета, Касси увидѣла себя въ зеркалѣ: лицо ея было покрыто мертвой блѣдностью, волосы падали въ безпорядкѣ по плечамъ. Взглянувши на свое платье, она увидѣла кровавыя пятна, но не могла сказать, была ли это кровь мужа или ея. Она съѣла на постель. Голова ея кружилась, мысли путались; она едва понимала, наяву ли это, или сонъ?

Въ это время открылась одна изъ дверей и вошла миссъ Ритти, какъ ее называли невольники, — смуглая, красивая дѣвушка, занимавшая тогда почетное званiе любовницы полковника Мура. Страшно забилось сердце Касси, когда она услышала, что ключъ повернулся въ замкѣ, и какъ она была рада, что въ открывшуюся дверь вошла женщина, и женщина знакомая! Она подбѣжала къ миссъ Ритти, схватила ее за руку и просила защитить ее. Та засмѣялась и спросила, чего она боится? Касси сама не знала что отвѣчать, но подумавши, просила миссъ Ритти сказать ей, гдѣ она и что хотять съ ней дѣлать?

— Вы въ хорошемъ мѣстѣ, былъ отвѣтъ: — а когда придетъ господинъ, вы спросите у него что сдѣлають съ вами. — Это было ска-

зано съ тѣмъ выразительнымъ хохотомъ, который очень хорошо понимала Касси.

Хотя миссъ Ритти не дала прямого отвѣта на вопросъ Касси, но она сама поняла гдѣ она должна быть : она вспомнила, что эта женщина занимала тотъ самый изящный домикъ, отдаленный отъ всякаго другого жилья, въ которомъ прежде жила моя и въ мать. Небольшая роща почти совсѣмъ скрывала его отъ проходящихъ, и очень рѣдко кто изъ слугъ заходилъ сюда. Миссъ Ритти считала сама себя, да и мы тоже, непоследней особой ; хотя она удостоивала иногда дѣлать визиты, но не очень заботилась, чтобы ей платили тѣмъ же; впрочемъ Касси была раза два у нея. Спереди было двѣ комнаты, куда ее свободно допускали, но остальные были заперты, и между слугами ходилъ слухъ, что ключъ отъ этихъ комнатъ у полковника Мура и что даже миссъ Ритти входитъ туда только вмѣстѣ съ нимъ. Очень можетъ быть, что все это были одни сплетни, но Касси вспомнила, что окна этой комнаты охранялись отъ дерзкаго любопытства наружными ставнями, и тогда для нея уже не оставалось болѣе никакого сомнѣнiя, гдѣ она была. Она сказала это миссъ Ритти и спросила у нея, знаетъ ли миссъ Муръ о ея возвращенiи ? Миссъ Ритти не могла ничего сказать на это. Касси спросила, есть ли другая горничная на ея мѣсто ? Миссъ Ритти не могла и этого знать. Касси спросила, позволятъ ли ей пойти къ своей барышнѣ ? Но миссъ Ритти отвѣчала, что это невозможно. Касси попросила передать барышнѣ, гдѣ она и какъ она жаждетъ видѣть ее. Миссъ Ритти сказала, что рада бы услужить ей, но не любитъ ходить въ господскiй домъ, и въ послѣднiй разъ какъ была тамъ, мистрисъ Муръ говорила съ ней такъ сердито, что она рѣшилась никогда не ходить туда, развѣ заставятъ.

Испытавъ такимъ образомъ всѣ средства, бѣдая Касси ушла на постель, зарылась въ подушки и искала облегченiя въ слезахъ. Теперь настала очередь миссъ Ритти. Она потрепала ее ласково по плечу, уговаривала не сокрушаться, и открывши комодъ, вынула оттуда платье, «очень прекрасное», какъ она его называла, и просила Касси встать и одѣться, потому что господинъ ея сейчасъ придетъ. Этого-то и боялась Касси. Но надѣясь хотя отдалить это посѣщенiе, если уже нельзя избѣжать его, она сказала миссъ Ритти, что слышкомъ больна и не можетъ никого видѣть, рѣшительно отказалась взглянуть на платье и просила дать ей умереть спокойно. Миссъ Рит-

ти захохотала, когда Касси заговорила о смерти; впрочемъ это ее нѣсколько испугало и она спросила: что съ ней?

Касси отвѣчала, что довольно того, что она видѣла и выстрадала въ этотъ день, чтобы убить человѣка, что голова ея помутилась, сердце разбито, и чѣмъ скорѣе придетъ къ ней смерть, тѣмъ лучше. Наконецъ, собравшись съ духомъ, она произнесла мое имя и старалась добиться, что сдѣлали со мной. Миссъ Ритти снова показала головой и отвѣчала, что ничего не можетъ сказать.

Въ эту минуту дверь открылась и вошелъ полковникъ Муръ. Лицо его выражало стыдъ и душевную тревогу; яркая краска, покрывавшая лицо его въ послѣдній разъ, какъ она его видѣла, совершенно исчезла: онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ. Никогда еще Касси не видала его такимъ; она начала дрожать. Полковникъ Муръ приказалъ Ритти выйти, но остаться въ сосѣдней комнатѣ, потому что ему можетъ понадобится ея помощь.

Задвинувши двери задвижкой, онъ сѣлъ на кровать возлѣ Касси. Она въ испугѣ вѣкочила и отошла въ самый дальній уголъ. Полковникъ Муръ презрительно улыбнулся и приказалъ ей возвратиться и обѣсть возлѣ него. Касси повиновалась, несмотря на свое отвращеніе: она не могла поступить иначе. Одной рукой онъ взялъ ея руку, а другой обнялъ за талію. Касси снова вырвалась и хотѣла бѣжать, но полковникъ нетерпѣливо топнулъ ногой и грубо приказалъ ей сидѣть смирно.

Съ минуту онъ молчалъ, потомъ перемѣнилъ тонъ и началъ говорить съ обычной улыбкой и тѣмъ кроткимъ, ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ, которымъ онъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ. Онъ присталъ къ ней съ лестью, нѣжными словами и великолѣпными обещаніями; упрекнулъ ее, но безъ всякой горечи, за то, что она старается избѣжать его любви, потомъ заговорилъ обо мнѣ, но при этомъ голосъ его измѣнился, лицо вспыхнуло, и онъ едва удерживался, чтобы не выйти изъ себя.

Она прервала его и умоляла сказать ей, что сдѣлалось со мной. Полковникъ Муръ отвѣчалъ, что мнѣ хорошо, лучше чѣмъ я заслуживаю, но что она не должна ни думать, ни заботиться обо мнѣ, потому что какъ только я въ состояніи буду ходить, онъ намѣренъ продать меня, и ей нечего ни ожидать, ни надѣяться когда-нибудь видѣться со мной.

Касси начала просить, чтобы ее отправили и продали вмѣстѣ со мной. Онъ притворился удивленнымъ ея просьбой и спросилъ, по-

чему же это? Она отвѣчала, что послѣ всего что случилось, ей лучше не жить болѣе въ его домѣ, и кромѣ того, если продать ее теперь, то можетъ случиться, что ее купятъ вмѣстѣ съ мужемъ. Слово «мужъ» привело полковника Мура въ бѣшенство: онъ сказалъ, что у нея нѣтъ мужа и не для чего, что онъ самъ будетъ для нея лучше мужа и прибавилъ, что ему уже наскучили ея глупости и съ выразительнымъ взглядомъ попросилъ ее не быть дурачкой — оставить слезы и жалобы, быть доброй дѣвочкой и дѣлать что угодно господину: не обязанность ли невольника повиноваться своему господину?

Касси отвѣчала, что она больна и разстроена, и просила оставить ее. Но подковникъ Муръ обнялъ ее шею и сказалъ, что эта болѣзнь — одно воображеніе, потому что онъ никогда не видѣлъ ее такой хорошенькой...

Она вскочила... Онъ опять обнялъ ее и потащилъ къ постелѣ... Даже въ эту ужасную минуту присутствие духа не оставило Касси: она употребила все силы и вырвалась изъ его ненавистныхъ объятий. Потомъ со всей энергіей отчаянія она взглянула ему прямо въ лицо, насколько позволили ей это ея слезы, и усиливаясь придать силу своему голосу, закричала: «Господинъ мой! Отецъ! Чего ты хочешь отъ меня?..»

Подковникъ Муръ зашатался, какъ пораженный пулей; кровь бросилась ему въ лицо, онъ хотѣлъ говорить, но слова точно остановились у него въ горлѣ. Но это замѣшательство продолжалось не болѣе одной минуты: онъ овладѣлъ собою, и не обращая вниманія на ея послѣднія слова, сказалъ, что если она действительно больна, то онъ не хочетъ беспокоить ее, и съ этими словами отверъ дверь и вышелъ изъ комнаты.

Касси слышала какъ онъ, уходя, говорилъ съ миссъ Ритти. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его ухода она вошла къ Касси и начала спрашивать, что говорилъ и дѣлалъ полковникъ Муръ; но видя, что Касси не расположена отвѣчать, засмѣялась и сказала, что ей нечего беспокоиться, что она все видѣла и слышала сквозь замочную скважину и совершенно не понимаетъ, почему Касси такъ долго церемонится, и что это простительно очень молодой дѣвочкѣ, но въ ея дѣтѣ и притомъ въ замужней женщинѣ... это рѣшительно необъяснимо.

Большей нравственности и скромности можно ли ожидать отъ невольницы!..

Бѣдное дитя не была расположена спорить и молча слушала отвратительную рѣчь. Но въ эту самую минуту мелькнулъ ей слабый лучъ надежды: ей пришло на мысль, что если объяснить миссъ Ритти какъ она рискуеть, стараясь приобрести себѣ же соперницу, то ей несомнѣннѣ понравится потерять то положеніе, которое повидимому, такъ ей правилось. Эта мысль подавала надежду, что миссъ Ритти сама будетъ содѣйствовать бѣгству Касси изъ Спрингъ-Мидоу, а потому Касси рѣшилась сейчасъ же попытаться. Нужно было дѣйствовать осторожно, пробуя почву, чтобы не оскорбить гордости миссъ Ритти и не лишитъ себя той выгоды, какую можно было извлечь, возбудивши ея опасенія.

Она приступала постепенно къ своему предмету и скоро выставила это дѣло въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ конечно оно никогда не представлялось ея подругѣ. При первомъ намекѣ Касси она выразила твердую увѣренность въ своей красотѣ и притворилась, что ничего не боится; но несмотря на это хвастовство, она очень испугалась. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было ей, смотря на свою будущую соперницу, не видѣть опасности. Видя, что ея планъ удался, Касси очень обрадовалась и уже начала положительно надѣяться еще разъ убѣжать. Безъ сомнѣнія, это было жалкое и, по всей вѣроятности, неэффективное средство. Но что ей оставалось дѣлать? Какая была другая надежда избавиться отъ той участи, на которую, какъ женщина и христіанка, она смотрѣла съ величайшимъ ужасомъ и отвращеніемъ? Это былъ единственный шансъ на успѣхъ, она попробуетъ его съ твердой вѣрой, что Господь пошлетъ счастливый исходъ ея усиліямъ.

Тогда она объяснила подробно миссъ Ритти свои чувства, намѣренія и то, какой помощи ожидаетъ отъ нея. Новая союзница вполне одобряла ея рѣшеніе: «Конечно, если полковникъ Муръ точно отецъ Касси, — это большая разница, и она, какъ методистка, должна отдать отчетъ въ своихъ чувствахъ.» Она знала, что эти люди имѣютъ очень строгія убѣжденія.

Но хотя миссъ Ритти готова была ободрять и поощрять Касси, но повидимому вовсе не желала сама принимать дѣятельное участіе и помогать въ побѣгѣ Касси: какихъ выгодъ повидимому ни представлялъ онъ для миссъ Ритти, но въ случаѣ неудачи подвергнувъ бы ее немилости полковника Мура и очень серьезнымъ неприяностямъ, если только откроется ея участіе.

Много плановъ было предложено, но миссъ Ритти находила что-

нибудь противъ каждаго изъ нихъ; она скорѣ рѣшилась бы на все, чѣмъ на то, чтобы господинъ заподозрилъ ее въ заговоръ противъ него, и такъ какъ онѣ затруднились въ томъ, какой изъ ихъ плановъ удобоисполнимѣе, то, чтобы выиграть время, положили между собою выдавать Касси отчаянно больною. Для этого ненужно было и лгать, потому что только опасность ея положенія дала силы одной женщинѣ перенести всѣ волненія и страданія этихъ двадцати четырехъ часовъ. Ритти взяла на себя уговорить полковника Мура, что для него лучше всего не тревожить Касси, пока она не поправится, общаться ему уговаривать ее между тѣмъ и увѣрить полковника Мура въ томъ, что Ритти скоро успѣетъ убѣдить Касси, такъ какъ ей же выгода и обязанность — исполнять желанія своего господина.

До сихъ поръ все шло хорошо. Едва онѣ успѣли уговориться, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги полковника Мура. Ритти побѣжала къ нему и успѣла убѣдить его уйти, невидавшись съ Касси. Полковникъ Муръ похвалилъ Ритти за усердіе и общалъ слѣдовать ей совѣтамъ.

На слѣдующій день случилось одно обстоятельство, котораго не предвидѣла ни Касси, ни Ритти, по которое весьма благопріятствовало ихъ намѣренію: полковникъ Муръ долженъ былъ немедленно ѣхать въ Балтимору; какое-то дѣло требовало непременно его присутствія.

До отъѣзда онѣ успѣлъ видѣться съ Ритти и приказалъ ей строго смотрѣть за Касси и постараться образумить ее, пока онѣ возвратится.

Если Касси могла когда-нибудь убѣжать, то это теперь. Она скоро придумала планъ. Цѣль ея была — насколько возможно устроить свой побѣгъ такъ, чтобы не пало подозрѣніе на Ритти. Касси могла уйти въ двери или въ окно. О двери нечего было и думать, потому что ключъ отъ нея находился у Ритти, и слѣдовательно предполагалось, что она всегда въ передней комнатѣ. Оставалось окно. Оно не поднималось вверхъ, какъ обыкновенно, но открывалось на петляхъ вовнутрь; ставни, которыми оно защищалось снаружи, не открывались, а были прибиты къ оконнымъ рамамъ, и нужно было разрѣзать или сломить ихъ, что было нелегко, такъ какъ онѣ были сесновыя. Ритти принесла пару столовыхъ ножей и помогала разрѣзывать ставни, а своему господину она должна была сказать, что она, ничего неподозрѣвая, очень крѣпко снала въ то время какъ Касси прорѣзывала ихъ карманнымъ ножомъ.

Вечеромъ , въ день отъѣзда полковника Мура , все уже было готово , и Касси должна была ѣхать , какъ только соберется съ духомъ . Ритти согласилась дать знать о ея побѣгѣ только на другой день , попозже . Это замедленіе она объяснитъ тѣмъ , что не могла найти управляющаго и не рѣшилась даже говорить ему объ этомъ , незная навѣрное , захотѣлъ ли бы полковникъ Муръ вмѣшиваться въ это дѣло управляющаго . Во всякомъ случаѣ онѣ надѣялись , что до возвращенія полковника Мура не будутъ предпринимать дѣятельныхъ поисковъ .

Касси собиралась въ дорогу . Ей было тяжело оставлять Спрингъ-Мидоу , но какъ Ритти не хотѣла или не могла сказать что со мною сдѣлалось , и зная , что разлученныя другъ съ другомъ , мы не могли въ нашемъ безвыходномъ положеніи оказать другъ другу никакой помощи , то она справедливо разсудила , что сдѣлаетъ гораздо лучше и сообразнѣе съ моими желаніями , рѣшившись на единственное средство , представлявшее сколько-нибудь вѣроятности избавиться отъ угрожавшаго ей несчастья !

Ритти снабдила Касси съѣстными припасами на нѣсколько дней изъ того продовольствія , какое ей выдавалось . Уже совсѣмъ стемнѣло и пора было отправляться въ дорогу . Касси поцѣловала свою хозяйку и союзницу . Ритти кажется очень безпокоило то , что Касси , одинокая , беззащитная , подвергается такимъ опасностямъ , и она отдала той всѣ деньги , какія у нея были . Это неожиданное великодушіе очень тронуло Касси .

Простившись съ Ритти , она спустилась въ окно , и собравши всю свою рѣшимость и самообладаніе , пошла ближайшимъ путемъ чрезъ поля по направленію къ большой дорогѣ . Здѣсь проходили только обитатели Спрингъ-Мидоу и ближайшихъ плантацій , а въ этотъ часъ ночи нельзя было опасаться встрѣтить кого бы то нибыло , кромѣ развѣ ѣзжавшаго навольника , который такъ же будетъ стараться избѣгать встрѣчи , какъ и она ; луны небыло , но звѣзды свѣтили такъ ярко , что она могла различать дорогу . Заблудиться она не боялась , потомучто часто ѣздила съ своей госпожой въ маленький городокъ , гдѣ собиралось засѣданіе судовъ графства , — и прежде всего рѣшилась отправиться туда .

Она дошла до города , не встрѣтивши ни одной души . Еще не разсвѣло ; все было тихо , только слышалось однообразное жужжанье лѣтнихъ насѣкомыхъ , прерываемое повременамъ крикомъ пѣтуха или лаемъ сторожевой собаки . Городъ состоялъ изъ разрушеннаго

зданія суда, одной кузницы, одной таверны, двухъ или трехъ лавекъ и полудюжины разбросанныхъ домовъ. Онъ былъ расположенъ на перекресткѣ двухъ дорогъ: Касси знала, что одна изъ нихъ вела въ Балтимору, и надѣялась добраться до этого города, гдѣ она могла найти мѣсто и покровительство, потомучто тамъ у нея было много знакомыхъ. Но шансы дойти туда были не велики: до Балтимора оставалось двѣсти или триста миль и она не знала навѣрное, какъ изъ двухъ дорогъ ведетъ туда. Она не смѣла нетолько спросить объ этомъ, или попросить напитокъ, но боялась даже, чтобы ее не увидѣли, опасаясь, что ее могутъ схватить какъ бѣглую и доставить обратно къ ея господину.

Подумавши, она наудачу выбрала одну изъ дорогъ и пошла какъ можно скорѣе. Возбужденія прошлаго дня какъ-будто придавали ей неестественную силу, потомучто пройдя миль двадцать, она чувствовала себя сильнѣе прежняго; но начинавшійся день напомнилъ Касси, что небезопасно продолжать далѣе свой путь. Возлѣ дороги манила къ себѣ хорошенькая роща; трава и листья сверкали отъ росы. Сдѣлавъ въ ней нѣсколько шаговъ, она увидѣла, что деревья довольно высоки и густы, чтобы укрыть ее. Касси стала на колѣни, и лишенная всякой человѣческой помощи, молилась, чтобы Богъ охранялъ и защитилъ ее. Потѣвши немного, потомучто нужно было беречь провизію, она сгребла въ кучу листья вмѣсто постели и легла спать: три ночи передъ этимъ она почти не спала, но тепѣрѣ вознаградила себя, потомучто проснулась только послѣ полудня.

Какъ только наступилъ вечеръ, она снова отправилась въ путь съ прежними силами. Дорога часто раздвоялась: узнать, по какой пужно идти, она не имѣла никакихъ средствъ и выбирала ту или другую по собственному разумѣнію, или скорѣе по собственной фантазіи, утѣшая себя только тѣмъ, что по той или по другой, во всякомъ случаѣ она будетъ все далѣе отъ Спрингъ-Мидоу.

Въ эту ночь она встрѣтила нѣсколькихъ путешественниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ прошли повидимому незамѣтивши ея: отъ другихъ, завидя ихъ еще издали, она успѣвала прятаться въ кусты и ждала пока они пройдутъ. Но невсѣгда она такъ легко отдѣлывалась: неразъ ее останавливали и спрашивали, но по счастью ей удалось отвѣчать удовлетворительно. Въ самомъ дѣлѣ, по цвѣту лица, въ особенности вечеромъ, Касси нельзя было принять за невольницу; въ своихъ же отвѣтахъ она избѣгала всего, что могло бы выдать ея положеніе. Разъ одинъ изъ спрашивавшихъ покачалъ голо-

вой и повидимому несовсѣмъ остался доволенъ; другой остано-вилъ свою лошадь и смотрѣлъ ей въ слѣдъ, пока она скрылась изъ вида; третій сказалъ, что есть что-то подозрительное, но всѣ трое дали ей пройти. Но Касси нечасто попадались такія встрѣчи, потому что въ Виргиніи большая часть жителей не строятъ домовъ возлѣ дороги; плантаторы обыкновенно предпочитаютъ строиться подалеже отъ большой дороги, такъ что онѣ, проходя по самымъ высокимъ и безлюднымъ мѣстамъ, показываютъ утомленному путнику печальную и какъ-будто необитаемую страну.

Съ наступленіемъ утра она попрежнему спряталась и ждала ночи, чтобы продолжать свой путь.

Такимъ образомъ она шла уже четыре дня, или скорѣе четыре ночи. Въ это время вся ея провизія истощилась; Касси шла сама не зная куда; надежда достигнуть Балтиморы, поддерживавшая ее до сихъ поръ, совершенно исчезла; она не знала что дѣлать. Далѣе идти безъ всякихъ средствъ едвали было возможно; попросить кого-нибудь дать ей хлѣба или показать дорогу, надѣясь на то, что ее примутъ за свободную женщину? Но цвѣтъ лица и то обстоятельство, что она идетъ одна, могли подать подозрѣніе, что она бѣглая, и слѣдовательно очень вѣроятно, что ее остановятъ, посадятъ въ тюрьму и продержатъ до тѣхъ поръ, пока подозрѣніе обратится въ дѣйствительность.

На пятую ночь, истощенная отъ голода и усталости, она шла очень медленно, задумавшись о своемъ несчастномъ положеніи, когда, спустившись съ горы, очутилась передъ широкой рѣкой; моста не было, но къ берегу былъ привязанъ паромъ, а недалеко стояла изба перевозчика, служившая повидимому въ то время и шинкомъ. Новая тревога для Касси: чтобы переправиться чрезъ рѣку, нужно было или вызвать перевозчика, или ждать, пока кто-нибудь выйдетъ; но это значило подвергнуть себя опасности быть схваченной, чего она рѣшилась избѣгать до послѣдней минуты. Возвратиться же назадъ и поискать другой дороги казалось такимъ же опаснымъ средствомъ: всѣ дороги, если онѣ не были противоположны той, по какой она хотѣла идти, приведуть по всей вѣроятности опять къ той же рѣкѣ; а какъ она не могла жить безъ нищи, то ей скоро придется просить чьей-нибудь помощи и слѣдовательно встрѣтиться лицомъ къ лицу съ той опасностью, которой такъ хотѣла избѣгать.

Она съѣла у дороги, рѣшившись ждать утра и тогда попытаться. Возлѣ дома было мансовое поле, покрытое послѣбавшими ко-

лосьями; сварить ихъ — небыло огня и нечѣмъ было зажечь его, но пріятный молочный вкусъ неспѣлыхъ зеренъ нѣсколько успокоилъ мученія голода. Касси избрала мѣсто, откуда могла видѣть какъ начнется движеніе возлѣ дома перевозчика. Едва разсвѣло, какъ раскрылась дверь и оттуда вышелъ негръ. Касси смѣло подошла къ нему и сказала, что очень спѣшитъ и желала бы сейчасъ переѣхать на ту сторону. Тотъ удивился, увидѣвши женщину, идущую одну въ такой ранній часъ утра, но подумавши, и какъ видно вспомнивши, что здѣсь представляется случай честно заработать свой грошъ, онъ, пробормотавши что-то насчетъ ранняго часа и что паромъ ходитъ только по восхожденію солнца, предложилъ перевезти ее въ челнокѣ за полтора доллара. Касси незадумываясь заметила, а перевозчикъ безъ сомнѣнія положилъ эти деньги въ свой карманъ и не подумалъ отдать ихъ своему господину или рассказывать ему о такой ранней путешественницѣ. Касси вошла въ лодку и онъ началъ гребти; она не смѣла сдѣлать ни одного вопроса изъ опасенія выдать себя и старалась успокоить любопытство гребца, который впрочемъ былъ очень вѣжливъ и легко удовлетворялся ея отвѣтами.

Высадившись на другой берегъ, она опять пошла и прошла еще мили двѣ; между тѣмъ показалось солнце и она по обыкновенію спряталась.

Ночью Касси снова пустилась въ путь. Положеніе ея было во все неутѣшительно: она ослабѣла отъ голода, башмаки ея почти совсѣмъ износились, ноги распухли и разболѣлись; она повидному сбилась съ большой дороги и шла по проселочной, которая вилась по печальнымъ, опустошеннымъ полямъ и рѣдко посѣщалась кѣмъ-нибудь: во всю эту ночь Касси не встрѣтила ни одного человѣка, не видѣла ни одного дома. Какъ она ни старалась тащить свои усталыя ноги, ей было тяжело каждое усиліе; она упала духомъ, сердце ея ныло и силы совершенно оставляли... Наконецъ разсвѣло, но несчастная Касси не пряталась, какъ обыкновенно: она все шла впередъ, надѣясь дойти до какого-нибудь дома. Убитая страданіями, она предпочитала рисковать своей свободой и даже подвергнуться опасности быть отведенной обратно въ Спрингъ-Мидоу, гдѣ ее ожидала страшная участь, отъ которой она убѣжала, чѣмъ умереть отъ голода и истощенія...

Пройдя немного, Касси увидѣла низенькій неврасивый домъ. Это было небольшое зданіе, сколоченное изъ брусельнъ, почертивъ-

шее отъ времени и почти развалившееся. Въ двухъ или трехъ окошкахъ, которыми оно освѣщалось, недоставало болѣе половины стеколъ, а ихъ замѣняли старыя шляпы, старое платье и куски досокъ; дверь едва держалась на петляхъ; вокругъ дома небыло никакой ограды; впрочемъ ее замѣняли росшіи вокругъ высокой бурьянъ: вообще онъ представлялъ явные слѣды запущенія и небрежности.

Касси осторожно постучалась въ дверь: женскій, но грубый и неприятный голосъ сказалъ ей, чтобы она вошла. Ни сѣней, ни передней небыло: наружная дверь открывалась прямо въ единственную комнату. Войдя въ нее, Касси увидѣла женщину среднихъ лѣтъ, съ голыми ногами, въ грязномъ платьѣ; нечесанные волосы висѣли вокругъ грубаго загорѣлаго лица; она разставляла столъ, источенный червями, и повидимому занималась приготовленіемъ къ завтраку. Одна сторона комнаты была почти вся занята огромной печью, въ которой горѣлъ огонь, а на золѣ пеклись пироги изъ маиса. Въ другомъ углу помѣщалась низенькая постель, на которой еще спалъ вѣроятно хозяинъ дома; его нисколько не тревожилъ крикъ полудюжины дѣтей, неумытыхъ, нечесаныхъ и почти голыхъ, которые кувыркались и горланили вокругъ, но увидя чужую, вдругъ замолчали и попрятались за мать.

Женщина показала на родъ табурета или скамьи — повидимому во всемъ домѣ это была единственная вещь изъ породы стульевъ — и пригласила Касси сѣсть. Когда та сѣла, хозяйка устремила на нее пронзительный взглядъ и повидимому съ большимъ любопытствомъ ожидала услышать, кто такая Касси и что ей нужно?

Касси, придя въ себя, сказала хозяйкѣ, что идетъ изъ Ричмонда въ Балтимору, чтобы увидѣться съ больной сестрой; что она очень бѣдна, не имѣетъ никого близкихъ знакомыхъ и принуждена идти пѣшкомъ; что сбилась съ дороги и блуждала цѣлую ночь, не зная гдѣ и куда она идетъ. Касси прибавила, что почти умираетъ отъ голода и усталости, что ей нужно поѣсть и отдохнуть и получить какія-нибудь свѣдѣнія о дорогѣ, чтобы продолжать свой путь; въ тоже время она вынула свой кошелекъ, чтобы показать, что въ состояніи заплатить за все это.

Хозяйка дома, несмотря на свою грубую наружность и крайнюю бѣдность, казалось была тронута этой печальной исторіей и попросила Касси спрятать свои деньги, говоря, что у нея не та-

верна и она въ состояніи еще дать позавтракать бѣдной женщицѣ, неимѣя нужды брать за это деньги.

Касси была слишкомъ слаба и утомлена, чтобы рассказывать, да и боялась, чтобы какое-нибудь слово не выдало ее. Но начало уже было сдѣлано и теперь трудно было успокоить любопытство хозяйки: она засыпала Касси вопросами и каждый разъ, какъ только она затруднялась или приходила въ смущеніе, сѣрые, пронзительные глаза впивались въ нее съ такимъ пронизательнымъ выраженіемъ, что ея замѣшательство еще болѣе увеличивалось.

Скоро пирожки поспѣли и окончились остальные приготовления къ завтраку. Хозяйка грубо дернула за плечо своего мужа, приказывая ему поторониться. Это супружеское привѣтствіе разбудило спавшаго: онъ сѣлъ на постели и обвелъ мутнымъ, удивленнымъ взоромъ комнату. Красные глаза и мутно-блѣдное лицо показывали, что еще несовсѣмъ прошли слѣды пьянства прошлой ночи. Жена повидимому знала что ему нужно и тотчасъ принесла кружку виски и влила ему въ горло значительную долю спиртуознаго напитка; супругъ выпилъ этотъ приемъ съ наслажденіемъ и дрожащей рукой возвратилъ разбитую кружку женѣ, которая снова налила ее до половины и осушила сама; потомъ, обратившись къ Касси, замѣтила, что человекъ ни къ чему негоденъ, если не подкрѣпится немножко утромъ, и предложила и ей; но, къ немалому удивленію хозяйки, Касси отказалась.

Затѣмъ хозяинъ началъ медленно одѣваться, и только окончивая свой туалетъ, замѣтилъ, что въ комнатѣ есть гостя. Тогда онъ подошелъ къ Касси и пожелалъ ей добраго утра. Жена тотчасъ же отвела его въ сторону и начала съ нимъ шептаться. Повременамъ они взглядывали на лицо Касси, и она подозрѣвала, что разговоръ шолъ о ней, что ее очень беспокоило, потому что, непривыкши обманывать, она не умѣла скрываться. Окончивши супружескую конференцію, женщина попросила Касси придвинуть свой стулъ и позавтракать съ ними. Завтракъ состоялъ изъ горячихъ пироговъ и холоднаго сала; во всякомъ случаѣ это было довольно сносное кушанье, но для Касси, послѣ продолжительнаго поста, оно показалось восхитительнѣе всего, что когда-нибудь она ѣла. Да, вкусна въ самомъ дѣлѣ должна быть та похлебка, за которую продается право первородства свободы!..

Касси не въ состояніи была умѣрить свой апетитъ и ѣла съ жадностью, такъ что хозяйка удивилась и даже нѣсколько испуга-

лась, видя съ какой быстротой опустошался столъ. Окончивши завтракъ, мужъ началъ спрашивать Касси : онъ завелъ разговоръ о Ричмондѣ и допытывался, знаетъ ли она такого-то и такого-то, которые будто-бы живутъ тамъ. Касси никогда не была въ Ричмондѣ и знала этотъ городъ только по имени; очень естественно, что ея отвѣты были весьма неудовлетворительны; она краснѣла, заикалась, опускала глаза; наконецъ онъ окончательно смутилъ ее, сказавши, что ясно какъ день, что она не изъ Ричмонда, какъ она утверждала, потому что онъ хорошо знакомъ съ этимъ городомъ, а изъ ея отвѣтовъ очевидно, что она ничего о немъ не знаетъ. Онъ прибавилъ еще, что некому скрывать : лицо выдаетъ ее и онъ *расчиталъ* навѣрно, что она больше ничего какъ бѣглая. При словѣ «бѣглая» кровь бросилась въ лицо Касси, сердце ея упало... Напрасно она отказывалась, умоляла : ея ужасъ, замѣшательство, испугъ только служили новой уликой поимщикамъ, которые казалось приходили въ восторгъ отъ добычи и забавлялись страхомъ и отчаяніемъ Касси, какъ кошка забавляется пойманой мышью. Хозяинъ говорилъ, что если она точно свободная женщина, то ей нечего и бояться : если съ ней нѣтъ ея бумагъ, то за ними можно послать въ Ричмондъ, а пока ихъ вышлютъ, она посидитъ въ тюрьмѣ, — и вотъ и все.

Этого было довольно для бѣдной Касси. Какія доказательства своей свободы могла она представить? Тюремное заключеніе для нея непременно должно будетъ окончиться тѣмъ, что ее возвратятъ полковнику Муру и она сдѣлается несчастной жертвой его злобы и сластолюбія. Нужно было отдалить эту чашу, пока было возможно, и для этого ей представлялось одно средство :

Касси призналась, что она бѣглая невольница, но рѣшительно отказалась сказать имя своего господина; онъ живетъ очень далеко отсюда, говорила она; убѣждала она не изъ непослушанія, не изъ каприза, но потому, что не стало ея силъ долѣе терпѣть его жестокое обращеніе; что она скорѣе рѣшится на все, чѣмъ опять попасть въ его руки; если только они спасутъ ее отъ этого, если только они позволятъ ей жить у нихъ, она будетъ имъ вѣрной и послушной слугой, пока будетъ жива.

Мужъ и жена переглянулись; имъ повидимому понравилось это предложеніе. Они отошли въ сторону, чтобы посоветоваться; кажется одинъ страхъ быть арестованными за передержку и прокормленіе бѣглыхъ мѣшалъ имъ тотчасъ же согласиться на ея пред-

ложеіе. Касси старалась, какъ могла, успокоить ихъ опасенія, и послѣ непродолжительной борьбы жадность и прелесть высокаго наслажденія власти побѣдили — и Касси стала собственностью мистера Проктора (такъ назывался этотъ господинъ). Онъ могъ сказать, что Касси сдѣлалась его собственностью съ ея же согласія : а это право въ десять разъ лучше, чѣмъ то, которымъ гордилась большая часть его земляковъ!

Чтобы предупредить подозрѣнія сосѣдей, было рѣшено выдавать Касси за свободную женщину, нанятую въ услуженіе мистеромъ Прокторомъ; и какъ этотъ джентльменъ, по особенному счастью, былъ посвященъ въ тайны и искусство писанія — талантъ довольно рѣдкій у *бѣдныхъ бѣлыхъ людей* въ Виргиніи, — то онъ состряпалъ на этотъ случай бумагу и вручилъ ее Касси, чтобы оградить ее отъ слишкомъ докучливыхъ вопросовъ.

И такъ она пока избѣгла опасности возвратиться въ Спрингъ-Мидоу; но несмотря на это Касси скоро увидѣла, что и настоящее ея положеніе несовсѣмъ пріятно : мистеръ Прокторъ былъ потомокъ и представитель одной фамиліи, которая еще не такъ давно пользовалась большимъ состояніемъ и почетомъ. Но какъ это состояніе нѣсколько разъ подвергалось дѣлежу и всѣ наследники не только не заботились увеличить его, а напротивъ лѣностью, расточительностью и дурнымъ управленіемъ все уменьшали его, то отцу мистера Проктора досталось нѣсколько невольниковъ и значительное количество никуда негодной земли. Послѣ его смерти невольниковъ продали для уплаты долговъ, а землю раздѣлили на всѣхъ дѣтей, такъ что мистеру Проктору осталось только нѣсколько безплодныхъ акровъ. Но несмотря на такія скудныя средства, его воспитали въ лѣнливыхъ привычкахъ виргинскаго джентльмена. Принадлежавшая мистеру Проктору земля была такъ бѣдна и малоцѣнна, что ни одинъ изъ его многочисленныхъ кредиторовъ не захотѣлъ оспаривать у него правъ на владѣніе ею, но все-таки она давала ему званіе землевладѣльца и право голоса; а потому мистеръ Прокторъ ставилъ себя на такой же высотѣ относительно *низкаго и презрѣннаго сословія земледѣльцевъ*, какъ и первый аристократъ во всемъ государствѣ : онъ былъ такъ же гордъ, такъ же лѣнивъ и также расточителенъ, какъ и всѣ набобы, его сосѣди; какъ всѣ они, посвящалъ большую часть времени игрѣ, пьянству и разговорамъ о политикѣ.

Къ счастью мистера Проктора, его жена была замѣчательная

женщина : она не тщеславилась патриціанскимъ происхожденіемъ, и когда ея мужъ начиналъ говорить — что съ нимъ часто случалось — о древности и достоинствѣ своей фамиліи, она рѣзко прерывала его замѣчаніемъ, что она не считаетъ себя хуже его, а всѣ ея предки, какихъ она помнитъ, были бѣдные люди. Безъ ея энергіи и трудолюбія можно было опасаться, что скоро аристократическія привычки мистера Проктора сдѣлаютъ его семейство лишнимъ бременемъ для графства.

Руки Касси были большимъ приобретеніемъ для этого дома. Новая хозяйка рѣшилась воспользоваться ими вполне и бѣдная женщина скоро совершенно выбилась изъ силъ отъ тяжелой и совершенно непривычной работы. Мистеръ Прокторъ покрайней-мѣрѣ раза три въ недѣлю возвращался домой пьяный, шумѣлъ, бранился съ женой, беспощадно колотилъ дѣтей... Касси не могла ожидать, чтобы и ей было лучше чѣмъ имъ, и въ самомъ дѣлѣ его подвиги достигли бы ужаснѣйшихъ размѣровъ, еслибы энергическая мистрисъ Прокторъ не умѣла ихъ унимать. Сначала она употребляла мѣры кротости и ласками старалась успокоить супруга; но когда эти средства не удавались, то она насильно укладывала его въ постель и принуждала его лежать подъ опасеніемъ метлы. Только спасительная власть, приобретенная мистрисъ Прокторъ надъ ея мужемъ, защищала Касси отъ того, чего она опасалась еще болѣе, чѣмъ грубостей въ пьяномъ видѣ : какъ только мистеръ Прокторъ заставлялъ ее одну, такъ начиналъ приставать съ предложеніями, которыя были вовсе неутѣшительны для Касси, и только угрозами пожаловаться мистрисъ Прокторъ могла она освободиться отъ его преслѣдованій.

Мистрисъ Прокторъ выслушивала ея жалобы, благодарила за сообщенныя свѣдѣнія и говорила, что поговоритъ объ этомъ съ мистеромъ Прокторомъ. Но она не могла себя представить, чтобы и у невольницы была малѣйшая частица той добродѣтели, которую свободныя виргинскія женщины гордятся какъ исключительно принадлежащею имъ собственностью. Убѣжденная въ этомъ, она считала крайне неутѣшительнымъ, чтобы Касси, какихъ бы достоинствъ она себя ни приписывала, могла противиться преслѣдованію и просьбамъ такого обольстительнаго красавца, какъ мистеръ Прокторъ, и въ пылу бѣшеной женской ревности находила наслажденіе мучить жертву своихъ подозрѣній. Мистрисъ Прокторъ со всѣми ея достоинствами имѣла одну маленькую слабость, при-

обрѣтѣнную вѣроятно съ цѣлью понравиться своему мужу: она считала необходимостью ежедневную порцію виски, какъ предохранительное средство отъ перемежающейся лихорадки; но если по неосторожности, что иногда случалось, она удвоивала приемъ, то это подбавляло еще болѣе жару къ ея отъ природы горячему характеру. Въ такихъ случаяхъ слова и удары сыпались съ ужасающей энергіей, и хотя трудно сказать, кого изъ двухъ супруговъ нужно было болѣе опасаться, но оба они могли истощить терпѣніе святого.

Бѣдной Касси не представлялось никакого средства избавиться отъ этого ужаснаго положенія и она вѣроятно погибла бы, еслибы ее не спасло совершенно неожиданно непрощенное вмѣшательство двухъ сосѣдей мистера Проктора. Это были люди незанятые ничѣмъ, какъ и онъ, также хорошей фамилии, и одинъ изъ нихъ даже получилъ отличное образованіе и состоялъ въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ самыми замѣчательными людьми въ графствѣ; но слишкомъ разгульная жизнь лишила ихъ всего наследственнаго имѣнія и принудила жить насчетъ собственной изобрѣтательности, плодомъ которой былъ родъ общества, дѣйствовавшаго преимущественно на скачкахъ и въ игорныхъ домахъ.

Эти-то два джентльмена-спекулятора находились въ близкихъ отношеніяхъ съ мистеромъ Прокторомъ и знали, что у него живетъ свободная женщина (они предполагали Касси свободной). Какъ большая часть виргинцевъ, они смотрѣли на освобожденныхъ невольниковъ какъ на общественное бѣдствіе, которое должно кончиться серьезнымъ нарушеніемъ тѣхъ «священныхъ правъ собственности», для защиты которыхъ истинный сынъ свободы долженъ съ гордостью рѣшиться на все. Подъ вліяніемъ, безъ сомнѣнія, такихъ патріотическихъ идей, эти вѣрные граждане рѣшили, что окажутъ услугу графству, — неговоря о деньгахъ, которыя перейдутъ въ ихъ карманъ, — если приложить къ этому великому политическому бѣдствію, по крайней-мѣрѣ къ части его, то-есть къ Касси, то средство, которое повидимому одобрили и теорія виргинскихъ политиковъ, и духъ виргинскихъ статутовъ: говоря проще, они рѣшились схватить Касси и продать ее какъ невольницу.

Воровство людей есть естественное послѣдствіе американской невольничьей системы, и тамъ оно въ такомъ же ходу, и во многихъ мѣстахъ сѣверныхъ штатовъ имѣетъ такую же правильную организацію, какъ конокрадство въ другихъ странахъ. Если подобные иска-

тели приключеній начнутъ красть невольниковъ, то эти операціи могутъ подвергнуть ихъ большой опасности; но если они ограничатся только похищеніемъ свободныхъ людей, — они могутъ слѣдовать своему призванію сравнительно съ меньшей опасностью: они быть-можетъ нанесутъ нѣкоторый вредъ отдельнымъ личностямъ, но, по мнѣнію самыхъ популярныхъ американскихъ политиковъ, окажутъ немалую услугу обществу, потому что, по ихъ убѣжденію, невольничьи штаты, чтобы быть совершеннымъ раемъ, остаются только истребить классъ отпущенныхъ невольниковъ. Безъ сомнѣнія и друзья Касси руководствовались такими же высокими понятіями объ общественномъ благѣ! Во всякомъ случаѣ софизмы, изобрѣтенныя насиліемъ въ оправданіе притѣсненій, могутъ служить такой же защитой для нихъ, какъ и для всякаго другого.

Насколько Касси могла узнать, планъ ихъ былъ слѣдующій: они пригласили мистера Проктора на оргію, и какъ только висица привела его въ совершенную безчувственность, послали спавать мистрисъ Прокторъ, что мужъ ея отчаянно заболѣлъ и нуждается въ немедленномъ пособіи. Несмотря на случившіяся домашнія ссоры, мистрисъ и мистеръ Прокторъ очень любили другъ друга, и бѣдная женщина, страшно испуганная неожиданной новостью, побѣжала къ мужу; заговорщики слѣдовали за посланнымъ, и спрятавшись въ густой рощѣ недалеко отъ дома, ожидали ухода хозяйки. Едва она скрылась изъ вида, какъ они бросились въ поле, гдѣ работала Касси, связали ей руки и ноги, положили въ закрытую повозку, припасенную ими на этотъ случай, и поскакали отсюда какъ можно скорѣе. Они ѣхали весь этотъ день и всю слѣдующую ночь. На другой день рано утромъ они пріѣхали въ небольшое селеніе, гдѣ встрѣтили негроторговца, который велъ партію невольниковъ въ Ричмондъ. Вору-джентльмену скоро сторговались съ джентльменомъ-негроторговцемъ, и получивши деньги, вручили ему Касси.

Негроторговецъ былъ тронутъ красотой и отчаяніемъ Касси и такъ ласково обходился съ нею, какъ она никогда не ожидала отъ людей его ремесла: платья и башмаки ея совсѣмъ изнасились, — онъ купилъ ей новые, и до того былъ внимателенъ, что остался на день въ селеніи, чтобы дать сколько-нибудь оправиться испарившей цѣлую ночь и умиравшей отъ страха и усталости Касси, прежде чѣмъ продолжать свой путь.

И она скоро увидѣла, что и отъ нея ожидаютъ благодарности за

такія милости. Въ первой же день пути, какъ только они остановились для ночлега, ее предупредили, что она должна явиться къ своему господину, и предупредили, какъ и когда придти къ нему. Но она сочла нужнымъ не обратить вниманія на это предупредоленіе. Утромъ господинъ потребовалъ ее къ отчету. Когда она стала говорить о томъ, какъ преступны подобныя приказанія, неготорговецъ захохоталъ ей въ лицо и сказалъ, что не имѣетъ нужды въ ея проповѣдяхъ и на этотъ разъ прощаетъ ея непослушаніе, но чтобы она постаралась не повторять его.

На слѣдующій вечеръ она получила то же приказаніе, какъ и наканунѣ, и снова не послушалась. Ея господинъ, пропьянствовавши и проигравши до полуночи съ добрыми пріятелями, которыхъ онъ отыскалъ въ тавернѣ, возвратился въ свою комнату, но не найдя въ ней, противъ своего ожиданія, Касси, пришолъ въ бѣшенство и отправился ее отыскивать. По счастью неготорговецъ былъ слишкомъ пьянъ, чтобы знать, куда идетъ; не прошло онъ и нѣсколькихъ шаговъ отъ дверей таверны, какъ наткнулся на кучу хвороста и больно ушибся. Его крикъ заставилъ все населеніе таверны съжаться къ нему на помощь; они перенесли его въ комнату, перевязали раны и уложили въ постель. Только поздно утромъ на слѣдующій день онъ въ состояніи былъ подняться; но какъ только всталъ, рѣшился выместить сполна свою неудачу и свои раны. Онъ хромая вышелъ изъ дверей таверны съ костылемъ въ одной рукѣ и съ кнутомъ въ другой; выстроилъ всѣхъ невольниковъ передъ домомъ; двумъ самымъ сильнымъ велѣлъ держать Касси, пока онъ будетъ бить ее. Ея крики скоро собрали всѣхъ лѣнтяевъ и зѣвакъ, составляющихъ повидимому главное населеніе виргинскихъ деревень: нѣкоторые спросили за что ее порютъ, и сами не считали своего вопроса настолько важнымъ, чтобы ожидать на него отвѣта; на видимому общее мнѣніе было то, что господинъ пьянъ и этимъ средствомъ хочетъ прогнать свой хмѣль! Но былъ онъ пьянъ или трезвъ, а никто не подумалъ ему воспрепятствовать: махочувъ, всѣ смотрѣли на это если неодобрительно, то равнодушно; а большая часть находила какъ въ этомъ такое же удовольствіе, какъ находятъ нѣкоторые мальчики мучить какую-нибудь несчастную кошку.

Посреди этой сцены хорошенькій дорожный экипажъ остановился у дверей гостиницы. Въ немъ сидѣли двѣ дамы. Увидѣвши происходившее на дворѣ, онъ съ тѣмъ человеколюбивѣе, авторе такъ

естественно въ женщинѣ и котораго не могутъ совершенно истребить даже ужасные отвратительные обычаи невольничества, попросили разсвирѣпѣвшаго изверга перестать бить бѣдную дѣвушку и расказать имъ въ чемъ дѣло. Негроторговецъ нехотя опустилъ кнутъ и грубо отвѣчалъ, что это дерзкая, непослушная тварь, которая не стоитъ того, чтобы такія лица обращали на нее вниманіе и что онъ только немного наказалъ ее для ея же пользы.

Но этотъ отвѣтъ повидимому не удовлетворилъ ихъ: дверцы экипажа открылись и дамы вышли изъ него. Бѣдная Касси задыхалась отъ слезъ и не могла выговорить ни слова; волосы ея разсыпались по лицу и плечамъ, а щеки были покрыты слезами: но и въ этомъ положеніи она поразила обѣихъ дамъ своей красотой. Онѣ заговорили съ ней и узнали, что она приучена быть горничной, а ея настоящій господинъ — негроторговецъ; оказалось, что эти дамы ѣздили на сѣверъ и на дорогѣ липились своей горничной, умершей отъ жестокой лихорадки; теперь же они возвращались въ Каролину. Младшая изъ двухъ дамъ убѣдила свою мать (это были мать и дочь) купить Касси намѣсто умершей горничной. Мать высказала въ некоторое нежеланіе купить неизвѣстную невольницу, не зная по какой причинѣ продалъ ее прежній господинъ; но когда къ просьбамъ дочери присоединились мольбы и слезы Касси, она не могла долѣе противиться и послала узнать о цѣнѣ ея. Негроторговецъ сказалъ очень высокую цѣну. Но мистрисъ Монгомери (такъ называлась эта госпожа) была одна изъ тѣхъ женщинъ, которая, разъ рѣшившись на доброе дѣло, нелегко отъ него отказываются. Она взяла Касси съ собою въ комнату, велѣла внести чемоданы и сказала негроторговцу, чтобы онъ приготовилъ купчую крѣпость. Какъ только торгъ былъ заключенъ, новая госпожа повела Касси наверхъ и на дѣла на нее платье, болѣе приличное ея теперешнему положенію, чѣмъ грубая одежда и тяжелые башмаки, которыми она обязана была *безкорыстному* великодушію своего послѣдняго господина.

Касси одѣли, купчая была уже выдана и деньги заплачены, когда пріѣхалъ братъ мистрисъ Монгомери и ея дорожный спутникъ. Онъ очень смѣялся надъ тѣмъ, что называлъ глупой страстью своей сестры — вмѣшиваться въ дѣла между господами и ихъ слугами, серьезно побранилъ ее за неблагоразумную покупку и за то, что она такъ дорого заплатила, и прибавилъ, улыбаясь и покачивая головой, что рано или поздно ея глупая довѣрчивость и великодушіе доведутъ ее до разоренія. Мистрисъ Монгомери обратила въ шутку на-

смѣшки брата. — Подали экипажъ и они вѣсть продолжали свой путь.

Дамы, съ которыми прѣехала Касси на митингъ, были мистрисъ Монгомери съ дочерью. Онѣ жили миль за десять отъ Карльтонъ-Галла. Шестъ мѣсяцевъ мы были такъ близко другъ отъ друга и не знали этого! Касси съ большою признательностью говорила о своей госпожѣ. Ея признательность не знала границъ: она кажется находила истинное удовольствіе служить своей благодѣтельницѣ, которая постоянно обращалась съ нею кротко и ласково, что рѣдко случается даже съ тѣми, которые способны въ извѣстную минуту на величайшее великодушіе.

Окончивши свой расказъ, Касси обвила руками мою шею, положила свою головку на мою грудь и смотрѣла мнѣ въ глаза, сквозь слезы вздохнула и прошептала, что для нея слишкомъ, слишкомъ большое счастье имѣть такую госпожу и очутиться въ объятіяхъ страстнолюбимаго мужа, котораго уже не ожидала болѣе видѣть...

Чего же ей оставалось желать болѣе?..

Бѣдное дитя! Она забывала, что мы невольники, что завтра же насъ могутъ разлучить, завтра же у насъ могутъ быть другіе господа и возобновиться наши несчастія и страданія...

XXI

Еще мы и половины не сказали всеѣо того, что хотѣли сказать другъ другу, какъ движеніе народа показало намъ, что утрення служба кончилась. Никогда еще проповѣдь моего господина не казалась мнѣ такъ коротка! Мы поспѣшили каждый на свое мѣсто: я — ожидать приказаній своего господина, а она — госпожи. Подходя къ безыскусственной кафедрѣ, я увидѣлъ, что мистеръ Карльтонъ разговариваетъ съ двумя дамами: эти дамы оказались мистрисъ Монгомери и ея дочь. Мы остановились недалеко отъ нихъ. Миссъ Монгомери, оглянувшись, увидѣла насъ; она подозвала Касси и спросила, указывая на меня: я ли ея мужъ, заставившій ее такъ волноваться сегодня утромъ? Этотъ вопросъ привлекъ вниманіе и остальныхъ слушателей, и мой господинъ былъ немножко удивленъ, увидя меня въ этомъ новомъ званіи:

— Что это, Арчи, сказалъ онъ: — что все это значить? Я въ

первый раз слышу, что ты женат! Неужели вы предъявляете право называть эту хорошенькую дѣвочку вашей женой?

Я отвѣчалъ, что она въ самомъ дѣлѣ моя жена, хотя вотъ уже два года или болѣе, какъ мы не видѣлись и даже не имѣли никакихъ извѣстій одинъ о другомъ. Я прибавилъ, что ничего не говорилъ ему о своей женѣ потому, что никогда болѣе не надѣялся видѣть ее, и теперь только случай свелъ насъ вмѣстѣ.

— Хорошо, Арчи. Если она жена твоя, такъ ужъ тутъ я ничѣмъ не могу помочь, хотя знаю, что большую часть времени ты будешь проводить въ Поплоръ-Гровъ: такъ кажется называется ваше помѣстье, мистрисъ Монгомери?

Она отвѣчала утвердительно, и помолчавши немного, замѣтила, что жаль, что такъ мало уважается супружеская связь между невольниками; она же всегда считала ее священною, и если Касси жена моя, то я могу, если только буду прилично держать себя, посвящать Поплоръ-Гровъ такъ часто, какъ позволить мистеръ Карльтонъ, и она нисколько не будетъ противъ этого.

Мой господинъ ручался, что я буду хорошо вести себя, и обратившись ко мнѣ, велѣлъ подать лошадей. Я исполнить это какъ можно скорѣе, но возвратясь не засталъ уже ни мистрисъ Монгомери, ни Касси. Мы сѣли на лошадей и уже поѣхали по дорогѣ въ Карльтонъ-Галль, когда мой господинъ вспомнилъ, что я только сегодня напоилъ жену послѣ такой долгой разлуки, и ему пришло на мысль, что намъ бы доставило удовольствіе побить подолѣе другъ съ другомъ. Онъ поздравилъ меня съ моей находкой полушутя, полусерьезно, какъ-будто сомнѣваясь въ томъ, можетъ ли рабъ серьезно рассчитывать на симпатію своего господина, и небрежно спросилъ: не хочу ли я провести остатокъ дня въ Поплоръ-Гровъ?

Такъ какъ я зналъ, что у мистера Карлтона дѣйствительно очень доброе сердце, то давно пересталъ обращать вниманіе на его кавалерскія замашки, и хотя мнѣ несовсѣмъ нравился этотъ тонъ, но его предложеніе такъ обрадовало меня, что я жадно ухватился за него. Онъ вынулъ изъ кармана карандашъ и написалъ мнѣ позволеніе; я спросилъ его о дорогѣ; онъ насколько могъ объяснилъ ее, и я пришпорилъ коня и скоро догналъ экипажъ мистрисъ Монгомери и доѣхалъ за нимъ до Поплоръ-Грова.

Это была одна изъ тѣхъ красивыхъ и даже изящныхъ дачъ, какія рѣдко, но иногда встрѣчаются въ Виргиніи и Каролинѣ. Онъ могутъ служить доказательствомъ, что жители этихъ штатовъ, несмотрѣ-

ря на общее пренебреженіе къ подобнымъ вещамъ, несомнѣнъ лишены понятія объ архитектурной красотѣ и домашнемъ удобствѣ. Къ дому вела широкая аллея изъ старинныхъ дубовъ; зданія повидимому были довольно стары, но всѣ находились въ исправности; ограда была цѣла и паркъ заботливо вычищенъ.

Какъ только дамы вышли изъ экипажа, я подошелъ къ нимъ и сказалъ мистрисъ Монгомери, что господинъ позволилъ мнѣ навѣстить жену, а она, надѣюсь, не будетъ сердиться, если я проведу здѣсь все послѣобѣденное время.

Мистрисъ Монгомери отвѣчала, что Касси слишкомъ хорошо служить ей, чтобы нельзя было позволить ей такого удовольствія, и пока я буду хорошо вести себя, до тѣхъ поръ она не будетъ противиться тому, чтобы я приходилъ къ своей женѣ. Она распрашивала меня о нашей свадьбѣ и разлукѣ. Ея тихій голосъ, естественная прелесть ея обращенія убѣдили меня, что она добрая и милая женщина. Безъ сомнѣнія на огромномъ пространствѣ американскихъ невольничьихъ владѣній есть много милыхъ женщинъ и кроткихъ хозяекъ, но какъ мало приносятъ пользы ихъ доброты! Она только кой-гдѣ проглянетъ: не въ ихъ власти облегчить жалкую участь, ни уменьшить страданія нѣсколькихъ миліоновъ несчастныхъ, которые никогда не слышали другого голоса, кромѣ голоса управляющаго, другой ласки, кромѣ ласки кнута!..

Со всѣми домашними слугами въ Поплоръ-Гровѣ обращались ласково и снисходительно, и всѣ они были очень привязаны къ господамъ; но, какъ и часто случается, положеніе полевыхъ работниковъ было совершенно другое. Три года тому назадъ, по духовному завѣщанію, послѣ смерти своего мужа мистрисъ Монгомери сдѣлалась владѣтельницею и полновластной госпожой всего помѣстья. Вслѣдствіе этого, подъ вліяніемъ своего добраго сердца и естественнаго чувства справедливости, она рѣшилась распространить и на управленіе плантаціей ту же человѣколюбивую систему, которой она всегда придерживалась въ управленіи домашнимъ хозяйствомъ. При жизни ея мужа невольники жили за три или даже болѣе миль отъ дома, и какъ имъ не позволялось приходить въ домъ, если ихъ не посылали туда, то мистрисъ Монгомери очень рѣдко видѣла кого-нибудь изъ невольниковъ, мало знала о ихъ печаляхъ и нуждахъ, и вообще не имѣла никакого понятія объ управленіи плантаціей. Въ самомъ дѣлѣ она проводила ежегодно большую часть времени у своихъ родныхъ въ Виргиніи или въ поѣздкахъ на сѣверъ; а если

и была дома, то видя нежеланіе своего мужа, чтобы она занималась этимъ предметомъ, она никогда не вмѣшивалась въ дѣло плантаціи.

Но когда мужъ умеръ и плантація съ невольниками сдѣлалась собственностью мистрисъ Монгомери, она не могла помириться съ мыслью — не думать и не заботиться о счастіи и благосостояніи слишкомъ сотни людей, которые трудились отъ утра до ночи единственно для ея выгоды. Она рѣшилась совершенно преобразовать всю систему управленія и приказала перенести усадьбу невольниковъ поближе къ дому, такъ что она могла ежедневно ходить туда и имѣть случай видѣть нужды и несчастія своихъ невольниковъ и помогать имъ.

Ее поразило ничтожное количество пищи и платья, назначенное невольникамъ ея мужемъ, и количество работы, которое онъ требовалъ. Она приказала увеличить ихъ содержаніе и уменьшить работу; узнавъ о нѣсколькихъ примѣрахъ безчеловѣчной строгости, она отставила управителя и взяла новаго. Какъ только невольники узнали, что госпожа интересуется ихъ благосостояніемъ, какъ ее забросали просьбами и жалобами: одному нужно было одѣяло, другому костюла, третьему башмаки; каждый просилъ такую бездѣлицу, въ которой жестоко было бы отказать, и каждая просьба исполнялась, а за ней слѣдовало полдюжины другихъ просьбъ одинаково ничтожныхъ и одинаково справедливыхъ. Но прежде конца года эти мелочи достигли такой значительной суммы, которая поглотила половину доходовъ плантаціи. Не проходило дня, въ который бы мистрисъ Монгомери не преслѣдовали жалобы невольниковъ на строгость новаго управителя и постоянныя просьбы избавить отъ угрожающаго наказанія. Два или три случая, когда помѣшали управляющему самымъ звѣрскимъ образомъ проявить свою власть, еще болѣе увеличили эту неурядицу. Ее измучили постоянныя жалобы, въ которыхъ она не могла добратся правды, потому что управляющій говорилъ одно, а невольники другое. И другой управляющій былъ отставленъ, третій самъ бросилъ свое мѣсто съ досады, а четвертый, рѣшившись заслужить расположеніе своей госпожи, позволялъ невольникамъ дѣлать все что имъ угодно. Очень естественно, что имѣя возможность оставаться праздными, невольники ничего не дѣлали; каждый годъ, со времени управленія мистрисъ Монгомери, жатва была плохая, а этотъ годъ почти вовсе не было сбора.

Тогда друзья сочли нужнымъ войти въ ея положеніе. Братъ, ко-

того, она любила и очень уважала его мнѣнія и совѣты, давно уже говорила ей противъ принятаго ею способа управленія, но теперь приняла болѣе рѣшительный тонъ и сказала, что ея безразсудныя мечты о счастіи невольниковъ непременно разорятъ ее. Какая необходимость быть человѣколюбивѣе своихъ оосѣдей? Не-глупость ли, преслѣдуя сентиментальный и неудобноисполнимый планъ, довести себя и дѣтей своихъ до нищенства?

Мистрисъ Монгомери защищала свои дѣйствія очень настойчиво. Она выставила, что это ея обязанность, что самъ Богъ вручилъ этихъ несчастныхъ ея власти и покровительству; она даже зашла еще далѣе и намекнула, что несправедливо жить роскошно на-счетъ усиленныхъ трудовъ ближнихъ. Она говорила съ большимъ чувствомъ о зѣвской жестокости управителей, о пыткѣ кнута... Братъ отвѣчалъ, что всѣ эти рассказы очень милы, очень великодушны, человѣколюбивы и все что угодно, и оставайся они одними рассказами, онъ и слова не скажетъ; но какъ это ни мило и ни филантропично, а все же изъ него не добудешь ни хлѣба, ни табаку. Она можетъ говорить какъ ей угодно, но если думаетъ жить доходами со своей плантаціи, то должна управлять ею какъ другіе. Великій, кто сколько-нибудь смыслить въ этомъ дѣлѣ, скажетъ, что для того, чтобы получить жатву, она должна взять строгаго управителя, вручить ему кнута и неограниченную власть употребить его. Сдѣлавши это, она можетъ назвать себя настоящей госпожой на плантаціи; но пока она будетъ слѣдовать своему настоящему плану, она будетъ рабой своихъ невольниковъ, и это кончится тѣмъ, что ихъ продадутъ за долги, а она должна будетъ просить милостыню.

Этотъ выговоръ произвелъ глубокое впечатлѣніе на мистрисъ Монгомери. Она не могла опровергать того, что плантація не приносила никакихъ доходовъ съ тѣхъ поръ какъ она стала управлять, и сознавала сама, что несмотря на всѣ ея усилія, невольники были недовольны, дѣтны и непослушны. Но все-таки ей нехотѣлось уступать. Она продолжала утверждать, что ея понятія объ отношеніяхъ господъ и рабовъ основаны на справедливости и человѣколюбіи, и кто только имѣетъ претензію на совѣсть и добродѣтель, тотъ не можетъ отвергать это. Она доказывала, что ея система очень хороша, что ей недостаетъ только управителя, у котораго было бы столько смысла, чтобы приложить ее къ дѣлу добросовѣстно.

Можетъ-быть въ этомъ была своя доля правды: еслибы она мо-

гла найти управителя вродѣ майора Торртона, она бы успѣла; но такіе люди рѣдки вездѣ, а въ невольничьихъ штатахъ Америки еще болѣе. Всѣ управляющіе въ Америкѣ составляютъ самое невѣжественное, несговорчивое, глупое, упрямое и своевольное племя, которое когда-либо существовало. Чтоже могла сдѣлать женщина съ подобными помощниками, противъ которой дѣятельно вооружились всѣ предразсудки ея сосѣдей? Дѣло шло все хуже и хуже: наличныя деньги, оставленныя ей мужемъ, были всѣ истрачены и скоро дѣла такъ запутались, что она принуждена была обратиться за помощью къ брату. Онъ отказался положительно принять какое бы то нибыло участіе въ ея дѣлахъ, если она не представитъ всего въ его исключительное распоряженіе. На эти тяжелыя условія послѣ бесполезной и непродолжительной борьбы она должна была согласиться.

Онъ тотчасъ же взялъ плантацію въ свои руки: перенесъ избы на прежнее мѣсто, возобновилъ старое положеніе, по которому ни одинъ невольникъ не долженъ былъ ходить въ дождь, если его туда не посылали; ограничилъ ихъ содержаніе прежнимъ количествомъ пищи и одежды и нанялъ управителя съ условіемъ, что мистрисъ Монгомери не станетъ слушать никакихъ на него жалобъ, ни мѣшаться какимъ бы то нибыло образомъ въ управленіе плантаціей.

Въ первый же мѣсяцъ по возобновленіи старой системы положена работникамъ бѣжала. Братъ мистрисъ Монгомери сказалъ ей, что этого и нужно было ожидать, потому что канальи такъ избаловались ея снисхожденіемъ, что не могли переносить благодѣтельной строгости дисциплины, необходимой на плантаціи. Послѣ долгихъ поисковъ и значительныхъ издержекъ и непріятностей бѣглецы, исключая одного или двухъ, были найдены и Понноръ-Гровъ подъ новымъ управленіемъ мало-помалу перешолъ къ прежней системѣ поронья и тяжелой работы. Повременамъ, несмотря на всѣ старанія предупредить это, какой-нибудь жестокой поступокъ доходилъ до ушей мистрисъ Монгомери, и въ первомъ порывѣ негодованія она объявляла, что самая тяжелая бѣдность лучше богатства и роскоши, которыя доставляются кнутомъ управителя.

Но вслѣдъ за этимъ великодушнымъ негодованіемъ у нея являлось сознаніе, что невозможно и думать отказаться отъ той роскоши, къ которой она привыкла съ дѣтства: она старалась не знать или забыть о сдѣланной несправедливости или жестокости, которую осуждало ея сердце, но которой воспрепятствовать она не имѣла.

власти, или скорѣе твердости. Она бѣжала изъ дому, гдѣ ее преслѣдовала призракъ этого тиранства по довѣренности; отвѣтственность за которую падала на нее... Она это чувствовала, какъ ни старалась увѣрить себя въ противномъ; и въ то время какъ ея невольники изнемогали отъ труда водъ ягучимъ лѣтнимъ солнцемъ Каролины или трепетали подъ кнутомъ суроваго, безжалостнаго управляющаго, мистрисъ Монгомери усиливалась разсѣять воспоминаніе объ ихъ страданіяхъ въ веселыхъ развлеченіяхъ Саратоги или Нью-Йорка.

Но часть года она должна была проводить въ Попноръ-Гровъ, и несмотря на всѣ свои старанія, не всегда могла предохранить свои чувства отъ какого-нибудь сильнаго потрясенія. Поразительный примѣръ этого былъ въ мое первое посѣщеніе: одинъ изъ работниковъ, по особенной милости управителя (который, мимоходомъ будь сказано, самъ былъ ревностный пресвитеріанецъ), получилъ отъ него позволеніе быть на митингъ мистера Карльтона. Мистрисъ Монгомери нужно было передать что-то одному изъ своихъ сосѣдей. По окончаніи митинга она замѣтила своего невольника, подозвала его и послала съ своимъ порученіемъ. Какъ только увидѣлъ его тамъ управляющій, тогчасъ спросилъ: какое дѣло ходить ему сюда, когда ему дано позволеніе пойти только на митингъ и воротиться домой? Напраено невольникъ выставлялъ въ свое оправданіе приказаніе господи: управляющій отвѣчалъ, что это все равно, что мистрисъ Монгомери не имѣетъ никакого права распоряжаться полевыми работниками; а чтобы онъ не забывалъ этого, такъ онъ тутъ же далъ ему двѣнадцать ударовъ кнутомъ. Несчастный осмѣливался придти пожаловаться мистрисъ Монгомери. Трудно передать ея гнѣвъ и огорченіе! Но условія ея съ братомъ совершенно обезоруживали ее: она едѣлала невольнику прекрасный подарокъ, сказала, что онъ наказанъ очень несправедливо и просила идти домой и никому не говорить объ этомъ. Мистрисъ Монгомери унизила до этой просьбы, надѣясь спасти бѣднягу отъ вторичнаго наказанія; но, неизвѣстно какъ, управитель узналъ обо всемъ, и чтобы отмстить за оскорбленіе своей власти и поддержать дисциплину, онъ наказалъ невольника гораздо сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Такое вредное свойство и такую разрушительную силу имѣетъ система невольничества, что во многихъ случаяхъ самое искреннее желаніе добра, самыя добросовѣстныя усилія облегчить участь невольниковъ кончаются тѣмъ, что невольникъ глубже падаетъ въ

омутъ всѣхъ бѣдотѣй!.. Нельзя отстроить ничего хорошаго на такомъ цдохомъ основаніи, вся система совершенно ложна въ самомъ основаніи: смихожденіе, доброта и человеколюбіе негровладѣльца стоятъ человеколюбія того разбойника, который, ограбивши и совершенно обобравши путника, великодушно даетъ ему что-нибудь изъ его же платья для прикрытія наготы. Какая безмыслица стараться быть человеколюбиво-безчеловѣчнымъ и великодушно-несправедливымъ!.. Первый шагъ для блага невольника, безъ котораго всѣ другіе бесполезны и даже хуже чѣмъ бесполезны, это — освободить его!

XXII

Я уже говорилъ, что воскресенье — праздникъ и для невольниковъ, и если вступаютъ въ бракъ невольники различныхъ плантацій, то это единственный случай, когда разрозненные члены одной семьи могутъ видѣть другъ друга. Многіе плантаторы, которые гордятся отличной выдержкой своихъ невольниковъ, вовсе запрещаютъ подобныя связи, и если у нихъ случается излишекъ работниковъ мужского пола, то они предпочитаютъ лучше, чтобы у одной женщины было полдюжины мужей, чѣмъ позволить избаловаться своимъ невольникамъ, шатаясь по другимъ плантаціямъ. Другіе хозяева, столь же хорошіе дисциплинаторы, но немного похитрѣе своихъ сосѣдѣй, запрещаютъ только мужчинамъ брать жену съ чужой плантаціи, а женщинамъ позволяютъ брать себѣ мужей гдѣ угодно. Они рассуждаютъ на этотъ счетъ такимъ образомъ: если мужъ идетъ навѣстить свою жену, онъ не пойдетъ съ пустыми руками, а вѣроятно понесетъ что-нибудь съѣстное, украденное съ поля своего господина, чтобы обрадовать своимъ посѣщеніемъ и сдѣлать его какимъ-то праздникомъ. Такимъ образомъ все что приносится на плантацію, остается въ чистомъ барышѣ, а иногда приношенія бываютъ такъ щедры, что можно прокормить своихъ людей насчетъ сосѣдей.

Я уже сказалъ, что въ воскресный день женатые невольники посѣщаютъ другъ друга; но для меня воскресенье не было праздникомъ, потому что въ этотъ день я долженъ былъ сопровождать мистера Кармьтона въ его духовныхъ экскурсіяхъ. Чтобы вознаграждать меня за это, мистеръ Кармьтонъ позволилъ мнѣ пользоваться четвергомъ послѣ обѣда; такимъ образомъ я могъ посѣщать Касси по крайней-мѣрѣ разъ въ недѣлю.

Слѣдующій годъ былъ самымъ счастливымъ въ моей жизни; и несмотря на все униженія и неприятности, неизбежныя въ рабствѣ, даже если это рабство облечено въ менѣе отвратительную форму, — я все-таки воспоминаю этотъ годъ съ удовольствіемъ, и это воспоминаніе до сихъ поръ еще имѣетъ силу согрѣвать мое сердце, разбитое, отравленное тяжелымъ прошедшимъ...

Къ концу года Касси сдѣлала меня отцомъ. Мой сынъ имѣлъ всю красоту матери, и только отецъ и страстно-любившій мужъ можетъ понять то чувство, съ какимъ прижималъ я крошечнаго ребенка къ своему сердцу!

Нѣтъ, никто не пойметъ моихъ чувствъ... никто, кромѣ такого же отца-невольника!.. Отецъ невольникъ!.. Правда ли, что это — дитя моихъ надеждъ и желаній, залогъ нашей взаимной любви?.. Милое, милое дитя! я твой отецъ, а ты не мое... правда ли это? Развѣ не моя обязанность, не мое право, — право и обязанность драгоценнѣе жизни — беречь его беззащитное дѣтство, воспитать его во всю любовь отца, сдѣлать человекомъ, а тогда въ свою очередь онъ заплатитъ за мои заботы, будетъ любить и беречь меня, когда я буду старъ и безсиленъ!..

Моя обязанность?.. Можетъ-быть, но — не мое право...

У негра нѣтъ правъ! Его жена, его дитя, его трудъ, его кровь, его жизнь, все что даетъ цѣну жизни, — все не его: онъ пользуется всѣмъ только по волѣ господина!.. У невольника ничего нѣтъ, и если вамъ покажется, что онъ имѣетъ что-нибудь, то это только пока угодно его господину...

И это дитя, этого крошку могутъ вырвать изъ моихъ объятій и завтра же продать въ чужія руки — и я не имѣю права вступить ся... А если и нѣтъ? если пощадятъ его дѣтство, если не вырвутъ его изъ объятій отца, не оторвутъ отъ груди матери въ то время, когда онъ еще не сознаетъ своего нечастія, — то какая грустная, жалкая, безотрадная участь его ожидаетъ!.. У него отнята даже надежда на все то, для чего стоитъ жить: онъ долженъ быть рабомъ...

Первый порывъ инстинктивнаго, безсознательнаго удовольствія, съ какимъ я смотрѣлъ на мое дитя, прошолъ невозвратно, какъ только я вспомнилъ для чего онъ родился. Много различныхъ, но одинаково грустныхъ и мучительныхъ чувствъ подымалось во мнѣ, когда я смотрѣлъ на малютку, какъ онъ спалъ на груди матери, или просыпаясь отвѣчалъ улыбкой на ея ласки. Это было очень краси-

вый мальчикъ. О милое, милое дитя! и, любя его мать, какъ я любилъ его! О какъ я любилъ его!.. Но, какъ я ни боролся, не могъ ни на минуту прогнать мучительной мысли: какая судьба его ожидаетъ?.. Я зналъ очень хорошо, что если онъ будетъ живъ, онъ проклятиемъ, справедливымъ проклятиемъ заплатитъ мнѣ за мою любовь, — проклятиемъ отцу, который далъ ему жизнь, отравленную навсегда наслѣдиемъ рабства!..

Я уже не находилъ прежняго удовольствія въ обществѣ Касси, или лучше-сказать къ моему удовольствію примѣшивалось теперь новое горе: я любилъ ее неменѣе прежняго, но рожденіе ребенка прибавило новую горечь въ чашу моего рабства. При одномъ взглядѣ на свое дитя, мнѣ представлялись страшныя картины; цѣлая будущность его явственно рисовалась предо мной, я видѣлъ своего сына обнаженнымъ, въ цѣпяхъ, исходящаго кровью подъ ударами кнута: Я видѣлъ въ немъ жалкую, дрожащую тварь, ползающую, чтобы избавиться отъ побоевъ. Я видѣлъ его униженнымъ, лишеннымъ всякаго человѣческаго чувства; онъ уже представлялся мнѣ самымъ ничтожнымъ существомъ въ мірѣ — рабомъ, довольнымъ своей участью...

Я не могъ выносить этого... Въ припадкѣ безумія вскочилъ я, вырвалъ дитя изъ рукъ матери; осыпая его ласками, думалъ о средствахъ прекратить жизнь, виновникомъ которой былъ я же самъ и которая казалось была назначена быть только продолженіемъ моихъ страданій...

Глаза мои дико блуждали и вѣроятно, на лицѣ моемъ отразилось мое ужасное намѣреніе, потомучто кроткая, вовсе неподозрительная и неспособная на ту дикую страсть, которая разрывала мое сердце, жена моя инстинктивнымъ чутьемъ матери казалась угадала отчасти мою мысль: она вскочила и неговоря ни слова выхватила ребенка изъ моихъ слабыхъ и трепещущихъ рукъ, и прижимая къ груди, бросила на меня взглядъ, который высказалъ все, чего она боялась, высказалъ еще болѣе, — что жизнь матери неразрывно связана съ жизнью ея ребенка.

Этотъ взглядъ побѣдилъ меня; руки мои опустились, какъ обезсиленные, самъ я стоялъ въ какомъ-то тупомъ оцѣпенѣніи... Мнѣ вомѣняли исполнить мое намѣреніе, но я увѣренъ, что отказавшись отъ него, я не исполнилъ обязанности отца. Эта мысль такъ овладѣла мной, что я не могъ отогнать ее отъ себя, и чѣмъ болѣе думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что для бѣднаго малютки было бы

гораздо лучше умереть. И если бы за его жизнь погибла душа моя, — я такъ люблю моего сына, что не отступился бы и предъ этимъ!

Но его мать?..

Я бы началъ убѣждать ее.. Но я зналъ, что напрасно будетъ бороться разумъ женщины противъ чувства матери; я зналъ, что одна ея слеза, одинъ такой взглядъ какъ тотъ, который она бросила на меня, вырывая ребенка, въ состояніи пересилить, даже и въ моей душѣ, самый сильный аргументъ... Мысль, что однимъ рѣшительнымъ движеніемъ я спасу моего ребенка отъ всѣхъ горькихъ страданій, которыя ему угрожали, эта мысль свѣтилась въ душѣ моей какъ слабо-мерцающая звѣзда въ темную, бурную ночь, но теперь — свѣтъ ея погасъ... Пусть живетъ дитя! Я не отниму жизни, которую самъ далъ... Нѣтъ! — хотя каждый день его жизни будетъ навлекать новыя проклятія на мою проклятую голову... и еще чьи же проклятія? — моего собственнаго дитяти!.. Вотъ та стрѣла, которая вонзилась въ мое сердце! вотъ та глубокая, глубокая рана, которой ничто не излечить!..

XXIII

Въ одно воскресенье, утромъ (мальчику моему въ то время было около трехъ мѣсяцевъ), два незнакомца неожиданно пріѣхали въ Карльтонъ-Галль. Вслѣдствіе чего мой господинъ былъ такъ серьезно занятъ, что даже счелъ нужнымъ не ѣхать на митингъ, который самъ же назначилъ въ этотъ день. Я былъ этимъ очень доволенъ, потому что могъ навѣстить свою жену и дитя.

Это было осенью. Лѣтніе жары уже прошли; утро было ясное, въ ароматномъ воздухѣ была какая-то ласкающая нѣжность, лѣса представляли такое разнообразіе цвѣтовъ, какого не бываетъ и весной. Когда я подъѣзжалъ къ Попноръ-Грову, ясное небо и красота мѣстности произвели во мнѣ чувство спокойнаго удовольствія, въ чемъ я очень нуждался, потому что въ эту недѣлю было нѣсколько случаевъ, сильно меня раздражившихъ, а теперь каждое оскорбленіе, которому меня подвергало мое положеніе, я чувствовалъ вдвойнѣ — и за себя, и за сына въ будущемъ.

Я уѣхалъ въ несомнѣннѣмъ пріятномъ расположеніи, но верховьями гора, эта мѣстность и чудный осенній воздухъ расположили меня

къ той рѣдкой веселости, которой уже нѣсколько недѣль я не испытывалъ.

Касси встрѣтила меня съ улыбкой и съ той лаской, какую милая женщина показываетъ мужу, котораго любить. Наканунѣ госпожа подарила ей новое платьице для дитяти, и она только-что одѣла его, чтобы, какъ говорила Касси, молодой человѣкъ могъ принять своего папа, взяла малютку и посадила ко мнѣ на колѣни. Обнявши меня одной рукой, она восхищалась красотой ребенка и старалась отыскать на личикѣ ребенка черты его отца. Въ полномъ упоеніи материнской любви Касси какъ-будто забыла и не думала о будущемъ, и нѣжными ласками и всѣми хитростями любящей женщины старалась заставить и меня забыть о немъ. Но это ей плохо удавалось: видъ бѣднаго, беззащитнаго, безсознательно-улыбавшагося дитяти воротилъ всѣ мои грустныя мысли. Но я не хотѣлъ разочаровывать надеждъ и усилій моей жены, и чтобы заставить ее думать, что она усѣбла, я показывалъ ту веселость, которой вовсе не чувствовалъ.

Прелестъ дня вызвала насъ на воздухъ. Мы прогуливались по полямъ и лѣсамъ и поочередно несли дитя. Касси нужно было такъ много передать мнѣ, столько анекдотовъ о понятливости нашего мальчика; она говорила со всѣмъ увлеченіемъ и живостью материнскаго чувства, я же очень мало и почти не рѣшался говорить: начавши, я бы уже не могъ удержаться, а мнѣ нехотѣлось отравлять ея удовольствіе, раздѣляя съ нею ту горечь, которая накопила въ моемъ сердцѣ.

Часы незамѣтно летѣли, солнце уже заходило. Господинъ мой приказалъ мнѣ воротиться къ ночи; пора была ѣхать. Я прижалъ ребенка къ своему сердцу, поцѣловалъ щечку Касси и пожалъ ей руку, но она какъ-будто не удовлетворялась такимъ холоднымъ прощаньемъ, обняла меня и покрыла поцѣлуями. Это такъ рѣзко отличалось отъ ея обычной застѣнчивости и робости, что я рѣшительно не понималъ ее. Неужели Касси инстинктивно предчувствовала то, что должно было случиться? Неужели пришло ей на мысль, что это быть-можетъ наше послѣднее прощанье?..

XXIV

Возвратившись въ Карльтонъ-Галль, я нашолъ все въ величайшемъ безпорядкѣ. Причину его я скоро узналъ. Назадъ тому около

года мистеру Карльтону очень понадобились деньги, что заставило его немного вникнуть въ дѣла. Тогда только онъ увидѣлъ какъ велики его долги; до сихъ же поръ онъ не имѣлъ еще о нихъ положительнаго понятія. Многочисленные кредиторы, которыхъ долго водили обѣщаніями, начинали очень надѣдаться. Мистеръ Карльтонъ рѣшилъ, что необходимо какое-нибудь энергическое средство. Самой надежной мѣрой противъ настоятельныхъ требованій со стороны кредиторовъ казалось — сдѣлать разомъ значительный заемъ, и мистеръ Карльтонъ занялъ у балтиморскихъ ростовщиковъ порядочную сумму, заложивши всѣхъ невольниковъ, даже домашнихъ слугъ, и въ томъ числѣ и меня. Эти деньги онъ истратилъ на уплату уже предъявленныхъ взысканій и на удовлетвореніе самыхъ яростныхъ кредиторовъ. Деньги были заняты на одинъ годъ, не потому, что мистеръ Карльтонъ рассчитывалъ уплатить ихъ къ этому времени изъ своихъ доходовъ, но онъ надѣялся къ концу года сдѣлать постоянный заемъ и такимъ образомъ выкупить свой залогъ.

Но надежды его не сбылись. Срокъ уплаты прошолъ еще въ то время, какъ онъ велъ переговоры съ лицами, у которыхъ надѣялся занять. Это случилось за мѣсяць до настоящаго дня.

Возвратясь домой, я узналъ, что незнакомцы, пріѣхавшіе утромъ, — агенты кредиторовъ, посланные для отобранія заложенной собственности, и уже захватили всѣхъ невольниковъ, которыхъ могли найти. Какъ только я вошелъ въ домъ, меня схватили и посадили подъ стражу. Эти предосторожности казались необходимыми, чтобы предупредить побѣги и укрывательства невольниковъ отъ ихъ новыхъ владѣльцевъ.

Мой бѣдный господинъ находился въ такомъ горѣ и затрудненіи, какъ только можно себя представить. Напрасно онъ просилъ объ отсрочкѣ и предлагалъ различныя сдѣлки: агенты объявили, что они на это не уполномочены, а имъ велѣно получить деньги или невольниковъ, и въ случаѣ если денегъ не получатъ, то отправиться въ Южную Каролину, въ Чарльстоунъ, который считался въ то время время лучшимъ рынкомъ для сбыта этого товара.

Объ уплатѣ сполна нечего было и говорить, но мистеръ Карльтонъ надѣялся, что черезъ нѣсколько дней, если онъ не сдѣлаетъ займа, о которомъ хлопоталъ, то по крайней-мѣрѣ получить временное пособіе для выкупа заложеннаго имущества.

Агенты согласились дать ему двадцать-четыре часа, но долге отказались ждать. Мистеръ Карльтонъ отчаялся сдѣлать что-нибудь

въ такое короткое время и нашолъ, что не стоитъ и пробовать. Полевые работники должны были отправиться и ужъ повидимому помочь этому нельзя было ничѣмъ; но мистеръ Карльтонъ хотѣлъ спасти своихъ домашнихъ слугъ отъ невольничьяго рынка и просилъ агентовъ оставить хотя кого-нибудь, чтобы было кому постлать постель и сварить обѣдъ.

Агенты отвѣчали, что они очень огорчены непріятнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ находится, но что со времени закладной многіе невольники, включенные въ опись, уже умерли, а многіе едва стоятъ той суммы, въ какую оцѣнены, что съ тѣхъ поръ цѣна на невольниковъ очень упала и по всей вѣроятности упадетъ еще болѣе, и что разбирая все, они считаютъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы задоженная собственность удовлетворила долгъ. Но впрочемъ, желая угодить мистеру Карльтону, насколько позволяетъ это ихъ обязанность къ довѣрителямъ, они безпрекословно примутъ вмѣсто невольниковъ деньги, если ему угодно заплатить за тѣхъ невольниковъ, которыхъ желаетъ удержать, то что они стоятъ.

У мистера Карльтона не было и пятидесяти долларовъ въ домѣ, но онъ тотчасъ же отправился, чтобы узнать сколько дадутъ взаймы ему сосѣди. Но куда ни являлся мистеръ Карльтонъ, вездѣ вѣсть о его несчастіи уже предупредила его. Все знали, что кромѣ балтиморской закладной у него есть еще много долговъ, и сосѣди считали его погибшимъ человекомъ. Очень естественно, что большая часть вовсе не чувствовала желанія дать ему денегъ, а многіе и не могли, потому что и сами находились не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ мистеръ Карльтонъ. Проѣздивши большую часть дня, онъ успѣлъ собрать нѣсколько сотъ долларовъ, но съ условіемъ, что выкупленные невольники будутъ заложены въ обезпеченіе этой суммы. Онъ возвратился домой немного раньше меня и разсуждалъ: какихъ невольниковъ оставить? Мнѣ онъ сказалъ, что я добрый и вѣрный слуга, что онъ не хотѣлъ бы разстаться со мной, но какъ у него нѣтъ денегъ, чтобы выкупить насъ всѣхъ, то онъ и предпочелъ удержать за собой только свою старую кормилицу съ ея семействомъ. Нето—чтобы услуги ихъ были особенно нужны ему, но старуха—мать была долго любимой служанкой, ея дѣти родились и выросли въ его домѣ, и онъ считаетъ своимъ долгомъ удержать ее во всякомъ случаѣ. Агенты отпустили тѣхъ слугъ, которыхъ онъ

выбралъ, остальныхъ же заперли на замокъ и предупредили, что завтра рано мы должны быть готовы въ дорогу.

У меня оставалась одна надежда : я думалъ, что если мистрисъ Монгомери узнаетъ о моемъ положеніи, то непременно купитъ меня. Я высказалъ это моему господину ; онъ отвѣчалъ, что лучше мнѣ не утѣшать себя этой надеждой, потомучто у мистрисъ Монгомери и такъ больше слугъ въ домѣ, чѣмъ сколько ей нужно. Впрочемъ онъ сейчасъ же написалъ мистрисъ Монгомери и объяснилъ мое положеніе ; слуга былъ отправленъ съ его письмомъ и я съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта.

Наконецъ посланный возвратился. Мистрисъ Монгомери съ дочерью поѣхала сегодня утромъ къ своему брату, который жилъ миль за десять отъ Попноръ-Грова, и пробудетъ тамъ дня три или четыре. Мнѣ казалось, что я слышалъ объ этомъ сегодня утромъ, но въ огорченіи и тревогѣ это совершенно исчезло изъ моей памяти. Моя послѣдняя надежда пропала. Потерявъ ее, мнѣ стаю страшно тяжело. До сихъ поръ я скрывалъ отъ самого себя всю тяжесть моего положенія ; я уже привыкъ къ несчастіямъ. Но это несчастіе было выше всего, что я когда-нибудь вытерпѣлъ. Правда, я уже былъ разъ разлученъ съ женой, но тогда тѣлесныя страданія и бредъ горячки притупили муки разлуки ; теперь отнимали меня отъ жены и отъ сына !.. И ничто не отвлекало моего вниманія отъ мысли о нихъ, ничто не заглушало мученій сознательной агоніи... Сердце мое наполнилось безсильной злобой и билось такъ сильно, какъ-будто хотѣло выскочить изъ груди, голова моя горѣла какъ въ огнѣ... Я хотѣлъ плакать, но и въ этомъ облегченіи мнѣ было отказано : я не плакалъ, внутренній жаръ поглощалъ мои слезы...

Первымъ движеніемъ моимъ было постараться убѣжать, но мои новые владѣльцы были слишкомъ хорошо знакомы съ законнымъ воровствомъ, чтобы дать мнѣ возможность для этого ; насъ заперли всѣхъ въ одну изъ пристроекъ. Для большей части невольниковъ эта предосторожность была совершенно лишняя : очень многихъ такъ измучило и истерзало жестокое обращеніе управляющаго, что они радовались какой-бы то нибыло перемѣнѣ, и когда мистеръ Карльтонъ сдѣлалъ имъ прощальный визитъ и началъ выражать свое сожалѣніе о ихъ несчастіи, многіе были такъ дерзки, что прямо сказали ему, что вовсе не считаютъ этого несчастіемъ, потомучто что-бы нибыло, а ужь хуже обращаться съ ними, чѣмъ обращался его управитель, не будутъ. Это смѣлое объясненіе по-

видимому не понравилось мистеру Карльтону и подѣйствовало безъ сомнѣнія не очень успокоительно на его чувства, и онъ очень быстро ушелъ отъ нихъ.

Рано утромъ насъ собрали въ дорогу; провизію и маленькихъ дѣтей положили на повозку, а насъ всѣхъ сковали вмѣстѣ и повели обычнымъ порядкомъ.

Это былъ ужасный путь: мы недѣли двѣ или три пробыли въ дорогѣ. Для невольниковъ, которыхъ ведутъ на продажу, съ нами обращались необыкновенно человѣколюбиво: на третій или на четвертый день дѣтей и женщинъ освободили отъ цѣпей, а для чезрезъ два или три и мужчинамъ было оказано то-же снисхожденіе, но болѣе подозрительныхъ оставили въ оковахъ. Наши вожатые повидимому старались, чтобы мы сколько-нибудь оправались для возвышенія нашей стоимости. Мы проходили въ день немного; всѣ были обуты и хорошо накормлены; на ночлегъ мы останавливались возлѣ дороги, разводили большой огонь, варили «гомини» и дѣлали навѣсъ изъ вѣтокъ, чтобы спать. Многіе невольники увѣряли, что во всю жизнь съ ними не обращались такъ хорошо, и они прохаживались съ хохотомъ и пѣснями, такъ что можно было ихъ скорѣе принять за людей, гуляющихъ для своего собственнаго удовольствія, чѣмъ за невольниковъ, которыхъ ведутъ на торгъ. Невольникъ такъ мало знакомъ съ удобствами и лаской, что всякая бездѣлица приводитъ его въ восторгъ, малѣйшая прибавка къ порціи заставитъ его полюбить даже своего погонщика!

Пѣсни и смѣхъ товарищей еще болѣе увеличивали мою тоску. Они замѣтили это и старались всѣми силами развеселить меня. Рѣдко встрѣчаются такіе добрые товарищи! Ихъ незатѣйливыя старанія утѣшить меня нѣсколько облегчили мои страданія; въ сочувствіи самаго простаго человѣческаго существа есть гораздо болѣе силы, чѣмъ думаютъ гордые дѣти роскоши! Я сдѣлался любимцемъ карльтонскихъ невольниковъ, что мнѣ стоило очень немногаго, потому что я давно уже отказался отъ смѣшного предрасудка и глухой гордости, которые прежде удаляли меня отъ другихъ невольниковъ и справедливо вызывали ненависть и нерасположеніе ихъ ко мнѣ. Опытъ сдѣлалъ меня благоразумнѣе: я не раздѣлялъ больше ложныхъ убѣжденій нашихъ притѣснителей объ естественномъ превосходствѣ ихъ породы, убѣжденій, основанныхъ на смѣшныхъ предрасудкахъ гордаго невѣжества, давно уже отвергнутыхъ благородными, образованными людьми. Но это убѣжденіе

все-таки остается вѣрой всей Америки и служить, могу сказать, единственнымъ основаніемъ, на которомъ держится незаконное званіе американскаго невольничества. Я поставилъ себѣ въ обязанность заслужить расположеніе и любовь моихъ товарищей, сблизившись съ ними, принимая участіе во всемъ, что до нихъ касается, и оказывая имъ тѣ небольшія услуги, которыя я могъ дѣлать, пользуясь милостью мистера Карльтона. Разъ или два я даже переступалъ эти границы и доставилъ себѣ серьезную неприятность, передавши моему господину, какія жестокости позволялъ себѣ его управитель. Но хотя я не всегда успѣвалъ услужить имъ, тѣмъ неменѣе они были благодарны за мои старанія.

Когда мои товарищи замѣтили мою грусть, они тотчасъ прекратили свои пѣсни, и истощивши весь запасъ утѣшительныхъ фразъ, продолжали свои разговоры гораздо тише и сдержаннѣе, какъ-будто нежелая раздражать меня своей — какъ мнѣ могло показаться — неразумной веселостью. Я понялъ ихъ намѣреніе и глубоко былъ тронуть; но мнѣ нехотѣлось, чтобы моя грусть бросила тѣнь на ихъ быть-можетъ единственный праздникъ, который позволить имъ ихъ несчастная участь. Я сказалъ, что скорѣе всего развеселюсь, если увижу ихъ веселыми, и хотя мое сердце болѣло и готово было разорваться, я смѣялся и затянулъ пѣсню. Всѣ присоединились и составили хоръ, который раздался громче прежняго; смѣхъ вокругъ и шумная веселость товарищей скоро позволили мнѣ снова погрузиться въ мое угрюмое молчаніе.

Я чувствовалъ то-же что и всякій человѣкъ: я любилъ мою жену и мое дитя, и еслибы смерть или другая какая-нибудь неизбежная, естественная необходимость лишила меня ихъ, я бы безъ сомнѣнія плакалъ бы по нимъ, но къ этому огорченію не примѣшивалось бы другое горькое чувство!.. Но мысль, что самыя дорогія узы — мужа и отца, узы, такъ крѣпко приросшія къ моему сердцу, теперь разрывались насильственно, неожиданно... По прихоти кредитора, и еще чужого, меня сковали, оторвали отъ дома и повели на рынокъ, чтобы уплатить долгъ человѣка, который называетъ себя моимъ господиномъ, — эта мысль возбуждала во мнѣ горькую ненависть и жгучее негодованіе противъ законовъ и народа, допускающихъ подобныя вещи... Но самое жестокое душевное волненіе успокаивается само собою: если человѣкъ переживетъ первыя минуты страданія, то умъ его скоро начнетъ приходить въ свое есте-

ственное положеніе. Я испытывалъ это. Сначала муки безсильной, бѣшеной злобы одолѣли меня, потомъ чувства мои постепенно успокоивались и наконецъ замѣнились мрачнымъ, безысходнымъ, спокойнымъ горемъ, тѣмъ горемъ, которое можно забыть, развлекшись на минуту, но которое, какъ угрызеніе совѣсти, такъ глубоко вѣдается въ сердце, что ничто не вырветъ его оттуда!..

XXV

Наконецъ мы пришли въ Чарльстоунъ, столицу Южной Каролины. Нѣсколько дней мы оправлялись послѣ длиннаго путешествія. Какъ только мы отдохнули, насъ одѣли въ новыя платья и вообще придали самую выгодную наружность; затѣмъ насъ выставили на показъ покупателямъ. Дѣти и женщины, обрадованныя обновками, повидимому восхищались новостью своего положенія и такъ старались найти покупателя и возвысить себѣ цѣну, какъ-будто торгъ былъ назначенъ для ихъ выгоды. Большая часть нашихъ, въ томъ числѣ и я, достались одному покупателю. Насъ купилъ генералъ Картеръ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ плантаторовъ Южной Каролины. Тотчасъ же мы были отправлены на одну изъ его плантацій, довольно далеко отъ города.

Нижняя часть Южной Каролины, то-есть цѣлая половина ея, отъ Атлантическаго океана на восемьдесятъ или на сто миль внутрь, за исключеніемъ одного мѣста, о которомъ я буду говорить, представляетъ одну изъ самыхъ бесплодныхъ, печальныхъ и совершенно непривлекательныхъ земель въ мірѣ. Почва здѣсь вообще одинъ песокъ; кой-гдѣ въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія видны лѣса длиннохвойной сосны: на мѣстномъ выразительномъ нарѣчій мѣсто это называется «Pine barrens», Сосновые пески. Нѣсколько миль эти пески представляютъ совершенную равнину, возвышающуюся только на нѣсколько футовъ надъ поверхностью моря. Высокіе, прямые, лишенные вѣтокъ стволы сосенъ поднимаются какъ тонкія колонны, увѣчанные пучкомъ спутанныхъ сучьевъ и длинной щетиистой хвои. Вѣтеръ, проходя сквозь нихъ, издаетъ однообразный звукъ, похожій на шумъ водопада или волнъ, разбивающихся о берегъ; рѣдко видна какая-нибудь растительность: только стелется по землѣ вѣчно зеленая пальметто, или кой-гдѣ разбросана грубая трава, на которой полудикія стада рогатаго скота пасутся лѣ-

томъ и дохнуть зимою ; кой-гдѣ торчащія сосны нисколько не нарушаютъ скучнаго однообразія степи. Мѣстами она прерывается почти непроходимыми болотами, заросшими лаврами, водяными дубами, кипарисами и другими большими деревьями. По ихъ развѣсистымъ вѣткамъ и бѣлымъ стволамъ виситъ фестонами до самой земли длинный черный мохъ, — настоящій траурный покровъ болѣзни и смерти. Широкія, но неглубокія рѣки весною и зимой наполняются отъ сильныхъ дождей, часто заливаютъ низкіе, топкіе берега и увеличиваютъ болотное пространство. Оттуда поднимаются ядовитыя испаренія, производящія лихорадку. Тотъ же безплодный видъ долго поражаетъ васъ, даже въ верхней части страны. Здѣсь начинаются холмы, разбросанные въ самомъ прихотливомъ порядкѣ ; во многихъ мѣстахъ не растетъ даже сосна, а только чахлые кустарники blackjack'a и малорослыхъ дубовъ ; въ другихъ даже и того нѣтъ, и только безплодный песокъ волнуется вѣтромъ. Изъ всего этого пространства, которое, несмотря на песокъ, могло бы (а при свободной промышленности — непременно) быть приведено въ плодородное состояніе, теперь обрабатываются только небольшія мѣста, большею частью возлѣ рѣкъ, какія нашла возможнымъ удобрить дорогая и безрасчетливая система невольничьихъ работъ ; большая же часть остается до сихъ поръ въ своей первобытной дикости и сохраняетъ печальный и страшно-однообразный видъ.

Но это описаніе нисколько не относится до мѣстъ, расположенныхъ на берегу моря отъ устьевъ Санти до Саванны. Оно занимаетъ пространство въ двадцать и въ тридцать миль внутрь страны. Пространство между двумя рѣками представляетъ рядъ острововъ — знаменитые сіайлендскіе рынки хлопчатой бумаги. Твердая земля, отдѣленная отъ острововъ узкими и извилистыми каналами, прорѣзана довольно глубоко множествомъ заливовъ и бухтъ. Острова представляютъ красивый мысъ, возвышающійся со стороны океана, но противоположные берега низки и болотисты. Прежде они были покрыты великолѣпной зеленью вѣчнозеленыхъ дубовъ, — самое красивое дерево, какое можно видѣть. Почва легкая, но такъ плодородна, какъ никогда не бываетъ на внутреннемъ песчаникѣ. Мели защищаютъ землю отъ приливовъ и наводненій, а поля раздѣляются и осушаются рвами и каналами. Тѣ изъ нихъ, которыя достаточно могутъ быть орошены свѣжей водой, обрабатываются для риса ; остальные употребляются для производства сіайлендскаго хлопка — родъ растительной шерсти, которая превосходитъ всѣ другіе длиннотою

своихъ волоконъ и соперничествуеть съ шолкомъ въ крѣпости и нѣжности.

Эти прекрасныя мѣста представляютъ рѣзкую противоположность съ остальными частями нижней Южной Каролины. Куда ни посмотришь, вездѣ видна ровная, превосходно обработанная земля, перерѣзанная заливами и рѣками. Резиденціи плантаторовъ — большаго частію прекрасныя зданія, расположенныя на красивыхъ возвышенностяхъ, въ тѣни рѣдкихъ деревьевъ и кустарниковъ. Владѣльцы этихъ домовъ живутъ здѣсь только зимою; лѣтомъ прогоняютъ ихъ отсюда отчасти утомительное однообразіе праздности, а отчасти нездоровый климатъ, который становится еще вреднѣе отъ производства риса. Отсутствующая аристократія собирается въ Чарльстоунъ или на водахъ сѣвера ослѣплять и удивлять всѣхъ своимъ сумасброднымъ мотовствомъ и безпечной расточительностью. Плантаціи предоставляются въ полное распоряженіе управителей, которые съ своими семействами составляютъ почти единственное населеніе свободныхъ людей, постоянно живущихъ въ этой странѣ. Здѣсь невольниковъ въ десять разъ болѣе чѣмъ свободныхъ. Вся эта прекрасная, богатая страна обречена на доставленіе нѣсколькимъ сотнямъ семействъ возможности жить въ роскоши и хвастливой, разорительной праздности, благодаря которой они становятся бесполезными людьми для всѣхъ и тяжелымъ бременемъ для себя. Для достиженія этой-то высокой цѣли болѣе сотни тысячъ людей подвергаются такимъ страданіямъ и такому униженію!..

Нашъ новый господинъ, генералъ Картеръ, былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ американскихъ магнатовъ. Огромная плантація, называвшаяся Лузагачи, куда насъ отправили, была только одна изъ нѣсколькихъ, которыми онъ владѣлъ. Для меня, какъ для виргинца, многое было совершенно ново, и самая сторона, и способъ управленія. Я и мои товарищи привыкли хотя къ небольшому количеству мяса, но которое бы разнообразило мучную пищу; а потому неприправленное ничѣмъ гомини показалось намъ невкуснымъ и непитательнымъ. Намъ, чуждымъ пришельцамъ, еще небыли знакомы мѣстные обычаи и неизвѣстенъ способъ увеличить скудное и недостаточное содержаніе, принятый невольниками въ Каролинѣ. Намъ оставалось одно средство — прибѣгнуть къ великодушію господина.

Черезъ двѣ недѣли послѣ нашего поселенія въ Лузагачи генералъ Картеръ съ нѣсколькими друзьями пріѣхалъ изъ Чарльстоуна.

въ Лузагачи, чтобы посмотрѣть какова жатва. Мы рѣшились попытаться теперь улучшить наше содержаніе. Боясь отказа, мы рѣшились быть какъ можно умѣреннѣе въ нашихъ просьбахъ, и послѣ долгихъ толковъ между собою положили попросить у нашего господина немножко соли для приправы гомини; къ этой роскоши мы давно привыкли, но въ Лузагачи соли не полагалось, а просто давался гарнецъ зерна въ недѣлю на работника.

Мои товарищи просили меня быть ораторомъ на этотъ случай, и я охотно согласился.

Когда генералъ Картеръ подѣхалъ съ своими друзьями къ тому мѣсту, гдѣ я работалъ, я подошелъ къ нему. Онъ спросилъ зачѣмъ я оставилъ свою работу и что мнѣ нужно? Я отвѣчалъ, что я одинъ изъ вновь купленныхъ невольниковъ, что часть нашихъ родилась и выросла въ Виргиніи, а другая въ Сѣверной Каролинѣ, что мы не привыкли къ одной гомини безъ всякой приправы и сочтемъ за величайшую милость, если онъ прикажетъ выдавать намъ немного соли. Моя дерзкая просьба кажется очень удивила его. Онъ спросилъ какъ меня зовутъ?

— Арчи Муръ, отвѣчалъ я.

— Арчи Муръ! вскричалъ онъ со смѣхомъ. — А скажите пожалуйста, давно завелась у васъ мода имѣть и фамиліи? Я въ первый разъ встрѣчаю такого дерзкаго малаго! Да ты чортъ—знаетъ какъ дерзокъ! Это видно по твоимъ глазамъ. Позвольте мнѣ просить васъ, мистеръ Арчи Муръ, довольствоваться однимъ именемъ Арчи, когда я въ другой разъ спрошу бы васъ!

Я принялъ имя Мура, оставивши Спрингъ-Мидоу, что очень часто случается въ Виргиніи и нисколько не считается преступленіемъ. Но уроженцы Южной Каролины, доведши какъ кажется теорію и практику насилія до высшей степени совершенства, оскорбляются всѣмъ, что можетъ поставить ихъ невольниковъ въ какомъ-нибудь отношеніи выше ихъ собакъ и лошадей.

Слова и голосъ Картера могли вывести изъ себя, но я не отступалъ, и молча выслушавши ихъ, попытался самымъ почтительнымъ тономъ возобновить мою просьбу — позволить выдавать намъ немного соли для гомини.

— Да я еще не встрѣчалъ такихъ проклятыхъ, ничѣмъ недовольныхъ тварей, какъ эти! былъ отвѣтъ. — Да знаете, что вы и то скоро меня съѣдите? Довольно и того, что я покупаю вамъ хлѣбъ!

А нужно вамъ соли, такъ развѣ за пять миль отсюда нѣтъ морской воды? Нужна вамъ соль — такъ и добывайте ее!

Съ этими словами онъ и его товарищи поворотили коней, и всѣ захохотали надъ этимъ остроумнымъ отвѣтомъ.

XXVI

Между слугами мистера Карльтона, а теперь поступившими въ собственность генерала Картера, былъ одинъ по имени Томасъ. Я подружился съ нимъ еще въ Карльтонъ-Галлѣ и теперь оставался съ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ. Онъ былъ чисто-африканской крови, красивъ собой, сильнаго, здороваго сложенія и во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательный человекъ.

При физической силѣ и необыкновенной способности переносить усталость и лишения, у него была рѣдкая сила воли. Страстный по природѣ, онъ — что рѣдко бываетъ съ невольниками — совершенно владѣлъ своими страстями, и въ словахъ и поступкахъ былъ кротокъ какъ дитя.

Дѣло въ томъ, что онъ въ ранней юности попался въ руки жившихъ по сосѣдству методистовъ, и ихъ ученіе такъ сильно и прочно подѣйствовало на него, такъ глубоко онъ напитался ихъ догматами, что казалось въ немъ были вырваны съ корнемъ самыя могучіе двигатели человѣческаго сердца. Его религіозныя наставники успѣли вложить въ его гордую, непреклонную по природѣ душу ученіе пассивной покорности и многострадальнаго долготерпѣнія. И для Томаса слова этихъ наставниковъ не остались одними словами, которыя легко забываются: въ жизнь мою я не встрѣчалъ человека, надъ которымъ бы это ученіе имѣло такую могучую власть!

Природа создала его однимъ изъ тѣхъ высокихъ поборниковъ, которые становятся грозой притѣснителей и смѣлыми защитниками свободы; но подъ вліяніемъ своей религіи онъ сдѣлался страдательнымъ, покорнымъ и послушнымъ рабомъ. Онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ долгомъ быть совершенно вѣрнымъ своему господину; никогда не пробовалъ виски, скорѣе умеръ бы съ голоду, чѣмъ украсть, скорѣе перенесъ бы кнутъ, чѣмъ рѣшился на ложь. Такія рѣдкія въ невольникѣ качества, вмѣстѣ съ добровольнымъ послушаніемъ и трудолюбіемъ, заслужили ему расположеніе даже управителя мистера Карльтона: съ нимъ обращались какъ съ довѣреннымъ

слугой, отдавали ключи и поручали выдавать провизию. Онъ исполнялъ эти порученія съ такой строгой добросовѣстностью, что и притхотливый управляющій не могъ ни къ чему придраться. Десять лѣтъ прожилъ онъ въ Карльтонъ-Галлѣ и ниразу не былъ выстченъ! Но что всего удивительнѣе, Томасъ, заслуживая довѣренность управителя, пользовался въ тоже время любовью своихъ товарищевневольниковъ. Не было человѣка добрѣе и лучше характеромъ чѣмъ Томасъ; онъ всегда былъ готовъ помочь всякому: съ голоднымъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, слабому — окончить заданную работу. Кромѣ этого онъ былъ духовнымъ руководителемъ нашихъ невольниковъ и могъ проповѣдовать и молиться нехуже своего учителя. Я не раздѣлялъ его религіознаго энтузіазма, но любилъ и уважалъ его какъ человѣка, и мы съ нимъ очень сблизились.

У Томаса была жена Анна. Это было веселое, доброе, хорошенькое созданіе, страстно-любимое своимъ мужемъ. Томасъ считалъ величайшимъ счастьемъ, что при переѣздѣ изъ Карльтонъ-Галля его не разлучили съ женой: въ этомъ онъ видѣлъ особенную милость провидѣнія. Въ какомъ онъ былъ восторгѣ, когда узналъ, что генералъ Картеръ купилъ и Анну! Единственнымъ желаніемъ его было попасть въ руки одного покупателя, и этому покупателю онъ сталъ служить такъ же усердно и вѣрно, какъ по его ученію долженъ рабъ служить господину, тогда какъ мы съ самага пріѣзда изъ Карльтона-Галля не переставали жаловаться на тяжелую работу и плохой кормъ. Одинъ Томасъ не говорилъ ни слова, но работалъ такъ прилежно и хорошо, что скоро заслужилъ репутацію отличнѣйшаго работника.

У Томаса былъ ребенокъ нѣсколькихъ недѣль. По обычаю Каролины его приносили на поле, чтобы покормить, потомучто каролинскіе плантаторы, расточительные во всемъ другомъ, очень расчетливы въ томъ, что касается ихъ невольниковъ. Въ одно жаркое послѣ-обѣда Анна съла подъ деревомъ и взяла дитя изъ рукъ маленькой дѣвочки, которая сама едва начала ходить, — она же была и нянькой ребенка впродолженіе дня. Исполнивши свой материнскій долгъ, Анна медленно и можетъ-быть нехотя, возвращалась къ своей работѣ, какъ въ эту сторону поля проѣхалъ мистеръ Мартинъ: такъ назывался управитель.

Мистеръ Мартинъ слылъ за строгаго и отличнаго надзирателя (overseer): онъ поставилъ за правило изгнать лѣность изъ Лузагачи. Для него всегда казалось, что при ходьбѣ теряетя много времени, а

потому, если кому изъ работниковъ нужно было перейти на другую сторону поля, онъ долженъ былъ перебѣжать. Забыла ли Анна объ этомъ, но только она не исполнила этой смѣшной статьи плантаторской дисциплины. Едва замѣтилъ это управитель, какъ подсказавши къ ней, назвалъ лѣнливой дрянью и началъ бить кнута по головѣ. Томасъ работалъ недалеко отсюда; каждый ударъ женѣ десятиро больнѣе отзывался въ его сердцѣ. Этого испытанія не могъ и онъ выдержать. Онъ рванулся впередъ, хотѣлъ обжать женѣ на помощь. Всѣ мы, кто былъ здѣсь, просили его остаться, увѣряя, что онъ себя только надѣляетъ неприятностей. Но крики и стоны жены сдѣлали его глухимъ къ нашимъ просьбамъ. Томасъ бросился впередъ, и прежде чѣмъ управитель опомнился, вырвалъ у него кнутъ и спросилъ: какъ онъ смѣетъ бить женщину, которая его ничѣмъ не оскорбила?

Съ точки зрѣнія мистера Мартина подобное объясненіе было такой дерзостью, къ которой онъ былъ вовсе не приготовленъ: онъ заставилъ свою лошадь сдѣлать шага два назадъ, потомъ, придя въ себя, опустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда пистолетъ и прицѣлился въ Томаса; но тотъ бросилъ кнутъ и пустился обжать. Мистеръ Мартинъ выстрѣлилъ, но рука его слишкомъ дрожала — онъ промахнулся, а Томасъ перескочилъ черезъ плетень и исчезъ въ окружавшемъ его густомъ лѣсу.

Непопадъ въ мужа, управитель обратился къ женѣ: та дрожала и плакала. Мистеръ Мартинъ задыхался отъ злости и бѣшенства и рѣшился, какъ видно, выместить все на несчастной, беззащитной женщинѣ: онъ позвалъ одного изъ своихъ помощниковъ, и еще двухъ или трехъ человѣкъ на помощь, и приказалъ раздѣть ее.

Окончивши приготовленія, мистеръ Мартинъ началъ пытку. За каждымъ ударомъ кнутъ врѣзывался въ тѣло Анны, и когда несчастная подняла вверхъ свои измученныя, изборожденныя руки, кровь лилась ручьями; она ужасно кричала... Какъ я ни привыкъ къ подобнымъ сценамъ, но у меня сердце запыло и голова закружилась... Незнаю какъ я удержался, но я увѣренъ, что только низкій, трусливый рабъ можетъ присутствовать при такой пыткѣ и униженіи женщины и — не вступить за нее!

Еще мистеръ Мартинъ не кончилъ, какъ уже бѣдная Анна упала безъ чувствъ на землю. Онъ приказалъ намъ сдѣлать носилки изъ палокъ, заступовъ и сухихъ вѣтокъ и отнести ее въ ея избу. Мы положили ее въ сѣняхъ; управитель принесъ тяжелую цѣпь, однимъ

концомъ которой приковалъ Анну за шею, а другой укрѣпляетъ въ перекладину, говоря, что этотъ обморокъ — одно притворство, а если ее не приковать, такъ она убѣжитъ вслѣдъ за своимъ мужемъ.

Намъ всѣмъ приказано было отправиться въ лѣсъ отыскивать Томаса. Мы раздѣлились и показывали видъ, что осматриваемъ каждое мѣсто, гдѣ онъ могъ укрыться: но исключая помощника управителя и одного или двухъ негодяевъ, хотѣвшихъ заслужить расположеніе мистера Мартина, я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ насъ желалъ или старался отыскать Томаса. Недалеко отъ огорожи было низкое болотистое мѣсто, густо заросшее тростникомъ и разными деревьями. Пробираясь черезъ него, я неожиданно наткнулся на Томаса, сидѣвшаго возлѣ толстаго пня. Онъ положилъ руку мнѣ на плечо и спросилъ, что сдѣлалъ управитель съ его женой? Я сколько могъ скрылъ отъ него, но рассказалъ въ какомъ бѣшенствѣ былъ мистеръ Мартинъ, и прибавилъ, что лучше ему не показываться, пока тотъ хотя сколько-нибудь не успокоится. Я обѣщалъ ему придти опять вечеромъ и принести ему поѣсть, убѣждая его оставаться здѣсь, потому что нельзя было опасаться, чтобы тутъ его нашли.

Скоро намъ приказали прекратить безполезные поиски и приняться за работу. Я какъ можно скорѣе окончилъ заданный урокъ, пошелъ домой, взялъ кой-какой провизіи и отправился къ Аннѣ. Она лежала на полу, закованая, въ томъ же положеніи, какъ мы ее оставили. Стоны показывали, что она настолько пришла въ себя, чтобы чувствовать боль; она жаловалась, что цѣпь третъ ей шею и не даетъ дышать. Я старался сколько-нибудь распустить ее, какъ вдругъ вошелъ мистеръ Мартинъ. Онъ спросилъ, по какому праву я забочусь объ этой женщинѣ, и приказалъ идти къ своему дѣлу. Я хотѣлъ оставить Аннѣ поѣсть, но онъ велѣлъ забрать все обратно, говоря, что эта дрянь, какъ поговѣтъ денька два, такъ научится лучше вести себя.

Съ тяжелымъ сердцемъ поднялъ я корзинку и вышелъ изъ избы. Какъ только стемнѣло, я отправился къ Томасу. Сдѣлавши большой кругъ изъ опасенія, чтобы управитель или его шпионы не слѣдили за мной, я нашолъ Томаса на томъ же самомъ мѣстѣ. Убѣдительныя просьбы его заставили меня подробно рассказать что вытерпѣла несчастная Анна и въ какомъ положеніи она теперь находилась. Это его сильно разстроило; онъ то плакалъ какъ дитя, то старался удержаться, повторяя вполголоса молитвы и тексты изъ св.

писанія. Но все это не помогло. Дикій порывъ страсти заставилъ забыть религіозную щекотливость : онъ послалъ проклятіе безчеловѣчному управителю со всей энергіей мстителя-мужа за жену... Наконецъ Томасъ овладѣлъ собой и началъ упрекать самого себя, обвиняя во всемъ свое глупое вмѣшательство. Мысль, что любя жену, онъ сдѣлался причиной ея страданій, доводила его почти до безумія. Но скоро страсть снова побѣдила все : лицо его судорожно исказилось, грудь тяжело подымалась, и только вырывавшіяся по временамъ угрозы и глухія проклятія облегчали его страданія.

Онъ спросилъ меня : что дѣлать? Я зналъ, что управитель страшно взбѣшонъ на него ; я слышалъ, какъ онъ говорилъ, что если такая наглая дерзость не будетъ примѣрно наказана, то этого довольно, чтобы развратить и взбунтовать всѣхъ невольниковъ вокругъ. Я зналъ, что мистеръ Мартинъ не осмѣлится прямо убить Томаса (запрещеніе совершать убійство есть единственная граница власти управляющаго), но, если онъ захочетъ, имѣетъ право предать его такимъ истязаніямъ, предъ которыми будутъ ничтожны всѣ муки обыкновенной смерти. А потому я посоветовалъ Томасу бѣжать : если его и поймутъ послѣ, то хуже не будетъ, когда бы онъ и добровольно сдался теперь.

Сначала повидимому этотъ совѣтъ понравился Томасу ; на лицѣ его показалось выраженіе такой смѣлой рѣшительности, какой прежде я никогда не замѣчалъ въ немъ. Но въ ту же минуту это выраженіе исчезло.

— Вдѣсь Анна, сказалъ онъ : — я немогу оставить жену, а она, бѣдняжка, такая робкая, что еслибы и здорова была, то я никогда бы немогъ уговорить ее бѣжать со мною. Нѣтъ, Арчи! не хочу я бѣжать, немогу я оставить свою жену!..

Что я могъ отвѣчать? Я понималъ Томаса, вполне ему сочувствовалъ и немогъ не согласиться съ нимъ : противъ такихъ чувствъ были-бы напрасны всякіе доводы, да я-бы не рѣшился и приводить ихъ, и какъ я немогъ дать лучшаго совѣта, то и замолчалъ.

Томасъ повидимому о чемъ-то задумался и все смотрѣлъ въ землю ; наконецъ сказалъ, что обдумалъ и рѣшился идти въ Чарльстоунъ пожаловаться самому господину.

Судя по тому, что я зналъ о генералѣ Картерѣ, я не очень рассчитывалъ на его правосудіе и великодушіе, но какъ этотъ планъ повидимому понравился Томасу и представлялъ единственные шансы на успѣхъ, то я одобрилъ его.

Поѣвши то что я принесъ ему, Томасъ рѣшился сейчасъ же отправиться въ дорогу. Онъ только разъ былъ въ Чарльстоунѣ съ тѣхъ поръ какъ жилъ въ Лузагачи ; но онъ былъ изъ тѣхъ, которые разъ побывавши гдѣ-нибудь, уже не забудутъ дороги, а потому я не сомнѣвался, что онъ дойдетъ до города.

Возвратясь домой, я такъ тревожился и опасался за успѣхъ плана Томаса, что немогъ спать. На разсвѣтѣ я пошолъ на работу. Мое тревожное состояніе дѣйствовало на меня какъ возбуждающее средство, такъ что я окончилъ мою работу гораздо раньше моихъ товарищей. Проходя чрезъ поле домой, я увидѣлъ, какъ по дорогѣ проѣхалъ экипажъ генерала Картера и къ запяткамъ его былъ прикованъ Томасъ...

Экипажъ подѣхалъ къ дому, изъ него вышелъ генералъ Картеръ и сейчасъ же послалъ за мистеромъ Мартиномъ, который еще съ ранняго утра съ ружьемъ и собакой отправился по лѣсамъ отыскивать Томаса. Между тѣмъ генералъ Картеръ приказалъ собрать всѣмъ невольникамъ нашей плантаціи.

Наконецъ пришло и мистеръ Мартинъ. Увидѣвши его, генералъ Картеръ вскричалъ :

— Ну, сэръ! я привелъ вамъ бѣглеца. Повѣрите ли? негодяи имѣлъ дерзость придти въ Чарльстоунъ съ своими жалобами! Изъ его же рассказа я узналъ, что онъ сдѣлалъ величайшую дерзость, какую только я когда-нибудь слышалъ : вырвать кнутъ изъ рукъ управителя! Хорошо пойдутъ дѣла, когда такіе негодяи вздумаютъ оправдывать подобное нарушеніе дисциплины! Скоро послѣ этого они захотятъ перерѣзать намъ горла!.. Впрочемъ я не далъ этому негодяю и пяти словъ сказать : я сказалъ, что скорѣе все прощу, чѣмъ дерзость, сдѣланную моему управителю, скорѣе извиню дерзость ко мнѣ! А чтобы показать, какъ я думаю о его поступкѣ, я, какъ видите, привезъ его обратно къ вамъ и сдѣлалъ это, рискуя схватить лихорадку, переночевавши здѣсь. Отпорите—ка каналью хорошенько ; хорошенько его отпорите! Я собралъ всѣхъ работниковъ, чтобы они могли видѣть, какъ его накажутъ и чтобы это послужило для нихъ примѣромъ!

По этому приглашенію мистеръ Мартинъ бросился на свою жертву съ жадностью тигра... Но право у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты описывать еще разъ отвратительную пытку, постоянный, ужаснымъ орудіемъ которой служить въ Америкѣ кнутъ... Кто же любопытствуетъ узнать болѣе объ этомъ предметѣ, пусть поживетъ

мѣсяцевъ шесть на американской плантаціи : онъ скоро убѣдится, что различныя пытки были совершенно лишнимъ изобрѣтеніемъ , и что кнутъ у человѣка , искушившагося въ этой практикѣ , можетъ удовлетворить самому взыскательному вкусу!..

Хотя Томасъ былъ положительно изрѣзанъ кнутомъ , и истекая кровью , лишился чувствъ подъ ударами двухъ помощниковъ управителя , но такъ велики были его физическія силы , такъ мужественно благородное сердце , что онъ непоколебимо выдержалъ пытку , какъ герой : у него ниразу не вырвалось ни одного изъ тѣхъ пронзительныхъ криковъ и жалобныхъ моленій о пощадѣ , которыя постоянно слышатся въ подобныхъ случаяхъ!.. Скоро послѣ этого истязанія онъ выздоровѣлъ и чрезъ нѣсколько дней работалъ попрежнему.

Но не такъ было съ его женой. Она отъ природы была слабого сложенія , а можетъ-быть и несовсѣмъ еще оправилась послѣ родовъ; отъ побоевъ , которые она вытерпѣла , или отъ цѣпи и голода — у нея открылась горячка , послѣ которой она начала было выздоравливать , но скоро ее смѣнило лихорадочное состояніе , лишившее ее силъ , аппетита и даже желанія выздороветь ; ея бѣдный ребенокъ будто сочувствовалъ матери и чахнулъ со дня на день , и наконецъ умеръ. Мать недѣлю или двѣ еще промучилась и не пережила его... Несмотря на такую болѣзнь , единственной сидѣлкой у нея была дряхлая , глухая и полуслѣпая старуха. Томасъ безъ сомнѣнія долженъ былъ ходить на работу , какъ обыкновенно. Въ одну ночь онъ возвратился домой и нашолъ жену мертвой...

Одинъ изъ помощниковъ мистера Мартина , подловатый малый , главный шпионъ и доносчикъ управляющаго , имѣлъ право читать проповѣди въ Лузагачи и выкидывать тѣ фарсы , которымъ глупые , суевѣрные рабы даютъ названіе религіи... Онъ посвѣтилъ печальнаго мужа и предложилъ свои услуги для похоронъ. Но Томъ имѣлъ слишкомъ много здраваго смысла , чтобы его могъ обмануть и поймать въ свои сѣти , какъ многихъ набожныхъ людей , всякій святоша , то-есть прикидывающійся такимъ. Томасъ давно уже разглядѣлъ насквозь этого ханжу и вполне презиралъ его , а потому отклонилъ предложеніе и указывая на меня , сказалъ : « Арчи да еще кто-нибудь изъ товарищей зарюютъ бѣдную дѣвочку. » Кажется онъ еще что-то хотѣлъ прибавить , но мысль о женѣ побѣдила его : голосъ Томаса порвался , глаза наполнились слезами и онъ принужденъ былъ замолчать...

Это было въ воскресенье. Скоро проповѣдникъ насъ оставилъ ,

а бѣдный Томасъ просидѣлъ цѣлый день возлѣ тѣда своей жены. Я былъ тутъ же, но зная какъ бесполезны бываютъ старанія утѣшить, почти ничего не говорилъ.

При захожденіи солнца пришло нѣсколько человѣкъ нашихъ товарищей, а за ними почти все населеніе плантаціи. Мы взяли тѣло и понесли на кладбище. Кладбище было расположено на красивомъ склонѣ зеленой горы и покрыто высокими деревьями; повидимому оно давно уже служило для своего теперешняго назначенія: множество маленькихъ холмовъ показывало мѣста могилъ; одни были недавно насыпаны, а другіе едва только замѣтны.

Томасъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ тѣло жены, а мы, исполняя грустный долгъ, вырывали послѣднее мирное ложе. Неглубокая могила была скоро окончена. Мы стояли молча, ожидая молитвы, псалма, какого-нибудь обряда. Томасъ раза два пробовалъ начать говорить, но гдось его захрипѣлъ и — замеръ въ безсвязномъ шопотѣ... Онъ тряхнулъ головой и попросилъ насъ опустить тѣло въ могилу. Мы исполнили и засыпали могилу...

Уже стемнѣло; похороны кончились; всѣ помогавшіе поспѣшили домой; одинъ Томасъ стоялъ возлѣ могилы. Я взялъ его за руку и хотѣлъ насильно увести, но онъ оттолкнулъ меня, и поднимая голову и руку, прошепталъ, тяжело вздыхая: «убили, убили!» И произнося эти слова, онъ взглянулъ на меня: въ глазахъ его сверкала горькая, негодующая печаль, — естественное чувство взяло верхъ надъ искусственной системой принужденія, въ которой его воспитали... Я съ глубокимъ сочувствіемъ пожалъ ему руку; Томасъ отвѣчалъ тѣмъ же и помолчавши прибавилъ: «Кровь за кровь! не такъ ли, Арчи?...» Было что-то ужасное въ этомъ тихомъ, но твердомъ, спокойномъ голосѣ. Я не зналъ что отвѣчать, да онъ кажется и не ждалъ отвѣта; хотя онъ обращался ко мнѣ, но кажется спрашивалъ самого себя. Я взялъ его за руку и мы пошли домой, неговоря ни слова.

XXVII

Есть обычай въ Южной Каролинѣ — давать невольникамъ праздновать цѣлую недѣлю отъ рождества до новаго года. Это снисхожденіе простирается еще далѣе: въ эту недѣлю по большой части имъ позволяютъ оставлять плантаціи, мѣсто ежедневныхъ трудовъ и

страданий, и мчатся по окрестностям, почти как свободнымъ людямъ. Въ это время большія дороги представляютъ занимательное зрѣлище: невольники всякаго пола и возраста, собравшись съ многочисленныхъ прибрежныхъ плантацій, одѣтые въ лучшія платья, могутъ щеголять другъ передъ другомъ, собираться толпами по дорогѣ или тѣсниться у лавочекъ съ виски. Только на праздникъ рождества можно видѣть такія шумныя, беспорядочныя сцены.

Эти лавочки поддерживаютъ свою торговлю, покупая у невольниковъ краденый рисъ и хлопчатую бумагу: этой торговли не могли уничтожить вся мстительная ярость плантаторовъ и все могущество грознаго законодательства! Въ самомъ дѣлѣ, это главное, если не единственное, средство существованія мелкой бѣлой аристократіи въ этой сторонѣ. Въ Нижней Виргиніи, какъ и въ Каролинѣ, бѣлые, неимѣющіе состоянія, грубы, необразованны и почти незнакомы съ удобствами жизни. Всѣ они лѣнны, расточительны и заражены всею грязными, скотскими пороками, которые бѣдность и невѣжество выставляютъ еще ярче и отвратительнѣе. Неимѣя земли, или даже и имѣя какой-нибудь клочекъ неплодной и истощенной почвы, возвратитъ плодородіе которой они не умѣютъ; незная никакого ремесла, смотря на трудъ какъ на что-то унижительное, годное только для рабовъ, — эти несчастные бѣлые сдѣлались предметомъ насмѣшекъ невольниковъ, ненависти и въ тоже время страха для избранной аристократіи богатыхъ плантаторовъ. Только право голоса на выборахъ даетъ имъ какую-то тѣнь уваженія; это право, котораго бы такъ хотѣлось богатой аристократіи лишитъ ихъ, есть единственное ихъ спасеніе: безъ него бы ихъ раздавили ногой, и силой закона и законодательства поставили бы въ положеніе немногимъ лучше настоящихъ невольниковъ.

Въ рождественскіе праздники, наступавшіе за моимъ переселеніемъ въ Лузагачи, нѣсколько невольниковъ, въ томъ числѣ и я, собрались вокругъ маленькой лавочки на ближайшей большой дорогѣ. Мы смѣялись, болтали, пили и веселились каждый по-своему. Въ это время я замѣтилъ вѣзавшаго по дорогѣ челоуѣка подозрительной наружности, нищенски одѣтаго, съ лицомъ того непріятнаго мертвеннаго цвѣта, который дѣлаетъ бѣдный классъ бѣлыхъ Нижней Каролины похожимъ на живыхъ мертвецовъ. Онъ сидѣлъ на тощій влячѣ, кости которой почти вылѣзали сквозь кожу; въ рукахъ у него былъ огромный кнутъ, которымъ онъ дѣйствовалъ съ той особенной граціей, которая достигается одними погонщиками невольни-

ковъ (slave-driver). Я замѣтилъ, что когда онъ проѣзжалъ, то тѣ невольники, у которыхъ были шляпы, снимали ихъ; но какъ я не видѣлъ въ этомъ господинѣ ничего внушающаго особенное уваженіе и не зналъ каролинскаго этикета, который требовалъ такой предупредительной вѣжливости ко всякому свободному человѣку, что очень рѣдко въ Виргиніи, то и оставилъ свою шляпу на головѣ. Онъ остановилъ свою измученую клячу и сердито посмотрѣлъ на меня; по цвѣту лица онъ подозрѣвалъ — не бѣлый ли я, но мое платье и общество, въ которомъ я находился, заставляли его также предполагать во мнѣ невольника. Онъ спросилъ кто я, и узнавши, что я одинъ изъ невольниковъ генерала Картера, подѣхалъ ко мнѣ съ поднятымъ кнутомъ, закричалъ, почему я не снимаю шляпы, и неожиданно отвѣта, началъ хлестать меня кнутомъ по плечамъ. Онъ былъ очевидно пьянъ, и первая моя мысль была — вырвать у него кнутъ; по счастью я не послѣдовалъ ей, потому что одна попытка противиться даже пьяному бѣлому, хотя бы для того, чтобы защитить себя отъ незаслуженнаго оскорбленія, — такая попытка, по правосуднымъ, величественнымъ законамъ Каролины, могла стоить мнѣ жизни. Распросивши о немъ, я узналъ, что этотъ господинъ былъ управляющимъ, но нѣсколько времени тому назадъ отставленъ по подозрѣнію въ мошенничествѣ, а потомъ завелъ шинокъ въ полумилѣ отсюда. Изъ его разговора съ содержателемъ той лавочки, гдѣ мы собрались, оказалось, что продажа на рождество шла не такъ удачно, какъ онъ ожидалъ, и прибывши меня, онъ хотѣлъ на чемъ-нибудь разогнать свой хмѣль и тоску. Я также узналъ, что этотъ господинъ назывался Кристи и былъ двоюродный братъ мистера Мартина, нашего управителя. Они были большими друзьями прежде, но недавно ужасно разсорились: Кристи пырнулъ кинжаломъ мистера Мартина, а мистеръ Мартинъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Но дѣйствительнѣе выстрѣла отмстилъ мистеръ Мартинъ, употребивши всѣ усилія, чтобы прекратить торговлю между Лузагачи и лавкою Кристи. Эта торговля прежде производилась безпрепятственно, доставляя большія выгоды Кристи черезъ обмѣнъ рабавленной виски на рисъ и хлопчатую бумагу генерала Картера.

Какъ только я узналъ это о Кристи, мнѣ пришло на мысль, что онъ въ моей власти, и я рѣшился расплатиться съ нимъ за удары. Правда, я долженъ былъ играть роль доносчика и шпиона, но эти только прѣзрѣнныя средства и остаются невольнику.

Возвратясь домой, я послѣдовалъ къ управителю и съ тысячею

изворотовъ и увѣреній въ усердіи къ моему господину, сообщилъ ему за великую тайну, что мистеръ Кристи ведетъ торговлю съ невольниками и покупаетъ у нихъ все что тѣ принесутъ, неспрашивая какъ оно имъ досталось. Мистеръ Мартинъ сказалъ, что это онъ подозрѣвалъ давно, и обѣщалъ дать мнѣ пять долларовъ, если я помогу поймать Кристи на дѣлѣ.

Мы скоро сторговались съ мистеромъ Мартиномъ. Онъ далъ мнѣ тюкъ хлопчатой бумаги, и въ одну лунную ночь я отправился съ визитомъ къ мистеру Кристи.

Онъ тотчасъ же узналъ меня и очень долго шутилъ, вспоминая какъ посѣкъ меня: мистеръ Кристи считалъ это милой забавой, и для исполненія своего плана я смѣялся вмѣстѣ съ нимъ! Къ покупкѣ онъ былъ весьма расположенъ, если только я хочу промѣнять виски на бумагу по доллару за четвертку. Черезъ нѣсколько времени я опять пошелъ къ Кристи, но на этотъ разъ мистеръ Мартинъ и одинъ изъ его друзей стояли за лавкой, такъ что сквозь щели они могли все видѣть и слышать наши переговоры.

А по законамъ Каролины самое большое преступленіе, какое человѣкъ можетъ совершить, это — купить у невольника рису, хлопчатой бумаги или чего бы то ни было безъ письменнаго дозволенія его господина.

Мистеръ Кристи былъ представленъ въ судъ. Его обвинили по показаніямъ мистера Мартина и его друга и приговорили къ уплатѣ штрафа въ тысячу долларовъ и къ годовому заключенію въ тюрьму. Для удовлетворенія штрафа съ него взыскали все что онъ имѣлъ. Что съ нимъ стало послѣ того какъ его выпустили изъ тюрьмы, я никогда не слышалъ. Не одинъ изъ судей, обвинившихъ Кристи, занимался такой же торговлей, но изъ боязни, чтобы на нихъ не пало подозрѣніе, а можетъ-быть изъ соперничества, чтобы другой не перебивалъ дороги, они громче всѣхъ требовали его осужденія.

Мистеру Мартину такъ понравились мои услуги въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ онъ думалъ, я загребалъ жаръ своими руками для его удовольствія, что я вдругъ попалъ къ нему въ милость: онъ началъ употреблять меня какъ одного изъ своихъ доносчиковъ и шпионовъ... Тиранство плантаторовъ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ поддерживается только систематическимъ шпионствомъ и доносами, и въ такомъ случаѣ кто подлѣ изъ угнетенныхъ, тѣ и становятся орудіемъ угнетенія; притомъ же снисхожденіе и милость управителя обѣщаютъ невольнику облегчить страданія рабства.

Зная, что я могу употребить на доброе дѣло милость мистера Мартина, я старался не показывать, какое презрѣніе и отвращеніе внушала мнѣ обязанность, для которой онъ хотѣлъ употребить меня. Но въ то время когда мистеръ Мартинъ воображалъ, что я ему преданъ душой и тѣломъ, я противодѣйствовалъ ему, неразъ сообщая его планы и хитрости тѣмъ, кого онъ хотѣлъ поймать: этотъ самый мистеръ Мартинъ, несмотря на то, что былъ неограниченнымъ вице-королемъ трехсотъ человѣкъ, былъ очень тупой и необразованный малый. Нѣсколько разъ такъ приходилось, что съ кѣмъ-нибудь поумнѣе я бы непременно попался; но мистера Мартема я такъ успѣлъ ослѣпить, что онъ безгранично довѣрялся мнѣ, и скоро доказалъ это на дѣлѣ слѣдующимъ образомъ: разъ, проѣзжая поле въ то время, когда я тамъ работалъ, онъ замѣлъ, что вообще дѣло идетъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось; онъ позвалъ одного изъ своихъ помощниковъ, вырвалъ у него кнутъ, символъ и главное орудіе его власти; почему позвалъ меня, и хлестнувши имъ меня разъ двадцать или тридцать по заведенному въ такихъ случаяхъ обычаю, онъ вручилъ мнѣ кнутъ и назначилъ надсмотрщикомъ надъ партіей, а какбы для перваго испытанія, приказалъ выполнить новую обязанность на моемъ предшественникѣ.

Подъ надзоромъ этихъ надсмотрщиковъ, выбираемыхъ изъ невольниковъ же, производится въ Каролинѣ всѣ полевые работы; сами же управляющіе смилкомъ зарылись привычками своихъ господъ — роскошью и лѣнностью, чтобы захотѣли цѣлый день тѣлать по жару для надзора за работами. Невольники раздѣляются на партіи и каждая партія поручается вожатому (*driver*). Вожатого обыкновенно выбираютъ за низость, подловатое усердіе и готовность мучить и выдавать товарищамъ. Вожатому предоставляется совершенная и безграничная власть самого господина. Онъ получаетъ двойное содержаніе; работы ему не задаютъ никакой; единственное его дѣло — надсматривать за своей партіей и наблюдать, чтобы она выполнила назначенную ей работу, для чего онъ становится среди ея съ кнутомъ въ рукѣ. Когда управляющій является на поле, всѣ вожатые собираются вокругъ него для полученія приказаній. Какъ за исполненіе работы, назначенной ему партіи, отвѣчаетъ каждый вожатый, то для того, чтобы онъ могъ понять вполнѣ, какими средствами привести ее въ исполненіе, управляющій вводитъ вожатого въ новую должность отпоровши его хорошенько, и этотъ же кнутъ вручается потомъ высѣченному для употребленія въ дѣло на своихъ

товарищахъ. Управляющій часто, или лучше—сказать всегда злоупотребляетъ своею властью, но неограниченная власть вожатыхъ представляетъ насиліе еще въ болѣе совершенной степени. Вожатый вѣрно копируетъ наглость и грубость управляющаго, отъ котораго онъ получилъ свою должность, и какъ онъ постоянно находится среди своей партіи, тѣмъ тяжелѣе, невыносимѣе становится эта власть. Негры гораздо нетерпѣливѣе переносятъ власть негра же, чѣмъ свободаго человека, котораго они привыкли считать принадлежащимъ къ высшей породѣ и потому признавать за дѣйствительнаго своего начальника. Кромѣ этого вожатые не ограничиваются, какъ управители, исполненіемъ одной полевой работы: имъ нужно всегда выместить собственную досаду или удовлетворить своимъ собственнымъ цѣлямъ. На дѣлѣ вожатые — единственные владѣтели каждой вещи, которую имѣетъ кто-нибудь изъ ихъ партіи; жоны работниковъ составляютъ такую же собственность вожатаго, какъ управителя или господина. Еслибы случилось, что вожатый не захотѣлъ употреблять во зло своей власти, такъ опасеніе потерять свое мѣсто, увѣренность, что за каждый проступокъ кого-нибудь изъ его подчиненныхъ онъ отвѣтитъ своей головою, — все это дѣлаетъ его поневолѣ нетерпѣливымъ, взыскательнымъ и жестокимъ.

Богъ видитъ, что исполняя обязанность вожатаго, я старался сколько могъ употребить данную мнѣ власть для облегченія страданій моихъ товарищей. Моя партія состояла изъ карльтоновскихъ работниковъ, которыхъ я давно зналъ и смотрѣлъ на нихъ какъ на друзей и братьевъ по несчастью. Очень часто, видя какъ кто-нибудь изнемогалъ отъ труда или не могъ кончить заданной работы, я бросалъ кнутъ, брался за заступъ и вмѣсто побоевъ возбуждалъ ихъ усердіе своею помощію. И постоянно я поступалъ такимъ образомъ, хотя мистеръ Мартинъ неразъ высказалъ за это свое неудовольствіе, говоря, что такимъ образомъ только потеряетъ всякое уваженіе должность вожатаго.

Но я пишу не для того, чтобы расхваливать себя, и здѣсь я скажу совершенную правду. Случалось и мнѣ употреблять во зло свою власть. Сознаніе моей власти дѣлало меня дерзкимъ и нетерпѣливымъ; и несмотря на мою глубокую ненависть къ тиранству, едва только кнутъ очутился въ моихъ рукахъ, какъ я самъ сталъ тираномъ...

XXVIII

Послѣ смерти жены другъ мой Томасъ совершенно измѣнился: исчезла его добродушная веселость, онъ сдѣлался мраченъ и раздражителенъ; вмѣсто прежней охоты, съ которой онъ работалъ въ полѣ, теперь онъ казалось чувствовалъ величайшее отвращеніе отъ труда и исполнялъ свой урокъ какъ только можно лѣнивѣе и небрежнѣе. Еслибы у него былъ другой вожатый, а не я, то ему было бы много непріятностей; но я любилъ и жалѣлъ Томаса, и сколько могъ скрывалъ его лѣность. Несправедливость и оскорбленія, перенесенныя имъ въ Лузагачи, будто перевернули всѣ правила, которыми онъ руководствовался такъ долго. Томасъ не любилъ говорить объ этомъ предметѣ; я тоже не хотѣлъ его спрашивать, но имѣю большое основаніе думать, что онъ совершенно отрекся отъ той религіи, которой его такъ заботливо наставляли и которая долго имѣла на него такое сильное вліяніе. Тайкомъ онъ совершалъ старинныя дикіе обряды, которымъ онъ научился въ дѣтствѣ еще отъ матери. Мать его также увезла ребенкомъ съ береговъ Африки и онъ часто мнѣ рассказывалъ, что она фанатически придерживалась суевѣрныхъ обрядовъ своего отечества. Часто Томасъ несвязно и дико рассказывалъ, что видѣлъ духъ своей умершей жены, что онъ далъ ей какое-то обѣщаніе, такъ что я началъ думать, что на него находятъ припадки помѣшательства. Во всякомъ случаѣ онъ очень измѣнился: Томасъ пересталъ уже быть послушнымъ рабомъ, довольнымъ своимъ удѣломъ и неизмѣнно преданнымъ своему господину. Вмѣсто того чтобы заботиться о его выгодахъ, онъ какъ-будто старался и поставилъ себѣ цѣлью дѣлать какъ можно больше вреда. На нашей плантаціи было два или три человѣка, ловкихъ, смѣлыхъ и безпкойныхъ головъ; до сихъ поръ онъ держалъ себя поодаль отъ нихъ, а теперь самъ искалъ ихъ общества и скоро заслужилъ ихъ довѣріе. Они нашли въ немъ человѣка смѣлаго и благоразумнаго, и что важнѣе, вѣрнаго и великодушнаго, и признавая его умственное превосходство, избрали своимъ предводителемъ. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ съ единственною цѣлью грабить и они распространили свои грабежи по всей плантаціи.

И въ этомъ новомъ званіи Томасъ показалъ себя не дюжиннымъ человѣкомъ. Онъ производилъ свои предпріятія удивительно искусно

и когда всё хитрости спасти своихъ товарищей оказывались напрасны, у него оставалось одно средство, которое вполне выказывало природное благородство его характера. Такъ спокойна, тверда была его душа, такъ велика сила организаціи, что онъ былъ въ состояніи дѣлать то, что сдѣлали бы немногіе: онъ могъ переносить пытку кнута, — пытку, я уже сказалъ, ужаснѣе всѣхъ возможныхъ пытокъ; если ничего болѣе не оставалось, онъ всегда былъ готовъ добровольнымъ признаніемъ спасти своихъ товарищей и одному выдержать наказаніе, котораго не перенесли бы другіе по слабости или по робости. Самое великодушіе и у свободнаго считается величайшею добродѣтелью; какъ же мы должны удивляться ему въ невольникѣ?..

Пока я пользовался довѣріемъ мистера Мартина, я могъ оказывать Томасу существенную услугу, сообщая ему о всѣхъ подозрѣніяхъ, планахъ и хитростяхъ управляющаго. Но скоро я потерялъ довѣріе управителя, не потому чтобы онъ подозрѣвалъ меня въ обманѣ — легко было пустить пыль въ глаза этому глупому животному, — но вѣроятно потому, что я не могъ выполнять обязанности вожатаго сообразно его понятіямъ. Время года было очень нездоровое и какъ большая часть работниковъ моей партіи была съ сѣвера и еще не освоилась съ заразительной атмосферой рисовыхъ плантацій, то многіе изъ нихъ часто болѣли, а многіе не могли и работать. Я объяснилъ это мистеру Мартину, и повидимому онъ удовлетворился этимъ; но разъ, проѣзжая чрезъ поле, управляющій былъ въ особенно дурномъ расположеніи и кажется немного пьянъ: увидѣвши, что нѣтъ и половины работниковъ моей партіи, а большая часть работы и нетронута, онъ пришелъ въ бѣшенство и спросилъ, почему это? Я отвѣчалъ, что работники больны. Онъ съ бранью сказалъ, что нечего имъ быть больными, что ему наскучили эти рассказы о болѣзни, что онъ знаетъ, что все это вздоръ и не позволять себя больше дурачить.

— Если они впередъ вздумаютъ жаловаться на болѣзнь, такъ ты, Арчи, отпори ихъ хорошенько и заставь работать!

— Но если они въ самомъ дѣлѣ больны? спросилъ я.

— Больны или небольшие, я говорю тебѣ, что если они здоровы, такъ ихъ слѣдуетъ высѣчь, а если больны, тоже посѣчь: маленькое кровоусканіе облегчить ихъ болѣзнь.

— Въ такомъ случаѣ назначьте другого вожатаго. Я не могу сѣчь больныхъ

— Замолчи ты, проклятый нахалъ! Какъ ты смѣешь указывать или спорить со мной, когда я приказываю? Подай-ка мнѣ свой кнутъ, каналья!

Я исполнилъ, и мистеръ Мартинъ отхлесталъ меня такъ же точно, какъ тогда, когда вручалъ мнѣ кнутъ. Такъ окончилось мое управительство! И хотя я лишился двойной порціи и долженъ былъ работать какъ другіе работники, но не могу сказать, чтобы я пожалѣлъ объ немъ: это была тяжелая, печальная обязанность, за которую можетъ браться только негодяй.

Теперь я сблизился съ шайкой Томаса и помогалъ головой и рукой въ ихъ предпріятіяхъ. Наши похищенія сдѣлались наконецъ такъ значительны, что мистеръ Мартинъ принужденъ былъ поставить караулъ изъ вожатыхъ и нѣсколькихъ имъ подчиненныхъ. Они цѣлую ночь стерегли плантацію, такъ что очень опасно было подходить къ полямъ. Эти распоряженія были особенно вызваны однимъ обстоятельствомъ, подавшимъ поводъ къ строгому обыску, который впрочемъ кончился ничѣмъ: въ одну и ту-же ночь загорѣлся великолѣпный домъ генерала Кэртера и его дорога мельница. Несмотря на всѣ усилія спасти, все было совершенно истреблено. Нѣсколькихъ невольниковъ, въ томъ числѣ и Томаса, подвергнули известной пытке, чтобы заставить сознаться, что они участвовали въ поджогѣ. Но это зверство ни къ чему не послужило: всѣ упорно отзывались, что ничего не знаютъ. Хотя я пользовался довѣріемъ Томаса, но онъ никогда не говорилъ много объ этомъ поджогѣ. Но онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ хранить свои тайны, и я всегда подозрѣвалъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе объ этомъ предметѣ, но не хочетъ говорить.

Во всякомъ случаѣ его подвинуло къ этому не одно желаніе грабежа. Послѣ смерти жены Томасъ иногда напиваясь допьяна, но это случалось рѣдко; вообще же онъ ѣлъ и пилъ очень умеренно и былъ вовсе не прихотливъ. Прежде Томасъ одѣвался очень опрятно, теперь сталъ ходить неряхой; онъ не любилъ общества и имѣлъ мало сношеній со всѣми, кромѣ меня, а иногда не желалъ даже и моего общества. Томасъ не зналъ что дѣлать съ своей частью добычи и всегда дѣлилъ ее между товарищами. Ему повидимому нехотѣлось распространять нашихъ подвиговъ далѣе Лузагачи; но уже стало не безопасно продолжать ихъ на томъ же мѣстѣ, а товарищи Томаса слишкомъ долго занимались грабежомъ, чтобы оставить это ремесло, а потому Томасъ принужденъ былъ согласиться на наши не-

отступныя просьбы и въ слѣдующую ночь повелъ насъ на сосѣднія плантаціи. Скоро мы такъ далеко распространили наши операціи, что возбуждали вниманіе всѣхъ управляющихъ ограбленныхъ нами имѣній. Сначала они подозрѣвали, что воруютъ собственные невольники, и ужасъ что дѣлали съ тѣмъ, на кого падало подозрѣніе; но несмотря на всѣ жестокости воровство продолжалось, и Томасъ съ такимъ искусствомъ и ловкостью измѣнялъ мѣсто и образъ нашихъ дѣйствій, что мы долго избегали всѣхъ разставленныхъ противъ насъ западней и ловушекъ.

Въ одну ночь мы были на одномъ рисовомъ полѣ и уже почти наполнили наши мѣшки, какъ чуткое ухо Томаса различило звукъ осторожно приближающихся шаговъ. Онъ предположилъ, что это можетъ-быть караульный, который съ нѣкотораго времени вмѣсто прежняго ирепровожденія времени за скрипкой и бутылкой виски сдѣлался гораздо дѣятельнѣе и караулил довольно усердно. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Томасъ далъ сигналъ къ отступленію въ напередъ-придуманномъ порядкѣ. Поле окружала широкая и глубокая рѣка, отъ которой оно защищалось высокой плотиною. Мы прѣехали сюда водою, и наша лодка стояла теперь подъ прикрытіемъ густыхъ кустарниковъ и небольшихъ деревьевъ, которыми поросла плотина. Одинъ по одному мы осторожно перешли чрезъ плотину, укрываясь подъ тѣнью кустовъ, и всѣ кромѣ Томаса были уже въ лодкѣ; мы ожидали нашего предводителя, который обыкновенно отступалъ послѣднимъ, когда слышался крикъ и шумъ, заставившіе насъ думать, что его увидѣли, если не поймали. Звукъ двухъ выстрѣловъ одного за другимъ еще болѣе увеличилъ нашу ужасъ; мы успѣшно оттолкнули лодку отъ берега и приливъ быстро и безъ шума унесъ насъ отъ мѣста нашей высадки. Крики все продолжались, но становились все слабѣе и слабѣе и невидимому удалялись въ противную отъ рѣки сторону. Мы гребли изъ всѣхъ силъ и скоро достигли небольшой бухты, гдѣ мы прятали нашу лодку и высаживались на берегъ. Мы притянули лодку къ берегу и заботливо укрыви ее въ высокой травѣ. Невынимая оттуда мѣшковъ съ рисомъ и оставяши тамъ же наши башманы, мы побѣжали въ Лувагачи, куда и прибыли безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Я очень безпокоился о Томасѣ, но едва я легъ, какъ услышала легкій стукъ въ дверь, по которому я узналъ его. Я вскочилъ и выпустилъ Томаса, который весь былъ покрытъ грязью и едва переводилъ духъ. Онъ рассказалъ, что только-что хотѣлъ взойти на пло-

тину, какъ увидѣлъ двухъ человекъ, которые быстро приближались къ нему; они тоже замѣтили Томаса и приказали ему остановиться. Еслибы онъ тогда достигъ лодки, они бы погнались за нимъ и насъ бы открыли, но въ ту минуту какъ они ему закричали, Томасъ бросилъ свой мѣшокъ и пригнувшись, какъ только могъ, бросился по направленію противоположному рѣкѣ. Его преслѣдователи крикнули и оба разомъ выстрѣлили въ него, но не попали. Томасъ перескочилъ чрезъ нѣсколько рововъ, окружавшихъ возвышенныя мѣста, и отвлекъ караулъ въ эту сторону. За нимъ гнались по пятамъ, но онъ былъ силенъ, ловокъ, хорошо зналъ мѣстность и потому успѣлъ, обѣжавши нѣсколько рововъ и плотинъ, окружавшихъ рисовыя поля, достигъ болѣе возвышенной мѣстности и добѣжать въ Лузагачи. Хотя Томасъ успѣлъ обогнать своихъ преслѣдователей, но они слѣжали по его слѣдамъ и вѣроятно скоро появятся сюда.

Во время расказа Томасъ снялъ съ себя мокрое платье и обмылъ покрывавшую его грязь; я далъ ему сухое платье и онъ пошелъ въ свою избу, которая была возлѣ моей; я же поспѣшилъ предупредить товарищей, какихъ посѣтителей мы должны ожидать. Скоро лай собакъ по всей плантаціи извѣстилъ насъ, что пришли караульные. Они разбудили управляющаго и съ факелами въ рукахъ входили и обыскивали каждую избу. Но мы уже приготовились къ ихъ посѣщенію и просыпаясь съ величайшимъ трудомъ отъ глубокаго сна, всѣ казались очень удивленными, что насъ такъ не вовремя побеспокоили.

Поиски оказались совершенно бесполезными, но какъ караульные прослѣдили бѣжавшаго до Лузагачи, то управляющій ограбленной плантаціи пришолъ на другое утро, чтобы найти и наказать виновнаго. Съ нимъ было еще нѣсколько человекъ, повидимому свободныхъ землевладѣльцевъ, выбранныхъ съ соблюденіемъ или лучше-сказать съ тѣмъ презрѣніемъ всѣхъ формъ, какія предписываютъ законы Каролины въ такихъ случаяхъ: пять обывателей, взятыхъ какъ пошало, представляютъ судъ присяжныхъ, которому въ другихъ странахъ не рѣшились бы довѣрить дѣла въ сорокъ шиллинговъ. Но въ этой части свѣта они не только имѣютъ право разсматривать обвиненія, взводимыя на невольника и осуждать обвиненнаго на смерть, но (что вѣроятно важнѣе въ глазахъ каролинцевъ) они же оцѣниваютъ какую сумму должно выплатить государству за виновнаго. Этотъ законъ объ уплатѣ господину, номинально, одной части, а по преувеличенной оцѣнкѣ — настоящей стоимости осу-

жденнаго невольника, лишаетъ несчастнаго и той защиты противъ несправедливаго осужденія, какую бы онъ могъ найти въ денежныхъ расчетахъ своего господина. Такимъ образомъ этотъ законъ предоставляетъ невольника безъ всякой защиты пристрастію, безпечности и глупости его судей.

Предъ домомъ управителя былъ разставленъ столъ; на немъ поставили нѣсколько стакановъ и бутылку виски, и засѣданіе началось. Насъ всѣхъ призывали и каждого допрашивали; единственными свидѣтелями были караульные, слѣдовавшіе за Томасомъ, и имъ приказано было указать виновныхъ. Но это оказалось очень трудно: насъ было человѣкъ шестьдесятъ или семьдесятъ; ночь была туманная и безлунная, и караульные не могли ясно видѣть за кѣмъ гнались. Судьи очень затруднялись ихъ замѣшательствомъ, да и было чѣмъ затрудняться: свидѣтели никакъ не могли сойтись въ своихъ показаніяхъ о примѣтахъ видѣннаго человѣка. Одинъ говорилъ, что онъ былъ маленькаго роста, другой былъ совершенно увѣренъ, что онъ былъ высокъ; первый утверждалъ, что это былъ стройный, сильный мужчина, другой же увѣрялъ, что онъ худъ и нескладенъ. Тѣмъ временемъ одна бутылка виски кончилась, на столъ поставили другую. Судьи рѣшили, что если свидѣтели будутъ такъ показывать, они никогда не узнаютъ настоящихъ примѣтъ и виновный не найдется. Въ эту самую минуту пріѣхалъ управитель ограбленной плантаціи и сойдя съ лошади явился на помощь свидѣтелямъ. Онъ сказалъ, что пока собралось засѣданіе, онъ поѣхалъ осмотрѣть рисовое поле, что тамъ много истоптано и ясно видны слѣды, но слѣды всѣ одинаковы и повидимому сдѣланы однимъ человѣкомъ. Онъ вынулъ изъ кармана маленькую палочку, на которой, по его словамъ, была означена съ точностью длина и ширина слѣда. Этотъ способъ уликъ былъ очень хорошо извѣстенъ Томасу и онъ взялъ свои предосторожности: всѣ мы обулись въ башмаки самой большой величины, какой только могли достать; всѣ эти башмаки были сдѣланы по одному образцу, такъ что наши слѣды можно было принять за слѣдъ, сдѣланный однимъ человѣкомъ, у котораго была очень большая нога.

Рѣчь управителя казалось оживила гаснувшія надежды судей: насъ посадили на полъ и начали измѣрять наши ноги. На нашей плантаціи былъ невольникъ Билли, безвредное глупое созданіе, совершенно непричастное къ намъ, но на его бѣду, изъ всѣхъ ногъ одна его пришлась какъ-разъ по мѣркѣ управителя. Длина ноги по-

губила бѣднягу! Судьи закричали въ одинъ голосъ и при этомъ выразились такъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ такихъ судей: «чтобъ чортъ ихъ побралъ, если это не воръ!» Напрасно несчастный утѣрпалъ въ своей невинности и молилъ о пощадѣ. Его ужасъ и смущеніе только подтвердили мнѣніе о его виновности, и чѣмъ болѣе онъ отказывался, чѣмъ болѣе просилъ, тѣмъ сильнѣе предубѣждалъ судей противъ себя. Безъ дальнѣйшихъ церемоній его признали виновнымъ и приговорили къ висѣлицѣ.

Едва приговоръ былъ произнесенъ, какъ начались приготовления къ его исполненію: принесли пустой боченокъ и поставили противъ дверей подъ деревомъ; на боченокъ поставили бѣднягу, обвязали его шею веревкой, которую потомъ прикрѣпили къ вѣткѣ повыше головы. Судьи уже были такъ пьяны, что потеряли всякое понятіе о соблюденіи судейскихъ формъ: одинъ изъ нихъ толкнулъ ногою боченокъ, и несчастная жертва каролинскаго правосудія барахтаясь отправилась въ вѣчность...

Исполнивши приговоръ, невольниковъ отправили въ поле, а мистеръ Мартинъ съ судьями, свидѣтелями и другими посетителями, привлеченными процессомъ въ Луагача, началъ правильную оргію, которая и продолжалась цѣлый день и всю слѣдующую ночь.

XXIX

Власть господина есть для невольника вообще вѣчное царство ужаса. Единственное человеческое чувство, признаваемое имъ въ невольникѣ, есть низкій, презрѣнный страхъ. Когда рѣшено было повѣсить того бѣдняка, о которомъ я говорилъ въ прошлой главѣ, его судьи не могли знать, да я думаю не много и заботились, былъ ли онъ виновенъ, или нѣтъ? Единственная цѣль ихъ была поразить ужасомъ оставшихся въ живыхъ, и примѣромъ строгости предупредить дальнѣйшія преступленія на другихъ плантаціяхъ. Въ этомъ они успѣли: какъ ни старался Томасъ успокоить насъ, но мы были глубоко поражены и не чувствовали большого расположенія помогать ему, тогда какъ его смѣлость расла вмѣстѣ съ препятствіями.

Въ особенности одинъ изъ нашихъ союзниковъ такъ искугался участи, постигшей бѣднаго Билли, что потерялъ всякую власть надъ собою, и мы постоянно опасались, чтобы онъ насъ не выдалъ. Въ первый вечеръ послѣ видѣнной имъ казни его страхъ достигъ такой

степени, что я думаю онъ охотно признался бы во всемъ, еслибы могъ найти кого-нибудь изъ бѣлыхъ, который бы былъ настолько трезвъ, чтобы его выслушалъ. Мало-помалу онъ сдѣлался спокойнѣе, но въ этотъ день у него вырвалось нѣсколько намековъ, которые очень внимательно подслушалъ одинъ изъ вожатыхъ. Онъ передалъ ихъ, какъ я узналъ, управителю; но мистеръ Мартинъ еще не пришло въ себя послѣ оргіи: онъ былъ пьянъ до безсмыслія и не понималъ ни одного слова изъ того, что говорилъ вожатый.

Мы немного стали оправляться отъ нашего страха, когда случилось одно происшествіе, заставившее насъ спасаться бѣгствомъ: нѣсколько человекъ, проходя по берегу рѣки, открыли нашу лодку, которую мы второпяхъ не успѣли хорошенько спрятать. Въ ней были не только мѣшки съ рисомъ, сходивъ за которыми у насъ все еще не хватало смѣлости, но также наши башмаки, сшитые все по одной мѣркѣ и какъ-разъ по той, которая была представлена въ заведеніе суда. Здѣсь было ясное доказательство, что не одинъ участвовалъ въ грабежѣ, и какъ одного прослѣдили до Лузагачи, то и другихъ слѣдовало искать на той же плантаціи. По счастью я рано узналъ объ этомъ открытіи отъ одной изъ служанокъ управляющаго, съ которой я, изъ политическихъ видовъ, вступилъ въ довольно близкія отношенія. Къ управляющему прѣзжалъ какой-то человекъ; лошадь его вся была въ пѣнѣ; онъ повидимому торопился и нетерпѣливо желалъ видѣть управляющаго. Когда тотъ вышелъ, онъ попросилъ переговорить съ нимъ наединѣ, и мистеръ Мартинъ увелъ гостя въ другую комнату и заперъ дверь. Дѣвушка, служившая мнѣ шпиономъ и доносившая обо всемъ, простоватая на видъ, была очень неглупая и ловкая: она успѣшила подслушать таинственный разговоръ столько же по собственной любознательности, сколько и изъ желанія узнать что-нибудь интересное для меня. Она успѣла спрятаться въ кабинетъ, отдѣлявшемся одной тонкой перегородкой отъ той комнаты, гдѣ говорилъ управляющій съ своимъ посетителемъ, и услышавши то, о чемъ я уже сказалъ, и кромѣ того то, что на слѣдующій день судьи одѣлаютъ новое засѣданіе въ Лузагачи, — она успѣшила сообщить мнѣ обо всемъ слышанномъ. Она собственно ничего не знала о нашихъ подвигахъ, но думала, что эта новость будетъ не безъинтересна для меня.

Я передалъ Томасу все что узналъ отъ нея. Мы тотчасъ же согласились, что единственное наше спасеніе бѣжать, и сообщили свое намѣреніе и его причину нашимъ союзникамъ. Они непремѣн-

но хотѣли сопровождать насъ и мы рѣшились отправиться всѣ вмѣстѣ въ эту ночь. Какъ только наступилъ вечеръ, всѣ мы оставили плантацію и вмѣстѣ достигли лѣса. Предвидя, что насъ будутъ очень дѣятельно отыскивать, мы сочли за лучшее раздѣлиться: Томасъ и я рѣшились остаться вмѣстѣ, другіе же разошлись по разнымъ направленьямъ. Пока было темно, мы шли какъ можно скорѣе, а на разсвѣтъ укрылись въ болотистомъ мѣстѣ, покрытомъ густымъ лѣсомъ, и сломивши нѣсколько вѣтокъ и молодыхъ деревьевъ, устроили себѣ, насколько было возможно, сухую постель. Мы такъ устали послѣ продолжительной и скорой ходьбы, и заснули такъ крѣпко, что проснулись уже за полдень. Мы начинали чувствовать сильный голодъ, а провизіи съ нами никакой небыло. Когда мы разсуждали, въ какую сторону намъ лучше отправиться, въ это самое время слышался отдаленный лай собаки; Томасъ сказалъ, что онъ знаетъ этотъ лай: это лаяла знаменитая ищейка мистера Мартина, которую онъ самъ обучалъ и такъ гордился ея искусствомъ ловить бѣгловъ по слѣдамъ. Мы находились въ лѣсу на болотѣ; двигаться было очень трудно, стоять тоже нелегко; перебѣжать не было никакой возможности. Мы рѣшились достигнуть опушки лѣса, гдѣ почва была тверже и кустарники рѣже, и тамъ продолжать наше бѣгство. Такъ мы и сдѣлали; но собака обогнала насъ, и ея лай раздавался громче и громче. Томасъ досталъ крѣпкій, острый ножъ, который онъ всегда носилъ въ карманѣ. Теперь мы стояли на окраинѣ, гдѣ твердая почва возвышалась надъ болотомъ, и оглянувшись, увидѣли съверху кустарника очень ясно собаку. Она приближалась, обнюхивая землю и повременамъ издавалъ глухой, дикій лай; за нею подалъ, но такъ что можно было видѣть, ѣхалъ всадникъ, въ которомъ мы узнали мистера Мартина.

Собака очевидно шла по нашимъ слѣдамъ и дойдя до мѣста, гдѣ мы останавливались, она исчезла изъ вида; но лай ея былъ постоянно слышенъ и становился все сильнѣе, и скоро по шуму и треску ломавшихся вѣтокъ мы узнали, что она уже близко; въ ту же минуту мы оборотились къ ней лицомъ и ожидали ее: Томасъ впередъ съ ножомъ въ рукѣ, я за нимъ съ тяжелой суковатой палкой, моимъ лучшимъ и единственнымъ оружіемъ. Какъ-разъ въ это время собака выпрыгнула изъ болота. Увидѣвши насъ, она залаяла и бросилась впередъ съ нѣною во рту. Сперва она прыгнула къ горлу Томаса, но успѣла схватить его только за лѣвую руку, которую тотъ поднялъ какъ щитъ противъ ея нападеній. Въ ту же минуту онъ уда-

рилъ ее ножомъ такъ, что тотъ вошелъ до самой рукоятки, — и человекъ и собака, сцѣпившись, упали на землю. Какъ бы окончилась борьба, еслибы Томасъ былъ одинъ — было сомнительно, потому что хотя собака получила нѣсколько ранъ, но онъ кажется только увеличивали ея ярость и она все старалась схватить своего противника за горло. Теперь моя палка очень послужила намъ: три или четыре удара по головѣ собакъ заставили ее безъ чувствъ растянуться на землѣ. Пока ждали нападенія собаки и боролись съ нею, мы почти не думали о ея господинѣ; но по окончаніи битвы увидѣли, что мистеръ Мартинъ уже недалеко отъ насъ. Въ то время какъ собака перебиралась чрезъ болото, ея господинъ ѣхалъ по окраинѣ и появился, когда мы его не ожидали. Онъ прицѣлился въ насъ изъ пистолета, приказывая сдаться. Какъ только Томасъ увидѣлъ управляющаго, такъ совершенно потерялъ власть надъ собою и бросился на него съ ножомъ въ рукѣ. Мистеръ Мартинъ выстрѣлилъ, но пуля безвредно прошла сквозь деревья; онъ хотѣлъ повернуть свою лошадь, но Томасъ напалъ на него: схватилъ за руку и стащилъ на землю; лошадь испугавшись побѣжала, несмотря на мои усилія остановить ее. Ожидая увидѣть и другихъ охотниковъ, мы постоянно оглядывались, но никого не было видно. Пользуясь этимъ, мы поспѣшили удалиться и потащили нашего плѣнника въ свое убѣжище на болотѣ.

Отъ него мы узнали, что по прїездѣ судей и ихъ помощниковъ въ Дузагачи открылось наше бѣгство и тотчасъ же было рѣшено поднять всѣхъ сосѣдей и начать сообща ловить бѣглецовъ. Всѣхъ лошадей, собакъ и людей, кого только можно, употребили для поисковъ; охотники раздѣлились на партіи и сейчасъ же начали осматривать сосѣднія болота и лѣса.

Шесть или семь человекъ, съ ними мистеръ Мартинъ съ своей собакой, преслѣдовали трехъ изъ нашихъ въ лѣсномъ болотѣ по берегу рѣки: охотники спѣшились и съ оружіемъ въ рукахъ послѣдовали за собакой въ лѣсъ. Наши бѣдные товарищи такъ истомились, что спали до той самой минуты, когда собака напала на нихъ. Одного она схватила за горло и повалила на землю; другіе побѣжали и ихъ преслѣдователи выстрѣлили въ нихъ. Одинъ изъ бѣглецовъ упалъ мертвый, страшно израненный нѣсколькими пулями, а другой продолжалъ бѣжать; тогда собаку заставили бросить того, котораго она схватила, — что было сдѣлано не безъ труда и замедленія — и тотчасъ пустили за бѣжавшимъ. Она гналась за нимъ до рѣки,

но здѣсь остановилась въ недоумѣніи: вѣроятно невольникъ бросился въ воду и переплылъ на другой берегъ, но какъ собаку не могли заставить броситься въ воду, и ходилъ слухъ, что болота на той сторонѣ очень глубоки и опасны, то поисковъ не продолжали далѣе. Охота по этому направленію прекратилась и бѣднага на этотъ разъ спасся. Тогда охотники раздѣлились: двое повели пойманнаго невольника въ Лузагачи, а трое съ мистеромъ Мартиномъ и его собакой продолжали отыскивать остальныхъ насъ. Отъ пойманнаго невольника они узнали, гдѣ мы раздѣлились на партіи и по какому направленію пошла каждая.

Побродивши немного, собака напала на нашъ слѣдъ и начала громко лаять, но лошади спутниковъ мистера Мартина такъ истомились, что когда онъ прищпорилъ своего коня, чтобы догнать собаку, то оставилъ ихъ далеко за собой. Мистеръ Мартинъ окончилъ свой расказъ, совѣтуя намъ едаться и идти за нимъ, ручаясь честнымъ словомъ джентльмена и управляющаго, что если мы не станемъ болѣе оскорблять или обижать его, онъ спасетъ насъ отъ наказанія и щедро наградить.

Солнце заходило; за короткими сумерками, которые слѣдуютъ въ Каролинѣ, за его захожденіемъ, настала темная, безлунная ночь; небо было покрыто тучами, и мы мало опасались, чтобы насъ потревожили наши преслѣдователи. Я посмотрѣлъ на Томаса, какбы спрашивая что намъ дѣлать. Онъ отвелъ меня въ сторону. Осмотрѣвши напередъ веревки нашего плѣнника, мы привязали управляющаго къ дереву тѣми самыми веревками, которыя нашлись у него въ карманѣ и которыя вѣроятно онъ назначалъ для другого употребленія. Томасъ помолчалъ немного, какъ-будто собираясь съ мыслями; потомъ, показывая на мистера Мартина, онъ сказалъ: «Арчи! этотъ человѣкъ умретъ въ эту ночь...» Въ голосѣ его была дикая энергія и въ тоже время холодная твердость; я вдрогнулъ и ничего не отвѣчалъ. Взглянувши на лицо Томаса, я увидѣлъ въ немъ какую-то мрачную восторженность и непобѣдимую рѣшимость; глаза его засверкали, когда онъ повторилъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ, странно противорѣчившимъ его словамъ: «Говорю тебѣ, Арчи, что этотъ человѣкъ умретъ въ эту ночь... Она велитъ... Я общалъ ей... Время настало...»

— Кто велитъ? спросилъ я торопливо.

— Ты спрашиваешь кто? Этотъ человѣкъ убилъ мою жену... Хотя Томасъ былъ очень друженъ со мной, но это въ первый разъ

послѣ смерти жены напомнилъ мнѣ такъ ясно о ней. Правда, онъ часто намекалъ о своей женѣ, и я вспомнилъ, что еще прежде у него часто вырывались странные, безсвязные рассказы о томъ, что онъ и теперь видится съ Анной.

При имени жены слезы навернулись на глаза Томаса, но онъ तो-ропливо отеръ ихъ, и лицо его приняло прямое выраженіе спокой-ной, непоколебимой рѣшимости, и такъ же тихо, такъ же твердо онъ повторилъ опять:

— Арчи! говорю тебѣ, этотъ человѣкъ умретъ въ эту ночь!..

Припоминая всѣ обстоятельства, сопровождавшія смерть жены Томаса, я долженъ былъ сознаться, что мистаръ Мартинъ убилъ ее. Я тогда сочувствовалъ Томасу и теперь тоже. Убийца былъ въ его власти, онъ считалъ себя призваннымъ совершить судъ надъ нимъ — и я долженъ былъ согласиться, что его смерть будетъ только справедливымъ возмездіемъ. Между тѣмъ я чувствовалъ инстинк-тивный ужасъ при мысли пролить кровь, а можетъ-быть въ душѣ моей тѣснились остатки рабскаго страха и малодушія, которые смѣ-лая душа Томаса вполне съ себя страхнула. Я сонавалъ, что ми-стеръ Мартинъ достоинъ смерти, и въ тоже время напоминалъ То-масу обѣщаніе мистера Мартина выхлопотать намъ прощеніе и избавить насъ отъ наказанія, если мы въ цѣлости доставимъ его домой.

На губахъ моего товарища мелькала презрительная улыбка въ то время, какъ я говорилъ.

— Да, Арчи! отвѣчалъ онъ: — прощеніе и покровительство — и сто ударовъ кнутомъ, а можетъ-быть и висѣлица на другой день! Нѣтъ, малый! ненужно мнѣ такого прощенія, какое они даютъ. Долго я былъ рабомъ, теперь — я свободенъ! И если они возьмутъ меня, пусть возьмутъ и мою жизнь!.. А ему вѣрить мель-зя. Еслибы мы и хотѣли, мы не можемъ ему повѣрить. Ты знаешь, что не можемъ: они не считаютъ себя обязанными держать слово, данное намъ. Они все пообѣщаютъ, что хочешь, чтобы имѣть насъ въ своей власти; но всѣ ихъ обѣщанія не стоятъ гнилой соломой. Но мои обѣщанія нецѣлѣжи на ихъ, а я уже говорилъ тебѣ что я обѣщаль. Да, я въ этомъ поклялся и теперь говорю въ послѣдній разъ: этотъ человѣкъ долженъ умереть въ эту ночь!

Сила и рѣшимость, съ которой онъ говорилъ, побѣдили меня: я не могъ долѣе сопротивляться и сказать, чтобы онъ дѣлалъ какъ знаетъ. Въ рукахъ Томаса въ продолженіе всего нашего разговора

оставалось ружье, отнятое у мистера Мартина. Онъ зарядилъ его. Сдѣлавши это, мы подошли къ управляющему. Мистеръ Мартинъ сидѣлъ у подножія дерева, къ которому былъ привязанъ. Когда мы подошли, онъ пугливо взглянулъ на насъ и спросилъ, рѣшились ли мы возвратиться?

— Да, мы рѣшились! отвѣчалъ Томасъ: — мы даемъ вамъ полчаса приготовиться къ смерти. Постарайтесь употребить это время съ пользою: вы должны покаяться во многихъ грѣхахъ, а время коротко!

Невозможно передать выраженіе ужаса, удивленія и недоумѣнія, съ которыми управляющій слушалъ эти слова. Въ первую минуту онъ повелительнымъ тономъ приказалъ намъ развязать его; потомъ старался засмѣяться и притворился, что принимаетъ за шутку слова Томаса; но мало-помалу страхъ овладѣлъ имъ: онъ началъ плакать какъ дитя, кричать и просить пощады.

— А вы щадите? отвѣчалъ Томасъ: — пощадили мою жену?.. Вы убили ее, и за ее жизнь должна отвѣчать ваша!..

Мистеръ Мартинъ призывалъ Бога въ свидѣтели, что онъ не виноватъ въ этомъ, онъ признается, что наказалъ жену Томаса, но онъ сдѣлалъ только то, чего требовала его обязанность, какъ управителя:

— Но невозможно, сказалъ онъ, — чтобы нѣсколько ударовъ были причиною ея смерти.

— Нѣсколько ударовъ! сказалъ Томасъ. — Благодарите Бога, мистеръ Мартинъ, что мы не мучимъ васъ, какъ вы ее мучили! Не говорите больше, или ваши мученія увеличатся... Исповѣдуйте ваши преступленія, читайте молитвы! Не тратьте послѣднихъ минутъ, прибавляя ложь къ убійству!

Мистеръ Мартинъ былъ пораженъ этимъ страшнымъ приговоромъ: онъ закрылъ лицо руками; опустилъ голову и нѣсколько минутъ молчалъ; только глухія рыданія прерывали страшную тишину. Можетъ-быть въ эту минуту онъ готовился къ смерти? Но жизнь была слишкомъ хороша, чтобы уступить ее; непопытавшись еще разъ спасти. Очнувшись и видя, что Томаса просятъ бесполезно, мистеръ Мартинъ обратился ко мнѣ. Онъ просилъ меня вспомнить, какое довѣріе имѣлъ онъ ко мнѣ, какими милостями я отъ него пользовался; обѣщалъ выкупить насъ обоихъ и дать свободу, свободу и все на свѣтъ, если только мы пощадимъ его жизнь.

Его слезы и жалобы тронули меня: голова моя кружилась, я

чувствовалъ какую-то слабость и трепетаніе сердца, такъ что долженъ былъ прислониться къ дереву. Томасъ стоялъ скрестивши руки и опираясь на ружье. На учащенные мольбы и обѣщанія управляющаго онъ ничего не отвѣчалъ и какъ-будто не замѣчалъ ихъ. Взглядъ его былъ неподвиженъ; онъ повидимому погрузился въ свои думы. Послѣ небольшого промежутка, въ который несчастный мистеръ Мартинъ не переставалъ плакать и просить, Томасъ очнулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, поднялъ ружье и сказалъ:

— Полчаса прошло, мистеръ Мартинъ: готовы ли вы?

— Нѣтъ! охъ, нѣтъ! Пощадите! О, пощадите!.. Полчаса еще!.. Мнѣ нужно многое...

Онъ не кончилъ фразы: раздался выстрѣлъ, пуля прошла въ мозгъ, и онъ упалъ мертвымъ.

XXX

Мы вырыли неглубокую могилу и опустили въ нее тѣло управляющаго; притащили туда же мертвую собаку и положили ее вмѣстѣ съ ея господиномъ: они были достойные другъ друга товарищи!

Послѣ этого мы продолжали наше бѣгство не со страхомъ и угрызениемъ совѣсти убійцъ, какъ могутъ подумать, но съ высокимъ сознаниемъ, что мы отместили за человѣчество и воздали должное тирану, — съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое одушевляло израильскаго героя, когда онъ бѣжалъ къ мадіанитянамъ, или Валааса и Теля, искавшихъ убѣжища въ темную ночь среди утесовъ и вершинъ родимыхъ горъ, гдѣ вѣетъ свободой! Здѣсь не было горъ, чтобы принять и приютить насъ, но были болота и пески Каролины, которые мы снѣжили пройти, чтобы какъ можно скорѣе нѣсколько добрыхъ миль легло между нами и Лузагачи. Уже болѣе сутокъ мы ничего не ѣли, но душевныя наши силы были возбуждены до такой степени, что мы нисколько не ослабѣли и почти не чувствовали усталости.

Мы шли на сѣверо-западъ, направляя нашъ путь по звѣздамъ, и должно-быть прошли очень много, потомучто ниразу не отдыхали и шли очень скоро всю ночь. Нашъ путь лежалъ чрезъ сосновые лѣса, но деревья стояли такъ рѣдко, что мы шли въ лѣсу такъ же

скоро, какъ и по открытой дорогѣ. Повременаѣ болото или плантация заставляли насъ уклоняться въ сторону, но гдѣ только можно было, мы снова принимали прежнее направленіе.

Темнота ночи, усилившись часа два назадъ отъ густого тумана, начинала уступать первымъ признакамъ разсвѣта. Мы въ это время проходили чрезъ небольшую ложбину, теперь сухую, но въ мокрое время года здѣсь вѣроятно протекала ручей; мы искали куда бы спрятаться, какъ вдругъ замѣтили среди густого кустарника чело-вѣка, повидимому спавшаго положи голову на мѣшокъ съ рисомъ. Мы тотчасъ узнали его: это былъ невольникъ изъ сосѣдней съ Лузагачи плантаціи, съ которымъ мы были немного знакомы и слышали, что онъ убѣжалъ мѣсяца два или три тому назадъ.

Томасъ дернулъ его за плечо; онъ проснулся и страшно испугался. Мы сказали, что бояться ему нечего, что мы такіе же бѣглецы, какъ и онъ, и нуждаемся въ его помощи, потому что умираемъ съ голода и совершенно незнаемъ мѣстности. Сначала онъ повидимому скрытничалъ и недовѣрялъ намъ; онъ кажется боялся не западня ли это, не подосланы ли мы, чтобы схватить его. Но наконецъ намъ удалось разсѣять его сомнѣнія. Какъ только онъ увѣрился изъ нашего рассказа, кто мы, какъ попросилъ насъ слѣдовать за нимъ, обѣщая накормить насъ.

Съ мѣшкомъ на плечахъ онъ пошелъ по ложбинѣ, въ которой мы его нашли; пройдя мили или двѣ, ложбина расширилась и вошла въ большое болото, или скорѣе — прудъ, заросшій деревьями. Мы вышли изъ ложбины и прошли довольно далеко вдоль берега пруда; вдругъ нашъ проводникъ бросился въ воду и пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. Мы также вошли въ прудъ; но прежде чѣмъ идти далѣе, проводникъ положилъ свой мѣшокъ на упавшее дерево и возвратясь назадъ, заботливо уничтожилъ наши слѣды на топкомъ берегу и потомъ уже продолжалъ свой путь, ведя насъ по поясъ въ тинѣ и водѣ по крайней-мѣрѣ съ полмили. Гигантскія деревья, между которыми мы пробирались, выходили изъ воды какъ Юланны, круглыя, прямыя, съ бѣловатымъ стволомъ безъ вѣтвей, а ихъ многолиственные вершины составляли густой baldachinъ надъ нашими головами; веленя почти не было, кромѣ чего-то вроде громадныхъ виноградныхъ лозъ, которыя обнимали, какъ толстыя ланиты, стволы деревьевъ, и достигая вершинъ усиливали своими вѣтвями густоту свода. Этотъ сводъ такъ заслонялъ свѣтъ и такъ

близко стояли деревья другъ возлѣ друга, что съ трудомъ, и то недалеко, можно было видѣть дорогу въ этомъ водяномъ лѣсу.

Вода становилась глубже, а лѣсъ все гуще, и мы удивлялись куда ведетъ насъ нашъ проводникъ, когда вдругъ представился намъ небольшой островокъ, возвышавшійся только на нѣсколько футовъ надъ водою, такой правильной формы, что казался искусственно произведенной насыпью. Быть-можетъ это было произведение древнихъ обитателей этой страны, служившее основаніемъ какой-нибудь крѣпости? Величиною онъ былъ около акра и покрытъ густыми деревьями, совершенно непохожими на тѣ, которыя его окружали, и уступавшими тѣмъ въ величинѣ и красотѣ; берега островка были покрыты низкими кустарниками и травой, придававшими ему видъ массы зелени. Нашъ проводникъ указалъ намъ на проходъ, сдѣланный въ кустарникахъ, и мы вошли на сухую почву; потомъ онъ повелъ насъ по узкой, извилистой дорогѣ, и наконецъ мы дошли до избы, построенной изъ коры и вѣтокъ. Онъ засвисталъ особеннымъ образомъ и вслѣдъ за этимъ показалось два или три человѣка.

Они очень удивились увидя насъ, особенно меня, котораго они кажется приняли за свободнаго человѣка; но проводникъ нашъ увѣрилъ, что мы друзья, одинаково несчастные какъ и они, и повелъ насъ въ избу. Новые хозяева приняли насъ ласково и узнавши какъ долго мы ничего не ѣли, нераспрашивая далѣе, поспѣшили удовлетворить нашъ голодъ; намъ подали мяса и гомини и мы вполне насытились.

Тогда у насъ потребовали полнаго отчета, кто мы такіе. Вслѣдствіе этого мы рассказали все что съ нами случилось, неупоминая впрочемъ ни слова о судьбѣ, постигшей управителя. Такъ какъ нашъ проводникъ, знавшій насъ, могъ отчасти подтвердить нашъ рассказъ, то его сочли удовлетворительнымъ, и мы тотчасъ же были приняты въ ихъ братство.

Братство состояло изъ шести человѣкъ, кромѣ насъ, — всѣ удачные ребята, которымъ наскучила утомительная ежедневная работа до урокамъ и кнутъ управителя, и они бѣжали въ лѣсъ, гдѣ снова могли наслаждаться, хотя украдкой, дикой, свободной жизнью. Эту жизнь, несмотря на ея опасности и труды, можно было всегда предпочесть той работѣ каторжныхъ и тому презрѣнному рабству, отъ которыхъ они убѣжали!

Изъ всѣхъ ихъ мы сколько-нибудь знали одного нашего провод-

ника. Предводителемъ шайки былъ невольникъ, убѣжавшій изъ сосѣдней плантаціи года два или три тому назадъ вдвоемъ съ однимъ товарищемъ. Тогда они еще не знали о существованіи этого убѣжища, но когда ихъ преслѣдовали, они рѣшились переплыть это болото или прудъ; на такую попытку, думаю, что никто еще не рѣшался. Переплывая, они увидѣли этотъ островокъ и такъ какъ никто не подозрѣвалъ о его существованіи, то онъ и служилъ для нихъ безопаснымъ убѣжищемъ. Скоро они завербовали еще одного или двухъ товарищей, а впоследствии присоединились къ нимъ и другіе.

Нашъ проводникъ какъ-виднo ходилъ покупать маисъ на сосѣдную плантацію: этой торговлей занимались наши друзья съ невольниками сосѣднихъ плантацій. Окончивши торгъ, прозавшіе предложили ему штофъ виски, которой онъ такъ натянулся, что ноги ему измѣнили на возвратномъ пути домой; онъ упалъ и заснулъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы его нашли. По законамъ этой болотной республики пить внѣ дома было величайшимъ преступленіемъ, наказываемымъ тридцатью-девятью ударами кнута, что и было тотчасъ же исполнено съ величайшимъ усердіемъ.

Онъ впрочемъ выдержалъ это безропотно, какъ исполненіе закона, на который онъ самъ согласился, зная, что отъ него зависитъ столько же его выгода, какъ и выгода тѣхъ, которые только-что привели его въ исполненіе.

Жизнь, которую мы вели теперь, представляла покрайней-мѣрѣ прелесть новизны. Днемъ мы ѣли, спали, рассказывали исторіи, вспоминали нашъ побѣгъ, или занимались выдѣлываніемъ кожъ, шитьемъ платья и приготовленіемъ провизіи, а ночь оставалась для подвиговъ и приключеній. Съ наступленіемъ осени мы начали часто посѣщать сосѣднія поля маиса и картофеля, которыхъ мы безъ зазрѣнія совѣсти подвергали строгой контрибуціи; но это впрочемъ продолжалось не болѣе мѣсяца. Нашъ постоянный и регулярный доходъ составляли стада цолудикаго скота, бродившаго по основнымъ лѣсамъ и кормившагося грубой травой, которую они производятъ. Мы убивали столько скота, сколько намъ было нужно, и нарѣзавши мясо на куски, сушили его на солнцѣ: приготовленное такимъ образомъ, оно составляетъ вкусную пищу, и мы не только сберегали ее для собственнаго употребленія, но оно же составляло и предметъ постоянной осторожной торговли, которую, какъ я уже сказалъ, мы вели съ невольниками нѣсколькихъ сосѣднихъ плантацій.

XXXI

Въ концѣ зимы стада, пасшіяся обыкновенно недалеко отъ насъ, очень уменьшились, да и пастбище сдѣлалось такъ голо и сухо, что и оставшіяся скотъ былъ похожъ на живыхъ скелетовъ, который не стоило труда и убивать.

Ктому же управители сосѣднихъ плантацій начали замѣчать, что они подвергаются правильному и дѣятельному грабежу. Мы узнали отъ невольниковъ, съ которыми торговали, что было много толковъ о быстромъ исчезновеніи скота и что дѣлаются приготовления къ большой охотѣ за грабителями.

Чтобы сдѣлать напрасными эти приготовления и поискать новыхъ стадъ, рѣшено было, что пятеро изъ насъ отправятся въ отдаленную экскурсію, а двое останутся тутъ и не будутъ никуда выходить.

Одинъ изъ нашихъ взялся провести всѣхъ насъ на одну плантацію за Санти, гдѣ онъ выросъ. Зная превосходно всю мѣстность вокругъ, онъ увѣрилъ, что есть много такихъ мѣстъ, гдѣ можно будетъ укрываться впродолженіи дня, а въ обширныхъ лѣсахъ и степяхъ водится много отличнаго скота. Подъ его предводительствомъ шли мы нѣсколько дней, или лучше—сказать нѣсколько ночей, по направленію къ сѣверу. На пятый или на шестой день нашего странствованія, вставши послѣ захожденія солнца, мы шли почти всю ночь по безлюдной и песчаной почвѣ, покрытой холмами, когда нашъ проводникъ сказалъ, что уже близко та плантація, куда онъ намѣренъ былъ довести насъ; но какъ луна зашла, ночь же была темная и туманная, то незная навѣрное гдѣ мы были, онъ счелъ за лучшее подождать здѣсь до утра, а тогда онъ найдетъ другое, лучшее мѣсто, гдѣ бы укрыться.

Этотъ совѣтъ былъ очень кстати, потомучто всѣ мы устали, истомились и хотѣли спать. Мы развели огонь, сварили остатки взятой нами провизіи и поставивши одного на караулъ, разлеглись на землю и скоро крѣпко заснули.

Покрайней-мѣрѣ я спалъ очень крѣпко и мнѣ снилась Касси и мое дитя... Вдругъ мой сонъ былъ прерванъ выстрѣломъ и топотомъ скачущихъ коней; я вскочилъ, хорошенько непонимая, не во снѣ ли я? Взглянувъ на Томаса, спавшаго возлѣ меня, я замѣтилъ,

что все его платье въ крови; онъ уже былъ на ногахъ, и мы, не ожидая увидѣть или услышать еще больше, бросились въ ближайшую чащу и бѣжали нѣсколько времени, сами не зная зачѣмъ и куда...

Наконецъ Томасъ закричалъ, что не можетъ идти далѣе: онъ сильно ослабѣлъ отъ истекшей крови, а теперь раны его затвердели, и онъ чувствовалъ сильную боль.

Начинало разсвѣтать. Мы сѣли на землѣ и старались, какъ могли, перевязать раны Томаса. Одна пуля прошла сквозь мясистую часть руки между плечомъ и локтемъ; другая попала въ бокъ, но, сколько мы могли судить, скользнула по ребрамъ, не причинивъ очень значительнаго вреда. Изъ этихъ ранъ долго текла кровь и теперь онъ сильно болѣли.

Мы перевязали ихъ какъ могли, и увидя недалеко ручей, обмыли на немъ кровь и утолили нашу жажду. Это подкрѣпило и оживило насъ, и мы начали обдумывать, по какой дорогѣ идти намъ и что дѣлать: мы не осмѣливались возвратиться обратно на мѣсто нашего ночлега, да и сомнѣвались, найдемъ ли дорогу, потому что тогда было еще темно, а мы бѣжали очертя голову и вовсе не обращающаго вниманія, по какому направленію. До острова было восемь или девять дней пути, и какъ мы шли ночью, и не всегда придерживались одного направленія, то было бы нелегко найти нашу дорогу обратно. Но Томасъ хвалился, что хорошо знаетъ лѣсъ и хотя не могъ замѣтить дорогу такъ, какъ бы ему хотѣлось, но все-таки думалъ, что можетъ найти обратный путь.

Но раны его были еще слишкомъ свѣжи и онъ чувствовалъ себя очень слабымъ, чтобы сейчасъ же отправиться въ дорогу; да и кроме того уже почти разсвѣло, а мы имѣли много причинъ путешествовать только ночью.

Итакъ мы нашли чащу, гдѣ и спрятались до вечера.

Какъ только наступилъ вечеръ, Томасъ сказалъ, что чувствуетъ себя гораздо сильнѣе, и мы сейчасъ же отправились въ обратный путь. Но прежде всего мы рѣшились попытаться найти вчерашній нашъ ночлегъ, въ той надеждѣ, что намъ удастся сойтись съ теми изъ нашихъ товарищей, которымъ можетъ-быть также посчастливилось убѣжать.

Побродивши довольно долго, мы пошли наконецъ нашъ ночлегъ. Два окровавленныхъ окоченѣвшихъ трупа лежали возлѣ потушенныхъ углей: повидимому ихъ убили сонными, такъ что они не успѣли

повернуть ни однимъ членомъ. Кусты вокругъ были забрызганы кровью и при свѣтѣ луны мы отыскали кровавые слѣды одного изъ нашихъ несчастныхъ товарищей : это былъ вѣроятно нашъ караульный, который заснувши допустилъ напасть на насъ врасплохъ.

Мысль, что онъ быть-можетъ лежитъ теперь раненый и беззащитный гдѣ-нибудь въ кустахъ, придавала намъ смѣлости : мы закричали, называя его по имени, но голоса наши раздавались по всему лѣсу и оставались безъ отвѣта.

Мы опять возвратились къ мѣсту ночлега и еще разъ взглянули на обезображенныя лица нашихъ мертвыхъ товарищей. Мы не могли оставить ихъ безъ погребенія ; я наскоро вырылъ неглубокую могилу и мы опустили ихъ туда.

Уронивши слезу на могилу товарищей, грустные, убитые, съ отчаяніемъ въ сердцахъ мы продолжали длинный, утомительный и невѣрный путь нашъ.

XXXII

Всю эту ночь мы шли очень медленно, а на разсвѣтѣ опять спрятались и легли спать. Раны Томаса были въ гораздо лучшемъ состояніи и кажется начинали заживать. Рана въ груди была гораздо менѣе опасна, чѣмъ мы сначала предполагали, и такъ какъ боль уменьшилась, то онъ могъ теперь заснуть.

Мы спали хорошо, но проснувшись, чувствовали сильную слабость отъ недостатка пищи, потомучто цѣлыя сутки ровно ничего не ѣли. Хотя солнце еще не зашло, но мы рѣшились тотчасъ же идти, надѣясь, что дневной свѣтъ поможетъ намъ найти что-нибудь поѣсть.

Пройдя значительное разстояніе по лѣсамъ, мы какъ-разъ при захожденіи солнца вышли на дорогу. Мы рѣшились идти этой дорогой въ той надеждѣ, что она приведетъ насъ къ какой-нибудь фермѣ, вблизи которой намъ могло попасться что-нибудь съѣстное. Въ несчастную минуту пришла намъ эта мысль ! Не прошли мы и получивши, какъ вдругъ на вершинѣ холма мы наткнулись на трехъ всадниковъ : неровность дороги скрывала ихъ отъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не очутились въ нѣсколькихъ саженьяхъ другъ отъ друга. Мы такъ же поразили ихъ, какъ и они насъ. Всадники остановили своихъ лошадей и окинули насъ проницательнымъ взглядомъ. Наша на-

ружность очень могла обратить на себя вниманіе: платье, какое было на насъ, было истаскано и изорвано; вмѣсто обуви на насъ были родъ мокасиновъ, сдѣланныхъ изъ бычачьей невидѣланной кожи; шапки были сдѣланы изъ того же матерьяла, а все наше платье и особенно томасово было забрызгано и замарано кровью.

Всадники приняли меня за свободного и одинъ изъ нихъ закричалъ: «Эй, послушайте! Кто вы, куда идете и кому принадлежить этотъ человѣкъ?..»

Я старался воспользоваться цвѣтомъ моего лица и казаться тѣмъ, за кого меня принимали; но скоро я увидѣлъ, что это бесполезно, потому что хотя повидимому они сначала не подозрѣвали, что я невольникъ, но наружность наша была такъ странна, что они начали строго допрашивать меня. Такъ какъ я не имѣлъ опредѣленнаго понятія гдѣ мы были и совершенно не зналъ окрестной мѣстности, то вовсе не могъ утвердительно отвѣчать на множество предложенныхъ мнѣ вопросовъ и скоро началъ путаться и сбиваться. Это возбудило подозрѣніе, и въ то время когда я отвѣчалъ на вопросы того, который принялъ на себя роль главнаго допросчика, другой спрыгнулъ съ коня, схватилъ меня за воротъ и поклонился, что я или бѣглецъ, или негрокрадь. Въ ту же минуту и третій воскочилъ на землю, и пока одинъ держалъ меня за руки, другой старался овладѣть Томасомъ.

Томасъ увернулся и побѣжалъ. Но пробѣжавши немного, онъ оглянулся, и увидѣвши меня на землѣ, забывъ свою рану, свою слабость и собственную опасность, схватилъ палку и приближалъ ко мнѣ на помощь. Они меня душили до тѣхъ поръ, пока я почти не лишился чувствъ. Между тѣмъ какъ одинъ все еще держалъ меня, поваливши на землю, другой пошелъ навстрѣчу Томасу, который, обернувшись, однимъ ударомъ повалилъ своего преслѣдователя и теперь шолъ ко мнѣ на помощь съ поднятой палкой. Новый противникъ его былъ силенъ и ловокъ: онъ успѣлъ избежать удара Томаса и тотчасъ же схватился съ нимъ. Томасъ не могъ вполнѣ владѣть одной рукой и очень обезсилѣлъ отъ потери крови и долгаго поста, но онъ отчаянно боролся и уже одерживалъ верхъ, когда тотъ, котораго онъ свалилъ съ ногъ при началѣ битвы, пришелъ въ себя и подоспѣлъ на помощь своему товарищу. Двухъ ужъ было слишкомъ много для Томаса; они скоро повалили его и связали ему руки; тоже сдѣлали и со мной, и вынувши изъ сѣдельнаго кар-

мана веревку, сдѣлали изъ нея кольца, надѣли намъ на шеи и погоняя кнутомъ, заставили насъ бѣжать за своими лошадьми.

Черезъ полчаса мы подѣхали къ низенькой дрянной избенкѣ, стоявшей возлѣ дороги и служившей кажется трактиромъ или постоялымъ дворомъ, гдѣ мы и остановились. Единственныя лица въ домѣ были сама хозяйка и ея маленькая дочь лѣтъ десяти или двѣнадцати. Вся наружность дома явно показывала бѣдность и недостатки. Лишь только поймавшіе насъ господа распорядились насчетъ лошадей, какъ потребовали цѣней, кандалъ или, говорили они, какихъ бы то нибыло оковъ. Но къ величайшему ихъ неудовольствію хозяйка объявила, что у нея нѣтъ ничего подобнаго. Впрочемъ она достала какую-то старую веревку: связавши какъ могли, они бросили насъ въ сѣняхъ.

Хозяйка сказала, что по всей вѣроятности мы бѣглецы, потому что въ послѣднее время они сильно беспокоили окрестности, и ночи двѣ или три тому назадъ пять или шесть человекъ выѣзжали отыскивать мошенниковъ и неожиданно напали въ лѣсу на цѣлую шайку, спавшую вокругъ огня. Шайка казалась слишкомъ велика, чтобы взять ее живою, но все рѣшили, что ни одинъ мошенникъ не уйдетъ отсюда, а одинъ изъ партіи охотниковъ — владѣлецъ, какъ предполагали, этихъ невольниковъ — сказалъ, что для него гораздо лучше, если всѣхъ ихъ перестрѣлятъ, вмѣсто того чтобы они бродили по окрестности безъ пользы для него и съ вредомъ для сосѣдей.

Охотники раздѣлились и каждый подошелъ съ различной стороны.

По данному сигналу все выстрѣлили и пришпорили коней и все поодиночкѣ воротились домой. Никто изъ нихъ не остановился посмотреть на послѣдствія экзекуціи, но какъ все охотники были хорошие стрѣлки, то предполагаютъ, что большая часть бѣглыхъ убита или тяжело ранена. Она прибавила, что такъ какъ платья наши въ крови и одинъ изъ насъ раненъ, то вѣроятно мы принадлежимъ къ той же шайкѣ.

Изъ разговора между хозяйкой и гостями оказывалось, что разбойническое нападеніе, приготовленное для другой партіи бѣглыхъ, но жертвами котораго сдѣлались наши товарищи, есть одинъ изъ общепотребительныхъ пріемовъ при ловлѣ бѣглыхъ въ Нижней Виргиніи. Онъ употребляется охотниками въ тѣхъ случаяхъ, когда зна-

чительное количество негровъ представляетъ нѣкоторую трудность переловить ихъ живыми.

Разъѣздъ атаковавшихъ и выстрѣлы по одному, а потомъ такое же возвращеніе домой есть только слѣдствіе стариннаго, переходящаго изъ рода въ родъ предрѣзсудка: по закону Каролины убійство невольника считается челоуѣкоубійствомъ, и хотя вѣроятно этотъ законъ никогда не прилагался на дѣлѣ и теперешніе присяжные изъ негровладѣльцевъ безъ всякаго сомнѣнія сочли бы его за глупый, вышедшій изъ моды фанатизмъ, но въ груди народа чувствуется еще какой-то ужасъ при мысли о преднамѣренномъ убійствѣ и роль суевѣрной боязни, чтобы не приложили стариннаго закона. Чтобы завязать глаза своей совѣсти и избѣгнуть возможности судебного слѣдствія, каждый участвующій старается не видѣть, когда другіе стрѣляютъ, и ни одинъ не идетъ смотрѣть, сколько челоуѣкъ убито или ранено ими. Несчастные, которыхъ не убили на мѣстѣ, остаются на жертву медленнымъ мученіямъ голода, жажды и гноящихся ранъ; когда же наконецъ умрутъ, то ихъ скелеты выбѣливаются на каролинскомъ солнцѣ какъ несомнѣныя доказательства цивилизаціи и челоуѣколюбія негровладѣльцевъ.

Въ то время какъ наши поимщики ужинали, маленькая дочь хозяйки пришла въ сѣни посмотрѣть на насъ. Это была очень хорошенькая дѣвочка; ея кроткіе голубые глаза наполнились слезами, когда она увидѣла насъ. Я попросилъ воды. Она побѣжала и тотчасъ принесла намъ, а потомъ спросила: не хотимъ ли мы чего-нибудь поѣсть? Я отвѣчалъ, что мы умираемъ съ голода; тогда она опять побѣжала и возвратилась съ большимъ кускомъ хлѣба.

Наши руки были такъ крѣпко связаны, что мы не могли дѣйствовать: маленькая дѣвочка разложила хлѣбъ и накормила насъ изъ своихъ рукъ. Не довольно ли этого примѣра для доказательства того, что природа не создала челоуѣка тираномъ? Жадность, слѣпая жадность рабовладѣльцевъ, лживыя, но хитро придуманныя внушенія невѣжества и страсти, соединившись вмѣстѣ, дѣлаютъ изъ этихъ людей тирановъ и успѣваютъ наконецъ изгнать состраданіе изъ ихъ души. Тогда-то оно ищетъ убѣжища въ сердцѣ женщины, а когда и оттуда прогнать его успѣхи угнетенія, тогда въ грустномъ раздумьи, готовясь улетѣть на небо, оно останавливается и долго таетъ въ груди дитяти!

Подслушавши разговоръ путешественниковъ (въ это время хозяйка принесла кружку виски и они стали очень общительны);

мы узнали, что находимся недалеко отъ города Камдена на большой сѣверной дорогѣ, ведущей отъ этого города въ Сѣверную Каролину. Поиманшіе насъ кажется были изъ гористыхъ странъ. Они ѣхали не черезъ Камденъ, но выѣхали на эту дорогу недалеко отъ того мѣста, гдѣ встрѣтили насъ. Они отпирывались въ Виргинію для покупки невольниковъ.

Поспѣривши довольно долго, они рѣшили отложить свое путешествіе на день или на два и везти насъ въ Камденъ, въ надеждѣ найти нашего владѣльца и получить награду за поимку насъ; если же владѣлецъ не явится тогда же, — посадить насъ въ тюрьму, объявить въ газетахъ и по возвращеніи уже вполнѣ заняться этимъ дѣломъ.

Между тѣмъ кружка съ виски опорожнилась и путешественники начали приготовляться ко сну. Въ домѣ было только двѣ комнаты, изъ которыхъ одну занимала хозяйка съ дочерью, а въ другихъ приготовили постели для пріѣзжихъ; въ эту же комнату перевели и насъ, и путешественники, пожалѣвъ еще разъ, что у хозяйки нѣтъ цѣпей, заботливо осмотрѣли и перевязали наши веревки, послѣ чего раздѣлись и бросились въ постель. Вѣроятно путешествіе утомило ихъ, да и виски сильно подѣйствовала, потомучто скоро у нихъ показались несомнѣнные признаки глубокаго сна.

Я завидовалъ ихъ счастью, потомучто крѣпко завязанныя веревки и неудобное положеніе, въ какомъ я долженъ былъ лежать, не давали мнѣ заснуть. Свѣтъ луны, проникавшій въ окно, позволялъ ясно видѣть всякій предметъ. Я и Томасъ горевали о своемъ несчастномъ положеніи и грустно разговаривали другъ съ другомъ, какъ вдругъ дверь тихо и осторожно отворилась и вошла маленькая дочь хозяйки. Малютка неслышными шагами подошла къ намъ, одна ручка была поднята, какбы приказывая намъ молчать, въ другой она держала ножъ, и опустившись на полъ, она быстро перерѣзала наши веревки.

Мы не смѣли заговорить, но какъ билось у насъ сердце, и я увѣренъ, что въ нашихъ глазахъ выразилась благодарность, которую мы чувствовали! Осторожно поднявшись, мы уже подкрались къ дверямъ, когда Томасу пришла новая мысль: онъ тронулъ меня за плечо, чтобы обратить мое вниманіе, и началъ подбирать платье и обувь одного изъ спавшихъ; я въ туже минуту понялъ его намѣреніе и послѣдовалъ его примѣру. Это повидимому удивило и даже неприятно поразило малютку: она знаками убѣждала насъ оставить;

но мы показали видъ, что не понимаемъ ея жестовъ и вышли изъ комнаты съ платьемъ въ рукахъ.

Выйдя изъ сѣней, мы нѣсколько времени шли медленно и осторожно, боясь, чтобы звукъ нашихъ шаговъ не поднялъ тревоги; въ тоже время малютка гладила собаку по головѣ, надавая ей залаять. Пройдя значительное пространство шагомъ, мы бросились бѣжать и бѣжали до тѣхъ поръ, пока у насъ не захватило духъ.

Немного отдохнувши, мы бросили наши изорванные платья и запрятали ихъ въ кусты. По счастью, взятые нами платья довольно хорошо пришлись по насъ и придали намъ видъ менѣе подозрительный и даже внушающій уваженіе. Мы сдѣлали двѣ или три мили назадъ, пока дошли до дороги, ведущей на югъ, поперегъ той, по какой мы прежде шли.

Во все это время Томасъ ничего не говорилъ и какъ-будто даже не обращалъ вниманія на мои замѣчанія и не слышалъ вопросовъ, которые я повременамъ предлагалъ ему. Когда мы пришли къ перекрестку, онъ вдругъ остановился и взялъ меня за руку. Я думалъ, что онъ хочетъ посоветоваться со мной, что намъ дѣлать; но каково было мое удивленіе, когда я услышалъ: «Арчи! здѣсь я оставляю тебя!»

Я не могъ себѣ представить что онъ хочетъ дѣлать, и въ недоумѣніи смотрѣлъ на него.

— Ты теперь на дорогѣ къ сѣверу, сказалъ Томасъ, — платье у тебя хорошее и ученъ ты нехуже управителя; ты легко можешь выдать себя за свободнаго человѣка и пробраться до тѣхъ свободныхъ земель, о которыхъ ты такъ часто говорилъ мнѣ. Если я пойду съ тобой, то насъ обоихъ остановятъ и будутъ допрашивать; за нами будутъ гнаться, и если мы останемся вмѣстѣ и пойдѣмъ по этой дорогѣ, то насъ навѣрное схватятъ. До свободной земли далеко путь и мнѣ едвали удастся, да я вовсе и не надѣюсь когда-нибудь добраться туда. А еслибы и добрался, что мнѣ изъ того? Я пойду опять въ лѣсъ и буду жить какъ могу. Я сумѣю вернуться назадъ къ старому мѣсту, но ты, Арчи, ты можешь лучше сдѣлать: ты навѣрное дойдѣшь до сѣвера. Иди, дитя мое, иди!.. Благослови тебя Господи!..

Я былъ такъ взволнованъ, что нѣсколько времени не могъ ничего сказать. Мысль избѣжать всѣхъ опасностей и страданій моего настоящаго положенія и достигнуть земли, гдѣ я могу носить имя и пользоваться правами свободнаго человѣка, — эта мысль освѣ-

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Θ. БАЗУНОВА

КОМИССИОНЕРА МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста,
въ домѣ Ольхиной.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ :

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

Ф. М. Достоевскаго

въ 2-хъ частяхъ. Изданіе А. Θ. Базунова. 1862 года.

Содержаніе слѣдующее: Часть I. Записки изъ Мертваго дома (въ видѣ предисловія). Глава I. Мертвый домъ. Гл. II. Гл. III. Гл. IV. Первые впечатлѣнія. Гл. V. Гл. VI. Первый мѣсяцъ. Гл. VII. Новыя знакомства. Петровъ. Гл. VIII. Рѣшительные люди. Лучка. Гл. IX. Исая Фомичъ. Баня. Расказъ Бакушина. Гл. X. Праздникъ рождества христова. Гл. XI. Представленіе. Часть II. Гл. I. Госпиталь. Гл. II. Гл. III. Продолженіе. Гл. IV. Акулькинъ мужъ. (Расказъ.) Гл. V. Января цора. Гл. VI. Каторжныя животныя. Гл. VII. Претензія. Гл. VIII. Гл. IX. Побѣгъ. Гл. X. Выходъ изъ каторги.

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ Е. П. ГРЕБЕНКИ въ пяти томахъ (1833—1846). Спб. 1862 г. Ц. 6 р., съ перес. 8 р.

ПИСАНІЯ П. И. КОТЛЯРЕВСКАГО. Содержаніе: Виргиліева Енеида, Наталка-полтавка, Москаль Черевникъ, Ода до князя Куракина. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ШЕКСПИРЪ Гервеніуса. Переводъ К. Тимофѣева. Выпускъ II. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ЛѢТОПИСИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРЕВНОСТИ, издаваемыя Н. Тихонравовымъ. Т. IV. М. 1862 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ВОЛГА ОТЪ ТВЕРИ ДО АСТРАХАНИ. Съ 10 литографіями, 31 поли-
типажемъ и картою Волги. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.
2 р.

ЭЛЛАДА, картины древней Греціи. Религія, могущество и просвѣщеніе Для любителей классической древности и просвѣщенія юности. Соч. д-ра Вильгельма Вевера. Спб. 1862 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

САМОУЧИТЕЛЬ ПЛАВАНІЯ

Новый легкій способъ въ нѣсколько приемовъ сдѣлаться превосходнымъ пловцомъ.

Содержитъ въ себѣ: 1) Искусство плаванія, какъ гимнастическое упражненіе, способствующее укрѣпленію и образованію гибкости тѣла. 2) Способность всякаго человѣка къ плаванію. 3) Польза плаванія въ мирѣ и войнѣ. 4) Разнообразные скоки въ воду. 5) Плаваніе на брюхѣ и спинѣ. 6) Обороты съ брюха на спину и обратно. 7) Плаваніе стоймя. 8) Плаваніе подъ водою (нырки). 9) Разрѣзное плаваніе. 10) Скользящее плаваніе. 11) Плаваніе на открытой водѣ. Съ рисунками, изданіе профессора плаванія въ Нью-Йоркѣ К. Гокка. М. 1860 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

СЧЕТОВОДСТВО ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Составилъ М. Корнильевъ. Казань 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ для перваго ученическаго возраста. Составлено Я. Печоринымъ. Спб. 1862 г. Ц. 20 к., съ перес. 50 к.

РИСУНКИ къ «Астрономическому землевѣдѣнію». Я. Печорина. Спб. 1862 г. Ц. 20 к., съ перес. 50 к.

ПОСЛОВИЦЫ РУССКАГО НАРОДА. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, рѣченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч. В. Даля. М. 1862 г. Ц. 3 р. 60 к., съ перес. 5 р.

РАСКАЗЪ ШАПКИ-НЕВИДИМКИ. Характеристическая повѣсть. Соч. князя Оболенскаго. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ИЗЪ ИСТОРИИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА. М. 1862 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Отлично гравированныя на мѣди по небывало-дешовой цѣнѣ **КАРТЫ ПЯТИ ЧАСТЕЙ СВѢТА**, какъ-то: Европы, Азіи, Африки, Америки, Австраліи и изображеніе земного глобуса, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и учебнымъ географіямъ, составленныя И. С. Рыбниковымъ. Съ дозволенія военно-топографическаго депо изданныя. Спб. 1860 г. На шести большихъ листахъ отлично плуминированныя. Цѣна назначена самая дешовая. За шесть картъ на листахъ 5 р., съ перес. 6 р. Наклеенныя на полотнѣ и въ футлярѣ 8 р., съ перес. 10 р. Отдѣльно каждая карта на листѣ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Наклеенная на полотнѣ и въ футлярѣ 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ПОДПИСКА НА «ВРЕМЯ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Новые подписчики получают въ приложеніи первую часть **«ЗАПИСОКЪ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА»** **Ф. М. Достоевскаго** и четыре главы **«СВѢЖАГО ПРЕДАНЬЯ»** романа въ стихахъ **Я. П. Полонскаго**

Такъ какъ два изданія первой части **«ЗАПИСОКЪ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА»** истоцились, то редакція приступила къ третьему, и *тѣ, которые еще не получили этого приложенія, получаютъ его теперь, прѣмьнно при одной изъ слѣдующихъ книжекъ.*

Оставшіеся экземпляры «ВРЕМЕНИ» отъ прошлаго года желающіе могутъ выписывать по той же цѣнѣ

ВРЕМЯ

будеть выходить въ 1862 году ежемѣсячно
книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ
и болѣе

Редакцію будутъ приняты все мѣры къ правнльной и скорой
доставкѣ журнала подписчикамъ

Цена изданію для ПЕТЕРБУРГА и МОСКВЫ 14 руб. 50 коп.
съ пересылкою и доставкою на домъ 16 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

для жителей Петербурга и Москвы, въ конторахъ
журнала **ВРЕМЯ**

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Бау-
нова, на Невскомъ Проспектѣ, въ
домѣ Энгельгардъ

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжномъ магазинѣ И. В. Бау-
нова, на Страстномъ Бульварѣ, въ
домѣ Загряжскаго

ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія
просто : Въ Редакцію Журнала «ВРЕМЯ» въ С. Петер-
бургѣ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

*Редакція отвѣчаетъ за исправность
доставки журнала только подписав-
шимся въ вышеозначенныхъ конторахъ
или въ самой Редакціи.*

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

1862

А В Г У С Т Ъ

(ГОДЪ ВТОРОЙ)

ВЫШЕЛЪ 5 СЕНТЯБРЯ

СОДЕРЖАНІЕ

Недоброе мѣсто. Письма доктора М. С... съ южнаго прибрежья Каспія. Статья вторая.	5
Ляйкодъ. (Рассказы изъ охоты въ зырянской сторонѣ). Ф. АРСЕНЬЕВА.	43
Разбойничество въ Итали.	103
Зимой. Стих. Ф. БЕРГА.	123
Безвыходное положеніе. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Николая Воскресенскаго . . .	125
<i>Вотъ люди странныя! сварливы, прихотливы...</i> Стихотвор. Ф. БЕРГА.	154
Юридическій обзоръ одного уголовнаго дѣла, окончательно рѣшоннаго въ 1849 году. Часть первая. А. САГАТОВИЧА	155
Родное. Стих. А. ПЛЕЩЕЕВА	222
Воспоминанія въ глеца. (Очерки американскихъ нравовъ). Соч. Гильдрета. (Въ особомъ приложеніи). Окончаніе . .	177

СМ. НА ОБОРОТЪ

ПЕТЕРБУРГЪ

1862

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Карамзинъ. Незданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть I.	1
По поводу изданія старой вещи. «Горе отъ ума». Аполона Григорьева.	35
Нигилизмъ въ искусствѣ	51
Наша общественная нравственность. Мысли объ устройствѣ убѣжища или общества для обращающихся съ пути заблуждений женщинъ въ Россіи, бывшаго воспитанника императорскаго училища правовѣднія, эстляндскаго дворянина, барона Эммануила Александровича Штейнгеля. М. Родевича	60

ПОЛИТИКА

Гарibaldi и его стремленія	1
Овше положеніе. — Англія. — Франція. — Соединенные-штаты. — Турція. — Пруссія. — Рань Гарibaldi.	19

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

Вступленіе. — Московское повѣтріе. — Продолженіе лѣтнихъ вѣстей: бессарабскіе виноградники. — Военственное воззваніе. — Очистка служебной совѣсти, благопріятная для саранчи. — Сборы на нижегородскую ярманку. — Отъ чего зависитъ уваженіе чужихъ привычекъ и обычаевъ? — Задача городскимъ обществамъ и приступъ къ рѣшенію ея въ Твери. — Одесскіе квасники. — Проектъ устройства петербургскаго толкучаго рынка. — Смыковскіе поджигатели. — Торжковскій пожаръ и г. <i>Васулимъ</i> . — Послѣобѣденный сонъ въ Вольскѣ. — Отчеты: казанскаго учебнаго округа и нижегородской общественной библіотеки. — Проектируемый университетскій уставъ и размышленія одного обозрѣвателя объ этомъ предметѣ. — Нѣчто о чтеніи для арестантовъ. — Кумушка Перепетуя. — Замѣчательная фраза въ письмѣ нашего корреспондента. — Курьозы и безобразія: слабые остатки сатрапскихъ нравовъ, въ двухъ формахъ; шутка пивоваровъ съ пивопійцами; разные роды находчивости; столичныя дебри. — Новооткрытая область для обличенія.	1
--	---

Объ изданіи журнала «Время» въ 1863 году. — Объявленіе отъ книжнаго магазина А. Ф. Базунова.

ПОДПИСКА НА 1863 ГОДЪ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ И. ДОСТОВСКИМЪ

«Время» въ будущемъ 1863 году будетъ издаваться подъ тою же редакціей, въ томъ же составѣ и въ томъ же направленіи какъ и въ настоящемъ году. Въ будущемъ мѣсяцѣ мы надѣемся представить подробный отчетъ нашимъ читателямъ какъ о пути, уже пройденномъ нами, такъ и о томъ, въ чемъ состоятъ теперь надежды и намѣренія наши. На этотъ же разъ мы ограничиваемся этимъ короткимъ объявленіемъ о продолженіи нашего изданія.

«Время» будетъ выходить въ 1863 году каждый мѣсяцъ, книгами отъ 25 до 30 листовъ большаго формата.

Редакціею будутъ приняты всѣ мѣры къ правильной и скорой доставкѣ журнала подписчикамъ.

Цѣна изданію для Петербурга и Москвы 14 р. 50 коп. Съ пересылкою и доставкою на домъ 16 р. сер.

Подписка принимается для жителей Петербурга и Москвы, въ конторахъ журнала «Время» :

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардъ.

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія просто: Въ Редакцію Журнала «Время» въ С. Петербургѣ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки своею журналомъ только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой редакціи.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **М. Достоевскій**

СОДЕРЖАНІЕ

АВГУСТЪ. № 8

Недоброе мѣсто. Письма доктора М. С... съ южнаго побережья Каспія. Статья вторая.	5
Лѣйкодзь. (Рассказы изъ охоты въ зырянской сторонѣ.) Ф. Арскнѣва	43
Разбойничество въ Италіи.	103
Зимой. Стих. Ѳ. Берга.	123
Безвыходное положеніе. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Николая Воскресенскаго.	125
Вотъ люди странные! Сварливы, прихотливы, ... Стих. Ѳ. Берга.	154
Юридическій обзоръ одного уголовного дѣла окончательно рѣшннаго въ 1849 году. Часть первая. А. Саготовича.	155
Родное. Стих. А. Плещеева.	222
Воспоминанія бѣглеца. (Очерки американскихъ нравовъ.) Соч. Гильдрета (Въ особомъ приложеніи.)	177

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Карамзинъ. Незданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть I. Спб. 1862.	1
По поводу новаго изданія старой вещи. Горе отъ ума. Спб. 1862. Аполлона Григорьева.	35
Нигилизмъ въ искусствѣ.	51
Наша общественная нравственность. Мысли объ устройствѣ убожища или общества для обращающихся съ пути заблужденія женщннъ въ Россіи, бывшаго воспитанника императорскаго училища правовѣдѣнія, эстляндскаго дворянина, барона Эммануиша Александровича Штейнгеля. Спб. 1862 г. М. Родевича.	60

ПОЛИТИКА

ГАРИБАЛЬДИ И ЕГО СТРЕМЛЕНІЯ	1
Общее положеніе. — Англія. — Франція. — Соединенные-Штаты. — Турція. — Пруссія. — Раны Гарибальди.	19

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

Вступленіе. — Московское повѣтріе. — Продолженіе лѣтнихъ вѣстей: бес- сарабскіе виноградники. — Воинственное воззваніе. — Очистка слу- жебной совѣсти, благопріятная для саранчи. — Сборы на нижегород- скую ярманку. — Отъ чего зависигъ уваженіе чужихъ привычекъ и обычаевъ? — Задача городскимъ обществамъ и приступъ къ рѣше- нію ея въ Твери. — Одесскіе квасники. — Проектъ устройства пе- тербургскаго толкучаго рынка. — Смыковскіе поджигатели. — Торж- ковскій пожаръ и г. <i>Ваулики</i> . — Послѣобѣденный сонъ въ Воль- скѣ. — Отчеты: казанскаго учебнаго округа и нижегородской обще- ственной бібліотеки. — Проектируемый университетскій уставъ и размышленія одного обозрѣвателя объ этомъ предметѣ. — Нѣчто о чтеніи для арестантовъ. — Кумушка Перешетуя. — Замѣчательная фраза въ письмѣ нашего корреспондента. — Курьезы и безобразія: слабые остатки сатрапскихъ нравовъ, въ двухъ формахъ; шутки ши- варовъ съ пивовицями; разные роды находчивости; столичныя дебри. — Новооткрытая область для обличенія.	1
---	---

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 8. АВГУСТЪ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1862

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 14 августа 1862 года.

НЕДОБРОЕ МѢСТО

ПИСЬМА ДОКТОРА И. С . . . СЪ ЮЖНАГО ПРИБРЕЖЬЯ КАСПИЯ

ПИСЬМО III

Энзели, декабря 18..

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль какъ я не бралъ пера въ руки, милый другъ. Но мнѣ было не до того. Въ этотъ промежутокъ времени вниманіе мое было поглощено такимъ множествомъ необыкновенностей, что мнѣ рѣшительно некогда было перевести духу. Начну *ab ovo*.

Вообрази: я такъ-таки и не видалъ до сихъ поръ пациента, для котораго притащился въ Гилянъ! Я съ нимъ развѣхался въ дорогѣ. Онъ былъ въ Казвинѣ въ одно время со мною. Теперь онъ въ Тегеранѣ. Но это цѣлая исторія.

Юсуфъ, отправившійся во второй разъ разузнавать объ Абдуллаханѣ, возвратился скоро и не одинъ.

Оставивъ башмаки свои, по восточному обычаю, за порогомъ, въ комнату мою ввалился высокій персіянинъ съ глубокими морщинами на лицѣ, но еще бодрый; темнокоричневый *джуббе* или балахонъ, такого же цвѣта длинная и узенькая борода и высокая черная *кулякъ* (шапка) да шерстяные узорчатые *гульбеки* на ногахъ составляли весь его нарядъ.

Въ то время какъ онъ усаживался—замѣть, безъ всякаго съ моей стороны приглашенія — возлѣ меня, что было съ его стороны выраженіемъ сознанія своего превосходства надъ *непырнымъ хекимомъ*, Юсуфъ, вошедшій вслѣдъ за нимъ, объявилъ мнѣ, что это вѣкто Реджебъ-Али-ханъ, родственникъ и пріятель высокоименитаго Абдулла-Хана.

— *Почетлѣйшій и благороднѣйшій изъ жителей Решта*, проговорилъ громкимъ голосомъ мой оруженосецъ въ видѣ необходи-

маго въ подобныхъ случаяхъ добавленія , глядя въ глаза моему гостю : — *очень, очень почетная и весьма здѣсь уважаемая особа!*

— *Добро пожаловали! Очень добро пожаловали, Хекимъ-Сагымъ!* проговорилъ тогда Реджебъ-Али-ханъ , благосклонно кивнувъ мнѣ головою и глядя на меня пристально. — *Стройно ли расположеніе вашего духа?*

Только-что проговорилъ онъ слова эти , черезъ порогъ переступилъ какой-то оборванецъ въ кафтанѣ изъ свѣтлосинней камки, поясанный бѣлымъ кушакомъ , и съ огромной кама или кинжаломъ у пояса; ноги его были босы, на головѣ круглая войлочная скуфья, на скуфьѣ лотокъ, на лоткѣ маленькая голова сахара, фунта въ три или въ четыре , чай въ красной бумагѣ , и на двухъ тарелочкахъ персидскія конфеты и между прочимъ знаменитый *гезнебимъ*, приники изъ персидской манны съ медомъ. Малый снялъ съ головы лотокъ и поставилъ передо мною.

— Это ханъ вамъ подносить , сказалъ Юсуфъ , показывая головою на Реджебъ-Али.

— *Зачьма беспокоимся?* проговорилъ я хану, соображаясь съ обычаемъ.

— *Это не беспокойство, отвѣчалъ тотъ:— это приятный долгъ. Вы наши любезные гости, вы отъ насъ головы нашей. Высокоименитый Абдулла-ханъ приказалъ мнѣ принять васъ. Вы должны извинить, если я съ чемъ не узожу вамъ и проч.*

Но я не буду утомлять тебя этими персидскими фразами, повторяемыми до одуренія при каждой встрѣчѣ.

Я шепнулъ Юсуфу, чтобы далъ слугѣ десять крановъ, потому что за подарки эти обычай требуетъ выдавать деньги слугѣ , у котораго баринъ часто ихъ потомъ отбираетъ въ свою пользу, оставляя ему развѣ небольшой процентъ.

Реджебъ-Али рассказалъ мнѣ, что Абдулла-ханъ получилъ на двѣхъ халатъ (почетную одежду) отъ его величества шаха при очень лестномъ письмѣ отъ Садри-Азама, великаго визиря и что онъ вслѣдствіе этого счелъ своею обязанностью поѣхать въ Тегеранъ принести свою благодарность его величеству, увѣренія въ преданности и искренности , что онъ будетъ скоро обратно — этакъ дней черезъ *пять-шесть* , черезъ *шесть-семь* , черезъ *семь-восемь*. Чтобъ я не беспокоился; что кухня его и всѣ люди къ моимъ услугамъ и что ханъ не позволитъ мнѣ платить за свою квартиру, потому что это его обязанность.

Рѣчь свою Реджебъ-Али пересыналъ прославленіями высокаго характера и щедрости Абдулла-хана и хвастовствомъ о своемъ на него вліяніи и вообще о почетѣ , которымъ онъ самъ, поддвоялся

въ городѣ и у правителя. Послушать его, такъ ни одно дѣло въ Гиланѣ не рѣшалось безъ вмешательства, безъ совѣта Реджебъ-Али-хана. Анекдоты, иногда очень забавные, шутки, остроты, злые анекдоты дѣлавали при этомъ одинъ за другими и оживляли бесѣду ланку. Оставалось только узнать насколько было правды въ словахъ его, или вѣрнѣе, было ли хоть слово правды во всѣхъ рѣчахъ этого господина.

Когда онъ исчезъ, я узналъ отъ Юсуфа слѣдующее.

Реджебъ-Али-ханъ былъ ничто иное какъ шутъ гиланскаго общества и принадлежалъ скорѣе къ сословію луты, т. е. къ еволочи города Решта, чѣмъ къ кругу порядочныхъ людей.

Меня Персія, какъ онъ объяснилъ мой наставникъ Жобаръ въ одной изъ своихъ лекцій, читанныхъ имъ для меня на крылѣ своего дома, въ Персін въ кругу общества долгого времени, что опредѣлительной черты рѣчь возможности провести между ними. Несомнѣнно на то, что законы мѣстничества соблюдаются здѣсь съ какою-то наступленіемъ, здѣсь всѣ равны передъ властью. Ханское достоинство и даже санъ правителя области не избавляетъ никого отъ поворота наказанія палками по подошвамъ. Ханъ и правитель нередко въ тоже время принадлежатъ и къ кастѣ луты. Здѣсь всѣ отъзываютъ одинаковый подобострастный поклонъ старшему и говорятъ ему ласкательныя слова, преувеличенно возвышая его до высоты планетъ, солнца и самого Создателя. *Худо егане* (подобный Богу) есть очень обыкновенная фраза въ письмахъ къ сильному лицу, но въ тоже время самый малевый человѣкъ, — и нѣтъ онъ нищадниче, чѣмъ это бываетъ рѣче, — объясняетъ ли вышнему лицу какое-нибудь дѣло, или защищаетъ свой интересъ передъ лицомъ начальства, говорить громко, слыно, бойко и безъ малѣйшаго стѣсненія рѣжетъ правду, слынетъ упреками, иногда очень грубо выраженными, укоряетъ начальника въ несправедливости, въ пристрастіи, въ притѣсненіи... Это конечно бываетъ въ такомъ только случаѣ, когда подсудный взятою упрочию за собою поддержку какого-нибудь сильнаго члена правленія, особенно изъ духовной касты. Известно, что и мусульманскія законоположенія такъ же легко обходить, какъ и законы просвѣщенныхъ государствъ; замонашныя юрисконсульты всю жизнь свою посвящаютъ на отысканіе такъ называемыхъ *хилли-шар'и* или законныхъ уловокъ, которыми можно выиграть какой-угодно процессъ; куранъ съ своимъ комментаріемъ, сотканнымъ изъ двусмысленностей и разныхъ мистическихъ и темныхъ намековъ, представляетъ для этого самую благодарную почву, неменьше древнихъ греческихъ оракуловъ удобную для предвзвѣдннхъ толкованій. Такъ муджтехиды, эти вер-

ховные жрецы ислама, которыхъ почти всегда бываетъ по два и болѣе въ каждомъ персидскомъ городѣ и которые обыкновенно составляютъ два враждебные лагеря, мѣдаютъ по одному и тому же дѣлу два противорѣчающія одинъ другому *хукма* или декрета. Каждый изъ этихъ декретовъ разумѣется основанъ на известномъ постановленіи мухаммедова устава и имъ объясняется, а исполненію и считается непреложнымъ и неподлежащимъ апелляціи. Какъ же согласить ихъ? Какъ распутать дѣло и вывести его изъ этого темнаго и изворотливаго лабиринта? Какъ постановить опредѣленіе на этомъ уролаивомъ основаніи? Тяжущіяся стороны бывъша иногда цѣлые годы, чтобы добиться отъ своего муджтехида такого декрета, который бы своею побѣдоносною неопровержимостью поконилъ конецъ тяжбѣ, и для этого разумѣется истощаются въ расхлебъ на подарки. И чѣмъ же все это перѣдко разыгрывается!

Проигравшая сторона успѣваетъ укрыться въ бѣгство, напичканное собою *ius azulis*, — и торжество противника обращается въ дымъ. Слѣдуетъ дружелюбная сдѣлка, значительно сокращающая размѣры претензій, а принявъ въ расчетъ издержки, затраченные на тяжбу впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, выйдетъ въ итогѣ, что обѣ стороны остались въ накладѣ. Изъ этого видно, что исторіи и исходъ хроническихъ тяжбъ одинаковъ во всѣхъ странахъ. Такимъ образомъ муджтехиды, верховные судьи шитскаго толка, распоряжаются въ Персіи съ чрезвычайнымъ самовластіемъ и самостоятельностью и заставляютъ трепетать свѣтскую власть. Самъ шехъ долженъ глядѣть въ оба, чтобы чѣмъ-нибудь не задѣть за живое членовъ шаріата или юристовъ вообще, а муджтехидовъ въ особенности.

Муллы, сеиды и дервиши всю жизнь свою стремятся къ приобрѣтенію вліянія. Первые, далеко не пренебрегающіе благами суетнаго міра, окружаютъ себя, благодаря приношеніямъ прихожанъ, всѣми удобствами жизни и цѣлою ватагою приверженцевъ изъ своей касты, которая составляетъ настоящую среду придворныхъ льстецовъ и низкопоклонниковъ. И простой мулла, рожденный подъ соломенною крышею отъ темнаго земледѣльца, восходитъ по ступенямъ духовной іерархіи до высокаго сана верховнаго судьи; сначала онъ *пишнамазъ*, имѣющій право священнослуженія, тамъ *мулла-баши*, главный мулла, тамъ *имамъ-дажума*, старшій соборный мулла, т. е. главный муфтіи, тамъ *муджтехидъ*, генераль-прокуроръ, который рѣшаетъ по курану всѣ тяжбы, всѣ затруднительные правительственные текущіе вопросы, и наконецъ *шайхъ-уль-исламъ*, старшина духовенства или кади, занимающійся рѣшеніемъ тяжбъ, которыя находятся въ связи съ гражданскими дѣлами.

Сенды или эшеры, т. е. князья и вельможи, состоятъ въ обществѣ на передовомъ планѣ. Богаче ли сенды или нищій; властительный вельможа или земледѣлецъ, онъ садится въ объѣздъ на первомъ мѣстѣ. Законъ выговорилъ для немудрыхъ сендовъ определенное подданіе съ эшера и знато и не подумаетъ отка- зать имъ съ выдачею ихъ собственности. Форзевики при заступни- чествѣ никогда не пропадаютъ въ пустелью. Преступленія или на- казываются слабѣе чѣмъ преступленія простыхъ смертныхъ, или вовсе остаются безъ наказанія. И сенды съ надменностью поль- зуются своими преимуществами и часто употребляютъ ихъ во зло.

Дервиши, по ролу, которую они играютъ въ обществѣ, состав- ляютъ чрезвычайно замѣчательное явленіе: по тушеводу своему, бродяжнической жизни, наглости и крайней неосиртисости они пользуются общими презрѣніемъ, но въ тоже время никто не осмѣ- лится не оказать члену этой касты почета и уваженія, не дать ему дороги, не подать милостыни, не выслушать съ терпѣніемъ его нестудовитой рѣчи, а иногда и проклятій. Оруженіемъ ореолу съ- святости, они позволяютъ себѣ все. Пренебрегая нарушными удоб- ствами жизни и доводя это пренебреженіе до откровенной не- оиратности, она безъ всякаго отвѣщенія или слѣдуютъ своимъ жи- вотнымъ побужденіямъ, или сосредоточиваютъ все радости своей жизни въ восторженномъ настроеніи души, доводящемъ нѣкото- рыми до вступленія. Въ припадкахъ обшей озабоченности устраи- ваются они на проходныхъ съ облаковымъ книжадомъ и порач- каютъ ихъ безъ разбора или ранятъ самихъ себя во славу своихъ имановъ. Мнѣ случалось видѣть подобныя случаи, ежегодно, гово- рять, повторяющіеся во время отравленія исторій Хасанъ-Хю- сейна. Но проявленія сумасбродства дервишей очень разнообразны. Нѣкоторые изъ этихъ религіозныхъ монаховъ отличаются со- вершенною безбилностью. Такъ въ Тегеранѣ въ настоящее время есть одинъ очень любопытный субъектъ въ этомъ родѣ. Онъ не но- ситъ дервишской ливреи; онъ одѣтъ чисто, въ бѣлый ватари. Съ утра до вечера пробѣгаетъ онъ по улицамъ города, оглашая ихъ хриплымъ восклицаніемъ: «А Алл!» т. е. «о, Алл!» Ни я, да и ни- кто изъ тегерандцевъ не видалъ его въ неподвижномъ состояніи: по- добно аэціонѣ носится онъ безостановочно, какбы увлекаемый вѣ- тромъ или какою-нибудь невѣдомою силою; никому не случалось замѣтить, чтобы восклицанія его прерывались хотя на одну минуту. Это, говорятъ, жертва несчастной любви.

Такимъ образомъ чины шаріата или законовѣды, сенды, дер- виши и юридические составляютъ силу, передъ которой преклоняется сама свѣтская власть.

Но есть въ Персіи и другая сила, которую общество далеко не презираетъ. Это ни больше ни меньше какъ уличная чернь — грязныя, но въ томъ дряннѣе и грязныя души, о которыхъ я тебѣ уже упоминалъ выше; это нѣчто вроде вавилонскихъ *Iszagani*. Но у вавилонской черни есть свой богъ, святой *Инуарій*; у души нѣтъ никакого бога. Они признаютъ въ клѣткѣ его имя, также какъ и имена пророка и знаменитца, машинально, безъ всякаго къ нимъ чувства.

Слово души произвелъ отъ Лота, персидскаго *Luth* (1), потому будто, что нравши и обогачили своими эти господа. имѣютъ много общаго съ жителями Солома и Гомера. Какой-то шумящій произвелъ нѣмецкое *Leute* и русское *люди* отъ того же корня. А было бы оригинальнѣе!

Души такъ же сидовы къ праздности, къ бражничеству, будстау и убійствамъ, какъ и *Iszagani*.

Общество, подовольное панин-нѣбудъ правительственнымъ иррани, или правящимъ, или дуловствомъ страны, подумаетъ чернь для заведенія своего неудовольствія. Души подымаются отъ своего бездѣйствія шумными и отчаянными закатами, трубятъ въ рожки — *буи*; сбегутъ прежде всего сождать крестьянскія жилища, шатаются одна и набраннись хлѣбу, лавою несутся по горю, разламываютъ двери остроговъ, выводятъ оттуда заключенныхъ товарищей и имѣютъ съ ними распространяютъ грабежъ и насильство. претить ладъ и домовъ, указавшихъ имъ заранѣе.

И все-таки нельзя сказать, чтобъ это бунтовалъ народъ, чтобы чернь протестовала противъ тираніи; безъ тираніи персіане никогда не жили; она всегда была ихъ стихіею. Народъ, какъ я сказалъ, служитъ одѣсь орудіемъ волей нѣсколькихъ личностей, изъ высшаго круга, что нѣбудъ добывающихся или вымещающихся на комъ нѣбудъ свою подалчу, свое горе, и потому остающихся прерасмолушными свидѣтелями правительственной расправы съ несчастными ихъ неимущими. Зачинщики, подстрекатели эти исторонѣ; они вліаніемъ своимъ и золотомъ защищаютъ свою неприкосновенность; а на коноводовъ — души подымаются красныя *мир-изаби*, князья *гивѣя* или *палачи*; на нихъ сылются истязанія и казни. Души знаютъ чѣмъ обыкновенно оканчиваются подобныя насильства; но наэлектризованные подачками и виномъ, они идутъ безстрашно на ирнуню расплату. И все въ порялкѣ.

Всѣ классы общества имѣютъ представителей этой касты. Кто любитъ предаваться бездѣйствію, выставлятъ напоказъ свое распо-

(1) Французы бы написали *Lout*.

леженію къ вину, къ гвѣздамъ и пласунимъ и ко всякаго рода чувственнѣйшъ удовольствіямъ — тотъ *лутти*, будь онъ носильщикъ или самъ правитель страны и принцъ крови. Но въ тѣсномъ смыслѣ названіе *лутти* принадлежитъ гвѣздамъ, пласунамъ, баласникамъ, шутамъ, фокусникамъ, акробатамъ, эквилибристамъ, жокакамъ ручныхъ медвѣдей, львовъ и обезьянъ. Всѣ они безъ изъятія пьютъ вино и пьютъ охотнѣе изъ рукъ Ганниада, чѣмъ изъ рукъ Гебы. Но надо видѣть представленія бродячихъ *лутти*, представленія, въ которыхъ крупнымъ и рѣзкимъ чертами выражается характеръ и обычай этой касты, чтобы составить себѣ о нихъ ясное понятіе. Перо отказывается отъ описанія подобныхъ сценъ. Оригинальность этихъ представленій заключается между прочимъ въ томъ, что первыя лица, надъ которыми *лутти* надѣваются, выставляя ихъ на позоръ, на посмѣище и въ самомъ дурацкомъ и шутовскомъ свѣтѣ, это муллы, духовная каста. А потому можно считать, что баласники въ Персіи еще сильнѣе чалмонесской братіи, которая не нашла до сихъ поръ средствъ не только запретить подобныя представленія, но хотъ подвергнуть ихъ какой-нибудь цензурѣ.

Изъ этого мы можемъ заключить сколько разнородныхъ силъ борется въ персидскомъ обществѣ другъ съ другомъ и другъ друга поддерживаетъ. Въ этомъ-то хаосѣ повидному и заключаются живенныя силы Персіи; быть-можетъ онъ-то и составляетъ тайну ея продолжительнаго вѣка и необходимъ для равновѣсія дѣлъ и царствъ земныхъ. Правленіе страны съ этихъ выѣстъ состоитъ изъ амальгамы всѣхъ извѣстныхъ правительственныхъ началъ. Тутъ все есть подъ рубрикою единодержавной власти: и монархія и олигархія, теократія и республика.

Такъ-то Реджебъ-Али-ханъ представлялъ собою три разныхъ лица: во наружности, приемамъ и скромной одеждѣ — это человѣкъ порядочнаго, но бѣднаго сословія; по титулу онъ принадлежитъ къ аристократіи; по характеру и обычаямъ онъ ничто иное какъ *лутти*.

Онъ предложилъ мнѣ быть чичероне моимъ въ Гиліянь.

— *Я весь къ услугамъ вашимъ*, говорилъ онъ: — *приказывайте, я рабъ вашъ*. До возвращенія Абдулла-хана я къ вамъ буду посылать больныхъ изъ достаточной среды рещтскихъ жителей. Поѣдете въ Энзели: тамъ посмотрите на море; если захотите, съѣздимъ въ Фумень, въ Лахиджавъ, въ Ленгерудъ, на софидрудскую рыбную ватагу. Здѣсь много любопытнаго; и въ настоящее время года жолтыя листья деревьевъ придаютъ такъ много красоты гиліанскимъ ландшафтамъ! Дороги правда очень испортились въ послѣднее время. Дожди почти безпрерывные...

И въ самомъ дѣлѣ, хлаби небесныя разверзлись надъ Галі-

немъ и обливали его водою уже нѣсколько дней сряду, обращая восточную часть Решта, которая нѣсколько возвышается западной, въ островъ, а дороги, окружающія городъ, въ непроходимую топь. Даже въ возвышенныхъ кварталахъ, гдѣ между прочимъ находится и каравансарай, мѣня пріютившій, почти нельзя выйти на улицу отъ лошадейхъ лужъ.

Я благодарилъ обязательнаго хана за его предложеніе, но выражалъ ему мое желаніе обождать для поѣздокъ пока небо хоть нѣсколько прояснится.

— О, намъ дожидаться недолго, замѣтилъ Реджебъ-Али-ханъ: — уже въ воздухѣ слышится приближеніе *термича*; онъ какъ-разъ исправитъ пути сообщенія; *онъ будетъ суаи какъ этотъ пазъ*.

Термича — это сирокко, поднимающійся отъ горъ, послѣ нѣсколькихъ дней проливныхъ дождей, насылаемыхъ сѣвернымъ вѣтромъ. Гонимые имъ пары Каспія упираются въ высоко-стоящія отъясною стѣною кражи эльбрусскихъ горъ, по которымъ я спустился въ Билантъ, и не находя для себя прохода, обрушиваются на провинцію и затопляютъ ее совершенно. Такъ бываетъ и лѣтомъ; но съ наступленіемъ зимняго времени явленіе это повторяется чаще, продолжается долѣе, иногда до трехъ недѣль, почти безъ всякаго перерыва. Тогда на выручку страны является *сермичъ*, теплый вѣтеръ, а градусникъ въ продолженіи двухъ-трехъ часовъ отъ нуля подымается до 20 и до 30° Реомюра. Почва подсыхаетъ; дороги окрѣпаютъ, конечно до известной степени; деревья склоняются къ сѣверу подъ напоромъ урагана, трещатъ, а многія и падаютъ.

На другой же день послѣ визита новаго моего пріятеля, послѣ полудня, когда онъ опять ко мнѣ явился, я въ первый разъ познакомился съ этимъ диковиннымъ феноменомъ. Слова Реджебъ-Али-хана какъ нарочно въ этотъ разъ оправдались. Онъ повелъ меня за-городъ полюбоваться эффектами этого явленія.

Посреди обширнаго зеленого луга, отдѣляющаго съ южной стороны городскія отроенія отъ лѣса и называемаго *Гульгеръ* — *странною цѣткою*, протекаетъ *Гоужеррудъ* (въ переводѣ рѣка, сверкающая намъ драгоцѣнный камень). Мы присѣли у берега на подсокнемъ бугоркѣ, и хотя воздухъ былъ до крайности непріятенъ для дыханія, но я былъ въ упоеніи. Можетъ ли что-нибудь сравниться съ картиною, открывшеюся глазамъ моимъ! Взглянулъ бы ты на небо, на это прозрачное какъ кристалъ, блѣдно-бирюзовое небо; на эти легкія, дымчатая облачка ярко-оранжеваго цвѣта, тонкими и длинными лентами пересѣкавшія ненаглядную высоту; на эти горы, въ особенности на *Масула*, черезъ который пролегаетъ караванная дорога на Тавризъ. Кремнистыя вершины, протянувшіяся длин-

вѣтъ хребтовъ отъ запада къ востоку, всѣ отъ отраженія облаковъ будто окованы червонцами, и одежда эта сверкаетъ въ лучахъ солнца какъ золотая вольтуга! Всплывуль бы ты на этотъ разноцвѣтный лѣсъ, весь въ желтыхъ, красныхъ и зеленыхъ завиткахъ, будто оживленный подъ дыханіемъ *гермиа*! Мигая и шумя своею рѣдкою, засохшею листвою, деревья нагибались, какъ—будто силясь сорваться съ корня и понестись взапуски шквупаться въ Каспій. Вѣтеръ гудѣлъ и рѣзвился на Гульгеверѣ, обрывая послѣднія тощія кудри съ кустовъ и крутя увлекалъ ихъ съ собою. Можно было слѣдить глазомъ за постепеннымъ осыханіемъ почвы. Могу сказать, что въ-очію совершалось передо мною чудо. Утромъ еще я забѣ и грѣлся у камелька моей комнатки; теперь было жарко, удушливо и запахъ гнилого яйца захватывалъ дыханіе. Да, я былъ въ упоеніи.

Рѣшено было завтра же отправиться въ Энзели; пока *гермиа* еще не успѣлъ отогнать воду отъ южнаго берега *Мурдаба*, бухты энзелийской.

При этомъ я успѣлъ познакомиться съ улицами Решта. Въ нихъ я не нашолъ ни одной черты, которою бы городъ этотъ отличался отъ прочихъ городовъ Персіи, — за исключеніемъ разумѣется все тѣхъ же высокихъ крышъ, о которыхъ я уже говорилъ. Тѣже безконечныя стѣны, или кирпичныя, или просто земляныя, покрытыя черепичною кровелькою. Тѣже грязныя площадки съ зеленѣющими холмиками, изъ которыхъ выглядываютъ кирпичные обломки какого-нибудь стараго фундамента. Тѣже деревья, тамъ и здѣсь картинно прислонившіяся къ строеніямъ. Тѣже пристройки при печетяхъ, съ открытыми нарами подъ навѣсомъ, гдѣ пріютялся дервишъ и развѣсилъ на солнцѣ свои грязныя ошуги и тигровую шкуру. Тѣже бани съ размалеванными стѣнами около дверей: гдѣ нарисованы бравый сарбазъ, регулярный солдатъ, на цыпочкахъ съ ружьемъ у плеча и съ безконечными усами, торчащими горизонтально; гдѣ надъ дверьми красуется рыжій левъ съ рыжимъ солнцемъ, выглядывающимъ изъ—за его взъерошенной гривы своими страшными черными глазами, а лучи его торчатъ какъ щетина дикобраза; а гдѣ просто цвѣты и арабески... но какіе! Вдоль стѣнъ развѣшены на веревкѣ мокрыя полотенца. Тѣже школы, изъ которыхъ вылетаетъ пискливый хоръ учениковъ, качающихся надъ своими тетрадами, и выглядываютъ чалма и путь учителя. Тѣже нищие, слѣпые, калѣки, изъ которыхъ большая часть съ обрѣзанными жилами на ногахъ или съ обрубленными руками вслѣдствіе какой-нибудь продѣлки, навлекшей на нихъ строгость правителя. Тѣже возгласы дервишей. Тѣже бѣлыя чалмы, почти всегда шествующія кучками. Тотъ же народъ, мрачно поглядывающій на

прохожаго франга. Тѣже блуждающія собаки и кошки. Тажа на-
даль и зловоиѣ. Въ тотъ вечеръ, изъ одсемія пожара, на базарѣхъ
не зажигали свѣтъильничковъ и ночныя сторожа громогласно пригла-
щали тушить огни въ очагахъ.

Ночь была душная и бурная. Гермичъ свистя теребилъ маку-
шки двухъ высокихъ каркасовъ, растущихъ въ оградѣ моего кара-
вансарая. Мѣсяць ярко освѣщаль дворъ и то и дѣло обдавалъ
золотомъ дымчатыя яряды облаковъ, медькавшія мимо его. Изъ ба-
зара доносились палки караульнаго. Городъ спалъ. Я тоже отпра-
вился на отдыхъ.

Рано утромъ, выйдя изъ конурки своей, я увидѣлъ, что
все готово къ отъѣзду. На дворѣ стояли три перебазарскія клчи:
для меня, для Юсуфа и для Реджебъ-Али-хана. Другія лошади со-
вершенно негодны для этого перехода; онѣ просто ломаютъ зѣбъ
свои ноги или вовсе не двигаются съ мѣста. Два проводника съ за-
бранными выше колѣнъ шальварами и съ длинными шестами въ
рукахъ, держали лошадей за поводья. Ханъ и Юсуфъ, присѣвъ на
корточки, бесѣдовали, покуривая кальякъ, въ ожиданіи моего воз-
вращенія. *Самоваръ* кипѣлъ на галереѣ. Надо тебѣ сказать, что и я за-
велся этимъ русскимъ паровникомъ, безъ котораго въ Персіи не вста-
нутъ и не сядутъ. Въ настоящее время нѣтъ дома въ Персіи, даже
по деревнямъ, гдѣ бы *самоваръ* (такъ покрайней-мѣрѣ персіане пе-
редѣлали это русское слово для своего употребленія) не занималъ
почетнѣйшаго мѣста между домашнею посудою. Инструменты эти
поставляются имъ макарьевскою арманкою; чай, по франку за фунтъ,
и довольно плохой сахаръ привозятся изъ Бомбея. Послѣ чаю мы
отправились въ путь.

Было бы излишне описывать тебѣ *перебазарскую* дорогу. Несмо-
тря на увѣренія Реджебъ-Али-хана, что *гермичъ* совершенно осу-
щаетъ зѣбшнія пути сообщенія, я нашолъ дорогу эту въ условіяхъ,
превосходившихъ трудностями самую Адскую-лощину. Топь под-
стыла сверху и сдѣлалась дотого вязкою, что лошади съ чрезвы-
чайными усиліями вытаскивали изъ нея ноги, уходящія въ липкую
грязь выше колѣнъ, скользили и обнюхивали на каждомъ шагѣ по-
чу или лужи, называемымъ зѣбъ пятнами — *леке*. Осторожность,
чутье и переносчивость этихъ животныхъ изумили меня и показа-
лись мнѣ сверхъестественными. Онѣ рѣшительно размышляли, со-
ображали и какбы старались угодить, прислуживаться сѣдоку свое-
му, какбы заботились о его спокойствіи. Я никогда не видалъ ва-
чего подходящаго къ этому.

Я не могъ выдержать такого мученія долѣе часа и просилъ, что-
бы меня провели по лѣсу пѣшкомъ. Кости мои были немилосердно.

Однимъ изъ проводниковъ пошелъ медь между деревьями, но и тутъ пришлось мнѣ вдоволь натереться. Юсуфъ слѣдовалъ за мною и въ трудныхъ мѣстахъ поддерживалъ меня за руку. Мнѣ приходилось моментально переходить по жордочкамъ черезъ потоки, черезъ глубокія рытвины и рвы, наполненные мутною водою. Держаться было не за что, проводникъ шолъ впередъ и подавалъ мнѣ руку; несмотря на это мнѣ надо было дѣлать особенныя экадидрическія усилія, чтобы не свихнуться въ воду.

А вотъ и *биджары*, рисовыя поля, на которыхъ скопаны были изъ грязи окраины для удержанія воды, затоплявшихся полей. Рисъ въ эту пору былъ сѣять, но *биджары* шло мнѣ никогда не высыхаютъ. Обойти ихъ не представлялось возможности, и надо было пробираться по этимъ узкимъ и скользкимъ тропочкамъ, едва умѣщавшимъ на себѣ ногу человека. Направо и налево лежала глубокая хлябь, и черезъ каждыя пятьдесятъ шаговъ тропки обрывались и въ двѣхъ мѣстахъ связаны были тонкими жордочками, брошенными въ воду. По нимъ надо было пробираться, но онѣ уступали давленію ноги и тонули совершенно. Проводникъ ступилъ въ самый *биджаръ* и ушолъ по поясу; въ этомъ положеніи онъ подставлялъ мнѣ спину, приглашая осѣдлатъ его. Дѣлать было нечего; бѣднякъ перенесъ меня на своихъ плечахъ по крайней мѣрѣ въ десяти мѣстахъ.

Однимъ словомъ дороги *Адской-лощины* и *Пиребазара* представляють въ моемъ воображеніи двѣ казны дѣтства Ада: *змѣиное* и *казнь Симонидъ*, соединенныя въ одну. Торчащія на каждомъ шагу пни, около которыхъ вьются и перевиваются какъ змѣи корни древесныя и валяющійся по всѣмъ направленіямъ валежникъ, съ одной стороны; съ другой эти вязкія хляби, наполняющія собою всѣ промежутки этой страшной сѣти и всасывающія въ себя ногу странника выше колѣнъ, не напоминаютъ ли собою эти два истязанія, хотя въ охлажденномъ видѣ!

Наконецъ мы вышли къ рѣкѣ *Сейкаланъ-Рудбару*, бѣгущей узкою лентою по лѣсу. На берегу стояли два ветхія сараи для склада товаровъ во время непогоды, а въ рѣкѣ три-четыре *кирджисма*, мѣстныхъ плоскодонныя лодки съ высокою мачтою.

Деревня *Пиребазаръ* разбросана по лѣсу, какъ и всѣ деревни *Гиляна*, одиночными домами, и ее невидно отъ приставн. *Пиребазаръ* — испорченное слово *пале-базаръ*, значитъ *дрывокъ коконовъ*, потому что здѣсь во время *когана* или сбора шолка производится торгъ этимъ продуктомъ.

Я вскочилъ въ одинъ изъ *кирджисмовъ*, приготовленный *Реджебъ-Али-ханомъ* и растаялся на коврѣ на самомъ днѣ. Кромѣ

нашего общества тамъ на первомъ мѣстѣ сидѣло еще два челоуѣка; въ первый минуты я не разглядѣлъ ихъ.

Кирджимиз отчалилъ; мачта поднята, но паруса ставить было невозможно, потому что деревья безпрестанно щелкали по мачтѣ вѣтвями своими; мы шли то на веслахъ, то на баграхъ, цѣпляясь за берега то одними, то другими бокомъ, и шли скоро по течению. Берега, обнажавшіяся въ вѣныхъ мѣстахъ отъ растительности, представляли илистую и топкую почву, а прибрежные кусты покрыты сплошною сѣтью густо разросшагося хмѣля. Въ самомъ устьѣ Рудбара, у входа въ Мурдабъ, мы врѣзались въ мель. Тутъ я совершенно очнулся отъ одолевавшаго меня сна. Герничъ успѣлъ-таки отогнать почти всю воду, которой, говорятъ, никогда не бываетъ здѣсь болѣе четырехъ футовъ; но такъ какъ кирджимиз сидятъ въ водѣ болѣе какъ на полтора или на два фута, задержекъ при северномъ вѣтрѣ не бываетъ. Но вотъ мы и въ самой бухтѣ. Лѣвый берегъ близко; правый тянется вдали волнистою лентою; тутъ и тамъ изъ воды поднимаются сѣмьи высокаго камыша; а между нихъ, въ какой-нибудь верстѣ отъ фарватера, все пространство водное покрыто передетной птицей, какъ-будто необозримымъ лагеремъ изъ бѣлыхъ шатровъ; больше всего было тутъ пеликановъ, гусей и лебедей; какъ тучи подымались стаи изъ середины этого необъятнаго строя, и описавъ въ воздухѣ нѣсколько круговъ, съ оглушительнымъ шумомъ шлепались опять въ воду. Несмотря на то, что парусъ былъ поставленъ при входѣ въ Мурдабъ и мы неслись, гонимые вѣтромъ, съ быстротою неменѣе четырехъ узловъ, охотники, а въ томъ числѣ и я, не выдержали и зарядили свои ружья. Юсуфъ и одинъ изъ моихъ двухъ спутниковъ поднялись съ мѣсти своихъ и стали прицѣливаться... Вскочилъ и я, но ружье мое опустилось... Передо мной мелькнулъ призракъ. Раздался выстрѣлъ, одинъ, другой, я схватилъ себя за сердце; мнѣ почудилось, что пуля впилась въ него. Я опустился на одно колено и въ это время что-то близко тяжело бухнуло въ воду.

— *Зедъ! зедъ! убили!* раздалось въ ухахъ моихъ.

Я не спускалъ глазъ съ незнакомаго стрѣлка, который въ это время еще въ первый разъ оборотилъ ко мнѣ лицо свое, снова заряжая ружье.

— *Fulvia! шептала я: — Fulvia! sei tu?*

Это была она! Ея черты, ея привѣтливые черные глаза, ея бархатная темная бровь, ея блѣдное лицо, ея шелковистые, кудрявые, лоснящіеся пышные волосы, ея ростъ однимъ словомъ... Высокій кулихъ и персидская соболевая шубка, покрытая богатою алою шалью, изъ-подъ которой выглядывали шелковый *эптери*, ша-

левый кушакъ, а за нимъ драгоценный кивжалъ, придавали ей какую-то особенную прелесть.

Сердце мое отчаянно колотилось въ груди... Голова горѣла. Я почувалъ: *sativa agia* Гяляна воспалила мой мозгъ; я былъ въ бреду. Какъ могла моя Фульвія очутиться въ Персіи и въ этомъ костюмѣ персидскаго ханчика?..

Никто не замѣчалъ ни моего движенія, ни выраженія моего лица. Вниманіе спутниковъ было обращено на убитаго лебедя, котораго *кирджимщики* старались выловить изъ воды. Волненіе было довольно сильное; *кирджимъ* кренвало порядочно и имъ трудно было справиться... Все это мелькало передо мною какъ-будто въ сновидѣніи, посреди котораго образъ Фульвіи свѣтился мнѣ какъ солнце; въ лучахъ его пропадало все остальное.

Я закрылъ глаза и черезъ минуту открылъ ихъ снова; но видѣніе не исчезло... Напротивъ, Фульвія стояла передо мною и улыбаясь мнѣ своею обворожительною улыбкою, протягивала ко мнѣ руку съ убитымъ лебедемъ.

— *Пишкеши шума*, произнесъ поперсидски знакомый мнѣ музыкальный голосъ: — дарю вамъ это, господинъ.

— Фульвія! закричалъ я схвативъ охотника за руку, державшую лебедя.

— Помилуйте, Хекимъ-Сахибъ! заговорилъ мой чичероне дрожащимъ голосомъ: — эмиръ-заде даритъ вамъ лебедя... Деньги тутъ для чего?

При этомъ я замѣтилъ, что лицо Фульвіи подернулось облакомъ, брови ея сдвинулись. Имъ показалось, какъ мнѣ послѣ было сказано, что я кричу Юсуфу: *пуль-бипаръ!* привнеси деньги, чтобъ заплатить за приношеніе.

Я очнулся; я не былъ боленъ; я былъ просто-напросто жертвою моего воображенія, распаденнаго необыкновеннымъ, поразительнымъ сходствомъ...

Лютофъ-Али-мирза былъ сынъ одного кадjarскаго принца, недавно прибывшаго въ Гялянъ съ порученіемъ отъ правительства къ Гасибъ-хану. Ханъ-заде — такъ величаютъ дѣтей хановъ — которому было неболѣе пятнадцати лѣтъ, ѣхалъ въ сопровожденіи своего дядьки и гулама покататься въ Энзели. Гуламъ сидѣлъ на носу *кирджима*.

Я исправилъ кое-какъ свою ошибку учтивыми и изворотливыми фразами и объяснилъ дѣло тѣмъ, что я дремалъ и сиросонковъ произнесъ имя любимаго лица, только-что мнѣ пригрезившагося. Въ объясненіи моемъ, какъ ты видишь, было мало лжи.

Въ другое время дурацкое это *quirgoquo* размѣшило бы меня

до слезъ; но душа моя была такъ настроена, что никакое scherzo не могло быть ей по силамъ. Мечтательность овладѣла мною совершенно; мнѣ хотѣлось увѣрить себя, что я въ Венеціи, что это было время карнавала, что я и Фульвія, съ ватагой друзей, переодѣтые въ восточные костюмы, плывемъ по лагунамъ... Но грустныя событія выдвигались поминутно на первый планъ и застилали моему воображенію; и я опять ничего не видѣлъ кромѣ мрачной дѣйствительности, разлучившей меня съ моими привязаностями.

— Дайте мнѣ посмотрѣть ваше ружье, произнесъ разсѣянно ханъ-заде.

Я ему подалъ двустовку свою. Онъ сталъ поворачивать ее во все стороны; пристально разсматривалъ замокъ, снималъ пистонъ, опять его надѣвалъ, прикладывался, цѣлil въ птицу... но не опускалъ курка и все приговаривалъ:

— *Хубъ чизъ эсть!* хорошая вещь!

Персидскій обычай требовалъ, чтобъ я сказалъ въ отвѣтъ: *киш-кешъ* — дарю вамъ! И я зналъ этотъ обычай, но не рѣшился ему послѣдовать, потому что ружье это — память друга, ты знаешь какого. И я дѣлалъ видъ, что не слышу его восклицаній, которыя уже начинали разрушать мое очарованіе, потому что молодецъ не безъ цѣли прибѣгалъ къ нему. Это было ясно. Но онъ не долго со мною бесѣдовалъ; онъ даже ничего не отвѣчалъ на мои объясненія, и отдавъ мнѣ ружье мое, снова занялся охотою. Онъ былъ до того оживленъ этимъ упражненіемъ, что ни на секунду не оставался въ одномъ поворотѣ; и голова то обращала ко мнѣ его милую профилъ, то оба глаза, то одни черныя его локоны, или сама исчезала за поднятою съ ружьемъ рукою. Это была досадная подвижность, выводящая меня изъ терпѣнія.

Между персидскою молодежью отъ четырнадцатилѣтняго и до семнадцатилѣтняго возраста встрѣчаются, сколько мнѣ случалось видѣть, лица замѣчательныя какъ своею красотою, такъ въ особенности необыкновенною женственностью и невыразимою граціей. Нѣжный цвѣтъ лица, прозрачная ткань кожи, мушечки на щекѣ или на верхней губѣ, глаза съ поволокою, густые локоны, вьющіеся по плечамъ, какая-то томность въ движеніяхъ головы в всего тѣла могутъ обмануть хоть кого изъ новичковъ. Кажется рѣшительно невозможнымъ, чтобы подъ мужскою личиною тутъ не скрывалась дѣвушка! Я полагаю, подобные результаты надо приписать харемному воспитанію. До тринадцати лѣтъ ребенокъ на востокѣ остается подъ вліяніемъ женщинъ. Такъ было и въ нашемъ древнемъ мірѣ, въ Греціи и въ Римѣ. Такого рода воспитаніе отзывалось и на самыхъ нравахъ, измѣненныхъ до крайнихъ

предѣловъ распушенности. Христіанство открыло двери гинекея и съ тѣхъ поръ императоры уже не боготворятъ Антиноевъ и не воздвигаютъ имъ храмовъ. Пока христіанство не откроетъ харемовъ, типъ этотъ не переведется на востокъ. Это очень оригинальное явленіе, о которомъ нельзя себѣ составить понятія, если его не увидишь. Надо прибавить, что долгополыи, даже нѣсколько мѣшковатыя персидскія одежды усиливаютъ обманъ глазъ.

Ты поймешь послѣ этого, что головѣ моей трудно было выдержать обаяніе такого явленія.

Реджебъ-Али-ханъ, видя мое волненіе и взгляды, устремленные на ханъ-заде, конечно объяснилъ ихъ себѣ по-своему, потому что склоняясь къ моему уху, онъ мнѣ сталъ говорить шопотомъ:

— Прелестный юноша, неправда ли? Такіе и въ Персіи встрѣчаются рѣдко. Мать его знаменитая у насъ красавица; да и самъ ханъ-заде имѣлъ въ молодости своей много романовъ. Посмотрите-ка на бѣднаго мирзу Зейнель-Абилина (и онъ указалъ мнѣ на дядьку принца): онъ безъ ума отъ своего воспитанника. Я узналъ объ этомъ недавно и даже знаю оды, въ которыхъ онъ воспѣваетъ красоту его.

И я невольно остановилъ пытливый взглядъ на Зейнель-Абилинѣ, по которому до того времени глаза мои скользили разсѣянно. Ему было лѣтъ подь-сорокъ; онъ былъ высокъ ростомъ, статенъ и красивъ лицомъ, отличавшимся какою-то болѣзненною блѣдностью и густыми нависшими бровями, разумѣется такими же черными какъ глаза его и длинною волнистою бородой. Орлиный и довольно длинный носъ придавалъ много величавости его фізіономіи, носившей на себѣ, особенно въ пожелтѣвшихъ бѣлкахъ, рѣзкіе слѣды опустошенія, производимаго опіумомъ. Онъ сидѣлъ облокотясь на колѣни и задумчиво перебирая четки бормоталъ себѣ что-то въ бороду.

Покуда я разсматривалъ эту особу, Реджебъ-Али-ханъ взялъ изъ-за пояса письменныя принадлежности и съ памяти написалъ для меня на лоскуткѣ бумаги капитальное стихотвореніе мирзы. Это была ода, въ которой стихотворецъ играетъ на имя эмиръ-заде: *Лютфъ-Али* значитъ *милость имама Али*, а также и *высокая милость*. Вотъ тебѣ для образчика содержаніе нѣсколькихъ строкъ этого длиннаго стихотворенія:

Да, милость Али мы въ тебѣ признаемъ,
 О розанъ каджарскаго сада!
 Ты посланъ вселенной, замученной аломъ,
 Какъ высшяя въ жизни отрада.

Не будь этой милости высшей Али —
 Да насъ бы и соянце не грѣло ;
 Лучи его, знаю, навѣрно-бъ сожгли
 Давно наше бремя тѣло.

.

Подобно пятнадцатидневной лунѣ
 Лицо *Лютфь-Али* такъ прекрасно
 Разсѣяло ночь въ безотрадной странѣ,
 Что свѣтомъ зовемъ мы напрасно.

Въ силки его черныхъ душистыхъ кудрей,
 Съ которыхъ амброзія льется,
 Попался Зейнель-Абидинъ — соловей,
 И стонеть въ неволѣ и бьется.

По милости милости этой Али
 Зейнель-Абидинъ погибаетъ...
 Скажи мнѣ на милость! Нѣтъ, милость земли
 Небесную милость незнаетъ...

Остальная чепуха въ этомъ же родѣ. Переводъ разумѣется не могъ придать стихамъ этимъ большаго смысла, потому-то я и ограничился краткимъ извлеченіемъ.

Вотъ, думалъ я, куда затворничество женщинъ привело это уродливое общество! Воспитанная за глухою стѣною харема для домашней жизни, женщина восточная приобретаетъ одну хозяйственную опытность, неимѣя возможности развить свои умственные и нравственные силы. Она не составляетъ общества даже для мужа, который проводитъ съ нею краткія и самыя необходимыя минуты. Остальное время сутокъ она шьетъ, мостъ, стряпаетъ, кормитъ дѣтей, бранится съ людьми или съ другими жонами своего властелина, наряжается, принимаетъ визиты родственницъ или сосѣдокъ у себя или въ банѣ, сплетничаетъ, интригуетъ, торгашествуетъ и не даетъ ни малѣйшему лучу поэзіи пробиться сквозь холодные харемные затворы. Оношленная такимъ образомъ внутренняя жизнь отвращаетъ и удаляетъ отъ себя пылкаго, мечтательнаго, впечатлительнаго азіатца, страстная душа котораго, не находя у очага своего никакой пищи, ищетъ ее на вольномъ воздухѣ общественности. Съ другой стороны безпорядокъ, царствующій въ его воображеніи, незаренномъ лучами истиннаго свѣта, даетъ тѣ плачевные результаты, образчикъ которыхъ я имѣлъ теперь передъ глазами. И смѣшно и гадко!

Охота между тѣмъ что-то не спорилась; по мѣрѣ приближенія

нашего къ морю волненіе разводило все болѣе и болѣе, и несмотря на искусство въ стрѣльбѣ молоденькаго хана и на его повторные выстрѣлы, птица не падала; строй ея отодвигался отъ насъ все болѣе и болѣе и наконецъ совершенно вышелъ изъ-подъ выстрѣла. Юсуфъ и безъ того никогда не попадалъ въ цѣль, хотя и не былъ скупъ на заряды. Гуламъ только прицѣлывался, но ниразу не опорожнилъ ружья. Я же не подымалъ своей двустволки, потому что не могъ отвести глазъ отъ граціознаго созія Фульвін.

Если же я не смотрѣлъ по сторонамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на мирзу Зейнелъ-Абидина, то чувствовалъ какъ остріе его ястребинаго взгляда коснулось меня и пыталось какбы проникнуть въ самую глубину моей души. Но какъ мы расходились съ нимъ! Еслибъ онъ только зналъ какъ мало пищи было для его ревности въ ощущеніяхъ, меня волновавшихъ! Тогда какъ всѣ помыслы влюбленнаго дядьки сосредоточивались на прелестяхъ его воспитавника, этотъ послѣдній приковывалъ на себѣ мое вниманіе какъ плоское отраженіе чистаго, поэтическаго существа, которое я оставилъ въ далекой Италіи! Несмотря на наружное сходство, какъ во всемъ остальномъ далеки были другъ отъ друга и предметы нашей вѣжности, и самое чувство, которое заставляло биться сердца ваши! Потокъ этихъ мыслей залилъ отрадное впечатлѣніе, произведенное на меня сходствомъ ханчика съ моею обожаемою Фульвіей, и охлаждалъ мою кровь. Облака фантазіи разсѣялись, хотя предметъ, вызвавшій милый призракъ, не измѣнилъ своего вида, не утратилъ въ глазахъ моихъ ни одной черты сходства съ Фульвіей... Первая мысль моя была сблизиться съ принцемъ; но тутъ, когда спокойствіе мое возвратилось, я ее покинулъ. Я хотѣлъ остаться при моемъ оптическомъ впечатлѣніи; ближайшее знакомство съ этою личностью могло только повредить его обаянію. Пусть миражъ обольщаетъ мое воображеніе, думалъ я: если приближусь къ нему, онъ исчезнетъ.

Я совершенно отрезвился и спокойно отвѣчалъ Реджебъ-Алихану, когда тотъ, указывая на сѣверъ, сказалъ мнѣ: «Сахибъ! вотъ и Эвзелі!»

— А, наконецъ! очень радъ.

И въ самомъ дѣлѣ тонкая черта, которая видѣлась мнѣ все время изъ-за волненія, на сѣверномъ горизонтѣ, обратилась въ ясно обозначающіяся двѣ низменныя косы, подбѣжавшія другъ къ другу на близкое разстояніе, одна съ востока, другая съ запада. Онѣ отдѣлены одна отъ другой устьемъ *Мурдаба*; за ними плещется бурнъ Каспія и разстилается пелена морская. Правый или восточный берегъ весь захваченъ растительностію; лѣвый унизилъ строениями

и деревьями, большею частью лимонными и померанцовыми, мелькавшими изъ-за мачтъ дюжины купеческихъ судовъ, прижавшихся къ берегу.

Дали руля направо, и хлѣбнувъ правымъ бортомъ поверхность анзелійской гавани, мы молодецки подлетѣли къ пристани.

— Но я забылъ спросить васъ, ханъ, гдѣ вы меня помѣстите? сказалъ я моему спутнику за вѣсколько минутъ до уборки паруса.

— У меня въ домѣ, отвѣчалъ Реджебъ-Али. — Я въ прошломъ году завелся здѣсь семейкой и со дня на день ожидаю приращенія. У меня есть комната, гдѣ мы оба можемъ очень хорошо провести день-другой.

— Но я боюсь стѣснить васъ...

— *Что за стѣсненіе! Абдулла-ханъ приказалъ мнѣ заботиться о вашемъ спокойствіи. Я очень радъ. Я рабъ вашъ, Хекимъ-Сахибъ.*

Пристани—то собственно не было; мы стукнулись о барку, привязанную къ береговому откосу и перебравшись по ней, ступили на грязь Эвзели, веказистаго городка, окруженной унылою природою узенькой полосы плоскаго берега, сдавленнаго моремъ и бухтою.

Я хотѣлъ раскланяться съ ханчикомъ, но тотъ, увлекаемый ли подвижностью и вѣтреностью, свойственными его лѣтамъ, проникнутый ли важничаньемъ, или наконецъ подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго въ немъ моими неловкостями, не удостоилъ меня ни малѣйшаго вниманія, и прыгнувъ на берегъ, скрылся за строеніями, послѣдуемый своими двумя спутниками. Мирза Зейнель-Абидинъ уходя бросилъ на меня косвенный и подозрительный взглядъ, непереставая бормотать себѣ подъ носъ. Въ этой роли онъ походилъ на пса, который бѣжитъ по пятамъ своего господина и грозно ворчитъ на прохожихъ.

На берегу наткнулись мы на кучи всякаго хлама: тутъ были и груды строевого лѣса, и разохшіяся лодки и душегубки, и падалъ съ работавшими надъ нею черными галками и бѣлыми мартышками, и покачивувшіеся какіе-то навѣсы, какъ-будто дремавшіе отъ скуки, и растрепанные лавки, и тоскливо зѣвующіе входы въ лабиринтъ узкихъ улицъ. Лабиринтъ этотъ, какъ я увидѣлъ на дѣлѣ, не очень впрочемъ былъ сложенъ: онъ состоялъ изъ двухъ-трехъ небольшихъ поворотовъ, выводящихъ самымъ наивнымъ образомъ прямо на песчаное морское побережье.

— Сахибъ, сказалъ мнѣ Реджебъ-Али-ханъ, остановясь у одной калитки: — покуда для насъ очистятъ и приготовятъ помѣщеніе, не пройдемся ли мы посмотрѣть на море?

— Я только-что самъ хотѣлъ просить васъ объ этомъ, ханъ, ска-

залъ я, зная, что въ мусульманскій домъ не входитъ гость очертя голову, конечно если домъ этотъ не обширный и не имѣеть неприкосновенной для женщинъ отдѣльной мужской половины, *бируна*. Въ жилищахъ небогатаго человѣка, женщины, остающіяся вродолженіе для полновластными хозяйками дома и расплывающіяся по всѣмъ покоямъ, должны быть заблаговременно предварены, если чужой мужчина собирается ступить за занавѣску, маскирующую дверь изнутри, и убраться подалѣе отъ глазъ.

— Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, а пока пусть Юсуфъ выведетъ васъ на взморье.—И съ этими словами ханъ шмыгнувъ за занавѣску.

Минуть черезъ пять мы съ Юсуфомъ были уже на противоположной окраинѣ домовъ и шагали по глубокому зыбучему песку, возвышавшемуся уродливыми холмами между строеніями и моремъ, у самыхъ водъ котораго мы и остановились. Вѣтеръ отгонялъ воду отъ гладкаго какъ полъ и подстыившаго берега, покрытаго мелкими ракушками и выброшенными космами водорослей; бурунъ невысоко подымалъ пѣнистую гриву свою и глухо ворчалъ на *гермицъ*, недававшій ему порѣзвиться. Мидяхъ въ двухъ или трехъ отъ берега, разбросанныя по горизонту, стояли на якорѣ два-три судна. Мачты ихъ тоскливо качались на всѣ стороны, нагибаясь иногда къ самой водѣ, какбы прислушиваясь къ ея говору; налѣво, въ туманной дали, грезилась сизыя тальшинскія горы; направо вода и небо — и больше ничего. И вся картина подернута легкимъ отраженіемъ оранжевыхъ облачковъ. Въ этомъ туалетѣ энзелейская природа не могла не нравиться. Но я воображалъ ее тогда при сѣверномъ вѣтрѣ, окутанную мокрыми лохмотьями тумана, подъ прибоемъ дождя! И въ самомъ дѣлѣ черезъ вѣсколько дней... Но объ этомъ рѣчь впереди.

Итакъ вотъ этотъ Каспій, раздѣляющій два міра, такъ близкіе другъ къ другу, но такъ различные своими сульбами!

Въ то время какъ отъ сѣверныхъ береговъ его разстиляется вплоть до Леловитаго океана сплошная низменная плоскость съ русымъ и бодрымъ населеніемъ, на южныхъ громоздятся великанскія горы, протянувшія хребты свои до самой Индіи, и древнее черноглазое племя, ихъ населяющее, согнулось подъ бременемъ лѣтъ. Тамъ христіанская Европа съ ея прогрессомъ и всевозможными совершенствованіями, здѣсь мусульманская Азія съ ея отсталостью и вѣковѣчною общественною рутинюю. Западный и восточный берега Каспія представляютъ собою какбы переходный элементъ этихъ двухъ крайнихъ противоположностей, несоставляя впрочемъ между ними никакой дѣйствительной связи, никакихъ задатковъ или

зародышей слиянія. Каспій невозвратно раздѣляетъ эти два міра, какъ раздѣляютъ ихъ исторія, преданія, вѣрованія, обычаи, назначеніе, будущность. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ вселенной. Но самое море, какъ оно представляется съ энзелейскаго берега, показалось мнѣ безотрадною водною пучиною, съ валыми песчаными берегами, безъ видныхъ зданій, безъ характера, безъ оживленія, если не считать чаекъ, съ крикомъ кружившихся надъ прибоемъ... и на горизонтѣ ни одного паруса!

Въ то время какъ я блуждалъ глазами по этому морю, переломно явился Реджебъ-Али-ханъ съ огромнымъ жолтымъ померанцемъ въ рукахъ.

— Это *бодренъ* изъ моего сада, Хекимъ-Сахибъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ фруктъ, который такъ былъ великъ, что едва помѣщался въ рукѣ.

— *Милость ваша да не уменьшится, ханъ!*

Ароматъ *бодрена* ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Ханъ объявилъ мнѣ при этомъ, что Гилянъ славится своими апельсиновыми, лимонными и померанцовыми породами, которыя персіяне называютъ однимъ общимъ названіемъ *муреккеботъ*.

Лимоны у нихъ есть кислые и сладкіе; послѣдніе трехъ родовъ: *тун-сурхъ*, — съ красною внутренностью, *тун-себзъ* — съ зеленою, *тунзердъ* — съ жолтою. Апельсины ихъ уступаютъ мазандеранскимъ, но въ обѣихъ провинціяхъ растутъ и мандарины. Но странная вещь: апельсинъ въ Гилянѣ только произрастаетъ у морского берега, ближе къ горамъ его никакъ не могли акклиматизировать. Затѣмъ есть здѣсь большіе жолтые лимоны *болениъ* и жолтый померанецъ *бодренъ*. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ фруктовъ дѣлается у нихъ превосходное варенье съ имбиремъ и безъ имбиря.

Не замѣчательный ли въ самомъ дѣлѣ край этотъ богатствомъ своихъ произведеній! Въ этомъ отношеніи ему нечего завидовать благословенной Италіи. Шолкъ его немногимъ уступаетъ итальянскому и занимаетъ послѣ него первое мѣсто. Рись не хуже, если не лучше, превосходные фрукты, хотя дыни, арбузы и груши не такъ хороши какъ въ остальной Персіи, но гдѣ зато столько ликаго винограда, изъ котораго здѣшніе армяне дѣлаютъ отличное бѣлое вино! А олива, а минеральныя воды, а минералы, а вкусная рыба, рѣчная и морская, а пушные звѣри!.. Чего тутъ нѣтъ!

— Вотъ тамъ Фуменъ, сказалъ мнѣ Реджебъ-Али-ханъ, указывая на востокъ:—онъ замѣчательнъ своими садами розъ и производитъ отличное розовое масло, расходящееся по всей Персіи. Тутъ же Лахиджанъ съ своими роскошными шелковичными плантаціями и Шефъ, богатый холодными ключами. Правѣ Ленгерудъ,

Кергенеруль, производящiе превосходное ишено. А тамъ Талышь-Дулабъ и горы его, съ ихъ прохладными *лялаками*, лѣтними кочевьями, между которыми Агавлеръ, убѣжище владѣльца Фереджулла-хана, занимаетъ первое мѣсто. Но, *иншаллахъ*, вы его сами увидите, этотъ гиланскiй рай. За нимъ сейчасъ *Астара* на русской границѣ. Теперь пойдемъ домой. Тамъ все готово для нашего прiема.

Мы отправились. Изъ калитки дома мы вошли въ садъ запущенный, растрепанный, но въ немъ было нѣсколько померанцевыхъ деревьевъ, унизанныхъ золотистыми фруктами, и на двухъ изъ нихъ я къ удивленiю своему увидѣлъ по два привѣшенныхъ графина. Въ графины, какъ я послѣ узналъ, пропущены были зародыши фрукта, который оканчивалъ тѣмъ, что наполнялъ собою всю внутренность посуды и принималъ такимъ образомъ ея форму. Это обыкновенная забава гиланцевъ.

Внутренность гостиной отличалась простотою и не особенною опрятностью. На полу старенькiе и незатѣйливые ковры. На широкомъ карнизѣ, вокругъ всей комнаты, разставлены были фаянсовые тарелки, чашки, графины, десятка два айвы и множество *муреккеба-товъ*. Воздухъ былъ пропитанъ смѣшаннымъ запахомъ этихъ благовонныхъ фруктовъ, запахомъ чрезвычайно сильнымъ и дѣйствовавшимъ на нервы. На стѣнахъ около окна висѣли, въ деревянныхъ расколоченныхъ рамахъ, двѣ лубочныя раскрашенныя головки европейскаго произведенiя и одна очень хорошенькая гравюра пресвятой Дѣвы и персидская каллиграфическая надпись. На коврѣ, у почетнаго мѣста, стоялъ лотокъ съ разными сладостями, разложенными на маленькiя тарелочки; на концѣ ковра чайный приборъ и самоваръ. Какой-то согбенный старина дремалъ, свѣсившись надъ подносомъ, чая движенiя воды въ самоварѣ. При нашемъ появленiи онъ всталъ и когда мы усѣлись на мѣстахъ своихъ, опять опустился къ подносу и принялъ прежнее свое положенiе.

— *Бисмилля* (во имя Бога)! произнесъ ханъ обычную у персiянъ арабскую фразу приглашенiя и указалъ мнѣ на почетное мѣсто. Когда я усѣлся, онъ обратился лицомъ къ Меккѣ, т. е. на юго-западъ, положилъ передъ собою на коверъ круглую лепешечку въ видѣ пряника, изъ неджефской земли, очень искусно слѣпленную, съ выдавленными на ней рельефомъ именами Али, Хасана-Хюсейна и аллаха, выпрямился, поднялъ руки къ ушамъ и сталъ класть земные поклоны. Онъ совершалъ третью молитву, молитву солнечнаго заката. Минуть черезъ десять онъ окончилъ поклоны свои, бормотанья и восклицанья и сѣлъ полѣ меня.

Между нимъ и мною потекли обычные комплименты и привѣт-

ствія, какъ-будто мы только-что въ первый разъ сошлись съ нимъ. Но чаще всего хозяинъ мой повторялъ фразу: «Домъ мой есть вашъ домъ! Добро пожаловали! Большое, большое добро пожаловали!»

Вошелъ грязный мальчишка съ тыквеннымъ кальяномъ. и подавъ его мнѣ, пепнулъ хозяину что-то на ухо. Реджебъ-Али-ханъ всталъ и поспѣшно вышелъ. Юсуфъ присѣлъ за дверьми, во ожиданіи своей очереди подымитъ изъ того же инструмента, который былъ у меня въ рукахъ. Но какъ только ханъ исчезъ, Юсуфъ показался въ дверяхъ и мигнувъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ на дремавшаго старину, округлилъ вытянутыя впередъ руки передъ животомъ своимъ, а затѣмъ, сдѣлавъ мину соболѣзнованія, завертѣлъ пальцами около своего лба.

Подумавъ недолго, я понялъ его пантомину: онъ хотѣлъ сказать: «хозяйка беременна и тронута въ умѣ». Тутъ мнѣ все объяснилось. Реджебъ-Али-ханъ хотѣлъ воспользоваться моимъ пріѣздомъ въ Гилянъ, чтобы полечить жену свою, а потому-то съ такою настойчивостью и поспѣшностью тащилъ меня въ Энзели. Я кивнулъ головою Юсуфу, отдалъ ему кальянъ и Юсуфъ, въ новомъ своемъ вооруженіи, опять скрылся за дверью. Въ это время самоваръ зашѣлъ свою пѣсню и закипѣлъ кипяткомъ.

Старикъ поднялъ носъ и приступилъ къ священнодѣйствію, а тутъ вернулся Реджебъ-Али-ханъ, у котораго, какъ я замѣтилъ, лицо какъ-то подергивало.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто, пустивъ сквозь глубокой вздохъ обычное «*я аллахъ*» (о боже)!

Между тѣмъ солнце уже закатилось — золотое, и розовые, яркіе отблески послѣднихъ лучей его играли на стѣнахъ и оконныхъ стеклышкахъ ханскаго жилища, на золотыхъ померанцахъ и на ихъ густой зелени въ саду. Въ комнатѣ царствовало молчаніе. Реджебъ-Али задумчиво перебиралъ черныя четырехгранныя четки, сдѣланныя изъ корки *бодрина*, и видимо собирався объяснить со мною. Чай былъ наконецъ розлитъ; Юсуфъ, сдѣлавшій изъ-за дверей за уснѣхами операцій старика, ввалился опять въ комнату и взявъ изъ рукъ его поднось съ чашками, подошелъ къ намъ. Мальчишка подавъ салъную свѣчку въ огромномъ мѣдномъ шандалѣ, поставилъ ее передъ нами и сталъ у дверей съ руками скрещенными на груди. Юсуфъ возвратилъ старику поднось, на которомъ также стояла и ему назначенная чашка, и вышелъ съ нею за порогъ. Мы пили чай въ молчаніи. Я не хотѣлъ прерывать его, изъ уваженія къ озабоченному виду хозяина. Но когда мальчишка принялъ отъ насъ опорожненныя чашки и подавъ свѣжіи кальянъ, старикъ сказалъ мнѣ:

— Хекимъ-Сахибъ, у меня въ домѣ не все ладно...

— А что, ханъ, скажите ради бога! Ужь въ самомъ дѣлѣ не стѣсняю ли я васъ?

— *Не дай-богъ! Что это за новость! Присутствіе ваше — настоящее для меня благословеніе неба. Клянусь вашею головою.*

— Чѣмъ могу служить вамъ, ханъ? Пожалуста объяснитесь. Очень бы радъ былъ помочь вамъ.

— *Я докладывалъ вамъ, Сахибъ, что жду приращенія моего семейства. Жена моя уже восьмой мѣсяцъ беременна. Все бы было хорошо, но на бѣду нашу, домъ мой стала посѣщать вечистая сила. Да, Хекимъ-Сахибъ, сенгризи осаждаютъ насъ почти ежедвенно, вотъ уже будетъ двѣ недѣли: домовой, джиннъ — будь онъ проклятъ! — потѣшается надъ моею бѣдною женою и мучить ее.*

— Это что за исторія? Вы употребили слово *сенгризи*: что это такое?

— «Это слово означаетъ каменный дождь. Гилянскіе *джинны*, незалюбивъ кого-нибудь, осаждаютъ его разными проказами, въ числѣ которыхъ почти всегда занимаетъ первое мѣсто метанье камешками то въ наружную стѣну, то въ окна, то на галерею, то въ запертой со всѣхъ сторонъ комнатъ, — вотъ какъ на примѣръ теперь у меня въ домѣ. Въ комнатѣ жены моей только одна дверь, выходящая на галерею. Вечеромъ, когда наступали сумерки она удалялась туда съ своею негритянкою и отуживавъ запирала наглухо дверь — и вдругъ съ потолка невидимая сила начинала швырять кругленькіе камешки. Въ испугѣ жена выбѣгала на галерею, но и тамъ, немного спустя, то съ потолка, то изъ-подъ мебели, точно съ ираша, срывался камень и съ силою ударялся въ противоположный предметъ. Жена въ другой покой, но и тамъ тоже самое... Я васъ поведу, Хекимъ-Сахибъ, по всему дому: вы убѣдитесь своими глазами, что ни въ потолкахъ, ни въ стѣнахъ ни малѣйшей скважинки, ни единой трещины... Три первые дня жена отлѣльвалась однимъ страхомъ; призвала свою мать, замужнюю сестру... Но чѣмъ многочислѣнѣе становилось ея общество, тѣмъ каменный дождь былъ продолжительнѣе. На вятый день однакожь, когда жена собиралась уже перебраться къ матери въ лачужку, камни не показывались. На шестой день тоже, такъ что она стала успокоиваться, и уже отпустила по домамъ своихъ родственницъ. Но на седьмой камни снова начали падать и съ этимъ вмѣстѣ женѣ стали являться видѣнія: пойдетъ ли въ угольный амбаръ или въ темную комнату, — она видитъ тамъ общество какихъ-то страшныхъ тѣней... Въ ту ночь бѣдная баба нахваталась такого страха, что всю ее провела безъ сна и наутро послала за муллою, чтобъ онъ заговорилъ домового. Мулла бормоталъ по

угламъ молитвы, заклинанія, писалъ ихъ на клочкахъ бумаги, бросалъ въ жаровню, окуривалъ комнаты *бенюмъ*, — этимъ одуряющимъ зельемъ Индіи, наконецъ взялъ деньги и ушелъ; а съ сумерками возвратились въ домъ и камни и призраки...

«Я тогда былъ въ отсутствіи, въ Лахиджанѣ, у Мехмедъ-Али-хана и прибылъ въ Энзели на другой день послѣ заклинаній. Я обезпамятѣлъ, найди жену мою въ полуномѣшательствѣ. Мутные глаза, несвязныя рѣчи, истерическій смѣхъ, слезы, вопли — не прекращались и слѣдовали одни за другими. Можете судить каково мнѣ было видѣть жену мою, въ ея положеніи, подъ гнетомъ подобнаго недуга! Я бросился къ мирзѣ Шефи, хекимъ-баши, лучшему энзелейскому медику, къ тещѣ, къ свекрови; созвалъ всѣхъ кого могъ и привялся съ ними ухаживать за больною. Хекимъ-баши началъ кровопусканьемъ и далъ потомъ прохладительную микстуру. Но вотъ съ тѣхъ поръ пятый день, а состояніе жены моей нимало не улучшилось. Къ нашему пріѣзду я явился въ Рештъ; но по возвращеніи моемъ сюда на третій день, я нашолъ жену въ худшемъ противъ прежняго состояніи, тѣмъ болѣе что во время моего отсутствія призраки и *сенгризи* возвратились. Бѣда да и только!

— Но ради-бога, ханъ, скажите мнѣ почему вы не выведете жены изъ этого дома?

— Я ужъ объ этомъ думалъ; но куда ее переселить? Мать ея и сестры живутъ бѣдно, тѣсно; въ домѣ у нихъ повернуться негдѣ. А найти дома другого въ Энзели нѣтъ никакой возможности.

— Ну такъ почему-жъ не отвезете вы ее въ Рештъ?

— Въ Рештъ?

— Ну да, ханъ, въ Рештъ.

— Въ Рештъ везти ее тоже неудобно.

— Неужели тамъ не найдется дома?

— Нето-чтобы не нашлось...

— А чтоже?

— Нельзя, Хекимъ-Сахибъ, право нельзя.

— Ну да вѣдь надо же избавить ее отъ болѣзни!

— Не знаете ли какого-нибудь средства, Хекимъ-Сахибъ? Я вамъ покажу больную.

— Но и невиданъ ее, я могу сказать вамъ, что во всякомъ случаѣ надо начать съ перемѣщенія.

— Это невозможно...

— Да отчего же, скажите наконецъ?

— Послушайте, Хекимъ-Сахибъ: въ Рештѣ живетъ моя первая, то-есть я хочу сказать вторая жена, потому что эта у меня третья.

— Развѣ двумъ жонамъ одного мужа въ одномъ городѣ жить

нельзя? Я слышалъ, что и въ одномъ домѣ живутъ иногда по двѣ и по три.

— Бываетъ. Но у меня, видите, вышелъ особенный случай. Я долженъ рассказать вамъ все, Хекимъ-Сахибъ, чтобы вы поняли мое положеніе. Это впрочемъ цѣлая исторія; и потому не лучше ли сначала пообѣдать. Потомъ вы взглянете на больную, а затѣмъ, если позволите, я на сонъ грядущій посвящу васъ во всѣ мои тайны и *иншаллахи-ррахманъ* — волею всемилостиваго Бога, проникательность ваша покажетъ вамъ яснѣе дня то препятствіе, которое мѣшаетъ мнѣ перевезти мою младшую жену въ Рештъ.

— Я на все согласенъ и съ удовольствіемъ послѣдую вашимъ распоряженіямъ. Располагайте мною; я гость вашъ...

Реджебъ-Али-ханъ далъ знакъ мальчику, и минутъ черезъ пять этотъ замарашка торжественно подошелъ къ самому сидѣнью нашему. На протинутыхъ впередъ рукахъ его лежала, сплюснутая въ длину свою, скатерть изъ темной набойки; страхнувъ одинъ конецъ ея на коверъ, онъ сталъ отступать, повемногу спуская скатерть, пока она вся не легла на коверъ; нагнувшись къ полу, онъ потянулъ ее къ себѣ, въ то время какъ хозяинъ держалъ скатерть за другой конецъ; такимъ образомъ столъ былъ накрытъ... и въ воздухѣ распространился сильный, удушливый запахъ вонючаго мыла, которымъ только-что вымыта была скатерть. Каково же было при такой атмосферѣ, уже и безъ того зараженной сальною свѣчкой, готовится къ обѣду! Благовонные фрукты, разставленные по карнизу, ничего тутъ не могли исправить; сильный аромать, отъ нихъ отдѣлявшійся, соединяясь съ заразою отъ гнилого мыла и плившаго свѣчнаго сала, произвелъ совершенный угаръ. Я силѣмъ у верхняго конца; хозяинъ занялъ мою правую сторону, а сонный старикашка, далеко не способствовавшій своею особою къ уменьшенію зловонія комнатной атмосферы, усѣлся по лѣвую. Не успѣлъ мальчикъ отойти отъ скатерти, какъ Юсуфъ явился съ круглымъ лоткомъ, на которомъ дымилась бѣлоснѣжная гора риса: то былъ пловъ, покрытый кусками золотистой корки своей. За нимъ приблизился опять мальчишка съ другимъ *хочма* на головѣ. На этомъ второмъ лоткѣ возвышалась такая же дымящаяся гора риса, но безъ корки. Это былъ *чиловъ*, разварное пшено безъ масла. Вокругъ него толпились хоровадъ тарелочекъ съ приправами къ чилову; въ одной было капитальное персидское блюдо, называемое *фисиджанъ*: онъ состоитъ изъ сильно развареннаго мяса, баранины, домашней птицы или дичи, облитыхъ соусомъ изъ толченаго грецкаго орѣха съ гранатовымъ сокомъ; въ другой тарелкѣ была жареная курица съ приправою изъ *али-буха* (бухарской сливы) и *леблеби* (особый

родъ гороха); въ четвертой — кусокъ баранины съ чеснокомъ, плававшій въ маслѣ; въ пятой разварной *кутумъ* — какой-то родъ чешуйчатой рыбы; въ шестой сметана съ чеснокомъ; въ седьмой маринованные огурцы и *бадинджаны* или демьянка; въ восьмой красный стручковый перецъ; въ девятой варенье изъ *балена* или сладкаго померанца; въ десятой ломтики дыни, изрѣзанные поперегъ на косые четверугольники, и такъ далѣе...

Наконецъ принесена была и третья *хонча*, на которой стояла большая фаянсовая чаша съ *сикенджебиномъ* (шербетомъ), состоящимъ изъ воды съ уксуомъ и медомъ, въ которую примѣшано было извлеченіе изъ цвѣта *бидмишка*, благовоиной ивы; бѣлыя студенистыя зернышки его плавали на поверхности. Возлѣ чаши лежала большая деревянная рѣзная ложка, замѣчательное произведеніе кашанскихъ искусниковъ. Ложка эта служить всѣмъ присутствующимъ поочереди для угощенія себя напиткомъ.

Мальчикъ подаль мѣдный рукомойникъ для омовенія рукъ и полотенце. Окончивъ эту операцію послѣ меня, Реджебъ-Али-ханъ положилъ по обыкновенію лѣвую руку, служащую у мусульманъ для омовеній, между колѣнъ и повисъ на ней всѣмъ корпусомъ.

— *Бисмилля!* произнесъ онъ, указывая мнѣ на *члювъ*, и отдѣливъ кусокъ курицы правою рукою, подаль его мнѣ своими масляными пальцами. — Извините, Хекимъ-Сахибъ, вылокъ у меня нѣтъ; но завтра я достану все-нужное.

Дѣлать было нечего. Юсуфъ, глядя на меня издали, пожалъ плечами, извиняясь этой пантомимой, что забылъ взять съ собою мой дорожный приборъ.

Не успѣли мы однакожъ глотнуть по двѣ пригоршни рису съ его приправами, какъ вдали раздался пронзительный крикъ... Хавъ замеръ съ открытымъ ртомъ и поднятою къ нему рукою съ пилотомъ и сталъ прислушиваться... Раздался второй крикъ, еще пронзительнѣе прежняго. Онъ вскочилъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Мальчишка побѣжалъ за своимъ господиномъ. Юсуфъ стоялъ въ глубинѣ комнаты, оборотясь ко мнѣ, и черезъ плечо смотрѣлъ въ дверь. Я остановился тоже, въ ожиданіи чего-то. Одинъ старикъ преспокойно запускалъ пальцы во всѣ приправы поочереды и унысывалъ *члювъ*, удѣлая весело прыгавшей бородѣ своей то зернышко рису, то капельку жиру. А между тѣмъ крики учащались и становились все громче и все разирательнѣе...

Было ясно: критическая минута беременной хозяйки наступила. Я боялся, чтобъ при ея напряженномъ первическомъ состояніи, разрѣшеніе отъ бремени не усилило бы воспалительное состояніе.

— Хаджи-баба! сказалъ я, обращаясь къ старику: — сколько лѣтъ Ханумъ?

Старикъ продолжалъ ѣсть неподымая головы.

— Хаджи-баба, послушай! сказалъ я громче прежняго.

Старикъ поднялъ голову и держа на отвѣсъ лоснившіеся отъ жиру пальцы свои, глядѣлъ на меня вытаращенными, безсмысленными глазами.

— Ханумъ сколько лѣтъ? повторилъ я.

Старикъ опустилъ опять голову и переставая жевать, вонзилъ палочку свою въ *фисинджанъ*.

— Тринадцать, Хекимъ-Сахибъ, тринадцать! произнесъ хриплымъ голосомъ Реджебъ-Али-ханъ, входя въ комнату. На бѣдномъ человѣкѣ не было лица.

— Какъ она мучится! продолжалъ онъ опустивъ голову и удерживая по всей кулаками. — Я хотѣлъ привести васъ, докторъ, но женщины съ крикомъ и бранью прогнали меня самого. Я самъ не знаю что такое! Что мнѣ дѣлать? *Аллаху-эрберъ!* Великій-боже!.. Хекимъ-Сахибъ!.. Нѣтъ ли у васъ съ собою бренди или рому?

Я кликнулъ Юсуфа.

— Юсуфъ! взялъ ты съ собою ромъ?

Юсуфъ посмотрѣлъ на хозяина, и потому самымъ флегматическимъ голосомъ отвѣчалъ отрицательно.

— Извините, ханъ.

— Ничего, помилуйте! Да впрочемъ у Харутьюна есть очень хорошій аракъ. Вотъ тебѣ три крана, Юсуфъ-бегъ. *Если не въ трудъ*, сходи-ка къ нему; онъ тутъ близко въ каравансарай. Ты знаешь, намъ вехорошо посылать своихъ людей за этимъ товаромъ. Вы позволяете, Хекимъ-Сахибъ?

— Почему нѣтъ? Юсуфъ, сходи.

Юсуфъ пошелъ, да и несовѣмъ неохотно, вѣроятно въ надеждѣ, что и въ его широкое горло перепадетъ нѣсколько канель.

Крики между тѣмъ стали походить на собачій лай и вдругъ стихли и вслѣдъ же затѣмъ поднялся шумъ другого рода — стукъ, трескъ, скрипъ, звонъ, бой въ бубны.

Ханъ прислушивался.

— *Глаза твои да прояснятся*, ханъ! запищала чей-то голосъ у двери и на порогѣ показалась толстая баба съ закутаннымъ въ покрывало лицомъ: — Богъ послалъ тебѣ сына!

У Реджебъ-Али покатались изъ глазъ слезы; онъ закинулъ назадъ голову и произнесъ задвленнымъ голосомъ: «*Аль-хамду милля!* слава-богу!» Послѣ того онъ вынулъ изъ кармана золотой туманъ

и далъ женщинѣ обязательный подарокъ за *мужде* или добрую вѣсть.

— *Нога Хекимъ-Сахиба принесла тебѣ счастье, иншалла*, добавила она. — Иди, ханъ, къ Ханумѣ.

И съ этими словами она удалилась.

— Позвольте, ханъ, удержалъ я собравшагося идти хозяина: — чтоже это за шумъ тамъ происходитъ?

— Это женщины, окружающія родильницу, отгоняютъ отъ нея нечистаго духа. Таковъ у насъ обычай, хотя бы въ домѣ и не было ни *сенризи*, ни явленія домовыхъ. Сорокъ дней родильница не трогается съ постели, не глотаетъ ни капли воды, и во все это время женщины должны производить около нея какъ можно больше шума, стуча въ бубны и разные домашніе котелки... Но извините, Хекимъ-Сахибъ.

— Ступайте, ступайте ради-бога.

— Пожалуста, Хекимъ-Сахимъ, пожалуста вы кушайте безъ меня. Миѣ теперъ не до ѣды, — сказалъ онъ уходя.

У меня тоже пропалъ совершенно аппетитъ. Страшное зловоніе въ комнатѣ, крики больной, шаривари гиланскихъ дуръ около родильницы и наконецъ опустошительные набѣги нелакомыхъ пальцевъ вонючаго старикашки на разставленныя передъ нами блюда, — все способствовало къ отбитію у меня всякаго позыва на пищу. Глухонѣмой обжора всталъ и удалился изъ комнаты. Я закурилъ сигару и велѣлъ Юсуфу, возвратившемуся съ бутылкой, принять кушанья и заняться самому утоленіемъ голода.

Черезъ полчаса, когда онъ снова явился въ комнатѣ, я тотчасъ же замѣтилъ, что онъ утолилъ и голодь свой, а главное жажду. Языкъ у него оживился и болталъ про джинновъ и про болѣзнь хозяйки.

— Много, много шамостей дѣлаютъ они здѣсь, Хекимъ-Сахибъ, говорилъ онъ. — Я вѣдь, какъ вы знаете, не въ первый разъ въ Гиланѣ и много слышался разныхъ разностей про этихъ проклятыхъ *эджинне* или джинновъ. У одного борбенда, тюковщика шелковъ, пропалъ вдругъ изъ дому черный невольникъ. Искать-поискать — нѣтъ! пропалъ какъ въ воду канулъ! «Ну, думаетъ себѣ борбендъ: — вѣрно убѣжалъ куда-нибудь къ туркменамъ или на Кавказъ. Чортъ съ нимъ! многихъ хлопотъ онъ миѣ стоялъ своими проказами! Туда ему и дорога!» Но на третій день одинъ гилекъ, проходя по лѣсу, слышитъ стонъ, бѣжитъ на него, — глядь! а на деревѣ виситъ черныи, крѣпко прикрученный къ верхнимъ его сучьямъ веревками. Это и былъ невольникъ борбенда! Ему не безъ труда удалось отвязать его. Когда малый, приведенный въ домъ къ хо-

винну, подкрѣпить истощенныя силы свои пищей, онъ расказалъ, что въ тотъ вечеръ вышелъ онъ на терасу, какъ вдругъ какой-то нежданый лѣній подхватилъ его на воздухъ, и черезъ минуту бѣднага увидалъ себя привязаннымъ къ дереву. Клянусь вашею головою, Хекимъ-Сахибъ, мнѣ это за истину расказываю.

«А то у одного сенда, зажиточнаго здѣшняго собственника, дѣло было посерьознѣе. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ дѣтей, мальчика лѣтъ шестнадцать, да дѣвочку лѣтъ пяти. Вздумалось ему завестись новымъ хозяйствомъ; по сосѣдству жила одна хорошенькая вдовушка, только одинъ годъ бывшая замужемъ и бездѣтная. Онъ къ ней сваху. Поладили, и новая жена поселилась въ домъ сенда. Но не прошло и двухъ недѣль, эджинне атаквали его жилище, особенно комнату хозяина, въ которой такъ и сыпались камни, такъ что онъ, бѣдняжка, принужденъ былъ отправиться въ домъ своего брата, тоже богатаго купца. Не успѣлъ онъ перебраться, какъ превратился и саягриси. Два черезъ два, черезъ три онъ испробовалъ было вернуться въ домъ свой, но въ ту же ночь опять полетѣли камни. Что за пропасть! Онъ опять вонъ, — и каменнаго дожда, какъ не бывало.

«Разъ нѣсколько старикъ мой привнимался водворяться въ своемъ жилищѣ, но джинны не давали ему покоя и выгоняли вонъ. Онъ сталъ продавать домъ. Но кто купитъ домъ съ домовыми? Дѣлать нечего, сендъ приобрѣлъ себѣ другой и перевелъ туда семью свою, но джинны и туда за нимъ послѣдовали. Только-что бывало расположится въ андерунѣ, какъ шокъ! камень за камнемъ — и пошла потѣха! Что вы думаете? Онъ вѣдь принужденъ былъ съ тѣхъ поръ жить розно съ семьей. Но ровно девять мѣсяцевъ послѣ перваго саягриси молодая жена его разрѣшилась отъ бремени... Дѣло домового разумѣется. Странно только то, что новорожденный былъ вылитый сендъ! Сосѣди правда толковали что-то промежъ себя и съ лукавою усмѣшкою произносили имя Шерефа, сына сендова отъ перваго брака, но вамъ извѣстно, Хекимъ-Сахибъ, какіе сплетники и клеветники персіане вообще, а гилеки въ особенности. Нельзя вѣдь не позлословить насчетъ ближняго!

— А ты не осведомился, Юсуфъ, кто этотъ старикашка? спросилъ я не безъ намѣренія моего разболтавашагося оруженосца.

— Допрашивалъ я мальчугана; говоритъ: кто его знаетъ! Бездомный сендъ какой-то!.. Ихъ вѣдь здѣсь какъ собакъ, добавилъ отъ себя ораторъ мой. — Вотъ уже мѣсяца два живетъ въ домѣ, ѣсть, пьетъ, спитъ, читаетъ молитвы и все молчитъ... А вѣмъ — не вѣмъ!.. Экая, подумаешь, бѣдняжка эта хозяйка! Молоденькая, говоритъ мальчуганъ, да такая хорошенькая!.. Помалуй что и не сле-

бравать ей. Развѣ ужь вы, Хемимъ-Сакимъ... Божь свидѣтель, чалло мнѣ оченъ... Оттуда берутся эти домовые! Чегобы домъ ихъ разрушился!.. А что, Хемимъ-Сакимъ, въ Френгистанѣ водятся динчи?

Я не отвѣчалъ ему. У меня въ головѣ бродили странныя мысли и какая-то недовѣрчивость къ этому грязному, загадочному старку закрадывалась въ душу. Мнѣ захотѣлось остаться одному; кому же болтовня липкаго языка юсуfoва мнѣ надоѣла. Я посоветовалъ ему заснуть и онъ безъ дальнихъ церемоній завалился въ темный уголъ комнаты.

Между тѣмъ стукъ и звонъ не прерывался въ андерунѣ,

ночь эта была микрадонная для всѣхъ въ домѣ, исключая конечно старика и Юсуфа. Кончилось тѣмъ однакожь, что черезъ два часа я былъ позванъ къ родильницѣ. Ей было видимо плохо. Молодо не замедлило, какъ я и ожидалъ, броситься въ голову и я приступилъ къ извѣстнымъ средствамъ, помощи. Трудъ былъ немалый. Бодная была почти въ настоящемъ бреду и ковылясила.

Не повѣришь какъ тяжело было смотрѣть на это несчастное существо, которое, не успѣвъ еще выйти изъ дѣтскаго возраста, бдлалось само матерью при такихъ ужасныхъ постороннихъ обстоятельствахъ. Гули-Марьямъ — цвѣтокъ дѣвы Маріи тубероза, такъ звали третью жену Реджебъ-Али — была очень похожа на тотъ благодѣтельный цвѣтокъ, котораго имя она носила. Въ рѣдкія покойныя минуты чрезвычайно красивыя черты и глаза ея съ какою-то строгостью вырѣзывались на блѣдноматовомъ ея личикѣ. Миниатюрность ея стана; худоба членовъ была паразительны и щемили сердце неодолимою жалостью. Я сначала не понималъ отчего ни одно изъ средствъ, употребленныхъ мною, не давало ожидаемыхъ результатовъ. Но вскорѣ все для меня объяснилось. Женщины, окружающія страданца, не только не исполняли моихъ предписаній какъ слѣдовало, но какъ-будто на зло употребляли свои обычные домашнія и недѣльныя, какъ водится, средства по предписанію бабки. Чудовищныя заговариванья, безсмысленныя нашенътыванья, цѣлебныя но ихъ мнѣнію, но недѣльные составы, непрерывный шаривари; немолкавшій ни на минуту, несмотря на мое положительное и восторженное запрещеніе, упорство, съ которыми отказывали больной въ кашлѣ воды, — скоро привели дѣло къ печальному исходу. Все совмѣнилось невиданному, чтобы заглушить это нѣжное растеніе, этого только-что распустившійся цвѣтокъ. Раннее замужество; завистливая ревность второй жены ея мужа и наконецъ неимущество и заперенное тупоуміе женщинъ, окружающихъ ее во время ея болѣзни,

рвали ей человѣчку, когда и наконецъ опустились въ нее обвѣзъ невиданую жертву.

На десятый день ужаснѣйшій страданій Гуля-Марадитъ не стало. Не берусь описывать отчаянныя Радмобъ-Али-хана. Оно было, это правда, совершенно чуждо, но тѣмъ еще болѣе внушало къ нему невольное состраданіе. Блудный старикъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, перебиралъ четки, и по временамъ мутная слеза скатывалась по морщинамъ его на бороду; онъ вздыхалъ каждую минуту и каждую минуту повторялъ: «аль-хамду-лилла! слава-богу!» Фразою этою мусульмане въ тяжкія минуты жизни выражаютъ смиренную покорность небеснымъ опредѣленіямъ.

Я забылъ тебѣ сказать, что наканунѣ отъѣзда моего изъ Ренга въ Эзелеи, купецъ отправивъ въ Тегеранъ письма, привнесъ курьера съ своими коммерческими письмами. Я воспользовался этимъ случаемъ и написалъ нѣсколько строкъ Жобару обо всѣхъ обстоятельствахъ моего пріѣзда въ Ренгъ и просилъ его извѣстить меня о Фораджула-ханѣ. Въ самое то время какъ уходила хозяйка дома, письмо, неосторожно попавъ въ Ренгъ, нечаянно попалъ мени, привнесъ ко мнѣ въ Эзелеи отъѣздить отъ Жобара.

Посылаю его тебѣ въ подлинникъ для того чтобы ты собственными глазами убѣдился, что я тебѣ рассказываю не сказки, ничего не прибавляю и не выдумываю.

ПИСЬМО

Феликса Жобара къ доктору М. С...

Тегеранъ, ноября 18..

Дорогая вышла штука съ вами, любезный докторъ! И какъ подумаю, что я несчастный былъ всему причиною, — чувствую, что даже не могу гордиться отъ стыда. Клянусь вамъ, я никакъ не ожидалъ чтобъ такъ скоро разыгралась плачевная исторія Абдулла-хана. Въ Ренгѣ рассказали вамъ, что мой талышинскій другъ съ триумфомъ отправился въ Тегеранъ, облоченный въ почетный халатъ съ плеча его величества. Hélas! et cent fois hélas! Персіане и въ этомъ случаѣ остались вѣрными самимъ себѣ и поднесли вамъ блюдо ихъ обыкновенной кухни. Все это ложь, докторъ, ложь самой выстѣйшей персидской пробы. Узнайте всю правду, какъ я узналъ ее изъ устъ самого Абдулла-хана, который не могъ скрыть ее отъ меня, да и не имѣлъ въ томъ надобности.

Пока мы бесѣдовали съ вами о побѣдѣ въ Глазго и о томъ приготовленіи, великій визирь отпривилъ въ Решть гуляма Ады-Гюзель-бека, мухассымомъ на Абдулла-хана, и отпривилъ его, такъ вы можете сами судить, такъ секретно, что я и не подозревалъ объ этомъ до прибытія сюда моего пріятеля. Но хана однакожь о грозѣ узнавъ, предупредилъ съ нарочнымъ пріятель его, одинъ изъ членовъ кабинета. За нѣсколько часовъ до прибытія мухассыма въ Решть, Абдулла-ханъ осѣдалъ своего коня и въ сопровожденіи одного человека, надевъ, давъ стрелы въ Кестенеруль. Прибывъ въ домъ свой, онъ завалился въ постель и накрылъ себя тремя стѣнными одеялами, такъ что мухассымъ, погнавшійся изъ Решты за сѣдломъ его, нашолъ его чуть не при послѣднемъ издыханіи. Ханъ привѣтствовалъ его умирающимъ голосомъ, наговорилъ нѣсколько словъ любезностей, сказалъ, чтобы онъ домъ его считалъ своимъ домомъ, а его самого — самымъ продажнымъ рабомъ своимъ. Одинъ изъ людей, по данному ханомъ знаку, поставилъ передъ гостемъ два подноса — одинъ съ констами, другой съ двумя сотнями новенькихъ золотыхъ тумачиковъ, такъ живописно рассыпавшихся на подносѣ! *Пшкшкш* былъ принятъ, и у хана слышнелъ между стѣнъ возвращающійся голосъ, и слыя его уже позволяли ему леивого приподняться на кровати. Поданъ былъ обѣдъ. Разговоръ между хозяиномъ и гостемъ принималъ летанный, оживленный, даже веселый оборотъ. Ады-Гюзель-бекъ, человекъ тонкій и большой краснбай, пустился въ рассказы о новостяхъ столицы и двора, и шуточками, остротами да анекдотами усыпилъ въ Абдулла весь его страхъ и всякую осторожность. Онъ уже сидѣлъ довольно бодро на постели своей и чокался съ гостемъ стаканомъ, полнымъ добраго хереса, только-что имъ полученнаго изъ Тавриза, и изъ-подъ одеяла незамѣтно показалась сначала одна нога, потомъ другая, и когда подали кальянъ, ханъ уже возсѣдалъ на верхнемъ одеялѣ своемъ какъ на тронѣ, подбоченясь и заломивъ на бокъ свой коляхъ. Вечеръ прошолъ незамѣтно; двѣ бутылки хересу, двѣ рому и цѣлый самоваръ были опорожнены, цѣлая дюжина кальяновъ выкурена. Наконецъ глаза собесѣдниковъ стали слипаться. Въ сосѣдней комнатѣ гостя ожидала постель. *Я алла!* Новые друзья встали, раскланялись, разстались до утра и завалились въ постель.

Рано утромъ ханъ уже былъ одѣтъ, вынулъ ватопцакъ огромную чашку сыворотки со льдомъ, чтобы опохмѣлиться, и пошелъ въ комнату къ гостю. Тотъ уже курилъ свой кальянъ. Когда они дошьялись привѣтствіями, мухассымъ вынулъ изъ сумки бумагу, развернулъ ее и подаль хану. То было предписаніе великаго визира

начина въископниенитаго, въискоронженатаго правителя кестенерудскаго Абдулла-хана — немедленно послѣдовать въ Тегеранъ за въископниенными, преданными, почтенными Ады-Гюзель-бекомъ. Пробѣжавъ быстро содержаніе грозной таалики, ханъ, невыпуская се изъ рукъ, оборотилъ голову къ мухассылу и спросилъ его: что онъ хочетъ сказать передачею ему этой бумаги? Тотъ ему отвѣчалъ, что ханъ самъ долженъ понимать и смыслъ бумаги, и ихъ взаимную обязанность; что просто-напросто надо садиться на лошадей и ѣхать въ Тегеранъ черезъ Халхалъ, Каввинъ, то-есть самую кратчайшую дорожку. Ханъ спонфузился, поблѣднѣлъ, сталъ ухвѣрять, что онъ боленъ, что онъ очень-очень боленъ и даже ждетъ къ себѣ выписаннаго имъ изъ Тегерана доктора, что онъ дастъ еще *никакого* своему гостю... Туда-сюда, — ничто не помогало. Мухассылъ оглохъ совершенно и только и твердилъ: «собирайтесь въ дорогу, ханъ, велите сѣлать лошадей!» Что тутъ дѣлать? Ханъ всталъ; всталъ и мухассылъ. Ханъ вышелъ изъ комнаты, мухассылъ за нимъ; онъ направо, и тотъ направо; онъ налево, и тотъ налево! Хотя въ андерунъ бы сходило проститься съ семействомъ! Не тутъ-то было! Мухассылъ загородилъ ему дорогу и то и дѣло твердить: «я алла! велите сѣлать лошадей.» Изъ андеруна тоже появился черный евнухъ съ подносомъ, на которомъ лежала богатая лахорская шаль.

— Ханушъ вамъ посылаетъ селамъ, бекъ, сказалъ онъ мухассылу, — и проситъ извиненія за бѣдность пишекеша...

Подносъ былъ поставленъ на коверъ, евнухъ исчезъ, исчезла затѣя и шаль въ торокахъ мухассыла, но не смягчила его сердца. И онъ продолжалъ торопить къ отъѣзду въископниенатаго владыка кестенерудскаго. Но что долго рассказывать! Около полудня вьюки были готовы; лошади подведены. Завтраку только сѣлать честь одинъ гуламъ; у Абдулла-хана пересохло во рту, перевернуло всю внутренность, аппетиту ни-наволось! Съѣли, поѣхали и на третій день прибыли къ Сулейманше. Тогда только Абдулла-ханъ, у котораго дорогой возрательель его обычныя страданія и онъ едва могъ держаться на сѣдлѣ отъ спазмовъ и судорогъ, замѣтилъ, что лицо мухассыла, во всю дорогу суровое, кабы скованое изъ жѣлѣза, начало смягчаться... И ханъ конечно повялъ что ему оставалось сѣлать! Онъ попросилъ остановиться въ открытомъ полѣ, вынулъ мѣшокъ съ деньгами, отсчиталъ гуламу пятьдесятъ полунимперьяловъ и вечеромъ того же дня сидѣлъ уже въ *бестѣ* въ Шахъ-Абдуль-Азимѣ, что какъ вы знаете, у самыхъ воротъ Тегерана. У нихъ это такъ ловко дѣлается, что услѣдить за всѣми изворотами продѣлокъ, которыми въ самую критическую минуту преслѣдуемый доходить до недосягаемаго убѣжища, а мухассылъ,

надъ нимъ приотавленный, избѣгаетъ въ дѣлѣ этомъ отвѣтственности, отъ наказанія... Напримѣръ лошадь мухассыма у самыхъ стѣнъ тегеранскихъ споткнулась, сблъкъ полетѣлъ, ударился о камни, ушибся, не могъ подняться на ноги; а тѣмъ временемъ арестантъ его пришиорилъ коня и уже за оградой Шахъ-Абдуль-Азима!.. Какъ позвѣрить дѣло? Туламъ хромаетъ и окаетъ надѣмъ дѣлѣ и правъ кругомъ и получаетъ еще халатъ въ награду за исправное доставленіе арестанта, который тѣмъ временемъ сидитъ себѣ покойно въ стѣнахъ убѣжища и разными подарками, черезъ влиятельныхъ людей, успѣваетъ съ теченіемъ времени выторговать себѣ отъ правительства все-какія уступки, иногда и выполняемыя свято... но большею частью только до времени.

Отъ Абдулла-хана диванъ требуетъ три тысячи тумановъ недоимковъ и разныхъ мѣтнизамовъ, то-есть письменныхъ обязательствъ въ исполненіи правительственныхъ мѣръ и предписаній, надъ которыми Фереджулла имѣетъ обыкновеніе посягать.

Я уже два раза былъ у надикши Шахъ-Абдуль-Азима, видѣлся съ моимъ пріятелемъ, говорилъ про васъ и прочелъ ему даже письмо ваше ко мнѣ. Онъ ужасно беспокоится, досадуетъ, мучится душевно, что вы приняли изъ-за него столько безпокойствъ и понапрасну. Насчетъ же Реджебъ-Али-хана онъ просилъ меня сказать вамъ, что онъ съ нимъ никогда не былъ даже знакомъ; что онъ знаетъ его, это правда, за большого фокусника и шута и проситъ васъ остерегаться этого господина, который самъ остерегается одного только лица во всемъ свѣтѣ — рещтской своей жены, дочери сенда Риза-Кули. Онъ посылаетъ вамъ приложенную у сего *лѣла* — ордеръ на пятьдесятъ тумановъ на имя Мешхали-Хейрулла, рещтского купца, чтобы покрыть ваши расходы на поѣзду въ Рещтъ и обратно.

Ради-бога не сердитесь на меня, любезнѣйшій и почтеннѣйшій докторъ: право я хотѣлъ сдѣлать вамъ угодное. Но что прикажете, коли обстоятельства приняли вдругъ такой оборотъ!

Поосмотрите-ка повозможности край, да возвращайтесь въ Тегеранъ... только безъ гиланскихъ подарковъ и разумѣется прямо ко мнѣ въ домъ.

Преданный вамъ

Ф. Жобаръ.

P. S. Еслибъ не такое время года, я бы попросилъ васъ сдѣлать маленькую коллекцію растений; но въ Гиланѣ, говорятъ, и зимою расцвѣтають цвѣточки, и потому, если милость будетъ, привезите что найдете.

Ф. Ж.

Я былъ радъ этому письму. Оно вскорѣйшей мѣрѣ открыло мнѣ глаза и дало возможность ясно обсудить в томъ, что мнѣ оставалось предпринять.

Итакъ, посреди громовъ домашней, никѣмъ незамѣченной драмы мелькнуло мимо меня, какъ воздушное видѣніе въ лунную ночь, первая мусульманка, которую плачевный случай далъ мнѣ возможность видѣть. И признаюсь, явленіе это оповѣтизировало въ глазахъ моихъ уродливыя, ревивыя покрывала, скрывающія въ складкахъ своихъ персидскую женщину, и совершенно исправило впечатлѣніе, оставленное во мнѣ плутовскою продѣлкою Реджебъ-Али-хана.

Новорожденный тоже жидъ всего три дня.

Но я намекнулъ сейчасъ на ревность второй жены моего хозяина. Надо объяснить это.

Свѣжія раны сердца не давали Реджебъ-Али-хану входить въ тѣ подробности, которыми онъ собирался послѣ описаннаго ужина передать мнѣ свои домашнія тайны. Я узналъ отъ него только одни вершки обстоятельствъ, сопровождавшихъ его три женитьбы.

Первая жена его была дочь одного жителя кирманшахскаго участка изъ племени *Кельхурръ*. Тесть его былъ *чаушемъ* или проводникомъ богомольцевъ. Курдинка въ душѣ, достойная дочь дикаго, воинственнаго племени, терзала она мужа своими набѣдническими, ухорскими продѣлками, участвуя въ набѣгахъ своихъ единоплеменичковъ на сосѣднее *гуранское* племя, въ стычкахъ съ ними, въ побойщахъ, въ мщенія за кровь; и наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ супружеской жизни, наткнулась на вражескую пулю, неподаривъ хана ни однимъ ребенкомъ.

Въ другой разъ онъ женился въ Казвинѣ на дочери одного несовсѣмъ бѣднаго сеида. Тщеславясь своимъ происхожденіемъ, урожденная мусульманская княжна, въ свою очередь терзаетъ Реджебъ-Али самыми чрезвѣчными требованіями, неугомонною ревностью и злобнымъ, неуживчивымъ характеромъ, а между тѣмъ, также какъ и курдинка, остается бездѣтною. Но ревность, ревность составляетъ главную черту ея характера. Она рѣшительно объявила мужу, что если онъ вздумаетъ взять другую жену, она надѣлаетъ бѣдъ. Если разумѣется хоть на половину вѣрить словамъ Реджебъ-Али, какъ сомнѣваться мнѣ было послѣ этого хотя одну минуту, что всѣ эти *сенеризм* и призраки не были дѣломъ рукъ этой чертовской бабы? Джинны, по понятіямъ гжелековъ, невлюбивы; они доказываютъ это тѣмъ, что бросаемые домовыми камни никогда ничего не разбиваютъ, хотя бы ударили и въ стеклянную вазу, никому не вредятъ, никого не ушибаютъ и только поселяютъ страхъ одинъ,

тогда какъ тутъ было злодѣйское покушеніе на самую жизнь несчастной беременной женщины, — покушеніе, убивавшееся усильемъ.

Я не хотѣлъ конечно брать на совѣсть свою внушать Реджеб-Али подобныя подозрѣнія. Это дѣло было не мое, и тѣмъ болѣе, что поправить его было нечѣмъ. Земля закрылась надъ бѣдною, невинною жертвою дурацкихъ обычаевъ, злодѣйскихъ покушеній коварной бабы и наконецъ невѣжества и тупоумія. Какъ-будто читая въ душѣ моей гомозившіяся въ ней подозрѣнія, Реджеб-Али-ханъ самъ заговорилъ мнѣ однажды, что *хануми-бузургъ*, то-есть старшая жена его, не имѣла никакого участія въ судьбѣ *Гули-Марьямъ*; что одни джинны могли производить *семиризмъ*, и для этого онъ водилъ меня по всему дому, показывалъ стѣны, потолки, давалъ мнѣ ихъ ощупывать: и точно, я рѣшительно нигдѣ не нашолъ никакого отверстія; онъ показывалъ мнѣ самые камешки, объяснялъ какъ въ-которые изъ нихъ падали, стремительно ударяясь о какой-нибудь предметъ съ такой стороны, гдѣ въ двухъ шагахъ возвышалась высокая стѣна, такъ что еслибъ камень упалъ изъ-за этой стѣны, то онъ бы не могъ удариться о предметъ, и еще такъ сильно, что на стѣнѣ оставался знакъ и пр. и пр. Все это пожалуй, виѣсть взятое, на глаза и странно казалось, но не вѣрить же было въ сверхъестественность этого явленія; а такъ-какъ изслѣдованіе факта потребовало бы и много времени, и быть-можетъ такихъ усилій, которыя бы были мнѣ не по рукѣ въ этомъ замкнутомъ, хаотическомъ мирѣ, я оставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе и всякое усиліе къ разувѣренію моего хозяина.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Я былъ гостемъ горемычнаго вдовца, но чтобы не быть ему въ тягость, да и... поскорѣе отъ него отдѣлаться, я рѣшился, пока онъ будетъ справлять свои *таазіе* или плачь по женѣ, продолжающійся у нихъ по нѣскольку дней, воспользоваться сухимъ временемъ и проѣздиться по окрестностямъ.

Съ вечера Юсуфъ нашолъ мнѣ хорошаго *беледа*, пѣшаго проводника-чичероне и рано утромъ я отправился по дорогѣ въ Лахиджанъ. Не буду описывать тебѣ моего путешествія: это отвлекло бы меня отъ предмета, въ настоящую минуту меня занимающаго; скажу только, что я видѣлъ интересныя до крайности мѣста и дороги; сефидрудская ватага и рыбный промыселъ съ своимъ русскимъ населеніемъ заняли особенно мое любопытство. Обо всемъ этомъ я буду говорить тебѣ въ другомъ письмѣ.

На восьмой день къ вечеру я воротился въ Энзели, полъ при-

боевъ проливна. Вѣтеръ повернулъ къ сѣверу и ревѣлъ съ моря отчаянно:

Отъ Сефидруда до Энзели я ѣхалъ почти все время мокрымъ песчанымъ берегомъ, на который то и дѣло набѣгали волны страшно колыхавшагося моря и убѣгали снова въ пучину. Тяжело дышалъ суровый Каспій, окутанный леденящею мглою, посреди которой едва-едва мелькали качавшіяся мачты даленнихъ парусниковъ, какъ маятники опрокинутыхъ въ море стѣнныхъ чаевъ. Слѣва видны были одни передовые отряды густого лѣса, побиваемые косыми дождями. Даль заволокло сѣрымъ туманомъ. Туманъ былъ и у меня въ мысляхъ, и мнѣ, какъ морю, что-то тяжело дышалось. Мысли; мысли не даютъ мнѣ покоя, когда я остаюсь одинъ.

Я слышалъ какъ-то отъ ширзы Мехли прекрасныя персидскіе стихи, какъ пошла лучше отъбавишеся къ моему положенію; въ переводѣ они теряются:

Жизнь наша состоитъ не въ дыханіи, смерть не въ кончинѣ;
Жизнь наша — въ соединеніи съ любезными,
И смерть — въ разлукѣ съ ними.

Но завѣзжать ли, — думалъ я въ интервалахъ моихъ задушевныхъ мыслей, — завѣзжать ли къ моему энзелийскому пріятелю? А какъ не завѣзжать! Хоть онъ и старался употребить на свои надобности завѣзжаго европейца и для этого приобрѣнулъ ко мнѣ и фокусъ, но если смотрѣть на это, придется не имѣть дѣла ни съ однимъ мерсіаминномъ. Слѣдуетъ ли осуждать каждаго человѣка отдѣльно за недостатки и пороки общества, къ которому онъ принадлежитъ! Кому же въ сущности онъ не отвлекъ меня ни отъ какого занятія, былъ учтивъ и любезенъ со мною, угощалъ меня и старался угождать всѣми средствами. Кому же я оставилъ его съ растерзаннымъ сердцемъ, на свѣжей могилѣ любимой жены! Я не могъ забыть блѣднаго его лица, утомленныхъ, полупотухшихъ глазъ, дрожащихъ губъ и этой сѣдины душевнаго огорченія, которая серебряною полоскою вилась по щекамъ у начала его черной бороды! Бѣднѣе было не до кокетства; онъ забылъ и баню, и желтую хину, и черную краску, которыми въ двѣ недѣли разъ вмѣлъ онъ обыкновеніе умащать свои волосы. Мнѣ право душевно его было жалко. Человѣкъ, всю жизнь угнетаемый своими сожительницами, эмансипировался—было и подъ сурдинкой, завелся на старости лѣтъ хорошенькою молоденькою жонкой и небо готовило уже ему утѣшеніе, пославъ сына, — и вотъ онъ опять одинъ на свѣтѣ!.. Нѣтъ, надо непременно навѣстить его. Я проведу у него ночь эту. Бѣдный Реджебъ-Али!

Но напрасно я стучался въ его калитку: она была нардузо заперта. Какой-то прохожій энзеличи остановилса, увидя мой дождь,

— Кого вы ищете, Сахибъ?

— Въдъ этотъ домъ принадлежитъ Реджебъ-Али-хану?

— Да. Реджебъ-Али-ханъ жалъ въ этомъ домѣ. Но вотъ уже третій день какъ онъ уѣхалъ.

— Что онъ, въ Рештѣ чтоли?

— Нѣтъ: слышно, уѣхалъ въ Лахаджанъ жениться на дочери Корбелан-Али-Тункебуни.

— Что? жениться? спросилъ я пораженный какбы электрическимъ ударомъ.

— Белл, белл.

И съ этими словами энзеличи пошелъ далѣе.

Милый другъ! Слѣдующее письмо ты получишь отъ меня или изъ Россіи, или изъ Турціи, благо я близокъ къ границамъ. Въ Персіи и безъ того мнѣ нечего дѣлать, а теперь она мнѣ опротивѣла надолго.

И какъ подумаешь, что есть европейцы, которые печатно превозносятъ характеръ и многіе обычаи персіянъ!..

А этотъ Гиланъ, съ его благодатною почвою, съ его естественными преимуществами—что такое! Не даются ли это адъ со всѣми его потязаніями? Безпомощные дожди и топи, жгучіе вѣтры и смертоносныя мизмы, неумалныя черберы — правители и тоскующія души — подданные, и наконецъ еще эти навожденія демонскія, вызываемыя завистью на терзаніе и на погубель невинныхъ!.. Нѣтъ, надо бѣжать отсюда. Любонитство мое подается подъ напоромъ этихъ враждебныхъ элементовъ; оно не въ силахъ выдержать дальнѣйшихъ несыганій. Сиѣшу, какъ Данте, «ritornar nel chiamo mondo», возвратиться въ свѣтлый міръ... Прощай.

Твой М. С...

ЛЯЙКОДЖЬ

(РАСКАЗЫ ИЗЪ ОХОТЫ ВЪ ЗЫРЯНСКОЙ СТОРОНѢ)

посвящено В. М. З.

I

Наступилъ сѣрый, сырой, скучный мѣсяцъ — сентябрь. Подкрался онъ въ этотъ годъ какъ-то незамѣтно: все было тепло и ясно, во весь августъ шли чудные лѣтние дни, какъ вдругъ вместе съ сентябремъ круто свернуло на осень и загудѣлъ неумолкаемо сѣверный вѣтеръ; загудѣлъ — и гудитъ себѣ попеременно, крутитъ, перевиваетъ пожелтѣлые обвалившіеся листья и хлещетъ въ окна голыми вѣтвями рябины, обвивая кисти сѣдыхъ ея ягодъ. Хвойный лѣсъ, зеленѣвшій по ту сторону Вычегды, какъ-то почернѣлъ вдругъ и притуманился, и даже луговая пожня, раскинувшаяся такимъ широкимъ привольемъ за рѣкою Сысолой, зарябѣла какими-то грязно-желтыми цвѣтами. Все завяло, засохло, опустилось, охладилось. Вонь ѣдетъ зырянинъ на двухколескѣ съ возомъ ячменныхъ сноповъ. Лѣнливо понуривъ голову, выступаетъ его тощая лошадевка. Лѣнливо шагаетъ за нею и зырянинъ, принарядившійся по осеннему времени въ теплую шапку-ушанку, сшитую изъ молодыхъ оленятъ, извѣстныхъ подъ именемъ пыжиковъ, и въ зипунъ изъ толстаго домашняго сукна коричневаго цвѣта съ искрой. За возомъ бѣжить исхудалая клокастая собака съ опущенными хвостомъ, а за собакой какой-то вертлявый шальчуганъ въ дырявыхъ сапогахъ, изъ голенищей которыхъ трепещутся полосатые клочья зырянскихъ чулокъ. У новалившагося забора стоитъ коро-

ва что-то не въ духѣ, смотритъ пристально на почернѣвшую ботву картофеля въ огородѣ да пожевываетъ. Надъ всѣмъ этимъ пасмурное, сердитое небо съ взорвавшимися, точно послѣ драки, облаками, которыя несутся скоро-прескоро куда-то безъ оглядки. Мелкій ненастный дождь однообразно падаетъ на влажную землю, и брызгая въ окна, пускаетъ по стекламъ извилистые потоки. Грустное, невыносимо тяжелое, гнетущее время! Куда ни посмотришь, вездѣ все скучно, неприглядно, неопратно.

Чу! скрипнула дверь: кто-то идетъ. Непременный разговоръ начнется о погодѣ; вотъ утѣшеніе! Или это Абрамъ? Пришелъ и остановился у косяка, заложивши руки за спину; вѣрно на умѣ есть какая-нибудь затѣя.

— Что, Абрамъ, скажешь хорошенькаго?

— Да что сказать-то? ничего не скажу; все хорошо.

— Ужь будто ничего не скажешь! Видишь погода какая мерзвѣйшая: дождь моросить, вѣтеръ свищетъ...

... — Погода бы вѣшто! что намъ погода? пускаяй дождитъ! не сахарныя...

... — Не растаемъ! добавилъ я: — знаю, братъ, я твою пословицу; ужь ты навѣрно что-нибудь затѣять! На охоту чай?

— Да пожалуй изъ-за погоды и все сиди дома да течи веревки, а время-то что-видаешь лучшее и пройдетъ.

... — Какое же это такое лучшее время?

... — А хоть бы пролетѣть гусей. Они теперь валомъ валать. Такія им стада летить гуся, что уму невообразимо!

— Ну тамъ чтоже?

— Ничего; на печь не прилетать; вѣхать на охоту.

— Вотъ какъ! А дождикъ-то, а вѣтеръ-то, а холодъ-то?

— Это што! Это все пустое; потеплѣе одѣнемся...

... — Невидаю, Абрамъ, тяжело какъ-то подыматься въ такую погоду; да и будетъ ли удача?

... — Невидаю, какъ хотите, а задача быть должна, потому погода слегка сумрачная; гусь летитъ низко и отдыхаетъ часто.

... — Такъ вѣхать чтоли?

... — Да поѣдете! что тутъ долго думать-то?

... — Куда же? въ Нидзесь чтоли?

... — Заѣмъ намъ въ Нидзесь? поѣдете въ Ляйкодзь: тамъ мѣсто невпримѣръ протоманнѣе и подборы лучше.

- Да тамъ вѣдь, говорятъ, охотничья охота?
- Штъ охотника! Зырянскія-то мѣшанинъ! марш въ шойбухъ. Изъ шивахъ дулокъ не много наблизкаеиъ.
- А дождь-то?
- Опять дождь! Экъ васъ дождь-то дуугаетъ, точно шершакъ!
- А лѣнь-то?
- А лѣнь-то оставате на стулѣ. Безъ нея обойдется.
- Такъ ѣхать?
- Ѣхать! отъичамъ утвердительно Abramъ и авторитетно тряхнулъ головой.
- Ну ужъ быть такъ; налаживай же лодку.
- Куда ѣхать, такъ въ ноческу!
- Конечно въ ноческу, такъ и готово; да проворите!
- Живо будетъ готово; налаживайтесь сами, а за мной дѣло не стоять. — И Abramъ торопливо сирывася хлопчатъ объ отъѣздѣ.

II

Лѣнво поднялся я съ кресель, на которыхъ такъ покойно и хорошо меня пригрѣло, и отправился начинивать патроны. Въф они были перебиты и разрознены; надо было привести въ порядокъ, заряды увеличить, потомучто стрельба предстояла дальняя, и набить нѣсколько патроновъ картечами для гусей. Пока я это все налаживалъ, входитъ Александръ Иваичъ В., мой прошлогодній спутникъ въ охотѣ на черныхъ утокъ⁽¹⁾.

- Что вы? на охоту?
- Да вотъ все Abramъ: говорить, гусей много мабенья.
- А меня возьмете?
- Съ удовольствіемъ. Да вамъ можно ли? Мы вѣдь будемъ ночевать.
- Отчего же нельзя? Завтра праздникъ, молчаю.
- Ну такъ ѣдемъ вмѣстѣ, веселѣе будетъ.
- Такъ подождите же меня; я сбѣгаю за ружьемъ да за запасомъ; живой рукой ворочусь...

(1) См. «Вѣрный боръ» и «Черныя утки» въ Жур. Ох. за 1838 и 1839 годъ.

— Бѣгите, бѣгите! Подождемъ.

Александръ Ивановичъ убѣждалъ. Работа моя подвигалась по-немногу впередъ. А дожда все гонимъ себя да гонимъ въ окна, вѣтеръ все свищетъ да свищетъ, наводя на душу какое-то уныніе. «Лучше бы въ такую погоду быть дома, въ мягкомъ креслѣ да въ тепломъ халатѣ, передъ тлѣющимъ каминомъ! съжечь иной зажирѣвшій сидѣнь: — а то поди дрогни таѣь подъ дождемъ и володомъ!» Не вѣдь недаромъ сказано, что «охота пуще неволи». Хоть и хороша и покойна халатная жизнь, но въ груди охотника есть сила, которая неудержимо влечетъ его на открытую природу, несмотря ни на еякота, ни на дождь, ни на злую вьюгу.

Скоро возвратился Александръ Ивановичъ, еще еще вѣдидлся Абрамъ; возамѣнялся только я одинъ, но при себѣ обидѣ В. и все дѣло кончено было въ нѣсколько минутъ. Мы еѣли перелушить на дорогу. Къ стору явилась Діанка, моя охотничья сука отъ кровныхъ маркловскихъ собакъ.

— Все люблюсь на вашу собаку: что за стати! сказалъ Александръ Ивановичъ, съ трудомъ прожовывая бифштексъ, на который, помахивая хвостомъ, умилно поглядывала Діанка.

— Да, хороша; у стола только канючить; это несносно.

— Ну это пустыня, это ничего! Что, Діанушка? На охоту, на охоту поѣдемъ, каналья! Вишь какъ пересѣмиваетъ, работу чуетъ! Можно ей кусочекъ хлѣба?

— Отчего же вѣтъ? можно.

— Абрамъ чай съ своимъ Султаномъ поѣдетъ?

— Незнаю возьметъ ли онъ своего Султана; я думаю возьметъ. Абрамъ! Ты возьмешь Султанку? — спросилъ я свѣтло ретиваго охотника, зашнуровавшаго чемоданъ, въ который взято было теплое платье для ночлега.

— Безпремѣнно возьму. Безъ Султанки никакимъ способомъ не обойтись въ теперешнее время; утку убьешь — не самому же лѣзть...

— А какъ вѣшать станеть?

— Султанка-то? что вы! да онъ даромъ-что обьлгусь толстоголовой, а только что не говорить; что прикажешь, то и дѣлаетъ.

— Ужь будто что прикажешь, то и дѣлаетъ?

— А вотъ ужь сами увидите; недаромъ я его шпиговалъ.

— Что ваша собака, Александръ Ивановичъ? обривился я къ В., у котораго былъ тоже песъ одного гнѣзда съ абрамскими Султаномъ.

— Что моя собака! Горе, а не собака: непослухмяна, блудна, а въ морѣ нѣтъ никакого псака.

— А какой знатной щенокъ былъ! — нѣо всѣхъ! Подите вотъ, угадайте!

— Да у меня ее заблоровали домашніе, а то можетъ-быть и порядочная бы вышла.

— Какіе вы охотники! шибшался Абрамъ: — собаки не сумѣли выходить. Вотъ у меня какой Микитка галовастикъ, а вѣдь приучилъ же къ дѣлу. Старанье, батюшка, надо да присмотрѣть; безъ этого никакая собака не будетъ путною.

— Да, тебѣ хорошо разсуждать: у тебя только и дѣла-то, что охота; а тутъ уйдешь на службу — братишки маленькіе и поднимутъ возню съ собакою; всю перепортили пострѣлы!

— Конечно, да все же своей заботливости мало: не на руки попала! — стоялъ на своемъ Абрамъ, всегда любившій подтрунить надъ неопытными охотниками и влести въ свою рѣчь хвастливое слово.

III

Вышли. Сырой вѣтеръ таково неприятно пахнулъ нашъ въ лицо. Дождь пересталъ, только сѣрыя облака низко тянулись надъ нашими головами, да вся даль какъ-то туманилась, будто задернута была дыжкой, сквозь которую мутно сквозили окрестности съ полями, лугами и темнѣющимъ лѣсомъ. На востокъ, на самомъ краю горизонта, просвѣчивалась голубая полоска неба. Абрамъ пристально посматрѣлъ на нее и рѣшилъ, что оттуда непременно къ вечеру разнесетъ, а завтрашній день будетъ ясный.

Сдернули лодку съ берега, уложились, сѣли: я на корму, Абрамъ въ весла, а Александръ Ивановичъ посрединѣ на чемоданъ; собаки улеглись ему въ ноги.

— Черезъ Копанецъ? спросилъ Абрамъ.

— Конечно черезъ Копанецъ: ближе; придется лодку тащить, да не бѣда! отвѣчали мы.

Поѣхали внизъ по Сысолѣ. Быстрое течение воды, значитель-

но поджавшись отъ осевшихъ пародковъ, скоро повалило нашу лодку, подгоняемую дружными веслами. Вотъ, наконецъ мы invalidные складочные анбары съ полосатой будкою и шарики шагающимъ часовымъ; вотъ, промелькнули мимо насъ жалкіе, искривившіеся два овинишка, срубленные на берегу Соломы въ какия-то давнія времена лѣнкою румою зырянина; вотъ и деревня Кулига, разбросанная затѣйливымъ беспорядкомъ на подгорью; вотъ и Вынегда, . . . а тамъ, дальше, на высоке и круто приподнятомъ берегу ея мелькнула нижнеконская часовня! Пристально взглянулъ я въ эту мглу, въ которой едва замѣтно обѣлились стѣны часовни и въ густомъ сѣромъ туманѣ тускло свѣтился ея крестъ, и задумался. . . .

— Что это, батюшка, куда вы правите? вѣдь надо вверхъ теперь подниматься! — прервалъ мои разбродившіяся мечты Абрамъ, сильно вагребая правымъ весломъ и поворожая такимъ образомъ лодку противъ теченія Вынегды, въ которую мы успѣли уже вѣхаться.

Я спохватился, поставилъ лодку по направленію нашего дуги, и мѣсто пріятныхъ воспоминаній осталось за спиною.

— О чемъ это вы такъ замечались? спросилъ меня Александръ Ивановичъ.

— О быломъ и суетѣ міра сего, отвѣчалъ я ему невольно, но тяжело вздохнувши.

— Стоить! Что прошло, того не воротишь; а что идетъ, того не замѣнишь.

— Правда; объ этомъ—то именно я и думалъ, что прошедшаго не воротишь, а идущаго не измѣнишь.

— Такъ не для чего попусту и голову ломать; вѣ вотъ поболтаемте—ка лучше объ охотѣ: хоть время какъ—нибудь скоротаемъ,

— А пожалуй поболтаемъ и объ охотѣ! Вотъ Абрамъ можетъ что—нибудь намъ расскажетъ. Ну—ка, Абрамъ, разводи бобы!

— Разведъ бы, да не о чемъ; все переговорилъ.

— Ужь и не о чемъ! Покопайся въ памяти, авось что—нибудь и найдешь, сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Оно конечно, какъ не найти. Рассказать развѣ о лисицѣ, что прошлой зимой изъ—подъ дула у меня улѣзнула?

— Какая такая лисица? съ любопытствомъ спросилъ В.

— Хорошая лисица, чернобурая, изъ рукъ просто ушла; вспомнить не могу безъ болѣсти сердечной... Да вѣдь вы слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ, сказалъ В. : — ну-ка расскажи.

IV

— А вотъ слушайте какъ дѣло было. Весь великій постъ бродилъ я прошлый годъ за волками. Много ихъ тогда было; по городу шатались, собакъ съ крылецъ таскали. Въ двухъ мѣстахъ положены были у меня пропадины, на сторожку ходилъ, да хитры очень: точно кто имъ скажетъ, — низачто не придуть въ ту ночь, когда сидишь; а послѣ придуть безпремѣнно и пропадину сожрутъ всю и кости растаскаютъ. Ставилъ я около приравы капканы, но и тутъ никакого толку не выходило; чуютъ желѣзо чтоли, или постановка нечиста, только каждый, разъ обойдутъ то мѣсто, гдѣ стоитъ капканъ, и подойдутъ къ пропадинѣ съ другой стороны; или вовсе не подходятъ; побродятъ только около, да и уйдутъ въ уйму. Опять раздравательныя уды вѣсилъ съ кусками говядины, и то вздорнымъ дѣломъ выходило: утреникъ такъ заморозить говядину, что всѣ уды наплотно свяжутся и вовсе не дѣйствуютъ. Такимъ-то манеромъ я и провозился дарма до пятой недѣли, недобывши ни на грошъ. Время подходило къ веснѣ, теплѣе сдѣлалось, ночи стали такія звѣздныя, свѣтлыя, зори такія длинныя, ясныя! Какъ теперь помню, въ воскресенье вечеромъ были у насъ гости, просидѣли за картами часовъ до двухъ. Вышелъ я ихъ провожать; слышу — воймя воетъ волкъ на Сысолѣ, прамехонько противъ собора. Такіе тоны заунывные выводитъ, будто съ него проклятаго чортъ лыки деретъ. Я скорѣе за ружье (картечами давно приготовлено было), и побѣжалъ на голосъ. Добѣжалъ я до спуска, гдѣ дорога на Сысолу чрезъ рѣку идетъ, спустился до половины ввоза и сталъ подъ навѣсомъ сарая, который подъ гороку-то стоитъ. Ночь была тихая, звѣздная, видѣть можно было далеко; только противъ меня густая тѣнь падала на дорогу отъ сарая и застилала ее. Это-то мнѣ всю статью и испортило. Вотъ стою я эдакъ подъ навѣсомъ-то и слышу — волкъ гоняетъ что-то по Сысолѣ: внизъ угонку сдѣлалъ, да заворотилъ; назадъ погналъ, потомъ

опять внизъ, а тутъ опять вверхъ и все чуть миѣ, какъ возникнетъ онъ и рѣбтся. Я съ мѣста не двинулся, не шевелюсь, жду что будетъ дальше. Вдругъ вижу — по дорогѣ-то, прямо съ той стороны, какъ клубъ катится, несется ко миѣ что-то небольшое. А, думаю, собака! видно ее и гонялъ волкъ; вотъ и онъ вслѣдъ за ней пожалуетъ. Поднялъ ружье, взвелъ курки, дожидаясь. Только эта собака какъ мятель поднялась по взвозу, пробѣжала мимо меня саженьхъ въ двухъ и сѣла неподалеку, — такъ шагахъ въ двадцати; но въ тѣни никакъ не можно было рассмотреть хорошенько; видно только было, что мордочка такая тоненькая, ушки востренькія, посматриваетъ туда подъ гору. Что за чудо? думаю: на собаку какъ-будто непохожа; дай-ка я ее тяну! Приложился, совсѣмъ хотѣлъ курокъ спустить, да опять раздумалъ: чтоже, молъ, убью я собаку, а волкъ сейчасъ долженъ быть слѣдомъ за ней; только испугаю его, не вернется. Опустилъ ружье, да и мызгнулъ я этой собакѣ. Какъ она услышала мое мызганье, — повернула назадъ, да мимо меня опять подъ гору-то нымыгъ! а волкъ-то ей навстрѣчу прямехонько и выкатилъ; она видитъ, что дѣло неминуемое, какъ кивется съ дороги налѣво черезъ бугоръ снѣгу, хвостъ-то и развился, пушистый такой, голстый. Тутъ-то я и догадался, что это была лисица. Волкъ за ней прыжокъ, да такъ поддалъ, что вотъ чуть-чуть не сѣлъ ей на шиворотокъ; въ это самое время я приложился по волку — бацъ! Откачнулся онъ въ сторону, палъ и началъ кататься. Я изъ другого ствола; осѣчка. Справился волкъ и утанулъ чрезъ рѣку. Вотъ я скорѣе бѣжать домой (близко тутъ); ногъ подъ собой не слышу, муплю, да самъ себя ругаю за просакъ: лисица въ шести саженьхъ сидѣла, сама въ руки давалась, и не сумѣлъ я дѣла обдѣлать!.. Какой я есть охотникъ! Мозжухой (¹) такого охотника провѣнчать! Прибѣжалъ домой, зарядилъ ружье, за-свѣтилъ фонарь; опять на то мѣсто, гдѣ стрѣлялъ волка. Освѣтилъ, вижу — кровь, и такова много; видно сильно поранилъ. Отлегло немного отъ сердца: хоть волка-то удорожилъ, и то до-

(¹) Между простонародными охотниками ярославской губерніи, откуда былъ родомъ Абрамъ, водилось обыкновеніе за важныя промахи и ошибки на охотѣ наказывать товарища нѣсколькими ударами прутомъ мозжухи (вереса). Наказаніе это сопровождалось многими курьезными церемоніями и считалось большимъ безчестіемъ. Получившій его на долгое время, а случалось, что и на всю жизнь усваивалъ за собою прозвание «*блжчанный*».

быча. Пошолъ я по слѣду—вездѣ кровь, и нето-чтобы каплями, а такъ, дорожкой: видно струей била изъ раны. Версты я двѣ элакъ прошолъ. Во многихъ мѣстахъ волкъ катался, гдѣ и лежалъ, и все кровѣ. Пересталъ я его слѣдить, оставилъ до утра, потому свѣчка въ фоварѣ догорѣла, темно стало слѣды разбирать. Воротился домой, легъ, но не спалъ; съ ума не сходила лисица, все такъ въ глаза и мечется какъ она бѣжала мимо меня, какъ сидѣла передо мной, какъ тѣнь эта проклятая отъ сарая помѣшала мнѣ разглядѣть ее, какъ она побѣжала назадъ, прыгнула чрезъ бугоръ, только хвостомъ своимъ пушистымъ подразила, точно медомъ по губамъ помазала. Всю ноченьку пролежалъ въ думѣ, съ боку на бокъ ворочаясь и себя ругаячи. Лишь начало брезжиться, пошолъ я волка искать. Лыжъ хорошихъ въ тотъ годъ у меня не было: дѣло, вишь, вскорѣ по приѣздѣ сюда случилось, не успѣлъ заpastись, просто ходилъ на лямпахъ⁽¹⁾; а на нихъ сами знаете какая хольба: чуть горка маленькая, сугробъ ли — скидывай съ ногъ да и ползи на четверенькахъ, потому нисколько не держать, нето-что заправскія лыжи, подбитыя оленьими кысами; на тѣхъ хоть на какую огромнѣйшую гору полѣзай, вершка не сдадутъ назадъ. Вотъ на этихъ самыхъ лямпахъ пустился я слѣдить волка. Версть шесть или семь прошолъ я съ того мѣста, гдѣ вчера оставилъ его слѣдъ, и все кровь урѣзная хлестала изъ него непрерывающися; а въ конхъ мѣстахъ лежалъ, такъ снѣгъ до самой земли протаялъ отъ крови. Диву дался я, какъ онъ не подохъ окалпный отъ потери столько руды! И гдѣ онъ только не шолъ: и косогорами-то, и въ буераки-то спускался, въ надуви залѣзалъ, сквозь чащи продирался. Тошно видно было сердечному; вездѣ облегченъ искалъ. Вижу—впереди два зорода (стога) сѣна стоятъ, слѣдъ прямехонько къ нимъ. Думаю, не залегъ ли онъ тутъ; дай брошу обходную лыжницу⁽²⁾! Только хотѣлъ я сдѣлать кругъ, а онъ и выскочилъ изъ огородовъ-то. Такіе прыжковъ десять отмахалъ, что какъ-будто никогда раненъ не былъ; а потомъ таково легонько и покойно похрѣмалъ впередъ, оборачивая свою толстую голову на меня. Какой волчина былъ здоровенный! Хво-

(1) Лямпами въ зырянской сторонѣ называются простыя лыжи, необитыя оленьей шкурой.

(2) Обойти кругомъ на лыжахъ.

стище какъ помело волочится, лапищи, грудь! Стрѣлять было далеко, я приударилъ за нимъ въ догонку, да нѣтъ, ничего не могъ подѣлать, утѣкъ! Такъ я слѣдилъ его до-позда, съ наволоку сбилъ въ лѣсъ и оставилъ опять до утра. На другой день нашолъ я его належкѣ, въ чащѣ, подъ выворотью; ужь окоченѣлъ! Версть пятнадцать отошелъ онъ отъ того мѣста, гдѣ я его вчера оставилъ, и протянулъ ноги. Тутъ я его голубчика снималъ и на радостяхъ возвратился домой съ добычей. Но пока я за волкомъ-то тратилъ время, другую добычу-то, дорожную-то, потерялъ: не миѣ досталась. Не хватило у меня догадки послѣдить хотя немного лисьимъ слѣдомъ съ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ по волку; а штука-то такая вышла, что не отошла лиса пятидесяти сажень, какъ дала кровь. На слѣдъ ея, девъ спустя, попалъ Никита изъ Тентюкова, охотникъ. Сдогадался онъ и давай слѣдить. Дошелъ только до первыхъ кустовъ, что за Сысолой, и нашолъ ее подъ елью подохшею. Конечно другой бы честный человекъ не попользовался, но говорить, честь-то прежде почитали здѣсь, а теперь она не въ ходу; вишь, честь не спѣсь, поклономъ ее не чествуютъ и держаться значить ея незачѣмъ, накладисто. А лисица-то вышла чернобурая, за тридцать цѣлковыхъ продалъ; нашему брату не шутка такія денежки; досадно было, что добычей не попользовался; однимъ выстрѣломъ двумъ звѣрямъ отходную пропѣлъ, а на руки попалъ только одинъ, и то дешовый; за волка взялъ только три съ половиною цѣлковыхъ. Вотъ какъ иной разъ, батюшка, можно проштыкнуться и промѣнять кукушку на ястреба!

— Да, это ты ужь маху далъ! Что бы тебѣ было хоть немного пройти лисьимъ слѣдомъ? тѣмъ болѣе, если оба звѣря при выстрѣлѣ были на одну мишень; невѣсть какая хитрость догадаться, что и лисицу могъ ранить! Жалко, братъ Абраха! съ участіемъ сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Чего не жалко, батюшка! Ужь такъ ли жалко, что и сказать нельзя, да дѣлать-то нечего: близокъ локоть, да не укусишь; чернобурая была...

— Ну хоть не чернобурая, сиводушка (1) можетъ. Чернобурая стоитъ рублей шестьдесятъ, и сто и полтора ста бываетъ.

(1) Съ рыжеватостью и просѣдью.

Нынче объ ярмакѣ видѣлъ я пару чернобурыхъ лисицъ продавали... Что за лисицы ! Шерсть какъ шолковая, густая !

— Видѣлъ, да это выкормыши ; выкормыши стоятъ дешево, выкормыши дрянъ противъ гульной ! отвѣчалъ Абрамъ съ замѣтнымъ пренебреженіемъ къ искусственному откармливанью звѣрей.

— Чтѣ бы ты, Абрамъ, заговорилъ я, — попробовалъ лисятъ поискать, да самъ бы занялся выкормкой? Вѣдь прибыльно !

— Прибыльно, батюшка, да несвѣчно ; возни за ними много, а пуще отыскивать очень трудно ; не нашихъ рукъ дѣло.

— Да вѣдь не боги же горшки дѣлаютъ ! возразилъ Александръ Ивановичъ : — какъ-нибудь отыскиваютъ.

— Знаю я какъ и отыскиваютъ-то, да та статья, что мѣстъ здѣшнихъ незнаю. Кто ихъ выдаетъ, гдѣ они здѣсь гнѣзятся? Хитрѣющей звѣрь ! добавилъ Абрамъ.

— Да ты когда-нибудь вынималъ ли лисятъ-то ? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Вынимать-то не вынималъ, а какъ дѣлаютъ это, знаю ; штука нето-чтобы больно замысловатая. Звѣрь самъ окажется гдѣ у него гнѣздо : нора значить ; лисицы все въ норахъ щенятся. Искать ихъ надо по послѣднимъ настамъ, послѣ благовѣщеньяго дня. Въ нашей ярославской губернии въ густомъ лѣсу лисей норы не ищи, а гдѣ-нибудь на спольѣ въ кустеркахъ, въ зовагахъ, или тамъ въ берегу ручья, въ старой угольной ямѣ. Здѣсь другое дѣло : иди въ самую трупѣбу, въ ломъ, гдѣ старыя деревья спустили корни и отполи большія выбило въ берегахъ весенней водой. Здѣсь въ такомъ мѣстѣ ищи лисью нору ! Версты полторы и двѣ недоходя, уже ты замѣтишь, что лиса гнѣздится гдѣ-нибудь тутъ. Слѣды ея это обозначаютъ. Какъ она вылѣзетъ изъ норы и отправится на добычу, для дѣтокъ или тамъ для себя пропитанье искать, песокъ-то съ ногъ на снѣгу и отпечатается : сейчасъ и видно, что *гнѣздовка* ходитъ, потому что самецъ не живетъ никогда по зимамъ въ норахъ, и холостая тоже не живетъ. Какъ найдешь такіе слѣды, и иди къ норѣ. Отнорки ⁽¹⁾ всѣ забей наплотно, да и раскапывай. Лисята въ то время бываютъ у нея самыя маленькіе ; иной разъ вынуть такихъ, что молочкомъ съ рожка приходится кормить ; ну, а по-

(1) Побочные выходы.

томъ запрутъ въ сарай и бросаютъ разную живность ; тутъ ужъ дѣло не трудное. Только надо, чтобы сарай съ поломъ былъ, а то непременно подкопаются подъ стѣну и тягу дадутъ. Когда выкувѣютъ и вычистятся совсѣмъ позимнему (около рождества это бываетъ),—убиваютъ и тащатъ на продажу ; но ужъ выкормыши выкормыши и есть ; сейчасъ имъ различіе найдешь : шерсть немягкая и неровная , подбрюшье жидковато , хвостъ закомѣлистой. То ли дѣло словленная лисица ! Не въ тѣснотѣ какой-нибудь выросла ! Вишь у Бога сарай-то какой : глазомъ не окинешь !

— Оно конечно бы такъ, Абрамъ, сказалъ В., — но вѣдь ловить-то ихъ окаянныхъ бѣдовое дѣло ; хитрый звѣрь !

— Звѣрь хитрѣющій, и говорить нечего, но и между зырянами есть такіе истощники, что найдутъ только слѣды лисы, ужъ и ихняя. Ловли тутъ никакой ненадо устраивать : капканы, петли, клясы или тамъ западни какія, хлопущки, ямы ни к чему на лису непригодны ; она въ нихъ не пойдетъ ни за какіе сдобники. Надо дѣйствовать отравой ; но и тутъ все со сноровкой, а нето-чтобы такъ, спроста, — напихалъ мышьяку или сулены въ кусокъ говядины, да и бросилъ : нѣтъ, она эдакъ не возьметъ низачто, этимъ ее не поддѣнешь, воровата. А вишь какъ надо : нашолъ лисій слѣдъ и дѣлай лыжницу (¹). Все ужъ послѣ и ходи по ней ; слѣдовъ не клади много, а то сейчасъ звѣря отвадишь, сластеся отъ этого мѣста прочь. По объѣмамъ сторонамъ лыжницы накидай кусочковъ говядины, да подальше отбрасывай, и кусочки чтобы были маленькіе, въ орѣхъ грецкой, меньше. Можно пожалуй бросить и пропадину, только небольшую. Иной взворотитъ пѣлую лошадь и кормить звѣря до отвалу. Плохая тутъ задача бываетъ. Звѣрь-то привадится, объ этомъ и говорить нечего, да взять-то его не возьмешь : на отраву онъ не кивется, — и безъ нея много говядины, въ капканъ не попадаетъ, хоть на-часто наставь ихъ около пропадины ; такъ знатно обойдетъ, что только руками разведешь, будто при немъ было ставлено, али тамъ кто сказалъ ему, что вотъ молъ тутъ капканъ стоитъ. Особо мастерица на это россомаха : той хоть на тропу (²)

(¹) Сдѣлать лыжницу — пройти на лыжахъ по прямой линіи до извѣстнаго пункта и потомъ воротиться тѣмъ же слѣдомъ.

(²) Постоянная дорога звѣря отъ логовища къ корму.

ставъ, — отвернуть отъ капкана въ сторону; такое чутье сильное! Одинъ разъ у меня что росомаха слѣлала: шла по тропѣ таково снѣло (пороша была въ ночи; видно было по слѣдамъ), дошла до капкана и остановилась, поприсѣла, да какъ махнетъ черезъ — и прямо къ пропадинѣ; нажралась и опять назадъ такъ же. А ужъ какъ чисто было поставлено! И лапки были выдѣланы на снѣгу, и около лапшечкой сровняно и подметено; самому трудно узнать, гдѣ стоитъ капканъ. Варугорядъ росомаха же не дошла до капкана аршина два, начала выгребать снѣгъ, и такъ подрылась подъ капканъ, проклятая, что онъ весь на вѣсу очутился и сдалъ. Такъ поди вотъ и лови ихъ!

— Желѣзо чуетъ! замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Какъ ей чуютъ-то, диковина! Каждый день обтираешь капканы пихтой и ставишь не голыми руками. Ужъ такой смышленный звѣрь! Ничѣмъ другимъ его не возьмешь, какъ отравой. Лиса тоже. Накидалъ кусочковъ около лыжницы, и посматривай эдакъ черезъ день, беретъ ли. Сперва лиса будетъ ходить около лыжницы неснѣло, потомъ начнетъ выгребать куски изъ снѣгу и ѣсть. Опять ей новыхъ подбрось, да кусочка два, вмѣстѣ съ другими, отравы. И брось ихъ такъ, чтобы пали на пустое мѣсто, а не около куска или дерева. Случись вѣточка или былиночка тоненькая, гдѣ падеть кусокъ, конечно — лисица ужъ не возьметъ. Но и въ томъ есть хитина, какъ отраву приготовить. Не всякому это извѣстно, а промежъ зырянами есть такіе дошлые люди, что сумѣютъ статью эту обдѣлать на издивленье. Берутъ сулему что-ниаестъ самую лучшую, и въ воскъ или сѣру завертываютъ — незнаю навѣрное, а потомъ какъ-то заливаютъ въ масло. Шаричекъ будетъ величиною съ каленый орѣхъ. Такъ и бросай его вмѣстѣ съ кусками говядины, отъ лыжницы эдакъ сажень на пять. Ужъ лисица тамъ найдетъ по-духу безпремѣнно, и коли съѣла — вѣрная добыча: иди и ищи послѣду. Сажень сто отойдетъ, начнетъ кровь изъ себя выбрасывать: забрало значить, скоро ляжетъ. Но бываетъ и такъ, что уйдетъ верстъ на двадцать и на тридцать, особенно если отрава повала въ сытый желудокъ, и потомъ ужъ издохнетъ. Росомаха еще дальше уходитъ; та выносливѣе.

V

Пока длились рассказы Абрама, мы оглябли песчаный мысъ лѣваго берега Вычегды. Мысъ этотъ прибавлялъ намъ рѣчного пути версты на четыре и состоялъ изъ наноснаго крупнаго хряща, положоннаго грядами, обросшими тощими кустиками сѣверной ивы, молодые голые побѣги которой сквозили на свѣгу какъ тонкая растянутая сѣть. Такіе мысы или правильнѣе-сказать отмели не прерываются по Вычегдѣ. Переходя то на ту, то на другую сторону, они съ каждымъ годомъ нарастаютъ все болѣе и болѣе, заставляя рѣку мѣнять свой фарватеръ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовывать и цѣлые острова. Замѣчаніе Абрама о погодѣ оказалось справедливымъ: день въ самомъ дѣлѣ началъ разгуливаться. Весь восточный бокъ неба совершенно очистился отъ облаковъ, туманная мгла разсѣялась и явственно выступила окрестная даль съ темною, непрерывною массою лѣса. По лѣвому берегу рѣки разстилались пожни, прорѣзанныя во многихъ мѣстахъ глубокими логами, идущими параллельно рѣкѣ. Судя по формѣ этихъ логовъ, по ихъ развалистому ложу, нетрудно догадаться, что они обязаны своимъ существованіемъ своенравному теченію Вычегды.

Небогата красами здѣшняя сѣверная природа: широкая извилистая рѣка въ плоскихъ берегахъ, направо лѣсъ, налѣво тоже лѣсъ безъ конца. Кой-гдѣ разбросаны луга, по нимъ разбросаны кустеръки, вдали виденъ нагорный берегъ Вычегды, а на немъ снова тотъ же темный лѣсъ. Изрѣдка встрѣтятся двѣ-три березы, стоящія особнякомъ гдѣ-нибудь на берегу небольшого озера, затянутаго водорослями, двѣ-три планучія ивы въ полулежащемъ положеніи, съ раскидистыми вершинами, да нѣсколько тощихъ рябинокъ съ красными кистями ягодъ. Вотъ и вся картина!

Показался Копанецкій перешеекъ, чрезъ который мы должны были тащить лодку. Мы перевалили на другую сторону Вычегды и побѣхали подлѣ самаго берега. Здѣсь теченіе рѣки безпрестанно прерывалось маленькими водоротами и заводами отъ неровностей крутого берега, острыми углами вдавагоса въ рѣку. Лодка наша, вплывши въ заводи, пошла свободнѣе и скорѣе; только

повременамъ набѣгала она на струю, бившую съ какого-нибудь остраго мыса, и ее отбрасывало быстриною назадъ; но отъ трехъ-четырехъ дружныхъ ударовъ весель она снова попадала на спокойную воду и легко летѣла вверхъ. Такъ добрались мы до волока, проѣхали нѣсколько десятковъ сажень небольшимъ заливомъ и подняли лодку на берегъ. Тащить приводилось сажень сто. Мы перетянули это пространство въ три приема, подкладывая подъ лодку палки и тонкіе обрубки кряжей, по которымъ она катилась довольно легко и скоро. Съ другой стороны волока былъ тоже заливъ, нѣсколько глубже перваго; въ него и спустили мы лодку. Отъ залива до залива чрезъ волокъ шла извилистая рытвина, промытая какъ-видно переваломъ воды во время весеннихъ разливовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ Вычегда пробьетъ себѣ эту рытвиною цѣлый рукавъ, сокративъ свой путь верстъ на двадцать. Такихъ сокращеній въ своемъ теченіи эта прихотливая рѣка уже дѣлала много, отсѣкая мысы и образуя изъ нихъ острова. Такъ произошолъ островъ, находящійся противъ города Устьсысольска и имѣющій въ окружности около двадцати-пяти верстъ. Здѣсь Вычегда прорыла рукавъ въ Сысолу, соединившись съ послѣднею выше ея устья шестью верстами.

VI

— Вотъ и Ляйкодзь! сказалъ Абрамъ, показывая на противоположную сторону рѣки, когда мы выбрались изъ залива и выѣхали на Вычегду: — по рѣкѣ было бы верстъ около тридцати, а чрезъ Копанецъ близехонько. Вонъ и баня: видите на пригорочкѣ стоять, подъ сосной? Тутъ ночевать будемъ.

— Что за баня, да и к чему она здѣсь? спросилъ я Абрама.

— Баня не баня, а просто избенка съ каменкой, для ночлега зырянами сдѣлана, а только такъ она прозывается баней; вотъ увидите.

Мы спустились внизъ по теченію сажень сто и передо мною открылся весь разрѣзъ той мѣстности, которая слыветъ здѣсь подъ названіемъ *Ляйкоджа*. Это широкій плоскій мысъ, обращенный подъ пожию и изрѣзанный на-часто продольными логами, берега которыхъ то круто приподняты, то развалисты

какъ у блюда. Мѣстами по пожнѣ прошли полоски еловаго лѣса, съ смѣсью рябины и осины; послѣднія ярко краснѣли осеннею листвою на черномъ фонѣ хвои. Прямо черезъ мысъ, между прогалинами лѣса, сквозило верхнее плѣсо Вычегды, дѣлавшей въ этомъ мѣстѣ крутой полукругъ. Основаніемъ своимъ мысъ Ляйкоджа упирался въ крутой уваль, поросшій большимъ сосновымъ лѣсомъ. Такой же уваль видѣлся на другомъ берегу рѣки. Между ними образовалась лощина, посрединѣ которой крутила Вычегда. Взглянувъ попристальнѣе на такую мѣстность, нетрудно догадаться, что увалы были первоначальными окраинами береговъ Вычегды, а долина — дномъ ея, выступившимъ на степень суши въ позднѣйшія времена. Таковыя прибрежья почти всѣхъ сѣверныхъ рѣкъ. Двина, Мезень, Печора имѣютъ подобныя же паралельныя гряды возвышенностей; мысъ онѣ отстоятъ на нѣсколько верстъ другъ отъ друга, но безъ сомнѣнія прежде омывались струями этихъ рѣкъ, которымъ онѣ служили берегами въ эпоху высокаго стоянія воды.

Скоро перемахнули мы чрезъ рѣку, спустились по противоположному берегу около четверти версты, заѣхали въ небольшой заливцеъ и пристали къ тому пригорку, на которомъ подъ раскидистою густою сосною приютилась крошечная избенка, срубленная на скорую руку. Собаки весело выскочили на сушу и начали строить козлы, радуясь, что наконецъ кончился долгій испускъ неподвижнаго сидѣнья въ лодкѣ. Абрамъ вынесъ поклажу, сбросилъ весла, бережно, съ признаками особеннаго уваженія, вытащилъ свое ружье изъ чахла, отеръ его полою, хотя оно этого не требовало, потому что было совершенно чисто, пощупалъ въ выходѣ дула пальцемъ, крякнулъ, промолвивъ: «ружьецо, смертодавчикъ, догнѣло сердечный, не выдай!» поставилъ его къ соснѣ и предложилъ намъ помочь ему вытащить находящуюся въ лодкѣ поклажу, что сейчасъ же и было исполнено.

VII

Во время нашего переѣзда до Ляйкоджа мы видѣли не одно стадо летящихъ гусей. Пока дѣнь былъ пасмурень, вереницы ихъ тянулись низко, пробираясь между вершинами деревъ, какъ будто выплывая изъ глубины. Но по мѣрѣ того какъ погода

прояснялась, какъ начало проглядывать и пригрѣвать солнышко, став гусей поднимались все выше, летѣли быстрѣе и стройнѣе, звонко оглашая воздухъ своимъ металлическимъ говоромъ. Каждую стаю Абрамъ далеко провожалъ глазами и заранѣе опредѣлялъ ей мѣсто ночлега.

— Вотъ эти, говорилъ онъ: — на Сидоръ-Вичъ опустятся, а эти на Бѣломъ-Бору жировать будутъ. Посмотрите, эка стая-то! на версту растянулась, въ Систы-Божь летитъ, тамъ ночевать нарохтится!

— Да почему ты знаешь гдѣ какая стая сядетъ? спрашивалъ Александръ Ивановичъ.

— По полету видно.

— Какъ же можно по полету видѣть?

— Да ужь видно! отвѣчалъ обыкновенно на подобные вопросы уклончиво и коротко Абрамъ.

Но предреканія Абрама чаще всего не сбывались, и гуси садились вовсе не на тѣ мѣста, которыя онъ имъ указывалъ. Впрочемъ онъ этимъ нисколько не смущался: «не сѣли на Сидоръ-Вичъ, ну такъ значить полетѣли дальше, въ Нидзесь, тамъ отдыхи дѣлать будутъ», — обыкновенно рѣшалъ онъ дальнѣйшій вопросъ о будущемъ притонѣ летящей стаи.

VIII

Я полюбопытствовалъ заглянуть въ хату: маленькія дверцы, сколоченныя щиткомъ и укрѣпленныя на деревянныхъ петляхъ, визгливо заскрипѣли и на меня пахнуло какимъ-то вонючимъ, затхлымъ воздухомъ и запахомъ копоти, которою покрыты были стѣны и притолокъ зырянской почлежной бани. Согнувшись въ три погибели, я пролѣзъ въ дыру дверецъ и очутился въ тѣсной клѣтушкѣ, съ отдушиной вмѣсто окна и съ грудой мелкаго булыжника, сложеннаго въ безпорядкѣ въ уголъ, вмѣсто печи. Противъ дверей устроены были нары, аршина въ полтора шириною; на нихъ валялось сѣно, тощая подстилка ночлежниковъ, перетертая отъ долгаго употребленія въ труху. Вотъ и все внутреннее содержаніе и удобство дырявой и грязной хаты, скорѣе цохожей на хлѣвъ, чѣмъ на баню.

— Почему же это названо баней, Абрамъ? допытывался я

послѣ осмотра ночлежной клѣтушки, находя названіе бани вовсе для нея неумѣстнымъ.

— Да потому и названо, что каменка въ углу есть, видѣли? Зырянскія бани, гдѣ парятся, точнехонько такія же крошечноточные подгузки: десятокъ на одной плѣши умѣстится. Полокъ подѣ потолокомъ, а въ углу гряда камней, сожгутъ три-четыре полѣвна на нихъ, накалятъ, бросятъ на парь, запрутса и жарятся пихтовыми вѣвниками. Часа чрезъ два тепло все выйдетъ, сдѣлается поморозня; ну тогда опять калятъ каменку; такъ и пробаваются. Такое же дѣло и здѣсь: зимой, или тамъ по глухой осени, застигнуть зырянина нужда почевать, — придетъ онъ въ ночлежную баню, накалитъ камень, самъ задыхается отъ дыму, когда топится избенка, ничкомъ въ это время на нарахъ лежитъ или дожидается за дверьми, пока протопится и дымъ повывтается, а тамъ закупоритъ окно, затворитъ двери наплотно, и на боковую! Сначала теплота сдѣлается такая, что хоть въ нагомъ тѣлѣ спи, но къ утру безпремѣнно выстыветъ, и случается такъ, что цыганскій потъ до костей прохватитъ. Вотъ вѣдь лѣвая сторона здѣсь считается, строевого не оберешься, — а банишки сдѣлать лѣнь, овинишки сколочены на скорую руку и кое-какъ тензять, да и жилыя избы построены такъ, что смѣхъ въ люди сказать. Тунеядливый народецъ эти зыряне, нерачивъ больно, акуратности въ жизни никакой нѣтъ и окромя того что безтолковъ...

— Коли пріѣхали, Абрамъ, такъ надо за дѣло приниматься, лясы-то точить здѣсь нечего, пора ужъ, вечеръ скоро! прервалъ Александръ Ивановичъ словоохотливость нашего невстошимаго рассказчика.

— А вотъ сейчасъ, сложимъ поклажу да и маршъ въ разные стороны. Давайте-ка сюда чемоданъ-то!

Абрамъ залѣзъ въ баню; мы съ трудомъ протискали къ нему чемоданъ сквозь узкое отверстіе дверецъ и подали туда же самоваръ и корзину съ припасами. Онъ все это запихалъ полъ нары и прикрылъ сѣномъ.

— Вотъ и совѣмъ. Вы куда пойдете?

— Мы здѣшнихъ мѣстъ незнаемъ; ты намъ растолкуешь, отвѣчалъ я.

— А по моему разумѣнью вотъ какъ: я поѣду на ту сторону, особнякомъ отъ васъ, чтобъ не мѣшать вамъ идти въ мысь, къ

Вычегдѣ: тамъ много озеръ найдете, утки есть, да и гуси мѣстами пристають. Александру Иванычу идти къ лѣсу; тутъ около опушки лощина идетъ, по ней тоже озера, утокъ много. Дальше, по лошивѣ пойдете, песокъ къ Вычегдѣ будетъ, гуси каждый разъ тутъ стануютъ; а въ лѣсу водятся рябчики. Дудка съ вами есть?

— Какже, есть; только сиповато что-то пищать, отвѣчалъ Александръ Иванычъ.

— Вотъ возьмите мою, хорошая. Да коли найдете выводокъ рябчиковъ, не разганивайте ихъ очень, хорошенько разглядывайте: они съ подъему саятся низехонько: всѣхъ перебить можно; а какъ будете съ дерева на дерево перегонять, въ вершину забьете, ничего не подѣлаете. Гусей опять найдете, осторожнѣе подбирайтесь. Этотъ народецъ вороватый, мигомъ оглядять. Ну теперь съ-богомъ; да рано не возвращайтесь: по зорѣ-то самая лучшая охота и будетъ; до-позда надо быть въ полѣ. Ономеднись совсѣмъ ужь темно было, мишени невидать, я убилъ гуся.

Издавившись, мы пошли по указаніямъ Абрама, который, отчаливъ лодку и усадивъ въ нее своего Султашку, началъ то-ропливо переправляться на другую сторону Вычегды.

— Александръ Иванычъ! закричалъ я своему товарищу, отошедшему отъ меня уже шаговъ на сто: — вѣдь Абрамъ-то насъ надулъ!

— Какъ надулъ? спросилъ тотъ остановившись.

— Да вѣдь онъ, плутъ, поѣхалъ на ту сторону потому, что гуси должно-быть здѣсь не садятся, а все тамъ.

— Не можетъ быть, садятся и здѣсь: посмотрите какое мѣсто!

— А вотъ увидите, что надулъ; впрочемъ пойдете.

— Эй, Александръ Иванычъ! Александръ Иванычъ! раздался голосъ Абрама, подѣвжавшаго уже къ другому берегу Вычегды: — держитесь все такъ, чтобъ солнце-то въ правое ухо било! чтобы все въ правое ухо! А вы, закричалъ онъ мнѣ, — чтобы все въ затылокъ, въ затылокъ бы солнце-то!

— Ладно, отвѣчали мы и разошлись.

IX

Паралельно съ Вычегдой, на моемъ пути тянулся глубокий логъ, наполненный водой. Правый берегъ лога былъ крутъ и оканчивался хребтомъ или валомъ, за которымъ была лощина настолько низкая, что могла скрывать свободно идущаго по ней человѣка. Я направился по этой лощинѣ, повременамъ выходя на хребетъ и высматривая на логу утокъ, но къ моей досадѣ, ничего не могъ оглядѣть на узкой лентѣ мутной воды, тянувшейся отъ меня въ даль версты на полторы и пропадавшей тамъ въ какомъ-то кочковатомъ болотѣ. Собака моя шла по лощинѣ и искала, но лѣнливо; она видимо скучала отсутствіемъ дичи. Такъ прошолъ я около версты. Выглянувши изъ-за хребта въ послѣдній разъ на логъ, я увидалъ въ самомъ концѣ его нѣсколько черныхъ точекъ. Сначала принялъ я ихъ за кочки, но потомъ, послѣ внимательнаго разглядыванья, убѣдился, что это были утки. Подойти къ нимъ изъ-за вала было удобно и ловко; я подкрался на самую близкую дистанцію, и держа ружье наготовѣ, поднималъ голову. Штукъ шесть или семь кряквеней рылись на берегу, въ грязи, и съ десятокъ плавало ихъ на водѣ, безпрестанно въ нее кувыркаясь. Оглядѣвши меня, утки всполошились и вытянулись. Я выстрѣлялъ въ тѣхъ, которыя сѣдѣли погрудвѣ. Двѣ остались на мѣстѣ; всѣ остальные поднялись и полетѣли въ разсыпную, такъ что, сдѣлавши второй выстрѣлъ въ утокъ, на лету, я свалилъ только одного кряквеня. Удачное начало охоты меня потѣшило: осенняя утка, когда и самецъ и самка, совершенно перелинявши, успѣли одѣться въ свое перо, очень жирна и можетъ считаться всегда за хорошую добычу, которую не побрезгуешь никакой егерь.

Подобравши утокъ, я пошелъ далѣе уже по низменности самаго лога, перешедшаго въ ржавое болото, или лучше—сказать паточину съ мелкимъ кочкарникомъ и мочевиными, поросшими тонкой осокой. Именно такого мѣста давно я искалъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Подобное болото — истинное наслажденіе для охотника на красную дичь, такъ рѣдкую на здѣшнемъ далекомъ сѣверѣ. Бекасъ, дупель, гаршнепъ, курохтанъ, при своихъ перелетахъ въ теплыя страны, большими высынками опускаются

на ржавыя мочевины на роздыхъ, и живы въ моей памяти тѣ счастливыя поля, когда бывало, въ ярославской губерніи, по-павши на подобный высыпокъ, по пятидесяти выстрѣловъ, выпускалъ я въ нѣсколько часовъ, наполняя яхташъ голепастиками. Зырянская же сторона не дала мнѣ подобнаго удовольствія ниразу. Я радъ быль встрѣтить хоть мѣстность съ тѣми признаками, которыя указываютъ на присутствіе красной дичи. Дианка, вступивши въ болото, тоже какъ-будто ожила и перемѣнилась. Вотъ она начала дѣлать крутые вольты, вотъ потянула и картинно остановилась. Сорвался бекасъ, и привѣтствующій двумя выстрѣлами, перемѣстился на другой конецъ лощины. Опять стойка — гаршнепъ; убить; три-четыре вольта — снова стойка, тоже гаршнепъ; и этотъ убить. Изъ густого хохолка осоки поднялись вдругъ два курохтана: одинъ спущень наповалъ, другой повалился съ перешибеннымъ крыломъ. Далѣе — еще бекасъ, еще курохтаны, гаршнепы; и я, не пройдя и половины болота, выстрѣлялъ весь мой запасъ мелкой дробы. Принялся за крупную, но тутъ начались безпрестанные промахи: дичь полетѣла, собака стала горячиться, надо было кончить бесполезное пуханье; я вышелъ изъ лощины на высокій крутой горбъ, которымъ оканчивалась здѣсь окраина лѣваго берега Вычегды, и сѣлъ отдохнуть.

Передо мною открылся удивительно знакомый видъ. Широкая рѣка величаво и спокойно катила свои воды. Круто поворачивая за острый мысъ; обросшій густымъ еловымъ лѣсомъ, она вдругъ пропадала на довольно значительное пространство и потомъ, выбѣжавши снова на первое свое направленіе, свѣтилась своею гляцивитою поверхностью уже вдали, нѣсколькими верстами ниже. На другой сторонѣ рѣки возвышался пригорокъ, обросшій курчавыми кустиками; съ одной стороны онъ постепенно понижался и переходилъ въ ровную, гладкую пожню со множествомъ зырянскихъ зородовъ, съ другой обрѣзывался крутымъ оврагомъ, который рѣзко упирался въ Вычегду, образуя по обѣимъ сторонамъ своимъ остроконечные холмы. Подъ головою праваго холма, подъ высокою курчавою березою, пріютилась маленькая бревенчатая лачужка, съ крышею на одинъ скатъ. Все это было чрезвычайно мнѣ знакомо; точно такую же мѣстность я видѣлъ, но гдѣ и когда — никакъ не могъ припомнить. Вотъ ясно, отчетливо рисуется въ моей памяти такая же

широкая рѣка, тотъ же темный лѣсъ, изъ котораго она выходитъ, тотъ же холмъ, тотъ же оврагъ, даже береза, даже старая хижина, и закатъ солнца, сквозь рѣдкую занавѣсъ тонкихъ облаковъ блѣдно освѣщавшій своими послѣдними лучами бѣдную, но мягкую въ очертаніяхъ, скромную въ краскахъ сѣверную картину.

Но гдѣ же, когда же я видѣлъ эту картину? Какъ ни силіяся я допытать свою память, какъ ни ломалъ я голову, рѣшительно не могъ вспомнить. Должно-быть подобная мѣстность удержалась во мнѣ изъ давнопрошедшаго, изъ далекаго, во всегда живого и впечатлительнаго дѣтства. Иначе я припомнилъ бы по той очень естественной и простой причинѣ, которая кроется въ зрѣломъ возрастѣ, когда на все окружающее смотришь сознательнѣе.

Наступили сумерки, пасмурныя; сырыя осеннія сумерки. И даль, и лѣсъ, и пожни начали мѣшаться между собою, сливаясь во что-то одно цѣлое, тусклое и безразличное.

Въ небольшомъ отъемцѣ хвойнаго лѣса трещали дрозды, перелетая съ одного дерева на другое; гдѣ-то далеко слышенъ былъ стукъ топора да скрипъ весель плавущей по Вычегдѣ лодки.

Вотъ несется стая мелкихъ куличковъ, со свистомъ разсѣкая воздухъ; за ними какъ стрѣла мчится ястребъ; вотъ онъ ударилъ въ самую стаю, но прошибся, взвился на воздухъ, остановился на немъ и однообразно замахалъ крыльями, держась въ одной точкѣ. А кулички полетѣли все далѣе и далѣе и наконецъ пропали изъ виду.

Раздался выстрѣлъ; эхо глухо на него откликнулось. Послышался говоръ гусей, ему вторило карканье цѣлаго стада воронъ, да сильный голосъ всполохнувшейся кряковой утки.

Вотъ надъ лѣсомъ показался какой-то черный движущійся клинъ. Гуси летятъ низко, плавно. Я сбѣжалъ съ холма и спрятался за высокую дуплистую вѣтлу. Стая тянула прямо на меня; я приготовилъ ружье и дожидался съ замирающимъ сердцемъ, съ тѣмъ поглощающимъ волненіемъ, которое такъ понятно въ этомъ случаѣ охотнику.

Но передовой гусь взялъ вправо и вся стая пошла въ сторону. Досадно. Однакожь они какъ-будто спускаются. Вотъ залез-

тѣмъ за кустъ, промелькнули между деревьями, поднялись, сдѣлали кругъ и сѣли тихо, молча.

Я переждалъ нѣсколько минутъ, чтобы дать гусямъ обси- дѣться, передвинувъ одинъ стволъ картечами, другой дробью безъ выстрѣла и пошелъ подбираться. Діанка шла сзади. Между тѣмъ вечерѣло, темнота сгустилась, наступила ночь, звѣздочка засверкала въ небѣ, филины заушались на лѣсу.

Впереди длинная узенькая полоска лѣса. Казалось гуси спустились за него. Тихо подошелъ я къ полоскѣ, осторожно пробрался въ частый осинникъ, который она заросла, и началъ всматриваться.

Широкая равнина пошла тамъ въ темнотѣ. Нѣсколько отдѣльныхъ кустовъ ивыка, да три высокихъ березы, да два свѣтлыя пятна отъ озеръ — только и видны были на всемъ пространствѣ, открывшемся передо мною.

Стараясь оглядѣть гусей, я взлѣзалъ на дерево, припадалъ къ землѣ, прислушивался къ малѣйшему шороху, но ничего не могъ ни увидѣть, ни услышать: темнота поглощала все, и глубокая тишина только и нарушалась однообразно-дикимъ голосомъ филина, доносившемся изъ далека. Я пошелъ наудачу къ одному изъ ивовыхъ кустовъ. Вдругъ собака моя причуяла, круто повернула вправо и повела. Въ это самое время мѣсяцъ, пробившись сквозь облака, бросилъ на пожню блѣдную полосу свѣта. Я легъ на землю, и въ томъ направленіи, которое указывала Діанка, оглядѣлъ огромнѣйшее стадо гусей, бродившихъ по лугу саженьхъ въ семидесяти отъ меня.

Тихо, тихо поволокъ я къ нимъ. Вотъ встрѣтилась рытвина, вотъ маленькій догъ, далѣе пригорокъ; вотъ мышъ шмыгнула изъ-подъ кочка заваливавшегося сѣна, лягушка скочила въ сторону, полуночникъ пролетѣлъ надъ головой, всхлопывая крыльями; я все подаюсь впередъ, осторожно, безъ малѣйшаго шума, самъ не слыша своихъ движеній. Еще далеко, а ужъ сторожевой гусь зыкнулъ, опасность замѣчена; я не выдержалъ и началъ торопиться. Еще поданъ голосъ, затѣмъ еще, звучнѣе и какъ-то рѣшительнѣе — и вотъ все стадо заговорило; пора стрѣлать: иначе гуси свинутся и полетятъ. Вставши на одно колѣно, я вывалилъ наудачу картечами въ середину движущагося чернаго пятна. Съ громкимъ крикомъ и шумомъ поднялись испуганные гуси и скрылись въ темнотѣ.

Прибѣжавши на мѣсто, гдѣ сидѣло стадо, я наизоль уже тамъ мою Діанку. Она возилась съ гусемъ, который въ послѣднихъ предсмертныхъ усліяхъ ползалъ по землѣ. Я отозвалъ ее и послалъ поискать еще; она сдѣлала кругъ, потомъ другой и снова воротилась къ прежнему гусю, лежавшему уже безъ движенія. Убѣдившись, что въ добычу достался только одинъ, я прицѣпилъ его въ торока моей яхтажки и отправился обратно къ банькѣ. На охотѣ я пробылъ въ полномъ смыслѣ до-погода.

Во время возни моей съ гусями я таки достаточно позакружился и не попалъ на обратный путь; чтобы выйти оставалось одно средство: выбраться на Вычегду, и огибая по ея теченію большой несчастьи мысль, добраться такимъ образомъ до баньки. Но и на Вычегду попасть было нелегко. Утвердительно я зналъ въ которой она сторонѣ; однакожь, на половину по соображеніямъ, на половину наудачу, пошелъ вправо. Сдѣлавши около полуверсты, я увидѣлъ въ темнотѣ небольшую почлежнующую баньку, и вскорѣ до меня дошли довольно громкіе голоса разговаривающихъ.

Обрадовавшись, что встрѣтился случай пораспросить о пути, я подошелъ къ банькѣ. Разговаривающіе въ ней такъ углублены были въ свою бесѣду, что совершенно не слышали моего приближенія. Я услышалъ слѣдующее:

X

— Ты, дѣдушка Микита, вотъ что!.. Ты скажи-ко мнѣ какъ это все у васъ тамъ молитвы разныя бываютъ, и стихи всякіе? говорилъ тонкій молодой голосъ. — Ты скажи-ко, дѣдушка, какіе это такіе стихи?

— А много ихъ, дитятко, стиховъ-то, — отвѣчалъ разбитый старческій басъ: — вотъ хоть-бы тевериче стихъ на мученіе и смерть христову, вотъ слушай: «Со страхомъ мы, братіе, слушаемъ⁽¹⁾ божія писанія господнихъ страстей. Пророки проро-

(1) Эти и слѣдующіе стихи и житейскія правила въ большемъ ходу между зырянскими раскольниками всей здѣшней стороны. Мнѣ привелось ихъ въ первый разъ услышать дѣйствительно такимъ случаемъ, какой я здѣсь описываю. Послѣ я досталъ списки, съ которыхъ стихи и правила привожу здѣсь въ совершенной точности, неизмѣняя ни одного слова.

шли за записку дѣтъ; другіе сказали за триста годовъ; во пятый во тысячѣ; во пятнадцати годахъ, рожденіе, мученіе Іисуса Христа: Во мартѣ во мѣсѣцѣ, во послѣднѣи днѣхъ; страстныя недѣли во пятничныи днѣхъ; во святошъ традѣ во Іерусалимѣ плакала; ходила святая дѣва; при ней тогда были три мирошесницы: жены. Во градѣ нмѣ наотрѣчу грядуть два чинадѣ; восплакала, спросила ихъ святая дѣва: «Гдѣ вы, жиды, были? куда грядете?» Что возговоришъ дѣвѣ два жидовина: «Жили мы теперь во Іерусалимѣ; били мы, мучили Іисуса Христа; и съхъ бывши, мучивши, въ темницу сядѣ; во шестомъ часу пятницы раснали его. Въ познѣ и въ длани прибавши гвоздями, въсподѣ положили на: главу его: Мученіи ранами немощно изчестъ; Іисуса копьомъ въ ребра прободали, земля обагрилася отъ крови его.» Услышавъ глаголы нмѣ свити дѣва; она была безъ памяти больше часа; ударилася въ землю, едва бысть живи; жены соблюдали и были при ней застонеть; всмлачеть въ горести своей: «Увы! мать сыра земля! Сыно мой, любезный, надежда моя! Что ты не послушалъ матери своей? Нынѣ вижу, сыне, поруганнымъ тебя. Какое ты дѣло жидамъ сотворишь? О злые ругатели, беззаконные! За какое вы дѣло Іисуса били? Вчера не хотѣла отпустить я тебя; весело поиде на крестную смѣрть. Плачьте, рыдайте, солнце и луна; плачите, стоите, мѣсяць со звѣздами; плачите, стоите, вдовы и сироты: наставникъ, учитель покинулъ васъ всѣхъ. Сыне мой любезный, надежда моя! весело поиде на крестную смѣрть. Нынѣ сердце мое все терзается, суставы и кости разсыпаются, кровию уста мои запекаются! Почто оставляешь едину мя здѣсь? Вкупѣ бы вкусила съ тобою я смѣрть. Кто нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ мя слезъ? Нынѣ Симеона пророчества, сбылися въ истину глаголы его; со страха великаго и со ужаса скрылися; бѣжали апостолы всѣ; едину оставили меня плакати! Кто нынѣ, сыне, поможетъ въ слезахъ? Архангелъ Гавриилъ! помоги ты мнѣ искать радости моея.» И вошла она во гробъ... И Господь проглаголаъ матери своей: «Любезная мати! не плачь обо мнѣ: въ третій дѣнь воскресну, прославлю тебя, радости твоей не будетъ конца.» У божіей церкви, у царскихъ дверей, надвое завѣса раздиралася; древа и дубравы къ землѣ приклонялися, каменіе надвое распадалися; рыданіе слезное услышалъ Господь. Начали трястися небо и земля, солнце и мѣсяць не стали свѣтитъ отъ шестаго часа до девятаго. Со страха великаго и со ужаса жидо-

не признали вѣнкомъ на землю; вѣнч утаса лежали четыре часа. Они окаленные не покаялись; за то ихъ осудилъ Господь въ гнѣвную тьму; мучению, мукамъ не будетъ конца. Со страхомъ мы, братіа, восплачемъ вси о мученіяхъ, страданіяхъ Іисуса Христа... Восплачемся на всякъ день и покаемся; господь-богъ услышитъ покаяніе; за то намъ даруетъ онъ царствіе свое! Радости и веселію не будетъ конца!»

— Ну не зналъ ли, дитятко, ты этотъ стихъ—то? Въ немъ все про Господа да про пречистую дѣву поется; зналъ ли ты эту?!

— Понадѣ, дѣдушка, какъ не понять. Только вѣдь забудешь все; ты бы лучше мнѣ спѣлъ, дѣдушка...

— Спѣть! пожалуй и спѣть можно; отчего же не спѣть? Вотъ стихъ на представленіе свѣта, послушай—ка.

И дряблый, сиповатый, дрожащій голосъ зашѣлъ протяжно и нѣсколько въ нось. Среди пустоплесья и мертваго покоя ночи какъ-то таинственно расходились живые звуки, и слова стиха, пѣтаго на однеобразно—унылый тонъ, производили мрачное и тѣжкое впечатлѣніе на душу.

Голосъ пѣлъ:

«Отца и сына и святого духа, аминь. Слушайте, братцы, послушайте! Приходитъ къ намъ послѣдняя кончина, небо и земля потрусется, солнце и мѣсяцъ потухнутъ, частыя звѣзды съ неба попадаютъ, каменья повалятся. И что на ту ли на трудную землю спускался Михайло архангелъ, на гору Сионскую взбирался; вострубилъ онъ въ трубу золотую, и встали живые и мертвые, и возстали они лицомъ ко западу. Вотъ идутъ они ко Христу, сами плачутъ и не поютъ они стиховъ херувимскихъ.— «Свѣтъ истинный, Христось царь небесный! гдѣ ты намъ мѣстечко присудишь, гдѣ ты намъ рай отворишь?» — «Пойдите прочь, проклятые, въ пропасть подземныя! Какъ на вольномъ свѣтѣ вы жили, другъ друга не любили; братъ брата не уважали, мать и отца не почитали, нищую братью забывали, у коровушекъ удеи отнимали, мѣзъ квашень спорыню снимали! Вонъ вамъ адъ отворенъ, вонъ вамъ адскія двери настожь; и встрѣчаютъ васъ діаволы съ крюками, а сатана—то самъ на адѣ сидитъ.» И встаютъ души праведныя, и встаютъ они лицомъ ко востоку, и идутъ ко Христу веселятся, и поютъ они стихи херувимски.— «Свѣтъ истинный, Христось царь небесный! Гдѣ ты намъ мѣстечко присудишь, гдѣ ты намъ адъ отворишь?» — «Охъ вы мои

христолюбцы! Какъ на вольномъ въ свѣтѣ жили, другъ друга любили, братъ брата уважали, мать и отца почитали, нищую братью не забывали, у коровушекъ улов не отнимали, изъ квашень спорынью не снимали! Вотъ вамъ райскія двери настожь, и встрѣчаютъ васъ ангелы и со крѣльми; а самъ-то Господь на престолахъ.»

— А ты чай, дѣдушка Микита, прямо въ рай попадешь? спросилъ простодушно тотъ же ребяческій голосъ, какъ только кончилось монотонно-грустное пѣніе.

— Охъ дитятко, дитятко! Тяжки прегрѣшенія-то наши; грѣховъ-то больно много... А вишь сказано: «кто что угодовалъ, то и будетъ!» Господи помилуй насъ грѣшныхъ!

— Да вѣдь ты за грѣхи-то умолялъ, дѣдушка? Вѣдь ты все по писаному.

— По писаному-то бы по писаному, дитятко...

— А ну-ка, дѣдушка, спой-ка мнѣ еще какой-нибудь стихъ.

— Какой бы еще тебѣ стихъ-то спѣть? А вотъ слушай, коротенькой, про Егорія :

«Повели Егорія во пилы пилить; у пилъ зубья поломались, у мастеровъ руки отнимались, Егорій-свѣтъ невредимъ стоитъ; онъ поетъ стихи херувимски, онъ гласомъ гласитъ по евангельски: «Не хочу я вѣрѣ вѣровать басурманской, я вѣрю вѣрѣ христіанской, самому Христу небесному и еще пречистой богородицѣ!» Повели Егорія на водѣ топить; онъ поверху воды невредимъ пловеть, херувимскіе стихи поетъ, и гласомъ гласитъ по евангельски: «Не хочу я вѣрѣ вѣровать басурманской; а я вѣрую вѣрѣ христіанской, самому Христу царю небесному и еще пресвѣтлой пречистой богородицѣ.»

— Такіе-то, дитятко, стихи! Да стихи что! стихи ничего; ты коли хочешь по божественному жить, зла всякаго миновать, я пожалуй тебя поучу хорошему и напередъ тебѣ это отъ меня старика пригодится.

— А скажи-на, дѣдушка Микита, скажи родимой!

— А вотъ соблюдай ты перво-наперво двѣнадцать великихъ пятницъ въ году. Первая пятница на первой недѣлѣ великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ внезапной смертью не умретъ.

«Предъ благовѣщенемъ господнимъ. Кто сію пятницу по-

стивя, тотъ человекъ отъ напраснаго убійства сохраненъ будетъ.

«На страстной недѣлѣ великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ отъ нещириталя сохраненъ будетъ.

«Предъ воскресніемъ господнимъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ отъ скудности сохраненъ будетъ.

«Предъ сошествіемъ духа святаго; Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ отъ меча сохраненъ будетъ.

«Предъ Ивановъ-предтечемъ. Кто сію пятницу постится, отъ убіенія сохраненъ будетъ.

«Предъ Ильинъ-пророкомъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ отъ грозы и потопа сїя сохраненъ будетъ.

«Предъ усупіемъ пресвятыя богородицы. Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ отъ муки вѣчныя сохраненъ будетъ.

«Предъ Кузьмой и Деміаномъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ отъ болѣзни сохраненъ будетъ.

«Предъ Михаиломъ-архангеломъ. Кто сію пятницу постится, того человека имя написано будетъ у пресвятыя богородицы.

«Предъ рождествомъ христовымъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человекъ отца при смерти узритъ.

«Предъ крещеніемъ христовымъ. Кто сію пятницу постится, того человека имя написано будетъ у гроба господня въ животворящей книгѣ.»

— Вотъ, дятячко, ты это помни и почитай, и будетъ тебѣ благо.

— А самъ-то ты, дѣдушко Микита, почиталъ чай всѣ эти пятницы-то?

— До меня-то тебѣ что, родимый! — я старикъ; а вотъ если ты хочешь по закону жить, то и почитай всѣ эти пятницы; да еще вотъ слушай—ко чему я тебя поучу:

«Когда будетъ громъ или блистаніе молніи; тогда помни ангела Аваида, и не прикоснется къ тебѣ дьяволъ.

«Когда встанешь рано, помни ангела Рафаила.

«Когда спать ляжешь; помни своего ангела-хранителя, чье имя носишь:

«Когда начнешь какое дѣло, помни отца святаго, архіепископа Николая.

«Когда идешь до старшихъ, то помни ангела Рауула.

«Идучи на судъ, помни архангела Газрила.»

«Идучи на войну, помани архангела Михаила съ прочими небесными силами.

«Помянувши, прочти молитву: «Услыши мя грѣшнаго, тебя, архангеле, призывающаго на небавсое мое и прости мое согрѣшеніе; и да будетъ твое предстательство избавленіемъ отъ всякаго зла; и сохранюсь я подъ кровомъ благодати твоея, и учини меня причастникомъ бытія царствія божія. Аминь.»

— Вотъ что, дѣдушко Микита, забудемъ вѣдь все это; ты бы меня хорошенько натвердилъ, я бы я сталъ помнить.

— Ну да вотъ и тверди, дитятко, и будешь знать; а теперь сосни-ко.

— Да мнѣ, дѣдушко, спать-то неохота.

— Нельзя не спать, спать нужно, дитятко; ты зажмури глаза, да помани своего ангела-хранителя — и заснешь.

Въ банькѣ смолкло; въ это время я постучался.

— Кто такой? спросилъ старческой голось.

— Отвори, дѣдушко Никита! Мнѣ нужно поговорить съ тобой, отвѣчалъ я.

— Да ты кто такой?

— Да вотъ выйдешь сюда, такъ увидишь.

Слышно было какъ закрипѣли нары отъ ветающаго съ нихъ человѣка, потомъ заунывно заголосила дверь и передо мной явился высокаго роста плечистый старикъ, съ длинною окладистою бородою и широкой лысиной.

— Что те, родимый, надо? спросилъ онъ меня, почесывая колѣнко.

— Да вотъ, голубчикъ, скажи какъ мнѣ попасть въ баньку, что на этомъ мысу, на самомъ берегу Вычегды выстроена — подъ кужлявой такой сосной? Тамъ мои товарищи.

— Это значить въ лысухинскую баню? А вотъ иди все прямо такъ, въ нее я упрешься; да вонъ никакъ огонекъ тамъ мелькаетъ.

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ оченъ слабый огонекъ, чуть-чуть мерцающій въ кровѣшной тмѣ осенней ночи.

— Такъ это огонекъ-то у нея и есть?

— У нея, родимый, у самой у нея; такъ все и ступай прямо.

— Хорошо, дойду теперь; спасибо, голубчикъ.

— Да ты самъ-то откуда? Изъ Усть-сысолы (¹) чтоли? спросилъ меня старикъ.

— Да я оттуда, дѣдушка.

— Т-о-о-о! А какъ меня-то знаешь? Я тебя что-то не признавалъ.

— Да я тебя не знаю, дѣдушка.

— А Микитой называешь! Я Микита и есть.

— Да почему такъ и называю, что слышалъ какъ тебя называлъ твой товарищъ вотъ въ этой банькѣ. Я давнько здѣсь, да не хотѣлъ мѣшать вашему разговору. Кто тамъ съ тобой?

— А это, батюшка, внучекъ; недолѣтокъ мальчѣнко-то, да такой шустрой: все ему расскажи; вишь дошлымъ человѣкомъ хотеть быть. Вотъ мы съ нимъ и болтали тутъ отъ скуки что на умъ взбрело.

Старикъ хотѣлъ прикрыть совершенно постороннюю причину свои душеспасительныя бесѣды, въ которыхъ видимо участвовалъ онъ по внутреннему влеченію, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ святость. Ему можетъ-быть досадно было, что на такое дѣло случился посторонній человѣкъ. Видя, что онъ повернулъ разговоръ всторону и что объ этомъ предметѣ съ нимъ не растолкуешься, я спросилъ только, зачѣмъ они здѣсь, въ этой банькѣ? Прохожіе чтоли?

— Нѣтъ, кормилецъ, мы рыбу лучить прѣхали, да вишь еще раненько, такъ соснуть съ вечера-то часокъ на другой прилегли, отвѣчалъ старикъ.

— Прощай, дѣдушка.

— Съ богомъ, родимый!

XI

— Ну ты! что ершишься? кушъ! закричалъ Абрамъ на своего Султана, который, почувявъ мои шаги, сердито смотрѣлъ въ темноту и ворчалъ.

— Гошъ! гошъ! окликнулъ меня Александръ Иванычъ.

— Гошъ! отвѣчалъ я, подходя къ огню.

(¹) Такъ зовется въ простонародьи между зырянками здѣшній городъ Усть-сысольскъ.

На толстошъ сосновомъ обрубкѣ Абрамъ чистилъ леща; Александръ Ивановичъ рубилъ дрова и подбрасывалъ ихъ на огонь, отчего пламя сперва на нѣсколько секундъ заглушалось, потомъ ярно вспыхивало и поднималось кверху языкомъ.

— Наипочтительнѣйше поздравляю васъ съ богатымъ полемъ! привѣтствовалъ меня В. съ веселой усмѣшкой, изъ чего я заключилъ, что и его охота была недурна.

— Съ полемъ, батюшка, съ полемъ, съ удачной охотой значить! воскликнулъ въ свою очередь Абрамъ.

— Спасибо, спасибо! Ну, а какъ ваши дѣлшки? спросилъ я, сбрасывая съ себя всѣ егерскіе доспѣхи и усаживаясь къ огню.

— А ваши дѣла по пути шли, отвѣчалъ Абрамъ.

— Рыбу-то гдѣ досталъ?

— Рыбу у знакомаго рыбака на утку вымѣнялъ, вотъ теперь знатную уху себѣ скострячимъ.

— Уху! Это хорошо, что ты догадался; ушки поѣсть на чистомъ воздухѣ, послѣ трудовъ тяжкихъ — дѣло вельми-пріятное.

— Я знаю что вы любите, вотъ и добылъ. Знатный лещъ, свѣжій. При мнѣ изъ мережи вынять.

— Ну рассказывай же мнѣ, какъ вы охотились? Александръ Ивановичъ, начинайте свое повѣствованіе.

— Да моя добыча скромная; но ничего, пріятная. Я охотился нынче хорошо.

— Чтоже убили?

— А убилъ я тетерьку, да пару рябчиковъ, да валюшня...

— Это хорошо! Какъ вамъ удалось вальшнепа-то подцѣпить?

— Вѣдь я по лѣсу ходилъ, изъ-подъ ногъ сорвался, я его и хлописнулъ; какъ тряпка!.. — И В. сдѣлалъ выразительный жестъ рукою, досказывающій какъ повалился вальшнепъ.

— Вы спросите-ка Александра-то Ивановича какъ онъ проудилъ глухаря! вы вотъ объ этомъ-то его спросите! сказалъ Абрамъ.

— А глухаря проудилъ, и таить нечего; досада была страшная! Видите: походивши, я значительно проголодался и вздумалъ закусить. Середка пирога была въ яхташкѣ. Я ружье закинулъ на плеча и началъ преапетитно ее убирать, а самъ иду. Сосеки знаете эдакія, мошокъ, болотовинка. Только вдругъ от-

куда ни возмись передо мной огромѣйшій глухарникъ !.. Выбѣжалъ изъ-за кочки и остановился шагахъ въ пятнадцать. Я какъ и ошалѣлъ: въ рукахъ кусокъ пирога, ружье за плечами, не знаю что дѣлать ! А онъ посидѣлъ себѣ довольно долго, да и пошелъ; я схватился было за ружье, да ужь поздно было: улетѣлъ проклятый !

— И подѣломъ, батюшка ! Помните мою пословицу: «что на охотѣ за успѣхи, когда собака ищетъ мышью, а охотникъ шелкаетъ орѣхи !» — подтрунилъ Абрамъ.

— Ну, а какъ твои успѣхи ?

— Мои ? А мои вотъ смотрите ! — И Абрамъ вытащилъ изъ банки связку дичи, состоящую изъ трехъ гусей и нѣсколькихъ паръ утокъ.

— Э ! да это цѣлый возъ дичи. Ну, Абрамъ, знатное поле ! Ты лучше всѣхъ насъ поохотился.

— Охулки на руку не положилъ ; хорошо-то хорошо, а все бы лучше надо...

— Помилуй ! да чего же тебѣ еще больше ?

— Эхъ, батюшка ! еслибъ вы видѣли что гуся-то было — тучи ! Я только перебралъ отъ васъ на ту сторону, такъ сразу и наткнулся на стадо : ходятъ по лощинѣ, подборъ чудный, давай ползти ! Ужъ я ползъ-ползъ, карячился-карячился, добрался до куста, — гуси отъ меня саженьхъ въ тридцати, точно овцы бродятъ и траву пощипываютъ. Дерябнулъ картечами — ни одного ! На подъемѣ еще разъ — тоже ни одного. Полетѣло стадо ничѣмъ невредимо...

— Что же такъ ? Тридцать сажень картечами недалеко ; трудно пропуделять по стаду, замѣтилъ я.

— Не задача ; объ томъ-то я и толкую, что больше бы убить слѣдовало ! Опять какъ вы мнѣ досадили, такъ и сказать неможно.

— Я ? Вотъ это мило ! Какъ я могъ тебѣ помѣшать, если былъ совсѣмъ въ другой сторонѣ ?

— А вотъ какъ. Увидѣлъ я — большущее стадо гусей сѣло за кустъ. Подобрался близко, смотрю сквозь вѣтви : ходятъ кучно, положить можно не одного. Сталъ просовывать ружье, только вдругъ вы какъ-разъ противъ меня на злѣшней сторонѣ — бацъ, бацъ ! Гуси и поднялись, въ летъ изъ кустовъ было нельзя ;

такъ и улетѣли. Окая досада была! Не пощадите, слезы проступили!

— Чѣмъ же я, Абрамъ, виноватъ? Я стрѣлялъ по бекасамъ и вовсе не зналъ, что ты подъ гусями.

— Конечно не зналъ, грѣхъ ужъ такой; невзначай досадили; ну да ужъ и я же двумъ здѣшнимъ охотникамъ насолилъ!

— Какъ насолилъ?

— Иду, знаете, лощиной такой. Ужъ гусь да пара утокъ были убиты у меня. Иду да посматриваю на отпесокъ (мысомъ такимъ вдаюся въ Вычегду): нѣтъ ли, думаю, гусей? Пристаютъ они на эдакихъ мѣстахъ. Впереди меня горбъ. Варугъ откуда ни возмись тройка шилохвостовъ прямехонько на меня такъ и дерутъ; я въ поперечь—баць по одному!—скатился; баць по другому—лежить; а изъ-за горба-то саженьхъ въ сорока отъ меня, какъ оболочко, гуси и поднялись. Вижу и два охотника встаютъ: Пашка, да Ванька Коданевъ; рожи вытянулись дрянныя такія, постыныя. «Ну, говорятъ, Абрамъ! какъ же ты насъ обидѣлъ: съ полдень, говорятъ, подъ гусями лежимъ; а ты—на-ко поди!—спугнулъ!» — «Да черта ли же вы тутъ дѣлали? отчего не стрѣляли?» спрашиваю. — «Мы, говоритъ, все ждали, чтобы погруднѣе сошлись; а тутъ вдругъ тебя и выдернуло!» — «Коли ждали, молъ, такъ сами виноваты: стрѣляли бы, благо подобрался такъ близко.» А она къ гусямъ—то были сажень въ десять. Ужъ бранили меня, бранили...

— Еще бы не бранить! Вѣдь ты досадовалъ же на меня...

— Дѣло понятное! Я много съ ними и разговаривать не сталъ, скорѣе прочь; еще въ задоръ взойдуть пожалуй; по загровку наудать. А гуси—то перелетѣли съ версту и опустились на песокъ. Мѣсто я запримѣтилъ и подобрался къ нимъ ловко. Пару положилъ: одного по сидячимъ, да на подъемѣ одного.

— Отчего же охотники не подбегали къ перемѣстившемуся стаду? По всѣмъ правамъ это имъ слѣдовало бы? спросилъ Александръ Иванычъ Абрама.

— Да она какъ ругались со мной, и не замѣтили, что гуси съли. А я что за дуракъ, чтобы сказать имъ?.. Самъ, батюшка, охотникъ,...

— И то дѣло. Теперь ваша очередь рассказывать намъ о своихъ подвигахъ въ сегодняшнее поле, — обратился ко мнѣ В.

Я передалъ послѣдовательно все что уже извѣстно читателю изъ предыдущихъ страницъ.

Между тѣмъ уха поспѣла. Мы усѣлись кругомъ котелка и готовились поужинать.

— А водочки по чапорухѣ вѣдь слѣдуетъ? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Подобаеть для возбужденія аппетита и подкрѣпленія силъ! отвѣчалъ я.

Добыли изъ погребца флягу, и пропустивши по стаканчику, передали Абраму.

— Пошла душа въ рай! проговорилъ онъ, выпивая свою порцію.

Принялись за ужинъ. Уха показалась для всѣхъ удивительно вкусною; молча углубились мы въ опоражниванье котелка.

А надъ нами и кругомъ стояла глухая, темная, тихая ночь. Ни звука, ни движенія, ни малѣйшаго шороха ни на землѣ, ни на водѣ, ни на лѣсу, ни въ воздухѣ.

Много ночей на разныхъ широтахъ Россіи проводилъ я подъ открытымъ небомъ, но не запомню я такой страшной мертвенности, такого полного отсутствія жизни, какое было въ этотъ разъ. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ въ глухую полночь, когда погружается въ сонъ вся природа, хоть какой-нибудь неясный, неопредѣленный звукъ, откуда-то доносившійся, — жужжанье ночной бабочки или жука, глухой гулъ съ лѣсу отъ крику далекаго полуночника, трескъ лопнувшей коры на деревѣ, шорохъ мыши въ кустѣ или тихій всплескъ рыбы, — что-нибудь да изобличало живыя силы; а здѣсь все было мертво какъ въ могилѣ; казалось вся природа перешла въ непробудное одѣпененіе...

XII

— Здѣсь встрѣтилась мнѣ удивительно знакомая мѣстность, Абрамъ, — сказалъ я, разваливъ передъ тлѣющими угольками, послѣ совершеннаго удовлетворенія аппетита ухую.

— Кое мѣсто? спросилъ тотъ, старательно очищая голову леща.

— Да вонъ тамъ за логомъ, на выходѣ къ Вычегдѣ съ

горба : за рѣкою рѣвъ, на крутомъ рѣ этого рва берега, а подъ ней вбушка маленькая...

— А, знаю, знаю! Эдакое мѣсто, какъ изъ рѣпки вырѣзанное похожее, есть на Шекснѣ близъ села Развалаева, гдѣ вы жили маленькій, годовъ шести ; вотъ оно вамъ и памятно.

— А бабушка подъ березой ? И она что-то мнѣ мерещится.

— А бабушка подъ березой такая же была и тамъ у рыбака дѣдушки Михея ; помните — такой старикъ высокой, сѣдоловый, съ большой плѣшью ; еще рыбу къ вамъ на домъ нашивалъ. Дѣдушку Михея я знавалъ хорошо ! И-и какой старикъ былъ умный, царство ему небесное !

— Пстой, Абрамъ : съ нимъ случилась какая-то исторія, дочь погибла... что-то такое страшное было.

— Да, батюшка, страшное съ нимъ было. Исторію эту я знаю всю до поготка.

— Расскажи, Абрамъ, пожалуста ; мнѣ помнится что-то неслсно.

— «А вотъ слушайте. Дѣдушка Михей былъ крѣпостной помѣщика Н. Старикъ онъ былъ суровый, умный, уважаемый старикъ, при развалаевскомъ приходѣ старостой церковнымъ двѣнадцать годовъ служилъ. Остался онъ бобылемъ, выстроилъ поблизости села хату, поселился въ ней съ дочкой и началъ рыбачить. Дочка его, Авна Михевна, Волга была дѣвка : полная, высокая, бѣлая, статная, идетъ точно лебедь плыветъ ; изъ всего села дѣвка ! Эдакихъ хорошихъ дѣвокъ я ни допрежь, ни послѣ не видывалъ, да кажись и не увидишь никогда. На рѣчахъ умница, въ хозяйствѣ рачивая, старательная ! Знатная была дѣвка ! Жениховъ куча сватались и съ воли было много ; да за вольныхъ выходить и думать было нечего : баринъ не позволилъ бы ; ну, а за своихъ нехотѣлось ей чтоли, или по сердцу не приходилъ ни одинъ, — незнаю ужъ ; только не торопилась она замужъ. Такъ старикъ съ дочкой и жили, ни о чемъ не тужили, хорошо и покойно. Онъ ѣздилъ на рѣку ловить рыбу переметамн, самоловами и канатами ; она мастерица была мережи вязать, пливски сучить, во всемъ была правой рукой отцу, подмогой доброй.

«У Н. лакей былъ Семень, дѣтина ражій, съ лоскомъ. Грубое слово своему барину сказалъ онъ чтоли, или тамъ простунокъ какой сдѣлалъ, только сослалъ его Н. на Развалаево

за какую-то провинность. Семеть поселился у своихъ родственниковъ, началъ себѣ жить да поживать, да къ дѣдушкѣ Михайю частенько похаживать. Вишь Анна крѣпко пришла ему по сердцу, онъ и сталъ увиваться около дѣвки, какъ тыль около тычипки. А про Анну опять же ничего нельзя сказать было такого, чтобъ въ чемъ видно было ея согласье съ Семеномъ; держала она себя поодаль и особой ласки къ нему не оказывала. Нето чтобъ онъ ей претилъ очень, да и любовь видно особенно не была, а такъ, что—называется «и милъ да не по-сердцу, и хорошъ да не по-любѣ». Прошло у нихъ многолько времени въ томъ, ни въ семъ. Семень сильно вѣззался въ дѣвку и нехудаго. Пошло сватовство. Дѣдушка Михайю те прочь, а Анна сказала: «какъ хочеть батюшка». Написали къ барину. Ни въпоры въ Питерѣ былъ, кружился тамъ, говорятъ, въ неотвѣтъ, отвѣта никакого не далъ; написали вдругорядь, опять никакого отвѣта нѣтъ. Староста поѣхалъ въ Питеръ съ оброкомъ къ барину; съ нимъ приказали. Возвратился; говоритъ, самъ будеть въ развалевскую усадьбу. Вы усадьбу-то помните? Домина ужастенишій, двухъ-этажный, со столбами и съ балкономъ.»

— Чуть-чуть припомню; она послѣ-сгорѣла кажется?

— Сгорѣла. Ну вотъ пріѣхалъ баринъ. Время было великий постомъ, пооставъ пути. Пріѣхалъ, да сразу же и закуталъ. Уго былъ человекъ! Ключъ подалъ сельскимъ бабамъ и дѣвкамъ, пѣлую ватагу ихъ совалъ и пошла изба по горницѣ: пѣсны, скачъ, плясъ, гамъ, крикъ, дымъ коромысломъ въ домъ. Въ это время къ нему и приступу не было; зналъ ужъ, и дѣдушка Михайю зналъ тоже, не смѣлъ просить, пока не устоится, въ разумъ свой влечить не взойдетъ. Черезъ недѣлю времени оправился — и пошолъ по селу шлаться каждый вечеръ, ради здоровья. Въпоры и шпѣ не однажды доводилось его встрѣчать, годовъ четырнадцати ужъ я былъ, помню его хорошо: попадетси вотъшѣ — перекреститься; такой былъ красавецъ писаный пошеломъ изъ ляхани! Высокій, черный, рябой, носъ горбатый и вострый какъ у волжской расшивы. И озороватый же онъ былъ человекъ, большой обидчикъ и придира. Какъ теперь помню, какъ онъ медвѣжатниковъ проучилъ. Видите ли: два нижегородца на Развалеву пришли съ ручными медвѣдями. Село сбѣжалось смотрѣть; особо бабы и мальчишки по глупости своей большое удовольствие находятъ позѣвать на медвѣдя, тащатъ жожакамъ печеного и ва-

репаго, масла и лицъ, всячины. Такъ было и въ ту пору: бабы и ребятишекъ куча набралось около медвѣдей. Началось представленье: стали показывать какъ малые ребята горохъ воруютъ, какъ красныя дѣвицы передъ зеркаломъ сидятъ одѣваются, чистую водицею умываются, алыми румянами натираются; какъ старыя старухи и бѣлолицыя молодухи на барщину идутъ хромаючи, а съ барщины приѣзжаючи — и медвѣдь все это выдѣлываетъ: на барщину идетъ — подпирается палкой, ногу волочить, прихрамываетъ; а съ барщины — бѣгомъ въ прирыжку... Вдругъ откуда ни возьмись, на это самое мѣсто Н. — «Вы, говоритъ жожакамъ, что за народъ такой? Вы, говоритъ, какъ смѣете крестьянъ моихъ смущать, да выѣзжать съ ними надъ баранами потѣшаться? Я, говоритъ, покажу вамъ какъ ходить на барщину! Эй! берите, говоритъ, ихъ, да въ хлѣвъ; да сейчасъ дать знать становому и исправнику; надо проучить хорошенько этихъ бунтовщиковъ.» Тѣ въ ноги. — «Батюшка, говорятъ, помилуй! Мы твоей чести обижать не хотѣли; какіе мы бунтовщики! Отпусти ты насъ Христа-ради, сейчасъ уйдемъ изъ села вонъ.» — «Э, нѣтъ, говоритъ, други любезные! я вамъ дамъ себя знать, вы у меня дешево не раздѣлаетесь! Въ хлѣвъ, говоритъ, ихъ, да медвѣдѣй отобрать, да сейчасъ къ становому.» Вывыди бѣдняги мужики: — «Возьми, говорятъ, съ насъ что хочешь, только отпусти!» Ну, онъ ихъ и облупилъ: какія деньжонки были, полотнишки, даже масло-то, яйца-то, — все обобралъ, бездушникъ, и чистехонькихъ изъ села вонъ прогналъ. А дѣло-то ихъ бѣдное, промыселъ этотъ самый горькій: хоть и съ медвѣдями, а все-равно что нищие, по міру же ходятъ, по копѣйкамъ да по грошамъ собираютъ, во всю зиму-то какихъ-нибудь по полусотнѣ рублишковъ наколотить, и тѣ для obroka. Онъ этимъ не сжалился: выпотрошилъ у бѣднягъ карманы и прогналъ. Вотъ каковъ-былъ сахаръ-медовичъ! А еще баринъ — до трехсотъ душъ крестьянъ у разбойника эдакого было!

— Помилуй, Абрамъ, да вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Ну пусть посылаетъ за становымъ, — противозаконнаго тутъ нѣтъ ничего, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— «Эхъ, батюшка! въ это по-нынѣшнему говорите, а въ тѣ годы было не то; пріѣхалъ бы становой, стали бы орать на жожаковъ два голоса вмѣсто одного, еще больше бы настращали; такъ лучше отступиться отъ грѣха.

«Опять весной съ мужиками охотниками какія штуки выкидывалъ. Мѣста около Разваляева привольныя; утки въ водополу тѣма-тѣмущая, а все держатся около полей. Вотъ крестьяне, у кого ружьишки есть немудренныя, и позалигутъ съ вечера въ межи; особо передъ праздникомъ, когда дичинки—то и для кашницы, и для жарконца хочется. На ночь вся утка сплываетъ къ берегамъ на старую жниву кормиться; охотники и дожидаются, пока вволю до дула налѣзетъ утка по десятку, чтобъ однимъ выстрѣломъ положить нѣсколько паръ. Какъ только прогѣдаетъ Н., что мужички по межамъ разлеглись на сторожку утокъ, и отправится въ поле съ собакой. Песъ у него былъ лагавый страшной величины, Ерусламомъ кликали. Выйдетъ баринъ на самую середину поля, схватитъ своего Еруслама за шворотокъ и давай задувать нагайкой; а герло-то у того было какъ кадка, и заоретъ; а онъ его нагайкой—то еще больше, а тотъ еще лучше; утки и взлетятъ со всѣхъ мѣстъ, вслѣдъ за ними и охотники начнутъ подниматься съ длинными рожками; а Н. покатывается со смѣху: весело, что начудесилъ.

«Пошолъ дѣдушка Михай поговорить съ баринкомъ насчетъ своего дѣла. Тотъ ничего, выслушалъ и какъ быть слѣдуетъ, спросилъ обстоятельно обо всемъ, потомъ пожелалъ повидать невѣсту, Анну Михевну значить. Привелъ старикъ дочку, баринъ взглянулъ на нее и глаза у него замаслились, какъ у голоднаго волка на лакомый кусокъ. «Хорошо, говоритъ, Михай, я подумаю, еще время не ушло; все, говоритъ, устроимъ; ступайте съ богомъ!»

— Постоій, Абрамъ: ты не сказалъ, женатый былъ баринъ-то или холостой? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— «Былъ женатъ, да жену въ могилу свелъ; милостивая, говорятъ, и добрая была барыня, — въ чахоткѣ сгинула; двое дѣтокъ остались, по пансіонамъ распишалъ; мать старуха была, барыня такая высокая, горбоносая, сухая, точно вяленый судакъ, между своими была строгая, на сусѣдствѣ уважаемая: ту почиталъ и побаивался ее. Пристрастье къ церкви старуха имѣла, страшила имѣнія лишить, такъ онъ постоянно былъ у нея на притужальникѣ, при ней и остерегался... Да дома-то она мало жила: по монастырямъ больше, да у дочери; замужъ была выдана въ тверскую губернію за богатаго барина; такъ все больше тамъ

проживала; а когда наѣхала въ Развалово — шолоховый при наѣдѣ засталъ. Хитеръ бѣсъ!

«Пашня насчитывала. Весна въ тотъ годъ была благодать божья: веселая, ясная, тихая. Старуха Н. прѣѣхала въ усадьбу къ сыну съ какой-то богомолкой, трисучкой, да съ блаженными страдальками. Любила, покойница, всѣхъ этихъ фольныхъ людей: Прѣѣхала — и повалилась къ дошѣ неугасимая лампадка; а сама къ хозяйству усерднѣй тайно сдѣлалась: съ утра до вечера въ поле. Дѣдушка Михай къ старухѣ свать насчетъ своей вдовы был. Та неогрѣвъ сказала: «Не мое дѣло; свать всѣхъ у меня завѣдывались; мнѣному, ступай; я, говорить, ни во что сама не вступаю!» Такъ старуха на приемы; онакъ и остался. А Семона все балаганъ; больше любить дѣвку, все худало жь съхъ. Анна же какъ: плахиона, сдѣлала себя пѣсеими; и ни преддникомъ асселъ. Каллада кореновъ, ни о томъ негорюючи; да и горбаты-де правда было: не то лавы; павать; замужества отому больше хетѣтъ; а ей де Семона казался; и дѣла шивагого не было; аичего; все нме по нуту, и дѣла шива; во всемъ своемъ желаньи.

«Баринъ жалѣлъ кремень на Анну трюю сталъ закидывать; смущалъ ее подарками, подсылалъ Михайлуху (старуха такъ на себя звала, семьдесятъ ункъ ей было, а еще ковырентъ смотрѣла старая вѣдма, и всѣмъ этимъ дѣлами мастерица была заправлять); дѣвна не поддавалась, не шла ни на какія приманки; потому; значить, вачести хотѣлось ей жить и худой славы про себя не прокладывать. Варина это сильно занозило; давай онъ дѣломъ вертѣть круто; Семона отослалъ въ другую усадьбу на жительство, а дѣдушка Михай объявилъ, что беретъ онъ его и съ дочкою во дворъ. Такъ бы это дѣло и было, еслибъ не старуха Н. Принималъ на ней дѣдушка Михай и сталъ просить милости. — «Чѣмъ я, доворить, сударыня, прогнѣвилъ барина? Какой я работникъ во дворъ, если кости отъ старости въ плѣтъ сохатыя пересдѣлались и скрипѣть начали? Понимайте, готовя, магушка, заставьте за себя вѣчно Бога молить...» ну и такъ; спросилъ старуху; она сказала: «хорошо!» А ужъ коли сказала это, значить, и будетъ такъ. Ушло Михай. Старуха призвала сына и такъ, говорить, на него зыкнула, что тотъ сразу ошѣлъ; бѣднѣй отъ нея вышелъ; тѣже въ холодной водѣ выкупался; однакожъ, намѣренія своего насчетъ Анны не оставилъ; только другимъ манеромъ дѣло повелъ. Прикинувши онъ шѣкнмъ бѣ-

сомъ и давай за дѣвкою ухаживать : пойдеть ли на охоту или къ полю, старается съ ней встрѣтиться, и какъ-будто это позначаетъ; при встрѣчѣ ласковое слово ей скажеть, пошутить весело, и та ничего, остановится съ нимъ, пошутить и посмѣется : дѣвка была бой, развеселая дѣвка, нисколько не застѣнчивая.

«Поразъ поѣхали мы съ дѣдушкой Михею переметы и-дать, и Анна была съ нами. Дѣдушка сидѣлъ на корнѣ, а подса-живалъ черялковъ на кроучья, Анна была въ веслахъ. Только это мы уставышомъ на рѣкѣ, и дѣдушка Михей спустилъ первый камень, — шеп-са шаса показалась плешочка. Лодочка была такая распахенная, маленькая ; въ ней все развалевскій баринъ и ѣдидь. На корнѣ править приказчикъ его Давидъ Иштычъ (тоже кровешница былъ покойникъ, но тѣмъ будь поновуть, паретъе ему небесное!) въ веслахъ гребеть молодой лавей Андруха, а самъ сидитъ посреди лодки, точно гагара длин-ную-то шею свою вытланулъ. Перешался онъ съ нами и закричалъ Михею : «Богъ помощъ, левъ на разбу!» Михей снялъ шапу и поклонился, Анна тоже поклонилась. Въ это самое время наъ бичевника съ берегу вдругъ поднялась тетерька : барскіи собаки должно-быть ее сполохнули, по берегу бѣжали ; поднялась и потянула на ту сторону прямо черезъ наши головы. Неладокъ вскинулъ ружье и выстрѣлилъ ; тетерка кубаремъ свалилась въ нашу лодку, въ ноги дѣдушки Михею. — «Возьми себѣ на кашницу ! закричалъ баринъ, — а ѣшь за мое здорье.» Анна удивилась адакому лодкому выстрѣлу и посмотрѣла на Н. такое открыто, во всё глаза, потомъ какъ-будто хотѣла что-то сказать ему, закинулась, покрасѣла и ничего не сказала. Прѣхалъ Н., а мы долго еще болтались на рѣкѣ, кидавши переметы, и все дѣдушка Михей подсмѣивался надъ Анной ; дѣвка вдругъ такая странная сдѣлалась, какъ-будто кто ее ошиаралъ кипиткомъ : безпрестанно задумывается, гребеть не тѣмъ весломъ, накинъ нужно, переметь спутала, подманлавшу не сбросила съ лодки, такъ что уже подконецъ дѣдушка Михей закричалъ на нее : «что ты, говорить, думаешь-то?» Ну, она послѣ этихъ словъ какбы и очнулась ненадолго, а потомъ опять въ дуно впала...

— Послушай, Абрамъ : неужели ты думаешь, что Анна любила Н. именно съ той минуты, какъ тетерька свалилась въ лодку къ Михею? спросилъ я.

— А то какъ же? Энамо дѣло съ той самой минуты. Злого вароду, батюшка, много на бѣломъ свѣтѣ. Иныя сухоту пуцають на платно: кто найдетъ платно, у того и сухота на сердцѣ заведется; иныя на цвѣтокъ, на вѣточку черемуховую; есть такіе, которые наговоръ дѣлають на рыбу, на хлѣбъ, на воду, а всего дѣйствительнѣе на птицу. По всему видно, неспроста свалилась эта тетерька въ михееву лодку...

— Если неспроста, Абрамъ, прервалъ Александръ Ивановичъ, — то всего вѣроятнѣе приключиться сухотѣ у дѣдушки Михея, потому что тетерька упала къ нему въ ноги, а не къ Аннѣ?

— Да ужъ вы тамъ какъ ни разсуждайте, а причта въ томъ, что съ той самой минуты дѣвка сильно начала стыскать сердцемъ по Н. И вскорѣ стали говорить въ народѣ, что она къ нему по вечерамъ похаживаетъ, что у нихъ ужъ завелась шурь-муры, и что дѣдушку Михея обо всемъ этомъ скорбь беретъ непроходимая. Прошло лѣто и осень прошла; но зимѣ еще виднѣе всѣмъ стало, какъ Анна ходитъ къ барину и цѣлыя ночи съ нимъ проводитъ. И какъ же она измѣнилась! Узнать ее трудно было супротивъ прежняго: такъ спала она съ лица! Худая стала, блѣдная, рѣчи все такія печальныя, а иной разъ и совсѣмъ отъ нея рѣчей не добьешься. Въ церковь перестала ходить, ни гдѣ на народѣ не показывалась; на посидѣлкахъ во всю зиму не видали ее впряду; совсѣмъ отлученкой какой-то сдѣлалась. Съ весною замѣтно стало, что Аннѣ въ тѣлѣ спорынью Богъ даетъ, забеременила значить. Какъ только узналъ это Н., началъ ее отъ себя отваживать; говорятъ, гонялъ даже, и одинъ разъ Еруслана своего науськнулъ на нее: тотъ укусилъ ее въ ногу. Черствый былъ человекъ! чай на томъ свѣтѣ сидитъ теперь у чорта въ сибиркѣ. Анна же на погибель свою привязалась къ нему всѣмъ своимъ помышленіемъ, души своей не чаяла, протаивала напролетъ ночи у его крыльца да подъ окномъ.

«Какъ теперь помню, около ильина дни было дѣло. Встрѣтилъ я Анну, — идетъ утромъ рано отъ барина. Поздоровался я съ ней, окликалъ было ее, хотѣлъ спросить что-то о дѣдушкѣ Михеѣ: старика давно почему-то невидать было, но она ничего мнѣ не сказала, не поклонилась даже, только посмотрѣла на меня, и посмотрѣла-то таково нехорошо, таково дико. Послѣ слышно было, что въ это самое утро Н. Анну сильно чѣмъ-то обидѣлъ, потаскушкой назвалъ, прогналъ и настрого за-

претялъ людямъ пускать къ себѣ; сказалъ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ нога ея на дворъ барскомъ не была, чтобъ она и на глаза ему нигдѣ не смѣла показываться.

«Дни три спустя послѣ этого, бѣгутъ мальчишки съ рѣки и кричатъ благимъ матомъ; вслѣдъ за мальчишками бабы что-то зашебетали; смотрю — и много народу взбузыкалось, и всѣ бросились что было мочи къ Шекснѣ; побѣжалъ и я. Прибѣжалъ къ перевозу, вижу — большая толпа народу собралась подъ горой, шумять; иные бѣгаютъ около берега, да въ трехъ лодкахъ развѣзжаютъ по рѣкѣ, а Петро, Пятелинъ сынъ (удалой такой былъ дѣтина на Разваляевѣ, отлично плавалъ и нырялъ) спускается около плота въ воду. Спрашиваю, что такое случилось, утонулъ кто-ли кто? Говорятъ, Анна михеева утопилась? Какъ такъ утопилась? — «А такъ, бросилась съ плота, да и утопилась; ребята видѣли.» — «Что за оказія! А дѣдушка Михей гдѣ?» — «А дѣдушка Михей, говорятъ, вонъ тамъ на плоту.» Прибѣжалъ я туда; дѣдушка Михей стоитъ на плоту, противъ него ныряетъ безперечь въ воду Петро. Дѣдушка Михей проситъ его, чтобъ онъ всѣ силы свои употребилъ, сыскалъ Анну, проситъ, и тутъ же указываетъ какъ надо по струѣ тѣло отыскивать, а у самого голосъ такой ровный, такой твердый и покойный голосъ, не воетъ и не стонетъ, только лицо поблѣднѣло очень, бѣлое сдѣлалось какъ писчая бумага, да на ресницѣ крупная, крупная слеза дрожить.

«Долго искали Анну и невода закидывали, но никакимъ способомъ не могли попасть на тѣло. Одинъ разъ тащали было въ неводъ что-то тяжелое, думали что это она; подтащали къ берегу, — пусто; одна только свѣтленькая-пресвѣтленькая сорожечка запуталась было въ чучѣ, да пробилась сквозь ячею и нырнула въ воду. Бабы плели, что это ея душенька была, простилась со свѣтомъ и обратилась опять въ рѣку, гдѣ судилъ ей Господь пробыть до тѣхъ поръ, пока грѣхи ея тяжкія не омоются.

«Уже вечеромъ поздно разошелся весь народъ по домамъ; одинъ только дѣдушка Михей остался на рѣкѣ. Слѣзъ, сердечный, на плоту, опустилъ голову свою сѣдую на локотки и все смотрѣлъ на воду, на то самое мѣсто, гдѣ утонула Анна. Такъ онъ просидѣлъ всю ночь и весь другой день, и опять всю ночь, и

просидѣлъ бы можетъ еще долго, глазъ неспускаючи съ воды, еслибъ его не увели домой...»

— А чтоже, Абрамъ, Н.—то? неужели его совѣсть не мучила? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Захотѣли! Нашли у человѣка совѣсти. Когда ему сказали — Анна утопилась, нисколько злое его сердце не скрянулось, только промычалъ: «утопилась? А! ну ладно, туда ей и дорога, яровата больно была», взялъ ружье, мызгнувъ Еруслану и пошолъ на охоту; вотъ вамъ и вся совѣсть.

— А послѣ-то, Абрамъ, неужели онъ никогда объ ней не вспомнилъ? допытывался В.

— «А вотъ слушайте до чего дойдетъ. Недѣлю спустя послѣ этого поѣхалъ Н. въ городъ. Дорога туда шла черезъ Веригино: большое такое село въ сорока верстахъ отъ Развалева, ниже по Шекснѣ стоитъ. День былъ дождливый и холодный. Проезжаетъ Н. селомъ Веригинимъ и видитъ у старостина крыльца два тарантаса стоятъ. Спрашиваетъ: «кто здѣсь такой?» Говорятъ исправникъ, становой, стряпчій, лекаръ, — временное отдѣленіе значить. Все это люди свои Н., приятели закадычные; приворотилъ. Входитъ въ избу, а тамъ стоитъ пиръ горой: всѣ ужь подъ порядочнымъ хмѣлкомъ; особо исправникъ да становой молодцы были выпить: какъ бывало съѣдутся, такъ ужь каждый разъ какъ стельки и накатятся. Исправникъ былъ человѣкъ такой высокій, тучный, обрюзглый, плѣшь у него сіяла какъ солнце, говорилъ онъ громко и слюнями при этомъ брызгалъ и носомъ присвистывалъ. А становой низенькій; рыженькій; волосы у него были коротко выстрижены и стояли на головѣ щетинкой; глаза такіе большіе, сѣрые и всегда гноились; въ рѣчи былъ частоплетъ и заяка; пятого слова ужь у него бывало никогда не поймешь: заикнется, губу нижнюю вытянетъ, глазами поведетъ, хлѣбнетъ водки и ужь тогда только справится, будетъ говорить порядкомъ, а потомъ опять на пятомъ словѣ заикнется, опять за водку; такъ все и пробавляется бывало. Исправникъ со становымъ, когда выпитши, превеселые люди дѣлались и большой руки проказники. Помню я, какъ-то были они въ Развалевѣ на слѣдствѣ, порубку кажется свидѣтельствовали. Иду я, знаете, полемъ; вижу на одной лошади два человѣка ѣдутъ верхомъ. Лошаденка такая тощая, одеръ-одромъ, едва двигаетъ ноги; а они-то ее хлѣ-

шутъ по чомъ въ поплаю. Кто-бы это, думаю? Кажется на въ сельскихъ, по барски одѣты? А это шальные исправникъ со ставновымъ! И какъ же угораздило ихъ устѣться: одинъ исправникъ-то, какъ и слѣдуетъ быть, лицомъ впередъ, къ голове; а ставновой-то лицомъ къ хвосту, держится за него одной рукой, а другой клячу-то такъ и наяриваетъ, такъ и наяриваетъ. Повстрѣчался я съ ними, не могъ утерпѣть, покатила со смѣху; а исправникъ кричить: «Что ты, дуракъ, смѣешься? Не видишь развѣ — какъ мы путешествуемъ!» Ну и шло же онъ оба тогда были! — Вотъ хорошо. Входитъ Н. въ избу. На столѣ самоваръ бурлитъ, исправникъ со страичимъ пунищъ расшаваютъ. Ставной съ своимъ писмоводителемъ да съ лекаремъ задуваются въ карты. Декаръ этотъ былъ изъ вѣмцовъ. Я и его хорошо помню: на низенькихъ ножкахъ такой пузатенькой человѣчикъ, въ бѣлыхъ панталонахъ все ходилъ, зеленые большія очки носилъ, и еще до простокваши съ сахаромъ да съ корицей былъ большой охотникъ. Всѣ встрѣтили Н. съ радостью, какъ дорогого гостя, съ обниманьемъ, да цѣлованьемъ, и сейчасъ же пуншу крѣпикаго стакавъ ему закатали. Вотъ и пошла у нихъ лясы да балясы, тары да бары, да дешовые товары; спрашиваютъ развалевскаго барина: «Куда-моль ты ѣдешь?» — «Въ городъ, говоритъ; а вы зачѣмъ здѣсь?» — «Да вотъ въ дѣду, говорятъ: утопленницу съ подозрительными признаками прибило на песокъ къ Веригину, такъ слѣдство производить прѣхали.» — «Утопленницу? спрашиваетъ Н.: — да во моя ли это дѣвка, прераспутная была, съ недѣлю тому назадъ утопилась въ Развалевѣ, дайте взглянуть?» — «А вотъ, говорить, сейчасъ Карлъ Адамычъ булетъ натомить ее, увидите.»

«Какъ время-то стояло дождливое, то тѣло съ берегу перенесено было въ избу, — черезъ сѣни отъ той избы, гдѣ временное отдѣленье помѣщалось; всѣ и взошли въ нее. Н. взошолъ со стаканомъ пуншу въ рукахъ и съ цыгарой. Трупу лежалъ на рогожкѣ, посинѣлый; вдуло его страшнымъ манеромъ, и сирадомъ несло непомѣрно. На лбу была глубокая-преглубокая рана: видно она, сердечная, бросившись въ воду, ударила съ размаху головой объ тычку. Н. заглянулъ трупу въ лицо и сразу же призналъ Анну: «Она, говоритъ, и есть; отъ ее всучило!» Отшолъ къ сторонѣ, и какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ себѣ прихлебывать изъ стакана и покуривать дыгару. На-

даже и потонуть, рѣзаетъ и краситъ тѣло барской влюбленницы. Въ гавани Н. вынули изъ нея собственнаго ея ребенка, а она, проваливъ нераскаленный, хоть бы бровью пошевелила, хоть бы отвертелась!.. Только и было, говорятъ, что судорога губы свела на одну минуточку; а те все стоялъ покойно, поглядываясь собою такое равнодушно; прихлебывала изъ стакана пуншъ, да цыгару курить: антъ не престала барыню показывать чувствъ къ хололкѣ! — Такъ вотъ, батюшка, какой она была человекъ; а вы еще спрашиваете, мучила ли его совесть за Анну, да вспомнеть ли она ее когда нибудь!..»

— Господи, какія ты вещи рассказываешь, Абрамъ! Неужели все это было? спросилъ въ изумленіи Александръ Ивановичъ.

— Да вѣдь не я же выдумалъ! Все это было въ точности такъ, какъ я вамъ рассказывалъ.

— Чтоже случилось послѣ съ дѣдушкой Михаиломъ?

— А что? Ничего, умеръ съ горя.

— Куда же Н. дѣвался? Жилъ еще это совсѣмъ? предлагалъ спрашивать В.

— Вотъ про Н.-то, батюшка, что съ нимъ послѣ этого случилось, я подробно рассказать и не умѣю. Знаю только, что года черезъ два послѣ всѣхъ этихъ дѣлъ съ Анною умерла горбоносая старуха, мать ея, а потомъ погорѣлъ домъ на Развалаевѣ. Приказчикъ донесъ — отъ божья милосердія; бабы же на сѣбѣ владѣ другія басни: говорили будтобы, что грѣшная душонка Анны страстновала по ночамъ около дома, что плачь и стоны много разъ слышали противъ барскаго набѣста, гдѣ бывало Анна протановала цѣлыя ночи. И въ самыхъ некоехъ-то будтобы огни выдали въ неуказное время, верескъ ребенка слышали, старую барыню на колѣняхъ въ образной на молитвѣ замѣчали. Въ домѣ-то послѣ ужъ никто не жилъ: пустой стоялъ и окна были заколочены, такъ и плели, что въ немъ чудится. А въ ту ночь, какъ ему погорѣть, — случилось же это какъ-разъ въ годовину по Аннѣ, — видѣли сѣдого старика, украдкой къ дому пробирался; всѣ подумали на дѣдушку Михаѣ. Потомъ будтобы и Анну видѣли; тѣмъ и положили, что мертвецъ домъ сожгли. Старая Ульяна, такая дешмая женщина жила на Развалаевѣ, у киевскихъ чудотворцовъ семь разъ была, къ словесникамъ ходила, — она при всѣхъ рассказывала, что собственными глазами видѣла, какъ душонки дѣдушки Михаѣ и Анны во время пожара подни-

лись въ пазухахъ добы... И мало ли чего про бабвали дѣла рѣчай: не переслушались! А чинимъ дѣломъ дѣла—тѣ и въ самомъ дѣлѣ не могутъ сгорѣть отъ божья милосердія; поэтому: грѣхъ въ ту ночь была большая. Могутъ и то, что: водоукладъ самъ преставился: не въ своихъ расчетахъ... И: какъ-только узнали, что дѣла погорѣли,сейчасъ же прикатали на Развалово, заперли всѣхъ баринскихъ крестьянъ на: оброкъ: и: удалбу: по рѣшили и опять возвратились на: житье въ Питеръ. Былъ: по томъ слухъ, что: онъ поступилъ на службу, гдѣ: на: немъ: сели: следится съ нѣмецкой, въ какое-то чиневники... —

— Въ таможенныхъ чтоли? спросилъ В... —
 — Не знаю ужъ; должно-быть что-такъ. Врѣкъ: эта: дѣшево: на: оборотѣ: тамъ: на: съ: товаровъ, которые: идутъ въ: тамъ: изъ: нныхъ земель; а безъ пошлины: товары: не: продаются; и: вещь: свое: у: нихъ: тамъ: есть... —

— Такъ, такъ, въ таможенныхъ чиневники: вѣдь; знаю; подтверждать: Александръ: Ивановичъ... —

— Ну такъ вотъ и былъ слухъ, что онъ тамъ: служилъ и: служилъ: что: сначала: хорошо; а: потомъ: замѣтенъ: былъ: начальствомъ: въ: станкѣ: съ: какими-то: жуликами; вродѣ: мошенничества: Товаръ: тамъ: они: потихоньку: спроваживаютъ: безъ: помысловъ... —

— Съ контрабандистами должно-быть; опять: поправилъ В... —

— Кажется что такъ, мудреное такое: слово: съ: ширинь: какъ: не: выговоришь. Когда: замѣтитъ: его: съ: ними; фарисей: будъ: а: И: возьми: да: и: бѣги; да: передайся: этимъ: фамили: / жуликамъ. Долго: съ: ними; поворять; жилъ: онъ: задно; амъ: вотъ: молчали: чали; потомъ: онъ: наткнулся: на: войство: и: полегилъ: тутъ: свое: голову. Такъ: про: него: поелъ: рассказывали... —

— Достойный; конецъ: такому: человеку! глубоко: жалко: замѣнилъ В... —

XIII

Пора было на: вечеръ. Дрова: на: на: на: на: паккѣ: уже: съ: по: горѣли: и: едва: тлѣющая: головешка: густо: шедрулила: шаднее: бѣловатаго: пѣла. Мѣсяцъ: свѣтился: на: сакагу;: одна: рогами: половеца: его: уже: спряталась: за: лѣсъ;: другая: же: высвѣщала: на: за: тарихъ: шедъ: на: на: на: каменъ;: какъ: сонные: зыри:

этой ночью. Недалеко полыхнуло однообразное трещанье пологое и заунывное: бабенья зайца въ лапу, — первая звуки, нарушившие тишину глухой осенней ночи.

Откуда же его косою забираетъ, какія тоны выводитъ! спазгал Абрамъ, прислушиваясь къ залъему бабенью. — Съ полуночи сверкало; пойдете-ка на бжевую!

— Вы почему знаете, что съ полуночи сверкало? спра- саль В.

— Вышь зайца надобнобасть въ лапу: это онъ утробною зррр бжею!

— Будто это зайца? Непохоже что-то! Не ошибаешься-ли вы, Абрамъ? птица можетъ кака-нибудь? возразилъ опять В.

— Вышь зайца говорю — зайца! Ужъ это я доббалинно знаю: потому зайца видѣлъ какъ онъ это выдѣлываетъ. А вотъ какъ я видѣлъ что случилось шнѣ быть на тягѣ валюшней въ даниловскешъ уѣздѣ — въ березовыхъ полоскахъ. Только побзпоздажь я, знаете. Ужъ штуки три было у меня убито, пора бы домой; да еще одинъ валюшень лѣталъ, такъ водумалось его подождать съ волчаска; отоме у тучевой такой ели, да елушаю какъ олочавушко расплррреть. Вдругъ около самого меня: «ва-ва-ва, ва-ва!» и сножкло. Я оглянулся — ничего нѣтъ. Потомъ погода немногосвятъ загосломо; опять осматриваюсъ — опять ничего. А ужъ темненько было; зирн потухала и звѣздочки на небѣ рѣденько свѣтъ глань. Минуточному спуготъ зашбостило что-то въ кустѣ, зайца выскочилъ, матерой тной; присѣлъ подлѣ самого меня, поднялъ переднюю лапу и давай себя колотить по мордѣ, а самъ «ва-ва-ва-ва-ва!» О; думаю, шугукаръ; такъ это ты запущаешь такіе тоны! Прежде, знаете, и слыхивалъ по зорямъ часто этотъ го- лосьтъ и какъ ваше же теперь дѣло, недоумѣвалъ, чей бы это былъ? А вышло вотъ чей, — зайчій. Ну вотъ стою я, не шевелюсъ; лежидаюсъ что будетъ дальше: Долго косою забилъ въ лапу и послѣ каждаго праза въ промежутки встнеть на заднія лапы и прислушивается: Вдругъ другой зайца, самка должно-быть, вы- спочила изъ волосни къ этому и давай съ ннѣ козлы строить: Вѣшали бѣгали и логли другъ противъ дружки, какъ шенки, когда разируются. Въ это самое время откуда ни возьмисъ ли- стья; и крадется иъ ннѣ, и крадется какъ кошка полъ. веро- бжее лъ тучевой глаза-то такъ и сверкають какъ двѣ огненныя попорки. Однѣ косою уздакъ и шмыкнулъ въ кусты. Другой

только приводился на заднія лапы, должно было послушать хотѣлъ, какъ она и съла ему на швертокъ, да тутъ же въ одну минуту и свернула его...

— Чтѣе ты не отряпалъ по лись-те, Абрамъ, какъ все это перады тебѣю происходило? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Эхъ, батюшка, да вѣдь я жѣ говорю вамъ, что это случилось на татѣ вальмовой, значить ружье было варажено бекасинникомъ; а бекасинникомъ-то ей ни рожна не подѣлаешь. Да вальма и не бекасинникомъ, не стала бы отряпалъ: что занапрасно зѣбра губить! Весной лиса клокастая: отеропошъ-отеропомъ, никуда догодная, неопомитъ значить и бить ее.

Вабравшись въ баньку и наладивши на паракъ востадъ, ни улеглись на паръ всѣ трое въ павалу. Александръ Ивановичъ заснулъ скоро, потомъ захрапѣлъ Абрамъ, затѣмъ и я спалъ въ какое-то полудзабытьѣ, въ полусонѣ. Мнѣ было оттого-то тяжело и душно, голова горѣла, въ вискахъ стучало и все тѣло какъ-то болѣвешнее шло. Такого состоянія я никогда на себѣ не испытывалъ: меня клонило ко сну, но лишь только я засыпалъ, какъ неопомѣрною тяжестью начинало давить грудь, дыханіе становилось труднымъ, и при страшномъ замрзаніи сердца всегѣ меня прохватывалъ какой-то невольный ужасъ. Я чувствовалъ, что это воемъ и хотѣлъ пробудиться, но не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языкомъ. Лишь только удалось мнѣ сбросить съ себя сонъ, снова томительная дрожь, снова страшно-тяжелое состояніе сна, сипраніе дыханія, невыносимо-мучительное страданіе въ сердцѣ и боль во всемъ тѣлѣ.

Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ уснуть здеровымъ крѣпкимъ сномъ я вышелъ изъ баньки на свѣжій воздухъ, который сейчасъ же оживилъ меня и я почувствовалъ себя хорошо.

Ночь все еще была очень темна, звѣзды заволокло облаками; только едва замѣтный свѣтъ утренней зари, предвѣстникъ наступающаго дня, протянулся на востокѣ узенькой красноватой ленточкой. Не Вычегда въ разныхъ направленіяхъ путешествовали огни, отражалась въ водѣ длинными морозацкою полосами. Ихъ медленное движеніе безъ звука, безъ малѣйшаго шума, среди черной, тихой ночи, представляло изъ себя какое-то чудесное, таинственное явленіе изъ сверхъестественнаго міра. Вотъ дѣлалъ спомъ ярнаго пламени тихе волость ономо твое бо-

длиннымъ столбомъ бѣжитъ на другую сторону и острыми, раскаленными иглами вонзается въ берегъ. Вдругъ крутой поворотъ, часть огня заслонена; противъ него обрисовался черный силуэтъ человѣческой фигуры, но одно мгновение — и снова яркѣе пылающей снапъ, сыплющійся искры въ черную тьму.

То развѣжали рыбаки съ дучемъ: способъ добыванія рыбы самый добычливый, общеупотребительный и распространенный между всеми зырянами.

Но диво-дивное творилось въ воздухѣ. Волны неисчислимыя звуковъ неслись на землю, будто шли надъ головою невидимыя дороги, по которымъ путешествовали съ наимовѣрною быстротою несмѣтные полки воздушныхъ странниковъ. Говоръ гусей, свистъ и звонъ крыльевъ несущихся стай утокъ, заунывное курлыканье журавлей, разнородный пискъ куликовъ мѣшался съ произвольными переливами трубнаго лебединаго голоса.

Въ невольномъ изумленіи стоялъ я передъ этимъ дивнымъ явленіемъ птичьяго отлета. Никогда не случалось мнѣ быть его свидѣтелемъ. Я вперилъ глаза вверхъ, но за темнотою ночи ничего не могъ разглядѣть. Между тѣмъ звуки раздавались громче и громче; все плыли и плыли стаи, все гуще становилось ихъ въ воздухѣ, такъ что чувствовалось вѣяніе звенящихъ отъ быстрого полета крыльевъ, какъ-будто надъ головою вились и парили духи.

Вдругъ я замѣтилъ въ темнотѣ, почти около самаго меня, неподвижно стоящую человѣческую фигуру. Подхожу — Абрамъ.

— Абрамъ, это ты? Что ты тутъ дѣлаешь?

— Слушаю и не могу наслушаться, что это такое дѣется тамъ! шопотомъ отвѣчалъ онъ, ткнувши въ воздухъ указательнымъ пальцемъ.

— Да давно ли ты здѣсь?

— Да ужъ давно, еще до васъ. Птицы-то, птицы-то сколько! Господи! сродясь такого чуда не видывалъ.

А свистъ, говоръ, шумъ, какъ-будто на разные голоса пѣлъ самъ воздухъ, все оглушительнѣе и разнороднѣе становился въ ушиныя. Въ этомъ общемъ птичьемъ хорѣ голосовъ слышны были звуки, объ которыхъ трудно было сказать къ какой породѣ дичи они относятся; пѣвчія ли то птицы, водяная ли дичь, или кулики, обитатели болотъ и прибрежныхъ песковъ.

Я пробуждалъ въ баньку и началъ толкать разспавшагося В.

— Александръ Ивановичъ ! Александръ Ивановичъ !

— Что вамъ ? Дайте поспать.

— Полното спать, вставайте !

— Зачѣмъ ?

— Вставайте, вставайте скорѣй ! Пойдите чудо слушать.

— Какое еще тамъ чудо ? Спать хочется.

— Да отстаньте вы съ вашимъ сномъ ! Говорять пойдете !

До сна ли ?

В. поднялся, зѣвнулъ протяжно и громко и наконецъ полѣзъ изъ бани.

— Эка темень ! Какъ рано разбудили ! Гдѣ же чудо-то ? спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ, все еще неприходя совершенно въ себя.

— А вотъ слушайте что въ небесахъ творится. Это совершенно особый мѣръ жизни. Слышите ли, слышите ли какіе тамъ голоса ?

— Э-э ! вотъ что ! Ну это валовой отлетъ. Здѣсь въ это время всегда такъ бываетъ.

— Экъ варить ! экъ тамъ варить, точно въ котлѣ ! проговорилъ Абрамъ.

— Да и ты здѣсь, Абрамъ ! А я тебя и не замѣтилъ. Видалъ ли ты такой пролетъ ? спросилъ его В., уже совершенно отрезвившійся отъ сна.

— Гдѣ, батюшка, видать. И не слыхивалъ даже. Что это, нагонъ чтоли ?

— Какой нагонъ ! Просто дичь съ поморья летитъ въ теплыя страны, холодъ чувствуетъ !

— Да ужь что-то ее безъ числа много ?

— Да потому и много, что птица разная. Вотъ слышишь ли, точно серебряные позвонки бряцаютъ ? Это ржанки летать, — такія маленькія красивенькія курицы, весной встрѣчаешь иногда ихъ на поляхъ, по озимямъ.

— Знаю, знаю ! семенухи по-нашему, сказалъ Абрамъ.

— Ну да, по-вашему семенухи, а здѣсь зовутъ ихъ еще ячменниками. Летать они всегда большимъ стадомъ на ужасной высотѣ и постоянно при этомъ пищать своими серебряными голосками. А чу — и черная утка отпавилась съ сѣверныхъ рѣкъ.

Слышали ли овецъ похожихъ на то, какъ работавши въ глиняныя дулки наигрываютъ? Это ихъ голоса.

— Ну, дичи! ну дичи! И военъ про столько не слылось! Экакая пропасть помѣщается ее на матушкѣ землѣ русской! сказалъ въ изумленія Абрамъ и можетъ-быть сказалъ великую истину...

— Дичи много. Мѣста на поморьѣ удивительныя: много тишастыхъ и чистыхъ озеръ, болотъ, трясинъ, разныхъ потныхъ мѣстъ, иперинъ непроходимыхъ и всякаго придоля, а на отпелдахъ тудные жиры, потому разная птица и любитъ держатся около тѣхъ мѣстъ, — продолжаетъ Александръ Ивановичъ. — Вотъ опять вслушайся—ка какіе звуки: токъ, вточъ какъ да, водоношь, аадра поскрипываютъ: это петрули летятъ, маленькія морскія чайки, сушие, говорятъ, разбойники по своему быстрому полету и ловкости. Ихъ иначе называютъ бурейстниками, потому что поморья всегда предузнаетъ по нимъ бурю.

— Да гдѣ же это такое поморье есть, Александръ Ивановичъ? спросилъ Абрамъ.

— А поморьемъ называется вся сторона, которая идетъ по морю отъ Архангельска и дальше туда по Ледовитому океану: Вотъ бы гдѣ, братъ Абрамъ, поохотиться—то! Рискаивали мнѣ бывалые люди, что это тамъ за охота! Два раза въ сутки дѣлается въ морѣ приливъ и отливъ. Во время отлива образуются огромнѣйшія отмели, покрытыя гдѣ иломъ, гдѣ пескомъ, со множествомъ лужъ и разныхъ ложбинокъ, по которымъ собирается на кормежку утки, гуся, лебеда и разныхъ куликовъ и морскихъ птицъ видимо-невидимо. Особо привольно птицѣ по иламъ, потому море во время отлива оставляетъ на иловой отмели морскихъ червячковъ и разную питательную шмару. Чтобы попасть на отмели, нужно съ берега переѣзжать на нихъ черезъ глубину въ лодкѣ. Худо знающему время морскихъ приливовъ и мѣстность отмелей пуцаться на эту охоту опасно, — можно поцлатиться жизнью: заберешься глубоко въ отмели, застанетъ приливъ, сорветъ съ песку лодку, море начнетъ хлестать убѣгающаго охотника по пятамъ и наконецъ снесетъ въ глубину. Такъ много погубило изъ горячечныхъ. Но между поморами есть много опытныхъ и сметливыхъ охотниковъ, въ случаѣ надо имъ поручить себя; ужь они знаютъ какъ поступать, потому цѣлую жизнь обходятся съ моремъ, понимаютъ всѣ его причуды и не выдадутъ

товарища. Обыкновенно въ вечерній отливъ, передъ зарей, отправляются на отмели. Выберутъ удобныя мѣста, самыя стае-
щица дичи, выкопаютъ ямы и позасядутъ въ нихъ. Птицы по
зарѣ налетаютъ несметнаго количества, особливо много наплеской
утки моряни, гусей и разнаго вида куликовъ. Стрѣльба приво-
дится все въ лѣтъ больше. У поморъ ружья харчистыя, по гор-
ста пороку заешпаютъ въ зарядъ. Какъ въ одакой фузеи дох-
нетъ по летящему стаду, такъ и вырветъ въ пень окошко. Убитую
птицу не собираютъ до самаго окончанія охоты, до тѣхъ поръ
кока поморець не подастъ сигнала, что пора уже съ отмели
убираться на берегъ. Тогда зажигають фанарь, если тихо, лучину,
и ужъ съ огнемъ собираютъ свою добычу; а се въ удачный лѣтъ на-
биваютъ на одно ружье иногда такъ много, что не подь силу че-
ловѣку стащить. Чего, говорятъ, не почувствуешь, въ этой
охотѣ поморчѣ-охотникъ: в радость, когда разноголосая дичь
близится пѣлымъ оболочкомъ, и страхъ, когда море стонетъ и
реветъ! Помору же дѣла нѣтъ до моря. Чудный народъ эти по-
моры!..

И затѣмъ Александръ Ивановичъ началъ Абраму длинный
рассказъ о неустрашимости приморскихъ жителей, о ихъ смѣлыхъ
поѣздкахъ по промышленнымъ дѣламъ на далекіе острова, о зи-
мовкахъ на Новой-землѣ и охотѣ тамъ на моржей и тюленей, о
посѣщеніи промышленниками Калгуева и Вайсача и истребленіи
на этихъ островахъ гусей, лебедей, гагъ и утокъ. Много инте-
ресныхъ подробностей передалъ въ своемъ рассказѣ В., много и
красныхъ словцовъ для эффекту было имъ ввернуто. Онъ видимо
подбиралъ свое повѣствованіе въ томъ содержаніи, чтобъ пора-
зить чудесами охотничью любознательность Абрама и не остаться
у него въ долгу по рассказямъ. А тотъ слушалъ и удивлялся,
ахалъ и хлопалъ руками.

Между тѣмъ разсвѣло на-было. Красно и широко разлилась
заря по небу, заходилъ туманъ по рѣкѣ и озерамъ; а пожни убѣвля-
лись внесемъ перваго крѣпкаго осенняго утренника. Мелкая птица
провалила; только небольшія стаячки курохтаповъ и зуюкъ, то
свиваясь клубкомъ, то разсыпаясь съѣтью, мчались въ южныя
страны съ неизмовѣрною быстротою, какъ-будто торопились они
изъ всѣхъ силъ догнать своихъ улетѣвшихъ товарищей. Огром-
ная же отдѣльная вереница гусей и лебедей видны были во

всѣхъ насправленійхъ. Они летѣли на страшной высотѣ стрѣйваими трехугольниками, громно перекликаясь между собою.

— Не вѣать ли домой, Абрамъ? Утренняя полѣ сегодня не можетъ быть удачно: вся дѣть въ отлетѣ, — сказала я.

— Тоже и я мекаю; да немного-то походимте.

— Походить, пожалуй походимъ; да вѣдь нешапраску будеть.

— А кто знаетъ! «На грѣхъ и курица гихнетъ,» можетъ и убьешъ что-нибудь.

Разрѣшась. Я отправился на тѣже мѣста, промалъ исковерка все болото, гдѣ такъ удачно околѣла вчера на бокасовѣ и курохтаневѣ, обошрл нѣсколько озеръ тинистыхъ и чистыхъ, но не видалъ что-нибудь на вѣра. Около озера Абрамъ подалъ голосъ къ домамъ. Онъ тоже не убилъ ничего; однакъ толкало Александръ Иванычъ, бредущи по-лѣсу, замаловалъ шару рыбчиковъ.

XIV

На возвратномъ пути разговорился о зырянскихъ преданіяхъ. Александръ Иванычъ, какъ мѣстный уроженецъ, хорошо знающій зырянъ, былъ на этотъ разъ нашимъ главнымъ рассказчикомъ.

— Преданіями зырянская жизнь бѣдна, повѣствовалъ онъ. — Одно изъ самыхъ древнихъ, — это преданіе о Ягъ-Мортѣ⁽¹⁾. «Ягъ-Мортъ» значитъ «лѣной человѣкъ». Рассказываютъ объ немъ такъ:

«Въ самыя отдаленныя времена, когда еще зыряне были язычниками, появилась на берегахъ рѣки Кучи, впадающей въ Ижму, страшный человѣкъ; такой человѣкъ, который если по лѣсу шолъ — руками сосны разводилъ, голосомъ говорилъ — буйный вѣтеръ заглушалъ. Ужасную образину имѣлъ Ягъ-Мортъ: обросшее черными волосами лицо, кровавые глаза и медвѣжьи

(1) См. «В. Г. В.» сороковыхъ годовъ ст. г. Мельникова: «Ягъ-Мортъ». Въ изложеніи преданія мы слѣдуемъ порядку этой статьи, исключая изъ нея поэтическія вольности и исправляя ошибочно переданныя мѣста. Мы имѣли случай проверить сказаніе о Ягъ-Мортѣ въ разныхъ углахъ зырянскаго населенія и теперь передаемъ его съ самою точною вѣрностью.

шкура, изъ которой сшита была его дяркина одежда, дѣлая великана похожимъ скорѣй на звѣря, чѣмъ на человѣка. Никто не зналъ откуда явилось изъ берега Кучи это чудовище. Обыкновенно говорили, что Ягъ-Мортъ выросъ вмѣстѣ съ дремучими лѣсами Запечорья и ему была столько же лѣтъ, сколько и этимъ лѣсамъ. Жилъ онъ одиноко, въ непреступныхъ чащахъ, за непроходимыми болотами, и появлялся между зырянскими селеніями только для разбоя и убійства.

«Для нападеній своихъ Ягъ-Мортъ выбиралъ темныя ночи, при этомъ поминалъ деревца и въ общей суматохѣ пожара безчисленнаго, сколько того кроваваго душа его хотѣла. Онъ уводилъ коней, плутокъ, угощалъ съестъ или просто рѣзалъ его на мѣтѣ. Ненавидѣлъ Ягъ-Мортъ на всему живущему доколѣла до того, что онъ часто безъ всякой причины убивалъ встрѣчу, како и поворотнаго, Зыряне, дѣлаленные, изъ терѣнія злодѣйствами разбойника, старались всѣми способами извести его. Они начинали ловить его какъ дикаго звѣря, т. е. строили засады, выкапывали громадныя ямы, — по ничто не помогало. На хитрость Ягъ-Мортъ былъ самъ хитеръ; открытая же схватка съ нимъ была не по плечу робкимъ, мѣшковатымъ зырянамъ; во всемъ Запечорья не находилось молодца, который бы осмѣлился побораться съ нимъ силами. Ктому же Ягъ-Мортъ слылъ въ народѣ великимъ колдуномъ. Оспу, болѣзнями всякия, скотскій падежъ, бездождіе, безвѣтріе, лѣсные пожары, вообще разныя физическія бѣдствія и необыкновенныя явленія природы суевѣрные зыряне приписывали мрачнымъ волшебствіямъ Ягъ-Морта. Онъ овладевалъ стихіями, поворачивалъ солнце, дулу и звѣзды, и по понятіямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародѣя-разбойника и потому онъ чудесилъ себѣ на полной свободѣ въ мрачныхъ лѣсахъ Запечорья.

«Радъ у старшины одного изъ зырянскихъ селеній; прозвалъ безъ вѣсти единственная дочь, красавица Райда. Эда была такая дѣвица, какой еще не видывали между зырянами. Проходила день, два, проходила и третья недѣля — Райды нѣтъ какъ звѣрь! Мать ея заплакала глаза отъ слезъ, отецъ съ женихомъ своей дочки выходили всѣ ближніе селенія, всѣ лѣса окрестныя, но не нашам нигдѣ Райды. Вотъ кликнула кличь, созвали народъ на совѣтъ, объявили свое горе — и всѣ, отъ стараго до малаго рѣшили общимъ голосомъ, что Райдѣ самой негдѣ потеряться. А

что это должно-быть дѣло злого Ягъ-Морта: вѣроятно онъ похитилъ зырянскую красавицу и увлекъ ее въ свою звѣриую берлогу. А на Ягъ-Морта кого просить будешь? Гдѣ на него судъ найдешь? Погибла Райда! Такъ потолковали, попумѣли и разошлись по домамъ, несдѣлавъ ничего путнаго. Но неудовольствованъ такимъ рѣшеніемъ удалой женихъ Райды. Онъ съ прочею молодежью, своими товарищами, снова кликнулъ кличъ, взволновалъ все Запечорье, собралъ нѣсколько десятковъ удалцовъ и въ общемъ совѣтѣ положили вочто бы то ни стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живого или мертваго, извести окаяннаго колдуна или самимъ погибнуть! Составилось ополченіе: ратники вооружились стрѣлами, копьями, пешнями, вилами, кто чѣмъ могъ, и двинулись въ походъ сто противъ одного. Хоть ихъ и много было, но не безъ страха ожидали они встрѣчи съ Ягъ-Мортомъ, съ силачѣмъ, разбойникомъ и колдуномъ. Нѣсколько сутокъ прошло въ напрасныхъ поискахъ злодѣя; нигдѣ онъ не попадался зырянамъ; но они и не думали отступать отъ своего намѣренія; о возвращеніи домой не было и слова. Пошли они на тропу Ягъ-Морта, по направленію къ рѣкѣ Ижмѣ. Долго искали они ее и наконецъ въ темномъ, дремучемъ лѣсу напали на торную дорогу, пробитую чудовищными ножищами колдуна. Зыряне рѣшили, что онъ часто долженъ ходить по этой дорогѣ и засѣли близъ нея, въ густую трущобу лѣса, на угорѣ рѣки Ижмы. Долго ли, коротко ли таились они въ засадѣ, но вотъ однажды видятъ — Ягъ-Мортъ переходитъ въ бродъ рѣку Ижму, прямехонько противъ того мѣста, гдѣ спрятались товарищи. Тутъ вѣрно не одно зырянское сердце ушло въ пятки и замерло тамъ отъ страха, но отступать было уже поздно; зыряне волей или неволей, а должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только Ягъ-Мортъ ступилъ на сухой берегъ — копья, стрѣлы, каменя градомъ посыпались изъ чащи лѣса въ его мохнатую шкуру. Озадаченный первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился, но не отступилъ ни шагу... Онъ грознымъ, кровавымъ своимъ взглядомъ искалъ враговъ въ чащѣ лѣса и измѣрялъ пространство, отдѣлявшее его отъ нихъ, — а удары непрерывно сыпались на его грудь и голову, стрѣлы вонзались въ бока и даже въ лицо... Наконецъ взревѣлъ Ягъ-Мортъ, взмахнулъ тяжелой своей палицей, ворвался въ средину нападающихъ и пошелъ косить направо и налево. А зыряне не отступали, окружили его

со всѣхъ сторонъ, разили разбойника кто какъ могъ — и началось страшное побоище! Ягъ-Мортъ долго, съ необычайнымъ ожесточеніемъ и силою отбивался отъ многочисленной толпы своихъ противниковъ, палица его разможила много головъ, многихъ изуродовала на-смерть, но изнемогъ же онъ и самъ; усталость и раны дотога его обезсилили, что онъ грохнулся на землю. Тогда товарищи схватили Ягъ-Морта, отсѣкли ему руки, грозили снести и голову, если онъ не откроетъ имъ своего жилища. И вотъ обезоруженный и изуродованный силачъ-колдунъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей. Онъ повелъ ихъ далѣе, въ самую глухую чащу лѣса, гдѣ въ высокомъ отвѣсномъ берегѣ рѣчки Кучи выкопана была просторная пещера, убійнище великана Ягъ-Морта. Неподалеку отъ входа въ пещеру, на большой грудѣ разнаго хлама и костей, лежалъ полуистлѣвшій трупъ человѣческой... Это были обезображенные остатки нѣкогда прекрасной Райды. Во внутренности пещеры зыряне нашли множество разной добычи, сложили ее въ кучу и сожгли, а страшный притомъ Ягъ-Морта засыпали землей, забросали камнями и заклали бревнами. Затѣмъ привели обратно своего плѣнника на то мѣсто, гдѣ съ нимъ бѣлись, отрубили ему голову, въ спину забили осиновый колъ, чтобы еретикъ, по зырянскому повѣрью, не могъ встать изъ мертвыхъ, и закопали трупъ разбойника въ глубокую могилу. Такъ рассказываютъ о Ягъ-Мортѣ между ижемскими зырянами, — заключилъ Александръ Ивановичъ, — и до сихъ поръ показываютъ тамъ, близъ свѣтлой рѣчки Кучи, на одинъ курганъ, называя его могилою Ягъ-Морта. Всякій проходящій мимо этого кургана долженъ бросить на него камень, хворостину, палку или что-нибудь, и плюнуть. Это обыкновеніе ведется у ижемцевъ съ незапамятныхъ временъ и обратилось у нихъ въ привычку. Если кто пренебрежотъ этимъ обыкновеніемъ, то тутешные старики какъ-разъ осудятъ: «Не выдать ему добра, говорятъ они о такомъ человѣкѣ: — онъ даже не плюетъ на могилу Ягъ-Морта.»

— Объ этомъ курганѣ, продолжалъ В., — много басенъ ходить въ народѣ и всѣ они основаны на чертовщинѣ. Старики увѣряютъ, что въ прежнее время въ темныя осеннія ночи запоздалые промышленники встрѣчали тамъ какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, видали синеватый огонь, исходящій изъ кургана, и часто слышали страшные вопли завыванія. Бабы особенно вѣрятъ

этими рассказами и боится подходить близко къ проклятой могилѣ Ягъ-Морта.

— Не знаете вы, Александръ Ивановичъ, повторяется ли басня о Ягъ-Мортѣ въ другихъ мѣстахъ Зыряндіи? спросилъ я.

— Вотъ въ томъ-то и статья, что преданіе объ этомъ господнѣ распространено очень широко: въ верховьяхъ Вычегды есть свой Ягъ-Мортъ, объ томъ рассказывается иначе; на Удорѣ, въ яренскомъ уѣздѣ, туда къ Мезеню—свой Ягъ-Мортъ, объ томъ опять свой басня; а отъ Ижмы, выше по Печорѣ, около печорскаго погоста—Ягъ-Мортъ просто значить лѣсовикъ, т. е. лѣшій. Тамъ про него и пѣсня колыбельная поется для неугомонныхъ дѣтей:

• Ягъ-Мортъ выжидъ, кыдзи буръ ковъ,
Ягъ-Мортъ седъ, кыдзи пачъ шомъ.
Эвъ бордъ, чешъ! Ягъ-мортъ коасъ,
Кутанъ-борды — теръ сеасъ!

Это значитъ: «Ягъ-Мортъ высокъ какъ большая ель, Ягъ-Мортъ черенъ какъ цечмой уголь. Не плачь, замолчи! Ягъ-Мортъ придетъ; станешь плакать — съѣсть!»

— Вѣдь съ чего-нибудь да взято же это преданіе о Ягъ-Мортѣ? замѣтилъ я.

— Конечно съ какого-нибудь дѣйствительнаго случая: можетъ въ старину и въ самомъ дѣлѣ быть какой-нибудь силачъ-бродяга, настрашалъ трусливыхъ зырянъ своими проказами, вотъ оно имъ и памятно! — рѣшилъ Александръ Ивановичъ.

XV

Въ это время мы въѣхали въ «Потерля», — въ широкій рукавъ, соединявшій Вычегду съ Сысолой. До Устьсысольска оставалось не болѣе шести верстъ.

— Чу! зыряне поволчьи разывались! Экъ вхъ прорвало! проговорилъ съ досадою Абрамъ, слышавъ какіе-то дикіе протяжные голоса, похожіе скорѣй на вой и причитанье, чѣмъ на пѣніе.

— Что это такое? Это что-то непохоже на пѣсни? спросилъ я Александра Ивановича, вслушиваясь въ нестройныя мужскія и

женскія завыванья, заглушаемыя повременамъ громкимъ говоромъ.

— А свадьба должно-быть! Догонимте, любовытное увидимъ, отвѣчалъ В.

Абрамъ приналегъ на весла; я дружно помогалъ ему съ кормы. Лодка быстро понеслась внизъ, разсѣкая на обѣ стороны журчащую воду. Черезъ нѣсколько минутъ, обогнувши Артемьевскій мысъ, мы вѣхали въ Сысолу. Сверху спускалось до десятка зырянскихъ лодокъ, съ разряженнымъ по-праздничному народомъ. Мы прикнули къ нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ это была свадьба. Везли невѣсту къ вѣнцу. На лодкѣ жениха шла попойка; на чистенькой новенькой лодочкѣ невѣсты пѣлись прощальныя свадебныя пѣсни съ воємъ и всхлипываньемъ.

Покрытая большимъ бѣлымъ платномъ, кивая головой направо и налево и нещадно хлопая себя руками по толстымъ ладнямъ, невѣста пѣла свое *слезное слово*:

Спасъ и пречистая, благословите! (!)
 Боже, благослови
 Полною житницей!
 Отецъ, благослови
 Полной вабирушкой (корзиной) хлѣба!
 Небо, благослови
 Утреннею звѣздой!
 Земля, благослови
 Зеленою травкою!
 Вода, благослови
 Живою рыбой!
 Лѣса, благословите
 Лѣсною птицей!

По-божью я сидѣла
 На чистомъ погѣ;
 По-людскому сидѣла
 На зеленомъ мѣстѣ;
 Подъ ногами, какъ сидѣла,
 Помость быть ..

(!) Это *слезное слово* невѣсты въ большомъ ходу между зырянскими свадебными припѣвами, особенно въ печорскомъ краю. Оно поется порусски и нелюбопытно нѣкоторыхъ поэтическихъ уподобленій, почему мы и приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

Большимъ камнемъ сидѣла
 Недвигаяся;
 Смолянымъ пнемъ сидѣла
 Неотрываяся!
 Охъ! не хотѣла бы я въ вѣкъ
 Отрыватися!
 Желѣзный ломъ меня бы
 Не выворотилъ!
 Человѣкъ отцовскій сынъ
 На домъ пришолъ:
 Его мягкій языкъ
 Поднялъ меня!

На горѣ сѣсть —
 Осыпается;
 На берегъ сѣсть —
 Берегъ въ воду ползеть;
 Средь Вычегды сѣсть —
 Въ Двину несесть;
 На Двину попасть —
 Въ море уплывешь;
 Средь моря попасть —
 Всю жизнь плавать,
 По волнамъ щепкой мыкаться,
 Краевъ не видать!

Я надъ омутомъ сижу,
 Держусь крѣпко;
 Я какъ ель сижу
 Почернѣвши;
 Какъ береза сижу
 Побѣлѣвши;
 Какъ осина сижу
 Пожелтѣвши;
 Какъ сосна сижу
 Растрепавъ вѣтви.
 Ой! сегодняшній день
 Молодое дерево согнулось;
 А согнувшись оно
 Затрещало и сломалось.
 Ой! сегодняшній день
 Воля дѣвичья прошла:
 Красно солнышко —
 Воля дѣвичья!

Свадебный поѣздъ привѣтствовалъ насъ очень добродушно.

Вообще зыряне гостеприимны, разговорчивы и ласковы. Настъ подчивали пивомъ и шаньгами (ячменными лепешками на молокѣ). Абрамъ разрѣшилъ даже стаканчикъ водочки, поднесенной ему дружкою. Дружка былъ молодой, красивый и ловкій парень, хорошій промышленникъ и страстный охотникъ. Онъ рассказывалъ намъ много интереснаго объ охотѣ на оленей и выдръ. Такъ мы, среди разговоровъ и пѣсенъ, свадебныхъ причитаній и добросердечнаго угощенія, незамѣтно доплыли до города.

Ф. АРСЕНЬЕВЪ

РАЗБОЙНИЧЕСТВО ВЪ ИТАЛІИ

Несмотря на положительныя увѣренія многихъ газетъ о скоромъ уничтоженіи разбойничества въ южныхъ провинціяхъ Италіи, это зло какъ-видно пустило очень глубокіе корни и наперекоръ востоянннхъ усилій правительства все болѣе и болѣе озабочиваетъ итальянцевъ, изъ которыхъ многіе попрежнему предлагаютъ самыя крутыя мѣры, надѣясь ими прекратить реакцію въ пользу Франциска II. Англійскій парламентъ далеко не выразилъ сочувствія къ слѣшкомъ строгимъ мѣрамъ, принятымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ противъ сообщниковъ и укрывателей разбойниковъ, и лордъ Д. Россель прямо замѣтилъ даже, что «такими средствами не успокоивается страна и не примиряется народъ съ правительствомъ». Какбы въ отвѣтъ на это, въ майской книжкѣ «Rivista Contemporanea» напечатаны замѣтки итальянскаго офицера о разбойничествѣ въ Италіи, въ которыхъ авторъ, напоминая англичанамъ ихъ недавнія дѣйствія въ Индіи и оправдывая распоряженія итальянскаго правительства относительно разбойниковъ, представляетъ на основаніи официальныхъ и достовѣрныхъ источниковъ весьма интересныя свѣдѣнія о разбояхъ въ южной Италіи съ начала вѣвѣшняго столѣтія.

Изъ этихъ-то замѣтокъ и извлечена болышею частью предлагаемая статья.

Итальянскій народный парламентъ нѣсколько разъ подробно занимался вопросомъ о разбойничествѣ, около восемнадцати мѣсяцевъ чрезвычайно сильно свирѣпствующемъ въ неаполитанскихъ провинціяхъ. Никто не сомнѣвается въ важности этого зла; необходимость искоренить его всѣми признана. Ратацци еще до вступленія въ министерство громко говорилъ въ засѣданіи палаты депутатовъ: «Какова бы ни была цѣль разбойничества, какъ бы оно ни шумѣла реакціонеры, оно конечно не страшно; но прекр-

шеніе его есть важнѣйшая обязанность правительства. Важнѣйшая обязанность не по той только причинѣ, что народонаселеніе неаполитанскихъ провинцій имѣетъ полное право на охраненіе своей жизни и имущества, но и обязанность въ отношеніи ко всей Италіи, потому что никогда не повѣрять, что она стоитъ на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, пока мы не докажемъ, что сами въ состояніи обезпечить спокойствіе всѣхъ провинцій.» При этомъ Ратацци указалъ на двѣ мѣры, ведущія къ достиженію цѣли :

1) дипломатическое обращеніе къ Людовику-Наполеону, чтобы подъ прикрытіемъ французскихъ войскъ не возникали въ Римѣ различные дурные и вредные замыслы, и

2) указать итальянскому правительству, чтобы оно употребило въ дѣйствіе не только національныя военныя силы, но также и всѣ предлагаемыя ему южною частью Италіи средства, какъ-то : національную гвардію и всѣхъ гражданъ, готовыхъ на все, лишь бы уничтожить и разсѣять разбойниковъ.

Вступивъ въ министерство, Ратацци занялся приведеніемъ въ исполненіе предложеній депутата. Касательно перваго пункта онъ скоро убѣдился, что нельзя слишкомъ полагаться на успѣхъ, хотя императоръ французовъ и просилъ папу не принимать въ число своихъ солдатъ разбойниковъ. Относительно втораго пункта, на вопросъ къ генералу ла-Мармора, нужно ли увеличить количество войска въ южныхъ провинціяхъ, министръ получалъ отрицательный отвѣтъ.

Отвѣтъ не понравился неаполитанскимъ ораторамъ, въ особенности Петручелли делла-Гаттина, который утверждалъ, что всѣ средства, до сихъ поръ употребленныя, не только не тушили, но еще разжигали разбойничество. Онъ предложилъ рѣшительное нападеніе на мѣста, гдѣ появится первый зародышъ этого ядовитаго растенія. Хотя Ратацци отвѣчалъ на это, что пока еще не необходимы чрезвычайныя мѣры, но кажется, что этотъ отвѣтъ перваго министра, показывающій его увѣренность въ средства, которыми онъ тогда располагалъ, происходилъ также отъ поверхностнаго знанія дѣла.

Теперь уже положительно доказано, что въ южныхъ провинціяхъ Италіи реакція; скрытая подъ формою разбойничества, держитъ поднятымъ знамя Франциска II и поклялась «возвратить всѣ права Церковной-области и поразить адскаго люцифера Виктора-Эммануила и его соучастниковъ» (1). Всякій день изъ Марселя,

(1) Формула клятвы разбойниковъ. См. «Le notizie storiche sul brigantaggio», di Marco Monnier, p. 74. (Firenze. E. Barbera, editore, aprile 1862.)

Триеста и Рима пріѣзжаютъ агенты вооруженной шайки съ цѣлью поджигать возстаніе и возмущать спокойствіе гражданъ убійствами, грабежомъ и разбоями, надѣясь такимъ образомъ увѣрить Европу въ невѣрности итальянскаго правительства.

Президентъ совѣта совершенно правъ, утверждая, что такое положеніе дѣлъ еще пока не опасно; дѣйствительно разбойничество выражаетъ только грубую оппозицію самой дурной, невѣжественной и суевѣрной части общества. Къ сожалѣнію это грустный фактъ, что бѣднѣйшія провинціи наиболѣе заражены разбойничествомъ. По послѣдней статистикѣ, опубликованной Бурбонами, нищихъ въ Капитанатѣ было въ пропорціи одного на девятнадцать, въ Бари — одного на двадцать-четыре, въ Отранто — одного на тринадцать, въ Базиликатѣ — одного на двадцать-девять. Земледѣлецъ въ Апуліи не выработывалъ болѣе шестидесяти-восьмидесяти сантимовъ въ день; изъ этой платы, которая для менѣе сильныхъ или менѣе счастливыхъ не доходила иногда и до сорока сантимовъ, онъ долженъ былъ оставить еще что-нибудь на нерабочіе дни, воскресью и бесчисленные заповѣдныя праздники. Есть немало такихъ, которые вступали въ шайку разбойниковъ, чтобы запастись хотя маленькою суммою денегъ и затѣмъ возвращались къ своимъ обыденнымъ деревенскимъ работамъ!

Но если опасность еще невелика теперь, развѣ она не можетъ позже увеличиться и сдѣлаться угрожающею? Развѣ шайки разсѣянныя, неуничтоженныя, не могутъ возвратиться въ формѣ болѣе регулярной подъ предводительствомъ даровитыхъ начальниковъ? Тогда можетъ случиться тоже что произошло въ Испаніи во время войны противъ Наполеона, въ которой *соматены*, *микелеты* и пр. сначала были всѣми презираемы и не возбуждали опасеній, но когда Шоріеръ, Реноваллесъ, Мендицабаль, Вилла-Кампу, Мартинъ Діацъ, Доивъ-Жуанъ Санхесъ и друг. собрали бѣглецовъ и стали во главѣ движенія, то заставили дрожать французскія регулярныя войска. Кто незнаетъ страшной борьбы, которую должна была выдержать французская революція въ Бретани противъ шуановъ? И кто же они прежде были? Они были — пишетъ А. Тьеръ въ XXIV книгѣ (1794) «Исторіи революціи» — контрабандисты, оставшіеся безъ занятій вслѣдствіе уничтоженія заставъ, молодые люди, бѣжавшіе отъ рекрутскаго набора. Они не составляли, какъ вандейцы, многочисленныхъ отрядовъ, способныхъ сражаться въ открытомъ полѣ, но бродили шайками въ тридцать или пятьдесятъ человекъ, останавливали курьеровъ, публичныя экипажи, убивали мирныхъ судей, контролеровъ, республиканскихъ чиновниковъ и въ особенности покупателей національныхъ имуществъ. Неймѣя возможно-

сти открытою силою завладѣть странною, икъ цѣлью было препятствовать гражданамъ принимать помощь отъ республики, наказывая покупателей народныхъ имуществъ и моря голодомъ города.

Итальянское правительство, надѣясь имѣть дѣло съ народомъ уже созрѣвшимъ для свободы, не хотѣло бы выходить изъ границъ ея, а не видѣть, что идетъ навстрѣчу большому злу, поддерживая убѣжденіе, что либеральное правительство не въ состояніи обезпечить жизнь и имущество своихъ гражданъ, которые, какъ сказалъ въ засѣданіи палаты Караччіоло, «требуютъ человѣка энергическаго, который не занимался бы политикой въ своемъ кабинетѣ, во сѣль бы на лошади, изучилъ мѣстность и собралъ бы нужное количество войска».

Конечно, исходъ борьбы несомнѣненъ, но несомнѣнно и то, что наступаетъ необходимость уничтожить въ скорѣйшемъ времени разбойничество, какъ обстоятельство, мѣшающее Италіи упрочить новое положеніе дѣлъ; но это возможно только въ такомъ случаѣ, если правительство обратитъ особенное вниманіе и приметъ энергическія мѣры противъ укрывателей и сообщниковъ разбойниковъ. А до тѣхъ поръ военныя силы, нужныя для будущей неминуемой войны съ Австріею, истощаются въ недостойной борьбѣ.

Незная основательно дѣла, многіе кричали о жестокости и несправедливости изданнаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ декрета, угрожавшаго смертью всѣмъ, кто доставитъ средства или убѣжище разбойникамъ. Лордъ Дерби, бывшій министръ Великобританіи, который въ 1859 году грозилъ соединиться съ Австріею противъ Италіи, прямо сказалъ въ засѣданіи лордовъ: «Нельзя безъ ужаса подумать о системѣ, опустошающей цѣлую область, разоряющей дома и всю тяжестью падающей на невинныхъ крестьянъ, подвергающей ихъ разстрѣліанію безъ суда за то только, что въ ихъ домахъ находятъ болѣе припасовъ, чѣмъ необходимо нужно на одинъ день.» А лордъ Россель, вполне соглашаясь съ графомъ Дерби, прибавилъ, что «такими средствами не успокоиваютъ страну и не примиряютъ жителей съ правительствомъ». Д'Израэли замѣтилъ, что «хотя разбойники дѣлали жестокости, заставляющія всякаго содрогаться, но это не даетъ права высшимъ правительственнымъ лицамъ слѣдовать ихъ примѣру и истить на невинныхъ прощупки виновныхъ».

Конечно, еслибы вещи происходили такъ, какъ они представлены членами англійскаго парламента, — говорить «Rivista», — то нельзя бы было опровергать его сужденія. Но какъ нѣтъ другого способа прекратить разбойничество, какъ только отнявъ всѣ средства укрывательства, то развѣ можно считать безвинно виновными тѣхъ,

кто доставляетъ разбойникамъ всѣ запрещенныя средства? Нѣтъ никакой надежды уменьшить зло, пока не найдутъ средствъ прекратить сообщничество. Крестьяне, горцы, доставляющіе разбойникамъ припасы, убѣжище и даже свѣдѣнія о движеніи войскъ, тѣмъ самымъ дѣлаютъ бесполезными всѣ труды этихъ войскъ.

Какъ выраженіе понятій народа, замѣчено, что на разбойничество въ южныхъ провинціяхъ еще и теперь смотрятъ какъ смотрѣли во времена, когда писалъ Валери, т. е. какъ на родъ рыцарства: оно не только не считается безчестнымъ и постыднымъ въ общественномъ мнѣніи, но напротивъ средствомъ поправиться невѣстѣ, которая очень любитъ, если ея будущій мужъ провелъ нѣсколько времени между разбойниками въ горахъ. Въ странѣ, гдѣ крестьяне вполне вѣрятъ, что всякая собственность есть кража, — понятно, что они не могутъ косо смотрѣть на разбойника, который грабитъ и сожигаетъ чужія имущества. Теорія, которая тамъ господствуетъ, совершенно сходна съ теоріей бандитовъ въ Сардиніи, о которыхъ Брешиани рассказываетъ, что они однажды явились къ архіепископу Сессари и сказали ему: «До этого часа мы не считаемъ себя преступившими заповѣдь божию, похищая чужихъ коровъ, агнать, свиней и овецъ по мѣрѣ надобности. Потому что такъ какъ промыселъ божий одинаково милосердъ ко всѣмъ своимъ созданіямъ, какъ же онъ потерпѣлъ бы, чтобы пастухи въ Галлури владѣли пятью-стами, иные восемью-стами и тысячею овецъ, тогда какъ у насъ нѣтъ даже маленькаго стада въ сто овецъ? Поэтому если мы хитростью или храбростью отнимаемъ у нихъ нѣсколько сотенъ, то этимъ хотя отчасти поможемъ справедливости божескаго распредѣленія» (*).

«Такими способами не успокоивается страна, не примиряются граждане съ правительствомъ», сказалъ Д. Россель. Но если жители южной Италіи хотѣли бы упрекнуть въ чемъ-нибудь итальянскихъ министровъ, то упрекнули бы конечно не въ излишней строгости, а въ излишней кротости. Когда землевладѣльцы видятъ какъ жгутъ ихъ жатвы, угоняютъ стада, когда они принуждены сотнями дукатовъ выкупать свою жизнь или своихъ дѣтей, то сами первые просятъ правительство освободить ихъ отъ этихъ бѣдствій, первые совѣтуютъ, громко требуютъ строгихъ мѣръ. Самый популярный генералъ этой страны, особенно въ Капитанатѣ и Аbruццахъ—генералъ Фердинандъ Пинелли, потому что онъ, разогнавъ нѣсколько шаекъ разбойниковъ, былъ такъ же строгъ и къ ихъ сообщникамъ.

(*) Descrizione dell'isola di Sardegna, vol. II, p. 113. Napoli, 1850, tip. Androsio.

Когда появились въ свѣтъ подлинныя мемуары генерала Манкса, страшлища разбойниковъ въ царствованіе Іоахима Мюрата, — то единодушный, общій, какъ въ Неаполѣ, такъ и въ другихъ провинціяхъ, былъ совѣтъ генералу Чіальдини—слѣдовать его примѣру. Издатель этихъ записокъ, имѣвшихъ неслыханный успѣхъ, потому что онѣ отвѣчали общимъ желаніемъ, рѣзкими словами казнить слабость и потворство въ отношеніи разбойниковъ.

Іоахимъ Муратъ хотѣлъ противостоятъ общественному мнѣнію и попробовать средства болѣе мягкія, но послѣдствія не оправдали его надеждъ. Щедрыя амнистіи, обезоруживая добрыхъ, придавали бодрость злодѣямъ, которые, получивъ прощеніе, снова возвращались къ разбоямъ и убійствамъ.

Населенія въ одинъ голосъ умоляли дѣйствовать энергичнѣе; наконецъ Джіоваккино послалъ въ взволнованную страну отрядъ въ 25,000 солдатъ, которые, сражаясь съ разбойниками какъ съ регулярными войсками, не принесли никакой пользы.

Отъ этого періода разбойничества осталось извѣстнымъ своею жестокостью имя Парафанте. Слѣдующій простой расказъ можетъ объяснить что онъ былъ за человѣкъ. Онъ узналъ, что одинъ линейный батальонъ подъ командою офицера, открытаго врага разбойниковъ, долженъ былъ въ извѣстный день отправиться въ Козенцу. Парафанте, какъ рыцарь, послалъ офицеру вызовъ, назначивъ часъ встрѣчи и мѣсто, называемое Лаго, на дорогѣ вѣдущей изъ Козенцы въ Ролияно. Офицеръ посмѣялся вызову и не обратилъ на него вниманія. Когда же отрядъ пришолъ къ одному ущелью, вдругъ съ вершинъ горъ посыпались на него съ страшнымъ трескомъ и шумомъ огромныя камни и градъ ружейныхъ выстрѣловъ и перебили почти весь отрядъ, изъ котораго только двадцать-пять солдатъ и два офицера, Филанджіери и Гварасси, остались живы. Парафанте велѣлъ ихъ привести къ себѣ.

Растянувшись подъ деревомъ, окруженный многочисленною свитой разбойниковъ, онъ пристально посмотрѣлъ на плѣнниковъ и самымъ тихимъ голосомъ сказалъ имъ:

— Меня, солдаты, очень сокрушаетъ ваша участь, и я съ радостью освободилъ бы васъ, еслибы этому не мѣшало объѣтъ, данный мною сн. Антонію, никогда никого не щадить. Но зная, что вы сражаетесь не по своей волѣ, но по неумолимому закону конскрипціи, я готовъ васъ помиловать, но только съ тѣмъ, чтобы вы доказали ваше раскаяніе и умертвили сами вашихъ двухъ офицеровъ.

Солдаты окаменѣли отъ ужаса и визачто не хотѣли запятнать себя невинной кровью; но наконецъ, убѣжденные самими офицерами, видѣвшими, что ихъ собственная казнь неизбежна, и желавши-

ни по крайней-мѣрѣ спасти солдатъ, рѣшились совершить ужасное убійство.

Еще оба офицера находились въ предсмертныхъ мукахъ, какъ Парафанте указалъ своимъ на оставшихся солдатъ и они немедленно были убиты самымъ безпощаднымъ образомъ.

Наконецъ Мюрать, прѣдя въ ужасъ отъ подобныхъ жестокостей, поручилъ трудное дѣло уничтоженія разбойничества молодому Манхесу, имѣвшему тогда тридцать-два года, извѣстному своею храбростью и неутомимостью при укрощеніи разбойниковъ въ Абруццахъ.

9 октября 1810 года Манхесъ издалъ свой первый приказъ. Такъ какъ онъ зналъ, что священники старались уничтожать и дѣлать безполезными всѣ мѣры правительства, то возложилъ именно на нихъ обязанность, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, дѣйствовать на народъ проповѣдью и увѣщаніями.

Приказанія Манхеса опредѣляли: 1) чтобы по распубликованіи именъ разбойниковъ, въ каждой общинѣ граждане должны были ихъ задерживать; 2) всякій способный къ оружію долженъ вступать въ военную службу; 3) за сношенія съ разбойниками грозила смертная казнь.

Тотчасъ по окончаніи сельскихъ работъ Манхесъ началъ свои поиски. Приказанія его исполнялись съ замѣчательною точностью. Изъ трехъ тысячъ разбойниковъ, наводившихъ Калабрію въ началѣ ноября, къ концу декабря не осталось ни одного. Манхесъ говорилъ, что еслибы всѣ его приказанія вездѣ были такъ же строго исполняемы, то было бы достаточно десяти дней для водворенія спокойствія.

Однако въ мѣстахъ болѣе глухихъ и отдаленныхъ нѣкоторые изъ разбойниковъ спаслись какимъ-то чудомъ отъ общей участи. Манхесъ не уставалъ ихъ искать, строго наблюдая, чтобы имъ не доставляли жизненныхъ припасовъ; сообщники преслѣдовались имъ съ равною и даже еще большею строгостью, чѣмъ сами разбойники.

Округъ Кастро-Виллари, гдѣ прежде убійства особенно были часты, поднесъ освободителю Калабріи дорогую шпагу, рѣдкой работы; Абруццы за годъ передъ тѣмъ предложилъ ему драгоцѣнный камень въ городѣ Васто.

Изъ Калабріи генералъ Манхесъ былъ отправленъ въ Базиликату, гдѣ господствовалъ самый главный разбойникъ, по прозванію Таконе. Ему часто приходилось драться съ французскими солдатами, и если не удавалось разбѣять ихъ открытою силою, то онъ обманывалъ ихъ смѣлою хитростью.

Такъ онъ появился однажды близь стѣнъ Потенцы. Онъ послалъ герольда въ городъ, приказывая всѣмъ гражданскимъ, военнымъ и духовнымъ властямъ, подъ страхомъ смерти и сожженія ихъ домовъ, явиться къ себѣ немедленно. Самыя знатныя лица съ униженнымъ и умоляющимъ видомъ, сопровождаемыя духовенствомъ и огромною толпою народа, пришли поклониться Такконе и на колѣняхъ, съ сложенными руками просили у него помилованія. Разбойникъ, оставивъ ихъ нѣсколько минутъ въ этомъ униженномъ положеніи, наконецъ какъ-будто движимый внезапнымъ великодушіемъ, сказалъ: — «Встаньте, жалкіе! вы не стоите моего гнѣва. Бѣла вамъ, еслибы вы мнѣ попались въ другое время; но такъ какъ я съ помощью пресвятой дѣвы совершенно раздѣлался съ моими врагами, то сегодняшній день будетъ днемъ вразумства для всѣхъ праведныхъ и я не хочу марать себя вашей кровью. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вы были изъяты отъ всякаго наказанія за то, что были непокорны вашему королю и истинному Богу: черезъ часъ вы принесете мнѣ ту сумму, которую вамъ назначитъ мой секретарь, и прикажите въ городѣ моимъ именемъ устроить празднество, потому что я хочу торжествовать мою побѣду. Вы всѣ, съ хвалебными гимнами будете сопровождать меня въ соборъ, гдѣ архіепископъ отслужитъ молебень св. Амвросію, для возблагодаренія Всемогущаго за славу нашего оружія. Теперь идите.»

Вся толпа съ оливковыми вѣтвями и съ хвалебнымъ пѣніемъ двинулась къ собору, а впереди ѣхалъ верхомъ Такконе. Проѣзжая мимо одного богатаго палаццо, Такконе, чувствовавшій себя очень довольнымъ, увидѣлъ на балконѣ прелестную молодую дѣвушку, съ любопытствомъ глядѣвшую на это странное зрѣлище; онъ остановилъ лошадь и началъ смотрѣть на балконъ. Искупленная дѣвушка скрылась, но напрасно, потому что злодѣй захотѣлъ увезти ее съ собою, несмотря на то, что отецъ предлагалъ за нее огромный выкупъ.

— Я не торгую сердцемъ, сказалъ Такконе: — хочу твою дочь, а не твои деньги, съ которыми пропадай ты совсѣмъ, человѣческое отродье!

Объ этой дѣвушкѣ послѣ того долго не было извѣстій, и только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, на допросѣ одного разбойника изъ шайки Такконе, онъ отвѣчалъ, что черезъ два дня послѣ похищенія молодой дѣвушки Такконе очень былъ золъ на нее, за то что она постоянно плакала, и даже убилъ бы ее, видѣвъ какъ она мало дорожила обществомъ ему подобныхъ, но удержался, такъ какъ она носила имя Маріи, покровительницы Такконе.

Неменѣе ужасовъ дѣлалъ въ этой же провинціи другой разбой-

нимъ Куалиарелла, кончившій тѣмъ, что былъ схваченъ и убитъ земледѣльцами, которымъ и досталась тысяча дукатовъ, обѣщавъ тому, кто задержитъ разбойника.

Такионе также былъ взятъ послѣ отчаяннаго сопротивленія и отправленъ въ Цотенцу.

Бицдарро, еще одинъ разбойникъ, спасшійся отъ Манхеса въ Калабріи, попробовалъ было поднять голову лишь-только послѣдній уѣхалъ. Многочисленный отрядъ двинулся противъ него. Нѣсколько разъ схватывались въ рукопашную и положеніе Бицдарро становилось все хуже и хуже, когда наконецъ съ нимъ остались только двое товарищей и женщана, бывшая его любовницей. Видя себя окруженныи со всѣхъ сторонъ, онъ вспомнилъ о пещерѣ, известной только ему одному, въ которую можно было проникнуть инаиначе какъ черезъ небольшое отверстіе, ползя на животѣ; въ это время ребенокъ, котораго женщина недавно родила и несла на рукахъ, сильно расплакался.

— Твой ребенокъ кажется намѣренъ привлечь сюда моихъ враговъ, сказалъ Бицдарро.

Мать старалась ласками успокоить ребенка, который все не унимался; тогда Бицдарро, непроизнеся ни слова, вырвалъ его изъ рукъ матери, схватилъ за ногу и разбилъ ему голову о камень.

Мать скрыла свое негодованіе, но нѣсколько часовъ спустя Бицдарро усталый легъ отдохнуть и былъ убитъ во время сна изъ своего же ружья. Этими она не довольствовалась, и немнѣя крайней нужды, вытребовала отъ губернатора Калабріи награду въ тысячу дукатовъ, показавъ этимъ всю ненависть и презрѣніе къ убитому ею Бицдарро.

Когда тридцать-пять лѣтъ спустя Манхесъ писалъ свои записки (1), эта женщина жила въ Милето и была любящей матерью и женою!

Послѣ ужасныхъ дѣяній Манхеса противъ разбойниковъ неаполитанское королевство начало наслаждаться спокойствіемъ, котораго давно не помнили жители. Объ этомъ Ботта пишетъ: «Кажется даже невѣроятнымъ, что можно жить и путешествовать совершенно покойно по Калабріи. Улицы оживляются торговлею, земледѣльцы возобновляютъ свои работы, все возвращаетъ переходъ отъ варварства къ образованію» (2).

(1) См. «Memorie autografe del generale Manbés, compilate da Francesco Montefredine». Napoli, 1861. (Stamperia Morano.)

(2) «Storia d'Italia», lib. XXIV. Марко Моніеръ выписалъ изъ недавно полученнаго ооциальнаго рапорта одного губернатора слѣдующую фразу: «Манхесъ разсылъ разбойниковъ Калабріи въ нѣсколько дней. Когда мы читали исторію

А Коллета въ своей исторіи неаполитанскаго королевства говоритъ: «Это было можетъ-быть еще въ первый разъ въ жизни всегда безпокойнаго и развѣдяннаго неаполитанскаго народа, что ни разбойники, ни воры не наполняли улицъ и деревень. Дѣло Манхеса въ высшей степени полезно. Разбойничество въ 1810 году достигло крайнихъ предѣловъ, оно безпокоило всѣхъ честныхъ людей; генералъ Манхесъ былъ орудіемъ непреклоннаго правосудія, немилымъ, какъ и самое зло, ни границъ, ни мѣры.

А Бурбоны развѣ иначе дѣйствовали? Изъ исторіи видно, что въ 1815 году король Фердинандъ приказалъ составить комиссію изъ правителя, коменданта области и президента уголовного суда, для составленія и распубликованія списка разбойниковъ. Жизнь записанныхъ оцѣнена; всѣмъ дана свобода ихъ задерживать. Весь судъ состоялъ въ простомъ удостовѣреніи, что пойманный помещенъ въ списокъ; преступленія считались уже доказанными; наказаніемъ служила смерть, причѣмъ приговоръ былъ безапелляціонный, а исполненіе немедленное. Конечно при такихъ условіяхъ требовалась осторожность почти выше силъ человѣческихъ; но напротивъ того приговоры были такъ небрежны и поспѣшны, что часто смѣшивали имена и примѣты разбойниковъ и подвергали смертной казни людей невинныхъ, принимаемыхъ за разбойниковъ единственно по слухамъ или вслѣдствіе ихъ отсутствія; изъ этихъ ошибокъ нѣкоторыя были открыты и исправлены, но большая часть невинныхъ были преданы смерти.

Всѣмъ извѣстно какими способами впоследствии дѣйствовали Бурбоны съ разбойниками, какъ производился безсовѣстный торгъ съ Вардарелли, которымъ обѣщали значительныя мѣста въ арміи, если они будутъ сами содѣйствовать прекращенію разбойничества и какъ потомъ обманули ихъ.

До сихъ поръ еще живетъ сосланный въ Липари разбойникъ Юсафатъ Таларико, который получилъ полное прощеніе всѣхъ своихъ преступленій отъ Фердинанда II и ежегодную пенсію въ 216 лукатовъ.

Кажется что все рассказанное достаточно подтверждаетъ — говорить «Rivista» въ негодованіи на гуманность англійскихъ министровъ — несправедливость и неумѣстность замѣчаній англійскаго парламента по поводу дѣйствій итальянцевъ противъ разбойниковъ. Впрочемъ если кому слѣдовало бы молчать объ этомъ, то не самимъ ли британскимъ министрамъ? Развѣ они забыли что дѣлали ихъ

этого чловѣка, то называли его кровожаднымъ тираномъ; теперь же вспоминаемъ и жалѣемъ о немъ. — Notizie storiche sul brigantaggio, pag 100.

отцы въ Португаліи, какъ они жгли жатвы, деревья, дома и принуждали самихъ португальцевъ подъ страхомъ смерти дѣлать тоже самое (!)? Развѣ они забыли что дѣлали сами, еще не прошло тому пяти лѣтъ, въ войнѣ съ Индією?

Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Фредерикъ Куперъ въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: «The crisis in the Punjaub from the 10-th of may until the fall of Delhi». (London, Smith Elder and Co. 1858.)

«Въ маѣ 1858 года вспыхнуло возмущеніе въ сѣверовосточной части Пенджаба. Робертъ Монгомери, judicial commissioner, принялъ на себя главное начальство, и отправилъ значительныя отряды въ округи Сиреа, Апси и Иссаръ, гдѣ вскорѣ былъ водворенъ порядокъ. На всѣхъ станціяхъ секвеструются подозрительныя письма; головы сипасевъ одѣнены; объявлены награды тѣмъ, кто ихъ доставитъ живыми или мертвыми; шпионство распространено всюду. Измѣна и непокорность — говоритъ Куперъ — преслѣдовались въ самыхъ скрытыхъ убѣжищахъ гарема и въ святилищахъ, считавшихся неприкосновенными, мечетяхъ и храмахъ. Знатныхъ и влиятельныхъ лицъ арестовали ночью. Шпионы на рынкахъ, въ церквахъ, тюрьмахъ, госпиталяхъ, въ толпахъ зѣвакъ, въ арміи, между крестьянами, сидѣвшими вокругъ своихъ очаговъ и пр. Никто не былъ хозяиномъ своего языка: онъ былъ такъ-сказать общимъ достояніемъ.

«Въ августъ того же года одинъ капитанъ (soubadar-major) 51-го полка, объявленный матежникомъ, проповѣдывавшій паденіе англійскаго владычества въ Индіи, — арестованъ. Наскоро судимый, онъ черезъ два дня былъ повѣшенъ съ большими, торжественными приготовлениями. Менѣе чѣмъ въ тридцать часовъ шестьсотъ-пятьдесятъ-девять солдатъ того же полка были разстрѣляны.

«Неменѣе страшная казнь постигла и 52-й полкъ. Поставлено большое каре: двѣ стороны его заняты двумя батареями артилеріи, прикрытой конницею Пенджаба и европейскими фузилерами; третья сторона занята пятью полками туземцевъ, смѣшанныхъ съ двумя англійскими полками; съ четвертой стороны длинный рядъ висѣлецъ и передъ ними двѣ пушки; наконецъ посреди этого параллелограмма сорокъ несчастныхъ, осужденныхъ на казнь. Въ полчаса всѣ погибли, привязанные къ жерламъ пушекъ, и куски ихъ труновъ покрыли землю.»

Нужно при этомъ замѣтить, что эта бойня происходила послѣ того какъ обезоруженіе 52-го полка произвело вполне дѣйствіе,

(!) См. Thiers, «Histoire du Consulat et de l'Empire». Т. XVIII, р. 13. Paris, 1861. Paulin éditeur.

которое отъ него ожидали, послѣ того какъ начальники инсурректоровъ бросили на землю свои сабли передъ генераломъ Котона и предложили ему свои услуги. Если обезоруженіе было достаточно, такъ не лишняя ли была казнь? И если она была лишняя, то какъ назвать ее?

Куперъ напоилъ нужнымъ сохранить для потомства бумаги, изъ которыхъ можно видѣть какъ поступали англійскія власти въ подобныхъ случаяхъ:

«Одинъ помощникъ комисара, сэръ Навесъ, пишетъ своему начальнику Монгомери, который въ свою очередь обращается къ главному комисару сэру Джону Лауренсу, чтобы узнать какое рѣшеніе принять относительно одного офицера и семи сипаевъ 14-го полка, арестованныхъ и обвиняемыхъ въ возмущеніи.

«Намъ нужно знать что дѣлать, — пишетъ онъ: — повѣсить ли ихъ на мѣстѣ, или разстрѣлать? Вы мнѣ сдѣлаете одолженіе, если скоро пришлете приказанія.» Въ этомъ письмѣ Монгомери, посылая его къ своему начальнику, дѣлаетъ краткую приписку: «Я приказалъ ихъ всѣхъ разстрѣлать. В. М.» Сэръ Джонъ Лауренсъ, подражая лаконизму своего подчиненнаго, написалъ: «All right! J. L.» (Ладно!)

Расказавъ о казни пятисотъ сипаевъ, преданныхъ смерти также за возмущеніе, Куперъ прибавляетъ: «Когда туземцамъ, прибѣжавшимъ на мѣсто казни, рассказали о случившемся, то они нашли, что примѣръ былъ слишкомъ малъ и что вмѣстѣ съ казненными слѣдовало умертвить женщинъ и дѣтей, послѣдовавшихъ за непокорными сипаами.»

Спокойствіе души писателя не измѣняется ему и тогда, когда, отбросивъ свои странныя шутки, онъ съ важностью излагаетъ причины своего поведенія: «Возмущеніе было преступленіе, — говоритъ онъ, — оно наказано смертью; законъ строго исполненъ. Исполняя мой долгъ, я можетъ-быть предотвратилъ число во сто разъ большее убійствъ, чѣмъ число казненныхъ мною.»

Онъ издѣвается и въ насмѣшку называетъ филантропомъ (philanthropist!) всякаго, кто подумаетъ, что онъ превысилъ свою власть и забылъ святыя правила челоѣчности. Слѣдующія полуофіціальныя письма къ нему Лауренса и Монгомери его совершенно успокаиваютъ:

Джонъ Лауренсъ, Ф. Куперу.

Лагоръ, 2 августа 1857 г.

«Милый Куперъ! Я радуюсь съ вами за счастливые результаты вашихъ дѣйствій противъ 26-го полка туземцевъ. Вы и ваша полн:

ція дѣйствовали энергически и съ большимъ рвеніемъ; страна вамъ многимъ обязана. Я надѣюсь, что судьба этихъ сипаевъ будетъ служить примѣромъ другимъ. Нужно стараться захватить разбѣянныхъ по деревнямъ.

«Робертъ Монгомери безъ сомнѣнія предоставитъ вамъ раздачу наградъ.»

Сэръ Монгомери пишетъ Куперу еще съ большимъ одушевленіемъ, чѣмъ сэръ Лауренсъ:

«Честь вамъ, мой милый Куперъ, за то что вы сдѣлали, и сдѣлали такъ хорошо... Вамъ не будетъ недостатка въ деньгахъ, чтобы вознаграждать всѣхъ... Постарайтесь, чтобы сейки (тѣ, которые принимаютъ участіе въ исполненіи) получили достаточную сумму для раздѣла между собою... Еще разъ радуюсь съ вами... Увѣренъ, что вы еще арестуете нѣсколькихъ бѣглецовъ. Вамъ еще предстоитъ много занятія съ другими казнями... Намъ онѣ нужны для здѣшнихъ войскъ и для примѣра... Считайте меня за искренняго вашего друга.»

«Послѣ этихъ писемъ — говорятъ Куперъ — никто не будетъ удивляться, что правительству Пенджаба все удается.»

Здѣсь можно спросить, слѣдуя выраженію британскихъ ораторовъ: развѣ все это не можетъ сдѣлать правительство предметомъ ужаса для всѣхъ, и развѣ варварскія дѣйствія сипаевъ могли служить примѣромъ для англійскихъ чиновниковъ?

Такимъ образомъ, если люди, получившіе высшее европейское образованіе, какъ Куперъ, Никольсонъ, Монгомери, Лауренсъ, хладнокровно совершали такіа ужасныя казни и гордились ими какъ огромною услугою, оказанною странѣ; если лордъ Пальмерстонъ, лордъ Дерби, лордъ Джонъ Россель, Д'Израэли и друг. никогда въ парламентѣ не подняли голоса противъ этихъ жестокихъ палачей, — то это твердо вслѣдствіе твердой увѣренности, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ нужно подавлять въ себѣ врожденныя чувства доброты и состраданія и принять къ грустному, но справедливому заключенію, выраженному генераломъ Пинелли въ его прокламаціи, — что *«никогда милосердіе есть преступленіе»*.

На это можно сказать, что хотя разбойники заблуждаются, но они все-таки итальянцы. Да, къ несчастью это — туземное растеніе, но не во всей Италіи, а въ южныхъ провинціяхъ и окрестностяхъ Рима, гдѣ всегда преобладали и преобладаютъ теперь безнравственность, испорченность, нищета, невѣжество, суевѣріе. Когда тамъ родится любовь къ труду, средства добывать его, народное образованіе, то ядовитое растеніе засохнетъ; но теперь нѣтъ никакихъ способовъ, нельзя придумать ничего, могущаго уничтожить

этотъ остатокъ варварства, поддерживаемыйъ религіознымъ фанатизмомъ. Журналы легитимистовъ во Франціи; выказывая симпатію и удивленіе этимъ людямъ, оскорбляютъ геройскую и достопамятную революцію въ Вандеѣ, безупречную славу Ларошжаклена, Лескюра, Стофле, Шаретта, Кателано, сравнивая тѣхъ и другихъ и находя сходство послѣднихъ съ Фра-Дьяволо, Родіо, Шіарпа, Фра-Маммоне, Кіавоне, Донателло и Чипріано-ди-Гала.

Вещь удивительная, но легко объясняемая исторією неаполитанскихъ Бурбоновъ — ихъ союзъ съ людьми самыхъ испорченныхъ нравовъ, людьми, извѣстными преступленіями, жаждой крови и злодѣяніями:

Грустно напомнимъ во главѣ шайки, осѣнявшейся крестомъ христовымъ, и вездѣ, вмѣсто деревьевъ свободы; водружавшей крестъ, встрѣтитъ кардинала Фабриція Руффо, «безпутнаго въ молодости, развратнаго въ старости» (Коллетта), который съ помощью разбойниковъ возвратилъ въ 1799 году тронъ Фердинанду IV. Карлъ Ботта описываетъ его, при атакѣ Алтамура, занятаго республиканцами: «Дѣйствовали желѣзомъ, огнемъ, и тотъ приобрѣталъ славу, кто болѣе дѣлалъ жестокостей, а кто присоединялъ шутки, насмѣшки и оскорбленія къ мольбамъ и отчаяннымъ воплямъ мучимыхъ и убиваемыхъ, былъ одобряемъ этими бездушными людьми. Это все происходило при кардиналѣ св. церкви; приказывалъ ли онъ имъ, или только терпѣлъ ихъ — въ обоихъ случаяхъ онъ достоинъ вѣчнаго проклятія.»

Весьма интересна біографія замѣчательнѣйшихъ разбойниковъ, съ помощью которыхъ Бурбоны старались утвердить свою власть въ опустошаемыхъ ими южныхъ провинціяхъ Италіи.

Проніо въ своей молодости былъ церковнымъ прислужникомъ, потомъ поступилъ въ отрядъ маркиза дель-Васто; обвиненный въ убійствѣ, былъ осужденъ на галеры, изъ которыхъ бѣжалъ и началъ скитаться по деревнямъ; сдѣлавшись партизаномъ Бурбоновъ, онъ счастливо сражался противъ французовъ, и избранный начальникомъ своими товарищами, приобрѣлъ славу, спокойствіе и богатство.

Родіо происходилъ отъ образованныхъ родителей и былъ первымъ примѣромъ дворянина, незапятнаннаго преступленіемъ до вступленія на поприще, на которое до тѣхъ поръ выходили только негодяи, и былъ избранъ начальникомъ шайки.

Миккеле Пецца, рожденный въ Итри отъ простыхъ родителей, убійца и воръ, постояннымъ счастьемъ или ловкостью всегда выходилъ побѣдителемъ изъ всѣхъ опасностей. Неаполитанская чернь, на основаніи мнѣнія, что только дьяволъ и монахи всегда ловки и

непобѣдимы, прозвала его *Фра-дьяволо*: онъ удержалъ это прозвище, какъ доказательство храбрости и счастья, до самой смерти. Постоянно переѣзжая изъ Портелла въ Гарильяно, онъ убивалъ курьеровъ и тѣхъ, кто требовалъ своихъ писемъ и посылокъ, такъ что коммодоръ Тробриале писалъ: «Этотъ великій дьяволъ — для насъ ангелъ» (1).

Въ той же провинціи, но въ другой сторонѣ, именно въ Сорѣ, распоряжался *Гаэтано Маммоне*, бывшій мельникъ. Жадный кровопійца, онъ съ наслажденіемъ пилъ человѣческую кровь, даже свою собственную, пуская себѣ самъ и открывая ее другимъ; любилъ имѣть за обѣдомъ на столѣ человѣческую голову, только-что отрубленную и окровавленную; вино и кровь онъ пилъ всегда изъ человѣческаго черепа и перемѣнять эти сосуды было для него истиннымъ наслажденіемъ. Безчеловѣчность неправдоподобная, еслибы слухи, часто преувеличивающіе выходящіе изъ круга обыкновенныхъ факты, не были подтверждены Винченцо Коко, чело-вѣкомъ и писателемъ достойнымъ довѣрія, который какъ историкъ и очевидецъ указываетъ на рассказанныя звѣрства. Маммоне во время гражданскихъ войнъ умертвилъ покрайней-мѣрѣ четыреста французовъ и неаполитанцевъ, и всѣхъ своею рукою; извлекалъ изъ темницъ шайниковъ, для того чтобы убивать ихъ, сидя за столомъ съ главнѣйшими изъ своей шайки. И такому-то чело-вѣку, или такому дикому звѣрю, король Фердинандъ и королева Каролина писали: «мой генералъ и другъ!..»

Кристалларо, такъ названный оттого, что былъ прежде продавцомъ хрустала, набралъ въ 1799 большую шайку лацарони, которые изъ жадны добычи и грабежей поклялись поддерживать тронъ Бурбоновъ.

Тамфано управлялъ многочисленнымъ скопищемъ заговорщиковъ и участвовалъ во внутреннихъ войнахъ съ правителями Сициліи вмѣстѣ съ кардиналомъ Руффо и другими предводителями королевскихъ отрядовъ; онъ получалъ деньги и дѣлилъ ихъ съ товарищами, имѣлъ большіе склады оружія и всѣми средствами содѣйствовалъ къ возстановленію Бурбоновъ. Въ письмахъ королевы, она его называетъ своимъ вѣрнымъ слугою и дорогимъ другомъ.

Де-Чезаре, *Боккечиаини*, *Корбара* и *Колонна*, всѣ четверо бѣглые изъ Корсики, куда были сосланы за различныя преступленія (Коллетта). *Чезаре* въ Апуліи выдалъ себя за наслѣднаго принца, уничтожилъ суды, создалъ новые, опустошалъ казну, обременялъ жи-

(1) См «Le memorie storiche sulla vita del cardinal Fabrizio Ruffo, scritte dall'abbate dom. Sacchinelli» (Napoli 1836, tip. Carlo Cataneo), pag. 186.

телей большими налогами; его слушались болѣе чѣмъ настоящаго принца, потому что онъ былъ смѣлѣе и поддерживался народомъ. Архіепископъ огрантскій, съ давнихъ поръ знавшій принца Франциска и за годъ передъ тѣмъ въ этомъ же городѣ участвовавшій съ нимъ въ церковныхъ и придворныхъ торжествахъ, съ кафедры провозглашалъ, что Чезаре настоящій принцъ, наружность котораго нѣсколько измѣнилась втеченіи года отъ военныхъ и государственныхъ трудовъ. Кардиналъ Руффо предупреждалъ секретно Чезаре быть осторожнѣе, чтобы комедія не превратилась въ трагедію, а послѣ того какъ все окончилось благополучно и Чезаре пріѣхалъ въ Матеру, публично привѣтствовалъ его титуломъ генерала 5-й и 6-й дивизій, и хотя эти дивизіи были такою же химерою, какъ и званіе принца, однако Чезаре пріѣзжалъ къ кардиналу для полученія отъ него приказаній (*Abbate Sacchinefi*).

Корбара, желая спасти награбленные богатства, объявилъ, что онъ вмѣстѣ съ *конетаблемъ* Колонна ѣдетъ въ Корфу, чтобы возвратиться оттуда съ значительнымъ отрядомъ русскихъ, и что оставлетъ въ королевствѣ генералъ-лейтенантомъ брата испанскаго короля (*Боккечямпе*). Но только-что они выѣхали изъ гавани, какъ на нихъ напали пираты и Корбара, потерявъ свои сокровища, умеръ. Колонна же остался живъ, но его имя исчезло.

Вскорѣ послѣ того и Боккечямпе умеръ при защитѣ крѣпости *Вриндизи* отъ французскаго флота.

Чтобы возвратить себѣ тронъ и укрѣпиться на немъ, Бурбоны не стѣснялись открыто покровительствовать разбойникамъ, страшая и притѣсняя ими либеральную партію.

Въ царствованіе Фердинанда II — пишетъ д'Ашала (1) — въ провинціи Салерно было дано позволеніе собирать шайки, убивать и грабить несчастныхъ гражданъ Чиленто двумя злодѣямъ, *Ванро ди Лаурино* и *Пасквале ди С. Мауро* (*Vairo di Laurino e Pasquale di S. Mauro*), изъ которыхъ послѣдній представлялся въ Газетѣ королю, чтобы увѣрить его въ своей преданности, такъ какъ на немъ лежало подозрѣніе, что онъ въ 1848 году былъ капитаномъ національной гвардіи. «Постарайтесь — сказалъ ему Фердинандъ — раздробить головы всѣмъ либераламъ, которые вамъ попадутся.»

Жестокія наклонности отца — говоритъ «*Rivista*» — не измѣнились и въ сынѣ, который, подъ прикрытіемъ папской тиары, лишившись трона, самъ собираетъ и подстрекаетъ къ грабежамъ шайки разбойниковъ, наводнявшія и теперь наводняющія дурию охраняемыя провинціи южной Италіи. Преслѣдованія и аресты, сдѣланные

(1) «*Vita del re di Napoli*». Torino, tip. Steffenone, 1856.

въ послѣднее время французскими войсками, не позволяютъ болѣе сомнѣваться въ этомъ; враждебныя движенія и рѣчи, произносимыя въ торжественныхъ случаяхъ нѣкоторыми духовными лицами, оружіе, порохъ, прокламаціи скрываемыя въ монастыряхъ, священники, монахи, замѣчаемыя въ рядахъ разбойниковъ при исполненіи ихъ предпріятій, — все это несомнѣннымъ образомъ показываетъ откуда и чѣмъ именемъ они побуждаются (1).

Какіе люди Чиприано-ди-Гала, Крокко и другіе имъ подобныя, это показываютъ ихъ преступленія, совершаемыя ими всякій день. Константинъ Нигра въ своихъ реляціяхъ о состояніи Неаполя бѣжной кистью обрисовываетъ портретъ одного изъ нихъ, *Кармине Донателло*; но негдѣ можно судить о его сообщникахъ. Нигра говоритъ: «Бывшій пастухъ овецъ, развратной жизни, сначала обвиненный въ убійствѣ и другихъ важныхъ преступленіяхъ (2), бѣжалъ съ галеръ, присоедилился въ сентябрѣ 1860 года къ либераламъ, предложилъ свою предательскую руку революціи, и своею смѣлостью и храбростью приобрѣлъ огромное вліяніе надъ окружающими. Онъ надѣялся получить прощеніе и милости отъ новаго правительства, но забывши, что вмѣсто того надъ нимъ виситъ рука правосудія, Донателло возвратился къ прежней жизни, убійствамъ и грабежамъ. Будучи посаженъ въ тюрьму, онъ бѣжалъ съ помощью своихъ прежнихъ друзей, принадлежавшихъ къ національной гвардіи. Выйдя на свободу, онъ опять продолжалъ свое ремесло, омываясь въ деревняхъ. Прежде чѣмъ могла послать противъ него свободныя оряды, шайка его увеличилась и сдѣлалась еще болѣе дерзкою.

Тогда-то правительствы нашего правленія Бурбоновъ думали продать политическую цѣль разбойнъ и преобразить разбойника въ начальника партіи. Донателло напoлн. выгоднымъ для себя это новое званіе, въ надеждѣ такихъ же милостей, какія были воздаваемы Бурбонами Франьяволо, Маммонѣ и бандитамъ кардинала Руффо.»

Боржесъ дополняетъ портретъ, набросанный Нигра. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ его журнала :

«22 октября 1861 г. Начальникъ шайки (Крокко, прозванный *Донателло*) прибылъ эту ночь, но я его не видалъ. Онъ попытъ спать съ своей любовницей, которую прачетъ въ одномъ изъ сошедшихъ лѣсовъ.

(1) *Circolo* del 24 agosto 1861, del barone Bettino Ricasoli, ministro degli affari esteri ai rappresentanti del regno d'Italia all'estero.

(2) Тридцать преступленій: пятнадцать кражъ, три покушенія на кражу, три убійства, два покушенія на убійство и другія. У него также былъ патентъ главнаго начальника, данный въ Римѣ 28 февраля 1861. (См. *La lettera del Donatello*, 16 aprile 1861, nell'opuscolo di Marco Monnier sul brigantaggio, pag. 57).

«26 октября. Не могу понять этого человека, который, правду сказать, собирает много денег; онъ жадно любитъ золото.

«29 октября. Крокко и его сообщники много награбили.

«30 октября. У насъ была тревога: люди Крокко бѣжали какъ стадо овецъ; я остался съ моими офицерами на мѣстѣ, чтобы заставить покраснѣть этихъ трусовъ и принудить лучше вести себя, но все было напрасно.

«3 ноября. Послѣ битвы, продолжавшейся болѣе двухъ часовъ, мы завладѣли городомъ (Тревиньо); но я долженъ съ сожалѣніемъ сказать, — самый полный беспорядокъ царитъ между нашими, начиная съ начальниковъ; воровства, убійства и всякаго рода насилия были слѣдствіями этой побѣды. Моя власть ничтожна.

«4 ноября. Меня извѣстили, что Крокко, Ланглуа и Серраралле дѣлали въ Тревиньо самыя ужасныя вещи. Мѣстная аристократія спряталась въ домѣ синдика, и вышеупомянутыя лица, которые также тамъ поселились, безсовѣстно подвергнули ихъ выкупу. Потомъ, разъѣзжая по городу, требовали денегъ у частныхъ лицъ, грозя въ противномъ случаѣ сжечь ихъ дома. Ланглуа, спрошенный мною, сколько они выручали денегъ, сказалъ, что контролеръ далъ всего двѣсти-восемьдесятъ дукатовъ и что больше они никакъ не могли выручить.

«5 ноября. Въ Каличано все было разграблено и истреблено, безъ разбора роялистовъ или либераловъ; тутъ же была убита одна женщина и, какъ мнѣ сказали, три или четыре крестьянина.

«8 ноября. Мы собрали шайку и прежде чѣмъ уйти, Крокко разстрѣлялъ въ одной изъ загъ города дона Віано Спаццано; потомъ мы пошли къ Круска, куда и прибыли въ три часа; все населеніе вышло къ намъ навстрѣчу, и несмотря на это, все-таки было немало беспорядковъ.

«9 ноября. Мы пришли въ Алліано, гдѣ населеніе встрѣтало насъ съ священниками и крестами впереди, съ криками: «viva Francesco III!» Это не помѣшало самымъ ужаснымъ беспорядкамъ продолжаться всю ночь. Здѣсь представлялся удобный случай возбудить къ себѣ расположеніе, еслибы начальникъ шайки и его товарищи не были первые воры, какихъ я когда-либо зналъ.

«10 ноября. Мы вошли въ Астаньяно посреди всеобщаго энтузіазма. Солдатамъ, которымъ заплатили впередъ, было приказано соблюдать самую строгую дисциплину. Но такъ какъ они уже привыкли къ распутству, то начали дѣйствовать по своему обыкновенію, такъ что мы были принуждены разстрѣлять двоихъ изъ нихъ.

«14 ноября. Мы отправились къ Грассано, куда прибыли къ де-

сѣти часамъ утра. Размѣстили шайку и наши начальники отправились искать добычи куда глаза глядятъ.

«16 ноября. Послѣ сраженія въ Сиетрагалла мы скрылись, чтобы не быть свидѣтелями безпорядковъ, противъ которыхъ мы безсильны. Боюсь, чтобы Крокко, который много награбилъ, не намѣнилъ насъ».

«17 ноября. Прибыли въ Латоведоде. Крокко оставилъ насъ подѣл предлогомъ идти искать себѣ хлѣба, но думаю, что въ действительности затѣялъ, чтобы скрыть деньги и драгоценныя вещи, награбленныя имъ во время экспедиціи.

«24 ноября. Пришли въ Ричильяно. Самыя неслыханныя вещи происходили въ этомъ городѣ. Не хочу описывать подробности: такъ онѣ ужасны во всѣхъ отношеніяхъ.

«27 ноября. Крокко собралъ своихъ прежнихъ начальниковъ, воровъ, и роздалъ имъ отряды. Солдаты насильно обезоружены; у нихъ отобраны ружья и пистолеты. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали, другіе плачутъ. Просятъ служить за кусокъ хлѣба: «нужно жалованья», говорятъ они; но убійцы непреклонны. Ихъ отдають на руки начальникамъ шакъ и послѣ двухдневнаго голода отсылають прочь.»

Вотъ дѣянія того, о комъ «Monde» выразился: «le hardi partisan de la colonne royaliste»!

Генералъ делла-Рокка, главный начальникъ войскъ въ южныхъ провинціяхъ по сю сторону Фаро, въ первые шесть мѣсяцевъ послѣ соединенія Италіи предлагалъ еще 30 марта 1861 года, въ своемъ донесеніи принцу Кариньяно, что для прекращенія разбойничества прежде всего нужно: 1) увеличить милицію, которая состояла изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ всего; 2) чтобы въ общинахъ и округахъ поставлено было возможно большее число королевскихъ карабинеровъ, такъ какъ въ главныхъ городахъ провинцій было пока достаточно военнаго гарнизона, увеличиваемаго и національною гвардією; 3) чтобы смѣнить всѣхъ или по крайней мѣрѣ большую часть военныхъ областныхъ начальниковъ провинцій, старыхъ и неспособныхъ къ управленію; 4) наконецъ замѣнить лицами изъ Верхней Италіи почти всѣ гражданскія власти провинцій, потому что большая часть изъ нихъ неспособны къ обязанностямъ, на нихъ возложеннымъ, или извѣстны своимъ дурнымъ управленіемъ, или наконецъ не пользуются довѣріемъ мѣстнаго населенія. «Если центральное правительство — говорилъ делла-Рок-

ка — не пособить этому злу, то скоро негодование расклевенных провинцій перейдетъ на настоящую форму протеста.»

Последній фактъ слава-богу не подтвердился; но не безъ основанія можно думать, что еслибы итальянское правительство послушалось совѣтовъ знаменитаго генерала, то разбойничество, которое онъ успѣлъ прекратить въ первое время, не появилось бы опять. Въ особеннети еслибы правительство обратило вниманіе, что не другими мѣрами и страшными казнями можно водворить порядокъ въ пользу Франциска II, а улучшеніемъ положенія низшаго класса народа и преобразованіями, которыя бы убѣдили наконецъ населеніе южныхъ провинцій въ превосходствѣ министровъ Виктора-Эмануэла предъ бурбонскимъ деспотизмомъ.

ЗИМОЙ

Какъ у нашихъ воротъ снѣжный вихоръ мететь,
Вкругъ столбовъ все крутить-завивается,
Словно стонетъ-гудѣтъ, въ стекла мерзлыя бьетъ...
Ахъ, какъ сердце болитъ-надрывается !

Не пріѣхалъ домой нашъ сосѣдъ молодой, —
Да зачѣмъ онъ опять-то покажется ?
Правда, прошлой весной говорилъ онъ со мной...
Да вѣдь все не упомнишь что скажется !

Вотъ весна-то была ! И тепла, и свѣтла !
Какъ-то все говорилось, пѣлось,
Всѣхъ бы я обняла, всѣмъ прощать начала —
Какъ-то вдругъ мнѣ любить захотѣлось !

Что онъ видѣлъ и зналъ ! Сколько мнѣ рассказалъ
Про широкую жизнь, про раздольную
По большимъ городамъ, по далекимъ краямъ,
Про людскую про волюшку-вольную !

Полетѣла бы я въ эту даль, въ тѣ края,
Все-бъ увидѣла новое, дивное,
Эту скуку и брань позабыла бы я,
Все-бъ свое позабыла противное.

Вотъ какъ птицы летать, отъ морозовъ спѣшать
За людьми работающими, праздными,
Что за новой весной чай толпа за толпой
Потянулись дорогами разными...

А у нашихъ воротъ лишь тропинка идетъ...
Вонъ ужь снѣгомъ она заметается!
А у нашихъ воротъ только буря поетъ,
Только буря поетъ—заливается...

О. ВЕРГЪ

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ИЗВОЛЬСКІЙ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, жена его.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ ЛОВИЧЪ.

Человѣкъ Извольскихъ.

Намисто-меблированная комната. Восемь часовъ вечера.

I

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА (входитъ оглядываясь)

Мужъ обронилъ письмо случайно въ кабинетъ.

Отдать его, или поберечь въ секретъ?

(Достаетъ письмо.)

Сегодня прислано и мужемъ прочтено...

А любопытно, отъ кого оно?

(Рассматриваетъ адресъ.)

Рука не женская, мнѣ вовсе незнакома;

Поспѣшность въ почеркѣ видна;

Читать или нѣтъ? Положимъ Serge и дома,

Но тамъ теперь, и я одна, —

Прочсть успѣю на свободѣ...

Какъ странно все устроено въ природѣ :
 Что значить пробѣжать десятокъ строкъ ?
 А между тѣмъ, когда письмо чужое,
 Въ душѣ боязнь и совѣсть не въ покоѣ.
 А впрочемъ въ чемъ же тутъ порокъ ?
 Напротивъ, я уступку обнаружу ;
 Читаетъ же мой мужъ что адресуютъ мнѣ, —
 Прочту и я убожеству твоему :
 Права должны быть наравнѣ...

Но что всего мнѣ любопытнѣе ?
 Не Ловичъ ли писалъ ? Онъ при своемъ умѣ
 Такъ скрытенъ, какъ нельзя быть скрытнѣй ;
 Не обнаружился ль въ письмѣ ?
 Вотъ было бы открытіе прямое
 Кой-что узнать о немъ, загадочномъ героѣ ;
 Мой мужъ съ нимъ друженъ какъ ни съ кѣмъ...
 Неразъ я думала : ну чѣмъ
 Сошлись они, что ихъ связало вмѣстѣ ?
 Въ характерахъ родного ничего...
 Нѣтъ, чувствую, что сердце не на мѣстѣ ;
 Прочту письмо : быть-можетъ отъ него.

(Читаетъ.)

«Эмилія, съ которой я познакомилъ тебя на дняхъ, просто отъ тебя безъ ума. Незная твоего адреса, она просила передать тебѣ, что сегодня къ девяти часамъ вечера будетъ ждать тебя съ нетерпѣніемъ и постарается быть одна. Надѣюсь, ты не проманкируешь приглашеніемъ и непременно будешь къ назначенному времени. Не забудь, что Эмилія — новость въ Петербургѣ, и какъ всѣ французки вѣтрена до крайности. Твой Ловичъ.»

(Остается пораженной.)

Какъ это низко, Боже !
 А я все думала о счастья, — да ! И что же ?
 Надѣлѣ вышло все мечта !
 Надежда разомъ огниа :
 За то, что я доврчиво любила,
 Какъ можетъ честная жена —
 Кокетка мнѣ предпочтена,
 Камелія меня у мужа замѣнила !
 Записку жалкую прочтя,
 Я думать не хочу, что тутъ другихъ виданье ;
 Нѣтъ, мужу въ ней не вижу оправданья :

Мужчина онъ, не въ курткѣхъ лѣтъ,
 Въ его лѣта смѣшно такъ прачиняться.
 А Ловичъ, судя, всего, —
 Кто-бъ думать могъ, кто могъ бы догадаться,
 Въ чемъ гибнетъ даромъ жизнь его ?
 Обманъ кругомъ ; одно обидѣе другаго ;
 На чтоже я теперь рѣшусь ?
 Какъ тяжело ! заплакать я готова...
 Но чу ! шагъ... мой мужъ... скрѣплюсь !..

(Входитъ Извольскій.)

II

ИЗВОЛЬСКІЙ

Я помѣшалъ, Евгенія ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Ничуть.

ИЗВОЛЬСКІЙ

Навѣрное читала что-нибудь ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Нѣтъ, ничего...

ИЗВОЛЬСКІЙ

Чтожъ дѣлала ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Сидѣла,

Какъ видишь, такъ.

ИЗВОЛЬСКІЙ

Но какъ же такъ, безъ дѣла ?

А кстати и занятые есть :

Сегодня я купила прелестныхъ два романа —

Одинъ Фельдъ, другой Гозмана ;

Рекомендую ихъ прочесть.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Благодарю ; но нѣтъ, читать не буду.

Скажу тебѣ безъ дальнихъ словъ,

Встрѣчала строки я у этихъ авторовъ,

Которыхъ долго не забуду;
 Подъ ихъ талантливымъ перомъ
 Гнетъ женщины, позоръ и униженье
 Такимъ рисуются пятномъ,
 Такъ ярко, что читать мученье.
 Читай ихъ самъ, обдумай строго,
 Но ради-бога пожалей меня;
 Притомъ для нынѣшняго дня
 И безъ того прочла я много...

ИЗВОЛЬСКІЙ

Не хочешь чтеніемъ, такъ музыкой займись.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Ахъ музыка!.. Была пора, когда-то
 Любила я ее восторженно и свято,
 Но эти годы пронеслись...
 Я всей душой едва не отдалась искусству;
 Ужъ новый міръ открылся было чувству,
 Но мать и знатная родня
 Возстали хоромъ на меня;
 Сказали мнѣ, — не въ томъ мое призванье,
 Сгубили дѣло какъ могли;
 Умно и тонко отвлекли —
 Открыли вечера и повезли въ собранье.
 Таланта искру погубя,
 Потомъ представили тебѣ;
 И вышла замужъ я.. Иныя чувства,
 Иная жизнь тутъ началась;
 Еще я больше развлекалась
 И разумѣется погибла для искусства...

ИЗВОЛЬСКІЙ

Жаль, очень жаль.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Погибла даромъ страсть.
 Чтожъ наконецъ мнѣ выбрать для занятія?
 Ахъ да: хозяйственную часть!
 Но мнѣ объ ней и не дали понятия.
 Притомъ же, согласись со мной,
 Что мнѣ, несвязанной семьей,
 Живущей все въ гостиной, а не въ дѣтской,

Богатой женщиной и совершенно свѣтской, —
 Что мнѣ и нужды нѣтъ хозяйничать самой...
 Чтожъ дѣлать мнѣ, спрошу теперь совѣта?

(Извольскій задумывается.)

Молчишь? Ни слова мнѣ на это?..
 Такъ отъ кого-жъ отвѣта я дождусь?..
 Быть въ неизвѣстности — мученье.
 О боже-мой! представить я боюсь...
 Ужель безвыходно пустое положенье?
 Когда у женщины, мы видимъ, нѣтъ дѣтей,
 А между тѣмъ есть сестоянье, —
 Пустѣйшій счетъ пустѣйшихъ дней —
 Вотъ все ея существованье!..
 Гдѣ жъ въ этомъ жизнь? скажи мнѣ, гдѣ она?

ИЗВОЛЬСКІЙ

Чего жъ ты хочешь, не пойму я?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Не бойся, другъ, не многого хочу я.
 Ты видишь, я почти больна;
 Остаюсь посидѣть со мною,
 Одинъ лишь вечеръ провести:
 Я вѣрно отдохну душою.
 Готовъ ты жертву принести?
 Надѣяться могу я на участие?..

ИЗВОЛЬСКІЙ

И радъ бы всей душой, но вотъ несчастье:
 Я слово далъ... быть въ клубѣ... по дѣламъ...
 И долженъ ѣхать непремѣнно.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

А рано ли?

ИЗВОЛЬСКІЙ

Да къ девяти часамъ,
 Какъ и всегда обыкновенно.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Нѣтъ, сколько помнится, туда
 Ты рано такъ не ѣздилъ никогда;
 И вѣрно же себя не свяжешь,
 Кн. VIII. — Отд. I.

Останешься ты слову господишь,
 Когда не вечеръ, часъ одинъ
 Мнѣ подаришь... Надѣюсь, не откажешь?
 Прійхать позже, къ десяти,
 Бѣды не будетъ натурально.

ИЗВОЛЬСКІЙ

Я слово далъ — быть къ девяти,
 И извини, сдержу буквально.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

И тутъ отказъ!

Расчитаны минуты, часъ...
 Все это странно, непонятно;
 Ктому же полный туалетъ...
 Прости меня, хотя и неприятно,
 Но признаюсь, по мнѣ тутъ правды нѣтъ,
 И ты хитришь.

ИЗВОЛЬСКІЙ (всторону)

Ужели подозрѣнья?
 А, понимаю! Вотъ оно,
 Къ чему вели всѣ разсужденья!..
 Дипломатически умна!
 Однако дѣло пахнетъ драмой...

(Къ ней)

Евгенія, ловки отстрона,
 Позволь спросить открыто, прямо:
 Ужь ты... ты не ревнуешь ли меня?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Ревную? а?

Какая мысль!.. Признаться, очень мило!
 Нѣтъ, Serge, повѣрь, когда бы въ грудь
 Закралась ревность какъ-нибудь, —
 Страданья всторону, я просто-бъ отомстила...

ИЗВОЛЬСКІЙ

Ты отомстила бы!.. но чѣмъ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Употребила-бъ все искусство
 Въ тебѣ самомъ развитъ такое-жъ чувство.

Мысль старая, она известна всѣмъ,
Что познать для женщины не ново.

ИЗВОЛЬСКИЙ

Замѣчу, Женни, не какъ мужъ :
Такъ поступить несправедливо.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Несправедливо !.. почаму-жь ?

ИЗВОЛЬСКИЙ

Да очень ясная причина :
Ну, измѣнить въ любви мужчину
Женѣ своей — какаѣ же бѣды ?
Онъ этимъ ей не дѣлаетъ вреда,
Семьѣ своей опять несколько ;
Въ интригѣ онъ теряетъ только
Ума немного, если есть...
А главное, ничья тутъ не страдаетъ честь !
Тогда какъ женщина — какое же сравненіе ?
Чуть пошатнись, — на мужѣ ужъ пятно ;
Еѣ измѣна — преступленіе,
Всю жизнь не смоеся оно.
Ужли же имени утрата
За глупость можетъ быть отплата ?
Гдѣ-жь мщеніе тутъ, суди сама ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Вотъ объясненіе не чувства, а ума !
Мужчина измѣняетъ — это малость,
Приличная для взрослыхъ шалость,
За что довольно побранить ;
А женщина измѣнить, — нѣтъ пощады !
Ее сейчасъ казнить, замучить рады ;
За холодность къ себѣ она не можетъ мстить,
И ваше мщеніе одно лишь справедливо !..

ИЗВОЛЬСКИЙ

На дѣло смотреть такъ законъ,
И смотреть не фальшиво.
Мысль вѣрную въ виду имѣетъ онъ,
Что женщина въ минуты увлеченья
Готова все забыть безъ исключенья,

И мужа и семью : такъ желанна
 Потребность въ вась любви, такъ искренни порывы !
 Удерживать горячіе приливы
 Нужна же строгая рука...
 Примѣры страстности далеко какъ не рѣдки ;
 Влюбляются и самыя кокетки !
 И въ вашемъ сердцѣ этотъ жаръ,
 Насъ покоряющій всей силой чародѣйства, —
 Не преступленіе, природы даръ,
 Но въ немъ вся гибель для семейства.
 Недаромъ признано давно,
 Что ежели жена разъ мужу измѣнила,
 Ужь ей подняться мудрено,
 Въ ней гибнетъ нравственная сила.
 Мужчина менѣе страстиѣй ;
 Благодаря судьбѣ своей,
 Безъ счету можетъ онъ влюбляться,
 Неувлекаясь до конца,
 При этомъ роль играть отца
 И тѣмъ же для жены остаться...
 Измѣна мужа — вздоръ вполнѣ,
 И мстить тутъ нечего жевѣ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Но ежели жена къ несчастью
 Замѣтитъ, что перемѣнились къ ней,
 Что мужъ другою завать страстью,
 Что ласки стали холоднѣй,
 И если бѣдную ужасно это мучить?..

ИЗВОЛЬСКІЙ

Быть осторожнымъ жизнь научить.
 Повѣрь мнѣ, умный человѣкъ
 Не выдастъ свой секретъ во вѣкъ ;
 Вниманье, ласки будутъ тѣже,
 И даже чаще, а не рѣже...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Напрасно оставляешь ты
 Одно при этомъ безъ вниманья...

ИЗВОЛЬСКІЙ

Но что же ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Что подальше цветы
Легко узнать на бѣлкомъ разстояннѣ.

ИЗВОЛЬСКІЙ

Какія тонкости! Нѣтъ, лучше поспѣшу.

(Смотритъ на часы.)

Ахъ, Женя, извинить прошу;
Представлю послѣ оправданье
Простой теоріи моей.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Я эгоизмъ лишь вижу въ ней;
Она низка.

ИЗВОЛЬСКІЙ (цѣлуя у жены руку)

Ты шутишь? До свиданья.

(Поспѣшно уходитъ.)

III

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Ушолъ. Вопросъ однакожъ важный:
Чѣмъ кончиться катастрофа должна?
Забыта для женщины продажной,
Какая я теперь жена?
Ужель въ мечтѣ искать мнѣ утѣшенья,
Что эта связь, все это зло,
Пустое будетъ увлеченье
И минетъ скоро, какъ пришло?
Иль мѣры принимать, употреблять старанье,
На зло расчитамъ и судьбѣ,
Его опять привлечь къ себѣ,
Возврата чувства ждать, какъ нищій подаенья!
О нѣтъ! к чему? Должна я быть горда;
На пепель дуть не стану никогда,
Хотя бы знала я, что снова вспыхнетъ пламень.
Ждать, жалкой быть, и вмѣсто сердца камень
Потомъ болѣзненно найти,
Найти изношенное чувство
Отъ пресыщенья и распутства —

Нѣтъ, этого не въ силахъ я свести!
 При униженіи терпѣнье не заслуга,
 И противъ воли я должна начать борьбу:
 Пусть видать мужъ во мнѣ жену и друга,
 Не безотвѣтную рабу.
 Пусть безпристрастно онъ разсудитъ,
 Какъ взглядъ его обидетъ и фальшивъ;
 Но если голосъ мой въ немъ совѣсть не пробудитъ,
 Тогда одинъ конецъ — разрывъ...
 Среди интригъ, гдѣ сильно раздраженіе,
 Не крѣпко ты, вѣнчалное кольцо!
 И вотъ вамъ женщины пустое положенье,
 Вотъ вамъ мужчины на-лицо!..

(Вздыхается.)

IV

ЧЕЛОВѢКЪ

Къ вамъ Александръ Сергѣевичъ Ловичъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА (всторону)

Ясно

Теперь мнѣ все: онъ мужа удалитъ,
 Чтобъ самому начать интригу безопасно...

Такая дерзость выше силъ!

Но... пусть войдетъ.

(Человѣку)

Проси.

(Человѣкъ угодить.)

Отвѣчу я презрѣньемъ!

V

ЛОВИЧЪ

Прошу, Евгенія Петровна, извиненья,
 Что беспокою васъ, не въ пору можете-быть...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Могу охотно извинить.

Садитесь. Чтоже вамъ угодно?

ЛОВИЧЪ

Ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты я свободной
Васъ попросить продолжать разговоръ,

Къ несчастью прерванный въ началѣ :
Вы помните, у Венцлера, на балѣ?..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Не помню ничего съ тѣхъ поръ.

ЛОВИЧЪ

Я парадоксъ тамъ высказалъ случайно,
Что въ жизни женщины цѣль нѣтъ,
И потому она всегдашней будетъ тайной.
Хотѣли вы мнѣ дать отвѣтъ,
Я видѣлъ по лицу, что вы рѣшились ;
Тутъ мужъ вашъ подошолъ, и вы куда-то скрылись.
А послѣ не встрѣчалъ я васъ нигдѣ,
Хотя и странствую вездѣ...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Ужели васъ такъ любопытство мучить?

ЛОВИЧЪ

Нѣтъ, любознательность вѣрнѣй.
Жить такъ, жеманамъ, — повѣрьте мнѣ, нескучить ;
И вотъ я въ праздности моей
Рѣшился отгадать мудреную загадку,
Причину вздумалъ уловить,
Зачѣмъ вотъ намъ легко на свѣтѣ жить,
А бѣднымъ женщинамъ куда не сладко.
Счастливыхъ между васъ я отыскать не могъ ;
И если отъ души иная веселится, —
Навѣрное глупа, какъ мотылекъ,
Который у огня кружится...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Удачная насмѣшка !.. но къ чему ?

ЛОВИЧЪ

Простите, я сказалъ ктому,
Чтобъ вызвать вашъ отвѣтъ скорѣе.
Въ своемъ безсильи смиренно сознаюсь,

И даже, вѣрите-ль, чѣмъ больше я тружусь,
 Задача все становится труднѣе.
 Я пробовалъ читать, и много; въ томъ числѣ
 Брошюры пробѣжалъ Прудона и Мишле,
 Но о любви и женщинѣ ихъ ни слова
 Лишь только новыя набросали сомнѣнья.
 Съ досадою отрекся я отъ книгъ
 И истину о вашемъ назначеньи
 Вѣрите счелъ узнать отъ васъ же отъ самихъ;
 Мою настойчивость, надѣюсь, вы простите?

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА

Отъ всей души. И чтобы вамъ помочь,
 Цѣль жизни собственной я вамъ сказать неурочъ;
 По ней и о другихъ пожалуй вы судите..

ЛОВИЧЪ

О будьте такъ добры!..

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА

Вотъ видите ли: я

Встрѣчаю часто лицъ вокругъ себя,
 Готовыхъ жертвовать, изъ видовъ самыхъ низкихъ,
 Нетолько честію своею,
 Но даже честію друзей,
 Ошибкою судьбы перѣдко съ нами близкихъ...
 Знать, видѣть до какихъ границъ
 Дойти способны злость и низость этихъ лицъ —
 Вотъ цѣль моя, которой не скрываю.

ЛОВИЧЪ (нѣсколько смѣшавшись)

Да, ваша цѣль... ее я понимаю;
 Ее въ виду имѣю я и самъ;
 Но смыслъ не тотъ вы придали словамъ:
 Случайно... впрочемъ нѣтъ, едвали...
 Цѣль жизни свѣтской вы сказали,
 Не жизни вообще...

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА

Жизнь женщинъ и мужчинъ.

Я думаю, имѣетъ смыслъ одинъ,
 И вы его легко поймете:
 Такъ можно ожидать.

Когда потрудитесь сказать
Про васъ самихъ — вы-таки для чего живете?..

... ЛОВИЧЪ (съ горькой улыбкой)

Я именно?.. зачѣмъ живу я самъ?
Признаться въ этомъ: вамъ мнѣ будетъ очень трудно,
Но правду всю скажу я вамъ...
Я не живу, — жизнью рату безразсудно.
Ничто меня не шевелитъ,
И падутъ дни мои безъ жѣлы, плетая, Мало,
Когда работа вкругъ шивитъ,
А свѣжихъ силъ куда вамъ надо!
Въ шпирити погружонъ душой,
Я къ дѣлу полонъ апатизъ;
Усиле-жъ сдѣлать надъ собой
Въ душѣ вѣтъ капли энергизъ...
Я рану старую бужу,
Когда себя вамъ открываю;
Чтобъ кончить вспоивъ, скажу:
Я не живу, а жизнь я убиваю...

... .. ЕВГЕНІА ПЕТРОВНА

Понятно мнѣ откуда зло.
Васъ слѣдало такимъ конечно воспитанье;
Оно имѣло жалкое вліянье
И силъ къ добру вамъ не дало.

ЛОВИЧЪ

Нѣтъ, вотъ ошибка въ чемъ: какъ минулъ возрастъ дѣтскій,
Я непремѣнно долженъ былъ
Прослужать курсъ университетскій, —
Но я иначе поступилъ.
Рванаясь впередъ моя природа,
Мнѣ стало жаль четыре года,
И вздумалъ разомъ я схватить
Что многимъ стоитъ долгой мушъ;
Казалось легче мнѣ свой цѣлкій умъ развить
Въ самой Германіи, на роднѣ науки.
Я и отправился туда;
Но не забуду никогда —
Я встрѣтилъ на пути двоихъ экикуррейцевъ,
Героевъ нашихъ замъ, блистательныхъ гвардейцевъ.

Мы познакомились. Они открыли мнѣ
 Какія чудеса творять узы и шперы,
 Что прежде видѣлось мнѣ только въ смутномъ снѣ,
 О чемъ молчали гувернеры...
 И вышелъ горькій результатъ :
 Прощипнулъ въ душу тошнѣй адъ,
 Воображеніе отстало отъ науки ;
 Не голосъ знанія, теперь нѣтъ звуки
 Услышать юноша хотѣлъ...
 Жизнь изучать въ Парижѣ я полетѣлъ.
 Ну, и узналъ ее. Уроки парижанокъ
 Способны быстро развѣять ;
 Противъ нихъ доконовъ и всѣхъ другихъ привамокъ
 Я, мальчикъ, могъ ли устоять ?
 И года не прошло — я началъ харить прелею :
 Уроковъ женскихъ слѣдъ прямой !
 Тутъ въ ужасѣ, чтобъ не убить здоровья,
 Рѣшился ѣхать я домой.
 Сказать прости парижскому веселью
 Мнѣ удалось—таки, я оставилъ все.
 Вотъ путешествіе мое,
 Какъ говорить у насъ, съ ученой цѣлью...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Внимательно слѣжу я вашъ расказъ :
 Въ немъ вы не тѣ, какъ я привыкла видѣть васъ,
 Какъ прежде я на васъ смотрѣла...

ЛОВИЧЪ

Смотрѣли лучше вы — естественное дѣло :
 Вы съ голоса другихъ судили обо мнѣ, —
 И ошибались вполне.
 Въ гостинныхъ вѣчно я волшебныя лгалъ сказки,
 Являлся тамъ во всей красѣ ;
 Немушено, что вы, какъ и другіе всѣ,
 Не примѣчали китрой маски...
 Умѣя цѣну дать прекрасному уму,
 Снимаю маску я предъ вами потому,
 Что вами узнавъ быть давно ужъ опасался ;
 Такъ лучше васъ мнѣ въ томъ предупредить :
 Вотъ почему я началъ говорить.
 Затѣмъ расказъ мой продолжаю.

Вернувшись въ Петербургъ, всталъ я скоро въ свѣтъ

И имъ былъ благосклонно встрѣченъ.

Тутъ удивительнаго нѣтъ,

Я и не могъ не быть замѣченъ :

Я былъ богатъ и многими адѣсь родня —

Двѣ очень важныя причины,

Чтобъ полюбили всѣ меня,

Не только женщины, но даже и мужчины.

И началъ я обычный трудъ :

Обѣды востребовать, толкаться въ маснарадакъ,

Верхомъ являться въ кавалюдакъ,

Торчать везаѣ, гдѣ только свѣтлейшій людъ

Безъ цѣли убиваетъ время.

Недолго впрочемъ все такимъ порядкомъ шло ;

Мнѣ скоро сдѣлалось не въ шутку тяжело

Искусственныхъ условій нашихъ бремя.

Очнулся я. Средь свѣтской суеты,

Среди пустей, мертвящей скуки,

Проснулись вновь въ душѣ забытыя мечты,

Стремленья къ славію, къ наукѣ —

И въ сердцѣ началась борьба.

Но... посмѣялася судьба.

Въ душѣ разсѣянной, холодной

Я не нашолъ отваги благородной

Къ наукѣ обратить весь молодости пылъ :

Настолько я испорченъ былъ !..

И вотъ, какъ видите, я въ свѣтъ вернулся снова.

И какъ же время провожу ?

Теперь въ себѣ я нахожу

Такъ много жолчнаго, опаснаго и злова...

Мнѣ стало весело всѣхъ путать, всѣмъ вредить ;

Разсерженъ собственной серьезной неудачей,

Я за нее другимъ стараюсь мстить,

Кто только смѣетъ жить не такъ какъ я, иначе...

Завистникъ злой и гордый эгоистъ,

Я стою общей укоризны

Уже за то, что рано въ книгѣ жизни

Писать я началъ черныя листы...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Скажите мнѣ : и неужели

Изъ вашего прошедшаго всего

Не вынесли вы ровно ничего,
 Что долго—бъ въ памяти вы сохранить хотѣли,
 Что позабыть вамъ было—бъ мудреѣе,
 Что хотя нѣсколько, хоть мало
 Всю горечь прошлаго смягчало, —
 Ужель печально все оно?

ЛОВИЦЪ

Нѣтъ : и въ моемъ существованьи
 Одна есть свѣтлая черта —
 И въ ней мое быть—можетъ оправданье.
 Конечно, я безумно, бурно жилъ,
 Страстямъ былъ преданъ черезъ шкуру,
 Но въ женщинѣ — нѣтъ, я не утратилъ шкуру,
 Ее въ борьбѣ я сохранилъ!
 Я убѣжденъ : есть чистыя созданья,
 Появившія высокое призванье
 Отрадой міру быть, въ немъ горе облегчать,
 Постигшія святое слово *мать* ,
 Способныя въ душѣ сухой, холодной,
 Заглохшей, черствой и бесплодной
 Возжечь святыя чувства вновь —
 И упованье и любовь,
 Поднять въ немъ нравственныя силы
 И объ руку идти до самой съ нимъ могилы!
 Во мнѣ онъ живъ, высокій идеалъ,
 Но во всю жизнь (судьбы въ томъ наказанье)
 Не встрѣтилъ я подобнаго созданья,
 И оттого быть—можетъ такъ упалъ...

(Задумывается. Минута молчанія.)

И знаете что мнѣ всего смѣшнѣе, —
 Когда я слышу — говорятъ,
 Что будто женщина страстиѣе
 И нѣжность сердца въ ней винять ;
 Когда клеветуютъ на природу,
 Чтобы отнять у васъ свободу :
 Въ порядкѣ, видите, вещей —
 Быть женщиной рабой, игрушкой страстей !..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Такія мнлыя, гуманныя сужденья

Я слышала неразъ. Объ этомъ ваше мнѣніе
Мнѣ любовнице-бъ было знать.

ЛОВИЧЪ

Его не буду я скрывать.
Пусть говорятъ, что женщина слабѣе
И вообще къ любви склоннѣе, —
Въ томъ виновата не она,
Не страстность, — нѣтъ, а просто обстановка:
Ей сфера узкая дана,
Въ которой жить, дышать неловко.
Она въ бездѣйствіи весь день,
Въ тоскѣ и скукѣ тратитъ годы;
А что касается свободы, —
Ея вамъ незнакома тѣнь.

При этомъ всемъ у васъ блюдетсѣ оныто,
Что женщина, куда-бъ ни вздумала она,
Не можетъ шагъ ступить одна,
Безъ спутника, или мужа, или брата.
Смѣшной обычай старины —
Онъ васъ тѣснить и въ наши годы!
Для развлеченья вамъ даны
Одни романы лишь да моды!
Чтожъ удивительнаго тутъ,
Что отъ тоски, уединенья,
Развито въ васъ воображенье
И васъ мечты на грѣхъ влекутъ?..
Да, вы поставлены неловко;
Васъ губить ваша обстановка!

Вотъ вечеръ. Вы на балъ приглашены.
Цвѣтами, бархатомъ покомъ убраны;
Все роскошью блеститъ; вездѣ горятъ кенкеты,
Несетсѣ тонкій ароматъ;
Мелькаютъ фраки, эпoletы,
Дамъ ослѣпительный нарядъ.
Небрежно опершись на руку кавалера,
Вы смотрите кругомъ. Тутъ ваша сфера.
Царите вы; на васъ устремлены
Всѣ помыслы, всѣ пламенные взоры!
О счастья на аву свершаются здѣсь сны,
Ведутсѣ тайные, нѣмые разговоры.

Электризуютъ васъ кругомъ :
 Кто взглядомъ, шуткой, кто умомъ.
 Тутъ льются музыки чарующіе звуки,
 Делѣютъ сердце, нѣжатъ слухъ ;
 Все обаятельно вокругъ,
 Все ищетъ, жаждетъ страстной муки,
 Тревожитъ нервы, чувства, кровь
 И вызываетъ на любовь :
 Все къ увлеченію подготовка...
 Опять васъ губить обстановка !

Да отнимите вы отъ насъ
 Занятія наши, развлеченія,
 Поставьте въ ваше положеніе —
 Я смѣло увѣряю васъ,
 Что мы, холодные и строгіе мужчины,
 Васъ въ страстности далеко превзойдемъ
 И по слѣдамъ несчастной Мессалины
 Какъ сумашедшіе пойдёмъ...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Вы правы. Такъ сама я вещи понимаю,
 И мы сошлись. Вашъ взглядъ я уважаю,
 Васъ за него благодарю.

(Протягиваетъ ему руку.)

ЛОВИЧЪ

Помилуйте, за что ! На женщину смотрю,
 Какъ видите, прямыми я глазами...
 Однако я заговорился съ вами ;
 Пора домой. (Смотритъ на часы.) Двѣнадцатый ужъ часъ !
 Ахъ да ! просить позвольте васъ :
 Навѣрное Мише вы прочитали,
 Такъ возвратить его нельзя ли ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Да, я прочла. Прошу васъ извинить.
 Его сейчасъ вамъ принесу я...

ЛОВИЧЪ

Зачѣмъ же вамъ самимъ?.. Позвольте позвонить.

(Берется за колокольчикъ.)

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Нѣтъ, нѣтъ! Сама скорѣй найду я,
А человѣку гдѣ сыскать!
Прощу минуточку подождать.

(Уходитъ.)

VI

ЛОВИЧЪ

О женщины! смѣшно сказать,
Какъ въ нихъ развито состраданье!
Въ немъ гибель ихъ и въ немъ же оправданье.
Однако я порядочно усталъ.
Легко сказать, часъ битый вздоръ болтаешь.
Страдальчески, съ такимъ подаблннымъ жаромъ!
Смѣшно! Но къ счастью, что не даромъ.
Да, успѣваю я, благодаря мужьямъ!
Но прежде чѣмъ отпраздную побѣду,
Въ объятія къ Эмилиі поѣду:
Сергѣй Петровичъ врядъ ужь тамъ...

VII

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Вотъ ваша книга, подучите.

ЛОВИЧЪ

Евгенія Петровна, извините,
Я новости одной вамъ не сказалъ;
У Венцлера въ четвергъ опять назначенецъ бѣдъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Что, именины въ рожденье?

ЛОВИЧЪ

Не угадать вамъ безъ сомнѣнья.
Старикъ престранный человѣкъ,
Задалъ выдумку смѣшную.

Представьте : въ нашъ желѣзный вѣкъ
Играетъ свадьбу золотую !

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

А, юбилей !..

ЛОВИЧЪ

Васъ вѣрво пригласить ?

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Я думаю.

ЛОВИЧЪ

Я буду очень радъ.
Такъ ухажу въ пріятномъ ожиданьи
Васъ встрѣтить тамъ...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА (подавая ему руку)

Надѣюсь. До свиданья.

(Ловичъ уходитъ.)

VIII

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Нѣтъ, Ловича вельзя не уважать.

Но эта странная записка...

Вѣдь онъ ее писалъ ? Какъ тутъ понять,
Съ какою цѣлю онъ поступилъ такъ низко ?

Ужель безъ мысли ? — вотъ вопросъ !

Записка, Ловичъ, мужъ... Нѣтъ, голова кружится,
Все смутный сдѣлалось хаосъ...

Незнаю что начать, на чемъ остановиться...

Мнѣ больно : я вдвойнѣ оскорблена —
Какъ женщина и какъ жена.

И, видитъ Богъ, я не могу представить,

Что въ этотъ самый часъ...

Нѣтъ, лучше кончить все заразъ

И мужа я должна оставить...

Чего могу я больше ждать ?

За честь свою ужели мнѣ молчать ?..

(Раздается стукъ экипажа.)

Но кажется къ крыльцу подъѣхала карета...

(Прислушивается.)

Его шагъ... Проходитъ мимо кабинета,
Идетъ сюда... Прекрасно, пусть войдетъ:
Во мнѣ жены онъ не найдетъ!..

(Садится.)

IX

ИЗВОЛЬСКІЙ

Ты, Женни, ждешь меня и все на томъ же мѣстѣ!..
Какъ видишь, я явиться поспѣшилъ;
Оставилъ партію, хотя рублей на двѣсти
Я въ вѣрномъ вынгрышѣ былъ.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Напрасно! Жертвы мнѣ невадо.

ИЗВОЛЬСКІЙ

Скажу, какъ Чацкій, про себя:
Спѣшилъ увидѣть я тебя —
И вотъ за подвиги награда!..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Тутъ нѣту подвиговъ и незачто вѣнчать.
Ктому же ты вернулся слишкомъ поздно,
Чтобъ памяти твоей я стала довѣрять.
Я это говорю серьезно.

ИЗВОЛЬСКІЙ

Не въ духѣ, Женни, ты; незнаю отчего?
Скажи пожалуста? Ужели оттого,
Что я какъ юноша влюбленный
Съ тобою вечеръ не провелъ?
Не могъ, мой другъ: дѣла — предлогъ законный!
И противъ воли я ушелъ...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

И въ карты сѣлъ играть, чтобъ кстатн, между дѣломъ,
Кой-что черкнуть на память мѣломъ,
Развлечь себя!.. И съ кѣмъ же ты игралъ?

ИЗВОЛЬСКІЙ

На жертву Ловичъ мнѣ достался —
И сильно онъ, бѣдняжка, пострадалъ...
Кн. VIII. — Озд. I.

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА (скрывая негодование)

Такъ чтожъ ты кончить не остался?
 Миѣ, признаюсь, хотѣлось быть одной,
 Миѣ тяжело!..

ИЗВОЛЬСКІЙ

Серьезно, что съ тобой?
 Вдругъ измѣнилась такъ, въ лицѣ движенье,
 И страшно поблѣднѣла вся...

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА

Ты помнишь, проповѣдь твоя...
 Она оставила дурное впечатлѣнье.
 Я долго думала объ ней
 И съ каждой мыслию миѣ дѣлалось грустнѣй, —
 Вотъ вся причина безпокойства...

ИЗВОЛЬСКІЙ

Есть отчего придти въ разстройство!..
 Я полагалъ серьезнѣй что-нибудь.
 И даромъ вздумала меня ты упрекнуть:
 Я къ слову высказалъ лишь общія сужденья,
 Давно извѣстныя и чуждыя сомнѣнья...

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА

Но я не принимаю ихъ, —
 Все это грубыя и ложныя понятья...
 Я не забуду правъ своихъ,
 И ихъ всегда готова защищать я;
 Быть гордой женщина должна,
 Не признавать уродливаго мнѣнья,
 Что женщины измѣна — преступленье,
 Мужчины — слабость лишь одна.
 Вина обонхъ равной вѣры —
 Одинъ и долженъ быть отвѣтъ;
 Всегда была я этой вѣры,
 Пускай иначе судить свѣтъ...

ИЗВОЛЬСКІЙ

Но это парадоксъ, и только.

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА

Я утверждаю, что нисколько,

И мысль свою готова доказать.
 Конечно, впрямь мужъ жену свою карать,
 Когда она себя позволить увлечено!
 Тутъ честь страдаетъ, и притомъ
 Тутъ много значить опасенье
 Принять дѣтя чужое въ домъ.
 Но къ вамъ самимъ, нѣ перейдемъ!
 Жену свою спокойно оставляя,
 О ревности ея наивно забывая,
 Вы обращаетесь къ кому?
 Къ замужней жемчужинѣ, — такъ значитъ безпечность
 Отъ васъ идетъ въ чужомъ дому,
 Въ семью другихъ вы вносите разстройство...
 Выходитъ тотъ же результатъ,
 Но этого и слышать не хотеть:
 А если дѣвушку вы скоро увлечете
 Въ игру опасную страстей,
 Тѣмъ меньше шансовъ вы найдете
 Для оправданья передъ ней;
 Ея соблазнъ — еще сильнѣй злодѣйство:
 Видь дѣвушка сама въ себѣ себѣ...

ИЗВОДСКІЙ.

Все это такъ въ теоріи одной,
 А живешь въ жизни — не то далеко!
 Законъ тямую руной
 Недаромъ васъ казнитъ жестоко...

ЕВГЕНІЯ ДЕТРОВА

Не говоривъ про законъ:
 Двуличный богъ, въ сражъ беззащаденъ онъ,
 Не слышитъ нашего оръ стона,
 И только-благодаренъ къ вамъ...
 Онъ слабымъ врагъ и сильнѣйшю обороно!
 Права дѣла; руди ты самъ.
 Какъ часто дѣвушка выходитъ
 Въ замужство, грѣшъ любви поля,
 А минеть годъ — и въ ужасѣ впадаютъ,
 Что въ выборѣ ошиблася она.
 Мужъ къ ней становится небреженъ, равнодушенъ,
 Жестока — такъ, просто, безъ причинъ;
 Дурнымъ наклонностямъ послушенъ,

Жепѣ внушая страхъ одна,
Въ интригу пошлую вступая онъ открыто...

Приличье, гордость — все забыло !
Онъ увлекается танцовщицей одной ;
Ей въ ослѣвленіи дарить дома, кареты,
За то, что ловко такъ она съ насмѣшкой влои
На грудахъ золота танцуетъ лируеты !

Въ отчаяннѣ несчастнаго жена...
Какъ можетъ помѣшать она
Разврату гнусному и шумному веселью !
Плачь, бѣдная, надъ дѣтской колыбелью,

Но и не думай никогда
Искать помощи у суда :

Безумнаго законъ не остановитъ !
Все, все терпи съ покорностью слуги,
Хотя онъ гробъ тебѣ готовитъ,

А сыну бѣдность и долги...
Иль это напримѣръ : презрѣнный аристократъ
Встрѣчаетъ дѣвушку-дѣтя ;

Она одна, никто ей не защита, —
И увлекаетъ онъ несчастную ювта.

Проходятъ дни, и вотъ стыдливо
Спѣшитъ бѣдняжка сообщить,

Что матерью она готова быть
И слово ласкъ ждетъ въ надеждѣ безавинной ;
Но онъ нахмурился, сталъ холоднее ледя...
Ему-ль понравится подобное извѣстіе !..

И бросивъ дѣвушку на муки и безчестье,
Онъ исчезаетъ безъ слѣда...

Рождается дѣтя, гость въ мирѣ нежеланной,
Мать имъ любитъ съ улыбкой страшной,

Потомъ, въ отчаяннѣ веномля ничего,
Малютку къ груди жметъ, и — больше гвѣтъ его !

Она преступница и ей готово мщенье.
Не здѣсь, пусть въ небѣ ждетъ прощенья !

Ее ведутъ на висѣлотъ ;
Кругомъ народъ волнуется... А тотъ,

Кто злу всему причиной и основой,
Кто погубилъ дѣтя и мать ?

Онъ правъ ! за что его карать ?
Спокойный совѣстью, онъ ищетъ жертвы новой !..

Вотъ справедливый вашъ законъ !
 Какъ видно, что онъ писанъ вами ;
 Насъ, женщинъ, заставляетъ онъ
 Рыдать кровавыми слезами !..

(Въ волненіи вынимаетъ платокъ ; въ это время изъ кармана выдаетъ письмо.)

ИЗВОЛЬСКИЙ

Какъ вынимала ты платокъ,
 Я видѣлъ — что-то вдругъ упало,
 Какой-то писанный листокъ...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА. (быстро поднимая письмо)

О боже-мой, письмо !..

ИЗВОЛЬСКИЙ

Что ты сказала ?

Письмо ? Какое ? Отъ кого ?

Дай мнѣ взглянуть...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА (смильщась)

Въ немъ нѣту ничего...

Такъ... пустакъ... не стоитъ и вниманья...

ИЗВОЛЬСКИЙ (подозрительно)

Но если пусто содержанье,
 Чтожъ ты смутилась ? отчего ?
 Нѣтъ, дай письмо.

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

Слова твои напрасны :

Я не могу его отдать.

ИЗВОЛЬСКИЙ (вспыльчиво)

Такъ вы на просьбу несогласны ?
 Я требую отъ васъ, прошу понять...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА (гордо)

Ужъ не хотите ль вы взять силой ?
 Признаться, было-бъ очень мило...

ИЗВОЛЬСКИЙ

Оставьте гордый тонъ, онъ не поможетъ вамъ ;
 Меня вы имъ нисколько не смутите.

Въ послѣдній разъ прошу, скажите:
Письмо дастъ?..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА (рѣшительно).

Не отдамъ!..

ИЗВОЛЬСКІЙ (въ сильномъ волненіи)

Чтожъ это наконецъ — секретъ, интрига, тайна?
Или все вижу я во сѣбъ?
Обманъ прокрадся въ домъ ко мнѣ
Такъ неожиданно, случайно!
И чрезъ кого!.. теперь я васъ постигъ...
Такъ вотъ разгадка и сущность,
И вашей склонности къ удивленью,
Къ мечтамъ возвышеннымъ, нечарпнутымъ изъ книгъ!
Обычай храня порядочнаго круга,
Я долженъ васъ предупредить:
Когда у васъ письмо отъ друга,
Я буду мстить и страшно буду мстить;
Не вамъ, — дакъ отъ упрямца я забавлю,
Мстить женщинѣ стыда я не возьму, —
Всю горечь мщенія ему,
Его страданьями я васъ страдать заставляю.
Да, шашкою мнѣ зинкатишь ты
За разговоръ, за встрѣчу съ вами;
Лицомъ къ лицу мы встрѣтимся врагами, —
Тогда я буду отомщенъ!..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

О если на меня въ интригѣ подозрѣвъ,
Я не свесу такого оскорбленья!
Возьмите, можете прочесть...

(Отдаетъ письмо. Извольскій, взглянувъ на него, остается неподвижнымъ.)

Скажите, чья-жъ изъ насъ страдаетъ честь?
И этотъ монологъ о мщеніи ужасный,
Произнесенный грозно мнѣ,
Не къ вамъ ли клонится, не въ вашей ли высь?
Какъ вы находите? По мнѣ такъ это ясно.
Но я добрѣ буду васъ:
Вы убѣдитесь сейчасъ.
Соперницу свою въ покоѣ я оставлю!

За что ей честь вниманья моего?
 Презрѣнье ей — и больше ничего!
 Ея страданьями страдать васъ не заставляю, —
 Вамъ жребій выпадеть мной,
 Васъ ждетъ другое наказанье:
 Я лишняя для васъ; васъ развѣжу съ собой
 И честь вамъ сдѣлаю быть моею женой,
 Но только... по названью!
 Мнѣ ваше имя жаль, чтобъ думать про разводъ,
 Нелѣпыя ходить начнутъ въ отомщѣ омазки, —
 И я скромнѣй придумала исходъ,
 Чтобъ вамъ свободу дать и избѣжать огласки...
 Что дѣлать, не моя вина!
 Но вамъ я больше не жена!

ИЗВОЛЬСКІЙ

Незнаю какъ просить у васъ прощенья —
 За глупое мое, пустое подозрѣнье;
 Неволью вырвалось оно.
 Быть опрометчивымъ мнѣ вдане суждено.
 Но неужель, скажите мнѣ серьезно,
 Изъ-за записки вы пустой
 Хотите нешута поссориться со мной
 И приговоръ исполните вашъ грозный?
 Я вѣрить не хочу; мнѣ ваша мысль страшна...
 Скажу, себя не въ оправданье,
 Какая-бъ ни была вина,
 Ужасно ваше наказанье!..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА

А я такъ иначе смотрю.
 И вы мнѣ глазъ не отведете!
 Въ послѣдній разъ вамъ повторю:
 Во мнѣ жены вы не найдете...
 Тутъ не письмо причиной, — вѣтъ!
 Смѣшно ему давать серьезное значенье;
 Другія есть къ разрыву побужденья,
 Другой убійственный секретъ.
 Вся ваша жизнь безцѣльная, мутая,
 На счастье въ будущемъ надеждъ мнѣ не даетъ,
 Тѣмъ болѣе, что строго наблюдаю,
 Я этой жизни въ васъ ужъ вижу горькій плодъ.

Вы, полный силъ, ума, такъ рано
 Дойти успѣли до того,
 Что просто такъ, незная для чего,
 Унизались до лжи, притворства и обмана...
 Изобличить нетрудно васъ:
 Не вы-ль сказали мнѣ сейчасъ,
 Безъ всякаго смущенья, смѣло,
 Что съ Ловичемъ играли вечеръ дѣлой,
 Тогда какъ Ловичъ, вашъ партнёръ,
 Со мною велъ здѣсь разговоръ?..
 Лгать, явно лгать! Какъ низко вы упали!!..

ИЗВОЛЬСКІЙ (всдыхнувъ)

Нѣтъ, это черезчуръ... Прошу васъ перестать.
 Я не охотникъ до морали.
 Позвольте прямо вамъ сказать:
 Когда вы въ мищеніи ревнивомъ
 Грозите вешута своимъ разрывомъ
 И въ вашихъ пламенныхъ мечтахъ
 Рисуете себѣ волшебныя картины
 Жить съ мужемъ на двѣ половины —
 Разочаруетесь вы страхъ;
 Мечтамъ я сбывться не позволю,
 Я дамъ почувствовать свою надъ вами волю —
 И вы... вы покоритесь мнѣ.
 Къ разрыву нѣтъ законныхъ основаній;
 Записка эта вздоръ, она въ огнѣ!

(Указываетъ на каминъ, куда бросилъ письмо.)

Опоры нѣтъ для вашихъ притязаній!
 Когда же вы — спѣшу предупредить —
 Рѣшитесь продолжать настойчивость пустую,
 Такъ долгъ жены напомнить и внушить
 Я силу призову иную...
 На видъ поставлю вашу законъ,
 Который вы такъ дерзко унижали,
 И побѣдите вы едвали:
 Мечтамъ не полагаетъ онъ!
 Да, какъ бы ни было, свободно или невольно,
 А вы останетесь со мной,
 Какъ были прежде... Но довольно.
 Для васъ не будетъ трудъ большой

Мой слова привести въ сознанье ;
Я ухажу, чтобъ не мѣшать.
Иначе — вѣрьте въ предсказанье —
Придется горько вамъ страдать !

(Уходитъ. Евгенія Петровна опускается въ кресло.)

НИКОЛАЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ

* * *

Вотъ люди странные ! Сварливы, прихотливы,
Задорны въ мелочахъ, на важное трусливы,
И злостью жалкою какою-то полны,
Пилить весь вѣкъ другихъ какъ-будто создавы !

И это все весной ! Весной отличной, чудной,
У рѣчки искристой, за рощей изумрудной,
Въ прохладномъ домикѣ, гдѣ въ окна ночь и день
Гладить черемуха и бѣлая сирень !

О. ВЕРГЪ

ЮРИДИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ОДНОГО УГОЛОВНАГО ДѢЛА

ОКОНЧАТЕЛЬНО РѢШЕННОГО ВЪ 1849 ГОДУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Передъ тѣми благими реформами, которыя предпринимаетъ правительство по части судоустройства и судопроизводства, не бесполезно оглянуться на прошлое и сознать отъ какихъ вопиющихъ злоупотребленій избавляемся мы при новыхъ институціяхъ. Съ этою именно цѣлью и напечатана предлагаемая статья. *Ред.*

Мысль о правдѣ въ судахъ, какъ мысль современная, основанная на любви ближняго; стремящаяся къ благу не одного, не двухъ, не трехъ лицъ, а къ благу всей семьи; составляющей народъ или государство, не можетъ и не должна быть отвергаема никѣмъ: отвергать мысль эту въ малѣйшихъ ея оттѣнкахъ было бы не только нечестно, но грѣшно! Она отъ малото и до стараго должна найти сочувствіе въ благомыслящихъ людяхъ, обязанныхъ развѣнать ее со всевозможною точностью и во всѣхъ ея отрасляхъ. Конечно это дѣло не одного лица; общими силами мы должны стараться достигнуть этой цѣли. Но какъ ее достигнуть, когда есть люди, которые находятъ тысячу средствъ подавить правду самымъ благомысленнымъ образомъ и скрывать неправды свои дѣйствіемъ формальн., въ силу закона облеченными?

Я избирю дѣло самое многосложное, заключающее въ себѣ нѣсколько преступленій: несчастную смерть, развращеніе богатства

покойнаго, поджогъ квартиры, уничтоженіе бумагъ, могущихъ обнаружить количество имущества умершаго и еще нѣсколько другихъ, имѣющихъ общую съ дѣломъ этимъ связь.

Итакъ, читатель, рассмотримъ вмѣстѣ это дѣло, и вы увидите, какъ часто и какъ безправно былъ нарушаемъ законъ. И кѣмъ же? Чиновниками, состоящими на службѣ, т. е. блюстителями правосудія! Эти вдвойнѣ важныя преступленія прошли виновнымъ безнаказанно; мало того, судебныя мѣста, рѣшая дѣло, одни присуждали истца отвѣтственности за мнимыя клеветы, а другія — лишенію его правъ состоянія и ссылки на поселеніе. Высшія судебныя мѣста, видя неправоту такихъ рѣшеній, оставляли ихъ безъ измѣненія, но все же они не рѣшались предать виновныхъ суду и довольствовались оставленіемъ ихъ въ подозрѣніи, подъ предлогомъ неясныхъ доказательствъ; а между тѣмъ за упущенія и неправильности въ раскрытіи этихъ доказательствъ взыскано не было.

Прослѣдимъ же ходъ этого дѣла и вы ясно убѣдитесь, что при настоящей организаціи нашихъ судебныхъ мѣстъ на каждомъ шагѣ есть средства скрыть преступленія.

Въ одномъ изъ губерскихъ городовъ нашего обширнаго государства чиновникъ шестого класса М., состоящій въ должности губернскаго контролера, обладалъ огромнымъ наличнымъ капиталомъ; общая молва города и всей губерніи провозгласила его миллионеромъ. Жилъ онъ одиноко, скромно, нанималъ квартиру въ домѣ бѣднаго еврея; вся прислуга его состояла изъ одного лакея, кухарки и крѣпостного человека. Изъ родныхъ близкихъ у него никого не было, а дальніе родственники хотя и жили въ томъ же городѣ, но были съ нимъ не въ ладахъ. Онъ отдавалъ деньги взаймы подъ залогъ драгоценныхъ вещей и недвижимыхъ имѣній, а потому неудивительно, что занимаясь такимъ ремесломъ около тридцати лѣтъ и притомъ живя расчетливо и скромно, онъ успѣлъ въ продолженіи этого времени собрать огромный капиталъ.

Въ январѣ 1836 года М. почувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ и рѣшился для исправленія здоровья не выходить изъ дому; но эта болѣзнь не мѣшала ему заниматься дѣлами дома, которые были приносимы чиновниками для пересмотра и подлинки.

Однажды во время своей болѣзни онъ замѣтилъ, что въ его квартиру вошелъ полицейскій чиновникъ. Удивленный, онъ спросилъ лакея о причинѣ такого посѣщенія; лакей отвѣчалъ: узнать

объ вѣстияхъ здореванъ. На второй и третій дни эти вѣстiи повторялись. Такая бдительность полицiи начала его тревожить и онъ спросилъ пользовавшаго его доктора Ш., скоро ли можно будетъ выхаживать ему изъ коннаты? Докторъ отвѣчалъ: еще одинъ приемъ лекарствъ — и болѣзнь кончится. Дѣйствительно болѣзнь кончилась, но вѣстiи съ живенью.

На другой день послѣ помнутаго визита, и именно 2 февраля, докторъ Ш. явился по обѣщанiю съ лекарствами и приказавъ его принять, тотчасъ уѣхалъ, обѣщая вернуться чрезъ полчаса. Послѣ ухода доктора, М. принялъ лекарство, и послѣ нѣсколькихъ минутъ вдругъ съ нѣвѣ сдѣлался дуракомъ. Онъ выбѣжалъ изъ коннаты въ кухню и едва успѣлъ распорядиться и послать за докторомъ, тотчасъ началась у него жестокая кровавая рвота, онъ сошелся на полъ и чрезъ нѣсколько минутъ скончался.

Хозяинъ дома, которому нѣтъ-цѣлю поручено было наблюдать за смертью М., тотчасъ далъ знать полицiи. Явился частный приставъ В. вмѣстѣ съ дежурными, которые занялись обшариванiемъ тѣла; а частный приставъ вмѣстѣ съ хозяиномъ отправившись въ коннату умершаго. Вскорѣ прибылъ туда докторъ, а вслѣдъ за нимъ и полицiеистеръ Ч. Вышедшаго тутъ лакея вывели изъ полковницѣ К., на которой покойный М. предполагалъ было жениться, съ извѣщенiемъ объ его смерти, а когда лакей отговаривался, что не вправѣ оставить квартиры, чтобы что-нибудь не пропало, то докторъ принялъ все на свою отвѣтственность, приказывая отирать-ся куда его посылаютъ. Возвратившись, лакей засталъ, кромѣ вранья бывшихъ лицъ, уѣзжаго странчаго и члена дворянской семьи. Полицiеистеръ приказалъ ему отыскивать ключи отъ шкафа, находящагося въ кладовой, а также отъ комода и сундуковъ; лакей сталъ искать, но на мѣстѣ, гдѣ они обыкновенно лежали, ихъ не было; полицiеистеръ бранилъ, и наконецъ послѣ долгихъ поисковъ самъ ихъ гдѣ-то отыскалъ. Отперши шкафъ, стоявшiй въ кладовой. Тамъ на верхней полкѣ лежала золотая монета, разныя драгоценныя вещи и въ нѣсколькихъ пачкахъ бѣлыя, красныя и синiя ассигнацiи; среднiя три полка наполнены были сверху до низу серебряными рублями, а въ нижней также лежало пять пачекъ съ серебряной монетою. Полицiеистеръ, вмѣсто того, чтобы опечатать шкапы, кладовую и вообще всю квартиру умершаго, приказалъ лакею собрать всѣ эти деньги и драгоценности, и посчитавъ сколько ихъ тамъ было, сложить при себѣ все въ особый сумдукъ, и запечатать его казенною печатью и печатью доктора Ш., вслѣдъ поставилъ въ кладовую. Кладовая и три прилежащiя къ ней комнаты, куда спуска разныя вещи, также были запечатаны. Тѣло умер-

шого перенесено изъ кухни въ пустые кабинеты и положено на столъ.

Въ тотъ же день въ двѣнадцать часовъ утра родственники умершаго, два брата С., узнавъ о смерти дяди, тотчасъ явились въ квартиру его, но нашли все уже опечатаннымъ, а лицо покойника долго измѣнившимся, что трудно было его узнать. Изъ разсказа присутствовавшихъ тутъ восторженнѣе лишь она узнали обо всемъ происшедшемъ, а также что при обмываніи тѣла покойника были на немъ синебагровыя пятна. Наконъ старопостыжковъ смерти дяди сомнительною, они явились къ полицмейстеру, объяснив о своемъ родствѣ и просили допустить ихъ опечатать и присутствовать при описи имущества, но получили отказъ. На другой день они подали письменное объясненіе полиціи, члену описи, назначенному для описи имущества, и убитому страичему. — Но ни полиціи, ни члену описи, ни страичій не признали этого объясненія. Это побудило ихъ прибѣгнуть къ содѣйствію исправляющаго должность губернскаго прокурора и они письменно просили его, противъ домысливша ихъ бытъ при описи, освидѣтельствовать мертвое тѣло для узнавша причины скорѣйшей смерти М.; но я этого дѣлостителя присутствіи, говорившій имъ кучу дерзостей, не признавъ участія въ ихъ домогательствахъ, отговаривался тѣмъ, что ихъ неясность и до вкрадч перемѣнѣ сдѣланныхъ уже распоряженій начальника губерніи об опечатаніи и описи имѣнія умершаго.

Вслѣдствіе такихъ отказовъ одинъ изъ родственниковъ покойнаго, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ казенной палатѣ, обратился къ запискѣ своего начальства и просилъ назначить его депутатомъ со стороны палаты; но предсѣдатель объявилъ, что депутатъ уже назначенъ, почему савѣтовалъ обратиться съ просьбою къ губернатору. Проситель, по совѣту своего начальника обратился того же 3 января въ вѣтъ часовъ вечера къ губернатору со словесною просьбою дозволить ему опечатать и быть при описи имущества, а также объ изслѣдованіи причины смерти. Губернаторъ, будучи предвѣдомъ о домогательствахъ родственника, сказалъ, что удовлетворить словесной просьбы онъ не можетъ и велѣлъ подать формальное прошеніе на гербовой бумагѣ. Проситель отправился на квартиру депозитаріа приказаніе губернатора; но увидѣвъ въѣзжающаго вѣтъ брата, что мертвое тѣло выносятъ въ костель, они пошли въ квартиру дяди, гдѣ уже собралось много народа, ожидавшаго выноса. Увидѣвъ полицмейстера, распоряжавшагося выносомъ тѣла, они спросили, отчего тѣло выносятъ вѣмазъ вопреки опредѣленному закономъ сроку? — «Не ваше дѣло, отвѣчала полицмейстеръ: — начальство знаетъ какъ распорядиться.» Почему было дѣлать? Тѣло было вынесено въ ко-

стель. Когда отышли убоинца, родственники его возвратились на квартиру для ночевать, но застали уже там смуровых военный караулъ, и ступри полицейскій, состоящій изъ одного офицера и шести деовилкиихъ. На вопросъ дежурнаго офицера, что намъ нужно, они отвѣтили, что пришли ночевать вмѣстѣ съ нами для сбереженія имущества умершаго. Офицеръ не прорословалъ. Въ одиннадцать часовъ ночи вылезаетъ членъ оеки, назначенный для оеки имущества и спрашиваетъ въ передней: прѣхаетъ ли полицейскій етеръ? Десятскій отвѣчаетъ, что еще не прѣхалъ, но что пришли родственники умершаго съ намѣреніемъ ночевать здѣсь. Приказалъ черезъ десятскаго, чтобы дежурный офицеръ доложилъ объ этомъ полицейстеру, членъ оеки самъ уѣхалъ. Дежурный отправился съ докладомъ и возвратившись объявилъ родственнику, служившему въ казенной палатѣ, что полицейстеръ проситъ его къ себѣ. Онъ отправился внашомъ тамъ собѣхъ господъ, которые присутствовали при оеки имуществу, въ томъ числѣ и члена оеки, а самого полицейстера не было дома: онъ уѣхалъ къ губернатору, доложить, что родственники домогаются ночевать въ квартирѣ М. Нужно замѣтить, что обстоятельство это докладывалось въ двѣнадцать часовъ ночи. Губернаторъ приказалъ доставить обоимъ родственникамъ пороки; кто имъ было дозволено полицейстеромъ. Парваго изъ нихъ губернаторъ выбралъ и приказалъ ему не ходить въ квартиру умершаго подъ опасеніемъ ареста; но когда полицейстеръ представилъ другого, служившаго въ казенной палатѣ, то губернаторъ, прыскочивъ къ нему въ невыразимомъ бѣшенствѣ вскричалъ: — «какъ ты смѣешь, бродяга, лавидать на квартиру умершаго, гдѣ для сбереженія богатствъ поставленъ полицейскій и военный караулъ?» Потомъ приказалъ полицейстеру не допускать ихъ къ квартирѣ М., а въ случаѣ если кто изъ нихъ осмѣлится войти туда, то арестовать его, посадивъ на гауствухту.

На другой день, т. е. 4 февраля, въ то время когда тѣло М. было еще на кладбище, изъ его квартиры произошло было пожаръ, и для прекращенія этого можно сказать придуманнаго пожара приказано была пожарная команда дальшю отстоящей части, несмотря на то, что квартира умершаго находилась напротивъ части, гдѣ неслотвлялся былъ даже сигналъ. Но призыву дежурнаго офицера, явился на мѣсто пожара полицейстеръ, членъ оеки и ступричій, в развалена была печка въ передней и радебранъ потолокъ возлѣ трубы. А собравшіеся чиновники подъ предлогомъ осторожности, не прирмылся ли какъ-нибудь огонь въ кладовую, снали печатъ, и сѣднувшись внакого изъ присутствующихъ осторожныхъ лицъ, въ тоже время приступили къ составленію акта объ оеки

си имущества. Полицейскій предвѣрительно считъ необходимымъ уничтожить много бумагъ, вѣроятно для блага наследниковъ умершаго, а потомъ уже приступили къ описи. Послѣ такой операціи оказалось, что грекскій мильонеръ превратился въ ничтожнаго интеллигента, едва могущаго существовать безъ службы. По описи показано: 2,700 руб. ассигнаціями, 1,145 руб. серебромъ и 6 червонцевъ, да банковыми билетами и заемными письмами на 126,000 руб. шведскими. 6 февраля остатки денегъ и драгоценныхъ вещей пронумерованы были въ двухъ сундукахъ и вѣдены съ описью въ дворническую опеку, на дальнѣйшее распоряженіе, а для принятія остальныхъ вещей назначенъ былъ администраторъ.

Рассматривая внимательно описанное происшествіе, каждомувольно бросаются въ глаза слѣдующія обстоятельства: а) излишняя заботливость полиціи о состояніи здоровья М., б) скоростная его смерть, в) устраненіе родственниковъ отъ участія въ описи и опечиваніи имущества умершаго, г) преждевременное его погребеніе вѣнцомъ д) искусственный пожаръ и уничтоженіе бумагъ. Трудно признать, чтобы участвующіе въ этомъ дѣлѣ чиновники были люди неимѣющіе никакого понятія о законахъ: слѣдовательно навѣрно можно сказать, что происшедшія при этомъ грубыя отступленія — не что иное какъ умыселъ. Такъ напримѣръ 1) недопущеніе родственниковъ присутствовать при описи имѣнія есть поступокъ беззаконный даже въ такомъ случаѣ, еслибы они не доказали своего родства съ умершимъ; 2) назначеніе дворническою опекою описи имуществу умершаго не можетъ быть законнымъ потому, что на основаніи законовъ гражданскихъ, она распоряжается насчетъ безпомощныхъ умершихъ дворянъ, а о чиновникахъ распоряжается то имѣющее управленіе, вѣдомству котораго принадлежалъ умершій.

Все вышеописанныя событія, а также неумѣстное распоряженіе дворнической опеки, побудили родственниковъ умершаго жаловаться генералъ-губернатору и просить его о назначеніи изслѣдованія объ участіи въ преступленіи и противозаконныхъ дѣйствіяхъ имѣющее начальство. Гражданскій губернаторъ, чувствуя себя неправымъ въ этомъ дѣлѣ, сперва просилъ, чрезъ посредство полиціеистра, родственника умершаго, служившаго въ казенной палатѣ, оставить затѣванный имъ искъ, потомъ предлагалъ ему при себѣ имѣть чиновника особыхъ порученій; но когда С. отказался отъ этихъ милостей, тогда губернаторъ обратился къ его начальству съ желаніемъ уволить С. отъ службы.

Между тѣмъ вслѣдствіе жалобы, поданной генералъ-губернатору, предписано было губернскимъ казеннымъ дѣлѣ страичему Б. провѣсти формальное изслѣдованіе о выходящихъ С. злоупотребленіяхъ

На вопросъ онъ отвѣчалъ, что такъ какъ въ поданномъ 13 февраля 1836 года прошеніи онъ обжаловалъ и самого слѣдователя, то по этой причинѣ не можетъ допустить его къ производству дѣла до вослѣдованія резолюціи на вновь поданную генераль-губернатору просьбу 27 апрѣля 1836 года, а потому просить его приостановить свои дѣйствія.

С., видя надобность заняться исключительно настоящимъ дѣломъ, просилъ объ отпускѣ на 28 дней, но вмѣсто того былъ, согласно желанію начальника губерніи, совершенно уволенъ отъ должности, на которую поступилъ по приглашенію предсѣателя палаты для устройства стола, дѣла котораго были въ страшномъ безпорядкѣ и запущеніи, и впродолженіи своей трехлѣтней службы получилъ нѣсколько благодарностей и даже два раза представляемъ былъ къ наградамъ за отличіе, но не получилъ ее только потому, что не выслужилъ срока, которымъ положено представлять къ наградамъ чиновниковъ, отличившихся на службѣ. Нечего было дѣлать, С. приступилъ къ сдачѣ дѣла.

Между тѣмъ губернаторъ, недовольствуясь этою местию, старался представить его передъ жандармскимъ полковникомъ вольнодумцемъ, человѣкомъ опаснымъ для правительства. Расчетъ его былъ тотъ, чтобъ удалить его какъ-нибудь изъ города и такимъ образомъ разстроить заведенное имъ дѣло. Но судьбѣ уголко было избавить его отъ этого удара. Нашолся же человѣкъ, который, будучи при этомъ совѣщаніи, не раздѣлялъ мнѣнія враговъ С. Онъ нашолъ случай предостеречь его отъ угрожающей опасности.

Узнавъ о такомъ замыслѣ своихъ враговъ, С. немедленно приостановилъ сдачу дѣла и выѣхалъ секретно изъ города съ цѣлью принести личную жалобу генераль-губернатору. Жалоба его была выслушана благосклонно и наряжено 19 іюня 1836 г. слѣдствіе, производство котораго поручено было чиновнику особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, человѣку знающему производство слѣдственныхъ дѣлъ, но къ несчастію несовсѣмъ чистому на-руку. Такимъ образомъ С. покрайней-мѣрѣ избавился отъ удара, который могъ заклеймить его безвинно, приостановить начатое дѣло, а можетъ-быть и надолго разлучить его съ родиной и родными.

Командированный чиновникъ тотчасъ отправился на мѣсто дѣйствія съ приказаніемъ генераль-губернатора раскрыть неуремѣнно описываемыя злоупотребленія мѣстнаго начальства. Онъ обязанъ былъ прослѣдить и выяснитъ слѣдующіе пункты: 1) смерть М., 2) полицейскій надъ нимъ надзоръ еще при жизни, 3) недопущеніе родственниковъ присутствовать при описи имущества ихъ дяди, 4) пре-

ждевременное его погребеніе, 5) пожаръ въ квартирѣ умершаго, 6) снятіе въ то же время печатей и уничтоженіе многихъ бумагъ, 7) недопущеніе родственниковъ умершаго вочевать въ его квартиру и наконецъ 8) открытіе настоящихъ богатствъ М., о сборженіи которыхъ такъ усердно заботилось мѣстное начальство.

Слѣдствіе начато было составленіемъ акта объ осмотрѣ оставшихся денегъ и бумагъ послѣ смерти М., и другого акта — объ осмотрѣ пожара, а потомъ дады были въпренные мундиръ полицмейстеру, члену опеки и уѣздному стряпчему. При этомъ мундиръ высказались опытность, и навыкъ слѣдователя уметь дѣйствовать въ свою пользу. Въ то время, когда обжалованные лица собрались въ его квартирѣ, призванъ былъ туда и С., котораго слѣдователемъ встрѣтилъ самымъ радушнымъ образомъ: пожмая ему руку, усидѣлъ возлѣ себя и началъ задавать обжалованнымъ вопросы въ видѣ выткы, приказывая, чтобы отвѣты были немедленно доставлены. Вскорѣ отвѣты были написаны и вручены С. для возраженій и представленія доказательствъ. Цѣль этой мгновенной, иубльмаю высказанной расположенности была: та, чтобы приказать обжалованнымъ, что для разрыва этой дружбы требуется немалое количество наличныхъ. Дѣйствительно этотъ маневръ оказался вполнѣ успѣшнымъ для слѣдователя. С., возражая противъ объясненій, поуденныхъ, получилъ безыменную записку слѣдующаго содержания: «Вчера я былъ на вечерѣ у прокурора, куда была приглашены всѣ твои враги и чиновникъ, присланный на слѣдствіе. Сначала играли въ вистъ, потомъ слѣдователь заложилъ банкъ въ тысячу рублей ассигнаціями; полицмейстеръ понтировалъ на темную и проигралъ двадцать тысячъ рублей; послѣ этого всѣ разѣхались веселы и обнадѣжены общаніемъ слѣдователя, что все будетъ ладно. Предостерегаю васъ. Не вѣрьте обольщеніямъ хитраго и провырливаго чловѣка; онъ васъ погубитъ.» Эта предосторожность заставила С. быть повнимательнѣе и поакуратиѣе слѣдить за ходомъ дѣла.

С., разсматривая объясненія обвиненныхъ имъ лицъ, нашолъ собственное ихъ сознаніе по всѣмъ обстоятельствамъ кромѣ: 1) что денегъ послѣ смерти М. больше не оказалось, какъ сколько повзвано въ описи, 2) что оца, бумагъ никакихъ не уничтожали и 3) что М. умеръ не насильственною, а естественною смертью, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать пользовавшіе его медики. Соображаясь съ законами уголовными, онъ нашолъ: 1) что доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго; 2) что одного совершеннаго доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ; 3) что собственное признаніе подсудимаго есть луч-

ше свидѣтельство осело съята, когда оно совершенно сходно съ прошедшимъ дѣйствіемъ, или же когда показаны притомъ такія обстоятельства дѣйствій, по которымъ о достоверности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно: тогда не требуется дальнѣйшихъ доказательствъ, и судья не можетъ опасаться учинить по дѣлу приговоръ.

На основаніи такихъ объясненій и приведенныхъ законовъ, С., находя свою жалобу совершенно доказанною, сослался сверхъ того на показаніе подѣ присягою многихъ лицъ, знающихъ о состояніи умершаго его дѣла, видѣвшихъ у него за нѣсколько дней передъ смертью огромный наличный капиталъ и бывшихъ свидѣтелями уничтоженія во время пожара многихъ бумагъ. При этомъ онъ просилъ обратить вниманіе на внезапное обогащеніе хозяина дома (гдѣ квартировалъ М.), начавшаго изъ ничего строить каменный трехъ-этажный домъ въ 30,000 руб. сер., а также на покупку дома полицмейстерою и отдачу имъ и стряпчимъ денегъ взаймы.

Потомъ во избѣжаніе перемѣны отвѣтовъ, какъ это нерѣдко случается при производствѣ слѣдствій, С. скрѣпилъ вопросы и данныя на нихъ отвѣты, и упомянувъ въ концѣ своего возраженія объ этой скрѣпѣ, представилъ слѣдователю. Слѣдователь, прочитавъ возраженія С., хвалилъ прекрасное, основательное изложеніе; но когда дошелъ къ тому мѣсту, гдѣ было сказано о скрѣпѣ, нахмурилъ брови и спросилъ важно: «Гдѣ вы нашли законъ, которымъ позволялось бы доносителю скрѣплять данныя слѣдователемъ вопросы и отвѣты, хотя обжалованныхъ вами, но довѣренныхъ отъ начальства лицъ?» С. отвѣчалъ, что на это закона нѣтъ, подобно тому какъ нѣтъ закона, которымъ бы запрещалось скрѣплять: слѣдовательно ничего здѣсь не сдѣлано противозаконнаго.

— Знаете ли вы съ кѣмъ говорите? вскричалъ грозно слѣдователь.

— Знаю: я говорю съ статскимъ совѣтникомъ, чиновникомъ особыхъ порученій генераль-губернатора.

Взбѣшенный такимъ отвѣтомъ, слѣдователь вскричалъ: «Я тебя арестую! Позвать сюда жандармовъ.»

— Арестуйте преступниковъ закона, сознавшихъ въ преступленіи, а не меня! сказалъ С. и вышелъ изъ квартиры слѣдователя.

Слѣдователь, видя, что ему приходится имѣть дѣло съ человекомъ, котораго не устратишь скоро, принужденъ былъ продолжать слѣдствіе осмотрительнѣе. Онъ потребовалъ формулярные о службѣ списки полицмейстера, члена опеки и уѣзднаго стряпчаго, которые и были доставлены ему губернскимъ правленіемъ. Потомъ далъ запросъ губернатору, по какой причинѣ покойный М.

находился подъ надзоромъ полиціи во время болѣзни? Губернаторъ отвѣчалъ, что по смерти М. не было сдѣлано имъ никакого письменнаго распоряженія, потому что уже предварительно приказано было полицмейстеру наблюдать за ходомъ болѣзни, которой исхода надлежало ожидать неблагопріятнаго, суда по ея свойству, и тотчасъ въ случаѣ смерти принять мѣры къ сохраненію имущества, такъ какъ въ домѣ не оставалось никого изъ близкихъ. По смерти же его губернаторъ приказалъ полицмейстеру, пригласивъ уѣзнаго стряпчачаго, члена опеки и чиновника казенной палаты, сдѣлать опись имуществу умершаго. На запросъ палатѣ, отчего М. не былъ въ должности и какъ долго, *палата отвѣчала, что онъ и приходилъ въ должность около мѣсяца, но занимался на дому дѣлами по день смерти.*

Соображая отвѣты губернатора и палаты, невольно бросается въ глаза разногласіе: по словамъ губернатора М. былъ одержимъ сильною болѣзью, требующею даже бдительнаго полицейскаго надзора, а изъ отвѣта палаты видно, что онъ былъ почти здоровъ.

Затѣмъ, по ссылкѣ полицмейстера, спрошены были медики (которыхъ считалось три), пользовавшіе умершаго, о болѣзни и причинѣ смерти. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что М. болѣлъ расширеніемъ грудной артеріи, а умеръ отъ разрыва той же артеріи вслѣдствіе гнѣва. При пользованіи его, для совѣщанія были призываемы и остальные два врача. Другой показалъ, что будучи приглашонъ первымъ на консилиумъ, онъ нашолъ, что М. кашлялъ мокротами смѣшанными съ кровью, и что при этомъ совѣщаніи ихъ было только двое. Третій — что за двѣ недѣли до смерти М. онъ втроемъ на совѣщаніи заключили, что легкія пришли въ такъ-называемую дезорганизацію; до того же времени онъ лечилъ больного совмѣстно съ первымъ отъ расширенія легочной артеріи. Смерть по его мнѣнію произошла отъ того, что упомянутая артерія лопнула.

Такая несообразность показаній врачей наводитъ каждаго здраво-мыслящаго человѣка на мысль, что М. умеръ неестественною смертью; а если взять во вниманіе преждевременное погребеніе, а также зловоніе трупа и синебагровыя пятна, выдѣнныя при обмываніи тѣла, то уже по судебно-медицинскому уставу этимъ доказывается отравленіе.

Въ заключеніе своихъ дѣйствій слѣдователь составилъ актъ, которымъ, вопреки сущему смыслу закона, устранилъ отъ показаній многихъ лицъ, поставленныхъ во свидѣтели С., по оговору полицмейстера, вовсе неосновательному, неимѣющему ни малѣйшей связи съ правилами закона, на основаніи которыхъ можетъ быть

устранено постановленное во свидѣтели лицо. Впрочемъ и изъ допущенныхъ къ показанію лицъ одни были спрошены безъ присяги, какъ члены евангелическаго братства, хотя они никогда членами этого братства не были, а другіе, хотя и за присягой, но это были тѣ, которые мало знали объ обстоятельствахъ смерти и о состояніи умершаго. Но несмотря на такое направленіе дѣла, ясно клонящееся въ пользу обжалованныхъ, оно все болѣе и болѣе приходило въ ясность, и жалобы С. вполнѣ оправдывались, какъ вслѣдствіе показаній обжалованныхъ лицъ, такъ и вслѣдствіе показаній лицъ постороннихъ.

Имѣя столько данныхъ, слѣдователь могъ бы вполнѣ раскрыть истину во всѣхъ даже мелочныхъ ея отгѣнкахъ; но ему мѣшала полученная плата, обязывавшая его вынести на своихъ плечахъ виновныхъ. Какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, онъ началъ лавировать; упущеніе слѣдовало за упущеніемъ. Онъ не спросилъ ни прислуги, находившейся при умершемъ, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ болѣзнь и смерть М.; ни дежурнаго полицейскаго офицера и десятскихъ, бывшихъ въ квартирѣ; ни хозяйна дома, откуда вдругъ явился у него, бѣднаго торговца мѣломъ, значительный капиталъ на постройку каменнаго трехъ-этажнаго дома; ни прокурора, почему онъ вслѣдствіе просьбы племянниковъ умершаго не распорядился о вскрытіи трупа и составленіи судебно-медицинскаго акта о причинѣ внезапной смерти М., — словомъ какъ будто нарочно упустилъ изъ виду все то, что могло вполнѣ раскрыть происшествіе.

Такія упущенія слѣдователя принудили С. замѣтить ему, что его дѣйствія явно клонятся въ пользу виновныхъ; на что слѣдователь отвѣчалъ: «Жалуйтесь на меня, а замѣчаній не дѣлайте тому, кому правительство довѣряетъ.» И дѣйствительно С., видя, что его замѣчанія не принимаются слѣдователемъ во вниманіе, вынужденъ былъ жаловаться генераль-губернатору, котораго просилъ, неустраивая слѣдователя отъ дальнѣйшаго производства, назначить въ помощь ему изъ другой губерніи чиновниковъ для составленія полной слѣдственной комиссіи. О чемъ тогда же увѣдомляя слѣдователя, С. просилъ его приостановить свои дѣйствія впредь до разрѣшенія жалобы. По полученіи такого извѣстія слѣдователь, тотчасъ закрывъ слѣдственную комиссію, уѣхалъ, неоконченное слѣдствіемъ дѣло представилъ генераль-губернатору при рапортѣ, въ которомъ не щадилъ словъ представить С. въ самыхъ черныхъ краскахъ.

II

По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣло это передано было генераль-губернаторомъ на постановленіе губернскаго правленія, «гдѣ председательствовалъ обжалованный губернаторъ». Губернское правленіе постановило передать суду уголовному С., будтобы за оклеветаніе имъ доверенныхъ начальствомъ чиновниковъ, въ свою очередь передало дѣло уѣздному суду для рѣшенія.

Минова упущенія слѣдователя, о которыхъ сказано выше, мы встрѣчаемъ неменѣе важныя оплошности какъ въ отношеніи того, что сдѣланныя слѣдователемъ упущенія не были замѣчены канцелярією генераль-губернатора, такъ и въ томъ, что передано сего дѣла на постановленіе губернскаго правленія, «въ которомъ председательствовалъ обжалованный губернаторъ», предоставилось ему, губернатору, право быть судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Чѣмъ двоякѣ нарушился законъ: во-первыхъ, что никто не можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ; а во-вторыхъ, когда дѣло идетъ о губернаторѣ, то оно передается на предварительное разсмотрѣніе правительствующаго сената.

III

Посмотримъ теперь какъ рѣшилъ это дѣло уѣздный судъ и повѣрнемъ дѣйствія его.

Рѣшеніе было таково: какъ извѣты подсудимаго С. на полицмейстера Ч., члена опеки Г. и уѣзднаго страичаго С., о разныхъ важныхъ преступленіяхъ при описи имѣнія умершаго М., не только имъ не доказаны, но не обнаружено ни малѣйшаго ихъ слѣда, а потому за оклеветаніе помлнутыхъ чиновниковъ заставить подсудимаго С. (на основаніи XV т. Св. Зак. ст. 388) просить у обжалованныхъ чиновниковъ прощенія, выдержавъ его полгода въ тюрьмѣ, а выданныя слѣдователю прогонныя и суточные деньги, взыскавъ, вслѣдствіе ложнаго донесенія, съ подсудимаго С., отслать въ канцелярію генераль-губернатора; но непривода этого рѣшенія въ исполненіе, представить на ревизію уголовной палаты.

Изъ этого рѣшенія ясно видно, что С. сдѣлалъ ложный доносъ и что онъ, взводя на обжалованныхъ чиновниковъ важныя преступленія, не только не доказалъ дѣйствительности преступленій этихъ; но даже не обнаружено ни малѣйшаго ихъ слѣда. Слѣдственно, по

этому судебному убѣжденію, доноситель подвергался на основаніи тѣхъ же уголовныхъ законовъ не испрошенію прощенія у обиженныхъ чиновниковъ и не шестимѣсячному заключенію, а лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу, т. е. тому наказанію, какому подвергался бы обжалованный, еслибъ доказана была ихъ вина.

Удивительно, что побудило уѣздный судъ къ такому свисходительному приговору и почему никто изъ обжалованныхъ не объявилъ неудовольствія на такое рѣшеніе?

Трудно вѣрить, чтобы лица, обвиняемыя въ такихъ важныхъ преступленіяхъ, лица озлобленныя, были столь великодушны и милостивы, что остались бы довольны такимъ свисходительнымъ рѣшеніемъ, еслибъ въ этомъ приговорѣ не скрывалась мысль боязни за виновныхъ, чтобы не вызвать подсуднаго на жалобы высшему начальству, и угодливость уѣзднаго суда, опасющагося отмѣнить постановленіе губернскаго правленія, — постановленіе своихъ ближайшихъ начальниковъ.

Такое рѣшеніе нельзя назвать рѣшеніемъ, а милостью, милостью неожиданною, небывалою, которая предоставлена законами лишь монаршей власти, но никакъ не уѣздному суду. Его обязанностью было рѣшить дѣло безъ малѣйшаго послабленія, по совѣсти и закону.

Прежде нежели приступимъ къ разбору фактовъ, на основаніи которыхъ должно было послѣдовать рѣшеніе, считаю нужнымъ замѣтить, что законъ, на основаніи котораго состоялся приговоръ уѣзднаго суда, относится къ такому роду дѣлъ, когда кто клеветаетъ на другого въ наѣрвѣи наругаться надъ его честнымъ именемъ, но никакъ не къ такимъ дѣламъ, гдѣ доказываются важныя уголовныя преступленія. Такое рѣшеніе ведетъ къ тому заключенію, что и ревизія слѣдственнаго дѣла не произведена уѣзднымъ судомъ такъ, какъ того требуетъ законъ, на основаніи котораго «судъ первой степени по полученіи слѣдствія немедленно разсматриваетъ, не упущены ли какія-либо обстоятельства, прямо или непрямо соединенныя съ сущностью дѣла, и въ случаѣ неполнаго или неяснаго слѣдствія дополняетъ его окончательво справками или свидѣніями, какія окажутся нужны».

Теперь, зная что долженъ былъ слѣлатъ судъ первой инстанціи, получивъ изъ губернскаго правленія слѣдственное дѣло, посмотримъ, точно ли не было ни малѣйшихъ слѣдовъ преступленія и точно ли произведеннымъ слѣдствіемъ не открыто обвиненій, взводимыхъ подсудимымъ на чиновниковъ описывавшихъ имѣніе унгершаго М.

Обвиненія эти, какъ я уже говорилъ выше, были таковы:

1) Назначеніе еще при жизни М. полицейскаго надзора.

Обстоятельство это подтверждается отвѣтомъ начальника губерніи, гдѣ сказано: «зная, что въ случаѣ смерти М., которой ожидать надлежало судя по свойству терпимой имъ болѣзни, не остается въ домѣ его никого изъ близкихъ, приказалъ полицмейстеру наблюдать и тотчасъ принять мѣры къ сохраненію имущества отъ растраты или похищенія; по смерти же М. приказано полицмейстеру слѣдать опись».

Полицейстеръ показалъ, что частный приставъ при утреннемъ рапортѣ довелъ ему, что во вѣренной ему части города живетъ М., который отчаянно боленъ, и что при немъ нѣтъ никого изъ родственниковъ, а потому, по долгу службы, изъ предосторожности, чтобы не послѣдовало расхищенія имущества, онъ устроилъ надзоръ.

Частный приставъ показалъ, что онъ дѣйствительно докладывалъ полицмейстеру объ отчаянномъ положеніи М. и получилъ отъ него словесное приказаніе — обращать вниманіе, дабы въ случаѣ смерти не могло быть расхищено его имущество, поручилъ одному изъ квартальныхъ или десятскихъ, «но которому именно, не упоминалъ», узнавать непримѣтнымъ образомъ о состояніи здоровья М., а въ случаѣ смерти дать тотчасъ знать ему.

Такая разворѣчивость показаній давала возможность слѣдователю добиться истины чрезъ очныя ставки полицмейстера съ частнымъ приставомъ; но слѣдователь, нежелая раскрыть истину, оставилъ эти показанія безъ изслѣдованія; а уѣздный судъ вышелъ лишнимъ обратить вниманіе на такое увещаніе. Но несмотря на все это, уже изъ однихъ приведенныхъ показаній дѣйствительность жалобы по этому предмету не подвергалась никакому сомнѣнію.

2) Недопущеніе С. и его брата опечатать имѣніе умершаго изъ дяди и быть при составленіи описи.

Дѣйствительность жалобы по сему предмету подтверждается показаніями полицмейстера, члена опеки и уѣзднаго стряпчачаго, которые не отвергаютъ того, что С., называя себя родственникомъ умершаго М., подавалъ имъ всѣмъ просьбу о допущеніи его и его брата опечатать оставшееся послѣ умершаго имущество и взойдись при описи, но они просьбы этой не приняли, считая не подлежащею ихъ разрѣшенію, — чего судъ при ревизіи дѣла не могъ не замѣтить. А если не замѣтилъ, то навѣрно полагать можно, что судъ не ревизовалъ дѣла и даже вовсе не читалъ этихъ отвѣтовъ.

3) С. въ жалобахъ своихъ высказалъ, что М. умеръ несчастен-

ною смертью и что вопреки его домогательству, тѣло умершаго не было вскрыто и погребено на вторые сутки, въ противность судебно-медицинскому уставу.

Показаніе полицмейстера, въ которомъ онъ говоритъ, что М. умеръ 2 февраля въ восемь или девять часовъ утра, а на другой день въ семь часовъ вечера тѣло его, производившее непріятное зловошіе, было вынесено въ кафедральный костель и предано землѣ 4 февраля, доказываетъ, что исполненіе закона (т. XIII, ст. 366, изд. 1836 г.), на основаніи котораго мертвыя тѣла предаются землѣ по истеченіи трехъ сутокъ, не было исполнено; а если взять во вниманіе быстро обнаружившееся разложеніе трупа, въ чемъ сознается самъ полицмейстеръ, а также несообразность показаній врачей, которые впрочемъ не заслуживаютъ вѣроятія еще и потому, что отъ разрыва артеріи разложеніе трупа происходитъ не такъ быстро, — то весьма основательно можно предположить, что смерть М. была неестественна. Въ этомъ еще болѣе утверждаетъ явственно-умышленное неисполненіе домогательства С. о вскрытіи трупа и обнаруженіи причины его смерти.

На какомъ же, спрашиваю, основаніи уѣздный судъ говоритъ, что не обнаружено даже слѣда взводимыхъ преступленій? Какихъ же слѣдовъ нужно было для суда? Такіе слѣды труднѣе скрыть, чѣмъ ихъ не замѣтить.

4) Недопущеніе родственниковъ умершаго вочевать въ его квартиру.

На вопросъ этотъ полицмейстеръ отвѣтилъ: «они не допущены были потому, что въ квартирѣ умершаго М. хранились значительныя сокровища», и чтобы придать своимъ дѣйствіямъ болѣе благомысленный видъ, онъ называетъ С. С., родственниковъ умершаго, людьми посторонними, а справедливое и законное домогательство ихъ считаетъ упорствомъ, буйствомъ, насиліемъ, непослушаніемъ и лѣвымъ нарушеніемъ устава благочинія, противу чего полицейская власть обязана была принять зависящія мѣры и довести о томъ къ свѣдѣнію начальника губерніи, который, какъ удостовѣряетъ показатель, воспретилъ С. С. вочевать въ квартиру умершаго ихъ родственниковъ, подъ опасеніемъ арестованія ихъ.

Вотъ вамъ, читатель, фактъ, который ясно удостовѣряетъ объ оставшемся послѣ умершаго богатствѣ.

Уѣздный судъ, имѣя въ виду такое сознаніе обжалованнаго лица, наиболѣе въ дѣлѣ виновнаго, обязанъ былъ спросить показателя: а гдѣ же дѣвались сокровища эти, о сбереженіи которыхъ приняты были такія строгія мѣры полиціею и губернаторомъ? Но судъ, вѣроятно изъ болѣзни, чтобы вопросомъ этимъ не вооружить

губернатора, не только что этого не сдѣлалъ, въ явное нарушеніе правилъ о ревизіи уголовныхъ дѣлъ, предписанныхъ законами уголовными (т. XV, изд. 1835 года), но напротивъ, умалчивалъ объ этомъ самосознаніи полицмейстера, ясно обнаруживающемъ произволъ губернатора и полиціи, торжественно удостоверяетъ, что онъ никакихъ признаковъ преступленія не находитъ. Удивительно, какъ судъ могъ рѣшиться на такое умышленное неправосудіе.

5) О пожарѣ, случившемся въ квартирѣ М. въ то самое время, когда тѣло умершаго везено было на кладбище.

Полицейстеръ показалъ, что узнавъ о случившемся пожарѣ, онъ дѣйствительно оставилъ шестіе за гробомъ, поспѣшилъ на мѣсто пожара, гдѣ засталъ пожарныхъ обѣихъ частей и полицейскихъ чиновниковъ, и вскорѣ тлѣвшая стѣна была утушена; но ни печати, ни замка, подъ которыми хранилось имущество, не были тронуты. При этомъ онъ присовокупляетъ, что по убѣжденію члена опеки, въ присутствіи его, полицейскихъ чиновниковъ и хозяина дома сочли нужнымъ осмотрѣть тѣ комнаты, гдѣ хранилось имущество умершаго. Актъ слѣдователя подтверждаетъ это происшествіе, гдѣ говорится, что полицмейстеръ и членъ опеки сами сняли печати для того единственно, чтобы осмотрѣть, не привели ли пожаръ въ опечатанныя комнаты: слѣдственно показаніе полицмейстера, что печати не были тронуты, ложно. Но несмотря на это обстоятельство, подтвержденное актомъ слѣдователя, собственнымъ показаніемъ полицмейстера и члена опеки въ незаконности ихъ дѣйствій, уѣздный судъ призвалъ все это ложнымъ и недоказаннымъ.

6) Объ уничтоженіи бумагъ во время осмотра пожара чиновниками, назначенными для описи имущества умершаго.

Полицейстеръ повидимому весьма основательно показываетъ, что нужно быть вовсе незнающимъ порядка службы и законовъ, чтобы рѣшиться уничтожить бумаги въ присутствіи многихъ лицъ, находящихся при описи имущества, и что ему и въ голову не приходила подобная мысль.

Дѣйствительно нужно быть слишкомъ неованнымъ, чтобы рѣшиться на подобное дѣло. Но это не простой отвѣтъ на жалобу, гдѣ доказывается, что бумаги были уничтожены не при описи имущества въ присутствіи многихъ лицъ, а въ день пожара, при составленіи только акта объ описи, когда не было никого изъ постороннихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ ему полицейскихъ служителей и слугъ умершаго. Но ни одинъ, ни другіе не были спрошены о дѣйствительности этого обстоятельства; и уѣздный судъ

не видятъ и здѣсь никакого упущенія слѣдователя, ничего противозаконнаго.

7) О похищеніи богатствъ умершаго мѣстнымъ начальствомъ и хозяиномъ.

Уѣздный судъ заключилъ, что преступленіе это вѣроятно не доказано, но даже не обнаружено ни малѣйшаго слѣда по этому предмету.

Посмотримъ слѣдственное дѣло, бывшее въ разсмотрѣніи суда, и тогда скажемъ, имѣлъ ли право судъ сдѣлать подобное заключеніе и не явственно ли обнаруживается здѣсь умыленное неправоудіе?

Что умершій М. обладалъ значительнымъ капиталомъ, это доказывается: а) молвою всего города, гдѣ считали его миллионеромъ; б) собственнымъ показаніемъ полицмейстера, который говоритъ, что назначеніе при жизни полицейскаго надзора и недопущеніе родственниковъ умершаго ночевать въ его квартирѣ послѣ смерти сдѣлаво было потому, что тамъ хранились значительныя сокровища; и наконецъ в) показаніе подъ присягою нѣкоторыхъ лицъ знакомыхъ съ умершимъ и имѣвшихъ съ нимъ дѣла, которыя говорятъ, что М. входилъ въ условія съ нѣкоторыми помѣщиками о покупкѣ у нихъ имѣній и давалъ за одно двѣсти, и за другое триста тысячъ руб. ассигнац., а лѣтъ за десять до смерти совѣщался съ однимъ изъ нихъ насчетъ своихъ капиталовъ, изъ числа которыхъ предполагалъ: отослать въ банкъ пятьдесятъ тысячъ, сто-пятьдесятъ тысячъ на покупку имѣнія; а послѣдніе, которыхъ количество неизвѣстно, предполагалось употребить для оборота приращенія процентами. Стало-быть еще за десять лѣтъ до смерти у него было капитала двѣсти тысячъ, кромѣ неизвѣстнаго количества, предполагаемаго на другіе обороты.

Конечно факты эти сами по себѣ не могутъ быть неоспоримыми доказательствами; но при другихъ обстоятельствахъ, явственно слѣдствіемъ обнаруженныхъ, нельзя не признать ихъ достовѣрными. Такъ наприимѣръ умыленные упущенія слѣдователя въ отношеніи обстоятельствъ, касающихся количества капитала умершаго. Упущенія эти заключались въ томъ: а) что не спрошены были слуги покойника; б) отвергнуты поставляемые въ свидѣтели лица, ближе знающіе достояніе М., несмотря на то, что, какъ видно изъ нѣкоторыхъ присяжныхъ показаній, М. десять лѣтъ тому назадъ считалъ у себя болѣе двухсотъ тысячъ, а по описи оказалось послѣ смерти его только сто двадцать-шесть тысячъ; в) не обращено вниманія на уничтоженіе полицмейстеромъ бумагъ; наконецъ г) актъ, составленный 4 февраля, подписанный членомъ опе-

ка, полицмейстеромъ и страичнимъ, удостовѣрять, что они, прибывъ въ квартиру 4 февраля, т. е. тогда, когда случился въ доѣ пожаръ, снимали печати отъ сундука, въ которомъ находились деньги, и больше ни въ тотъ, ни въ другой день ничего не производилось. Но чтобы отыратить подозрѣніе, они въ этотъ актъ включили дѣйствіе свое 3 февраля о вынутіи денегъ на погребеніе, которыя уже ненужны были послѣ погребенія, для чего слѣдовало сдѣлать особый актъ о вынутыхъ на погребеніе денегъ 3 февраля; но этого не сдѣлано, стало-быть 3 февраля была ревизія капиталы, о которой упомянуть неловко. *Если же взять во вниманіе внезапное обогащеніе полицмейстера, который купилъ домъ, стряпчазо, который отдалъ значительный капиталъ взаймы, члена опеки, который, какъ впоследствии времени разнесся слухъ, скрылъ у брата своего въ деревнѣ огромный капиталъ въ банковыхъ билетахъ, и хозяина дома, который, торгуя мѣломъ, сталъ вдругъ послѣ смерти М. стропки камекный домъ, оцѣненный впоследствии въ тридцать тысячъ руб. сер., то тогда факты эти приобретаютъ на основаніи законовъ уголовныхъ совершенную достовѣрность.*

Всѣ приведенные здѣсь факты, если по мнѣнію уѣзднаго суда не могли быть совершенными доказательствами такой виновности обжалованныхъ, то по крайней-мѣрѣ должны были заставить судъ обратить на нихъ особенное вниманіе, какъ на факты, могущіе обнаружить вполне истину.

Поэтому, приступая къ разсмотрѣнію уголовныхъ законовъ, мы найдемъ: 1) что доказательства виновности считаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію виновности подсудимаго (ст. 1170 т. XV); 2) одного совершеннаго доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ (ст. 1171 т. XV); 3) призываніе подсудимаго почитается доказательствомъ совершеннымъ: а) когда оно учинено добровольно, б) когда оно совершенно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ, в) когда оно учинено въ судебномъ мѣстѣ предъ судьей; г) когда показаны при томъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ оного сомнѣваться невозможно (ст. 1781 т. XV); 4) если призываніе найдено будетъ во всемъ сообразнымъ предшедшимъ призывамъ, тогда не требуется уже дальнѣйшихъ доказательствъ и судья не можетъ сомнѣваться учинить по дѣлу приговоръ (ст. 1182 т. XV), и наконецъ 5) къ числу уликъ или признаковъ преступленія по закону принадлежатъ слѣдующія обстоятельства (ст. 1207 пунктъ 2): когда обвиняемому отъ совершенія преступленія послѣдовала прибыль (какъ напримѣръ хозяину дома, который вдругъ выстроилъ трехъ-этажный домъ, полицмейстеру, который купилъ домъ и от-

дать взаимныя деньги, стряпчій тоже, и членъ опеки, который скрылъ у брата своего банковые билеты). А что же досталось на долю другихъ, допустившихъ къ этому расхищенію?

Уѣздный судъ, вопреки этимъ законамъ и доказательствамъ, обнаруживающимъ вину обжалованныхъ чиновниковъ, слѣдуя буквальному смыслу постановленія губернскаго правленія, не видѣлъ въ этомъ дѣлѣ никого болѣе изъ преступниковъ, какъ состоявшаго за чуждыя погрѣшности подъ судомъ С., преданнаго губернскимъ правленіемъ уголовному суду за клеветаніе довѣренныхъ начальствомъ чиновниковъ «или другими, болѣе вѣроятности заслуживающими, сказать словами, — за отыскиваніе расхищеннаго мѣстнымъ начальствомъ его наслѣдства». И неудивительно, что судъ приговорилъ С. вышеупомянутой отвѣтственности: слѣлалъ онъ это въ угожденіе губернатору и губернскому правленію, отъ которыхъ зависятъ одобреніе членовъ уѣзднаго суда по службѣ, утвержденіе и увольненіе отъ должности, преданіе суду за бездѣйствіе и противозаконныя ихъ поступки; а также въ оправданіе члена опеки, засѣдателя своего суда и уѣзднаго стряпчаго; можетъ-быть даже вслѣдствіе взятокъ или просто потому, что не сумѣлъ слѣлать повѣрки произведеннаго слѣдствія. Какъ бы то ни было, но судъ рѣшилъ такъ, какъ рѣшило губернское правленіе, или лучше-сказать вовсе не рѣшилъ, а нашолъ необходимымъ призвать рѣшеніе непосредственныхъ своихъ начальниковъ справедливымъ.

Гдѣ же здѣсь правосудіе? Здѣсь правосудія нѣтъ; здѣсь явное волюющее неправосудіе и притомъ еще неправосудіе умышленное. Да и какъ назвать людей, которые, занимая священныя обязанности судей, поступаютъ вопреки совѣсти и закона, поощряютъ злодѣяніямъ, грабежамъ и всякаго рода порокамъ и злоупотребленіямъ, и такимъ образомъ, оправдывая преступниковъ закона, подвергаютъ наказанію невинныхъ и обиженныхъ? Къ какому же разряду преступниковъ причислить такихъ судей? Мнѣ кажется, что умышленное неправосудіе выше всѣхъ преступленій, и потому судьи за такія преступленія должны быть наказываемы выше всѣхъ наказаній, закономъ востановленныхъ.

Посмотримъ теперь какое опредѣлено нашими уголовными законами наказаніе за умышленное неправосудіе (ст. 313 т. XV). Въ нихъ сказано: «Кто неправду учинить умышленно, тотъ подлежитъ, смотря по степени преступленія и происходящихъ отъ того послѣдствій, лишенію всѣхъ правъ состоянія, отдачѣ въ солдаты или ссылкѣ на поселеніе, или же въ каторжную работу.» Неменѣе той отвѣтственности гласить за это преступленіе Уложеніе о наказа-

ніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (см. ст. 394 о неправосудіи).

Довольно кажется наговорились мы о дѣйствіяхъ уѣзднаго суда и о его значеніи; пора заглянуть въ дѣйствія высшаго судилища (уголовной палаты), въ которую поступило дѣло это на ревизію.

IV

Прежде чѣмъ станемъ рассматривать дѣйствія этого судилища, судить объ нихъ, какъ должно судить безпристрастному критику, прочтемъ возлагаемыя на судилище это закономъ обязанности, и мы увидимъ какъ оно далеко отстало отъ обязанностей этихъ. Въ статьяхъ 1233, 1234 и 1235 т. XV (изд. 1842 г.) сказано насчетъ производства уголовныхъ дѣлъ, поступившихъ на ревизію въ палату уголовного суда: «а) Палата уголовного суда, по полученіи дѣла, немедля немедля обязана учинить производству онаго ревизію и приступить къ вершенію. б) Ревизія уголовныхъ дѣлъ есть прилежное разсмотрѣніе, произведено ли дѣло порядочно и сходно съ законами, сколько для оправданія невинности, столько и для приведенія въ ясность преступленія и обличенія преступника. в) Ревизію по уголовнымъ дѣламъ надлежитъ производить во всей подробности и со вниманіемъ, основывая производство дѣлъ на точномъ изысканіи истины, нелишая невинности всѣхъ удобовозможныхъ къ оправданію ея способовъ.»

Чтоже верховное правительство, пекущееся о благосостояніи народа, могло сдѣлать болѣе для огражденія невинности? Мыѣ кажется ничего болѣе требовать нельзя: все здѣсь сказано какъ нельзя лучше, лишь бы было теплое желаніе дѣлопроизводителей и самихъ судей изучить законъ этотъ настолько, насколько слѣдуетъ его знать каждому изъ нихъ.

Посмотримъ какъ этотъ законъ исполненъ палатою уголовного суда, въ которую дѣло это прислано уѣзднымъ судомъ на ея рѣшеніе 1 іюля 1837 года.

Палата, неходя на основаніи вышеприведенныхъ законовъ въ изысканіе истины учиненныхъ обжалованными лицами преступленій, но принимая въ уваженіе то обстоятельство, что С. преданъ губернскимъ правленіемъ сужденію уѣзднаго суда за оклеветаніе довѣренныхъ начальствомъ чиновниковъ, и что онъ прежде подписывался настоящимъ бухгалтеромъ казенной палаты, а послѣ бывшимъ въ этой должности, и такъ какъ не объяснено причинъ его увольненія и не представленъ формулярный списокъ, то по этой причинѣ уголовная палата возвратила дѣло въ уѣздный судъ 15 мая

1836 г., предписавъ оному суду дополнить дѣло это по ея замѣчаніямъ и рассмотреть вновь, не стѣсняясь прежнимъ сужденіемъ и положить мнѣніе, какое обстоятельства требуютъ будутъ, и потомъ представить обратно на ревизію въ палату.

Нетрудно замѣтить, что дѣло это пролежало въ уголовной палатѣ однацать съ половиною мѣсяцевъ безъ всякаго дѣйствія, тогда какъ законами по дѣламъ, поступающимъ въ судебныя мѣста, опредѣленъ для составленія записокъ всего шестимѣсячный срокъ. Такая медленность палаты конечно не можетъ назваться законною.

Но это не все: упущенія палаты по сему дѣлу принимаютъ гораздо большіе размѣры, если мы рассмотримъ упущенія эти съ юридической точки зрѣнія. Мы найдемъ, что на основаніи 1225 ст. XV т. на ревизію палаты вносить тѣ уголовныя дѣла, по которымъ подсудимые подвергаются лишенію правъ состоянія, жизни, добраго имени или торговой казни; по тѣмъ же уголовнымъ дѣламъ, гдѣ подсудимый прижизняется къ штрафамъ, содержанію на хлѣбѣ и водѣ и тому подобнымъ взысканіямъ, по которымъ въ первой степени суда постановляются окончательныя приговоры, рѣшенія эти приводятся въ исполненіе не вносилъ на ревизію въ палату уголовного суда, развѣ тогда только, когда подсудимые приносятъ жалобы на рѣшеніе высшихъ инстанцій, — а жалобъ въ палату никѣмъ приносимо не было (1). Слѣдовательно палата уголовного суда, принимая къ своему разсмотрѣнію такого рода дѣло, по которому С. приговоренъ былъ къ испрошенію: прощенія у чиновниковъ, имъ обжалованныхъ, а къ шестимѣсячному тюремному заключенію, обнаруживаетъ превышеніе власти, неопытность въ дѣлопроизводствѣ и незнаніе закона.

Сверкъ того обратимся еще къ обстоятельству, касающемуся возврата этого дѣла обратно въ уѣздный судъ, для дополненія сдѣланнаго палатою замѣчаній. Посмотримъ, имѣла ли она на основаніи законовъ право: отсылать дѣло это въ уѣздный судъ и пополнять свои замѣчанія посредствомъ вышней инстанціи.

Законами уголовными (т. XV ст. 1237) положено: «когда по уголовному дѣлу, внесенному на ревизію, нужно будетъ взять откуда-либо справку или привести сомнительный пунктъ въ надлежащую ясность, то дополнять какъ сіе, такъ и все касающееся до письменнаго производства въ самыхъ палатахъ, безъ малѣйшаго отлагательства, отнюдь не обращая для сего дѣлъ назадъ въ тѣ мѣста, гдѣ они уже рѣшенія свои получили»: слѣдовательно палата, обращая

(1) Потому, что рѣшеніе уѣзднаго суда не было объявлено подсудимому С.

дѣло это въ уѣздный судъ для вышеозначенной надобности, поступила вовсе неправильно и совершенно вышла изъ круга дѣйствій, предписанныхъ ей закономъ этимъ.

Уѣздный судъ, сдѣлавъ требуемое уголовною палатою дополненіе, представилъ вновь дѣло это на ея ревизію 15 іюня 1838 года въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было рѣшено судомъ прежде.

Палата, утвердивъ рѣшеніе уѣзднаго суда безъ малѣйшаго измѣненія, представила приговоръ свой вмѣстѣ съ дѣломъ на заключеніе гражданскаго губернатора 5 іюля 1839 года.

V

Между тѣмъ С. жаловался начальнику губерніи (но не тому, который прикосновенъ къ дѣлу, а другому, назначенному на его мѣсто), губернатору Л-ву, на медленность уголовной палаты въ разрѣшеніи дѣла съ мѣстнымъ начальствомъ о расхищеніи богатствъ умершаго его дяди М.

Губернаторъ, сообразивъ жалобу С. съ присланнымъ дѣломъ и приговоромъ уголовной палаты, найдя, что приговоръ этотъ на основаніи законовъ уголовныхъ не дѣйствителенъ, формы для производства дѣлъ нарушены, и чиновникомъ особыхъ порученій генералъ-губернатора при первоначальномъ изслѣдованіи допущены разныя многія упущенія, которыя могли-бъ служить къ разъясненію описываемыхъ подсудимымъ злоупотребленій, предписалъ полицмейстеру Г., обще съ правителемъ дѣлъ канцеляріи его, губернатора, произвести дополнительное слѣдствіе при доказательствѣхъ подсудимаго С. какъ о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя замѣчены имъ, губернаторомъ (вѣриѣе-сказать правителемъ канцеляріи Г.), такъ и о тѣхъ, которыя открыться могутъ при дополнительномъ изслѣдованіи, неупуская изъ виду пополнить дѣло всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя окажутся необходимы къ обнаруженію имущества умершаго. И о такомъ своемъ распоряженіи далъ звать палатѣ уголовного суда 10 января 1840 года.

Вскорѣ послѣ упомянутаго распоряженія правитель канцеляріи Г. назначенъ засѣдателемъ палаты гражданскаго суда, а на его мѣсто поступилъ другой, связанный родствомъ и дружелюбными отношеніями къ лицамъ, враждующимъ подсудимому С.

Съ того времени ходъ дѣла принимаетъ иное направленіе. Желаніе губернатора въ изысканіи истины становится холоднѣе, послѣднія дѣйствія его обнаруживаютъ противоположность прежнимъ словамъ, все идетъ наперекоръ одно другому, все вооружается про-

тивъ вопіюшей правды, противъ подсудимаго и вызываетъ его на жалобы высшему начальству.

Посмотримъ же съ любопытствомъ на неравновѣсную борьбу слабого съ сильными, на борьбу бѣдняка съ богачами, одного-одиношенкаго съ многими — и мы увидимъ, какъ этотъ маленькій, ничтожный человѣчекъ, одѣтый въ панцырь правды, убѣжденный въ силу закона и въ верховное правосудіе, смѣло и энергически борется съ толпой многочисленныхъ враговъ своихъ.

И вотъ борьба начинается съ первыхъ числъ апрѣля 1840 года. Чиновники, назначенные губернаторомъ для дослѣдованія, какъ выше сказано, замѣченныхъ при разсмотрѣніи дѣла упущеній, призвали подсудимаго С. въ слѣдственную комиссію для доказательствъ вводимыхъ преступленій на обжалованныхъ имъ лицъ.

Подсудимый, отвѣчая на вопросъ комиссіи, просилъ: 1) лицъ, имъ обжалованныхъ, арестовать, какъ сознавшихся во многихъ противозаконныхъ своихъ дѣйствіяхъ при первоначальныхъ допросахъ; 2) другимъ къ дѣлу прикосновеннымъ и тоже менѣе или болѣе по сему дѣлу виновнымъ воспретить всякую изъ города отлучку впредь до окончанія дѣла; 3) полицейскихъ чиновниковъ, участвовавшихъ въ грабежѣ капиталовъ умершаго М., находящихся на службѣ при полиціи и въ другихъ мѣстахъ, удалить отъ нихъ должностей согласно уголовнымъ законамъ (т. XV), и тѣмъ доставить подсудимому возможность представить свидѣтелей, состоявшихъ подъ начальствомъ сихъ чиновниковъ: иначе онъ, подсудимый, не можетъ рѣшиться представить требуемыя отъ него доказательства.

Комиссія увѣдомила подсудимаго, что она, неимѣя въ виду явныхъ удостовѣреній содѣяннаго обвиняемыми лицами преступленія, не можетъ ни арестовать, ни представить къ удаленію отъ должностей чиновниковъ, подъ слѣдствіемъ состоящихъ.

Подсудимый въ опроверженіе резолюціи этой далъ отвѣтъ, что по буквальному и точному смыслу законовъ уголовныхъ т. XV, доказательства виновности почитаются совершенными: а) когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго; б) одного совершеннаго доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ. Поэтому обжалованные имъ во многихъ преступленіяхъ чиновники, сознавшіеся добровольно въ нѣкоторыхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ при первоначальномъ слѣдствіи, признаются виновными и во всѣхъ другихъ преступленіяхъ: а это есть уже и ясное удостовѣреніе содѣяннаго преступленія, и справедливое и законное домогательство подсудимаго объ арестованіи и удаленіи чиновниковъ, подъ слѣдствіемъ состоящихъ, отъ должностей, ими занимаемыхъ.

Отзывъ этотъ слѣдственная комиссія представила на разрѣшеніе губернатора.

Губернаторъ увѣдомилъ подсудимаго, что арестовать и устраничь отъ должностей обжалованныхъ имъ чиновниковъ еще не время.

Послѣ таковой переписки, продолжавшейся болѣе семи мѣсяцевъ, членъ слѣдственной комиссіи, бывшій правитель канцеляріи губернатора, а послѣ заступатель гражданской палаты Т., на правоту котораго, какъ многіе говорили, можно было надѣяться, выбылъ изъ должности, а мѣсто его занялъ коллежскій асессоръ П., задушевный пріятель обжалованныхъ подсудимыхъ чиновниковъ, проводившій и проводившій съ ними все свободное отъ служебныхъ занятій время за картами. Такого-то чиновника вмѣсто выбывшаго назначилъ губернаторъ для дополненія столь важнаго слѣдственного дѣла, и, какъ предсѣдателю комиссіи, предписалъ ему 15 іюля 1840 года приступить немедленно къ производству этого дѣла обще съ назначеннымъ прежде полицмейстеромъ.

Слѣдственная комиссія, извѣщая подсудимаго С. о назначеніи новаго слѣдствія, требоваа ляди его въ комиссію съ доказательствами взводимыхъ обвиненій на обжалованныхъ имъ чиновниковъ.

На такой призывъ С. далъ отвѣтъ, что онъ не можетъ согласиться на производство слѣдствія назначенными губернаторомъ чиновниками, потому во первыхъ, что не имѣетъ къ чиновникамъ этимъ малѣйшаго довѣрія, а во вторыхъ — что оба эти чиновника находятся въ тѣсной дружбѣ съ обжалованными лицами, воспользовавшимися богатствами умершаго, и по другимъ причинамъ, по которымъ они, слѣдователи, теряютъ по его убѣжденію довѣренность. Вслѣдствіе чего послѣдовадо отъ губернатора предписаніе на имя слѣдователей такого содержанія: «цѣлѣсясь зазрѣными подсудимаго дворянина С., требовать отъ него доказательства о злоупотребленіяхъ, (а отзывъ его, наполненный дерзкими выраженіями, передать на постановленіе губернскаго правленія)», которыхъ никакой вовсе не было надобности представлять, потому, что требуемая доказательства представлены были первоначальному слѣдователю, назначенному генералъ-губернаторомъ.

Вслѣдствіе такого несообразнаго съ дѣломъ и законами предписанія начальника губерніи слѣдователи требовали вновь подсудимаго С. явиться въ слѣдственную комиссію; но онъ, нецѣля къ нимъ, какъ уже сказано, довѣрія, увѣдомилъ, что онъ на дѣйствіа губернатора принесъ жалобу высшему правительству, отъ котораго ожидаетъ разрѣшенія.

Отзывъ этотъ представленъ былъ начальнику губерніи; онъ 22 ноября 1840 г. предписалъ слѣдственной комиссіи заключить о уклонности подсудимаго С. антъ, приобщить къ дѣлу и продолжать производство слѣдствія, ссылаясь между прочимъ на то, что нѣтъ въ виду закона, по которому бы можно было устранять слѣдователей; а какъ причины зазрѣнія бездоказательны и голословны, и потому не могутъ быть приняты въ уваженіе, то подсудимый обязанъ представить требуемая доказательства подъ опасеніемъ поступленія съ нимъ по законамъ за ослушаніе.

Здѣсь невольно призадумался, что побудило губернатора (имущаго повидимому открытъ страшныя преступленія) наредить чиновниковъ неблагонадежныхъ, чиновниковъ, къ которымъ подсудимый не имѣлъ довѣрія? Поэтому и въ свою очередь приходится рассмотреть дѣйствіе губернатора съ юридической точки зрѣнія, и мы увидимъ, что дѣйствіе это не согласовалось ни съ буквальною предписанною законови правилъ см. ст. 528 т. II учр. о губерніяхъ; ни съ желаніемъ подсудимаго, а таимъ образомъ дѣйствій нельзя назвать иначе, какъ своеюправіемъ, насильственнымъ беззаконіемъ. Почему же это такъ? А вотъ почему: потому а) что на основаніи сего закона губернаторъ для раскрытія важныхъ преступленій назначаетъ комиссію изъ самыхъ благонадежныхъ губернскихъ чиновниковъ и губернскаго стряпчаго, или по соглашенію его съ губернскимъ прокуроромъ — уѣздаго стряпчаго другого уѣзда; онъ можетъ назначить и офицеровъ корпуса жандармовъ и сверхъкомандныхъ офицеровъ внутренней стражи. А губернаторъ вопреки сему закону назначилъ полицмейстера, «правда своего любимца, но непрималдежащаго къ кругу губернскихъ чиновниковъ», а послѣ хотя и назначилъ губернскаго чиновника П., но неблагонадежнаго, противъ котораго подсудимый протестовалъ, но протестъ этотъ отвергнуть губернаторомъ, какъ выше сказано; б) кромѣ того губернаторъ ошибся еще и въ томъ, что нѣтъ закона, по которому можно бы было отводить слѣдователей отъ прерогативы слѣдствій. Въ такомъ случаѣ нельзя бы было отводить судей отъ сужденія дѣла, а между тѣмъ на основаніи законовъ уголовныхъ и гражданскихъ судьи, состоящіе въ родствѣ или дружбѣ съ тяжущимся, устраняются отъ сужденія дѣла по просьбамъ подсудимыхъ или тяжущихся. Почему же на основаніи этихъ законовъ губернаторъ не хотѣлъ устранить слѣдователей по просьбѣ подсудимаго С., тогда какъ слѣдователь въ сто кратъ болѣе можетъ слѣдять зла, чѣмъ судья: ему удобнѣе скрыть истину, основанную на показаніяхъ неграмотныхъ свидѣтелей, чѣмъ судья, сулящему дѣло изъ фактовъ, слѣдствіемъ обнаруженныхъ, или съ пред-

ставленныхъ тяжущимися документовъ? Но если соображеній этихъ не имѣлъ въ виду губернаторъ, то ему слѣдовало звать, что когда имѣтъ закона для разрѣшенія какого-либо обстоятельства, то въ такомъ случаѣ обстоятельство это, на основаніи 262 ст. II т. учр. о губерніяхъ, представляется на разрѣшеніе правительствующаго сената.

Послѣ такового рѣшительнаго предписанія губернатора слѣдователи, устранимые подсудимымъ, приступили къ изслѣдованію замѣченныхъ, какъ выше сказано, упущеній, которое продолжалось съ 1840 по 1842 годъ.

Разсматривая дѣйствіе слѣдователей, мы видимъ что втеченіи двухгодичнаго срока слѣдователи едва успѣли спросить пять лицъ; но, должны мы сказать съ грустнымъ сожалѣніемъ, и въ этомъ все ничтожномъ размѣрѣ дѣйствій слѣдователей намъ приходится найти непростительныя упущенія.

Посмотримъ же изъ любопытства, въ чемъ упущенія эти заключаются.

Для этого повѣримъ сперва показаніе хозяина дома, еврея П., у котораго квартировалъ и умеръ М. Въ показаніи этомъ находимъ: а) что во время смерти М. старшаго сына, живущаго вмѣстѣ съ показателемъ, не было дома, который съ купцомъ В. былъ тогда у младшаго сына показателя, и б) что пожаръ, случившійся въ квартирѣ умершаго, прекращенъ камельщиками, работавшими въ соседственномъ домѣ.

Показаніе это слѣдовало дополнить: въ первомъ случаѣ спросить сыновей хозяина дома и спросить купца, на котораго сдѣлана ссылка, а въ послѣднемъ, спросить камельщиковъ, дѣйствительно ли они потушили пожаръ, возникшій въ квартирѣ умершаго М., какъ это случилось и кто ихъ пригласилъ для этой надобности; а въ случаѣ разногласія дать очную ставку симъ послѣднимъ съ хозяиномъ дома. Такимъ образомъ обстоятельство возникшее изъ показанія хозяина дома, было бы совершенно кончено; но этого слѣдователи не сдѣлали и оно осталось необслѣдованнымъ. А это есть упущеніе, и упущеніе важное, безъ изслѣдованія котораго судебное мѣсто могло быть въ затрудненіи произнести по дѣлу приговоръ.

Другое обстоятельство — очная ставка полицмейстера Ч. съ частнымъ приставомъ Б.

Итакъ очная ставка вышесказаннымъ лицамъ должны состоять въ соглашеніи разнорѣчивыхъ показаній означенныхъ лицъ въ томъ: приказывалъ ли полицмейстеръ приставу имѣть надзоръ за М. во время его болѣзни, или же частный приставъ самъ распорядился? — а слѣдователи вмѣсто приведенія въ ясность, чрезъ

очныхъ ставокъ, разнорѣчиваго показанія этихъ лицъ по сему предмету, дали очную ставку полицмейстеру съ частнымъ приставомъ о случаѣ узнавнн полицмейстеромъ о смерти М., — каковое обстоятельство не требовало вовсе того, чтобы давать кому-либо очную ставку, которая къ разъясненію существа преступленія вовсе не вела и повести не могла; послѣ этого спросивъ еще за присягой два или три лица, они приостановили свое дѣйствіе, оставили дѣло неконченнымъ и въ томъ же, какъ поступило къ нимъ, видѣ.

Такимъ образомъ С., защищая права наслѣдства и свою самоличность, до того вооружилъ противъ себя губернатора, что тотъ сдѣлался встательнымъ ему врагомъ, готовымъ погубить и стереть его съ лица земли. О этой мести, какъ имѣющей тѣсную связь съ существомъ всего дѣла, нельзя не поговорить для полноты всей исторіи.

VI

Посмотримъ до какихъ размѣровъ дошла месть губернатора, на какихъ данныхъ она основана, что было побудительной причиной и какія были всего этого послѣдствія.

Вводныя обстоятельства эти, этотъ новый процессъ преслѣдованія родственника умершаго богача, во имя защиты преступниковъ, подлежащихъ тяжкой законной отвѣтственности, имѣетъ особый свой интересъ какъ по связи съ главнымъ предметомъ нашего разсказа, такъ и въ особенности тѣмъ, что дѣйствія мѣстнаго начальства о взводимыхъ на него разныхъ преступленіяхъ касаются такихъ неблаговидныхъ, противныхъ закону и совѣсти мѣръ, что вполнѣ группируется картина неимоверно несправедливыхъ преслѣдованій подсудимаго, безукоризненная его правота и явное нарушеніе закона присутственными мѣстами и должностными лицами, желавшими очевидно отстоять обжалованныхъ подсудимымъ чиновниковъ, захватившихъ насильно богатства умершаго. Поэтому нельзя не предполагать, чтобъ разсказъ многосложныхъ обстоятельствъ этихъ не доставилъ гг. юристамъ той питательной пищи, того отраднаго явленія, какое доставить можетъ на сценѣ юридической арены борьба слабого и незащитнаго истца съ многими могущественными и сильными противниками его.

Подсудимый, кромѣ дѣла съ мѣстнымъ начальствомъ о расхищеніи богатствъ умершаго его дяди М., имѣлъ еще другое дѣло — о преимуществѣ правъ на наслѣдство, послѣ него оставшееся, на которое предъявила притязаніе, въ видѣ родной умершаго се-

стры, надворная совѣтница В. Но какъ личность эта, дѣйствовала эодно съ мѣстнымъ начальствомъ, явно желавшимъ оправдать обжалованныхъ подсудимыхъ лицъ, и не имѣла никакихъ законныхъ правъ на то наслѣдство, но общими силами и съ помощью подложныхъ документовъ, исходайствованныхъ ею на близость родства съ умершимъ, успѣла оттолкнуть отъ неоспоримыхъ правъ на то наслѣдство подсудимаго С. и его сопаслѣдниковъ и подать въ правительствующій сенатъ прошеніе, вслѣдствіе котораго состоялось постановленіе въ пользу В. прежде чѣмъ споръ ея съ дворянами С. о правахъ на это наслѣдство рѣшонъ былъ гражданскою палатою. А дѣйствительнымъ родственникамъ умершаго С... было предоставлено отыскивать права свои установленнымъ порядкомъ, буде имѣютъ право на отыскиваемое ими наслѣдство. Такимъ образомъ по указу правительствующаго сената, послѣдовавшему 28 ноября 1837 года въ в....ское губернское правленіе, отданы были В...вой хранящіеся въ дворянской опеку калмычій капиталъ, заемныя письма, золотыя и серебряныя вещи и все прочее имущество умершаго; а на полученіе капитала, обращающагося въ санктпетербургскомъ государственномъ банкѣ, выдано отъ уезднаго суда свидѣтельство, что кромѣ В...вой никто не объявилъ себя наслѣдникомъ умершаго М....» Но сенатъ не остановился на этомъ: онъ въ тоже время далъ другой указъ гражданской палатѣ, въ которой разсматривался споръ подсудимаго съ В. о правахъ наслѣдства; указомъ этимъ вѣшено было палатѣ въ обязанность имѣть въ виду постановленіе сената при рѣшеніи сего дѣла. Такимъ образомъ палата гражданского суда, бывъ ограничена въ свободѣ сужденія о правахъ спорящихъ лицъ, нарушила святость своей обязанности вопреки своему убѣжденію, вопреки справедливости, вопреки даннымъ, въ дѣлѣ находящимся, и вопреки точному и буквальному смыслу законовъ. А вслѣдствіе этого она забыла предоставленное ей право 2013 ст. X т. (изд. 1835 г.), которою повелѣно: «если палата въ двухъ равныхъ дѣлахъ усмотритъ разныя правительствующаго сената рѣшенія, то обязана о семъ оному представить и просить надлежащаго разрѣшенія.» Правилomъ этимъ должно было руководствоваться и губернское правленіе при исполненіи вышеприведеннаго указа сената объ отдачѣ В...вой имущества, оставшагоса послѣ М..., а между тѣмъ ни это правленіе, ни палата не исполнили этого закона. Разворѣчивыя постановленія сената въ двухъ разныхъ гѣдахъ обязывали какъ палату, такъ и губернское правленіе представить о томъ иравительствующему сенату, согласно вышеприведенной 2013 ст. X т. Но какъ этого не было сдѣлано во вредъ дворянъ С., то весьма понятно, что чрезъ такое упущеніе

присутственныхъ мѣстъ они лишены права наслѣдства не только вопреки закона и справедливости, но преждевременно даже.

Такой небывалый случай, противный духу закона и установленному для судопроизводства порядку, вызывалъ родственниковъ умершаго, дворянъ С., принести жалобы разнымъ мѣстамъ и лицамъ, въ которыхъ сосредоточивается верховная власть. Слѣдствиемъ чего послѣдовало высочайшее повелѣніе о просмотрѣ дѣла ихъ сенатомъ вновь; а за ложный докладъ сего дѣла присутствію сената, при прѣжнемъ его производствѣ по частной жалобѣ В., оберъ-секретарь Б...скій преданъ уголовному суду.

Переворотъ этотъ поразилъ противниковъ подсудимаго, изъ которыхъ наиболѣ испуганный полицмейстеръ Ч. сталъ отыскивать покупателя на домъ, купленный имъ на капиталъ умершаго М.

Подсудимый, освѣдомясь о такомъ намѣреніи полицмейстера, просилъ гражданскую палату не совершать купчихъ какъ на домъ, продаваемый полицмейстеромъ, такъ и другими лицами, равносильно прикосновенными къ дѣлу о грабежѣ богатствъ умершаго его дяди, еслибы поименованныя въ просьбѣ его личности вознамѣрились продавать свои недвижимости.

Палата гражданского суда возвратила прошеніе это съ надписью, по причинѣ укорительныхъ выраженій, употребленныхъ противъ чиновниковъ, на службѣ состоящихъ: какъ-будто чиновники исключены изъ общаго правила, какъ-будто законъ воспрещаетъ говорить о дѣйствіяхъ чиновниковъ въ томъ видѣ, какъ они совершаются! Этого у насъ нѣтъ. Поэтому присвоенное палатою преимущество чиновникамъ, на службѣ состоящимъ, не только предосудительно, но даже противно здравому смыслу, потому что судебному мѣсту вовсе неприлично принимать на себя обязанность адвоката и отстаивать чужую честь, — честь такихъ чиновниковъ, которые, недорожа ею, сами ея не отстаивали, никому не жаловались и не просили подвергнуть просителя отвѣтственности за наносимое имъ не словами, а письмомъ безчестіе. Затѣмъ позволяю себѣ сдѣлать слѣдующіе вопросы: 1) какое присутственное мѣсто имѣетъ право возвращать просьбы съ надписью за укорительныя выраженія, если выраженія эти доказываютъ важныя уголовныя преступленія? 2) гдѣ такой законъ, чтобы чиновника, пойманнаго на воровствѣ, нельзя было назвать воромъ, на грабежѣ — грабителемъ, на убійствѣ — убійцею? Такого закона никогда не было; нѣтъ и быть не можетъ, ибо если верховная власть, искущаяся о благосостояніи каждаго безъ исключенія вѣрноподданнаго, въ предупрежденіе укорительныхъ выраженій и создала законъ возвращать просьбы съ надписью за укорительныя выраженія, употребляемая

въ дѣлахъ тяжбныхъ гражданскихъ, то не для того, чтобы присутственныя мѣста или должностныя лица могли руководствоваться закономъ этимъ въ дѣлахъ *уголовныхъ* преступлений. Если избѣгать укорительныхъ выраженій противъ должностныхъ лицъ, чтобы не затронуть ихъ чести укорительнымъ словомъ, то въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности высказать какъ свои обиды, такъ и рода преступлений, совершаемыхъ чиновными личностями, состоящими на службѣ. Палата гражданского суда, «за отсутствіемъ предсѣдателя и членовъ ея отъ выборовъ» совершила тогда же купчую на проданный полицмейстеромъ домъ, чѣмъ очевидно высказавъ свое содѣйствіе къ скрытію имущества обжалованныхъ лицъ, вызвала подсудимаго жаловаться правительствующему сенату. Въ жалобѣ этой, между прочимъ было сказано, что «члены гражданской палаты, разрѣшивъ совершить купчую, не опасались сдѣлать угожденіе это полицмейстеру, вѣроятно потому, что у нихъ кромѣ однихъ мундировъ не имѣется ничего болѣе для отвѣтственности».

Заключеніе это, указывающее на чиновную бѣдность, признано сенатомъ укорительнымъ, просьба возвращена съ надписью при указѣ губернскому правленію, которому предписано было, сверхъ передачи просителю прошенія, взыскать съ него деньги за негербовую бумагу, употребленную на производство, сдѣлать ему выговоръ въ камерѣ правленія, и чтобы онъ не присылалъ болѣе съ такими выраженіями просьбъ, взять съ него подписку и таковую прислать сенату.

Для объявленія указа правительствующаго сената просителю С., онъ вызванъ былъ въ присутствіе губернскаго правленія; но какъ въ назначенный для его явки день губернаторъ не присутствовалъ, то ему велѣно было придти на другой день; С. пришолъ, но губернаторъ въ этотъ день опять не присутствовалъ; поэтому велѣно было ему придти на третій день. Онъ пришолъ. Губернаторъ, находившійся въ присутствіи губернскаго правленія, приказалъ объявить указъ сената, по прочтеніи котораго заготовленная секретаремъ подписка да набыла для подписанія подсудимому, который, найдя написанную секретаремъ подписку несогласною съ указомъ сената объявилъ что онъ не можетъ согласиться подписать этой подписки по той причинѣ, что въ ней включены слова будто онъ не будетъ болѣе утруждать правительство по этому дѣлу, тогда какъ указомъ сената предписано взять отъ него подписку лишь въ томъ, чтобы онъ не приносилъ жалобъ съ подобными выраженіями.

Губернаторъ, приподнявшись съ своего мѣста и указавъ на членовъ присутствія, произнесъ возвышеннымъ голосомъ: «Я и члены

губернскаго правленія приказываютъ вамъ подписать написанную подписку!» Нечего было дѣлать, надо было исполнить приказаніе — оно исполнено, но не такъ какъ хотѣлось губернатору, а нѣсколько иначе: С., заключилъ изъ словъ губернатора, что если онъ предлагаемой подписки не подпишетъ, то губернское правленіе можетъ предать его уголовному суду за ослушаніе, а подписку перемѣнить, и въ такомъ случаѣ онъ можетъ лишиться доказательства, что подписка была составлена въ противность буквальному требованію сената. Поэтому С., во избѣжаніе такового преслѣдованія, подписывая поднесенную ему подписку, присовокупилъ, что «онъ по приказанію членовъ губернскаго правленія подписку эту подписываетъ во на случай неполученія имъ законной защиты по дѣлу его съ мѣстнымъ начальствомъ о расхищеніи богатствъ умершаго его ляди М., вынужденъ будетъ утруждать государя императора всеподданнѣйшею жалобой». Это происходило въ первыхъ числахъ апрѣля 1841 г. Губернаторъ приказалъ секретарю прочесть написанное подслушиваемымъ. Секретарь прочиталъ. Послѣ чего губернаторъ, неприподнимаемая уже своего мѣста, сказалъ подсудимому вполголоса: «Вамъ губернское правленіе приказало подписать подписку.»

— Точно такъ, ваше превосходительство, вы отъ имени всѣхъ присутствующихъ приказали подписать ее, отвѣтилъ С.

— Хорошо! сказалъ губернаторъ: — будемъ помнить. Идите домой.

Подсудимый вышелъ. Прошла недѣля, прошла другая, третья и наконецъ четвертая, — все тихо, все кажется хорошо, а о подпискѣ никто ни слова. Только въ это самое время С. объяснялъ гражданской палатѣ свое дѣло о правахъ на наслѣдство послѣ М., поступившее по его апеллаціи изъ уѣзнаго суда.

По заслушаніи палатою этого дѣла губернаторъ, пригласивъ членовъ палаты, спрашивалъ: какого они мнѣнія о правахъ С. на то наслѣдство? Члены отвѣтили, что они находятъ права его на наслѣдство неоспоримыми; только для признанія его наслѣдникомъ умершаго М. мѣшаетъ указъ сената, который велѣно палатѣ имѣть въ виду при рѣшеніи сего дѣла.

«Въ томъ-то и дѣло, возразилъ губернаторъ, — что надо имѣть въ виду рѣшеніе высшей инстанціи, которымъ признана уже наслѣдницею умершаго надворная совѣтница В. и котораго писшая инстанція перемѣнить не вправѣ.» Причемъ прибавилъ. «Я думаю, что вамъ, господа, хорошо извѣстно правило, что младшій не смѣй говорить противъ старшаго.» Члены палаты прикусили азыкъ, и перешли къ сужденію по другимъ предметамъ. Вскорѣ за этимъ, наступило ожидаемое губернаторомъ время мести, для совершенія которой ничто не

могло остановить его; желаніе сбылось и онъ не упустилъ случая нанести тяжкій ударъ подсудимому С. при первой возможности.

Генераль-губернаторъ, уѣзжая за границу, передалъ ему свою должность 14 мая 1841 года.

На другой день послѣ вступленія губернатора въ неограниченныя права властелина трехъ провинцій, полицмейстеръ вызвалъ С. въ присутствіе полицейскаго управленія, подъ предлогомъ объявить ему указъ правительствующаго сената. С. является. Ему объявляютъ указъ губернскаго правленія о преданіи его уголовному суду и аресту за ослушаніе противъ законной власти. Его арестуютъ и отводятъ въ городской тюремный замокъ, какъ преступника, съдѣланшаго какое-либо важное уголовное преступленіе.

Помощникъ смотрителя тюремнаго замка, принявъ арестованнаго, свелъ его въ дворянское арестантское отдѣленіе. Въ дверяхъ этого мрачнаго и грустнаго пріюта С. увидавъ шесть обросшихъ большими бородами человѣкъ, одѣтыхъ въ сѣрые казенныя сермаги, невольно вздрогнулъ, попытался назадъ, вышелъ оттуда, сказавъ помощнику, что будетъ ожидать смотрителя въ конторѣ, чтобы онъ ему далъ особый номеръ.

Помощникъ смотрителя отвѣтилъ, что у нихъ такъ много арестантовъ, что ни одного нѣтъ свободнаго номера.

С. не вѣрилъ словамъ его и ждалъ смотрителя въ конторѣ. Солнце было на закатѣ, погода чудная, стрѣлка на часахъ показывала седьмой часъ въ исходѣ. Въ это самое время входитъ смотритель въ контору, бывшую вмѣстѣ и его квартирой; увидя С., онъ радушно привѣтствовалъ его по имени и отечеству, спросилъ что ему угодно и давно ли ожидаетъ его?

— Съ пяти часовъ, отвѣтилъ С.

— Въ чемъ же состоятъ дѣло, что вы такъ долго ожидали моего прихода? спросилъ смотритель.

— А вотъ въ чемъ, отвѣтилъ С.: — меня отдали подъ судъ и велѣли содержать подъ арестомъ.

Смотритель засмѣялся, и недовѣряя словамъ арестованнаго, сказалъ:

— Какой вы это выдумали вздоръ!

— Какой вздоръ! отвѣчалъ С.: — посмотрите въ книгу, и вы удостовѣритесь, что я говорю правду.

Смотритель, прочитавъ предписаніе полицмейстера, покачалъ головой, вздохнулъ и сказалъ: — «У насъ теперь все идетъ наоборотъ: прежде содержали въ тюрьмахъ однихъ только уличенныхъ разбойниковъ, воровъ, грабителей и другихъ сдѣлавшихъ важныя уголовныя преступленія лицъ, а нынче стали та-

щивъ въ тюрьму встрѣчнаго и поперечнаго, кто бы ни попалъ, а вору, мошеннику и разбойнику остаются на свободѣ и насмѣхаются надъ честными людьми! Вотъ вамъ и честь, и правда, и законы!» Послѣ того онъ сказалъ: — «ву коли такъ, нечего дѣлать, будемъ кое-какъ жить, пока Господь помилуетъ.» Между тѣмъ подали самоваръ и они успѣлись пить чай. За чаемъ смотритель спросилъ арестованнаго: «Расскажите же ради-бога, за что васъ предали суду?»

С. спросилъ смотрителя: развѣ въ бумагѣ, при которой онъ присланъ, не написано за что? «Нѣтъ», отвѣтилъ смотритель, и для лучшаго удостовѣренія взялъ читать бумагу, въ которой было написано: «такой-то дворянинъ препровождается въ тюремный замокъ для содержанія подъ стражей впредь до окончанія объ немъ дѣла.» С. рассказалъ событіе, вслѣдствіе котораго онъ преданъ суду и аресту. Среди бесѣды этой смотритель сказалъ: «Вы знаете чьи эти штуки? Вѣдь эти штуки выкидываетъ бывший нашъ полиціймейстеръ, истый негодяй. Онъ захватилъ деньжонки вашего дяди да и угощаетъ всѣхъ, кого ему нужно вооружить противъ васъ, играетъ съ ними въ карты, проигрываетъ тому, кто ему болѣе нуженъ по вашему дѣлу, да вотъ и тянется пятый кажется годъ слѣдствіе, а въ заключеніе всѣхъ своихъ мерзостей и васъ-то успѣлъ упрятать подъ арестъ, и богъ-вѣсть чѣмъ и когда это дѣло кончится. А онъ живетъ съ своими товарищами на свободѣ и въ усъ не дуетъ.»

Послѣ чаю собесѣдники поговорили еще кое о чемъ, и какъ приближалось время отдыха, то С. спросилъ смотрителя, нельзя ли дать ему особый номеръ, ибо онъ съ этими преступниками, которыхъ видѣлъ уже въ дворянскомъ отдѣленіи, не хотѣлъ бы жить вмѣстѣ.

Смотритель отвѣтилъ, что онъ охотно удовлетворилъ бы его просьбу, но теперь нѣтъ ни одного свободнаго номера, всѣ набиты биткомъ; причѣмъ добавилъ: «Я бы помѣстилъ васъ въ своей квартирѣ, но боюсь озлобленнаго противъ васъ начальства: пожалуй выгонять вонъ со службы, а кусокъ хлѣба для дѣтей и семейства нуженъ. Чтоже касается поведенія этихъ арестантовъ, которыхъ вы видѣли, то хотя нѣкоторые изъ нихъ сидятъ по нѣскольکو лѣтъ, но они почти такіе же преступники, какъ и вы: четыре человека содержатся по какому-то подозрѣнію; одинъ губернской секретарь — за нанесеніе родственнику своему статскому совѣтнику грубостей, а старикъ, титулярный совѣтникъ, взятъ полиціей въ полномъ видѣ на улицѣ, да какъ прислали его ко мнѣ для исправленія, такъ вотъ три года проходитъ, какъ старичишка сидитъ въ тюрьмѣ на казенный счетъ; вотъ и преступники, съ которыми при-

дется вамъ жить. Пойдемъ къ намъ, я распоряжусь, чтобы вамъ дали мѣстечко.» И они отправились въ назначенный для прибылаго пріютъ.

Смотритель просилъ арестантовъ дать мѣсто новоприбывшему къ нимъ товарищу; поговоривъ, пошутивъ съ старыми знакомыми, подавъ руку С. и пожелавъ всѣмъ пріятнаго сна, вышелъ; двери стали запираеть на замокъ. С. спросилъ, что это значитъ? Товарищи отвѣтили: «Такой порядокъ, всѣхъ запираютъ на ночь; насъ бы пожалуй не запирали, да смотритель боится, что иногда ночью прохоятъ полиціймейстеръ и плацъ-майоръ.»

Тюфяки придвинулись одинъ къ другому, и на варахъ образовалось мѣсто для прибылаго гостя.

С. рассказалъ исторію своего ареста; послѣ чего завязался между узниками разговоръ самый сострадательный и раздвращающій сердце благороднаго человѣка. Бѣдные, несчастные, достойные сожалѣнія, люди эти, брошенные въ заключеніе, страдая въ немъ по нѣскольку лѣтъ, рассказывали прибылому товарищу о горькой своей участи и въ тоже время, какъ-будто видя въ немъ своего спасителя, умоляли доставить имъ возможныя средства къ освобожденію.

Во время этой грустной бесѣды заключенныхъ, С., узнавъ, что прокуроръ не принимаетъ отъ лицъ арестованныхъ просьбы, если они не высидѣли подъ арестомъ покрайней-мѣрѣ года, и вовсе не входитъ въ разбирательство, законно ли и справедливо подвержены аресту, а когда и приметъ отъ кого-либо просьбу, то никакой не получаютъ резолюціи. С. на другой же день написалъ записку къ прокурору, дабы онъ пожаловалъ къ нему въ тюремный замокъ для личнаго съ нимъ объясненія. А между тѣмъ сестра арестованнаго, исходатайствовавъ у жандармскаго штабъ-офицера позволеніе навѣщать арестованнаго брата, на другой же день пришла къ нему, и по совѣту его посланы были отъ ней высшему начальству жалобы на притѣсненіе мѣстнымъ начальствомъ ея брата.

Прокуроръ по полученіи записки С. явился къ нему въ тюремный замокъ.

С. спросилъ прокурора:

— Правда ли, что онъ не принимаетъ жалобъ отъ арестованныхъ прежде годичнаго выстраданія ихъ въ заключеніи?

Прокуроръ, окинувъ злобымъ взглядомъ всѣхъ находившихся въ этомъ отдѣленіи арестантовъ, спросилъ: «Кто вамъ говорилъ это?»

С. отвѣтилъ: «Вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла, и я вамъ не скажу; но спрашиваю васъ, могу ли я писать жалобы на мѣстное

начальство за несправедливое истязаніе меня арестомъ и отлачу уголовному суду, и будутъ ли жалобы эти отосланы по принадлежности?»

Прокуроръ, извиняясь, что онъ въ этомъ нисколько невиновать, связалъ: «Пишите; жалобы ваши будутъ отосланы по принадлежности по долгу моей обязанности.»

С. возразилъ: «Нѣтъ, г. прокуроръ, вы понапрасну извиняетесь: вы могли протестовать противъ постановленія губернскаго правленія и донести г. министру юстиціи, — тогда только были бы вы совершенно правы; но когда вы этого не сдѣлали и пропустили журналъ, по которому я преданъ суду и подверженъ аресту, то въ этомъ случаѣ никакое уже оправданіе не можетъ служить доказательствомъ вашего безпристрастія.»

Когда прокуроръ вышелъ, то всѣ заключенные отозвались: «Это удивительно, какъ онъ мягко говорилъ съ вами! а намъ нетолько малѣйшей милости никогда не сдѣлалъ, но и говорить за себя не позволялъ ни слова.»

Послѣ такового разговора съ прокуроромъ С. послалъ жалобу къ г. министру юстиціи, и затѣмъ принялся за дѣла своихъ товарищей, которые вслѣдствіе написанныхъ имъ просьбъ всѣ до одного воспользовались свободою, такъ что С. на четвертомъ мѣсяцѣ своего заключенія остался одинъ. Кромѣ того онъ принималъ участіе и въ другихъ невинностраждущихъ въ заключенія арестантахъ, изъ числа которыхъ около ста человѣкъ получили свободу.

Разсмотримъ же теперь въ чемъ заключалась ослушность противъ законной власти и какими губернское правленіе руководствовалось закономъ, силою котораго наша возможность взвести на С. такое страшное преступленіе, за которое виновный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторжной работѣ?

По заключенію губернскаго правленія ослушаніе С. состояло въ томъ, что онъ, какъ уже сказано, бывъ принужденъ губернаторомъ подписать подвизку, оговорилъ принужденіе это; губернское правленіе, признавая дѣйствіе сіе непослушаніемъ и сопротивленіемъ властямъ законнымъ, передало его суду и аресту на основаніи 261 ст. XV т. Св. уголовн. зак. (Изд. 1835 и 1842 годовъ.)

Теперь мы знаемъ за что С. преданъ уголовному суду и на основаніи какого закона; остается намъ узнать что именно по буквальному смыслу сего закона значитъ ослушаніе противъ властей законныхъ. А чтобъ положительно узнать объ этомъ, надо заглянуть въ книгу XV тома, которая удостовѣритъ насъ, что приведенный губернскимъ правленіемъ законъ не имѣетъ вовсе никакой связи съ дѣломъ, по которому С. преданъ суду. Для уясненія этого выни-

шемъ слово въ слово тѣ статьи закона, по которымъ виновные за ослушаніе противъ законной власти подвергаются тяжелой отвѣтственности: и это убѣдить читателя, подъ какимъ гнетомъ находится частный человѣкъ, рѣшившійся воспротивиться требованіямъ начальства; въ удостовѣреніе чего обратимся къ точному смыслу закона т. XV (изд. 1832) ст. 261, на основаніи которой в....ское губернское правленіе передало уголовному суду и аресту дворянина С. будтобы за ослушаніе его противъ законной власти. Въ законѣ этомъ сказано:

а) если кто окажетъ сопротивленіе властямъ законнымъ вооруженною рукою?

б) всѣ тѣ, кои полиціи во взятіи виновныхъ учинить сопротивленіе или во время исполненія приговоровъ судебныхъ мѣстъ воспрепятствуютъ палачу въ отравленіи должности его (ст. 262);

в) кто вызову присутственнаго мѣста будетъ ослушенъ и откажется посланнаго бить (ст. 264).

Ослушанія эти по точной мысли приведенныхъ статей принадлежатъ къ первому роду преступленій.

Ко второму роду преступленій принадлежатъ слѣдующіе случаи:

1) сопротивленіе военной силѣ, присланной для усмиренія возмущившихся крестьянъ;

2) сопротивленіе воинской командѣ при выемкѣ корчемнаго вина;

3) сопротивленіе таможенной и кордонной стражѣ и мѣстной полиціи при провозѣ запрещенныхъ товаровъ;

4) сопротивленіе вооруженною рукою лѣсной стражѣ при перубкѣ корабельныхъ лѣсовъ.

5) сопротивленіе при повикѣ корчемной соли. (См. 265 ст. того же тома.)

Спрашиваю: какое имѣютъ сходство исчисленные преступленія съ оговоромъ въ подпискѣ, за который губернское правленіе хотѣло такъ безбожно погубить С.? Спрашиваю: какой отвѣтственности должны подвергнуться за такое умышленное неправоудіе, за такое самопринужденное толкованіе закона тѣ, которые для своего своевольнаго я взволятъ на невиннаго такое тяжкое преступленіе?

На тѣхъ основаніяхъ С., считая себя несправедливо преданнымъ уголовному суду и аресту, обратился съ просьбой къ г. министру юстиціи; въ этой просьбѣ онъ, объясняя причины, побудившія губернское правленіе къ несправедливому его преслѣдованію, просилъ г. министра принять все это во вниманіе и защитить его отъ преслѣдованія силою закона и предоставленной ему властью.

По этой жалобѣ министр юстиціи потребовалъ отъ прокурора свидѣніе, не сдѣлалъ ли арестованный какого-либо другого преступления, за которое долженъ былъ содержаться подъ арестомъ?

Прокуроръ увѣдомилъ, что С. никакого преступления не сдѣлалъ, кромѣ того, что не далъ такой подписки, какой отъ него требовало губернское правленіе.

Слѣдствіемъ чего г. министр юстиціи предписалъ прокурору освободить арестованнаго С., а дѣла его и его самого имѣть въ особенномъ покровительствѣ.

Кажется болѣе благосклонной, болѣе законной и справедливой резолюція: нельзя было требовать и ожидать все сдѣлано въ защиту невинностраждущаго въ заточеніи, чего требовалъ законъ и правосудіе высокаго сановника.

Послѣ такого распоряженія г. министра юстиціи казалось бы, что подсудимый не долженъ содержаться подъ арестомъ ни единой минуты. Но къ сожалѣнію самыя законныя, справедливыя и благомысленныя распоряженія начальства не исполняются ихъ подчиненными такъ, какъ того требуетъ законъ и справедливость.

Прокуроръ по полученіи вышесказаннаго предписанія явился къ арестованному, и объявивъ ему предписаніе г. министра юстиціи о его освобожденіи, вмѣсто того чтобъ исполнить волю непосредственнаго своего начальника въ точности, потребовалъ отъ арестованнаго представленія поручителей, которыхъ бы подали прошеніе въ уѣздный судъ о взятіи его на поруки.

На такое же требованіе прокурора арестованный отвѣтилъ, что для освобожденія его изъ-подъ ареста не нужны поручители, когда объ освобожденіи его предписываетъ министр юстиціи, а когда бы даже поручители и были нужны дѣйствительно, то онъ и тогда не представилъ бы ихъ изъ опасенія, чтобы поручители эти не были подвержены такому же преслѣдованію какъ и онъ.

На это прокуроръ отвѣчалъ, что его могутъ взять на поруки братъ и сестра.

Арестованный возразилъ, что братъ его не имѣетъ чина коллежскаго регистратора, которому предоставляется закономъ право брать на поруки арестованныхъ лицъ, а сестра не имѣетъ оублагодости.

Причины, высказанныя арестованнымъ въ отношеніи несогласія его предстанити поручителей, не были приняты. Прокурору хотѣлось отдать его на поруки, или лучше сказать и того не хотѣлось, а хотѣлось ему, чтобы чрезъ подачу къ-либо просьбы въ уѣздный судъ (гдѣ производилось дѣло) о взятіи арестованнаго на поруки, ускользнуть самому отъ прямого исполненія предписанія г. министра и за-

держать С. подъ арестомъ : поэтому онъ, прокуроръ, невнимая при-
чицамъ, представляемымъ арестованнымъ, своевольно вопреки по-
ложительному смыслу закона, вопреки желанію самого арестованна-
го, «невидѣвшаго въ томъ никакой надобности», и вопреки предписа-
нію г. министра юстиціи — придумалъ уговорить брата подсудимаго
подать въ уѣздный судъ прошеніе объ отдачѣ ему на поруки аресто-
ваннаго ; братъ, слѣдуя наставленію прокурора, подалъ въ уѣздный
судъ прошеніе объ отдачѣ ему на поруки содержащагося подъ арес-
томъ брата. Тягость свалилась съ плечъ прокурора и дѣло взяло
другое направленіе : арестованный С., вмѣсто того чтобы съ полу-
ченія предписанія г. министра юстиціи быть уволеннымъ изъ-подъ
стражи, задержанъ на неопредѣленное время.

Уѣздный судъ, хотя вслѣдствіе поданной просьбы постановилъ
отдать на поруки подсудимаго брату его, но вмѣстѣ съ тѣмъ заклю-
чилъ : неприводя постановленія этого въ исполненіе, представить
такое на усмотрѣніе губернскаго правленія. Выходка эта ясно до-
казываетъ, что въ ней нѣтъ здраваго смысла, нѣтъ настоящей
юридической логики, но зато проявляется въ дѣйствіи этомъ оче-
видное незнаніе членами уѣзднаго суда своей обязанности, пото-
мучто ему предоставлено закономъ право всѣ свои заключенія о
подсудимости лицъ, преданныхъ губернскими правленіями уголов-
ному суду, приводить въ исполненіе чрезъ земскую и городскую по-
лицію, неиспрашивая разрѣшенія губернскаго правленія, и только
по тѣмъ дѣламъ представлять на ревизію уголовныхъ палатъ миѣ-
нія свои, по которымъ подсудимые подвергаются лишенію правъ со-
стоянія и торговой казни. Уѣздный же судъ своевольно и безъ вся-
каго законнаго основанія представилъ на благоусмотрѣніе губер-
нскаго правленія опредѣленіе свое объ отдачѣ подсудимаго на пору-
чительство : какъ-будто губернское правленіе имѣло какое-либо
право утверждать или отмѣнять постановленія судебныхъ мѣстъ !
Губернское правленіе можетъ отдать подъ судъ, но освобождаетъ
отъ суда судебное мѣсто :

Губернское правленіе, считая арестованнаго важнымъ преступ-
никомъ, не согласилось отдать его на поруки и о такомъ своемъ
несогласіи представило правительствующему сенату. А прокуроръ,
неволью уже дѣйствуя противъ миѣнія губернскаго правленія, про-
тестовалъ и донесъ о томъ министру юстиціи.

Въ это время, когда дѣло о подсудимости и арестѣ С. рассматри-
вается въ министерствѣ юстиціи и въ правительствующемъ сенатѣ,
губернаторъ Л..., узнавъ, что объ освобожденіи С. послѣдуетъ
указъ сената, вслѣдствіе котораго нельзя будетъ долѣе держать его
въ заточеніи, прибѣгъ къ хитрости, чтобы показать окружающимъ

его лица въ свое неупущение : вотъ дескать я его арестовалъ, и я его освобождалъ !

Для этого отыскиали средство побудить родственниковъ арестованнаго обратиться къ губернатору съ просьбою объ освобожденіи С., для чего употреблена была одна дама, находившаяся въ дружескихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ.

Дама эта, гуляя по городу, подошла къ квартирѣ, занимаемой сестрою арестованнаго, и притворяясь, что съ нею сдѣлалось дурно, вошла поддерживаемая лакеемъ на подворье, гдѣ и усмѣясь на скань, стоящей у окна.

Сестра арестованнаго, увидѣвъ незнакомую ей даму, сидѣвшую у окна, поддерживаемую лакеемъ, вышла къ ней, дала пощипать спирту и съ помощію лакея и своей горничной завела ее въ комнату, усадила на диванъ и стала принимать средства къ приведенію въ чувство.

Вскорѣ незнакомая пришла въ себя. Окинувъ взглядомъ комнату, въ которой находилась, посмотрѣвъ на сестру арестованнаго, находящуюся подлѣ нея съ флакономъ въ рукахъ, спросила : что-это значить, что съ нею сдѣлалось и гдѣ она находится ?

Ей было отвѣчено, что съ нею случился припадокъ, какъ обыкновенно случается со слабонервными женщинами, и что она находится въ такомъ-то домѣ.

Незнакомая, чувствительно поблагодарила хозяйку дома, сказала, что фамилія эта ей очень знакома : она кажется слышала разговоръ у губернатора объ арестованіи кого-то изъ этой фамиліи.

Сестра арестованнаго вздохнула тяжкимъ, печальнымъ вздохомъ, вырвавшимся изъ ея груди.

Незнакомая, пристально посмотрѣвъ на нее, спросила : — Не вашъ ли мужъ арестованъ ?

Отвѣтъ былъ : — Нѣтъ, я незамужна.

— Чтожъ, развѣ вашъ братъ арестованъ ? спросила незнакомая.

— Да, это мой братъ и отецъ, отвѣтила хозяйка дома.

— Почему же вы не просите губернатора объ его освобожденіи ? Развѣ онъ сдѣлалъ какое-нибудь преступленіе, что желаетъ за него просить ?

— Онъ ничѣмъ не виноватъ и никакого не сдѣлалъ преступленія ? отвѣчала сестра арестованнаго.

— Такъ почему же не просите губернатора объ его освобожденіи ? сказала незнакомая.

— Я ходила къ губернатору, когда его арестовали, но губернаторъ меня не призналъ.

— А послѣ того вы не были уже у губернатора ?

Кн. VIII. — Отд. I.

— Не была, отвѣтила сестра арестованнаго: — да не вѣдѣть и ходить къ такому начальнику, который позволялъ преслѣдовать и самъ преслѣдуетъ новицкаго.

— Послушайте-жь мои, сказала незнакомая: — сподите еще разъ къ губернатору; а у него буду, и сама буду его просить за вашего брата.

Послѣ этого тѣмъ-сказать неожиданнаго случая сестра арестованнаго успѣшила обрадовать страждущаго брата. Она, рассказавъ ему все случившееся, спрашивала, неги ли ей къ губернатору?

Арестованный отвѣчалъ сестрѣ, что онъ о своемъ освобожденіи ожидаетъ разрѣшенія высшаго начальства, къ которому посланы отъ него жалобы на задержаніе его подлѣ арестомъ вопреки предписанію г. министра юстиціи, а потому сестра арестованнаго пусть бы и не обращалась съ просьбою къ губернатору объ освобожденіи ея брата.

На третій день, авось внемля сестрѣ арестованнаго, упомянутая дама спрашивала ее, была ли она у губернатора.

— Нѣтъ, не была, отвѣтила ей сестра С.

— Почему?

— Потому что братъ мой не согласился, чтобы я просила губернатора о его освобожденіи.

— А кто-жь его освободитъ? спросила незнакомая.

— Освободитъ его вышнее правительствѣ, отвѣчала сестра арестованнаго, — и въ этомъ бракѣ мой увѣренъ.

— Это вздоръ; сказала незнакомая: — въ этому не вѣрѣте; а вамъ совѣтую, не слушайте удранаго вашего брата, если желаете его видѣть завтра же свободнымъ. — Причемъ добавила, что она говорила съ губернаторомъ, который описывая очень лестно въ пользу С., находить его умнымъ и честнымъ человекомъ, но чрезвычайно гордымъ и дерзкимъ. Послѣ того еще разъ спросила: — Чѣмъ, найдете вы губернатору?

— Нѣтъ, отвѣтила сестра арестованнаго.

— Когда-то вы, прошайте. Вы вспомните когда-нибудь русскую пословицу: «мова золотыио зождеть, рова слова выйдеть».

Послѣ того она больше не приходила; но вамъ, читатель, вѣроятно желательно знать, что это за личность? Это была, какъ впоследствии оказалось, полковница Ч.

Въ продолжительномъ послѣ того времени братъ подзадумнаго С. получилъ письмо изъ Петербурга, въ которомъ уведомляла ее, что такого-то числа и на такомъ-то номерѣ посланъ изъ правительствующаго сената указъ губернскому правленію о немедленномъ освобожденіи С. изъ подлѣ ареста.

Онъ съ возмущеннымъ челомъ и номеромъ указа сената обратился въ канцелярію губернскаго правленія, гдѣ по сдѣланной справкѣ объявлено ему было, что такового указа не получено. Съ такимъ извѣщеніемъ онъ пришелъ къ содержащемуся въ заточеніи брату, по совету котораго онъ обратился къ прокурору, который дѣла отговаривался, что такого указа не читалъ, однакожь далъ записку въ своему письмоводителю отыскать указъ сената и доставить ему.

Письмоводитель, отыскавъ указъ, пошелъ вмѣстѣ съ братомъ арестованнаго къ прокурору.

Прокуроръ, прочитавъ указъ сената, приказалъ письмоводителю сейчасъ написать предложеніе уголовной палатѣ (въ которой уже находилось дѣло о подсудимости С.) о его освобожденіи согласно указу правительствующаго сената, а самъ отправляется къ арестованному объявить ему о послѣдовавшемъ указѣ сената и о сдѣланномъ имъ распоряженіи.

Арестованный поблагодарилъ прокурора за его содѣйствіе, а прокуроръ общалъ настоять въ палатѣ о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе указа сената.

Теперь лишнимъ считаю объявить и то, что вся сцена эта происходитъ въ то время, когда С. прогуливается въ кельѣ своего заточенія одинъ; товарищей его ни одного нѣтъ: всѣ они освобождены, какъ о томъ сказано выше.

Послѣ объявленнаго указа сената прокуроръ нѣсколько разъ приходилъ къ нему съ утѣшительной вѣсточкой о немедленномъ его освобожденіи; въ этомъ мучительномъ ожиданіи прошла одна, другая и третья недѣля, но С. не освобождался. Это его бѣсило и онъ выходилъ изъ себя, что его прокуроръ обманываетъ и что мѣстное начальство не слушаетъ ни министерскихъ предписаній, ни указовъ сената, ни закона. Въ этой душевной борьбѣ, живо представлявшей воображенію его весь рядъ несправедливыхъ преслѣдованій, входить къ нему въ одно прекрасное утро прокуроръ, подполковникъ корпуса жандармовъ, полицмейстеръ, урядный стражничій, письмоводитель, городской полиціи и смотритель тюремнаго замка.

Прокуроръ, подойдя къ арестованному, съ улыбкой на устахъ объявилъ ему, что уголовное палата не соглашается освободить его изъ-подъ ареста. Въ эту минуту лопнула терпѣніе арестованнаго, и онъ, небось уже въ силахъ переносить болѣе преслѣдованій мѣстнаго начальства, поправляющаго законъ и распоряженія высшаго правительства, взбѣшонный до-недѣля, осыпалъ прокурора и дѣлхъ съ нимъ притомъ нѣсколько рѣзкими словами. Всѣ понатялись назадъ, а испуганный прокуроръ, улеза стрелками изъ коннаты,

ведьма измереть арестованнаго на замокъ и спавать черезъ окно, выходящаго въ дверяхъ: когда поспадятъ три года!»

Послѣ ухода оказанныхъ посетителей изъ тюремнаго замка С. велѣлъ стражнику въ коридорѣ отворить двери. Часовой отворилъ и онъ пошелъ въ каторгу для написанія жалобы. Смотритель увидѣвъ его, сказалъ: «Ну, теперь-то наварили каша! Незнаю какъ его выпытаетъ! Одинъ прокуроръ защищалъ вась лев-кавъ, а теперь и его доорудили противъ себя.» С., не отвѣчая ни слова, просилъ дать ему листъ чистой бумаги.

— На что? спросилъ смотритель.

— Буду писать прошеніе къ министру юстиціи, отвѣчалъ С.

Смотритель далъ бумагу.

С., написавъ прошеніе, въ которомъ не скрывалъ ничего случившагося, просилъ смотрителя отослать къ прокурору. Жалоба эта тогда же записана въ книгу и отослана по принадлежности.

Прокуроръ, получивъ жалобу С., отправился съ нею къ губернатору, вслѣдствіе чего призваны были для совѣщанія члены губернскаго правленія и уголовной палаты: что дѣлать съ арестованнымъ: держать ли его еще подъ арестомъ или освободить? А къ этому вопросу прокуроръ добавилъ: — «Что будетъ, какъ министръ, получивъ эту жалобу и его рапортъ, доложитъ государю императору о нашемъ сопротивленіи высшей власти? Тогда мы должны ожидать пріѣзда на слѣдствіе Фангель-адъютанта; С. освобожденъ будетъ, а мы всѣ попадемся подъ судъ». И въ заключеніе всего этого прокуроръ объявилъ, что онъ не пойдетъ въ тюремный замокъ до того времени, пока С. будетъ содержаться въ немъ.

Всѣ члены совѣта, соглашались съ прокуроромъ; извѣтили согласие освободить изъ-подъ ареста С.; но опять новая бѣда, новый вопросъ: что дѣлать съ жалобой, которую онъ заключилъ всѣхъ безъ исключенія, называя пьяницами, картежниками, карскими и вѣдунскими, клятвопреступниками и т. д.? А оставить-то просьбу этой безъ его согласія нельзя!

«Нельзя», отвѣтилъ прокуроръ. Въ то время отозвался кто-то изъ круга совѣта: — Надо отвѣчать постановленіемъ его безосновательна, увольняющаго его изъ-подъ ареста, а просьбы не посылать. «Нельзя», сказали другіе: — онъ можетъ узнать, что просьба не послана, и посылать другую, тогда хуже еще будетъ.»

Послѣ такихъ разсужденій всѣ единогласно согласились сдѣлать постановленіе объ освобожденіи С. и просить его, чтобы онъ возилъ просьбу назадъ.

Но этотъ вопросъ: кого посылать съ нему съ этими предостереженіями? Жребій палъ на прокурора и подполковника жандармовъ. Они, при-

нѣтъ несомнѣнно, отворились въ контору тюремнаго замка; пришла туда, послали слугителя просить: чтобы С. пришелъ въ нѣтъ въ контору.

Посланному отвѣтилъ С., что онъ не пойдетъ въ контору, а когда кто-либо пойдетъ къ нему дѣло, то пусть придетъ сюда. После такого отвѣта пришелъ смотритель, который и спросилъ С. идти ли нѣтъ въ контору. Когда С. вошелъ въ контору, то прокуроръ и жандармскій подполковникъ пожали дружески его руку. Прокуроръ сталъ говорить: — Вы прислали опять къ министру жалобу, которою насъ всѣхъ очернили какъ нельзя болѣе; а между тѣмъ объ освобожденіи вашемъ состоялся въ палатѣ журналъ, вслѣдствіе котораго вы завтра же освобождены будете. Къ чему же посылать эту просьбу, наполненную укорительными выраженіями?

С. отвѣчалъ, что онъ неоднократно имѣлъ честь отъ него слышать, что журналъ объ его освобожденіи состоялся, а между тѣмъ нѣтъ нѣдѣль прошло отъ полученія указа сената о его освобожденіи и онъ все-таки содержится подъ стражею.

— Да, это такъ было прежде, отвѣчалъ прокуроръ, — но теперь нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что я вамъ говорю, и въ этомъ можете увѣрить вонъ и г. подполковникъ.

Подполковникъ жандармовъ подтвердилъ слова прокурора.

Прокуроръ продолжалъ увѣрять подсудимаго, что онъ слѣдующаго же дня освобожденъ будетъ, если согласится оставить просьбу.

С. согласился не отсылать просьбы къ г. министру юстиціи съ тѣмъ условіемъ, если онъ слѣдующаго числа въ одиннадцать часовъ утра освобожденъ будетъ.

Прокуроръ и жандармскій подполковникъ опять пожали руку С., взявъ съ него честное слово, что онъ просьбы этой не пошлетъ; а чтобы ограничить себя болѣе, что просьба эта не послана по согласію просителя, прокуроръ, прощаясь съ С., просилъ его написать къ нему записку о приостановленіи этой просьбы, которую и прислалъ бы ему посредствомъ смотрителя тюремнаго замка.

С. послалъ письмо къ прокурору слѣдующаго содержанія: «Согласно личнѣйшей вашей и г. штабъ-офицера корпуса жандармовъ просьбы я согласенъ остановить жалобу, посланную мною къ министру юстиціи, но съ тѣмъ, если слѣдующаго завтрашняго числа въ одиннадцать часовъ утра освобожденъ буду изъ-подъ ареста; иначе прошу отозвать жалобу эту съ первою ничтою.»

На другой день утромъ прислали былъ указъ отъ уголовной палаты объ освобожденіи С. изъ тюремнаго замка. Смотритель, прощаясь съ С., сказалъ: «Хорошо вы нѣтъ послали послѣдней прось-

бой, когда они, несмотря на такую брань, пришли еще просить еще взять просьбу назад! Видно плохо-нужь пришлось!»

С., освобождаясь изъ заключенія, обратился съ просьбою къ г. министру юстиціи о томъ, что дѣло, возбужденное по него губернскаго правленіемъ объ ослушности противъ законной власти, рассмотриваемое уголовною палатою, скоро имѣеть быть ею рѣшено, и что приговоръ ея на основаніи законовъ уголовныхъ долженъ поступить на утвержденіе гражданскаго губернатора, который только къ нему, просителю, немилостивъ, но даже прослѣдуетъ его.

Вскорѣ заснѣть дѣло о подсудности С. рѣшено палатою уголовного суда и приговоръ ея былъ уже представленъ на утвержденіе губернатора, какъ вслѣдъ за этимъ палата получила предписаніе отъ генералъ-губернатора дозвѣстить дѣло и приговоръ ея о подсудности С. на его заключеніе, мимо мнѣнія гражданскаго губернатора.

Всѣдствие чего палата, препроводивъ предписаніе это къ гражданскому губернатору, просила его возвратить приговоръ о подсудности С. вмѣстѣ съ дѣломъ для отсылки къ генералъ-губернатору.

Губернаторъ, удивляясь образу дѣйствій С., возвратилъ приговоръ вмѣстѣ съ дѣломъ, неположивъ своего мнѣнія.

Дѣло это представлено генералъ-губернаторомъ правительствующему сенату, въ которомъ послѣдовало окончательное рѣшеніе, которымъ С. освобожденъ совершенно отъ суда, но зато относительно умышленного неправосудія губернскаго правленія, взводившаго на него такое тяжкое преступленіе, такую страшную отвѣтственность, правительствующій сенатъ никакого не слѣлалъ заключенія.

VII

Въ то время когда С. боролся съ губернскими правленіемъ о несправедливомъ преданіи его уголовному суду и аресту, подъ предлогомъ будтобы ослушанія противъ законной власти, другія его дѣла, о которыхъ уже говорено выше, совершенно приостановились въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ.

Палата гражданскаго суда, заслушавъ, какъ выше сказано, въ апрѣлѣ 1841 г. дѣло о правахъ на наследство, оставшее послѣ коллежскаго совѣтника М., рѣшила свое въ послѣднихъ числахъ декабря того же года, — почти черезъ девять мѣсцевъ послѣ доклада, тогда какъ на основаніи 138 ст. II т. учрежд. о губер-

шихъ : судъ, по заслушаніи докладной записки, безотлагательно приступаетъ къ рѣшенію, не выходя изъ присутствія, и отнюдь не болѣе какъ на другой день, но это дозволяется только по важнымъ и обширнымъ дѣламъ. А палата, заслушавъ дѣло въ апрѣлѣ; рѣшила въ декабрѣ: слѣдственно, нарушая такимъ образомъ законъ, слѣдела преступленіе, за которое по роду и мѣрѣ важности его виновные подвергаются отвѣтственности (см. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 статьи уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ). Но это не все. Палата, рассматривая доказательства лица, въ спорѣ состоящаго, признавъ, что надворная совѣтница В., отыскивавшая наслѣдство подъ именемъ родной сестры умершаго, представила въ доказательство родства этого подложное метрическое свидѣтельство, сообщила о томъ губернскому правленію, для изслѣдованія и поступленія съ виновной по законамъ; а подѣлъ за этимъ, чрезъ нѣсколько строкъ дальше, палата согласилась съ постановленіемъ указаннаго суда — дать В. присягу въ томъ, что она происходитъ отъ тѣхъ же родителей, что и умершій М., а въ заключеніе двухъ строкъ противоположностей слѣдела замѣчаніе суду за упущеніе изъ виду слѣдующаго В... подлога; затѣмъ, обращаясь къ доказательствамъ дворянъ С., заключила, что доказательства ихъ на право наслѣдства недостаточны, потому будтобы, что изъ представленныхъ ими документовъ не видно, чтобы дѣлъ ихъ Фадей Лука былъ братъ Степана (или Щепана). Противъ чего смѣло можно сказать, что палата вѣроятно изъ умысла не хотѣла видѣть доказательства, которое находилось въ дѣлѣ и объяснялось слѣдующими актами: а) метрическимъ свидѣтельствомъ о рожденіи и крещеніи Фадей Луки отъ Геронима и б) опредѣленіемъ В. дворянскаго депутатскаго собранія о ролепроисхожденіи Семена отъ Щепана (или Степана), а сего послѣдняго отъ Геронима М.

Итакъ палата, признавая подлогъ документа, представленнаго В., соглашается дать ей присягу, что она происходитъ отъ тѣхъ же родителей, что и умершій, тогда какъ она за представленный фальшивый документъ потеряла право иска и подвергнула себя смертной казни, на основаніи существовавшихъ законовъ литовскаго статута (разд. 1, арт. 16). При такомъ взглядѣ на дѣйствіе палаты и на законъ рѣзко выражается въ нарушеніи сего закона умысленный произволъ, слѣдствіемъ котораго является та печальная мысль, что каждому преступнику, уличенному въ уголовномъ преступленіи, за которое слѣдовало-бы его подвергнуть торговой казни, возможно доставить средства ускользнуть отъ наказанія назначеніемъ очевидной присяги по приговору суда. Изъ чего возникаетъ вопросъ: кто же изъ преступниковъ, сознавшихъ или уличенныхъ

въ преступленіи, не согласился принять присягу, когда чрезъ него не только что можно избавиться отъ наказанія, но еще и имѣть въ виду получить значительное наследство?

Обращаясь затѣмъ къ включенію палаты, что документы дворянъ С. недостаточны для доказательства ихъ родства съ умершимъ, я вижу въ сужденіи этомъ какъ недостатокъ юридическаго соображенія, такъ и практическаго знанія законовъ, на основаніи которыхъ доказательство на двоюродное родство дворянъ С. съ умершимъ ихъ дядю не требовало и не требуетъ дополненія, потому что доказательства эти составляютъ метрическія книги, которыя согласно 3 пункту 1767 ст. т. X (изд. 1835 г.) имѣютъ преимущество предъ всѣми другими доказательствами въ спорныхъ дѣлахъ: сдѣланы ли представленныя доказательства дворянами С. на родство съ умершимъ, заключающіяся: въ опредѣленіи депутатскаго собранія о родоприсхожденіи умершаго и метрическихъ свидѣтельствъ, надлежащимъ порядкомъ засвидѣльствованныхъ присутствующими мѣстами, удостовѣряютъ, что умершій Семенъ М., по которому осталось наследство, происходитъ отъ Щенана (или, какъ его называли, Степанова), а сей отъ Геронима М., отъ котораго происходитъ Фадей Лука, а отъ оного Маріинна, вышедшая замужъ за дворянина С., отца истцовъ: какое-жъ тутъ могло быть сомнѣніе, что Щенанъ, онъ же Степанъ, отецъ Семена и Фадея Луки, происходящій отъ одного родоначальника Геронима М., не родные между собою братья, и какихъ болѣе того палата могла требовать удостовѣреній на двоюродное родство дворянъ С. съ умершимъ? Вещь удивительная и понятная даже.

Дворяне С., бывъ недовольны рѣшеніемъ гражданской палаты, несообразнымъ ни съ духомъ закона ни съ справедливостью, принесли апелляціонную жалобу правительствующему сенату, вслѣдствіе которой они вызваны были къ рукоприкладству подъ выпиской, составленной изъ сего дѣла въ канцеляріи сената. По этому вызову уволенный отъ суда и ареста С., желая сдѣлать рукоприкладство въ сенатъ, просилъ гражданскаго губернатора выдать ему паспортъ на проѣздъ въ Петербургъ, но губернаторъ въ выдачѣ паспорта отказалъ, и какбы подтрунивая надъ нимъ, прибавилъ: — Жалуйтесь на меня, вѣдь ны охотникъ жаловаться!

С. жаловался сенату. На жалобу эту послѣдовала слѣдующая резолюція: хотя губернаторъ и виноватъ въ томъ, что не выдалъ паспорта просителю, но какъ срокъ для явки его кончился, то и имѣть надобности являться ему въ сенатъ для рукоприкладства.

С. обратился съ просьбою къ министру юстиціи, въ которой объяснилъ, что сенатъ не по этому закону считаетъ срокъ для явки его

къ рукопринимательству, по которому считате заблудеть, — ибо сенатъ считаетъ срокъ со времени полученной жалобы, а по закону слѣдовало считать со времени присланныхъ денегъ на припечатаніе въ сенатскихъ вѣдомостяхъ о вызовѣ его къ рукопринимательству: въ первомъ случаѣ срокъ для явки дѣйствительно кончился, а во второмъ остался еще два мѣсяца до истеченія сего срока. Послѣ чего С. получилъ паспортъ отъ генералъ-губернатора, по которому хотя и явился къ сроку въ сенатъ, но дѣло его рѣшено было въ пользу В. Рѣшеніе сената по всеподданнѣйшей жалобѣ дворянъ С. подвержено было просмотру общаго собранія, которое оставило рѣшеніе 3 департамента въ своей силѣ. О просмотрѣ сего рѣшенія государственными совѣтами, хотя С. неоднократно приносилъ всеподданнѣйшія жалобы, но коммиссія у пріятія прошеній, за сіюю 26 ст. 1 т. учр. ком. прощ., находя себя неправѣ входить въ разсмотрѣніе дѣлъ, рѣшенныхъ общимъ собраніемъ сената, оставила просьбы эти безъ дѣйствія.

VIII

Окончивъ расказъ о вводныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ тѣсную связь съ настоящимъ дѣломъ, обратимся къ повѣсти нашей, приостановившейся на дослѣдованіи замѣченныхъ губернаторомъ упущеній при производствѣ первоначальнаго слѣдствія о расхищеніи богатствъ умершаго М.

Подсудимый, несоглашаясь на дополненіе сего дѣла чиновниками, назначаемыми губернаторомъ, жаловался правительствующему сенату, вслѣдствіе чего 22 апрѣля 1842 года послѣдовалъ указъ о доставленіи губернскимъ правленіемъ правительствующему сенату подробныхъ свѣдѣній, въ какомъ положеніи находилось дѣло С. съ вѣстнымъ начальствомъ а) объ убійствѣ ладя его М. и о разграбленіи оставшагося послѣ его имущества; б) какія мѣры приняты въ раскрытію сего важнѣйшаго преступленія; в) что ономъ открыто и за чѣмъ дѣло остановилось въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ. Губернское правленіе въ дѣлѣ этого указа предписало 26 октября того же года слѣдователю Л. произвести въ скорѣйшемъ времени дополнительное слѣдствіе по замѣчаніямъ губернатора вмѣстѣ съ полицмейстеромъ, котораго въ послѣдствіи замѣнилъ офицеръ корпуса жандармовъ.

А между тѣмъ главный преступникъ по этому дѣлу, полицмейстеръ Ч.; послѣ ассесоръ губернской стрѣлковой коммиссіи, а по-

томъ въ другой губерніи совѣтникъ солянаго правленія, замышляющій изъ города, въ которомъ производилось объ немъ слѣдствіе.

Затѣмъ новые слѣдователи, приступивъ 10 декабря 1843 г. къ дополненію замѣчаній губернатора и дополнивъ дѣло съ явнымъ нарушеніемъ формъ, предписанныхъ о уголовномъ судопроизводствѣ, представила дѣло это на разсмотрѣніе губернатора 25 мая 1843 года.

Губернаторъ, продержавъ дѣло это болѣе восьми мѣсяцевъ, препроводилъ его, согласно 1276 ст. XV т. св. угол. зак. (изд. 1842 г.), въ палату уголовного суда 13 января 1844 г. съ тѣмъ, чтобы обнаруженные дополнительнымъ изслѣдованіемъ обстоятельства приняты были въ соображеніе и дѣлу данъ былъ дальнѣйшій законный ходъ.

Изъ этого ясно видно, что губернаторъ дѣйствовалъ на бумагѣ иначе, нежели думалъ, ибо онъ самъ вопреки законному положенію предавалъ дѣло это медленности, удерживая его съ 25 мая 1843 по 13 января 1844 года безъ малѣйшей надобности, тогда какъ его можно было разсмотрѣть въ одну недѣлю, еслибы было дѣйствительное желаніе губернатора дать дѣлу этому скорѣйшее законное движеніе.

Стало-быть теперь всѣ обстоятельства дѣла, требующія судебного разрѣшенія, приведены въ надлежащую полноту и ясность. Посмотримъ же кто въ дѣлѣ этомъ правъ, а кто виноватъ. А чтобы удостовѣриться въ истинѣ, великимъ считаю для облегченія соображеній читающихъ повторить обвиненія, вводимыя подсудимымъ на мѣстное начальство, и противъ каждаго изъ нихъ указать на доказательства, обнаруженные какъ прежнимъ, такъ и послѣднимъ дослѣдованіемъ въ прямомъ или косвенномъ видѣ.

Обвиненія заключались въ томъ :

1) *Что побудило полицію при юмани М. наряжать для ареста за нимъ полицейскій караулъ, едльстваю котораго пригласили десятские умирать живыхъ ли онъ ?*

На данное по этому предмету спросу объясненныя данныя свидѣтели показали :

а) *Полицейскій :* что онъ не перажалъ десятскихъ, а призналъ только благоразумный распоряженіе частнаго пристава, который, докладывая ему объ отчаянной болѣзни М., донесъ, что онъ изъ предосторожности и на случай смерти М. учредилъ при немъ секретный караулъ для сбереженія отъ расхищенія имущества его.

б) *Частный приставъ :* что караулъ былъ устроенъ по приказу

шіе полицмейстера (4) и Свиртъ того пристава показали, что онъ, узнавъ о болѣзни М., докладывалъ полицмейстеру; а на вопросъ: отъ кого узналъ? отвѣтилъ, что онъ, бывъ вхожъ въ домъ умершаго, видѣлъ его отчаянно-больнымъ. Показаніе это доказываетъ, что нечеловѣкъ десятиліе, не и самъ частный приставъ ходилъ узнавать о болѣзни М.: поэтому надо было спросить прилугу умершаго, точно ли частный приставъ бывалъ у М. во время его болѣзни и бывалъ ли онъ у него прежде? Но это какъ слѣдуетъ намъ, такъ и никому другому не пришло въ голову.

в) Губернаторъ: что онъ приказалъ полицмейстеру наблюдать и принять мѣры къ сохраненію имущества отъ растраты или похищенія на случай смерти М.

г) Десевскій, подъ присягомъ: что узнавать о болѣзни М. и его смерти приказывалъ ему полицмейстеръ Ч.

д) Ланей, нашедшійся въ услуженіи у М., сиротенный безъ прилуги въ 1843 г., т. е. на седьмомъ году послѣ происшествія, покаралъ, что при жизни М. былъ устроенъ тайный полицейскій присмотръ узнавать о смерти М., въ которомъ участвовали и хозяинъ дома еврей П., а десятскіе приходили спрашивать, живъ ли М.

По показанію ланей надо было спросить хозяина дома, кто ему поручилъ наблюдать за М.; но онъ объ этомъ не сиротенъ. Подлѣ такихъ показаній обжалованныхъ лицъ и свидѣтелей нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что жалоба подсудимаго по этому предмету явилась справедлива.

2) *Что мертвому тѣлу М., на которомъ сиды были при обмытій симбаировыхъ пятна, означающія скоропостижную и несчастливую смерть, не произведена медицинская освидѣтельствованія.*

а) Полицмейстеръ показалъ, что такъ какъ М. долгое время былъ боленъ, то поэтому, не считая смерти его скоропостижною, не предостало никакой надобности приглашать лекаря для освидѣтельствованія трупа.

б) Казенная палата — что М. присутствовала востепали до 31 декабря 1835 г.; съ этого времени по 9 января 1836 г. не присутствовала в шурмановъ не поднималась по болѣзни; 9 же января присутствовала, но вскорѣ заболѣлъ, и хотя въ палату не являлся по 9 февраля, однако должности своей никому не передавалъ и занимался

(*) Въ разсудочныхъ по сему предмету показаніяхъ полицмейстера и частного пристава надо было для сглаженія и приведенія въ ясность сего обстоятельства дать очную имъ ставку; но таковая дана не была, потому вѣроятно, чтобы чрезъ оную не обдарижить, что преждевременный надзоръ этотъ состоялъ вслѣдствіе приказанія губернатора, отъ котораго не отрекается самъ губернаторъ, какъ о томъ ниже удостоверяетъ показаніе его.

дѣлами дома по дѣнь смерти. Слѣдственно, по удостовѣренію палаты, М. не былъ такъ сильно блѣднѣть, какъ показывается частый пристава Б.

в) Три доктора, пользовавшіе М., показали:

Перый: а) что М. страдалъ расширеніемъ грудной артеріи, пользоваемъ былъ имъ, показателемъ, уѣзднымъ штабъ-лекаремъ Т. и врачебной управы акушоромъ лекторомъ В., который былъ приглашаемъ для совѣщанія; б) что продолженіемъ шестинедѣльной болѣзни М. доставляемо было ему возможное пособіе; в) что во все продолженіе болѣзни М. имѣлъ полное присутствіе ума до 2 февраля; въ этотъ день утромъ, когда показатель прѣѣхалъ къ М., онъ къ нему вышелъ, занимался довольно долгое съ нимъ время разговоромъ о своей болѣзни, но по вывѣдѣ его встрѣтившеся съ больнымъ *отъ зноба сильное волненіе и испуганіе было послѣдствіемъ, что упомянутая жила лопнула съ изнурительными кровоизверженіемъ, отъ чего и смерть послѣдовала.* А въ заключеніе этого своего положительнаго показанія докторъ добавлялъ; что послѣдствіемъ времени легкія въ своемъ существѣ пришли въ совершенную дезорганизацію!

Второй, уѣздный штабъ-лекаръ Т., показавъ, что М. болѣнь былъ расширеніемъ легочной артеріи, что его пользовалъ докторъ Ш. по приглашенію его, показателемъ, и доктора В. на консилиумъ. Общее ихъ предсказаніе сбылось: легкія приходили дѣнь отъ дня въ такъ-называемую дезорганизацію, артерія лопнула 2 февраля и послѣдовавшее за снѣмъ внезапное и жестокое кровоточеніе горломъ умертвило М.

Третій, докторъ В., — что онъ дѣйствительно былъ приглашаемъ докторомъ Ш. на совѣщаніе къ больному М., которое имѣлъ каменяющую черную вонючую язву, совѣщаніемъ съ имъ: *Болезнь эту призналъ опасною и неизлечимою, признавъ арабскимъ; что въ бытность его у больного М. на совѣщаніи медикъ Г. не было*

ш) Губернаторъ показавъ: такъ-какъ М. долженъ умереть, судя по свойству его болѣзни, а въ домѣ его никого не оставалось изъ близкихъ; то онъ распорядился о сохраненіи его существа отъ разграты и разнищенія.

в) Служившій у М. лекарь, — что М. страдалъ болѣзнию около двухъ мѣсяцевъ и умеръ внезапно.

Примѣчаніе. По этому предмету для дополненія и разъясненія ясность встрѣтившихся въ показаніяхъ этихъ разнорѣчій слѣдовало допросить:

1) Доктора Ш.: отчего послѣ послѣдняго его визита у больного М. случалось съ больнымъ сильное волненіе и потрясеніе, отъ ко-

тогого лопнула грудная артерія? Кто или что было причиною возбужденія въ больномъ такого страшнаго гнѣва, вслѣдствіе котораго послѣдовала смерть?

2) Губернатора: откуда онъ узналъ а) что М. не имѣетъ ничего изъ близкихъ родныхъ, что онъ очень боленъ; что болѣзнь его неизлечима и что М. долженъ непременно умереть? и б) что М. имѣлъ состояніе достойное его вниманія и попеченія, о которомъ онъ расстраты и расхвѣненія онъ, губернаторъ; этого усердно заботился, что преждевременно даже распорядился подстергнуть М. полицейскому присмотру при жизни? Между тѣмъ въ опроверженіе показаній губернатора докторъ Ш. и магистральная палата удостовѣрило: *первымъ*, что М. до послѣдняго дня ходилъ и былъ въ полномъ присутствіи ума, а *послѣднимъ*, что М. занимался дѣлами дома по день смерти. Поэтому-то и слѣдовало губернатору спросить о *вѣдомомъ*, ибо того требовалъ слѣдственный порядокъ, предписанный уголовными законами, на основаніи которыхъ «слѣдствіемъ» вѣдомый приводитъ обстоятельства дѣла въ такую ясность и полноту, чтобы судебное мѣсто не могло встрѣтить никакого затрудненія или сомнѣнія для составленія приговора; а какъ обстоятельства эти не были приведены въ настоящую ясность и полноту посредствомъ вѣдомскаго, то весьма естественно, что изъясненія эти изъяснить дѣло той юрисконсультской помощи, какая требуется уголовными законами для надлежащаго судебного разрѣшенія всѣхъ обстоятельствъ, въ дѣлѣ изложенныхъ.

3) Такъ, а не иначе слѣдуетъ доискиваться истины въ важныхъ по роду своему дѣлахъ.

4) Слѣдствіемъ не обманется, были ли допрашиваемы служители умершаго и десяткіе, обмывавшіе черное тѣло, а также и какъ они при обмываніи снѣговыми званками, чего въ отношеніи неестественной смерти нельзя было оставить безъ вслѣдованія; но обстоятельство это не раскрыто, потому и брошено, чтобы не увеличивать числа преступленій и силъ дознательства.

5) Не крошечный губернский газетный дѣла страникъ (неправильной должности прокурора), почему онъ не расформированъ и вскрытія трупа М. по домогательству родственниковъ умершаго.

6) Не дала ли она главнѣйшему уѣдному магистру Т. съ докторомъ В. въ разнорѣчивыхъ ихъ показаніяхъ въ отношеніи общаго ихъ заключенія на сомнѣніи у больного М. Имъ же поспѣло законъ (т. XV, ст. 4145, изд. 1842 г.)

7) Показанія вышеупомянутыхъ медиковъ, удостовѣрившихъ, что артерія лопнула отъ смерти М. послѣдовала отъ разрыва грудной артеріи — разъ вслѣдствіе раздраженія въ гнѣвѣ, а другой разъ вслѣдствіе

дезорганизація легинъ — несообразны ни съ уставомъ судебно-медицинскимъ объ исследованіи померзшихъ вообще, ни съ судебнымъ осмотромъ мертвыхъ тѣлъ. Въ уставѣ этомъ сказано: *Вопросы:* «исследованіе мертвого тѣла дѣлится на двѣ части: на осмотръ наружный и внутренній или анатомическій вскрытіемъ тѣла; при осмотрѣ составляется протоколъ; по которому наконецъ составляется самое свидѣтельство (visum peritum)». *Вопросы:* если человѣкъ уже мертвъ, тогда врачъ обязанъ рѣшить и доказать, было ли крестерифиное или померзшеніе или насиліе причиной смерти или нѣтъ, объ отравленіи острыми ядами, мышьякомъ, сурьмою и т. п.; предъ смертью бывають морщакъ кроваваго ртотя темнокраснымъ пятномъ (см. г. ХМ, ст. 1387, 1409 и 1425 изд. 1889 г.). На этомъ основаніи показаніе показавшихъ умершаго врачей, исследовавшихъ анатомическаго вскрытія трупа, не можетъ служить доказательствомъ показанной ими причиной смерти М., происшедшей отъ разрыва грудной артеріи, которая причина тогда бы только могла быть признаваема дѣйствительною, когда бы при осмотрѣ состоялся протоколъ и на основаніи его выдано было свидѣтельство; а какъ медицинскаго осмотра не было, то весьма ясно, что все это сдѣлано потому, чтобы скрыть слѣды естественной смерти.

3) О потребніи тѣла М. на другія судны, вопреки устава гражданско (ст. 556; т. XIII), которыми запрещается хоронить мертвыхъ прежде трехъ дней.

а) Полицмейстеръ повѣдалъ, что М. умеръ 2 февраля 1836 года въ восьмомъ или въ девятомъ часу утра, а на другой день въ семь часовъ вечера тѣло его, производившее зловошіе въ комнатахъ, было вынесено въ костель по обряду римско-католической церкви и предано землѣ 4 февраля.

б) Деканъ римско-католическаго костеля, что М. умеръ 2 февраля, погребенъ 4 февраля.

в) Ассессоръ казенной палаты Ж. подъ присягой показавъ, что выносъ тѣла и оное расораченіе насчетъ погребенія производимы были полицмейстеромъ, и что тѣло умершаго М. точно вынесено по производившемуся зловошію.

г) Военный генералъ-майоръ Гюльель присягой подтвердилъ, что при выносѣ въ костель тѣла М. дѣйствительно происходило отъ него зловошіе.

Скорое гніеніе тѣла умершаго, неприведеніе медицинскаго осмотра и погребеніе прежде опредѣленнаго закономъ срока влечуть обратиться къ доказательствамъ причинны смерти, т. е. къ судебно-медицинскому уставу, на основаніи котораго, когда эта принадлежн, сифилоидальннхъ смерть, обнаруживается скорее дѣ-

последній приказъ показателю съезжать въ найоршею К.; тогда же онъ, показатель, отвѣчалъ, что ему нельзя отлучиться изъ квартиры, чтобы не случилась промаха, то докторъ Ш. сказалъ: «не бойся, мойшай, а самъ отвѣчай за тебя». По возвратѣ показателя въ найоршею К. онъ засталъ въ квартирѣ того же доктора, частнаго пристава, квартальнаго надзирателя и полицмейстера, а потому прибылъ уѣздный стряпчій С. и членъ дворниковой олея Г. Всѣ они, кромѣ доктора и надзирателя, нескрывая шпиколой, ходили по всѣмъ комнатамъ; полицмейстеръ распорядился болѣе всѣхъ и съ шумомъ требовалъ ключей. Показатель искалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ М. всегда пряталъ, но ключей тамъ не было. Полицмейстеръ сталъ за него кричать и отыскивать ключи самъ, и отыскавъ въ лещикѣ одного изъ столовъ, гдѣ они никогда не были прятаны укрѣпленны, онъ самъ отперъ кладовую и находившіеся въ ней деньги, гдѣ хранились деньги и драгоценныя вещи, но сколько было денегъ, ему неизвестно, потому что тогда не считали; помнитъ однако, что внизу шкрина лежало четыре мѣшка съ рубашки въ одну по тысячѣ, а въ одну по четверть р., або на каждомъ мѣшкѣ былъ привязанъ ерлыкъ; кромѣ того въ той же шкату въ трехъ полкахъ сложены были оловянки (кучки) мѣшочныя, по десяти руб. въ каждой кучкѣ, а на самой верхней полкѣ лежали драгоценныя вещи и украшения въ небольшомъ пакчакѣ, но сколько вышло въ каждой, ему неизвестно, потому что ихъ не считали тогда; помнитъ только, что между этими пакчками были бѣлые, красныя и синія асигнаціи, но болышекъ частно было, и что складывая пакки одну на другую, прихотро выкапывать, былъ въ выткнутой четверти локтя или поларшина одна той же валюты оловяно три червонцы и разноя драгоценныя вещи. По приказаніи полицмейстера всѣ эти деньги и вещи онъ, показатель, вынулъ изъ шкату, положилъ въ особый сундукъ, который въ то же время былъ запорть и замоченъ. После того въ той же кладовой показатель отыскалъ въ шкату еще одна мѣшочка въ мѣшочныя, въ которой, какъ онъ полагае, было четверть руб.; но когда онъ объявилъ объ этомъ, то полицмейстеръ, разбранивъ его, сказалъ: «истата случилось, не вала денегъ на поуробовитѣла показателю, что не будетъ времени отыскать сумдукъ и вынимать деньги на поуробовитѣ». Долги отысканныя за ошаномъ вытлы, но нѣтъ на что израсходованы, ему неизвестно. Далѣе показатель говоритъ, что после опечатанія всего имуществомъ ушершаго М., въ с. на другой день поутру, приходили въ квартиру ушершаго его господина полицмейстеръ, членъ олея, уѣздный стряпчій и чиновникъ казенной палаты, отперши сундукъ, находившіеся въ кладовой, а брали

нать него на маврофуа донести. По выслушаньи же показаній отъ свидѣль, что чиновникъ казенной палаты держалъ въ рукахъ и бѣжалъ съ дѣломъ, но сколько ихъ тамъ было, не знаетъ.

Показаніе это показаніемъ, бывшимъ очевидцемъ всѣхъ дѣйствій образованныхъ людей, крѣпко отобранныхъ на седьмомъ году послѣ едунимовскаго происшествія, могло бы быть въ дѣлѣ этомъ весьма важныиъ доказательствомъ всего показаннаго имъ, когда бы показаніе это отобрано было не въ присягою; но какъ онъ определитъ безъ присяги, та. по какому дѣйствію свидѣтелей. касалось къ тому, чтобы ослабить доказательство по этому предмету, дабы при суденіи дѣла показаніе свидѣтеля не имѣло законной юридической силы доказательства, на основаніи 1 ст. 1198 ст. XV т. св. ур.д. вѣд. (изд. 1849 г.). Изъ чего заключить слѣдуетъ, что свидѣтели: въ это дѣло казеннаго письма относительно обнаруженія вѣдимаго казначейства, оставшагося послѣ умершаго, больше и больше старались скрыть ее. Чему доказательствомъ и то, что они не допросили доктора Ш. и полицмейстера Ч. Потому: какое онъ имѣлъ право высылать показанія съ квартиры, на рукахъ котораго оставалось все имущество умершаго, а послѣднее: почему и на какомъ основаніи рѣшился онъ отнестись къ казенной, въ которой хранились бумаги умершаго, владѣвшая распоряженіемъ начальства и акти свидѣтелей, назначенныхъ установленнымъ закономъ порядкомъ? Какое онъ имѣлъ право сортировать вещи и вынимать деньги изъ шкафа и складывать въ особый сундукъ? Дѣйствія эти, какъ дѣйствія противныя законамъ, не суть ли въ лицѣ закона и справедливости абрѣвѣнныя доказательства обвиненія богатствъ умершаго?

По показаніямъ этого очевидца, все можно было открыть и признать дѣло въ владѣніи казенной, когда бы на горячкѣ слѣдовало первоначально слѣдователь допытъ дѣло отобраніемъ показаній за присягою отъ людей, служившихъ при умершемъ; но какъ дослѣдованіе дѣла въ обстоятельствахъ этихъ иррационально не въ различныхъ предположеніяхъ малолѣтства, а по преступленію многихъ лѣтъ допроса производился: не произошло приказаній губернаторомъ свидѣтелей, то и неуманственно, что нѣкоторые обстоятельства не обнаружены слѣдствіемъ такъ, какъ требовали того справедливость и установленныя для слѣдствій правила, которыми она должны руководствоваться при производствѣ слѣдствій о преступленіяхъ уголовныхъ.

Б) *Владимиръ Ивановичъ редискинъ* умершаго, дворян С., означеннаго оставшаго послѣ него имущество, быль при описи и ночевалъ въ его квартирѣ.

отъ помѣщика П., что умершій М. хотѣлъ выдать у помещика и
двѣсти 200,000 руб.; причемъ владѣльцу того же селенія объявля,
что никакъ нельзя купить еще у помѣщика М. М. и на то нѣтъ
300,000 рублей.

ж) Помѣщикъ П. вѣдь при своемъ повелѣнн, что сколько именно
долженъ выдать М., ему неизвестно: но слышалъ отъ него са-
мого, что М. намѣренъ брать ссуды въ банкѣ 50,000 руб. за шифръ
дать 180,000 руб., а остальные употребить на проценты.

з) Бывшій членъ Г. палаты при своемъ повелѣнн, что
онъ слышалъ отъ друга В., что купецъ сей выдалъ у умершаго М.
много ссудокъ въ ссудку, которыя были сданы деревянными
кашпачи на драгій топъ и отъ друга В. много слышалъ,
что умершій выдалъ значительныя ссудки въ банкѣ.

и) Купецъ В. (братъ арестанта): за два мѣсяца передъ смертью М.,
когда онъ, арестантъ, зашелъ у него денегъ, то М. вынесъ изъ
подоловника ссудку, ссуданную у владѣльцу въ ссудку, но сколько бы-
ло ссудки, не знаетъ, выдать же хотѣлъ только то, что въ ссудку
были были и М. далъ ему четыре тысячи рублей двукратными
блестящими, а что была лишняя въ ссудку, а выдалъ въ два вѣрняка.

Купецъ В. восторгается вопросомъ: почему ссудилъ ему, что
владѣльцу арестантъ выдалъ умершаго, вырвалъ банкъ арестантъ, а не
платитъ арестантъ? Въ повелѣнн его: какъ бы дѣла, видно, много по-
свѣдѣнн, не владѣльцу ли выдалъ ссудку, не владѣльцу ли выдалъ ссудку
вѣрняка, арестантъ, а онъ жонъ вынулъ доказанно: его выдалъ без
огражденнй карманъ изъ карманъ С., доказанно: расхитило бо-
гачество: умершаго вынулъ выдалъ ссудку, ссуданную ссудку ссудку

Посему, конечно, скажутъ, что выдалъ, быть задержанъ
облагодетельствн, арестантъ: изъ ссудку и карманно вынулъ банкъ
присяги тѣхъ лицъ, которыя выдалъ выдалъ ссудку, умершаго
внѣ, которыя земля была вырванъ вырванъ, чтобы
устранить выдалъ ссудку, какъ это дѣлалъ первоначальнн: ссуд-
даны, умершій рѣшилъ выдалъ не ссудку выдалъ выдалъ
присягу тѣхъ лицъ, которыя не выдалъ выдалъ С. могъ
обнаружить выдалъ ссудку умершаго, такъ и выдалъ дѣйствн обла-
дательствн выдалъ вынулъ. По примѣру его дѣйствовали и дру-
гіе выдалъ выдалъ, на на другой выдалъ: выдалъ ссудку преступ-
ность: выдалъ выдалъ на выдалъ выдалъ выдалъ, оставивъ
са, выдалъ М., расхитилъ выдалъ выдалъ выдалъ выдалъ выдалъ
присяги и тѣмъ выдалъ выдалъ выдалъ выдалъ выдалъ выдалъ
выдалъ выдалъ выдалъ, чтобы выдалъ выдалъ выдалъ выдалъ выдалъ

завять сущность следовъ относительно количества фотонитенов капитала и тѣмъ устранить возможность привести что въ должную явность; но и при такихъ доказательствахъ, какия явились предъ глазами, нельзя забыть тѣхъ фактовъ, которые столь очевидно обнаруживаютъ стараніе следователей, чтобы какъ-нибудь вынуть изъ бѣды товарищей не служивъ, и потому въ описаніи хитрости этой я обязываюсь показать читателю количество капитала умершаго хотя приблизительно.

7) О пожарѣ, случившемся въ квартирѣ умершаго М., когда бранные отряды его несены были въ кладовище, показаны:

а) Полицейскій: въ квартирѣ умершаго М. действительно случился пожаръ отъ нелишии наклонной парализован почти въ прихожей комнатѣ, отчего заглянулъ стѣны, приделанные близъ печки, которая была разломана и огонь потушенъ; что же сработало на пожаръ его, показателя, члена оконки и убаднего странцаго, кто и были отпразны для освидѣтельствованія проція комнаты, но она не касалась ни языковъ, ни печетей, подъ которыми крахмалом выжидаетъ М.

б) Бюрошій квартальный Г., еще не освидѣтанный другимъ докурнымъ для оборотенія богатствъ М., подъ приговоромъ показалъ, что на другой день послѣ пожара тѣла М., на всесторонности досмотра, которыми сильно была наклонена печка въ прихожей, заглянулъ подъ трубою башки, и когда онъ е семь узналъ, то сейчасъ дозвать полицейстеру, члену оконки, убадному странцу и пожарной командѣ; но прибывшіи означенныхъ лицъ и команды предпринять были шѣры въ ууушеніе огня; и такъ какъ одна стѣна той печки выходила въ опечатанную комнату, то по согласію вѣдѣ членомъ, не закрался ли туда огонь, дверь въ ту комнату была опечатана, и члены, осматривъ и поспайди пожарной осмощности, замечали вновь, кладовой же не опечатывали.

Показаніе это не развито какъ слѣдуетъ для достиженія истины, и потому въ отношеніи действительности пожара, происшедша ли онъ отъ умысла или отъ неосторожности, сражается тайна, для вслѣдованія которой должно было допросить показателя: соперныхъ какихъ именно онъ посылалъ достигнуть за полицейстеромъ, членомъ оконки и убадными странцами, и въ какую часть пожарной команды? Но онъ объ этомъ сиромонъ не былъ, вѣроятно потому, чтобъ не обнаружить, что пожаръ этотъ приключился не вслѣдствіе неосторожности, а вслѣдствіе заранѣе приуманнаго умысла, чтобы подъ предлогомъ его вернуться въ опечатанную кладовую и воспользоваться остатками наличнаго капитала.

Но, которому не следъ было: не следъ полагать допущенія и причино-
чтаніи имущества умершаго. Черезъ такой допросъ можно бы
было обнаружить обстоятельство, что когда бы показано было, что
не только этихъ лицъ и въ пожарную команду посланы были
одни только десятскій, то въ такомъ случаѣ доказывалось бы усло-
віе докурного: офицера съ полицмейстеромъ, чтобы приглаше-
ніемъ пожарной команды другой части отвратить подозрѣніе по-
стороннихъ лицъ и родственниковъ умершаго на умыселъ этого;
а обстоятельство: когда-бы онъ показавъ, что для извѣщенія сказанныхъ
лицъ и пожарной команды: отирались къ каждому лицу особаго де-
сятскаго; для скорѣйшаго сообщенія имъ свѣдѣній о случившемся
пожарѣ, то въ такомъ случаѣ, оставалось съ двумя десятскими до
прібытія пожарной команды съ другой части, доказывалось бы то,
что въ распространеніи пожара никакой роли опроверженъ не было.
Но какъ таковыхъ вопросовъ дежурному офицеру предлагать не былъ;
то по этой причинѣ настоящее обстоятельство не имѣло и не
имѣетъ надлежащаго юридическаго основанія и вѣрности. Далѣе,
особыи въ произшедшемъ пожарѣ происходила какая-либо опас-
ность; то для извѣщенія отъ дежурнаго офицера должно было
привести баршайну пожарную команду, находившуюся поблизости
къ: во эту минуту отъ квартиры умершаго; по вѣрности не та, а
другая квартира команды приглашена была для прекращения пожа-
ра; дежурный офицеръ спросить не былъ. Вторымъ: по спро-
шеніи десятскіе, гдѣ они стояли полицмейстера, члены оцѣны и
стороннаго; а: эти сообщенія не опрошены тоже, кто имъ даль
знать о происшедшемъ пожарѣ и гдѣ они въ то время находились.
Но какъ важность обстоятельствъ этихъ не расслѣдована надлежа-
щимъ порядкомъ, то весьма понятно для чего все это
умышленно сфальсифицировано. Исполняя однакоже то, почему судеб-
ная власть позабыла упомянуть этихъ при разсѣянн всего дѣла;
что не следъ не забыть и правду-крату.

в) Бывшій частный приставъ В. показавъ: пожаръ произошолъ
отъ того, что сильно была нагрѣта служителями умершаго печка,
отчего затѣлась стѣнка.

г) Десятскій Д. подъ присягомъ показавъ, что пожаръ произо-
шолъ отъ загорѣвшагося сверху потолка и балки, находившейся
близъ печки, задождевой десятскимъ.

д) Лакей, находившійся у умершаго въ услуженіи, сараншский
бывшій приставъ: пожаръ случился отъ жалитне нагрѣтой печки, от-
чего затѣлась стѣнка; приближеніе на пожаръ полицмейстеръ, членъ

превзвращеніе! А следовательно и не получили достаточныхъ разсвѣдѣній о томъ, какъ именно этотъ актъ черезъ одну стѣну кажется потому, чтобы усерднымъ и подробнымъ разсвѣщеніемъ не обнаружить, что пожаръ этотъ произведенъ нарочно.

В) Обѣ уничтоженныя бумаги показали:

и) Помощникъ-шефъ : что уничтожить бумаги въ присутствіи многихъ лицъ — нужно познать правила порядка службы вѣдомости, и что эти лица не уничтожали (1). Это правило, что уничтожить бумаги въ присутствіи многихъ лицъ было бы сверхъ существа. Но что конъ бумага, оставшихся послѣ смерти М., много было уничтожено въ тотъ самый день, когда въ квартирѣ умершаго прокраденъ былъ пожаръ, — это доказываютъ нижеслѣдующія лица:

ж) Помощникъ Т. подъ присягою показала: послѣ погребенія М. она, возвращаясь домой, узнавъ, что имущество умершаго опечатано, зашла въ его квартиру, гдѣ засталъ полицмейстера и члена опеки; разбранивъ бумага умершаго, при разсмотрѣніи которыхъ полицмейстеръ въкоторыя изъ нихъ, находившимися, раздиралъ и бросалъ подъ столъ. Слѣдственно уничтоженіе бумагъ произошло не во время опечатки и не при свидѣтеляхъ, какъ объяснала полицмейстеръ, а сейчасъ послѣ утушеннаго пожара.

з) Служившій у М. лакеямъ показала «безъ присяги»: послѣ погребенія М. полицмейстеръ, членъ опеки и странничій занимались разборкою бумагъ, «оставшихся послѣ умершаго его господина, за два или три дня, до опечатки, въ это время много бумагъ уничтожили, разрывая оныя на малые куски, при уничтоженіи которыя полицмейстеръ приговаривалъ: «вотъ и остатки, и записки, и реверсы на крупную сумму и проч. и бросали подъ столъ. При выходѣ изъ дому полицмейстеръ приказалъ десятскому «по во дѣловости времени не печинить никого», собравъ всѣ эти разорванныя бумаги въ шкатулку и шестнадцать частей, что же съ ними слѣдено послѣ, не знаетъ.

г) Десятый М. подъ присягою показала, что собрала разорванныя вѣдомостиныя бумаги и шестнадцать частей въ полицію дано было приказаніе полицмейстеру десятскому М., уже умершему, что имъ и было исполнено; что же слѣдено съ бумагами этими, показателю неизвестно.

Д) Обѣ описки имущества в произведенной оной.

и) А изъ записки, приложенной къ осведомительной жалобѣ, принесенной имъ на рѣшеніе въ пятый департаментъ сената, оныя состоитъ, что если изъ бумагъ умершаго и былъ разорванъ какой-нибудь ненужный документъ или черновая овертка, то не иначе какъ по разсмотрѣніи всеми присутствующими и по удостоеніи въ вѣдомости оной.

а) Полицейстеръ и стражній показавъ, что опись и рассмотрение имущества М. началось 5 февраля въ десять или одиннадцать часовъ утра членомъ оеки при свидѣтеляхъ.

б) Членъ оеки: опись имущества началась 6 февраля при свидѣтеляхъ, которые хотя и не подписали оной, но въ этомъ противопозаконнаго дѣйствія не заключалось, и что 4 и 5 числа февраля опись производима не была. На основаніи же зап. гражд. т. X, ст. 1011, опись имуществу производится въ такомъ только случаѣ, когда наследниковъ налицо не будетъ; она производится при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ того сословія, къ которому принадлежалъ имѣлецъ означеннаго имущества; свидѣтели назначаются изъ сослѣдъ, по назначенію губернскаго управленія, которые согласно 3827 ст. того же тома изд. 1841 г. обязаны утвердить опись своимъ рукоприкладствомъ. Но какъ свидѣтели для составленія описи имуществу М. не были управительствомъ назначены, то неостому нечего вѣрять, чтобы въ составленіи описи безъ свидѣтелей, вопреки вышеприведеннымъ законамъ, не заключалось злоупотребленіе и противозаконное дѣйствіе.

в) Актъ, составленный 4 февраля 1836 года въ квартирѣ умершаго, удостовѣряетъ, что чиновники, составлявшие опись, явились въ квартиру умершаго въ тотъ же день какъ онъ былъ похороненъ, совершили этотъ актъ, — съдѣланный сейчасъ поодѣ прокляченія пошара. Изъ этого же акта видно, что 5 числа ничего не дѣлали. Ничъ затѣмъ сомнѣнія, что показаніе члена оеки, согласующееся съ состоящимъ актомъ, рѣвно противорѣчитъ показаніямъ полицейстера и стражчаго.

г) Служившій при умершемъ лавсемъ въ показаніи своемъ говорить: Опись денегъ и вещей производилась слѣдующимъ образомъ: прежде всего отперли кладовую, приказали вынести сундукъ съ деньгами и поставить въ другой комнатѣ. вслѣдъ дверей такъ, что находившіяся въ третьей комнатѣ востороннія лица этого сундука не видели, ибо одна половина дверей съ той стороны, гдѣ они находилась, была приотнута, а другая той половины, которая была отперта, сидѣла стражній, такъ что онъ одиень только могъ видѣть что дѣлалось въ другой комнатѣ, въ которой поставленъ былъ сундукъ. Полицейстеръ и членъ оеки сорвали печати и отперли сундукъ; въ то время полицейстеръ велѣлъ ему, показателю, позвать десяткаго. Показатель, возвратясь съ десяткомъ, засталъ полицейстера и члена оеки при сундукѣ; имъ велѣно было вынести сундукъ въ ту комнату, гдѣ былъ стражній и востороннія лица. Въ то время когда считали деньги, показателю уно-

требуемъ былъ къ разнымъ услугамъ: ему велѣли подавать воду, трубы и проч. По повѣркѣ денегъ полицмейстеръ отозвался къ прочимъ лицамъ: «Говорили что М. богатъ, вотъ сколько осталось асигнацій.» Дѣйствительно не было на что смотрѣть, почти ничего противъ того количества, какое было положено имъ, показателемъ, въ сундукъ, когда онъ вынималъ асигнаціи эти со шкапа. Чтоже касается серебра и золота, никто ничего не говорилъ, и въ какомъ деньгахъ эти показаны количества при описи, показателъ не знаетъ; сундукъ послѣ этого опять заперли, опечатали и отправили въ кладовую уѣзднаго казначейства. Тѣмъ и кончились дѣйствія чиновниковъ, приступившихъ формально къ составленію описи имуществу умершаго, а послѣ еще нѣсколько дней описывались вещи и разная рухлядь.

Наковецъ мы пришли къ описи. Разсмотримъ же какъ она составлена и соблюдены ли всѣ тѣ формальности, какихъ требуетъ законъ.

Поэтому я прежде чѣмъ стану говорить объ упущеніяхъ, сдѣланныхъ при описи, нужнымъ и даже необходимымъ считаю познакомить васъ, читатель, съ правилами, начертанными для составленія описи имуществамъ.

Правилами этими сказано: 1) при описи имущества движимаго соблюдается: а) точность въ означеніи званія, вида, качества (сорта), мѣры или вѣса; б) когда описываются благородные металлы (золото, платина и серебро), то показывается званіе вещей, вѣсъ ихъ и проба; в) галантерейнымъ вещамъ показывается ихъ званіе и назначеніе, также съ какими и сколькими драгоценными камнями, и изъ какого металла они сдѣланы; г) библиотеки, картинныя галереи, натуральныя и другіе кабинеты, буде нѣтъ при нихъ особыхъ каталоговъ, вносятся въ опись съ показаніемъ: 1) заглавія сочиненій, числа томовъ онаго, языка, на коемъ оно написано или напечатано, имени сочинителя, времени изданія и въ какомъ переплетѣ; 2) мѣры картинъ, ихъ предмета и имени мастера; д) вообще при описи движимыхъ имуществъ различаются вещи новыя отъ подержанныхъ, годныя къ употребленію отъ ветхихъ и негодныхъ; ж) для оцѣнки отряжаются люди, имѣющіе свѣдѣніе о достоинствѣ имуществъ.

Имѣя въ виду правила эти, на основаніи которыхъ должны производиться описи, намъ легче теперь повѣрить и видѣть упущенія, допущенныя чиновниками при составленіи описи имуществу М. Разсмотримъ же со вниманіемъ внутренній и внѣшній характеръ

поиски этой, и мы увидимъ какъ на ладони ея недостатки, ведущіе къ заключенію умышеннаго злоупотребленія.

Итакъ: 1) опись не подписана ни свидѣтелями, ни оцѣнщиками вещей; 2) всѣ драгоценныя вещи, брилліантами украшенныя, золотыя цѣпочки, такіе же большіе и малые часы, серебряныя часы, ложки большія и маленькія, сахарница и кубки — не оцѣнены, и не показано всѣмъ этимъ вещамъ вѣсу; 3) матеріи показаны шутками, но не показано ихъ доброты и мѣры, оцѣнены самими чиновниками, производившими опись; 4) пяти коврамъ тоже не показано мѣры, а оцѣнка богъ-вѣсть кѣмъ произведена; 5) книги, которыхъ показано 214, и разнымъ стихотвореніямъ не показано ни заглавія сочиненій, ни числа томовъ, ни имени сочинителя, ни времени изданія, и въ какомъ переплетѣ, а маслянымъ картинамъ не показано мѣры, ихъ предмета и имени мастера, и кромѣ всѣхъ этихъ упущеній, не произведена ни книгамъ, ни картинамъ оцѣнка. Все же прочее, а именно гардеробъ, бѣлье, мебель, хозяйственная рухлядь и разныхъ родовъ вина, находившія въ двухъ погребкахъ, оцѣнены самими чиновниками, составившими опись; касательно же наличныхъ денегъ, банковыхъ билетовъ и заемныхъ писемъ мы говорили выше. Но здѣсь скажемъ только о общей ихъ суммѣ, заключающейся въ количествѣ 126,000 руб. ас., по описи показанной, и для ближайшаго сравненія этого количества съ составленнымъ мною счетомъ, которымъ я предполагаю показать дѣйствительную цѣну оставшагося послѣ смерти М. капитала, показаннаго очевидцами. Потому что обращаясь къ доказательствамъ, въ дѣлѣ находящимся, нельзя сомнѣваться, чтобы М. не имѣлъ огромнаго наличнаго капитала, количества котораго ни слѣдователи, ни судебныя мѣста не привели въ надлежащую извѣстность.

Для этого возьмемъ сперва показаніе купца В., который, какъ выше сказано, удостовѣряетъ, что онъ, занимая у умершаго деньги за три недѣли до его смерти, видѣлъ связку ассигнацій все бѣлыхъ, длиною въ аршинъ и толщиною въ два вершка. Неопредѣлительность количества этого капитала, заключающагося въ показанномъ размѣрѣ, побуждаетъ въ слѣдующемъ соображеніямъ, вслѣдствіе которыхъ представляется необходимостью изслѣдовать число билетовъ, могущихъ находиться въ показываемой связкѣ. По повѣркѣ открывается то, что въ сказанномъ размѣрѣ могло находиться 8,400 билетовъ, если они положены были въ связкѣ какъ обыкновенно въ другомъ же случаѣ 5,600, когда билеты положены были въ длину аршина, но какъ обѣ эти суммы не могутъ быть приняты за правило къ положительному заключе-

нію о дѣйствительности числа билетовъ, накопившихся въ показанномъ размѣрѣ, то поэтому, сложивъ двѣ эти суммы въ одинъ общий итогъ и раздѣливъ оный на двѣ равныя части, — число 7,000, показывая среднее число билетовъ, будетъ основаніемъ къ двавѣднѣйшему вычисленію. Итакъ купецъ В. показываетъ, что онъ со связки, видѣнной имъ у М., получилъ 4,000 руб. ассигнаціями двухсотрублевыми билетами; но какъ онъ не удостовѣряетъ, что бы въ связкѣ этой всѣ билеты были одного и того же достоинства, то по этой причинѣ, допуская, что въ упомянутой связкѣ могли быть четырехъ качествъ билеты, а именно двухсотрублевыя, сторублевыя, пятидесятирублевыя и двадцатипятерублевыя, слѣдуетъ затѣмъ для уравненія счета билеты всѣхъ этихъ разрядовъ сложить въ одну сумму, а итогъ 375, раздѣленный на четыре равныя части, укажетъ намъ число $94\frac{3}{4}$, съ помощію котораго можно опредѣлить безгрѣшно капиталъ, заключающійся въ связкѣ этой, умноживъ число 7,000 билетовъ на 93 руб. 75 коп.: образовавшаяся сумма 656,250 руб. ассигнаціями уназываетъ намъ капиталъ, заключающійся въ показанномъ размѣрѣ, который, какъ полагать слѣдуетъ, расхищенъ прежде чѣмъ лица, заботившіяся о сбереженіи его отъ растраты и похищенія, приступили къ опечатанію имущества умершаго М.

Разрѣшивъ такимъ образомъ количество капитала, заключавшагося въ связкѣ, показанной купцомъ В., приступимъ къ изслѣдованію и такому же вычисленію того капитала, о которомъ говорилъ лакей умершаго М.

По словамъ этого показателя, найдено послѣ смерти М. въ шкафу: а) нѣсколько пачекъ ассигнацій бѣлыхъ, красныхъ и синихъ; складывая одну на другую было бы поларшина или восемь вершковъ, и б) въ этомъ же шкафу вышиною два съ половиною и шириною въ аршинъ съ четвертью три полки снизу до верха наложенныя рублями: здѣсь вновь представляется количество огромнаго капитала, заключающагося въ однихъ только размѣрахъ, которыми численность его не опредѣляется. Слѣдственно надо прибѣгнуть вновь къ приведенію оваго въ извѣстность по принятой нами системѣ, на основаніи которой мы приведемъ въ извѣстность капиталъ, заключающійся въ ассигнаціяхъ, слѣдующимъ образомъ. Въ первой задачѣ сдѣланнаго нами вычисленія мы нашли, что въ длину аршина вмѣщается билетовъ среднимъ числомъ 7,000. Поэтому очевидно, что въ половинѣ аршина помѣщается только 3,500 билетовъ. Но какъ показанные лакеемъ билеты, заключающіе капиталъ умершаго, представляются въ тройномъ видѣ, то поэтому, избѣгая всякаго преувели-

ченія въ расчетѣ, раздѣляю бѣлые билеты на двухсотенные, сотенные, пятидесяти и двадцатипяти-рублевые, къ которымъ причисливъ еще два разряда билетовъ — десяти и пятирублевого достоинства, составитя итогъ 390, который если раздѣлить на шесть частей, то число 65 указываетъ среднепропорціальную стоимость каждаго билета: такимъ образомъ 3,500 билетовъ умноживъ на 65 руб. асигн., образуемая сумма 227,500 р. асигн. указываетъ намъ количество капитала, заключавшагося въ показанномъ полуаршинномъ размѣрѣ.

Остается разсмотрѣть еще одну и послѣднюю задачу относительно серебряной монеты, находившейся въ трехъ полкахъ шкапа известнаго уже намъ размѣра. Къ разрѣшенію задачи этой мы примемъ въ соображеніе длину шкафныхъ полокъ, содержавшихъ въ себѣ аршинъ съ четвертью; затѣмъ, опредѣливъ разстояние одной отъ другой полочки вышиною восьми и шириною девяти вершками и укладывая рубль подлѣ рубля въ длину полки, находимъ, что такихъ помѣщалось въ длину двадцать два, въ ширину восемь и въ вышину шестьдесятъ-четыре рубля: слѣдственно въ кубическомъ пространствѣ одной полки было 11,264 руб., а въ трехъ полкахъ 33,792 руб. сер. А всего по показанію очевидцевъ должно было остаться послѣ смерти М. наличными деньгами 883,750 руб. асигн. и 33,792 руб. сер., кромѣ капитала, показаннаго по описи въ количествѣ 126,000 руб. асигн.

Поэтому молва, носившаяся о умершемъ, что онъ былъ мильонеромъ, оправдывается вполне.

Но быть-можетъ, что кто-либо изъ читающихъ найдетъ соображенія мои насчетъ вычисленія капиталовъ умершаго по показаніямъ очевидцевъ не совершеннымъ доказательствомъ, потому что вычисленіе это основано на доводахъ, присягою неподтвержденныхъ. Въ такомъ случаѣ мнѣ останется припомнить читателю вышесказанное: а) что показателей-очевидцевъ никто отъ присяги не отводилъ, что они не приведены къ присягѣ просто по произволу слѣдователей и въ облегченіе вины обжалованныхъ лицъ, слѣдственно въ ихъ пользу; б) что еслибы этихъ богатствъ не было, то не предстояло никакой надобности мѣстному начальству заблаговременно распорядиться о сбереженіи богатствъ этихъ отъ растраченія и растраты на случай смерти М.; в) еслибы богатствъ этихъ не было, то что заставляло полицмейстера сознаваться въ томъ, что родственники умершаго М. не допущены ночевать въ квартирѣ его потому, что въ оной хранились значительныя сокровища, чего нельзя было сказать на вопросъ слѣдователя безъ надлежащаго убѣжде-

внѣ? г) обогащеніе въ скоромъ времени послѣ смерти М. полцмейстера, хозяина дома еврея П. и другихъ участвовавшихъ въ грабежѣ этомъ лицъ служить уликой похищенія богатствъ этихъ, и которыхъ по описи, составленной безъ свидѣтелей, вовсе не оказалось. Наконецъ д) что на основаніи законовъ нельзя сомнѣваться въ цифрѣ указываемаго нами капитала и потому еще, что обжалованныя лица, сознаваясь въ другихъ преступленіяхъ и въ уничтоженіи бумагъ, лишаются всякаго довѣрія на неприкосновенность ихъ къ богатствамъ этимъ. Они, по словамъ закона, по событію и обстоятельствамъ, въ дѣлѣ обрѣтающимся, суть преступники, подвергнувшіе себя справедливому по законамъ наказанію, но только съ капиталомъ въ рукахъ ускользнули отъ не по милости судей!

А. САГОТОВИЧЪ

РОДНОЕ

Свѣсилась уныло
Надъ оврагомъ ива
И все дно оврага
Поросло крапивой.

Всторонѣ могила
Сиротѣтъ въ полѣ:
Кто-то самъ покончилъ
Съ горемычной долей!

Вонъ вдали чернѣютъ
Словно пни — избушки;
Не изъ той ли былъ онъ
Бѣдной деревушки?

Тамъ чай трутъ да горе,
Горе безъ исхода...
И кругомъ такая
Скудная природа!

Рытвины да кочки,
Даль полей нѣмая;
И летить надъ ними
Съ крикомъ галокъ стая...

Надрываетъ сердце
Этотъ видъ знакомый...
Грустно на чужбинѣ,
Также какъ и дома!

А. ПЛЕЩКОВЪ

КАРАМЗИНЪ

Неизданныя сочиненія и переписка Николая
Михайловича Карамзина. Часть I. Спб. 1862.

Разныхъ мемуаровъ, записокъ, разныхъ официальныхъ и неофициальныхъ документовъ и актовъ, которые относятся къ исторіи нашей внутренней жизни за конецъ XVIII и первую четверть XIX столѣтія, очень много. Но все это богатство, неодолимое въ рукахъ опытнаго и главное добросовѣстнаго историка, до сихъ поръ большею частію находится подъ спудомъ. Конечно намъ не безъизвѣстно, что многія условія препятствуютъ нашимъ историкамъ и изслѣдователямъ отряхивать пыль вѣковъ отъ многихъ хартій. Тѣмъ неменѣе потребность, хотя и неудовлетворяемая по обстоятельствамъ, въ изданіи разныхъ «неизданныхъ сочиненій» существуетъ. Конецъ XVIII и начало XIX столѣтія — чрезвычайно важная и интересная эпоха вообще въ жизни человѣческой; а добросовѣстная характеристика нашей внутренней жизни за это время для насъ, русскихъ, пожалуй еще важнѣй и поучительнѣй. Да, поучительнѣй. Будущему историку придется сдѣлать самые интересные выводы послѣ изученія этого достопамятнаго времени. Съ того времени какъ Петръ прорубилъ для насъ окно въ Европу и заставилъ глядѣть насъ туда, хотя и указывалъ намъ тамъ вовсе не то, что дѣйствительно должно было бы привлекать на себя наше вниманіе, мы вступили въ какую-нибѣдь, но все-таки *связь* съ жизнью западно-европейской. Положимъ, что большинство нашихъ россійскихъ мужей отыскивало тамъ для себя предметъ подражанія сообразно съ своимъ личнымъ вкусомъ и эгоистическими цѣлями. Но все-таки были и такія благородныя и главное развитыя личности, которыя изучали и усвоили себѣ плоды западно-европейской цивилизаціи вовсе не

для того, чтобы щеголять въ гостинныхъ знавіемъ иностраннхъ языковъ и модъ. Поэтому важнѣйшія событія западно-европейской жизни отдавались и у насъ — то глухо и почти незамѣтно для насъ привычныхъ къ наблюденію глазъ, то громко и не всегда къ матеріальной выгодѣ лицъ, отъезжавшихъ на чужіе звуки. Прибавьте къ этому особенныя явленія, возникавшія и быстро исчезающія на нашей уже родной русской почвѣ — и вы будете имѣть понятіе о томъ, какая любопытнѣйшая амальгама должна представиться историку, изучающему ходъ нашей цивилизаціи въ XVIII вѣкѣ. Но опять никогда химически не разложится на свои составныя части эта историческая смѣсь, если не будутъ разработаны сырые матеріалы, если не по фактамъ, выведеннымъ на свѣтъ божій, историкъ станетъ судить о той замѣчательной жизни, а только по не всегда вѣрнымъ своимъ предположеніямъ и гаданіямъ.

Вотъ почему мы сильно сочувствуемъ мысли издавать неизданныя сочиненія. Они всего болѣе способствуютъ разъясненію внутренней жизни и самихъ личностей, которыя были въ свое время общественными дѣателями, и самого общества, среди котораго онѣ дѣйствовали. Если не всегда литература, по нѣкоторымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, бываетъ *полною* выразительницею жизни, то литературный *кругъ* въ цѣломъ почти всегда довольно рѣзко отражаетъ въ себѣ хорошія и дурныя стороны современнаго ему общества. Масса учености литераторовъ бываетъ почти пропорціональна развитости общества и степени распространенія въ немъ науки; количество честности и энергіи мысли и труда — величинѣ нравственнаго и умственнаго развитія общества; широта и послѣдовательность развитія литераторовъ — широтѣ и безостановочности развитія самого общества. Если въ литературѣ гибнутъ лучшія дарованія и силы, если талантливые люди почти всегда неизбѣжно сворачиваютъ въ ней съ прямой дороги и часто пятятся назадъ, то нечего и говорить, что слишкомъ дурна почва, на которой недолго всякое растеніе растетъ прямо и роскошно. Разумѣется нельзя отрицать въ этомъ отношеніи и личныя заслуги литераторовъ. Вина закваски разумѣется лежитъ прежде всего на обществѣ. Но почему въ разныхъ личностяхъ бываютъ разные плоды его, почему безобразія въ одной личности болѣе, въ другой менѣе, отчего въ одной принимаетъ она такую форму и выражается въ такихъ-то фактахъ, а въ другой другую и отражается въ другихъ фактахъ, это конечно зависитъ уже отъ личныхъ качествъ человѣка и отъ тѣхъ обстоятельствъ жизни, въ которыхъ онъ *свободно* поставилъ себя. На выступающихъ изъ ряда личностяхъ всего ярче и обнаруживаются хорошія и дурныя стороны,

общества. Какъ натуры наиболѣе впечатлительныя, онѣ скорѣй другихъ поддаются живой струѣ, пробивающейся въ жизни, да зато же на нихъ гуще чѣмъ на другихъ ложится, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, слой пыли, слой рутины. Сознательная отсталость гораздо неисправимѣе и безнадежнѣе, чѣмъ безсознательная. Кто сдѣлался отсталымъ потому только, что никогда не былъ передовымъ, кто по тупости и неподатливости своей недалекой вообще натуры не поддается, не увлекается живымъ взглядомъ, не усволяетъ себѣ живыхъ требованій, кто пятится назадъ только потому, что назадъ по его мнѣнію какъ-то лучше, — тотъ ужъ привыкъ быть тамъ постоянно, а впередъ если уйдетъ, такъ ему сдѣлается какъ-то неловко, и онъ окажется не въ своей тарелкѣ; на такого джентльмена не стоитъ гнѣваться, да нечего и убиваться надъ изученіемъ его жизни и дѣятельности, съ цѣлью извлечь отсюда ноживу для какихъ-нибудь историческихъ выводовъ и заключеній: это джентльмены только въ массѣ — «en masse» какъ говорятъ — дадутъ что-нибудь для историка. Возьмите одну тончайшую золотую нить: для васъ трудно будетъ простымъ, невооруженнымъ глазомъ изучать цвѣтъ, тяжесть, степень плотности и доброкачественности вообще золота; въ этомъ случаѣ вы пожалуй и не увидите ее простымъ глазомъ. Да и какинъ безцвѣтнымъ, неопредѣленнымъ чѣмъ-то показалось бы вамъ золото, еслибы вы стали заключать къ нему отъ этой нити, которую едва-едва примѣчаете. Тоже самое и для научателя духа извѣстнаго времени, его интересовъ, его направленія, роста и т. п. Отъ жизни лучшей натуры общества въ данную эпоху вы смѣло можете заключать къ самой эпохѣ, потому что въ лучшихъ общественныхъ силахъ рельефнѣе отражается внутренняя жизнь общества.

Въ свое время Карамзинъ былъ лучшей силой въ обществѣ и на разныхъ обстоятельствахъ у него была обширѣйшая дѣятельность. Оттого и чрезвычайно важно изучать его жизнь, слѣдить за его развитіемъ и направленіемъ его дѣятельности. По впечатлительности своей натуры онъ отзывался на многое; онъ способенъ былъ увлечься кое-чѣмъ съ энтузіазмомъ, хотя этотъ энтузіазмъ никогда ни въ чемъ не вредилъ ему. Благопріятныя обстоятельства позволили ему, особенно въ началѣ его литературнаго поприща, примкнуть къ самымъ лучшимъ, хотя уже и несовѣтъ свѣжимъ, силамъ нашего общества за конецъ XVIII столѣтія. Огромныя силы его натуры поставили его послѣ въ центръ литературной дѣятельности, и при достаточныхъ литературныхъ средствахъ позволяли ему быть довольно широкимъ провозвѣстникомъ духа и направленія своего времени.

Но зато и трудно для историка проникнуть въ глубь внутренней жизни такихъ личностей, какъ Карамзинъ. Не говоримъ уже о томъ, что многихъ и многихъ матерьяловъ, которые могли бы помочь разъясненію Карамзина, еще не явилось въ свѣтъ, да и не скоро явятся они. Главное затрудненіе въ томъ, что въ жизни и дѣятельности Карамзина есть какія-то противорѣчія, трудно соглашаемыя. Владѣя огромными умственными силами, этотъ человѣкъ въ первое время своей литературной дѣятельности хлопоталъ прежде всего и болѣе всего о благородномъ слогѣ, обилии чувства и воображенія, очень близкаго къ сентиментальности. Безспорно стоя выше своихъ современниковъ по уму и образованію, Карамзинъ не сумѣлъ понять великое движеніе конца прошлаго столѣтія и не подалъ руки тому прогрессивному движенію русской государственной жизни, въ главѣ котораго тогда стоялъ Сперанскій. Въ то время, когда образованіе въ немъ соединялось съ энергіей молодыхъ силъ, плодами его литературной дѣятельности были тѣ сентиментальныя произведенія, которыя вмѣсто смягченія жестокосердія современниковъ часто только размягчали ихъ нервы. А въ то время, когда Карамзинъ сдѣлалъ поворотъ въ своихъ социальныхъ убѣжденіяхъ, онъ создалъ «Исторію государства російскаго», которая, чтобы о ней ни говорили, была могущественнымъ и плодотворнымъ средствомъ къ воспитанію многихъ поколѣній: она пробудила русскую мысль и сознаніе въ русскихъ своей народной особности. Такимъ образомъ Карамзинъ сдѣлалъ всего болѣе для русской мысли тогда, когда всего менѣе можно было ожидать отъ него, и всего менѣе, когда его дѣятельность могла бы принести самыя лучшіе плоды. Часто толкуя на словахъ и въ письмахъ о своемъ гражданскомъ мужествѣ, совершенной честности, этотъ человѣкъ нерѣдко пускается въ такую лесть, что невольно приходишь въ изумленіе... Впрочемъ противорѣчія эти характеризуютъ не одного только Карамзина. Дѣло въ томъ, что для недюжинной натуры у насъ, при постоянной апатіи общества, нѣтъ возможности развиваться совершенно свободно... Препятствія, разныя неблагопріятныя условія сломили такую натуру, какова была у Пушкина. Удивительно ли, что они произвели поворотъ и въ Карамзинѣ?

За оцѣнку жизни и дѣятельности Карамзина бралось чрезвычайно много историковъ нашей литературы. Восторженные хвалители его готовы были восхитаться каждой строчкой въ его произведеніяхъ, каждой чертой его характера, каждымъ фактомъ его жизни. Были, хотя сравнительно чрезвычайно мало, и такіе цѣнители его, которые не умѣли цѣнить даже его исторіи. Разумѣется толку отъ тѣхъ и другихъ собственно для разъясненія внутренней жизни Ка-

рамзина, для указанія слабыхъ и сильныхъ сторонъ его дѣятельности выходило чрезвычайно мало. Такое впрочемъ было ужь время! Ужь если хвалить (а прежде и изощрялись только въ томъ, что кстати и некстати хвалили, особенно людей почему бы то ни было извѣстныхъ), такъ хвалили, какъ говорится, насмерть, хвалили даже за то, что другому простому смертному непременно поставили бы въ укоръ. Наши дѣатели конечно выходили отъ того чуть не богами. И огромнѣйшій у нихъ умъ оказывался, и умъ этотъ всегда былъ направленъ у нихъ на *что слѣдуетъ и какъ слѣдуетъ*, и гражданское мужество и честность, возвышенность и благородство чувства — и все, чѣмъ не всегда вполне владѣли даже олимпійскіе боги, было полнѣйшимъ достоинствомъ нашихъ дѣателей. Гениевъ расцвѣло чрезвычайно много и въ число ихъ попадали такіе люди, которые чуть-чуть только выдавались изъ толпы. Особенно панегиристы потрудились много для прославленія Карамзина. На ихъ усердіе въ этомъ отношеніи имѣли вліяніе особыя обстоятельства. Карамзинъ былъ другъ и пріятель первыхъ государственныхъ людей Россіи, и императорскимъ историографомъ. Всякій непредвзятый взглядъ, чуть скептическія отношенія къ нѣкоторымъ его сторонамъ дѣятельности — получали въ глазахъ неразумяющихъ много людей характеръ большой забіячливости, нерадѣнія о славѣ отечества и т. п. Нужно было имѣть величайшій запасъ смѣлости тому человѣку, который первый осмѣлился указать слабыя стороны карамзинской исторіи. А для изображеній характера и не существовало другихъ выраженій и приемовъ, какъ вродѣ слѣдующихъ: онъ былъ примѣрный гражданинъ, благородный человѣкъ, ревностно старавшійся о славѣ отечества и т. п. Такимъ образомъ выходило, что все обстояло благополучно. Но сколько было пользы и поучительности въ общихъ фразахъ, — рѣшать не беремся. Мы знаемъ только, что фразы вообще о благополучномъ обстояніи навязали много дѣла потомству...

Мы попытаемся сдѣлать короткій очеркъ жизни и дѣятельности Карамзина и представимъ въ заключеніи общій взглядъ на него. Въ подробный разборъ его ученыхъ заслугъ, въ особенно разборъ его исторіи, мы не будемъ вдаваться, потому что объ этомъ въ настоящее время уже чрезвычайно много сказано; да пожалуй такой разборъ былъ бы несомнѣнно интересенъ для читателей. Мы постараемся очертить Карамзина какъ человѣка и литератора, отчасти только касаясь его ученой дѣятельности.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1 декабря 1765 года въ оренбургской губерніи въ селѣ Михайловкѣ (Преображенскомъ). Мы очень жалѣемъ, что этотъ биографическій очеркъ должны начать со стараго стереотипнаго положенія, что о времени воспитанія и о самыхъ молодыхъ лѣтахъ Карамзина сохранилось чрезвычайно мало подробностей. Тутъ впрочемъ удивительнаго ничего нѣтъ. Еслибы всѣ великіе, или покрайней-мѣрѣ замѣчательные люди рождались великими, разумѣется на нихъ сразу бы обратили вниманіе и сейчасъ бы записали и передали потомству всѣ подробности ихъ жизни. Но бѣда въ томъ, что великіе люди «не рождаются, а бывають», особенно по отношенію къ сознанію общества. Но какъ бы ни былъ скуденъ запасъ свѣдѣній о самой ранней молодости Карамзина, — нѣтъ причинъ полагать, чтобъ его жизнь въ домѣ отца разнилась отъ жизни другихъ ему современныхъ сверстниковъ. Отецъ его былъ помѣщикъ, хотя и небольшой руки. А какова была помѣщичья жизнь въ старыя годы, это намъ уже извѣстно изъ «Семейной Хроники» — «Дѣтства Багрова-внука». Если мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобъ отецъ Карамзина непремѣнно ужъ походилъ на Багрова или Куролесова, то все-таки съ полною основательностью можемъ сказать, что кругъ интересовъ той сферы, въ которой воспитывался Карамзинъ, не выходилъ изъ мелко-хозяйственныхъ расчетовъ, разныхъ сплетей между сосѣдями и счетовъ съ мужиками-крестьянами. Сохранилось впрочемъ извѣстіе, что мать у Карамзина была въ высшей степени добрая, любящая женщина. Очень можетъ быть, что она и имѣла вліяніе на развитіе въ дитяти-Карамзинѣ впечатлительности и той чувствительности, которая была подкладкой его сентиментальныхъ литературныхъ произведеній. Какъ водится, Карамзина отдали въ науку — вѣроятно къ мѣстному приходскому дячку, на что самъ онъ намекаетъ въ «Рыцарѣ нашего времени». Въ шестой главѣ этого сочиненія Леонъ начинаетъ свое образованіе въ ученіи у дячка часовнику и скоро затѣмъ преуспѣваетъ въ чтеніи всѣхъ церковныхъ книгъ. Въ этомъ же періодѣ ранней молодости Карамзина было положено основаніе тѣмъ успѣхамъ его въ языкознаніи, которые оди давали ему огромное преимущество предъ большинствомъ современниковъ, умѣвшихъ большею частью вести легкій, мелкій разговоръ на иностранномъ языкѣ. Дмитріевъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что еще въ Симбирскѣ, въ домѣ отца, Карамзинъ учился нѣмецкому языку у тамошняго пятидесятилѣтняго врача изъ нѣмцевъ.

На одиннадцатомъ или на двѣнадцатомъ году отъ рожденія Карамзинъ былъ отправленъ въ московскій пансіонъ профессора Ша-

дена (1) при тамошнемъ университетѣ, и по окончаніи курса въ пансіонѣ нѣкоторое время слушалъ лекціи въ университетѣ. Въ пансіонѣ и въ университетѣ Карамзинъ приобрѣлъ по тому времени очень недурное образованіе. Одно уже то, что въ пансіонѣ Карамзинъ, кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, учился еще греческому, латинскому, англійскому и итальянскому, давало ему чрезвычайныя средства для его послѣдующаго развитія. Особенно хорошо Карамзинъ изучилъ за это время французскій и нѣмецкій языки; съ професоромъ Шаденомъ, который полюбилъ его, онъ ходилъ къ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ, и тутъ имѣлъ случай практически ознакомиться съ этими языками. Въ университетѣ онъ занимался русской исторіей, всеобщей исторіей, изящной литературой иностранной, логикой и психологіей. Разумѣется тогдашнее университетское образованіе немногимъ стояло выше, если только и это можно сказать, нашего теперешняго гимназическаго. Но при всемъ томъ безъ сомнѣнія первыми своими знаніями и первымъ своимъ развитіемъ Карамзинъ обязанъ этому школьному періоду своей жизни. Причина основательнаго его знакомства съ иностранными литературами главнымъ образомъ заключалась въ его знаніи иностранныхъ языковъ. По своему времени онъ былъ почти лингвистомъ.

Въ школьный же періодъ жизни у Карамзина вѣроятно сложились и тѣ особенности его натуры, которыя придали потомъ особый характеръ всей его дѣятельности. По успѣхамъ его видно было, что онъ былъ человѣкъ съ очень большими способностями. Знаніе языковъ, приобретенное имъ тогда, указывало уже на огромную его память и усидчивость въ трудѣ, потому что успѣхи въ языкознаніи достаются послѣ долгаго и самаго кропотливаго труда. Изъ авторовъ, которыми онъ по преимуществу занимался, были Руссо, Геллертъ и др. Посѣщая женевскія окрестности, Карамзинъ съ восторгомъ воспоминаетъ о томъ впечатлѣніи, какое бывало производилъ на него Руссо; а когда былъ въ Лейпцигѣ и видѣлъ

(1) Пансіонъ Шадона замѣчательнъ по тому времени. Онъ приготовлялъ слушателей для университета, слѣдовательно былъ чѣмъ-то яродѣ нашихъ гимназій. Основателемъ его былъ докторъ Юганъ Маттей Шаденъ. Родомъ онъ былъ изъ Пресбурга и слушалъ курсъ въ тюбингенскомъ университетѣ подъ руководствомъ извѣстнаго Христіана Баумейстера. По пріѣздѣ въ Россію Шаденъ, какъ умный человѣкъ, видѣлъ, что одинъ университетъ ничего не сдѣлаетъ для образованія цѣлой страны, особенно если не будетъ надлежащей подготовки для молодыхъ людей въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому-то для примѣра самъ открылъ пансіонъ, въ которомъ между прочимъ обучался Карамзинъ.

тамъ памятникъ Геллерту, то писалъ въ своихъ письмахъ слѣдующее: «Тутъ вспомнилъ я то счастливое время моего ребячества, когда геллертовы басни составляли почти всю мою бібліотеку, когда читая его «Инке и Ярико» обливался горькими слезами, вли читая «Зеленаго осла» смѣялся отъ всего сердца.» Имѣя отъ природы мягкое сердце, Карамзинъ еще болѣе усилилъ эту мягкость такими средствами своего образованія; при готовыхъ задаткахъ онъ легко сдѣлался послѣдователемъ Руссо, по крайней-мѣрѣ той его стороны, которая граничитъ со вздохами о первобытной невинности и простотѣ аркадскихъ пастушковъ. Разумѣется вполне основательнаго знакомства съ западною цивилизаціей Карамзинъ не могъ вынести изъ пансіона и затѣмъ университета, все равно какъ и теперь это еще совершенно невозможное дѣло для молодежи. Но тѣмъ неменѣе онъ вынесъ то убѣжденіе, что наука не есть только предверіе къ чину: а этого чрезвычайно много для человѣка, жившаго въ концѣ XVIII столѣтія. По окончаніи университетскаго курса Карамзинъ хотѣлъ еще заниматься наукою за границей, въ Лейпцигѣ. Въ письмѣ изъ Лейпцига Карамзинъ пишетъ: «Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести мою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце. Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія. Воображая какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя такъ-сказать образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горестъ въ сердцѣ и слезы на глазахъ.» Этого чрезвычайно много для человѣка, выросшаго и воспитаннаго въ обществѣ конца XVIII столѣтія. При большомъ умѣ Карамзинъ имѣлъ самую пылкую фантазію. У Бантышъ-Каменскаго есть извѣстіе о томъ, что «будучи еще малюткою, на девятомъ году онъ читалъ исторію пуническихъ войнъ и воображая себя маленькимъ Сципіономъ, любилъ своего героя, ненавидѣлъ Аннибала въ счастливыя времена его славы, жалѣлъ о немъ, когда, укрываясь отъ злобы мстительныхъ римлянъ, скитался онъ изъ земли въ землю съ засохшими лаврами на головѣ». Какъ видно, въ малюткѣ-Карамзинѣ было живо нравственное начало, которое заставляло его уважать политическія несчастія гениальнаго человѣка. Однакожъ мечта мечтой, а дѣло дѣломъ. Мечта Карамзина ѣхать въ Лейпцигъ для усовершенствованія себя въ наукахъ не осуществилась потому вѣроятно, что родня и мнѣніе людей, *дорожившихъ* его счастіемъ, требовали карьеры: а какова могла быть карьера безъ службы? Если теперь мнѣніе большинства считаетъ службу почему-то обязательной для всякаго молодого человѣка, то чтожь сказать о тогда-

шлемъ времени? По настоянію вѣроятно отца, Карамзинъ вступилъ въ военную службу. При опредѣленіи въ преображенскій полкъ онъ познакомился съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, личностью замѣчательной, находившейся въ долгихъ связяхъ съ нимъ и имѣвшей на него огромное вліяніе. — Говорятъ, что скоро выйдетъ въ свѣтъ переписка Дмитріева съ Карамзинымъ. Мы очень жалѣемъ, что не имѣли ее предъ руками при составленіи настоящей статьи. Объ интересѣ и важности этихъ писемъ можно судить уже по тому одному, что оба они были очень короткими друзьями и вѣроятно въ ихъ перепискѣ можно встрѣтить откровенныя сужденія объ окружавшемъ ихъ людѣ и тѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ, свидѣтелями которыхъ они были. А вѣдь съ какими они не встрѣчались людьми и какихъ важныхъ, величавыхъ событій не были свидѣтелями! Лишонные такого важнаго пособія при опредѣленіи характера ихъ взаимныхъ отношеній, мы и не можемъ сказать что собственно связывало этихъ людей; вѣроятно, какъ и всегда — единство убѣжденій, хотя литературная дѣятельность Дмитріева стоитъ особнякомъ отъ дѣятельности Карамзина и его школы. Землячество? такъ какъ Дмитріевъ тоже былъ уроженецъ симбирской губерніи, и чуть ли не изъ одного уѣзда? Но одно землячество бываетъ сильнымъ связывающимъ элементомъ между людьми совсѣмъ другого рола, чѣмъ какими были Карамзинъ и Дмитріевъ.

Но разумѣется тогдашняя военная служба не могла быть по душѣ Карамзину. Его подготовка всего менѣе была военная. Поэтому лишь только умеръ отецъ, онъ вышелъ въ отставку и отправился на родину, въ Симбирскъ. Какъ человѣкъ умный, бывавшій въ свѣтѣ, Карамзинъ поставилъ себя на хорошую ногу въ провинціальномъ обществѣ. «Я нашолъ его — пишетъ Дмитріевъ — играющимъ ролю надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу и политикомъ предъ отцами семейства, которые хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали.» Очевидно Карамзинъ уже въ эту молодую пору своей жизни понялъ нѣсколько искусство жить въ свѣтѣ: для всѣхъ быть всѣмъ, — искусство, очень сильно пригодившееся ему въ его послѣдующей жизни. Можетъ-быть онъ бы и остался въ Симбирскѣ навсегда, свискавъ въ *потомствѣ* себѣ славу любезнаго и обворожительнаго человѣка за вистомъ, въ дамскомъ кругу и въ обществѣ отцовъ семейства. Можетъ-быть *среда*, съ такимъ удобствомъ заѣдающая (мы говоримъ это вовсе не въ ироническомъ смыслѣ) самыхъ лучшихъ нашихъ людей въ теперешнее время, заѣла бы и его. По крайней-мѣрѣ нѣтъ причинъ полагать, чтобъ развитіе Карамзина

не остановлено было продолжительнымъ востомъ и продолжительнымъ политичнымъ обхожденіемъ съ отцами семействъ. Однако случайное обстоятельство спасло его и не дало безъ толку погибнуть далеко во лужинной силѣ.

Это было новиковское «Дружеское ученое общество», вытннувшее Карамзина изъ симбирской глуши. «Дружеское общество» очень замѣчательный фактъ въ нашей исторіи. Оно показываетъ, что лишь только появилась какая-нибудь возможность дѣйствовать на Руси порядочнымъ людямъ, хорошіе люди всегда являлись, и смотря по обстоятельствамъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, приносили посильную пользу обществу. Оно было результатомъ умственного движенія, охватившаго наше общество въ царствованіе Екатерины II. Вѣдь къ этому времени принадлежить то развитіе сатиры въ нашей литературѣ, которое ставить ее чуть не выше современной нашей сатиры. Конечно, литературѣ нашей никогда не удавалось поднимать вопросы такъ глубоко, какъ она считала бы то нужнымъ; тѣмъ неменѣе уже стали и тогда пробиваться въ ней вопросы, причины которыхъ, по мнѣнію высокаго автора «Былей и небылицъ», заключались въ такъ называемомъ тогда *вольномыслии*, котораго чуждались наши предки. Мало того, такая энергичная и образованнѣйшая личность, какою былъ Новиковъ, указывала обществу и положительные идеалы. Не для одного легкаго и пріятнаго чтенія Новиковъ затѣялъ изданіе своей «Россійской вивлююфики»: такимъ изданіемъ онъ указывалъ тогдашнему русскому челювѣку, какимъ мощнымъ духомъ, свѣжестью вѣяло отъ древней непочатой жизни народной, и въ чемъ слѣдовательно нужно искать причинъ бездушія и затхлости тогдашней среды. Въ самомъ мистицизмѣ Новикова и вообще его общества лежала дѣйствительно живая по тогдашнему времени потребность внести новые мотивы въ жизнь и вытѣснить ими изжившіе, внесенные въ жизнь грубыми и эгоистичными инстинктами. Принципы «Дружескаго общества» дѣйствительно были потребностью лучшей части тогдашняго общества: это доказывается уже тѣмъ, что оно нашло себѣ большое число членовъ и въ провинціяхъ. Цѣль его дѣйствительно была въ высшей степени высокая и благородная: общество поставило себѣ задачей распространять въ большинствѣ истинные взгляды на воспитаніе, издавать общепользные переводныя и оригинальныя книги, готовить хорошихъ русскихъ учителей. Оно искало въ глуши даровитыхъ молодыхъ людей и предлагало имъ принимать участіе въ трудахъ общества или на его счетъ продолжать образованіе. Такимъ-то образомъ и

Карамзинъ, по приглашенію И. П. Тургенева, одного изъ членовъ общества, попалъ къ Новикову въ Москву.

Вопросъ объ отношеніяхъ Карамзина къ нашимъ масонамъ XVIII столѣтія очень любопытенъ. Что жизнь въ этомъ обществѣ имѣла для него огромное значеніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Общество цѣнило такую даровитую личность, какъ Карамзинъ. По прибытіи его въ Москву Новиковъ помѣстилъ его въ нанятый имъ для себя домъ близъ Меншиковской бапти. Жизнь въ такомъ образованномъ кругу разумѣется чрезвычайно благотворно дѣйствовала на впечатлительную и богатую молодую натуру. Здѣсь Карамзинъ познакомился съ сочиненіями деистовъ и материалистовъ. Какъ видно, общество не считало лишнимъ знакомить молодыхъ людей съ сочиненіями своихъ противниковъ, даромъ что материалисты были главными врагами, противъ которыхъ оно боролось. Какъ будилась мысль въ молодыхъ головахъ, какимъ нравственнымъ мученіемъ сопровождалось появленіе въ нихъ скептицизма, это показываетъ письмо къ Карамзину одного изъ даровитѣйшихъ и самыхъ симпатичныхъ молодыхъ людей, состоявшихъ въ близкихъ связяхъ съ обществомъ. Вотъ что пишетъ къ нему Петровъ: «Вопросы: что я есмь? и что я буду? всего меня занимаютъ, и бѣдную мою голову, праздностью разслабленную, кружатъ и въ большое неустройство приводятъ.» Въ обществѣ же Карамзинъ нашолъ себѣ и первыя литературныя работы. Подъ руководствомъ такихъ опытныхъ въ литературномъ дѣлѣ людей, каковъ Новиковъ, онъ приготовилъ себя къ литературной и ученой дѣятельности. На первый разъ эта работа была переводческая. По порученію «Дружескаго общества» Карамзинъ перевелъ поэму Галлера о происхожденіи зла, нѣсколько статей для изданія «Бесѣды съ Богомъ, или размышленія на каждый день года» и нѣсколько статей для «Дѣтскаго чтенія».

Здѣсь кстати мы скажемъ все что намъ извѣстно объ отношеніи Карамзина къ «Дружескому обществу», чтобъ затѣмъ уже не возвращаться къ этому предмету. Въ 1792 году Новиковъ былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Объ этомъ Карамзинъ рассказываетъ въ своей «Запискѣ», явившейся теперь въ свѣтъ въ числѣ «неизданныхъ сочиненій» слѣдующее:

«Около 1785 года онъ вошелъ въ связь по масонству съ берлинскими теософами и сдѣлался въ Москвѣ начальникомъ такъ-называемыхъ *мартинистовъ*, которые были (или суть) ничто иное какъ *христіанскіе мистики*: толковали природу и человѣка, искали таинственного смысла въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость и проч., но требовали истинныхъ хри-

стѣвскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность къ государю. Ихъ общество, подъ именемъ *масонства*, распространилось не только въ двухъ столицахъ, но и въ губерніяхъ; открывались *ложи*; выходили книги масонскія, мистическія, наполненныя загадками. Въ тоже время Новиковъ и друзья его на свое иждивеніе воспитывали бѣдныхъ молодыхъ людей, учили ихъ въ школахъ, въ университетахъ, вообще употребляли немалыя суммы на благотворенія. Императрица, опасаясь вредныхъ тайныхъ замысловъ сего общества, видѣла его успѣхи съ неудовольствіемъ; сперва только шутила надъ заблужденіемъ умовъ и писала комедіи, чтобы осмѣивать оное, послѣ запретила *ложи*; но зная, что масоны не перестаютъ *работать*, тайно собираются въ домахъ, проповѣдуютъ, обращаютъ, — внутренно досадовала и велѣла московскому градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили ея подозрѣніе: 1) Одинъ изъ мартинистовъ или теософистскихъ масоновъ, славный архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С. Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостоившись въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ во время неурожая роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ. Удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову г. Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячь шестьдесятъ дохода, и по любви къ благотѣніямъ въ сей годъ разорился. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими теософами, хотя и не политическую, въ то время когда нашъ дворъ былъ въ явной непрязни съ берлинскимъ. Сіи случаи, французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника рѣшили судьбу Новикова: его взяли въ тайную канцелярію, допрашивали и заключили въ Шлиссельбургской крѣпости, неувличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно подозрѣваемого въ намѣреніяхъ вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ. Главное имѣніе Новикова состояло въ книгахъ; ихъ конфисковали и большую часть сожгли (то-есть всѣ мистическія).

Если сообразить, что приведенное мѣсто находится въ запискѣ, которою Карамзинъ хотѣлъ обратить всемілостивѣйшее вниманіе на семейство Новикова, то станетъ понятно, почему Карамзинъ не говоритъ о дѣлѣ съ совершенной ясностью. Покрайней-мѣрѣ изъ этой любопытной записки видно, что общество закрыли по подозрѣнію въ политическихъ замыслахъ; Новиковъ, какъ глава и вожатай его, былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Но какимъ же образомъ Карамзинъ уцѣлѣлъ? Былъ ли ему допросъ, какъ многимъ другимъ мистикамъ? Изъ словъ Бантышъ-Каменскаго видно, что какія-то подлинныя рѣчи Карамзина были въ рукахъ

государыни. По словамъ того же Бавтышъ-Каменскаго, «намѣренія Карамзина были самыя чистыя, какъ душа его: исполненный доброты и чувствительности, онъ чтилъ религію и нравственность съ благоговѣніемъ, потому и не пострадалъ во время высылки мартинистовъ при императрицѣ Екатеринѣ». У него же есть довольно характеристическое замѣчаніе, что Николай Михайловичъ устранилъ себя навремя отъ общества. Какъ бы то нибыло, только это устраненіе отъ масоновъ произошло не оттого, чтобы онъ разошелся въ убѣжденіяхъ, а просто по чувству самосохраненія: онъ удалился отъ него, когда видѣлъ, что дѣло можетъ кончиться довольно плохо. А можетъ-быть политическія его убѣжденія и дѣйствительно не требовали такихъ дѣйствій, каково было дѣйствіе Новикова, посаженнаго за то въ Шлиссельбургскую крѣпость. Карамзинъ уже зналъ къ этому времени искусство плавать по морю житейскому... Но когда сочувствіе къ обществу было безопаснымъ, Карамзинъ вовсе не скрывалъ его. Это доказываетъ уже его записка о Нониковѣ. На это же указываетъ и фактъ, приведенный къ статьѣ г. Тихомирова «Четыре года изъ жизни Карамзина» («Рус. Вѣстн.» № 4). Проѣздомъ въ Петербургъ Карамзинъ зашелъ къ Новикову, проживавшему въ Тихвинскомъ. Въ немъ сохранилось еще доброе воспоминаніе о человѣкѣ, посвятившемъ свою жизнь благу народа, уваженіе къ человѣку, чуть не головой своей пожертвовавшему за свои убѣжденія. Притомъ — и это самое главное — Карамзинъ состоялъ въ частой перепискѣ съ Новиковымъ.

Но собственно литературная дѣятельность Карамзина началась послѣ пріѣзда его изъ-заграницы. Онъ возвратился осенью 1790 г. изъ-заграницы. Къ этому времени онъ былъ уже въ некоторой звѣздѣ въ литературномъ мірѣ. Покрайней-мѣрѣ самъ онъ сознавалъ силы свои для какого-нибудь честнаго труда. Полуторалтнее пребываніе его за границею разумѣется не могло пройти даромъ для такой даровитой личности. Онъ многое посмотрѣлъ, хотя можетъ-быть не успѣлъ понять и усвоить все громадное количество видѣннаго и слышаннаго, на что мы имѣемъ доказательства. Тѣмъ неменѣе въ числѣ тогдашнихъ дѣятелей онъ могъ себя считать далеко не послѣднимъ: на молодого человѣка уже стали обращать вниманіе. Въ числѣ знакомыхъ его мы теперь находимъ между прочимъ и Державина, въ свое время считавшагося литературною звѣздой первой величины. Къ военной или гражданской службѣ онъ не чувствовалъ большого расположенія, подготовка его была совсѣмъ иная. Такъ какъ Карамзинъ уже имѣлъ успѣхъ на литературномъ поприщѣ, то онъ и избралъ для себя литературное поприще.

Съ совѣта и одобренія Державина Карамзинъ предпринялъ изда-

ніе «Московскаго журнала». Сотрудниками его въ этомъ случаѣ были Державинъ, Херасковъ и Дмитріевъ. Впрочемъ главный трудъ составленія книжекъ журнала лежалъ на самомъ редакторѣ. Непмѣ дѣльныхъ сотрудниковъ, онъ долженъ былъ самъ переводить всѣ лучшія статьи изъ иностранныхъ журналовъ, а иногда дѣлать извлеченія и сокращенія изъ иностранныхъ книгъ. Планъ «Московскаго журнала» былъ слѣдующій: сначала помѣщались произведенія поэзіи, затѣмъ слѣдовали небольшіе рассказы, анекдоты, «Письма русскаго путешественника», жизнеописанія знаменитыхъ современниковъ, иностранныхъ ученыхъ и литераторовъ. Мы не станемъ разбирать частей журнала, скажемъ только кое-что о нѣкоторыхъ въ немъ помѣщенныхъ произведеніяхъ Карамзина, въ свое время надѣлавшихъ много шума. Это прежде всего «Письма русскаго путешественника» и небольшія повѣсти его: «Бѣлая Лиза», «Прекрасная царевна и счастливый карло», «Наталья боярская дочь».

«Письма русскаго путешественника» въ свое время произвели фуроръ; публика прочла ихъ съ жадностью. Дѣйствительно что-то новое слышалось въ этомъ живомъ, веселомъ разказѣ о разныхъ заморскихъ диковинкахъ. Приученная къ тяжелому ломоносовскому языку, она съ наслажденіемъ встрѣтила легкую карамзинскую рѣчь, построенную на французскій ладъ. Прибавьте къ этому важность тогдашнихъ французскихъ событій, о которыхъ ходили самыя разнообразныя слухи, которые еще болѣе увеличивали въ русской публикѣ интересъ къ мѣсту, гдѣ происходили важныя событія. Глубины взгляда на европейскую жизнь разумѣется въ нихъ нечего искать. Авторъ быть-можетъ самъ еще не доросъ тогда до глубокаго пониманія западной цивилизаціи. Въ немъ было какое-то глубокое чутье чего-то великаго въ этой чужестранной жизни, но охватить ее однимъ цѣльнымъ взглядомъ и представить въ своихъ запискахъ онъ не могъ. Напримѣръ при свиданіи въ Кенигсбергѣ съ Кантомъ Карамзинъ съ полчаса говорилъ съ нимъ о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Какъ видно, оба они удовольствовались простымъ свѣтскимъ разговоромъ. А что записано имъ изъ разговора съ Кантомъ о нравственной природѣ то извѣстно, что тамъ собственно кантовскаго ничего нѣтъ: тутъ есть только нравственныя сентенціи, которыми вѣроятно Кантъ спѣшилъ поскорѣй отдѣлаться отъ *русскаго дворянина*, какъ рекомендовался ему Карамзинъ. Тоже было у него и съ Платнеромъ, профессоромъ эстетики въ лейпцигскомъ университетѣ. Да и вообще самыя разговоры его съ германскими и французскими учеными болѣе полны взаимныхъ комплиментовъ, чѣмъ какихъ-нибудь дѣльныхъ мыслей. Читая ихъ такъ и видишь, что Карамзинъ влекло къ нимъ

простое любодѣйство, желаніе посмотрѣть на нихъ, чтобъ потомъ имѣть удовольствіе записать о своихъ визитахъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что Карамзинъ вовсе не занимался обществомъ, людьми, среди которыхъ путешествовалъ. Въ то время какъ онъ былъ въ Парижѣ, на глазахъ у него совершались величайшія историческія событія: при немъ происходило образованіе департаментовъ, организація административныхъ и муниципальных властей, рѣшительныя мѣры правительства относительно улучшенія финансовъ; тогда говорилъ свои рѣчи знаменитый Мирабо, результатомъ которыхъ всегда бывало столько шума и толковъ въ Парижѣ. Но о всемъ этомъ онъ ни полслова: его вниманіе привлечено было тогдашней французской академіей. Въ одномъ изъ парижскихъ писемъ 1790 года Карамзинъ послѣ разныхъ похвалъ Людовику XVI пишетъ:

• Народъ есть острое желѣзо, съ которымъ играть опасно, а революціи — отверстый гробъ добродѣтели и для самаго злодѣйства. Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ, и въ самомъ совершеннѣйшемъ надобно удлиняться чудесной гармоніи, благоустройству порядка. Утопія будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ усилій разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣряются, что для собственнаго ихъ счастья добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ золотой и во всякомъ правленіи человекъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія губельны и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть провидѣнія. Оно конечно имѣетъ свой планъ, и въ его рукѣ сердце государей — и довольно... Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой переменны и живутъ тихо. •

Читая эти строки вы видите, что движеніе осуждается имъ вовсе не вслѣдствіе какого-нибудь яснаго, установившагося принципа, определеннаго взгляда на жизнь: вовсе нѣтъ, — осуждается просто потому, что Карамзинъ думалъ о немъ какъ о нарушителѣ всякаго порядка, посягательствѣ на вѣками утвержденную святыню для добрыхъ гражданъ. Притомъ упоминаніе объ эшафотахъ прямо указываетъ на то, что онъ смотритъ на движеніе какъ на дѣло потеряннаго. Мы вовсе не осуждаемъ Карамзина за то, что онъ не придавалъ большого значенія этому движенію, и если придавалъ, то протѣнное дѣйствительному. Мы говоримъ только какъ было дѣло и если угодно, для объясненія прибавимъ, что Карамзину почти неоткуда было взять вѣрныхъ объ этомъ свѣдѣній. Въ Россіи въ это

время уже было обращено зоркое вниманіе на все что могло распространять какіе-нибудь вредныя слухи. Въ Германіи тоже, если не въ большей степени. А во Франціи, среди разгара страстей для человѣка совѣмъ незнакомаго съ чѣмъ-нибудь подобнымъ въ своей жизни, конечно движеніе должно было показаться чѣмъ-то аномальнымъ, безцѣльнымъ. Не забудемъ еще и того, что какъ-видно Карамзинъ вовсе и не хотѣлъ сдѣлать свои письма чѣмъ-нибудь дѣйствительно поучительнымъ для публики. Его цѣль была просто доставить легкое и пріятное чтеніе. «Много неважнаго, — пишетъ онъ въ своемъ предисловіи къ письмамъ, — мелочи, соглашаюсь; но если въ ричардсоновыхъ, фильдинговыхъ романахъ безъ скуки читаемъ мы напримѣръ, что Грандисонъ всякій день пилъ чай съ любезной миссъ Биронъ, что Томъ-Джонсъ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ, то для чего же путешественнику не простить нѣкоторыхъ безцѣльныхъ подробностей?.. А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому вмѣсто сихъ писемъ совѣтую читать бюшингову географію.» Карамзинъ не могъ не знать, что его письма будутъ читать такое большинство, которому въ тысячу разъ пріятнѣй будетъ знать, когда гдѣ пьютъ чай, какіе гдѣ дома, званія, какъ гдѣ обѣдаютъ, чѣмъ какое-нибудь свѣдѣніе о жизни страны. Для насъ «Письма» конечно потеряли теперь всякое значеніе, особенно въ виду прекрасныхъ путевыхъ записокъ множества нашихъ путешественниковъ, которые глубже поднимали вопросы о жизни запада.

Еще болѣе временное значеніе въ литературѣ имѣли повѣсти Карамзина, которыми, какъ и упомянутыми выше «Письмами», наши историки литературы открываютъ новый, такъ-называемый романтическій періодъ. Что общество было уже настроено къ принятію новаго литературнаго мотива, это не подлежитъ сомнѣнію. На это указываетъ уже тотъ самый фактъ, что повѣсти Карамзина, «Бѣдная Лиза» напримѣръ, подобно «Письмамъ русскаго путешественника» произвели огромное впечатлѣніе на публику. Въдѣ то только литературное произведеніе производитъ впечатлѣніе на общество, которое хорошо выражаетъ еще невыраженные потребности общества, вносить что-нибудь новое въ общественное сознаніе. Незаслужонныхъ успѣховъ, собственно-то говоря, не бываетъ никогда, да и не можетъ быть. Положимъ извѣстное литературное явленіе слабо, фальшиво въ своемъ тонѣ, въ основномъ мотивѣ. выражаетъ только минутные, временные интересы; но если пользуется успѣхомъ, то успѣхъ этотъ не можетъ уже быть незаслужоннымъ. Значитъ есть же въ немъ что-нибудь затрагивающее об-

щество, пусть будетъ это даже фальшивое. Скорѣе всего вина ляжетъ тогда на самое общество, потому что оно настолько не выросло, чтобъ понимать эту фальшивость, дотога еще не доросло, что еще восхищается ею. Точно также было и съ новымъ мотивомъ, внесеннымъ въ нашу литературу повѣстями Карамзина. Возьмемъ на примѣръ расказъ «Бѣдную Лизу». Какое бѣдное содержаніе и какъ блѣдны въ ней герои! Московскій баринъ влюбляется въ бѣдную, хорошенькую крестьянку Лизу, обольщаетъ ее и оставляетъ. Лиза, чувствительная дѣвушка, не можетъ пережить обмана и бросается въ прудъ. Вѣдь если судить о повѣсти съ точки зрѣнія теперешней критики, такъ такому расказу не нашлось бы мѣста и въ «срундѣ» г. Камбека. Между тѣмъ по этой Лизѣ плакала и хныкала чуть не вся читающая публика; впечатлѣніе дотога было сильно, что многіе искали ея могилы въ окрестностяхъ Симонова монастыря, гдѣ, по словамъ расказа, она была погребена. Между тѣмъ если сообразить, что вѣдь мотивъ, пріемъ, содержаніе, все въ Лизѣ было новымъ для публики, то становится понятнымъ тоглашній восторгъ публики. Прежнее классическое направленіе въ литературѣ страхъ какъ надоѣло публикѣ. Классицизмъ и во Франціи не удался. Наряду съ прекрасными, и то болѣе по частностямъ отдѣлки, произведеніями Корнеля, Расина шли самыя плохіе вирши піитовъ, въ произведеніи которыхъ только и было классическаго, что они хотѣли кому-то въ чемъ-то подражать. Представьте же себѣ, чѣмъ должны были быть плохіе вирши нашихъ русскихъ неудавшихся піитовъ-классиковъ, подражавшихъ французскимъ лежклассикамъ; какъ должны были смѣшно выглядывать у насъ всѣ эти русскіе Корнели и Расины. Говорятъ обыкновенно, что весьма мало было читателей въ до-карамзинской литературѣ. Фактъ совершенно понятный. Нельзя предположить, чтобъ въ цѣломъ обществѣ окончательно вымеръ здравый смыслъ, чтобъ окончательно заглохла въ немъ склонность просто, безъискусственно относиться къ жизни. Между тѣмъ литература становилась на ходули, не обращала вниманія на жизнь и служила какимъ-то искусственнымъ орудіемъ искусственныхъ интересовъ. Могли ли имѣть такія фантастическія, мертвыя произведенія какой-нибудь интересъ для большинства русской публики? Разумѣется они имѣли успѣхъ и читались только самими же тогдашними литераторами, неисправимо уже заѣденными классицизмомъ. Зато лишь только литература обратилась къ жизни, на примѣръ въ самую лучшую эпоху дѣятельности Новикова, когда у насъ распространились сатирическіе журналы, — масса читающей публики чрезвычайно увеличилась. Здѣсь мы должны обратить вниманіе еще вотъ на какое обстоятельство. Тогдашній успѣхъ ка-

рамзинскихъ повѣстей, намъ кажется, именно обуславливалса пред-варительнымъ развитіемъ сатирическихъ журналовъ. Какъ извѣстно, послѣ того какъ въ нихъ начали почасту появляться факты «вольномыслия, чуждаго нашихъ предковъ», кругъ предметовъ для сатиры сталъ болѣе и болѣе суживаться. Всѣ сатирическіе журналы мало-помалу стали прекращаться. Но какъ здоровый, живучій элементъ литературы, сатира произвела сильное вліяніе на развитіе общества. Послѣ того какъ появилось въ литературѣ кое-что стоящее вниманія, масса читателей возрасла, да и вкусъ ужъ нѣсколько повзбаловался у ней. Россійскіе Вольтеры и Расины уже не производили на нее впечатлѣнія; общество, развившееся подъ вліяніемъ болѣе здоровой литературы, очевидно требовало чего-нибудь болѣе живого, болѣе близкаго къ жизни, чѣмъ классицизмъ. Вотъ оно и кинулось съ восторгомъ на новые рассказы, потомучто въ нихъ было дѣйствительно что-то новое, что-то болѣе живое.

Говоря о тогдашнемъ обществѣ, ненужно забывать, что въ немъ уже живо чувствовалось вліяніе Руссо, вліяніе германской школы романтиковъ Гердера, Виланда, Шиллера и молодого Гёте. Приученное смотрѣть на западъ какъ на своего учителя, общество, естественно, чрезвычайно интересовалось новымъ тогда романтическимъ элементомъ въ литературѣ, тѣмъ болѣе что побѣда ясно клонилась на сторону сантиментальныхъ романтиковъ. Поколѣніе, современное Карамзину, воспиталось подъ вліяніемъ этихъ «новыхъ пророковъ». Оно и встрѣтило съ радостью своего родного иророка.

А что именно Карамзинъ выступилъ съ новымъ словомъ, внесъ новый мотивъ въ литературу, такъ этимъ доказывается только то, что онъ дѣйствительно былъ по развитію лучшій человекъ изъ своего поколѣнія. Какъ мы уже говорили, онъ воспитался подъ вліяніемъ Новикова и его общества, въ которомъ дѣйствительно были сосредоточены тогда лучшія умственные силы наши. Владѣя развитымъ умомъ, имѣя на глазахъ своихъ попытки къ здоровой дѣятельности, порывы къ удовлетворенію насущныхъ, современныхъ потребностей общества, онъ не могъ не видѣть, что въ нашей лжеклассической литературѣ дѣйствительно есть что-то фальшивое, не то по крайней-мѣрѣ, что нужно было обществу. Одаренный отъ природы чувствительною и мягкою натурою, слѣдовательно способный цѣнить и увлекаться всѣмъ патетическимъ, онъ не могъ не проникнуться глубоко идеями Руссо. Онъ не могъ не вздыхать по той простотѣ, въ измѣнѣ которой укорялъ женеvскій учитель современную ему цивилизацію, о той близости къ природѣ, о которой онъ же говорилъ съ такимъ напосомъ.

Но о томъ почему именно русская литература въ лицѣ Карамзина увлеклась вѣмецко-французской сантиментальностью, стала чуждою духу русскаго человѣка, гдѣ лежали глубокія причины этого новаго, но вовсе не народнаго литературнаго мотива, — объ этомъ мы поговоримъ при общей оцѣнкѣ литературной дѣятельности Карамзина. А теперь снова продолжимъ свою короткую лѣтопись.

«Московскій журналъ» продолжался недолго. Что помѣшало Карамзину продолжать его — достоверно неизвѣстно. Можетъ-быть срочная журнальная работа, лежавшая по недостатку сотрудниковъ главнымъ образомъ на немъ самомъ, надобла ему. А можетъ-быть и другое обстоятельство, вовсе отъ него независѣвшее, тѣмъ болѣе что скупая срочной работой и по этой причинѣ «рекративъ» изданіе журнала, онъ не сталъ бы впоследствии издавать «Вѣстникъ Европы». Въ послѣдней книжкѣ Карамзинъ говорилъ, что «онъ станетъ разбирать архивы древнихъ литературъ, и что въ часы досуга своего онъ намѣренъ издавать въ маленькихъ тетрадкахъ, подъ именемъ наиримѣръ Аглаи, одной изъ любезныхъ грацій.» «Аглаю» еще можно назвать въ нѣкоторомъ родѣ продолженіемъ «Московскаго журнала». Тамъ помѣщены «Письма русскаго путешественника», «Островъ Борнгольмъ», «Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона» — прозаическая элегія по случаю смерти Петрова, друга Карамзина и товарища по изданію «Дѣтскаго чтенія». Но съ 1796 г. по 1800 его литературная дѣятельность по преимуществу, даже можно сказать исключительно обратилась на переводы. Въ это время онъ переводилъ статьи различнаго содержанія изъ сочиненій образцовыхъ писателей древнихъ и новыхъ и издалъ въ 1798 году «Пантеонъ иностранной словесности». Вѣроятно причинъ этого нужно искать въ тогдашнихъ слишкомъ неблагопріятныхъ условіяхъ для литературной дѣятельности. Карамзинъ за это время дѣйствительно подвергался серьезной опасности. Кто-то (подлиннаго имени мы не знаемъ) изъ недоброжелателей Карамзина, старавшійся вслѣдствіи повредить ему, слѣдаль на него доносъ, стараясь представить его *человѣкомъ вреднымъ для правительства, безбожникомъ*. Развязка этого казуса (по преданію впрочемъ нельзя сказать чтобъ совершенно достоверному) происходила слѣдующимъ образомъ. «Знаешь ли ты Карамзина?» спросилъ императоръ Павелъ дежурнаго своего генералъ-адъютанта Ростовчина, давая ему прочесть полученный доносъ. «Знаю — отвѣчалъ Ростовчинъ — съ отличной стороны по сочиненіямъ его и не узнаю въ этомъ сочиненіи.» — «Я ожидалъ этого, — продолжалъ императоръ Павелъ, — або мнѣ извѣстенъ доноситель; вотъ и рѣшеніе мое.» При этихъ словахъ доносъ былъ брошенъ въ каминъ. За не-

достаткомъ серьезной дѣятельности Карамзинъ поневоля́ долженъ былъ убивать время на пустяки. Въ одномъ изъ писемъ его за это время къ брату Василью Михайловичу онъ пишетъ изъ Москвы: «О себѣ скажу вамъ, что я живу попрежнему, ѣзжу изъ дома въ домъ, играю въ бостонъ и проч. Ни въ какую зиму не бывало въ Москвѣ такого множества баловъ, какъ нынѣ; всѣ жалуются на недостатокъ въ деньгахъ, но между тѣмъ вездѣ видна роскошь.»

Съ восшествія на престолъ Александра I обстоятельства, какъ извѣстно, поизмѣнились. При новомъ духѣ и порядкахъ въ царствованіе Александра I, въ 1802 году начались «Новости русской литературы», «С. Петербургскій Меркурій» — послѣдній журнальный повягъ И. А. Крылова, нашего знаменитаго баснописца. Въ томъ же году Панкратій Сумароковъ, возвратившись изъ Сибири (тамъ онъ издавалъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену»), началъ издавать, живя самъ въ своей подмосковной деревнѣ, «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія.» Въ тотъ же годъ началось изданіе журналовъ: «Корифей или ключъ литературы» — подъ редакціею Голиковскаго, и «Новости русской литературы», подъ редакціею Саницкаго и Побѣдоносцева. Считая съ «Вѣстникомъ Европы» Карамзина, въ одинъ годъ явилось пять журналовъ. И это вовсе не случайное явленіе. Какъ извѣстно, подобный же фактъ повторился и въ новѣйшее время. Послѣ почти пятилѣтней праздности или незначительной дѣятельности Карамзинъ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, возвратился къ своему журнальному поприщу. И. И. Поповъ, содержатель московской университетской типографіи предложилъ Карамзину редакцію «Вѣстника Европы». Этотъ журналъ представлялъ невиданную до того вещь на Руси. Къ литературному отдѣлу между прочимъ присоединился и политическій. Мы не станемъ разбирать литературнаго отдѣла журнала, потому что по характеру своему онъ подходитъ къ «Московскому журналу». Но о политическомъ отдѣлѣ стоитъ сказать кое-что, потому что любопытно знать какіе были результаты первой попытки ввести въ наши журналы политическія воззрѣнія. Матерьяловъ для нихъ въ тогдашнее время было чрезвычайно много. То время было замѣчательно по громадности и быстротѣ событій. Карамзинъ (онъ писалъ политическія статьи) повозможности отзывался на событія. Разсматривая духъ статей, политическія убѣжденія, которыя выражаются въ нихъ, мы видимъ уже задатки тѣхъ воззрѣній, до какихъ дошелъ Карамзинъ въ старческую эпоху своей жизни. Незнаемъ съ этого ли времени начался поворотъ въ убѣжденіяхъ Карамзина. Вѣроятно ничтожество результатовъ, къ которымъ въ концѣ концовъ пришло французское движеніе, уже возбудили къ этому времени реакцію въ душѣ Карамзина.

Съ другой стороны нельзя не предположить, что пять лѣтъ, протекшія съ 1796 по 1800 годъ, научили его благоразумію. Въ статьѣ: «Пріятные виды, надежды и ожиданія выпѣшняго времени» онъ говоритъ:

• Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ, что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ злоупотребленій власти; что самое турецкое правленіе лучше авархіи, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ государственныхъ потрясеній; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ, и что съ сею довѣренностью къ дѣйствию времени и къ мудрости властей должны мы, честные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать всевозможное добро вокругъ себя. •

Здѣсь и слышится голосъ человѣка, утомившагося въ своихъ безплодныхъ погояхъ за лучшимъ; онъ ухватывается за старыя порядки вещей, какъ единственное средство къ тихой и спокойной жизни. Здѣсь проглядываетъ желанье представлять въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ старыя порядки, противъ которыхъ преимущественно поднималось новое движеніе. Въ той же статьѣ онъ такъ говоритъ о крѣпостномъ сословіи:

• Сельское трудолюбіе награждается выпѣ щедрѣе прежняго въ Россіи (а извѣстно, что по случаю упалка курса цѣны на все поднялись), и чужестранные писатели, которые безпрестанно кричатъ, что *земледѣльцы у насъ несчастливы*, удивились бы, еслибъ они могли видѣть ихъ возрастающую промышленность и богатство многихъ, видѣть такъ называемыхъ *рабовъ*, входящихъ въ самыя торговля предпріятія, имѣющихъ довѣренность кунечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства. Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленія господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и ограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры: вотъ его обязанности! Зато онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его право! •

Неправда ли, что чрезвычайно странно встрѣчать подобныя ти-

рады у ученика Новикова, въ сатирическихъ журналахъ котораго столько рѣзкихъ выходовъ противъ бывшихъ злоупотребленій помѣщичьяго права, который поднималъ, и безъ сомнѣнiя поднималъ бы, еслибы только была какая-нибудь возможность, самый вопросъ о законности помѣщичьяго принципа? Карамзинъ писалъ послѣ путевыхъ записокъ Раднцевца и главное послѣ «объявленiя правъ человѣка» во Франціи. Чѣмъ объяснять все это? Намъ думается, что намѣренной идеализаціей старыхъ ворядковъ Карамзинъ старался обмануть себя самого; не можетъ быть, чтобы онъ искренно былъ убѣжденъ въ томъ, что наши тогдашніе рабы являлись подъ сѣнью помѣщичьяго права. На глазахъ его происходили самыя отчаянныя попытки улучшить дѣйствительность, объявлена была старымъ порядкомъ война не на животь, а на смерть, новые преобразователи не отступали ни предъ какими мѣрами, не пугались множества жертвъ. Но дѣйствительность—то повидному вовсе не улучшилась, жертвы приносились бесплодно. Современный человѣкъ продолжалъ страдать, какъ и прежде, если только не больше. А въ окончательныхъ результатахъ движеніе явилось къ очень неуѣшительной диктатурѣ Бонапарта. Зачѣмъ же, спрашивается, поднималась вся эта кутерьма, почему нарушили старый порядокъ, невыработавъ повидному новаго? Современники, и въ томъ числѣ Карамзинъ, поражались преимущественно вѣшнимъ ходомъ тогдашнихъ событiй; на нихъ-то преимущественно обращали они свое вниманіе,— а на видъ—то прежде всего бросалась въ глаза грязная сторона движенiя, взболтавшего все общество и вмѣстѣ съ хорошими вещами выкинувшего наверхъ много осадочной дряни. За неприглядной стороной вѣшнихъ событiй Карамзинъ и другіе не подмѣтили или боялись подмѣтить тотъ нравственный переворотъ, который совершался въ тогдашнихъ умахъ, не догадались привѣтствовать наступленіе царства болѣе гуманныхъ идей. Свѣжій духъ обвѣялъ уже молодое поколѣніе, — поколѣніе Сперанскаго. Вотъ и обратились эти люди къ старому порядку, какъ единственному средству своего спасенiя, и пустились въ идеализацію его, чтобы какъ-нибудь поддержать въ обществѣ его авторитетъ.

Съ другой стороны за это время въ самомъ Карамзинѣ мы замѣчаемъ стремленіе углубиться въ новую, ветронутую имъ еще область—въ исторію. Еще въ «Письмахъ русскаго путешественника» у Карамзина пробивается сознаніе, что у насъ почти нѣтъ исторiи. Для общества, оторвавшагося отъ почвы, на западѣ искавшаго себѣ идеаловъ, русская исторiя представлялась чѣмъ-то чрезвычайно скучнымъ, чѣмъ-то варварскимъ, недостойнымъ вниманiя образованнаго человѣка. До такой степени мы преобразовались тогда!

Самъ Карамзинъ раздѣлялъ тогда это общее увлеченіе западомъ. Въ тѣхъ же письмахъ онъ мимоходомъ отстаиваетъ русскую исторію, говоря, что при вкусѣ и талантѣ можно сдѣлать и русскую исторію пріятной, «можно *выбрать, одушевить, раскрасить*—и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ... У насъ былъ свой Карлъ великій — Владиміръ, свой Людовикъ XI — Іоаннъ IV, свой Кромвель — Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ — Петръ-великій.» Какъ-видно Карамзинъ защищаетъ не *самостоятельный* интересъ русской исторіи, а держится того же общепринятаго критерія пріятности исторіи, и только *подъ него* подводитъ и свою русскую исторію. На первый разъ его историческія попытки ограничились мелкими произведеніями, неимѣющими теперь никакого значенія: таковы похвальное слово Екатерины — чрезвычайно напыщенный панегирикъ, Марфа-посадница, о тайной канцеляріи, о московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и др. На этихъ вещахъ Карамзинъ такъ-сказать пробовалъ себя. Теперь онъ уже задумывалъ сдѣлать что-нибудь грандіозное въ жизни, задумывалъ оставить по себѣ какой-нибудь памятникъ въ потомствѣ. Онъ созналъ въ себѣ силы для созданія цѣлой русской исторіи. Какимъ образомъ Карамзинъ попалъ въ историографы — объ этомъ мы теперь и расскажем, потому что фактъ этотъ довольно любопытенъ и указываетъ нѣсколько на духъ и понятія того времени; онъ же даетъ возможность понять, съ какими средствами Карамзинъ приступалъ къ труду и какія принималъ (выражаясь юридическимъ терминомъ — *tacito concessu*) на себя при этомъ обязанности. Въ 1802 году Карамзинъ вздумалъ уже окончательно посвятить всѣ свои труды русской исторіи. Онъ открылся въ своемъ намѣреніи другу своему И. И. Дмитріеву, который въ это время успѣвалъ уже на служебномъ поприщѣ. Карамзинъ считалъ нужнымъ содѣйствіе себѣ правительства, потому что отказавшись отъ журнальныхъ трудовъ, онъ неимѣлъ бы средствъ къ содержанію. Дмитріевъ посоветовалъ ему написать въ Петербургъ и увѣрилъ его въ успѣхѣхъ. Карамзинъ написалъ письмо къ Михаилу Никитичу Муравьеву, бывшему тогда попечителемъ московскаго университета и товарищемъ министра. Какъ документъ очень любопытный, мы приводимъ его цѣлкомъ въ примѣчаніи (1). Карамзинъ заявляетъ

(1) «Имѣя доказательства вашего ко мнѣ благорасположенія, а болѣе всего увѣренный въ вашей любви ко славѣ отечества и русской словесности, беру смѣлость говорить вамъ о моемъ положеніи.

о своемъ желаніи писать русскую исторію, не варварскую и не постыдную для царствованія Александра I. Какъ-видно Карамзинъ уже былъ въ это время очень увѣренъ въ своемъ литературномъ, европейскомъ значеніи, и его просьба отзывается настойчивымъ тономъ человѣка, требующаго себѣ чего-нибудь по неотъемлемому праву. Предложеніе Карамзина не было отвергнуто: его сдѣлали исторіографомъ съ жалованьемъ по двѣ тысячи рублей въ годъ.

На этомъ пунктѣ прекращается восемнадцатилѣтняя литературная дѣятельность Карамзина и начинается ученая, историческая.

Мы не станемъ слѣдить за учеными работами Карамзина. Мы можемъ только сказать, что онъ, взявшись за историческій трудъ, *осецьло* посвятилъ себя ему. Въ первые три года онъ почти безвыходно занимался чтеніемъ и разборомъ разныхъ историческихъ

Будучи весьма небогатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденно работать пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — однимъ словомъ сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не позволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ «Вѣстника». Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ спѣшной и срочной работы, но еще не имѣю способа жить безъ большой пужды. Съ журналомъ я лишаюсь шести тысячъ рублей доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ, то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ намѣреніи написать исторію, не варварскую и не постыдную для его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля исторіографомъ и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ исторію; у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, не много истинныхъ авторовъ. Если галиматья, подъ именемъ «Корифея», печатается на счетъ казны, если переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ правительства, то для чего же, казалось бы, не поддерживать автора, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностію къ славіи отечества? Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ, ибо въ это время надѣюсь управиться съ исторією, и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставили бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта.

Сказавъ все и вручивъ вамъ судьбу моего авторства, остаюсь въ ожиданіи вашего снисходительнаго отвѣта. Другого человѣка я не обременилъ бы такою просьбою, но васъ знаю, не боюсь показаться вамъ смѣшнымъ. Вы же нашъ попечитель. Господинъ Чеботаревъ, ректоръ, предложилъ мнѣ быть членомъ московскаго университета: честь которою вамъ обязанъ, и за которую изъявляю искреннюю благодарность. Университетъ оживился. Публичныя лекціи привлекаютъ многихъ слушателей и безъ сомнѣнія распространяютъ вкусъ къ наукамъ. (М. 28 сент. 1803 г.)

документовъ. За это время есть очень много его писемъ (впрочемъ еще неизданныхъ), въ которыхъ онъ проситъ разрѣшить ему доступъ въ тѣ или другія книгохранилища. Если сообразить, что историческій матерьялъ до Карамзина былъ почти вовсе неразработанный, то становится понятнымъ все необъятное количество самаго усидчиваго, терпѣливаго труда, какого потребовала отъ него исторія. Московскія бібліотеки были въ безпорядкѣ, о каталогахъ и поминку не было, критической разработки лѣтописей и хронографовъ тоже не существовало, собранія грамотъ тоже не было: онѣ были разсыяны по монастырямъ и архивамъ; иностранныхъ лѣтописей и сказаній иностранцевъ о Россіи тоже никто не зналъ. Карамзинъ сразу долженъ былъ въ одно и тоже время свѣрять и сводить въ одно разныя свѣдѣнія объ одномъ и томъ же происшествіи, критически разработать ихъ и изложить добытые факты въ стройномъ расказѣ. Онъ самъ долженъ былъ списывать нѣкоторыя лѣтописи и многіе другіе историческіе документы...

Около 1810 года онъ становится извѣстнымъ государю. Самъ императоръ видѣлъ его мимоходомъ только при посѣщеніи грановитой палаты въ 1810 году. Но его очень любила и приблизила къ себѣ умная и образованная великая княгиня Екатерина Павловна, первый разъ встрѣтившаяся съ нимъ въ грановитой палатѣ. Мы потому говоримъ объ этомъ *знакомствѣ*, что оно имѣло чрезвычайно важныя результаты. Екатерина Павловна была женщина очень умная и образованная. Карамзинъ часто и долго бесѣдовалъ съ нею обо всемъ, что дѣлалось тогда въ Россіи... А дѣлалось чрезвычайно многое подъ вліяніемъ знаменитаго Сперанскаго. Тогда задумывались важныя измѣненія во всей государственной организаціи, и часть ихъ, самая слабая впрочемъ, приводилась въ исполненіе; тогда прежняя финансовая система замѣнена новою, болѣе сообразною съ прогрессомъ политико-экономическихъ понятій, тогда затѣвали издать новые законы. Шуму эти преобразованія дѣлали чрезвычайно много; въ обществѣ ходило чрезвычайно много самыхъ разворѣчивыхъ толковъ. Несмотря на то, что Карамзинъ углубился въ свои историческія работы, какъ-видно однакожь — и онъ былъ задѣтъ такъ или иначе этимъ движеніемъ. Многія изъ его замѣчаній обратили на себя особенное вниманіе великой княгини и по ея совѣту и даже требованію онъ изложилъ ихъ письменно. Между тѣмъ въ 1811 году Александръ I, изъявивъ другу Карамзина Дмитріеву, бывшему тогда министромъ юстиціи, желаніе ближе познакомиться съ своимъ исторіографомъ, велѣлъ пригласить его въ Тверь, куда въ это время отправлялся. Государь чрезвычайно ласково обошелся съ Карамзинымъ и тотъ прочелъ

ему нѣсколько отрывковъ изъ своей исторіи. Пользуясь тѣмъ, великая княгиня передала Александру знаменитую записку Карамзина о старой и новой Россіи. На этой запискѣ мы нѣсколько остановимся.

Записка эта составляетъ для того времени очень замѣчательный фактъ. На нее можно смотрѣть какъ на отголосокъ той консервативной партіи, средоточіемъ которой была Москва. Своимъ тономъ, откровенностью и прямою, съ какой высказывается въ ней мнѣніе о самыхъ важныхъ современныхъ государственныхъ преобразованіяхъ, она возбуждаетъ нѣкоторое изумленіе въ насъ. Нельзя думать, чтобъ Карамзинъ рѣшился, неимѣя никакой поддержки, «смытъ свое сужденіе имѣть». Вѣроятно онъ надѣялся на авторитетъ Екатерины Павловны. А что записка очень рѣзка и откровенна, такъ это доказывается тѣмъ, что съ нѣкоторой проніей бросаетъ перчатку всѣмъ тогдашнимъ реформаторскимъ стремленіямъ. Какъ человѣкъ знающій исторію, особенно русскую, онъ дѣлаетъ такое въское замѣчаніе вообще о преобразованіяхъ: «Спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшие умы въ государствѣ и которые такъ-сказать предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на известное зло. Такъ какъ введеніе какого-нибудь порядка въ наше законодательство издавна было благочестивымъ желаніемъ правительства, то какъ извѣстно, въ началѣ царствованія Александра I была учреждена комиссія составленія законовъ. Колько посмѣявшись надъ законодательными попытками первыхъ лѣтъ XIX столѣтія, Карамзинъ писалъ: «Опять новая декорация. Кормило законодательства въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванія и вѣчную пристань. Уже въ манифестѣ объявлено, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаются двѣ книжки, подъ именемъ проекта уложенія. Чтоже находимъ? Переводъ наполеоновскаго кодекса!» При обсужденіи тогдашнихъ финансовыхъ мѣръ Карамзинъ замѣчалъ, что умножать государственные доходы новыми налогами—способъ весьма ненадежный, что напрасно объявили народу асигнаціи государственнымъ долгомъ и тѣмъ привели его въ какое-то безпокойство и недоумѣніе. Всѣ возраженія и упреки въ запискѣ направлены были главнымъ образомъ противъ главнаго тогдашняго государственнаго дѣятеля нашего — Сперанскаго.

Если разсматривать безпристрастно дѣло, такъ Карамзинъ въ большей части своихъ замѣчаній оказывается дѣйствительно правымъ. Тогдашняя дѣятельность Сперанскаго далеко не безупречна. Онъ хотѣлъ построить новый государственный механизмъ на французскій ладъ; иныя реформы у него выходили слишкомъ незрѣ-

лыми, недодуманными, явно противорѣчащими духу прочихъ учрежденій. А главное — на дѣлѣ приводилась въ исполненіе только самая слабѣйшая часть широкихъ плановъ и оттого выходили только измѣненія названій, а не самой сути дѣла. Но во имя ли дѣйствительно болѣе глубокихъ либеральныхъ идей порицалъ Карамзинъ тогдашнія преобразованія? Потому ли, что у него въ виду были болѣе соотвѣтствовавшіе новому духу планы преобразованій? Вовсе нѣтъ. Въ запискѣ проглядываетъ мысль, какъ-будто и ненужно вовсе касаться устарѣлаго государственнаго строя: онъ идеализируетъ царствованіе Екатерины, находя, что при ней прекрасно шли дѣла при прежнихъ коллегіяхъ съ генераль-прокуроромъ во главѣ. Онъ порицаетъ Сперанскаго во имя устарѣлыхъ принциповъ. Фактъ замѣчательный и трудно объяснимый! Сперанскій и Карамзинъ принадлежали почти къ одному поколѣнію (Сперанскій родился 1772 г. 1 января, а Карамзинъ 1765 года). Оба они были одинаково образованы и съ одинаковымъ блестящимъ умомъ. Отчего же, спрашивается Карамзинъ, не сумѣлъ подобно Сперанскому быть своего рода знаменіемъ времени, носителемъ его духа, его лучшихъ идей и вѣрованій? Карамзину еще болѣе было шансовъ сдѣлаться такимъ представителемъ, потому что онъ былъ литераторомъ, слѣдовательно уже по самой своей профессіи долженъ былъ бы стоять впереди общества.

Все это конечно зависѣло отъ различія условій, при которыхъ развились обѣ эти личности. Карамзинъ жилъ въ Москвѣ, среди русскаго консерватизма, въ кружкѣ людей, далеко не сочувствовавшихъ французскимъ идеямъ. Изъ своихъ наблюденій надъ всѣми тогдашними переворотами онъ вынесъ глубокое недовѣріе ко всѣмъ скорымъ преобразованіямъ... Голосъ людей, между которыми онъ вращался и которые подозрительно смотрѣли на всякое движеніе противъ старины, еще болѣе укрѣпилъ въ немъ этотъ поворотъ къ консерватизму. Разумѣется въ искренность идеализаціи его въ некоторыхъ вещахъ мы можемъ и не вѣрить, потому особенно, что для такого ума, какой былъ у Карамзина, конечно видно было, что не все то золото, что блеститъ. Но что онъ искренно былъ убѣжденъ, что старое положитъ и несостоятельное въ некоторыхъ своихъ сторонахъ, было все-таки гораздо лучше затѣваемаго новаго, что запутанность дѣлъ при новыхъ порядкахъ перейдетъ въ безвыходность, и что поэтому онъ отдалъ свои симпатіи старому порядку, — въ этомъ нельзя сомнѣваться. Прибавьте къ этому, что Сперанскій все-таки былъ моложе Карамзина почти на цѣлыхъ семь лѣтъ, слѣдовательно въ немъ могло больше сохраниться энергіи для борьбы съ рутинной. А кто знаетъ, быть-можетъ не было ли очень естествен-

наго чувства зависти къ молодому семинаристу, захватившему власть, идолу современной молодежи, дѣлавшему шумъ на все государство? Въ самомъ дѣлѣ его замѣчанія иногда отзываются мотивомъ личной какъ-будто вражды къ Сперанскому.

Карамзинъ за это время уже вступалъ въ эпоху зрѣлости, чуждую юношескихъ увлеченій. «Привязанность моя къ императорской фамиліи — пишетъ онъ къ брату своему — должна быть безкорыстна; не хочу ни чиновъ, ни денегъ отъ государя. Молодость моя прошла, а съ нею и любовь къ мірской суетности». Однакожь чрезъ три мѣсяца послѣ этого заявленія антипатіи къ чинамъ Карамзинъ получилъ орденъ Владиміра 3 степени; исходатайствованный ему Дмитріевымъ, разумѣется не безъ согласія самого Карамзина. Въ 1812 году историографу дали чинъ коллежскаго совѣтника. Другихъ свѣдѣній, кромѣ такихъ официальныхъ, за эту эпоху его жизни нѣтъ. Да и вѣроятно она проходила тогда довольно монотонно и однообразно, какъ обыкновенная жизнь ученаго, посвятившаго себя всего какому-нибудь предмету.

Въ 1816 году Карамзинъ окончилъ первые свои восемь томовъ и пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ для представленія ихъ государю и для печатанія. Нѣкоторые отрывки читаны ему были еще прежде самимъ Карамзинымъ, нѣкоторые листы государь бралъ самъ для прочтенія. Въ неизданныхъ сочиненіяхъ и письмахъ много есть весьма любопытныхъ писемъ, относящихся къ этому времени. Карамзинъ былъ очень хорошо принятъ въ Петербургѣ. Онъ вращался тамъ въ аристократическомъ кругу и кажется очень былъ доволенъ тѣмъ, что часто его зовутъ въ гости и вездѣ онъ встрѣчаетъ радушіе и любезную привѣтливость. Странно было бы конечно причинъ этой предупредительности искать въ уваженія тогдашнихъ аристократовъ къ уму и ученымъ заслугамъ Карамзина. Впервые какъ ученый, Карамзинъ не былъ имъ извѣстенъ, а къ литературной его славіи вѣроятно аристократы не имѣли большой слабости. Дѣло въ томъ, что преданія о меценатствѣ, о той литературной расѣ, которая постоянно искала себѣ какихъ-нибудь патроновъ и милостивцевъ, не успѣли еще вымереть въ кругу нашихъ знаменитостей, вельможъ, и вѣроятно они расположены были смотрѣть свысока на всѣхъ этихъ misérables-писателей. Но Карамзинъ, хотя и принадлежалъ тоже къ числу литераторовъ, но находился въ особыхъ условіяхъ. Какъ мы видѣли, онъ былъ близокъ къ Екатериинѣ Павловнѣ; къ этому же времени онъ успѣлъ снискать себѣ хорошее мнѣніе у государя, императрицы Елизаветы Алексѣевны и вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны. Такимъ образомъ Карамзинъ былъ, какъ говорятъ, въ *случаѣ*: а этого достаточно, чтобы

та среда, въ которую попалъ онъ, ласкала его, приглашала его на вечера и обѣды. А что ко двору Карамзинъ былъ близокъ, такъ это доказываетъ большое число его писемъ къ государю, къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и собственные ихъ отвѣты. Эти письма указываютъ на извѣстную короткость между переписывавшимися, короткость, о которой можетъ-быть глубоко понапрасну вздыхало большинство людей, приглашавшихъ къ себѣ Карамзина на вечера и обѣды.

Цѣль пріѣзда Карамзина въ Петербургъ была продать исторію казней и выхлопотать отъ нея денегъ на изданіе. Но оказалось, что это вовсе не такъ легко сдѣлать, какъ представлялось съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ Карамзинъ 3 февраля, а принять былъ государемъ неравѣ 16 марта. Мучась неизвѣстностью, разными слухами, которые неслишкомъ-то обнадеживали его въ полученіи нужнаго, Карамзинъ приходилъ уже къ мысли продать исторію частному какому-нибудь лицу, или просто уѣхать въ Москву. Но въ Москву его не пускали, а все обнадеживали и ласкала. Попавъ изъ скромнаго кабинета ученаго въ шумныя гостиныя, послѣ жиани, полной труда, принужденный упражняться только въ пустыхъ разговорахъ да обѣдахъ, Карамзинъ видимо скучалъ. Несмотря на то, что онъ весьма часто въ письмахъ къ женѣ своей называетъ свою жизнь веселою и пріятною, очень замѣтенъ мотивъ грусти, усталости, тяготы. Но почему же Карамзина только ласкали, а больше ничего? Ларчикъ просто открывался: по пріѣздѣ своемъ Карамзинъ не сдѣлалъ визита графу Аракчееву. Незнаемъ, что именно побудило Карамзина учинить такой *продерзостный* поступокъ... Кажется убѣжденія его за это время вовсе не мѣшали ему сдѣлать подобный визитъ. Черезъ разныхъ своихъ фактотумовъ Аракчеевъ намекалъ Карамзину, что онъ дожидается отъ него визита. Вотъ что онъ пишетъ къ женѣ своей отъ 10 марта 1816 года: «Фактотумъ прислалъ ко мнѣ карточку и велѣлъ меня звать къ себѣ въ воскресенье на вечеръ для свиданія съ графомъ. Вообрази мое положеніе! Не хочу никого оскорбить; но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ ему свою карточку, отвѣтствуя Вельшеву, что мнѣ неловко ѣхать къ такому человѣку, который у меня самъ не былъ. Между тѣмъ, налѣвъ мундиръ, я отвезъ карточку къ графу. Что будетъ далѣе, незнаю. Помогите намъ Богъ выпутаться изъ всѣхъ придворныхъ обстоятельствъ съ невинностью и честью, которыми я обязанъ моему сердцу, милой нянѣ, дѣтямъ Россіи, человечеству.» Черезъ нѣсколько времени Карамзинъ уже нашолъ, что графъ Аракчеевъ умный человѣкъ, съ хорошими правилами: это было впрочемъ послѣ хорошаго пріема, сдѣлан-

наго имъ Карамзину. Въ письмѣ отъ 13 марта 1816 года тоже къ жень своей онъ пишетъ : «Я отвезъ карточку къ графу Аракчееву, и на третій день получилъ отъ него зовъ; прѣхалъ въ семь часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. *Говорили съ нѣкоторою искренностію.* Я рассказалъ ему мои обстоятельства и на вызовъ его замолвить за меня слово государю отвѣчалъ : не прошу ваше сіятельство, но если вамъ угодно и если будетъ кстати и проч. Онъ сказалъ : «государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ и не двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь. Пришолъ третій человекъ, его *ближній*, и разговоръ нашъ перемѣнился. Слышно, что онъ думаетъ пригласить меня къ обѣду. *Вообще я нашолъ въ немъ человека съ умомъ и хорошими правилами.* Вотъ его слова : «Учителемъ моимъ былъ дячекъ; мудро ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнить волю государеву. Еслибы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться; теперь уже поздно. «Не подумай, милая, что это насмѣшка : нѣтъ, онъ хорошо трактовалъ меня и *сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ.* Слѣдственно и графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ государемъ, даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно? Покрайней-мѣрѣ надобно ждать, и непристойно требовать, чтобъ меня ни съ чѣмъ отпустили въ Москву.»

Но Карамзинъ напрасно послѣ того, какъ главное было сдѣлано, опасался, что все будетъ напрасно. Черезъ три дни послѣ визита Аракчееву онъ былъ принятъ государемъ. Трудъ Карамзина повѣли напечатать безъ цензуры; ему самому пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 1 степени и шестьдесятъ тысячъ рублей на изданіе.

Дальнѣйшая жизнь Н. М. Карамзина тянулась какъ-то уныло и однообразно. Избравъ своимъ мѣстопробываніемъ, по приглашенію государя, Царское-Село, Карамзинъ доканчивалъ свой трудъ, довелъ его до двѣнадцатаго тома. Какъ-видно придворная жизнь пришла ему по вкусу; благодаря своему знанью людей и умѣнью съ ними обращаться, онъ жилъ окруженный почетомъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ лицами императорскаго дома. Реакція коснулась его очень сильно. И немудрено. Трудно и не такому человѣку, каковъ Карамзинъ, удержаться противъ напора извѣстныхъ понятій, жить и вращаться въ извѣстной средѣ, не усвоивши ея духа и невошедши во вкусъ ея стремленій. Впрочемъ реакція въ Карамзинѣ приняла какой-то особый характеръ. Она не была тупымъ противодействіемъ всѣмъ живымъ человѣческимъ стремленіямъ, ни о чемъ

неразсуждающая привязанность къ старой рутинѣ, ненависть къ новымъ требованіямъ потому только, что они новы: нѣтъ, въ немъ слышится мотивъ усталости отъ жизни, мотивъ горькаго разочарованія. Дѣйствительно, на глазахъ Карамзина прошло много громкихъ событій. Онъ былъ свидѣтель движенія 89 года, но тутъ увидѣлъ, что весь этотъ шумъ (покрайней-мѣрѣ ему такъ казалось) кончился пустяками... Онъ возвратился къ старинѣ, думалъ въ ней найти источникъ порядка и спокойствія. Но и тутъ, поживши въ средѣ, гдѣ можно было видѣть все, для чего и почему старина особенно хранится и поддерживается, онъ вынесъ горькое разочарованіе. Поэтому онъ въ мистицизмѣ искалъ успокоенія. Онъ дѣлаетъ горькое замѣчаніе, что на землѣ нѣтъ истинной свободы, что ея не могутъ дать какія-нибудь учрежденія страны — аристократы, демократы, либералисты, сервиллисты! Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностью? Вы всѣ авгуры и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобъ не умереть со смѣху. Аристократы, сервиллисты хотятъ стараго порядка, ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка, ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ.» Далѣе онъ говоритъ: «свободу вы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ провидѣнію». Но сила ума, какъ видно, повременамъ сказывалась и въ Карамзинѣ и позволяла ему видѣть нѣкоторыя вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Въ своемъ прибавленіи къ запискѣ «для потомства» Карамзинъ говоритъ: Я не безмолвствовалъ (предъ государемъ) о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой г..... системѣ финансовъ, о разныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные.» Да, и въ Карамзинѣ повременамъ сквозь ученаго и придворнаго пробивался человекъ, повременамъ заговаривало и въ немъ человѣческое чувство! Но разумѣется прежде всего и болѣе всего онъ прилаживался къ обстоятельствамъ, даже и своимъ человѣческимъ чувствамъ давалъ ходъ преимущественно тамъ, гдѣ это могло быть покрайней-мѣрѣ неслѣдственнымъ вреднымъ.

Карамзинъ умеръ 22 мая 1826 года.

Что Карамзинъ былъ съ блестящими дарованіями, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ владѣлъ громадной по своему времени массой знаній. При всей чувствительности его литературныхъ произведеній, въ нихъ по мѣстамъ пробивается чрезвычайно зрѣ-

лая мысль. «Исторія государства російскаго» останется навсегда памятникомъ огромнаго ума Карамзина. Въ этомъ отношеніи, т.-е. въ томъ, что касается его умственнаго развитія, Карамзинъ стоялъ выше многихъ своихъ современниковъ вообще и литераторовъ — безусловно. Тѣмъ неменѣе и съ нимъ повторилась печальная исторія, къ несчастію совершенно обыкновенная на Руси. Впервыхъ отсутствіе среды, которая давала бы возможность развиваться вообще сильнымъ и настойчивымъ характерамъ, повело къ тому, что изъ Карамзина вышелъ человѣкъ слишкомъ мягкій, неспособный крѣпко бороться съ неблагопріятными условіями. Оттого онъ такъ и боялся выступать противъ общаго, господствующаго тона, развѣ только въ томъ случаѣ, когда уже оппозиція ему могла быть совершенно безопасной. Новиковское общество, при всѣхъ огромныхъ средствахъ, какими оно располагало для умственнаго развитія тѣхъ молодыхъ людей, за приготовленіе которыхъ къ полезной дѣятельности оно принималось, не могло развить въ Карамзинѣ рѣшительнаго характера. При такихъ личностяхъ, какою на примѣръ былъ Новиковъ, Карамзинъ конечно отходилъ на второй планъ, ступовывался и долженъ былъ потому искать опоры для дѣятельности въ чужомъ авторитетѣ; его дѣятельность въ обществѣ размѣтается не могла быть самостоятельной и независимой. А подскокшія тутъ же событія, которыя сильно задѣли Карамзина, очевидно отозвались на его характерѣ и имѣли результатомъ своимъ ту робость и нерѣшительность при выраженіи душевныхъ убѣжденій, которая проглядываетъ въ важнѣйшихъ его произведеніяхъ. Мало этого, при недостаткѣ характера и при сильныхъ толчкахъ со стороны, онъ скоро пошелъ по той торной дорогѣ, которая такъ обыкновенна для большинства нашихъ дѣятелей. Ранніе удары сокрушили въ немъ энергію надеждъ, и ослабили рѣшимость, такъ обыкновенную во всякой молодой личности, вести борьбу со зломъ. Карамзинъ скоро состарѣлся душой, убѣжденіями, такъ что онъ оказался въ оппозиціи тому движенію идей на Руси, представителемъ котораго былъ тогда Сперанскій. Мы не имѣемъ никакихъ причинъ полагать, что онъ былъ не довольно искрененъ въ своей оппозиціи, хотя нельзя въ нѣкоторой мѣрѣ не допустить и того, что придворная жизнь не прошла для него въ этомъ отношеніи совершенно даромъ. Съ теченіемъ времени на немъ много наслонилось рутинны, въ которой онъ вращался почти безысходно. Мы впрочемъ и не обвиняемъ крѣпко за это Карамзина. Есть мѣра, выше которой противодѣйствіе натуры враждебнымъ обстоятельствамъ ставится уже невозможнымъ. Но разумѣется у насъ нѣтъ охоты и находить въ этомъ отношеніи въ Карамзинѣ какія-либо особенныя

заслуги. Чтожь дѣлать, если Карамзинъ не встрѣтилъ ни въ литературномъ мірѣ, ни во вѣщнихъ обстоятельствахъ пособія и поддержки своимъ лучшимъ стремленіямъ, когда такая поддержка особенно была нужна, и именно въ первое время его самостоятельной литературной дѣятельности, а когда онъ встрѣтилъ ихъ, тогда ужъ поздно было: Карамзинъ неспособенъ былъ уже признать за ними самостоятельность и полезность?

Онъ внесъ новый мотивъ въ нашу литературу — элементъ чувствительности, мотивъ романтизма. Какъ ни чуждъ онъ былъ народному нашему духу, все-таки въ немъ гораздо болѣе было жизненности и общечеловѣчности, чѣмъ въ томъ уродливомъ же-классицизмѣ, который былъ господствующимъ до его времени. Обвинять Карамзина за то, что онъ внесъ чуждое, ненаціональное начало въ литературу, значитъ обвинять въ томъ, почему теоретикъ вообще способенъ такъ-сказать незнать дѣйствительность. Разумѣется, когда пробудилась мысль въ обществѣ и оно обратилось къ изученію народа, среди котораго живетъ и дѣйствуетъ, фальшивый мотивъ смѣнился другимъ, болѣе уже близкимъ къ народному духу; тѣмъ неменѣе, какъ и всякій пережитой мотивъ, какъ и всякое уклоненіе въ сторону, онъ способствовалъ къ болѣе сознательному усвоенію новыхъ живительныхъ началъ и къ болѣе живому сознанію потребности для литературы имѣть корни и получать соки изъ народа. Оттого же, что Карамзинъ внесъ болѣе человѣчный, сравнительно съ предшествовавшимъ, мотивъ въ литературу, онъ нашолъ, или лучше создалъ и болѣе человѣчный языкъ. Для новаго литературнаго движенія прежній *классическій* языкъ уже былъ крайне неудобенъ. Правда, и карамзинскій языкъ влѣтъ, тяжолъ, болѣе отзывался французскимъ складомъ, чѣмъ русскимъ; но не забудемъ, что вѣдь этотъ языкъ быть-можетъ подготовилъ языкъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова.

А что касается до исторіи Карамзина, то нѣтъ сомнѣнія, его заслуги въ этомъ отношеніи чрезвычайно велики. Она указала примѣръ нравственнаго пониманія нашей русской исторіи... Написанная чрезвычайно художественно, она возбудила интересъ въ обществѣ, восхищавшемся только походами Карловъ и Людовиковъ. Она пробудила русскую мысль и открыла дорогу къ той основательной разработкѣ нашихъ памятниковъ, которою можемъ уже гордиться въ настоящее время. Всѣ наши лучшіе люди конца первой четверти и начала второй настоящаго столѣтія своимъ развитіемъ и стремленіемъ къ народному благу обязаны отчасти исторіи Карамзина. Поколѣнія, предшествовавшія Карамзину, не завѣщали никакихъ почти плодовъ разработки нашего древняго быта. Поэтому

въ исторіи Карамзина, какъ въ трудѣ начатомъ и оконченомъ безъ всякихъ внѣшнихъ пособій и руководствъ, могутъ найтись много ошибокъ, погрѣшностей, примѣровъ невѣрнаго пониманія хода событій и т. п. Но въдъ опять же отъ этихъ-то обстоятельствъ и становится важной историческая заслуга Карамзина: ему пришлось и разработывать исторію, и писать ее.

Поэтому чрезвычайно справедливо Карамзинымъ начинаютъ новый періодъ въ русской литературѣ. Что ни говори, а онъ много оказалъ услугъ нашему просвѣщенію, не столько положительными результатами своей дѣятельности, сколько тѣмъ, что способствовалъ появленію въ будущемъ лучшихъ, болѣе здоровыхъ началъ въ литературной и ученой дѣятельности. Тонко развитое гражданское чувство конечно можетъ оскорбиться въ некоторыми сторонами его характера и не ученой дѣятельности. Но кажется намъ, всего справедливѣй въ этомъ обвинять не столько самую личность Карамзина, сколько внѣшнія обстоятельства.

Но этимъ мы и покончимъ свои сказанья о Карамзинѣ. Мы хотѣли напомнить читателямъ объ одномъ очень видномъ литературномъ нашемъ дѣятелѣ и кстати очень памятномъ времени... Если намъ это удалось, то читатель извинитъ и въ некоторую длинноту нашей статьи.

НО ПОВОДУ НОВАГО ИЗДАНІЯ СТАРОЙ ВЕЩИ

Горе отъ ума. Слб. 1862.

«Грибоѣдова комедія или драма — писалъ Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» — (я несовсѣмъ хорошо понимаю различіе между этими словами; значеніе же слова «трагедія» совсѣмъ не понимаю) давно ходила въ рукописи. О Грибоѣловѣ, какъ и о всѣхъ примѣчательныхъ людяхъ, было много толковъ и споровъ; ему завидовали нѣкоторые наши гении, въ тоже время удивлявшіеся «Ябедѣ» Капниста; ему не хотѣли отдавать справедливости тѣ люди, которые удивлялись гг. АВ, СD, ЕF. Но публика разсудила иначе: еще до печати и представленія рукописная комедія Грибоѣдова разлилась по Россіи бурнымъ потокомъ.

«Комедія по моему мнѣнію есть такая же драма, какъ и то, что обыкновенно называется трагедіею; ея предметъ есть представленіе жизни въ противорѣчій съ идеей жизни; ея элементъ есть не то невинное остроуміе, которое добродушно издѣвается надъ всѣмъ изъ одного желанія позубоскалить: нѣтъ, ея элементъ есть этотъ жолчный гуморъ, это грозное негодованіе, которое не улыбается шутливо, а хохочетъ яростно, которое преслѣдуетъ ничтожество и эгоизмъ не эпиграмами, а сарказмами.

«Комедія Грибоѣдова есть истинная *Divina comedia*. Это совсѣмъ не смѣшной анекдотецъ, переложенный на разговоры, не такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица нарицаются Добряковыми, Плутватинными, Обдираловыми и проч.; ея персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія «Горя отъ ума» — и однакожь вы удивляетесь имъ какъ явленіямъ совершенно новымъ для васъ: вотъ высочайшая истина поэтическаго вымысла! Люди, созданные Грибоѣдовымъ, сняты съ природы во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни; у нихъ не написано на лбахъ ихъ добродѣтелей и пороковъ, но они закле-

мены печатью своего ничтожества, заклеены мстительною рукою палача-художника. Каждый стихъ Грибоѣдова есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія; его слогъ есть раг excellence разговорный. Недавно одинъ изъ нашихъ примѣчательнѣйшихъ писателей, слишкомъ хорошо знающій общество, замѣтилъ, что только одинъ Грибоѣдовъ умѣлъ переложить на стихи разговоръ нашего общества; безъ всякаго сомнѣнія это не стоило ему ни малѣйшаго труда, и тѣмъ неменѣе это все-таки великая заслуга съ его стороны, ибо разговорный языкъ нашихъ комиковъ... Но я уже обѣщался не говорить о нашихъ комикахъ... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта Грибоѣдова, первою русскою комедіею; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, гениальнымъ произведеніемъ и не въ русской литературѣ, которая въ Грибоѣдовѣ лишилась Шекспира комедій.»

Замѣчательна въ этой юношеской страницѣ удивительная вѣрность основъ взгляда. Впослѣдствіи великій критикъ, подавшій новымъ и сильнымъ увлеченіямъ, измѣнилъ во многомъ этому взгляду, уступивши невольно и безсознательно различнымъ воплямъ, до того могущественнымъ, что и доселѣ еще вопросъ о комедіи Грибоѣдова ими запутанъ. Но въ сущности этотъ вопросъ распутывается весьма просто. Комедія Грибоѣдова есть единственное произведеніе, представляющее художественно сферу нашего такъ-называемаго свѣтскаго быта, а съ другой стороны Чацкій Грибоѣдова есть единственное истинно-героическое лицо нашей литературы. Постараюсь пояснить два этихъ положенія, противъ каждаго изъ которыхъ до сихъ поръ еще найдется много возраженій, и притомъ возраженій весьма авторитетныхъ.

Какъ я сказалъ уже, Бѣлинскій впослѣдствіи измѣнилъ свой первоначальный взглядъ, подъ вліяніемъ увлеченія своего первоначальными формами гегелизма. Въ статьѣ своей о «Горѣ отъ ума», писанной въ эту эпоху, въ статьѣ, въ которой собственно о комедіи Грибоѣдова говорится мало, но зато много и великолѣпно-хорошо говорится о «Ревизорѣ» Гоголя, великій критикъ видимо охладѣлъ къ «Горю отъ ума», ибо охладѣлъ къ личности героя грибоѣдовской драмы. Причина перемѣны взгляда заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ этомъ. Таковъ былъ фазисъ развитія его и нашего критическаго сознанія. То была эпоха, когда Рудины, въ упоеніи отъ всепримиряющаго начала: «что дѣйствительно, то и разумно», считали Чацкихъ и Бельтовыхъ «фразерами и либералами».

Но кромѣ Бѣлинскаго есть еще авторитетъ, и столь же великій — Пушкинъ. По его мнѣнію Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ... Насколько это справедливо или несправедливо, постараюсь разъяснить потомъ. Теперь же обращаюсь къ разъясненію перваго изъ моихъ положеній, т. е. что комедія Грибоѣдова есть единственное произведеніе, представляющее сферу нашего такъ-называемаго свѣтскаго быта.

Всякій разъ когда великое дарованіе, носить ли оно имя Гоголя или имя Островскаго, откроетъ новую руду общественной жизни и начнетъ увѣковѣчивать ея типы, — всякій разъ въ читающей публикѣ, а иногда даже и въ критикѣ (къ большому впрочемъ стыду сей послѣдней) слышатся возгласы о низменности избранной потомъ среды жизни, объ односторонности направленія и т. п.; всякій разъ высказываются наивнѣйшія ожиданія, что вотъ-вотъ явится писатель, который представитъ намъ типы и отношенія изъ *высшихъ* слоевъ жизни.

Ни мѣщанская часть публики, ни мѣщанское направленіе критики, въ которыхъ слышатся подобныя возгласы и которыя живутъ подобными оживленіями, не подозрѣваютъ въ наивности своей, что если только какой-либо слой общественной жизни выдается своими типами, если отношенія, его отличающія, стоятъ на одномъ изъ первыхъ плановъ въ движущейся картинѣ жизни народнаго организма, то искусство неминуемо отразитъ и увѣковѣчитъ его типы, анализируетъ и осмыслитъ его отношенія. Великая истина шеллингизма, что «гдѣ жизнь, тамъ и поэзія», истина, — которую проповѣдывалъ нѣкогда такъ блистательно Надеждинъ, какъ-то не дается до сихъ поръ въ руки ни нашей публикѣ, ни нѣкоторымъ направленіямъ нашей критики. Эта истина или вовсе непонята, или понята очень поверхностно. Не все то есть жизнь, что называется жизнью, какъ не все то золото, что блеститъ. У поэзіи вообще есть великое, только ей давнее чутье на различеніе жизни настоящей отъ миражей жизни: явленія первой она увѣковѣчиваетъ, ибо они суть типическія, имѣютъ корни и вѣтви; къ миражамъ она относится и можетъ относиться только комически, да и комическаго отношенія удостоиваетъ она ихъ только тогда, когда они соприкасаются съ жизнью дѣйствительною. Какъ можетъ искусство, имѣющее вѣчною задачею своею правду, и одну только правду, создавать образы, неимѣющіе существеннаго содержанія, анализировать такого рода исключительныя отношенія, которыхъ исключительность есть нѣчто произвольное, условное, натянутое?.. Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій или какой-нибудь Китъ Китычъ Брусковъ суть лица, имѣющія

свое собственное, имъ только свойственное, тмашческое существованіе; но какой-нибудь Чельскій въ романѣ «Шлеманица», какой-нибудь Сафьевъ въ повѣсти «Большой свѣтъ» взяты напрокатъ изъ другой, французской или англійской жизни. Пусть они въ такъ-называемой великосвѣтской жизни и встрѣчаются, да художеству нѣтъ до нихъ никакого дѣла, ибо художество не возсоздаетъ миражей или повтореній; а въ самомъ повтореніи, если таковое нонадается въ жизни, ищетъ чертъ существенныхъ, самостоятельныхъ. Такъ напримѣръ еслибы неминуемо пришлось искусству встоящему имѣть дѣло съ однимъ изъ упомянутыхъ мною героевъ, оно отыскало бы въ нихъ ту тонкую черту, которая отдѣляетъ эти копіи отъ французскихъ или англійскихъ оригиналовъ (какъ Гоголь отыскалъ тонкую черту, отдѣляющую художника Пискарева отъ художниковъ другихъ странъ, его жизнь отъ ихъ жизни) и на этой чертѣ основало бы свое созданіе: естественно, что воспроизведеніе вышло бы комическое, да инымъ оно и быть не можетъ, инымъ ему и назначѣнъ быть.

Художество есть дѣло серьезное, дѣло народное. Какая ему нужда до того, что въ извѣстномъ господинѣ или въ извѣстной госпожѣ развились чрезъ мѣру утонченныя потребности? Если онѣ комичны предъ судомъ христіанскаго и человѣчески-народнаго созерцанія, — казни ихъ комизмомъ безъ всякаго милосердія, какъ казнить комизмомъ то что стоятъ такой казни Грибоедовъ, какъ казнить Гоголь Марью Александровну въ «Отрывкѣ», какъ казнить Островскій Мерича, Писемскій — ш-ше Мамилову. Все что само по себѣ глупо или безнравственно съ высшихъ точекъ самой жизни, тѣмъ болѣе глупо и безнравственно предъ искусствомъ, да и знаетъ очень хорошо въ этомъ случаѣ свои задачи искусство: все глупое и безнравственное въ жизни оно казнить, какъ только глупое и безнравственное рельефно выставится на первый планъ.

Не за предметъ, а за отношеніе къ предмету долженъ быть хвалить или порицать художникъ. Предметъ почти-что не зависить даже отъ его выбора: вѣроятно графъ Толстой напримѣръ болѣе всѣхъ другихъ былъ бы способенъ изображать великосвѣтскую сферу жизни и выполнять живныя ожиданія многихъ страдающихъ тоскою по этимъ изображеніямъ, но высшія задачи таланта влекли его не къ этому дѣлу, а къ искреннѣйшему анализу души человѣческой.

Но прежде всего что разумѣть подъ сферою большого свѣта? Приваждать ли къ ней напримѣръ типы вродѣ фонвизинскихъ княгини Халдиной и Сорванцова? принадлежить ли къ ней весь

міръ, созданный безсмертною комедіей Грибоѣдова. Почему-жъ бы имъ казалось и не принадлежать? Павелъ Афанасьевичъ Фамусовъ,

англійскаго клуба
Старинный, вѣрный членъ до гроба

и находится въ извѣстномъ близкомъ отношеніи, можетъ-быть даже родственномъ, съ «княгиней Марьей Алексѣвной»; Репетиловъ, безъ сомнѣнія большой баринъ; графиня Хрюмина и княгиня Тугоуховская, равно какъ и фонвизинская княгиня Халдина — суть несомнѣнно лица, ведущія роды свои весьма издавѣка, а между тѣмъ подите скажите-ка, что фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ изображали большой свѣтъ: въ отвѣтъ вы получите презрительно-величавую улыбку.

Съ другой стороны, почему какой-либо Печоринъ у Лермонтова или Сережа у графа Соллогуба — несомнѣнно люди большого свѣта? Отчего *несомнѣнно* же принадлежитъ къ сферѣ большого свѣта княгиня Лиговская, которая въ сущности есть таже фонвизинская княгиня Халдина? Отчего *несомнѣнно* же принадлежать къ этой сферѣ всѣ скучныя лица скучныхъ романовъ г-жи Евгенія Туръ? Явно, что не сфера родовыхъ преимуществъ, не сфера бюрократическихъ верхушекъ разумѣется въ жизни и въ литературѣ подлѣ сферою большого свѣта. Багровы напримѣръ никакъ уже не люди большого свѣта, да едвали бы и захотѣли принадлежать къ нему. Фамусовъ и его міръ — не тотъ міръ, въ которомъ сіяетъ графиня Воротынская, въ которомъ проваливается Леонидъ, безнаказанно кобенится Сафьевъ и дѣйствуютъ въ такомъ же духѣ другіе герои графа Соллогуба или г-жи Евгенія Туръ. «Да ужь полно не воображаемый ли только этотъ міръ? спрашиваете вы себя съ нѣкоторымъ изумленіемъ: — не одна ли мечта литературы, — мечта, основанная на двухъ-трехъ, много десяти домахъ въ той и другой столицѣ?» Въ жизни вы встрѣчаете или міры, которыхъ существенныя признаки сводятся къ чертамъ любимыхъ вами Багровыхъ, или съ дикими и въ сущности всегда одинаковыми понятіями Фамусовыхъ и гоголевской Марьи Александровны.

А между тѣмъ въ мѣщанскихъ кругахъ общепитія и литературы (вотъ эти круги такъ ужь несомнѣнно существуютъ) вы только и слышите что слова: «большой свѣтъ», «сomme il faut», «высокій токъ».

Вы подходите къ явленіямъ, на которыя мѣщанство указываетъ какъ на представителей того и другого и третьяго, и простымъ глазомъ видите или Багровыхъ, или міръ Фамусова; первыхъ вы

уважаете за ихъ честность и примоту, хотя можете и не дѣлать съ ними упорной ихъ закоренѣлости, къ послѣднимъ и не можете и не должны отнестись иначе, какъ отнестя къ нимъ великій комикъ. Тотъ или другой мѣръ хотая правда выдѣлать себя иногда на англійскій или французскій манеръ, но при великой способности къ выдѣлкѣ въ русскомъ человѣкѣ совершенно недостаетъ *сидерски*. Кака-нибудь блистательная графиня Воротынская того и гляди кончитъ какъ грибоѣдовская Софья Павлова или какъ Некрасовская княгиня; какой-нибудь князь Чельскій можетъ съ теченіемъ времени дойти до метеорскаго состоянія Любима Торцова, хоть до *леонькаю*. Это и бываетъ зачастую. Одни Багровы останутся всегда себѣ вѣрными, потомучто въ нихъ есть крѣпкія, коренныя, хотя и узкія начала.

Вотъ почему леденящій ироническій тонъ слышенъ во всемъ томъ, въ чемъ Пушкинъ касался такъ-называсмаго большого свѣта, отъ «Пиковой дамы» до «Египетскихъ ночей» и другихъ отрывковъ, и вотъ почему никакой ироніи у него неслышно въ изображеніяхъ старика Гринева и Кирилы Троекурова: иронія неприложима къ жизни, хотя бы жизнь и была груба до зѣвства. Иронія есть нѣчто неполное, состояніе духа несвободное, нѣсколько зависимое, слѣдствіе душевнаго раздвоенія, слѣдствіе такого состоянія души, въ которомъ и сознаешь ложь обстановки, и давить вмѣстѣ съ тѣмъ обстановка, какъ давить она пушкинскаго Черскаго. Едвали бы нашъ великій учитель и окончилъ когда-нибудь эти многіе отрывки, оставшіеся намъ въ его сочиненіяхъ. Настоящій тонъ его свѣтлой души былъ не ироническій, а душевный и искренній.

Таже иронія, только ядовитѣе, злѣе — и въ Лермонтовѣ. Когда Печоринъ замѣчаетъ въ княгинѣ Лиговской наклонность къ двусмысленнымъ анекдотамъ, — передъ зрителемъ поднимается занавѣсъ и за этой занавѣсью открывается давно знакомый мѣръ, мѣръ фонвизинскій и грибоѣдовскій. И поднимать эту занавѣсъ есть настоящее дѣло серьезной литературы. Ее поднимаетъ даже и грассъ Соллогубъ, какъ писатель все-таки весьма даровитый, но поднимаетъ какъ-то невзначай, безъ убѣжденія, тотчасъ же опять и опускаетъ ее, тотчасъ же опять вѣра и желая другихъ заставить вѣрить въ свою кукольную комедію. Въ его «Львѣ» навримеръ есть страница, гдѣ онъ очень смѣло приступаетъ къ поднятію задней занавѣси, гдѣ онъ прямо говоритъ о томъ, что за выдѣланными, взятыми на-прокатъ формами большого свѣта круятся часто черты совершенно простыя, даже очень обыденныя, — но вся бѣда въ томъ, что только эти черты кажутся ему простыми и обыденными, тогда

какъ издѣланнѣе гораздо хуже. Возьмемъ самый крайній случай: положимъ, что подкладка (тщательно скрытая) какого-нибудь свѣтскаго господина, усвоившаго себѣ и англійскій флегматизмъ, и французскую наглость, есть просто натура избалованнаго барченка, или положимъ, что одна изъ блестящихъ геровъ графа Соллогуба, вродѣ графини Воротынской, вся сдѣланная, вся воздушная, наследивъ съ своей горничной выскажетъ тоже натуру обыкновенной и порусски избалованной барыни, — настоящая натура героя или героини все-таки лучше (пожалуй хоть только въ художественномъ смыслѣ) ея или его дѣланной натуры ужъ потому только, что дѣланная натура есть всегда повторенная.

Изъ всѣхъ нашихъ писателей, принимавшихся за сферу большого свѣта, одинъ только художникъ сумѣлъ удержаться на высотѣ созерцанія — Грибоѣдовъ. Его Чацкій былъ, есть и долго будетъ непонятенъ, — именно до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ окончательно въ нашей литературѣ несчастная болѣзнь, которую называлъ я однажды, и называлъ кажется справедливо, «болѣзью моральнаго лакейства». Болѣзнь эта выражалась въ различныхъ симптомахъ, но источникъ ея былъ всегда одинъ: преувеличеніе призрачныхъ явленій, обобщеніе частныхъ фактовъ. Отъ этой болѣзни былъ совершенно свободенъ Грибоѣдовъ, отъ этой болѣзни свободенъ Толстой, но — хотя это и страшно сказать — отъ нея не былъ свободенъ Лермонтовъ.

Но этого никогда нельзя сказать объ отношеніи пушкинскомъ. Въ воспитанномъ пофранцузски, избалованномъ барченкѣ было слишкомъ много инстинктивнаго сочувствія съ народною жизнью и народнымъ созерцаніемъ. Онъ самъ умѣлъ въ Чарскомъ посмѣяться надъ своей великосвѣтскостью. Русское барство въ немъ жило какъ вѣчто существенное, великосвѣтскость находила на него только мигутамъ.

Возвышенная натура Чацкаго, который ненавидитъ ложь, зло и тупоуміе какъ человѣкъ вообще, а не какъ условный порядочный человѣкъ и смѣло обличаетъ всякую ложь, хотя бы его и не слушали; менѣе сильная, но менѣе честная личность героя «Юноста», который при встрѣчѣ съ кружкомъ умныхъ и энергическихъ, хотя и не порядочныхъ, хоть даже и пьющихъ молодыхъ людей вдругъ сознаетъ всю свою мелочность предъ ними и въ нравственномъ и въ умственномъ развитіи — явленія, смѣю сказать, болѣе жизненныя, т. е. болѣе идеальныя, нежели натура господина, который изъ какого-то условнаго, натянутаго взгляда на жизнь и отношенія едва подаетъ руку Максиму Максимычу, хотя и дѣлалъ съ нимъ когда-то радость и горе. Будетъ ужъ намъ подобныя явленія счи-

тать на живых и пера отречься отъ дивнаго мѣшца, что Чапкинъ — Дощъ-Кикотъ. Пора намъ убѣдиться въ противномъ, т. е. въ томъ, что наши львы, феенеблы взятъ на-прокатъ и собственно не существуютъ какъ львы и феенеблы; что собственная, тщательно ими скрываемая натура ихъ самихъ — и добрѣе и лучше той, которую берутъ они взаймы.

Самое представленіе о соерѣ большого свѣта какъ о чемъ-то давящемъ, гнетущемъ и виѣстѣ съ тѣмъ обаятельнымъ, родилось не въ жизни, а въ литературѣ, и литературою взято на-прокатъ изъ Фрайціи и Англии. Звонскіе, Гремивы и Лядины, ллывшіеся въ повѣстяхъ Марлинскаго, конечно очень смѣшны, но графы Сланичнскіе, гг. Бандаровскіе и иные, даже самые Печорины — съ гѣхъ поръ какъ Печоринаъ появился во множествѣ экземпляровъ — смѣшны точно такъ же, если не больше. Серьезной литературѣ до нихъ еще меньше дѣла, чѣмъ до Звонскихъ, Гремивыхъ и Лядиныхъ. Въ нихъ нельзя ничего принимать всправду, а изображать ихъ такими, какими они *кажутся*, значить только угождать мѣщанской части публики, той самой, «ки э каню авекъ ле Чуфыринъ э ле Курмицынъ» и вздыхаетъ о вечерахъ графини Воротынской.

Другое отношеніе возможно еще къ соерѣ большого свѣта и выразилось въ литературѣ: это жолчное раздраженіе. Имъ пронакнуты ванримѣръ повѣсти г. Павлова, въ особенности его «Мильонъ», но и это отношеніе есть точно также слѣдствіе преувеличенія и обличало недостатокъ признанія собственного достоинства. Это враждебность, которая того и гляди перейдетъ въ другую, противоположную; борьба съ призракомъ, созданнымъ не жизнью, а Бальзакомъ, борьба и утомительная и безплодная, хожденіе на муку съ обухомъ. Въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, оно ведетъ въ концѣ концовъ къ поклоненію тому, съ чѣмъ сначала враждовали, ибо и самая вражда-то, — вражда невысокаго полета, вражда мелочной, а въ настоящемъ случаѣ даже и свѣшной зависти, ибо предметъ зависти, не жизненные, а фантастическія, призрачныя явленія. Рѣшительно можно сказать, что представленіе о большомъ свѣтѣ не есть ничто рожденное въ нашей литературѣ, а напротивъ занятое ею, и притомъ занятое не у англичанъ, а у французевъ.

Оно явилось неравнѣ тридцатыхъ годовъ, неравнѣ и непозднѣ Бальзака. Прежде общественные слои представлялись въ иномъ видѣ простому, ничѣмъ непомраченному взгляду нашихъ писателей. Фонъ-Визинъ, человекъ высшаго общества, не видитъ ничего гравдіознаго и поэтическаго — не говорю уже въ своей «совѣтницѣ» или въ своемъ Иванушкѣ; (къ бюрократіи и наша современная литература умѣла относиться комически), но въ своей книгѣ Хал-

диной и въ своемъ Сорванцовѣ — хотя и та и другою безъ сомнѣнія принадлежатъ къ числу *des gens comme il faut* ихъ времени. Сатирическая литература времяю Фонъ-Визина (и до него) казнить невѣжество барства, но не видитъ никакого особаго *comme il faut* наго міра, живущаго какъ *status in statu* по особеннымъ, ему свойственнымъ, имъ и другими признаваемымъ законамъ. Грибоѣдовъ казнить невѣжество и хамство, но казнить ихъ не во имя *comme il faut* наго условнаго идеала, а во имя высшихъ законовъ христіанскаго и человѣчески-народнаго взгляда. Фигуру своего борца, своего Ясета, Чацкаго, онъ отбѣнилъ фигурою хама Репетилова, говоря уже о хамѣ Фамусовѣ и хамѣ Молчалинѣ. Вся комедія есть комедія о хамствѣ, къ которому равнодушнаго или даже нѣсколько болѣе спокойнаго отношенія незаконно и требовать отъ такой возвышенной природы, какова натура Чацкаго.

Вотъ я перехожу теперь къ второму своему положенію, — къ тому, что Чацкій до сихъ поръ единственное *героическое* лицо нашей литературы. Пушкинъ провозгласилъ его неумнымъ человекомъ, но въдъ героизма-то онъ у него не отнял, да и не могъ отнять. Въ умѣ его т. е. практичности ума людей закалки Чацкаго онъ могъ разочароваться, но въдъ не переставалъ же онъ никогда сочувствовать энергіи падшихъ борцовъ. «Богъ помочь вамъ, друзья мои!» писалъ онъ къ нимъ, отыскивая ихъ сердцемъ всюду, даже въ мрачныхъ пропастяхъ земли.

Чацкій прежде всего — *честная и дѣятельная* натура, притомъ еще натура борца, т. е. натура въ высшей степени страстная.

Говорятъ обыкновенно, что свѣтскій человекъ въ свѣтскомъ обществѣ впервыхъ не позволяетъ себѣ говорить того, что говоритъ Чацкій, а восторыхъ не станетъ сражаться съ вѣтрыными мельницами, проповѣдывать Фамусовымъ, Молчаливымъ и инымъ.

Да съ чего вы взяли, господа говорящіе такъ, что Чацкій — свѣтскій человекъ въ вашемъ смыслѣ, что Чацкій похожъ сколько-нибудь на разныхъ князей Чельскихъ, графовъ Слапачинскихъ, графовъ Воротынскихъ, которыхъ вы напустили внослѣдствіи на литературу съ легкой руки французскихъ романистовъ? Онъ столько же непохожъ на нихъ, сколько непохожъ на Звонскихъ, Гремныхъ и Лидиныхъ. Въ Чацкомъ только правдивая натура, которая никакой лжи не спуститъ — вотъ и все; и позволить онъ себѣ все что позволить себѣ его правдивая натура. А что правдивыя природы есть и были въ жизни, вотъ вамъ на-лицо доказательства: старикъ Гриневъ, старикъ Багровъ, старикъ Дубровскій. Таковую же природу наследовалъ должно-быть, если не отъ отца, то отъ дѣда или прадѣда Александръ Андреевичъ Чацкій.

Другой вопросъ — сталъ ли бы Чацкій говорить съ людьми, которыхъ онъ презираеть.

А вы забываете при этомъ вопросѣ, что Фамусовъ, на котораго изливаетъ онъ «всю жолчь и всю досаду», для него не просто такое-то или такое-то лицо, а живое воспоминаніе дѣтства, когда его вели «на поклонъ» къ господину, который

согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей.

А вы забываете какая сладость есть для энергической души въ томъ, чтобы, по слову другаго поэта,

Тревожить язвы разныхъ ранъ
или
смутить веселье ихъ
И дерево бросить имъ въ лицо желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Успокойтесь: Чацкій менѣе чѣмъ вы сами вѣрить въ пользу своей проповѣди, но въ немъ жолчь накопилась, въ немъ чувство правды оскорблено. А онъ еще кромѣ того влюбленъ...

Знаете ли вы какъ любятъ такіе люди?

Не эту и недостойною мужчины любовью, которая поглощаетъ все существованіе въ мысль о любимомъ предметѣ и приноситъ въ жертву этой мысли все, даже идею нравственнаго совершенствованія: Чацкій любитъ страстно, безумно и говоритъ правду Софѣ, что

Дышалъ я вами, жилъ, былъ занятъ непрерывно...

Но это значить только, что мысль о ней сливалась для него съ каждымъ благороднымъ помысломъ или дѣломъ чести и добра. Правду же говорить онъ, спрашивая ее о Молчалинѣ:

Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?

Но подъ эту правдою кроется мечта о его Софѣ, какъ способной понять, что «міръ цѣлый» есть «прахъ и суета» предъ идеей правды и добра, или по крайней мѣрѣ способной оцѣнить это вѣрованіе въ любимомъ ею человѣкѣ, способной любить за это человѣка. Такую только идеальную Софью онъ и любитъ; другой ему не надобно: другую онъ отринетъ и съ разбитымъ сердцемъ поидетъ

искать по свѣту
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Посмотрите съ какой глубокой психологической вѣрностью веденъ весь разговоръ Чацкаго съ Софьею въ III актѣ. Чацкѣй все допытывается, чѣмъ Молчалинъ его выше и лучше; онъ съ нимъ даже вступаетъ въ разговоръ, стараясь отыскать въ немъ

умъ бойкій, гений зрѣлый,

и все-таки не можетъ, не въ силахъ понять, что Софья любитъ Молчалина именно за свойства противоположныя свойствамъ его, Чацкаго, за свойства мелочныя и пошлыя (подлыхъ чертъ Молчалина она еще не видитъ). Только убѣдившись въ этомъ, онъ покидаетъ свою мечту, но покидаетъ какъ мужъ — безповоротно, видитъ уже ясно и безтрепетно правду. Тогда онъ говорить ей:

Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ.

Себя крушить!.. и для чего?

Вы можете его

Бранить и пеленать и посылать за дѣломъ.

И между тѣмъ есть вѣдь причина, по которой Чацкѣй горячо любилъ эту повидному столь ничтожную и мелочную натуру. Что это въ немъ такое было? Не одни же воспоминавія дѣтства, а причины болѣе важныя, по крайней-мѣрѣ хоть физиологическія. Притомъ же это фактъ вовсе не единственный въ томъ странномъ, ироническомъ круговоротѣ, который называется жизнью. Люди подобныя Чацкому нѣрѣдко любятъ такихъ мелочныхъ и ничтожныхъ женщинъ, какъ Софья. Даже можно-сказать по большей части любить такъ. Это не парадоксъ. Они встрѣчаются иногда съ женщинами вполне честными, вполне способными понять ихъ, разделить ихъ стремленіе — и неудовлетворяются ими. Софья — нѣчто роковое, неизбѣжное въ ихъ жизни, такое роковое и неизбѣжное, что ради *этого* они пренебрегаютъ честными и сердечными женщинами...

Невольно приходитъ вопросъ: дѣйствительно ли ничтожна и мелочна Софья?

Пожалуй да, и пожалуй нѣтъ.

Есть два типа женщинъ. Однѣ созданы всѣ изъ способности къ самоотверженной, употреблю даже слово — «собачьей» привязанности. Въ лучшихъ изъ нихъ способность эта переходитъ въ сферы высшія — въ способность привязанности къ *идеалу* добра и правды; въ менѣе одаренныхъ до полнѣйшаго рабства передъ любимымъ человекомъ. Лучшія изъ нихъ могутъ быть очень энергичны. Сама природа снабжаетъ такихъ женщинъ энергическою, часто рѣзкою работою, величавостью движеній и проч.

Въ противоположность имъ, другія созданы всѣ изъ граціозной, скажу ради контраста — «кошачьей» гибкости, неподдающей-ся никогда вполне тяготѣнію надъ собою другой, хотя бы и любимой личности. Мудренѣе и сложнѣе требованія ихъ натуры, чѣмъ требованія натуры первыхъ. Сообразно обстановкѣ и настрою умственному и нравственному изъ нихъ выходятъ или Дездемоны, или Софьи. Но прежде чѣмъ осудить Софью, взгляните хорошенько на Дездемону. Вѣдь прихоть, положимъ возвышенная, повлекла ее къ весьма немолодому мавру; вѣдь основою ее характера, несмотря на всю ее чистоту, остается все-таки легкомысліе. Въ такихъ женщинахъ есть сила слабости и гибкости, влекущая къ себѣ неодолимо мужскую энергію. Онѣ сами сознаютъ смутно и свою слабость, и силу своей слабости. Онѣ чувствуютъ, что имъ нужна нравственная поддержка, имъ какъ лѣанамъ надобно обвиваться вокругъ могучихъ дубовъ, — но «прихоть», самопроизволь управляетъ ихъ движеніями душевными. Припомните, что Шекспиръ возводитъ эту прихоть до чудовищнаго увлеченія Титанія господиномъ съ ослиною головою.

Дездемона, по окружавшей ее обстановкѣ, грандіозной и поэтической увидала свою поддержку въ борцѣ, въ мужѣ силы; по «прихоти» влюбилась не въ кого-либо изъ красивыхъ и знатныхъ мужей въ Венеціи, а въ мавра Отелло.

Я не хочу проводить парадоксальнаго параллеля между Дездемоной и Софьею Павловной. Онѣ такъ же далеки другъ отъ друга, какъ трагическое и комическое, но принадлежать къ одному и тому же типу. Софья Павловна насмотрѣлась кругомъ себя на слишкомъ много мерзостей, свыклась съ хамскими понятіями, всосала въ себя ихъ съ молокомъ. Ей не дико видѣть себѣ нравственную опору въ человѣкѣ практическомъ, умѣющемъ вращаться въ этой средѣ и могущемъ ловко овладѣть современнымъ этого средою. Чацкій ей чуждъ и постоянно представляется ей сумашедшимъ, тогда какъ Отелло для Дездемоны вовсе не чуждъ, — только что мавръ, а то такой же какъ многіе доблестные венеціанцы. Софья Молчалинъ невзвѣстенъ съ его подлыхъ сторонъ, ибо его низкопоклонничество, смиреніе, терпѣніе и акуратность она считаетъ — вѣдь она дочка Фамусова и внучка знаменитаго Максима Петровича, умѣвшаго такъ ловко стукнуться затылкомъ — она считаетъ, говорю я нешутя, такими же добродѣтелями, какъ венеціанка Дездемона высокую честность и доблесть мавра. Потомъ же вѣдь Молчалинъ умѣнь умомъ его сферы. Подлый это умъ, правда, да она не понимаетъ что такое подлость. Вотъ, когда она поняла его подлость, испытала по отношенію къ самой себѣ всю шаткость того, что она думала изъ-

брать своей нравственной поддержкой, всю невыгоду для себя этой угодительности всѣмъ, даже

Собака дворяника, чтобъ ласкова была,

услыхала по отношенію къ себѣ халуйско-циническое выраженіе:

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали, —

она просыпается... и до истинно-трагической красоты бывала иногда хороша Вѣра Самойлова въ минуту этого пробужденія!..

Чацкій поэтому несправедливъ, говоря, что ей пужень былъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга;

онъ только въ раздраженіи бѣшенства можетъ смѣшать ее съ московской барыней Натальей Дмитриевной, у которой действительно такой московскій идеалъ мужа. Но у него сердце разбито —

Othello's occupation is gone!..

Для него вся жизнь подорвана—и ему, борцу совѣтъ разрозниваемуся съ этою средою, не понять, что Софья воплотила для этой среды. Онъ такъ упорно вѣрилъ, такъ долго вѣрилъ въ свой идеалъ!..

Вы, господа, считающіе Чацкаго Донъ-Кихотомъ, напираете въ особенности на монологъ, которымъ кончается третье дѣйствіе. Но вонервыхъ самъ поэтъ поставилъ здѣсь своего героя въ комическое положеніе, и оставаясь вѣрнымъ высокой психологической задачѣ, показалъ, какой комическій исходъ можетъ принести энергія несовременная; а во вторыхъ опять-таки вы должно-быть не вдумались въ то, какъ любятъ люди съ задатками даже какой-нибудь нравственной энергіи. Все что говоритъ онъ въ этомъ монологе, онъ говоритъ для Софьи; всѣ силы души онъ собираетъ, всею натурою своей хочетъ раскрыться, все хочетъ передать ей разомъ, какъ въ «Доходномъ мѣстѣ» Жадовъ своей Полинь въ послѣднія минуты своей, хотя и слабой (по его натурѣ), но благородной борьбы. Тутъ сказывается послѣдняя вѣра Чацкаго въ натуру Софьи (какъ у Жадова, напротивъ, послѣдняя вѣра въ силу и дѣйствіе того, что считаетъ онъ своимъ убѣжденіемъ); тутъ для Чацкаго вопросъ о жизни или смерти цѣлой половины его нравственнаго бытія. Что этотъ личный вопросъ слился съ общественнымъ вопросомъ, — это опять-таки вѣрно натурѣ героя, который является единственнымъ типомъ нравственной и мужеской борьбы въ той сферѣ жизни, которую избралъ поэтъ, единственнымъ до сихъ поръ даже человѣкомъ съ плотию и кровію, посреди всѣхъ

этихъ князей Чельскихъ, графовъ Воротынскихъ и другихъ господъ, расхаживающихъ съ англійскою важною по мечтательному міру нашей великовѣтской литературы.

Да, Чацкій есть — повторяю опять — вашъ единственный герой, т. е. единственно положительно борющійся въ той средѣ, куда сульба и страсть его бросилъ. Другой отрицательно-борющійся герой вашъ явился развѣ еще въ неполномъ художественно, но глубоко прочувствованномъ образѣ Бельтова, который четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки.

Я сказалъ: «развѣ еще» потому что Бельтовъ по крайней мѣрѣ, какъ онъ является передъ вами въ романѣ — гораздо жиже Чацкаго, хотя въ свою очередь несравненно гуще Рудина. И Чацкій и Бельтовъ — падаютъ въ борьбѣ не отъ недостатка твердости собственныхъ силъ, а рѣшительно отъ того, что ихъ перемогаетъ громадная, окружающая ихъ тина, отъ которой остается только бѣжать

искать по свѣту,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Въ этомъ между ними сходство. Различіе — въ эпохахъ.

Чацкій, кромѣ общаго своего героическаго значенія, имѣетъ еще значеніе историческое. Онъ — порожденіе первой четверти русскаго XIX столѣтія, прямой сынъ и наслѣдникъ Новиковыхъ и Радищевыхъ, товарищъ людей

вѣчной памяти двѣнадцатаго года,

могущественная, еще глубоко вѣрующая въ себя и потому упрямая сила, готовая погибнуть въ столкновеніи съ средою, погибнуть хоть бы изъ-за того, чтобы оставить по себѣ «страницу въ исторіи»... Ему нѣтъ дѣла до того, что среда, съ которой онъ борется, положительно неспособна не только понять его, но даже и отнестись къ нему серьезно.

Зато Грибоедову какъ великому поэту есть до этого дѣло. Недаромъ назвалъ онъ свою драму комедію.

Кругомъ Чацкаго, человека дѣла, кромѣ среды застоя есть еще множество людей подобнаго Репетилову, для которыхъ дѣло — только «слова, слова, слова» и которыхъ между прочимъ гнететъ къ себѣ блестящая сторона дѣла.

Несмотря на то, что Репетиловъ является только въ концѣ, въ сценѣ развѣзда, — онъ, послѣ Чацкаго, вмѣстѣ съ Фамусовымъ и Софьей — одно изъ главныхъ лицъ комедіи.

Въ новомъ полномъ изданіи «Гора отъ ума» онъ теперь для всѣхъ мечется въ глаза своей комической рельефностью, своимъ

расскажутъ о «секретнѣйшемъ союзѣ» по четвергамъ въ клубѣ, своею важностью передъ Загорѣцкимъ послѣ того какъ онъ поговорилъ съ Чацкимъ и считаетъ себя вправѣ выразиться: «онъ неглупъ», — о немъ, настоящемъ человѣкѣ дѣла; онъ мечется въ глаза наконецъ своимъ либеральнымъ азартомъ, простирающимся до желаній «радикальнаго лекарства». Ренетилова нельзя играть такъ, какъ играютъ его вообще наши артисты — какимъ-то пьяницей, сладкимъ и распустившимся бариномъ. У Ренетилова, какъ у одного изъ его идеаловъ,

Глаза въ крови, лицо горитъ...

онъ восторгается до изступленнаго пафоса тѣмъ, что

умный человѣкъ не можетъ быть не шутомъ.

Онъ наговариваетъ на себя множество вещей, вслѣдствіе которыхъ «естъ отчего въ отчаявье прити», по выраженію Чацкого — не по пустотѣ одной, а потому, что его разгоряченное воображеніе ласка самыми дикими идеалами. Онъ вѣдь человѣкъ хоть по наслышкѣ образованный: онъ о безобразномъ разиратѣ Мирабо слышалъ, — но тѣмъ-то и комиченъ этотъ ярый Мирабо, что онъ смиряется какъ-разъ же передъ Анфисой Ниловной... Да и одинъ ли онъ такъ бы смирился! Развѣ всѣ его идеалы, развѣ и князь Григорій, и Удушевъ, и даже Воркуловъ Евдокимъ не смирились бы точно такъ же? Не смирился бы можетъ-быть только «ночной разбойникъ, дуэлистъ», — да и то потому, что онъ уже

Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,

потому что онъ отпѣтый сорванецъ и притомъ сорванецъ удалой, въ противоположность сорванцу трусливому — Загорѣцкому.

Да и какъ не смириться? Вѣдь Анфиса Ниловна — это сила, и притомъ сознающая сама себя силою. Она «спорить голосиста», ибо увѣрена въ томъ, что не въ пустомъ пространствѣ исчезнетъ ея голосъ, что передъ этимъ голосомъ смирится даже Фамусовъ, что она имѣетъ право назвать трехсажоннымъ удалцомъ даже полковника Скалозуба. Вѣдь она, эта Анфиса Ниловна — Москва, вся Москва; она своего рода «мужикъ-горланъ»; она въ иныхъ случаяхъ пожалуй оппозиція, хотя конечно оппозиція такого же свойства, какую рисуетъ Фамусовъ, рассказывая съ умненьемъ о старичкахъ, которые

Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму...

и съ убѣжденіемъ заключая свой рассказъ словами:

Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,

Но что безъ нихъ не обойдется дѣло...

Кн. VIII. — Отд. II.

Какъ же не смириться передъ Анфисой Ниловной итъ всѣмъ, пустымъ крикунамъ, которымъ Чацкій говорить:

Шумите вы — и только!

Вѣдь Анфиса Ниловна всѣхъ ихъ знаетъ насквозь и я думаю въ состояніи даже в отпѣтому сорванцу читать наставленія.

Чтоже, спрашивается, остается дѣлать *человѣку*, если онъ неразбитъ и не подорванъ какъ Гамлетъ, если въ немъ кипитъ силы, если онъ *человѣкъ*, въ этой темной средѣ? Вѣдь это мифическіе острова, на которыхъ растетъ «трыны-трава»; вѣдь тутъ заправляетъ жизнью Анфиса Ниловна, тутъ женщина видитъ свой идеалъ въ Молчалинѣ, тутъ Загорѣцкій является совершенно смѣло и свободно, тутъ Фамусовъ на-махъ подписываетъ бумаги!..

Темный, грязный міръ тины, въ которомъ герой или гибнетъ трагически, или попадаетъ въ комическое положеніе!

Покойный Добролюбовъ окрестилъ именованъ «темнаго царства» міръ, изображаемый Островскимъ. Но собственно темный міръ, т. е. міръ безъ свѣта, безъ нравственныхъ корней, Островскій изображаетъ только въ одной изъ своихъ драмъ, — въ «Доходномъ мѣстѣ». Передъ какимъ-то всѣми признаваемымъ, хотя и темнымъ нравственнымъ началомъ смиряется въ трагическую минуту Бельтовъ; какія-то начала возстановляетъ пьяница Любимъ; какія-то начала подчиняется страсть въ Митѣ и Любови Гордѣевнѣ; передъ какими-то началами отрезвляется — положимъ хоть до новой Груши и до новой масляницы — Петръ Ильичъ; вѣдь даже Дикова можно прошибить этими общими для всѣхъ, хоть и формально только общими началами. Но чѣмъ вы прошибете теорію комфорта Кукушкиной? чѣмъ вы прошибете спокойствіе души Юсова? чѣмъ вы прошибете глубокое безвѣріе Вышневека?.. Однимъ только: «колесомъ фортуны»!.. Тѣнь Чацкаго (это одно изъ высокихъ вдохновеній Островскаго) прохлѣтитъ передъ нами въ воспоминаніяхъ Вышневека о Любимовѣ, и жалко передъ этой тѣнью ея обмельвшее отраженіе — Жадовъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

НИГИЛИЗМЪ ВЪ ИСКУСТВѢ

Ex nihilo nihil.

Старая истина.

Мы всегда были той вѣры, что искусство, каково бы оно ни было въ данную эпоху, является всегда самымъ полнымъ и притомъ самымъ вразумленнымъ выраженіемъ смысла жизни въ данную эпоху. Этимъ мы не хотимъ конечно нисколько умалить ни заслугъ, ни достоинствъ науки, но то, до чего она доходитъ *почти*, — искусство часто отгадываетъ сразу *полно*. Въ искусствѣ неравно раздается всегда слово эпохи или слово извѣстной минуты эпохи. Мы беремъ въ настоящемъ случаѣ слово не въ какомъ-либо переносномъ, тѣмъ менѣе таинственномъ, а въ самомъ обыденномъ смыслѣ, пожалуй какъ названіе извѣстной категоріи явленій.

Каковъ напримѣръ минаетъ послѣдній романъ Тургенева, а формула: «нигилизмъ», «нигилисты» только съ его появленія перешла въ общее достояніе. Мы не говоримъ, чтобы Тургеневъ формулу эту выдумалъ; но онъ пустилъ ее въ ходъ. Съ его легкой руки пошли толки о нигилизмѣ и нигилистахъ въ жизни, въ наукѣ, а даже не очень давно одинъ критикъ заговорилъ о нигилизмѣ въ искусствѣ, указавъ даже на существующія уже будтобы явленія нигилизма въ этой сферѣ, даже на поэтовъ нигилизма. Справедливо ли указавъ онъ, — другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ онъ почувствовалъ что-то носящееся уже въ воздухѣ, хоть можетъ-быть еще не спустившееся на землю.

Но прежде чѣмъ разсуждать, спустилось ли на землю это странное что-то, носящееся въ воздухѣ, надобно опредѣлить точнѣе, что такое можетъ быть связано съ понятіемъ о «нигилизмѣ» въ искусствѣ.

Мы не намѣрены путаться въ отвлеченностяхъ. Возьмемъ исходною точкою тотъ самый образъ, въ которомъ художникъ воплотилъ идею нигилизма вообще. Удачно ли, нѣтъ ли въ художественномъ

отношеніи, — мы здѣсь не станемъ рѣшать. Явно, что практически удачно, потому что многіе страшно озлобились на это изображеніе какъ на клевету, многіе же пытались, хотя явно искусственно, возрадоваться ему какъ идеалу. Клевета на что? Радость чему?

Явно, что есть «что-то», чего изображеніемъ можно раздражаться какъ клеветою или чего изображенію можно возрадоваться какъ идеалу.

Отчего Базаровъ у Тургенева зоветъ себя не идеалистомъ (что ужъ конечно понятно) и не материалистомъ, а нигилистомъ?

Что такое идеализмъ вообще, — мы пояснять не станемъ. Но чѣмъ материализмъ и нигилизмъ различны между собою, это не для всѣхъ вѣроятно ясно. А вѣдь чѣмъ-нибудь да различны. Иначе не пронеслась бы въ воздухѣ новая формула для выраженія вѣрованій... то-бишь убѣжденій... то-бишь... рѣшительно затруднимся выдумать слово, которое бы служило выраженіемъ «чего-то», заключающагося въ новой формулѣ и схваченнаго ею въ воздухѣ.

Вы помните конечно, что для Павла Петровича (т. е. дяди) нигилистъ — это человѣкъ, который ничего не признаетъ, для Николая Петровича (т. е. отца) это человѣкъ, который ничего не уважаетъ. Весьма тонкое различіе, выходящее изъ сущности самыхъ характеровъ лицъ, недоумѣвающихъ передъ поразившими ихъ слухъ новымъ терминомъ. Для Николая Петровича, человѣка болѣе простаго и менѣе тонко развитаго, понятіе о нигилизмѣ сливается съ понятіемъ о материализмѣ XVIII столѣтія, материализмѣ фанатическомъ. Въ его воображеніи промелькнули Дидро, Этьенсъ, пожалуй даже маркизъ де-Садъ. А Павелъ Петровичъ знаетъ побольше: онъ и о «Stoff und Kraft» слышалъ. Аркадій открываетъ имъ, что нигилистъ — это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какимъ авторитетомъ, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

Дѣло объясняется: материализмъ фанатическій вмѣсто вѣры въ духъ, ожесточенно имъ ненавидимой, имѣетъ глубокую вѣру въ плоть. Материализмъ Бюхнера признаетъ за догматъ вѣру въ силу и матерію. Нигилизмъ, непринимая ни одного принципа на вѣру, не признаетъ безъ повѣрки даже матеріи и силы. Вѣрить... нѣтъ! это не слово, равно какъ и «убѣжденъ»... допускаетъ... онять и это не то! какъ же наконецъ выразиться?... ну да просто онъ рѣжетъ лягушекъ и видитъ, или еще лучше — смотритъ что изъ этого выходитъ.

Между идеализмомъ и материализмомъ есть еще, вы знаете, скептицизмъ. Но нигилизмъ и не скептицизмъ. Скептицизмъ тоже

скажемъ, что можетъ—быть *есть* матерія, а можетъ быть *есть* духъ, а можетъ—быть *есть* и матерія, да *есть* и духъ вмѣстѣ.

Мудреная вещь *книгилизмъ*. Или онъ лукавитъ, т. е. онъ тоже что материализмъ, а то, небудучи идеализмомъ, онъ былъ бы скептицизмомъ, т. е. готовъ бы былъ, убѣдясь, повѣрить въ то или другое, или онъ закрутился въ логическихъ противорѣчіяхъ... Да вѣдь онъ и логики впрочемъ не признаетъ!

Дѣло становится еще мудренѣе, когда понятіе о *нигилизмѣ* переносится въ сферу искусства. Тутъ въ параллель съ *нигилизмомъ*, кромѣ идеализма, его врага, и материализма, его очевиднаго пріятеля (ибо иначе онъ былъ бы скептицизмомъ), кромѣ наконецъ скептицизма становится еще реализмъ, дѣло опять—таки совсѣмъ другое.

Собственно реализмъ да идеализмъ были до сихъ поръ единственно-законными и даже пожалуй равно-законными формулами искусства, т. е. формулами неотвергаемыми жизнью. Идеализмъ... ну хоть кого бы? — положимъ величайшаго идеалиста Шиллера, и реализмъ... беремъ одно изъ современныхъ, наглядныхъ проявленій реализма — Писемскаго, жизнь принимала и узаконивала *виолетъ*. Скептицизмъ узаконила она положимъ въ Байронѣ, потому что подъ этимъ скептицизмомъ крылся жаркій, но раздраженный и разстроенный противорѣчіями идеализмъ, и терпѣла его... ну хоть въ Шелли. Материализмъ въ видѣ положимъ «*La pucelle d'Orléans*», она не-то что терпѣла, но допускала, какъ допускаются извѣстные азили; но въ видѣ наиримѣръ романовъ де-Сада уголовно преслѣдовала, какъ преслѣдуются ею всѣ вообще уголовные факты, или стыдилась какъ—нибудь явно выразить къ нимъ сочувствіе, ибо гласно, общественно еще никто наиримѣръ не цитовалъ стихотвореній Баркова...

Но все—таки все это призванное, полупризнанное, преслѣдуемое или изъ чувства приличія затанываемое существовать или существовало.

Но чтоже такое *книгилизмъ*—то въ искусствѣ?.. Не слишкомъ ли поторопился критикъ, признавшій заявленіями его стихотворенія одного молодого поэта? Духомъ, но никакъ конечно не формою, одно изъ нихъ близко правда къ *міросозерцанію* Баркова, другія только «*понапряженнѣе*» нѣкоторыхъ стихотвореній Мюссе, — но не болѣе. *Нигилизма* мы еще тутъ, какъ ни въ одномъ изъ современныхъ явленій, не видимъ. Видимъ усмія, иногда очень комическія, человѣка съ талантомъ, но съ крайнею молодостью взгляда, — скакнуть выше мѣры, но право не болѣе. Да и нечего тутъ видѣть иного.

Всего лучше, чтобы сколько-нибудь постараться развить вопрос, — выбрать несколько всеми признаваемых за образцовыя произведенія въ различныхъ родахъ искусства и приложить къ нимъ, какъ требованія, всѣ различныя, исчисленныя нами формулы, т. е. идеализмъ, реализмъ, скептицизмъ, материализмъ и нигилизмъ.

Начнемъ съ міра искусствъ пластическихъ. Мы знаемъ напрямѣръ, что материализмъ умѣренный увидитъ хоть бы въ Венерѣ милосекской одинъ только отличныя формы и не увидитъ того божественнаго, что видитъ идеализмъ, и того традиціонно-дѣйствительнаго, что долженъ признать послѣдовательный реализмъ, какъ одна изъ законныхъ формулъ искусства. Но что же за дѣло до Венеры милосекской нигилизму? Базаровъ, когда онъ восхищается «сѣзматинкой», не есть послѣдовательный нигилистъ, а хорошій, но еще не крайній материалистъ. Материализмъ допускаетъ если не красоту формъ, то по крайней мѣрѣ ихъ аппетитность, и отнесясь довольно равнодушно къ Венерѣ милосекской, похвалять конечно отличныя формы, но всегда предпочтетъ имъ болѣе аппетитныя формы Венеры-Калиппиги, въ крайнихъ же и болѣе послѣдовательныхъ своихъ требованіяхъ всегда пожелаетъ лучше красавицы живой, чѣмъ красавицы созданной художникомъ, яблока настоящаго, чѣмъ яблока нарисованнаго...

Нѣтъ!.. мы ошиблись въ послѣднемъ случаѣ! материализмъ еще можетъ подчасъ пожелать любострастныхъ изображеній. Вотъ авось-либо здѣсь-то мы и доберемся до сути дѣла, вотъ можетъ быть тутъ-то мы и поймемъ настоящее слово такъ-называемаго нигилизма.

Ко всему относясь критически, онъ въ отличныя формы; какъ въ формы, не вѣрять, точно также какъ ни во что не вѣрять, тѣмъ менѣе въ красоту, въ понятіе общее. Съ другой стороны, тоже вслѣдствіе критическаго отношенія ко всему, онъ медицински дознаетъ ненормальность напряженныхъ въ своихъ крайностяхъ стремленій материализма. Онъ не будетъ даже дразнить себя изображеніемъ положивъ яблоковъ, а просто, здорово скажетъ, что яблоко настоящее всегда вкуснѣе чѣмъ яблоко нарисованное.

Его — яблоко нарисованное для него совсѣмъ не существуетъ. Онъ признаетъ только нормальное и здоровое ощущеніе, которому ненужно ни видѣть предметовъ своего вкуса повторенными въ искусствѣ, ни поддразнивать свой аппетитъ.

Его — ему нѣтъ никакого искусства и никакого отношенія къ искусству.

Но мы взяли дѣло съ его наиболѣе рельефной стороны. Возьмемъ его поглубже, проверимъ отношенія различныхъ формулъ, и

притомъ въ большой подробности, къ двумъ-тремъ какимъ-либо гениальнымъ, безспорно-признаваемымъ всѣми поэтическимъ образцамъ.

Чтобы взять вѣчто безспорное, такое, въ чемъ бы всякая формула могла найти, хоть съ натяжкой, свое, возьмите, какую-нибудь изъ драмъ Шекспира. Мы не предлагаемъ ни Шиллера, котораго красоту и правду способенъ отвергнуть узкій реализмъ, и сохраняя благоговѣніе изъ котораго вѣкоторыя матерьялы сами обличаютъ свою непослѣдовательность, ни Гомера, вполне, т. е. не рутинно доступнаго только немногимъ идеалисто-реалистамъ. Скажутъ намъ, что и Шекспира вѣ некоторыя идеалисты не понимали; вѣдь не понималъ же напримѣръ Жуковский Гамлета! Но вѣдь есть и узкій идеализмъ, какъ есть узкій реализмъ.

Мы избираемъ драматическія произведенія именно потому, что въ отношеніяхъ къ нимъ нельзя никакой формулы оставаться кладниковой. Надъ лицами произносится зрителями тотъ или другой судъ, и въ судѣ-то этомъ сказываются преимущественно извѣстныя жизненныя требованія.

Возьмите сначала хоть «Ромео и Джульету». Отношеніе къ этой драмѣ правильнаго идеализма и правильнаго реализма разсчитать нечего. Разница въ этихъ отношеніяхъ будетъ только въ томъ, что реализмъ пойметъ драму проще, — въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, какъ въ высшей степени правдивое по своей сущности, хотя странное по языку и формамъ представленіе страстныхъ половыхъ отношеній. Нравственное мѣрило его будетъ здѣсь весьма здоровое и вѣрное. Ну чтожь? скажетъ онъ: бываетъ и можетъ быть, но только рѣдко. И чтобы показать вамъ какъ рѣдко это бываетъ, онъ съ безпопачною правдою раскажетъ вамъ повѣсть о бракѣ по страсти Сергѣя Петровича Хаварова съ Мари Ступицкой, неудачивши изъ виду даже Фра-Лоренцо въ отрицательно-комической фигурѣ М-ше Мамфиловой. Идеализмъ пойметъ это — по словамъ великаго идеалиста-реалиста Лессинга — единственное твореніе о любви, которое сама любовь писала, какъ въ высшей степени поэтическое представленіе борьбы на жизнь и на смерть одной изъ законнѣйшихъ пружинъ души человѣческой съ окружающими ее препятствіями, какъ извѣстнаго рода идеальный кодексъ и почти-что пропустить безъ вниманія исключительность положеній и характеровъ. Въ этомъ только и будетъ вся разница, да развѣ еще въ заключительномъ вопросѣ, который идеализмъ и реализмъ могутъ себѣ задать по поводу героевъ драмы. Оба они — и идеализмъ и реализмъ — знаютъ очень хорошо, что «Ромео и Джульета» не могли бы вѣчно остаться такими, какими изобразилъ ихъ поэтъ:

Ромео умеръ... съ нимъ Джульета...
Шекспиръ зналъ жизнь какъ богъ...

Но идеализмъ невольно скажетъ при этомъ случаѣ великій стихъ своего любимца:

Es ist das Loos des Schönen auf der Erde!

а реализмъ не пришолъ бы въ отчаяніе, еслибы Ромео и Джульета остались живы и перешли бы въ болѣе ширныя и спокойныя отношенія. Въдъ сумѣлъ же привести реальность Толейтой свое «сезонное счастье» къ умиротворяющему и выѣстъ нисколько не иѣщанскому исходу... И идеализмъ и реализмъ вообще пополнили бы здѣсь другъ друга при взаимномъ столкновеніи. Въ самой драмѣ между двумя ея поэтическими фигурами, стоятъ истинный реалистъ Меркуціо съ его циническими выходками и поэтической натурой, способной до такой тонкости понимать и передавать чары нарциды Мабы, — реалистъ Меркуціо, умирающій изъ-за дѣла, которое онъ самъ проклинаетъ.

Узкій идеализмъ будетъ недоволенъ цинизмомъ кормилицы и слугъ, пожалуй домашнею обыденностью нѣкоторыхъ сценъ, пожалуй самимъ Меркуціо. Ему все будетъ хотѣться урѣзать какъ-нибудь полную драмы жизнь. Узкій реализмъ назоветъ ее просто приторною въ наше время, и разумѣется грѣхъ его будетъ тяжебѣ грѣха узкаго идеализма: тотъ хоть что-нибудь въ драмѣ понамасть, онъ — ровно ничего.

Мы забыли сказать, что какъ идеализмъ, такъ и реализмъ, оба поймутъ, только конечно по-своему, — одинъ религіозно, другой разсудочно, но въ концѣ концовъ одинаково — вѣру Шекспира въ разумность жизни, въ ея послѣдовательность при всѣхъ видимыхъ случайностяхъ.

Матерьялизмъ будетъ настаивать на слѣпой случайности, будетъ насильственно отыскивать атеистическое воззрѣніе въ Шекспирѣ. Вообще же, если онъ будетъ послѣдователенъ, драма Шекспира его неудовлетворитъ. Ему больше повутру придется восторженный гимнъ любви Донъ-Жуана и Гайдэ въ Байронѣ. Въ своихъ крайнихъ послѣдствіяхъ онъ долженъ написать барковскую паролію на драму Шекспира.

Отношеніе скептическое будетъ разумѣется *колоссальное*.

Но что дѣлать нигилизму съ «Ромео и Джульетой»? Въ сравненіи съ своимъ старшимъ братомъ — матерьялизмомъ онъ вѣдъ слишкомъ трезвый иѣщанинъ, чтобы желать красокъ гуще и сильнѣе. Онъ вообще можетъ сказать только по отношенію къ этой драмѣ

те что Бондари, исполнители музыки, сейчас обращаетъ къ музыкѣ: «Sopate, que me veici-ta?» Ты въ оны спроситъ: «Драма, что тебѣ надобно? Зачѣмъ ты мнѣ?» Больше ничего оны сказать не могутъ.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ формула нигилизма неприменима къ искусству. Искусство можетъ быть идеальное, реальное, пожалуй материальное, но нигилистическаго искусства нѣтъ и быть не можетъ. Нигилизмъ въ искусствѣ значитъ просто чистое, голое отрицаніе искусства всего явленій, какъ вещей абсолютно-ненужныхъ жизни, возложенствующихъ существовать.

Однимъ словомъ — искусства нѣтъ болѣе. Оно умерло, оно отжило.

Это слово было сказано даже недавно мыслителемъ, хотя и безпоощаднымъ въ своихъ логическихъ выводахъ, но способнымъ глубоко сочувствовать искусству. Свой страшный — для него самого страшный, мы увѣрены — выводъ онъ основалъ преимущественно на мизерности и ничтожности современныхъ явленій искусства. Хотя здѣсь, допрашивая современное состояніе искусства, онъ слишкомъ увлекся отрицательно, хотя страннымъ образомъ онъ пропустилъ какъ-будто безъ вниманія множество явленій, свидѣтельствующихъ о явныхъ признакахъ живучести и жизненности искусства, но тѣмъ неменѣе слова его, какъ всегда почти, даютъ ключъ къ разумѣнію того, что носится въ воздухѣ насъ окружающемъ.

Искусство умерло, или по крайней-мѣрѣ должно умереть, какъ вещь ненужная — вотъ послѣднее слово нигилизма. Но это только послѣднее, крайнее слово. До него еще надобно дойти. Пока мѣстъ хоть съ затаенной досадою, а надобно признать его существованіе. Явленія существуютъ, надобно же съ ними когда-нибудь мириться. Но какъ же мириться съ ними нигилизму? Материализмъ фанатическій могъ бы по крайней-мѣрѣ обращать ихъ на служеніе себѣ въ своей идеѣ; нигилизму никакое служеніе ненужно. Ему главнымъ образомъ нужно, чтобы никакихъ подобныхъ явленій не было. Но, повторяемъ, это уже его послѣднее слово, слово его зрѣлости. Пока мѣстъ же онъ самъ еще юнъ, еще окружонъ какимъ-то таинственнымъ нимбомъ. Еще Базаровъ ищетъ адептовъ и секторовъ.

И нигилизмъ выступаетъ на первый разъ какъ доктрина.

Въ приложеніи къ искусству доктрина эта является какъ отрицаніе всѣхъ законовъ искусства въ явленіяхъ искусства, въ возможнѣйшемъ развуданіи личной свободы въ искусствѣ. А такъ какъ всѣ законы искусства приводятся въ сущности къ одному закону, къ

идеалу, те отрицаніе идеала и становится на время главным элементом нигилизма въ его приложеніи къ искусству.

Большая часть людей, насъ окружающихъ, на первый разъ какъ — будто служатъ подтвержденіемъ этой задачи нигилизма. Идеалъ, стоящій передъ болышею частію нашихъ дѣателей въ искусствѣ, такъ чуждъ, что почти и незамѣтенъ. Мы думаемъ, что не нужно подтверждать этой мысли указаіями на явленія. Пойдите на первую живописную выставку и останавливаясь передъ лучшими, передъ талантаваѣйшими произведеніями, вы ужаснетесь отсутствія идеала; читайте болышую часть современныхъ литературныхъ произведеній, вы поражены будете тѣмъ же самымъ ужасомъ. Разбирая разъ въ нашемъ журналѣ вещь г. Генслера, мы, помнится, называлъ ее огромнымъ холстомъ съ маленькими кадрами, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ въ высшей степени замѣчательнъ, но которыхъ этажи и ряды производятъ въ высшей степени утомляющее впечатлѣніе: виднпшь талантъ съ отсутствіемъ какой-либо цѣлостной концепціи, весь разбросавшійся на мелочи, весь растерявшійся въ подробностяхъ. Мы указываемъ на это явленіе какъ на одно изъ знаменій нашего времени и притомъ изъ знаменій новѣйшихъ. Еще могли бы мы указать на распространившуюся страсть къ пародіямъ, еслибы не боялись придать этой страсти слишкомъ большое значеніе и еслибы она не была чисто нашимъ мѣстнымъ явленіемъ.

Но развѣ о-бокъ съ этими различными нигилистическими стремленіями нѣтъ иныхъ?.. Согласитесь, что вѣдь всѣмъ чѣмъ хотите, пожалуй хоть безнравственностью съ тупоумной точки зрѣнія, упрекнете вы напримѣръ Виктора Гюго за его послѣднее произведеніе, но ужъ никакъ не отсутствіемъ идеала. Вѣдь всѣмъ тоже чѣмъ угодно можете вы попрекнуть Вагнера, но тоже не отсутствіемъ идеала. Иногда подъ мучительною борьбою стремленія къ идеалу падаютъ великія жертвы, какъ Ивановъ, какъ Гоголь, но вѣдь еслибы онѣ пала совершенно ничего не достигнувши, не показавши какой громадный идеалъ стоялъ передъ ними, то можно было бы дѣйствительно придти въ отчаяніе и за идеалъ, и за искусство. А вѣдь согласитесь, что они пали на полупути. Можетъ-быть такъ падеть напримѣръ и Вагнеръ въ своихъ музыкальныхъ реформахъ; да чтожъ изъ этого? Идеалъ, имъ отчасти уже показанный, найдетъ себѣ много, менѣе нетерпѣливаго и тревожнаго слушателя, какъ напримѣръ тревожившіа Гоголя положительныя задачи русской жизни отозвались въ спокойной дѣятельности Островскаго.

Идеалъ неисчерпаемъ и стало-быть искусство вѣчно. Въ это мы вѣрны и вѣруемъ. Но боясь, чтобы идеализмъ нашего взгляда не

былъ понятъ ложно, небылъ сочтенъ за односторонній, за теорію «искусства для искусства», кончаемъ нашу замѣтку нѣкоторою оговоркою насчетъ идеализма и идеальнаго взгляда.

Собственно-говоря, на жизнь (а стало-быть и на искусство) только и могутъ быть два взгляда. Взглядъ *утилитарный*, вѣра въ теорію, вѣра въ прогрессъ отвлеченнаго человѣчества, въ концѣ концовъ уничтожающій народности, искусство, философію и исторію, и взглядъ *идеальный*, вѣра въ жизнь и въ ея неисчерпаемую **бѣзконечность съ признаніемъ вѣчности всего.**

Идеальный взглядъ вовсе не такъ непримиримъ съ тѣмъ, что въ утилитаризмѣ есть *основа* и для жизни вообще *нужнаго*.

Въ сущности этотъ идеальный взглядъ, признающій одно только законное *жрило* — душу человека, отъ вѣка и до вѣка единую, узаконивающій потому всѣ ея требованія, отъ вѣка до вѣка единыя, всѣ, даже повидимому самыя противорѣчивыя, невѣрующій въ возможность истощенія ея силъ на произведеніе *великаго и прекраснаго* (подразумѣвается, что это невѣріе не отрицаетъ возможности какого-либо геологическаго переворота), равно узаконивающій какъ «требованія» (*postulatum*), какъ потенціи, все — отъ аскетизма до утилитаризма, — гораздо ближе къ взгляду материальному и физиологическому, чѣмъ взглядъ утилитарный, всегда совершающій идоложертвенную потребу послѣдне-родившейся теоріи, хотя бы это была даже теорія нигилизма.

Наша общественная нравственность. Мысли
объ устройствѣ убѣжища или общества для обращающихся
съ пути заблужденія женщинъ въ Россіи, бывшего воспитан-
ника императорскаго училища правовѣдѣнія, эстляндскаго дво-
рянина, барона Эммануила Александровича Штейнгеля. Собр.
1862 г.

Достоинство этого сочиненія состоитъ уже въ томъ, что баронъ Штейнгель, касаясь въ немъ самаго большого мѣста современнаго общества, подымая вопросъ объ общественной нравственности, не оплакиваетъ по обыкновенію крайняго растлѣнія, къ которому притомъ родъ человѣческій, не ставитъ по этому поводу восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ, а относится къ общественному недугу съ хладнокровіемъ и разсудительностью. Далѣе, не подражая ультра-моралистамъ, авторъ не подражаетъ и тѣмъ юношамъ русской литературы, которые, наткнувшись случайно на какой-нибудь вопросъ, дотою проникаются энтузіазмомъ, что даже не принимаютъ за рѣшеніе его, а только тычутъ своимъ вопросомъ въ нѣтъ и каждому, и которые, когда вопросъ дѣйствительно получаетъ интересъ и возбуждаетъ толки, не перестаютъ напоминать, что вотъ-могъ вопросъ этотъ, вопросъ весьма важный, подняли именно они, а не кто другой. Баронъ Эммануилъ Александровичъ Штейнгель не дѣлаетъ, говоримъ, этого, а ставя новый вопросъ, самъ принимаетъ и рѣшать его, пытается даже тутъ же и покончить съ нимъ.

• Народные пороки — замѣчаетъ баронъ Штейнгель въ началѣ — вопросъ до такой степени серьезный, что къ нему надобно относиться осторожно, съ пониманіемъ дѣла. Мы всё только кричимъ о народныхъ порокахъ, а не думаемъ поглубже всмотрѣться *въ причины явленія и существованія* этихъ пороковъ. • (стр. 7)

Повидимому послѣ этихъ словъ барону Штейнгелю весьма уста-

ти было бы «всмотрѣться въ причины» печальнаго состоянія нашей общественной нравственности. Баронъ Штейнгель не дѣлаетъ однакожь этого. Въ своемъ сочиненіи баронъ настоятельно доказываетъ необходимость учрежденія общества или убѣжища для обращающихся съ пути заблужденія женщинъ, пишетъ подробный проектъ для такого убѣжища, говоритъ о французскихъ hospices de ménage, maisons de retraite, conservatoires des demoiselles, о нѣмецкихъ Magdalenenstift, büssender Sünderinnen-Vereine, и къ сожалѣнію только этимъ ограничиваетъ сферу полнятаго имъ вопроса. Ему рѣжутъ глаза извѣстныя яркія безобразныя явленія нашей общественной жизни, онъ возмущается ими и усиливается стучать ихъ, поскорѣ заставляя ихъ кулисами, перазсуждая пона, не принять ли онъ отъ нихъ дѣло и хватить ли самыхъ кулисъ.

Какъ большая часть нашихъ общественныхъ физиологовъ, баронъ Штейнгель хватывается за *явленіе* жизни, за извѣстное слѣдствіе, а не за *причину*, которая его пронзела, лечитъ взду на окончностяхъ общественнаго организма, а не во внутренней основѣ, гдѣ она гнѣздится; въ вопросѣ объ общественной нравственности обращаетъ исключительное вниманіе на жертвы, уже возвращающіяся съ пути заблужденія, а не на жертвы, вступающія только на этотъ путь, не на источникъ зла, а на его проявленія.

Впрочемъ строго-говоря мы были неправы, употребивши сейчасъ слово *исключительно*. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія баронъ Штейнгель вглядывается и въ самую причину печальнаго состоянія нашей общественной нравственности.

«Безъ такихъ заведеній (asyles des demoiselles) — говоритъ онъ — нашъ общественный развратъ можетъ наконецъ дойти до размѣровъ ужасающихъ. *Вдѣ у сердца нѣтъ расчета*: оно принадлежность ума, а *любовь*, самое сильное изъ демократическихъ (?) чувствъ, есть какъ извѣстно такая *эпидемія*, которой чѣмъ больше боишься, тѣмъ болѣе подвергаешься опасности *разраться*... Чтоже удивительнаго, если число *влюбившихся* и потомъ *падшихъ* (?) *окончательно* (??) женщинъ у насъ увеличивается со дня на день?..» (стр. 7)

Это единственное мѣсто въ сочиненіи, гдѣ авторъ по своему крайнему разумѣнію пытается затронуть сущность дѣла, причину явленія: въ то же время это единственное мѣсто въ сочиненіи, съ которымъ никакъ нельзя согласиться. Авторъ въ печальномъ состояніи общественной нравственности сваливаетъ вину на *сердце*, у котораго нѣтъ расчета, на *любовь*, это сильнѣйшее изъ демократическихъ чувствъ, которое будтобы въ настоящемъ случаѣ дѣйствуетъ какъ эпидемія. Изъ его словъ: «чтоже удивительнаго, если число *влюбившихся*, и потомъ *падшихъ* *окончательно* женщинъ у

насть увеличивается со дня на день? » выходитъ, будто любовь есть уже паденіе, будто она тѣсно граничитъ съ развратомъ, который есть тоже самое паденіе, только окончательное... Мы не желаемъ дискутировать съ авторомъ касательно того, съ чѣмъ въ частности связанъ фактъ печальнаго состоянія нашей общественной нравственности: съ нерасчетливостью ли человѣческаго ума, или съ любовью, которая будтобы въ этомъ случаѣ есть тоже что эпидемія? Для насъ важно не то, отъ чего именно мы человѣка зависить печальное состояніе общественной нравственности; важно то, что оно — по автору — зависить и происходитъ отъ самого человѣка, отъ его человѣческой природы. Для насъ важно не то, падаетъ ли женщина потому, что влюбилась, потому, что съ ума сошла или потому, что не имѣетъ расчета; для насъ важенъ тотъ смыслъ рѣчи, что если женщина падаетъ, то сама виновата въ этомъ, что фактъ паденія исходитъ отъ нея же самой, отъ ее природы: такой именно смыслъ рѣчи важенъ для насъ, а важенъ потому, что съ нимъ именно мы и не желаемъ согласиться.

Кажется у насъ чesкоро еще рушатся цѣпи обычныхъ понятій, дѣйтельно удивляющія человѣка отъ всего, на чемъ онъ стоитъ и что его кружатъ, но которыми человѣкъ представляется пришельцемъ какого-то иного міра, существомъ оторваннымъ отъ почвы, на которой и изъ которой онъ выросъ, — понятія, по которымъ самое его человѣческое достоинство тѣмъ болѣе возвышается, чѣмъ мѣше онъ связанъ съ непремѣнными условіями, которыми необходимо связано все остальное живущее на землѣ. У насъ еще думаютъ, что космополитизмъ, какъ бы мы его ни понимали, можетъ быть когда-нибудь достоинствомъ, что возможно растенію, выросшему изъ земли, оторваться отъ земли, повиснуть на воздухѣ и не лишиться жизни, а съ нею и всѣхъ качествъ достойныхъ и недостойныхъ. Пора бы рушиться всѣмъ этимъ понятіямъ. Последнія изслѣдованія философовъ, новѣйшіе изумительные успѣхи естествознанія, особенно молодыхъ наукъ — статистики и политической экономіи, съ неимовѣрною силою гонять прочь подобныя понятія. После того какъ статистика рядомъ самыхъ строгихъ фактическихъ выводовъ доказала, что и въ мірѣ нравственныхъ явленій, въ которыхъ болѣе всего проявляется человѣческая свобода, дѣйствуютъ одни вѣчные, неизмѣнные законы, которыхъ не въ силахъ измѣнить самый эноргическій и своеобразный произволъ отдельныхъ личностей, что и тутъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, существуютъ свое тѣло и своего рода параллелограммы силъ; после того какъ она неосровержимо доказала, что въ обществѣ люди точь-въ-точь настолько свободны, напиримѣръ въ своихъ преступле-

нихъ, насколько они свободны въ своей смерти и въ своихъ физическихъ болѣзняхъ, и что закону необходимости строго подлежать даже такіа капризные явленія, какъ напримѣръ самоубійство или посылка по забывчивости письма безъ адреса; послѣ того какъ величайшій другъ людей Робертъ Оуенъ сказалъ, что никакой человѣкъ не бываетъ преступникомъ par le droit de naissance, что человѣкъ не самъ творитъ свой характеръ, что онъ всегда будетъ таковъ, въ какія поставленъ обстоятельства, и сказавши, блистательно, въ глазахъ цѣлаго человѣчества, доказавъ это на дѣлѣ въ своемъ New-Lanark'ѣ; — послѣ всего этого не остается уже никакой возможности печальное состояніе нашей общественной нравственности условливать напримѣръ недостатками человѣческаго сердца, эпилептическимъ характеромъ любви. Такое объясненіе дѣла оказывается впрочемъ несостоятельнымъ и безъ справокъ съ новѣйшими научными изслѣдованіями, просто по здоровому соображенію. Можетъ ли любовь между мужчиною и женщиною быть причиною пониженія уровня общественной нравственности? Развѣ можетъ что-нибудь, что дѣйствительно освящается любовью, быть безнравственнымъ? Развѣ возможно въ печальныхъ явленіяхъ общественной нравственности присутствіе любви? Знаемъ, что возможно, но такіа явленія всегда уже лишены характера безнравственности. Напротивъ, не любовь ли, и не одна ли любовь между мужчиною и женщиною должна создавать, да и создаетъ семью, эту коренную основу общественной человѣческой нравственности?.. Такимъ образомъ нужно искать совсѣмъ другихъ причинъ для тѣхъ печальныхъ явленій, которыми занимается баронъ Штейнгель.

Нашъ общественный развратъ испугалъ барона Штейнгеля многочисленностію своихъ жертвъ, своимъ разпузданнымъ, обнаженнымъ проявленіемъ, — но какое безотрадное, жгучее до боли изумленіе вырваться изъ груди, когда начинаешь додумываться до его источника! Противъ всякаго ожиданія тутъ сразу обозначается много корней, которыми это вредное дерево крѣпко стоитъ въ почвѣ. Зажитно, какъ широко и глубоко эти темныя корни гвѣздятся во многихъ отдѣльныхъ сторонахъ нашего темнаго общественнаго быта, — въ голи и нищетѣ большинства людей, въ его невѣжествѣ, вообще въ нашихъ темныхъ и узкихъ домашнихъ понятіяхъ о женщинѣ и въ ненормальномъ ея общественномъ положеніи, въ ненормальной организациі нашихъ браковъ, въ ужасномъ устройствѣ привилегированныхъ мѣстъ для извѣстныхъ печальныхъ цѣлей, въ вѣкоторыхъ наконецъ частныхъ, случайныхъ обстоятельствахъ. Почва весьма благоприятствуетъ росту вреднаго дерева; оно крѣпко въ корняхъ, гордо шумитъ и расправляетъ вѣтви. Нѣтъ, не уничто-

жить его, обрѣзывая ему вѣтви, — нужно подкапывать и подрывать самые корни его. Само собою разумѣется, что въ такомъ вопросѣ, какъ состояніе общественной нравственности не могутъ играть особенно сильной роли чисто *національные* элементы. Половое стремленіе между мужчиной и женщиной не есть особенность известной націи, а общечеловѣческое свойство. Поэтому какъ нормальность, такъ и ненормальность половыхъ отношеній между людьми можетъ отгѣняться національными чертами развѣ въ *выраженіи* ихъ, а не въ ихъ внутреннихъ *причинахъ*. Коренныя причины общественной нравственности и безнравственности у всѣхъ одинаковы, какъ въ сущности всегда одинаковы коренные законы общества вообще (1). Тѣмъ болѣе нельзя искать чисто національныхъ причинъ общественной безнравственности у такого малообразованнаго народа, какъ мы, русскіе. И народы, какъ отдѣльные люди, пока малообразованны, всегда похожи другъ на друга и подчинены однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ историческимъ законамъ; уже впоследствии, на высшихъ ступеняхъ ихъ развитія въ ихъ жизни болѣе или менѣе начинаетъ проявляться разнообразіе законовъ.

Переходимъ къ самымъ причинамъ нашей общественной безнравственности.

Голь, нищета и пороки въ жизни человѣческой дотого сродни между собой, что съ недавняго времени ихъ считаютъ тождественными. Человѣку, какъ существу осѣдлому и надѣленному, кромѣ животныхъ потребностей, еще другими, высшими, дотого несвойственно не имѣть ничего, что абсолютно-бѣднаго человѣка невозможно даже представить: самъ циникъ Діогенъ, бѣвшій нѣкогда одинъ только хлѣбъ на томъ основаніи, что хлѣбъ по его мнѣнію заключаетъ въ себѣ элементы всякой другой пищи, говядины, вина и прочее, имѣлъ кромѣ одежды нѣкоторую другую недвижимую собственность, — ну хоть бочку, въ которой онъ сидѣлъ и спалъ, и стаканъ, которымъ пилъ воду и противъ воли высказалъ одижды естественное стремленіе человѣка имѣть собственность — въ то самое время когда хотѣлъ показать противное, сказавши Александру-македонскому въ отвѣтъ на его предложеніе просить чего-нибудь: «отодвинься немного, ты мнѣ заслонилъ солнце», — какъ-будто солнце принадлежало ему, Діогену, и какъ-будто Александръ-македонскій не имѣлъ такого же права пользоваться солнцемъ! — Бѣдность страшно унижаетъ и искажаетъ человѣческую природу, низводя ее до неразумной животности, заставляя человѣка, подобно звѣрю, случайно и насиліемъ добывать себѣ добычу, и какъ

(1) Бокль совсѣмъ отвергаетъ врожденность національныхъ характеровъ.

въ человѣкѣ на всѣхъ степеняхъ его состоянія никогда не умираетъ сознание лучшаго человѣческаго идеала, то онъ понеобходимости не разбираетъ средствъ къ достиженію этого лучшаго идеала и стремится къ нему самыми жалкими аномальными путями.

«Голь на выдумки хитра». понятно, что это выдумки ничто иное какъ пороки. Еслибы было возможно прослѣдить жизнь всѣхъ нашихъ публичныхъ женщинъ, то оказалось бы, что три четверти изъ нихъ пошли по своему жалкому пути вслѣдствіе недостатка честныхъ средствъ жизни, вслѣдствіе нищеты, и только развѣ одна четверть вслѣдствіе другихъ причинъ. Что это за женщины? Это преимущественно дочери солдатъ, бѣдныхъ, многосемейныхъ либо отставныхъ чиновниковъ, сироты, оставшіяся послѣ родныхъ безъ куска хлѣба, дочери промотавшихся богачей, невѣсты, немѣющія нитки приданого, чтобы выйти замужъ, — вообще женщины, которымъ нечего ѣсть, которыхъ изсушила нужда, исколола иглою, доставляющая за кропотливую работу жалкое копѣечное содержаніе. Что нищета и, главное, слѣдствіе нищеты — малосознательность, малоразвитіе, невѣжество — суть главнѣйшія причины нашего общественнаго разврата, объ этомъ ясно говорятъ его промышленный характеръ. Въ жизни человѣка дѣло первой важности — матерьяльная точка опоры, и особенно въ жизни женщины, надѣленной не столь крѣпкой и устойчивой организаціей, какъ мужчина. Безъ матерьяльной опоры жизнь женщины свдвигается съ нормальныхъ человѣческихъ основъ и идетъ безобразнымъ путемъ разврата. Викторъ Гюго въ своемъ послѣднемъ знаменитомъ романѣ сомнѣвается, что даже дѣва орлеанская едва ли бы осталась дѣвою орлеанскою, еслибы была голодна.

Всякому извѣстно, что бѣдность есть самая главная причина, препятствующая заключенію брачныхъ союзовъ. Англійскими учеными найдено, что въ ихъ отечествѣ число браковъ бываетъ болѣе или менѣе, смотря потому, выше или ниже цѣны на хлѣбъ, больше или меньше заработка простого класса и доходы классовъ высшихъ. А чрезъ уменьшеніе числа браковъ увеличивается масса холостыхъ людей, естественно и необходимо поддерживающихъ общественный развратъ. Нерѣдко даже мать продаетъ въ развратъ свою дочь изъ-за гнетущей бѣдности. Вообще можно признать справедливою мысль, что развратъ обратно пропорціоналенъ матерьяльному благосостоянію. Какъ отдѣльный человѣкъ тѣмъ болѣе развратенъ, чѣмъ ничтожнѣе его матерьяльное обезпеченіе, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ сословіи государства и въ каждомъ государствѣ среди другихъ государствъ уровень безнравственности тѣмъ

ниже, чѣмъ выше его матерьяльное благосостояніе. Разумѣется и имѣемъ теперь въ виду одинъ только видъ, одну только форму разврата. Сами же думаемъ, что иной патріархальный и даже наигрѣбѣйшій по формѣ развратъ — выше, нравственнѣе иного шито-критаго, элегантнаго, буржуазно-самодовольнаго разврата.

Понятно, что безнравственность возможна и весьма часто случается и при удовлетворительномъ матерьяльномъ состояніи, понятно, что богатое сословіе, богатый человекъ можетъ пережидать иногда развратомъ самую голодную бѣдность. Относительная высота или низость уровня общественной нравственности, равная какъ и единичной нравственности извѣстнаго человека, условливается суммою всѣхъ причинъ, такъ или иначе, болѣе или менѣе вліяющихъ на нравственную сторону жизни, а не одною какою-нибудь причиною, хотя бы и сильнѣйшею другихъ. Напримѣръ и вѣстно, что въ каждомъ государствѣ въ столицахъ и городахъ бѣдѣ богатыхъ и промышленныхъ, состояніе общественной нравственности гораздо печальнѣе, чѣмъ въ городахъ бѣдныхъ и мелкихъ: опять фактъ, который ощутительнымъ образомъ побуждаетъ изслѣдователя общественной нравственности не останавливаться на одной какой-нибудь причинѣ, вліяющей на все, а искать многихъ другихъ. Мы объяснимъ эти факты въ своемъ мѣстѣ, теперь сдѣлаемъ необходимое *разграниченіе* въ самомъ понятіи общественной безнравственности.

У насъ понятіе объ общественной безнравственности имѣетъ слишкомъ тѣсный объемъ: сюда только входятъ половыя отшвенія мужчинъ и женщинъ, а напримѣръ разбой, взяточничество и т. д. — какъ-будто совсѣмъ не входятъ въ понятіе. Такъ понимать общественную безнравственность — дѣло общепринятое и мы будемъ такъ понимать ее. Но мало того, что у насъ понятіе общественной безнравственности ограничивается узкою сферою только половыхъ отношеній между мужчинами и женщинами, и изъ этой узкой сферы къ общественной безнравственности отсылаютъ только развратъ, который замѣтно выдается, толкается на улицамъ, развратъ *публичный*, а глухой домашній развратъ, слѣпшой *патріархальный* развратъ какъ-будто и не есть общественная безнравственность, какъ-будто не въ такой мѣрѣ развратъ какъ публичный. Невходя пока въ сравнительное достоинство того и другого разврата, замѣтимъ, что мы въ понятіи общественной безнравственности равно разумѣемъ и тотъ и другой.

Теперь вопросъ въ томъ, одинаково ли вліяетъ бѣдность на тотъ и другой развратъ? Нѣтъ. Собственно какъ причина, каиницета приводитъ только къ публичному разврату, а по от

иъ разврату патріархальному она не причина, не сила, а болѣе стороннее условіе. Обыкновенно нищета служитъ силою, прямо ведущую къ разврату, когда она живетъ рядомъ съ довольствомъ и роскошью, что всегда случается въ большихъ городахъ и столицахъ. Въ такомъ положеніи людей, подавленныхъ бѣдностью, на каждомъ шагѣ ихъ глазамъ представляется лучшій идеалъ жизни; отъ этого упражняется и изощряется въ нихъ сознаніе потребности этого лучшаго идеала и развратъ неминуемо охватываетъ ихъ, потому что онъ представляется тутъ болѣе прямымъ и соблазнительно-легкимъ путемъ къ цѣли. Происходя прямо отъ нищеты, какъ отъ силы, развратъ и имѣетъ здѣсь промышленный характеръ, съ которымъ необходимо связана и его публичность. Но когда бѣдность *изолирована*, живетъ вдали отъ богатыхъ центровъ, какъ это бываетъ внутри нашихъ губерній, въ деревняхъ, гдѣ царствуетъ развратъ патріархальный (который можетъ-быть и нельзя считать развратомъ, потому что онъ вошелъ въ нравы народные и народъ за него не краснѣетъ), бѣдность въ дѣлѣ разврата — стороннее условіе, побочное обстоятельство. Бѣдность овладѣваетъ тутъ людьми такъ-сказать абсолютно, всецѣло; сознаніе лучшей, счастливѣйшей жизни хотя и не умираетъ, но не проглядываетъ наружу; стремленія къ осуществленію ея нѣтъ, потому что оно не вызывается тутъ никакими внѣшними побужденіями. Человѣкъ тутъ поставленъ въ необходимость скорѣе уживаться съ своею бѣдною, печальною долею, чѣмъ искать доли лучшей, потому что тутъ для него равно тяжелы оба пути — и правильный, и неправильный. Онъ понеобходимости заваленъ всегда работой, потому что для него бесполезенъ самый развратъ. Бѣдность тутъ не причина, не сила, а среда. Кругомъ таже голь, — развратъ не можетъ принести выгоды, — потому онъ и не имѣетъ тутъ промышленнаго характера. Въ такихъ центрахъ развратъ существуетъ обыкновенно самъ для себя и обуславливается уже не столько бѣдностью, сколько другими причинами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у нашихъ деревенскихъ людей половой развратъ существуетъ (доказательства этому мы представимъ чрезъ двѣ-три страницы), между тѣмъ онъ вытекаетъ не прямо изъ бѣдности. Сильнымъ подтвержденіемъ нашей мысли служитъ слѣдующее обстоятельство: нашъ простой народъ не тяготится своею бѣдностью, не сбивается ею на путь разврата, а честно борется съ нею, преодолеваетъ ее потовымъ трудомъ. По отношенію къ половому разврату бѣдность въ его жизни сказывается скорѣе свѣтлыми, нежели мрачными результатами. Такъ именно вслѣдствіе своей почти абсолютной бѣдности нашъ мужичекъ всегда стремится къ

семейственности: ему нужны жена, дѣти, нужно какъ можно больше рукъ для труда, для борьбы съ нуждою. Далѣе, не можемъ не указать на такъ-называемыхъ *фабричныхъ*, т. е. тѣхъ деревенскихъ людей, которые ходятъ въ большіе города и столицы на заработки. Пока они сидятъ дома въ изолированныхъ деревняхъ, пока бѣдность для нихъ — неизбежная среда жизни, пока для нихъ, какъ и для другихъ деревенскихъ людей, бѣдная жизнь есть какбы нормальная жизнь, — она и не подталкиваетъ ихъ къ разврату; пока дома — они такъ же патриархально развратны, какъ и другіе, а не бѣдность, какъ мы видѣли, тутъ прямая причина разврата. Но чуть они побываютъ въ столицахъ и большихъ городахъ, присмотрятся къ другой жизни, станутъ нѣсколькими рублями богаче своихъ земляковъ, какъ въ дѣлѣ разврата заходятъ впередъ. Бѣдность перестаетъ быть для нихъ естественнымъ, нормальнымъ условіемъ жизни: она становится не *средою* только, а прямою силою, ведущею ихъ къ разврату. Нѣтъ развратнѣе ихъ, когда они воротятся домой. Впрочемъ они выдаются тутъ изъ общей колене не глубиною своего разврата, а его особеннымъ столичнымъ характеромъ, — тѣмъ, что являются реформаторами разврата патриархальнаго.

Другой корень, при помощи котораго нашъ общественный развратъ разрастается такъ широко, есть безспорно невѣжество. Говорить о невѣжествѣ послѣ того какъ мы говорили о нищетѣ, повлияющему дѣлу лишнее, потому что невѣжество само условливается нищетою и слѣдовательно въ существѣ дѣла мы будемъ продолжать говорить все о прежней, первой причинѣ. Но въ дѣлѣ общественной нравственности невѣжество производитъ особенныя характеристическія явленія, которыя условливаются собственно этою причиною и связаны весьма слабо съ бѣдностью; притомъ съ одной стороны несовсѣмъ справедливо, будто невѣжество зависитъ только отъ нищеты, а съ другой — въ человѣческомъ обществѣ невѣжество весьма часто бываетъ соединено съ огромнымъ богатствомъ, слѣдовательно не имѣетъ уже никакой связи съ нищетою. Невѣжество есть составной элементъ всякаго порока. Въ дѣлѣ общественной нравственности оно отзывается самыми широкими печальными результатами. Чтó нужно для человѣка, чтобы ему не пуститься въ развратъ? Больше всего сознаніе своего человѣческаго достоинства, разумное уясненіе своего отношенія къ другимъ людямъ, правильный человѣческій взглядъ на человѣческую жизнь, а этому-то и препятствуетъ невѣжество. Между тѣмъ мы, и особенно наши женщины, вообще мало образованы; онѣ весьма смутно сознають свое положеніе въ обществѣ; пустота внутренняя, легковѣріе, страсть къ суетливымъ удовольствіямъ, эти неизбежныя

свойства малообразованности, весьма легко дѣлаютъ ихъ жертвами разврата. Смѣшно и жалко напоминать, что нѣтъ ничего легче, какъ увлечь нашихъ женщинъ нафабреными усами, шпорами, пошлою болтовнею, особенно нахальствомъ. Между печальными героинями нашего *demi-monde* женщина даже мало-мальски образованная — явленіе почти исключительное. Невѣжество препятствуетъ весьма многимъ изъ нашихъ дѣвицъ выходить замужъ: выходятъ богатая, выходятъ хорошенькія, но такихъ сравнительно мало; остальнымъ слѣдовало бы быть развитыми, чтобы выходить замужъ, но развитости-то у нихъ именно и не хватаетъ. Другую-третью выручить еще пожалуй музыка, пѣніе, манеры, либо французская болтовня, — но такихъ опять самый ничтожный процентъ; а всѣмъ остальнымъ приходится выручать себя кокетствомъ. Бываетъ тутъ успѣхъ или не бываетъ для общественной нравственности — все равно, потому что кокетство, замужемъ оно или холостое, само по себѣ есть солидная подготовка къ разврату.

Общественный развратъ уменьшается или покрайней-мѣрѣ облагораживается смотря по степени развитія общества. Только при невѣжествѣ общества онъ гнѣздится по всѣмъ угламъ его и мало сознаетъ себя. Понятно почему у насъ онъ проявляется въ такихъ широкихъ и грубыхъ чертахъ. Средній классъ, который всегда въ государствѣ бываетъ развитѣе другихъ, сравнительно съ другими классами у насъ слишкомъ малочисленъ. Многіе иностранные писатели (Швицлеръ, Штирлингъ) сомнѣваются даже въ существованіи у насъ средняго сословія; но и среднее сословіе у насъ еще мало образовано, и потому, вмѣсто того чтобы задерживать развратъ, и оно способствуетъ къ поддержанію его. Это доказываютъ прежде всего наши купцы, торговцы и промышленники. Всѣмъ извѣстно, въ чемъ преимущественно эти русскіе люди обнаруживаютъ пресловутую размашистость и широту своей натуры. Въ ихъ кружкахъ, въ ихъ развратѣ всегда замѣтна эта широта. Свои отношенія къ женщинамъ они обращаютъ въ статью удали, молодечества; на подобный развратъ они смотрятъ какъ на веселое и милое препровожденіе времени. Любопытно наблюдать ихъ размашистость, когда они въ подобныхъ случаяхъ сталкиваются съ людьми другихъ сословій. Въ ихъ стремленіи вочто бы то ни стало перещеголять другихъ сказывается вся ихъ неразвитость, которой всегда свойственна подобная дѣтская замашка. Пора бы имъ свою размашистость обратить на другіе предметы, болѣе серьезные, чѣмъ мытье рукъ шампанскимъ, закуряваніе папирсъ депозитками и дареніе публичныхъ женщинъ подарками въ тысячи рублей. Военные же попреимуществу народъ

холостой, притомъ народъ шенѣ всего осѣдлый. Это послѣднее обстоятельство особенно неблагопріятно для общественной нравственности, потому что оно и семейныхъ военныхъ людей какбы превращаетъ въ холостыхъ». Гдѣ военные, тамъ и публичныя женщины. Извѣстно, что за войскомъ Морица-саксонскаго вмѣстѣ съ обозомъ ѣздили и толпы публичныхъ женщинъ или, по тогдашнему названію, «maison de tolérance». Гдѣ актрисы, тамъ и военные, а бываетъ и такъ, что гдѣ военные, тамъ и актрисы, такъ что замѣчается нѣкоторое родство даже между такими разнородными предметами, какъ лагерь и театръ. По этому поводу мы опять припоминаемъ лагерь Морица-саксонскаго, гдѣ однажды актриса Фоваръ обратилась къ публикѣ со слѣдующимъ объявленіемъ: «Завтра по случаю битвы представленія не будетъ... Послѣзавтра же...» и проч. Всѣмъ извѣстно, что господа военные вездѣ оставляютъ по себѣ самыя надежныя воспомнанія, самыя вѣрныя залогомъ памяти о себѣ, о которыхъ иная наивность или невнимательность помнить и вздыхаетъ потомъ всю жизнь...

Послѣ всего сейчасъ нами сказаннаго читатель вправѣ посмотрѣть на насъ съ недоумѣніемъ и замѣтить слѣдующее: ваше первое положеніе было, что развратъ тѣмъ болѣе распространяется между людьми, чѣмъ болѣе гнететъ ихъ бѣдность и преимущественно бѣдность, живущая рядомъ съ довольствомъ и роскошью; вы сами прежде упоминали о противорѣчившихъ вашему положенію фактахъ и теперь разрѣшили противорѣчіе, показавши, что если напримѣръ у насъ въ сословіяхъ болѣе богатыхъ уровень общественной нравственности весьма низокъ, то это зависитъ совсѣмъ не отъ богатства, а отъ низкой степени образованности этихъ сословій. Положимъ такъ. Но отчего же въ столицахъ и большихъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ уровень нравственности гораздо ниже, чѣмъ въ деревенскихъ центрахъ?.. Народъ въ столицахъ и большихъ городахъ, неисключая даже низкій классъ, не только богаче народа въ деревняхъ, но во всякомъ случаѣ и образованнѣе... Спѣшимъ разъяснить дѣло.

Что низшій классъ въ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ все-таки безнравственъ, несмотря на высшую степень своего богатства и развитія противъ людей деревенскихъ, объ этомъ спору нѣтъ и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ составѣ городского населенія онъ все-таки болѣе другихъ бѣдный и невѣжественный классъ; понятно почему онъ безнравственъ. Но чтобы онъ былъ болѣе безнравственъ по отношенію къ деревенскимъ классамъ, которыхъ онъ дѣйствительно богаче и развитѣе, это въ самомъ дѣлѣ противорѣчило бы нашимъ положеніямъ; а этого мы никогда не

скажемъ и не говорили. Если поглубже вникнуть въ дѣло, сравнивая нравственное состояніе низшихъ классовъ въ центрахъ богатыхъ и промышленныхъ съ нравственнымъ состояніемъ низшаго класса въ центрахъ деревенскихъ, то уровень перваго окажется нисколько не ниже уровня послѣдняго. Низшій классъ въ городахъ нето-чтобы былъ безнравственнѣе низшаго класса въ деревняхъ, а его развратъ получаетъ особенный характеръ, выдѣляется изъ нормальной жизни именно какъ развратъ, дѣлается замѣтнѣе и потому только кажется болѣшимъ развратомъ, а не есть на самомъ дѣлѣ. Подобное обстоятельство въ дѣлѣ общественной нравственности есть шагъ впередъ. Когда жертвы разврата становятся все замѣтнѣе и замѣтнѣе, когда онѣ отдѣляются отъ общаго круга людей, когда на нихъ, какъ говорится, начинаютъ указывать пальцами, то это значитъ, что хаотическое броженіе элементовъ жизни общественной, которымъ всегда начинается невѣжественное младенчество народа, приходитъ въ порядокъ, что въ немъ начинаютъ обозначаться отдѣльные жизненные элементы, что рождается общественное сознаніе, которое мало-помалу начиаетъ отдѣлять нормальные человѣческіе элементы отъ ненормальныхъ, нравственные отъ безнравственныхъ. Жизнь человѣческаго общества въ подобныя моменты представляетъ видъ неба, которое недавно было покрыто темными сгустившимися тучами, но на которомъ теперь рядомъ съ движущимися тучами являются свѣтлыя полосы; тучи проходятъ, свѣтлыя полосы увеличиваются, почти весь горизонтъ ясенъ; отъ тучъ останутся скоро только маленькіе клочки, которые исчезнутъ сами собою.

Совершенно другой видъ представляетъ жизнь низшаго класса въ деревенскихъ центрахъ. Отъ невѣжества почти абсолютнаго (а нето-что отъ бѣдности) его жизнь — еще непочатая почва въ дѣлѣ цивилизаціи; она еще имѣетъ видъ примитивнаго хаоса; человѣческіе элементы перемѣшаны въ ней съ животными; нравственная сторона жизни — совершенная тьма; въ ней невсегда даже отличается добро отъ зла; въ ней развратъ имѣетъ характеръ обыденнаго, нормальнаго, необходимаго явленія, въ ней развратъ патріархальный, который и не считается развратомъ; вся вообще жизнь имѣетъ видъ неба, покрытаго сплошными темными пятнами. Нашъ крестьянинъ возмущается скоромною пищею въ постный день, считаетъ ее скверною, а между тѣмъ спокойно совершаетъ самыя скверныя развратныя дѣла. Что это значитъ? Это значитъ, что въ немъ еще не пробудилось сознаніе себя въ окружающемъ мірѣ природы и людей, что изрѣдка развѣ блеснетъ въ немъ отдѣльный лучъ сознанія, который освѣтитъ слегка какой-нибудь уго-

локъ его натуры, по который тутъ же парализируется общимъ преобладающимъ мракомъ. Половой развратъ между нашимъ низшимъ классомъ иногда бываетъ самый чудовищный. Въ одной раскольниковской сектѣ существуетъ и конечно воплощается въ жизни понятіе о томъ, что противъ седьмой заповѣди первый и главный грѣхъ — это поцѣлуй, потомучто онъ касается устъ на лицѣ, которое есть образъ и подобіе божіе; другіе грѣхи противъ седьмой заповѣди неважны, потомучто касаются не этой высшей и священной части тѣла. Только въ низшемъ классѣ до сихъ поръ остаются привораживанія любовными травами. Нигдѣ нѣтъ такого числа дѣтоубійцъ, какъ между простымъ народомъ; только недавно еще перестали казнить его за чудовищный противоестественный половой развратъ. Нашъ простой народъ самъ носитъ постоянное свидѣтельство своего полового разврата въ извѣстной брани, которая всегда на его языкѣ.

Въ нашей общественной безнравственности вообще преобладаетъ развратъ патріархальный. *Публичный* промышленный развратъ у насъ не такъ широкъ, какъ у другихъ европейскихъ народовъ. Но на этомъ основаніи никакъ нельзя еще утверждать, что мы по состоянію половой нравственности выше другихъ народовъ. Если у насъ между публичными женщинами русскихъ сравнительно очень мало, если у насъ не широкъ собственно-русскій публичный развратъ, то зато у насъ весьма широкъ развратъ вообще, развратъ патріархальный, который собственно и понижаетъ такъ много уровень нашей общественной нравственности. Въ общественной нравственности всякаго народа самое мрачное явленіе — это именно и есть развратъ патріархальный, а не публичный. Между Парижемъ и Содомомъ и Гоморрою сравненіе можетъ быть только ради красиваго оборота рѣчи. Между тѣмъ *публичный* промышленный развратъ, хотя бы онъ былъ самый безобразный и огромныхъ размѣровъ, всегда показываетъ, что въ обществѣ, гдѣ онъ существуетъ, элементы жизни общественной уже оканчиваютъ свое броженіе, что общество такъ-сказать отстаетъ, и потому все его дурное, нечистое становится вполнѣ *замѣтнымъ*, отдѣльнымъ. Чѣмъ хитрѣе, художественнѣе становится публичный развратъ, тѣмъ скорѣе значитъ эта дикая сторона жизни общества стремится къ своему исчезновенію, и потому тѣмъ яснѣе изъ-за нея проглядываетъ здоровая, нормальная жизнь общества. Публичный развратъ всегда есть отрицательный признакъ развитія цивилизаціи народа, тогда какъ патріархальный всегда служитъ положительнымъ признакомъ его невѣжества.

Нищета и невѣжество суть два самые главные корня, при помо-

мнѣ, которыхъ общественный развратъ вырастаетъ изъ нашей общественной почвы. Причины эти въ производствѣ своихъ печальныхъ слѣдствій большею частью переплетаются между собою, дѣйствуютъ вмѣстѣ, хотя иной разъ и каждая отдѣльно производитъ свои особенныя, характеристическія явленія. Отъ этихъ главныхъ причинъ, особенно отъ невѣжества, происходятъ многія частныя причины, способствующія пониженію уровня общественной нравственности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общественному разврату способствуютъ напримѣръ многія наши неправильныя *понятія* о женщинѣ, понятія, касающіяся ея положенія въ семьѣ и потому такъ-сказать *домашнія*. У насъ привыкли обыкновенно въ понятіи о женщинѣ ставить на первый планъ, считать важнѣйшимъ не общечеловѣческія ея свойства, а свойства ея пола, цѣнить въ ней не человѣческое достоинство, которое одно и у мужчинъ и у женщинъ, а половыя ея отличія и достоинства. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ у насъ даютъ понять дѣвчкѣ, что она именно дѣвочка, а не мальчикъ: «*Фи, та сѣге! услышите вы отъ любой мамы:—это только мальчики такъ дѣлаютъ, а не дѣвочки!*» Все дѣтство, всю юность обращаютъ у насъ преимущественно вниманіе на ея дѣвичью сторону (чтобы она была мила и хороша); ее даже учатъ преимущественно дѣвичьимъ наукамъ (какъ-будто и науки имѣютъ полъ)! (1); все сводятъ къ этому дѣвичьему пункту; внушаютъ даже, чтобы и она сама смотрѣла на себя преимущественно съ этой стороны, что въ этомъ счастье всей ея жизни, точка ея опоры, — словомъ все человѣческое достоинство. Вотъ и является наша женщина, выросшая на такихъ понятіяхъ, обратившая ихъ въ свою плоть и кровь... Очевидно, что самое высшее счастье для нея — это выйти замужъ; она для этого жила, для этого училась въ противномъ институтѣ; она какъ-будто и родилась только для того, чтобы выйти замужъ. Ее берегли, кормили, нѣжили для мужа. Она выходитъ замужъ; ей даютъ другое названіе: вмѣсто дѣвицы называютъ дамою и этимъ прямо выражаютъ, что совершается послѣдній фазисъ ея счастья, что ея жизнь уже заканчиваетъ свой оборотъ. Но если она не вышла замужъ, для нея потеряно ея нормальное счастье. Мужчина, когда ему не удастся жениться, не терять ничего: онъ такъ же служить, одинаково можетъ быть обезпеченъ, счастливъ;

(1) Перевыначиваніемъ науки на дѣвичій ладъ извѣстны у насъ напримѣръ Ливиченко («Курсъ исторіи поэзіи для воспитанницъ женскихъ институтовъ»), Горчаковъ («Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній»); нѣкто изобрѣлъ и издавалъ даже особую «Лирическую поэзію для дѣвицъ».

но это можно дѣлать мальчишкамъ, а не дѣвочкамъ. Какіе для нея шансы въ замужества быть обезпеченною и счастливою? Умственное развитіе? Но ее воспитывали не для развитія, а для того, чтобы она была мила и хороша: развитіе для нея было не личною цѣлью, а только средствомъ къ замужству. Механическій трудъ?.. Но это несчастіе, а не счастье.

Замѣтимъ тутъ кстати, что неменѣе способствуютъ печальному состоянію нашей общественной нравственности и наши общественныя понятія о женщинѣ, ея общественное положеніе. И цѣлое общество, какъ-будто сговорившись съ нашими папеньками, сложилось такъ, что и оно смотритъ на женщину только какъ на женщину, а не какъ на человѣка, не какъ на самостоятельную личность (какъ-будто личность можетъ-быть несамостоятельною!), а какъ на личность, существующую ради другой личности—мужчины. Общественныя дѣла и должности не раздѣляются уже по полу, какъ науки, и потому у насъ женщина не имѣетъ никакой общественной дѣятельности, никакого общественного значенія; она даже не можетъ наследовать имѣнія наравнѣ съ мужчиною. Въ Англіи и Америкѣ женщины бывають наравнѣ съ мужчинами медиками, адвокатами, профессорами, заводятъ ученыя и даже гражданскія ассоціаціи, образуютъ цѣлыя общества для улучшенія своего положенія (таково напримѣръ въ Англіи общество для переписыванія судебныхъ бумагъ женщинами, основанное женщиною). Скоро ли у насъ будетъ это, незнаемъ; судя потому, что наши женщины еще не сплетничаютъ объ этомъ, должно полагать, что очень, очень скоро. Теперь же пока общество препятствуетъ у насъ даже серьезному умственному развитію женщинъ. Къ исканію высшихъ ученыхъ степеней не пускають; говорятъ: вы не мальчики!.. Уголовныя наказанія — тюрьмы, ссылки, казни — одинаково существуютъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Общественное правосудіе не измѣняется для женщины ради того, что она женщина, а между тѣмъ общественнаго положенія и значенія для нея совсѣмъ нѣтъ, а общественное воспитаніе хотя и существуетъ, не достигаетъ цѣли. Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Эрнеста Легуве въ его «Нравственной исторіи женщинъ», то общество не имѣетъ права наказывать женщинъ, которое ничему ихъ не научаетъ...

Далѣе, нельзя не видѣть небольшой подпорки для нашей общественной безнравственности въ пастоящей *организации* нашихъ браковъ. Существуетъ много условій, не только являющихся вслѣдствіе неправильныхъ понятій общества, но и утверждаемыхъ законами, которыя прямо не благопріятствуютъ заключенію брачныхъ союзовъ и потому способствуютъ пониженію уровня общественной

нравственности. Таковы напримѣръ *сословныя разграниченія* и предрассудки. Только съ недавняго времени сословныя перегородки у насъ начинаютъ считаться лишними и бесполезными, хотя на дѣлѣ, въ жизни, почти такъ же тщательно охраняются, какъ и прежде. Люди одного сословія у насъ, какъ большею частью и вездѣ, если не прямо враждебно относятся къ людямъ сословія другого, то неохотно сходятся въ такомъ явленіи жизни, которое сильнѣе другихъ сплавливаетъ людей, — въ *бракъ*. Единственная раціональная, и потому существенная, основа брачнаго союза — это взаимная любовь двухъ лицъ, которая и создаетъ ихъ союзъ; а такъ какъ любовь есть чувство, свойство человѣческой природы, то и зароженіе ея между двумя лицами можетъ условливаться только данными ихъ человѣческой природы, а не воображаемымъ сословнымъ благородствомъ, титулами или такою совершенно внѣшнею случайностью, какъ богатство или бѣдность. Это и бываетъ такъ на самомъ дѣлѣ у насъ какъ и вездѣ и будетъ какъ-разъ до того времени, пока люди не перестанутъ быть людьми; а препятствіе и оскорбленіе любви, ищущей правильнаго, естественнаго исхода, разрывъ семейныхъ союзовъ, которые уже почти образовались, принято называть безнравственностью. Другія изъ условій, неблагоприятствующихъ заключенію брачныхъ союзовъ, утверждены закономъ. Таковы напримѣръ прямое запрещеніе браковъ христіанъ съ язычниками, магометанами и т. д. Очевидно, вслѣдствіе этихъ законовъ не осуществляется много брачныхъ союзовъ, которые безъ нихъ осуществились бы. Но что препятствуетъ осуществленію многихъ браковъ, то мало охраняетъ нравственность. Было бы гораздо благоприятнѣе для общественной нравственности, еслибы были у насъ запрещены браки дряхлыхъ, отжившихъ стариковъ съ молодыми дѣвушками, потому что такіе браки, прямое оскорбленіе жизни, — вопіющій протестъ противъ человѣской природы и прямая безнравственность, потому что основою ихъ не можетъ служить любовь, а служить снотолочіе. Есть еще въ организаціи нашихъ браковъ одна особенность, утверждаемая закономъ, но способствующая общественному разврату: это нерасторжимость брачнаго союза, — отсутствіе *развода*. Когда удерживаютъ жену подлѣ мужа послѣ того какъ они сами не нашли возможности быть другъ съ другомъ, когда насильно хотятъ скрѣпить ихъ распадающійся союзъ, развѣ возможны обыкновенныя высоконравственныя отношенія мужа и жены?.. Еслибы существовалъ разводъ, который и развелъ бы такихъ супруговъ законно, — они имѣли бы возможность опять устроить свою жизнь на началахъ семейныхъ каждый въ отдѣльности; но развода нѣтъ — ни новое замужество для одной,

ни новая женитьба другого невозможны: какую же послѣ этого они должны вести жизнь? А между тѣмъ супруговъ, къ которымъ можно приложить этотъ вопросъ, не одна, не двѣ пары, а много, много. Непонятно, какимъ образомъ у насъ разводъ не допускается гражданскимъ закономъ, когда его допускаетъ евангеліе и даже наша православная догматика? Вообще въ нашей практической жизни замѣчаются двѣ точки зрѣнія на брачный союзъ. Одни женятся потому, что смотрятъ на бракъ какъ на средство къ жизни или къ роскоши. Это люди большею частію недостаточные; они женятся не на невѣстахъ своихъ, а на тѣхъ деньгахъ и мѣстахъ, которыя доставляютъ имъ невѣссы; браки для нихъ — статья дохода. Другіе женятся, чтобы имѣть всегда подъ руками женщину или «любовный продуктъ», какъ говоритъ г. Помаловскій. Для такихъ эстетиковъ бракъ — это прибавка къ ихъ столу лишняго гастрономическаго блюда. Вступая въ такіе нравственные браки, люди крѣпко убѣждены, что они неначе поступаютъ, какъ вполне нравственно. Бракъ не только какъ физическая, но и какъ духовная потребность человѣческой природы, какъ вѣнецъ нормальнаго человѣческаго счастья, потому что только въ этомъ фактѣ возможно сочетаніе всѣхъ возможныхъ условій счастья, — такой бракъ у насъ пока всегда есть болѣе мечта студента или другой пропащей головы, чѣмъ истина, оправдываемая наличною жизнью.

Наконецъ нашему общественному разврату весьма много способствуетъ настоящее *устройство общественныхъ привилегированныхъ домовъ* для разврата. вмѣсто того чтобы служить разврату настолько, насколько неизбѣжна временная необходимость этого зла, они служатъ злу такъ-сказать со всѣмъ усердіемъ; все въ этихъ публичныхъ домахъ устроено такъ, что нисколько не удерживаетъ разврата въ извѣстныхъ границахъ, не способствуетъ его прекращенію, а напротивъ дѣлаетъ его явленіемъ жизни какбы всегдашнимъ, устойчивымъ. Жертва, разъ попавшая туда, имѣетъ уже то несчастье, что сама по себѣ никогда не имѣетъ возможности выдти оттуда. Ея жизнь, здоровье, красота исключительно служатъ здѣсь къ обогащенію частнаго лица, для котораго публичный домъ, содержимый имъ или лучше — самъ содержащій себя для него, есть самая выгодная промышленная фабрика. Нѣтъ никакого улучшенія въ жизни нашей публичной женщины, попавшей въ публичный домъ; положеніе ея тѣмъ безвыходнѣе, чѣмъ она вообще достойнѣе, моложе, развратнѣе и потому полезнѣе для хозяина или хозяйки дома. Едвали гдѣ-нибудь человѣкъ болѣе служить предметомъ самой крайней эксплуатациіи, самой ужасной плантаторской узурпациіи, чѣмъ публичная женщина въ нашемъ публичномъ домѣ. Тутъ она абсолютно-бѣд-

ное существо: она не имѣетъ никакой собственности; каждый день она доставляетъ своему деспоту количество денегъ, достаточное для самой комфортной жизни, достаточное для содержанія не одного лица, а цѣлаго значительнаго семейства; между тѣмъ деспотъ умѣетъ такъ ловко вести дѣло, что она всегдашняго его должница: она даетъ ему наличныя деньги, онъ беретъ и все болѣе и болѣе увеличиваетъ свой долгъ на ней. Если она сознаетъ потребность перемѣны своей жизни, то она еще болѣе жалкое существо: тогда-то она замѣчаетъ, что даже торговала собою не для себя, что ею торговали другіе для своей выгоды; ея жизнь, убійственная, униженная до послѣдней крайности, вызывающая самыя горькія слезы, получаетъ еще новый мучительный характеръ, — характеръ сидѣнья въ тюрьмѣ за долги. Выходъ изъ ея положенія возможенъ только тогда, когда совершенно постороннее лицо выкупитъ ее... Выкупитъ! Не правда ли, это отзывается торговлею негровъ? Она совершенная раба, раба въ самомъ крайнемъ, буквальномъ смыслѣ: ее обжигаютъ, бьютъ по щекамъ — и она большею частью не получаетъ удовлетворенія за обиду; она и можетъ отомстить за обиду развѣ тѣмъ же, но какія выходятъ отъ этого новыя мрачныя послѣдствія для ея и безъ того мрачной жизни, — вполне знаетъ только она сама; никакія человѣческія права не существуютъ для нея въ публичномъ домѣ; она лишается даже права на собственное тѣло: и имъ распоряжается не она! Такой гнетъ и можетъ выносить развѣ женщина, существо гораздо болѣе мужнины самоотверженное. Говорятъ, что многія замужнія женщины иногда завидуютъ публичнымъ женщинамъ... Если это правда, то онѣ допускаютъ въ свои головы самую ужасную мысль... Такое нечеловѣческое устройство публичныхъ человѣческихъ домовъ происходитъ конечно оттого, что они находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, что отношенія этихъ лицъ къ ихъ рабынямъ имѣютъ характеръ домашнихъ семейныхъ отношеній, вслѣдствіе чего они всегда могутъ быть выгорожены изъ-подъ вліянія самаго строгаго виѣшняго контроля. Вотъ на что по нашему мнѣнію необходимо обратить вниманіе при перемѣнѣ устройства нашихъ публичныхъ домовъ. Содержателей и содержательницъ ихъ, большею частью нѣмецъ и вѣмокъ, необходимо обложить самымъ значительнымъ налогомъ на улучшение быта ихъ рабынь, какъ вообще необходимо обложить налогомъ и возвестъ на стеньгу уголовного преступленія продажу дѣвицъ въ развратъ противъ воли не только посторонними промышленниками человѣческимъ мясомъ, но даже матерями; лицо можетъ продать только само себя. Налоги будутъ служить держателямъ нашего азрврата напоминаніемъ, что они своимъ дѣломъ страшно оскорбляютъ человѣчество, вмѣстѣ съ тѣмъ вообще

будутъ уменьшать ихъ число и въ отношеніяхъ ихъ къ своимъ рабынямъ — болѣе или менѣе удерживать въ предѣлахъ человѣчности. Отъ этого проложится путь къ уменьшенію нашего общественнаго разврата, который въ противномъ случаѣ можетъ утвердиться навсегда въ своихъ чудовищныхъ размѣрахъ.

Всѣ изложенныя нами причины, которыми условливается нашъ общественный развратъ, имѣютъ характеръ постоянно *дѣйствующихъ* причинъ, потому что онѣ вытекаютъ изъ строя нашего общества. Но на состояніе общественной нравственности часто имѣютъ вліяніе причины, возникающія *случайно*, на извѣстномъ *мѣстѣ* или въ извѣстное *время*. Такъ напримѣръ во времена общественныхъ бѣдствій, особенно такихъ, которыя истребляютъ одну какую-либо половину человѣческаго рода, каковы войны, истребляющія преимущественно мужское населеніе, — уровень общественной нравственности всегда понижается. Въ Лондонѣ въ тѣ времена, когда произойдетъ отливъ англійскаго мужскаго населенія вслѣдствіе промышленныхъ и всякихъ другихъ цѣлей за границу, въ Америку и колоніи, уровень нравственности бываетъ ниже, чѣмъ въ другія времена. Въ обоихъ этихъ фактахъ пониженіе нравственности зависитъ отъ нарушенія нормальной пропорціи между мужскимъ и женскимъ населеніемъ. По обыкновенной, нормальной пропорціи между мужскимъ и женскимъ населеніемъ, которой долго искала статистика и наконецъ нашла, на двадцать-одного мужчину приходится двадцать женщинъ; и вотъ, когда вслѣдствіе отлива мужскаго населенія пропорція эта нарушается, когда женское населеніе беретъ перевѣсъ надъ мужскимъ, неизбѣжно слѣдуетъ пониженіе общественной нравственности. Этотъ законъ признается многими учеными авторитетами (Шпренгель, Стефенсъ, Бокль, Маколей) и вполне оправдывается фактами. По замѣчанію Стефенса, въ Юкатанѣ избытокъ женскаго населенія весьма вредно вліяетъ на нравственность (Stefens's Central America, vol. XIV, pp. 429, 380). По замѣчанію Шпренгеля, крестовые походы, уменьшивши мужское населеніе, произвели въ Европѣ страшный развратъ (Histoire de la médecine, vol. 11, p. 376). Вообще въ столицахъ и богатыхъ промышленныхъ городахъ развратъ шире (хотя не глубже) именно отъ неравночисленности мужскаго и женскаго населенія и въ частности отъ избытка холостого народа.

Вотъ какими многочисленными и глубокими корнями нашъ общественный развратъ держится въ нашей общественной почвѣ. Непонятно, какъ до сихъ поръ еще могутъ держаться въ нашемъ обществѣ повліянія вродѣ тѣхъ, что развратная женщина — потерянная женщина, существо, справедливо заслуживающее презрѣніе. По-

нашему, она можетъ возбуждать только глубокое сожалѣніе и сочувствіе къ своему несчастному положенію, потому что она немногимъ болѣе виновата въ своемъ нравственномъ безобразіи, чѣмъ сколько физическій уродъ виноватъ въ своемъ уродствѣ, кривое дерево въ своей кривизнѣ. Или наприимѣръ существуетъ убѣжденіе, что разврату у насъ способствуетъ молодое поколѣвіе своимъ безнравственнымъ ученіемъ: что можетъ быть неправильнѣе этого понятія? Извѣстное нравственное ученіе никогда не можетъ вліять на развитіе общественнаго разврата потому, что основныя нравственныя понятія непремѣнно у всѣхъ одни и тѣже. По замѣчанію Кондорсе, Макинтоша, философа Каата, нравственныя понятія даже у всѣхъ народовъ одни и тѣже. Подобныя обстоятельства, какъ отсутствіе или появленіе извѣстнаго ученія, положимъ и безнравственнаго, какъ ослабленіе или строгое усиленіе и огражденіе общепринятыхъ нормъ религіи и нравственности, безсильны въ отношеніи вліянія равно и на повышеніе и на пониженіе общественной нравственности. Теперь наприимѣръ Англія исповѣдуетъ множество религій и de facto въ ней нѣтъ одной господствующей — которая бы одна имѣла власть охранять общественную нравственность; въ ней существуетъ множество собственно философскихъ ученій, которыя съ точки зрѣнія нашего общества показались бы вполне безнравственными, — между тѣмъ нравственность англійскаго общества сравнительно съ другими не ниже. Но было другое время въ Англіи. Послѣ казни Карла она представляла совѣмъ иную картину. Новое правительство взглянуло на господствующую религію и на общепринятую нравственность какъ на свои надежнѣйшія опоры, общественныя должности замѣщались только людьми набожными, противъ распутства были изданы кровавые законы, непристойныя статуи завѣшивались, противники общественной нравственности предавались казни — и что же? Результаты для общественной нравственности вышли самыя печальныя.

Обратимся къ сочиненію бывшаго воспитанника императорскаго училища правовѣдѣнія, эстляндскаго дворянина, барона Эммануила Александровича Штейнгеля. Оно именно вызвало наши мысли о причинахъ печальнаго состоянія нашей общественной нравственности тѣмъ, что авторъ совершенно оставляетъ въ немъ эту существенную сторону вопроса и исключительно почти трактуетъ о явленіяхъ общественнаго разврата, заботится объ уменьшеніи ихъ и предлагаетъ для этого учредить у насъ убѣжище или общество для обращающихся съ пути заблужденія женщинъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное убѣжище или общество принесетъ много пользы; но оно принесетъ пользу единичнымъ личностямъ, отдѣльнымъ

жертвамъ разврата, а не всему вообще дѣлу общественной нравственности. Будетъ ли хоть сколько-нибудь въ состояніи такое общество или убѣжище препятствовать нашему общественному разврату выростать изъ тѣхъ многихъ причинъ, на которыя мы указали? Гораздо болѣе принесло бы пользы въ настоящемъ случаѣ общество предупрежденія паденія женщинъ, основанное на тѣхъ самыхъ началахъ и средствахъ, на которыя указываетъ авторъ. Къ такимъ средствамъ будетъ принадлежать и сборъ налоговъ съ людей, торгующихъ своими ближними, если только эти налоги будутъ когда-нибудь существовать.

Въ заключеніе замѣтимъ, что послужной списокъ автора разобраннаго нами сочиненія хотя и изложенъ въ немъ въ двухъ экземплярахъ — на первой и послѣдней страницахъ, все-таки неполонъ. Если авторъ предполагалъ, что для читателя будетъ интересно знать, что авторъ баронъ, эстляндскій дворянинъ и бывшій воспитанникъ училища правовѣдѣнія, то почему же авторъ не предположилъ, что для читателя будетъ не интересно знать и то, холостъ ли авторъ, или женатъ, и на какой теперь службѣ?

М. РОДЕВИЧЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАРИБАЛЬДИ И ЕГО СТРЕМЛЕНІЯ.

Общія положенія: — Англія. — Франція. — Соединенные-Штаты. — Турція. — Пруссія. — Раны Гарibaldi.

Въ истокнѣй августъ мѣсяцъ, съ 1 по 31 число новаго стила, въ западной Европѣ произошло одно только замѣчательное событіе. До этого событія дѣла шли чрезвычайно однообразно, такъ что не было возможности завести въ нашу хроникку ничего. Въ Сербіи продолжались вооруженія; въ Царѣградѣ конференціи продолжались съ обыкновенною медлительностью конференцій; въ Пруссіи приготовлялся къ разсмотрѣнію вопросъ о военныхъ издержкахъ на нынѣшній и на будущій годъ; въ Австріи правительство вознамѣрилось произвести въ Венгріи преобразованія судебной части, для поведенія тамошнихъ судовъ подъ одинъ уровень съ австрійскими; во Франціи императоръ осматривалъ войска въ шалонскомъ лагерѣ и нѣсколько дней прожилъ тамъ; въ Германіи нѣкоторые государства соглашаются приступить къ торговому прусско-французскому трактату, а нѣкоторые несогласны; въ Дании и Швеціи короли совершаютъ другъ къ другу торжественныя визиты; въ Англіи продолжается хлопковый кризисъ, хлопчатобумажныя рабочіе голодаютъ. На наследный принцъ напѣренъ вступить въ законный бракъ съ принцессою датскою; въ Испаніи королева послѣ благополучнаго разрѣшенія отъ бремени совершенно неуправляется; въ Италіи до 29 числа, почти весь мѣсяцъ, Гарibaldi неровнялся по Сициліи съ какою-то горстью волонтеровъ, потомъ на пароходѣ перѣхалъ на твердую землю и тамъ продолжалъ двигаться.

Но тамъ, при Асиромонте, и произошло важнѣйшее событіе нынѣшняго мѣсяца, можетъ-быть важнѣйшее событіе всего года, можетъ-быть и много лѣтъ или десятковъ лѣтъ еще пройдетъ безъ

событія, которое по важности своей, по историческому значенію равнялось событію 29 августа.

Въ этотъ день при Аспромонте Гарибальди «взятъ въ плѣтъ и раненъ», какъ наивно выражается телеграфъ. Вѣроятно даже полковникъ Паллавичино, который командовалъ пьемонтскимъ отрядомъ при Аспромонте, не рѣшился бы сначала взять въ плѣтъ, а потомъ ранить Гарибальди. Но заслуга *взятія* такъ казалась ему велика, что онъ даже знаетъ прежде, что «схватитъ», а потомъ что «ранилъ» бунтовщика. За этотъ подвигъ онъ немедленно пожалованъ генераломъ.

До сихъ поръ намъ только по телеграфу известно, что Гарибальди взятъ; подробности сраженія намъ неизвѣстны. Знаемъ только, что волонтеровъ было 2000, а пьемонтскихъ солдатъ 1800 человекъ; что изъ пьемонтцевъ убито десять, а ранено двѣсти. Известно тоже, что это отношеніе числа убитыхъ къ числу раненыхъ весьма необыкновенно, что въ обыкновенныхъ сраженіяхъ ранено бываетъ втрое или даже вшестое больше чѣмъ убито, а въ двадцать разъ—это что-то не такъ. Потомъ еще по телеграфу изъ Туринна отъ 31 августа известно, что Гарибальди везутъ изъ сардинскомъ военномъ фрегатѣ въ сардинскій портъ Спецію, который лежитъ недалеко отъ Генуи. Известно, что гарибальдийцы немедленно будутъ подвергнуты суду, что дезертиры, т. е. королевскіе солдаты, перешедшіе къ Гарибальди, имѣютъ быть расстрѣляны, а сардинскій сенатъ превращается въ судъ, чтобы судить и произнести приговоръ Гарибальди.

Вотъ все что намъ покажется известно о сошествіи Гарибальди со сцены. Чѣмъ окончательно разыграется драма, это уже не представляетъ никакой важности. По закону, Гарибальди долженъ быть расстрѣлянъ, а такъ какъ давно извѣстно, особенно сардинскимъ сенаторамъ, что *reges mundi, fiat justitia*, то очень можетъ быть, что бунтовщикъ Гарибальди, уже равный двумъ пьемонтскимъ пуламъ или штыкамъ, получитъ послѣднеедыханіе отъ пьемонтской шкени стрѣлковъ. Это вещь возможная, тѣмъ болѣе что онъ нѣсколько разъ неочтительно отзывался объ императорѣ французовъ, а господа Ретации дѣйствуютъ не иначе, какъ по барабану, который раздается въ шамонскомъ лагерѣ или въ Тюильри.

Но что именно произойдетъ съ Гарибальди,—будетъ ли онъ расстрѣлянъ или повѣшенъ, или умретъ отъ полученныхъ ранъ, или будетъ помилованъ и запертъ на Капреру, или будетъ разжалованъ, и сосланъ солдатомъ въ Алжиръ, или наконецъ будетъ только связанъ честнымъ словомъ не предпринимать больше ничего противъ правительства г. Ретации и императора Луи-Наполеона, — это со-

вершимо все равно и особенной важности не представляеть. Для обыкновеннаго смертнаго разниця тутъ велика. Нѣсколько лѣтъ или дней жизни для человѣка очень много значить; нѣсколько больше или нѣсколько меньше предсмертнаго страданія весьма могутъ входить въ человѣчскій расчетъ. Но надо помнить, что Гарибальди вовсе не человѣкъ для итальянцевъ: тамъ простой народъ именуется именемъ Гарибальди; тамъ Гарибальди значить единство Италіи, тамъ еще символъ политической вѣры народа. Въ бывшемъ королевствѣ неаполитанскомъ народъ въ первый разъ отъ него, отъ своего избавителя Галубарда (по южному произношенію), услышалъ имя сардинскаго короля Виктора Эммануэля, услышалъ о единствѣ Италіи. Отъ этого въ южноитальянскихъ провинціяхъ мысль о единствѣ Италіи, подъ скипетромъ короля Виктора-Эммануэля, волюнѣ сроднилась съ именемъ Галубарда. Для большинства немыслимо единство безъ Гарибальди, какъ обыкновенно для малообразованныхъ людей идея не отдѣляется отъ символа, почти безъ символа не существуетъ. Поэтому-то съ народными символами слѣдуетъ обращаться крайне осторожно. Г. Ратацци не понялъ этого, разбилъ символъ, и разумѣется идея для большинства болѣе не существуетъ.

Важныя отношенія съ тильерійскимъ кабинетомъ г. Ратацци пренебрегъ идеей, внесенною сицилійскимъ и неаполитанскимъ диктаторомъ, несмотря на то, что идея привилась еще весьма недавно и не успѣла войти въ плоть и кровь жителей, — и вдругъ 20 августа очутился передъ лицомъ народа, который предъявляетъ требованія свои. Такъ въ Тарасѣ Бульбѣ Андрій, ради пріятныхъ отношеній съ прекрасною полячкой, пренебрегъ святою идеей, поднялъ руку на своихъ, занесся въ дракъ и вдругъ очутился передъ лицомъ разгнѣваннаго отца, представителя родины, неутомимаго судьи. Какъ Тарасъ спросилъ у своего сына: «ну, сынку, что мы теперь будемъ дѣлать?» — такъ и народъ спрашиваетъ опрометчивое министерство: «ну, г. Ратацци, что мы теперь будемъ дѣлать?» Идея слишкомъ еще была молода, слишкомъ поверхностно прошла она въ воображеніи большинства, и держалась только силою своего символа. А теперь символа нѣтъ, онъ разрушенъ тѣмъ, кто долженъ былъ беречь его хуже глаза, кто именно поставленъ былъ, чтобы сохранить единство Италіи... Само собою разумѣется, что изъ этого можетъ произойти. Какъ давно разбитый сосудъ, хорошо собранный но еще не склеенный, при уничтоженіи связи, его державшей, разваливается на свои прежніе черепки, причемъ еще нѣкоторые раскалываются на части, такъ теперь можетъ развалиться Италія на свои прежнія, а можетъ быть еще и другія составныя части. Когда нѣтъ естествен-

ной связи, то — известное дѣло — штыки и пушки составляютъ связь далеко неудовлетворительную и весьма ненадежную.

Какъ бы то ни было, еще одинъ актъ великой итальянской драмы кончился и несчастная Италия въ двадцатый можетъ-быть разъ перешла подлѣ французское владычество, а вліяніе шведское на нѣкоторое, вѣроятно даже довольно значительное время устроено. Можетъ-быть нѣсколько времени нынѣшнее положеніе дѣла будетъ считаться единствомъ, и эту тѣнь единства правительство будетъ поддерживать, а господа Ратации по командамъ изъ Париза будутъ разстрѣливать желающихъ истиннаго, не условнаго единства; дѣла пойдутъ отлично, на французскій ладъ, до той минуты, когда уже никакими средствами нарушенное единство не удержится. А счастье было такъ близко, такъ возможно!..

Но само собою разумѣется, что Гарибальди разстрѣлианъ не будетъ. Онъ бунтовщикъ, онъ возсталъ противъ существующаго министерства, онъ вопреки королевской прокламаціи собралъ волонтеровъ, онъ вымудилъ объявленіе въ Сициліи и въ южной Италіи осалнаго положенія, онъ заставилъ устроить блокаду Сициліи, онъ ввелъ въ убытки многихъ английскихъ купцовъ, торгующихъ въ Сициліи, онъ затѣялъ междоусобную войну, онъ, по словамъ нѣкоторыхъ газетъ, затмилъ свою прежнюю славу и т. д., и т. д., — а все-таки онъ разстрѣлианъ не будетъ, и все-таки многіе считаютъ глубочайшее сочувствіе къ герою Гарибальди, и въ цѣлой Европѣ образованныя женщины все уронили двѣ-три слезы, когда прочли въ газетахъ коротенькое телеграфическое извѣстіе о томъ, что онъ «взятъ и раненъ».

Послѣднимъ однакоже замѣтитъ, что мы нимало не одобряемъ междоусобія и не сочувствуемъ братоубійственной войнѣ. Напротивъ, виновнику подобной войны мы сочувствовать не можемъ; онъ возбуждаетъ отвращеніе всехъ порядочныхъ людей, онъ величайшій изъ преступниковъ, и это преступленіе не искупается никакимъ покаяніемъ, никакими въ свѣтъ заслугами. Междоусобная война хуже разбоя, ужаснѣе клятвопреступничества; это безобразнѣйшее изъ всехъ преступленій. А все же Гарибальди нельзя разстрѣлиать. Но почему же его не разстрѣлиаютъ? Отчего многіе честные люди ему сочувствуютъ?

А во первыхъ оттого, что ни у одного не только итальянскаго, но и сардинскаго солдата не поднимется рука, чтобы прицѣлиться въ великаго человѣка; иначе итальянское оружіе будетъ опозорено и опоганено на-вѣки.

Нельзя принимать въ соображеніе того обстоятельства, что Гарибальди оказалъ услугу Италіи, присоединивъ къ ней цѣлую па-

ловину, бывшую въ чужихъ, враждебныхъ рукахъ: это составило бы подкупъ юстиціи, лиценціатіе, и если судьи Гарибальди будутъ опираться на это обстоятельство, чтобы его не разстрѣлять, то они сдѣлаютъ весьма наивную нелогичность. Полковникъ Паллавичино, «взвизгившій и рванувшій» Гарибальди и произведенный въ генералы, могъ бы на это сослаться; но отъ него нельзя ожидать ничего другаго. Нельзя также сослаться на то, что онъ былъ диктаторомъ, генераломъ пьемонтскаго войска и т. д. Юстиція на это не смотритъ; передъ нею все равно. И не такіе еще самозванные диктаторы бывали известны. Совсѣмъ другія соображенія будутъ руководить судьями Гарибальди, — разумѣется не тѣ соображенія, которыя должны бы были, а предлегомъ своего смягченнаго приговора они приведутъ еще третьи соображенія. Любопытно будетъ прослѣдить все это, когда все это совершится; но и теперь видны насквозь побужденія и двигатели.

Подаривъ единству Италіи всю неаполитанскую область и Сицилію, диктаторъ Гарибальди уѣхалъ на свою скалистую Капреру и тамъ терпѣливо ждетъ довершенія единства. И тогда, какъ и теперь, недоставало Италіи столицы ея, Рима, съ областью, и Венеція съ областью. Народное чутье, стремящееся къ организованью, требовало этого неизбежнаго дополненія. Два большія мѣста, Римъ и Венеція, производили зудъ и безпокойство во всемъ политическомъ тѣлѣ: Французскія газеты, вроде «France», упрекали Италію и брали ея за то, что она не умѣетъ прийти въ порядокъ и правильно развиваться, неумѣя въ своемъ распоряженіи Рима, точно какъ-будто живой организмъ можетъ быть въ порядкѣ и сколько-нибудь развиваться, ежели голова его сдвлена чьими-нибудь тисками! Пожальное дѣло, что организму тутъ не до развитія, не до порядка, а первая и единственная забота — какъ бы голову избавить отъ тисковъ, а потомъ ногу, а послѣ того пожалуй можно подумать и о порядкѣ, а развитіе воспослѣдуетъ само собою. Итакъ мыслящіе люди въ Италіи желали Рима, точно также какъ мы желали бы Москвы, еслибъ по какому-нибудь стеченію обстоятельствъ Наполеонъ въ 1812 году оставилъ тамъ свой гарнизонъ, а его министры-ораторы увѣрили бы теперь, что этотъ гарнизонъ необходимъ для нашего же блага. Но намъ это благо было бы лишнее.

Первая высадка Гарибальди въ бурбонскую Сицилію и весь слѣдовавшій затѣмъ походъ до самаго Неаполя былъ совершенно удаченъ, потомучто онъ дѣйствовалъ въ смыслѣ и въ духѣ народа, сообразно съ его желаніями. Дѣйствительно, своею пламенною, поэтической душою онъ понимаетъ народъ и явнымъ чувствуетъ

каждое бѣненіе его сердца. Нѣкоторыя близорукія газеты вроде «Patrie» стараются снять съ Гарибальди всякую отвѣтственность; возложить ее на Мадзини и сдѣлать изъ великаго патриота какую-то куклу. Это вздоръ. Какъ искусно ни сдѣланъ автоматъ, онъ не увлечетъ народа, онъ не сдѣлаетъ переворота, не будетъ эмансипировать своихъ послѣдователей однимъ взглядомъ; бабы изъ простого народа не будутъ протискиваться сквозь толпу, чтобы дать ему наложить руку на голову грудныхъ дѣтей своихъ. Если бы многомъ Гарибальди и согласенъ съ Мадзини, то что же на свѣтѣ въ этомъ съ ними несогласенъ? Всѣ лучшіе люди на свѣтѣ любятъ народъ, ненавидятъ несправедливости и т. д. Но отнять у Гарибальди всякую отвѣтственность въ его нынѣшнемъ походѣ значило бы отнять у него всякую заслугу въ прежнихъ подвигахъ и отнять у народа, у многихъ мильоновъ людей всякій смыслъ, истинноживое угадыванье сильной натуры. Но спорить противъ «Patrie» нечего ее переспорить развѣ только министерское предупрежденіе, противъ котораго она разумѣется ни слова. У этой бѣдной газеты безпрестанно стонетъ передъ глазами въ видѣ ужасающаго пугала социализмъ, коммунизмъ и со всѣмъ этимъ вздоромъ какъ-то ожесточается Мадзини.

Итакъ Гарибальди удался изъ Неаполя на Кепреру, полверста отъ Италія половину ея самой. Дѣло министерства, хорошо понимавшаго потребности своей страны, состояло въ томъ, чтобы всѣми мѣрами заботиться о выходѣ французовъ изъ Рима, принимать для этого всѣ мѣры, многимъ даже для этого пожертвовать. Министерство Риказоли держало себя въ этомъ случаѣ съ большимъ тактомъ, который не оскорблялъ чувствъ страны. Занятіе Рима французами противъ воли римлянъ и всѣхъ итальянцевъ, во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были его оправдывающія соображенія, есть дѣйствіе враждебное Италіи. Поэтому итальянское министерство, уважая народное чувство, никакъ не должно было находиться въ дружески-ласкательныхъ отношеніяхъ съ министерству французскому. Въ народѣ и стало быть въ его князѣ-всещціи — въ Гарибальди, чрезвычайно много чувства справедливости, которое оскорблялось и постоянно оскорблено унижательными для Италія отношеніями г. Ратацци къ императору Луи-Наполеону. Если уже невозможно теперь же силой выгнать французовъ изъ Рима; если нельзя дойти до этого дипломатическимъ путемъ, то по крайней мѣрѣ слѣдуетъ отказаться отъ пріятельскихъ отношеній съ нашими врагами, и если покажется невыгодно прервать съ ними всякія сношенія, то по крайней мѣрѣ обращаться съ ними церемонно-вѣжливо, этимъ самымъ давая понять враждебность непріятельскаго поступка.

Викторъ чтилъ себя и держалъ, и Гарибальди, а съ нимъ и весь народъ, не видѣлъ въ немъ двуличности, не видѣлъ обкорбительнаго для достоинства Италіи низкопоклонства и какъ-будто бы наконецъ примиренія съ непріятельскимъ занятіемъ столицы. Это уже немѣна отечеству въ глазахъ Гарибальди и въ миѣніи народа, и притѣра, поведѣ междуусобной войны стало-быть не Гарибальди, не народъ; что даже логически невозможно, а г. Ратацци. Говорили о чувствѣ благодарности, и говорилъ иррѣне съ особеннымъ жаромъ и оцѣнъ убѣдительно тотъ же г. Ратацци. Ему вздумалось даже сказать, что оскорбляющій императора французовъ оскорбляетъ Италію. Въ этомъ ни малѣйшаго нѣтъ смысла. Еще можно было бы сказать, что оскорбляющій императора французовъ оскорбляетъ Францію, потому что она глара націи, набранный представителемъ ея въ мироотражныхъ отношеніяхъ и начальникъ военныхъ ея силъ. И до несомнѣннъ будетъ справедливо: во Франціи множество легитимистовъ, орсанистовъ, коммунистовъ, республиканцевъ и вообще нелюбимыхъ, которыя всѣ выѣсты составляютъ значительную долю населенія и сами говорятъ о Наполеонѣ то что сказалъ Гарибальди. Неправильно вѣрнѣе было бы сказать это объ Англіи, гдѣ королева составляетъ нѣкоторымъ образомъ чистѣйшій символъ Англіи; тамъ всагда, оскорбленіе королевы есть правое оскорбленіе Англіи. Но итальянцы никакъ не могутъ накопиться въ подобныя отношенія къ чужому императору, и если кто такъ чувствуетъ, тотъ внутренне нѣмѣляетъ Италію. Благодарность есть весьма почетное чувство въ человѣкѣ; но въ шломъ народѣ по отношению къ другому народу это чувство невозможно. За что итальянскій народъ будетъ благодаренъ французскому? Говорятъ, будто при Маджентѣ и Сольферино проливалась въ нѣкоторомъ смыслѣ французская кровь. Это такъ. Но каждый раненый французъ страдалъ не за Италію, а по обязанности службы, думалъ о крестѣ почетнаго легіона, о военной славѣ, о томъ, какъ интересенъ будетъ дома, на родинѣ, среди красавицъ, какой-нибудь рубака съ оторванной рукой и съ латинкопечнымъ крестикомъ въ петлицѣ. Каждый смертельно раненый умиралъ не за Италію, а по службѣ, по приказанію начальства. Король Викторъ-Эммануилъ конечно можетъ быть благодаренъ императору Наполеону, который прибавилъ блеску его коронѣ новою богатою областью, бросивъ за это нѣсколько десятковъ тысячъ французовъ и нѣсколько десятковъ миліоновъ денегъ. Какимъ же образомъ изъ этой войны можно вывести заключеніе, что какой-нибудь Маттео Пави, кожевонникъ въ Миланѣ, долженъ чувствовать благодарность къ мосье Шезъ, дворнику въ Ліонѣ? Или что вся итальянская нація должна быть благодарна всей француз-

своей нации? Вотъ самыхъ наглыхъ паташекъ этого народа не ведемъ, и г. Ратацци напрасно хочетъ благодарностью замаскировать свои венцальскія чувства. Онъ не хотѣлъ или не могъ понять, что государственнѣйшій мужъ прежде всего есть слуга своего народа, и великіе государственные люди — тѣ, которые особенно внимательно прислушиваются къ нуждамъ, потребностямъ и стремленіямъ народа, независимо отъ всякихъ личныхъ и другихъ соображеній. Народъ, т. е. Гарibaldi, понявъ, что г. Ратацци — слуга императора французскій, а не итальянскаго народа, и требуя «Рима или смерти», только протестовалъ противъ вѣрноподданническихъ отношеній итальянскаго министерства къ императору Наполеону. Не Венеція требовалъ Гарibaldi, потому что отношенія г. Ратацци къ Австріи были достаточно враждебны. Именно о Римѣ шла рѣчь, и противъ этого — то народнаго желанія возсталъ министерство и было стало-быть причиною междоусобной войны. Въ странѣ конституціонной министерство такъ поступать не можетъ; такъ оно нарушаетъ законъ, становится внѣ закона, и если побѣждаетъ, какъ нынче при Аспромонтѣ, то побѣждаетъ не народъ, а конституцію, и съ народомъ поступаетъ не томъ по своему усмотрѣнію, на волю своей воли, то-есть на словахъ выражая уваженіе къ конституціи и въ каждомъ дѣлѣ ее нарушая, все-таки безарамиво ссылается на законъ, который тутъ же толкуется ложно.

Надо однакоже признаться, что положеніе итальянскаго министерства довольно трудное. Не предвидится конца враждебному противъ Италіи дѣйствию французскаго правительства, то-есть вѣнтію Рима. При этомъ враждебномъ дѣйствіи однако происходить постоянныя увѣренія въ дружбѣ, въ благожеланіи, въ готовности покровительствовать и т. д. Ежели съ точностью держаться смысла словъ императора французскаго, то знаніе Рима не должно никогда кончиться. Вотъ что было сказано:

«Я долженъ объявить вашему величеству, что признавая итальянское королевство, я оставляю свои войска въ Римѣ до тѣхъ поръ, пока вы не помиритесь съ нами и пока святому оуму будетъ ясно, что остающіяся подъ его владычествомъ земли будутъ заняты регулярными или нерегулярными силами.»

Замѣтимъ еще, что здѣсь во французскомъ текстѣ можно понимать двояко: чтобы дождаться выхода французскихъ войскъ изъ Рима, надо чтобы король помирился съ нами, или Римъ помирился съ святымъ отцомъ. Стало-быть по мнѣнію императора французскаго высшія папскія владѣнія должны навѣки остаться подъ невыносимымъ для римлянъ церковнымъ управленіемъ, что противно итальянскому единству. Да сверхъ того всегда можно будетъ ска-

заста, что презвѣтъ осмысленъ, несмотря ни на какія общія и заги-ренія. Но такое уже свойство силы; она не уступаетъ ничему, ника-кими доводами, кромѣ другой, сильнѣйшей силы, и французы добро-вольно не оставятъ Рима. На французское занятіе тамъ и слѣдуетъ смотрѣть, какъ на проявленіе силы, которая потому и проявляется, что существуетъ, ровнымъ образомъ, какъ электрическая сила въ тучѣ. Напрасно дипломатія старается обставить римское занятіе самыми благомыслими доводами, напрасно толкуютъ о томъ, что свѣтскія владѣнія папы — это наследіе святаго Петра, у котораго ни-где не было свѣтской власти; напрасно толкуютъ о томъ, что Карлъ-великій подарилъ намъ свѣтскую власть. Папы не пользова-лись свѣтскою властью, потому что въ средніе вѣка Римъ была рес-публикою, и теперь они свѣтской власти не имѣютъ, потому что находятся подъ внимательнѣею опекой славянокомандующаго француз-скихъ войскъ.

«А какъ началось свѣтская власть духовнаго лица, папы, весьма очень хорошо извѣстно.

Въ VIII вѣкѣ византійскіе императоры-иконоборцы, владѣвшіе римскою областью и Римомъ, преслѣдовали въ насъ и изображе-ній святыхъ удалили отъ себя римскую церковь, которая ктому же очень часто была разорена лангобардами. Папа Григорій III отказался отъ повиновенія византійскому императору и поставилъ себя въ подданство или подъ покровительство франкскаго вождя Карла Мартелла. Въ этомъ случаѣ папа говорилъ отъ своего имени и отъ имени народа римскаго. Послѣ того папа Стефанъ II задумалъ пріобрѣсти въ свои руки свѣтскую власть, и для этой цѣли очень хо-рошо рассчиталъ на помощь Пипина, который задумалъ пріобрѣсти себѣ франкскую корону. Стефанъ II и Пипинъ поехали другъ друга отъ сердца: слово. Папа въ 754 году умолялъ Пипина на царство, а Пипинъ разбилъ лангобардовъ и принудилъ ихъ отдать римскому народу Равенну и всѣ города римскаго имперіума. Народъ и рим-скій епископъ обязались защищать церковь и народъ римскій отъ варваровъ, а за это римскій епископъ и римляне обязались призна-вать нѣкъ себѣ верховное владѣтельство франкскаго короля. Но тутъ произошло совсѣкъ не то, чего ожидалъ папа и епископъ римскій. До тѣхъ поръ римляне повиновались по привычкѣ визан-тійскимъ императорамъ, да порою лангобардскимъ королямъ. А послѣ слѣдствіе папы съ королемъ франкскимъ народъ почувствовалъ себя гораздо свободнѣе: съ Визанціей всѣ связи были разорваны, лан-гобардовъ нечего было бояться; оставалось только далекое покров-ительство короля франкскаго. Тогда выступила изъ восьмисотлѣт-няго забвенія римская республика, средневѣковое порожденіе ста

римскихъ вспомогательнѣе о великомъ блескѣ республика. Народъ римскій состоялъ изъ праздной и шумной массы, которая жила за счетъ своего епископа и богачей; множество тамъ было духовныхъ лицъ, всегда непокорныхъ и недовольныхъ своимъ епископомъ. У этого народа единство и согласіе пропало только тогда, когда пришлось напасть на папство. Средневѣковая римская республика поставила себѣ цѣлью отдѣлать папу, заключить его въ предѣлы духовнаго значенія, а гражданскую, свѣтскую власть предоставить свѣтскимъ гражданамъ Рима. Началась вѣчная, неутомимая и непрерывная борьба между кавиталиемъ и патрициемъ. Эта борьба началась съ 768 года, и обѣ партіи съ первой же встрѣчи выказали всю лезую, упорную энергію среднихъ вѣковъ. Вотъ маленькій обзорчикъ средневѣковой власти римскаго епископа.

Послѣ смерти епископа Павла I герцогъ Тотона пошелъ съ тѣсною горцею изъ Соранты и Монтерози, овладѣлъ воротами святаго Панкратія и заставилъ выбрать папой своего брата Константа, который былъ даже не духовнаго званія. Этотъ папа управлялъ свирѣіею больше года. Потомъ одинъ изъ первыхъ папскихъ личностей, Христофоръ, призвалъ лангобардовъ, которые убили герцога Тотона, а папу Константина затаили въ латинскую црковь. Въ это время одинъ священникъ Вальдигеръ, пользуясь сиротами, возвелъ въ епископы какого-то монаха. Только-что Христофоръ узналъ, что его подданные воспользовались другою, какъ свѣтилъ новому папу, выкололъ ему глаза, выучилъ до смерти и назначилъ папою одного изъ своихъ друзей подъ именемъ Стефана III. Черезъ годъ послѣ того папскіе ирслуживши выкололи глаза Христофору, черезъ день отрубили ему по руцѣ, потомъ по ногѣ, а на пятый день отсѣкали ему голову. Таковы были въ Римѣ порядки, когда папа Адрианъ III просилъ помощи Карла-великаго противъ лангобардовъ.

Покончивъ съ лангобардами, Карлъ явился въ Римѣ. За тридцать тысячъ шаговъ передъ городомъ онъ былъ встрѣченъ сенаторами, а при Понте-Молле городовымъ войскомъ и шерокомъ. Увидѣвъ городъ, Карлъ сошелъ съ коня и вошелъ пѣшкомъ съ своимъ барономъ до церкви св. Петра. Тамъ съ утра ожидалъ его епископъ съ духовенствомъ. На другой день послѣ праздника пасхи сенаты и епископы просили Карла подтвердить пожалованіе отца, что въ самомъ дѣлѣ Карлъ и сдѣлалъ; онъ узналъ, что папа можетъ пользоваться доходами съ римскаго графства, съ тѣмъ, что онъ, Карлъ, все-таки будетъ государемъ и верховнымъ владѣтелемъ отдаленныхъ въ пользованіе земель. Послѣ того папа Левъ III жаловался Карлу, что равенскій экзархатъ не платитъ ему дани. Карлъ тотчасъ не-

слать двухъ бароновъ, которые немедленно поѣхали во всѣмъ герцогахъ-судей и графовъ, чтобы судить и собирать дань въ пользу императора. Въ 811 году, передъ своею смертью, Карлъ диктовалъ свое завѣщаніе; въ числѣ двадцати одной статьи своей имперіи онъ уполномочилъ о Равеннѣ и Римѣ, папу о своихъ герцогахъ. А послѣ его смерти папа Стефанъ IV востановилъ римскій народъ присягнуть на вѣрноподданство сыну и наследнику Карла, императору Людовику.

Гдѣ же тутъ свѣтская власть римскаго епископа или папы? Гдѣ же знаменитое пожалованіе? Банскою римскіи помысловъ доказали съ пожалованіемъ въ пользованіе землей, когда давали, и при этомъ вовсе не считали ихъ своими. Когда франкскіе короли давали земли своимъ баронамъ, то это было свѣтскимъ иное дѣло: тамъ папскія должности важное условіе прочности баронскихъ владѣній; тамъ наследство тщательно оберегалось для наследника, а тутъ наследникъ избирался для наследства.

Императоры нѣсколько разъ судили папу черезъ своихъ посланниковъ. Такъ папа, аббатъ монастыря Фарфа жаловался императору на папу Григоріа IV. Императоръ велѣлъ рассмотреть и разсудить дѣло. Банскіи папскіи и графъ Леонъ отправился судить папу въ Римъ и вытребовалъ въ латрачскій, то-есть папскій дворецъ и папу и аббата; который требовалъ возвращенія своего-то имущества, которымъ папы владѣли силой. По разсмотрѣніи документовъ и по выслушаніи свидѣтелей папа найденъ виноватымъ, и земля у него отобрана.

Вотъ на какое свѣтское владычество ссылаются либеральныя газеты, увѣряя, будто папа въ томъ время долженъ быть свѣтскимъ государемъ. Но правда сказать, вышесказанная свѣтская власть римскаго епископа походила въ точности такія же отношенія къ французскому императору, какъ въ IX вѣкѣ. Не зовѣтъ же кивнуть? Такъ бы лучше и называть не свѣтскою властью, а вассальскими отношеніями къ франкскому императору.

Съ наследникомъ потомкомъ Карла-великаго, съ Людовикомъ III; окончилось франкское владычество надъ Римомъ и Франціи съ графомъ Тукулманскимъ епископомъ ерковичами владѣльцами вѣчного города. О свѣтской власти папъ не было и рѣчи. Великіе ерковичи-папы Сильвестръ II и Григорій VII никогда не входили въ свѣтскія дѣла города, который при нихъ оставался съ своими республиканскими формами, точно также какъ и при вильгельмскихъ папахъ. Конечно, это была печальная, кровавая республика, въ которой, какъ и вслѣдъ въ средніе вѣка, цариле одно право силы и личной наглости; но все-же свѣтской власти папъ не было; они только

управляли церковные въ качествѣ первыхъ католическихъ епископовъ. Настоящее свѣтское господство папъ началось только въ концѣ XIV вѣка, когда папа Григорій XI перескалъ изъ Авиньона въ Римъ.

До тѣхъ поръ римляне переносытали всевозможныя формы прелестія, но изъ всѣхъ самое несправедливое было для нихъ клерикальное. Когда Григорій XI перенесъ свою резиденцію изъ Авиньона въ Римъ, флорентійская республика писала римлянамъ: «Знаменитѣйшіе и почтенныя братья! Мы видимъ очень хорошо, да и вамъ не хуже нашего видно, если только вы нарочно не закрываете глаза, что папа, котораго вы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, переноситъ престолъ свой въ вашъ городъ не затѣмъ, чтобъ утѣшить огорченный и благомыслимый народъ, а чтобъ вложить кандалы на вашу свободу. Чего, вы думаете, онъ хочетъ? Къ чему, вы думаете, онъ стремится, какъ не къ разрушенію вашей независимости? Еслибы даже онъ хотѣлъ возвратити городу его древній блескъ, воскресити великую славу престола, покрыть всѣ стѣны ваши золотомъ, всѣтаки свобода лучше. Оиътъ говоримъ вамъ съ истинною преданностью: если хотите сохранить это неоцѣненное сокровище, не держите въ своихъ стѣнахъ того, кто рано или поздно у всѣхъ его похититъ.»—Предсказаніе флорентійцевъ исполнилось очень скоро. Григорій началъ повсюду подписывать республику, свѣтъ раздоря, подстрецая мечабусобіа. Той же системы держались и его преемники, такъ что потомъ, когда затуманъ былъ въ крови послѣдній заговоръ въ пользу свободы, въ половинѣ XV вѣка, тогда только началось свѣтское владычество папъ. Явился Борджіа, явились назвы стронтели Юлій II и Левъ X, а за ними и Лотаръ.

Какбы то ни было, никакъ нельзя сказать, чтобы кто-нибудь поладилъ ищамъ свѣтскую власть; это несправедливо. Они въ этомъ случаѣ никому не обаявы кромѣ самихъ себя, своей прерогативности, своимъ престоламъ, тронному, лонкимъ поддумамъ, неограниченному вліанію на совѣсти. И несмотря на такую страшную силу, несмотря на упорнѣйшее свое престолство, они принуждены были шесть вѣковъ добиваться свѣтской власти: такъ она неотстотвенна, такъ она протыва и пачаламъ религіи, и даже выгодамъ духовнаго владычества первосвященника.

Лучшую помощь папъ въ окончательномъ свѣтскомъ завладѣніи Римомъ было разстройство римскихъ дѣлъ, объединѣніе республики и предательство многихъ аристократовъ, которые надѣялись, на время отказавшись отъ своихъ правъ въ пользу папы, возвратити ихъ себѣ впоследствии, а между тѣмъ увидити народъ и всѣхъ тѣхъ, кто ограничивалъ ихъ самоуправствіе. Такимъ образомъ своєю рода госу-

дарственная необходимость четыреста лѣтъ тому назад вручила папамъ свѣтскую власть; точно также они откажутся отъ свѣтской власти тоже вслѣдствіе государственной, другой необходимости.

Защищая свѣтскую власть, клерикалы утверждаютъ еще, что эта власть неколебимо и навѣки утверждена торжественными актами вѣнскаго конгресса. Но теперь время не то, чтобы ссылаться на какіе-бы то ни было акты и договоры. Время переходящее, люди переменчивы, и послѣ вѣнскаго конгресса случалось очень много переменъ. На вѣнскомъ конгрессѣ ни слова не было говорено о королевствѣ итальянскомъ; а оно есть, и признано воими великими державами, кромѣ одной, которая впрочемъ себя упорно считаетъ великою; послѣ вѣнскаго конгресса три великія державы перемѣнились въ своихъ границахъ и одна изъ нихъ увеличилась даже во влѣдствіе новаго конгресса, а такъ-сказать папцеларскимъ порядкомъ. Послѣ вѣнскаго конгресса прибавилось еще одно королевство и перемѣнилась одна династія. Изъ всего этого видно, что теперь уже нечего толковать о вѣнскомъ конгрессѣ и каждая держава теперь руководствуется собственными выгодами и соображеніями. Прямая выгода Италіи состоитъ въ томъ, чтобы Римъ сдѣлался ея дѣйствительною столицей. Выгода католицизма состоитъ въ томъ, чтобы глава его не имѣлъ много значенія, кромѣ духовнаго. Выгода жителей папской области состоитъ въ томъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго клерикальнаго правительства. Но четвертая выгода, или лучше-сказать желаніе императора французова, состоитъ въ томъ, чтобы оказывать покровительство, держать въ чужой столицѣ войско, имѣть неодолимое вліяніе, показывать избытокъ силы. Само собою разумѣется, что такое значеніе составляетъ огромное удовольствіе воинственной націи. Храбрые газетчики всегда лучше не могутъ отвести душу, какъ на рассказахъ объ итальянскихъ дѣлахъ. Когда г. Ратацци всталъ противъ Гарибальди, газеты стали всануски хвалить его рѣшимость. Одна газета говоритъ, что итальянскій першій министръ своими распоряженіями доказалъ искреннюю преданность французскому престолу. Другая газета, питая къ Гарибальди сочувствію, съ похвалою отзывается о г. Ратацци, говоря, что иначе ему, какъ вѣрному слугѣ Франціи, поступить было невозможно. Третья наконецъ утверждаетъ, что г. Ратацци ничѣмъ не могъ лучше доказать своего политическаго таланта, какъ выраженіемъ воистинной преданности французскимъ интересамъ. Все это весьма достойныя похвалы съ французской точки зрѣнія; но однако же все это читать и слушать итальянскому народу и какъ же ему наконецъ было не нравиться

нѣтъ противъ: нѣтъ, не требуется раздѣлить конституцiю противъ законной, народной, національной силы другую силу, временную чуждымъ интересамъ? Гарибальди въ своей катандейской прокламаціи 24 августа именно это и выражаетъ :

«Итальянцы! Моя программа все таже. Я хочу, насколько это зависитъ отъ меня, чтобы народный голосъ 21 октября 1860 года былъ правдой, чтобы договоръ, заключенный между народомъ и королемъ, былъ исполненъ. Я представляюсь передъ величіемъ Виктора-Эмануила, короля избраннаго народомъ; но я врагъ министерства, въ которомъ нѣтъ ничего итальянскаго: противъ него, которое, чтобы задобрить дипломатію, въ маѣ и іюлѣ распорядилось арестами и судомъ въ Сардиніи, точно какъ теперь оно вызываетъ на югъ Италіи междоусобную войну, чтобы обезпечить себѣ милость императора Наполеона. Такое министерство не можетъ, не должно быть долге вѣстосуще; оно обманываетъ и подвываетъ короля, какъ выразилъ прокламаціей 3 августа; своимъ умышленнымъ преувеличеніемъ управительства оно раздуваетъ ненависть южныхъ провинцій, оно совершаетъ национальное предательство. Двара иностраннаго господина никогда не доставитъ между нами итальянскому министерству ни уваженія, ни почестей. Когда я высказался въ Сициліи, этотъ великодушный остроумецъ готовъ былъ исполнить отъ отчаянія. Неаполитанскія провинці держались только подавляющею военною силою, это всѣмъ знаетъ. Итальянское единство могло совершиться только любовью и хорошимъ управленіемъ. А управителя сочли удобнѣйшимъ путемъ противоположный. Они всѣхъ ненависть и сторицею ненависть собираютъ. Безумные! они хотятъ, я знаю, междоусобной войны, чтобы имѣть случай залушить въ крови будущую свободу и на престолѣ деспотизма принести пріятную жертву. Но я не соглашусь, чтобы исполнилась эта жестокая мечта. Народный голосъ историческаго единства Италіи. Пусть утъ и сердце итальянской націи соединится, чтобы достигнуть великой цѣли нашего воспресенія: Миланъ и Либетинъ всѣхъ патриотовъ должны быть обращены исключительно на освобожденіе Рима. Остальное послѣ: «Итъвъ въ Римъ!» въ Римъ! Въ 1848-мъ и 49-мъ годахъ, вы, пламенные полководцы 59-и 60-го годовъ! впередъ къ святому расвятому городу! Мы побѣдимъ, потому что за насъ правый смыслъ, народное право и всеобщее единеніе. Я уверю, что итальянскій народъ исполнитъ себѣ обязанность. Пусть бы теперь же шло отъ насъ наше храброе войско. Итальянскій если и что-нибудь сдѣлалъ для нашего отечества, то шире всего слову: я рѣшился войти побѣдителемъ въ Римъ, или пусть вы это сдѣлаете! Но въ такомъ случаѣ я уверю, что вы отомстите

всю смерть и совершилъ мое дѣло. Да здравствуетъ Италия! да здравствуетъ Викторъ-Эмануилъ въ Капитуляціи!»

... Но все что было до свѣтлѣ изъ нѣтъ Гарібальди, теперь представляеть много интереса только для обрисовки этой личности, только такъ—сказать въ портретномъ отношеніи. Вѣдѣе Гарібальди ошелетельно отрицаетъ прошлое Италіи отъ настоящаго и будущаго, такъ что будущее Италіи не будетъ имѣть ни малѣйшей связи съ тѣмъ періодомъ жизни этой страны, который начался въ 1847 году и кончился 29 августа 1862 года. Сплотность окажется только съ политикой Наполеона и его безусловнымъ полновластіемъ надъ судьбами всего народа и каждаго гражданина въ отдѣльности и съ политикой короля Карла Альберта. Последняя дажемо говоритъ довольно неопредѣленно, будто совѣтъ министровъ рѣшилъ, что надо предстать дѣло свободному теченію истинѣ, то-есть судить Гарібальди какъ обыкновеннаго человека.

Единство Италіи нельзя считать изобрѣтеніемъ Гарібальди; всѣ итальянскіе великіе люди мечтали о единствѣ; самый энергическій проповѣдникъ единства есть Мадзини; но изъ отвлеченной проповѣди, изъ идеи перешелъ къ дѣлу первый конечно Гарібальди. Въ своемъ послѣднемъ воззваніи къ итальянцамъ онъ намекаетъ, что вѣдѣе Сицилію очень неспокойною, готовою потерять террацію. Это обстоятельство забыто министерствомъ; въ своемъ слѣдномъ отравѣ передъ судомъ народа оно быстро приняло мѣры, чтобы избавиться отъ Гарібальди, и не обратило вниманія на то, что вся Сицилія и весь Неаполь готовы были уже къ прыжку къ то время, какъ начался такъ Гарібальди. Онъ началъ сносить созданное имъ единство, удержатъ южные провинція, которыя потерали всякое терраціе отъ административныхъ вѣдѣе. Но неумудрено вспомнить, что налогъ на соль, увеличеніе пошлинъ съ гербовой бумаги и съ кушачъ ирѣдностей довели Сицилію до того, что въ присутственныхъ мѣстахъ оставались дѣла, оставались даже частныя сѣдла, адвокаты перестали брать за процессы, поголовное росло, народъ собирался лучами, раздавались матежныя клики; черезъ минуту Сицилія должна была отнестъ отъ Италіи вѣдѣе съ невольническою областью. Но Гарібальди ступалъ на берегъ — и съ деревомъ его возгласилъ Сицилія сморзалась, Неаполь остановился въ снѣгахъ.

... Но теперь все разрушено, Гарібальди арестованъ, а осадное положеніе въ невольнической области не спитъ, и само собою разумно, что теперь единство можетъ быть удержано только оружіемъ.

... И ра тѣмъ, вѣдѣе отъ сѣе с. Радіце къ императору

«Французскія французскія же газеты подсиживаютъ надъ Италией. Онѣ говорятъ напрошибъ:

«Говорить, будто 15 сентября откроется итальянскія газеты и г. Ратацци изложитъ намъ то положеніе, въ какомъ находится государство по случаю послѣднихъ событій. Мы надѣемся, что онъ будетъ непреклонно выказывать твердость, предусмотрительность и преданность Франціи. Только при помощи этихъ трехъ добродѣтелей итальянскій государственный человѣкъ можетъ съестъ вымыслы страстей, вокругъ него бушующихъ и стремлящихся къ его уничтоженію. Предпріятіе генерала Гарибальди противъ страны, которой допривилегіи оружіе, вызвало между туринскими претезіями и французскою политикою вопросъ нести. Теперь благодаря тому, что министерство выказало неколебимую твердость и полную непоколебимость Франціи, вопросъ этотъ отстраненъ благополучно и мы можемъ свободно рассмотреть, что требуютъ наши интересы. На чемъ теперь сталъ бы основываться г. Ратацци, еслибы онъ сталъ требовать Рима, какъ столицы Италиі? На волеизъявленіи ли онъ сослаться на неудержимое стремленіе націй? Хорошо неудержимое стремленіе, когда можно было такъ легко и проворно отбавиться отъ Гарибальди! Что представлялъ великій агитаторъ? Онъ представлялъ единство Италиі съ Римомъ, какъ столицей. Программою его была Римъ или смерть, и онъ не отбавлялъ этой цѣли отъ монархин Виктора-Эмануэля. Если онъ восталъ противъ воли своего государя, то только для того, чтобъ увеличить его власть и осуществить желаніе, законно выраженное годъ тому назадъ. Взвѣсивъ за оружіе, генералъ Гарибальди придалъ этому дѣлу чарующую силу своей смѣлости, свою неоспоримую популярность и тѣ услуги, какія онъ оказалъ итальянской монархин. Никто лучше его не могъ разшевелить страсти массъ, увлечь ихъ и предать движению шлодильную силу. Но что же случилось? Гарибальди собралъ какія-то шайки; онъ не увлекъ ни націю, ни войско; ни общественное мнѣніе. Все дѣло кончилось простою торговою ставкою и такъ вылившееся великое итальянское стремленіе къ единству ушло передъ оцѣнку сардинскія полковъ. Въ этой связи побѣдила не личность, который считали необходимымъ, уничтоженію программа, которой онъ былъ защитникомъ. Итальянское движеніе къ Чаму изжито, и еслибы оно было чистъ идеальное, какъ намъ его представляли, то оно неизбежно вытѣснило бы тутъ же Бергамеца. Если оно было подавлено такъ быстро и такъ легко, то очевидно, что оно существовало лишь на поверхности, какъ маленькое шибяніе, которое очень легко можетъ быть или развито, или подавлено сильными представительствомъ Виктора-Эмануэля. Тамъ подъ шапкой Бергамеца пре-

догомъ г. Ротации сталъ требовать Рима? Во имя безопасности монархіи? во имя неодолимаго народнаго движенія? Пустяки! Италія отказалась отъ этой мысли...»

Такимъ образомъ Франція окончательно отказывается очистить Римъ. Остается только сдѣлать его департаментскимъ городомъ, назначить туда префекта, подпрефекта и прочихъ гражданскихъ чиновниковъ; и все-таки оказывается невозможнымъ говорить о самостоятельности свѣтской власти папы. Однакоже для виду дѣлается все что нужно, и дипломатическимъ путемъ французское правительство неразъ пыталось пригласить папу на нѣкоторые уступки. Эти попытки обнародованы, чтобы Италія видѣла, какъ пекутся если не о ней, то покрайней-мѣрѣ объ уступкѣ свѣтской власти. 3 марта 1860 года французскій посланникъ въ Римѣ такимъ образомъ доносилъ своему правительству о свиданіи своемъ съ кардиналомъ Антонелли:

«Я начинаю думать, — сказалъ посланникъ кардиналу, — что вы желаете взрыва. Вы не можете закрыть глаза передъ очевидностью, вы видите движеніе, васъ охватывающее, вы знаете, что возстаніе въ Мархіяхъ и въ Умбріи неизбежно, вы знаете въ какой опасности королевство неаполитанское, и когда одна небольшая уступка могла бы отвратить грозу, спасти остальныхъ владѣнія папы, спасти Неаполь, которымъ вы жертвуете безъ сожалѣнія, спасти Италію можетъ-быть отъ всеобщаго переворота, вы отказываетесь отъ переговоровъ и накликаете грозу, какъ-будто рассчитываете на выгоды отъ обломковъ кораблекрушенія.»

Черезъ мѣсяць послѣ того тотъ же герцогъ де-Граммонъ доносилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ: «Папскій нунцій писалъ своему правительству о результатахъ своего разговора съ вашимъ представителемъ по поводу одобренной его величествомъ системы обезпеченія спокойствія въ папскихъ владѣніяхъ. Донесеніе это передано было на разсмотрѣніе свѣтѣйшаго престола, и кардиналъ государственный секретарь сообщилъ мнѣ, что его свѣтѣйшеству невозможно согласиться на эту комбинацію. Доводы отказа римскаго двора слѣдующіе: Папа не согласится подписать никакого протекста, въ которомъ будетъ уступка отошедшихъ областей. Малѣйшее согласіе въ этомъ случаѣ будетъ ему казаться уступкою совершившемуся факту... Папскій престолъ считаетъ вопросъ о реформахъ рѣшоннымъ въ принципѣ; но обнародованіе реформъ отлагается до обратнаго поступленія подъ папскую власть отошедшихъ къ Сардиніи областей... Онъ никогда не приметъ ручательства за оставшіяся подъ его властью земли, потому что этикъ онъ призналъ бы разши-
Ка. VIII. — Отд. III. 1/2

ну между этими землями и теми, которые отъ него отторгнуты. Тутъ рѣшимость его неколебима...»

22 июня слѣдующаго 1861 года депеша г. Граммона кончалась такъ: «Кардиналъ другимъ путемъ получилъ ноты, переданныя вамъ посланниками австрійскимъ и испанскимъ, и былъ недоволенъ неточностью ихъ редакціи и неясностью выраженныхъ тамъ предложений. Кардиналъ замѣтилъ въ испанской нотѣ проектъ общаго ручательства державъ за вышедшія владѣнія папскаго престола. По его словамъ, папскій престолъ рѣшился никогда не соглашаться на честныя ручательства, а въ случаѣ если католическія державы въ этомъ согласятся, то онъ будетъ протестовать противъ различія между землями, за которыя ручаются, и землями, за которыя не ручаются.»

Въ январѣ уже вышедшаго года новый посланникъ въ Римъ, г. Лавалетъ, получалъ отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ депешу, изъ которой приведемъ слѣдующее: «Урока опыта вмѣстѣ съ соображеніями, которыя сильнѣе должны подѣйствовать на святѣйшій престолъ, должны бы казаться заставить его согласиться, неотказываясь отъ своихъ правъ, на фактическія сдѣлки, для возвращенія спокойствія католическому міру, для новой связи преданій папства съ Италією, для связи съ папствомъ новыхъ судьбъ страны жестоко испытанной и наконецъ по прошествіи столькихъ вѣковъ возвращенной себѣ. Я не намѣренъ здѣсь разсматривать способовъ рѣшенія. Замѣчу только, что императорское правительство сохранило въ этомъ случаѣ полную свободу сужденій и дѣйствій. Намъ теперь нужно только положительно знать, можемъ ли мы питать, или придется намъ оставить надежду, что святѣйшій престолъ, въ виду совершившихся фактовъ, займется наконецъ изученіемъ вопроса, какъ обезпечить его святѣйшеству безопасность и независимость. Въ случаѣ допущенія этой возможности мы употребили искреннѣйшія усилія свои, чтобы въ Туринѣ принять былъ главъ примиренія, котораго основанія мы обсуждали съ нашимъ правительствомъ.»

Французскій посланникъ доносилъ, что папскій государственнй секретарь отвѣчалъ на всѣ предложенія полнѣйшимъ отказомъ, и прибавилъ: «Никакая сдѣлка — сказалъ мнѣ кардиналъ — невозможна между папскимъ престоломъ и теми, кто его обобрали. Ни святѣйшій отецъ, ни кардиналы не могутъ уступать ни малѣйшей частицы церковной области. — Я замѣтилъ кардиналу, что вопросъ о правѣ я тутъ оставляю восторонѣ, и на основаніи его же словъ, не ожидаю никакой уступки въ принципахъ. Мое дѣло въ томъ только, чтобы вывести ихъ на практическую почву фактовъ, предло-

жить нинешнему правительству случай, при сохраненіи всѣхъ его правъ, выйти изъ положенія столь пагубнаго для его интересовъ и столь опаснаго для спокойствія міра. Что касается — сказалъ кардиналъ — до сдѣлокъ съ грабителями, то этого никогда не будетъ. Я могу только повторить: никакое соглашеніе тутъ невозможно. Какими бы оговорками оно ни было окружено, въ какой бы мягкой формѣ оно ни было изложено, только что мы его примемъ, будетъ казаться, что мы согласны на уступку отъятыхъ земель. Папа, прежде своего избранія, и кардиналы, при своемъ назначеніи, объявлялись клятвенно не уступать ничего изъ церковной области. Поэтому святѣйшій отецъ никогда не сдѣлаетъ такого рода уступки; конклавъ не имѣетъ права это сдѣлать; новый папа не можетъ это сдѣлать; его преемники изъ гѣна въ вѣкъ не имѣютъ возможности это сдѣлать. Сегодня утромъ я получилъ отъ кардинала государственнаго секретаря записку, которой переводъ при семъ прилагается. После доклада его святѣйшему кардиналъ не имѣетъ ничего прибавить и ничего помянуть изъ своихъ вчерашнихъ словъ. Въ концѣ вы составили вопросъ: можно ли намъ питать, или придется оставить надежду, что святѣйшій престолъ займется изученіемъ вопроса, какъ обезопасить папѣ независимость и безопасность? Съ величайшимъ сожалѣніемъ я принужденъ отвѣчать отрицательно, и я не исполнялъ бы своей обязанности, еслибы оставилъ вамъ надежду, которой самъ не имѣю.»

Наконецъ — вера торжества покорной политики г. Ратаци — въ Парижѣ совѣтъ министровъ рѣшилъ, какъ видно изъ телеграфическихъ депешъ отъ 5 сентября, что нѣтъ никакой надежды на примиреніе папы съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ и что занятіе Рима французскими войсками должно быть продолжено еще на *некоторое* время.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

... Англія. — Франція. — Соединенные Штаты. — Австрія. — Пруссія.

Въ Англіи общественное мнѣніе чрезвычайно сильно занято итальянскими дѣлами и съ безпокойствомъ слѣдитъ за борьбою между партіей дѣйствія и партіей сопротивленія только потому, что дѣла тамъ находятся въ нѣсколько разстроенномъ положеніи. Когда промышленное и торговое движеніе идетъ въ Англіи своимъ чередомъ, безъ помѣхи, тогда какой-нибудь великій переворотъ у дальнихъ или ближнихъ сосѣдей не производитъ тамъ ни безо-

койства, ни смущенія. Въ такомъ случаѣ правительственные и частныя головы заняты только соображеніями, какія выгоды можно извлечь изъ даннаго переверота для расширенія дѣла и безопасности торговыхъ оборотовъ. Но теперь другое дѣло: теперь Англія страдаетъ отъ особеннаго внутренняго кризиса и нѣтъ повода бояться ухудшенія дѣла вслѣдствіе навязъ-шбудъ внѣшнихъ осложненій. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мѣры, принятыя генераломъ Гербардомъ, удалась, еслибы весь югъ Италіи поднялся, войско приняло бы сторону народа, еслибы вспыхнула война между итальянцами и императоромъ французовъ за Римъ, тогда борьба усложнилась бы вступленіемъ на сцену Австріи, тогда Англія была бы захвачена врасплохъ среди самыхъ серьезныхъ затрудненій. На шестидесять годъ она не рассчитывала ни на какія особенныя траты, потому что торговые дѣла 1860 года были въ самомъ высшемъ дѣтупшемъ положеніи и предвидѣть кризисъ было невозможно. Будущее представлялось въ такой улыбающейся видѣ, что министерство рѣшилось значительно расширить свободу торговли. Полной свободы привозныхъ товаровъ отъ пошлинъ Англія никогда и не допустить, и снять пошлину только съ тѣхъ товаровъ, которые не опасны для туземной промышленности. Уничтожено было много непрямыхъ налоговъ, измѣнена пошлина съ буракки, салада и съ гонки спирту. Несмотря на такія рѣшительныя мѣры, англійское правительство не дѣлало уменьшеній въ расходахъ, а напротивъ, вознамѣрилось тратить больше прежняго на флотъ, войско и укрѣпленія. Оно вѣрило въ будущее.

Въ мартѣ 1861 года явилось первые признаки американскаго распада. Но они сначала понаты не были и Англія скорее радовалась имъ, чѣмъ ихъ пугалась. Какъ остальная Европа, она не вѣрила возможности серьезной борьбы и рѣшительныхъ ее послѣдствій. Потомъ взятіе форта Совстера придало вопросу неожиданную важность, но Англія ничего не сдѣлала, чтобы предохраниться противъ остановки торговли съ югомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Говорили тогда, что въ мирное и въ военное время имъ выгодно поддерживать торговля сношенія съ Европой вообще и въ особенности съ Великобританіей. Наконецъ съверъ рѣшается блокировать непріятельскій берегъ. «Не бѣда! — говорятъ корабельщики, торговцы, прядальщики и ткачи: — барыши и контрабанда легко управятся съ федеральною блокадой. Нечего намъ торопиться; обѣ воюющія стороны будутъ имѣть нужду въ боевыхъ снарядахъ, и такимъ образомъ будутъ въ нашихъ рукахъ: лоповале прежняго достанемъ хлопнокъ.» Но вотъ къ препятствіямъ блокады присоединяется другое неожиданное препятствіе. Рабовладѣльцы сказали за-

наше себѣ: «промышленная Европа нуждается въ нашемъ сыромъ продуктѣ, а мы нуждаемся въ томъ, чтобы она признала нашу политическую самостоятельность, нашу народную независимость. Такъ помѣняемся. Если Европа не дастъ намъ признанія, такъ мы не дадимъ ей главнаго источника ея богатства, хлопка.»

По благоразумію, по недоумѣнію къ силамъ воставшихъ штатовъ, Англія и Франція не приняли этого предложенія. Тогда произошло опять неожиданное явленіе. Маленькій свободный народъ, неимѣвшій арсеналовъ, оружейныхъ заводовъ и фабрикъ, осадить войско, пушки, ружья, военный флотъ, расходуя огромныя деньги, владѣть морями. Рабовладельцы дѣлаютъ тоже неимѣнныя, еще большія усилія, и отрѣзываютъ у себя повсѣмному всѣ средства, запрещая вывозъ хлопка. По мѣрѣ вторженія сѣвернакъ шенріотей они сжигаютъ свои запасы и самыя плантаціи. Тогда Англія начинаетъ серьезно опасаться за себя. Въ Ливерпулѣ складъ хлопка въ ноябрѣ 1861 года былъ въ мальномъ янѣ. Запросъ на него и цѣна возрастаютъ вѣсть. Потомъ сѣверный флотъ захватываетъ переходъ Трентъ. Возможенъ успѣхъ; всѣ боятся войны съ Америкой, цѣна хлопка возрастаетъ, а вылазъ уменьшается на 40 и на 50 тысячъ кипъ въ недѣлю. Прядильщики работаютъ въ убытокъ, потому что цѣна изготовленныхъ тканей ниже такого же количества но вѣсу хлопка. Въ январѣ мануфактуры начинаютъ убавлять число рабочихъ. Въ маѣ мѣсяцъ нѣтъ 450,000 человекъ равно третья доля остается безъ работы и живетъ насчетъ своихъ приходовъ. Добровольныя приношенія, подати, благотворительность во всѣхъ формахъ не удовлетворяютъ громадной потребности, такъ что графства Ланкастерское, Честерское и Йоркское обращаются за помощью къ парламенту. Имъ помощь оказана, и золотые мѣшны, засѣлающіе въ налетѣ подъ именемъ народныхъ представителей, имѣютъ веселье быть весьма довольными собой: помощь состояла въ томъ, что эти-же графствамъ разрѣшено проповѣдывать займы. Имъ занимаютъ, и кормятъ голодныхъ, рассчитывая потомъ взять съ нихъ вылазныи хлѣбъ обратно, когда опять пойдетъ работа.

Теперь вотъ въ какомъ положеніи дѣла. На складѣ въ Ливерпулѣ 70,000 кипъ хлопка, — неболѣе того, сколько нужно при обыкновенномъ потребленіи его на подѣлю; нѣтъ этого числа едвали 15,000 кипъ американокихъ сортовъ, а остальное восточный, негодный къ употребленію въ роскошныя ткани; двѣсти тысячъ рабочихъ безъ работы; двѣсти пятьдесятъ тысячъ человекъ заняты два, много три дня въ недѣлю, а скоро и ихъ работа прекратится; вспомогательныя кассы пусты, несмотря на значительныя частныя

подписки; сохранивъ массы мануфактурныхъ округовъ опустѣли, потому что скопленные деньги взяты вкладчиками и прожаты. Сверхъ того каждый шельингъ вывозъ британскихъ надѣлий уменьшается. Недочетъ по этой части къ концу года будетъ неменше 300 миллионовъ франковъ. Недочетъ былъ бы на сто миллионовъ больше, еслибы не было частныхъ увеличеній вывоза во Францію, въ Турцію, въ Бразилію и другія меньшія государства. Неменше тяжко для капиталистовъ явленіе — упадокъ доходовъ съ желѣзныхъ дорогъ: нынче желѣзныя дороги даютъ на четверть, а нѣкоторыя даже на нѣкую треть валового дохода меньше, нежели въ обыкновенное время. Если принять въ соображеніе, какой колоссальный капиталъ затраченъ на желѣзныя дороги, то немудрено вывести заключеніе объ огромности потерь нынѣшняго года.

Но на всѣхъ этихъ развалинахъ и руинахъ лежатъ все прерывающій доскъ: наличныхъ денегъ на рынкѣ чрезвычайно много, такъ что неиспытаннй глазъ легко можетъ обмануться. Но денегъ такъ много потому, что промышленность страдаетъ, что предпринимчивость опустѣла крылья, и деньги теперь охотно отдаются правительствамъ даже не очень вѣрнымъ.

Теперь, пока время теплое, страданія бѣдныхъ классовъ все еще до нѣкоторой степени выносимы; но приближается зима, нужна болѣе питательная пища, нужна одежда, обувь, особенно необходимо огонь, и на все это нужно много денегъ, нужно, чтобы фабрики могли дать рабочимъ изволъ сырого матеріала. Рабочій народъ переноситъ нынѣшній горестный кризисъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Въ Франціи подобныя обстоятельства породили бы ропотъ противъ правительства, а можетъ-быть на площадяхъ стали бы являться вооруженныя группы. Но въ Англіи всякій переноситъ несчастіе терпѣливо и никому не приходитъ въ голову извалить на министерство бѣду, которой никто предвидѣть не могъ. Замѣчательно еще, что газеты удивительно покойны и съ необыкновенною умѣренностью и мягкостью излагаютъ и частныя и общія сентименты нынѣшняго кризиса. Читая ихъ, подумаешь, что случилась какая-нибудь бездѣлица, вроде того, что подмокла одна книга хлопка. Онѣ или вовсе умалчиваютъ, или съ пріятною маншловскою улыбкою рассказываютъ о маленькихъ неудовольствіяхъ людей, нѣсколько сутокъ непобаловавшихъ себя пищей. Зато юнтверевскіи громами разражаются онѣ по поводу дерзновеннаго Гарибальди, который желаетъ Италіи итальянскаго министерства. Въ самомъ дѣлѣ, внимательно прикинувши на счетахъ, оказывается, что въ случаѣ серьезной войны въ Италіи, Англія можетъ много потерять и очень мало выиграть. Поэтому знаменитая «Times» со дня на день становя-

лась все строже и строже къ итальянскому народу, до самого 29 августа, когда телеграфъ сообщил о побѣдѣ министерства надъ народомъ. Тогда началось то умѣренное аристократическое либеральничанье, которымъ отличается эта газета.

О Франціи сказать почти ничего, кромѣ развѣ путешествія императора въ Парижъ, въ шалонскій лагерь и въ Біаррицъ. Установленному порядку не грозитъ нигде никакой опасности. Но нельзя не рассказать объ одномъ уголовномъ процессѣ, который обрисовываетъ нравы нынѣшнихъ французозъ лучше всего. Въ процессѣ нѣтъ ничего политическаго, но за немѣніемъ и за невозможностью во Франціи внутренней политики, этотъ процессъ отбѣлъ весь интересъ отъ плановъ Гарибальди, и общество жадно читало отчеты о дѣлѣ Кремена.

Въ Лионѣ четыре года тому назадъ умеръ старикъ девятидесяти слишкомъ лѣтъ, Кремонъ. Онъ жилъ на квартирѣ вѣскога Фаара, и передъ смертью своею правильно составленнымъ и неоспоримымъ завѣщаніемъ оставилъ Фаару и его жевѣ все свое состояніе, болѣе двухъ милліоновъ франковъ. Французское общество и газетчики рѣшили, что старикъ былъ отравленъ. По нѣмъ мнѣнію иначе и быть не могло, что отравленъ старикъ, потому что чрезвычайно былъ богатъ. И еслибы сказать имъ, что судъ ничего еще не рѣшилъ, что это только слухи, то никто бы не повѣрилъ: да какъ же не отравить такого богатаго человѣка? Еслибы имъ сказать, что старикъ было слишкомъ девяносто лѣтъ, то они бы не повѣрили: «Какъ же? Человѣкъ богатый, составилъ завѣщаніе въ пользу своихъ хозяевъ; такъ неужели же не отравить? Вѣдь онъ могъ бы еще пожалуй прожить десять лѣтъ и десять разъ передѣлать свое завѣщаніе, тѣмъ болѣе что у него были родственники, тоже богатые люди.» Еслибы сказать имъ, что доктора не стали вскрывать его тѣла, четыре года тому назадъ преданнаго земле, такъ какъ нѣтъ уже возможности найти никакихъ слѣдовъ отравы, во случаю гнилости, то они обещали бы науку: «Чтоже это за наука, что не сумѣеть открыть такого важнаго обстоятельствоа? Это не наука, а трюка; а Кремонъ разумѣется отравленъ: два милліона — вѣдь это сто тысячъ годового дохода, стало-быть выигрѣжь, дача, почетъ, избраніе въ депутаты, престоикъ почетнаго легіона: разумѣется отравленъ, а науку отдасть полъ судъ.»

Общество не сомнѣвалось въ томъ, что тутъ замѣшанъ дѣтъ, тѣмъ болѣе что все дѣло началось по довогу вѣскога Шереля, который будучи самъ участвовалъ въ совершеніи преступленія. Всѣ судьи заранѣе были увѣрены, что смерть Кремена произошла вслѣд-

ствие отравы, такъ что казалось не было надобности въ судѣ и договоръ былъ произнесенъ заранѣе.

Старикъ Кренель при помощи необыкновенной скуности склпилъ себѣ огромное состояніе. Онъ родился около половины прошлаго столѣтія, никогда не былъ женатъ, не принималъ участія въ общественной жизни, выдавався иногда только съ нѣкоторыми сосѣдями, и между прочими съ Фавромъ. Этому Фавру тоже около десятилѣтствѣ лѣтъ; онъ служилъ швейцаромъ въ церкви св. Георгія, человѣкъ вѣрою лживый, вкрадчивый. Онъ получилъ уже два наслѣдства отъ лицъ, съ которыми не былъ въ родствѣ. Его женѣ теперь сорокъ два года; она-то и считается главнымъ преступникомъ. Обвинительный актъ указываетъ на ея безпорядочное поведеніе, на то, что лѣтъ двадцать тому назадъ ея шестидесятилѣтній мужъ нашолъ у себя подъ кроватью молодого человѣка. Жень бы то ни было, мадамъ Фавръ была въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ старикомъ Кренелемъ; дружба между ними началась съ 1847 года, и въ слѣдующемъ же году онъ составилъ завѣщаніе, которымъ назначаетъ ей четыреста тысячъ франковъ послѣ своей смерти. Въ 1853 году Кренель перешелъ на квартиру Фавра, въ началѣ 1858 года началъ хворать, потомъ завѣщаніе все свое имущество въ пользу мадамъ Фавръ, продолжалъ хворать, а въ августѣ умеръ. Докторъ, лечившій его втеченіи нѣсколько мѣсяцевъ, описалъ всю его болѣзнь со всѣми обыкновенными признаками медленнаго старческаго умирающаго. Онъ оставилъ мадамъ Фавръ 72,000 франковъ годового дохода въ государственныхъ билетахъ и пять домовъ въ Ліонѣ. Съ семействомъ Фавра былъ очень друженъ нѣкто Шерель, мужъ родной сестры мадамъ Фавръ. Мало-помалу онъ началъ преговариваться, дѣлая далекіе намекн на то, что онъ имѣетъ право на половину наслѣдства Кренеля, что онъ кое-что знаетъ и командуй скажетъ. Тутъ является еще лицо, которому Шерель сказалъ объ отравленіи. Это лицо — монахъ, отецъ Амвросій, который часто бывалъ у Фавровъ послѣ того какъ они получили наслѣдство, и получалъ отъ нихъ значительныя пожертвованія. Его-то Шерель выбралъ орудіемъ для того, чтобы вытребовать обѣщанныя бутылки сто тысячъ франковъ. Сообщая, что Кренель умеръ не своею смертью, Шерель сказалъ, будто онъ отравленъ былъ отравомъ макавыхъ головокъ. Слѣдствіемъ показало, что есѣака однажды видѣла какъ мадамъ Фавръ варила три макавыя головки, или можетъ быть только ихъ настаивала въ горячей водѣ. Фавры поругались такой болтовней Шереля и обѣщали ему сто тысячъ франковъ; часть денегъ выдали тотчасъ, а остальной части усложненнае мадамъ Фавръ не хотѣла отдать. Тогда Шерель сталъ повсему рассказывать,

что мадамъ Фавръ отравила Крепена, что онъ это очень хорошо знаетъ, потому что самъ помогалъ ей въ этомъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано еще, что отравы можетъ-быть давалась въ видѣ опиума или другихъ медленно дѣйствующихъ ядовъ, хотя въ доносѣ не было ни слова о другихъ ядахъ и слѣдствіе не показало ничего подобнаго. Но судьямъ показалось такъ естественно отравить богача, пока ему не вздумалось переписать завѣщанія, что они не задумались вставить въ обвиненіе и опиумъ, и опійно-шафранную настойку и неизвѣстныя другія вещества, могущія болѣе или менѣе медленно убить человѣка.

Уголовный процессъ велся обыкновеннымъ порядкомъ. Два знаменитые адвоката говорили свои прекрасныя рѣчи: Жюль Фавръ защищалъ обвиняемую, а Берье поддерживалъ права племянниковъ покойнаго Крепена противъ мадамъ Фавръ. Но судъ не хотѣлъ ничего принять во вниманіе. Говорили ему, что медленное отравленіе настоемъ маковыхъ головокъ вещь невозможная, что наркотическіе яды въ малыхъ приемахъ, втеченіи восьми мѣсяцевъ не убиваютъ организмъ, а становятся ему привычными и перестаютъ быть отравой. Судъ не хотѣлъ повѣрить. Представлено было, что еслибы мадамъ Фавръ была виновна въ убійствѣ Крепена, то она, получивъ наслѣдство, не осталась бы въ Ліонѣ, гдѣ всѣ знали покойника и всѣ не любили разбогатѣвшую наслѣдницу его, что она непременно уѣхала бы за границу, увезя съ собою все состояніе. Судъ не хотѣлъ слушать. Говорено было, что Шорель, завидуя огромному богатству сестры своей жены, желалъ получить значительную его долю, и раздосадованный, могъ напутать весь свой доносъ, тѣмъ болѣе что алчность въ немъ разыгралась полученіемъ не всѣхъ обѣщанныхъ денегъ. Судъ и на это не обратилъ вниманія. Довольно несомнѣннымъ во всемъ этомъ дѣлѣ кажется только то, что покойникъ былъ скупою и развратной старичишка, а мадамъ Фавръ жадная и развратная женщина. Но это еще не убійство. Тѣмъ менѣе, несмотря на совершенное отсутствіе точныхъ и ясныхъ доказательствъ, несмотря на свидѣтельство врачей объ относительной безвредности маковыхъ головокъ, несмотря на множество соображеній, говорящихъ противъ возможности отравы, суду казалось такъ естественнымъ, такъ необходимымъ отравить старика, который не торопился умирать, что Фавры и Шорель признаны виновными въ убійствѣ.

Соединенные Штаты быстро и вѣрно стремятся къ своему окончательному распаденію. Война ведется очень дѣятельно, свободные штаты набираютъ еще цѣлый миллионъ войска, строятъ десятки панцырныхъ кораблей. Негровладѣльческіе штаты, гдѣ военная

служба обязательна для всѣхъ свободныхъ жителей до тридцати лѣтъ, распространили это обязательство до сорокапятилѣтняго возраста. Ихъ войска движутся впередъ; сѣверныя войска отступаютъ. Но это было бы неважно, такъ какъ частныя успѣхи не составляютъ окончанія дѣла. Важнѣе всего то, что сѣверъ до сихъ поръ, по своимъ финансовымъ соображеніямъ, отказывается принять мѣру, которая разомъ окончила бы войну: освободить невольниковъ, живущихъ въ южныхъ штатахъ. Дѣло въ томъ, что война затѣяна за тарифъ. Сѣверу выгодна покровительственная система тарифа, а югу выгодна свобода торговли. Не люди искусственно устроили такую разницу: она устроилась сама собою, вслѣдствіе природныхъ свойствъ того и другого края и вслѣдствіе укоренившагося на югѣ рабства. Такъ какъ естественной разницы не уничтожить никакими войсками и Меринаками, то отдѣленіе сѣвера отъ юга выгодно будетъ обѣимъ сторонамъ, а если сѣверъ теперь и одолѣетъ, то онъ будетъ держать югъ въ неволѣ, какъ завоеванную страну, какъ колонію, — стало-быть новая война неизбежна, новыя усилія все болѣе и болѣе будутъ разорять обѣ воюющія стороны, и все-таки нѣтеперь, такъ послѣ распаденіе произойдетъ, только послѣ еще большаго обѣднѣнія страны. Это война не за принципъ, какъ воюютъ французы, если только имъ вѣрить, — это война за таможенныя правила. Вопросъ о свободѣ невольниковъ тутъ дѣло второстепенное; на дняхъ президентъ сѣверныхъ штатовъ г. Линкольнъ чрезвычайно наивно высказалъ это депутаціи негровъ, которые къ нему являлись. Конгрессъ, какъ извѣстно, положилъ выдавать пособіе неграмъ, желающимъ выселиться съ земель Соединенныхъ Штатовъ. Г. Линкольнъ предлагаетъ имъ выселяться на Панамскій перешеекъ и говорить между прочимъ слѣдующее:

«Вы спросите меня: почему я вамъ предлагаю оставить страну? Вы и мы — два разныя племени. Между нами существуетъ пропасть болѣе глубокая, нежели между всякими другими племенами въ свѣтѣ. Не стану разсматривать, справедливо это или нѣтъ; но это видимое различіе составляетъ большую невыгоду для всѣхъ насъ. Ваше племя жестоко страдаетъ, и мы тоже страдаемъ. Нечего мнѣ распространяться касательно вашихъ страданій. Вы всѣ здѣсь люди свободные. Всякій свободный человѣкъ желаетъ быть на правахъ равенства съ лучшими людьми своего племени. Но на всемъ огромномъ нашемъ материкѣ ни одинъ членъ цвѣтнаго племени не пользуется этимъ равенствомъ съ нами. Даже тамъ, гдѣ лучше всего обращаются съ цвѣтными людьми, на нихъ лежитъ нѣчто вродѣ запрета. Я не въ состояніи это перемѣнить; это фактъ, о которомъ вы и я, мы думаемъ одно и тоже. Мнѣ неужно говорить о томъ,

какое вліявіе рабство имѣетъ на бѣлыхъ. Это вліяніе весьма достойно сожалѣнія. Посмотрите въ какомъ мы теперь положеніи: наши бѣлые рѣжутся между собою, и никто незнаетъ, до чего это дойдетъ; и подумайте, что хотя между воюющими многіе о васъ и не помышляютъ, однако этой войны не было бы, еслибъ не было рабства и цвѣтнаго племени. Стало-быть для васъ и для насъ лучше разстаться. Главное затрудненіе въ томъ, что свободные негры не видятъ, какимъ образомъ переселеніе можетъ способствовать ихъ благосостоянію. Колонія Либерія существуетъ давно и можетъ считаться цвѣтущею съ извѣстной точки зрѣнія. Старый президентъ Либеріи только-что отъ меня уѣхалъ; онъ сообщилъ мнѣ по этому поводу много любопытныхъ замѣчаній...»

Но всей рѣчи достопочтеннаго президента мы выписывать не будемъ. Онъ съ удивительнымъ простодушіемъ говоритъ неграмъ, что бѣлые ихъ не любятъ, считаютъ ихъ помѣхой, лишними конкурентами въ работахъ, потомучто у нихъ кожа черная. Понятно поэтому, что война ведется не изъ-за нихъ. Но непонятнымъ становится, какимъ образомъ г. Линкольнъ считался аболиціонистомъ, и что же на американскомъ языкѣ значитъ аболиціонистъ? Выходитъ, что у нихъ заботящійся объ освобожденіи невольниковъ хлопочетъ объ этомъ не изъ любви къ нимъ, а изъ ненависти. Правда говорится — «что городъ, то норовъ»!

Говорятъ, будто Турція готовится къ вторженію въ Сербію. Константинопольскія конференціи не привели ни къ какому результату, покажеть. Англія видитъ торговыя выгоды, а Австрія видитъ политическую ловкость въ томъ, чтобы поддерживать притязанія Турціи противъ всякаго проявленія силы въ западныхъ славянахъ. Но ежели Турція возьмется за оружіе, то она найдетъ сербовъ готовыми принять борьбу. Князь Михайлъ хочетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ созвать скупщину или народное собраніе: нѣтъ никакого сомнѣнія, что она подастъ голосъ въ пользу войны и сниметъ съ князя всякую отвѣтственность. Но для всякаго изучавшаго восточный вопросъ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы Турція могла сосредоточить войну на одномъ только княжествѣ Сербіи, и кажется весьма возможнымъ, что война причиняетъ для Порты очень большія и несприятныя осложненія. Ежели вспыхнетъ война между турками и сербами княжества, то скоро поднимется драка по всей Турціи. Невольно вспоминается, что писалъ объ этомъ въ своей парижской брошюрѣ Дмитрій Стефановичъ:

«... Я говорилъ о силахъ Сербіи. Но болгарскія Балканы населены гайдуками, которые въ одио мгновеніе запрутъ всѣ три до-

роги, ведущія изъ Румелии къ Дунаю, и тогда Българія слѣдуетъ разсадникомъ людей и неистощимымъ запаснымъ магазиномъ для снабженія провіантомъ воюющихъ славянъ. Въ Босніи помянуто развѣзжаютъ сербскіе агенты, и по первому слову князя Михаила всѣ босняки возстанутъ, и ихъ пашамъ, бегамъ, агамъ и прочимъ господамъ некуда будетъ дѣваться, если они не послѣдуютъ примѣру своихъ предковъ, которые во время турецкаго нашествія перемѣнили вѣру, чтобы спасти свои богатства. Извѣстно, что Герцеговина давно пылаетъ, а Черногорье отвлекаетъ главныя турецкія силы.» — Все это неизбѣжно ожидаетъ Порту. Но кто же скажетъ, что мирдаты, кастероты, клементы, пулаты, всѣ эти католическіе албанскіе народы не воспользуются войной, чтобы завоевать себѣ независимость? Кто скажетъ, что Греція, которая наконецъ имѣетъ зародышъ національной гвардіи и серьезныя задатки болѣе свободнаго и болѣе національнаго управленія, не пособитъ нѣсколько весьма возможному возстанію въ Эпирѣ, въ Македоніи, въ Фессалии? Константинопольскій кабинетъ впадаетъ въ весьма опасную ошибку, если послушаетъ Англію и Австрію и вообразитъ, будто ей вольно продолжать свои нападенія на Сербію, вопреки всѣмъ существующимъ договорамъ. На конференціяхъ Россія и Франція даютъ оттоманскому кабинету гораздо лучшіе совѣты, настаивая на политикѣ примирительной. Эти двѣ державы можетъ быть лучше поддержали бы цѣлость Турціи, чѣмъ воинственные совѣты сэра Бульвера.

Въ Пруссіи палата депутатовъ собирается приступить къ окончательному разсмотрѣнію вопроса, какія принять мѣры, чтобы начать обсуживать смѣту военнаго министерства. Надо надѣяться, что она придумаетъ наконецъ эти мѣры.

По послѣднимъ телеграфическимъ извѣстіямъ, здоровье Гарибальди плохо поправляется и раны его грозятъ опасностью жизни. «Times» полагаетъ, что еслибы Гарибальди вздумалъ теперь прѣхать въ Англію, то несмотря на его послѣдній неудавшійся походъ, онъ былъ бы встрѣченъ съ величайшимъ торжествомъ.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Вступленіе. — Московское повѣтріе. — Продолженіе лѣтнихъ вѣстей: бессарабскіе виноградники. — Воинственное воззваніе. — Очистка служебной совѣсти, благопріятная для саранчи. — Сборы на нижегородскую арманку. — Отъ чего зависятъ уваженіе чужихъ привычекъ и обычаевъ? — Задача городскимъ обществамъ и приступъ къ рѣшенію ея въ Твери. — Одесскіе квасники. — Проектъ устройства петербургскаго толчучаго рынка. — Смыковскіе поджигатели. — Торжковский пожаръ и г. *Васулинъ*. — Послѣобѣденный сонъ въ Вольскѣ. — Отчеты: казанскаго учебнаго округа и нижегородской общественной библіотеки. — Проектируемый университетскій уставъ и размышленія одного обозрѣвателя объ этомъ предметѣ. — Нѣчто о чтеніи для арестантовъ. — Кумушка Перепетуя. — Замѣчательная фраза въ письмѣ нашего корреспондента. — Курьезы и безобразія: слабые остатки сатрапскихъ нравовъ, въ двухъ формахъ; шутка пивоваровъ съ пивопійцами; разные роды находчивости; столичные добры. — Новооткрытая область для обличенія.

Прилично бываетъ иногда сдѣлать наблюденіе надъ самимъ собою и замѣтить въ себѣ какую-нибудь характерную черту. Какъ бы ни былъ исключенъ самонаблюдшій субъектъ, но при этомъ случаѣ въ душѣ его непремѣнно являеется желаніе показать кому-нибудь подиѣленную черточку, хотя бы она была такихъ свойствъ и размѣровъ, что для разсмотрѣнія ея требовался бы постороннему человеку хорошій микроскопъ. Такова уже природа человѣческаго, такъ какъ ея естественныя стремленія, и удержаться отъ нихъ на всякій часъ. Удержаться отъ соблазна самопоказыванья можетъ только человекъ, задавшій и заморившій въ себѣ, силою разсудка и воли, многое множество действительныхъ, а вмѣстѣ съ ними столько же и камушекъ слабостей, т. е. такихъ, которыя по первоначальной мысли природы предвзначались быть необходимою приправою и прирасою для составленія *полнаго человека*. Послушные этому зову природы, находя въ немъ себѣ защиту и оправданіе, мы рѣшаемся

признаться, что предавались я мы самонаблюдению, и всмотрѣвшись внимательно въ наблюдаемый предметъ, простымъ глазами, безъ помощи микроскопа, увидѣли слѣдующее: у насъ какъ-будто выработалась своя манера, свой постоянный приѣмъ въ изложеніи нашихъ домашнихъ дѣлъ, состоящій въ томъ, что начиняетъ мы обыкновенно такъ-сказать отыскиваніемъ тона, въ которомъ поетъ въ данную минуту общественный хоръ; мы прежде всего какбы прислушиваемся, ориентуруемся, спрашиваемъ съ компасомъ, опредѣляемъ направленіе вѣтра и потомъ уже пускаемъ ладью своего лѣтописанія по мелкимъ волнамъ явленій и фактовъ. Этого шло: вслушиваясь въ звуки хора и ощущая на себѣ вліяніе вѣтра, мы проникаемся вліяніемъ стихій, чувства наши получаютъ соответствующее расположеніе — и плывемъ мы потомъ до конца съ тою сіяющею или кислою гримасою, которая образовалась при началѣ. Открытіе, согласитесь, не малое! можно предаться нѣкоторому самоуслажденію, сознавъ въ себѣ такую характерность!..

На это открытіе мы попали въ ту самую минуту, когда уже взяли перо, чтобы начать настоящую статью; а сдѣлавши его, нѣсколько развязнѣе можемъ послѣдовать выработанному приѣму. Чтобы выполнить его, довольно сказать; что въ нашей общественной жизни почувся новый элементъ; въ потокъ этой жизни влился новая темная струйка, о которой давно-таки не было ни слуху ни духу. Эта струйка — скука; присутствіе ея открылъ и возвѣсталь г. Пановскій, одинъ изъ лѣтописцевъ «Современной Лѣтонисы», который почти еженумерно, т. е. еженедѣльно отвѣчаетъ на задаваемый имъ самому себѣ вопросъ: «что дѣлается въ Москвѣ?» И вотъ въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ отвѣтилъ онъ на этотъ вопросъ такъ: «Москва скучаетъ». Онъ изслѣдовала и доказала положительно, что въ настоящее время одержимо скукою все общественное: молодые люди, артисты, литераторы, торговля, промышленность, книги, газеты... Особенно литераторы скучаютъ, притомъ въ рѣшительное отчаяніе отъ того, что «не въ состоянии ничего сказать новаго, ничего поразительнаго, эсентаго, послѣ новыхъ ученій, высказанныхъ въ послѣднее время некоторыми петербургскими журналами»...

Прочитавъ это завѣстіе, въ первую минуту мы ужаснулись. Бѣствію первопрестольной столицы, коронационной, такою, страшною эпидемією; потомъ нашло на насъ сомнѣніе; откуда, думается, встаетъ эпидемическая скука? Г. Пановскому должно-быть послѣдовалось... Однако нѣтъ! просматривая нѣкоторые московскія изданія, мы замѣтили, что тамъ въ самомъ дѣлѣ должна дѣйствовать причина, потому что иначе нельзя объяснить прерывающагося мѣстами осе-

беспощаднаго извѣдана и силада мыслей, которыми какъ-будто вертятся все вокругъ одного и того же пункта и сбиваются на него безпрестанно, встали и встали. Такъ напримѣръ въ той же «Современной Лѣтописи» заговорили какъ-то объ открытіи участка саратовской желѣзной дороги до Коломны; съ пріятностью замѣтили, что «въ управленіи ея невидано бюрократическихъ замашекъ»; потомъ уже безъ всякой пріятности упомянули, что «и тутъ, на этой внутренней, чисто-русской желѣзной дорогѣ видятся въ ея должностномъ персоналѣ, между кондукторами и разными мастерами, несовѣтъ русскихъ лицъ и слышится иѣмецкій говоръ» — и вдругъ при семъ удобномъ случаѣ прибавляютъ: «Жаль, что у насъ столько плодится людей, которые переливаютъ изъ пустого въ порожнее, лѣзутъ въ пресвѣтѣлыя челоуѣчества, въ реформаторы общества, а такъ мало людей дѣльныхъ; не лучше ли было бы всѣмъ этимъ пресвѣтѣльцамъ заняться какии-нибудь болѣе скромнымъ, но болѣе серьезнымъ дѣломъ? Право несравненно лучше служить исправными кондукторами или даже кочегарами на желѣзной дорогѣ, чѣмъ празднословить о прогрессѣ. Прогресса оказалось бы больше, еслибы у насъ было болтуновъ по части прогресса, а настолько бы прибыло людей дѣльныхъ, хотя бы то кондукторовъ по желѣзнымъ дорогамъ.»

Въ другой немалѣе почтенной московской газетѣ «Наше Время», какой-то г. Дивово рассказываетъ, что его знакомый, молодой челоуѣкъ, долженъ-быть очень неглупый, предлагалъ ему участвовать въ обществѣ, которое бы называлось консервативно-прогрессивнымъ или прогрессивно-консервативнымъ, котораго цѣль касалась бы «благоустройства Европы», а дѣйствія заключались бы главнѣйшю въ выборѣ промѣнителя и назначеніи двѣхъ заведеній. Рассказавъ о такомъ провѣшеніи помѣшательства, г. Дивово заключаетъ, что лучше было бы, еслибы подобно (т. е. помѣшаннымъ) господу, «оставивъ поговорить благоустройство Европы, занялись... чѣмъ-нибудь адскимъ полевизномъ, устройствомъ мостовой въ Сокольники или уничтоженіемъ злобенія вокругъ Сухаревой башни.

Обе совѣты, дѣлать молодымъ болтунамъ — идти въ кочегары и строить мостовыя — безъ сомнѣнія совѣты весьма мудрые, но господу совѣтодателю, видимо одержимому московскою эпидеміею, изъ принадлежечъ скуки и тоски забыли вѣроятно немалѣе мудрое правило; что наученія тогда только могутъ имѣть силу и дѣйствіе, когда они не впадаютъ въ пошлость и не тычутся въ глаза ни къ чему изъ горю.

...Итакъ съ приведенныхъ фактовъ мы заключаемъ, что г. Пашарскій правъ; въ Москвѣ точно должны дѣйствовать эпидемиче-

ская скука, и шутить этимъ нельзя: вы знаете какъ сообществомъ зѣвота — порожденіе скуки; а тутъ желѣзная дорога... долго ли до грѣха! Мы уже слышали одного петербургскаго господина, правда весьма расположеннаго къ николаѣвичу, вырвавшагося вславы, которые могли развиться только въ сильнѣйшихъ припадкахъ скуки... Мы съ своей стороны рѣшительно не хотимъ ей поддаваться, и чтобы прогнать всякую мысль о ней, будемъ говорить обо всемъ, поведемъ васъ всюду, — только вы уже на этотъ разъ не требуйте отъ насъ ничего, могущаго задержать насъ на пути, замедлить теченіе нашей рѣчи, какъ-то: ни системы, ни послѣдовательности.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ насъ облавали холодомъ весенніи извѣстїа; теперь видемъ мы кое-что, нѣсколько умѣрающее этотъ холодъ. Вообще настоящая статья въ нѣкоторыхъ частяхъ своего можетъ-быть послужить дополненіемъ предыдущей. Въ прошлый разъ передавали мы наприимѣръ извѣстіе, что на югѣ отъ весеннихъ холодовъ пострадали и частью погибли сады; теперь слышимъ, что въ Бессарабіи въ нынѣшнемъ году виноградники въ такомъ отличномъ состояніи, въ какомъ давно уже не бывали, а потому и выдѣлка вина предвидится тамъ чрезвычайно обильная.

Изъ славяносербскаго уѣзда екатеринославской губерніи у. становой приставъ Карасеничъ прислалъ въ редакцію «Одесскаго Вѣстника» любопытное писемцо объ овражкахъ. Онъ рассказываетъ, какъ по прїѣздѣ въ славяносербскій уѣздъ услышалъ онъ въ первый разъ однообразный свистъ этихъ звѣрковъ; какъ этотъ свистъ вмѣстѣ съ мыслью о злозвѣдности самихъ свистуновъ произвелъ на него такое неприятое впечатлѣніе, что онъ твердо рѣшился преслѣдовать ихъ всѣми законными отъ него средствами, и какъ наконецъ придумалъ онъ обратиться къ волостнымъ старшинамъ, по съ предписаніемъ по своей полковской должности, а съ убѣдительнымъ и одушевленнымъ воззваніемъ, прилашляющимъ въ возстанію противъ овражковъ. «Старшина! — писалъ онъ между прочимъ въ своемъ посланіи: — ты избранъ допріемъ общества, утвержденъ мировымъ посредникомъ и служишь до сихъ поръ: слѣдовательно ты достоинъ этого званія. Обязанность твоя велика: ты долженъ заботиться, чтобы народъ былъ счастливъ, а для этого нужно много, много трудовъ; но зато тебя ждетъ благодарность начальства и общества. Неужели же ты допустишь, чтобы овражики уничтожили поля? Знаю, что вѣтъ; а потому принимай мѣры къ ихъ истребленію. Въ прежнее время, въ случаѣ бѣдствія весь кормили и помогали вамъ господа, а теперь вы сами должны позаботиться о себѣ. Примите же мѣры къ истребленію овражковъ...» Удѣлъ этой воинственной рѣчи, мы даваемъ г. Карасеничу; пре-

дошедъ его ожиданія: во день отправленія его письма, къ нему было приложено отъ разныхъ волостей *восемьдесятъ девъ тысяч* овражныхъ или вражскихъ хвостиковъ; да кромѣ того, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, частными эконоини (можетъ-быть подвижниками тѣмъ же посланіемъ) истребили до *двѣнадцати тысячъ* овражковъ. При этомъ г. Карасевичъ съ особенною похвалою указываетъ на старшину уменской волости Павла Рѣдку, который одинъ доставилъ *двѣдцати тысячъ* хвостиковъ... Эти хвостики, эти драгоценные трофеи доказываютъ, что значитъ опасность въ томъ, что значить умѣть вызвать народную энергію!

Съ дѣйствителными старшинами славяносербскаго уѣзда противъ овражковъ весьма неучтительно союставили существовать слѣдующихъ строкъ, четверговыхъ 12 (шлях. е. Ник. Толкачевымъ (управляющимъ имѣніемъ А. М. Мирковича), строкъ, гласящихъ о другомъ страшномъ врагѣ южнаго народонаселенія — саранчѣ.

«Нынь учреждены особые чиновники для истребленія саранчи, — говоритъ г. Толкачевъ: — нынѣ положено, въ отношеніи времени ихъ занятія, лучшее жалованье. Но къ сожалѣнію чиновники эти назначены изъ круга тѣхъ людей, которые согласны съ мнѣніемъ простаго народа и духовенства, что никакія мѣры не уничтожатъ зла, когда Богу угодно вносить наказаніе людямъ за ихъ грѣхи. Въ прошлую осень нѣкой чиновникъ въ свое мѣсто и не пріѣзжалъ по объявленіи ему о заложеніи сѣмянъ саранчи, но для очистки своей служебной совѣсти писалъ приказъ пахать и выбирать сѣмена. Урядники доносили, что исполнено все какъ слѣдуетъ, увеличивши добычу сѣмянъ саранчи. А послѣ того, весной сего года, выскочили саранча въ несметныхъ тучахъ. Весною работали сотни людей надъ истребленіемъ саранчи безуспѣшно. Въ настоящее время саранча истребила хлѣба на тысячи десятинъ; цѣлыя селенія остались безъ хлѣба въ лубенскомъ, золотонешскомъ, ирватинскомъ и другихъ уѣздахъ молтавской губерніи. Слышно, что и въ кievской губерніи она истребила много хлѣба... Не видалъ я истребленія молодой саранчи, потому не могу судить, возможно ли въ конецъ истребленіе ея, когда она уже ползаетъ и скачетъ. Но что возможно истребленіе ея осенью, когда она заложитъ сѣмена въ землю, въ томъ крѣпко увѣренъ...» Затѣмъ г. Толкачевъ рассказываетъ собственный совершенно удачный способъ такого истребленія саранчи въ сѣменахъ.

Нужно стало-быть какъ-нибудь подѣйствовать на чиновниковъ, учрежденных для истребленія саранчи, и возбудить въ нихъ энергію, чтобы они не ограничивались очисткою служебной совѣсти. Чѣмъ же подѣйствовать на нихъ? Посланіемъ? Но возьмется ли

г. Карасевичъ или кто другой написать такое посланіе, которое бы непременно на нихъ подействовало? Едвазд! Мы полагаемъ, что на сочиненіе такого посланія нужно объявить конкурсъ...

Есть въ Россіи одинъ пунктъ, гдѣ въ настоящее время никакъ не можеть быть мѣста слухѣ. Это не значитъ, что тамъ цѣлымъ непремѣнно пріятно и весело: нѣтъ, многимъ можетъ быть мука, горько, досадно, досадно до одоубленія, но все-таки не скучно. Этотъ пунктъ — Нижній-Новгородъ, гдѣ теперь происходитъ годичная проба и результатъ движенія цѣлой промышленности в торговли. Что покажетъ въ нынѣшнемъ году эта проба, мы еще не знаемъ и не слышали ничего, кромѣ одной фразы, что «богатѣй, насколько можно судить теперь, во всей сѣверной полосѣ урожаи по обѣимъ сторонамъ Волги дастъ нынче надежду на живую деятельность въ Нижнемъ». Не слышали мы о характерѣ сборовъ несквичей на нижегородскую арманку: они въ нынѣшнемъ году были, говорятъ, подъ вліяніемъ петербургскихъ ожиданій известія о желѣзной дорогѣ отъ Владимира до Нижняго, которая останется въ глубокомъ мракѣ неизвестности почти до самого дня отарантіа, послѣдовавшаго 31 іюля. «Изъ того, что мы видѣли и слышали, — говоритъ «Акціонеръ» — замѣтно очень живое недовѣріе въ обществу, ведущему такъ медленно и странно это дѣло. Слѣдуетъ мало замѣтно въ немъ вниманія къ аривычнамъ и обычаямъ страны, гдѣ главное общество вело свое дѣло, такъ близко связанное съ его же собственными выгодами. Неужели же не было возможности ускорить работы и отарыть дорогу за недѣлю, за двѣ до арманки, захватить этимъ весь или почти весь отправляемый туда товаръ въ свои руки и доставить удобство отправителямъ, или объявить по крайней мѣрѣ заранее, что открытіе дороги послѣдуетъ непременно такого-то числа? Чтоже изъ этого вышло? Какіе имѣла результаты неопредѣленность, будетъ ли дорога открыта для нѣтъ? Цѣны на проездъ, особенно въ іюнѣ, были довольно высоки. Многие отправляли все, многие только часть, многие колебались въ отправкѣ. Служа госоприан, что дорога отароется и нынѣ и завтра, посылали, отправивали. Будеть открыта, быть отвѣтъ; а когда? — неизвестно. Многие махнули рукою и отправляли на подводкахъ все; нѣкоторые ограничались необходимо нужнымъ въ началѣ арманки, а остальное вручили подрадчикамъ, которые до послѣдняго времени принимаютъ товаръ и выдаютъ квитанціи въ отправкѣ по желѣзной дорогѣ вплоть до Нижняго... Все это смѣло, смутало дѣла и заставило многихъ платить 75 и 80 к. на одиначкахъ и 1 р. и 1 р. 10 к. на тройкахъ, чтобъ только быть покойнымъ. Но такъ какъ немало товара вслѣдствіе ожидаемой было отправлено подводѣ обыкновен-

ного, то вѣроятно и доставка будетъ несовѣтъ своевременная. Многие пассажиры также не дождались открытія и направились или на Тверь, или на Ярославль. «Дѣло-то вѣрнѣе, говорили они: — тамъ уже дорога протоптана, а тутъ вѣроятно гонять и въ хвостъ и въ гриву, коли до сихъ поръ не открываютъ. Голова каждому нужна; они бы открыли хоть за недѣльку, да сами поѣздили, а мы бы поглядѣли, а потомъ и поѣхали...»

Всѣ городскія общества имѣютъ въ настоящую минуту достаточный поводъ замолвить слово за нѣкоторые изъ ихъ привычекъ и обычаевъ, потому что имъ предоставлено самимъ составить новые проекты ихъ мѣстнаго городского управленія. Подумаютъ ли они при этомъ случаѣ о приданіи законности хоть одному изъ тѣхъ ихъ обычаевъ, которые оставались всторонѣ отъ закона и не пользовались правомъ на всеобщее уваженіе? Любопытно было бы знать, какъ смотрятъ члены городскихъ обществъ на заданный имъ трудъ и въ какой степени они одушевлены имъ. Конечно мы ничего объ этомъ еще не знаемъ; мы пока только останавливаемся въ раздумь надъ такими предварительными извѣстіями, какое на примѣръ напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» изъ Твери. Вотъ оно:

«Вчера (т. е. 23 июля) у насъ въ думѣ было первое собраніе владѣльцевъ недвижимой собственности въ городѣ, изъ всѣхъ сословій, для выбора депутатовъ въ предстоящую комиссію для составленія новаго городского управленія, согласно предписанію министра внутреннихъ дѣлъ. Для такого важнаго дѣла явилось около ста тридцати купцовъ и мѣщанъ и около двадцати человекъ чиновниковъ и дворянъ. Такимъ образомъ собраніе, по малочисленности избирателей, особенно изъ дворянъ и чиновниковъ, не состоялось, и будутъ опять разсланы по городу приглашенія на новый сходъ, который вѣроятно будетъ не много успѣшнѣе настоящаго... На настоящемъ, т. е. вчерашнемъ собраніи, какъ я слышала, нѣкоторые купцы и чиновники предложили въ депутаты одного чиновника, не имѣющаго въ городѣ никакой недвижимой собственности, по тому соображенію, что онъ, довольно много путешествуя, видѣлъ разные роды городского управленія и можетъ быть полезенъ по релакціи будущаго проекта тверскаго городского общества; но, говорятъ, одинъ бюрократъ яростно возсталъ противъ такого беззаконнаго предложенія, потому что въ предписаніи начальства прямо сказано, что депутаты избираются изъ владѣльцевъ недвижимой собственности въ городѣ. Нѣкоторые возразили, что они владѣютъ въ городѣ недвижимой собственностью и уступаютъ ему свое право быть избираемымъ въ депутаты; но законникъ стоялъ на своемъ. Ему

предложила самому быть депутатомъ; она отказалась. Чтожъ это такое?»

Такъ возвращается сообщившій это извѣстіе таситавинъ и обѣщаетъ слѣдить за настоящимъ важнымъ дѣломъ и за другимъ и немедленно извѣщать о его ходѣ редакцію «Вѣдомостей»... Да не ослабѣетъ она въ исполненіи своего обѣщанія, и мы со стороны будемъ ему за это очень благодарны.

Въ прошедшій разъ мы привели примѣръ энергической заботливости о самосохраненіи, взятый изъ жизни города Одессы. Это относилось къ страхованію недвижимыхъ имуществъ отъ огня. Теперь таже Одесса представляетъ другой примѣръ подобной энергіи, вышедшій... изъ среды общества одесскихъ квасниковъ. Штабс-ротмистръ Евстафій Алексѣевъ, состоящій членомъ этого общества, напечаталъ въ 70 № «Одесскаго Вѣстника» *предложеніе* слѣдующаго содержанія. Ссылаясь на недавнее объявленіе отъ городской думы, въ которомъ было сказано, что домовладѣльцы не имѣютъ права запрещать продающимъ квасъ выставлять свои лари на тротуарахъ, прилежащихъ къ ихъ домамъ, на томъ основаніи, что это пространство земли принадлежитъ городу, а не имъ, г. Алексѣевъ говоритъ:

«Поводомъ къ этому объявленію послужили жалобы квасниковъ на притѣсненія *извѣстныхъ лицъ*, по просьбамъ домовладѣльцевъ или ихъ повѣренныхъ, присвоившихъ себѣ право *взыскивать съ квасниковъ извѣстную плату*, болѣе или менѣе значительную, смотря по мѣсту.

«Вступивъ въ общество квасниковъ (продолжаетъ затѣмъ г. Алексѣевъ), я имѣлъ возможность узнать всѣ ихъ заботы и нужды, а потому скажу теперь нѣсколько словъ о торговыхъ ихъ оборотахъ. Во сколько обходилась до сихъ поръ кваснику выставка квасу? Самая плохая выставка квасу обходилась предпринимателю въ 25 руб., самая лучшая — отъ 50 до 75 руб., хотя за мѣсто въ одну квадратную сажень квасникъ платитъ обыкновенно въ городскую думу всего 1 р. 75 к. Въ Одессѣ считается до семисотъ квасныхъ стоекъ; городъ получаетъ съ нихъ доходу 1,225 руб. Положимъ, что каждая квасная стоитъ промышленнику среднимъ числомъ, *со всеми секретными расходами*, 30 р., что въ совокупности составитъ сумму въ 21,000 р. Если вычесть отсюда сумму, поступающую въ городской доходъ, то останется 19,775 руб. Имѣя въ виду, что эти деньги могли бы быть употреблены съ пользою для общества, квасники согласны уплачивать, кромѣ опредѣленнаго взноса въ городской доходъ за мѣсто для торговли, еще въ пользу бѣдныхъ: по 5 руб. съ лучшей выставки и по 3 руб. съ менѣе хорошей. Это пожертво-

наше еще готовы сдѣлать на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы мыч
 црбасемъ пришеде сеенъ отъ едѣлкихъ непрамычъ поборовъ. Распораже-
 ніе деньгами сообразно цѣламъ ихъ назначенія, по всеобщему желанію
 кавасниковъ, должно зависѣть отъ двѣнадцати выборныхъ, извѣст-
 ныхъ всему обществу. Послѣдніе должны давать отчетъ всему об-
 ществу кавасниковъ, а также печатать эти отчеты въ «Одесскомъ
 Вѣстникѣ». Въ случаѣ же утраты денегъ выборными, послѣдніе
 должны исполнить недостающее количество изъ собственныхъ
 средствъ... На эти же деньги предполагается устроить приходскую
 школу на впрочныхъ основаніяхъ... Что касается до мѣстъ для
 ставки кавасу, то желательно бы, чтобы было опредѣлено, сколько
 именно можетъ быть ихъ поставлено на извѣстной улицѣ. Предпо-
 лагается, что эти мѣста должны быть передумерованы и что ну-
 мера будутъ раздаваться по жребію или съ торговъ. Лица, получив-
 шія лучшіе номера, будутъ платить по 5 руб., а за худшіе номера
 по 3 руб. въ пользу бѣдныхъ. Лучшими номерами считаются мѣста
 на многолюдныхъ улицахъ... Вотъ въ краткихъ чертахъ всеобщее
 желаніе кавасниковъ, съ цѣлью улучшить собственное благосостоя-
 ніе и принести посильную дань обществу.»

Мы пропели слово въ слово предложеніе г. Алексѣева, потому-
 что диче не была бы можетъ-быть такъ ясна его мысль и вызыва-
 ющее эту мысль положеніе одесскихъ кавасниковъ. Однѣ въ полѣ
 не сонтъ, говоритъ пословица. Не будь г. Алексѣева и не задумай
 онъ сдѣлать своихъ товарищей по промыслу въ дружную артель.
 влечили бы они неодиночѣе скорбное существованіе, претерпѣла
 притѣсненія отъ «извѣстныхъ лицъ» и неся на себѣ «секретные рас-
 ходы»; но артель, если только она осуществится, въ состояніи бу-
 детъ вытти изъ этого положенія. Странно же однако: почему однѣ
 только кавасной промыселъ на Русь поставленъ въ описанное г. Але-
 ксѣевымъ положеніе, а всѣ прочіе изъяты отъ него? Конечно нѣтъ;
 такъ чтоже мѣшаетъ другимъ промышленникамъ идти къ устрой-
 ству своего благосостоянія тѣмъ же путемъ? Въдъ онъ несравненно
 вѣрнѣе и дѣйствительнѣе вслѣхъ начальническихъ преслѣдованій,
 наравленныхъ противъ незаконныхъ поборовъ, секретныхъ дохо-
 довъ и т. п., — преслѣдованій, имѣющихъ большею частью одно зна-
 ченіе «очистка служебной совѣсти», и больше ничего. Оно впрочемъ
 поматно: промышленники разнаго рода до свѣхъ поръ были убѣждены,
 что идти такимъ путемъ нельзя; а пусть-ко они, олушевевшись при-
 мѣромъ г. Алексѣева, попробуютъ — и можетъ-быть увидятъ, что
 можно. Рѣшимость и предприимчивость — великія добродѣтели!

Духъ предприимчивости неожиданно вылетѣлъ въ видѣ искорки
 изъ петербургскихъ пожаровъ. «Сѣверная Почта» возвѣстила о соста-

вышеописаннаго проекта учрежденія акціонерной компаніи для устройства толкучаго рынка. Проектъ принадлежитъ какому-то г. Андросову, и вотъ въ чемъ состоитъ онъ. Выпускается 22,000 акцій, по 250 р. каждая, т. е. на $5\frac{1}{2}$ миліоновъ; онѣ приносятъ 6% постоянного дохода; погашаются ежегодно тиражемъ въ 25 лѣтъ; оплачиваются изъ доходовъ рынка, собираемыхъ за наемъ лавокъ и торговыхъ мѣстъ, за которыя наемная плата полагается отъ 25 р. и не выше 400 р. въ годъ. Лавокъ разнаго размѣра предполагается въ рынкѣ до 8,000. Акціонеры получаютъ кромѣ 6% постоянного дохода, въ первый годъ по водвореніи торговли въ рынкѣ, въ дивидендъ до 15% . Дивидендъ долженъ съ каждымъ годомъ увеличиваться на 200,000 р. потому что ежегодно выбываетъ по тиражу 800 акцій, т. е. на такую же сумму 200,000 р.

Теперь о самомъ рынкѣ, который будетъ строить компанія. Наружный видъ его, какъ объявлено, будетъ во всемъ сходенъ съ гостинымъ дворомъ, съ корпусами внутри двора. Рынокъ будетъ каменный, въ три этажа; съ обѣихъ сторонъ корпусовъ просторныя галереи; большія лавки предполагаются въ 3 сажени по лицу и $4\frac{1}{2}$ саж. въ глубину, высоты 8 арш. Лавки помѣстятся въ первомъ и второмъ этажахъ, а въ третьемъ и въ подвальномъ кладовья. Другія торговыя помѣщенія будутъ разбѣромъ въ половину и въ одну четверть противъ большихъ лавокъ. Этажи здания отдѣляются одинъ отъ другого сводами и плитнымъ или чугуннымъ поломъ; лестницы и переходы изъ одного корпуса въ другой будутъ чугунныя; всѣ двери и окна — желѣзныя. Между корпусами внутри рынка устроятся проѣзды шириною въ 7 или 8 сажень; посреди нихъ помѣстятся для мелочной торговли подвижныя желѣзные лари, а между простѣжками галерей — желѣзные скамьи. По всему рынку будутъ проведены газъ и вода; для воды въ удобномъ мѣстѣ устроятся резервуаръ. Въ среднѣй рынкѣ будетъ церковь съ просторной площадью и два дома для правленія компаніи, трактиръ, залъ для совѣщаній по коммерческимъ дѣламъ, квартиры для служащихъ при рынкѣ и правленіи общества, пожарное депо и пр. По угламъ рынка — часовни. Для вспоможенія торговцамъ, которые по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ придутъ въ упадокъ, учредится касса, изъ которой будутъ выдаваться имъ пособія и семействамъ пенсіи. Послѣ двадцати-пяти лѣтъ вся недвижимая собственность рынка отдается въ пользу города, но торговому сословію предоставляется выкупить ее, по расцѣнкѣ двадцати-пяти-лѣтней сложности дохода, втеченіи двадцати шести лѣтъ.

Проектъ этотъ, говорятъ, представляется или уже представлялся въ думу. Если онъ будетъ принятъ, осуществится, и если компанія

неудача своимъ дѣламъ самому устройству рынка надлежало бы и честнымъ образомъ, то въ успѣхъ компаніи можетъ не можетъ быть сомнѣній, потому что потребность дѣла, за которое она берется, — во-первыхъ, не по теоріи выведенная, а очевидная и всѣмъ совершенно известная. Умѣренность предложенной платы за часть перловыхъ помѣщеній окончательно устраиваетъ подобное сомнѣніе.

Неожиданности вышнѣшняго дѣла, какъ мы уже говорили, имѣетъ страшная особенность. Въ 29 № «Московской медицинской газеты» докторъ Иновѣдцевъ описалъ замѣчательный случай паромалинаго воспаления. Этотъ случай «пожарнаго умонамѣательства» невозможно пришло въ мысль на поводу рассказаннаго въ «Брянскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» событія страннаго, дикого, рѣзкаго на Русь. Ростовскаго уѣзда въ деревнѣ Сивинѣ съ 23 по 28 іюня, т. е. течение восьми дней, было восемь пожаровъ съ людьми и вероимѣнныи признаніи поджигательства. Въ семи перловыхъ поджогахъ очевидно и повидному неопровержимо замечательны два преступленія и три крестьянки той же деревни. Всѣмъ поджогъ, произшедшій самый значительный пожаръ, истребившій девять домовъ съ дворами, послѣдовала тогда, когда земледѣльцы были уже арестованы, а постороннихъ людей въ деревнѣ не было. Виновнаго въ послѣднемъ поджогѣ не открыто... Чтѣ это такое? Крестьянинъ *Иванъ Сергѣевъ* и жена его *Прасковья Яковлева*; крестьянинъ *Кузьма Андреевъ*, жена его *Шелла Прасковья* и сестра *Анна Андреева* — вотъ имена пяти сивинскихъ поджигателей. Чего они хотѣли? изъ-за чего пускались на такое большое преступленіе? Можетъ быть слѣдствіе откроетъ тайну, и она окажется очень простое и обыкновенное, но фактъ все-таки остается дикимъ и недообъяснимымъ. Случается въ деревнѣ одинъ гонимый и ослобленный, который съ отчаяніемъ подбрасываетъ огонь подъ уголь своего люда; но чтобы составилась въ деревенскомъ быту цѣлая шайка или какое-то тайное общество поджигателей, это уже... если не решено, то вещь неудобопонятная.

Съ одной стороны дикіе пожарныя факты, съ другой — нескѣлько дѣшій проявленія народныхъ сврастей, поджигать пожарами. Читатели вѣроятно уже знаютъ изъ газетъ о страшномъ приключеніи съ г. Шиншаревымъ въ городѣ Торжкѣ на пожарѣ, на который онъ пошелъ случайно, проездомъ, и вина его состояла въ томъ, что онъ, будучи незнакомъ торжковскимъ жителямъ и невѣстенъ имъ въ лицо; попался имъ на глаза во время пожара. Вина кажется небольшая; однако по этому одному поводу въ г. Шиншаревѣ предположили поджигателя, черезъ минуту предположеніе перешло въ убъ-

идею, и стремившая толпа посылала страстными восклицаніями убить, растерзать, раздвинуть на мѣстѣ г. Шиншарова. Мы не знаемъ его лично, но не думаемъ чтобы въ его наружности было что-нибудь подозрительное, потому что иначе командиръ и офицеры стояли въ окрестностяхъ уланскаго полка; также вѣроятно и знакоміе лично г. Шиншарова, не оказали бы ему защиты съ такою энергіею, которая только и могла спасти его. Энергія офицеровъ спасла г. Шиншарова отъ близкой мученической смерти. Мы не будемъ пересказывать всего хода происшествія, но вотъ въ несколько строкъ изъ его письма, напечатаннаго въ 49 № «Современнаго Слова»:

«...Все шумѣло вокругъ насъ, а между тѣмъ изъ толпы кричатъ: «Ребята! не оглавать его геродичному! при шестъ деньки есть, ступитса!» Затѣмъ является какой-то господинъ съ золотыми на носу очками, и гремко, съ азартомъ, размахивая руками, объявляетъ предъ народомъ, что будтобы я, этотъ мѣстѣ съ двумя другими лицами на бульварѣ и смотря на пожаръ, говорилъ: «Дай-богъ побольше танкѣ попаровать!» И когда нѣкоторые изъ офицеровъ спросили его, кто можетъ подтвердить его слова, то онъ отвѣчалъ: «Клянусь своимъ именемъ и честью!» Послѣ чего вдругъ омонотально разспрѣдѣлъ, сталъ кричать: «Отдайте его мнѣ! за огонь его! Нашъ позволено разстрѣливать нечистотелой, разорветъ его, и суда намъ не будетъ!..»

Командиръ уланскаго полка полковникъ Баумгартенъ спасъ г. Шиншарова; объявляя народу, что беретъ его на гаубахту и не отпустить. Народъ повѣрилъ полковнику. Рассказавъ объ этомъ, г. Шиншаренъ продолжаетъ:

«...Немедленно по прибытіи моемъ на гаубахту снятъ съ меня господина съ очками, начинаеть увѣрять всѣхъ въ томъ, что онъ хорошо понимаетъ къ какому роду людей я принадлежу; беретъ изъ моего бумажника разные мелочи, какъ-то: два билета «швесскаго легкаго пароходства», списокъ фамилій моихъ знакомыхъ, въ коемъ завернуты были швейцарскіе билеты; во время этого находить онъ явные противъ меня улики и говоритъ офицерамъ: «Господа! я не понимаю, какъ можно еще сомнѣваться въ томъ, что это за человекъ? Прочтите вотъ этотъ списокъ: все польскія фамиліи (изъ тридцати фамилій нѣкоторыя означены на скій и смчъ!). Наконецъ слово его — развѣ не слово Долгорукова? и неслухая моихъ объясненій, продолжалъ ораторствовать на этомъ же родѣ, пока не пригласили его удалиться. Тутъ я узналъ, что этотъ безумный учитель, произнесшій назадъ тому часъ страшное противъ меня жесивдѣтельство, вслѣдствіе моего я еще не былъ разорванъ на куски, этотъ господинъ, видимо каждашій

президентъ зрѣлища, есть коллежскій секретарь *Владимиръ Вавуля*, слушающій секретаремъ при мировомъ съѣздѣ и у. предводителя дворянства новоторжскаго уѣзда.»

Итакъ героемъ торжковской трагедіи 18 іюня является не *Г. Шашмаровъ*, а *Г. Владимиръ Вавуля*, потому что онъ-то именно рисуетъ здѣсь, въ зарезѣ ножара, настоящимъ трагическимъ образомъ. Посмотрите: должность секретаря при мировомъ съѣздѣ и лицезнѣтельство предъ разъяреннымъ народомъ, золотыя очи на носу и жемчуга крови въ душѣ!.. Какія страшныя черты!.. Говоря серьезно: что испуганный и взволнованный пожаромъ народъ принимаетъ въ широкую и изступленіе, заслышавъ роковое слово «поджигатель», — тутъ еще нечему дивиться; но *Г. Вавуля*, берущійся опредѣлить свойства человѣка по слогу, и въ тоже время всѣми силами старающійся отдалить этого человѣка на растерзаніе, это... страшное комическое произведеніе можетъ-быть дикою пожарною шалостью, сорвавшаяся съ многоглаголивыхъ газетныхъ столбцовъ и разрешившаяся въ миллионахъ устъ до чудовищныхъ размѣровъ!.. Другое названіе и другое значеніе дать этому явленію мы не беремъ.

А вотъ еще расказъ (см. «Совр. Слово» № 45) на ту-же тему, не такой страшный, но зато неменьше, если не болѣе оригинальный. *Г. М. Шемановскому* издумалось нынѣшнимъ лѣтомъ спуститься по Волгѣ въ качествѣ любознѣтствующаго путешественника, съ цѣлью познакомиться съ бытомъ приволжскихъ жителей. Достигнувъ низовьямъ страны, вышелъ онъ 1 іюля въ Вольскѣ (саратовской губерніи); это было, какъ кажется, послѣ полудня; улицы были пусты, окна домовъ закрыты. «Жители спать таперича», объяснили *Г. Шемановскому*, и онъ сталъ ждать вечера. Вечеромъ публика появилась на улицахъ; вышелъ на улицу и *Г. Шемановскій*. Часовъ въ десять или десять подошелъ къ нему старикъ лунецъ съ извѣстнымъ окладомъ и привѣтствіемъ: «Здравствуйте, ваше превосходительство!» *Г. Шемановскому* пришло въ голову, что отъ старика можно узнать много интересныхъ и вѣстныхъ свѣдѣній...

Онъ началъ разговоръ съ старикомъ — говорить онъ — и постарался удовлетворить его любознѣтству относительно моей личности; дѣломъ пріѣзда и пр. Но къ моему удивленію, кулецъ въ какой-то странной амитаціи не давалъ вѣры ни одному моему слову; онъ разговаривалъ съ монологами по поводу петербургскихъ пожаровъ, сопоставлялъ дворнягъ и крѣпостныхъ людей, высказывалъ съ экзальтационной чуждой патріотизма и постоянно прибавлялъ, что онъ слышитъ голоса мертвыхъ. Такое неожиданное сближеніе моей личности съ министерствомъ въ такое время всообщить тревогѣ немочно означало

меня. На всё мой утѣреніа, что его патристическія дѣла прогрессивны, что они совершенно согласны съ чувствомъ всѣхъ русскихъ, купецъ продолжалъ твердить одно и тоже, прибавляя многозначительно, что мы-де изезны почитываемъ, что ужь сука посядетъ, что и здѣсь начнутся пожары, но что если загорится Вольскъ, то ужь изезики... Далѣе слѣдовали жесты съ поднесеніями неудобными для печати...

Г. Шемановскій шолъ, шодъ съ нимъ и купецъ; разговоръ происходилъ громко; кучки народа слушали ихъ; слышала въ окошкѣ дома, мимо котораго они проходили, и какой-то господинъ съ усачами, оказавшійся генераломъ. Послѣдній, высунувшись, спросилъ, о чемъ говорятъ. Купецъ понесъ чууху о пожарахъ; генералъ рассердился и велѣлъ разойтись; купецъ повернулся назадъ и исчезъ. Минуть черезъ десять г. Шемановскій, для своей дорогой, видитъ въ вечернемъ сумеркѣ приближающуюся къ нему фигуру... Оцѣтъ купецъ! Тѣже шоклоны и тоже привѣстіае, цетомъ — тотъ же разговоръ о пожарахъ. Г. Шемановскій терпѣть терпѣніа и грозитъ купцу полиціей. Купецъ труситъ, занимается и приглашаетъ г. Шемановскаго къ себѣ чайку выпить. Тотъ согласился, пошелъ. Дорогой купецъ повелъ рѣчь о томъ, какъ жена его поставитъ самоваръ и подастъ водки...

«Я замѣтилъ, — говоритъ г. Шемановскій, — что чайку пошлудъ выпью, а водки пить не буду.

«— Такъ прощайте, я далеко живу! отвѣтилъ купецъ неожиданно и повернулъ въ сторону. — О-охъ! застоналъ онъ на всю дуду: — чуеъ мое сердце — быть горю, быть великому горю! чуеъ, оно, чуеъ, чуеъ — никогда не обманывается...»

Знаете ли какое впечатлѣніе производить рассказъ г. Шемановскаго? Читая его, невольно забѣгаешь впередъ съ темной думкой, что подъ конецъ откроется, что г. Шемановскій, по примѣру жителей Вольска, услышавъ въ ожиданіи вечера и все это видѣлъ всѣмъ этотъ старикъ такъ похожъ на тѣ призраки, которые прослѣдуютъ иногда человека, уснувшаго подъ вліаніемъ сильныхъ впечатлѣній. Вы спите и видите какую-нибудь фантастическую фигуру, которая слѣдуетъ за вами всюду не пятая, подходить къ вамъ съ удивительными, крикливо, кланяется, называетъ васъ превосходительствомъ, говорить что-то о пожарахъ. Вы устребляете всевозможными силами, чтобы уйти отъ неотвязнаго спутника, и внезапно не можете бѣжать въ лѣсъ — а онъ промывнулъ впередъ и является на вѣткѣ, мимо которой лежитъ ваша тропинка; очутившись у рѣки — онъ выныриваетъ по волнамъ; вы въ своемъ кабинетѣ — онъ является въ вашей черныльницѣ, кланяется и вращаетъ свое превосходство

вспомоществовать; мы бросаемся наконецъ въ доктори — а они уишь сидятъ на цѣлушкѣ, подмавъ ноги, и ваваетъ и лавечеть про пожары. И продолжается мушительный сонъ до тѣхъ поръ, пока вы не броситесь въ проснѣ на воображаемаго врага и не проснетесь, изволнованнымъ и потрясеннымъ... Мы думали, что и съ г. Шемановскимъ случилось что-нибудь подобное; однако нѣтъ! Оказывается, что рассказанное нами было на лау... Чудныя право дѣла дѣлаются въ наше время!

Шемому-то вслѣдъ за этимъ, какъ-было для избѣжанія преслѣдованій полусексантическаго старичка, намъ хочется обратиться къ почетному члену въ «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» отчету казанскаго учебнаго округа за 1861 годъ. Тамъ между прочаго сказано, что «приманъ учащихся въ нѣкоторые гимназіи такъ снхаетъ, что вторае казанская и пензенская даже не могутъ принимать болѣе учащихся». Жаль, что не сказано того же о саратовской гимназіи, въ докторей, при осмотрѣ ея попечителемъ округа, найлено одно неблагопріятное обстоятельство: отчетъ говоритъ, что «въ саратовской гимназіи составъ преподавателей хорошъ, но нѣтъ согласія между ними и директоромъ». Зато самарская гимназія, какъ оказалось по такому же осмотру, «имѣетъ въ своемъ штатѣ дѣтелей на педагогическомъ поприщѣ, удовлетворяющихъ требованіямъ заведенія, имѣетъ преимущество предъ прочими заведеніями. Этому преимуществу много способствуютъ: рациональное преподаваніе, вполнѣ приспособленное къ понятіямъ учениковъ каждаго класса, тавно полное согласіе между всѣми членами совѣта, начиная съ директора и инспектора, а увѣренности, что всякое мнманіе будетъ услышано съ точностію и при олучахъ не останется безъ примыненія, еще болѣе усилаваетъ дѣтельность преподавателей.» Число учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ казанскаго округа (крошъ университета) въ 1861 году было 18,213, въ томъ числѣ 15,140 мужскаго и 3,073 женскаго пола. Включенію изъ этихъ цифръ могутъ выводить свои читатели.

Лавобознатель оказался намъ друзой отчетъ — нагородской общественной библіотеки. Въ ней новыя книги по разнымъ отраслямъ знаній шеставаетъ томовъ, да въ библіотекѣ С. П. Меленина, соединившей съ общественной библіотекою, 8,777 книгъ прешнихъ изданій. Крошъ того 113 сборниковъ и альманаховъ, 220 журналовъ, 9 газетъ, 12 еженедѣльныхъ изданій. Въ 1862 году выписывавотъ библіотека: нѣсчыхъ журналовъ 34, недѣльныхъ 14, газетъ 47. Въ первый годъ существованія библіотеки, за который сндреть она теперь отчетъ, было въ ней посѣтителей всего 20,134 человѣка, что составляетъ среднимъ числомъ по 56 въ день. Это чи-

сле воспитателей распределяется по званиям и состояниям так: прежде всего записывают воспитанники семинарий: ихъ было 6,419; потомъ — чиновниковъ 3,313, воспитанниковъ гимназій и института 2,851, дворянъ 2,298, купцовъ и мѣщанъ 2,290, офицеровъ 1,074, студентовъ 614, дамъ 523, духовенства 230, земскихъ инвентарщиковъ 219, учениковъ воскреснаго училища 203, крестьянъ 170.

Далѣе необходимо перечислить авторовъ, наиболѣе требовавшихся, располагая по нисходящему числу требованій. Вотъ они: Бѣлинскій, Дюма, Некрасовъ, Поль-де-Кокъ, Шиллеръ, Кольцовъ, Гончаровъ, Диккенсъ, Тургеневъ (особо «Дворянское гнѣздо» и особо — вообще сочиненія), Вальтеръ-Скоттъ, Пушкинъ, Теккерей, Гоголь.

Какого же званія люди какихъ авторовъ преимущественно придерживались? Воспитанники семинарий болѣе всего читали Бѣлинскаго, потомъ Некрасова, Шиллера, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Диккенса, Теккерей. Воспитанники гимназій и института преимущественно требовали: Дюма, Поль-де-Кока, «Дворянское гнѣздо» Тургенева, Вальтеръ-Скотта. Дворяне читали Гончарова и сочиненія Тургенева.

На означенныхъ цѣляхъ и жнанахъ читатели также сами могутъ строить соображенія по собственному усмотрѣнiю. Между тѣмъ насъ они увлекаютъ къ мыслямъ о судьбахъ нашего учащагося сословія, о предстоящихъ у насъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ дѣлѣ народнаго образованія и просвѣщенія. Задумываясь надъ этимъ предметомъ, предметомъ сердечныхъ заботъ каждаго современнаго русскаго человѣка, мы не можемъ на этотъ разъ не указать на... 232 № «Иллюстраціи». Обозрѣвая внутренніи событія, «Иллюстрація» (или ея обозрѣватель) останавливается на томъ извѣстнѣ, что составленный въ началѣ нынѣшняго года проектъ новаго университетскаго устава, а также и всѣ замѣчанія на него, полученные отъ университетскихъ совѣтовъ и востороннихъ лицъ, переданы для разсмотрѣнія ихъ и составленія окончательной редакціи проекта въ ученый комитетъ, которому предоставлено также право приглашать къ участію въ настоящемъ трудѣ и востороннихъ лицъ; что комитетъ, по сообщеніяхъ въ газеткахъ свѣдѣніяхъ, приступилъ уже въ дѣлу, принявъ для своихъ работъ порядокъ нѣсколько сходный съ тѣмъ, который употребляетъ редакціонными комиссіями по прѣстьянскому дѣлу, а именно: весь трудъ раздѣленъ на вопросы; обработка каждаго вопроса поручена отдѣльному лицу и должна состоять въ историческомъ обзорѣнiи вопроса, въ приведеніи и оцѣнкѣ всѣхъ полученныхъ по тому предмету мнѣній и наконецъ — въ общемъ выводѣ. Все это въ видѣ

должна: должна быть представлена общему собранію комитета, который простому выносит свое мнѣніе и рѣшеніе. Затѣмъ, по обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ и на основаніи тѣхъ началъ, которыя сработаются этимъ путемъ, останется будетъ и окончательная редакція проекта университетскаго устава.

Размышляя о ходѣ этого важнаго дѣла, обозрѣватель «Иллюстраціи» высказываетъ между прочимъ такія мысли. Во первыхъ онъ говоритъ, что печальныя университетскія событія прошедшаго года была явнымъ значительнымъ только для прошедшаго, а не для будущаго. Следовательно, прибавимъ мы, въ будущей жизни университетъ, обновленный просактуремымъ теперь уставомъ, не должно бы оставаться никакихъ непосредственныхъ слѣдовъ этихъ событій, такъ какъ они могутъ служить только урокомъ для будущаго, а не основаніемъ соображеній при составленіи новаго устава.

«Обнаруживъ несостоятельность прежней организаціи нашихъ университетовъ, — пожелать далѣе обозрѣватель, — они (т. е. прошлогоднія событія) только ускорили паденіе того полушкольнаго, полунучащаго отрога, который уже и не могъ держаться долѣе въ средѣ людей, асно понижающихъ высокое значеніе науки и всю несообразность упрямой школьной рутинны передъ людьми, которые возмущаются въ университетѣ съ благородной жаждой истинны, съ надеждою выйти изъ него доблестными дѣятелями на пользу родины. Поэтому-то, какъ заключаетъ обозрѣватель, правительство и проступило къ составленію новаго университетскаго устава, «сообразнаго съ нынѣшнимъ состояніемъ науки и требованіями просвѣщенія». ...

Размышляя далѣе о трудѣ, предстоящемъ ученому комитету, и о значеніи будущаго русскаго университета, «какъ храма науки, изъ котораго должны выйти доблестные дѣятели русской земли», обозрѣватель говоритъ: «Какъ храмъ науки, университетъ долженъ быть чуждъ всякой рутинѣ, всякаго предрасудка, всего мелочнаго, всего недостойнаго и несогласнаго съ строгими требованіями живой современной науки. Какъ разсадникъ доблестныхъ общественныхъ дѣателей, университетъ долженъ, во имя доблести, требовать отъ своихъ профессоровъ и студентовъ серьезнаго труда, серьезной любви къ знанію и асноваго сознанія значенія науки въ жизни, а не мертвеного эмпирическаго отвлеченной формулы науки, которая почти исключительно въ этой формулѣ и являлась прежде на нашихъ университетскихъ кафедрахъ.»

.. Въ числѣ подробностей будущаго университетскаго устава, который ученому комитету предстоитъ вынести изъ современнаго значенія русскихъ университетовъ, особеннаго вниманія, по мнѣ-

нію обозрѣвателя, заслуживаетъ вопросъ о томъ значеніи, каково получать въ системѣ нашего общественнаго образованія курсъ *юридическія*. «До сихъ поръ — говорить онъ — онъ неслыханно были у насъ предметомъ только спеціальныхъ юридическихъ факультетовъ, а въ общемъ гимназическомъ курсѣ являлись къ самой комической роли. Но при очевидно возрастающей потребности пониманія общественныхъ интересовъ, при той роли, къ которой правительство призываетъ всѣ классы народа посредствомъ дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ собраній и посредствомъ должностей по выборамъ, «преподаваніе науки права и обязанности не можетъ оставаться въ прежнемъ положеніи»... Для ученаго комитета возникаетъ необходимость опредѣлить тѣ формы, въ которыхъ *государственный законъ долженъ стать въ курсъ общаго образованія ослѣдъ за закономъ божіимъ*, какъ разъясненіе смысла фактовъ историческихъ и статистическихъ»...

Прослѣдимъ нѣсколько за дальнѣйшимъ выясненіемъ этой чрезвычайно серьезной мысли.

Въ помѣщенной въ «Сиб. Вѣдомостяхъ» статьѣ подъ заглавіемъ «Нужно ли готовить особыхъ учителей для народныхъ училищъ?» авторъ ея, подписывающійся псевдонимомъ *Медвѣдъ*, исчисляя, что нужно для просвѣщенія крестьянина, включилъ между прочимъ въ свою программу слѣдующіе два пункта:

Необходимо умъ его (крестьянина) *очистить отъ предрасудковъ*, тяготѣющихъ надъ нимъ и верѣдко затемняющихъ его здравый природный смыслъ, а для этого ознакомить съ значеніемъ естественныхъ явленій, съ свойствами климата и мѣстности.

Ему (крестьянину) крайне нужно, *для развитія истиннаго патристическаго духа, для сознательнаго пониманія величія его родины*, имѣть понятіе объ ея пространствѣ, богатствѣ ея средоточіяхъ въ настоящихъ и главныхъ фазисахъ историческаго ея развитія.

Остановясь на этихъ двухъ пунктахъ, взятыхъ изъ статьи *Медвѣдъ*, обозрѣватель «Иллюстраціи» разсуждаетъ такъ: «Почему именно, говоря о необходимости *очистить неразвѣщенный умъ отъ предрасудковъ*, у насъ считаютъ исключительно цѣлебнымъ средствомъ противъ этого недуга — науки естественныя? Эти науки разгоняютъ мракъ только въ пониманіи явленій міра физическаго. Между тѣмъ какъ въ бытѣ челоука необразованнаго самую важную, самую этакъ качественную роль играютъ предрасудки относительно явленій жизни общественной, а противъ предрасудковъ такого рода естественновѣдніе такъ же бессильно, какъ бессильны ворожба и шаманствованье противъ законовъ физической необходимости. Должна понятія о силѣ и значеніи гражданскаго закона, о строѣ государства»

наго организма, о правѣ личности и собственности, о полатахъ и палатахъ; о требованіяхъ общественнаго благоустройства и благочинія; объ условіяхъ виновности правонарушеній и справедливости суда и расправы, — ложныя понятія о такихъ предметахъ суть предразсудки, въ сравненіи съ которыми народныя повѣрья о домовыхъ, каминныхъ и вѣдьмахъ, о колдунахъ, ворожеяхъ и нашествывающихъ получаютъ значеніе безвреднаго для здравой критики показанія историческихъ событій въ народныхъ пѣсняхъ и балладахъ.

«*То равенствѣ патристическаго духа, которое обыкновенно составлялось цѣлью начального преподаванія исторіи и географіи, всегда отличалось напыщенностью преподаванія и бесполезнымъ цѣпотаньемъ молодыхъ мозговъ; а въ настоящее время такая цѣль преподаванія ставится въ разрѣзъ истинному смыслу науки, которая, шепчащая только фактамъ исторіи и географіи самостоятельнаго значенія, смотритъ на нихъ только какъ на матерьялы для разсужденій явленій общественной жизни. Поэтому для человѣка, исполняющаго основныя условія этой жизни, краткіе начатки исторіи и географіи не могутъ дать истиннаго свѣта, не могутъ не привести его къ предразсудкамъ, какъ необходимому послѣдствію знакомства съ явленіемъ, оторваннымъ отъ цѣлой системы явленій того же рода.»*

Включая изъ всего этого, что въ наукѣ права должно находить свое оправданіе и основу преподаваніе исторіи, географіи и статистики, обозрѣватель «Иллюстраціи» прибавляетъ однако слѣдующую необходимую оговорку: «Такое притязаніе, въ отношеніи народныхъ школъ, въ настоящую минуту было бы притязаніемъ преждевременнымъ, невозможнымъ; но оно должно войти въ планъ общей системы народнаго образованія, начиная съ университетовъ и высшихъ школъ институтами, въ которыхъ предполагается приготовить учителей для народныхъ училищъ.»

Что касается собственно до народныхъ училищъ и вообще способовъ первоначальнаго народнаго образованія, то и по этому предмету въ предыдущемъ 281 № той же «Иллюстраціи» встрѣтилась намъ немалое свѣдѣніе, высказанная по поводу помѣщенной въ прибавленіи ко второй книгѣ «Твореній святыхъ отцовъ» и перепечатанной потомъ въ 30 № «Соврем. Дѣлописи» статьи, въ которой между прочимъ сказано: «Пусть право обучать народъ будетъ предоставлено желающему; но духовенству поставьте это въ непремѣнную обязанность и облегчите ему средства къ исполненію этой обязанности.» На эти слова обозрѣніе «Иллюстраціи» замѣчаетъ:

«Слова: «посланные духовенству въ проповѣдую обязанности обучать народъ» имѣютъ такое значеніе, какъ-будто этой обязанности до настоящаго времени не лежало на духовенствѣ, а возложить ея надо особымъ закономъ или предписаніемъ. Между тѣмъ никогда ни одинъ пастырь церкви не отказывался отъ дряней и важнѣйшей своей обязанности — проповѣдать въѣренію ему народу въ крестцахъ вѣры, въ божественномъ ученіи Спасителя. Не возможно ли быть истиннымъ пастыремъ, не работая о томъ, умѣютъ ли его духовныя дѣти молиться, исповѣдывать долги своей вѣры, искать спасенія и утѣшенія въ божественномъ откровеніи? Можно оправдываться въ неисполненіи этой непрелюбимой обязанности похотю учениковъ, недостаткомъ времени и средствъ но ожидать особаго предписанія гражданскаго закона тамъ, гдѣ онъ высшій божественный законъ, для учителей вѣры — невозможно»

Надея не чувствовать уваженія къ такому соѣзденію, малодушскі-чистому взгляду автора, недопускающаго даже возможности, чтобы хоть одинъ пастырь отказался отъ обязанности проповѣданія въѣренію ему народу. Но что бога исполненія этой обязанности нельзя быть истиннымъ пастыремъ церкви, и что отрешеніе и отрицаніе было бы пастыремъ идти въ гонимыя дѣти особаго предписанія гражданскаго закона, — этого-то кажется уже никакъ нельзя оспаривать; а между тѣмъ люди, говоряшіе о возложеніи на духовенство такихъ-то и такихъ-то обязанностей, какъ-будто оставляютъ безъ вниманія или совѣсть не сознаютъ этой простой и неоспоримой истины. Но мысль обозрѣвателя являющагося следующими словами:

«По нашему мнѣнію, вопросъ о народномъ образованіи чрезъ духовенство, при несомнѣнной его нравственности, малюмъ не имеетъ направленіе, если духовенство, имѣя стремленіе народа къ образованію, будетъ ожидать особаго гражданскаго закона, который бы возложилъ ему въ обязанность исполненіе закона о проповѣданіи веры чрезъ учителей вѣры.»

Если уже зашла рѣчь объ исполненіи пастыремъ церкви обязанности проповѣдать веру, то мы, имѣя въ виду, что исполненіе этой обязанности обуславливается между прочимъ истинно и крестіански-просвѣщеннымъ взглядомъ самого пастыря; не должно не приходить, въ примѣръ такого взгляда, ставшая священной Цѣтковка, помѣщенной въ «Сиб. Вѣд.» въ опроверженіе того мнѣнія, что въ тюрьмахъ слѣдуетъ давать арестантамъ читать книги только духовно-нравственнаго содержанія.

«Со дня поступленія моего на службу въ исправительное учрежденіе (пишетъ священникъ Цѣтковъ) я замѣтилъ, что книги духо-

это — нравственного содержания и историко-археологическое не читается, другими же читаются весьма мало и неохотно. Причина этого явления заключается в томъ, что вообще въ нашихъ образованныхъ даже классѣ людей недостаточно развитъ вкусъ къ чтенію духовно-литературныхъ произведеній, чистыхъ же въ томъ отношеніи, что при крайней ограниченности средствъ для приобрѣтенія книгъ въ арестантскую библіотеку не было и нѣтъ возможности пріислать, соответствующимъ разнымъ степенямъ умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія арестантовъ, организовать эту библіотеку.»

«Далѣе оговорились относительно, что онъ докладывалъ поочередно, дозволено ли будетъ ли разрѣшено давать поправной-мѣрѣ въ-которымъ арестантамъ и такъ-называемыя «обиходныя книги», т. е. историческаго, литературно-учебнаго содержанія, особенно замѣчаю журналы, газеты и т. д. Попечитель отозвался съ сочувствіемъ на предложеніе и разрѣшилъ. Тогда просвѣщенный нашъ редакторъ даетъ изъ собственной библіотеки избранныя свѣтскія книги — арестантамъ, которые ведутъ себя прилично и по нравственнымъ соображеніямъ.

«Съ того времени (продолжаетъ авторъ), какъ стали давать для чтенія арестантамъ книги и недуховнаго только содержанія, шло — неспроста происшествіемъ замѣтно стало уменьшаться, потому что чтеніе интересныхъ по содержанию сочиненій слушать для заключенныхъ съ одной стороны побужденіемъ вести себя какъ предписываетъ уставъ исправительнаго заведенія, а съ другой — средствомъ ихъ предохраненію себя отъ предсловія, отъ зиршенія, отъ вредныхъ заведенія разговоровъ, отъ разныхъ поступковъ и проступковъ, которые отнюдь не дозволяется въ стѣнахъ заведенія.» «Въ концѣ чтенія хорошихъ книгъ, арестантъ болѣе сосредоточивается въ себя самомъ, живетъ болѣе внутренней жизнью, получаетъ изъ книгъ живой матеріалъ, надъ которымъ спокойно и свободно работаетъ его мысль... Въ то же время заключенный, отдаленный любовью и судомъ общества и правительства отъ жизни вѣсной, чрезъ чтеніе книгъ хотя и сколько соприкасается съ жизнью и обществомъ и слѣдовательно менѣе можетъ чувствовать тѣсноту своего исключительнаго положенія.»

«Мы же сообщаемъ, что пастырь, мѣняющій въ вѣрною ему пастырь подобно автору приведеннаго письма, не только «не отягачется обязанностію просвѣщать паству», но и не ослабѣетъ ни на минуту въ заботливости о точномъ исполненіи этой «возложенной на него божественнымъ закономъ обязанности», не ожидая и не считая нужнымъ обладать предписанія гражданскаго закона.

Въ началѣ нынѣшней-то эпохи, что составляетъ статьи съ изъясненіемъ частей своихъ можетъ быть послужить дополненіемъ статьи предыдущей. Чтобы не прибавить этому предположенію, мы пропускаемъ нѣсколько отрывочныхъ сдѣланныхъ по разнымъ важнымъ предметамъ, въ надеждѣ, что черезъ нѣсколько они сдѣлаются значительно полнѣе, и переводимъ къ тому, что можетъ собственно подойти къ нашему предсказанію.

Говорить, что обличительныя статьи читаны съ шовинизмомъ — одинъ обличитель!

Если это действительно вѣрно, то какая страшная и гибельная роль достается на долю бывшей обличительной литературы! Поумайте: она смѣется и смеется, что гдѣсь, вездѣ, которая она смѣется, смеется смѣливымъ ее смѣхомъ, и они смѣются надъ нами!.. Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ вслѣдствіи, чтобы не погнѣбить себя гучи непріятныхъ и несоловьиныхъ мыслей; лучше доверитесь дѣло такъ: мы остаемъ себя надеждею, что нѣтъ читать, зато и безъ особаго наслажденія, но одинъ обличитель! а потому, чтобы въ виду этихъ особенныхъ, мы не выходяще для себя уважительнымъ и смѣливымъ вставалъ повременамъ въ свои дѣлашки разные курьезы и безобразія. Вотъ по сей разъ небольшая пучка текстовыхъ, раздѣленная на соответственные рубрики:

1) *Историческіе заметки самарскихъ и бакинскихъ провансовъ.* Вѣдаль въ тарантасѣ чиновникъ почтового департамента по дороге отъ Малоярославца къ Калугѣ, собирать справки о цѣнахъ на овесъ и сѣно. За тарантасомъ случилось случиться оловянному корреспонденту «Московскихъ Вѣдомостей». Имѣя въ распоряженіи не смѣлъ обогнать тарантасъ чиновника, вслѣдствіи смирности стационарнаго смотрителя; но корреспондентъ подошелъ къ тарантасу и преслѣдовалъ вѣдать впередъ. Чиншникъ реверсивалъ.

2) *Тяжелое время, но съ традиционной формой доверия.* Дѣтскій выразительно и съ чувствомъ описываетъ опасность, представляемую историческимъ анализомъ царю для гуляющихъ дѣтей. Опасности происходятъ оттого, что въ веревкѣ дорожка выжата, съ крутыми поворотами, влутъ она въ пустыню яловую, и вѣтъ ни одной изъ нихъ, которая была бы предоставлена пашинскому для пѣшеходовъ, такъ что безпрестанно нужно идти по каменнымъ мосткамъ на летящій экипажъ. Дѣтскій постоянно бѣгаютъ на шибко-лѣвая толпы, а между гѣмъ по своимъ дорожкамъ паря съ тѣмъ же ноше летаютъ экипажи, гонятъ кавальмады, объезжаютъ ореховыхъ лошадей...

«Уваженіе къ дѣтямъ — говоритъ г. Петровский — есть смѣлѣе общества вполнѣ развитого; поэтому мы не осуждаемъ въ лично-

отца, которому удалось обогатиться поместями и скотинами раньше своего интеллектуального развития.

«Кривъ кучеръ на встрѣчныхъ и венерочныхъ : «эй, берегись!» — вѣчная гарантія безопасности, когда господа ватажущіеся издеваются собою въ видѣ лошадей какъ на пожаръ.

«Номаше страшилъ и некоторые молодые люди, гарцующіе на своихъ жеребцахъ : чуть увидятъ такой молодецъ възку да зонтикъ, сѣдлакъ коня пошевелъ — и пошевелъ рисоваться въ курбетахъ своей скотины. Испугъ, кривъ данъ для него забава : известно; что корешенькое личико въ испугъ еще привлекательнѣе своей заиреціей ; поэтому-то каждый стѣлокъ развить, что это ему извѣстно. Онъ и перѣшавелъ ; а о дѣлахъ, испугающихъ и путающихся въ правъ, досугъ ли тутъ думать, когда человекъ занятъ картинками любочиваемымъ, передергиваемымъ трясеніемъ да наглядъ прищипываемымъ глазъ на суетящихся женщинъ ?

«Но всего страшнѣе амаложки наши, заразившіеся тоже такъ-же бразильскимъ малодчествомъ. Въ женщинѣ неуваженіе къ мужчинамъ еще презрительнѣе, чѣмъ въ мужчинахъ.»

«Много проворитъ еще г. Погоскій о вадоняхъ и скакунахъ петергооскихъ, а въ заключеніи прибавляетъ въ слову сѣдальніе о другой достопримѣчательности тамошняго парка. Эта достопримѣчательность — тропинка въ гору къ Феллейсовой дачѣ, проторенный вдуциемъ съ пароходомъ и на пароходы, для сокращенія пути и во избѣжаніе горы съ ноголенкой мостовой. Замѣчательны тропинки тѣмъ, что онѣ, будучи очень коротенькими, образовали, по весьма основательному предположенію г. Погоскаго, нѣсколько худосочій, болѣзней печени, развитія холчи, а можетъ-быть и аневризмовъ сердца. Онѣ, видите ли, незаконныя, не назначены по плану и нарушаютъ симетрію. Поэтому при нихъ поставленъ сторожъ съ обязанностию не допускать никого ходить по нимъ и взыскивать. Вотъ онъ и суетитъ, бравель съ утра до вечера съ минующими и извѣдалъ въ безыслиной досадѣ, что не можеть удержать ихъ. Г. Погоскій изумилъ какъ-то съ однимъ изъ нихъ въ разговоръ.

«... Тысленная твоя обязанность, сказалъ онъ сторожу.

«... Не говорите, сударь! отвѣтилъ тотъ ирочно : — налицо мнѣ съ разными поддочами съ восьмого часу утра до вечера, такія вездѣсь тебя тоска и такъ прогорькветъ въ глоткѣ, что и кусокъ хлеба въ носъ не лѣзеть, — такъ непрямами и суеться ракомъ на кобзу.

«... Да зачѣмъ же лѣзть-то ?

«... Малая-сѣ ; строголице приказываютъ : не лущай, взыскивай вѣдь ! Вотъ и стоишь тутъ какъ идолъ облай !

Водной стороной! «Фатализмъ (или пассивность) въ г. Петербургской тропинки! Злокачественная опухоль!..

3) *Первая штука пивоваровъ съ этихъ коррильонахъ — пивоваренная.* Помните, поднимался некто-то великій шумъ о купольности? Тогда мы не трогали этого предмета, но поговоримъ: «не всякому слуху образъ и изъ спасенія обидеть повзрасну башинного, повторить плеску, — такъ какъ положительныя и авторитетныя доказательства въ подтвержденіе предполагаемой пивоваренности пива не встрѣчалось. Но вотъ теперь 31 № «Медицинское Вѣдѣніе» поразитъ насъ слѣдующими строками:

«Около полугода назадъ обращено было вниманіе петербургскихъ жителей на горечь здѣшняго пива и указаны обратныя причины ея. Оставалось только убѣдиться, дѣйствительно ли эти изрѣчавшія причины суть причины несомнѣныя, и для этого указаны были способы, рекомендованные Мюллеромъ, для обнаруженія разныхъ поддѣлокъ и подмѣсей пива, а между прочимъ способъ Гершпата для открытія въ пивѣ поддѣсокъ купольности, чрезъ обнаруженіе въ немъ присутствія никротоксина. Изъ дѣйствительно одной изъ петербургскихъ фармацевтовъ, г. Лешъ, воспользовавъ гершпатомъ способомъ анализа и въ двухъ сортахъ здѣшняго пива нашелъ никротоксинъ («Воспом.-мед. журн.» 1862 г. ч. LXXXIV, отд. III, стр. 56). Такимъ образомъ прежняя догадка оправдалась, а петербургская публика будетъ имѣть несчастье сознательно отравлять себя кукольяномъ. Правда, средняя продолжительность жизни въ Петербургѣ и безъ того очень мала, и намъ безъ сожалѣнія очень нежелательно еще болѣе укорачивать ее; но что же дѣлать, когда это выгодно для пивоваровъ, а г. Лешъ не найдетъ удобнымъ предостеречь насъ, обнаруживая, въ чемъ именно пивъ: найдеть ли кукольянъ? А впрочемъ и то сказать, что бы мы сдѣлали, если бы и узнали, которое пиво имѣло предвзвѣчено для отравленія петербургскаго населенія? Разно ничего. Нѣтъ, дескать, сто человекъ прочитаю газетное остереженіе, признаю бы и образъ и даже отмазались бы отъ туземнаго пива, предпочтя ему какую-нибудь баварскую бурду; но какъ же защитить себя отъ отравленія тѣхъ, которые не читаютъ газетъ и ищутъ въ употребленіи пива естественнаго дополненія скудной пищи своей или даже прибѣгаютъ къ пиву съ спеціальною цѣлью подуривленія силъ и сабею здоровья? Нѣтъ, противъ такого преступнаго посягательства на общественное здоровье и жизнь безплодны всякія частныя мѣры.»

4) *Разные роды находчивости.* Рассказываютъ, что одному нашему извѣстному минералогу повадилось снѣть фотографическій снимокъ съ кристалловъ мѣди. Обращаясь онъ въ разныя фотогра-

фическія заведенія, но ни одно изъ нихъ не взялось сдѣлать желаемый снимокъ. Заведеніе, бывшее Левецкаго, что нынѣ Кучаева, отвѣтило такъ: «Мы этимъ дѣломъ не занимаемся и снимаемъ только портреты съ лицъ, а не съ кристаловъ; обратитесь къ кому-нибудь другому...» Затѣмъ ученый обратился еще къ одному фотографу... къ кому именно — не сказано, и очень жаль, потому что этотъ оказался самымъ замѣчательнымъ — по *находчивости*. Несоглашаясь дѣлать отдѣльно снимокъ съ кристала, онъ далъ ученому такой совѣтъ: «Снимите съ себя дюжину карточекъ и держите кристалъ въ рукахъ: тогда вы разомъ получите и вашъ портретъ и желаемый снимокъ съ мѣди.» Минералогъ, нежелая вѣроитно изъ скромности совмѣщать на одной карточкѣ свой портретъ, и портретъ кристала, не принявъ *просвѣщеннаго* совѣта и — кристалъ остался несвятымъ... Мы прочитали эту исторію въ газетахъ, но... право она намъ кажется *анекдотомъ*.

Докторъ Чеховичъ рассказываетъ въ «Кронштатскомъ Вѣстникѣ», что крестьянинъ-маляръ, работая въ одномъ домѣ въ Кронштатѣ, упалъ съ высоты двухъ сажень на мостовую. Г. Чеховичъ, живущій въ томъ же домѣ, былъ позванъ на помощь. Осмотрѣвъ больного, онъ нашолъ между прочимъ нужнымъ приказать снести его въ домъ и положить на постель. Снесли; но вдругъ является квартальный надзиратель и начинаетъ кричать на хозяина дома, утверждая, что тотъ не имѣлъ права безъ разрѣшенія полиціи брать больного съ улицы. Сослались на приказаніе доктора. Надзирателю слѣдовало бы опѣшить, но — онъ *нашолся*, замѣтивъ тотчасъ доктору, что «военный врачъ не имѣетъ права подавать пособіе невоеннымъ людямъ». Къ счастью г. Чеховичъ не повѣрилъ существованію такого человѣколюбиваго и мудраго постановленія: онъ сдѣлалъ свое дѣло, и больной маляръ, отправленный потомъ въ морской госпиталь, теперь, говорятъ, выздоравливаетъ.

Одно начальствующее лицо, ревизовавшее какой-то госпиталь, заглянуло между прочимъ въ госпитальную кухню и попробовало щи. Они оказались ему невкусны и оказались свареными изъ баранины.

— Почему не изъ говядины? спрашиваетъ начальникъ.

— Контрактомъ дозволено, отвѣчаетъ смотритель, — въ случаѣ неимѣнія въ продажѣ говядины, готовить пищу изъ баранины.

— Но говядина въ продажѣ есть, возражаетъ начальникъ: — впрочемъ вы можете-быть кладете ее больше?

— Никакъ нѣтъ: также по фунту на человѣка.

— А какая разница въ цѣнѣ?

— Баранина 3½ к., говядина 5 к.

Кн. VIII. — Отд. IV.

¼з

— Что же вы выводите по отчетности?

— Говядину.

— Почему?

— Для однообразія, произносить съ изумительной находчивостью смотритель.

Говорятъ, что на лицахъ присутствовавшихъ тутъ же мѣстныхъ чиновъ мгновенно выразился восторгъ при этомъ артистическомъ отвѣтѣ.

5) *Дикія дебри среди просвѣщенныхъ столицъ.*

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ слѣдующій приказъ по отдѣльному гренадерскому корпусу, расположенному гарнизономъ въ Москвѣ, отъ 9 іюля № 175:

«Командиръ несвижскаго гренадерскаго князя Барклая-де-Толли полка, рапортомъ отъ 12 іюня за № 9,295 донесъ, что унтеръ-офицеръ вѣреннаго ему полка Аполлонъ Корольковъ 9-го числа того мѣсяца въ *шесть часовъ вечера*, возвращаясь изъ Спасскихъ казармъ въ лагерь и проходя по Курбатовскому переулку, Прѣсенской части, увидѣлъ стоявшую посреди переулка карету, запряженную паркою лошадей, изъ которой былъ слышенъ крикъ женщины, призывавшей на помощь. Корольковъ тотчасъ подбѣжалъ къ каретѣ, и отворивъ дверцы, увидѣлъ въ ней извозчика и женщину, умолявшую спасти ее... отъ насильства. Корольковъ, связавъ извозчику руки, представилъ его, вмѣстѣ съ каретой и женщиной, въ контору 5-го квартала Прѣсенской части. Объ этомъ происшествіи подтверждено и московскимъ оберъ-полицмейстеромъ въ отзывѣ отъ 21 іюня за № 10,653.»

«Случай этотъ весьма обыкновенный», прибавляютъ «Московскія Вѣдомости»... Какъ обыкновенный? Въ шесть часовъ іюньскаго вечера, среди улицы? Такъ это не улица и не переулокъ, а дикая, непроходимая дѣбрь, населенная хищными звѣрями!

Полуевропейскій Петербургъ также не чуждъ подобныхъ *обыкновенностей*, хотя въ нѣсколько болѣе обработанной формѣ. Г. Н. М.—въ въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» заявилъ, что двѣ извѣстныя ему дамы проходили 23 іюля, около семи часовъ вечера, по Средней Подъяческой улицѣ. Неодоля угла этой улицы и Екатерингофскаго проспекта, онѣ были настигнуты неизвѣстнымъ господиномъ въ коричневомъ пальто, который обнялъ ихъ руками и схватилъ одну изъ нихъ за бурнусъ, а на движеніе послѣдней, старавшейся высвободить свое платье изъ его рукъ, разразился ругательствами, «едва терпимыми въ кабакахъ»... Ближайшій гороловой, стоявшій у Харламова моста, къ которому обратились оскорбленные, отозвался, что дѣло это до него не относится и что штъ

слѣдуетъ обратиться къ другому городовому, стоящему на углу Екатеринбургскаго проспекта и Большой Подъяческой. Послѣднему также была указана возможность задержать обидчика, проходившаго въ это время мимо его и въ виду его задѣвшаго еще одну даму, но в этотъ городской отозвался, что «ничего не видѣлъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ прочтенія этого заявленія мы имѣли случай испытать чувство, нѣсколько похожее на то, какое производитъ развязка романа, гдѣ торжествуетъ добродѣтель и карается порокъ. Это чувство доставилъ намъ 179 № «Полицейскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечатанъ приказъ с. петербургскаго оберъ-полицейстера отъ 14 августа № 170. Въ немъ между прочимъ сказано: «Неоднократно подтверждалось гг. приставамъ исполнительныхъ дѣлъ постановить для нижнихъ полицейскихъ чиновъ правиломъ, чтобы они, находясь на улицахъ, площадяхъ, мостахъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, а равно на дежурствѣ въ будкахъ, ни подъ какимъ предлогомъ не позволяли себѣ уклоняться отъ справедливаго содѣйствія просьбамъ, съ которыми обращаются къ нимъ обыватели» и пр. Далѣе: «Между тѣмъ изъ полученныхъ мною свѣдѣній видно, что нижніе полицейскіе чины, вмѣсто должнаго содѣйствія, или остаются совершенно равнодушными къ законнымъ требованіямъ обывателей, или отказываются отъ содѣйствія, ссылаясь одинъ на другого подъ неосновательнымъ предлогомъ, что исполненіе требованія относится до другого участка или квартала, и тѣмъ вызываютъ справедливое негодованіе публики. Вслѣдствіе чего вынужденнымъ нахожусь подтвердить» и пр.

б) *Новооткрытая область для обличенія.* Эту область открылъ нѣкто г. П. С—скій и свѣдѣніе о ней обвародовалъ въ 41 № «Современнаго Слова». Онъ рассказываетъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ ему пришлось въ Новосаратовской колоніи (недалекѣ отъ Петербурга) прослѣдить положеніе воспитанниковъ, отдаваемыхъ воспитательнымъ домомъ къ колонистамъ для обученія хозяйству. Изъ воспитательнаго дома, какъ извѣстно, дѣти сначала отдаются для кормленія грудью въ чухонскія деревни; а когда они подрастутъ, то ихъ отдаютъ въ качествѣ воспитанниковъ къ колонистамъ. «Большая часть колонистовъ, — говоритъ г. С—скій, — за исключеніемъ весьма немногихъ, содержитъ этихъ круглыхъ сиротъ гораздо хуже, чѣмъ другой хозяинъ свой рабочей скотъ. Эти несчастные не видятъ ласкъ не только своихъ родныхъ, но и чужихъ. Хозяева и ихъ дѣти смотрятъ на нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ и даже отвращеніемъ, какъ-быто эти дѣти сами причиною своей горькой участи... Встаютъ они въ четыре часа утра и цѣлый день до позней ночи, до онадцати часовъ, работаютъ безъ отдыха. Спраши-

вается, достаточно ли дѣтямъ пяти часовъ сна въ сутки? Ихъ заставляютъ во всякую погоду и не по силамъ браться за самую черную и тяжелую работу. Маленькую дѣвушку заставляютъ тащить на спинѣ два ведра воды. Дѣвушка, правда уже девятнадцати лѣтъ, взваливала при насъ на себя и носила бревна, которыя едва можетъ поднять дюжій парень. Работа не была бы еще такъ чувствительна, еслибы одежда и содержаніе дѣтей были удовлетворительны. А то невыносимо смотрѣть на лохмотья, которыми они прикрыты; ходятъ они часто безъ обуви въ самый страшный холодъ. О чистотѣ и опрятности и говорить нечего; нетолько бѣлье, но и они сами рѣдко бываютъ вымыты; а бани они никогда не видятъ. Обращеніе же съ ними превосходитъ всякое вѣроятіе. За малѣйшее упущеніе, происходящее чаще не отъ лѣности, а отъ безсилія, отъ недоспанной ночи, наконецъ отъ непонятаго приказанія хозяина, — слѣдуютъ толчки, пощечины, отъ которыхъ у дѣтей нерѣдко показывается кровь изъ носу и изъ горла. Пища дается самая скудная и вовсе не питательная, преимущественно нѣсколько картофелей безъ масла, настой изъ кофейной гущи, конечно безъ сахару, и хлѣбъ безъ приварка. О постели, о сухой и теплой комнатѣ они не имѣютъ понятія...

«Порусски они нетолько не выучиваются, но незнаютъ ровню никакого языка, потомучто сначала слышатъ постоянно чужовскую рѣчь, потомъ у колонистовъ забываютъ ее и не выучиваются по-ѣмски...

«Рождается вопросъ: достигаетъ ли цѣли помѣщеніе воспитанниковъ у колонистовъ?..»

тила мою душу такимъ яркимъ, ослѣпительнымъ сіяніемъ, что передъ нею какъ-будто уничтожилось всякое другое чувство; но любовь и признательность къ Томасу одолѣли эти новыя надежды и въ глубинѣ моего сердца заговорилъ голосъ, убѣждавшій меня не оставлять моего друга. После долгаго молчанія и колебаній я началъ отвѣчать. Я заговорилъ о его ранахъ, о дружбѣ, въ которой мы поклялись, о той опасности, которой онъ подвергался изъ-за меня, и настаивалъ на томъ, чтобы остаться съ нимъ навсегда.

Боюсь я, что въ моихъ словахъ было мало чувства и убѣжденія; покрайней-мѣрѣ все что я ни говорилъ, повидимому только подкрѣпило рѣшеніе Томаса; онъ отвѣчалъ, что его раны заживаютъ и что онъ почти такъ же силенъ, какъ и былъ. Томасъ прибавилъ, что если я останусь съ нимъ, то могу сдѣлать себѣ много зла, а ему добра никакого. Онъ указалъ мнѣ дорогу и повелительнымъ, энергическимъ голосомъ приказалъ мнѣ идти по ней, а онъ пойдетъ на югъ.

Когда Томасъ разъ на что-нибудь рѣшался, въ голосъ его была такая твердость, которая часто побѣждала самыхъ упорныхъ, а въ эту минуту я слишкомъ готовъ былъ слаться. Онъ увидѣлъ, что беретъ верхъ и продолжалъ свое дѣло:

— Иди, Арчи! повторилъ онъ: — иди, если не для себя, то для меня! Если ты останешься со мной и тебя схватятъ, я никогда не прощу тебѣ этого!

Мало-помалу мои добрыя чувства ослабѣвали и наконецъ я согласился на разлуку. Я взялъ Томаса за руку и прижалъ его къ своему сердцу... Никогда небыло души благороднѣе этой, я былъ недостойнъ называться его другомъ!

— Да благословить тебя Богъ, Арчи! сказалъ Томасъ, покидая меня.

Я стоялъ и смотрѣлъ какъ онъ быстро удалялся и глядя на него готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ стыда и униженія. Разъ или два я порывался идти за нимъ, но эгоистическое благоразуміе взяло верхъ и я удержался. До тѣхъ поръ, пока Томасъ не исчезъ изъ виду, я не сводилъ съ него глазъ и тогда уже продолжалъ свой путь. Оставить его — была такая низость, которой не можетъ оправдать даже любовь къ свободѣ!..

XXXIII

Я шолъ очень скоро до самаго разсвѣта и во всю дорогу не встрѣтилъ болѣе одного или двухъ домовъ и ни одного человѣка. Въ то время, когда всходило солнце, я достигъ вершины большого холма. Возлѣ дороги былъ небольшой домъ и недалеко отъ него стояла привязанная къ дереву здоровая красивая лошадь. По формѣ кармановъ на сѣдлѣ я узналъ, что она принадлежитъ какому-нибудь доктору, который рано прѣхалъ навѣстить своего паціента. Испушеніе было слишкомъ сильно: я осторожно осмотрѣлся, и невидя никого, отъезжалъ лошадь и вскочилъ на нее. Сначала я ѣхалъ шагомъ, но потомъ поскакалъ въ галопъ и скоро домъ исчезъ изъ моихъ глазъ.

Это было очень удачное приобрѣтеніе, потомучто, идя по той же дорогѣ, по которой должны были ѣхать путешественники, отъ которыхъ я убѣждалъ, я подвергался очевидной опасности быть пойманнымъ, какъ только они выѣдутъ изъ дому. Убѣдившись, что моя лошадь можетъ скоро бѣжать, я отпустилъ поводья и поѣхалъ скорой рысью. Но этимъ не окончилось мое благополучіе: опустивши случайно руку въ карманъ моего новаго платья, я вынулъ оттуда бумажникъ, въ которомъ кромѣ пачки старыхъ бумагъ я нашолъ еще порядочное количество банковыхъ билетовъ. Это открытіе еще болѣе одушевило меня, такъ что я проскакалъ почти неостанавливаясь цѣлый день, только повременамъ давая отдохнуть моему коню подъ тѣнью какого-нибудь дерева.

Вечеромъ я добылъ себѣ ужинъ и кормъ для лошади въ одной маленькой тавернѣ, и какъ только взошла луна, снова пустился въ путь. Къ утру моя лошадь совершенно выбилась изъ силъ и отказалась идти далѣе. Но чтобы выразить ей мою признательность и за эту великую услугу, — потомучто по моему расчету она провезла меня сто миль въ двадцать четыре часа, — я снялъ съ нея сѣдло и узду и пустилъ на хлѣбное поле для подкрѣпленія ея силъ.

Далѣе я уже продолжалъ свой путь пѣшкомъ, потомучто боялся оставить коня, чтобы дальнѣйшее владѣніе имъ не ввело меня въ затрудненіе, да по правдѣ, она такъ устала и изнурилась, что принесла бы мнѣ очень мало пользы: я далеко опередилъ путешественниковъ и уже не сомнѣвался въ томъ, что они не догонять теперь меня, хотя я былъ пѣшкомъ, а они на лошадяхъ.

До захожденія солнца я пришолъ въ одно довольно значительное селеніе. Здѣсь я угостилъ себя добрымъ ужиномъ и отлично заснулъ: и то и другое было необходимо для меня, потому что отъ безсонныхъ ночей, голода и усталости я совершенно выбился изъ силъ. Проспавши часовъ десять и проснувшись съ новою бодростью, я пустился опять въ дорогу. Продолжалъ я свое путешествіе уже не очень опасаясь какихъ-нибудь препятствій, но все-таки считалъ благоразумнѣе останавливаться порѣже и скорѣе уйти какъ можно подальше. Я прошолъ Сѣверную Каролину и Виргинію, перѣѣхалъ Потомакъ въ Мериландѣ, и оставивши въ сторонѣ Балтимору, вошолъ въ Пенсильванію и поздравилъ себя, что ступилъ на почву, обрабатываемую свободными людьми!

Пройдя только нѣсколько миль, я уже увидѣлъ разницу; она сдѣлалась очевидна, едва я переступилъ невольничьи границы. Весна только-что начиналась и все освѣжилось, зазеленѣло, расцвѣло; старательно обработанныя поля, множество маленькихъ изгородей, опрятныя и прочныя домики, густо разбросанныя по дорогѣ, красивыя селенія и оживленные города; самыя дороги, покрытыя экипажами и путешественниками, — всѣ признаки довольства и бережливости ясно показывали, что наконецъ я вижу страну, гдѣ уважается трудъ и гдѣ каждый работаетъ для себя. Съ удовольствіемъ, съ восхищеніемъ можно было смотрѣть на эту картину! Какую рѣзкую противоположность представляла она со всѣмъ тѣмъ, что встрѣчалось по моему пути до сихъ поръ: тамъ жалкая, одинокая дорога вилась по огромному однообразному пространству безплодныхъ лѣсовъ и полей, уже оставленныхъ и заросшихъ дрекомъ и бурьяномъ, или такихъ, которые скоро будутъ оставлены, потому что они уже истощены, изрыты рвами и носятъ на себѣ всѣ признаки небрежной, неохотной и нерасчетливой обработки; тамъ и сямъ встрѣчались низенькіе неудобные домики и на пятьдесятъ миль одинъ городъ, въ которомъ единственное присутственное мѣсто, одна или двѣ лавченки и толпа лѣнтяевъ у дверей таверны, и никакого признака промышленности и прогреса.

Я хотѣлъ видѣть Филадельфію, но зналъ, что этотъ городъ слишкомъ близокъ къ невольничьимъ границамъ, чтобы не заразиться ихъ духомъ: чѣмъ хуже язва, тѣмъ она заразительнѣе! Я оставилъ его въ сторонѣ и поспѣшилъ въ Ньюйоркъ: переправившись чрезъ величественный Гудзонъ, я вошолъ въ городъ. Это былъ первый городъ, который я видѣлъ, покрайней-мѣрѣ первый,

который стоить называться городомъ : великолѣпная гавань , въ которой тѣснились корабли: длинныя линіи магазиновъ, безчисленныя улицы, роскошныя лавки и шумныя, какъ рои пчелъ, толпы занятаго народа поразили меня удивленіемъ и приводили въ восхищеніе, давая мнѣ новое понятіе о мугуществѣ, искусствѣ и промышленности человѣка. Я слышалъ объ этомъ прежде, но нужно увидѣть, чтобы это почувствовать.

Нѣсколько дней я только ходилъ по улицамъ, разглядывая по сторонамъ и рассматривая все съ ненасытнымъ любопытствомъ. Ньюйоркъ тогдашній далеко уступалъ тому, какимъ онъ сдѣлался теперь: тогда коммерческія ограниченія стѣсняли его торговлю и движеніе; но по моей деревенской неопытности онъ казался мнѣ почти безконечнымъ, а шумъ телегъ и экипажей по мостовой и толпы народа на улицахъ превосходили всѣ мои понятія о шумной дѣятельности города.

Уже около недѣли я жилъ въ Ньюйоркѣ. Разъ послѣ обѣда стоялъ я на треугольной полянѣ, лежавшей возлѣ центра города и любовался великолѣпнымъ зданіемъ изъ бѣлаго мрамора, которое, какъ я узналъ отъ одного изъ прохожихъ, была ратуша, какъ вдругъ я почувствовалъ, что кто-то грубо схватилъ меня за руку. Я оглянулся и съ ужасомъ увидѣлъ себя въ рукахъ генерала Картера, того самого, который въ Южной Каролинѣ назывался моимъ господиномъ, но въ странѣ, гордящейся званіемъ свободного государства, онъ не долженъ былъ имѣть надо мною никакихъ правъ.

Но пусть никто не обманывается тѣмъ ложнымъ и хвастливымъ титуломъ, который сѣверные штаты сочли нужнымъ присвоить себѣ! Можетъ ли по справедливости называть себя свободнымъ государство, заключившее съ негровладѣльцами трактатъ, по которому оно обязывается выдавать обратно въ руки притѣснителей каждаго несчастнаго бѣглеца, который вздумаетъ искать убѣжища въ его территоріи? Добрый народъ сѣверныхъ штатовъ самъ не держитъ невольниковъ; — о нѣтъ! онъ признаетъ, что держать невольниковъ есть ужасное преступленіе; онъ самъ не держитъ невольниковъ, а только исполняетъ должность сыщика и полицейскаго для негровладѣльцевъ.

Мой господинъ (я долженъ называть его этимъ именемъ даже въ свободномъ городѣ!) схватилъ меня за руку, а его пріятель за другую, и назвалъ меня по имени. Въ замѣшательствѣ и испугѣ отъ печальнаго нападенія я даже забылъ, какъ нерасчетливо съ моею

стороны было показывать, что я его знаю. Вокругъ насъ начала собираться толпа. Когда узнали, что меня останавливаютъ какъ бѣглаго, то нѣкоторые повидимому очень оскорбились тѣмъ, что бѣлый могъ подвергнуться такой обидѣ: они кажется думали, что только съ чернымъ будетъ законно поступать такимъ образомъ! Такъ неумоимо и хитро дѣйствуетъ въ Америкѣ рабовладѣльческое право, что оно свиваетъ себѣ гнѣздо даже и въ груди свободного чловека, и нѣтъ ни одного предрасудка, происходящаго, какъ и всѣ предрасудки, отъ невѣжества и самонадѣянности, которымъ бы оно не сумѣло воспользоваться!..

Хотя многіе изъ присутствовавшихъ не стѣснялись въ выраженіяхъ негодованія, но избавить меня никто не попытался. Меня потащили въ ту самую ратушу, которою я такъ восхищался, и привели въ засѣданіе судей. Тамъ предлагались вопросы, произносились клятвы, писались бумаги; но я еще не пришолъ въ себя отъ перваго испуга, а этотъ рядъ судей и констеблей представлялъ такую страшную опасность, къ какой я совершенно не привыкъ. Я почти незнаю что тамъ говорилось и дѣлалось, но сколько помню, судья отказалъ въ требованіи, но согласился отдать приказъ, чтобы меня посадили въ тюрьму, пока переведутъ въ какой-то другой судъ. Приказъ былъ отданъ и меня передали полицейскому. Въ залѣ была толпа, послѣдовавшая за мной съ улицы; когда мы выходили изъ суда, толпа тѣснилась вокругъ насъ, и судья по выраженію лицъ и вырвавшимся словамъ, я видѣлъ, что она расположена способствовать моему бѣгству. Сначала я показывалъ совершенную покорность полицейскому, но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ однимъ скачкомъ я вырвался у него изъ рукъ, бросился въ толпу, которая разступилась, чтобы меня пропустить; позади меня раздавались шумъ, суматоха, крики, но въ одну минуту я перескочилъ чрезъ ограду, окружавшую ратушу, и перебѣжавши ближайшую улицу, вбѣжалъ въ узкій, извилистый переулокъ. Народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, а нѣкоторые закричали: «держи вора!» Одинъ или двое кажется хотѣли схватить меня, но я повернулся въ другой переулокъ, потомъ въ третій, и только убѣдившись, что меня никто не преслѣдуетъ, пошелъ уже обыкновеннымъ шагомъ.

За это избавленіе я обязанъ не законамъ Ньюйорка, не благосклонности его жителей. Тайныя склонности и своекорыстный интересъ тамошнихъ законодателей часто вводятъ ихъ въ заблужденіе, но жители почти всегда являются защитниками угнетенныхъ. Пра-

вда, что искусныя дѣйствія и коварныя внушенія подкупленныхъ друзей и подкупленныхъ адвокатовъ рабовладѣльцевъ, соединясь съ тою выгодною, какую всегда доставляютъ гражданскіе раздоры и неурядицы ворами и мошенникамъ въ большомъ городѣ, въ состояніи иногда людей молодыхъ, невѣжественныхъ, безпечныхъ или развращенныхъ подвинуть къ насильственнымъ поступкамъ въ защиту рабства, — но любовь къ личной свободѣ такъ прирождена челоуѣческому сердцу, что не ярче горитъ она въ душѣ мудрецовъ и героевъ, какъ и въ груди самыхъ простыхъ и необразованныхъ людей, если только не заглушить ее какой-нибудь предрасудкомъ, низкая страсть или пагубное вліяніе.

Въ моихъ прежнихъ странствованіяхъ по городу я отыскалъ дорогу, которая вела на сѣверъ, и теперь пошелъ я по этому направленію, рѣшившись отряхнуть съ моихъ ногъ самую пыль города, гдѣ я едва снова не попалъ въ несчастное положеніе раба.

Я шолъ цѣлый день и остановившись на ночлегъ въ одномъ трактирѣ, узналъ отъ содержателя, что я уже въ штатѣ Коннектикутъ. Нѣсколько дней я продолжалъ свой путь по красивой гористой мѣстности, какой я прежде никогда не видѣлъ: величественныя горы, мрачныя, дикіе утесы представляли пріятную противоположность съ превосходно обработанными долинами и повсемѣстной промышленностью жителей. Когда личная свобода придаетъ силу рукѣ, напрасно гранитные утесы и горы противятся труду земледѣльца! Свободная промышленность научаетъ его искусству добывать довольство, богатство и роскошь даже изъ самой неблагоприятной и неудобной почвы!

Я зналъ, что Бостонъ былъ портомъ Новой Англіи и туда-то я направилъ свой путь, рѣшившись оставить эту землю: какъ она ни была привлекательна, но законы ея не хотѣли признать меня свободнымъ!.. По мѣрѣ приближенія къ городу, мѣстность, лишаясь величественныхъ горъ, теряла свою живописность; но ее замѣнилъ болѣе привлекательный видъ ея ровныхъ, прекрасно воздѣланныхъ полей и хорошенькихъ домиковъ, стоявшихъ такъ близко одинъ отъ другого возлѣ дороги, что окрестности города казались только его продолженіемъ; самый городъ, расположенный на холмахъ и виднѣвшійся издалика, величественно заканчивалъ эту перспективу.

По длинному мосту я прошелъ черезъ широкую рѣку и скоро вошелъ въ городъ, но не останавливался, чтобы его разсматривать: свобода была слишкомъ дорога, чтобы ею можно было пожертво-

вать удовлетворенію празднаго любопытства. Чернь НьюЙорка слѣлала меня свободнымъ, а чернь Бостона сочтетъ можетъ-быть за удовольствіе снова обратить меня въ рабство! Я поспѣшилъ, насколько позволяли это извилистыя и неправильныя улицы, скорѣе къ пристави. Много кораблей стояло и гнило безъ снастей на набережной, и только послѣ долгихъ поисковъ и распросовъ я нашолъ корабль, который отправлялся въ Бордо. Я предложилъ себя матросомъ. Капитанъ началъ меня спрашивать и смѣялся отъ души надъ моею деревенскою неловкостью и незнаніемъ, но наконецъ согласился принять меня за половинное жалованье. Онъ выдалъ мнѣ жалованье, сколько слѣдовало за мѣсяць, а его лейтенантъ, красивый молодой человекъ, который повидимому жалѣлъ о моемъ одинокомъ положеніи и беспомощномъ незнаніи, помогъ мнѣ купить необходимыя для дороги вещи.

Въ нѣсколько дней корабль былъ нагруженъ и готовъ къ отплытію. Мы вышли въ море, пробираясь между безчисленными островками и мысами бостонской набережной, проѣхали мимо крѣпости и маяка, отослали лоцмана и на всѣхъ парусахъ, при попутномъ вѣтрѣ, оставили городъ позади себя.

Стоя на палубѣ, я не сводилъ глазъ съ земли, которая скоро стала едва замѣтной чертой на горизонтѣ, и наконецъ когда она исчезла изъ вида, какъ-будто тяжкое бремя свалилось съ меня. Цѣпи порвались, я чувствовалъ себя свободнымъ, и смотря на удаляющійся берегъ, мое сердце наполнилось гордымъ презрѣніемъ: я былъ безопасенъ!

«Прощай, мой край!» Эти слова сорвались у меня отъ избытка чувствъ. Край, который гордится именемъ избраннаго мѣста свободы и разныхъ правъ — и держитъ часть своего народа въ безнадежномъ, безсильномъ, жалкомъ рабствѣ!.. Прощай, мой край! Велика моя благодарность и признательность тебѣ, земля плантаторовъ и рабовъ!.. Прости!..

Привѣтъ вамъ, бурныя, пѣнистыя волны океана! Вы — эмблема и дѣти свободы; привѣтъ вамъ, мои братья!.. Наконецъ я также свободенъ!

Свободенъ, свободенъ!..

XXXIV

Благоприятный вѣтеръ продолжался недолго : скоро погода стала бурной, насъ обхватилъ туманъ и понесъ противный вѣтеръ. Намъ пришлось работать до упаду, но я находилъ какое-то удовольствіе въ этомъ трудѣ : я работалъ и страдалъ самъ для себя ! Эта мысль придавала мнѣ силу и бодрость ; я съ величайшимъ усердіемъ и желаніемъ старался изучить мое дѣло. Сначала мои товарищи смѣялись надъ моимъ незнаніемъ и неловкостью и строили со мной разныя штуки, но несмотря на свою грубость и вѣтренность, они были добры и великодушны. Въ первую же недѣлю нашего путешествія я подрался съ первымъ забіякой на корабль и отколотилъ его препорядочно, такъ что весь экипажъ призналъ, что изъ меня что-нибудь выйдетъ.

Я былъ силенъ и ловокъ, и какъ я поставилъ себѣ въ непремѣнный долгъ дѣлать все что дѣлали другіе, то и самъ удивился въ какое короткое время выучился я бѣгать по снастямъ и лазить по раянамъ. Лабиринтъ веревокъ и морскихъ терминовъ, приводившій сначала меня въ отчаяніе, скоро сдѣлался мнѣ также знакомымъ. Прежде чѣмъ мы переплыли океанъ, я умѣлъ убирать паруса, брать рифы и управлять кораблемъ какъ любой человекъ на корабль, и весь экипажъ клялся, что я родился матросомъ. Но я не довольствовался однимъ сниманіемъ парусовъ и натягиваніемъ веревокъ : я хотѣлъ узнать и искусство мореплаванія. На нашемъ корабль былъ одинъ очень образованный молодой человекъ, который, по обычаю Новой Англіи, въ ожиданіи пока самъ будетъ начальствовать кораблемъ, служилъ теперь кормщикомъ на передней мачтѣ ; у него были книги и инструменты, и какъ онъ уже сдѣлалъ одно или два путешествія, то умѣлъ употреблять ихъ ; онъ же записывалъ ходъ корабля. Этотъ молодой матросъ, по имени Томъ Тернеръ, былъ такой славный, добрый малый, какіе только могутъ быть на свѣтѣ ; но онъ былъ слабаго сложенія и тѣлесныя силы его далеко уступали умственнымъ. Я заслужилъ расположеніе Тома Тернера, принимая всегда его сторону въ нашихъ общихъ шалостяхъ у передней мачты. Увидя мое желаніе учиться, онъ взялся быть моимъ учителемъ : далъ мнѣ свой навигаторъ, которымъ я постоянно занимался, когда была моя очередь стоять внизу. Сначала все мнѣ каза-

лось очень таинственнымъ и совершенно непопнтнымъ, но Томъ, владѣвшій даромъ слова, показывалъ и объяснялъ такъ усердно, а я слушалъ и учился съ такимъ вниманіемъ, что скоро началъ понимать.

Все это время мы плавали недалеко отъ береговъ Ньюфаундленда и какъ мы постоянно испытывали бури и противный вѣтеръ, то проѣхали очень незначительное пространство. Мы потеряли два паруса, много жердей; болѣе семидесяти дней продолжалась ужасная погода.

Я впрочемъ былъ доволенъ, — мнѣ нечего было спѣшить на берегъ: я избралъ океанъ своей родиной; когда ревѣлъ вѣтеръ, скрипѣли снасти, трещали доски, я плотнѣе застегивался, упирался на сундукъ и изучалъ моего навигатора, если только я былъ на караулѣ, потомучто на палубѣ я всегда былъ готовъ на первый зовъ и первый бросался на снасти.

Наконецъ погода успокоилась и мы направили паруса къ берегамъ Франціи. Мы увидѣли землю и были уже въ нѣсколькихъ льѣ отъ пристани, когда вооруженный бригъ съ развивающимся англійскимъ флагомъ подѣхалъ къ нашему кораблю, выстрѣлилъ въ него и послалъ къ намъ лодку.

Въ то время для американскихъ кораблей такого рода посѣщенія были очень обыкновенною вещью и нашъ капитанъ повидимому не слишкомъ тревожился; но едва англійскій офицеръ взошелъ на нашу палубу, какъ положивши руку на шпагу, онъ объявилъ капитана своимъ плѣнникомъ.

Какъ видно, пока мы плавали возлѣ Ньюфаундленда, Америка наконецъ собралась съ духомъ и объявила Англій войну; вооруженный бригъ былъ англійскій корсаръ и мы сдѣлались его добычей. Сначала насъ всѣхъ позвали внизъ, но потомъ отослали обратно и предоставили на выборъ — ѣхать плѣнниками въ Англію, или оставаться служить на ихъ кораблѣ. Половина нашего экипажа состояла изъ того, что матросы называютъ голандцами, то-есть изъ уроженцевъ береговъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей; всѣ эти искатели приключеній охотно согласились. Томъ Тернеръ служилъ переводчикомъ для американцевъ, и когда ему предложили послѣдовать приѣмъу голандцевъ, онъ грубо, почти съ бранью отвѣчалъ лейтенанту: «прежде я увижу какъ васъ повѣсятъ».

Что касается до меня, я вовсе не чувствовалъ патріотической щекотливости: я отказался отъ моей родины — если только можно

назвать родиной человѣка то мѣсто, которое дало ему жизнь, но своими несправедливыми, нечестивыми законами о рабовладѣльчествѣ отняло у него все что даетъ цѣну жизни. Несмотря на ропотъ и свистки товарищей, я выступилъ впередъ и подписалъ свое имя на корабельномъ листѣ. Они бы не осудили меня, еслибы знали мою исторію.

Послѣ безплодной крейсеровки мы починили нашъ корабль въ Ливерпулѣ, и пополнивши экипажъ, снова отправились въ море. Крейсируя по берегу Франціи, мы захватили нѣсколько призовъ, но все незначительныхъ. Послѣ этого мы направили нашъ путь къ Вестъ-Индіи. Мы были недалеко отъ Бермудскихъ острововъ и летѣли на всѣхъ парусахъ, когда замѣтили впереди насъ корабль и погнались за нимъ.

Догоняемый нами корабль уменьшилъ паруса и ожидалъ, пока мы подойдемъ. Это заставило насъ предполагать въ немъ военный корабль, и какъ мы болѣе желали добычи, чѣмъ битвы, то повернули руль и отплыли назадъ.

Тогда тотъ корабль погнался за нашимъ, и такъ какъ былъ гораздо легче на ходу, то скоро догналъ насъ.

Увидѣвши, что нѣтъ возможности убѣжать, мы опустили легкіе паруса, легли на дрейфъ, выставили британскій флагъ и сняли койки для сраженія.

Непріятельскій корабль былъ вооруженный шунеръ, американскій корсаръ, по величинѣ и вооруженію равный бригу, но гораздо лучше оснащенный и управлялся превосходно. Онъ напалъ на насъ: мы услышали три раза повторенное восклицаніе экипажа, затѣмъ прямо въ нашъ корабль раздался страшный залпъ съ борта. Послѣ этого онъ сталъ маневрировать до тѣхъ поръ, пока не принялъ благопріятнаго положенія, а потомъ открылъ такой сильный огонь, что весь казался въ пламени; хорошо направленные пушки стрѣляли превосходно и произвели значительный вредъ. Скоро нашъ капитанъ и первый лейтенантъ были ранены и уже болѣе не могли сражаться. Сколько могли, мы тоже не оставались въ долгу, но наши люди падали одинъ за другимъ и нашъ огонь началъ ослабѣвать; букспритъ шунера попалъ въ наши снасти и скоро мы услышали крикъ: «на абордажъ!» Мы схватили копья и приготавились ихъ встрѣтить, но непріятельскій отрядъ напалъ на бортъ, ранилъ единственнаго офицера, бывшаго на палубѣ и погналъ испуганныхъ и оторопѣвшихъ нашихъ къ передней мачтѣ. Я увидѣлъ опасность и

мысль о возможности попасть опять въ руки тирановъ , отъ которыхъ освободился , возвратила мнѣ упавшее мужество. Я почувствовалъ нечеловѣческую энергію : собравши нашъ экипажъ , уже приходившій въ уныніе и готовый сдаться , я бросился впередъ , сталъ биться съ безумною храбростію какого-нибудь героя романа , успѣлъ отразить двухъ или трехъ бывшихъ впереди , и въ то время какъ они отступали , я воодушевлялъ и ободрялъ своихъ товарищей и приказалъ имъ заряжать. Мой примѣръ казалось вдохновилъ ихъ : они разомъ бросились впередъ , храбро атаквали непріятелей и погналы ихъ назадъ ; одни изъ нихъ попадали въ море , а остальные принуждены были возвратиться на свой корабль.

Но этимъ не кончились наши успѣхи : въ свою очередь мы бросились на abordажъ , и на палубѣ шунера произошла такая же кровавая битва , какая была на бригѣ. Счастье не оставляло насъ , такъ что скоро мы принудили непріятеля искать убѣжища на квартеръ-декѣ. Мы предложили имъ сдаться , но ихъ капитанъ , потрясая окровавленной саблей , съ твердостью отказался. Приказавши еще разъ зарядить , онъ съ бѣшенствомъ бросился на насъ ; его сабля столкнулась съ моимъ копьемъ и вылетѣла у него изъ рукъ. Капитанъ поскользнулся и упалъ на палубѣ ; въ ту же минуту мое копье стояло у него на груди. Онъ попросилъ пощады. Мнѣ показалось , что его лицо мнѣ знакомо.

— Ваше имя ?

— Осборнъ.

— Ионатанъ Осборнъ , передъ этимъ капитанъ «Ту-Селлисъ» ?

— Онъ самый.

— Такъ умри же ! Такіе негодяи не стоятъ пощады... И съ этими словами я воткнулъ копье въ его сердце и почувствовалъ какую-то радость , что воздалъ извергу должное.

Но правосудіе никогда не должно омрачаться страстію , и если можно , не должно быть занято кровью. Если въ моихъ чувствахъ и было что-нибудь благородное въ эту минуту , то съ нимъ соединилось слишкомъ много дикой злобы и личнаго мщенія : по тѣмъ чувствамъ , которыя я тогда испытывалъ , я вполне могу понимать звѣрскую энергію невольника , который защищаетъ свою свободу своимъ оружіемъ и смотритъ на убійство своихъ притѣснителей какъ на уплату долга челоуѣчеству.

Какъ только экипажъ увидѣлъ , что капитанъ убитъ , бросилъ

оружіе и началъ просить пощады. Шунеръ былъ нашъ. Никогда корабль красивѣе этого не плавалъ по волнамъ!

Всѣ офицеры на бригѣ были ранены. Всѣ признали, что мнѣ главнымъ образомъ принадлежитъ взятіе корабля, — и съ одобренія всего экипажа я былъ назначенъ распорядителемъ добычи.

XXXV

Мы скоро доѣхали до Ливерпуля; корабль былъ признанъ добычей и купленъ владѣльцами брига. Они его снарядили для корсарства, и узнавши насколько я участвовалъ въ его взятіи, предложили мнѣ командовать имъ. Я съ готовностью принялъ это предложеніе, и выбравши опытнаго, стараго матроса моимъ первымъ лейтенантомъ, скоро набралъ людей и пустился въ море.

Для крейсерства я избралъ преимущественно берега Америки. Недалеко отъ бостонской гавани намъ посчастливилось поймать призь — корабль «Истъ-Индіаманъ» съ значительнымъ грузомъ чаю и шолку. Мы отправили его въ Ливерпуль, куда онъ достигъ благополучно и доставилъ намъ значительную сумму денегъ. Теперь мы стояли на югѣ и мѣсяца два крейсировали около мысовъ Виргиніи: мы подходили очень близко къ берегамъ, такъ что касались земли, и каждый разъ, когда я смотрѣлъ на нее, мнѣ приходило сильное желаніе высадиться на берегъ и похитить прямо съ постели всѣхъ плантаторовъ, какихъ только удастся захватить. Но я считалъ небезопасной такую попытку проучить виргинцевъ, хотя они очень нуждались въ этомъ урокъ.

Исторія приключеній, преслѣдованій и набѣговъ моего крейсерства наполнила бы цѣлый томъ, но она мало относится къ моему настоящему предмету: довольно сказать, что пока продолжалась война, я не оставлялъ моря и съ сожалѣніемъ покинулъ его, когда она окончилась. Моя доля въ призахъ сдѣлала меня богатымъ, по крайнемѣру по своимъ умѣреннымъ желаніямъ я считалъ себя такимъ. Но что оставалось мнѣ взамѣнъ того постоянно новаго возбужденія, которое поддерживало меня до сихъ поръ и не позволяло моимъ мыслямъ терзать меня и отравлять мой покой тяжолыми воспоминаніями? Образъ жены, дитяти и друга, которому я былъ столько обязанъ, часто во время моихъ путешествій мрачно рисовался въ моемъ воображеніи, но крикъ: «паруса впередъ!» обращалъ мои мысли на

другой предмет и шумная дѣятельность разгоняла нападавшую на меня тоску. Но теперь, когда я жилъ бездомнымъ, одинокимъ странникомъ на землѣ, безъ всякихъ занятій для моихъ мыслей, призраки моихъ милыхъ страдальцевъ постоянно навѣщали меня. Прежде всего я постарался найти вѣрнаго агента, котораго можно бы послать отыскивать ихъ. Нашедши, я сообщилъ ему всѣ свѣдѣнія, необходимыя для успѣха его поисковъ, далъ ему неограниченный кредитъ на своего банкира и подкрѣпилъ его усердіе щедрымъ задаткомъ и обѣщаніемъ великолѣпной награды въ случаѣ успѣха сдѣланнаго ему порученія.

При первой возможности онъ отправился въ Америку и я утѣшалъ себя надеждой, что его поиски будутъ успѣшны. Между тѣмъ, чтобы имѣть какое-нибудь развлеченіе, которое бы разгоняло мои мучительныя сомнѣнія и тревожныя думы, я занялся наукой. Еще ребенкомъ я любилъ читать и очень желалъ образоваться; проклятое невольничество подавило и заглушило это желаніе, но все-таки не уничтожило его. Я самъ удивился какъ оно сильно! Когда я началъ заниматься, мой умъ съ такой жадностью поглощалъ свѣдѣнія, какъ засохшая земля всасываетъ дождь: можно сказать, что я пожиралъ книги, а не читалъ. Я почти не давалъ себѣ спать; едва оканчивалъ одну книгу, уже хватался за другую. Я читалъ все безъ разбора; сравнивать, разбирать, судить я уже выучился послѣ. Со мною случилось тоже что бываетъ со всѣми: жадно желая знать, я принималъ все за истину, нестараясь разбирать, гдѣ дѣйствительность, а гдѣ вымыселъ. Хотя часто подъ видомъ строгихъ истинъ я принималъ ложь и нечѣпость, однако не очень любилъ писателей, дѣйствующихъ на одно воображеніе: я не понималъ ни цѣли ихъ, ни того, что они пишутъ; я пренебрегалъ поэтами, но съ жадностью прочитывалъ путешествія, исторію и рассказы изъ дѣйствительной жизни. Время и размышленіе дали мнѣ возможность извлечь истину и пользу изъ этой кучи беспорядочныхъ свѣдѣній.

Нѣкоторое время эти занятія производили на меня такое же возбуждающее дѣйствіе, какъ и прежняя дѣятельность: они поддерживали мое мужество и давали мнѣ силу переносить неутѣшительныя вѣсти, которыя я получалъ изъ Америки. Но наконецъ я началъ упадать духомъ; когда же мой агентъ возвратился съ печальными извѣстіями, что всѣ поиски оказались напрасны, то я ужь ни въ чемъ не находилъ облегченія для своего безысходнаго горя.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ моимъ агентомъ, я узналъ, что мистрисъ Монгомери, госпожа Касси, поручилась въ значительной суммѣ денегъ за брата, того самаго, который помогалъ ей совѣтомъ и дѣломъ въ управленіи плантаціей. Братъ ея былъ плантаторъ, а почти у всѣхъ американскихъ плантаторовъ развита страсть къ игрѣ. Игра есть одно изъ тѣхъ немногихъ возбуждающихъ развлеченій, которыя сколько-нибудь нарушаютъ утомительное однообразіе ихъ праздной и бесполезной жизни. Братъ мистрисъ Монгомери былъ игрокъ, и несчастный игрокъ. Разоривши себя, онъ началъ разорять и сестру: кромѣ того, что онъ спускалъ всѣ деньги, какія попадали въ его руки, — какъ онъ управлялъ ея дѣлами, то доходы были въ полномъ его распоряженіи, но онъ подъ разными предлогами убѣдил ее подписать векселя и другія обязательства на значительную сумму. Эти обязательства давно уже были поданы ко взысканію, но братъ, чтобы не открылись всѣ его низости, старался все скрывать, такъ что мистрисъ Монгомери тогда только узнала о своихъ долгахъ, когда все ея имѣніе было уже описано.

Между прочей движимостью продали мою жену и дитя: въ Америкѣ таковъ законъ и обычай — продавать жонъ и дѣтей для уплаты долговъ игрока. Касси вмѣстѣ съ ребенкомъ попала въ руки одного джентльмена, — какъ ихъ называютъ въ Америкѣ — занимавшагося почтеннымъ и выгоднымъ ремесломъ — негроторговлей. Какъ только мой агентъ узналъ имя этого негроторговца, началъ его отыскивать; но оказалось, что этотъ человекъ умеръ года два тому назадъ и не оставилъ никакихъ бумагъ, по которымъ бы можно было прослѣдить исторію его негроторговыхъ экспедицій. Все еще нетеря надежды, мой агентъ, узнавши по какой дорогѣ этотъ негроторговецъ обыкновенно водилъ невольниковъ, проѣхалъ всю эту дорогу и ему удалось узнать кой-какіе слѣды той партіи невольниковъ, которая была куплена при продажѣ имущества мистрисъ Монгомери.

Онъ ѣхалъ по указаннымъ слѣдамъ изъ села въ село до города Августы, въ штатъ Георгіи, но здѣсь потерялся всякій слѣдъ. Этотъ городъ есть или былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ негроторговыхъ рынковъ; здѣсь по всей вѣроятности невольники были проданы, но кому — этого невозможно было узнать.

Такимъ образомъ, обманувшись въ своихъ поискахъ, мой агентъ прибѣгнулъ къ газетамъ: подробно описывалъ въ нихъ примѣты моей жены, назвалъ ея послѣдняго владѣльца и общалъ щедрю

награду тому, кто сообщитъ, гдѣ можно найти Касси или дитя ея. Вслѣдствіе этихъ объявленій ему сообщили множество указаній, но всѣ они не относились къ тѣмъ, кого онъ искалъ; онъ наконецъ прекратилъ ихъ.

О Томасѣ онъ узналъ только то, что генераль Картеръ не поймалъ его, но встрѣчали человѣка очень похожаго на Томаса, который бродилъ въ лѣсу около Лузагачи или укрывался на плантаціяхъ; очень вѣроятно, что Томасъ еще живъ и предводительствуетъ какой-нибудь шайкой бѣглыхъ.

Такія свѣдѣнія сообщилъ мнѣ мой агентъ.

Пока онъ оставался въ Америкѣ, какъ ни мало были утѣшительны его письма, все-таки я еще могъ надѣяться, но теперь послѣдняя надежда была у меня отнята. Что изъ того, что я разорвалъ свои цѣпи, когда цѣпи можетъ-быть тяжелѣе моихъ давили подругу моего сердца, жену мою, давили милое, милое дитя мое, сына нашей любви?!..

Ужасно въ самомъ дѣлѣ проклятіе рабства! Ему нѣтъ границъ... Черезъ широкій океанъ оно доносилось ко мнѣ, и думая о Касси, о моемъ мальчикѣ, я дрожалъ и блѣднѣлъ, какъ-будто оковы еще лежали на мнѣ и кровавый кнутъ свистѣлъ надъ головой. Всемогущій Боже! Зачѣмъ создалъ ты людей и осудилъ на такія тяжкія муки?..

Не скоро я пришолъ въ себя отъ удара, который сначала совершенно поразилъ меня, но даже и успокоившись, я ужъ не могъ найти ни въ чемъ удовольствія; червь грызъ мое сердце и ничто не могло его успокоить. Никто болѣе меня не былъ расположенъ наслаждаться удовольствіемъ домашней жизни, но я находилъ только одну муку, вспоминая, что я и мужъ и отецъ. О еслибы моя жена и милый мой мальчикъ были со мною! въ какомъ бы сладкомъ уединеніи я провелъ свою жизнь, находя новыя удовольствія, наслаждаясь настоящимъ, вспоминая о вытерпѣнныхъ страданіяхъ и прошедшихъ несчастіяхъ!.. Чувство одиночества, томившее меня, горькія мысли и ненавистныя картины, которыя постоянно представлялись мнѣ, сдѣлали мою жизнь тяжкимъ бременемъ и заставили меня искать облегченія въ путешествіи. Я объѣздилъ всѣ государства Европы и искалъ занятій и развлеченій, изучая ихъ общественную жизнь, законы и обычаи. Я былъ въ Турціи и на востокѣ, гдѣ когда-то процвѣтали искусства и роскошь, а теперь лежатъ развалины, произведенныя тяжелой рукой тираніи и постояннымъ лихоимствомъ воен-

ныхъ грабежей; я объѣхалъ пустыни Персіи и видѣлъ какъ медленно поднимается въ Индіи новая лучшая цивилизація на развалинахъ старой.

Сочувствіе къ тому угнетенному и несчастному племени, къ которому я принадлежалъ съ материнской стороны, привело меня снова на другую сторону океана. Я лазилъ на высокіе хребты Андъ и странствовалъ по цвѣтущимъ лѣсамъ Бразиліи.

Рабы есть во многихъ странахъ, но нигдѣ нѣтъ такого безжалостнаго и безпощаднаго насилія какъ въ Америкѣ, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ того, чтобы прямою цѣлью законовъ и явнымъ намѣреніемъ рабовладѣльцевъ было уничтожить у половины населенія всѣ признаки умственныхъ способностей и заглушить разомъ даже и возможность надѣяться на личную свободу.

Въ католической Бразиліи, на островахъ, принадлежащихъ Испаніи, гдѣ можно найти тиранію, усиленную невѣжествомъ и севѣріемъ, все-таки смотрятъ на раба какъ на человѣка и не отнимаютъ у него правъ на человѣческое сочувствіе: онъ можетъ преклонять колѣна предъ алтаремъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ и можетъ слышать какъ католическій священникъ смѣло провозглашаетъ съ амвона святаыя истины; онъ можетъ найти утѣшеніе и опору въ надеждѣ когда-нибудь стать лично свободнымъ; онъ можетъ купить свою свободу деньгами; онъ можетъ требовать ее какъ свое законное право, если его наказали жестоко и несправедливо; онъ можетъ ожидать свободы отъ благодарности или великодушія своего господина, или отъ угрызений совѣсти, возбужденныхъ въ немъ духовникомъ у смертной постели. Ставши свободнымъ, онъ пользуется правами свободного человѣка и дѣйствительнымъ практическимъ равенствомъ предъ законами, одна мысль о которомъ наполнила бы болтливыхъ американцевъ презрѣннымъ страхомъ и злобнымъ негодованіемъ.

Рабство въ тѣхъ странахъ, повинувся силѣ дѣйствующихъ обстоятельствъ, приближалось къ своему концу. Пусть только совершенно прекратится африканская торговля неграми, то не пройдетъ и половины столѣтія, какъ уже не найдется ни одного невольника въ испанской и португальской Америкѣ.

Въ однихъ Сѣверо-американскихъ штатахъ, въ этой странѣ, которая имѣетъ претензію на монополію свободы — въ ней одной духъ тиранства рабовладѣльцевъ гордо поднимаетъ свою торжествующую голову и не допускаетъ даже самой мысли объ ограниченіи своей

власти; въ ней одной во всемъ мірѣ свирѣпствуетъ влостнѣ шасидіе, неудерживаемое ни страхомъ къ Богу, ни любовью къ людямъ...

Чтобы лучше обезопасить своеволие, американскіе негровладельцы, гордо отказываясь чѣмъ-нибудь ослабить удерживаемую кнутомъ власть, лишали сами себя спеціальнымъ постановленіемъ права освобождать невольниковъ: такъ ловко и хитро законопатили они единственную щель, сквозь которую могла проглядывать надежда ихъ жертвамъ!

И ты, мое дитя! На такую радость дана тебѣ твоя молодость! Быть-можетъ холодъ рабства оледенилъ твою распѣтавшую душу и бросилъ ее, поблекшую и уничтоженную?... Нѣтъ, о нѣтъ! Этого не должно быть, не можетъ быть!.. Дитя! у тебя есть еще отецъ, — отецъ, который тебя не забылъ и не оставитъ!.. Ничтожна та любовь, которая устаетъ отъ неудачъ или пугается опасностей... Да, я рѣшился: я возвращусь въ Америку и вдоль и поперекъ обещаю ее, пока не найду моего сына! Я вырву его изъ рукъ притѣснителя, или — погибну въ этомъ усилии... Пусть меня узнаютъ и схватятъ, — недаромъ я прочелъ римскую исторію... Да падетъ вина на голову плантаторовъ!.. Опять сдѣлаются ихъ рабомъ — я не могу!..

XXXVI

Принявъ рѣшеніе, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, я тотчасъ началъ готовиться, чтобы привести его въ исполненіе. Снова беру перо, чтобы описать дальнѣйшія мои приключенія.

Нѣсколько лѣтъ жизнь моя была одной тревогой и страданіемъ: мнѣ постоянно представлялись призраки жены и сына, блѣдные, плачущіе, простирающіе ко мнѣ свои руки и призывающіе меня помочь и освободить ихъ. Съ той же минуты какъ началъ я готовиться къ новому путешествію и поискамъ, я почувствовалъ бодрость, веселость и облегченіе, какъ-будто тяжелый камень свалился съ моего сердца: теперь опять есть у меня для чего жить, для чего трудиться; я буду преслѣдовать можетъ-быть тѣнь, одну тѣнь, наврасную мечту... Уже прежніе поиски показали какъ бесполезно стараться уловить ее; но лучше преслѣдовать тѣнь, если можешь увѣрить себя, что она существуетъ, чѣмъ оставаться въ безнадеж-

ной и бесполезной праздности! Человѣкъ созданъ шадваться и дѣ-
ствовать.

Оставляя Англiю, я позаботился взять паспортъ англійскаго подданнаго на имя капитана Арчеръ Мура (подъ этимъ именемъ меня знали въ Англiи) и зацастись рекомендательными письмами къ торговымъ корреспондентамъ отъ моихъ знакомыхъ въ главныхъ городахъ Америки. Въ качествѣ путешественника, любопытствующаго узнать американское общество, я возвратился на свою родину.

Такъ какъ я выѣхалъ изъ Бостона, то рѣшился высадиться тамъ же и направить мой путь туда, гдѣ провелъ я первую юность, надѣясь тамъ узнать что-нибудь о предметѣ моихъ поисковъ.

Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ Бостонъ трепещущимъ бѣглецомъ, жаждавшимъ отыскать на бурномъ океанѣ или за нимъ ту свободу, въ которой мнѣ отказывали законы Америки. Какая разница между тою ненавистью и страхомъ, съ какими я смотрѣлъ на удалявшійся берегъ тогда, и тѣмъ сладкимъ чувствомъ, близкимъ къ надеждѣ, съ какимъ я завидѣлъ его, какъ онъ подымался изъ всѣхъ волнъ океана теперь! Земля жестокой для меня неволи, но въ ней быть-можетъ — о милосердый Боже! — я могу найти давно потерянныхъ жену и сына...

Высидившись на берегъ, мы застали городъ въ сильномъ волненiи. Огромная толпа болшею частiю хорошо одѣтыхъ людей собралась вокругъ одного зданiя, которое, какъ я послѣ узналъ, была ратуша; какъ-разъ въ то время, какъ мы подходили къ нему, на улицу вытащили — кажется изъ сосѣдняго дома — какого-то несчастнаго съ веревкой на шеѣ; толпа кричала: «повѣсить его, повѣсить его!» а прекрасно одѣтый джентльменъ, тащившiй несчастнаго, повидимому былъ очень расположенъ исполнить желанiе толпы и только искалъ фонарнаго столба или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Пробравшись съ большимъ трудомъ въ ближайшую улицу, мы увидѣли, что она совершенно запружена толпой тоже хорошо одѣтыхъ людей, сквозь которую медленно проходили, держась за руки, осыпаемые насмѣшками нѣсколько женщинъ. Онѣ кажутся вышли изъ ближайшаго зданiя; видъ ихъ почему-то возбуждалъ, очевидно, очень сильное негодование.

Добравшись до гостиницы, называемой кажется «Тремонтъ-Гаузъ», я съ испугомъ спросилъ о причинѣ этого волненiя. Хозяинъ объяснилъ мнѣ, что все произошло отъ упорства тѣхъ женщинъ, которыхъ я видѣлъ на улицѣ. Несмотря на замѣчанiя гражданъ, вы-

раженныя на недавно бывшемъ большомъ публичномъ митингѣ, гдѣ присутствовали первые негоціанты и законовѣды, эти упрямыя женщины собрались молиться за уничтоженіе невольничества; но болѣе возмутительно то, что онѣ собираются слушать проповѣди какого-то лезутчика, недавно присланнаго изъ Англіи. Толпа же, которую я видѣлъ, состоявшая, по его увѣренію, изъ людей съ состояніемъ и званіемъ, намѣрена была схватить этого лезутчика и примѣрно назвать его за такую наглость.

— Скажите же мнѣ пожалуста, спросилъ я: — такъ какъ у васъ въ Бостонѣ и во всей сторонѣ нѣтъ невольниковъ, чего же вы такъ возмущаетесь поступкомъ этихъ добрыхъ женщинъ? Какъ англичанинъ, я полагаю, что принимаю нѣкоторое участіе въ моемъ несчастномъ соотечественникѣ, котораго такъ хочется повѣсить жителямъ Бостона. Почему ваши негоціанты и адвокаты разыгрываютъ роль собаки на свнѣ: — не только сами не заботятся объ уничтоженіи невольничества, но даже не позволяютъ женщинамъ молиться объ этомъ?

— Какъ иностранцу и англичанину, — отвѣчалъ хозяинъ, очевидно добрый человекъ, несмотря на свой гнѣвъ противъ этихъ ужасныхъ женщинъ, — эти вещи могутъ казаться немного странными для васъ; но позволяйте дать вамъ добрый совѣтъ: мнѣ будетъ очень непріятно, если моего квартиранта примутъ за англійскаго лезутчика, и онъ подвергнется депросу, а можетъ-быть и оскорбленіямъ нашей полиціи нѣтъ волонтеровъ. Довольно вамъ сказать, что цѣна на хлопчатую бумагу теперь очень поднялась, а южная торговля — важное дѣло; Ньюйоркъ и Филадельфія подали примѣръ возстанія противъ аболіціонистовъ, а если мы не последуемъ ихъ примѣру, то рискуемъ потерять всѣхъ нашихъ южныхъ покупателей. Кроме этого на публичномъ митингѣ, бывшемъ въ Бостонѣ, мы назначили кандидата въ президенты; а если мы не покажемъ усердія къ южнымъ интересамъ, какъ же мы можемъ надѣяться имѣть ихъ голосъ на нашей сторонѣ?

Послѣ этого образчика бостонскихъ нравовъ я не видѣлъ причинъ оставаться здѣсь и поспѣшилъ въ Ньюйоркъ. Не безъ волнения стоялъ я въ томъ же паркѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ схватилъ меня генералъ Картеръ и объявилъ своимъ невольникомъ. Вся сцена со всѣми ея подробностями представлялась мнѣ такъ живо, какъ въ ту минуту, когда меня схватили, и идя въ тотъ самый судъ, куда меня повели тогда, я почти не сомнѣвался въ томъ, что

все только вчера случилось. Въ судѣ стояло нѣсколько обвиненныхъ и густая толпа зрителей: шоль повидимому очень интересный процессъ. Я скоро узналъ, что арестованные обвиняются за разореніе и грабежъ нѣсколькихъ домовъ, обитатели которыхъ подозрѣвались въ аболіціонизмъ, и за сожженіе африканской церкви, совершенное въ томъ же порывѣ. Но зрители были повидимому на сторонѣ осужденныхъ, и судя по газетамъ и слышаннымъ мною разговорамъ это мнѣніе раздѣлялъ весь городъ. Кажется что почти всѣ считали виною безпорядковъ тѣхъ, которые пострадали отъ нихъ, такъ какъ ихъ злобредныя, непопулярныя идеи побудили толпу разграбить и разорить ихъ дома.

То что я видѣлъ въ Ньюйоркѣ и Бостонѣ, помогло мнѣ измѣниться отъ заблужденія, въ Америкѣ очень обыкновеннаго: я предпологалъ, что въ такъ-называемомъ свободномъ государствѣ должна быть въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь свобода. По собственному опыту я зналъ уже, что бѣжавшіе съ юга невольники не найдутъ здѣсь убѣжища; но я воображалъ, что природные жители покрайней-мѣрѣ пользуются извѣстной свободой. Но теперь увидѣлъ свою ошибку: ни въ Ньюйоркѣ, ни въ Бостонѣ въ то время, когда я тамъ былъ, никто не имѣлъ права чувствовать или покрайней-мѣрѣ открыто выражать свою ненависть къ невольничеству, ни желать скорого его уничтоженія, ни даже надѣяться на него подъ страхомъ подвергнуться общественному негодованію. Такіе люди могли считать за счастье, если имъ удавалось убѣжать безъ оскорбленія своей личности или разоренія своей собственности. Первые государственные люди, законовѣды и негоціанты въ этихъ городахъ, возбуждавшіе народъ къ такимъ оскорбленіямъ и даже проинкрившіе его, кажется боялись гнѣва южныхъ плантаторовъ не меньше негровъ, работающихъ на плантаціяхъ. Невольника держитъ въ страхѣ кнутъ и превосходство силы, а сѣверныхъ такъ-называемыхъ свободныхъ людей — ихъ собственное малодушіе и низкое корыстолюбіе. Право я начиналъ сомнѣваться, не было ли это добровольное рабство номинально-свободныхъ людей — добровольное со стороны большинства, несмотря на всѣ усилія немногихъ добродѣтельныхъ и благородныхъ людей побѣдить его? не было ли оно болѣе достойно презрѣнія и сожалѣнія, чѣмъ насильственное рабство южныхъ земледѣльцевъ?.. До сихъ поръ я только ненавидѣлъ страну, изъ тюремъ которой я убѣжалъ съ такимъ трудомъ, и гдѣ еще оставалось въ неволѣ — если только уже смерть

не освободила ихъ — самое близкое и дорогое для меня ; теперь же съ этой ненавистью соединилось презрѣніе къ презрѣнному племени гдѣ было еще болѣе добровольныхъ, чѣмъ насильственныхъ рабовъ...

Изъ Нью-Йорка я отправился въ Филадельфію, а потомъ въ Вашингтонъ. Этотъ городъ очень увеличился съ тѣхъ поръ, какъ я съ толпою окованныхъ рабовъ сидѣлъ въ тюрьмѣ господъ Севеджъ, Бротерсъ и К^о въ ожиданіи нашего отправленія на югъ. Во всякомъ селѣ и городѣ я слышалъ тѣже проклятія аболіціонистамъ и рассказы о новыхъ безпорядкахъ, которыхъ они были жертвой, или о новыхъ попыткахъ подвергнуть ихъ болѣе законному наказанію. Одинъ изъ ученыхъ судей Масачусетса, донесши на аболіціонистовъ какъ на возмутителей, предложилъ предать ихъ суду и судить какъ виновныхъ въ бунтѣ или изменѣ отечеству. Достойный губернаторъ того же города согласился вполне съ судьей и прибавилъ новые наветы собственнаго изобрѣтенія. Почти единственный въ Новой Англіи человекъ съ вѣсомъ, который осмѣлился противостать ропоту народа и сказать слово въ защиту несчастныхъ аболіціонистовъ, былъ докторъ Чаннингъ : это имя извѣстно вездѣ, гдѣ только умѣютъ читать поанглійски ; но когда онъ отказался потворствовать своимъ молчаніемъ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя вездѣ наносились, то это сильно поколебало, по крайней мѣрѣ на время, его значеніе и вліяніе на родинѣ.

Я нашолъ Вашингтонъ въ сильномъ волненіи. Одинъ несчастный ботаникъ занимался сбораніемъ травъ по окрестностямъ и какимъ-то образомъ навлекъ на себя подозрѣніе въ аболіціонизмъ ; его комнату, вещи и даже его самого подвергнули обыску. Отыскали кучу газетъ, служившихъ для гербаріума, въ которыхъ онъ высушивалъ, выжималъ и сохранялъ растенія. Послѣ тщательнаго пересмотра въ этихъ газетахъ нашлось нѣсколько статей, написанныхъ въ смыслѣ аболіціонистовъ. Весь штатъ Колумбія взволновался. Несчастнаго ботаника тотчасъ же арестовали и обвинили въ томъ, что онъ имѣлъ у себя возмутительныя сочиненія. Волненіе достигло высочайшей степени, и когда узнали, что этотъ ботаникъ-бунтовщикъ, хотѣвшій впутать даже цвѣты и травы въ кровавый заговоръ, сидитъ въ тюрьмѣ подъ крѣпкимъ замкомъ и что даже отказали отдать его на поруки, тогда только городъ Вашингтонъ и особенно южные члены конгресса вдохнули свободѣ, какъ-будто избавились отъ угрожавшаго имъ окончательнаго истребленія.

Это волненіе, оплошеніе и ужасъ, какіе я видѣлъ вездѣ, куда ни

пріѣзжалъ, и который охватилъ въ эту минуту все Сѣверо-американскіе Штаты, заставлялъ меня предъумываться. Я сомнѣвался, чтобы и налогъ на штемпель причинилъ столько волненій; даже взятіе Вашингтона англичанами не могло произвести большой тревоги, чѣмъ та, въ которой я засталъ этотъ городъ и его окрестности. Престой фактъ, что нѣсколько женщинъ составили общество, чтобы молиться объ уничтоженіи невольничества, или что связка абolicіонныхъ газетъ проникла въ штатъ Колумбію — не могъ казаться произвести такой ужасной тревоги! Даже то обстоятельство, что миссъ Прюденсъ Краудалъ открыла гдѣ-то въ Конектитутѣ школу, въ которую принимала цвѣтныхъ дѣтей и обращалась съ ними одинаково какъ и съ своими бѣлыми воспитанницами, не могъ бы казаться такой опасной вещью, съ тѣхъ поръ какъ самые благочестивые и замѣчательные джентльмены этого штата и сосѣднихъ съ нимъ есообща съ судьей сѣверо-американскихъ судовъ воспользовались первымъ предлогомъ, чтобы закрыть ея школу и выслать ее самоѣ изъ города. Меня впрочемъ увѣрили, что это еще не все: бостонское женское общество и конектитутская школа были только второстепенныя обстоятельства; мнѣ говорили о какомъ-то громадномъ заговорѣ абolicіонистовъ съ самою ужасною цѣлью — ни болѣе, ни менѣе какъ перерѣзать горла всемъ бѣлымъ, нанести страшныя оскорбленія всемъ женщинамъ, уничтожить сѣверную промышленность и торговлю, разрушить южныя штаты и разорвать весь союзъ. Болѣе снисходительныя особы, съ которыми я говорилъ, допускали, что можетъ-быть и сами абolicіонисты не предвидятъ вполнѣ всѣхъ этихъ послѣдствій; но они требуютъ немедленнаго уничтоженія невольничества, а это непременно повлечетъ за собою все вышеозначенныя ужасы и несчастія.

Я очень любопытствовалъ узнать, кто бы могли быть эти ужасныя заговорщицы? Я кое-что понимаю въ американскихъ дѣлахъ, но объ этихъ страшныхъ абolicіонистахъ никогда не слышалъ: точно они вдругъ выскочили изъ земли! После долгихъ распросовъ я узналъ, что нѣсколько времени тому назадъ въ Новой Англии и въ другихъ мѣстахъ образовались общества, депутаты отъ которыхъ недавно были посланы въ Нью-Йоркъ въ числѣ двѣнадцати человекъ, гдѣ они и образовали національное общество. Основнымъ правиломъ общества было то, что держать людей въ насильственномъ работѣ есть въ политическомъ отношеніи грѣхъ, и совершая его, нельзя быть ни хорошимъ демократомъ, ни добрымъ человекомъ, ни достойнымъ

христианиномъ. Следовательно вся нація вообще и каждый въ частности должны покаяться въ этомъ преступленіи и грѣхѣ и уничтожить его. Число этихъ фанатиковъ быстро увеличивалось: многіе богатые негоціанты, многіе ревностные и краснорѣчивые священники присоединились къ нимъ; огромное количество денегъ — 40 или 50,000 долларо́въ было собрано и издержано, чтобы распространять это ужасное ученіе частью чрезъ агентовъ и миссіонеро́въ, рассылаемыхъ съ этой цѣлью, частью чрезъ печатаніе журналовъ, изъ которыхъ уже два или три посвятили себя этой цѣли, и особенно чрезъ печатаніе рѣчей, въ которыхъ выставались всѣ ужасы и несправедливости невольничества. Эти рѣчи рассылались чрезъ почту по всему государству, даже въ южные штаты.

Эти-то рѣчи привели всѣхъ южныхъ плантаторо́въ, политиковъ, купцовъ, законовѣдо́въ, священниковъ въ какую-то агонію страха, который возбудилъ такое сильное сочувствіе у жителей сѣверныхъ штатовъ, что они готовы были уничтожить этихъ ужасныхъ нововодителей.

Нѣсколько мужчинъ и женщинъ, до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ, нѣсколькими митингами и нѣсколькими брошюрами привели весь союзъ въ волненіе!..

XXXVII

Продолжая свое путешествіе на югъ, я проѣхалъ въ Ричмондъ и засталъ этотъ городъ въ такой же тревогѣ. Комитетъ общественной безопасности, для уничтоженія возмутительныхъ сочиненій, действовалъ очень энергически: при въѣздѣ моемъ въ городъ я увидѣлъ на главной улицѣ фейерверкъ, пожиравшій недавно захваченныя сочиненія. Одна изъ сожженныхъ такимъ образомъ книгъ заключала въ себѣ, какъ я узналъ, извлеченія изъ рѣчей, говоренныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Виргиніи въ засѣданіи депутатовъ, въ которыхъ бѣдствія невольничества были очень ярко выставлены; но если прежде и допускалась подобная свобода, то теперь всѣ такія вещи строго воспрещались.

Въ Ричмондѣ я добылъ себѣ лошадь и слугу (въ Нижней Виргиніи нѣтъ публичныхъ экипажей) и поѣхалъ посѣтить Спрингъ-Мидоу, мѣсто моего рожденія. Чтобы удовлетворить вопросамъ, которые мнѣ предлагали — потому что каждый неизвѣстный путеше-

ственникъ—иностранецъ возбуждалъ тогда подозрѣнiе, — я говорилъ, что бывши въ этой странѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, я познакомился съ семействомъ, жившимъ въ Спрингъ-Мидоу, и даже нахожусь съ нимъ въ дальнемъ родствѣ. Приближаясь, я увидѣлъ тоже запустѣнiе и небрежность, какими и прежде отличалась Виргинiя; сколько я помянулъ; только теперь это стало еще замѣтнѣе. Задумавшись ѣхалъ я далѣе, когда на глаза мнѣ попался знакомый предметъ: я узналъ лавочку и жилище мастера Гордона, стоявшiя на перекресткѣ двухъ дорогъ въ шести или семи миляхъ отъ Спрингъ-Мидоу. Это было въ прекрасный лѣтнiй день послѣ обѣда; на грубой скамьѣ или табуретѣ дремалъ старикъ, и если память не подвинула — никто другой какъ самъ мастеръ Джесси. Я назвалъ его по имени. Онъ очнулся, принялъ меня ласково, пригласилъ войти и подкрѣпиться рюжкой персиковой водки. Онъ сказалъ впрочемъ, что не узнаеть меня и никакъ не вспомнить моего имени. Я старался напомнить ему молодого англичанина мистера Мура, который двадцать лѣтъ назадъ провелъ недѣлю или двѣ въ Спрингъ-Мидоу и неразъ останавливался въ его лавкѣ. Послѣ долгихъ покачиванiй, раздумья и бормотанья онъ объявилъ наконецъ, что воспоминаеть меня. На мой вопросъ о Спрингъ-Мидоу и его обитателяхъ мистеръ Гордонъ мрачно покачалъ головой: «Все разорились, все пропало! Полковникъ Муръ на старости принужденъ былъ отправиться въ Алабаму съ немногими работниками, которыхъ удалось ему спасти изъ когтей шерифа. Только я и слышалъ о немъ. Десять лѣтъ уже какъ старая плантацiя заброшена. Последнiй разъ какъ и былъ тамъ, крыша на господскомъ домѣ обвалилась.»

Узнавши, что нѣтъ другого дома ближе Гордона, я попросилъ его позволить мнѣ прожить у него дня два, пока я осмотрю старую плантацiю.

Изъ разговора съ Гордономъ я узналъ, что съ уменьшенiемъ населенiя и торговля его упала, такъ что онъ серьезно думаетъ, не смотря на старость, отправиться въ Алабаму или куда-нибудь на юго-западъ.

На другой день рано утромъ, оставивши лошадей и слугу у Гордона, я пошелъ пѣшкомъ. Но какъ только не стало видно дома Джесси, я, вмѣсто того чтобы идти въ Спрингъ-Мидоу, пошелъ къ той пустой старой плантацiи на горѣ, куда я убѣждалъ ѣхать съ Касси, гдѣ, полные молодости и надеждъ, мы, беззаботные бѣглецы, провели нѣсколько счастливыхъ недѣль вдвоемъ отъ всѣхъ. Правда,

счастье это кончилось тяжелыми страданіями... Большой домъ совершенно уналь и представлялъ только кучу безобразныхъ развалинъ, но маленькая молочня стояла почти въ томъ же положеніи, въ какомъ она была, когда служила намъ временнымъ убѣжищемъ. Я сѣлъ подъ однимъ изъ большихъ деревьевъ, окружавшихъ молочню, и все прошедшее явилось передо мной.

Помятавши часа два, я прошолъ лѣсомъ къ Спрингъ-Мидоу. Здѣсь представилась такая же печальная картина: садъ, въ которомъ ребенкомъ провелъ я столько беззаботныхъ часовъ, играя съ мистеромъ Джемсомъ, теперь заросъ бурьяномъ; немного оставшихся деревьевъ также заросли и засохли, но еще во многихъ мѣстахъ можно было ясно видѣть гдѣ были амен и различать остатки старой бѣсѣдки, гдѣ мы просиживали цѣлые часы, уча уроки или прячась отъ брата Вильяма. Возлѣ сада было фамильное кладбище, и я уронилъ слезу на могилу мистера Джемса; а могилу моей матери я долженъ былъ искать на другой сторонѣ плантаціи. Кто бы узналъ, придя на это мѣсто, по травъ и деревьямъ, окружающимъ ту и другую могилу, въ дикой картинѣ природы, входящей снова въ свои права, гдѣ лежать господинъ, а гдѣ рабъ?.. Молчаливыя могилы, уже разрушенныя неменѣе быстро разрушавшихся развалинъ, бывшихъ когда-то мѣстомъ роскоши и богатства, какъ-будто говорили, что не такими средствами поддерживаются семейства, основываются цветущія общества и упрочивается торжество искусства надъ природой!..

XXXVIII

Возвратясь въ Ричмондъ, я нашолъ этотъ замѣчательный маленький городъ все еще въ сильной тревогѣ: все прежніе законы были отложены въ сторону, и самъ собою основался комитетъ общественной безопасности. Въ такую минуту легко было подвергнуться подозрѣнію, а по несчастію; прежде своего отъѣзда отсюда, я въ обѣденномъ столѣмъ обратилъ на себя вниманіе одной несчастной шуткой насчетъ страха, въ который былъ приведенъ великій штатъ Виргинія появленіемъ нѣсколькихъ книжекъ съ картинками, такъ какъ повидимому болѣе всего производили тревоги графюры, которыми были украшены нѣкоторыя аболіціонныя брошюры. Мое возвращеніе еще болѣе усилило подозрѣнія гражданъ на мой

счетъ: едва я успѣлъ умыться и одѣться, какъ ко мнѣ явились три джентльмена съ весьма серьезными лицами — изъ самыхъ почетныхъ гражданъ города, какъ увѣрялъ хозяинъ — и въ вѣжливыхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ объявили мнѣ, что я долженъ немедленно явиться въ комитетъ общественной безопасности, нижшій засѣданіе въ ратушѣ.

Я привезъ съ собою письма къ одному изъ здѣшнихъ негодіантовъ, который, какъ большая часть негодіантовъ, былъ родомъ съ сѣвера. Въ первый мой пріѣздъ, когда я представлялъ ему свои письма, онъ былъ ко мнѣ очень внимателенъ. Теперь не безъ труда я получилъ позволеніе отъ судей комитета общественной безопасности послать за этимъ негодіантомъ и еще за другимъ джентльменомъ — замѣчательнымъ юристомъ, который тогда обладалъ у него вмѣстѣ со мной. Негодіантъ скоро прислалъ отвѣтъ, что не можетъ придти: его жена вдругъ заболѣла такъ опасно, что онъ никакъ не можетъ оставить ее.

Когда я прочелъ эту записку тремъ судьямъ изъ волонтеровъ, все еще сидѣвшимъ здѣсь и угощавшимъ себя на мой счетъ мятой настойкой, они недоувѣрчиво улыбулись и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Чего же лучшаго можно ожидать отъ этихъ подлецовъ, джентльмены? У нихъ только и на умѣ, какъ бы самимъ не попасться!

Юристъ скоро явился, и получивши отъ меня причинную плату, принялъ видимое, смѣю сказать истинное участіе въ моемъ положеніи. Я просилъ его сказать мнѣ, имѣютъ ли законную власть тѣ, которые требуютъ меня, и заслуживаетъ ли какого-нибудь вниманія подобное требованіе? «Я предполагаю, — сказалъ я, — что Виргинія есть страна закона, и слѣдовательно я долженъ отвѣчать только тогда, когда на меня будетъ возбуждено обвиненіе, передъ законнымъ судомъ. Обязанъ ли я подчиняться частнымъ допросамъ этого комитета?»

На это адвокатъ очень дружески отвѣчалъ мнѣ, что государство находится въ настоящее время въ такой опасности, что исполненіе законовъ прервано: необходимость самоохраненія стоитъ выше всякаго закона, и въ такой крайней опасности, такой подвергается вся южные штаты — общему возстанію воиловъ негровъ — все должно быть принесено въ жертву общественной безопасности; жизни бѣлыхъ жителей и честь ихъ жонъ и дочерей подвергаются опасности. Двухъ школьныхъ учителей джентльмены выгнали изъ горо-

да, в тощѣ усвая его и еще нѣкоторыхъ лицъ, да собственное ихъ благоразуміе, что они нѣсколько не противились этому приказанію, спасли ихъ отъ оскорбленія быть публично высѣченными или намазанными дегтемъ и осыпанными перьями : они должны были бѣжать, потому что не умѣли удержать своего глупаго языка.

Это могло быть сказано насчетъ моей собственной неблагоприятной болливости. Главный обвинитель, донесшій на этихъ учителей, былъ господинъ, на котораго одинъ изъ нихъ пожаловался, что онъ не платитъ денегъ въ продолженіи нѣсколькихъ семестровъ за ученіе своихъ дѣтей : такъ вотъ онъ, судя по словамъ законовѣда, и принялъ этотъ скорый методъ свести счеты. Для меня же, въ томъ раздраженномъ состояніи, въ какомъ находятся теперь умы, безоплатно всего, если только я не хочу подвергнуться неприятностямъ и даже личному оскорбленію, будетъ показывать величайшее уваженіе къ комитету и подчиняться его приказаніямъ ; а онъ сдѣлаетъ все что отъ него зависитъ, чтобы я поскорѣ выпутался.

Узнавши, что англійскаго консула нѣтъ въ городѣ, я поспѣшилъ выѣхать съ своимъ адвокатомъ поскорѣ къ ратушу, тѣмъ болѣе что второй отрядъ сержантовъ, волонтеровъ, подкрѣпляемыхъ толпой, подходилъ уже къ дверямъ гостиницы, получивши приказаніе привести меня силой, если я еще промадю. Несмотря на защиту ояружавшей меня стражи, я все-таки не могъ избѣжать оскорбленій толпы.

Явившись въ торжественное засѣданіе комитета, я долженъ былъ подвергнуться очень строгому допросу президента, остроносаго сѣроглаваго джентльмена въ очкахъ, — дьякова, какъ мнѣ сказали, пресвитеріанской церкви. Онъ предложилъ мнѣ вопросы о моемъ имени, мѣстѣ рожденія, о моихъ занятіяхъ и о причинѣ моего пріѣзда въ эту страну. На это я отвѣчалъ, что пріѣхалъ изучать нравы и обычаи этого государства, «и въ самомъ дѣлѣ нашелъ ихъ очень замѣчательными — прибавилъ я — и вполне достойными любопытства путешественника». Я бы впрочемъ гораздо лучше сдѣлалъ, еслибы оставилъ это замѣчаніе при себѣ, потому что моя выходка заставила еще болѣе нахмуриться торжественно-мрачныя лица присутствующихъ и вызвала укорительныя покачиванья головой и такой же взглядъ моего друга адвоката, который сидѣлъ тутъ же въ углу, не имея права вмешиваться.

Въ своихъ отвѣтахъ я часто ссылался на рекомендательныя письма, отданныя мною негодяицѣ, за которыхъ тотчасъ же послали и

приказали явиться въ комитетъ и представить письма. Встрѣтилъ ее жена скорострѣжно выздоровѣла, потому что купецъ явился въ время непродолжительнаго времени съ письмомъ въ рукахъ; потъ градомъ катился съ его лица и несчастный дрожалъ отъ страха, дошедшаго до агоніи, что еще болѣе усилило подозрѣніе на меня и на него. Письмо было отъ Тапанъ, Вентвортъ и К°, известныхъ ливерпульскихъ банкировъ. Какъ только президентъ прочелъ надпись, какъ его и безъ того длинное лицо вытянулось; брови поднялись, какъ-будто онъ увидѣлъ призракъ или что-нибудь ужасное: «Тапанъ! Тапанъ! невторая онъ быстро пронзительно-глухимъ голосомъ: — Тапанъ, Тапанъ! Теперь у насъ нѣтъ сомнѣній: лазутчикъ, посланный для убійства! Это, какъ вы знаете, — сказала онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, — это имя одного изъ нью-йоркскихъ шолковыхъ торговцевъ, это одинъ изъ предводителей злодѣйскаго заговора! Онъ далъ незнаю сколько тысячъ долларовъ для распространенія этихъ ужасныхъ возмутительныхъ рѣчей. Желаю бы я имѣть теперь этого каналью здѣсь! Я отъ души помогъ бы заткнуть веревку на его шею!.. Ахъ, мистеръ Дефасъ! — сказала онъ съ важнѣйшимъ то влохлякивать покачивавшемъ головой, обращаясь къ тревожащему купцу, на имя котораго было адресовано письмо, и бросая на него взглядъ, выражавшій въ одно время жалость и негодованіе: — ахъ, мистеръ Дефасъ! я очень сожалѣю, что у васъ есть подобныя корреспонденты!»

Воскликанія, угрозы и брань раздавались кругомъ, и прежде чѣмъ мистеръ Дефасъ (который правде и не могъ) или я успѣли сказать одно слово, — уже было послано обыскивать домъ купца отъ чердака и до погреба, также какъ и его магазины, въ надеждѣ найти какую-нибудь преступную брешюру, а въ тоже время другихъ шло елали разломать и обыскать мои сундуки; впрочемъ я предупредилъ взломъ, отдавши имъ ключи. Между тѣмъ я съ боишимъ трудомъ успѣлъ убѣдить почтеннаго президента и его товарищей замкнуть, что письмо, проиавдавшее такую тревогу, было послано не изъ Нью-Йорка, а изъ Ливерпуля, и какъ у меня въ портфель случилось два или три кредитива изъ той же фирмы къ negociантамъ въ Чарлстунъ и Новый Орлеанъ, то наконецъ я успѣлъ атолковать ему, что рекомендательное письмо вовсе еще не такое очевидное доказательство того, что я измѣнникъ и бунтовщикъ; какъ они слышали предположали.

По счастью, мой другъ живъ былъ не очень ученъ. После дог

гихъ поисковъ члены комитета ничего не могли найти у купца кро-
мѣ нѣсколькихъ книгъ съ картинками, принадлежавшихъ его дѣтямъ,
и двадцати или тридцати памфлетовъ, что было принесено для кри-
тического разбора въ комитетъ общественной безопасности.

При видѣ книжекъ съ картинками комитетъ сдѣлался очень тор-
жественнымъ и президентъ бросилъ черезъ очки еще одинъ взглядъ
состраданія и упрека на американскаго купца, у котораго зубы
стучали сильнѣе чѣмъ прежде и блики глазъ вращались съ такимъ
ужасомъ, какъ-будто его на дѣлѣ поймали въ комокрадствѣ или дѣ-
ланіи фальшивыхъ бумагъ. Но послѣ торжественно-строгаго разбо-
ра, продолженіи котораго вся собравшаяся толпа, притавивъ дыха-
ніе, сжимала кулаки, стискивала зубы и бросала убитые
взгляды на подозреваемого преступника, нашлось только «Джакъ;
великанъ-людоедъ» и «Красная шапочка». Одинъ зѣвробразный
старый джентльменъ съ одутыми щеками и глазами, налитыми
кровью, какъ-видно не очень знакомый съ юношеской литературой,
а отчасти и подвѣянный опиумныхъ напитковъ, выразилъ мѣ-
нѣе, что есть что-то злодѣйское въ этихъ изображеніяхъ, въ осо-
бенности гдѣ картинки были ярко раскрашены. Но товарищи увѣ-
рили его, что это книги очень старыя, давно уже вошедшія въ упо-
требленіе, что хотя, строго разбирая, такія книги, какъ «Объявле-
ніе о независимости», «Исторія Моисея» и «Освобожденіе израиль-
танъ», составленное по библіи, «Билль о правахъ Виргиніи», имѣютъ
довольно злоуредный видъ, но ихъ нельзя причислить къ классу воз-
мутительныхъ или аболіціонныхъ очиненій, имѣть которыхъ счита-
лось доказательствомъ участія въ заговорѣ.

Мнѣ же приходилось гораздо хуже: къ несчастію единственная
книга, найденная въ моемъ сундукѣ, была одинъ томъ «Сентимен-
тальнаго путешествія» Стерна и на заглавномъ листѣ этого злопо-
лучнаго тома былъ нарисованъ узникъ въ цѣпяхъ, заключенный въ
томницѣ, а внизу, вмѣсто эпиграфа, знаменитое изреченіе Стерна:
«Рабство! Какъ бы тебя ни маскировали, а все ты останешься горь-
кимъ питьемъ, и хотя тысячи людей должны пить тебя, ты для всѣхъ
одинаково горько!..»

Появленіе этой книги съ ужасной картинкой и возмутительнымъ
эпиграфомъ произвело очевидно глубокое впечатлѣніе. Большіе гла-
за моего друга янки расширились при этомъ до невѣроятной вели-
чины. Но по счастью многіе изъ членовъ комитета были хорошо
знакомы съ легкой литературой и успѣли увѣрить толпу, что Ло-

равсъ Стернъ не былъ abolitionистомъ. Нетрудно было зайти, что два или три члена комитета (хотя очень тяжело стать выше заражительнаго вліянія народныхъ страстей, какъ бы безумны онѣ ни были) понимали очень хорошо, въ какомъ смѣшномъ видѣ должны были миѣ показаться они и ихъ комитетъ, но выразить ничего подобнаго они не осмѣлились изъ опасенія, чтобы ихъ не заподозрили въ недостатокъ сочувствія къ общей опасности или въ желаніи укрывать abolitionистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы уничтожить аську охоту смѣяться, стоило только подумать, что передача полуграмотнымъ (что очень легко могло случиться въ селахъ) комитетомъ общественной безопасности довольно было найти у него-нибудь въ сундукѣ затерянную книгу съ несчастной картинкой, чтобы подвергнуть его немедленному наказанію какъ заговорщика и убійцу!

Въ заключеніе, послѣ долгихъ поисковъ и строгаго изслѣдованія, произведенныхъ, какъ сказано въ ричмондскихъ газетахъ, «съ сохраненіемъ всѣхъ формъ и съ соблюденіемъ всѣхъ принциповъ правосудія», меня обвинили за несчастную острогу насчетъ книгъ съ картинками, сказанную мною за столомъ въ гостиницѣ. Эта острога показала личное неуваженіе къ общественному благу Виргиніи и къ учрежденію невольничества, отъ чего я не могъ отпереться и что было обстоятельно засвидѣтельствовано покрайней-мѣрѣ семью свидѣтелями.

Впрочемъ комитетъ, желая, какъ онъ выразился, сохранить за Виргиніей старинную репутацію гостепримства, взявши во вниманіе, что я иностранецъ и прѣзвитій, призвалъ за благо оставить меня безъ наказанія, но впрочемъ не либавилъ отъ дѣлной проповѣди, чего-то средняго между выговоромъ и наставленіемъ, сказанной гнусливымъ голосомъ остропосаго, стѣроглазаго джентльмена, въ которой онъ съ особеннымъ выраженіемъ, даже со слезами на глазахъ, остановился на томъ, что разобравши все, я очень хорошо сдѣлаю, если оставлю Ричмондъ при первой же возможности.

XXXIX

Я воспользовался добрымъ совѣтомъ моего друга, президента-проповѣдника. Съ помощью адвоката, принимавшаго повидимому сильное участіе въ моей безопасности, я пребрался

свободу толпу, которая собралась на улицѣ и кажется сильно желала подвергнуть меня вторичному допросу, сѣлъ въ экипажъ и поспѣшилъ выѣхать изъ города и тамъ ждать проѣзда большого южнаго мальпоста. Мой другъ юристъ общалъ позаботиться объ отправкѣ моихъ вещей изъ Ричмонда. После двухъ или трехъ дней бѣды въ дилижансѣ, въ которомъ я былъ единственнымъ пассажиромъ, я приѣхалъ въ маловѣкій городокъ, гдѣ находились зданіе суда, тюрьмы и таверна; въ послѣдней было почтовое заведеніе и послѣдняя станція по дорогѣ въ Карлтонъ-Галль и Пошноръ-Гровъ, которые я намеренъ былъ посѣтить. Когда выѣзжалъ экипажъ — немногимъ лучше простой новозки — у дверей таверны собралась дюжина или двѣ звѣзды, большую часть съ ободраными локтями, наполовину пьяныхъ, какъ обыкновенно встрѣчаются у дверей такихъ заведеній на этой дорогѣ. Они разговаривали очень жарко и съ сильными жестами о единственномъ кажется тогда у всѣхъ предметѣ разговора — о злодѣйскомъ заговорѣ кровожадныхъ аболіціонистовъ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ маленькую брошюру, присланную къ нему черезъ почту. Брошюра носила названіе: «Человѣческія права». Эти слова произвели повидимому на него и на его товарищей то-же дѣйствіе, какъ укушеніе бѣшеной собаки: у всѣхъ показалась больше или меньше пѣна у рта и всѣ выражали сильнѣйшее желаніе, если не укусить, такъ покусить кого-нибудь. Человѣкъ съ брошюрой былъ, какъ я узналъ, кандидатъ въ члены конгресса въ этомъ уѣздѣ: онъ повидимому подозрѣвалъ, что эта рѣчь о человѣческихъ правахъ прислана къ нему его соперникомъ, братъ втораго жилъ въ Ньюйоркѣ, что это была попытка подорвать его довѣріе у народа, но кажется большинство было на сторонѣ того мнѣнія, что ее прислало просто аболіціонное общество, что это родъ бомбы, начиненной заговорами и убійствами и готовой ежеминутно разразиться. Хотя нѣкоторые желали сохранить ее, какъ осязательное доказательство аболіціоннаго заговора, но большая часть повидимому находила, что гораздо безопаснѣе будетъ немедленно сжечь ее. Согласно съ волей большинства, среди криковъ, проклятій и громкихъ желаній, чтобы къ этой брошюрѣ были привязаны дюжина или двѣ аболіціонистовъ, ее торжественно бросили въ огонь на кухонномъ очагѣ. Исполнивши это, вся компанія подъ предводительствомъ будущаго члена конгресса бросилась къ экипажу и хотѣла обыскивать чемоданы: не найдется ли тамъ опасныхъ посланій! Кондукторъ только и могъ избавиться отъ нихъ, увѣривши, что всѣ чемоданы

съ сѣвера подвергались осмотру и очисткѣ въ Ричмондѣ. Я позаботился заслужить расположеніе этого кондуктора, очень проницательнаго янки съ Мена, и онъ такъ отлично отрекомендовалъ меня хозяину гостиницы, что благодаря ему и небольшому притворству и осторожности съ моей стороны я избавился отъ новыхъ непріятностей. Старая исторія о гостепримствѣ, которымъ я пользовался въ Карльтонъ-Галлѣ и Понноръ-Гровѣ, когда проѣзжала адѣсь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, послужила мнѣ и на этотъ разъ предлогомъ посѣтить эти плантаціи и освидомѣться о ихъ прежнихъ и настоящихъ обитателяхъ. О прежнихъ владѣльцахъ, мистерѣ Карльтонѣ и мистрисѣ Монгомери, я не много могъ узнать: мистеръ Карльтонъ прибѣгнулъ къ обыкновенному предству. — переселился на юго-западъ, а мистрисъ Монгомери уѣхала, говорила, въ Чарльтоунъ; болѣе ничего нитѣ незналъ о нихъ. Обѣ плантаціи, сказали мнѣ, принадлежатъ теперь мистеру Мазону, одному чудаку, который будетъ очень радъ видѣть меня. Я провелъ эту ночь въ тавернѣ, но какъ ни старался, не могъ заснуть отъ москитосовъ, двѣ собакъ, и что всего хуже — отъ стука ручныхъ мельницъ, въ которыхъ жившіе въ домѣ невольники приготавливали себѣ пищу на завтра. Едва я забывался, какъ знакомый звукъ нагонялъ сны, въ которыхъ мнѣ чудилось, что я самъ мелю. Вставши утромъ, утомленный безсонной ночью, я поѣхалъ верхомъ въ Карльтонъ-Галль. Отрекомендовавшись знакомымъ старымъ владѣльцамъ, я встрѣтилъ радушный, дружескій пріемъ по гостепримному обычаю юга, гдѣ плантаторы отъ праздности жаждаютъ гостей. Я нашолъ въ мистерѣ Мазонѣ манеры, образованіе и чувства, которыхъ сдѣлалъ бы честь аментльмену любой части свѣта. Впродолженіи недѣль, когда я былъ его гостемъ, я узналъ, что его отецъ человекъ съ замѣчательной энергіей: вышедши изъ низкаго званія и пробывши нѣсколько лѣтъ управляющимъ, онъ купилъ Карльтонъ-Галль и Понноръ-Гровъ, когда эти плантаціи перестали быть собственностью прежнихъ владѣльцевъ. Имѣя самъ очень немного, едва умѣя написать свое имя, онъ особенно заботился дать образованіе своему сыну и послалъ его сначала въ училище на сѣверѣ, а потомъ отправилъ путешествовать по Европѣ. Молодой человекъ воспользовался этими обстоятельствами не такъ какъ большая часть молодыхъ людей съ юга, которыхъ посылаютъ для образованія на сѣверѣ. Черезъ четыре или пять лѣтъ онъ вернулся домой, какъ-разъ вовремя, чтобы принять по волѣ умирающаго отца во владѣніе свое помѣстье и

опеку надъ двумя младшими сестрами, хорошенькими маленькими дѣвочками, своими сонаслѣдницами по имѣнію.

Плантація Карльтонъ-Галль, вмѣсто того чтобы быть истощенной и никуда негодной какъ другія сосѣднія плантаціи, находилась гораздо лучше обработанной, чѣмъ какъ я ее зналъ въ прежнее время : строенія были исправлены, а домики негровъ, окруженные маленькими садами, были такъ чисты, красивы и мило расположены, что не только не портили ландшафта, какъ это обыкновенно бываетъ, но служили настоящимъ украшеніемъ.

Подъ глубокимъ притворствомъ, съ которымъ невольники умѣютъ показывать въ совершенствѣ всѣ возможныя чувства, начиная отъ безмысленнаго равнодушія до самаго сильнаго душевнаго движенія радости и горя, почти нельзя узнать ихъ настоящихъ чувствъ, но трудно было не повѣрить той широкой, добродушной улыбкѣ, съ которой кланялись мистеру Мазону, когда мы проходили, и старые и малые, и мужчины и женщины, а въ особенности трудно было не вѣрить той шумной радости, съ какой встрѣчали его дѣти. Мы пошли посмотрѣть на нихъ въ школу, какъ онъ называлъ мѣсто, куда ихъ собирали каждый день — не для того, чтобы учить чему-нибудь, а чтобы предохранить отъ какого-нибудь несчастія. За ними смотрѣла почтенная сѣдая старушка, совсѣмъ согнувшаяся отъ лѣтъ, которую они звали «бабушкой». Весело было смотрѣть на этихъ малютокъ : тутъ были крошки трехъ и четырехъ мѣсяцевъ — на рукахъ крошечныхъ нянекъ, которыя были какъ-разъ настолько велики, чтобы держать ихъ — до дѣтей отъ двѣнадцати и четырнадцати лѣтъ. Всѣ были очень чисто одѣты, чего я прежде никогда не видѣлъ на плантаціяхъ ; большія дѣти имѣли въ своемъ распоряженіи большой лугъ, бывшій возлѣ номинальной школы, гдѣ они постоянно играли и забавлялись. Единственный предметъ, преподаваніе котораго взяла на себя «бабушка», были хорошія манеры, и ея лекціи, по крайней-мѣрѣ въ присутствіи посѣтителей, читались постоянно и были очень занимательны. Званіе «бабушка» было, по словамъ Мазона, не просто однимъ названіемъ, а принадлежало старушкѣ по праву, потому что она была въ самомъ дѣлѣ бабкой, прабабкой или прапрабабкой почти всѣхъ этихъ дѣтей. Самъ мистеръ Мазонъ, обращаясь къ ней, называлъ ее «тетушка Доли» и говорилъ это такъ нѣжно и почтительно, какъ-будто она была его собственной бабушкой ; онъ говорилъ, что она вполне заслуживаетъ это уваженіе, потому что была причиной и источни-

комъ ихъ богатства : его отецъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ употребилъ первыя свои заработанныя деньги на покупку тетки Долли, тогда еще молодой женщины, съ тремя или четырьмя дѣтьми; впоследствии у нея родилось еще нѣсколько дѣтей и всѣ женскаго пола, и такимъ образомъ составилось двѣнадцать. Дочери были такъ же плодовиты какъ и мать, и изъ этого источника снабдились обѣ плантаціи. Но отецъ мистера Мазона, человекъ очень щекотливый, никогда не продалъ ни одного человекъ и купилъ только Анну Долли и по ея собственной просьбѣ потребное количество мужей для ея собственныхъ дочерей.

Система управленія плантаціей, которую мистеръ Мазонъ, по его словамъ, частью заимствовалъ отъ отца и уже самъ усовершенствовалъ, отличалась отъ всѣхъ, какія я когда-нибудь видѣлъ; только развѣ къ ней подходила въ нѣкоторомъ отношеніи система мистера Торнтонна, которому я самъ прежде принадлежалъ. Мистеръ Мазонъ, какъ и мистеръ Торнтонъ, былъ самъ своимъ управляющимъ, хотя у него было два помощника, по одному на каждую плантацію. Это были люди образованные, умные и добрые, но онъ самъ говорилъ, сколько труда ему стоило найти и еще болѣе образовать ихъ! Все шло у него какъ заведенные часы; одѣвали и кормили невольниковъ очень хорошо, всѣ работы исполнялись по урокамъ, а уроки были очень умѣренны; кнутъ употреблялся въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и то какъ наказаніе за преступленіе, сдѣланное невольникомъ противъ другого невольника, а не противъ господина, «потому что — говорилъ мистеръ Мазонъ — я не только управитель своей плантаціи, но судья и законодатель, обязанный судить наши домашнія распри, а если сказать правду, такъ и послѣдній чернорабочій, которому дѣла больше всѣхъ на плантаціи. Какъ вы думаете, много ли плантаторовъ въ Сѣверной Каролинѣ согласилось бы взять себѣ мое имѣніе съ условіемъ такъ управлять имъ, какъ я управляю?»

Соревнованіе было у него единственнымъ побужденіемъ къ труду. Всѣ невольники были раздѣлены на восемь или на десять классовъ, сообразно ихъ способностямъ и усердію къ работѣ; и каждого переводили въ высшій или низшій, смотря по заслугамъ, и всѣкій классъ по степени его труда отличался извѣстными привилегіями и почетнымъ знакомъ. Послѣдній классъ назывался «классъ лѣнвыхъ», куда всѣ боялись попасть, кромѣ двухъ или трехъ лѣн-

цевъ, которые постоянно пребывали въ немъ и служили предметомъ насмѣшекъ всей плантаціи. При окончаніи каждой жатвы давался большой праздникъ съ костюмами, гдѣ всѣ невольники занимали мѣста сообразно съ своимъ достоинствомъ. Лучшимъ изъ нихъ дозволялся выборъ костюмовъ, разнообразіе которыхъ было впрочемъ очень ограничено, именно: костюмъ генерала Вашингтона со шпагой и загнутой шляпой и стараго мистера Мазона, отца хозяина дома, пока недавно не увеличилъ коллекцію генераль Джаксонъ, со времени своего избранія въ президенты. Всѣ остальные наряжались по своему достоинству и средствамъ, и какъ мистеръ Мазонъ платилъ за то, если кто сработаетъ болѣе назначеннаго урока, то возможность купить на эти деньги лучший костюмъ для бала служила, особенно для женщинъ, сильнымъ средствомъ поощренія. Между невольниками было много отличныхъ мимическихъ актеровъ: всѣхъ сосѣднихъ докторовъ, священниковъ и управителей они превосходно копировали, и мистеръ Мазонъ говорилъ, что часто невольники играли лучше многихъ актеровъ, которымъ аплодировали въ Нью-Йоркѣ и Лондонѣ. Мысль заставить ихъ играть заимствовалъ онъ у одного вестъ-индскаго плантатора, съ которымъ познакомился въ Англии.

XL

Черезъ два или три дня послѣ моего пріѣзда въ Карльтонъ-Галль мы съ мистеромъ Мазономъ (мы сдѣлались за это время большими друзьями) пріѣхали осмотрѣть Попноръ-Гровъ. Изъ всѣхъ старыхъ невольничьихъ избъ остался только одинъ домикъ недалеко отъ господскаго, выстроенный мистрисъ Монгомери для меня и Касси, гдѣ родилось наше дитя. Деревцо душистой жимолости, посаженное нами въ память этого событія, которымъ Касси такъ заботливо обвила входъ, еще росло тамъ, но уже показывало явные признаки дряхлости: все оно согнулось и вѣтки завяли. Но окружавшій его маленькій садикъ содержался такъ же заботливо, какъ и прежде! Мнѣ показалось, что я узналъ кусты розъ, которые я сажалъ вмѣстѣ съ Касси. Мистеръ Мазонъ не могъ подозрѣвать что я чувствовалъ, когда мы ѣхали мимо дверей этого дома... О какъ мнѣ хотѣлось быть одному, чтобы меня никто не видѣлъ!.. Какихъ усилій мнѣ стоило удержаться, чтобы не выпрыгнуть изъ сѣдла и

не броситься въ домъ! Мнѣ даже казалось, что я нашолъ бы тамъ Касси и мое дитя...

Отъ мистера Мазона я узналъ, что денежные результаты его системы управленія были такъ же удовлетворительны, какъ и нравственные. Его отецъ для уплаты за одного изъ своихъ друзей заложилъ обѣ плантаціи, и когда онъ вступилъ во владѣніе ими, то долгъ былъ очень великъ, но теперь почти совсѣмъ уплаченъ. Я поздравилъ этого достойнаго человѣка съ разрѣшеніемъ задачи, которая по моему собственному опыту казалась мнѣ неразрѣшимой — именно сдѣлать жизнь на плантаціи сносною и для раба. Но хотя очевидно довольный моею похвалою, мистеръ Мазонъ покачалъ головой: «Я не стану отвергать, сэръ, — сказалъ онъ, — что мнѣ доставляетъ удовольствіе слышать отъ такого опытнаго, образованнаго человѣка, какъ вы, одобреніе моимъ усиліямъ сдѣлать что можно въ томъ затруднительномъ положеніи, въ какое поставило меня провиндіе; но все-таки, сэръ, дѣлайте что хотите, а невольничество — проклятое дѣло и для бѣлыхъ, и для черныхъ, — для всѣхъ насъ вмѣстѣ...»

Несмотря на то, что мы говорили прежде довольно свободно и хотя я рассказалъ мистеру Мазону мои испытанія въ Ричмондѣ и при этомъ откровенно выразилъ ему свои чувства и мнѣнія, но онъ какъ-будто не рѣшался говорить, сомнѣваясь, не опасно ли будетъ высказаться? Желая втянуть его въ разговоръ, я отвѣчалъ: «Еслибы всѣ владѣльцы были похожи на васъ, тогда невольничество было бы совершенно другое дѣло, чѣмъ теперь, и переносить его было бы гораздо легче.»

— Да! сказалъ онъ съ многозначительной улыбкой: — еслибы всѣ владѣльцы были похожи на меня, завтра же не стало бы рабовъ!

— Какъ? спросилъ я: — такъ вы аболіціонистъ! — И почти раскаялся въ своемъ вопросѣ, потому что замѣтилъ, что и его здоровая голова и благородное сердце не могли выдержать этого слова, ужаснаго для южнаго уха. Въ самомъ дѣлѣ, слово это — синонимъ «верѣвка» или «перерѣзать горло». Онъ началъ, заикаясь, отказываться, но скоро заговорилъ другимъ тономъ: «Я такой же аболіціонистъ, какимъ былъ Вашингтонъ или Патрикъ Генри. Невольничество есть зло, ужасное зло; чтобы уничтожить его, нужны дѣяствія цѣлаго общества, а не усилія одного человѣка. Я увѣренъ, что еслибы завтра же освободили всѣхъ невольниковъ, то изъ этого

вышло бы менѣ зла, чѣмъ сколько доставляетъ его рабство каждыя десять лѣтъ и бѣлымъ и чернымъ.»

— Какъ? спросилъ я: — не будетъ ли опасно выпустить столько невѣжественныхъ рабовъ разомъ на волю, неприготовивши ихъ къ ней? А общее мнѣніе плантаторовъ кажется говорить, что если невольниковъ освободить такимъ образомъ, то они перерѣжутъ горла своимъ господамъ, изнасилуютъ всѣхъ ихъ жонъ и дочерей и умрутъ съ голоду, потому что некому будетъ кормить ихъ. Нужно сначала, говорятъ плантаторы, приготовить ихъ къ свободѣ.

— Теперь еще, отвѣчалъ мистеръ Мазонъ: — едвали стоитъ и говорить о томъ, что произойдетъ, если всѣ невольники будутъ свободны: такъ невѣроятна подобная возможность со стороны владѣльцевъ. Для этого нужно приготовиться не столько рабамъ, сколько господамъ: невольники по моему мнѣнію уже теперь достаточно приготовлены къ свободѣ, — покрайней-мѣрѣ насколько невольники когда-нибудь будутъ или могутъ быть приготовлены. По моимъ наблюденіямъ дома и въ другихъ странахъ, они рѣшительно и умнѣе, и добрѣе, и послушнѣе ирландскихъ или англійскихъ чернорабочихъ; одно и единственное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы заставить ихъ работать за жалованье; тоже самое затрудненіе было причиной, что неудались попытки обрабатывать нашу землю свободными земледѣльцами, перевезенными сюда изъ Европы. Пока у насъ будетъ земли болѣе чѣмъ людей, какъ это и есть въ большей части южныхъ штатовъ, — негры, вмѣсто того чтобы работать за жалованье, предпочтутъ имѣть, какъ наши небогатые бѣлые, каждый свою небольшую плантацію и будетъ тоже что въ Гаити: сахарныя плантаціи, требующія много рукъ, большею частью были оставлены, между тѣмъ какъ разведеніе кофе, гдѣ каждый можетъ работать для себя, процвѣтаетъ и доставляетъ острову большой доходъ.

— Если такъ, сказалъ я, — то невольники менѣ подвергаются опасности умереть съ голоду, чѣмъ ихъ бывшіе владѣльцы. Но скажите пожалуста, сэръ, что вы думаете о томъ, будто они станутъ рѣзать горла и рѣшатся еще на большія преступленія?

— Это, сказалъ онъ, — привидѣнія, переданныя нашими бабушками. Если дикіе негры, большею частью взятые въ плѣнъ съ боя и недавно вывезенные съ береговъ Африки, возмущались, что иногда бывало, — то очень естественно, что они начинали тѣмъ, что перерѣзывали, если только могли, горла своимъ господамъ: революція даже въ наше время навѣрное встрѣтитъ противъ себя ядра, сабли,

висьлицы, пожары, и слѣдовательно очень естественно, что и сама совершается такими же путями. Негры очень любятъ подражать, легко перенимаютъ все что дѣлаютъ ихъ господа, но мнѣ кажется очень смѣшнымъ предположеніе, что наши невольники, если ихъ освобождать добровольно, начнутъ грабить и убивать своихъ бѣлыхъ сосѣдей, вмѣсто того чтобы работать какъ другіе бѣдняки, — какъ напримѣръ ирландскіе эмигранты, выселившіеся на наши берега, которые кромѣ свободы ничѣмъ не выше негровъ, — и честно зарабатывать пропитаніе для себя и своихъ дѣтей. Плохая рекомендація для мужества и превосходства насъ, бѣлыхъ, если еще сомнительно то, можемъ ли мы, имѣя на нашей сторонѣ превосходство въ числѣ и во всемъ другомъ, внушать достаточно уваженія, чтобы поддерживать наше естественное положеніе во главѣ общества и сумѣемъ ли удержать этихъ бѣдныхъ людей въ порядкѣ, не обращая ихъ въ рабовъ!

— Но предположимъ, что свободные невольники окажутся такими невинными, какъ вы воображаете, — сказалъ я: — предположимъ, что они будутъ довольно обрабатывать, чтобы не умереть съ голоду: но разбросанные на небольшихъ клочкахъ земли, развѣ они не будутъ жить въ лѣнивой праздности? Всѣ плодородныя плантаціи будутъ оставлены и весь югъ будетъ представлять такую же картину грязной бѣдности, какую мы видимъ въ настоящее время у свободныхъ негровъ.

— Въ настоящее время цвѣтное племя сѣверныхъ штатовъ, сказалъ мистеръ Мазонъ, — составляетъ бѣдное, угнетенное племя, поставленное, особенно въ южныхъ штатахъ, въ очень неблагоприятныя обстоятельства, и все-таки я и между ними встрѣчалъ очень достойныхъ людей. Впрочемъ гораздо раціональнѣе предположить, что положеніе освобожденныхъ невольниковъ будетъ похоже на положеніе тѣхъ нашихъ бѣлыхъ, у которыхъ нѣтъ невольниковъ. Я долженъ признаться, что не много причинъ имѣютъ недостаточныя бѣлые гордиться своимъ положеніемъ во всѣхъ южныхъ штатахъ. Главное отличіе между рабами и этими бѣдными бѣлыми то, что бѣлые свободны. Въ Сѣверной Каролинѣ большая часть ихъ не умѣетъ ни читать, ни писать, ни даже сказать сколько имъ лѣтъ. Въ умственномъ и нравственномъ отношеніи (исключая сознанія, что самъ себѣ господинъ, которое такъ много значитъ для человѣческаго достоинства) они нисколько не выше большей части рабовъ. Изъ нашихъ богатыхъ плантаторовъ многіе сочли бы

очень хорошимъ дѣломъ обратить этихъ бѣдныхъ бѣлыхъ въ рабство, но тотъ будетъ очень смѣлъ, кто рѣшится предложить, а еще болѣе предпринять это. Да въ этомъ едвали будетъ необходимость, потому что наша система такъ же гибельна для нихъ, какъ и для невольниковъ. У нихъ все—равно какъ жорновъ на шеѣ: они считаютъ каждый ручной трудъ постыднымъ, а кромѣ ручного труда какъ мало шансовъ для бѣднаго человѣка приобрести капиталъ, необходимый для того, чтобы одѣлать шагъ въ свѣтъ! И со всеми этими препятствіями и неудобствами этотъ бѣдный классъ составляетъ основаніе нашей цивилизаціи, какова она ни есть. Мой отецъ былъ сначала бѣднымъ человѣкомъ; онъ часто мнѣ говорилъ, что онъ пришолъ въ Карлтонъ—Галль съ босыми ногами. Да, у него не было пары саногъ. Отцы и дѣды почти всѣхъ моихъ сосѣдей были такіе же бѣдняки. Въ пословицу вошло, что плантація рѣдко переходитъ къ третьему поколѣнію. Изъ этого класса бѣдняковъ выходятъ новые владѣльцы и въ этотъ же классъ обращаются прежніе. Но разсмотрите какъ рабство унизило и развратило этотъ бѣдный классъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ отношеніи богатства, промышленности и образованности, всего, что возвышаетъ общество, мы такъ ушли отъ свободныхъ штатовъ; и не только нашъ бѣдный народъ имѣеть гораздо менѣе средствъ подняться чѣмъ сѣверный, но удерживая массу нашихъ земледѣльцевъ въ вѣчномъ рабствѣ, мы уничтожаемъ настоящій источникъ, откуда полилась бы на насъ свѣжая сила и энергія. Въ этомъ по моему мнѣнію заключается самое большое зло, которое рабство приноситъ обществу, и самый большой вредъ его отдѣльнымъ лицамъ. Легко сказать, сравнивая моихъ невольниковъ со многими бѣлыми семействами на десять миль въ окружности, что мои невольники и лучше одѣты, и накормлены, и лучше помѣщаются, и имъ гораздо менѣе заботъ и неприятностей, чѣмъ тѣмъ; все это правда... А вотъ кто-то идетъ. А, Питеръ! Какъ проживаешь, мой другъ?

Съ этими словами мистеръ Мазонъ обратился къ здоровому негру, провозившему мимо телѣгу.

— А вотъ человѣкъ, который еслибы былъ самъ себѣ господинъ и въ другой странѣ, гдѣ бы цвѣтъ лица не лишалъ его правъ, приобрѣлъ бы себѣ не одну плантацію. У этого человѣка есть голова; его мнѣніе, когда идетъ дѣло о земледѣліи или распредѣленіи работъ, стѣбитъ больше чѣмъ мое и моихъ двухъ управителей вмѣстѣ. И какъ вы думаете: рабство, подѣ какой бы то ни было фор-

мой, можете удовлетворить такихъ людей? Многіе какъ-будто родятся на то, чтобы быть орудіями другого, и еслибы только такіе люди рождались рабами, то это бы еще ничего!

— Но между рабами есть разнаго сорта люди, мистеръ Муръ. Что, еслибы мы съ вами родились невольниками? Въ Сѣверной Каролинѣ есть рабы такіе же бѣлые какъ и любой изъ насъ: какъ вы думаете, остались ли бы мы довольны такой участью? Мы бы покорились ей: какъ изъ огня ни бросаться въ пламя, но все-таки не найдешь, что огонь есть естественная стихія, гдѣ мы должны жить...

XLI

Возвратясь на другой день въ Карльтонъ-Галль, мы увидѣли сидѣвшаго на крыльцѣ джентльмена: по костюму я тотчасъ же узналъ, что онъ принадлежитъ къ духовному званію. Хозяинъ встрѣтилъ его очень ласково и представилъ мнѣ. Это былъ Поль Тельферъ, ректоръ епископальной церкви святого Стефана.

Было что-то въ наружности этого человѣка, что поразило меня съ перваго взгляда. Это былъ высокій, тонкій молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-трехъ или двадцати-четырехъ; когда онъ говорилъ, блѣдное красивое лицо его оживлялось улыбкой, какъ-будто освѣщавшей его кроткимъ сіяніемъ; онъ выражался прямо и безъ претензій, но въ его словахъ было столько достоинства и прелести, что они невольно привлекали къ себѣ и заставляли смотрѣть на него какъ на истиннаго служителя евангелія и посланника божія.

— Это, оказалъ мистеръ Мазонъ, — сынъ миссъ Монгомери, теперь мистрисъ Тельферъ; мать ея; бывшая владѣтельница Поппюръ-Грова, та самая мистрисъ Монгомери, нечаянно которой здѣсь, вы были такъ поражены. Я никогда не видѣлъ этой леди, но зная сына, не удивляюсь почему вы такъ жалѣли объ отсутствіи матери.

Впродолженіе разговора я узналъ, что мистрисъ Монгомери, перебравшись послѣ потери своего состоянія въ Чарльстоунъ, рѣшилась открыть школу, чтобы чѣмъ-нибудь содержать себя, къ великому скандалу своихъ родственниковъ. Но скоро миссъ Монгомери понравилась одному богатому джентльмену въ этомъ городѣ, мистеру Тельферу, и сдѣлалась его женой. Единственный сынъ ихъ

былъ тотъ молодой священникъ, который произвелъ на меня такое впечатлѣніе. Теперь я замѣтилъ въ его чертахъ что-то знакомое: онѣ напоминали мнѣ его мать.

— И такъ какъ вы принимаете участіе въ моемъ способѣ управленія, то я вамъ скажу, что мистеръ Тельферъ составляетъ много для плантаціи: это шкворень въ моей повозкѣ; онъ креститъ и въичаетъ всѣхъ обитателей Карльтонъ-Галля и Попноръ-Грова — эти обряды считаются у насъ непремѣнной необходимостью; самымъ большимъ наказаніемъ для провинившихся невольниковъ у меня — не пустить ихъ въ воскресенье на проповѣдь мистера Тельфера. Величайшимъ доказательствомъ дарованій моего молодого друга служитъ то, что онъ не только затмилъ бродячихъ методистовъ и пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ, которые прежде владычествовали въ окрестности, но даже заставилъ самого негра Тома — бывший предметъ удивленія не только моихъ двухъ плантацій, но, могу сказать, цѣлаго графства — удовольствоваться смиреннымъ положеніемъ клирика и законоучителя.

Я послѣ узналъ, что мистеръ Тельферъ вступилъ въ духовное званіе по убѣжденіямъ матери, которая во время своей бѣдности сдѣлалась очень религіозной. Сдѣтства онъ считалъ себя посвященнымъ на дѣло христіанской проповѣди, а постунивши въ духовное званіе, весь отдался религіознымъ трудамъ, посвящая большую часть времени своей обязанности, какъ ректоръ церкви св. Стефана, въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда.

Одна изъ старинныхъ приходскихъ церквей, построенная еще во времена колонизаціи, когда англиканское вѣроисповѣданіе было господствующимъ въ Сѣверной Каролинѣ и даже во всѣхъ южныхъ штатахъ, церковь св. Стефана со времени революціи пришла въ ужасный упадокъ и разрушеніе: крыша упала, двери и окна исчезли, но крѣпкія каменные стѣны все еще стояли. Мистеръ Тельферъ, избравши эту сторону мѣстомъ своего миссіонерства, постарался исправить старую церковь большею частью на свой счетъ и съ неустойчивымъ рвеніемъ собралъ себѣ конгрегацію и возобновилъ почти забытое богослуженіе по трогательному обряду англиканской церкви.

Мистеръ Тельферъ, какъ и долженъ былъ сдѣлать ученикъ Того, кто самъ обращался къ бѣднымъ и униженнымъ, къ пренебреженнымъ и угнетеннымъ, обратилъ во первыхъ свое вниманіе на нравственное и религіозное состояніе невольниковъ. Въ мистерѣ Мазонѣ

онъ нашолъ себѣ усерднаго помощника и дѣятельнаго старосту. Примеръ одного и убѣдительныя проповѣди другого не остались безъ вліянія на обращеніе господъ и положеніе невольниковъ даже и у сосѣдей.

Но къ какимъ бы улучшеніямъ ни было способно невольничество, а все-таки ни мистеру Тельферу, ни всякому другому, кто только могъ видѣть и чувствовать, невозможно было смотрѣть на него какъ на постоянное положеніе дѣла. Дружескія отношенія Тельфера къ владѣльцамъ и рабамъ позволяли ему ясно видѣть то ложное положеніе, въ которое рабство ставило тѣхъ и другихъ, и какъ колонизація до сихъ поръ представляла единственныя средства помочь этому страшному злу, то онъ съ жаромъ принялся за этотъ проектъ. Онъ самъ былъ президентомъ общества колонизаторовъ въ этомъ граествѣ. Онъ успѣлъ убѣдить нѣкоторыхъ владѣльцевъ освободить своихъ любимыхъ невольниковъ, съ цѣлью отправить ихъ въ Либерію. Его пламенное воображеніе въ порывахъ своихъ надеждъ и желаній добра не знало ни пространства, ни времени: онъ уже видѣлъ переселеніе всего цвѣтнаго населенія изъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ въ Африку и распространеніе тамъ христіанства и цивилизаціи. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ этомъ самъ и такъ горячо и увлекательно говорилъ, что какъ ни мечтательны были его надежды, но слушать, какъ онъ развивалъ этотъ предметъ, доставляло истинное наслажденіе. Но теперь на эти блестящія надежды падала зловѣщая тѣнь. Мистеръ Тельферъ началъ говорить о послѣднихъ дѣйствіяхъ сѣверныхъ аболіціонистовъ; въ словахъ его не было горечи, но слышалось глубокое сожалѣніе: онъ опасался, что это отложитъ эманципацію на долгіе годы. Слѣдствія этихъ поступковъ онъ уже почувствовалъ на самомъ себѣ. Мистеръ Тельферъ основалъ возлѣ церкви воскресную школу для невольниковъ, въ которой кромѣ изустнаго наставленія училъ и читать. Комитетъ плантаторовъ приказалъ ему прекратить эти занятія.

— Ахъ, капитанъ Муръ! сказалъ Тельферъ, обращаясь ко мнѣ: — неблагопріятное время выбрали вы для посѣщенія южныхъ штатовъ. Вы видите чтó значить для страны невольничество: рабство дѣлаетъ и насъ рабами. Теперь въ невольничьихъ штатахъ, а судя по извѣстіямъ о безпорядкахъ и бунтахъ въ Бостонѣ, Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и въ другихъ мѣстахъ — не лучше и въ свободныхъ штатахъ — вы можете обвинить во всеуслышаніе панскій и австрійскій деспотизмъ, но сдѣлайте одолженіе говорите осторожнѣе о

нашемъ невольничествѣ. Въ обществѣ, несомнѣннѣ мнѣ знакомомъ, я не рѣшуся сказать того, что теперь сказалъ адъюбъ. И точно на меня уже подозрительно смотрятъ. Я напечаталъ одно письмо къ своему другу о планѣ нашей колонизаціи, въ которомъ, въ доказательство вреда невольничества, я приводилъ имена Вашингтона, Джеферсона, Патрика Генри и другихъ замѣчательныхъ патріотовъ; это письмо готово было уже появиться въ публикѣ, когда было захвачено въ Ричмондѣ тамошнимъ комитетомъ и приговорено къ сожженію, какъ возмутительное сочиненіе.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, — это несчастное письмо вѣроятно составляло часть того фейерверка, который освѣтилъ мой прїездъ въ Ричмондѣ? — И я ему расказалъ мои происшествія въ этомъ городѣ.

— Недовольствуясь сожженіемъ моего письма, продолжалъ почтенный священникъ, — (впрочемъ собственно говоря они предавали сожженію Вашингтона и Джеферсона), ричмондовскій комитетъ выставилъ меня комитету нашего графства какъ человѣка очень подозрительнаго, съ котораго ненужно спускать глазъ, и эти почтенные джентльмены не только закрыли мою школу, но даже взяли на себя трудъ выбирать книги для моего чтенія. Нѣсколько мѣсяцевъ я получалъ газету «Эманципаторъ», издаваемую въ Нью-Йоркѣ. Это главный органъ новаго общества тамошнихъ аболиціонистовъ. Мнѣ присылали эту газету бесплатно и я читалъ ее съ большимъ любопытствомъ, желая узнать чего добиваются аболиціонисты. Но мои добрые друзья, или скорѣе наставники, члены комитета общественной безопасности, сочли такое чтеніе весьма опаснымъ: они не могутъ допустить такого нарушенія общественнаго спокойствія, и потому запретили почтмейстеру выдавать, а мнѣ — читать газеты. Такова-то свобода теперь въ Сѣверной Каролинѣ!

Эти слова были сказаны съ горечью и негодованіемъ, взявшими верхъ надъ обычнымъ спокойнымъ самообладаніемъ мистера Тельфера.

— Какъ же это случилось, сказалъ я, — что когда многіе изъ васъ не только сознавали вредъ невольничества, но даже высказывали это очень свободно со времени Джеферсона и до сихъ поръ — даже гораздо свободнѣе, чѣмъ говорилось во время послѣднихъ преній о виргинскомъ законодательствѣ — какимъ же образомъ могъ вдругъ сдѣлаться запрещеннымъ этотъ предметъ? Попрошу васъ сказать мнѣ

какая же разница наконецъ между колонизационистами, какъ нашъ почтенный мистеръ Тельферъ, и сѣверными аболиціонистами, вмѣшательство которыхъ, по его мнѣнію, повредило успѣху эманципациі? И тѣ и другіе вѣдь возстаютъ противъ рабства? Вѣдь и тѣ и другіе стремятся къ эманципациі?

— «Разница между ними, отвѣчалъ Тельферъ, — довольно осязательна, хотя я и не удивляюсь вашему вопросу, потому что я замѣтилъ, особенно со времени послѣднихъ безпорядковъ, общее расположеніе смѣшивать аболиціонистовъ и колонизаторовъ и выставлать чѣмъ-то возмутительнымъ, враждебнымъ благосостоянію южныхъ штатовъ простое чувство отвращенія къ рабству. Что касается колонизационистовъ, то вотъ наше убѣжденіе: мы находимъ, что невольничество есть ужасное зло, такое зло, что наша обязанность, обязанность дѣтей нашихъ и всего населенія чернаго и бѣлаго — употреблать всѣ усилія, чтобы избавиться отъ него; но мы не видимъ возможности освободиться отъ этого зла, пока черное населеніе будетъ между нами. Общее мнѣніе въ Америкѣ, — что два столь различныхъ племени, какъ негры и бѣлые, не могутъ жить какъ равные. Всѣ увѣрены, что пока негры будутъ съ нами, — или они, или мы должны быть рабами. Бывшій президентъ Джеферсонъ хорошо выразилъ это общее мнѣніе, замѣтивши, что мы держимъ негровъ какъ волка за ухо: опасно держать его, опасно и пустить. Я долженъ признаться, — и вѣроятно многіе изъ приверженцевъ колонизациі согласятся со мной, — что этотъ взглядъ на дѣло несовѣтъ справедливъ: кажется что мы, бѣлые — волки, а несчастные негры — овцы, которыхъ мы схватили за ухо и могли бы выпустить безъ всякой опасности, еслибы только захотѣли. Почему у насъ не могутъ быть свободные негры, когда есть свободные ирландцы и нѣмцы? Но бесполезно проповѣдовать эти понятія тамъ, гдѣ уже укоренились такіе предрасудки, какъ у нашего народа. Самый бѣдный, самый презрѣнный изъ бѣлыхъ будетъ горой стоять за нихъ; чѣмъ ниже, грубѣе и пошлѣе бѣлый, тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ будетъ защищать естественное превосходство бѣлыхъ, тѣмъ болѣе будетъ онъ возмущаться при мысли выпустить на волю негровъ. Наша система колонизациі уступаетъ этому непобѣдимому чувству. Прежде освобожденія, или одновременно съ освобожденіемъ невольниковъ, мы предлагаемъ ихъ выселить отсюда. Такъ какъ большая часть считаетъ этотъ планъ мечтательнымъ, и даже мы, вѣрившіе въ него, надѣялись дѣйствовать, по крайней мѣрѣ сначала, только мед-

ленно и постепенно, то онъ не долженъ былъ произвести большой тревоги. Даже самыя оживленныя картины рабства и горячія декламациі противъ него допускались до тѣхъ поръ, пока на нихъ смотрѣли какъ на выраженіе теоретическихъ мнѣній и личныхъ чувствъ, какъ онѣ и были; при этомъ высказывалось болѣе или менѣе ясно, что какъ ни велико это зло, но нѣтъ надежды и средствъ исправить его, пока оба племени будутъ вмѣстѣ. Но новая секта аболиціонистовъ переступила всѣ эти границы. Впервыхъ они начали проповѣдывать, что держать невольниковъ есть грѣхъ, несообразный съ характеромъ христіанина. Было время, и еще недавно, когда многіе изъ южныхъ негровладѣльцевъ засмѣялись бы надъ этой проповѣдью, потому что весьма немногіе изъ нихъ имѣли претензіи быть христіанами, большая же часть прямо сознавалась въ своемъ невѣрїи. Но за послѣднія двадцать пять лѣтъ, благодаря усиленнымъ трудамъ различныхъ сектъ, исповѣданіе христіанства и даже, я думаю, въ нѣкоторомъ отношеніи и практическое его приложеніе, очень увеличилось, и сказать про нашихъ добрыхъ плантаторовъ, что они не христіане, значитъ задѣть ихъ очень чувствительную сторону. И точно, но нашей излишней горячности, я подозреваю, что въ обвиненіяхъ этихъ есть доля правды.

«Потомъ эти аболиціонисты говорятъ: ваши рабы имѣютъ право быть свободными и ваша обязанность сейчасъ же ихъ выпустить на волю; вамъ нечего беспокоиться о послѣдствіяхъ, какія могутъ произойти отъ исполненія вашей обязанности: исполните ее, а остальное предоставьте господу-богу.

«Большая разница, когда что-нибудь говорится серьезно или просто для украшенія рѣчи; большая разница, когда нужно приложить дѣло къ намъ самимъ или къ другимъ...

«Изъ этого вы можете заключить, что я не раздѣляю тѣхъ дикихъ предразсудковъ противъ аболиціонистовъ, образчики которыхъ вы уже успѣли видѣть съ тѣхъ поръ какъ живете у насъ. Они сдѣлали мнѣ честь и присылали по почтѣ кромѣ журнала, о которомъ я говорилъ, еще и другія свои изданія. Я читалъ ихъ со вниманіемъ и могу смѣло сказать, что вводимое обыкновенно на нихъ пошлое обвиненіе въ томъ, что они побуждаютъ невольниковъ къ возстанію, совершенно неосновательно. Единственное возстаніе, къ которому они стремятся, — это возстаніе совѣсти христіанина противъ всѣхъ ужасовъ и бѣдствій рабства, и я предполагаю, что этого возстанія

больше всего и опасаются наши комитеты общественной безопасности.

«Но хотя я вполне оправдываю ихъ цѣль, тѣмъ неменѣе обвиняю ихъ дѣйствія. По мнѣ вы можете судить, въ какое неловкое положеніе они поставили всякаго, кто желалъ добра неграмъ; я боюсь, что единственнымъ результатомъ этихъ дѣйствій будетъ то, что оковы невольника станутъ еще тѣснѣе, что пропадутъ всѣ усилія, какія были сдѣланы для улучшенія ихъ умственного и нравственного положенія; возникнутъ серьезныя препятствія къ осуществленію нашего плана колонизаціи, единственного средства помочь страшному злу, — единственного, которое по крайней мѣрѣ допускаетъ югъ.»

XLII

Мистеръ Тельферъ, вѣроятно по привычкѣ проповѣдовать, говорилъ очень пространно о предметахъ, его занимавшихъ, но я не прерывалъ его. Я замѣтилъ, что мистеръ Мазонъ не сказалъ ни одного слова въ продолженіи этого разговора, а когда мистеръ Тельферъ ушелъ отъ насъ, мнѣ очень захотѣлось узнать его мнѣніе, и я предложилъ ему нѣсколько вопросовъ насчетъ проекта колонизаціи. «Я дѣйствительно членъ-секретарь того же общества, въ которомъ Тельферъ президентомъ. Однимъ изъ своихъ невольниковъ, человѣка очень замѣчательнаго, когда онъ выразилъ желаніе ѣхать, я отпустилъ на волю и отправилъ въ Либерію, но къ сожалѣнію онъ умеръ черезъ мѣсяцъ или два послѣ пріѣзда туда. Я всегда думаю, что колонизаціонное общество хорошо какъ несущаяся курица, подъ крыльями которой могло укрываться неоперившееся чувство человеколюбія на югъ и сидѣть тамъ пока не настанетъ его пора дѣйствовать. Я никогда не ожидалъ, чтобы что-нибудь важное можно сдѣлать тотчасъ, но я многого надѣялся отъ того, если обществу будутъ постоянно выставлять бѣдствія рабства и необходимость помочь имъ. Но самое лучшее, что оно сдѣлало, это то, что вывело изъ своихъ яиць на сѣверѣ эти аболиціонныя общества, надѣлавшія столько шума теперь.»

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, — какимъ образомъ, сколько я знаю главныхъ дѣятелей аболиціоннаго общества, проектъ колонизаціи въ первый разъ заставилъ ихъ заняться этимъ предметомъ?

Многіе изъ нихъ были прежде горячими приверженцами этого плана, но когда вглядѣлись въ него поглубже, то оказалось все равно, что возить уголья въ Ньюкестль, что взять какихъ-нибудь два или три мильона народа оттуда, гдѣ работа ихъ рукъ такъ необходима и можетъ приносить столько пользы, и перевезти чрезъ океанъ въ дикую пустыню, гдѣ уже собственныхъ рукъ болѣе, чѣмъ сколько ихъ требуется. Такъ какъ прежде чѣмъ выселить невольниковъ, нужно освободить ихъ, то имъ показалось, что довольно одного труда освободить невольниковъ, чтобы брать еще на себя трудъ пересылать ихъ, тратить огромныя суммы и лишать южные штаты рабочихъ рукъ, въ чемъ они болѣе всего нуждаются. Подобныя мысли, соединяясь съ убѣжденіемъ, что рабство есть грѣхъ и зло, — грѣхъ и зло, которыя должно уничтожить разомъ, а не постепенно, — и были причиной основанія аболиціонныхъ обществъ.

— Но, спросилъ я, ожидая такихъ результатовъ, о какихъ говорилъ мистеръ Тельферъ: — какъ вы можете одобрять подобныя общества?

— «Я надѣюсь, сказалъ мистеръ Мазонъ, оглядываясь вокругъ съ какимъ-то смущеніемъ, уже незнаю, дѣйствительнымъ или притворнымъ: — надѣюсь, что здѣсь не скрывается какой-нибудь членъ комитета общественной безопасности: наши управляющіе имѣютъ привычку подслушивать въ избахъ негровъ... Незнаю скоро ли таже система распространится и на насъ, господъ. Но чтобы отвѣчать на вашъ вопросъ (и здѣсь онъ понизилъ голосъ почти до шопота), для того чтобы излечить какую-нибудь серьезную болѣзнь, нужно впервыхъ узнать въ чемъ дѣйствительно состоитъ она, а главное заставить самого пациента понять его настоящее положеніе. Этого-то результата и начинаютъ уже достигать общества аболиціонистовъ.

«Предполагаемая опасность возстанія невольниковъ была только предлогомъ къ запрещенію всего что можетъ повредить учрежденію невольничества. Такая опасность можетъ очень испугать глушцовъ, а плуты считаютъ себя вправѣ пользоваться этимъ; но, какъ очень хорошо замѣтилъ мистеръ Тельферъ, предводители больше всего боятся въ этомъ дѣлѣ не возстанія невольниковъ, а возстанія совѣсти. Это-то возстаніе они и стараются остановить и предупредить, если только могутъ найти средства.

«Здѣсь — сказалъ онъ, взявши газету — это прямо высказывается въ въ «Вашингтонскомъ Телеграфѣ», самомъ усердномъ за-

щитникъ правъ и интересовъ плантаторовъ и главнымъ проводникъ настоящей тревоги: «Мы думаемъ (здѣсь онъ прочелъ изъ газеты), что мы больше всего должны опасаться постепенно усиливающагося вліянія общественнаго мнѣнія между нами и считать самыми опасными и коварными врагами нашихъ правъ и интересовъ тѣхъ, которые, являясь къ намъ подъ видомъ дружбы, стараются убѣдить насъ, что рабство есть грѣхъ, проклятіе и зло. Больше всего мы опасаемся дѣйствія заразительной чувствительности, которая обращается къ совѣсти нашего народа и хочетъ сдѣлать его добровольнымъ орудіемъ собственной гибели.» А средство предупредить эти воззванія къ болѣзненной чувствительности совѣсти очень хорошо объясняется въ другомъ параграфѣ, извлеченномъ, какъ я узналъ, изъ «Телескопа Колумбіи», газеты Южной Каролины: «Позвольте намъ сказать, что нельзя и не должно открыто обсуждать вопросъ о рабствѣ; что эта система глубоко вкоренилась въ насъ и должна оставаться навсегда; что въ настоящее время тому, кто вздумаетъ проповѣдовать о безнравственности и вредѣ рабства, о необходимости средствъ избавить насъ отъ него, нужно отрывать языкъ и выбросить на навозъ.»

«Это обращеніе къ совѣсти южныхъ жителей, которое предлагаютъ здѣсь такъ скоро окончить, открыло настоящее состояніе дѣла. Огромная масса нашего народа и на сѣверѣ и на югѣ, даже та, которая говоритъ о рабствѣ какъ о злѣ, въ сущности вовсе не такъ на него смотритъ. Сравнивая же съ эманципаціей, они находятъ его даже добромъ. Можетъ-быть они и допускаютъ, что рабство дурно, но все-таки вполне увѣрены, что свобода будетъ гораздо хуже; притомъ между ними болѣе, чѣмъ предполагаютъ, такихъ, которые смотрятъ на рабство не только какъ на зло, но какъ на положительное добро: добро для невольниковъ, которымъ оно даетъ возможность жить безъ всякихъ заботъ въ постоянномъ счастливомъ довольствѣ, и добро для господъ, которыхъ оно избавляетъ отъ необходимости исполнять низкія и презрѣнныя обязанности и такимъ образомъ даетъ имъ возможность сохранять достоинство свободнаго человѣка. Этотъ романическій взглядъ на дѣла можетъ-быть не выдержать критики, но вы видите, что они и не намѣрены допускать ее; неимѣя же полной свободы разсуждать о настоящей системѣ, о ея дѣйствіяхъ и результатахъ, можемъ ли мы разумно надѣяться или ожидать, что измѣнимъ ее къ лучшему? Начата борьба, которую вызвали сѣверныя воззванія къ совѣсти южныхъ

жителей, есть по моему мнѣнію рѣшительная и окончательная борьба между развитіемъ и продолженіемъ рабства съ одной стороны и эманципаціей съ другой. Учрежденіе невольничества въ этой странѣ гораздо болѣе имѣетъ силы, нежели предполагаютъ: оно не только подчинило себѣ правительство южныхъ штатовъ и заставило дѣйствовать по такимъ законамъ, какіе ему угодны, но съ помощью комитетовъ и системы Линча его деспотическая власть стала выше всякихъ законовъ и конституцій, — власть, прямо вытекающая изъ привычекъ безграничнаго произвола плантацій и совершенно несообразная со всѣми установившимися понятіями объ англійской и американской свободѣ! Но недовольствуясь этимъ, невольничество хочетъ завладѣть федеративною властью, старается изъ оплота свободы сдѣлать оплотъ рабства и стремится наконецъ заставить и сѣверные штаты дѣйствовать сообразно его цѣлямъ. Уничтоживши на югѣ, по крайней мѣрѣ теперь, всякую свободу говорить, писать и читать объ этомъ запрещенномъ предметѣ, они добиваются того же и на сѣверѣ: сѣверныхъ политиковъ подстрекаетъ становиться предводителями анти-аболиціонной толпы надежда заслужить расположеніе юга, а сѣверныхъ купцовъ надежда сохранить южныхъ покупателей подстрекаетъ собирать публичные митинги, требовать отъ законодательства ограниченія права говорить въ печати о рабовладѣльствѣ, что и было сдѣлано въ унизившейся Филадельфій, а Бостонъ и Ньюйоркъ послѣдовали этому постыдному примѣру. Да, мистеръ Муръ! вовремя или нѣтъ, но великая битва началась, — великая битва, отъ которой зависитъ будущая судьба Америки! Рабство или свобода цвѣтныхъ жителей — важный вопросъ, но и онъ уже сдѣлался только второстепеннымъ; самый важный вопросъ теперь тотъ: должна ли не только политическая, но умственная и религіозная власть этой страны перейти въ руки поборниковъ вѣчнаго рабства, или останется неизмѣннымъ наше старое американское правило, что всѣ люди должны быть равны передъ закономъ? Долженъ ли контроль не только надъ нашей политикой и законодательствомъ, но и надъ нашими газетами, церковью и литературой, контроль надъ нашими общественными чувствами — перейти въ руки жестокихъ, безчеловѣчныхъ плантаторовъ, этихъ продажныхъ душъ, которыя готовы смѣяться надъ всѣми правами справедливости и челоуколюбія, неизмѣнныхъ, услужливыхъ, раболѣпныхъ, одинаково готовыхъ, смотря по обстоятельствамъ, читать молитвы Богу или дьяволу? Или защитники челоуческаго про-

греса, друзья человечества, вѣрные слуги истиннаго Бога будутъ имѣть свободу жить, говорить и работать среди насъ?

Воспламеняясь своимъ предметомъ, мистеръ Мазонъ ходилъ большими шагами по комнатѣ и произнесъ послѣднюю часть своей длинной рѣчи съ сильной жестикуляціей; голосъ его также по временамъ возвышался. Но вдругъ онъ остановился и прибавилъ гораздо тише: «Я за себя скажу, что скорѣе желалъ бы родиться самымъ презрѣннымъ негромъ въ Сѣверной Каролинѣ, чѣмъ получивши образованіе, привыкши къ свободѣ, изъ господина своихъ невольниковъ, какъ я воображалъ себя, превратиться вдругъ въ какого-то помощника, погонщика негровъ подъ надзоромъ комитета общественной безопасности.

— Извините, сказалъ я, — мистеръ Мазонъ, что я позволяю себѣ еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ, имѣя такія понятія, какія я слышу отъ васъ съ тѣхъ поръ какъ имѣю удовольствіе пользоваться вашимъ гостепріимствомъ, какимъ образомъ вы можете оставаться негровладѣльцемъ?

— Что касается до этого, отвѣчалъ мистеръ Мазонъ, — вамъ пора знать, что мнѣнія и дѣйствія людей не всегда идутъ параллельно: мнѣнія человека часто очень не соотвѣтствуютъ мѣсту, которое онъ занимаетъ. Люди той и другой плантаціи достались мнѣ по наслѣдству; вы вѣроятно не захотите, чтобы я для избавленія себя отъ непріятнаго положенія продалъ своихъ невольниковъ, деньги взялъ себѣ, а ихъ предоставилъ собственной судьбѣ?

— Безъ сомнѣнія нѣтъ, возразилъ я: — если они должны оставаться невольниками, то я не думаю, чтобы они могли выиграть, перемѣнивши господина.

— «Чтобы они не остались невольниками, сказалъ мистеръ Мазонъ, — въ настоящее время не отъ меня зависитъ. Впервыхъ они еще заложены и вписаны въ закладную, по которой еще не уплачено, но этотъ долгъ я надѣюсь выплатить неозже какъ черезъ шесть мѣсяцевъ. Но въ имѣніи находятся еще части моихъ двухъ младшихъ сестеръ, за которыхъ я еще не выплатилъ; кромѣ этого въ Сѣверной Каролинѣ нельзя выпустить своихъ невольниковъ на волю по собственному только желанію: нужно для этого получить позволеніе отъ судовъ графства; а въ настоящее время его не легко добиться. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — какъ я уже сдѣлалъ васъ своимъ повѣреннымъ, то скажу вамъ еще одну тайну: я рѣшился оставаться негровладѣльцемъ только до тѣхъ поръ, пока не

получу возможности выйти изъ этого положенія съ честью для себя и съ выгодою для всѣхъ тѣхъ, кого это касается; всѣ мои распоряженія дѣлаются съ этой цѣлью. Чтобы дѣйствовать свободнѣе въ этомъ дѣлѣ, мнѣ необходимо во первыхъ уничтожить два препятствія: — заплатить долги и выдать части сестеръ. Мои сестры чрезъ нѣсколько дней отправятся на сѣверъ, чтобы тамъ получить воспитаніе; я думаю помѣстить ихъ деньги на сѣверъ и надѣюсь, что онѣ и выйдутъ замужъ и поселятся на сѣверѣ; сколько отъ меня будетъ зависть, я буду стараться, чтобы онѣ не вышли за негровладѣльцевъ. Я имѣю на это много причинъ. Я вовсе не желаю, чтобы мои сестры считались только начальницами серала, гдѣ какая-нибудь черная или смуглая фаворитка будетъ занимать дѣйствительно первое мѣсто. Ихъ бѣдная мать (замѣтите, что онѣ мнѣ сводныя сестры) довольно вытерпѣла чрезъ это. Несчастливая женщина до самой смерти страдала отъ горя и ревности, причинъ которой — я долженъ съ грустью признаться — отецъ мой доставлялъ ей довольно. Дѣйствительно въ этомъ отношеніи у отца были очень патріархальныя понятія. Вы можете замѣтить по цвѣту лица здѣшнихъ и попоръ-гровскихъ невольниковъ, что въ нихъ есть большая примѣсь англо-саксонской крови: я не сомнѣваюсь, что многіе изъ тѣхъ, которые побѣлѣе, могутъ предъявить болѣе или менѣе правъ на родство со мною; и потому — то я чувствую, что болѣе призванъ дѣйствовать не какъ презрѣнный корыстолюбивый плантаторъ, но какъ глава семейства, какъ начальникъ своего племени. Люди моего клана — мои бѣдные родственники, имѣющіе право требовать отъ меня добросовѣстнаго управленія нашими общими дѣлами.

«Планъ мой слѣдующій: какъ только уплачу долги и буду имѣть столько денегъ, чтобы купить достаточно земли въ Огіо или въ Индіанѣ, я думаю переселиться туда со всѣмъ моимъ семействомъ. Если освободить ихъ здѣсь, даже еслибы къ этому не было законныхъ препятствій, то это будетъ не большое добро для нихъ при настоящихъ чувствахъ бѣлыхъ къ цвѣтному народу и тѣхъ шансахъ сдѣлать шагъ въ свѣтъ, какіе они имѣютъ теперь: выпустить ихъ на волю теперь — это все равно, какъ сказалъ мнѣ одинъ негръ, что сдѣлать изъ нихъ тѣхъ насѣкомыхъ, которые ѣдятъ людей. А съ невѣжествомъ и неспособностью, какія произвела рабская жизнь, съ предрасудками и препятствіями, какія они могутъ встрѣтить въ свободномъ государствѣ, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе невыносимы и стѣснительны чѣмъ здѣсь, не большое

счастье для нихъ будетъ, если послать ихъ самихъ на сѣверъ. Чтобы дать невольникамъ лучшую будущность, чтобы не пришлось имъ разочароваться въ эманципации, я намѣренъ отправиться съ ними и самому сдѣлаться предводителемъ и основателемъ колоніи. Этому дѣлу я посвящаю себя. Вы видите, я живу холостякомъ и не думаю жениться, пока буду жить въ невольничьихъ штатахъ, — довольно съ меня и этой семьи, которую я долженъ устроить и позаботиться о ней: мои невольники — моя семья; она довольно велика, и не женясь будетъ дѣла съ меня...»

Какой честный энтузіазмъ, увѣренность и самоуваженіе сіяли на лицѣ мистера Мазона, когда онъ говорилъ! Какое благородство высказывалось въ этомъ челоуѣкѣ, когда онъ объяснялъ мнѣ свои планы и намѣренія! Да, въ немъ былъ духъ истиннаго христіанина... Здѣсь былъ настоящій челоуѣкъ. Не много нужно такихъ людей, чтобы спасти отъ гибели южный Содомъ, сдѣлать его дѣйствительно землею радости, правосудія, мира, богатства и надежды вмѣсто того, что онъ теперь — позоръ цивилизаціи и христіанству!..

XLIII

Оставляя гостепріимный домъ мистера Мазона, гдѣ я пробылъ уже и такъ слишкомъ долго, я разстался съ нимъ какъ съ старымъ другомъ. Пожимая мнѣ на прощаньи руку, онъ просилъ помнить, что онъ многое говорилъ вполне довѣряясь мнѣ, что одинъ протой намекъ насчетъ его мнѣній или намѣреній можетъ очень повредить ему, подвергнуть опасности его спокойное пребываніе въ этой странѣ, а можетъ—быть и самую жизнь.

Возвратясь въ таверну, откуда я приобрѣлъ это пріятное знакомство, я рѣшился продолжать мое путешествіе на югъ. Отправивши свой багажъ впередъ въ Чарльстоунъ въ дилижансѣ, самъ я поѣхалъ верхомъ, потому что мнѣ хотѣлось прослѣдить ту дорогу, по которой я бѣжалъ, избавляясь отъ рабства. Какъ только узнали, что я желаю купить лошадь, тотчасъ явилось ко мнѣ болѣе дюжины барышниковъ и одинъ передъ другимъ навязывали мнѣ хромыхъ, кривыхъ, слѣпыхъ и запаленыхъ лошадей. Съ помощью моего друга янки-почмейстера мнѣ удалось приобрести порядочную лошадь; онъ былъ большой знатокъ въ лошадяхъ и объяснилъ мнѣ фактъ, почему такъ много лошадей съ запаломъ, тѣмъ, что эти южные люди

такъ же дурно поступаютъ съ своими лошадьми, какъ и съ своими невольниками. Взявши съ собой немного бѣлья и нѣсколько другихъ самыхъ необходимыхъ вещей, я снова отправился въ путь.

Проѣхавши нѣсколько дней безъ особенныхъ приключеній, я доѣхалъ до Камдена, и заботливо осматривая дорогу, узналъ ту самую таверну, гдѣ я и Томасъ были плѣнниками, гдѣ насъ освободила дѣвочка съ голубыми глазами и откуда мы убѣжали, унося съ собой египетскую добычу въ образѣ одежды и денегъ нашихъ поимщиковъ. Мое воображеніе было такъ настроено, что нашъ побѣгъ, вся сцена со всѣми ея подробностями ясно представилась моей памяти: я могъ отчетливо вспомнить общій видъ дороги и то, какъ насъ тащили по ней, привязавши къ сѣдламъ, какъ сначала вдали показалась таверна и... Я тотчасъ узналъ, завидѣвши ее теперь, что это та самая таверна. Впрочемъ это было нетрудно, потому что во все продолженіе своего путешествія я не видѣлъ ни одного дома вновь построеннаго, да и вообще дома встрѣчались такъ рѣдко, что не могли спутать моихъ воспоминаній: двадцать лѣтъ не много произвели перемѣнъ въ этой странѣ. Какъ этотъ домъ до сихъ поръ имѣлъ видъ таверны или лавочки съ виски, то я рѣшился остановиться и распросить. Стройный, красивый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати или четырнадцати, безъ шляпы и башмаковъ, въ одной рубашкѣ, давно немытый и въ огромныхъ заплатанныхъ панталонахъ, принадлежавшихъ по всей вѣроятности его отцу, взялъ мою лошадь и обѣщаль накормить и напоить ее. Прохаживаясь по единственной комнатѣ, служившей кухней, конторой, столовой и семейной спальней, такъ какъ другая назначалась для пріѣзжихъ, — я смотрѣлъ на сидѣвшую у окна старуху, которая усердно ткала кусокъ грубаго полотна. Двое маленькихъ дѣтей, валявшихся на полу, называли ее бабушкой: по всей вѣроятности прежде она была хозяйкой дома, а теперь повидимому передала все управление дѣлами молодой женщиной, вѣроятно своей дочери, которую дѣти, называвшія старуху бабушкой, называли мамой.

Молодая женщина стояла у стола и мѣсила въ деревянныхъ ночевкахъ тѣсто для пироговъ. Она была одѣта очень бѣдно, безъ чулокъ и башмаковъ, но въ лицѣ ея было такое выраженіе доброты, кроткіе голубые глаза глядѣли такъ выразительно, какъ-будто говорили, что эта грубо и бѣдно-одѣтая женщина — одно изъ тѣхъ благородныхъ созданій, которыя не могутъ видѣть несчастныхъ, нестараясь помочь имъ. Вступивши съ старухой въ разговоръ о погодѣ,

хлѣбъ, разстояніи до Камдена и о томъ, что могутъ онѣ дать мнѣ на обѣдъ, я какъ-будто случайно спросилъ, давно ли онѣ живутъ? «О, да! сказала старуха, — какже: моя Сези, у которой какъ видите уже дѣти подростаютъ, родились здѣсь, а кромѣ ея было еще четверо старшихъ, да столько же младшихъ, и всѣ родились здѣсь же, но всѣ пошли, а одна Сези осталась съ старой матерью.»

— Но они не умерли, надѣюсь? спросилъ я съ участіемъ.

— Нѣтъ, не умерли, сказала старуха: — но для меня все равно что умерли: всѣ пошли, всѣ поперебирались отсюда, кто въ Филладельфію, кто въ Алабаму, кто въ Техасъ — и только я и слышала объ нихъ... — Глубокій вздохъ послѣдовалъ за этимъ.

— Но развѣ вы не получаете отъ нихъ писемъ? спросилъ я.

— Писемъ! сказала старуха, качая головой съ такой злостью, что заставила меня усомниться, чтобы и въ молодости она была похожа на свою дочь: — получаю ли письма!.. А какъ вы думаете, кто изъ моихъ дѣтей умѣетъ писать или читать? Бѣднымъ людямъ въ Каролинѣ негдѣ учиться читать: школъ нѣтъ, а если и есть, то не изъ чего платить за нихъ учителю; это и заставило ихъ искать средствъ къ жизни подальше отсюда. Сези умѣетъ читать — вы можетъ-быть слышали объ этомъ — но какъ вы думаете это случилось? Когда она была еще маленькой дѣвочкой, у насъ въ домъ остановился одинъ изъ этихъ разносчиковъ, которые ѣздятъ съ повозкой объ одной лошади, продаютъ деревянные часы вотъ такіе, — сказала она, указывая въ уголъ, гдѣ висѣли часы: — только они ужъ лѣтъ десять не идутъ; булавки, иголки, оловянную посуду и, какъ они ихъ называютъ, мускатные орѣхи, хотя ниразу еще не видала ни у кого изъ нихъ ни одного орѣха. Ужасные мошенники бываютъ эти разносчики янки, ужасные мошенники! — сказала старая леди, ушустивъ челнокъ и подымая объ руки, и смотрѣла на меня съ ужаснымъ выраженіемъ. — Вотъ одна изъ причинъ, почему нашъ народъ такъ бѣденъ, и даже у кого есть собственные невольники, и тѣ отправлялись въ Алабаму, потомучто эти обманщики янки повытаскали всѣ деньги изъ нашей стороны: покрайней-мѣрѣ такъ говорилъ полковникъ Томасъ, членъ конгреса, когда онъ ѣздилъ собирать голоса. Но впрочемъ, о томъ янки, что я говорила, я не могу сказать ничего худого. Онъ бывало всегда пріѣзжалъ сюда разъ въ годъ и продавалъ всѣ вещи гораздо дешевле и вещи, могу сказать, были нехуже какъ въ Камденѣ. Вотъ разъ этотъ разносчикъ пришолъ къ намъ и крѣпко заболѣлъ лихорадкой; я думала, что онъ

умреть, и навѣрно бы умеръ, еслибы Сези — хотя ей было тогда лѣтъ двѣнадцать или четырнадцать — не ходила за нимъ какъ за роднымъ отцомъ. Ну вотъ онъ, какъ выздоровѣлъ, а ѣздить еще не могъ, и принялся учить дитя читать — изъ благодарности, говорить. Такъ онъ покрайней-мѣрѣ поставилъ ее на дорогу и подарилъ ей одну изъ тѣхъ азбукъ, какія продавалъ, и еще хорошенькую новую библію, которую, какъ онъ говорилъ, мать дала ему, когда онъ ѣзжалъ изъ Коннектикута. Ну вотъ съ тѣхъ поръ то разносчикъ, то священникъ-методистъ, то еще кто-нибудь изъ проѣзжихъ не погордится и дастъ урокъ Сези: такъ она и выучилась читать, и очень бойко, а теперь и дѣтей своихъ учить. Вы не повѣрите, но вотъ этотъ, Джемъ (и она указала на того мальчика, который взялъ у меня лошадь) умѣетъ читать, — все мать научила, и ужъ какъ пошадется ему газета, гордится-то онъ какъ павлинъ какой-нибудь.

Весь этотъ длинный расказъ старухи о ея дочери убѣдилъ меня въ моемъ предположеніи, что эта босоногая матрона, отличавшаяся такими замѣчательными литературными совершенствами и своей материнской нѣжностью, а въ особенности искусствомъ печенія мансовыхъ пирожковъ, въ совершенствѣ которыхъ скоро я самъ убѣдился, была та самая малютка, которой я и Томасъ обязаны своимъ побѣгомъ въ ту памятную ночь, съ которой начались мои странствованія по сѣверу для отысканія свободы. Чтобы вполне увѣриться въ этомъ, я спросилъ у нея, когда она накрывала для меня столъ въ другой комнатѣ, не помнитъ ли она, какъ много лѣтъ тому назадъ, вѣроятно еще прежде того, когда она училась читать, въ домъ ея матери привели двухъ плѣнниковъ и заперли на ночь въ этой самой комнатѣ? Развивая передъ нею подробности этого происшествія, я могъ легко замѣтить, хотя она ничего не говорила, что она начинала припоминать все. На лицѣ ея выразилось удивленіе. Это лицо нельзя было назвать красивымъ, тѣмъ болѣе что нечесаные волосы, падавшіе вокругъ него, придавали женщинѣ какую-то дикую наружность; но въ этомъ лицѣ было столько доброты, что оно казалось очень привлекательнымъ. Когда я началъ говорить, какъ маленькая дѣвочка осторожно вошла въ комнату, и пока тюремщики спали, перерѣзала веревки у невольниковъ, — на лицѣ ея выразился вмѣсто прежней улыбки тревожный испугъ, и несмотря на всѣ ея усилія сохранить безстрастное выраженіе, легко было замѣтить ея ужасъ, какъ-будто она боялась, что у нея потребуютъ отчета за ея дѣтское великодушіе. Я впрочемъ скоро ее успокоилъ на этотъ

счетъ ; но какъ она удивилась , когда узнала , что я тотъ самый бѣлый невольникъ , котораго она освободила , а еще болѣе — что я имѣю средства и въ свою очередь готовъ сдѣлать все что могу , за то , что она сдѣлала для меня !

Послѣ этого предисловія и увѣреній , что искренно желаю ей добра , я началъ спрашивать о ея домашнихъ дѣлахъ и узналъ , — правда , большею частью отъ старухи , — что мужъ молодой женщины хотя и добрый человекъ , но лѣнивый и недалняго ума , такъ что все семейство поддерживалось только ею . Мужъ уже хотѣлъ переселиться въ другое мѣсто , но старуха была такъ привязана къ своему домашнему очагу , — что я рѣдко видѣлъ въ этомъ классѣ американцевъ , — что не хотѣла идти отсюда , а дочь тоже не хотѣла оставлять свою мать . Повидимому вся цѣль желаній дочери была отдать въ школу своего старшаго сына : она уже выучила его всему , что сама знала . Она заставила его прочесть главу изъ библіи , подаренной разносчикомъ , чтобы я видѣлъ образецъ его познаній ; эту библію , старательно обернутую въ полотно , она вынесла изъ другой комнаты : видно было , что ее очень берегли . Оказалось , что въ сѣдствѣ была такъ-называемая ремесленная школа , куда принимались и пансіонеры , основанная методистами . Мать мальчика также принадлежала къ этой сектѣ и была очень усердная послѣдовательница ихъ ученія . Эта школа назначалась преимущественно для людей недостаточныхъ , которые кромѣ книжнаго образованія могли бы научиться еще какому-нибудь механическому ремеслу , работая по нѣскольку часовъ въ день и въ тоже время уменьшить этимъ плату за свое ученіе и содержаніе . Эта плата , даже безъ вычета за работу , была немного больше ста долларовъ въ годъ ; но хотя моя благотѣтельница , благодаря величайшей экономіи , успѣла собрать , какъ она мнѣ сказала , около тридцати-семи долларовъ , но откуда взять остальные — она и сама не знала , а мальчику нужно было пробыть въ школѣ по крайней-мѣрѣ годъ , да кромѣ того потребовалось бы почти столько же , сколько у нея есть , на то , чтобы снабдить его платьемъ , книгами и всѣмъ необходимымъ .

Я просилъ добрую женщину успокоиться на этотъ счетъ . Мальчикъ , умывшись и одѣвшись , сѣлъ на дрянную лошаденку , принадлежавшую ихъ семьѣ , и мы въ тотъ же день отправились въ школу , которая находилась недалеко отсюда .

Основатель и старшій учитель школы , бывшій проповѣдникъ методистъ , а теперь совершенно посвятившій себя этому новому

занятію, былъ родомъ съ сѣвера. Онъ готовился быть сапожникомъ, но почувствовавши даръ проповѣди, оставилъ свое первое призваніе и послѣ долгихъ странствованій достигъ наконецъ Южной Каролины и сдѣлался однимъ изъ проповѣдниковъ въ этомъ окологдѣ. Правда, была очень большая разница между манерами и образованіемъ этого добраго человѣка (въ его добротѣ я скоро убѣдился) и моего недавняго знакомаго, мистера Тельфера, но оба они очень сходились въ усердіи, энтузіазмѣ и желаніи сдѣлать матерьяльное и нравственное добро; однимъ словомъ я остался вполне доволенъ тѣмъ, что мой protégé попадетъ въ такія руки. Я заплатилъ за годъ впередъ за ученіе и содержаніе, а въ случаѣ если онъ пробудетъ и другой годъ, я оставилъ учителю довѣренность на полученіе денегъ отъ одного чарльстоунскаго купца, который былъ мнѣ долженъ по векселю. Я выразилъ желаніе, чтобы меня увѣдомляли письмомъ объ успѣхахъ мальчика — съ цѣлью сдѣлать впоследствии для него что-нибудь больше, если онъ будетъ этого стоить. Снабдивши мальчика деньгами настолько, чтобы онъ могъ обзавестись книгами и платьемъ, невводя въ издержки своей матери, я отправилъ его домой, а самъ повернулъ къ Чарльстоуну, рѣшившись держаться сколько можно ближе той дороги, по какой я шолъ въ прежнее свое путешествіе этимъ мѣстомъ.

XLIV

Подъѣзжая къ Лузагачи, я увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя нѣсколько человѣкъ верхомъ. Они ѣхали медленно, такъ что я скоро догналъ ихъ. Видъ этой группы очень поразилъ меня, когда я подъѣхалъ поближе: ее составляли двѣнадцать или пятнадцать звѣрообразныхъ бѣлыхъ, на разнаго сорта лошадяхъ, вооруженныхъ саблями и пистолетами, въ платьѣ забрызганомъ грязью, какъ-будто они возвращались изъ какой-нибудь водяной экспедиціи; тутъ же шолъ пѣшкомъ негръ, а возлѣ негра, непуская съ него глазъ, ѣхалъ верхомъ вооруженный съ головы до ногъ бѣлый; негръ держалъ на веревкѣ четыре или пять ужаснѣйшихъ собакъ. Я сей-часъ же узналъ, что это тѣ собаки, которыхъ воспитываютъ и употребляютъ для ловли невольниковъ. Но самый замѣчательный предметъ, на который всѣ присутствовавшіе бросали мрачные, свирѣпыя, но въ тоже время и торжествующіе взгляды, находился посре-

динѣ и нѣсколько впереди. Это было повидимому уже мертвое тѣло бѣлаго человѣка, но на лицѣ мертвеца еще не прошло выраженіе злобы, странно противорѣчившее его мертвенной неподвижности. Забрызганое грязью и изорванное, какъ-будто послѣ недавней битвы, платье было залито кровью; изъ смертельной раны въ груди тоже еще казалось лилась кровь. Тѣло было положено на лошадь, которую велъ негръ; въ его безстрастныхъ и безсмысленныхъ чертахъ я замѣтилъ подавленное выраженіе удовлетвореннаго мщенія, и странно противорѣчили спокойныя лица этого негра и того, который велъ собакъ, съ злобными, бѣшенными взглядами бѣлыхъ!

Возлѣ трупа шагъ за шагомъ ѣхалъ израненный и окровавленный негръ, вѣроятно плѣнникъ, потомучто руки у него были связаны назадъ, а ноги подвязаны подъ брюхомъ лошади. Онъ былъ атлетическаго сложенія, но уже довольно старъ, съ огромной густой бородой; ослабѣвши отъ ранъ, онъ почти падалъ и съ величайшимъ трудомъ держался прямо. Но несмотря на то, что этотъ негръ былъ раненъ и связанъ, что вокругъ бросались на него бѣшеные взгляды и раздавались по временамъ ругательства, его лицо сохраняло угрюмое, гордо вызывающее на бой выраженіе человѣка, давно привыкшаго къ свободѣ. Другой плѣнникъ шолъ пѣшкомъ, привязанный веревкой къ сѣдлу одного изъ бѣлыхъ. Онъ былъ бѣлѣе того, который ѣхалъ, голова и ноги его были обнажены какъ и у того. Одѣтъ онъ былъ очень плохо; ранъ на немъ не было, но вся спина была до крови изрѣзана кнутомъ: казалось, онъ только-что перенесъ жестокое наказаніе. Наружность его выражала мольбу, покорность и страданіе, и тѣмъ еще замѣтнѣе выставляла гордый видъ другого плѣнника.

Подѣхавши къ тому человѣку, который ѣхалъ съ собаками и замыкалъ эту странную кавалькаду, я спросилъ, что такое произошло? По разговору и манерамъ этого человѣка я увидѣлъ, что онъ былъ довольно образованъ, и хотя я нашолъ его въ такой компаніи, принадлежалъ къ болѣе цивилизованному классу. И въ самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ владѣлецъ сосѣдней плантаціи, а теперь вмѣстѣ съ своими друзьями-сосѣдами и еще нѣсколькими людьми изъ простого класса, приглашенными для этого случая, былъ на большой охотѣ за невольниками, а трушъ принадлежалъ его управителю.

Этотъ управитель, говорилъ онъ, былъ строгій, рѣшительный человѣкъ янки, бывший сначала разносчикомъ въ этой сторонѣ, потомъ учителемъ и наконецъ управителемъ. Эти управители, настоя-

щіе янки, удивительно умѣютъ что-называется выжимать работу изъ невольниковъ, и онъ взялъ его собственно съ цѣлью уплатить кое-какіе долги. Но чтобы поддержать репутацію своихъ земляковъ, этотъ управитель Ионатанъ Снапдрагонъ хвасталъ ужъ черезъ край: этотъ годъ цѣна на хлопчатую бумагу очень поднялась; вотъ этотъ янки, чтобы собрать ее побольше, и вздумалъ разработать тѣмъ же числомъ рукъ вдвое больше земли, чѣмъ разрабатывали прежде; а еще болѣе подгадало дѣло то, что сборъ хлѣба и въ прошломъ году былъ плохъ, а въ этомъ его совсѣмъ не было, и потому, удвоивши работу невольниковъ, необходимо было на половину уменьшить ихъ кормъ. Но благодаря щедрымъ ударамъ кнута, на которые янки былъ мастеръ и любилъ-таки ихъ, дѣла шли довольно хорошо до той самой поры, когда три или четыре недѣли усиленной работы должны были окончательно рѣшить что выйдетъ: бумага или бурьянъ? Какъ-разъ въ то время какъ рѣшалась судьба жатвы, когда больше всего необходима была ихъ работа, всѣ лучшіе работники (эдакіе негодяи!) нѣсколько дней тому назадъ въ одну ночь ушли въ лѣсъ и оставили управителя съ одними женщинами, дѣтьми и больными: пусть управляется какъ хочетъ съ бурьяномъ!.. еще тогда, — прибавилъ мой разговорчивый плантаторъ съ самымъ огорченнымъ видомъ, какъ-будто рассчитывая на полное мое сочувствіе, — когда хлопка стоила уже шестнадцать пенсовъ за фунтъ и обѣщала быть еще дороже къ тому времени, какъ подойдетъ время сбора!

Между тѣмъ въ нашей сторонѣ лѣтъ уже двадцать или болѣе поселился ко вреду всей стороны бѣглый негръ. Въ народѣ его знаютъ подъ именемъ Тома-дикаря. Онъ принадлежалъ, какъ думаютъ, генералу Картеру, богатому чарльстоунскому плантатору, который давно обѣщаль тысячу долларовъ награды тому, кто его доставитъ живого или мертвого. Исторія такая была: этотъ негръ убѣжалъ изъ рисовой плантаціи генерала Картера недалеко отсюда, убивши управляющаго за то, что тотъ выпоролъ его жену, и онъ же, говорятъ, по злобѣ и бѣшеному мщенію, зажигалъ разъ пять или шесть впродолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ дорогія рисовыя мельницы генерала Картера.

Какъ ни старались схватить этого разбойника, сколько ни придумывали замысловатыхъ плановъ, чтобы поймать его, но все до сихъ поръ не удавалось, а кому приходилось встрѣчаться съ нимъ, тотъ не возвращался безъ тяжелыхъ ранъ. У него вѣрно было много спрятковъ, разсѣянныхъ на значительномъ пространствѣ; вотъ онъ,

смотря по надобности, и перебѣгалъ отъ одного мѣста къ другому и такимъ образомъ спасался отъ всѣхъ попытокъ поймать его ; когда же преслѣдованіе становилось слишкомъ горячо , онъ какъ-будто исчезалъ на цѣлые мѣсяцы , а иногда на годъ и на два, и потомъ снова являлся тогда , когда его менѣе всего ждали и желали. Если бы онъ ограничивалъ свои грабежи только доставленіемъ необходимыхъ средствъ для содержанія себя и шайки своихъ союзниковъ, это бы еще небольшая важность ; но подозрѣваютъ , что онъ имѣлъ тайныя сношенія почти со всѣми сосѣдними плантаціями и такимъ образомъ подстрекалъ невольниковъ къ непослушанію и бунту ; онъ же былъ предводителемъ бѣглыхъ и доставлялъ имъ содержаніе.

Недавно видѣли , какъ этотъ самый Томъ-дикарь скрывался по сосѣдству и подозрѣвали , что послѣднее бѣгство значительнаго числа невольниковъ совершилось не безъ его помощи и содѣйствія ; вотъ и подумали , что гораздо легче найти и схватить его теперь , когда двѣнадцать или двадцать неопытныхъ и неловкихъ негровъ служатъ ему только затрудненіемъ , чѣмъ тогда , когда съ нимъ двое или трое вѣрныхъ , опытныхъ и рѣшительныхъ сподвижниковъ. По крайней-мѣрѣ такъ предполагали , потому что все что доходило о Томѣ , было скорѣе предположеніемъ , чѣмъ положительнымъ извѣстіемъ. Для моего новаго знакомаго плантатора , отъ котораго я получилъ всѣ эти свѣдѣнія и слушалъ ихъ съ большимъ участіемъ съ тѣхъ поръ какъ онъ упомянулъ о Томѣ , отыскать своихъ невольниковъ было дѣломъ такъ-сказать жизни и смерти , то-есть въ денежномъ отношеніи : отъ этого зависѣлъ если не весь сборъ , то половина его , и еще въ то время , какъ хлопка была восемь пенсовъ за фунтъ и обѣщала быть еще дороже. Свободныхъ работниковъ нѣтъ въ этой части страны , нанять другихъ невозможно было въ это время года , потому что всѣ работники на каждой плантаціи заняты отчаянною борьбой съ бурьяномъ и почти на всякой плантаціи число рабочихъ рукъ уменьшается отсутствіемъ нѣсколькихъ отчаянныхъ головъ , которыя положили себѣ за правило именно въ это время года проводить лѣтнія вакаціи въ лѣсахъ , рискуя быть пойманными и вытерпѣть самое жестокое наказаніе изъ-за удовольствія провести въ уединеніи лѣсовъ нѣсколько недѣль именно въ то время года , когда бываетъ жатва. Въ этомъ случаѣ они очень походятъ на многихъ изъ своихъ господъ , которые , какъ только наступаетъ это жаркое и нездоровое время , имѣютъ привычку оставлять на нѣсколько недѣль свои плантаціи и бѣжать какъ настоящіе бѣ-

глые въ Филadelphію, Ньюйоркъ, Саратогу, выставля себя на удивленіе и восторгъ любопытнымъ янки, разыгрывая роль набобовъ и миліонеровъ, хотя они вполнѣ увѣрены, что остальную часть года имъ придется поститься дома и такъ же трепетать кредиторовъ, ареста и публичной продажи, какъ ихъ несчастные невольники трепещутъ кнута. Въ такой крайности мой новый знакомый назначилъ значительную премію за поимку своихъ бѣглыхъ; къ этому нужно прибавить настоящую премію, которая была назначена за поимку Тома-дикаря, и еще преміи, назначенныя другими сосѣдними плантаторами за поимку своихъ бѣглыхъ: число бѣглыхъ негровъ этотъ годъ особенно увеличилось по случаю недостатка въ хлѣбѣ и большихъ посявовъ хлопки, произведенныхъ плантаторами вслѣдствіе высокой цѣны на нее. Съ этой-то цѣлью была назначена большая охота, состоявшая приблизительно изъ ста человекъ плантаторовъ, управителей, праздношатающихся, бѣдныхъ бѣлыхъ, четырехъ или пяти *ловцовъ негровъ* по ремеслу и множества своръ собакъ. Всѣ охотники вооружились съ ногъ до головы и приготовились обыскать сосѣднія болота, въ которыхъ обыкновенно укрывались бѣглые, проводя день во снѣ, а ночью выходя оттуда, чтобы добыть себѣ что-нибудь изъ стада или увидѣться съ друзьями или жонами, оставшимися на плантаціяхъ. Время года въ самомъ дѣлѣ благоприятствовало для охоты: необыкновенная засуха осушила болота на значительное пространство и сдѣлала ихъ гораздо доступнѣе чѣмъ прежде.

Вслѣдствіе этого вся компанія раздѣлилась на пять или на шесть отрядовъ; каждый изъ нихъ долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно; въ каждой партіи была своя стая собакъ. Я попалъ на одну изъ нихъ, то-есть не на собакъ, а на людей. Какой былъ успѣхъ другой партіи, мой собесѣдникъ не могъ сообщить мнѣ. Изъ того, что было предо мною, я могъ судить, что счастье этой партіи раздѣлилось на обѣ стороны. Имъ было назначено обыскать небольшое, но почти неприступное по необыкновенной глубинѣ грязи и воды болото: во многихъ мѣстахъ оно было выше человеческого роста. Среди этого болота находился небольшой островокъ твердой земли, который слылъ любимымъ убѣжищемъ Тома-дикаря; предполагалось, что онъ одинъ знаетъ самый удобный путь къ нему. За полторы мили отъ болота собаки напали на того изъ плѣнниковъ, который былъ освѣтлѣ лицомъ; онъ нашелъ его въ густой травѣ, гдѣ онъ думалъ отъ нихъ укрыться. Такъ какъ охотники были близко, то собакамъ

не дали разорвать негра и схватили его неизраненного. Грязь, покрывавшая ноги и скудные обрывки одежды негра, показывала явные слѣды, что онъ недавно возвратился съ болотнаго островка, предмета обысковъ этой партіи. Его обвинили въ этомъ, но онъ притворился, что ничего не знаетъ о существованіи островка и даже самаго болота. Когда у него спросили, откуда и чей онъ, онъ отвѣчалъ, что бѣжалъ изъ одной рисовой плантаціи недалеко отсюда, что онъ недавно блуждаетъ здѣсь по совершенно незнакомымъ ему, какъ онъ увѣрялъ, мѣстамъ и умираетъ съ голода, потому что уже съ недѣлю почти ничего не ѣлъ, — чему трудно было повѣрить, судя по его полному, здоровому лицу. Онъ признавался, что слышалъ о Томъ-дикарѣ, который въ самомъ дѣлѣ игралъ роль во всѣхъ бѣлыхъ и черныхъ легендахъ здѣшней стороны, но положительно отказывался отъ того, чтобы когда-нибудь его видѣлъ или зналъ что-нибудь о другихъ бѣглыхъ. Но эти увѣренія показались неудовлетворительными: его привязали къ дереву и пороли до тѣхъ поръ, пока онъ лишился чувствъ; но умоляя о пощадѣ, онъ все-таки утверждалъ, что говоритъ правду и больше ничего не можетъ сказать.

Такъ какъ этотъ опытъ не удался, то его поставили на пень унавашаго дерева, обвязали шею веревкой, которую прикрѣпили къ вѣткѣ повыше, угрожая повѣсить его, если онъ не признается. Но онъ все настаивалъ на своемъ. Тогда одинъ изъ охотниковъ столкнулъ его и несчастному невольнику дали задохнуться до того, что лицо его почернѣло. Тогда его опять посадили на пень, распустили веревку и велѣли двумъ или тремъ невольникамъ изъ партіи охотниковъ поддержать его. Когда онъ началъ приходить въ себя, то отъ страха ли смерти, или отъ прилива всей крови къ черепу, произшедшей безпорядокъ мыслей и потерю самообладанія, онъ признался добровольно, что онъ только-что возвратился съ островка, что Томъ-дикарь тамъ, но сказалъ, что не знаетъ ничего о другихъ бѣглыхъ и никого изъ нихъ нѣтъ съ нимъ.

Надежда поймать знаменитаго разбойника, приобрѣсть такимъ образомъ славу, оказать услугу обществу — неговоря о тысячѣ долларовъ награды — произвела сильное впечатлѣніе на охотниковъ; но до тѣхъ поръ пока не убѣдились изъ дальнѣйшихъ распросовъ у плѣнника, что этотъ страшный разбойникъ не имѣетъ при себѣ ни пистолета, ни ружья, никакого огнестрѣльнаго оружія, ничего кромѣ ножа, они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы напасть на него: такъ объяснилъ мнѣ плантаторъ, понижая голосъ

и бросая значительный взгляд съ выразительной улыбкой на двухъ или трехъ самыхъ звѣрообразныхъ господъ изъ этой кавалькады. Въ особенности же одинъ изъ охотниковъ бросалъ повременамъ свирѣпыя взгляды на плѣнника, сидѣвшаго на лошади, и повидимому съ трудомъ удерживался, чтобы не броситься на него.

Чтобы дѣло было вѣрнѣе, восемь или десять охотниковъ на лошадахъ были разставлены вокругъ болота вмѣстѣ съ собаками (кромя одной), между тѣмъ какъ пять или шесть самыхъ сильныхъ и рѣшительныхъ предложили проникнуть во внутрь острова и взять его штурмомъ. Плѣннику навязали веревку на шею, другой конецъ которой былъ обязанъ вокругъ пояса сильнѣйшаго изъ партіи, и заставили служить проводникомъ. Хотя онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ о берегахъ острова, но ему угрожали смертью, если онъ не доведетъ ихъ туда скоро и безопасно. Негръ, по незнанію или нарочно, завелъ ихъ въ очень глубокую воду, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была имъ по шею, такъ что охотники принуждены были идти въ бродъ, поднявши надъ головой ружья и пороховницы. Какъ только стали подходить къ острову, негръ, несмотря на всѣ усилія заставить его замолчать, началъ кричать, какъ-будто объясняя дорогу, но въ сущности, какъ подозрѣвали, съ намѣреніемъ дать знать своему товарищу. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ эта партія достигла берега, Томъ уже былъ предупрежденъ и съ другой стороны острова бросился въ воду. Онъ уже былъ довольно далеко, прежде чѣмъ его увидѣли, и какъ онъ укрывался за большими деревьями болота, то нѣсколько выстрѣловъ не попали въ него. Охотники бросились по свѣжимъ слѣдамъ за нимъ, между тѣмъ какъ бѣглець, одушевленный опасностью, съ усиленной энергіей пробивался сквозь тину, пока достигъ твердой земли по другую сторону болота. Но здѣсь онъ встрѣтилъ новую опасность: его увидѣлъ одинъ изъ часовыхъ, разставленныхъ вокругъ болота, и въ то время когда онъ бѣжалъ какъ олень между сосенъ, ружейная пуля задѣла ему ребро и хотя онъ не упалъ, но эта рана физически замедлила скорость его бѣгства. Четыре или пять человекъ верхомъ поскакали по его слѣдамъ; Снапдрагонъ, управитель, предводитель партіи, скоро нагналъ бѣглеца, потребовалъ (безъ успѣха впрочемъ), чтобы тотъ сдался, выстрѣлилъ изъ обоихъ пистолетовъ, но только ранилъ его, спрыгнувъ съ лошади и успѣлъ схватить его. Снапдрагонъ былъ силенъ, но здѣсь онъ встрѣтилъ равнаго себѣ противника. Томъ-дикарь, если только это былъ онъ, ослабѣвшій и израненый схватилъ его

въ охабку и въ то время какъ они покатались на землю, ножъ негра скоро нашолъ дорогу къ сердцу управителя. Но уже остальные охотники съ собаками окружили негра, и прежде чѣмъ онъ могъ высвободиться, его схватили и крѣпко связали. Когда вся партія охотниковъ собралась, то нѣкоторые изъ самыхъ ярыхъ предложили убить новаго плѣнника на мѣстѣ, чтобы отмстить за смерть управителя; но удовольствіе и слава похвастаться и выставить напоказъ свою добычу, а также и необходимость доказать, что это бѣглый невольникъ генерала Картера, чтобы получить обѣщаную награду, — не допустили такъ скоро рѣшить это дѣло и положено было поспѣшить въ ближайшее селеніе, гдѣ находилось присутственное мѣсто этого графства, чтобы посадить плѣнниковъ въ тюрьму.

Мы уже были недалеко отъ мѣста засѣданія суда графства. Это селеніе оказалось болѣе обыкновеннаго и изъ него, какъ будто заранѣе предупрежденная о нашемъ приходѣ, вышла намъ навстрѣчу самая разнообразная толпа всѣхъ цвѣтовъ — бѣлаго, смуглаго, чернаго; всѣхъ возрастовъ — отъ дѣтей, еле умѣющихъ ходить, до старыхъ, совершенно сѣдыхъ негровъ, опирающихся на костыль; во всевозможныхъ одеждахъ: тутъ были и хорошо одѣтые всадники на прекрасныхъ лошадяхъ, и маленькіе, совершенно голые негрены на палочкахъ верхомъ, которые кричали и шумѣли точно чертенята.

Это было великое событіе для городка Эглинтона: недавно пріѣхали туда, кромѣ этой, еще три или четыре партіи охотниковъ и всѣ не безъ добычи. Подъѣхавши къ тюрьмѣ (это было небольшое деревянное кирпичное зданіе, въ которомъ была всего одна комната въ десять или двѣнадцать квадратныхъ футовъ съ однимъ маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ, изъ котораго далеко разносилась вонь и духота), мы нашли ее биткомъ набитою пойманными неграми. Нѣкоторые изъ нихъ были опасно ранены и всѣ свалены въ одну кучу въ этой черной труппѣ; тутъ же находились и двѣ бѣглыхъ женщины, посаженные за воровство. Невольники должны были оставаться здѣсь, пока не явятся ихъ владѣльцы и не уплатятъ обѣщаной за поимку преміи и кромѣ того извѣстный налогъ, опредѣленный законами въ такихъ случаяхъ.

Чтобы отдохнуть отъ трудовъ и достойно помянуть свои подвиги, доблестные охотники за людьми начали угощать себя щедрыми порціями персиковой водки и виски. Въ эту же таверну привесли

тѣло управителя и положили на столъ. Видъ трупа скоро привелъ собесѣдниковъ въ совершенное бѣшенство.

Такъ какъ ужь положительнѣ невозможно было втолкнуть ни одного плѣнника въ тюрьму, то вновь приведенныхъ тою партией, съ которой я прѣхалъ, сковали по рукамъ и ногамъ и прикрѣпили тяжелой цѣпью къ желѣзнымъ полосамъ тюремнаго окошка.

Съ величайшимъ трудомъ я пробрался сквозь толпу негровъ и бѣлыхъ, обступившихъ тюрьму. Силясь подавить свое волненіе, я подошелъ къ тому, котораго принимали за Тома-дикаря. Я пристально взглянулъ на него: Томасъ много измѣнился, но я все-таки узналъ черты, слишкомъ глубоко врѣзавшіяся въ моей памяти, чтобы когда-нибудь забыть ихъ, черты моего земляка и друга двадцать лѣтъ тому назадъ. Я ждалъ этой встрѣчи; но какъ мучительно жалось мое сердце, когда я узналъ его, а необходимо было скрыть свои чувства, и я сказалъ ему довольно спокойно нѣсколько словъ. По моему тону и глазамъ онъ понялъ, что я сочувствую ему, и на минуту лицо его оставило то гордо вызывающее на бой выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на толпу, какъ левъ, пойманный въ сѣть: онъ кротко, умоляющимъ голосомъ попросилъ у меня воды. Общаніемъ полудоллара я убѣдилъ одного негра принести большую тыкву, наполненную водой, но какъ-разъ въ ту минуту, когда раненый невольникъ медленно поднималъ ее своими скованными руками и медленно поднесъ ко рту, какой-то бѣлый, хорошо одѣтый, ударилъ налкой по тыквѣ и отбросилъ ее на землю. Я не могъ удержаться, чтобы не высказать моего негодованія при видѣ этой безсмысленной жестокости, но человекъ съ палкой обратился ко мнѣ и съ цѣлымъ потокомъ ругательства спросилъ, кто я и какъ смѣю заботиться о удобствахъ этого проклятаго негра, злодѣя и убійцы, и когда при этомъ глаза всей компаніи обратились на меня какъ на иностранца, мое положеніе сдѣлалось очень неловко.

Но въ эту самую минуту раздался крикъ у дверей таверны, за нимъ послѣдовала сильная драка, и толпа повидимому раздѣлилась на двѣ партіи, что отвлекло туда и все общество, собравшееся возлѣ плѣнниковъ; здѣсь остался только негръ, приносившій воду, чтобы напомнить мнѣ о полудолларѣ. Пообѣщавши дать ему еще столько же, я досталъ другую тыкву воды, изъ которой уже безпрепятственно могъ утолить свою лихорадочную жажду мой несчастный другъ. Отдавая пустую тыкву, онъ съ признательностью взгля-

нулъ на меня. Благодарю бога, что я хоть это могъ сдѣлать для него въ его ужасномъ положеніи!

Хотя я не могъ помочь Томасу, но я чувствовалъ непреодолимое желаніе, чтобъ онъ узналъ меня: я зналъ, что для этой благородной, высокой души будетъ утѣшеніемъ въ его тяжолыхъ страданіяхъ и то, что его старый другъ и товарищъ счастливъ. Я подошелъ къ нему и взявши за руку, шопотомъ сказалъ: «Томасъ! узнаешь-ли ты меня? Вспомни Лузагачи! Вспомни Анну, какъ ее убили и какъ ты на ея могилѣ поклялся отомстить за нее! Вспомни Мартина, управителя, какъ мы зарыли его вмѣстѣ съ собакой! Вспомни нашу разлуку, какъ я пошелъ на сѣверъ, а ты на югъ! Я Арчи; узнаешь ли ты меня?» Какъ онъ пронзительно взглянулъ на меня, когда я началъ говорить и какъ пожиралъ меня глазами во все продолженіе моей рѣчи!.. Я тоже измѣнился болѣе, чѣмъ онъ, но, еще не называя себя, я уже увидѣлъ, что онъ узналъ меня. Но въ ту же минуту онъ отворотился: лучъ радостнаго удивленія, освѣтившій на минуту черты его лица, исчезъ и онъ снова принялъ то мрачное, вызывающее выраженіе, которое какъ-будто говорило его гонителямъ: «дѣлайте что хотите — я на все готовъ!..»

Въ эту минуту я почувствовалъ, что кто-то грубо схватилъ меня за плечо, и тотъ же господинъ (я узналъ его голосъ), который выбилъ тыкву съ водой изъ рукъ Томаса, закричалъ съ бранью: «Какого чорта вы толкуете съ этимъ убійцей? Эй, господинъ иностранецъ! говорю вамъ, что вы не выйдете, не давши отчета въ вашихъ поступкахъ!» Въ то же время нѣсколько человекъ бросились къ Томасу, и отрѣзавши цѣпи отъ рѣшетки окна, повели его къ дверямъ таверны. Одну сторону сражавшихся составляла самая пьяная и неистовая часть общества, пришедшая въ ярость при видѣ трупа управителя и желавшая тутъ же совершить судъ и казнь надъ Томасомъ; къ другой принадлежали желавшіе обождать ирландскаго генерала Картера, за которымъ уже послали, и отложить рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока будетъ доказано, что это настоящій Томъ-ликаръ, собственность генерала Картера, потому что иначе трудно будетъ получить обѣщанную награду. Но болѣе пьяная и ожесточенная партія взяла перевѣсъ. Тотчасъ составилось засѣданіе изъ трехъ землевладѣльцевъ тутъ-же на мѣстѣ, и Томаса, окружнаго бѣлой и черной толпой, потащили предъ это верховное судилище. За мной тоже слѣдили какъ за подозрительнымъ лицомъ и уже было объявлено, что мной займутся тотчасъ по окончаніи суда надъ негромъ.

— Кому ты принадлежишь? — былъ первый вопросъ, предложенный достопочтеннымъ судилищемъ плѣннику.

— Я принадлежу, отвѣчалъ торжественно Томасъ, — Богу, сотворившему насъ всѣхъ!

Этотъ отвѣтъ былъ приятъ одними съ удивленіемъ, другими же со смѣхомъ, который еще усилился при выходкѣ одного изъ судей.

— Богу!.. А я думалъ, скорѣе чорту, который скоро и возьметъ тебя!

На повторенные вопросы, чей онъ, Томасъ постоянно отвѣчалъ, что онъ свободенъ, причемъ тотъ же остроумный судья возбуждалъ новый смѣхъ публики, потребовавъ отъ Томаса, чтобы тотъ показалъ свои бумаги.

По выслушаніи одного или двухъ свидѣтелей, судъ обвинилъ Томаса въ убійствѣ управляющаго и съ насмѣшливою торжественностью спросилъ, не имѣеть-ли онъ чего-нибудь сказать противъ смертной казни, къ которой онъ будетъ приговоренъ?

— Исполняйте ее, сказалъ съ негодованіемъ обвиненный: — вѣшайте, убивайте меня, дѣлайте что хотите! Лучшіе годы моей жизни я провелъ въ рабствѣ; жену мою застрѣли до смерти предъ моими глазами. Когда я сталъ свободнымъ, вы охотились за мной съ собаками, стрѣляли въ меня изъ ружей и оцѣнили мою голову; долго я смѣялся надъ вами и платилъ вамъ вашей же монетой: сегодняшній бѣлый не первый, кому пришлось тяжело бороться со мною! Выходите на меня по одному, по два, по три—и я васъ всѣхъ перебью; но цѣлой дюжины васъ съ оружіемъ, верхомъ, съ собаками на прибавокъ, было одишкомъ много для одного бѣднаго негра, у котораго только и были ноги, руки да ножъ. Не всегда было бы многу и дюжины, но я старѣю; а лучше умереть теперъ, когда у меня еще есть силы и мужество не бояться васъ, чѣмъ попасть въ ваши руки старымъ и хилымъ...

Эти вызывающія слова привели плантаторовъ и управляющихъ въ дьявольское бѣшенство.

— Повѣсить — мало для него! закричали нѣкоторые изъ нихъ, и въ ту же минуту раздался страшный крикъ: «сжечь его, сжечь его!»

Едва предложена была эта ужасная мысль, какъ нашлись охотники привести его въ исполненіе. Напрасно я, и еще двое или трое изъ наймавшихъ Томаса, въ томъ числѣ и плантаторъ, во-

лѣ котораго я ѣхалъ и который расказагь мнѣ всю исторію, протестовали противъ этой ужасной и беззаконной жестокости. Пьяное негодное животное, которое выбило воду изъ рукъ Томаса, поддерживало и защищало это новое звѣрство. «Въ странѣ, наполненной аболиціонными возмутителями, изъ которыхъ нѣкоторые—прибавилъ онъ, бросая злобный взглядъ на меня—имѣли сношенія съ этимъ разбойникомъ, необходимо показать примѣръ на немъ, когда онъ находится въ нашей власти. Этотъ Томъ-дикарь нѣсколько лѣтъ былъ предметомъ ужаса для всей окрестности; между невольниками ходять рассказы о его подвигахъ, надѣлавшіе уже много зла и очень можетъ быть, что они произведутъ подражателей. Слѣдовательно необходимо противоборствовать этому впечатлѣнію и внушить другимъ страхъ и ужасъ!»

Скоро была положена куча хворосту и посрединѣ ея поставилъ жертву мщенія негровладѣльцевъ.

Потомъ зажгли хворостъ и пламя закружилось надъ головой Томаса. Но, все-таки не побѣжденный, онъ съ улыбкой гордаго презрѣнія смотрѣлъ на своихъ бѣсновавшихся палачей...

Я не могъ вынести этой сцены и попробовалъ пробиться сквозь толпу, чтобы убѣжать, но за мной слѣдили и меня тотчасъ же поймали и по приказанію самопроизвольно поставленнаго церемоній-мейстера этого ужаснаго торжества привели къ самому костру, такъ-какъ я былъ одинъ изъ тѣхъ, на кого должно было спасительно подѣйствовать зрѣлище такой казни.

Томасъ сквозь пламя узналъ меня—покрайней-мѣрѣ я такъ думаю—и протянулъ свою руку, какъ бы прощаясь со мной...

О, какъ страшна была агонія этой минуты! Могъ ли бы я страдать болѣе, еслибы самъ стоялъ на мѣстѣ моего друга?! Сердце у меня разрывалось; вся кровь бросилась въ голову... Силы человѣческія не могли вынести этого: я упалъ безъ чувствъ на землю...

XLV

Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ на постелѣ и меня окружали четыре или пять негритянокъ, подававшія мнѣ различныя пособія. Когда я открылъ глаза, онѣ вскрикнули отъ радости.

Послѣ я узналъ, что во время моего обморока очень заботливо обыскали мои карманы и сѣдло, надѣясь найти какія-нибудь доку-

зательства, которыя бы подтвердили подозрѣнія, возбужденныя моимъ сочувствіемъ къ Томасу.

Но единственныя бумаги, какія нашлись у меня; были рекомендательныя и кредитивныя письма, адресованныя изъ Ливерпуля въ лучшіе торговые дома въ Чарльстоунъ и Нью-Орлеанъ, гдѣ меня описывали англичаниномъ, путешествующимъ по Америкѣ частью по своимъ дѣламъ, а частью для своего удовольствія.

По представленіи и публичномъ прочтеніи этихъ писемъ, мнѣнія на мой счетъ раздѣлились у верховныхъ судей, засѣдавшихъ въ Эглинтонъ и дѣйствовавшихъ относительно меня въ качествѣ попечительнаго комитета, облеченнаго полною властью: а на моихъ глазахъ были ужасные примѣры, какъ далеко простиралась эта власть.

Для тѣхъ, кто былъ поглубже, одинъ фактъ, что я англичанинъ, уже служилъ подтвержденіемъ тому, что я аболиціонистъ и заговорщикъ; кувшинъ съ водой, доставленный по моему настоянію Томасу, для многихъ казался очень подозрительнымъ обстоятельствомъ; слова мои, сказанныя тайно одному Томасу, и то, что мы какъ будто понимали другъ друга, — все это сильно увеличивало обвиненія противъ меня. Мой протестъ противъ мучительной казни составляли какъ самое лучшее доказательство наглаго заступничества, тѣмъ болѣе, что это было сдѣлано англичаниномъ.

Тотъ самый негодяй, который два раза помѣшалъ мнѣ говорить съ Томасомъ и былъ причиною, что меня схватили какъ подозрительнаго человѣка, теперь явился моимъ главнымъ обвинителемъ. Онъ съ жаромъ доказывалъ, что я должно-быть уполномоченный отъ англійскихъ аболиціонистовъ, а можетъ-быть и отъ самого англійскаго правительства, посланный съ цѣлью произвести возстаніе невольниковъ; а судя по тому, что было между мной и Томомъ дикаремъ, я вѣроятно имѣлъ сношенія съ этимъ опаснымъ разбойникомъ, а потому его мнѣніе — что для сохраненія общественной безопасности меня нужно по крайней-мѣрѣ хорошенько отпороть и выгнать вонъ изъ этого графства.

Это предложеніе было встрѣчено съ явнымъ одобреніемъ и только заступничество плантатора, съ которымъ я познакомился дорогой, спасло меня отъ этого позора. Такъ какъ я съ нимъ пріѣхалъ въ Эглинтонъ, то онъ считалъ себя нѣкоторымъ образомъ обязаннымъ оказывать мнѣ покровительство и потому съ жаромъ защищалъ мою сторону. Я встрѣтился съ нимъ совершенно случайно

(такъ доказывалъ онъ); моя же помощь кровожадному убійцѣ, назъ которымъ была совершена справедливо примѣрная казнь, была только порывомъ необдуманнаго великодушія: нельзя же предполагать, чтобы иностранецъ и тѣмъ болѣе англичанинъ могъ исполнѣтъ понимать ихъ чувства. Принимая всѣ мѣры, способствующія къ уничтоженію и наказанію всякаго вмѣшательства во внутреннія учрежденія юга, за которыя никто не стоитъ такъ горячо какъ онъ, нужно все-таки не выходить изъ границъ благоразумной осторожности. Еслибы я былъ сѣверный уроженецъ, то можно бы поступить со мной какъ угодно, даже съечь меня живымъ, какъ они совершенно справедливо поступили съ «Ниромъ»: этихъ жалкихъ янки можно съечь, бить, какъ угодно напазывать за дѣло и безъ дѣла, насколько неопасаясь за это разрыва съ сѣверными штатами, потому что разрывъ повредитъ ихъ же торговлѣ съ югомъ. Но затронуть англичанина другое дѣло: Англія не позволитъ безнаказанно обижать своихъ подданныхъ. Изъ моихъ писемъ видно было, что у меня есть и друзья и деньги, и слѣдовательно можно подвергнуться отвѣтственности за всякое незаконное насиліе, слѣланное мнѣ. Безъ сомнѣнія сѣверные штаты могутъ отдѣлать англичанъ, какъ они отдѣлали ихъ въ послѣднюю войну; но все-таки въ томъ возбужденномъ состояніи умовъ, въ какомъ находились невольники, нельзя было желать войны съ Англіей. — Таково-то, какъ я узналъ послѣ, было содержаніе рѣчи моего друга плантатора, которою онъ спасъ меня изъ когтей комитета общественной безопасности. Еслибы онъ или комитетъ подозрѣвали настоящую исторію, — не такъ бы это окончилось!

Въ то время, когда происходили эти споры, меня, все еще безчувственнаго, перенесли въ таверну, гдѣ негритянки съ своей обычной добротой позаботились, какъ я уже сказалъ, привести меня въ чувство. Скоро явился и мой другъ плантаторъ. Увидя, что я не въ состояніи продолжать свое путешествіе, и зная, что въ тавернѣ и по сосѣдству все еще продолжалось шумное пьянство, такъ что дальнѣйшее пребываніе здѣсь могло не только повредить моему здоровью, но даже было бы не безопасно для меня, онъ настоялъ на томъ, чтобы я переѣхалъ къ нему. Въ моемъ затруднительномъ положеніи я съ радостью принялъ это предложеніе и спустя дня три или четыре силы мои мало-помалу возвратились и я совершенно оправился.

Хозяинъ мой, неподорѣвая пзочему я такъ живо соболѣзновалъ

о смерти Томаса, очень удивился, что этот случай произвел такое сильное впечатлѣніе на меня и не могъ иначе объяснить себѣ этого, какъ только тѣмъ, что здѣсь участвовалъ страхъ за собственную безопасность. Поэтому онъ истощилъ все свое краснорѣчіе какъ для того, чтобы лично успокоить меня, такъ и для того, чтобы защитить репутацію южныхъ штатовъ отъ тѣхъ заключеній, какія я могъ необдуманно вывести. Онъ клялся честью, что такія сцены, какой я былъ свидѣтелемъ, нельзя никакъ считать обычнымъ ходомъ дѣла: нужно, чтобы звѣрскій поступокъ какого-нибудь негра ужъ въ высшей степени возбудилъ народное негодованіе, чтобы оно выразилось такъ, какъ я видѣлъ. Но все-таки жечь живыхъ людей было совершенно исключительное обстоятельство. Ему не встрѣчалось болѣе двухъ или трехъ подобныхъ примѣровъ и то они вызваны были какимъ-нибудь ужаснымъ преступленіемъ, какъ на примѣръ убійство бѣлаго человека или похищеніе бѣлой женщины. Онъ надѣялся, что я настолько наивенъ, чтобы согласиться съ тѣмъ, что небольшое число подобныхъ примѣровъ не могли серьезно помѣшать южнымъ штатамъ стоять въ ряду самыхъ цивилизованныхъ христіанскихъ государствъ. Дѣло въ томъ, что эти негры такіе неукротимые дикари, что необходимы по временамъ подобные примѣры, чтобы внушить имъ спасительное чувство страха. Я былъ не въ такомъ расположеніи духа, чтобы поддерживать споръ съ выгодой для себя; кромѣ того, несмотря на доброту моего хозяина лично ко мнѣ, я скоро узналъ, въ чемъ уже могли убѣдить меня тѣ обстоятельства, при которыхъ произошла наша первая встрѣча — что его невозможно было увѣрить во вредъ и несправедливости рабства; и потому, припомнивши евангелскую заповѣдь: «не мечи бисера передъ свиньями», я только далъ ему замѣтить, что вполне согласенъ съ нимъ, что Америка — великая страна, но въ ней принято охотиться за людьми и жечь негровъ: а это какъ-то неладится съ моими англійскими понятіями о цивилизаціи и христіанствѣ. На это мой хозяинъ снисходительно улыбнулся и махнулъ рукой и замѣтилъ, очевидно желая защитить и оправдать мою ересь, что Джонъ-Буль имѣетъ очень странныя предразсудки въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Это взаимное объясненіе произошло вскорѣ послѣ пріѣзда въ домъ плантатора. Отчаявшись убѣдить меня точно также, какъ я отчаялся произвѣсти какое-нибудь впечатлѣніе на него, онъ совершенно оставилъ эту тему и все время, пока я жилъ у него, мы говорили только о постороннихъ предметахъ. Какъ только я былъ въ

состояніи ѣхать верхомъ, такъ снова пустился въ путь. При отъѣздѣ мой хозяинъ дружески мнѣ совѣтовалъ поосторожнѣе выражать мои англійскіе предразсудки: — «Когда вы путешествуете по Турціи, — сказалъ онъ, незамѣчая какъ мало дѣлаетъ чести Южной Каролинѣ подобнымъ сравненіемъ, — самое лучшее дѣлать то что дѣлаютъ турки, или по крайней-мѣрѣ не мѣшать туркамъ дѣлать какъ они хотятъ, безъ всякихъ замѣчаній.»

XLVI

Пріѣхавши въ Чарльстоунъ безъ особенныхъ приключеній, я отправился отыскивать тѣхъ негоціантовъ, къ которымъ у меня были довѣрительныя письма. Войдя въ ратушу, я нашолъ тамъ еще одного иностранца. По разговору и манерамъ я тотчасъ же узналъ въ немъ капитана какого-нибудь купеческаго корабля. Онъ что-то объяснялъ съ большимъ жаромъ и какъ-будто жаловался на какое то оскорбленіе. Изъ его разговора я узналъ, что корабль его изъ Бостона въ штатѣ Массачусетсъ, что въ то время какъ они отправились въ Гаванну, ихъ застигла буря и они принуждены были заѣхать въ Чарльстоунъ для починки корабля. Его поваръ и неменѣе пяти матросовъ изъ восьми, бывшихъ на бригѣ, были цвѣтныя; всѣ они, по словамъ капитана были изъ Массачусетса, родились на мысѣ Кадъ и никогда еще лучшіе моряки не всходили на палубу.

Этихъ-то цвѣтныхъ людей (такъ жаловался капитанъ въ своихъ рѣзкихъ выраженіяхъ) схватили съ его корабля и посадили въ тюрьму, и онъ желалъ знать отъ чарльстоунскихъ негоціантовъ, которые вѣроятно были корреспондентами его арматоровъ, нельзя ли получить удовлетвореніе за это оскорбленіе, которое вредило ему и обижало его людей.

— Какъ же, сказалъ тотъ негоціантъ, къ которому онъ относился, выразительно улынувшись своему товарищу и бросая злобный взглядъ на капитана, — я слышалъ, что только-что пріѣхалъ комиссаръ изъ Массачусетса, назначенный правительствомъ этого штата по рѣшенію законодательной власти, дать законный исходъ дѣлу о захваченныхъ цвѣтныхъ матросахъ? Комиссаръ остановился въ такой-то гостиницѣ (и онъ называлъ именно ту, въ которой я стоялъ), если только онъ уже не уѣхалъ, потомучто всѣмъ содержателямъ гостиницъ запрещено принимать его. Самое лучшее вамъ

обратиться къ нему, только поскорѣе, иначе вы его не застанете. Это именно такой человѣкъ, котораго вамъ нужно и ваше дѣло собственно до него касается; постарайтесь увидѣться съ нимъ и отъ него узнать что могутъ сдѣлать для васъ законы сѣверныхъ штатовъ и правительство Масачусетса.

Я очень хорошо понялъ насмѣшливый ироническій тонъ, которымъ это было сказано; но честный капитанъ принялъ все за чистую монету и поспѣшилъ отправиться отыскивать комиссара.

Окончивши свои дѣла и обезпечивши высылку денегъ на содержаніе моего protégé въ Сѣверной Каролинѣ, я рѣшился спросить, дѣйствительно ли на основаніи какого-нибудь закона произведено арестованіе, на которое жаловался, какъ я слышалъ, капитанъ?

— О, конечно! отвѣчали мнѣ. — Всѣхъ негровъ и цвѣтныхъ людей, какіе найдутся на приѣзжающихъ сюда корабляхъ, тотчасъ же отпращиваютъ въ тюрьму, гдѣ они и содержатся до тѣхъ поръ, пока корабль будетъ готовъ къ отплытію; тогда ихъ выпускаютъ, взявши деньги за ихъ содержаніе и извѣстную пошлину за роспись въ книгѣ.

— А если они не могутъ заплатить? спросилъ я.

— О! вы же знаете, что капитану нужны люди: онъ и платитъ за нихъ.

— Но предположимъ, что капитанъ не захочетъ заплатить?

— Въ такомъ случаѣ ихъ продадутъ съ публичнаго торга, чтобы вознаграждать издержки.

— Продавать съ аукціона свободныхъ людей, которыхъ буря загнала въ вашъ портъ, а вы посадили въ тюрьму за то только, что они не бѣлые!

Въ моемъ тонѣ было что-то такое, что заставило слегка покраснѣть негоціанта. Онъ началъ приводить въ оправданіе этого постановленія страшную опасность возстанія невольниковъ, если позволить свободнымъ цвѣтнымъ людямъ съ сѣвера или изъ другихъ мѣстъ войти въ сношеніе съ невольничьимъ населеніемъ, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Чарльстоуиѣ и его окрестностяхъ, гораздо многочисленнѣе благаго.

— Но что это за комиссаръ изъ Масачусетса, къ которому вы отправили капитана? спросилъ я.

— Да! сказалъ негоціантъ съ презрительной улыбкой. — Бостонскіе арматоры нашли слишкомъ обременительнымъ для своихъ судовъ платить за содержаніе людей въ тюрьмѣ и вдругъ почувство-

вали особенную симпатію къ правамъ негровъ. Хотите растрогать бостонца, троньте только его карманъ — и вотъ прислали комиссара, чтобы представить это дѣло въ судъ. Они увѣряютъ, что Южная Каролина не имѣетъ права издавать такіе законы, чтобы свободныхъ людей изъ Масачусетса сажать въ тюрьму безъ всякой вины съ ихъ стороны, единственно за то, что цвѣтъ ихъ лица считается подозрительнымъ.

— Когда же это дѣло будетъ разсматриваться съ судъ? спросилъ я.

— Разсматриваться въ судъ? сказалъ каролинскій купецъ, выворотивши бѣлки своихъ глазъ: — а вы предполагаете, что мы доустимъ, чтобы судъ разсматривалъ это дѣло?

— Почему же нѣтъ? спросилъ я: — какимъ же образомъ вы можете этому воспрепятствовать?

— Еслибы судъ сталъ разбирать это дѣло, то можно спорить десять противъ одного, что мы не выиграемъ: уже этотъ законъ былъ объявленъ противнымъ конституціи однимъ изъ судей Соединенныхъ-Штатовъ и еще уроженцемъ Южной Каролины; но противенъ онъ конституціи или нѣтъ, а мы находимъ его необходимымъ — и янки и негры должны сносить его. А не допустить это дѣло до суда очень легко. Уже масачусетскому комиссару велѣно убираться отсюда, какъ я говорилъ капитану, и всѣмъ содержателямъ гостиницъ запрещено подъ опасеніемъ наказанія держать его. Мы не потерпимъ этихъ аболиціонныхъ шпионовъ и заговорщиковъ въ Чарльстоунѣ! И еслибы хитрый старый янки не взялъ съ собою дочки, чтобы имѣть себѣ защиту, его давно бы уже вытолкали изъ города, предварительно окунувши въ деготь и утыкавши перьями. Здѣсь нѣтъ ни одного адвоката, который осмѣлился бы взяться за его дѣло. Большая часть нашихъ негодяевъ — сѣверные уроженцы, я тоже съ сѣвера, — сказалъ мой собесѣдникъ, — но въ душѣ всѣ мы каролинцы; да мы и должны быть ими, если хотимъ жить здѣсь. И съ своей стороны я готовъ на все. И если старякъ будетъ долго собираться, я помогу ему найти дорогу изъ города. Ужь объ этомъ говорилось на публичномъ митингѣ; ему не дадутъ провести другую ночь здѣсь.

— А какъ вы думаете, что скажутъ масачусетскіе и бостонскіе купцы за это безцеремонное выпроваживанье ихъ повѣренныхъ?

— О, что касается до купцовъ, они вѣроятно поступятъ какъ

дѣлаетъ хорошо выдресированный каролинскій негръ : когда ему дадутъ пинка за дерзость , онъ сниметъ шляпу , оскалитъ зубы и съ низкимъ поклономъ скажетъ : « благодарю тебя , господинъ ! » Съ янки-купцами , какъ и съ неграми , безъ палки не обойдешься : и тѣ и другіе привыкли къ ней . А пока штатъ Массачусетсъ будетъ завистъ отъ купцовъ и фабрикантовъ , нечего бояться , чтобы онъ насъ побезпокоилъ : онъ очень спокойно проглотитъ эту пилюлю . Главные политическіе предводители Массачусетса и той и другой партіи такъ же привязаны къ югу , какъ погонщики негровъ . Что будетъ съ Бостономъ и Массачусетсомъ безъ южной торговли ? Такъ какъ эти бѣдные янки живутъ крохами , падающими съ нашего стола , то имъ нечего слишкомъ разбирать , въ какихъ выраженіяхъ дается имъ позволеніе подбирать ихъ . А ужъ если позволили подбирать крохи , то они должны ожидать , что иной разъ придется поѣсть и грязи .

Мой каролинскій знакомый повидимому имѣлъ не высокое понятіе о гордости масачусетцевъ , но когда я вспомнилъ , что слышалъ и видѣлъ , проѣзжая чрезъ Бостонъ нѣсколько недѣль тому назадъ , я не могъ не согласиться , что онъ довольно вѣрно рассчитывалъ на ихъ меркантильную жадность и раболѣпство .

Возвращаясь въ свою гостиницу , я увидѣлъ , что улица запружена народомъ . У дверей стоялъ экипажъ , изъ гостиницы вышелъ высокій , старый , сѣдой джентльменъ , объ руку съ нимъ шла дама , за нимъ церемоніально слѣдовали съ подюжины джентльменовъ въ изящныхъ бѣлыхъ перчаткахъ . Я послѣ узналъ , что это былъ отрядъ попечительнаго комитета , спеціально назначенный сопровождать комиссара изъ города . Его съ дочерью посадили въ экипажъ и они поѣхали осыпаемые криками , насмѣшками и ругательствами собравшейся толпы . Это , сколько я знаю , была послѣдняя попытка масачусетцевъ отмстить за своихъ оскорбленныхъ моряковъ .

Я слышалъ , что даже англійскіе моряки иногда терпятъ отъ этого закона . Если это правда , то Великобританія безъ сомнѣнія найдетъ средства образумить этихъ наглыхъ рабовладѣльцевъ и быть-можетъ чрезъ ея содѣйствіе и рабскіе , тренецующіе сѣверные штаты рано или поздно получатъ свободный доступъ въ гавань Чарльстоуна . Любопытно въ самомъ дѣлѣ , если помощь и вмѣшательство Великобританіи окажутся единственнымъ средствомъ обезопасить право сѣверо-американскихъ купцовъ и моряковъ подъ конституціею сѣверныхъ штатовъ отъ высококомѣрной власти ихъ южныхъ

господь! Подобное заступничество за права моряковъ и человѣчества будетъ какъ бы вознагражденіемъ за сдѣланную прежде Великобританіей несправедливость, за насильственный наборъ американскихъ матросовъ.

XLVII

До сихъ поръ разнообразныя приключенія моего путешествія по югу и то занятіе, которое я доставлялъ своимъ мыслямъ, посѣщая снова тѣ мѣста, гдѣ провелъ свою молодость и видѣлъ теперь при столь измѣнившихся обстоятельствахъ, — все это не давало мнѣ мыслямъ остановиться на томъ, какъ безнадежны предпринятыя мною поиски.

Последнимъ мѣстомъ, гдѣ терялись слѣды моей жены и ребенка, какъ я зналъ изъ прежнихъ розысковъ, былъ городъ Августа въ штатѣ Георгіи: лѣтъ двадцать тому назадъ она проходила этотъ городъ въ партіи невольниковъ, назначенной для югозападныхъ рынковъ. Вотъ все что я слышалъ о ней, и потому отправился въ Августу, впрочемъ съ самымъ тяжолымъ чувствомъ, съ мучительнымъ сознаниемъ, что достигши этого мѣста, у меня не будетъ ни малѣйшихъ указаній на дальнѣйшій путь.

Я оставилъ Чарльстоунъ еще до разсвѣта и отправился въ дилижансѣ въ Августу. Когда начало разсвѣтать, я увидѣлъ еще трехъ пассажировъ. Сначала мы сидѣли молча; каждый или старался заснуть въ своемъ уголку, или разсматривалъ остальныхъ пассажировъ, какбы желая изучить ихъ характеръ, прежде чѣмъ завести знакомство. За завтракомъ мы уже стали разговорчивѣе, а за обѣдомъ окончательно познакомились. Скоро я узналъ, что двое изъ пассажировъ — съ сѣвера: одинъ изъ нихъ былъ издатель газеты въ Нью-Йоркѣ, а другой — агентъ изъ Бостона, посланный для закупки хлопчатой бумаги для одного изъ торговыхъ домовъ или промышленныхъ компаній этого города. Третій пассажиръ имѣлъ очень замѣчательную наружность: лицо его выражало умъ, темные глаза однимъ взглядомъ проникали вамъ въ душу, улыбка привлекала невольно, манеры были удивительно вѣжливы и благородны; во всей его наружности было что-то такое, что показывало привычку быть въ хорошемъ обществѣ.

Два другіе очевидно принимали его за богатаго плантатора, и

онъ ни словомъ, ни дѣломъ не разрушалъ этого предположенія, принимая ихъ предупредительность съ вѣжливой снисходительностью.

Послѣ разныхъ предметовъ разговоръ остановился, по американскому обычаю, на политикѣ и преимущественно на послѣднемъ избраніи президента и вице-президента по соглашеніи демократической или джаксоновой партіи, собранной въ Балтиморѣ. Сѣверные уроженцы жестоко нападали на кандидата въ президенты этой партіи, мистера Ванъ-Берена, особенно же за то, что въ собраніи депутатовъ, происходившемъ по случаю разсмотрѣнія основной конституціи Ньюорка, онъ высказался въ пользу предложенія допускать негровъ къ подачѣ голосовъ. Плантаторъ или тотъ, котораго предполагали плантаторомъ, такъ ловко увертывался отъ рѣшительнаго мнѣнія, что судя по описанію мистера Ванъ-Берена, вѣроятно не уступалъ ему въ ловкости. Еще менѣе довольны были избраніемъ въ президенты мистера Ричарда М. Джаксона, и точно говорили, что нѣкоторые члены избравшаго его собранія очень остались не довольны и отказались его поддерживать. Нѣсколько вырвавшихся у нихъ намековъ возбудили мое любопытство: какія могли быть причины ихъ оппозиціи? И я началъ спрашивать. Мнѣ сказали, что оппозиція противъ мистера Джаксона происходила отъ виргинскихъ депутатовъ: нето-чтобы они возставали противъ политическихъ убѣжденій мистера Джаксона (а онъ былъ отчаянный демократъ), «даже, говоря правду, — сказалъ ньюоркскій издатель, — ужъ слишкомъ демократъ, чтобы быть по вкусу виргинцамъ», но онъ недостаточно внушалъ уваженія: привычки и вкусы его были слишкомъ вульгарны и виргинцы настаивали, чтобы былъ назначенъ на его мѣсто нѣкто мистеръ Райвсъ.

Когда я началъ спрашивать подробности, въ чемъ состоитъ вульгарность мистера Джаксона, оказалось, что у него въ домѣ находится очень много черныхъ и смуглыхъ невольницъ и что онъ отецъ цѣлаго потомства цвѣтныхъ дѣтей.

Къ величайшему удивленію моихъ сѣверныхъ пассажировъ, истощавшихъ свое краснорѣчіе на осужденіе вульгарности и грубости мистера Джаксона, этого практическаго амальгаматора-вице-президента, предполагаемый плантаторъ объявилъ, что онъ держитъ сторону Ванъ-Берена и Джаксона и началъ говорить въ защиту послѣдняго:

— «Вашъ ужасъ, сѣверные жители, — сказалъ онъ, обращаясь къ торговому агенту изъ Бостона, — крики и негодованіе, высказанные

вами недавно противъ соединенія и смѣшенія племенъ, могутъ быть очень чистосердечны; но для насъ, южныхъ, при такихъ очевидныхъ примѣрахъ нашей слабости, усиливающейся между нами повсюду, было бы ужаснѣйшей неглупостью пытаться сдѣлать пугало изъ смѣшенія породъ или стараться не видѣть, какъ страусъ, зарывая голову въ песокъ, что она существуетъ, и отказываясь признавать фактъ, извѣстный всѣмъ и доказываемый различіемъ въ цвѣтъ лицъ невольниковъ въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ семействѣ въ нашей сторонѣ.

Что касается до меня, то я вижу здѣсь маленькую непослѣдствительность. Мы, южные, защищая рабство, говоримъ: если два племени сходятся вмѣстѣ въ одно общество, то по закону природы сильнѣйшее и благороднѣйшее должно преобладать надъ слабѣйшимъ. Но если въ такомъ случаѣ слабѣйшіе мужчины должны стать рабами сильнѣйшихъ, то не есть ли также законъ природы, что женщины слабѣйшаго племени должны стать наложницами людей сильнѣйшаго? Не всегда ли это такъ бываетъ? Не это ли средство употребляетъ природа, чтобы постепенно уничтожить нисшее племя и замѣнить его улучшоннымъ, смѣшанной породой?

«Въ самомъ дѣлѣ, сэръ, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, такъ какъ я заранѣе взялъ предосторожность назваться англичаниномъ, — потому-то нашъ демократическій кандидатъ на вице-президенство и заслужилъ всѣ эти свистки и крики, что ужъ слишкомъ заботился о размноженіи цвѣтныхъ людей. Не любовь къ чернымъ женщинамъ, не то, что у него есть цвѣтныя дѣти (можетъ-быть эти невинные джентльмены не знаютъ ничего о такихъ вещахъ: въ такомъ случаѣ шестилѣтній мальчикъ въ Чарльстоунѣ можетъ просвѣтить ихъ на этотъ счетъ), не эти ничтожные грѣшки бросаютъ тѣнь на характеръ мистера Джаксона: они составляютъ такую же неотъемлемую часть нашихъ домашнихъ учреждений на югѣ, какъ и употребленіе кнута; для насъ, южныхъ, это такъ же естественно, какъ и жевать табакъ; такъ же и то и другое вошло въ безсознательную привычку. Но дѣло въ томъ, что мистеръ Джаксонъ, будучи холостякъ, неимѣя ни бѣлой жены, ни бѣлыхъ дѣтей, которыя бы его удерживали, и притомъ человекъ добрѣйшей души въ мірѣ, — призналъ своими дѣйствительными дѣтьми множество цвѣтныхъ своихъ дочерей. Онъ воспиталъ и образовалъ ихъ въ своемъ собственномъ домѣ и даже старался ввести ихъ въ порядочное общество. Гордость кентукскихъ дамъ (вы знаете, что всѣ женщины — аристократки по природѣ)

уничтожила эту попытку, но онъ доставилъ имъ бѣлыхъ мужей и дѣти ихъ по законамъ Кентуки считаются бѣлыми и будутъ пользоваться всеми правами и привилегіями бѣлыхъ. Въ этомъ и состоитъ скандальное поведение мистера Джаксона. Еслибы вмѣсто того, чтобы быть любящимъ отцомъ для своихъ дѣтей, онъ спокойно отпиралъ бы ихъ на кораблѣ въ Новый Орлеанъ для продажи съ аукціона, — пусть бы онъ сдѣлался любовниками своихъ покупателей, вмѣсто того чтобы выдавать ихъ замужъ за почтенныхъ людей и упрочивать за ихъ дѣтьми полныя привилегіи кентукскихъ гражданъ, — тогда ни сѣверъ, ни югъ не выставилъ бы этого причиной, почему онъ не долженъ быть вице-президентомъ. Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ сѣверныхъ друзей воспрепятствовалъ ему въ этомъ. »

— Но вы не можете сказать, заикнулся продавецъ хлопчатой бумаги, — чтобы кто-нибудь изъ уважаемыхъ людей на югѣ поступалъ такимъ образомъ? Это клевета аболиціонистовъ.

— Я могу сказать, — былъ отвѣтъ, — что человекъ, дѣлая это, нисколько не теряетъ правъ на общее уваженіе, и еслибы онъ вздумалъ на другой же день сдѣлаться членомъ самой благочестивой изъ нашихъ христіанскихъ церквей, это нисколько бы не воспрепятствовало его принятію. Церковная дисциплина въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень строга: я зналъ одного пресвитеріанца, котораго отлучили отъ церкви за то, что онъ посылалъ своихъ дѣтей въ танцевальный классъ; но я не слышалъ еще, чтобы какая-нибудь изъ важныхъ церквей рѣшилась освѣдомиться о происхожденіи невольничьихъ дѣтей или объ отношеніяхъ невольницъ къ своимъ владѣльцамъ. Насильственная смерть невольника отъ руки владѣльца можетъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ повести къ болѣе или менѣе строгому судебному слѣдствію, но за исключеніемъ этого и турецкій гаремъ не такъ безопасенъ отъ всякаго дерзкаго взора и сирота гражданскаго и духовнаго, какъ всякая семья изъ нашихъ негровладѣльцевъ. Еслибы честный Дикъ Джаксонъ не призналъ этихъ дѣтей своими, думаете ли вы, чтобы кто-нибудь — развѣ только шутя — рѣшился бы навязать ихъ ему? Его преступленіе состоитъ не въ томъ, что онъ имѣетъ дѣтей, но въ томъ, что признаетъ ихъ своими.

— Я боюсь, сказалъ ньюйоркскій издатель, — что вы дадите нашему англійскому другу (указывая на меня) не высокое понятіе

о нашей южной нравственности. Это маленькія семейныя тайны, о которыхъ ненужно говорить при каждомъ.

— Жаль, сказалъ тотъ,—что вы объ этомъ не подумали прежде, а то бы могли оставить въ покоѣ Дика Джексона. Я только настаиваю на томъ, что за исключеніемъ недостатка лицемѣрія и гримасъ и отдавая должное его чрезмѣрному добродушію, онъ немногимъ хуже своихъ сосѣдей.

— Но, замѣтилъ ньюйоркскій издатель,—какъ житель юга и негровладѣлецъ, рѣшитесь ли вы сказать, что такое поведеніе, какъ его,—это попытка поставить на одну ногу бѣлыхъ и черныхъ,—не будетъ опасно для учрежденій нашей страны?

— На половину менѣе опасно чѣмъ попытка соединить и смѣшать съ массой невольниковъ дѣтей свободныхъ людей, наследующихъ отъ своихъ отцовъ характеръ неслишкомъ способный мириться съ рабскимъ положеніемъ. Какъ вы думаете, какія послѣдствія будутъ отъ того, что между нашими невольниками есть потомки такихъ людей, какъ напримѣръ Томасъ Джеферсонъ?

— Томасъ Джеферсонъ! Это нецѣпость! вскрикнулъ житель Ньюйорка.

— Нецѣпость или нѣтъ, а я могу сказать только одно, что видѣлъ одинъ разъ, какъ продавали съ аукціона очень приличную мулатку, почти совершенно бѣлую, которая предъявляла право на то, что она внучка этого эксъ-президента, и насколько сходство можетъ служить доказательствомъ, то ея лицо подтверждало эту претензію. Какъ бы то ни было, эта женщина была продана покрайней-мѣрѣ сотнею долларовъ выше назначенной цѣны «изъ уваженія къ ея знатной породѣ», прибавилъ ея покупщикъ.

Сѣверные пассажиры были нѣсколько обижены этимъ рассказомъ и утверждали, что эта женщина солгала и все это могло быть придумано, чтобы набить повыше цѣну.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ тотъ смѣясь: — тѣмъ болѣе, что Гужъ и Макъ-Грабъ безспорно были ловкій народъ и ради барыни на все готовый

Я внимательно сталъ прислушиваться къ разговору: Макъ-Грабомъ назывался негроторговецъ, который купилъ мою жену и дѣтя и перевезъ ихъ въ Августу. На этомъ остановился въ своихъ пояскахъ бывший мой агентъ. Я поспѣшилъ спросить, гдѣ мой спутникъ видѣлъ эту продажу внучки Джеферсона?

— Въ Августѣ, въ штатѣ Георгіи, лѣтъ двадцать тому назадъ, отвѣчалъ онъ.

— А позвольте, спросилъ я, — кто этотъ Макъ-Грабъ, о которомъ вы говорите? Мнѣ очень интересно найти слѣды одного негро-торговца, который такъ назывался.

Онъ тотчасъ отвѣчалъ, что Макъ-Грабъ родился въ Шотландіи, воспитывался въ Южной Каролинѣ и занимался нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ своимъ компаньономъ Гужемъ доставкой невольниковъ на южные рынки; главнымъ мѣстомъ ихъ торговли была Августа; Макъ-Грабъ объѣзжалъ болѣе сѣверные штаты, слѣдилъ только частныя сдѣлки, необходимыя для продовольствія остального товара, который онъ пересылалъ своему товарищу, Гужу, наблюдавшему за торговыми дѣлами въ Августѣ. Но эта компанія уже давно разстроилась и самъ Макъ-Грабъ умеръ, а Гужъ до сихъ поръ еще живетъ въ Августѣ, оставилъ торговлю и слыветъ однимъ изъ первыхъ богачей въ этомъ городѣ.

— Я кое-что знаю объ ихъ дѣлахъ, сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ: — потомучто въ молодости я года три или четыре былъ у нихъ приказчикомъ, велъ ихъ книги и нѣкоторое время былъ ихъ компаньономъ. Я давно золъ на стараго Гужа и если вы имѣете какую-нибудь претензію на этихъ господъ, то я съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ.

XLVIII

Къ обѣду дилижансъ остановился у грязной, неудобной таверны; содержали ее невидимому невольники всѣ вмѣстѣ, которыхъ было очень довольно, а владѣлецъ какъ-будто гостилъ въ собственномъ домѣ. Главный слуга заведенія — мулатъ, высокій, стройный, съ очень пріятнымъ голосомъ, грязно и нищенски одѣтый, почему-то, можетъ-быть за мою вѣжливость, показывалъ особенное ко мнѣ вниманіе. Послѣ обѣда онъ отозвалъ меня въ сторону и спросилъ, знаю ли я этого джентльмена, который сидѣлъ противъ меня за столомъ? Онъ говорилъ о томъ, котораго принимали за плантатора, моего дорожнаго спутника, сообщившаго мнѣ, что въ молодости онъ былъ приказчикомъ, бухгалтеромъ, а послѣ компаньономъ Гужа и Макъ-Граба. — Нѣтъ, отвѣчалъ я: — я знаю только, что онъ былъ

моимъ спутникомъ отъ Чарльстоуна и очень желалъ бы узнать его имя.

— Трудно сказать какое у него имя, отвѣчалъ мой новый другъ мулатъ. — У него много именъ: каждый разъ какъ онъ прѣзжаетъ сюда, онъ называется иначе. Берегитесь его, мастеръ: это шулеръ. Я подумалъ, чтобы онъ еще не надулъ васъ!

Я не имѣлъ никакой причины не довѣрять этому предостереженію, сдѣланному отъ чистаго сердца. Я зналъ, что въ южныхъ невольничьихъ штатахъ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ Европы, игра составляетъ средство не только разогнать скуку праздности, но и доставляетъ ремесло особенному классу игроковъ по профессіи, живущихъ только тѣмъ, что обираютъ неопытныхъ и неосторожныхъ. Члены этого братства нерѣдко отличаются всѣми наружными признаками джентльмена; слѣдовательно очень вѣроятно, что мой новый знакомый принадлежалъ къ этому классу.

Хотя утромъ онъ расходился въ нравственныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ съ моими сѣверными спутниками; но я удивлялся, съ какимъ искусствомъ и ловкостью онъ въ тоже послѣ-обѣда успѣлъ войти въ ихъ довѣренность. Когда на ночь дилижансъ остановился у другой таверны, еще болѣе грязной, неудобной и безобразной, если только это возможно, чѣмъ та, въ которой мы обѣдали, — онъ послѣ ужина предложилъ для препровожденія времени сыграть въ карты. Тѣ оба съ радостью согласились, и скоро всѣ занялись игрою; къ нимъ присоединились еще два сосѣднихъ плантатора, бывшихъ здѣсь проездомъ; я же положительно отказался, говоря, что никогда не брался за карты и не игралъ на деньги ни въ какую игру; увидѣвши, что я непреклоненъ, предполагаемый шулеръ замѣтилъ значительнымъ тономъ, что я принялъ очень умное и безопасное правило для иностранца, путешествующаго по южнымъ штатамъ.

Посмотрѣвши нѣсколько времени игру, я ушелъ спать и вставши очень рано поутру, потому что мы должны были ѣхать въ пять часовъ, засталъ игроковъ на томъ же мѣстѣ. Сѣверные простачки, обезумѣвшіе отъ безсонной ночи, съ удлинненными лицами, обезображенными худо-скрываеваемой тревогой и страданіемъ, казалось постарѣли десятью годами за одну эту ночь: они очень мало походили на тѣхъ красивыхъ, блестящихъ джентльменовъ, съ которыми я ѣхалъ вчера. Шулеръ былъ такъ же свѣжъ, такъ же владелъ собою, какъ-будто только-что сѣлъ за карты; когда я входилъ въ комнату,

онъ взялъ и положилъ въ карманъ съ совершенно неподражаемой граціозной небрежностью послѣднюю ставку и послѣднія деньги своихъ партнеровъ.

Сѣвши за столъ, какъ я послѣ узналъ, только съ десятью долларами въ карманѣ, своимъ единственнымъ капиталомъ для оборота, онъ провелъ хорошую ночь: утромъ у него было неменьше двухъ тысячъ и кромѣ того хорошенькій мальчикъ, мулатъ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, котораго одинъ изъ плантаторовъ отдалъ ему для сведенія счетовъ, такъ какъ у него неостало денегъ.

Увидя, что наши спутники совершенно обобраны, онъ настоялъ на томъ, чтобы заплатить ихъ издержки въ тавернѣ, и далъ займы каждому изъ нихъ по пятидесяти долларовъ до тѣхъ поръ, пока «имъ перешлютъ деньги по векселю», и это онъ сказалъ съ такою безсовѣстностью, принимая видъ сочувствія и состраданія, какъ-будто они по какому-нибудь случаю потеряли свои деньги, а не онъ былъ причиною этой потери не только своимъ искусствомъ и хладнокровіемъ, но вѣроятно также и какимъ-нибудь хитрымъ обманомъ. Господинъ, дающій своему невольнику долларъ въ подарокъ на рождество, не могъ бы сдѣлать этого съ видомъ большаго великодушія!

Занимательно было смотрѣть, какъ опустились крылья у бостонскаго купца и ньюйоркскаго журналиста послѣ потери своихъ денегъ: вчера еще они поднимали вверхъ свои головы, у нихъ были свои мнѣнія и даже положительныя убѣжденія, и какъ гордо, какъ бойко они защищали ихъ! Сегодня же они совершенно превратились въ ничто, какъ-будто изъ нихъ вынули то что ихъ поддерживало; угрюмо, мрачно, неговоря ни слова они смотрѣли на чело-вѣка, къ которому вчера еще они были такъ внимательны какъ къ богатому плантатору, съ выраженіемъ ненависти и страха, очень похожаго на тотъ, съ какимъ (я часто видѣлъ) смотритъ несчастный невольникъ на своего господина, котораго онъ ненавидитъ и боится, но отъ котораго, чувствуетъ, уйти ему невозможно.

Мнѣ невольно пришло на мысль, что еслибы сорвать съ этихъ джентльменовъ ихъ прекрасныя платья и въ ихъ настоящемъ безутышномъ и убитомъ положеніи поставить подъ молотокъ господъ Гужа и Макъ-Граба или какого-нибудь другаго неготорговца, особенно подъ этимъ холоднымъ, произительнымъ взглядомъ ихъ грабителя, — они бы легко могли служить образцомъ двухъ *блѣлыхъ негровъ*, рожденныхъ и выросшихъ въ рабствѣ и кому же глуповатыхъ

малыхъ, которыхъ легко держать въ страхѣ и нечего опасаться, чтобы они доставляли безпокойство или непріятности.

Шулеръ, видя, что его жертвы неутѣшны, печальны, угрюмы, сухи какъ выжатый лимонъ и совершенно нечувствительны ко всѣмъ его усиліямъ забавить ихъ, обратился съ своимъ разговоромъ ко мнѣ. Не могу сказать, чтобы я не радовался ихъ несчастному положенію. «О, мои красавцы! говорилъ я самъ себѣ. — Вы теперь немножко испытали, каково быть ограбленнымъ и ободреннымъ. Тяжело вамъ разстаться съ нѣсколькими сотнями долларовъ, заработанныхъ вами — незнаю насколько честными средствами — быть-можетъ въ нѣсколько недѣль; эти же деньги вы потеряли столько же по собственной глупости, какъ и по ловкости и по плутовству чело-вѣка половчѣе и поумнѣе васъ: научитесь же болѣе сочувствовать вашимъ несчастнымъ ближнимъ, изъ которыхъ многіе по природнымъ дарованіямъ и способностямъ не очень, а можетъ-быть и вовсе не ниже васъ, а нѣкоторые даже далеко и выше. Ихъ грабятъ и обираютъ минуту за минутой, часъ за часомъ, день за днемъ, недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, цѣлую жизнь... и это дѣлается однимъ насиліемъ и обманомъ, безъ всякаго согласія и вины съ ихъ стороны! У нихъ отнимаютъ не только то, что они заработали своими руками, но жонъ, страстно любимыхъ, дѣтей, посылаютъ на рынокъ, чтобы соблюсти приличіе или удовлетворить нуждамъ людей, называющихъ себя ихъ владѣльцами и имѣющихъ такое же право называть ихъ своего собственностью, какъ этотъ шулеръ васъ, — право сильнаго надъ слабымъ, хитраго надъ простакомъ!..

XLIX

Такъ какъ бывшій приказчикъ, бухгалтеръ и компаньонъ Гужа и Макъ-Граба, а теперь игрокъ и шулеръ по ремеслу, могъ по своимъ прежнимъ связямъ съ этой почтенной фирмой негроторговцевъ сообщить свѣдѣнія, необходимыя для продолженія моихъ поисковъ, то я очень вѣжливо отвѣчалъ на его внимательность. Правда, что твердость, съ какою онъ наканунѣ защищалъ своего любимаго кандидата въ вице-президенты, расположила меня въ его пользу; что же касается до его настоящаго ремесла, я право считалъ его столько же честнымъ и почтеннымъ какъ и негроторговля, которой онъ пре-

жде занимался, или рабпроизводство, которымъ живутъ столько южныхъ джентльменовъ, неоспоримо достойныхъ уваженія.

Я нашолъ въ немъ въ самомъ дѣлѣ очень пріятнаго собесѣдника, свободнаго отъ мѣстныхъ провинціализмовъ и узкихъ взглядовъ, какіе почти неизбежно встрѣчаются у самыхъ образованныхъ и либеральныхъ американцевъ; его замѣчанія были остроумны, сужденія тонки, съ постояннымъ оттѣнкомъ легкой насмѣшливости, въ которой впрочемъ не было горечи, а скорѣе добродушная веселость.

Такъ началось наше сближеніе, которое постепенно перешло въ дружескую довѣренность. Я не скрывалъ отъ мистера Джона Кольтера (подъ этимъ именемъ ему угодно было представиться мнѣ), что я знаю его весьма сомнительную професію, но въ тоже время я охотно отдавалъ полную справедливость его манерамъ, способностямъ, умѣнью нравиться и — по крайней мѣрѣ судя по его словамъ — отъ природы доброму и великодушному расположенію. Почему мнѣ не сдѣлать уступки его положенію и обстоятельствамъ? Почему я долженъ судить его строже, чѣмъ судятъ другіе негровладельцевъ?

Чтобы оправдать мою терпимость, которая очевидно немало польстила ему (какъ видно, онъ не часто встрѣчалъ ее), мистеръ Кольтеръ на второмъ ночлегѣ, гуляя со мной при лунѣ — такъ какъ больше не было голубковъ, которыхъ бы можно было общипать — началъ мнѣ подробно рассказывать свою исторію.

Оказалось, что онъ былъ сынъ богатаго, или бывшаго когда-то богатымъ, плантатора и умѣвшаго поддержать до самой своей смерти репутацію богача. Сына конечно сдѣтства приучили къ роскоши и расточительности; ему доставили классическое образованіе и послали на годъ или на два путешествовать по Европѣ, гдѣ онъ тратилъ пропасть денегъ и велъ очень роскошную жизнь. Когда по смерти отца вызвали его наследовать имѣніе, оказалось, что всѣ плантаціи и невольники заложены, въ неоплатномъ долгу, и огромное семейство осталось совершенно безъ всякихъ средствъ.

Такимъ образомъ предоставленный самому себѣ, онъ съ большимъ трудомъ могъ найти какія-нибудь средства къ жизни. Обыкновенный ресурсъ всѣхъ разорившихся семействъ — переѣхать на западъ, гдѣ есть необработанныя земли; но это было невозможно для него: каждый беретъ съ собою для обработки земли хотя нѣсколько невольниковъ, а у него не было никого и никакихъ средствъ добыть себѣ хотя одного, потому что старые друзья его отца слишкомъ хо-

рошо знали о его безумной расточительности, чтобы рѣшиться повѣрить ему. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ имѣніе оказалось въ неоплатномъ долгу, любопытно было видѣть, какъ мало нашлось друзей у этой семьи, несмотря на то, что у отца Кольтера было такъ много знакомыхъ и столько лѣтъ двери его дома были постоянно открыты для всѣхъ съ хвастливымъ гостепріимствомъ.

Получивъ хорошее образованіе, онъ могъ бы сдѣлаться домашнимъ наставникомъ, но на это званіе смотрѣли какъ на что-то унизительное, несомѣстное съ достоинствомъ уроженца юга и годное только для янки. «Вы знаете, — замѣтилъ онъ мнѣ, — что римляне поручали образованіе своихъ дѣтей рабамъ-педагогамъ; мы же выписываемъ также рабовъ изъ Новой Англіи.»

Чтобы заняться торговлей, нужно было имѣть капиталъ, да и это занятіе захватили въ свои руки сѣверные искатели приключеній, которые обыкновенно добывали себѣ приказчиковъ и помощниковъ тоже съ сѣвера.

Наконецъ за неимѣніемъ лучшаго онъ получилъ должность въ богатой фирмѣ негроторговцевъ Гужа и Макъ-Граба: сдѣлался сначала у нихъ первымъ приказчикомъ и бухгалтеромъ и наконецъ возвысился до званія ихъ компаньона.

Но это занятіе казалось ему неудовлетворительнымъ во многихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ оно не пользовалось уваженіемъ, хотя трудно сказать почему. Онъ понималъ вполне, что я, какъ англичанинъ или даже какой-нибудь янки, — если только можно было найти янки, который могъ по совѣсти сказать, что у него всегда только одна его собственная душа — наполовину бы сказать что-нибудь противъ этой торговли человѣческимъ мясомъ и нервами, противъ покупки и продажи мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ молотка или другимъ путемъ. Что касается до него, онъ не имѣлъ большой претензіи на нравственность и благочестіе, предоставляя это другимъ членамъ фирмы. Макъ-Грабъ самъ еще не былъ методистомъ, но дѣти и жена его принадлежали къ этой сектѣ; а какъ старикъ тоже часто посѣщалъ ихъ митинги, то методисты надѣялись присоединить впоследствии и его. Гужъ былъ ревностный баптистъ, обращенный и окрещенный по всѣмъ правиламъ. Онъ выстроилъ церковь въ Августѣ почти единственно на свой счетъ. Но его благочестіе не мѣшало ему покупать и продавать своихъ религіозныхъ собратій такъ же хладнокровно, какъ и простыхъ необращенныхъ язычниковъ. Гужъ въ самомъ дѣлѣ находилъ рабство и продажу рабовъ прекрас-

ными дѣломъ какъ въ конкретномъ, такъ и въ абстрактномъ отноше-
 нии. Развѣ не сказалъ св. Павелъ: «Рабы, повинуйтесь господамъ
 своимъ!» Эти слова доказываютъ, что должны быть рабы и господа.
 Такимъ путемъ рассуждалъ обыкновенно Гужъ, развивая свой пред-
 метъ съ удивительной силой и краснорѣчіемъ, такъ что одинъ разъ,
 когда онъ пріѣхалъ въ Ньюйоркъ — отыскивая трехъ или четырехъ
 домашнихъ невольниковъ перваго сорта, купленныхъ въ Балтиморѣ и
 убѣжавшихъ на другую же ночь отъ него въ этотъ городъ — и на-
 чалъ говорить объ этомъ предметѣ въ гостиницѣ, въ которой остано-
 вился, то по его серьезному виду и словамъ бывшій тутъ священникъ
 принялъ его за доктора богословія и просилъ его сказать проповѣдь о
 происхожденіи рабства въ одной изъ самыхъ фешенебельныхъ цер-
 квей въ городѣ.

— Но все-таки, сказалъ Кольтеръ, — несмотря на всѣ рассуж-
 денія и тексты моего благочестиваго компаньона, я никогда не могъ
 одобрить ни рабства, ни негроторговли, рассматривая его отвлечен-
 но. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ большаго презрѣнія, какъ не
 то, что бѣлые люди съ головой и руками употребляютъ все свое вре-
 мя, труды и способности на то, чтобы то принужденіемъ, то ласка-
 ми, то угрозами добиться отъ недовольныхъ, упрямыхъ негровъ гряз-
 ной, лукавой, негодной подурботы, между тѣмъ какъ сами бѣлые
 могли бы сдѣлать въ пятьдесятъ разъ лучше и въ пятьдесятъ разъ
 съ меньшей заботой и безпокойствомъ? Право, если отвлеченно
 смотрѣть, то вся эта система мнѣ кажется очень жалкимъ ремесломъ;
 но я ужъ незнаю почему рабпроизводители или покупатели рабовъ
 должны пользоваться большимъ уваженіемъ, нежели торговцы раба-
 ми? А это положительно такъ. Мистеръ А. Б. изъ Виргиніи, спа-
 саящій себя отъ переселенія и публичной продажи только тѣмъ, что
 ежегодно сбываетъ на южные рынки съ полдюжины юношей муже-
 ского и женскаго пола, имѣетъ претензію смотрѣть съ нѣкоторымъ
 презрѣніемъ на того самаго торговца, которому онъ продаетъ ихъ;
 а мистеръ С. Д. изъ Георгіи, употребляющій всѣ свои деньги на
 покупку новыхъ невольниковъ, тоже имѣетъ претензію смотрѣть съ
 такимъ же презрѣніемъ на того, у кого онъ покупаетъ ихъ. По какой
 бы то ни было причинѣ, — замѣтилъ юмористически мистеръ Коль-
 теръ, — а старая пословица, что воръ, что потатчикъ вору — все-рав-
 но, не въ ходу въ дѣлахъ съ рабами; но почему? онъ не могъ ска-
 зать, потому что легче видѣть спицу въ глазѣ своего сосѣда, чѣмъ
 бревно въ своемъ собственномъ. Ктому же въ негроторговлѣ бы-

вають пренеприятныя вещи, а потому онъ не въшивался въ самую худшую часть ея. Закупка невольниковъ въ болѣе сѣверныхъ штатахъ производилась главнымъ образомъ Макъ-Грабомъ. При разставаньи ихъ съ домою и съ семьей происходили очень неприятныя и безпокойныя исторіи, покрайней-мѣрѣ такъ бы было для него, хотя Макъ-Грабъ никогда не жаловался на это. Главное завѣдываніе продажей въ Августѣ находилось въ рукахъ Гужа, который умѣлъ не хуже другого показывать товаръ лицомъ: никто не могъ бы лучше выдать чахоточнаго и золотушнаго невольника за совершенно здороваго работника, или сорокапятилѣтнюю женщину за тридцатилѣтнюю. Его должность, то-есть Кольтера, главнымъ образомъ состояла въ наблюденіи за невольниками въ Августѣ, гдѣ товаръ сберегался и откармливался, чтобы быть готовымъ на рынокъ. Здѣсь даже требовалось ласковое обращеніе и достаточная пища, чтобы невольники были какъ можно здоровѣе и веселѣе. Но и здѣсь случались сцены, какъ на примѣръ разставанье матерей съ дѣтьми, которыхъ до тѣхъ поръ держали вмѣстѣ, сцены, производившія очень грустное впечатлѣніе на такого чувствительнаго челоуѣка какъ я, — сказалъ Кольтеръ, кладя руку на сердце съ такимъ театральнo-шуточнымъ видомъ, что трудно было сказать, говорилось ли это шутя или серьезно. «Признаться, — прибавилъ онъ — я всегда имѣлъ глушое снисхожденіе къ слезамъ женщинъ и дѣтей, что несовсѣмъ шло къ моему занятію. Я вовсе не благочестивъ, я на многое рѣшался и дѣлалъ, но слишкомъ уважаю память матери, внушившей мнѣ въ дѣтствѣ сильное уваженіе къ религіи, чтобы имѣть претензію на религіозность, и мое природное, плотское, необращенное сердце—какъ говорилъ Гужъ—дѣлало то, что я заключалъ очень плохіе торги.

«И первая моя серьезная ссора съ моими компаньонами, вслѣдствіе которой я оставилъ товарищество, вышла изъ-за такого же обстоятельства. Макъ-Грабъ привезъ съ собой великолѣпную партію невольниковъ изъ Сѣверной Каролины и между ними была необыкновенно красивая молодая женщина съ прехорошенькимъ ребенкомъ, только-что начинавшимъ говорить; и мать, и дитя — свѣтлолицыя мулаты, такъ что ихъ можно было принять за бѣлыхъ. Большіе черные глаза женщины выражали глубокую грусть, и несмотря на то, что никогда улыбка не освѣщала ея личика, его кроткое, печальное выраженіе произвело въ первый же разъ какъ я ее увидѣлъ, сильное впечатлѣніе на мое чувствительное сердце. Я сначала хотѣлъ оставить ее за собой, но это была бы такая роскошь, на какую я

когда бы не согласились мои компаньоны, тѣмъ болѣе что я уже и такъ задолжалъ фирмѣ за двухъ дѣвушекъ, взятыхъ изъ общаго капитала. Эта женщина получила повидимому очень нѣжное воспитаніе; она была горничной одной леди, имѣніе которой было продано съ публичнаго торга; Макъ-Грабъ радостно улыбался, глядя на нее и говорилъ, что никогда онъ не покупалъ лучшей штуки и какъ еще выгодно купилъ: женщину и мальчика за пятьсотъ пятьдесятъ долларовъ, когда она одна стоила двѣ тысячи, а мальчика можно было еще продать за сто! «Она отлично шьетъ, и если продать ее какъ горничную или пивею, то за нее дадутъ тысячу долларовъ и покрайней-мѣрѣ вдвое противъ этого, — сказалъ Макъ-Грабъ, косясь однимъ глазомъ на Гужа, лицо котораго просіяло улыбкой отъ радостнаго ожиданія, — покрайней-мѣрѣ вдвое, если продать ее въ Нью-Орлеанъ, какъ предметъ роскоши!»

— Какъ я ни боролся съ самимъ собою, а у меня вырвался тяжелый вздохъ при этихъ жестокихъ словахъ; зоркій взглядъ Кольтера замѣтилъ, что упоминаніе о молодой женщинѣ съ ребенкомъ съ свѣра затронуло во мнѣ какую-то чувствительную струну, и онъ какъ-будто съ намѣреніемъ испытать меня, началъ распространяться объ этомъ предметѣ.

— Что это значитъ? сказалъ онъ, остановившись и смотря мнѣ прямо въ глаза. — Кажется вы встревожены? Если вы будете вздыхать о каждой хорошенькой женщинѣ, проданной какъ предметъ роскоши на нью-орлеанскомъ рынкѣ, то у васъ останется не много веселыхъ минутъ!

Я сдѣлалъ величайшее усиліе, чтобы говорить спокойно, и спросилъ, не помнитъ ли онъ имени молодой женщины?

— О, да! отвѣчалъ онъ. — Этому будетъ лѣтъ двадцать кажется, но я рѣдко забываю лица и имена. Женщину звали кажется Касси.

Крѣпко забилось мое сердце при этомъ дорогомъ имени. Чтобы не упасть, я прислонился къ дереву, возлѣ котораго мы стояли и спросилъ: — Не можете ли вы вспомнить имени ребенка?

— Позвольте, сказалъ мой собесѣдникъ: — да, точно помню: она звала сына Монгомери.

Такъ мы назвали нашего сына въ честь доброй мистрисъ Монгомери. Теперь я болѣе не сомнѣвался, что онъ говорилъ о моей женѣ.

L

Скрывая, сколько могъ, свое волненіе, я просилъ Кольтера продолжать свой расказъ. Но онъ не спѣшилъ съ нимъ.

— «Кажется, сказалъ онъ, пристально смотря на меня, — васъ необыкновенно интересуесть этотъ предметъ! Я помню, вы говорили, что не въ первый разъ посѣщаете Америку, что еще лѣтъ двадцать назадъ вы были здѣсь. Двадцать лѣтъ назадъ вы были молоды, а молодые люди легко увлекаются. Вы, англичане, какъ попадете сюда, то несмотря на все, что мы слышали о вашей англійской добродѣтели и скромности, вы столько же похожи на монаховъ, какъ и мы. Чтоже? И цѣломудренному Юсифу и Сципіону простительно немножко не устоять противъ такихъ прелестей! Въ этихъ двѣнадцати есть что-то такое нѣжное, привлекательное, очаровательное, чему нельзя противиться. Я не удивляюсь зависти, бѣшенству и ревности нашихъ бѣлыхъ женщинъ: онѣ вполне сознаютъ себя ниже въ этомъ отношеніи и не могутъ помочь своему горю. Оттого-то онѣ и становятся злы и сварливы, что очень естественно; но это не дѣлаесть ихъ привлекательнѣе. И имъ приходится довольствоваться властью надъ домомъ и слугами, между тѣмъ какъ какая-нибудь черная, желтая или бѣлая (что случается) невольница имѣесть власть надъ сердцемъ ихъ супруговъ.

«У насъ много такихъ дѣвочекъ, которыя въ состояніи испортить характеръ самой доброй женщины въ мірѣ, если только ей придется жить въ одномъ домѣ съ ними.

«Что касается до Касси, въ которой вы кажется принимаете такое сильное участіе, то она оправдала бы выборъ всякаго. Я говорю это какъ знатокъ и любитель такихъ предметовъ и какъ купецъ по ремеслу, торговавшій этимъ товаромъ; во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, я сознаю, мое мнѣніе чего-нибудь да стоитъ. Мальчикъ былъ тоже очень красивый ребенокъ. Удивляюсь, кто бы былъ его отецъ? Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ онъ улыбаясь и смотря мнѣ въ лицо — меня бы нисколько не удивило, еслибы я нашолъ сходство!»

Но замѣтя, что его шутки производять на меня непріятное впечатлѣніе, а можетъ-быть отъ его пронизательнаго взгляда не укрылась и слеза, блеснувшая на моихъ глазахъ, онъ нѣсколько измѣнилъ свой тонъ.

— Иногда онъ умѣютъ взяться за наше сердце. Намъ легко управляться съ мужчинами и считать негровъ скотами, обезьянами, животными низкой породы, но женщины часто сильнѣ насъ. Сколько разъ я видѣлъ, какъ свирѣпый, неукротимый звѣрь — человекъ, которому ни Богъ, ни люди не страшны — становился совершеннымъ ребенкомъ, кроткимъ какъ ручной медвѣдь, котораго заставляютъ плясать, въ рукахъ какой-нибудь черной или жолтой дѣвочки лѣтъ пятнадцати или двадцати, которой такимъ образомъ приходилось разыгрывать на плантаціи роль царицы Эсфири и становиться посредницей между яростью своего господина и владѣльца и спинами своихъ несчастныхъ родственниковъ. Это одно изъ облегченій рабства; на немъ не останавливаются защитники невольничества, но оно болѣе всего другого вноситъ что-то сердечное въ отношенія господина и раба: этотъ путь избираетъ природа, чтобы уравнять раба и господина. Богъ любви съ своимъ лукомъ и стрѣлами — заклятой врагъ всѣхъ кастовыхъ и патриціанскихъ отличій. Скажите пожалуйста, сэръ, вы читали когда-нибудь «Исторію западной Индіи», сочиненіе Эдвардса?

— Да, читалъ.

— Такъ помните можетъ-быть тамъ напечатанную оду нѣ черной Венерѣ? Вы знаете, что Эдвардсъ былъ ямайскій плантаторъ, строгій историкъ, защитникъ неготорговли, но человекъ наблюдательный, умный, опытный и чувствительный, который слишкомъ много слышалъ и видѣлъ, чтобы привести въ защиту рабства тотъ аргументъ, который приводятъ теперь — мнимую антипатію племенъ. Онъ желалъ дать правильное понятіе о положеніи дѣлъ въ западной Индіи и счелъ за лучшее выразить это въ формѣ алегоріи въ стихахъ. Мнѣ попалась эта книга въ Чарльстоунѣ и очень понравилась эта ода, такъ что я шутя переписалъ съ нея нѣсколько копій и разослалъ ихъ къ главнымъ государственнымъ людямъ въ Вашингтонѣ. Смѣю сказать и повторить, что самая идея, если не слова (измѣнивши, какъ я и сдѣлалъ въ своихъ копіяхъ, сцену дѣйствія вмѣсто Ямайки, гдѣ происходитъ она у Эдвардса, на нашъ меридіанъ), такъ же хорошо идетъ къ намъ, какъ и къ Индіи.

Съ этими словами онъ проговорилъ комически-серьезнымъ тономъ слѣдующіе стансы, съ которыхъ послѣ далъ мнѣ и копію:

ЧЕРНАЯ ВЕНЕРА

ОДА

Сойди въ мою грудь, вдохновеніе, внуши пріятные звуки и веселыя мысли! Небывалый предметъ моей пѣсни прекраснѣй того, который воспѣтъ пламенной лирой Овидія и сладкорѣчивою Сафо.

Сладокъ утренній свѣтъ, но еще милѣе его скромная ночь, летящая съ береговъ Анголы; когда загорятся удивленныя очи черной красавицы, — прощайте, звѣзды Шапіана!

О черная царица! Тебя ищу я, твоего кроткаго, нѣжнаго царства, гдѣ вѣчно живетъ великое счастье, радости жизни, прелесть и восторги нѣжной любви!

Болтливый французъ, гордый испанецъ, угрюмый англичанинъ и хитрый шотландецъ признають прелесть твоей власти, и переселясь сюда, становятся данниками твоего милосерднаго трона!

Отъ запада до востока на обоихъ берегахъ Инда царить твой скипетръ: пылающее солнце, золотящее тропики, только освѣщаетъ твои побѣды вдоль всего жаркаго пояса.

Когда ты покинула родные берега и въ первый разъ явилась взглянуть на Америку, твое новое завоеваніе, — весело свѣтило утреннее солнце и радостно несли кудрявыя волны прекрасное бремя.

Твое чело было чернѣе вороныаго крыла; дыханіе — аромать апельсиновыхъ цвѣтовъ; твой глазъ — тропическій лучъ, уста нѣжны какъ толковый пухъ, взглядъ кротокъ какъ вечернее солнце, золотящее горній потокъ!

Твои члены такъ же прекрасны, какъ и у сестры твоей, флорентійской Венеры, и не будь ея бѣлизны, то и днемъ между двумя красавицами не было бы никакой разницы!

Когда твой корабль коснулся берега, въ какой восторгъ пришла обрадованная земля: со всѣхъ сторонъ привѣтствуютъ тебя! Долины, горы и лѣса спѣшили показать тебѣ свою любовь!

Отъ Виргиніи несся громкій привѣтъ; изъ веселой Каролины и серьезной Георгіи вышла толпа тебѣ навстрѣчу! Не чернь собралась: я слышалъ, тутъ были и господа, но муза не говоритъ кто...

Веселая богиня! Благословенъ отнынѣ твоимъ благодѣтельнымъ присутствіемъ эту благодарную землю! Утверди на вѣкъ здѣсь твой тронъ! Мы всѣ твои поклонники и тебя одну признаемъ царицей любви!

Не считай меня вѣтреннымъ за то, что измѣнилъ твоей сестрѣ: ну-жво быть сдѣшкомъ неблагодарнымъ, чтобы не оцѣнить твоихъ милостей, а я горжусь своимъ признательнымъ сердцемъ!

Итакъ, рѣзвая богиня, перестань измѣняться, не облекайся въ новыя формы! Какой бы видъ ни приняла ты, въ какомъ бы цвѣтѣ ты ни явилась, я вездѣ увижаю тебя. Такъ вѣренъ и постояненъ я!

— Вотъ, сказалъ онъ, повторяя послѣдній куплетъ и придавая ему особенную выразительность: — эти стихи, неуступающіе стихамъ Томаоа Мура, могли бы пропѣть три четверти нашихъ молодыхъ людей, а къ нимъ могли бы присоединиться и многіе старики, и половина изъ этихъ господъ, быть-можетъ только-что совершивши поклоненіе какой-нибудь черной *inpatogal't*, стануть толковать объ антипатіи племень и также, очень вѣроятно, распространятся объ ужасахъ амальгамаціи. Въ какомъ мірѣ жи, лицемѣрія живемъ мы!

И какъ я молчалъ, то онъ продолжалъ: — Предположимъ, что эта Касси была вашей возлюбленной (иначе я не могу понять, почему вы такъ интересуетесь ею), — все-таки я не могу считать васъ поклонникомъ черной Венеры: Касси скорѣе принадлежала къ бѣлой породѣ, потому что на югѣ мы считаемъ всѣхъ невольниковъ неграми, какого бы цвѣта они ни были. Поймайте какую-нибудь ирландку или нѣмку и продайте ее, что иногда случается, она тотчасъ обратится въ негритянку и сдѣлается такой же рабой, какъ-будто въ ея жилахъ течетъ африканская кровь.

— Если — сказалъ я какъ можно спокойнѣе — вы дѣйствительно думаете, что меня такъ интересуютъ дѣвушка и ребенокъ, о которыхъ вы говорите, то оставьте всѣ эти глупости и скажите мнѣ, что сдѣлалось съ ними? А если вамъ угодно, то въ другое, болѣе удобное время мы будемъ разсуждать объ антипатіяхъ, амальгамаціи и черной Венерѣ, которая вамъ повидимому такъ нравится.

— «Хорошо! сказалъ онъ.—Я совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ, насколько я лично участвовалъ въ немъ, и еслибы предвидѣлъ тогда, что чрезъ двадцать лѣтъ вы потащите меня за горло, — а наблюдая ваши взгляды въ послѣдніе полчаса, я убѣдился, что вы изъ такихъ, съ которыми я не желаю ссориться, — я и тогда не могъ бы поступить съ этой женщиной лучше, чѣмъ я поступалъ.

«Еслибы я сказалъ вамъ, что я не искалъ ея любви, вы едва-ли бы повѣрили; я искалъ, но она встрѣтила мое искательство съ такими слезами, съ такимъ отчаяньемъ, что моя страсть погасла и обратилась въ состраданіе.

«Я скоро замѣтилъ, что болѣе всего ее мучить опасеніе разлуки съ сыномъ, — а это легко могло случиться: одинъ купецъ изъ Нью-Орлеана, съ которымъ мы часто торговали, выражалъ сильное желаніе купить ее. Послѣ заботливаго осмотра ея особы, о подробностяхъ котораго я не стану говорить вамъ, онъ сказалъ, что это прелесть дѣвка, статья перваго разбора, номеръ какъ-разъ подходящий къ нью-орлеанскому рынку, и предложилъ за нее двѣ тысячи долларовъ. Гужъ согласился на эту цѣну, но съ условіемъ, что тотъ прибавитъ еще сотню за мальчика. Но купцу ненужно было мальчика, потомучто онъ бы только убавилъ цѣну матери, — покрайней-мѣрѣ онъ такъ говорилъ, — и настаивалъ на томъ, чтобы отдали ему мальчика невзачетъ; одна дама изъ Августы искала купить маленькаго мальчика, чтобы воспитать слугу для своего малютки сына и предлагала за него семьдесятъ-пять долларовъ. Итакъ по всей вѣроятности сына бы продали этой дамѣ, а мать — купцу изъ Нью-Орлеана. Опасаясь этого, она въ отчаяніи обратилась ко мнѣ, умоляя спасти ее отъ разлуки съ сыномъ. Случилось такъ, что Гужъ поѣхалъ миль-за десять на одну публичную продажу, гдѣ думалъ сдѣлать выгодную покупку, а въ это время пришли въ нашъ магазинъ джентльменъ и леди, желавшіе купить горничную. Джентльменъ былъ плантаторъ изъ Миссисипи, жившій недалеко отъ Виксбурга и возвращавшійся на родину съ молодой женой, которуу взялъ на сѣверѣ. Я показалъ имъ Касси. Она начала умолять ихъ, поставила своего ребенка на колѣни, сложила его маленькія ручки и заставила дитя просить сначала леди, а потомъ джентльмена, чтобы они купили его съ матерью, чтобы они не позволили нью-орлеанскому купцу отнять у него мать.

«Леди послѣ долгихъ распросовъ о томъ, что можетъ и умѣетъ дѣлать Касси, объявила, что именно такую горничную ей и нужно. Леди воспитывалась на сѣверѣ, не любила негровъ и не могла терпѣть возлѣ себя черной женщины, «а это — сказала она — такая нѣжненькая и бѣленькая, точно уроженка Новой Англии, и мальчика можно скоро выучить чистить ножи, служить за столомъ и вообще употребить съ пользой».

«Я запросилъ за обоихъ 2,050 долларовъ, что мужу показалось

громодной и цѣной: онъ могъ на эти деньги купить трехъ самыхъ лучшихъ полевыхъ работниковъ; для жены же его очень бы годилась горничная и постарѣе и похуже, да это можетъ—быть было бы и безопаснѣе. Смысль этого намена былъ очень ясенъ для меня, но жена его какъ-будто не понимала его и настаивала на томъ, чтобы купить Касси. Такъ какъ они были въ медовомъ мѣсяцѣ, то жена одержала верхъ. Купная была подписана, деньги заплачены, мать и ребенокъ уже отданы покупателямъ, когда Гужъ возвратился домой.

«Когда злобный старый плутъ узналъ, что я продалъ мать и сына двадцатью—пятью долларами дешевле, чѣмъ онъ могъ бы взять, продавая ихъ раздѣльно, — вы не можете себя представить какую кутерьму онъ поднялъ. Благочестивый членъ церкви баптистовъ, котораго, какъ я уже говорилъ вамъ, въ Нью-Йоркѣ приняли за доктора богословія, вышелъ совершенно изъ себя, клялся и бранился какъ какой-нибудь морской разбойникъ. Еслибы я даромъ отдалъ ихъ, то и тогда бы онъ не могъ больше бѣсноваться. Я подумалъ, что въ эту минуту онъ лишился благодати, но только не замѣнилъ ее вѣрой. Онъ не былъ методистомъ и часто спорилъ съ Макъ-Грабомъ объ этомъ предметѣ: Макъ-Грabb думалъ, что и лучший человекъ можетъ повременамъ падать, но Гужъ положительно причислялъ себя къ непогрѣшимымъ.

«Я сталъ говорить о томъ, какъ жестоко разлучать мать съ ея ребенкомъ, и увѣрялъ Гума, что онъ и такъ долженъ быть доволенъ великолѣпнымъ барышомъ на этой продажѣ; «я убѣжденъ, — говорилъ я ему, — что эта женщина благочестива и что кромѣ боязни разстатья въ своимъ дитятей, она пугалась мысли быть проданой на рынкѣ въ Нью-Орлеанѣ», и утверждалъ, что по совѣсти и по религіи гораздо лучше, какъ я сдѣлалъ, отдать ее въ семейство и по всей вѣроятности къ доброй госпожѣ, чѣмъ продать ее нью-орлеанскому купцу. Мнѣ показалось, что этимъ я побѣдилъ своего компаньона, и чтобы поддержать себя, привелъ текстъ: «Не обижай вдовъ и сиротъ!» Я далеко не былъ такъ свѣдущъ въ св. писаніи какъ Гужъ, но этотъ текстъ какъ-то пришелъ мнѣ на мысль. Но онъ ужасно озлился, что такой лишонный благодати какъ я, не принадлежащій ни къ какой церкви и неимѣвшій претензіи ни на какую религію, осмѣлился еще учить его въ этомъ, и точно бѣшеный накинудся на меня. Этотъ текстъ, сказалъ онъ, нельзя приложить сюда. Объ этомъ самомъ предметѣ онъ одинъ разъ имѣлъ разговоръ съ пасторомъ Соотвордсомъ. Такъ какъ невольники не могутъ женить-

ся, то между ними (такъ думаютъ пасторъ) не можетъ быть вдовъ; чтоже до дѣтей, то, такъ какъ они родились не въ супружествѣ, они не могутъ лишиться отца: вѣдь въ глазахъ закона, какъ говорилъ съ кафедры ученый судья Галлетъ, они ничьи дѣти. Что касается до благочестія негровъ — это все бредни, онъ ничему этому не вѣритъ. Гужъ точно принадлежалъ къ довольно многочисленной въ этой сторонѣ сектѣ антимиссіонныхъ баптистовъ или жесткокожихъ (*hard-shells*), которые думаютъ, что Богу не угодно, чтобы обращались язычники, а негры были тѣмъ-нибудь другимъ кромѣ рабовъ, и даже чтобы кто-нибудь спасался, кромѣ ихъ драгоцѣнныхъ собратій, и тѣ только единственно вѣрою и благодатію, совершенно независимо отъ дѣлъ. А что до отчаянія дѣвки при разлугѣ съ сыномъ, это—сказалъ Гужъ—все глупости: развѣ она не можетъ имѣть ихъ еще цѣлую дюжину? Вѣдь она молода еще! — Кончилось это дѣло тѣмъ, что грубость и корыстолюбивая наглость Гужа вывели меня изъ себя, — характеръ у меня вспыльчивый, тогда я не умѣлъ еще такъ владѣть собой—и у насъ вышла ужаснѣйшая ссора, кончившаяся тѣмъ, что я тутъ же исколотилъ Гужа, вслѣдствіе чего и разстроилось наше товарищество.

«Въ самомъ дѣлѣ я былъ слишкомъ чувствителенъ для подобнаго ремесла; еще съ мужчинами я могъ справляться, но женщины, старыя и молодыя, поднимали всегда такія сцены, такъ рыдая то о дочери, то о матери, то о ребенкѣ, то о мужѣ, что просто стало бы невыносимо для всякаго, у кого есть хотя сколько-нибудь жалости въ сердцахъ.

«Покончивши такимъ образомъ съ негроторговлей, нужно было найти себѣ другое занятіе. Но это было не легко. Въ самомъ дѣлѣ, очень мало есть занятій, за какія можетъ взяться южный джентльменъ, не унижая себя. За мои манеры, ловкость, за хорошія пѣсни, какія я умѣю пѣть, за хорошія сказки, какія я умѣю рассказывать, меня полюбили въ обществѣ; я никогда не пилъ, игралъ кое-какъ и въ карты, и въ кости, и въ другія игры, а потому могъ пополнить свои карманы этимъ путемъ. Наконецъ, за неимѣніемъ лучшаго, это сдѣлалось моимъ регулярнымъ ремесломъ.»

— Такъ это — сказалъ я, чтобы немножко отмстить ему за то, что онъ мучилъ меня — одно изъ тѣхъ немногихъ занятій, которыми можетъ заниматься южный джентльменъ, не унижая себя!

— Благородства этого занятія нечего оспаривать, сказалъ онъ, — потому что имъ занимается большая часть южныхъ джентльменъ.

ночь. Повременамъ на законодателяхъ найдеть духъ добродѣтели и покаянія — и вотъ они издадутъ законы, воспрещающіе игру; но на эти законы никто и не думаетъ обращать какое-нибудь вниманіе или принуждать къ ихъ исполненію; развѣ иногда какіе-нибудь бѣдненькіе общипанные голубята этимъ путемъ вздумаютъ отмстить за себя. Но хотя игра какъ-разъ стѣлько же благородна, какъ и рабовладѣніе, но по той же непослѣдовательности, какъ и въ неготорговлѣ, должно признаться, что наеъ, игроковъ — хотя мы постоянно ведемъ дѣло съ джентльменами — не считаютъ принадлежащими къ этому классу, если впрочемъ мы не приобретемъ достаточно денегъ, чтобы купить себѣ плантацію и удалиться на покой.

— Но людей вашего ремесла, сказалъ я, — обвиняютъ въ томъ, что недовольствуясь шансами игры, вы стараетесь помогать имъ собственными средствами.

— Правда, и такъ поступаетъ половина игроковъ-джентльменовъ, если только умѣютъ и представится къ этому случай. Играя въ азартную игру, является всегда стремленіе обратить ее въ игру, гдѣ преобладаетъ ловкость. Положимъ, что мы грабимъ плантаторовъ; развѣ они не живутъ, грабя своихъ негровъ? Какое право они имѣютъ жаловаться? Развѣ не тотъ же соусъ для гуся какъ, и для гусыни? Я вамъ говорю, что вся наша система отъ начала до конца состоитъ въ грабежѣ; только одни невольники да немногіе имѣющіе негровъ бѣлые могутъ сказать, что они честно зарабатываютъ свой кусокъ хлѣба. Плантаторы живутъ, грабя негровъ, которыхъ они принуждаютъ работать для себя; невольники крадутъ что могутъ у плантаторовъ, и немало бѣдныхъ бѣлыхъ смотрятъ на это сивоею пальцы и имъ же помогаютъ; пьивки-янки въ видѣ разносчиковъ и разныхъ ньюйоркскихъ агентовъ наводняютъ нашу землю и уносятъ свою часть добычи, — а у наеъ расчетливая голова и проворныя руки, чтобы обмануть и плантаторовъ, и янки, и ньюйоркцевъ, и мы стоимъ, сколько я знаю, на столько же прочномъ нравственномъ основаніи, какъ и всѣ они. Все принадлежитъ сильному, мудрому и хитрому — это краугольный камень системы южнаго общества; жить грабежомъ другихъ — это одинъ изъ грѣховъ, лежащихъ въ организмѣ этого общества, и одинъ знаменитый богословъ на сѣверѣ высказалъ ученіе, что за грѣха всего организма общества никто изъ отдѣльныхъ лицъ и не отвѣчаетъ. Но если это добродушное ученіе, которое я покрайней-мѣрѣ признаю совершенно непогрѣшимымъ, спасаетъ достоинства и спасетъ души

Гужа и Макъ—Граба и плантаторовъ, нѣтъ покровительствующихъ и ихъ поддерживающихъ, — почему мы, джентльмены по профессіи, не будемъ пользоваться этимъ добромъ?

LI

Сквозь эту нѣсколько насильственную багровою кхватуна—омисова, откровенность котораго я такъ скоро заслужилъ, легко было видѣть глубокую грусть, горечь и даже стыдъ такой жизни, какую онъ велъ, хотя онъ и приводилъ въ свою защиту то, что это одно изъ приложений основного принципа каждаго невольническаго общества. Онъ повидимому гордился этой мыслью и упрямо, замисловато развивалъ ее. Онъ соглашался, что отвлеченно разбирая, жить грабеномъ слабѣйшихъ есть преступленіе, оправдать которое невозможно; но если не онъ, такъ другой, — его воздержаніе не спасетъ никого; слабымъ и простодушнымъ предназначено быть ограбленными — а ужъ кто-нибудь да ограбить ихъ! Можно ли ожидать, чтобы, привыкнуши съѣдства къ безумной расточительности, онъ могъ отказаться отъ занятія, которое правда было подвержено нѣкоторымъ тревоженіямъ и случайностямъ, а также и несовершенству нравственно, но все же оно приносило что-нибудь, и рисковать умереть съ голода ради удовлетворенія нравственной цѣлостности? Онъ увѣрялъ, что хотя онъ шулеръ по профессіи, но у него есть—таки совѣсть, доказательствомъ чего могло служить по его мнѣнію то, что онъ поссорился съ Гужемъ и Макъ—Грабомъ и оставилъ негроторговлю, которую могъ бы составить себѣ состояніе. Но всему есть границы: человекъ долженъ жить, и жить такими средствами, какія позволяютъ ему употреблять его дарованія и общественное положеніе. Взявши все во вниманіе, нечего ожидать, чтобы онъ оставилъ свое ремесло, какъ нельзя ожидать, чтобы рабовладѣлецъ отказался отъ своихъ рабовъ. Не могу сказать, чтобы я поступилъ иначе.

Однимъ словомъ, кромѣ необходимости, какую я имѣлъ въ немъ, и свѣдѣніяхъ, которыя онъ могъ сообщить мнѣ для дальнѣйшихъ изысканій, — въ его прямомъ, пронизательномъ взглядѣ на вещи, въ его оживленномъ разговорѣ и пріятныхъ манерахъ было что-то, что мнѣ особенно нравилось.

Поэтому я отплатилъ ему откровенностью за откровенность, что

ему очень польстило. Отдавши честь его проникаемости, я признался, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ близокъ съ одной невольницей, и по одѣланному имъ описанію я думаю, что ее купилъ Макъ-Грабъ въ Сѣверной Каролинѣ, а онъ продалъ плантатору въ Миссисипи. Я прибавилъ, что этотъ мальчикъ долженъ быть мой сынъ, и спросилъ, какъ звали плантатора и можетъ ли Кольтеръ помочь мнѣ найти ихъ?

— А если вы найдете, спросилъ онъ: — что вы намѣрены дѣлать съ ними?

— Купить и освободить ихъ, если можно, отвѣчалъ я.

— Подумайте хорошенько, прежде чѣмъ рѣшитесь на такое дѣло. Вы знаете, время все измѣняетъ: вы не можете надѣяться получить опять ту же молодую дѣвушку, которую вы оставили въ Сѣверной Каролинѣ. О, обманчивое созданіе! Не лились ли изъ ея черныхъ глазъ слезы, когда она говорила съ такой искренностью, что я не могъ не повѣрить, что у нея есть мужъ, единственный человекъ, котораго она когда-нибудь знала, отецъ ея ребенка, что мужа продали неготорговцамъ и она надѣется встрѣтить его гдѣ-нибудь на югѣ? Не льстите себя надеждой, что она осталась вамъ вѣрна! Еслибы она даже и хотѣла этого, то едвали это было въ ея власти. Понравится ли она вамъ, если вы ее найдете, и найдете растолстѣвшей какъ цивная бочка, у какого-нибудь господина, гдѣ она будетъ домоправительницей и еще чѣмъ-нибудь, а можетъ-быть уже въ это время кухаркой или прачкой и матерью, какъ предполагалъ Гужъ, цѣлой дюжины прибавочныхъ дѣтей, и вѣроятно съ пріятнымъ разнообразіемъ въ цвѣтъ ихъ лицъ, — хотя невольницы, совершенно какъ и бѣлыя, очень брюзгливы и разборчивы въ томъ отношеніи, чтобы выбрать человека темнѣе себя?

Какъ ни тяжелы были для меня подобныя предположенія, но я не могъ не согласиться, что онѣ очень вѣроятны: двадцать лѣтъ рабства до чего не могли довести жену моего сердца? Какому униженію, безчестію, какимъ цедостойнымъ оскорбленіямъ, развращающимъ связямъ не могла подвергнуться прелестная, невинная молодая женщина, безъ всякой защиты закона, религіи и общественнаго мнѣнія, предоставленная неводержнымъ страстямъ — не говорю уже развратнаго сластолюбца, но какого-нибудь патріарха многоженца, любящаго юныхъ дѣвъ или добивающагося почета роскоши, которому она могла придтись по вкусу или по деньгамъ?.. Мое сердце сжадось, и голова отказывалась думать...

— А мальчикъ? продолжалъ мой учитель. — Еслибы вы имѣли его такимъ, какимъ я видѣлъ его — хорошенькое маленькое созданіе, едва начинавшее говорить, полное жизни и радости, непонимавшее еще, о чемъ плачетъ его мать — вы бы могли надѣяться сдѣлать изъ него что-нибудь. Такого ребенка нестыдно имѣть никому. Но какъ вы думаете, за это время что сдѣлалось изъ него? Прибавьте еще благодѣтельное дѣйствіе рабскаго воспитанія! Еслибы вы хотѣли, мой милый сэръ, быть ему отцомъ или истиннымъ другомъ ей, вы бы не должны были такъ надолго оставлять ихъ рабами.

Я поспѣшилъ объяснить ему въ общихъ выраженіяхъ, что не отъ меня завистло освободить ихъ во время моей разлуки съ ними; я не могъ поступить иначе, какъ я сдѣлалъ; но какъ скоро я имѣлъ средства, я употребилъ всѣ усилія отыскать и купить ихъ; что я нашолъ ихъ слѣдъ до Августы, но здѣсь нить прерывалась. Эту нить онъ случайно и неожиданно снова подалъ мнѣ и она напомнила мнѣ все прошлое. А такъ какъ я не женатъ, бездѣтенъ, и ничто болѣе не занимаетъ меня, то у меня явилось сильнѣйшее желаніе найти, и если возможно, освободить ихъ.

— Да вы, я вижу, романтикъ! точь-вточь Дикъ Джонсонъ! — прибавилъ мой товарищъ. — Правда, очень непріятно знать, что мое дитя обречено на пинки, пощечины и кнутья по прихоти скотовъ-управителей, сварливыхъ барынь или пьяныхъ злобныхъ господъ, безъ всякой надежды когда-нибудь подняться выше и съ единственной перспективой распложать породу рабовъ. Но смѣю сказать, это такъ кажется вамъ съ вашимъ англійскимъ воспитаніемъ, а еще болѣе оттого, что у васъ нѣтъ законныхъ дѣтей, на которыхъ бы могла сосредоточиться ваша привязанность. Но мы такъ не разсуждаемъ: человекъ долженъ приносить свои личныя отцовскія чувства — если они у него есть — въ жертву для блага того класса, къ которому онъ принадлежитъ. Смѣю сказать, что съ теченіемъ времени единственными представителями многихъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ государственныхъ людей и богатѣйшихъ фамилій будутъ ихъ потомки — рабы.

— Послушайте моего совѣта, бросьте эту смѣшную экспедицію во вкусъ Донъ-Кихота! Впрочемъ если вы хотите поставить на своемъ, то я готовъ помогать насколько могу: Иня плантатора съ Миссисипи, который купилъ ту женщину и ребенка, было Томасъ. Во время своихъ путешествій я нѣсколько разъ видѣлъ его, и не-

мало денегъ перешло изъ его кармана въ мой. Онъ до сихъ поръ живетъ, или жилъ еще недавно, недалеко отъ Висксбурга. У меня есть друзья въ этомъ городѣ, къ которымъ я дамъ вамъ письма, и съ ихъ помощью вы можете отыскать его; можетъ-быть эта женщина съ мальчикомъ до сихъ поръ еще живетъ въ этомъ семействѣ. Но берегитесь, чтобы не поймать хорька за лисицу!

ЛП

Оставивши своего новаго знакомаго въ Августѣ, гдѣ по его словамъ онъ имѣлъ дѣла, и взявши отъ него обѣщанія письма, я отправился въ Висксбургъ.

Велика была моя радость, когда я снова нашолъ слѣдъ тѣхъ, кого было потерялъ, но меня мучило печальное сомнѣніе и неизвѣстность, каковъ будетъ результатъ моихъ поисковъ, если я и найду ихъ?

Первая часть моего пути отъ Августы шла по истощеннымъ и отчасти уже брошеннымъ землямъ — тоже самое и отъ тѣхъ же причинъ, что я видѣлъ въ Виргиніи и Каролинѣ. Проѣхавши Окони и потомъ Окмюльжи, я пріѣхалъ къ новымъ поселеніямъ, которыя обрабатывались неболѣе двадцати лѣтъ, но уже и они представляли доказательства разрушительнаго дѣйствія земледѣльческой системы, господствующей на югѣ: бесплодныя поля, особенно на возвышенностяхъ, откуда почва была совершенно снесена и гдѣ только стояли прямые почернѣвшіе пни первобытныхъ лѣсовъ, истребленныхъ выжиганіемъ; но мертвые и обожженные, они еще держались глубокими корнями въ землѣ и какъ-будто мрачно улыбались картинѣ опустошенія. Дѣвственная почва, сначала очень плодородная, перенесена была въ сосѣдніе рвы, а вмѣсто нея осталась только бесплодная поверхность красной сухой глины. Можетъ ли быть символъ болѣе поразительный, чѣмъ эти покинутыя поля, мертвые гигантскіе пни, стоявшіе до сихъ поръ на нихъ, какъ-будто напоминая о быломъ, — символъ естественныхъ послѣдствій разрушительной системы, на которой основана вся организація негровладѣльческихъ государствъ? Они распространяются даже на самую землю, лишаютъ ее дѣвственной силы своимъ безумнымъ невѣжествомъ, спѣшащимъ обогатиться, и потомъ оставляютъ ее на безнадежное безплodie.

Проѣхавши Флинтъ, я вступилъ въ первобытныя лѣса, гдѣ еще

охотились Крики, но откуда уже ненасытная жадность жителей Георгіи съ помощью федеративнаго правительства готовилась силою изгнать ихъ (что скоро и было исполнено), для того чтобы замѣнить джикъ, свободныхъ владѣтелей лѣсовъ несчастными невольниками, перевезенными сюда съ истощенныхъ полей Виргиніи и Каролины. Приближаясь къ Алабамѣ, я оставляя мѣста, которыхъ уединеніе должно было быть скоро нарушено, и достигъ береговъ Миссисипи. Индѣйцы уже принуждены были оставить эти зѣмли, и теперь онѣ весьма быстро заселялись самымъ смѣшаннымъ населеніемъ изъ сѣверныхъ невольничьихъ штатовъ: тутъ были потомки первыхъ фамилій Виргиніи, которымъ удалось какимъ-нибудь фокусомъ захватить нѣсколькихъ невольниковъ изъ лагъ своихъ кредиторовъ, пришедшіе въ новую землю съ надеждой составить себѣ вновь состояніе; партіи невольниковъ съ управителями, присланныхъ сюда богатыми плантаторами старыхъ штатовъ для заведенія новыхъ плантацій, гдѣ бы ихъ трудъ могъ принести болѣе выгоды; георганскіе кракеры съ блѣдно-сальнымъ цвѣтомъ лица и прочіе жалкіе образчики бѣдности, невѣжества и униженія бѣлыхъ, пришедшихъ изъ Сѣверной Каролины пресмыкаться по новой землѣ; торговцы, доктора, адвокаты, шарлатаны, ябедники, спекуляторы на землю, неготорговцы, шулера и всякаго сорта искатели приключеній, включая сюда достаточное количество проповѣдниковъ баптистовъ и методистовъ. У всѣхъ, исключая проповѣдниковъ, и то нѣкоторыхъ, была одна мысль въ головѣ — разбогатѣть вдругъ, и два слова на губахъ — негры и хлопка. Еслибы кто имѣлъ время и желаніе познакомиться вполнѣ съ невольнической системой Соединенныхъ Штатовъ, то именно въ этихъ новыхъ поселеніяхъ могъ видѣть самое полное ея развитіе: здѣсь она являлась съ своимъ настоящимъ характеромъ и дѣйствовала безгранично. Всѣ старые штаты основались сначала по англійскому образцу, какъ свободныя общины; рабство вошло какъ добавленіе, какъ наростъ, и еще до сихъ поръ по преданію и обычаю остаются въ этихъ штатахъ кое-какія добрыя старыя англійскія здравыя идеи, хотя уже почти умирающія подъ гнетомъ негровладѣльчества. Но штаты Алабама и Миссисипи были отъ самаго основанія невольничьими штатами; они наполнялись стокомъ эмигрантовъ изъ старыхъ невольничьихъ штатовъ, болышею частью молодыхъ людей, которые, оставляя родину, оставили какъ-будто въ ней, какъ ненужные предрассудки, и всѣ правила чловѣколюбія, справедливости и даже умѣренности, и

как свирепые звери готовы были пожрать все, всякого и даже друг друга. Ни въ какой цивилизованной, и сомнѣваюсь, чтобы въ какой бы то ни было части свѣта, и когда бы то ни было, случилось ежесекундно столько ужасныхъ злодѣйствъ, хладнокровныхъ убійствъ пистолетами, ружьями, ножами; нигдѣ жизнь такъ невѣрна какъ здѣсь между комитетами по закону Линча съ одной стороны и частными убійствами съ другой. А обезопасена ли ответственность? Пусть отвѣтятъ на это ньюйоркскіе купцы, торговавшіе въ этихъ штатахъ; и англичане, купившіе облигаціи Миссисиппи. Правду сказать, и покупавшіе не заслуживаютъ никакаго состраданія. Эти облигаціи были изобрѣтены (что покупателямъ знаютъ, или должны знать) съ цѣлью возвысить капиталъ, на который миссисиппскіе плантаторы могли бы увеличить число своихъ невольниковъ; и если англичане, употребивъ свои деньги для такой преступной цѣли, будутъ обмануты на каждой копѣйкѣ, то это будетъ только справедливое воздаяніе.

Въ старыхъ невольничьихъ штатахъ жизнь невольниковъ на плантаціи, на которой они родились, отношенія между владѣльцами и ими, переходящая часто по наследству, производятъ часто родъ какой-то болѣе или менѣе сильной симпатіи у владѣльцевъ къ невольникамъ и заставляетъ тѣхъ быть снисходительнѣе; наконецъ родственныя связи болѣе всего облегчаютъ это положеніе; но при переселеніи на югъ, которое производится большею частью посредствомъ негроторговцевъ, всѣ эти связи и привязанности разрываются и возобновляются всѣ ужасы африканской торговли. Всѣ начатки идей, сначала существовавшихъ въ Мериландѣ, Виргиніи, Сѣверной Каролинѣ, Кентукки и Тенесси, что негры, хотя и рабы, все-таки люди и слѣдовательно имѣютъ право на какое-нибудь вниманіе и сочувствіе со стороны людей и даже способны къ развитію, къ религіозному образованію, а иногда можетъ быть и къ свободѣ, — эти отпрыски человѣческихъ чувствъ, хотя едва показавшіеся, очень слабы и часто погибавшіе отъ страшныхъ морозовъ, все-таки обѣщаютъ богатую жатву въ будущемъ и позволяютъ надѣяться: всѣ эти утѣшительныя побѣги, пересаженные въ тѣ жалкіе невольничьи штаты, о которыхъ я говорю, теперь заботливо вырываются, какъ вредный бурьянъ на крапивномъ полѣ рабства. Каждое лучшее чувство, каждый симпатичный голосъ старательно душатъ, и одна только идея усердно проповѣдуется судами, законодательствами, политиками, журналами и покрайней-мѣрѣ половиною или

богѣ тѣхъ, которые называютъ себя служителями евангелія — иди, что негры по самой своей природѣ созданы быть тѣмъ, что они теперь, — только товаромъ, собственностью, животными, которыми можно пользоваться, какъ пользуются лошадьми и быками, для приготовления хлопка; что негровъ, какъ лошадей и быковъ, нужно всегда держать подъ ярмомъ, на уздѣ, на веревкѣ и подъ хнупомъ; что изъ нихъ никогда не можетъ ничего выйти кромѣ рабовъ.

Старая англійская мысль, что нужно покровительствовать свободѣ, мысль, уничтожившая рабство въ Европѣ и сначала ибѣнная влияніе на судъ и законодательство богѣ сѣверныхъ невольничьихъ штатовъ, совершенно задохлась въ этихъ новыхъ паровыхъ грядкахъ хлопка и деспотизма. Разъ рабъ — рабъ навсегда! Черный или бѣлый отецъ, все равно какого бы цвѣта лица онъ ни былъ, еслибы самъ отецъ-рабовладѣлецъ вздумалъ освободить дѣтей своихъ, и то не могъ бы! Таково дьявольское ученіе деспотизма, возмущенное славнымъ судьей Шерки — (1) и никогда такъ выразительно не назывался американскій судья! — отъ трибунала высшаго суда въ Миссисипи. И уже это ученіе начинаетъ находить многихъ защитниковъ между жителями новой негровладѣльческой Гвинеи: до этого упали Виргинія и Мериландъ! Когда будетъ нужно, не отступятъ отъ него и сѣверные купцы, чтобы сохранить своихъ южныхъ покупателей, — сѣверные политики, готовые молиться самому сатанѣ, лишь бы только имѣть мѣсто; сѣверные издатели газетъ, читаемыхъ на югъ; сѣверные богословы, готовые если не отказаться отъ собственныхъ матерей, потому что самъ знаменитый докторъ Дьюи (Dewey), хотя въ пылу минуты и можетъ сказать это, но сдѣлать не рѣшится, но во всякомъ случаѣ готовые отдать родныхъ братьевъ въ рабство, лишь бы рабовладѣльцы оставались покойны и довольны: а опираясь на такіа податливыя орудія, можно проповѣдовать подписку на увѣковѣченіе рабства въ такъ-называемыхъ свободныхъ штатахъ, какъ краеугольнаго камня американскаго союза!

Кто прослѣдилъ бы прогрессивный ходъ американскаго рабства отъ Вашингтона и Джеферсона, тотъ пусть бы припоминалъ разницу между принципами, признанными ими и тѣми, которые высказываются теперь господами Шерки въ Миссисипи и поставщиками рабовъ для рынковъ въ Виргиніи... И эти люди назначаютъ президентовъ, издають законы, дѣлають своими орудіями политиковъ и стре-

(1) Shark значить плутъ.

матся, но безъ успѣха, управлять нравственностью и религіозною американцевъ!

III

При выѣздѣ въ городъ Виксбургъ мнѣ представилось ужасное зрѣлище: пять человѣкъ были повѣшено на поставленной какъ-видю на скорую руку висѣлицѣ, и какъ-разъ въ это время ихъ сбросили внизъ, и они боролись съ предомертной агоніей; тутъ же стоялъ взводъ военныхъ съ оружіемъ; партія черныхъ музыкантовъ исполняла «Янки-Дудль» и ужасно волновалась толпа зрителей всѣхъ возрастовъ и цвѣтовъ; какая-то женщина съ ребенкомъ на каждой рукѣ обращалась съ изступленными жестами къ человѣку, который повидимому игралъ главную роль въ этой сценѣ; я принялъ его за главнаго шерифа, хотя не видѣлъ на немъ ни официальнаго платья, ни другого знака власти.

Войдя въ гостиницу, я узналъ, къ величайшему моему удивленію, что эта казнь совершена не по приговору закона, но просто изъ любви къ искусству исполнена комитетомъ гражданъ, подъ предводительствомъ кассира плантаторскаго банка (это одно изъ тѣхъ учреждений, облигаціи котораго не безызвѣстны и въ Англійи, хотя кажется въ настоящую минуту онѣ не имѣютъ большой цѣнности): это была та самая особа, которую я принялъ по исправляемой имъ обязанности за главнаго шерифа. То что я услышалъ, меня удивило только потому, что жертвами были бѣлые: будь они черные или цвѣтные, я бы нисколько не удивился, что въ припадкѣ народнаго гнѣва или страха вздумали ихъ повѣсить.

Когда я началъ подробнѣе спрашивать объ исторіи этого страннаго процесса, мнѣ сказали, что повѣшенные — шулера изъ шайки отчаянныхъ мошенниковъ, долго зачумавшихъ этотъ городъ; наконецъ жители рѣшили не терпѣть долѣе подобнаго зла и приказали шулерамъ выѣхать изъ города; когда же тѣ отказались, граждане ворвались въ ихъ дома и начали уничтожать игорные инструменты. Но шулера стали защищаться, выстрѣлили въ нападавшихъ и убили ихъ предводителя, почтеннаго гражданина, въ то самое время, какъ онъ врывался въ чужой домъ.

Но шулеровъ все-таки схватили всѣхъ и только двое или трое успѣли убѣжать. Побѣдители пришли въ общенство: видъ убитаго

председателя, падая воялини влсади, восланипаниа о еббствен-ных проивгышахъ, страхъ, что остальные шулера могутъ вылезать на дуэль и убить ихъ, или просто убить даже и безъ вызова, такъ какъ два или три изъ нихъ были извѣстны за отчаянныхъ малыхъ, — все это подвѣствовало на нихъ тѣмъ болѣе, что если передать дѣло на разсмотрѣнiе законнаго суда, то очень могло быть, что и тѣ, кто первыя буйство вломались въ чужой домъ, хотя бы съ добродѣтельной цѣлю истребить рулетные столы, могли также подвергнуться обвиненiю, какъ и тѣ, кто выстрѣлили въ нихъ, хотя слѣдствiемъ выстрѣла и было убiйство. Обсудивши все это, они рѣшили, что самый легкiй и скорый способъ окончить это дѣло — вывести шулеровъ за городъ и тутъ же повѣсить.

Въ самомъ дѣлѣ для людей, привыкшихъ къ скорымъ рѣшенiямъ невольническаго кодекса, гдѣ подозрѣнiе служитъ доказательствомъ, гдѣ власть занимаетъ мѣсто судебного слѣдствiя, все отсрочки и формальности обыкновеннаго уголовного судопроизводства должны казаться скучными и нелѣпыми. Отсюда происходитъ на югѣ постоянно усиливающееся стремленiе замѣнить эту администрацiю въ судебныхъ дѣлахъ, какъ бѣлыхъ, такъ и негровъ, скорымъ судопроизводствомъ по закону Линча. Въ самомъ дѣлѣ напрасно стали бы ожидать, что людей закаленныхъ и огрубѣлыхъ въ постоянныхъ усилияхъ выжать изъ своихъ невольниковъ сколько можно больше работы, привыкшихъ не встрѣчать отъ своихъ жертвъ никакого пренятствiя каждой прихоти скотскаго бѣщенства, — этихъ людей удержало бы утонченное сознание необходимости правосудiя даже между собою.

Еще не успѣлъ я вполнѣ увнать всю эту исторiю, какъ въ гостиницу, гдѣ я остановился, явились главные дѣйствующiя лица этого происшествiя, чувствуя необходимость для поддержанiя своего достоинства и бодрости духа подкрѣпиться водкой. За ними вошла женщина съ двумя дѣтьми, та самая, которую я замѣтила, проѣзжая мимо мѣста казни; это, какъ я узналъ, была вдова одного изъ повѣшенныхъ. Напрасно она умоляла позволить ей снять и предать погребенiю тѣло своего мужа: ей отказали съ грубой утровою, что если кто осмѣлится снять тѣло съ висѣлицы прежде чѣмъ оно повиситъ для примѣра другимъ — двадцать четыре часа, то будетъ повѣшенъ вмѣстѣ съ ними. Въ самомъ дѣлѣ толпа разъярилась до того, что бѣдная женщина, боясь за свою жизнь, побѣжала къ берегу, и

сѣвши съ обоими дѣтьми въ лодку, пустилась по рѣкѣ, считая безо-
паснѣе вѣтриться волнамъ, чѣмъ оставаться долѣе въ Вилсбургѣ.

Когда тревога нѣсколько унялась, я показалъ хозяину гостиницы
адресъ привезеннаго мною рекомендательнаго письма и спросилъ,
знаетъ ли онъ эту особу?

Едва онъ прочелъ это имя, какъ на лицѣ его выразился ужасъ
и испугъ.

— Вы знаете эту особу? живо спросилъ онъ.

Я сказалъ, что нѣтъ, что я въ первый разъ прїѣхалъ сюда,
а это письмо далъ мнѣ одинъ джентльменъ, котораго я встрѣтилъ
въ Августѣ.

— Не называйте его имени, прошу васъ! возразилъ онъ: — не
говорите ни слова объ этомъ никому! Это письмо адресовано было
къ одному изъ тѣхъ повѣшенныхъ, которыхъ вы видѣли, вѣзжая
въ городъ. Онъ, правда, держалъ рулетку и кое-что смѣкалъ въ
игрѣ, но все-таки это была добрая душа; половина этихъ джентль-
меновъ, которые его повѣсили, не стоятъ его одного. Еслибы вы
назвали его имя, васъ бы схватили и повѣсили какъ одного изъ ихъ
шайки.

Радуясь, что такъ счастливо отдѣлаясь, я все-таки рѣшился
спросить, не знаетъ ли онъ въ окрестности плантатора Томаса?

Онъ отвѣчалъ, что жилъ прежде въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда
одинъ плантаторъ, который такъ назывался, и по его описанію я
узналъ, что это тотъ самый, котораго я искалъ; но года два или
три тому назадъ онъ переѣхалъ миль за пятьдесятъ въ графство
Мадизонъ въ Бигъ-Блакъ.

Обязательный хозяинъ помогъ мнѣ на другой день достать ло-
шадь, и я отправился въ Мадизонъ. Выѣжая изъ города, я снова
увидѣлъ трупы шулеровъ, еще не снятые съ висѣлицы. По дорогѣ
въ Бигъ-Блакъ я убѣдился, что не одинъ Вилсбургъ зараженъ стра-
стью рѣшать дѣла висѣлицей, а что это родъ эпидеміи, свирѣпствующей
во всей этой части Миссисиппи.

Графства Гиндсъ и Мадизонъ просто обезумѣли отъ ужаса вслед-
ствіе пронесшихся слуховъ о возмущеніи невольниковъ. Нѣсколько
управителей подслушали въ избахъ негровъ каніе-то намеки на за-
говоръ, и два знахаря изъ Тенесси по доносамъ двухъ или трехъ на-
стоящихъ докторовъ, смотрѣвшихъ съ негодованіемъ и завистью на
этихъ знахарей и увѣрявшихъ, что это просто конокрады, были
арестованы вмѣстѣ съ двумя или тремя неграми, какъ участники

въ заговорѣ. Немедленно составился комитетъ общественной безопасности и судъ волонтеровъ. Черные и бѣлые плѣнники были приговорены къ смерти; у приговоренныхъ къ висѣльницѣ потребовали признанія, которое было сдѣлано ими очень подробно, вѣроятно въ надеждѣ спасти свою жизнь. Изъ этихъ признаній, съ помощью живого воображенія судей и присутствовавшихъ, заговоръ — дѣйствительный или воображаемый — принялъ очень страшный видъ.

Судя по этимъ признаніямъ, это былъ заговоръ не однихъ негровъ или рабовъ, но къ нему присоединились всѣ отчаянныя головы изъ бѣлыхъ: негрокрады, конокрады, шулера и другіе геніальные джентльмены, живущіе своимъ умомъ. Имъ приписывали самыя страшныя и замысловатыя планы, какіе только могутъ придти въ голову негровладѣльцамъ: предполагали, что они станутъ предводителями возмущившихся негровъ, разграбятъ банкъ и такимъ образомъ, какъ новые катидины, овладѣютъ всей страной.

Такъ какъ я не могъ прѣхать въ этотъ же день къ назначенному мѣсту, то долженъ былъ искать гостепріимства на ночь въ домѣ одного плантатора, одного изъ самыхъ уважаемыхъ людей — какъ я послѣ узналъ — въ околоткѣ, который вмѣсто того чтобы, какъ всѣ ожидали отъ него, сдѣлаться предводителемъ въ уничтоженіи заговора и наказаніи виновныхъ, оставался спокойно дома.

Онъ мнѣ сказалъ, что очень сомнѣвается въ дѣйствительности этого заговора и считаетъ его просто сумасбродной выдумкой. «Опасеніе заговора негровъ, основанное на однихъ слышанныхъ рассказахъ, опасеніе, наводящее паническій страхъ на всѣхъ, особенно на женщинъ и дѣтей, было такой же эпидеміей на югѣ, — сказалъ онъ, — какъ и желтая лихорадка осенью.» Онъ привыкъ къ этому, и обыкновенно это кончается, сколько ему извѣстно, тѣмъ, что накажутъ кнутомъ или повѣсятъ нѣсколькихъ подозрительныхъ негровъ, на которыхъ обращаютъ слишкомъ много вниманія. Но онъ соглашался съ тѣмъ, что увеличивающееся число бѣлыхъ на югѣ безъ всякаго состоянія и безъ всякихъ средствъ составить его себѣ, безпокойныхъ отчаянныхъ головъ, поведетъ къ ужаснымъ потрясеніямъ, если имъ не удастся захватить себѣ плантаціи изъ земель, принадлежащихъ правительству.

Въ то время какъ мы спокойно разсуждали объ этомъ предметѣ за чашкой чаю, къ дому подѣхали два или три звѣрообразныхъ бѣлыхъ и одинъ изъ нихъ, сѣвшившись, подаль моему хозяину грязный наматый ключекъ бумаги.

Когда онъ прочелъ, брови его-сдвинулись: это былъ приказъ попечительнаго комитета немедленно явиться лично и привезти съ собой иностранца (то есть меня), котораго прослѣдили до самаго его дома.

Мой хозяинъ спросилъ подателя, что нужно отъ него комитету? Тотъ отвѣчалъ, что его неучастіе въ принятіи мѣръ противъ заговора показалось страннымъ и въ нѣкоторыхъ признаніяхъ, сдѣланныхъ обвиненными, замѣшанъ и онъ.

На это онъ холодно отвѣчалъ, что всегда готовъ отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ передъ правильнымъ судомъ, но что онъ не признаетъ власти попечительнаго комитета. «Чтоже касается до этого джентльмена, моего гостя, — продолжалъ онъ — я мирный судья, и если вы докажете, что онъ сдѣлалъ что-нибудь противозаконное, то я дамъ приказъ его арестовать, но безъ законнаго повелѣнія я не позволю взять его изъ моего дома!»

Единственная причина къ подозрѣнію на мой счетъ было то, что какъ иностранецъ, я не могу проявлять по этой землѣ въ настоящемъ тревожномъ состояніи умовъ, недавши отчета, кто я. Но какъ мой хозяинъ не считъ этого достаточной причиной, чтобы арестовать меня, то посланные отъ попечительнаго комитета уѣхали съ угрозами, что скоро воротятся съ довольнымъ количествомъ людей, чтобы взять насъ обоихъ силой, и предостерегая насъ, что это сопротивление власти комитета будетъ принято не иначе, какъ за очевидное доказательство нашего участія въ заговорѣ, и следовательно мы должны ожидать одной висѣлицы. При этомъ они прибавили, что уже шесть бѣлыхъ и восемнадцать негровъ повѣшено и очень много арестовано.

Какъ только эти господа убрались, я началъ благодарить хозяина за его покровительство. Но прежде чѣмъ отвѣчать мнѣ, онъ приказалъ осѣдлать двухъ лошадей. «Я желаю бы покровительствовать вамъ, но я намѣренъ выдержать осаду, и если потребуютъ сдатьсь, я могу найти защиту у моихъ многочисленныхъ родныхъ и знакомыхъ, а для васъ опасно здѣсь остаться. Ваша лошадь едвали можетъ ѣхать далѣе; я вамъ дамъ свѣжую, а вашу отправлю въ Висксбургъ; мой негръ Самбо будетъ вашимъ проводникомъ: онъ хорошо знаетъ мѣстность и доведетъ васъ, если это не невозможно, до береговъ Миссисипи, куда лучше всего вамъ пріѣхать какъ можно скорѣе. Тамъ постоянно ходятъ пароходы, садитесь на

первый и откажитесь отъ путешествія по нашимъ мѣстамъ въ настоящее время.»

Сказано, сдѣлано. Черезъ четверть часа я снова былъ въ дорогѣ и цѣлую ночь путешествовалъ подъ опытнымъ руководствомъ Самбо по непроходимымъ тропинкамъ, рѣкамъ, заливамъ и топкимъ болотамъ, и къ утру мы достигли уединенной верфи на берегу рѣки, куда заходятъ пароходы за топливомъ. Скоро показался пароходъ, отправляющійся въ Нью-Орлеанъ; услышавши обычный сигналъ, онъ остановился и прислалъ за мною лодку.

Прѣхавши въ Нью-Орлеанъ, я послѣ прочелъ въ газетахъ, что мистеръ Гуперъ — такъ звали моего великодушнаго хозяина — выдерживалъ осаду въ собственномъ домѣ: онъ заложилъ окна и двери, обложилъ пуховиками свое маленькое дитя, и нежелая подвергать опасности своихъ невольниковъ, самъ защищалъ домъ; нѣсколько времени онъ удерживалъ нападающихъ, тяжело ранилъ одного изъ нихъ и тогда только сдался, когда пулей разорвало его ружье и онъ болѣе уже не могъ стрѣлять. Дѣло его, какъ я узналъ послѣ, было представлено въ попечительный комитетъ и возбудило жаркіе споры; но какъ у него было много сильныхъ родственниковъ, то комитетъ не осмѣлился прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

LIV

Такъ какъ взволнованное состояніе страны не позволяло мнѣ ѣхать самому къ мистеру Томасу, то я написалъ къ нему письмо. Въ ожиданіи отвѣта, разъ во время прогулки по одной изъ главныхъ улицъ Орлеана мнѣ пришло желаніе войти въ большой магазинъ, гдѣ происходила продажа невольниковъ съ аукціона. Въ эту минуту продавались работники и мастеровые съ какой-то плантаціи. Подъ молоткомъ находилась кузнецъ, работникъ перваго сорта, — какъ выразился аукціонеръ, — платившій своему господину въ мѣсяцъ оброка двадцать долларовъ, не считая того, что онъ издержалъ для себя въ послѣдніе пять лѣтъ; цѣна на него поднялась ужъ до пяти-сотъ долларовъ. Рассказывали правда, что разъ уже онъ заплатилъ такую сумму въ выкупъ за свою свободу, собравши ее изъ своихъ заработковъ, кромѣ жалованья. Но его господинъ, бостонецъ, поселившійся въ Новомъ Орлеанѣ, хладнокровно положилъ деньги въ карманъ, а его самого послалъ продать съ аукціона. Эта исторія

несколько охладила торгъ, потому что послѣ подобнаго вѣроломства товаръ могъ убѣжать. Аукціонеръ постоянно говорилъ, что это неправда; но когда отъ него потребовали, чтобы онъ спросилъ самаго невольника, правда ли это? онъ отказался, говоря со смѣхомъ, что невольникъ не можетъ быть свидѣтелемъ противъ своего господина.

Потомъ привлекла мое вниманіе группа женщинъ, очевидно высшаго качества: многія изъ нихъ были очень мало смуглы. Въ особенности одна обратила на себя мое вниманіе: эти глаза, этотъ ротъ!.. Станъ ея повислъ и сдвинулся пылинке, лицо немного старѣе того, которое я помнилъ; но ея черные какъ вороново крыло волосы, ея все еще жемчужные зубы придавали ей еще видъ юности; она была такого же роста, ея движеніе и жесты были такъ же граціозны!.. Я жадно всматривался... Неужели я могу ошибиться? Нѣтъ! это она, это Касси, это давно потерянная жена моя, та, которую искалъ я — и наконецъ нашолъ... но гдѣ!..

Читатель! Прижми свою жену къ твоему сердцу и благодари бога, что вы оба родились свободными! Послѣ двадцатилѣтней разлуки я нашолъ снова свою жену въ полномъ развитіи зрѣлой красоты, выставленную на продажу съ аукціона... Но даже здѣсь, на послѣдней степени униженія и страданія, она оставалась спокойна и сохраняла полную власть надъ собою: ея манеры очевидно заставляли невольно сколько-нибудь удерживаться праздношатающихся развратниковъ, жестокихъ спекуляторовъ, любопытныхъ зрителей, всѣхъ, чьему осмотру и грубымъ, пошлымъ, мучительнымъ допросамъ она подвергалась какъ и другія. Но теперь не время было предаваться своимъ чувствамъ, а необходимо было дѣйствовать. Собравши всю свою энергію, я подумалъ, что дѣлать? Привлекать къ себѣ вниманіе Касси было опасно, потому что я чувствовалъ, что она узнаетъ меня, какъ я ее узналъ, и для перваго свиданія я не желалъ избрать такое публичное и странное мѣсто какъ аукціонъ, гдѣ ея удивленіе могло бы повести къ затруднительной, а можетъ быть и не безопасной сценѣ.

Осматриваясь кругомъ, занятый этими мыслями, я увидѣлъ — какъ-будто судьба или провидѣнія особенно покровительствовали мнѣ — моего послѣдняго знакомаго, мистера Джона Кольтера. Онъ прохаживался по комнатѣ, разсматривая разнообразныя группы невольниковъ, преимущественно женщинъ, съ видомъ — по его собственному выраженію — знатока и любителя, который могъ очевидно оцѣнить по достоинству каждый предметъ.

Поймавши мой взгляд почти в ту же минуту, как я увидалъ его, онъ подошелъ ко мнѣ и съ большимъ участіемъ спросилъ, что я здѣсь дѣлаю и каковъ былъ успѣхъ моей побѣдки на Миссисипи? «Прочитавши въ газетахъ о тѣхъ, кого повѣсили, — прибавилъ онъ, понижая голосъ — я боялся, что впуталъ васъ въ непріятное дѣло. Очень радъ, что вы сумѣли позаботиться о себѣ. На юго-западѣ необходимо имѣть острые зубы и не закрывать глазъ.»

— Васъ именно мнѣ и нужно было видѣть; ваша помощь можетъ быть для меня безцѣнна: я нахожу ее! Она здѣсь!

— Здѣсь? Чортъ возьми! Гдѣ она? Продается? Купили вы ее?

Я показалъ ему Касси. Она стояла вмѣстѣ съ другой женщиной, задумавшись и опустивъ глаза въ землю. Кольтеръ хвасталъ, что у него такая память, что разъ увидѣвши лицо, онъ его никогда не забудетъ, но на этотъ разъ его память уступала моей. Взглянувши раза два на нее, онъ сказалъ, что я могу быть правъ, но чтобы увѣриться вполнѣ, онъ въ то время какъ я отошелъ на другой конецъ, подошелъ къ ней, назвалъ ее по имени, напомнилъ объ Августѣ, о магазинѣ невольниковъ, и изъ короткаго разговора вполнѣ убѣдился, что это та самая особа, за которую онъ поссорился съ Гужемъ, и слѣдовательно это было моя Касси.

Когда онъ спросилъ ее, какимъ образомъ она здѣсь и продаютъ ли ее? она отвѣчала, что ее привели сюда съ этой цѣлью, но что продать ее не имѣютъ права, потому что она свободна. Прежній ея владѣлецъ, мистеръ Кертисъ далъ ей отпускную еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но онъ недавно умеръ, и нѣкоторые лица, называющія себя его наследниками, теперь хотятъ продать ее.

Кольтеръ обѣщалъ разузнать объ этомъ дѣлѣ и помочь ей освободиться; она поблагодарила его и сказала, что всегда была твердо увѣрена, что господь пошлетъ ей помощь.

Тогда онъ посѣщилъ передать все мнѣ, и въ то время какъ мы еще разсуждали объ этомъ предметѣ и разбирали, какъ лучше поступить, — аукціонеръ, окончивши продажу мужчинъ, приступилъ къ группѣ женщинъ, въ которой стояла Касси.

Первая, которую выставили на платформу, была красиво-сло-женная дѣвушка негритянка, очень опрятно одѣтая; къ ея добро-душному лицу очень шолъ платокъ яркаго цвѣта, которымъ въ видѣ чалмы была обернута ея голова. Хотя она повидимому была еще очень молода, но держала на рукахъ и съ любовью ласкала всеелень-

каго ребенка семи или восьми мѣсяцевъ , очень богато одѣтаго и гораздо бѣлѣ своей матери.

— Джемима, сказалъ аукціонеръ, — горничная перваго сорта. Поднимите-ка головку, моя милая! Пусть джентльмены на васъ посмотрятъ! Воспитанная въ одномъ изъ первыхъ семействъ въ Виргиніи, хорошая швея, — читалъ онъ на листѣ, гдѣ были написаны имена и качества каждаго предмета, — пятнадцать лѣтъ, съ ручательствомъ за ея крѣпкое и здоровое сложеніе.

— И ребенка вы продаете вмѣстѣ съ матерью за одну штуку? спросилъ худой, косоглазый господинъ съ грубыми чертами лица.

— Вы знаете, что законъ не позволяетъ намъ, сказалъ аукціонеръ, мигнувши однимъ глазомъ, — продавать отдѣльно мать и дитя; кто покупаетъ дѣвушку, имѣетъ право взять и дитя, если ему угодно, прибавивши по одному доллару за фунтъ: это вездѣ такая цѣна; вы старый человекъ, знаете это такъ же хорошо, какъ и я. Вы покупаете ихъ не въ первый разъ, я думаю?

Это вызвало громкій смѣхъ насчетъ спрашивавшаго, который впрочемъ не обратилъ на это вниманія, и аукціонеръ, отвѣтивши утвердительно на его вопросъ, можно ли продать ребенка отдѣльно, если его не купятъ вмѣстѣ съ матерью, продолжалъ торгъ.

— Только триста долларовъ за горничную и швею, воспитанную въ одномъ изъ первѣйшихъ семействъ Виргиніи! Вѣдь она продается не за какой-нибудь порокъ, а только потому, что деньги «нужны»!

— Какъ обыкновенно случается съ этими первѣйшими фамиліями Виргиніи! сказалъ кто-то въ толпѣ, — и онѣ только живутъ тѣмъ, что ѣдятъ своихъ негровъ.

— Съ ручательствомъ, — продолжалъ аукціонеръ, не обращая вниманія на это замѣчаніе и на смѣхъ, который оно возбудило въ толпѣ, — съ ручательствомъ за ея здоровье, крѣпость и честность.

— Но не за дѣвство! замѣтилъ голосъ въ толпѣ. Эта выходка возбудила новый и еще болѣе сильный взрывъ хохота.

— Съ правомъ купить съ нею и ребенка по доллару за фунтъ, продолжалъ аукціонеръ: — триста-пятьдесятъ! четыреста! Благодарю васъ, сэръ! (съ поклономъ и любезной улыбкой къ покупателю) четыреста-пятьдесятъ! Такъ ли я слышалъ? пятьсотъ! Я не могу ожидать, господа! Мнѣ нужно продать ихъ большую кучу сегодня. Итакъ пятьсотъ? пятьсотъ! Идетъ! пятьсотъ долларовъ за первѣйшую дѣвку Виргиніи! Она такъ молода и обѣщаетъ быть плодovitой,

а только пятьсотъ долларовъ! Клянусь честью, джентльмены, — сказалъ онъ, прикладывая молотокъ къ груди: — клянусь честью (съ особеннымъ выраженіемъ), она стоитъ семьсотъ—пятьдесятъ для кого-нибудь! Красивая, молодая, прекраснаго характера, крѣпкаго сложенія и здоровая, горничная и швея, воспитанная въ одномъ изъ первыхъ семействъ въ Виргиніи, — а продается только за пятьсотъ долларовъ! Мы принуждены будемъ прекратить торгъ, джентльмены, если вы не будете набавлять больше. За все пятьсотъ долларовъ! Идетъ за пятьсотъ долларовъ! Пошла!

И молотокъ упалъ.

— Идетъ за пятьсотъ долларовъ, такъ дешево — за мистеромъ Чарльсомъ Паркеромъ!

При этомъ выступилъ толстенькій, веселый, молоденькій джентльменъ; черная дѣвушка, внимательно взглянувши, улыбнулась своему новому покупателю, котораго наружность ей понравилась. «Мистеръ Паркеръ безъ сомнѣнія беретъ и дитя, — продолжалъ аукціонеръ, обращаясь къ своему писцу: — прибавьте тридцать—пять долларовъ за ребенка, по одному доллару за фунтъ.»

— Вовсе нѣтъ! вмѣшался покупатель. При этихъ словахъ какъ внезапно и грустно измѣнилось лицо дѣвушки! — Я купилъ ее, чтобы она была кормилицей, мнѣ не нужно писклевка, я не возьму его и даромъ.

Я могъ видѣть, какъ при его словахъ мать судорожно сжала ребенка въ своихъ объятіяхъ. Я ожидалъ сцены, но тотъ же самый маленькій косоглазый человѣчекъ, котораго я прежде замѣтилъ, подошелъ къ покупателю и шопотомъ сказалъ: — «Возьмите его, возьмите! Я его куплю изъ вашихъ рукъ и дамъ еще долларъ барышна.» Когда покупатель бросилъ на него сомнительный взглядъ, кто-то изъ толпы сказалъ: «Это старый Стюббингсъ, барышникъ негритинскими дѣтьми; онъ торгуетъ негренами, на него можно положиться.» Согласившись на это предложеніе, мистеръ Паркеръ принялъ во владѣніе свою новую покупку. Улыбка воротилась на лицо молодой матери; она начала благодарить и благословлять его, нисколько неподозрѣвая торга, заключеннаго съ мистеромъ Стюббингсомъ, который шопотомъ общалъ мистеру Паркеру устроить дѣло такъ, чтобы взять ребенка на слѣдующій же день такимъ образомъ, чтобы не дать дѣвущкѣ возможности поднять сцену.

— Теперь, джентльмены, сказалъ аукціонеръ, очевидно довольный, что это дѣло окончилось такъ спокойно, — теперь я предлагаю

вамъ рѣдкую домоправительницу! — И онъ прочелъ на листѣ: «Касси знаетъ хозяйство во всѣхъ его отрасляхъ, достойная всякаго довѣрія, за ручательствомъ, что она принадлежитъ къ членамъ церкви методистовъ. Не могу сказать, джентльмены, чтобы она была молода, но она превосходно сохранилась. Она вполне соответствуетъ английскому выраженію «красавица». Нечего смѣяться! — почти бѣлая! Она соответствуетъ английскому выраженію «красивая, полная, сильная». Взойдите, Касси, моя милая, покажите себя!

Боже мой! Что я выстрадалъ въ эту минуту!.. Но — необходимо было быть спокойнымъ.

Касси отделили отъ группы, въ которой я ее прежде увидѣлъ, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ подвели ее къ платформѣ. Но вмѣсто того чтобы взойти на нее, она остановилась возлѣ, и въ то время какъ всѣ глаза устремились на нее, она сказала спокойно, но твердо. (Какъ дрогнуло мое сердце, когда я въ первый разъ за двадцать лѣтъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ-будто я слышалъ его каждый день!) — «Нѣтъ, сказала она: — я свободна! Какое право вы имѣете продавать меня?»

Это восклицаніе произвело, какъ и можно было ожидать, сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Взглянувши на публику, я увидѣлъ, что многіе сочувствовали этому крику свободы и требовали у аукціонера объясненій.

— Обыкновенный случай, джентльмены, весьма обыкновенный. Женщина безъ сомнѣнія считаетъ себя свободной; она и была свободной нѣсколько лѣтъ, но это единственно по снисхожденію своего послѣдняго владѣльца. Онъ умеръ, и теперь она поступила во владѣніе наследниковъ, а тѣ ее продаютъ. Вотъ и все. Взойди же, Касси, взойди на столъ! Видишь, этому ничѣмъ не помочь! Джентльмены! Кому угодно набавлять?

— Пойдите на минуту! сказалъ мистеръ Кольтеръ, оставивши меня и выступая впередъ: — не торопитесь такъ! Я хорошо знаю эту женщину и говорю, что она свободна. Джентльмены! остерегайтесь: кто купить ее — купить процессъ!

Рѣшительный тонъ, которымъ это было сказано, какъ холодной водой окатилъ покупателей: никто не предлагалъ ничего и аукціонеръ, чтобы оправдаться отъ обвиненій, будто онъ продаетъ свободную женщину, принужденъ былъ войти въ болѣе подробное объясненіе.

— Эта женщина, сказалъ онъ, — прежде принадлежала мисте-

ру Джемсу Кертису, очень почтенному гражданину, хорошо известному очень многимъ, но теперь уже умершему. Онъ позволялъ ей уже нѣсколько лѣтъ жить какъ свободной женщиной и безъ сомнѣнія джентльменъ (онъ говорилъ о Кольтерѣ) имѣлъ полное право предполагать ее свободной. Но дѣло въ томъ, что у нея нѣтъ отпускной, а если и есть, то не по формѣ сдѣлана. Мистеръ Кертисъ умеръ, неоставивъ никакого завѣщанія; его состояніе досталось по наследству брату его, мистеру Агриппѣ Кертисъ изъ известной бостонской фирмы: Кертисъ, Соинъ, Байрънъ и К°, который, имѣя неоспоримое право на эту женщину, какъ на свою собственность, послалъ ее на аукціонъ. А вотъ и самъ владѣлецъ! — прибавилъ аукціонеръ: — съ нимъ его повѣренный по дѣламъ. Они безъ сомнѣнія могутъ сами убѣдить васъ въ законности своихъ правъ.

Въ то время какъ онъ говорилъ это, я увидѣлъ двухъ человекъ, входившихъ въ комнату. Одинъ былъ очень маленькаго роста, съ головой величиной съ кошачью, маленькіе, блуждающіе, безпокойные глаза; сжатые губы имѣли точно такое выраженіе, какое бываетъ у кошки, укравшей сливки, когда она ожидаетъ щелчка за свою продѣлку, и все-таки лижетъ губы, какъ-будто украденные сливки показались еще слаще. Это былъ, какъ я узналъ, Томасъ Литльбоди, эсквайръ изъ Бостона, адвокатъ и повѣренный мистера Агриппы Кертиса или Грива Кертиса, каки его обыкновенно называли знакомые. Его патронъ былъ лысоголовый человекъ лѣтъ сорока; по непроницательному и неподвижному спокойствію его лица трудно было составить себѣ какое-нибудь предположеніе о его характерѣ; можно было только предполагать, что его нельзя упрекнуть въ избыткѣ чувствительности.

— Отличная исторія! сказалъ Кольтеръ, подходя къ этой достойной парочкѣ въ то время, какъ они подходили къ аукціонеру, и окинувъ ихъ такимъ взглядомъ, что имъ стало неловко. — Общество увидитъ въ чемъ дѣло. Очень радъ, что въ этой грязной воровской продѣлкѣ не замѣшанъ ни одинъ луизианецъ! Эта женщина такъ же свободна, какъ вы или я. Чистая ложь, что у нея нѣтъ законнаго документа! Все это одни мерзкія плутни негодяевъ янки, чтобы подцѣпить какую-нибудь сотню долларовъ; но чтобы не заводить шума, я предлагаю сто долларовъ за это мнимое право. Господинъ аукціонеръ, продолжайте торгъ! Я даю сто долларовъ.

— Сто долларовъ! повторилъ какъ-будто механически аукціонеръ. — Джентльмены! предлагаютъ сто долларовъ!

— Я даю ихъ , сказалъ Кольтеръ , окидывая гордымъ взглядомъ общество , — чтобы подкупить пьявокъ-янки и возвратить свободу свободной женщинѣ . Увидимъ , — прибавилъ онъ , — кто при такихъ обстоятельствахъ захочетъ спорить со мной : южный ли джентльменъ (проходя мимо Кертиса и его адвоката и бросая на нихъ такой злобный взглядъ , какого я не ожидалъ отъ его красиваго лица) , или какой-нибудь подлець янки !

Адвокатъ Томасъ Литльбоди эсквайръ , бостонскій юристъ , сдѣлалъ три или четыре шага назадъ , какъ-будто эта рѣчь прямо обращалась къ нему ; но природная неподвижность и важность мистера Грипа Кертиса лучше выдержали это нападеніе . Открывая свои совиные глаза , онъ медленно проговорилъ :

— Надѣюсь , вы этимъ не хотите сказать ничего противъ моей чести ?

— Я скажу тогда , сказалъ Кольтеръ , — если вы вздумаете набивать цѣну на собственномъ аукціонѣ . Довольно уже привести свободную женщину на аукціонъ , чтобы еще стать набавлять на нее цѣну .

— Сто долларовъ предлагается , джентльмены ! Сто долларовъ ! — повторялъ аукціонеръ . Но никто не набавлялъ .

Маленькій косоглазый барышникъ дѣтymi , слѣдившій съ такимъ вниманіемъ за всей этой сценой , какъ-будто ожидалъ , что ему представится случай заработать какую-нибудь копѣйку , открылъ было ротъ , какбы желая набавить , но одинъ взглядъ Кольтера заставилъ его такъ быстро замолчать , какъ-будто языкъ его укололи кинжаломъ ; я думаю , что Кольтеръ вѣроятно и показалъ ему его изъ-подъ сертука . Во всякомъ случаѣ желаніе набавить замерло невысказаннымъ .

— Такъ какъ джентльмены не располагаютъ покупать , сказалъ мистеръ Грипъ Кертисъ , подходя къ аукціонеру , — то я беру женщину назадъ .

Эти слова ужасно испугали меня , но Кольтеръ по своей опытности могъ превзойти всякаго янки . Онъ хладнокровно показалъ объявленіе , въ которомъ было сказано : « все будетъ продано безъ остатка » , и требовалъ , чтобы торгъ продолжался . Это подтвердила публика и аукціонеръ , и какъ никто не набавлялъ , то молотокъ аукціонера простучалъ . « Продана , сказалъ онъ , — за сто долларовъ господину ?.. »

— Сюдна ! отвѣчалъ Кольтеръ , вынимая одинъ изъ билетовъ ,

выигранныхъ имъ у торговца хлопчатой бумагой изъ Бостона въ-сколько недѣль тому назадъ. — Дайте росписку, что этотъ бостонецъ отказывается отъ всѣхъ мнимыхъ правъ на эту женщину, такъ какъ она продана мистеру Арчи Муръ изъ Лондона.

Росписка скоро была выдана, несмотря на неудовольствіе побѣжденнаго бостонца, проглядывавшее даже сквозь его угрюмо-неподвижныя черты, и Кольтеръ сдѣлалъ знакъ Касси, чтобы она шла за нами, что она быстро исполнила, и мы всѣ трое вышли изъ аукціонной комнаты, но еще слышали, какъ добродушно-веселый аукціонеръ объявлялъ о горничной шестнадцати лѣтъ, воспитанной въ хорошемъ мериландскомъ семействѣ, съ ручательствомъ и неоспоримыми доказательствами на право продажи. На нее очень горячо стали набивать цѣну.

Не стану описывать что было съ нами, когда Касси узнала во мнѣ своего давно потеряннаго мужа. Она радовалась нашей встрѣчѣ такъ же какъ и я, но не удивляясь, потому что она твердо надѣялась, и это наконецъ сдѣлалось однимъ изъ членовъ ея символа вѣры, — надежда у горячихъ натуръ легко обращается въ увѣренность, — что рано или поздно она найдетъ меня. Какъ любящая жена, она сохранила во время долгой разлуки лучшее мѣсто въ своемъ сердцѣ незанятымъ, чистымъ и убраннымъ, готовымъ принять меня, и теперь прижала меня къ нему не какъ погибшаго и снова неожиданно найденнаго, но какъ воротившагося изъ долгаго путешествія друга, котораго она терпѣливо ждала день за днемъ и ночь за ночью.

О, узы любви, естественныя связи супружества, союзъ сердецъ! Законы и благословенія священниковъ могутъ освятить тебя, если хотять, но не могутъ создать! Тебя не могутъ разорвать ни время, ни разлука, ни счастье, ни страданіе, ни все то, что безграничная власть можетъ сдѣлать беззащитному существу, ничто кромѣ смерти, и даже — ни самая смерть!

LV

Я уже зналъ изъ разказа Кольтера, что благодаря его человеколюбивому вмѣшательству, Касси изъ невольничьяго дено благочестивыхъ почтенныхъ джентльменовъ Гужа, Макъ-Граба и К^о перешла въ руки молодой жены мистера Томаса, хлопчатобумажнаго

плантатора изъ Миссисипи, который женился на ней въ Новой Англии.

Мистрисъ Томасъ родилась отъ бѣдныхъ родителей на маленькой фермѣ въ Нью-Гампайрѣ, и какъ многія дѣвушки въ Новой Англии, принужденная заботиться сама о себѣ, исполняла должность преподавательницы въ одномъ изъ фешенебельныхъ пансіоновъ, когда познакомилась съ мистеромъ Томасомъ, котораго двѣ дочери отъ первой жены воспитывались въ этомъ же самомъ пансіонѣ.

О южныхъ плантаторахъ имѣютъ въ Новой Англии такое же понятіе, какое имѣютъ или имѣли въ Великобританіи о вестъ-индійцѣ. Его представляютъ себѣ прекраснымъ, смѣлымъ, блестящимъ юношей, со всѣмъ возможнымъ изяществомъ, совершенствами, любезностью, прелестью, съ огромнымъ капиталомъ и съ единственнымъ занятіемъ забавлять себя и своихъ друзей. Это понятіе составилось по немногимъ образцамъ, встрѣчающимся на водахъ, которые изъ желанія поблистать нѣсколько недѣль на сѣверѣ, поволочиться за молодыми женщинами и за старухами, у которыхъ есть дочери невѣсты, быть предметомъ удивленія для всѣхъ новичковъ, соглашаются терпѣть голодъ и нужду и ежеминутно мучиться во всю остальную часть года ожиданіемъ шерифа.

Молодая мистрисъ Томасъ, тогда еще Джемима Девенсъ, восхищаясь мыслью побѣдить южнаго плантатора и перейти вдругъ изъ бѣдности къ богатству, поспѣшила принять сердце и состояніе мистера Томаса, который оиъ предложилъ ей послѣ недѣльнаго знакомства, въ продолженіи котораго они видѣлись три раза. По несчастью она не разсмотрѣла, что мистеръ Томасъ, былъ ли онъ южный плантаторъ или нѣтъ, но по своимъ дѣтамъ могъ быть ея отцомъ, что у него былъ пошлый, безмысленный, сонный видъ, что онъ не могъ сказать правильно нѣсколькихъ словъ и истреблялъ ужасное количество водки и табаку. Его любовь даже до женитьбы раздѣлялась одинаково между жеваніемъ, куреніемъ, мятной настойкой и миссъ Девенсъ, несмотря на его частыя увѣренія, что о ней одной въ мірѣ онъ только и думаетъ.

Что онъ любилъ ее, насколько такая устрица можетъ любить, это безъ сомнѣнія была правда; а для дѣвушки безъ связей и денегъ, принужденной содержать себя собственными средствами, красота и таланты которой нисколько не были выше чѣмъ у тысячи другихъ дѣвушекъ, дѣвушки, начинавшей склоняться къ тому воз-

расту, когда остаться старой дѣвой представляется печальной, но очень возможной участью, — для такой дѣвушки быть любимой даже устрицей въ образѣ человѣка — и тѣмъ нельзя пренебрегать; а какъ эта устрица имѣла еще репутацію богатаго человѣка и могла доставить ей праздную и роскошную жизнь, то много ли дѣвушекъ въ лѣтахъ и положеніи миссъ Девенсъ въ Новой и Старой Англій и гдѣ угодно отказались бы имѣть его своимъ мужемъ?..

Миссъ Девенсъ одного только опасалась: она ужасно боялась негровъ и считала это природной антипатіей, но помнила, что когда была еще маленькой дѣвочкой, ее пугали тѣмъ, что отдадутъ старой женщинѣ, единственной негритянкѣ, жившей въ окрестности того селенія, гдѣ она родилась. Эта негритянка жила одна въ небольшой избѣ, окруженной лѣсомъ, и лѣтомъ продавала прохожимъ сокъ изъ кореньевъ, лечила всякими кореньями, въ которыхъ, какъ говорили, она была очень свѣдуща и слыла колдуньей, покрайней-мѣрѣ у дѣтей.

Мысль, что ей придется жить на плантаціи, гдѣ будутъ вокругъ нея одни негры, заставила ее немного поколебаться, пока мистеръ Томасъ не успокоилъ ее, увѣривши, что очень удобно имѣть своихъ собственныхъ невольниковъ, съ которыми можно дѣлать все что угодно, тѣмъ болѣе, что есть много свѣтлолицыхъ невольниковъ, а у нея будетъ горничная самая бѣленькая. Для исполненія этого — то обѣщанія и была куплена Касси, какъ я уже говорилъ. Новая мистрисъ Томасъ представляла себѣ будущее жилище изящной виллой, роскошно меблированной, окруженной прекрасной благоуханной тропической растительностью, гдѣ было одно только неизбежное неудобство — негры; но къ этому она надвѣялась современемъ приучить себя, или употреблять, какъ противоядіе, померанцовые цвѣты, — однимъ словомъ представляла ее совершеннымъ южнымъ раемъ. Правда, мистеръ Томасъ, человѣкъ не бѣдный и добрый, никогда не обѣщалъ ничего подобнаго, но, какъ часто дѣлаютъ молодые люди, она считала это уже какбы непремѣннымъ условіемъ. Судите же о ея разочарованіи, когда она пріѣхала въ Маунтъ-Флатъ (такое названіе далъ мистеръ Томасъ своей плантаціи, потому что рѣшился, какъ онъ выражался, держаться правды и не позволить превзойти себя какой-нибудь Маунтъ-Плизентъ, Монтичелло и другимъ звучнымъ прозвищамъ, какія давали его сосѣди), судите же о ея удивленіи, когда вмѣсто ожидаемой виллы ей представились четыре домика изъ брусевъ, связанныхъ вмѣстѣ крытымъ

коридоромъ , безъ ковровъ и обоевъ и даже безъ штукатурки ; крыши были такъ дурны , что въ каждую бурю или большой дождь всѣ четыре комнаты кромѣ ея спальни совершенно заливались водой ! Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома по другой сторонѣ стояло зданіе , служившее прибавочными спальнями , а другое , немного позади , служило кухней и амбарами ; а еще далѣе назадъ , но все-таки въ виду главнаго строенія , стоялъ длинный рядъ жалкихъ избенокъ — городъ , какъ онъ называется — занимаемый невольниками плантаціи . Въмѣсто деревьевъ вокругъ дома не было даже и ограды ; правда , съ одной стороны уцѣлѣла полуразрушенная изгородь , гдѣ повидимому предполагалось развести садъ , а теперь росъ только бурьянъ и дикіе кустарники . Свиньи , мулы , немного полумертвыхъ коровъ , стадо голыхъ негритянскихъ дѣтей свободно располагались вокругъ дома . Видно было , что здѣсь когда-то пробовали разводить деревья , но теперь все это было разрушено и уничтожено .

Прежняя мистрисъ Томасъ , принадлежавшая — о чемъ она брала на себя трудъ объяснять каждому — къ одной изъ первыхъ фамилій Виргиніи , была въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательная женщина , мужественный характеръ и дѣятельный умъ которой противо-дѣйствовали , покрайней-мѣрѣ въ домашнихъ дѣлахъ , сонливой натурѣ ея супруга . Съ помощью шума , брани и кнута , которымъ она владѣла съ той граціей и ловкостью , которыя достигаются только женщинами , имѣвшими счастье получить домашнее воспитаніе на югѣ въ лучшей фамиліи , она успѣвала поддерживать какой-нибудь порядокъ ; но когда она умерла лѣтъ шесть тому назадъ , человѣка , смотрѣвшаго при ней за садомъ и домомъ , взяли въ поле обрабатывать хлопчатую бумагу , все въ домѣ и вокругъ дома было предоставлено самому себѣ , и вотъ вышли тѣ результаты , какихъ и можно было ожидать : въ домѣ не осталось ни одной цѣлой мебели , вездѣ были грязь , неряшество , неудобство и разрушеніе , какія только можно себѣ вообразить .

Чтобы увеличить ужасъ мистрисъ Томасъ и возмутить еще болѣе ея ново-англійскія понятія , — среди черныхъ дѣтей , которыя танцовали и бѣгали передъ домомъ во время ея пріѣзда (всѣ невольники собрались привѣтствовать господина и госпожу) было много мальчиковъ и дѣвочекъ восьми и десяти лѣтъ , голыхъ , какъ родились , или покрытыхъ остатками дырjавыхъ рубашекъ , вымазанныхъ грязью , которые « кричали и щебетали — говорила она Касси — какъ какіе-нибудь чертенята » . Но въ домѣ еѣ ожидала еще болѣе

шая непріятность. Всѣ ключи и все управленіе домою находились въ рукахъ высокой, стройной негритянки среднихъ лѣтъ, которую обыкновенно называли «тетка Эмма», женщины замѣчательной силы и крѣпости, бывшей первой служанкой и чѣмъ-то вродѣ перваго министра покойной мистрисъ Томасъ и послѣ ея смерти успѣвшей завладѣть всею властью въ домоу. Въ кухнѣ верховная власть принадлежала теткѣ Динѣ, другой толстой негритянкѣ, лицо которой ясно выдавало раздражительность ея темперамента, усиливаемую повременамъ значительными приѣмами виски. Нѣтъ необходимости упоминать здѣсь о другихъ слугахъ, которые всѣ находились въ подномъ повиновеніи у этихъ двухъ, но всѣ они подъ предводительствомъ тетки Эммы и Дины составили заговоръ съ цѣлю уничтожить власть новой мистрисъ Томасъ и сдѣлать ее нулемъ въ собственномъ домоу.

Какимъ-то образомъ, по всей вѣроятности съ помощью одной изъ дочерей мистера Томаса, которую молодые привезли съ собою, они скоро узнали, что новая госпожа была ничто иное какъ дочь бѣднаго человѣка, который жилъ собственными руками, а она была просто бѣдная школьная учительница. Самая разборчивая аристократка, когда-либо носившая бѣлыя туфли, не могла выказывать болѣе полнаго презрѣнія къ такому низкому, плебейскому, жадному происхожденію, какъ черная домоправительница и черная кухарка.

— Хорошія времена настали! Право очень хорошія времена! говорила тетка Эмма, самымъ зловѣщимъ образомъ покачивая головой и подражая съ удивительной точностью тону, манерамъ и словамъ своей умершей госпожи, первой мистрисъ Томасъ, которой она считала себя представительницей и наслѣдницей и слѣдовательно обязанной беречь честь дома. — Хорошія времена, тетка Дина! Я и вы, воспитанныя въ одной изъ первыхъ фамилій Виргиніи, должны имѣть одну изъ этихъ негодныхъ бѣлыхъ нищихъ нашей барыней, какую-нибудь янки! О, тетка Дина! Кто бы это подумалъ, что двѣ такія негритянки, какъ вы и я, воспитанныя въ одной изъ лучшихъ фамилій Виргиніи, привыкшія всегда къ порядочному обществу, должны будемъ почитать какую-нибудь янки своей барыней? Что будетъ бѣдному масса Томасъ на землѣ и на небѣ за то, что онъ, имѣвши такую жену, какъ была старая мистрисъ, принадлежавшая къ одной изъ первыхъ виргинскихъ фамилій, поѣхалъ затѣмъ, чтобы привезти въ свой домоу эту негодную маленькую янки для своего и нашего несчастія!

Таковы были взрывы негодованія недовольной экономки, которая слышала Касси да и сама мистрисъ Томасъ, потому что домоправительница не старалась скрывать своего неудовольствія.

Такъ далеко простиралось это негодованіе, что когда мистрисъ Томасъ чрезъ три или четыре недѣли послѣ своего пріѣзда выразила теткѣ Эммѣ свое намѣреніе лично занять мѣсто домоправительницы и потребовала ключи, тетка Эмма съ явнымъ презрѣніемъ щелкнула пальцами и рѣшительно отказала. «Ея старая госпожа, не нищая какая-нибудь, но изъ первыхъ виргинскихъ фамилій, привезла ее массѣ Томасъ и сдѣлала своей ключницей; на смертной своей постели заставила мужа дать обѣщаніе, что онъ никогда не продастъ тетку Эмму; что она навсегда останется ключницей, и будетъ она ключницей на зло всѣмъ янки и бѣлымъ нищимъ въ мірѣ! Мистрисъ жетъ управлять тѣми служанками, которыхъ привезла съ собой, одною навѣрное, за которую бѣдный масса заплатилъ собственными деньгами и хорошую цѣну; но какое право имѣетъ она мѣшаться не въ свои дѣла и управлять служанками старой госпожи?» При этомъ тетка Эмма залилась громкимъ смѣхомъ, ѣдкимъ, вызывающимъ смѣхомъ. «И отъ нея смѣетъ требовать ключей какая-нибудь янки, самозванка, нищая, отъ нея?!.» И тетка Эмма сложила руки и вытянулась во весь ростъ, точь-вточь какъ дѣлала покойная мистрисъ Томасъ, — мистрисъ Томасъ, воспитанная въ одной изъ лучшихъ фамилій Виргиніи!

Но тетка Эмма скоро перешла изъ этого пароксизма величія къ цѣлому потоку слезъ «при мысли, — говорила она — что сказала бы покойная мистрисъ, она, воспитанная въ одной изъ лучшихъ фамилій Виргиніи, ненавидѣвшая янокъ какъ змѣй или лягушекъ, и всегда говорившая, что они ничего больше какъ свободные негры? (Съ этимъ мнѣніемъ съ удовольствіемъ соглашалась и тетка Эмма.) Что, еслибы она воскресла и увидѣла, что тетку Эмму прогнали, а ключи въ рукахъ какой-нибудь янки?!.»

Тутъ была больше ничего какъ твердая воля, посредствомъ которой рабу иногда удается занять мѣсто господина. Новая мистрисъ Томасъ горько жаловалась мужу, настаивая на томъ, чтобы тетку Эмму отпороли и отослали въ поле. Но добродушный, уступчивый старый джентльменъ такъ привыкъ, чтобы имъ управляла тетка Эмма, и мысль о ея презрѣннн къ янкамъ, которое онъ больше чѣмъ на половину раздѣлялъ, такъ щекотала его, что онъ высказалъ силь-

ное расположеніе принять ея сторону. Только послѣ шестимѣсячной борьбы и длиннаго ряда безконечныхъ проповѣдей супруга побѣдила домоправительницу, завладѣла ключами и тетка Эмма была изгнана изъ дому. Мистрисъ Томасъ крѣпко настаивала на томъ, чтобы ее отпразднили на корабль и продали, или по крайней мѣрѣ чтобы заставили работать въ полѣ, а главное — хорошенько отпороти за дерзость: но мистеръ Томасъ никакъ не соглашался, — мистрисъ Томасъ можетъ сама избить тетку Эмму какъ ей угодно; покойная мистрисъ Томасъ иногда была ее кнутомъ, но въ продолженіи шести лѣтъ, какъ она была у него домоправительницей, онъ никогда не дѣлалъ этого и не начнетъ и теперь. Самое большее, на что онъ могъ согласиться, это — удалить ее отъ глазъ мистрисъ Томасъ и отдать въ кабалу кому-нибудь по сосѣдству. Мистрисъ Томасъ жаловалась, какъ-будто предчувствуя, что ему хочется имѣть тетку Эмму недалеко отъ себя, чтобы сдѣлать ее опять своей ключницей, когда жена умретъ.

Хотя черная ключница такимъ образомъ была изгнана, но черная кухарка оказалась болѣе сильнымъ врагомъ. Искусствомъ тетки Дины въ поварской части нельзя было пренебрегать ни въ какомъ случаѣ, и мистеръ Томасъ, отчасти эпикуреецъ, такъ привыкъ къ нѣкоторымъ ея блюдамъ, что никто другой не могъ угодить ему. Всѣ усилія мистрисъ Томасъ выжить тетку Дину изъ кухни оказались напрасны; мистеръ Томасъ сказалъ ей, что она можетъ вовсе не ходить на кухню и оставить тетку Дину одну. Но этого мистрисъ Томасъ не могла сдѣлать: она ужасно любила шумѣть, хозяйничать, во все вмѣшиваться, сердиться, браниться и не проходило дня безъ какой-нибудь стычки между ею и теткой Диной, которую она обвиняла, и не безъ причины, въ томъ, что она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о порядкѣ и чистотѣ. На это обвиненіе тетка Дина обыкновенно отвѣчала ворчаньемъ про-себя, что отъ нищихъ нечего ждать, чтобы они настоящимъ образомъ понимали или цѣнили хорошую кухарку и хозяйство. Эта ссора зашла наконецъ такъ далеко, что мистрисъ Томасъ выражала опасеніе, что ее хотятъ отравить, и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не хотѣла ничего ѣсть кромѣ того, что приготовитъ Касси своими руками; опасалась ли она неопытности тетки Дины или чего-нибудь пострашнѣе, — Касси никогда не могла навѣрное узнать.

Среди всѣхъ этихъ оскорбленій, которыя, какъ жаловалась мистрисъ Томасъ, точили ея здоровье и приближали ее къ могилѣ,

увеличивая перемежающуюся лихорадку, которою она постоянно страдала, единственнымъ собесѣдникомъ и повѣреннымъ ея была одна Касси; ближайшіе сосѣди были не ближе трехъ или четырехъ миль; леди, если онѣ и были на этихъ плантаціяхъ, — потому что въ некоторые плантаторы предпочитали невольницу-домоправительницу бѣлой женѣ, — были изъ Виргиніи и Кентуки и такъ же презирали янки, какъ и тетка Дина; у нея же не было настолько силы характера и возможности побѣдить этотъ предрассудокъ, сдѣлавшись пріятной и полезной для нихъ; а ея супругъ былъ плохой собесѣдникъ; несмотря на то, что онъ говорилъ до свадьбы, жена уже перестала занимать мѣсто въ его сердцѣ вмѣстѣ съ любимой сигарой, мятной настойкой и жеваніемъ табаку, и чтобы избавиться, какъ онъ говорилъ, отъ ея вѣчныхъ жалобъ изъ-за ничего, онъ старался какъ можно рѣже быть съ нею; ея падчерица, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, повидимому была въ заговорѣ противъ нея съ теткой Диною, съ прачкой, швеей и всѣми домашними слугами. Они до того довели ея нервное раздраженіе, ежедневно пользуясь всякимъ случаемъ показать ей свое нерасположеніе, что одинъ разъ она выразила Касси опасеніе, что эти безобразныя черныя твари не только разрушили ея здоровье и красоту, но погубятъ и душу: она была увѣрена, что живя на плантаціи, нельзя попасть въ рай.

Касси чувствовала большую признательность къ своей госпожѣ. Она столько же сожалѣла о недостаткахъ ея характера, раздражительности, происходившей отъ болѣзни, непріятностей и недостатка во всемъ, сколько о грустномъ уединеніи и настоящемъ рабствѣ, въ которое она сама продала себя. Это состояніе было тѣмъ болѣе непріятно для мистрисъ Томасъ, что отъ природы она была дѣлательна и трудолюбива, а здѣсь ей приходилось только носить названіе госпожи, но на дѣлѣ быть ничѣмъ и ничего не дѣлать. Касси старалась всѣми силами успокоить мистрисъ Томасъ, доставить ей какое-нибудь удобство и развлеченіе, въ чемъ ей очень помогали ея ровный, кроткій, спокойный характеръ, и сдѣлалась совершенно необходимою для своей больной госпожи. Это поставило Касси въ очень затруднительное положеніе относительно другихъ слугъ, такъ что они готовы были включить и ее въ свою ненависть и нерасположеніе къ мистрисъ Томасъ, но скоро ея кроткій характеръ и дружеское обращеніе побѣдили все, а кое-какія маленькія услуги и всѣтати сказанныя похвалы (она находила удовольствіе дѣлать другихъ счастливыми) помогли ей заслужить даже доброе расположеніе

страшной тетки Дины, во владѣнія которой она могла входить безнаказанно, какъ никогда не входила ея госпожа.

Это усердіе и расположеніе со стороны Касси, хотя не спасали ее иногда отъ вспышекъ нетерпѣнія и неудовольствія ея госпожи, но не остались безъ вниманія. Узнавши, что Касси неумѣетъ читать, чего никто изъ прежнихъ ея господъ не считалъ необходимымъ, она вызвалась учить ее, а также и мальчика, и продолжала это дѣлать несмотря на шуточные угрозы мистера Томаса, что она подвергнется преслѣдованію за обученіе невольниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, она повидимому такъ обрадовалась, найдя наконецъ какое-нибудь себѣ дѣло, что выучила Касси не только всѣмъ родамъ рукодѣлій, на которыя сама была большая мастерица, но даже давала ей уроки на фортепьяно, купленное во время свадьбы на сѣверѣ и доставленное сюда по водѣ. Скоро Касси, благодаря своему музыкальному слуху, играла лучше своей учительницы, которая правда была не великой артисткой.

Такъ шли дѣла въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ, пока жолчная лихорадка, отправивши на тотъ свѣтъ мистрисъ Томасъ, не измѣнила снова положенія Касси: она была ненужна въ Маунтъ-Флатъ, и мистеръ Томасъ, надѣясь обратно получить огромную сумму, которую заплатилъ за нее, отправилъ ее продать съ сыномъ въ Нью-Орлеанъ.

Между прочими покупателями явился мистеръ Кертисъ, уроженецъ Бостона, какъ Касси послѣ узнала, имѣвшій тамъ большія овязи. Онъ, какъ многіе бостонцы, пріѣхалъ въ Нью-Орлеанъ еще молодымъ человѣкомъ; занявшись дѣлами и умѣвши составить себѣ остояніе, вмѣсто того чтобы жениться, онъ по обыкновенію сѣверныхъ искателей приключеній, уступилъ мѣстнымъ обычаямъ и завелъ связь съ одной красивой, молодой, свѣтлицей невольницей, которую онъ купилъ и такъ любилъ, что не могъ утѣшиться въ ея недавней потерѣ. Она умерла, оставивши дѣвочку тремя или четырьмя годами моложе нашего сына Монгомери.

Привыкнуши къ семейной жизни и желая замѣстить пустое мѣсто въ своемъ домѣ, мистеръ Кертисъ, когда его печаль немного поухлила, началъ посѣщать съ этой цѣлью невольничьи рынки, и какъ Касси ему понравилась, то онъ и купилъ ее вмѣстѣ съ сыномъ. Я все это расказываю очень спокойно, но представьте себѣ, если можете, что я долженъ былъ чувствовать, когда, еще незная исхода этого расказа, я слушалъ его отъ самой Касси!

Занявши должность домоправительницы, въ небольшомъ тогда еще и скромномъ хозяйствѣ мистера Кертиса, и няньки за маленькой его дочерью, она скоро услышала отъ него предложеніе, сдѣланное очень деликатно, потомучто мистеръ Кертисъ былъ весьма любезный джентльменъ во всѣхъ отношеніяхъ, — стать съ ней на болѣе дружескую ногу.

Онъ былъ очень удивленъ контрастомъ, который представляло поведеніе Касси съ его прежними опытами: она холодно принимала его ухаживанье и показывала видъ, что не понимаетъ чего онъ хочетъ. Но какъ онъ гордился — и не безъ причины — своими личными достоинствами и умѣньемъ увлечь женщину и какъ человѣкъ скорѣе чувствительный, чѣмъ страстный, онъ цѣнилъ гораздо выше любовь самаго престога сердца, чѣмъ обладаніе самой женщиной. Это только затронуло его самолюбіе, и онъ рѣшился побѣдить ее.

И въ самомъ дѣлѣ, если господинъ удостоиваетъ влюбиться въ невольницу, человѣкъ высшаго класса — въ женщину низшаго, король въ подданную, дворянинъ въ крестьянку, или если ему даже престо понравится жена какого-нибудь мѣщанина, — трудна ли подобная побѣда? Если женщина — невольница, то какъ ни переходна эта связь, все же она на минуту возвышаетъ невольницу отъ ея скромнаго уровня до высоты ея любовника, и это возвышаетъ ее не только въ собственныхъ глазахъ, но въ глазахъ всего ея класса болѣе чѣмъ всякая другая связь съ себѣ подобнымъ, болѣе чѣмъ связь, называемая, быть-можетъ изъ вѣжливости, супружествомъ, потому что и эта связь, какъ и та, въ глазахъ закона есть только временное ожительство, несоздающее никакихъ правъ, недающее отца дѣтямъ, связь, которую можетъ разорвать не только прихоть мужа, но владѣльца и его кредиторы. Также самая гордость, которая заставляетъ женщину высшаго класса отступить съ ужасомъ, который ей кажется инстинктивнымъ, отъ всякой связи съ человѣкомъ низшаго класса, какъ отъ униженія собственнаго достоинства, — это чувство не зависитъ отъ цвѣта лица, но отъ общественнаго положенія, потомучто бллая женщина съ тонкимъ вкусомъ и образованіемъ такъ же скоро рѣшится выдти замужъ за негра, какъ за бѣдняка ирландца, пришедшаго сюда искать земли, еслибы онъ даже былъ Адамомъ, а смывши съ него грязь, прекрасенъ какъ Адонисъ, — также самая гордость побуждаетъ невольницу броситься въ объятія человѣка высшаго класса, который удостоитъ ее своего вниманія. То самое желаніе удержаться въ свѣтѣ, которое дѣлаетъ свободную

женщину такой скромной и неприступной, — невольницу дѣлает уступчивой и легко доступной, потому что смотря на это дѣло взглядомъ благоразумія (такъ какъ обыкновенно въ этомъ случаѣ женщина руководствуется болѣе имъ, чѣмъ выборомъ, чувствомъ или страстью), бракъ съ лѣвой руки съ человѣкомъ высшаго класса во всякомъ случаѣ гораздо выгоднѣе чѣмъ все, чего можно ожидать отъ брака съ правой — еслибы даже это было возможно — съ человѣкомъ своего низкаго положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, только любовь Касси ко мнѣ, которая подвергалась такому испытанію, какому рѣдко подвергается женское постоянство въ цивилизованныхъ государствахъ, и романическая идея, которую она забрала себѣ въ голову, что рано или поздно мы непременно сойдемся другъ съ другомъ, могли устоять противъ усилій мистера Кертиса заслужить ея расположеніе, «такихъ усилій, — смѣясь говорилъ онъ ей, — за какія могъ бы онъ сдѣлаться мужемъ половины ньюйоркскихъ или бостонскихъ дѣвушекъ».

Кромѣ того, что онъ былъ чувствительный и деликатный человѣкъ (эту деликатность не заглушила даже заразная атмосфера Нью-Орлеана), въ характерѣ его было много романическаго. Онъ не могъ не восхищаться постоянствомъ и любовью, предметомъ которой самъ бы хотѣлъ быть, но онъ просилъ Касси не губить своей молодости и красоты въ безполезномъ вдовствѣ, потому что разлука наша съ нею во всѣхъ отношеніяхъ равна была смерти, и изъ пустой прихоти не отказываться отъ лучшаго положенія, на какое только она могла надѣяться для себя и для своего ребенка, потому что онъ обѣщалъ наградить ихъ обоихъ свободой за ея согласіе.

Если она чувствуетъ ненависть или отвращеніе къ нему, то онъ и не будетъ настаивать; но изъ пустого каприза должна ли она отказывать въ счастья ему и вѣрномъ обезпеченіи себѣ? Узнавши, что Касси методистка, онъ даже обѣщалъ позвать священника этой секты, чтобы благословить ихъ союзъ, если она такъ щекотлива на этотъ счетъ, и посоветовалъ ей спросить совѣта у священника той церкви, гдѣ она постоянно бывала.

Хотя бракъ между невольниками, благословенный священникомъ ихъ секты, методисты считаютъ передъ Богомъ вполнѣ законнымъ и обязательнымъ для обѣихъ сторонъ (слѣдуя ученію методистовъ, негры имѣютъ душу и могутъ спастись какъ и бѣлые), но несмотря на великій текстъ: «кого Богъ соединяетъ, человѣкъ да

не равняется! они принуждены бывают въ невольничьихъ шта-тахъ уступить первенство человѣку и допустить, что супруги, разлученные волею господина или оборотами негроторговли, могутъ заключать новые браки, хотя бы и знали, что прежніе мужъ или жена живы. Они оправдываются тѣмъ, что дѣлаютъ это по необходимости, такъ какъ невольники, неимѣя наклонности къ безбрачію, начинаютъ заводить новыя связи и имъ остается благословить то, чего нельзя запретить; тоже самое оправданіе приводятъ они, позволяя членамъ двѣи церкви держать невольничовъ: благочестивая братія все равно будетъ держать ихъ такъ или иначе. Политика въ обоихъ случаяхъ таже самая: заботиться о большемъ числѣ членовъ, а не о чистотѣ церкви. Не внушена ли она скорѣе мудростію змія, чѣмъ невинностію голубя?

Но объ этомъ трудномъ вопросѣ церковной политики я не берусь высказывать рѣшительнаго мнѣнія.

Священникъ-методистъ, съ которымъ Касси совѣтовалась объ этомъ, горячо убѣждалъ ее принять предложеніе мистера Кертиса, увѣряя ее, что принявши во вниманіе всѣ обстоятельства, она можетъ сдѣлать это съ совершенно спокойной совѣстью, въ особенности если его позовутъ благословить этотъ союзъ, который сдѣлается такимъ образомъ полнымъ супружествомъ передъ Богомъ, хотя человѣческіе законы и не признаютъ его.

Но несмотря на убѣжденія мистеръ Кертиса и на совѣтъ священника, каждый разъ какъ она прижимала наше дитя къ своей груди, передъ ней вставалъ образъ ея потеряннаго мужа, и что-то говорило ей: онъ живъ, онъ любитъ тебя! не оставляй его!

Такъ шли дѣла годъ или болѣе. Мистеръ Кертисъ терпѣливо ждалъ, что время и постоянство его любви все побѣдятъ, какъ вдругъ онъ жестоко заболѣлъ желтой лихорадкой. Жизнь его долго была въ опасности и только нескоро, и то съ большимъ трудомъ, онъ оправился. Теперь настала очередь Касси показать признательность за доброту и деликатность своего господина. Постоянно день и ночь она была самой усердной сидѣлкой и всѣ медики — ихъ призывали трехъ или четырехъ въ разное время — согласились, что только такой нѣжной заботливости, какую можетъ оказывать только мать, сестра или жена, онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни.

Полученное въ дѣтствѣ религіозное воспитаніе, близость смерти, уединеніе и праздность долгаго мучительнаго выздоровленія подняли въ душѣ мистера Кертиса много мыслей, давно заглушенныхъ

прудною дѣятельностью, удовольствіями юности и той грубой чувственной свѣтлой атмосферой, въ которой онъ такъ долго жилъ. Мистеръ Кертисъ всталъ съ смертной постели двадцатью годами старѣе — отъ физическихъ или нравственныхъ причинъ, или отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ; онъ былъ такъ жалосковъ, такъ же внимателенъ, но сдѣлался серьезнѣе и сталъ гораздо менѣе думать о себѣ, хотя его и прежде нельзя было упрекнуть въ эгоизмѣ.

Первое, что онъ сдѣлалъ, какъ только могъ сидѣть на постелѣ, это — написалъ отпускную въ двухъ экземплярахъ для Касси и ея сына, которая должна была сдѣлаться дѣйствительною въ установленный закономъ срокъ; въ тоже время онъ назначилъ Касси мѣсячное содержаніе, какъ своей домоправительницѣ. Онъ также сдѣлалъ отпускную и для своей маленькой дочери, Элизы, которая все еще находилась на попеченіи Касси и была хорошеющимъ товарищемъ и подругой нашего маленькаго Монгомери.

Когда дѣти подросли, мистеръ Кертисъ отправилъ ихъ для образованія въ Новую Англію, сначала Монгомери, а потомъ Элизу, и поручилъ ее своему брату Агриппѣ, который и помѣстилъ ее въ одинъ изъ самыхъ ошекетельныхъ аристократическихъ пансіоновъ Бостона.

Монгомери, пробывши два или три года въ высшемъ учебномъ заведеніи, поступилъ въ одинъ изъ торговыхъ домовъ въ Нью-Йоркѣ, а потомъ началъ, благодаря покровительству своего благодѣтеля, и самъ участвовать въ ньюорлеанской торговлѣ.

Мѣсячное жалованье Касси въ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ процентами, которые Кертисъ акуратно ей выплачивалъ, составило значительную сумму, за которую онъ купилъ ей небольшой домъ и садъ въ предмѣстьи города, въ который она и переехала, такъ какъ мистеръ Кертисъ располагалъ отправиться путешествовать для поправленія здоровья въ Сѣверную Америку и Европу.

Такимъ образомъ — говорила она — все ей удавалось, какъ-будто она заслужила особенную милость провидѣнія. Правда, не исполнилась одна только дорогая надежда снова найти меня. Но это долгое счастье должно было наконецъ внезапно ужасно окончиться.

Пришло извѣстіе, что мистеръ Кертисъ на дорогѣ въ Бостонъ, на рѣкѣ Огіо, былъ опасно раненъ взрывомъ парового котла, а скоро за этимъ послѣдовало извѣстіе и о его смерти. Когда это случилось, Монгомери только-что началъ заниматься торговыми дѣлами въ Нью-Йоркѣ, а Элиза была еще въ пансіонѣ въ Бостонѣ. Это была

очень красивая, изящная дѣвушка: темные влажные глаза, длинные черные волосы и смуглый цвѣтъ лица представляли совершенный контрастъ съ господствующимъ тамъ типомъ — свѣтлыхъ волосъ и блѣдныхъ лицъ. Кроме того, движенія ея были изящны и граціозны, что рѣдко встрѣчается въ Новой Англіи, гдѣ всѣ женщины болѣе или менѣе нескладны; въ движеніяхъ ея была свобода и живость птицы, а не та рѣзкая мужская грубость или неповоротливая самоувѣренность, которая портитъ манеры бостонскихъ женщинъ (въ споркахъ: это замѣчаніе принадлежитъ Элизѣ, а не мнѣ; следовательно за справедливость его я не отвѣчаю).

Она была единственной дочерью мистера Кертиса, богатаго нью-орлеанскаго купца и испанской креолки, жены его, умершей нѣсколько лѣтъ назадъ, и такъ какъ къ ея личнымъ достоинствамъ прибавлялось званіе наследницы, то вы можете повѣрить, что за ней очень ухаживали и даже она получила нѣсколько предложеній отъ многихъ потомковъ аристократическихъ фамилій Бостона; но она не обращала на нихъ никакого вниманія: Элиза и Монгомери съ детства любили другъ друга.

Получивши извѣстіе о несчастіи, постигшемъ его брата, мистеръ Агрида отправился въ Питсбургъ, гдѣ былъ мистеръ Кертисъ, и черезъ три или четыре недѣли возвратился съ извѣстіемъ о его смерти. Оплакивая со всею энергіею своихъ лѣтъ и воспримчивостью, свойственною ея племени, печальную новость, Элиза вдругъ замѣтила странное пренебреженіе со стороны своихъ недавно еще такихъ любящихъ пансіонскихъ подругъ: ни одна изъ нихъ даже не подходила къ ней близко. Она не могла объяснить себѣ что бы это значило, когда получила отъ начальницы записку, въ которой та уведомляла ее, что не можетъ долѣе держать ее въ своемъ пансіонѣ. Оказалось, что пронесся слухъ объ африканскомъ происхожденіи Элизы и узнали, что она незаконная дочь мистера Кертиса и не наследница его, а просто дочь невольницы.

Въ какое негодованіе пришли матери пансіонскихъ подругъ Элизы, въ особенности одна, дочь пьянаго торговца салыными свѣчами, въ юности вышедшая замужъ за лавочника, торговавшаго пряностями и грогомъ! Но мужъ ея, занимаясь винокурениемъ, приобрѣлъ большое состояніе, купилъ домъ въ Беконъ-Стритъ и желалъ блистать и задавать тонъ, также какъ и жена его, щедро разбрасывалъ деньги и успѣлъ поставить свою жену въ главѣ бостонской аристократіи. Эта аристократическая леди сочла для себя сканда-

ломъ и стыдомъ (въ этомъ ей очень многія сочувствовали) что порядочныхъ людей смѣютъ такъ обманывать — вводить цвѣтную холопку въ пансіонъ, гдѣ находятся благородныя дѣти. Развѣ нѣтъ школы собственно для цвѣтныхъ дѣтей въ Бекнапстритъ? Почему же не отдали туда? Такъ выражалась мистрисъ Гайфлафъ, — имя этой фешенебельной бостонской леди, если я долженъ вѣрить Элизѣ, которая, правду сказать, любила пошалить, замѣтить смѣшное и представить въ карикатурѣ.

Никто кажется болѣе не сочувствовалъ мистрисъ Гайфлафъ какъ самъ мистеръ Агрипа Кертисъ, хотя съ самаго начала зналъ очень хорошо происхожденіе Элизы и самъ же ввелъ ее въ бостонское общество и помѣстилъ въ фешенебельный пансіонъ. Отношенія его къ покойному брату, наследникомъ котораго онъ выдавалъ себя, не позволяли ему — говорилъ онъ — выражаться свободно насчетъ его страннаго поступка — ввести въ фешенебельное общество и почтенныя семейства такое низкое созданіе; правда, его братъ былъ странный, удивительный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, совершенно непостижимый для него! Но когда бѣдная Элиза пришла просить его защиты и совѣта, то онъ уже рѣшительно высказалъ свое мнѣніе: онъ приказалъ выгнать ее изъ дому какъ лгунью и самозванку.

Содержатель фешенебельныхъ квартиръ, гдѣ она стояла, посѣдилъ послѣдовать этому аристократическому примѣру, да и всѣ пансіонеры, то-есть пансіонерки, возстали (мужчины не отказались бы повидимому принять ее) и угрожали оставить квартиру, если ее не выгонять; и бѣдной дѣвочкѣ пришлось бы спать на улицѣ, еслибы одна небогатая модистка, которой она прежде помогала, не взяла ее къ себѣ, рискуя потерять всѣхъ своихъ фешенебельныхъ покупателей.

Элиза сейчасъ же написала къ Монгомери въ Ньюйоркъ, и тотъ немедленно явился къ ней на помощь. Встрѣтивши мистера Агрипу Кертиса на главной улицѣ во время большого собранія на биржѣ, онъ прямо высказалъ ему свое мнѣніе о его поступкѣ. Этотъ джентльменъ — онъ слылъ за джентльмена въ Бостонѣ, хотя и ходилъ слухъ, что торговая фирма Кертисъ, Соинъ, Байриъ и Комп. обязана основаніемъ своего богатства тайнымъ связямъ съ бразильской негроторговлей — отвѣчалъ оскорбленнымъ тономъ, что ему нечего слушать наставленія отъ негоднаго бѣглаго негра, сына... — вѣжливый намекъ на происхожденіе Монгомери, о которомъ

Грипъ Кертисъ узналъ, посѣщая своего брата въ Нью-Орлеанѣ. Монгомери отвѣчалъ ударомъ, который повалилъ его на землю, а одинъ изъ присутствовавшихъ по добротѣ сердца подалъ ему палку (почтеннѣйшій мистеръ Агрипа Кертисъ не пользовался популярностью), и въ то время какъ Кертисъ становился на ноги, мой сынъ препорядочно поколотилъ его, чѣмъ повидимому доставилъ большое удовольствіе покрайней-мѣрѣ половинѣ бывшихъ здѣсь купцовъ, которые составили кругъ около Кертиса и Монгомери, чтобы *потлышиться*, какъ они выражались, и полюбоваться прыжками и кривляньями мистера Грипа, — «а онъ преуморительно кривлялся», писалъ Монгомери къ матери.

Мистеръ Агрипа Кертисъ пожаловался въ судъ и Монгомери былъ приговоренъ къ уплатѣ двадцати долларовъ, но Кертисъ въ то же время затѣялъ процессъ гражданскимъ порядкомъ и требовалъ съ Монгомери уплаты десяти тысячъ долларовъ убытковъ, надѣясь, что это помѣшаетъ Монгомери найти за себя поручителя; но это ему не удалось однако.

Какъ только Монгомери нашолъ поручителя, такъ взялъ Элизу, чтобы ѣхать съ нею; но въ это время она получила письмо изъ Нью-Орлеана отъ мистера Гильмора, адвоката, бывшаго повѣреннымъ и агентомъ по дѣламъ мистера Кертиса. Въ этомъ письмѣ тотъ увѣдомлялъ ее о смерти мистера Кертиса и о томъ, что нѣкоторыя дѣла требуютъ непремѣннаго ея присутствія въ Нью-Орлеанѣ; тутъ же былъ приложенъ банковый билетъ для издержекъ на дорогу.

По пріѣздѣ въ Нью-Йоркъ такое же письмо получилъ и Монгомери.

Никто изъ молодыхъ людей не имѣлъ повода не довѣрять этимъ письмамъ: они оба знали Гильмора какъ высокаго, круглолицаго, добродушно-улыбающагося сѣдого старика, о которомъ покойный Кертисъ былъ очень хорошаго мнѣнія, и какъ они имѣли причины предполагать, что мистеръ Кертисъ сдѣлалъ въ духовномъ завѣщаніи какія-нибудь распоряженія на ихъ счетъ, то очень вѣроятно, что ихъ личное присутствіе было необходимо въ Нью-Орлеанѣ. Но какъ Монгомери необходимо было покончить нѣкоторыя дѣла, то онъ отправилъ Элизу на пакетботѣ, а самъ располагалъ ѣхать вслѣдъ за нею, какъ только будетъ ему возможно.

Достигши благополучно Нью-Орлеана почти въ одно время со мною, Элиза тотчасъ же отправилась въ домъ Касси, а на другой

или третій день Касси пошла къ мистеру Гильмеру увѣдомить его о прїѣздѣ Элизы. Покойный Кертисъ нѣразъ увѣрялъ, и увѣжая къ послѣдній разъ изъ Нью-Орлеана, подтвердилъ, что онъ не забылъ ее и Монгомери въ своемъ духовномъ завѣщаніи и совершенно обезпечилъ Элизу. Касси спросила объ этомъ Гильмора, но адвокатъ уклончиво отвѣчалъ на ея вопросъ и сказалъ, что Элизѣ необходимо завтра быть у него въ такомъ-то часу.

Элиза пошла и — не возвратилась... Касси провела тревожную безсонную ночь и хотѣла на другой день идти къ Гильмору, когда маленькій негръ подалъ ей измятую записку отъ Элизы, написанную карандашомъ на бѣлой страницѣ, вырванной изъ какой-то книги — видно было, что она очень торопилась. Она увѣдомляла, что Гильморъ заперъ ее у себя въ домѣ и увѣряетъ, что онъ купилъ ее какъ невольницу у мистера Агрипы Кертиса, который прїѣхалъ изъ Бостона, чтобы принять по наслѣдству имущество, оставшееся послѣ брата, и слѣдовательно и ее, такъ какъ она составляетъ часть наслѣдства.

Это ужасное извѣстіе совершенно поразило Касси. Она думала что ей дѣлать и къ кому прибѣгнуть за совѣтомъ, какъ вдругъ явился самъ мистеръ Агриппа Кертисъ въ сопровожденіи своего повѣреннаго, мистера Гильмора и двухъ или трехъ негровъ и объявилъ, что этотъ домъ и она сама должны поступить въ его владѣніе. Слѣдствіемъ этого и была продажа Касси съ аукціона, гдѣ я такъ неожиданно встрѣтилъ ее, и безъ сомнѣнія Касси была бы продана въ новое рабство, несмотря на ея увѣренія, что она свободна, потому что этого доказать она не могла никакимъ образомъ, такъ какъ всѣ ея бумаги находились въ рукахъ злодѣя и предателя Гильмора.

Вотъ исторія Касси, которую она вкратцѣ рассказала мнѣ при первой встрѣчѣ, а уже подробности я узналъ послѣ.

Благодарю Бога, что еще разъ я прижалъ къ своему сердцу мою милую вѣрную жену!

Но дитя мое, мой сынъ и та, которую Касси любила и оплакивала какъ родную дочь — чѣмъ я могъ сдѣлать для Элизы и Монгомери! Она уже сдѣлалась жертвой измѣны и попала въ западню, а другой очень могъ попасться.

• Я снова обратился за совѣтомъ къ Кольтеру и снова нашолъ его готовымъ и сочувствовать, и дѣйствовать. Онъ говорилъ, что очень радъ помочь разрушить козни двухъ мошенниковъ янки, которые безъ сомнѣнія сговорились уничтожить завѣщаніе мистера Кертиса

и подѣлиться его состояніемъ. Они хотѣли обратить Элизу, Касси и вѣроятно и Монгомери въ рабство не для того собственно, чтобы получить за нихъ деньги, — такой низости онъ не предполагалъ даже у этихъ проклятыхъ бостонскихъ воровъ, какъ онъ ни низко вообще думалъ обо всѣхъ янки, — но для того, чтобы легче управиться съ ними, потому что оставшись на свободѣ, они могли бы побезпокоить ихъ, особенно еслибы гдѣ-нибудь открылась вдругъ копія съ духовнаго завѣщанія.

Что касается до Монгомери, то мистеръ Гриппъ Картисъ питалъ къ нему повидимому особенную злобу. Мы послѣ узнали, что тотчасъ по прїѣздѣ въ Нью-Орлеанъ онъ купилъ огромнѣйшій ременный кутокъ съ тою цѣлью, чтобы, когда молодой человекъ будетъ въ его власти, привязать его и вполнѣ удовлетворить своему мщенію за побой, нанесенные ему въ Стетъ-Стритъ (State-Street). Чтоже касается до Элизы, то внослѣдствіи открылось, что почтенный, благочестивый мистеръ Гильморъ такъ плѣнился съ перваго раза ея красотой и бостонскимъ образованіемъ, что рѣшился завладѣть ею и пользовался всѣми правами, какія законъ даетъ господину надъ невольницей. Я говорю «благочестивый», потому что онъ, посѣщая Нью-Йоркъ года два или три тому назадъ, присоединился къ унитаріанской сектѣ, увлекшись проповѣдью того самаго краснорѣчиваго доктора Дьюа (Dewee), о патристическомъ усердіи котораго я уже имѣлъ случай говорить, и онъ такъ усердно заботился о распространеніи унитаріанскаго общества въ Нью-Орлеанѣ, что получилъ прованіе дьякона, подъ которымъ и знали его *просвѣщенные* знакомые.

LVI

Чтобы имѣть законнаго помощника, если только это было для насъ возможно, и по совѣту Кольтера, я пошолъ съ нимъ къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ юристовъ.

Касси кажется уже можно было считать въ безопасности: кромѣ того что я выкупилъ ее изъ мнимыхъ правъ мистера Грина Кертива, но и по законамъ Луизианы — болѣе челоуколюбивымъ и разумнымъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ законы другихъ невольничьихъ штатовъ — господинъ, позволившій своему невольнику впродолженіи десяти лѣтъ жить на свободѣ, еслибы даже не было сдѣлано фор-

они могли приобретать средства къ содержанию». Но съ другой стороны этотъ законъ очень ограничиваетъ право располагать своимъ состояніемъ при жизни или послѣ смерти, имѣя законныхъ родственниковъ. Въ Англіи и во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ Луизианы, человекъ можетъ располагать своею собственностью какъ ему угодно; но въ Луизианѣ, если онъ имѣетъ законныхъ дѣтей, онъ не можетъ кромѣ необходимаго содержанія ни дать ничего, ни завѣщать своимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, хотя бы даже онъ и призналъ ихъ. Если у него нѣтъ законныхъ дѣтей, а есть братья и сестры, то онъ не можетъ ни дарить, ни завѣщать болѣе одной четверти своего состоянія. Очевидная цѣль этого закона, составленнаго подъ вліяніемъ испанскаго законодательства, есть та, чтобы не допустить смѣшанную породу приобретать собственность, которая могла бы перейти къ нимъ по наслѣдству изъ отцовской любви. Статья же, ограничивающая освобожденіе невольниковъ, имѣетъ свою цѣлью удержать какъ можно болѣе рабовъ.

— Мистеръ Кертисъ — сказалъ адвокатъ — могъ освободить своихъ дѣтей, отправивши ихъ въ свободные штаты, и можетъ быть для этого онъ и послалъ ихъ туда. Еслибы они остались на сѣверѣ, то ихъ не могли бы потребовать обратно; но теперь, когда они возвратились въ Луизиану, представляется спорный пунктъ: могутъ ли они снова обратиться въ рабовъ? Высшій судъ Луизианы постановилъ правда (какъ сдѣлано въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ), что рабъ, посланный или привезенный въ свободные штаты, становится свободнымъ, и никто не имѣетъ права и власти снова обратить его въ раба; но это постановленіе было издано подъ вліяніемъ устарѣвшихъ, уже забытыхъ идей, и онъ не можетъ сказать, какого мнѣнія объ этомъ предметѣ теперешній судъ. «Какъ владѣніе составляетъ девять десятыхъ права, а въ дѣлахъ съ рабами даже болѣе девяти, — шуточно прибавилъ юристъ, — то выгода безъ сомнѣнія на сторонѣ Гильмора, такъ какъ Элиза въ его рукахъ.» При этомъ адвокатъ прибавилъ, что онъ давно знаетъ Гильмора какъ хитраго мошенника; пронырливаго негодяя, который умѣетъ льстить, подличать, пѣть, какъ воѣ янки, объ обязанностяхъ правосудія, религіи, о своемъ желаніи дѣлать добро, но гдѣ нужно устлать свое гнѣздышко, тамъ какъ-видно онъ весьма мало заботится объ обязанностяхъ и правосудіи.

— Нужно, сказалъ онъ, — если можно, предупредить Монгомери, чтобы онъ не попалъ въ ту же ловушку: если только его схватятъ

какъ раба, то даже доказавши свои права на свободу, онъ можетъ подвергнуться большимъ неприятностямъ. Но невольничьему кодексу — читалъ онъ — цвѣтные не должны оскорблять и бить бѣлыхъ, не считать себя равными, но напротивъ уступать имъ во всякомъ случаѣ, говорить и отвѣчать всегда съ почтениемъ, подъ опасеніемъ заключенія въ тюрьму, смотря по степени оскорбленія.

Теперь намъ оставалось одно: выдавать Монгомери за свободнаго креола. Въ Виргиніи и Кентуки у потомка негра въ четвертомъ колѣнѣ, если всѣ предки были бѣлые, африканская кровь въ глазахъ закона уничтожается, и онъ пользуется всеми правами бѣлыхъ, хотя бы даже его дѣдъ или бабка были чистые негры; но въ другихъ штатахъ, въ томъ числѣ и въ Луизианѣ, африканская кровь никогда не можетъ быть смыта: самая ничтожная и незаметная капля ея, впущенная въ лучшую кровь бѣлыхъ людей, достаточна, чтобы обратить того, въ чьихъ жилахъ она течетъ, въ число тѣхъ свободныхъ цвѣтныхъ людей, которые *не должны считать себя равными бѣлымъ*, но специально обречены *уступать имъ во всякомъ случаѣ и говорить съ ними всегда съ почтениемъ, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія*. Слѣдовательно, если схватятъ Монгомери какъ раба, и онъ вздумаетъ, отстаивая свои права, неостаточно заговорить съ своимъ помѣщикомъ, а въ особенности повторить процесъ побоевъ, который онъ уже потребовалъ на особа мистера Грипа Кертиса, то для него могли бы быть очень неприятныя послѣдствія, даже еслибы онъ успѣлъ доказать свои права на свободу.

Слѣдовательно во первыхъ нужно было предупредить, чтобы Монгомери не попался въ руки тѣхъ, которые предъявлять на него свои права; что касается до Элизы, то еслибы только намъ удалось освободить ее изъ рукъ Гильмора, подтвердить ея права на свободу было гораздо легче.

По счастью Монгомери, оставая Нью-Йоркъ, написалъ въ матери письмо, въ которомъ увѣдомлялъ ее между прочимъ о назначеніи пакетбота, на которомъ ѣхалъ. Это письмо мы нашли на почтѣ, но выходѣ отъ адвоката. Кольтеръ тотчасъ послалъ лодку, чтобы передать Монгомери письмо отъ матери; пакетботъ очень скоро пошелъ въ Нью-Орлеанъ; лодка догнала его въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Монгомери, сообразуясь съ тѣмъ, что было ему написано, перешолъ въ лодку и высадился на берегъ. Въ тотъ же самый вечеръ онъ былъ въ уединенномъ загородномъ домикѣ, адресъ котора-

го находился въ письмѣ: здѣсь же Кольтеръ нанялъ квартиру для меня и для Касси. Наша предосторожность оказалась очень кстати, потомучто мистеръ Грипъ Кертисъ, какъ мы послѣ узнали, посредствомъ своего агента слѣдилъ за каждымъ шагомъ Монгомери, и узнавши на какомъ пароходѣ онъ отправился, скоро послѣ того какъ Монгомери уѣхалъ въ лодкѣ, явился на пакетботъ съ нѣсколькими помощниками, чтобы схватить его.

Сынъ мой! И ты здѣсь! Ты вырвался изъ когтей, спасся хотя на минуту отъ купленнаго уже кнута злобнаго, мстительнаго негодяя, который захотѣлъ завладѣть тобой, запландѣть моимъ сыномъ, моимъ дитятей, моимъ мальчикомъ!.. Я оставилъ тебя лепечущимъ ребенкомъ, а теперь вижу въ полномъ развитіи юношеской прелести и красоты, равнымъ чьему бы то нибыло сыну!..

Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ я прижималъ долго потерянное для меня дитя мое къ моей груди; но для его молодого сердца какимъ горемъ была отравлена эта встрѣча, такая радостная для меня! Чтó для него было найти отца, о которомъ онъ хотя часто слышалъ отъ матери, но не сохранилъ никакого воспоминанія, когда въ тоже время онъ узналъ объ ужасномъ положеніи Элизы, своей подруги, товарища дѣтскихъ игръ, милой, любимой дѣвушки, своей невесты! Какъ бросилась кровь ему въ лицо! Какъ загорѣлись его темные глаза — такіе же какъ у матери, но лищонные ихъ скромной нѣжности, — когда онъ узналъ объ опасности и страданіяхъ, какимъ она подвергалась! Насилу мы удержали его въ эту минуту и то только увѣривши, что Кольтеръ разставилъ уже шпионовъ вокругъ дома такъ, что если Элизу возьмутъ оттуда, мы сейчасъ же будемъ знать. Монгомери сказалъ, что ему извѣстны всѣ выходы и входы изъ дома мистера Гильмора и знакомы всѣ слуги его, потомучто въ дѣтствѣ онъ былъ любимцемъ негритянки, экономки мистера Гильмора; онъ найдетъ какое-нибудь средство войти въ домъ въ эту же ночь и освободить Элизу вочто бы то ни стало.

Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія насчетъ подлостей мистера Грипа Кертиса и его союзника мистера Гильмора. Когда Монгомери годъ тому назадъ уѣзжалъ изъ Нью-Орлеана, чтобы заняться торговлею въ Ньюйоркѣ, покойный мистеръ Кертисъ отдалъ ему запечатанный пакетъ съ письменнымъ приказаніемъ распечатать его по вскрытіи и засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія: въ случаѣ же если духовное завѣщаніе не будетъ представлено, то

чрезъ тридцать дней послѣ его смерти. Повидимому мистеръ Кер- тисъ нисколько не сомнѣвался въ честности своего брата или Гиль- мора и не подозрѣвалъ, чтобы они нарушили его волю или при- своили себѣ чужую собственность, но принялъ эту предосторож- ность единственно на какой-нибудь непредвидѣнный случай.

Распечатавши переданный Монгомери пакетъ, мы нашли въ немъ засвидѣтельствованную копію съ духовнаго завѣщанія, кото- рымъ мистеръ Кертисъ признавалъ Элизу своею дочерью и оста- влялъ ей, какъ незаконнорожденной, одну четверть всего состоянія, заключающуюся большею частью въ домахъ Нью-Орлеана, оцѣнен- ныхъ въ духовномъ завѣщаніи въ двѣсти тысячъ долларовъ. Этой одной четвертью онъ по законамъ Луизианы только и могъ распола- гать; остальные три четверти доставались его брату, который вмѣ- стѣ съ мистеромъ Гильморомъ назначенъ былъ душеприказчикомъ. Но недовольствуясь богатымъ наслѣдствомъ, этотъ недостойный братъ сговорился какъ-видно съ мистеромъ Гильморомъ не только лишить состоянія бѣдную сироту, дочь своего брата, но, чтобы за- жать ей ротъ и предотвратить всѣ жалобы, — сдѣлать изъ нея рабу и наложницу: на долю Гильмора приходилась не только часть ея на- слѣдства, но и она сама...

Въ завѣщаніи говорилось, что мистеръ Кертисъ послѣ наира- сныхъ попытокъ получить согласіе приходскаго судьи и трехъ изъ четырехъ присяжныхъ для освобожденія Элизы, какъ того требуетъ законъ въ отношеніи невольниковъ моложе тридцати лѣтъ (это по- чтенное собраніе не считало достаточной причиной то обстоятель- ство, что это единственное дитя), отправилъ ее для образованія въ Бостонъ съ намѣреніемъ и желаніемъ сдѣлать ее свободной; и здѣсь онъ объявляетъ ее свободной, насколько по закону имѣетъ на это право. Но если противъ его воли законъ оставляетъ за нимъ власть надъ Элизой, обязывая ее служить ему до достиженія тридцатилѣт- няго возраста, то «въ такомъ случаѣ я завѣщаю и передаю ея услу- ги Касси, съ полной увѣренностью, что бывши столько времени ма- терью для Элизы, она и послѣ будетъ ею». Здѣсь онъ описывалъ Кассей свободной женщиной, уже нѣсколько лѣтъ отпущенной имъ на волю и исполняющей должность домоправительницы.

Только и упоминалось въ завѣщаніи о Касси; еще менѣе гово- рилось о Монгомери, кромѣ того, что онъ объявлялся свободнымъ. Но въ отдѣльномъ пакетѣ находилась бумага, изъ которой оказа- лось, что мистеръ Кертисъ оставилъ у лондонскаго банкира двадцать

тысячъ долларовъ , которые по смерти его должны быть уплачены Монгомери вѣсть съ его матерью. Это было выдуманно съ цѣлью уклониться отъ точнаго исполненія луизианскихъ законовъ , слишкомъ строго ограничивающихъ волю завѣщателя передавать собственность чужому , имѣя близкихъ родственниковъ.

Въ этомъ же пакетѣ была засвидѣтельствованная копія съ отпускнуой Касси , совершенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ у публичнаго нотаріуса и подписанная Гильморомъ , какъ свидѣтелемъ.

Завѣщаніе оканчивалось самой трогательной просьбой къ душеприказчикамъ заботиться о счастіи дочери умершаго , до совершеннолѣтія которой онъ назначалъ ихъ опекунами.

Мы уже видѣли какое вниманіе они обратили на эту просьбу.

Да , это были безсовѣстные негодяи ! Никто и не спорить объ этомъ . Но у нихъ было искушеніе : двадцать-пять тысячъ долларовъ на каждого ; на долю Гильмора — прелестная дѣвушка , на долю Грива Кертиса — удовлетвореніе ищенія на матери и сынѣ , и для этого они хотѣли обратить въ рабство только трехъ человекъ . Скажите пожалуйста , чѣмъ они хуже вашихъ сѣверныхъ гильморовъ и кертисовъ , которые , неимѣя положительнаго и опредѣленнаго искупленія , но только имѣя невѣрную надежду на мѣсто или сохранить своихъ южныхъ покупателей , готовы на все , чтобы дѣлать рабами и удерживать въ рабствѣ три миліона людей ; они готовы даже охотиться за людьми и выдавать предъявляющимъ право , — неспрашивая даже , имѣетъ ли предъявляемое право болѣе основаній , чѣмъ претензія Гильмора и Кертиса на Элизу , — выдавать всякаго трепещущаго обглена — мужчину , женщину или дитя , которые придутъ искать у нихъ убѣжища ! Человекъ , готовый дѣлать это , человекъ , который не покраснѣетъ при одной мысли объ этомъ , — развѣ въ душѣ онъ не Гильморъ и не Гривъ Кертисъ ?..

LVII

Бѣдная Элиза , бѣдное дитя въ самомъ дѣлѣ ! Цѣлый городъ лежалъ между нею и Монгомери , но онъ чувствовалъ , какъ тяжело билось ея сердце , что настала часъ ея мученій , и ужь не слушалъ нашихъ просьбъ остаться : онъ долженъ спасти ее и — спасетъ !

Вообразите , если можете , ужасъ и отчаяніе бѣдной дѣвочки , которая доврчиво шла въ домъ друга своего отца , и встрѣтила чело-

вѣна вродѣ мистера Грипа Кертиса! Она уже отчасти испытала въ Бостонѣ его низость и безчеловѣчіе и теперь услышала отъ него, что она невольница мистера Гильмора — какъ подтвердилъ и Гильморъ, — купленная имъ у Грипа Кертиса, которому она досталась по наслѣдству отъ его брата, а ея отца.

— А, моя милая! сказалъ мистеръ Гильморъ, фамильярно взявши ее за подбородокъ и сопровождая это взглядомъ стараго развратника. — Чтобы ты могла вполнѣ понять твое положеніе по закону, послушай что говорятъ луизианскіе законы на этотъ счетъ.

При этомъ онъ взялъ съ полки книгу и продолжалъ :

— Это, моя дѣвочка, чернѣй кодексъ или Code noir этого штата и вотъ что говоритъ законъ: «положеніе раба есть чисто страдательное, его повиновеніе своему господину — здѣсь написано «его», а нужно читать «ея» — должно быть безусловно, неумѣнно, такъ что онъ обязанъ своему господину и всему его семейству безграничнымъ почтеніемъ и совершенной покорностью и слѣдовательно долженъ исполнять все приказанія своего вышесказаннаго господина или его семейства. Гражданскіе законы — такъ продолжалъ ученый юристъ — говорятъ тоже самое. — И онъ прочелъ изъ другой большой книги: «Рабъ есть тотъ, который находится во власти господина, которому онъ принадлежитъ. Господинъ можетъ продать его, *располагать его личностью*, его промышленностью и его трудомъ; все что онъ имѣетъ, дѣлаетъ и приобретаетъ, должно принадлежать его господину.» Таковъ, дитя мое, законъ Луизианы и по этому закону ты моя невольница. Надѣюсь, ты увидишь необходимость покориться своему положенію и моимъ желаніямъ. Мы все должны повиноваться — прибавилъ онъ въ носъ — волѣ провидѣнія и законамъ страны!

Многія молодыя дѣвушки въ положеніи Элизы начали бы плакать, со многими бы сдѣлалась истерика, нѣкоторыя упали бы въ обморокъ, а многія бы сошли съума. Съ Элизой ничего подобнаго не было; она просто, но твердо отвѣчала, что никогда ни словомъ, ни дѣломъ не подтвердитъ ничьихъ притязаній сдѣлать ее своей рабой.

На ночь ее заперли на чердакъ. На другой день она уговорила негритянку, принесящую ей кусокъ хлѣба, доставить къ Касси ту записку, о которой мы уже говорили. Мистеръ Гильморъ не велѣлъ ничего давать ей кромѣ хлѣба и воды, въ надеждѣ усмирить ее. Судя о другихъ по себѣ, старѣйшій сластолюбивый негодяй вообра-

жасть, что голодъ есть самое вѣрное средство заставить ее на все согласиться. Такъ какъ попавши къ этимъ волкамъ въ овечьей кожѣ, не оставалось никакой надежды на человѣческое освобожденіе, то она могла только молиться Богу, отцу сиротъ, чтобы онъ защитилъ и сохранилъ ее.

На вторую ночь одинокаго заключенія ей показалось, что возлѣ нея стоитъ отецъ, на губахъ его таже ласковая улыбка, которую она такъ хорошо помнила; онъ показывалъ ей въ даль и говорилъ: — «не бойся, дочь моя! идетъ избавитель!» и слѣдя глазами по направленію его руки, она увидѣла какъ-будто въ туманѣ Монгомери. Онъ бросился къ ней съ распростертыми объятіями. Элиза слѣдала усиліе, чтобы поспѣшить къ нему навстрѣчу и проснулась... Но какъ утѣшилъ ее этотъ сонъ! Въ самомъ дѣлѣ, когда недостаетъ дѣйствительнаго счастья, какъ часто замѣняютъ его для человѣка надежды, желанія и стремленія, облеченныя въ форму сна и видѣній!

До сихъ поръ она никого не видѣла, кромѣ той самой дѣвочки-негрятинки, которая разъ въ день приносила ей хлѣбъ и воду. Эта негрятинка, хотя остерегалась всякихъ сообщеній съ Элизой, какъ-будто кто-нибудь наблюдалъ за нею, но все-таки успѣла отдать ей записку отъ Касси, доставленную съ помощью Кольтера. Въ этой запискѣ мы ее просили выйти изъ дома, если только это возможно, и придти въ назначенное мѣсто, гдѣ ее ожидаютъ друзья.

На третій день вечеромъ, въ тотъ самый часъ, когда я съ Монгомери (я не хотѣлъ, чтобы онъ одинъ подвергался такой опасности) выдвину изъ дому, чтобы освободить Элизу, мистеръ Гильморъ, хорошо знакомый для бодрости, повернулъ ключъ въ дверяхъ элизинной комнаты и вошелъ туда. Элиза слышала какъ онъ шелъ по лѣстницѣ и приготовилась къ этой встрѣчѣ: спрятавшись въ уголокъ, она заперла себя маленькимъ столикомъ. Этотъ столикъ, стулъ и брошенный на полъ старый матрасъ составляли всю мебель ея тюрьмы. Гильморъ началъ подходить къ ней; она просила его остановиться и въ тоже время вынула маленький кинжалъ. Этотъ кинжалъ на золотой цѣпочкѣ Монгомери шутя надѣлъ ей на шею, когда она уѣзжала изъ Нью-Йорка, говоря, что такъ какъ она одна идетъ въ Нью-Орлеанъ, то ей необходимо какое-нибудь оружіе для защиты; идя къ Гильмору, она какъ-то надѣла его. Увидя этотъ крошечный кинжалъ, Гильморъ захохоталъ, но остановился, подвинулъ къ себѣ стулъ, сѣлъ и началъ проповѣдь полужурридическую, полудуховную о глупости и преступленіи противиться законной власти и о необ-

ходимости покоряться волѣ божіей... Томасъ Литльбоди эсквайръ, знаменитый бостонскій юристъ, и самъ благочестивый докторъ Дьюи не могли сказать ничего лучше!

Онъ говорилъ ей, что сопротивление и непослушаніе съ ея стороны такъ же бесполезны, какъ грѣшны и преступны, что ей нечего ожидать помощи ниоткуда, что Касси вчера продана въ невольницы также какъ и она, что Монгомери сегодня вечеромъ пріѣхалъ изъ Нью-Йорка и въ это время находится уже въ рукахъ мистера Агрипы Кертиса, который намѣренъ, проучивши его хорошенько за дерзость, отослать работать на одну изъ плантацій Красной рѣки; она не должна и надвяться когда-нибудь видѣть его.

При этомъ ужасномъ извѣстии, въ справедливости котораго она не могла сомнѣваться, бѣдная Элиза, испугавшись болѣе за любимаго человѣка, чѣмъ за себя, поблѣднѣла какъ смерть... Кипжалъ выпалъ у нея изъ рукъ... Въ эту минуту Монгомери открылъ неплотно притворенную дверь и вошелъ въ комнату.

Подойдя къ дому, мы увидѣли вѣрнаго Кольтера на-сторожѣ у дверей: онъ узналъ отъ слугъ, въ какой комнатѣ заперта Элиза. Хотя было уже поздно, но подъ предлогомъ очень нужнаго дѣла мы всѣ трое вошли въ домъ, и въ то время какъ я съ Кольтеромъ стали у дверей охранять выходъ, Монгомери, знаясь расположеніе дома, прошолъ прямо въ комнату, гдѣ была Элиза. Онъ шолъ такъ тихо, что подошолъ къ дверямъ и открылъ ихъ, не обративши на себя вниманія Гильмора, который сидѣлъ спиной къ дверямъ и весь погруженъ въ наблюденіе надъ тѣмъ, какое дѣйствіе произведутъ на Элизу его лекція богословія и юриспруденціи, которую онъ старался поразить ее.

Увидѣвши Монгомери, Элиза слегка вскрикнула; Гильморъ обернулся, чтобы узнать причину этого крика, и въ это время почувствовалъ, что его схватили за горло. Монгомери толкнулъ Гильмора головою въ тотъ уголокъ, гдѣ лежалъ матрасъ, бросилъ на него стулъ и столъ, схватилъ Элизу за руку, въ одну минуту сбѣжалъ съ лѣстницы и очутился на улицѣ. Мы слѣдовали въ арцбергартъ. Все было сдѣлано быстро, спокойно, безъ малѣйшаго шума и безпорядка.

Въ полчаса все наше спасенное счастливое семейство соединилось вмѣстѣ — Элиза, Монгомери, Касси и я. Но мы все еще были въ Нью-Орлеанѣ, а ни въ этомъ городѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ, въ странѣ, которая гордится своей свободой и вся плаваетъ въ темныхъ волнахъ деспо-

твѣта , не было ни одного дерева надъ водою , ни одного уголка на землѣ , гдѣ бы могли остановиться наши усталыя ноги.

LVIII

На слѣдующее утро съ помощью Кольтера , до послѣдней минуты остававшагося нашимъ вѣрнымъ другомъ , мы были на пароходѣ , на которомъ и пріѣхали благополучно въ Питсбургъ , отуда чрезъ горы Балтиморы поспѣшили въ Нью-Йоркъ , гдѣ сѣли на первый же пароходъ , отправлявшійся въ Ливерпуль . Мы не считали себя въ безопасности ни днемъ , ни ночью , пока добрыя , голубыя глубокія волны океана не стали между нами и Америкой , и то даже чувствовали еще страхъ до тѣхъ поръ , пока яркое американское знамя развѣвалось надъ нашими головами ; только ставши на берегъ Великобританіи , мы почувствовали себя въ полной безопасности.

Оставляя Нью-Орлеанъ , Элиза выдала довѣренность мистеру Кольтеру вмѣстѣ съ копіею съ духовнаго завѣщанія мистера Кертиса , находившейся у Монгомери , уполномочивая его хлопотать о полученіи ея части въ наслѣдствѣ отца , съ условіемъ , что половина всего , что онъ получитъ , будетъ принадлежать ему.

Кольтеръ встрѣтилъ въ этомъ дѣлѣ всевозможныя препятствія , какія только позволяла Гильмору придумать его долгая практика въ ябедахъ . Но Кольтеръ принялся за тяжбу съ удивительной энергіей ; казалось онъ находилъ въ ней то же возбужденіе , къ которому привыкъ въ игрѣ . Чтобы лучше вести ее , онъ началъ изучать законы , и помогала ли его опытность въ прежнемъ ремеслѣ , но только онъ скоро сдѣлался извѣстенъ какъ хитрый и ловкій юристъ . Преслѣдуя Гильмора во всѣхъ его изворотахъ и обидахъ съ помощью денегъ , которымъ мы ему высылали , Кольтеръ наконецъ успѣлъ доказать законность завѣщанія и послѣ пятилѣтней тяжбы вручилъ Элизѣ половину ея наслѣдства , честно заработавши другую для себя . Онъ до сихъ поръ занимается дѣлами и имѣетъ большую практику въ Нью-Орлеанѣ ; его даже хотѣли выбрать кандидатомъ въ члены конгресса , но его мнѣнія показались несовсѣмъ южными .

Процессъ Грипа Кертиса противъ Монгомери за нападенія и побой , пространствовавши три или четыре года по всѣмъ судамъ Бостона , наконецъ поступилъ на разсмотрѣніе . Мистеръ Агрипа Кертисъ пригласилъ къ себѣ на помощь трехъ или четырехъ знаменитыхъ

бостонскихъ адвокатовъ. Одинъ изъ нихъ, защищая дѣло, выразился такимъ образомъ, что союзъ сѣверныхъ штатовъ разрушатся, общество поколеблется въ своихъ основаніяхъ, если судъ присяжныхъ не взыщетъ примѣрнымъ образомъ съ дерзкаго креола, осмѣлившагося оскорбить столь почтеннаго и достойнаго человѣка, истинную опору Союза, какимъ былъ мистеръ Агрипа Кертисъ. Но несмотря на всѣ напыщенные и сильные аргументы, подкрѣпляемые великолѣпной рѣчью, преизобиловавшею блестящими тропами и фигурами, судъ, къ ихъ глубочайшему огорченію, опредѣлилъ штрафъ въ двадцать-пять центсовъ, который за вычетомъ издержекъ по судопроизводству и былъ выданъ адвокату мистера Агрипы Кертиса: по счастливому случаю судъ присяжныхъ состоялъ изъ мелкихъ людей, работниковъ и т. п., и между ними былъ одинъ только значительный купецъ, да и тотъ не участвовалъ въ южной торговлѣ.

Что касается до господъ Гильмора и Кертиса, ихъ постигла общая участь людей, приобретающихъ деньги чрезъ чортово плечо: мистеръ Кертисъ поселился въ Нью-Орлеанъ, дѣлалъ большія спекуляціи, слылъ нѣкоторое время миллионеромъ, но обанкрутился и въ своемъ паденіи увлекъ Гильмора и другихъ своихъ друзей, включая туда и старинную фирму Кертисъ, Соинъ, Байрнъ и Комп. Признаніе духовнаго завѣщанія и необходимость выплатить по немъ деньги нанесли послѣдній ударъ Кертису. Нѣсколько лѣтъ онъ жилъ въ бѣдности и почти безъ пріюта. Нѣсколько плутней Гильмора съ бѣлыми кліентами (обманывать цвѣтныхъ людей, отнимать у нихъ собственность или — свободу нисколько не вредить репутаціи въ Нью-Орлеанѣ) сдѣлались извѣстны, заставили его потерять всю практику и упасть до уровня мистера Грипа Кертиса.

Но годъ или два тому назадъ, съ тѣхъ поръ какъ принятъ новый уставъ о бѣглыхъ невольникахъ, спасшій американскій союзъ отъ совершеннаго разрушенія, эти два достойные джентльмена сдѣлались патріотами и спасителями республики и совершенно поправили свои обстоятельства: подъ фирмой «Гильморъ и Кертисъ» (а Кольтеръ писалъ, что ходитъ слухъ, будто въ ней тайно участвуетъ и одинъ изъ судей) они устроились въ Филадельфіи для поимки и похищенія бѣглыхъ въ большихъ размѣрахъ; Гильморъ занялъ должность комиссіонера для поимки невольниковъ въ восточной части Пенсильваніи, а мистеръ Грипъ Кертисъ — помощника депутата маршала исключительно по невольничьимъ дѣламъ, и очень есте-

ственно, что всѣ трое — комиссіонеръ, помощникъ и судья, разыгрываютъ вмѣстѣ отличное тріо.

Мнѣ остается только прибавить, что Монгомери очень успѣшно занимается торговыми дѣлами въ Ливерпулѣ, къ которымъ онъ готовился по своему образованію, что пять прелестныхъ и очень много общающихся малютокъ, счастливые родители которыхъ — Элиза и Монгомери, не подтверждаютъ безсмысленной физиологической теоріи, что смѣшанные браки вырождаются и бесплодны. Изъ этой теоріи нѣкоторые американскіе политики стараются сдѣлать щитъ противъ постоянно увеличивающейся опасности, неизбежно угрожающей ихъ милой невольничьей системѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

А. В. БАЗУНОВА

КОМИСІОНЕРА МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

*Въ С. Петербургъ, на Невскомъ проспектъ, у Казанскаго моста,
въ домъ Ольжиной.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ :

- ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ**, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ Анасьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ. М. 1862 г. Ц. съ перес. 4 р. за 5 ф.
- ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.** Франція. Февральская революція. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ЛЮБОПЫТНѢЙШІЕ ПРОЦЕССЫ** изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи и Англіи. Выпускъ I. Содержаніе: Процессъ Ласенера. — Лезюркъ. (Случай судейской ошибки.) — Мадамъ Лафаржъ. — Каролина англійская и Бергами. — Мадамъ Лакость. — Таинственное убійство. — Убійцы Пешара Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ. 1688—1724.** Очеркъ русской исторіи. М. И. Семевского. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- БОБЛЬ** Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I. Выпускъ I. Перев. А. Н. Буйницкаго и Ф. Н. Ненарокова. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 40 к. Т. II. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.
- ГЕМОРОЙ** во всѣхъ своихъ видахъ и коренное его излеченіе. Доктора Рихтера. Съ 52 рецептами. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ И ПРАКТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ** для проектированія и постройки, съ приложеніемъ 41 листа чертежей. Спб. 1862 г. Ц. 5 р. 50 к., съ перес. 6 р.
- ПОГОРНАГО-ПОДОЛЬСКАГО ПАРЛАМЕНТСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО** по англійскимъ источникамъ. М. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- МОСКОВСКІЯ ТАЙНЫ.** Расказъ сыщика. Сочиненіе Максимова. 10 ч. М. 1861—1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ИЛІАДА ГОМЕРА.** Перев. съ греческаго Н. Гильдича. 2 ч. М. 1862 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

- БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ЛИЦЪ**, изображенныхъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи, воздвигнутомъ въ городѣ Новгородѣ 1862. Новгородъ 1862 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- ТРУДЫ КОМИССИИ** высочайше утвержденной для составленія проекта положенія объ акцизѣ съ питей. Спб. 1862 г. Ц. съ перес. 2 р.
- МОРСКАЯ ВОЙНА** при помощи пара. Сѣра Говарда Дугласа, автора «Морской артилеріи». Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ перес. 1 р.
- НОРМАЛЬНЫЯ ЦѢНЫ** на производство строительныхъ работъ, составленныя по порученію строительной конторы министерства императорскаго двора архитекторомъ Шохинымъ. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.** Чтенія Д. И. Мейера. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** Григорія Квитки. (Основьяненка) 2 тома. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- НАРОДНІ ОПОВІДАННЯ.** Марка Вовчка. Т. II. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.
- ОПЫТНАЯ ОЦѢНКА ЗЕМЕЛЬНЫХЪ МАШИНЪ.** В. Бѣлова. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.
- ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОВГОРОДУ.** Справочная книжка для ѣдущихъ на открытіе памятника тысячелѣтія Россіи. Спб. 1862 г. Ц. 25 к., съ перес. 50 к.
- О СИФИЛИЗАЦІИ**, какъ методъ леченія конституціоннаго сифилиса. Историческія и клиническія изслѣдованія лекаря. Н. Манѣурова. М. 1862 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.
- РУКОВОДСТВО** къ ученымъ изысканіямъ для моряковъ и путешественниковъ вообще. Перев. съ англійскаго. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ.** Комическая поэма изъ Гёте, въ 12 пѣсняхъ. Перев. М. Достоевскаго. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ПОДПИСКА НА «ВРЕМЯ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Новые подписчики получают въ приложеніи первую часть «**ЗАПИСОКЪ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА**» Ф. М. Достоевскаго и четыре главы «**СВѢЖАГО ПРЕДАНЬЯ**» романа въ стихахъ Я. П. Полонскаго

Оставшіеся экземпляры «ВРЕМЕНИ» отъ прошлаго года желающіе могутъ выписывать по той же цѣль

ВРЕМЯ

**Будетъ выходитьъ въ 1869 году ежемѣсячно
книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ
и болѣе**

Редакціею будутъ приняты все мѣры къ правильной и скорой
доставкѣ журнала подписчикамъ

Цена изданію для Петербурга и Москвы $1\frac{1}{4}$ руб. 50 коп.
съ пересылкою и доставкою на домъ 16 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

**для жителей Петербурга и Москвы, въ конторахъ
журнала ВРЕМЯ**

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардъ

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго

ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія просто : Въ Редакцію Журнала «ВРЕМЯ» въ С. Петербургѣ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой Редакціи.

1

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0315319113

057

V957

1862

Jul.-Aug.

